

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (66)

ОРЕЛ – 2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (66)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Айзенштат М.П., Антонова М.В., Арзаканян М.Ц., Арсентьева Н.Н., Беднарская Л.Д., Видмарович Н.П., Гелла Т.Н., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Ковалев П.А., Ларионова Л.Г., Литвин Ф.А., Львова С.И., Маймескулова А.Л., Минаков С.Т., Михальченко С.И., Михеичева Е.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Пастернак Е.Л., Погосян В.А., Поншон Т., Ретинская Т.И., Тамин М., Тер-Минасова С.Г., Уман А.И., Чекова-Демитрова И., Чельшева И.И., Черепанова Л.В., Чикалова И.Р. Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2015. – №3(66). – 402 с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SCIENTIFIC NOTES
OF OREL STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.3
No.66**

OREL – 2015

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.3 - No.66

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Isenshtat M.P., Antonova M.V., Arzakanyan M.Ts., Arsent'yeva N.N., Arzakanyan M.Ts., Bednarskaya L.D., Vidmarovich N.P., Gella T.N., Zaichenkova M.S., Ivanov A.E., Izotov V.P., Kovalev P.A., Larionova L.G., Litvin F.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikhal'chenko S.I., Mikheicheva E.A., Novikov S.N., Obratsov P. I., Pasternak E.L., Pogosyan V.A., Ponshon T., Retinskaya T.I., Tamin M., Ter-Minasova S.G., Uman A.I., Chekova-Demitrova I., Chelysheva I.I., Cherepanova L.V., Chikalova I.R., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Series «Humanities and social sciences»

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBEI HPE «Orel State University». – 2015. – №3(66) – 402 p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences.

The founder –

FSBEI HPE “Orel State University”
Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95
Orel State University
Editorial Office of the magazine “Scientific notes of OSU”
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Содержание

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>А.П. Александрова</i> ХОББИ БРИТАНСКИХ КОРОЛЕЙ И КОРОЛЕВ	11
<i>Е.Н. Ашихмина</i> ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИКИ В ОРЛОВСКОМ КРАЕ	14
<i>В.А. Бобков</i> РЕЛИГИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ АРСЕНАЛОВ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ В XVIII-НАЧАЛЕ XX вв.	29
<i>С.В. Букалова</i> МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК АКТОР СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ	34
<i>Е.Н. Бурдина, С.Ш. Казиев</i> КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СССР (1926-1933)	38
<i>А.Н. Гребенкин</i> МУЗЫКА И ПЕНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	43
<i>А.В. Крыжан</i> ОБЩЕСТВЕННАЯ НАГРУЗКА В ТРУДОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РАБОТНИКОВ ЮСТИЦИИ В 1920-НАЧАЛЕ 30х гг.	48
<i>В.А. Ливцов, Е.С. Матвеева</i> ВЛИЯНИЕ ОРЛОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПЕТРОПАВЛОВСКОГО БРАТСТВА НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА	53
<i>О.И. Павличенко</i> ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	58
<i>С.В. Пашков</i> О ХАРАКТЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.П. ПОГОДИНА	63
<i>С.С. Сорокоумов</i> ДЕЛО ТУХАЧЕВСКОГО В ПРЕССЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	68
<i>Е.Н. Хабалева</i> ПОЛОЖЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 50-е гг. XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	71

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Л.В. Алешина</i> ПОДПИСЬ КАК ОСНОВНОЙ СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦОВКИ В ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ Н.С. ЛЕСКОВА	74
<i>М.В. Антонова</i> ЛИВЕНСКИЙ «ХАРЛАМПИЕВСКИЙ» ТЕКСТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	79
<i>А.В. Антюхов, А.Н. Волга</i> АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ФОРМУЛ В ПОСЛАНИЯХ АНДРЕЯ КУРЬСКОГО ВАССИАНУ МУРОМЦЕВУ	83
<i>Т.В. Бахвалова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗИМНЕГО ЦИКЛА КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ	87
<i>Т.В. Бахвалова</i> АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА	90
<i>А.А. Бельская</i> «ТУРГЕНЕВСКИЙ ЧЕЛОВЕК»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	97
<i>И.А. Билибина</i> РОЛЬ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ И РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «14 ДЕКАБРЯ»	106
<i>А.Л. Дмитровский</i> БЕЛЛЕТРИСТИКА: ПОИСК МЕСТА В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ	109
<i>И.Л. Золотарев</i> МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ГЕРОЕВ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	115
<i>В.П. Изотов</i> «ЕСЛИ КРАСНЫЙ – ТАК КРАСНЫЙ»: К ЦВЕТОПОЭТИКЕ В.С. ВЫСОЦКОГО	120
<i>Т.В. Ковалева, М.Ю. Мишина</i> СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДУМА» КАК ОБРАЗЕЦ ДЕКЛАМАЦИОННОГО ЖАНРА	123
<i>Л.А. Коханова</i> ОБУЧАЮЩЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК СТИМУЛ ДЛЯ ПОСТИЖЕНИЯ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ (ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ЖУРНАЛИСТОВ ФИЛИАЛА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В СЕВАСТОПОЛЕ)	128
<i>Ло Шаньлин</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛОДВИЖЕНИЙ И ПОЗ КАК КОММУНИКАТИВНЫХ ЖЕСТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	134
<i>С.В. Маслечкина</i> СОХРАНЕНИЕ АЛЛИТЕРАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	138
<i>М.И. Маслова</i> «ПОЭМА ВОЗДУХА» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ И ОПЫТЫ МИСТИЧЕСКИХ ОТКРОВЕНИЙ	142
<i>Т.Б. Назарова, А.В. Потапова</i> ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПИСЬМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ: ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК	149
<i>Т.А. Никонова</i> БЫТ КАК ОЦЕНКА ГЕРОЯ В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЕ 1920-Х ГОДОВ	155
<i>Н.Е. Никонова, К.И. Дубовенко</i> О НЕМЕЦКОМ ФОНЕ КОНЦЕПТОВ МЕЛАНХОЛИИ И ЭНТУЗИАЗМА В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО	159
<i>Е.В. Огольцева</i> ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ	162
<i>Л.М. Петрова</i> ДУХОВНОЕ СТРАННИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ ЛЕСКОВА (РАССКАЗ «ПАВЛИН»)	169

А.Р. Попова РЕАЛИЗАЦИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСЕМЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИСЕМАНТА <i>РУКА</i>)	175
А.Р. Попова СТРУКТУРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА: ТИПОЛОГИЯ, ПРИЗНАКИ, РАЗНОВИДНОСТИ	181
Н.А. Рудикова ПАРИЖСКИЙ ТЕКСТ В ЗАМЕТКАХ И ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА 1830-х гг. (И.Г. ГОЛОВИН, Н.И. ГРЕЧ, М.П. ПОГОДИН, В.М. СТРОЕВ)	187
О.С. Сухих «МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «ЯШКА» М. ГОРЬКОГО: СОПРИКОСНОВЕНИЕ И РАСХОЖДЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ	192
И.В. Тимошенко АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРТИКЛЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)	196
М.Г. Уртминцева СИКВЕЛ ПОВЕСТИ А. ГАЙДАРА «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА» В РОМАНЕ Ю. ПОЛЯКОВА «ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ»	200
Е.С. Яркеева КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В ИСПАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ХОСЕ ЛУИСА ДЕ ИНОХОСЫ <i>EN LOS DÍAS SIGUIENTES</i>)	204
13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
А.А. Аксёнов РОЛЬ И МЕСТО НЕЧЁТКИХ ЗАДАЧ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ МАТЕМАТИКЕ	207
С.В. Воронков ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИЗМЕРЕНИЯ СФОРМИРОВАННОСТИ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	212
Т.С. Громыкина ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МАГИСТРАНТОВ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	218
В.К. Елисеев, М.В. Елисеева СУБЪЕКТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ, КОМПЕТЕНТНОСТИ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМА	221
И.В. Клещева ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ШКОЛЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ	225
О.А. Мальцева ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ	230
В.А. Митрахович, А.Н. Михеев ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	235
Д.В. Моглан ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЕТЕВОМ СООБЩЕСТВЕ	242
С.Н. Новиков, Н.В. Ефремичева ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА ШКОЛЬНИКОВ К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНЫМ ИСКУССТВОМ	245
П.И. Образцов, Т.И. Смагина РАЗВИВАЮЩЕЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ	249
О.В. Попкова РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО СОЗДАНИЮ ПРЕЗЕНТАЦИЙ В ФОРМАТЕ MICROSOFT POWERPOINT В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	254
И.Р. Рыбина СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ»	258
О.Б. Самойленко СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ДИДАКТИЧЕСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА	263
В.Д. Селютин, Л.Н. Мамадалиева СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ-ТЕХНОЛОГОВ МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ СЛУЧАЙНЫХ ПРОЦЕССОВ	267
О.Н. Силаева ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	270
И.М. Туревский, В.Н. Бородаенко, Н.А. Бабушкина МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО И ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ С ПОЗИЦИЙ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА ЗДОРОВЬЯ	273
Н.Н. Флегонтова ВЛИЯНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ	276
С.М. Черникова МЕТОДИКИ АКТИВАЦИИ МЫШЛЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИЗАЙНА	280
Е.В. Шахматова ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ УМЕНИЯМ ИНОЯЗЫЧНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ	282
Н.Г. Шумилина О КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ	286
ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
С.А. Артеян ТЕРРОРИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	290
А.А. Бондарев ПРАВСОЗНАНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ	296

В.М. Валетова, В.Г. Ермаков КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	299
С.Г. Гонтарь К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	304
Т.С. Джаниева РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ КАЗАХСКОГО НАРОДА В СИСТЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ И РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ДВИГАТЕЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ	307
Н.П. Дудин ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА	313
Н.В. Егупова ОРЛОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	318
М.В. Жульков ОРГАНИЗОВАННОСТЬ НООСФЕРЫ: СФЕРНЫЙ ПОДХОД	322
Е.А. Канатникова РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОБЛЕМА ПЛАГИАТА	330
Е.А. Клименко НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ	335
А.В. Меркулова НЕКОТОРЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	339
Е.Ю. Рейнбах СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА И ОРГАНИЗАЦИЙ-РАБОТОДАТЕЛЕЙ	343
М.В. Свистунова ДОГОВОРНЫЙ ХАРАКТЕР ОСНОВАНИЙ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВА ЗАСТРОЙКИ В ПРОЕКТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	347
Т.И. Смагина ТЕОРИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК БАЗОВОЕ ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА – БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	354
Н.И. Сretenцев, Д.Н. Сretenцев ОХРАНА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	360
С.Р. Сулейманова КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ	365
М.В. Удовиченко ПРОЦЕСС РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ТИПЫ И ЭТАПЫ	371
И.В. Фарафонова МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ИЗУЧЕНИЯ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ КУРСА «МАТЕМАТИКА»	376
В.Н. Финогентов ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К УГРОЗЕ НЕБЫТИЯ	380
С.А. Юрикова ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВО КАК ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИЯХ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ	388
В.В. Яковлев МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ Т. ГОББСА В СТАТЬЯХ И РЕЦЕНЗИЯХ ЖУРНАЛА «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА»	392
ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ	
ИЛЬИНА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА	399
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	400
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	401

Contents

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

A.P. Alexandrova BRITISH KINGS AND QUEENS' HOBBIES	11
E.N. Ashikhmina THE GENERAL PRINCIPLES OF FORMATION OF THE TOPONYMS IN OREL REGION	14
V.A. Bobkov RELIGION IN THE SPIRITUAL LIFE OF THE WORKERS OF THE ARSENALS OF THE MILITARY DEPARTMENT OF RUSSIA IN THE XVIII TH - EARLY XX TH CENTURIES	29
S.V. Bukalova MUNICIPAL AUTHORITIES AS AN ACTOR OF THE LOCAL SOCIAL PARTNERSHIP: TASKS AND OPPORTUNITIES	34
E.N. Burdina, S.Sh. Kaziyev THE KAZAKH LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF NATION-BUILDING IN USSR (1926-1933)	38
A.N. Grebenkin MUSIC AND SINGING IN SOCIOCULTURAL SPACE OF MILITARY SCHOOLS IN RUSSIAN EMPIRE	43
A.V. Kryzhan SOCIAL WORK IN LABOR DAILY OCCURRENCE OF WORKERS OF JUSTICE IN 1920 – THE BEGINNING OF THE 30 TH	48
V.A. Livtsov, E.S. Matveeva THE INFLUENCE OF THE ORTHODOX PARISH OF PETROPAVLOVSK BROTHERHOOD ON THE SPREAD OF EDUCATION IN THE OREL PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX-BEGINNING OF XX CENTURY	53
O.I. Pavlichenko CHARITY OF VORONEZH BUSINESSMEN IN THE FIRST PART OF THE XIX CENTURY	58
C.V. Pashkov ABOUT THE NATURE OF M.P. POGODIN'S SOCIO-POLITICAL ACTIVITY	63
S.S. Sorokoumov TUKHACHEVSKY'S CASE IN RUSSIAN ABROAD PRESS	68
E.N. Khabaleva THE STATE OF ELEMENTARY SECULAR EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 50-S OF THE NINETEENTH CENTURY (OREL PROVINCE)	71

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

L.V. Aleoshina SIGNATURE AS A KEY STRUCTURAL COMPONENT OF THE ENDING OF N.S. LESKOV'S PERSONAL LETTERS	74
M.V. Antonova LIVNY TEXT OF ABBOT CHARALAMBOS: HISTORY AND CURRENT STATUS	79
A.V. Ant'uhov, A.N. Volga AUTOBIOGRAPHICAL POTENTIAL OF THE EPISTOLARY FORMULAE IN THE LETTERS OF ANDREY KURBSKY TO BASSION MUROMTSEV	83
T.V. Bakhvalova THE PRESENTATION OF THE WINTER CYCLE OF THE CALENDAR CEREMONIES IN THE OREL DIALECTS	87
T.V. Bakhvalova ASPECTS OF THE RESEARCH AND LEXICOGRAPHICAL PRESENTATION OF THE ONIM SPACE OF THE REGION	90
A.A. Belskaya "TURGENEV'S MAN": CHALLENGE PROBLEM	97
I.A. Bilibina THE ROLE OF BIBLICAL QUOTATIONS AND REMINISCENCES IN D.S. MEREZHKOVSKY'S NOVEL "DECEMBER 14"	106
A.L. Dmitrovsky FICTION: THE SEARCH OF A PLACE IN THE SYSTEM OF JOURNALISM GENRES	109
I.L. Zolotariov THE MYTHOLOGICAL CONSCIENCE OF THE PERSONAGES IN THE LERMONTOV'S FANTASTIC WORKS	115
V.P. Izotov «IF THE RED – SO RED»: TO COLOR-POETICS OF V.S. VYSOTSKY	120
T.V. Kovaleva, M.J. Mishina M.YU. LERMONTOV'S POEM «DUMA» AS AN EXAMPLE OF THE DECLAMATORY GENRE	123
L.A. Kokhanova TRAINING AS AN INCENTIVE TO STUDY FOR UNDERSTANDING THE THEORY OF JOURNALISM (FROM THE EXPERIENCE OF THE TRAINING OF JOURNALISTS BRANCH OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN SEVASTOPOL)	128
Shanlin Lo LANGUAGE REPRESENTATION OF BODY MOVEMENTS AND POSTURES AS COMMUNICATIVE GESTURES IN ARTISTIC LITERATURE	134
S.V. Maslechkina KEEPING THE ALLITERATION IN TRANSLATION	138
M.I. Maslova «THE POEM OF AIR» BY MARINA TSVETAeva AND EXPERIENCES OF MYSTICAL REVELATIONS	142
T.B. Nazarova, A.V. Potapova PHRASAL VERBS IN WRITTEN BUSINESS DISCOURSE: THE DYNAMICS OF QUANTITATIVE AND QUALITATIVE CHARACTERISTICS	149
T.A. Nikonova WAY OF LIFE AS EVALUATION OF A HERO IN RUSSIAN SOVIET PROSE OF THE 20 TH	155
N.E. Nikonova, K.I. Dubovenko TO THE BACKGROUND OF GERMAN MELANCHOLY AND ENTHUSIASM CONCEPTS IN V.A. ZHYKOVSKY'S LIFE AND WORKS	159
E.V. Ogoltseva STRUCTURAL TYPES OF COMMON SIMILES THAT CHARACTERIZE THE PERSON'S APPEARANCE	162
L.M. Petrova SPIRITUAL WANDERING IN THE SYSTEM OF VALUES OF LESKOV'S COORDINATES («PEACOCK»)	169

A.R. Popova REALIZATION OF THE CREATIVE POTENTIAL OF A LEXEME IN THE RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE POLYSEMANTIC WORD <i>AN ARM</i>)	175
A.R. Popova STRUCTURAL UNITS OF THE LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL COMPLEX: TYPOLOGY, CHARACTERISTICS, VARIETIES	181
N.A. Rudikova PARIS TEXT IN TRAVEL NOTES AND LETTERS OF RUSSIAN TRAVELERS OF LATE 1830s (I.G. GOLOVIN, N.I. GRECH, M.P. POGODIN, V.M. STROEV)	187
O.S. Sukhikh F.M. DOSTOEVSKY'S "THE BOY AT CHRIST'S CHRISTMAS TREE" AND M. GORKY'S "YASHKA": THE CONTACT AND THE DIVERGENCE OF ARTISTIC CONCEPTS	192
I.V. Timoshenko ANALYSIS FUNCTIONING OF THE ARTICLES IN THE FRENCH LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF PARALLEL TEXTS)	196
M.H. Urtminzeva THE SEQUEL NOVEL BY A. GAIDAR "TIMUR AND HIS TEAM" IN THE NOVEL YU. POLYAKOV "GYPSUM TRUMPETER"	200
E.S. Iarkeeva CONCEPT "BEAUTY" IN THE SPANISH LITERARY TEXT (BASED ON JOSÉ LUIS DE HINOJOSA'S NOVEL "EN LOS DÍAS SIGUIENTES")	204
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES	
A.A. Aksyonov ROLE AND PLACE OF INDISTINCT PROBLEMS IN TEACHING MATHEMATICS TO SCHOOL STUDENTS	207
S.V. Voronkov DIAGNOSTIC TOOLS OF MEASURE THE MATURITY LEVEL OF LEGAL CULTURE OF UNDERGRADUATE TEACHER EDUCATION	212
T.S. Gromykina PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF ETHNO-CULTURAL COMPETENCE OF MASTERS OF THE MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT	218
V.C. Eliseev, M.V. Eliseeva SUBJECT-PROFESSIONAL POTENTIAL OF A FUTURE TEACHER AS AN EXPRESSION OF SUBJECTIVITY, COMPETENCE, PROFESSIONALISM	221
I.V. Kleshcheva ORGANIZATION OF SCHOOL EXPERIMENT WORK FOR SHAPING PUPILS' LEARNING AND RESEARCH ACTIVITIES	225
O.A. Maltseva PROBLEMS OF FORMATION OF TRAINING MOTIVATION AT CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	230
V.A. Mitrakhovich, A.N. Mikheev THE PEDAGOGICAL ACCOMPANIMENT OF THE CADETS' PHYSICAL TRAINING IN THE HIGH MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS	235
D.V. Moglan COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS IN EDUCATIONAL NETWORK COMMUNITY	242
S.N. Novikov, N.V. Efremicheva PSYCHO-PEDAGOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF STUDENTS' INTEREST TO NATIONAL CULTURE ON THE PRACTICE OF DECORATIVE ART	245
P.I. Obratsov, T.I. Smagina DEVELOPMENTAL INITIAL TRAINING IN THE CONTEXT OF NEW EDUCATIONAL STANDARDS	249
O.V. Popkova THE ROLE OF STUDENTS' SELF-GUIDED WORK THROUGH CREATION OF POWERPOINT PRESENTATIONS IN THE DEVELOPMENT OF THEIR LINGUISTIC AND INFORMATIONAL COMPETENCE	254
I.R. Rybina THE ESSENCE OF THE TERM «THE HEALTHKEEPING COMPETENCE»	258
O.B. Samoilenko THE STRUCTURAL MODEL OF DIDACTIC INFORMATION COMPLEX	263
V.D. Selyutin, L.N. Mamadalieva INSTRUCTIONAL CONTENT OF MATHEMATICAL MODELING OF RANDOM PROCESSES AT BACHELOR TECHNOLOGISTS' EDUCATION	267
O.N. Silayeva PECULIARITIES OF ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS OF HEALTH CARE PROFESSIONS IN THE INFORMATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT	270
I.M. Turevskiy, V.N. Borodaenko, N.A. Babushkina SOCIAL AND PSYCHOPHYSICAL CONDITION MONITORING OF STUDENTS FROM THE POINT OF PSYCHOSOMATIC PHENOMENON OF HEALTH	273
N.N. Flegontova INFLUENCE OF THE NATIVE LANGUAGE ON FORMATION OF COMMUNICATIVE EXPERIENCE OF TEACHERS OF THE HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS	276
S.M. Chernikova REVITALIZATION OF THINKING TECHNIQUE USED IN THE PRACTICE OF TEACHING DESIGN	280
E.V. Shakhmatova THE ISSUES OF INTERCULTURAL APPROACH TO TEACHING OF FOREIGN LANGUAGE BUSINESS COMMUNICATION SKILLS FOR UNIVERSITY STUDENTS	282
N.G. Shumilina COMPETENCE-ORIENTED PROGRAM OF TEACHING MATHEMATICAL MODELING FOR BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION	286
DISSERTATION RESEARCH	
S.A. Artyan TERRORISM AT THE PRESENT STAGE	290
A. A. Bondarev THE SENSE OF JUSTICE IN THE MECHANISM OF LEGAL BEHAVIOUR OF LEGAL ENTITIES	296
V.M. Valetova, V.G. Ermakov LEGAL MECHANISMS FOR COMPENSATION BY THE STATE AS A RESULT OF ILLEGAL ACTIVITY OF PUBLIC AUTHORITIES	299
S.G. Gontar ON THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF ELECTORAL LAW IN THE FORMATION OF LOCAL GOVERNMENTS	304
T.S. Dzhanieva THE IMPLEMENTATION OF ETHNO-CULTURAL TRADITIONS OF THE KAZAKH PEOPLE IN THE SYSTEM OF COMPLEX PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT AND REHABILITATION OF CHILDREN WITH MOVEMENT DISORDERS	307

N.P. Dudin LEGAL MEANS OF ENSURING PERSONAL SECURITY, AND SOCIETY AND THE STATE	313
N.V. Egupova OREL HANDICRAFTS: TRADITIONS AND MODERNITY	318
M.V. Zhulkov ORGANIZATION OF THE NOOSPHERE: SPHERE APPROACH	322
E.A. Kanatnikova THE DEVELOPMENT OF MODERN COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND THE PROBLEM OF PLAGIARISM	330
E.A. Klimenko REGULATORY SUPPORT OF THE STATE SUPPORT OF CULTURAL SPHERE	335
A.V. Merkulova SOME SUBJECTS OF ENTREPRENEURSHIP LEGAL RELATIONS	339
E.Y. Reynbakh THE SPECIFICITY OF THE INTERACTION OF THE CREATIVE UNIVERSITY AND EMPLOYERS	343
M.V. Svistunova THE CONTRACTUAL NATURE OF THE GROUNDS FOR THE ESTABLISHMENT OF BUILDING RIGHTS IN THE DRAFT AMENDMENTS TO THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	347
T.I. Smagina THE THEORY OF LEARNING ACTIVITY AS A BASE FORMATION OF READINESS OF A BACHELOR - FUTURE TEACHER TO DEVELOPMENTAL TEACHING OF YOUNGER PUPILS	354
N.I. Sretentsev, D.N. Sretentsev PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN THE PRE-TRIAL STAGE	360
S.R. Suleymanova CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS OF YOUTH ASSOCIATIONS IN RUSSIA AND IN THE CIS	365
M.V. Udovichenko THE PROCESS OF RELIGIOUS SOCIALIZATION: TYPES AND STAGES.	371
I.V. Farafonova, V.N. Finoghentov THE PROJECT METHOD AS A MEANS OF ACHIEVING METASUBJECT (INTERDISCIPLINARY) RESULTS IN STUDYING THE COURSE OF MATHEMATICS BY JUNIOR SCHOOLCHILDREN	376
S.A. Yurikova SPIRITUAL PERFECTION AS THE MAIN CONDITION OF THE HUMAN AND STATE LIFE IN THE WORKS OF PLATON AND ARISTOTLE	388
V.V. Yakovlev MATERIALISTIC AND RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL IDEAS OF T. HOBBS IN ARTICLES AND REVIEWS OF THE JOURNAL «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА»	392

УДК 811.111:94(41)

UDC 811.111:94(41)

А.П. АЛЕКСАНДРОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет

E-mail: arnold71@inbox.ru

A.P. ALEXANDROVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology, Orel State University

E-mail: arnold71@inbox.ru

BRITISH KINGS AND QUEENS' HOBBIES**ХОББИ БРИТАНСКИХ КОРОЛЕЙ И КОРОЛЕВ**

The subject matter of the article is British Kings and Queens' hobby to collect stamp; a brief overview of the history of the British Royal Philatelic Collection is given.

Keywords: philately, the British Royal Philatelic Collection, stamps, Prince Alfred of Saxe-Coburg and Gotha, Edward VII, George V, Edward VIII, George VI, Queen Elizabeth II.

В статье рассматривается увлечение Британских Королей и Королев, связанное с коллекционированием марок; предлагается краткий обзор истории создания Британской Королевской филателистической коллекции.

Ключевые слова: филателия, Британская Королевская филателистическая коллекция, марки, принц Альфред Саксен-Кобург-Готский, Эдуард VII, Георг V, Эдуард VIII, Георг VI, королева Елизавета II.

The hobby of collecting postage stamps had begun at the very moment they were introduced for franking correspondence. Immediately after their first appearance, John Edward Gray, an official at the British Museum, had already begun to collect them in 1840, and even requested them by means of an advertisement published in *The Times* newspaper in 1841.

The hobby of collecting stamps gradually spread to such a degree that by the end of the 1850s, the hobby of philately was widespread among the cream of English society. [1]

The Royal Philatelic Collection began in a small way through the enthusiasm of a young, stamp-collecting prince.

Collections of stamps exist in a multitude of forms. These include a small collection of all kinds of stamps from around the world gathered by a promiscuous beginner, and highly specialized and extensive collections belonging to highly skilled or even professional philatelists.

Each collection has some advantages and some disadvantages reflecting the enthusiasm and aspirations of a collector. The Royal Collection, enlarged by King George V, which is now owned by Queen Elizabeth II, is no exception. The undeniable advantage of this collection is its completeness. It includes virtually all stamps of the British Commonwealth, starting with the simplest pence stamps, which can be bought at any local post office to the rarest stamps such as, for example, the Penny and Two Pence stamps from Mauritius which were released in 1847 and have become almost priceless.

The royal family made its first philatelic acquisition in 1856. The Prince of Wales (later King Edward VII¹) and Prince Alfred² of Saxe-Coburg and Gotha (later Duke of Edinburgh) paid a visit to the famous company of stamp printers "De La Rue", and to commemorate the event a

special issue of the British sixpenny stamp was printed and it was to put on sale later the same year. The company presented the part of the sheet of this special issue to the distinguished guests and it is currently in the Royal Collection.

Alfred became a serious stamp collector. He put together a small collection and served as Honorary President of what is now the Royal Philatelic Society London from 1890 until his death.

Before his death in 1900, the Duke of Edinburgh sold his collection to his older brother, who in turn gave it to his son, the Duke of York. He was already a very keen collector, and once wrote to his philatelic adviser, J. A. Tilleard: "I wish to have the best collection & not one of the best collections in England."

In March 1893 he was elected Honorary Life Vice-President of the Royal Philatelic Society. On his marriage later in the year, fellow members of the Society gave him an album of postage stamps as a wedding present. It contained nearly 1,500 contributions from over 100 of the Society's members. [8]

By the year 1864 several young members of the royal family had begun collecting stamps, but a special interest in this hobby was shown by Prince George (later George V³).

On February 3, 1887 Prince George, from Her Majesty's Ship "Dreadnought"⁴ located on the island of Malta, sent a letter to his former tutor, in which he asked him to buy two complete series newly-issued British stamps. One series was for him, the other was for his uncle, the Duke of Edinburgh. His remark that they should buy new stamps as the form of new stamps is better than of used ones tells about his preference for new unused stamps.

Having become king, George V was an equally zealous

and keen philatelist. He was able to distinguish rare stamps and made every effort to get the rarest stamps when there was such a possibility.

The flair of a true philatelist confirmed in Prince George, in 1904 he managed to get to his collection the Pence and Two Pence stamps issued by the postal authorities of Mauritius in 1847. These were the first stamps issued by any colonial postal authorities; they are extremely rare and extremely highly valued so that any collector could wish to acquire them. The 1d was bought from the Earl of Kintore's collection, while was acquired at auction in 1904 for a then-record price of £1,450. King George V with great pleasure told a joke about himself and repeated numerous times the history of acquisition of Two pence stamp of Mauritius Post Office. According to this a bit romantic story this stamp was found in the collection of a London schoolboy, which did not contain any other rare stamps. When the unused Two Pence 'Post Office' Mauritius came up for auction, the sum of £1,450 was paid for it, and it was the astronomical sum for that period of time – a record price. One of the households of the royal court, who had no idea about collecting stamps, asked Prince George if he had seen that "some damned fool had paid as much as 1400 pounds for one stamp". "Yes," came the reply. "I was that damned fool!"

One of the unique things of the royal collection is a two pence stamp depicting King Edward VII of Tyrian purple color – "Tyrian Plum", pasted on the envelope. The envelope was addressed to "His Royal Highness, the Prince of Wales", and came on May 6, 1910, exactly on the day when the addressee became king. By this time, the post office had decided to not issue that stamp, so the stamp described above, as it is known, was the only one used and entered into the treasures of the Royal collection. [7]

The day King George V's accession to the throne, May 6, was the day of another amazing coincidence for a man who was so passionate about stamp collecting: that day was the anniversary of the release of the first British stamp "Penny Black". These stamps were issued on 6 May 1840; they the world's first adhesive postage stamp to go into circulation, or at least the oldest stamp to have been found. The "Penny Black" appears in the Yvert et Tellier Catalogue⁵. The basic topic appearing on this stamp is the profile of a female head, representing Great Britain, which was repeated on all English stamps dating from the 19th century until they were replaced in 1902 by the bust of Edward VII, after over a hundred of them had been issued.

The strength of his collection lies in its completeness. Regardless of how attractive or unattractive the stamps were, King George V never neglected a stamp issue provided that it was of good status. [7]

King George V also showed great interest in the stamp design, so the royal collection contains many sketches of the size of the stamp made by artists. These sketches received the king's approval, and after their printers used them for engraving the matrix, manufacturing electroplate and selecting appropriate colors, the sketches were returned for inclusion in his collection. The king

considered the artists' drawings to be one of the most valuable parts of his collection.

He especially singled out and loved the outstanding stamps in blocks consisting of four stamps, and he initiated collecting stamps in such an attractive four-stamped form.

They say when King George V was in London he spent three afternoons a week with his stamp collection. He was very rarely interrupted.

Today King George V's collection is housed in 328 red albums, each of around 60 pages.

After the death of King George V in 1936 the collection was passed to Edward VIII. He is said to have considered selling the Royal Philatelic Collection but did not do so. Although the Collection is the personal asset of the Sovereign, it was, and is, regarded as an heirloom to pass down.

After the death of King Edward VIII it was passed to King George VI. Although he did not have specialised knowledge, he did take considerable interest and the Collection was being enriched, with presented and bought material which is now largely mounted in blue albums and boxes.

Now the Collection belongs to Queen Elizabeth II. Stamps collected by The Queen are mounted in green albums and boxes.

Many early issues of stamps of the reign of Queen were printed the old way that is the matrix was engraved with artists' pictures in size of the stamp, so the collection includes a variety of these miniature works of art created over the years. However, with the advent of photographic methods of reproduction and in connection with the more frequent release of new series of stamps, now artists' sketches are usually reprinted as a stamp sample, and then they are selected or approved.

In recent years the rate of release of new series of stamps has increased so much that it was decided to add to the royal collection stamps of some countries only up to the date of any special, event, such as for example the country's independence, or its transfer money to the decimal system. After that, any incoming material to the collection is entered in the case and stored for information. But if any stamp attracts special interest, its sketch, test printing, and various printing issues can be quickly restored to study or display. Thus, not all stamps have yet been mounted. There is probably enough material to fill another 2,000 albums or boxes.

The annual exhibition of the Royal Philatelic Society always opens with the material from the royal collection. This custom originated immediately after the World War I. King George VI stuck to it and so does the Queen Elizabeth II – she is the patroness of society. She also borrows materials from the royal collection for many major exhibitions around the world.

Comments

Edward VII (Albert Edward 1841 –1910) was King of the United Kingdom and the British Dominions and Emperor of India from 22 January 1901 until his death. The eldest son of Queen Victoria and Prince Albert of Saxe-Coburg and Gotha, Edward was related to royalty throughout Europe. Before his accession to the throne, he served as heir apparent and held the title of Prince of Wales for longer than any of his predecessors. During the long reign of his mother, he was largely excluded from political power, and came to personify the fashionable, leisured elite. As Prince of Wales, Edward had become associated with riotous social life in which he indulged his taste for 'fast' living, with gambling, and horse racing. However, he had also proved, during his trips to Canada and the United States in 1860 and to India in 1876, that he made a very effective overseas ambassador for his country. Both his personality and his achievements as ambassador would play a notable part during his reign as King. As king, he strengthened the position of the monarchy by reviving royal public ceremonial.

Alfred (Alfred Ernest Albert 1844 –1900) was the second son and fourth child of Queen Victoria of the United Kingdom and Prince Albert of Saxe-Coburg and Gotha. He was known as the Duke of Edinburgh from 1866 until he succeeded his paternal uncle Ernest II as the reigning Duke of Saxe-Coburg and Gotha in the German Empire. One of the stamp collectors in the British Royal Family, Prince Alfred won election as honorary president of The Philatelic Society, London in 1890.

George V (George Frederick Ernest Albert 1865 –1936) was King of the United Kingdom and the British Dominions, and Emperor of India, from 6 May 1910 until his death in 1936. He was the second son of Albert Edward, Prince of Wales, and the grandson of the reigning British monarch, Queen Victoria. From 1877 to 1891, George served in the Royal Navy, until the unexpected death of his elder brother in early 1892 put him directly in line for the throne. On the death of his grandmother in 1901, George's father became King-Emperor of the British Empire, and George was made Prince of Wales. He succeeded his father in 1910. He was the only Emperor of India to be present at his own Delhi Durbar.

HMS Dreadnought was a battleship of the Royal Navy that revolutionised naval power. Her entry into service in 1906 represented such a marked advance in naval technology that her name came to be associated with an entire generation of battleships. "Dreadnought" did not participate in any of World War I's naval battles as she was being refitted during the Battle of Jutland in 1916. This was the only time that British dreadnought battleships fired on their German counterparts during the war. She became the only battleship to sink a submarine when she rammed the SM *U-29* when it unexpectedly broke the surface after firing a torpedo at another dreadnought in 1915. She was relegated to coastal defence duties in the English Channel after Jutland, only rejoining the Grand Fleet in 1918. She was reduced to reserve in 1919 and sold for scrap two years later.

Yvert et Tellier is a postage stamp dealer and a philatelic publishing company founded in 1895 in the northern French city of Amiens, where the head office is still located.

References

1. INE. Statistics as a Theme in World Philately in the 20 Century
 2. *Kotova J.P., Alexandrova A.P.* Spotlight on the history of Great Britain: manual. Orel: Orel state university. 2011. 283 p. (In English)
 3. <http://cookit.e2bn.org/historycookbook/>
 4. http://www.answers.com/Q/What_were_King_Edward_vii_hobbies
 5. <http://www.bbc.co.uk/history/british>
 6. <http://www.bl.uk/learning>
 7. <http://www.postalheritage.wordpress.com/tag/edward-viii/>
 8. <http://www.royal.gov.uk>
 9. http://www.stampsforsale.co.uk/code/edward_7_great_british_stamps_index.asp
 10. <http://www.wikipedia.org>
-

УДК 94 (470.319)

УДК 94 (470.319)

Е.Н. АШИХМИНА

кандидат филологических наук, председатель предметно-цикловой комиссии, Орловский областной колледж культуры и искусств
E-mail: 7aen@mail.ru

E.N. ASHIKHMINA

Candidate of Philology, Chairman of the subject-cyclic commission, Orel Regional College of Culture and Arts
E-mail: 7aen@mail.ru

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИКИ В ОРЛОВСКОМ КРАЕ

THE GENERAL PRINCIPLES OF FORMATION OF THE TOPONYMS IN OREL REGION

Статья посвящена формированию и развитию топонимики на территории Орловской области. Автор рассматривает гидронимы и иные географические ориентиры, ставшие топонимами; выявляет названия, произошедшие от фамилий служилых людей XVI-XVII в., охранявших границы Русского государства, и названия, данные владельцами имений XVIII-XX в.; показывает механизм вытеснения прежних названий и замены их новыми.

Ключевые слова: топонимы, гидронимы, дети боярские, вотчины, поместья, названия советского периода.

Article is devoted to the formation and development of the place names in the Orel region. It considers hydronyms and other geographical reference points which have become toponyms; identifies the names which have occurred from the names of service class people in the XVI-XVII century, protecting borders of the Russian state, and the names given by owners of manors of the XVIII-XX century; shows the mechanism of replacement of former names and replace them with new ones.

Keywords: toponyms, hydronyms, service class people, ancestral lands, estates, names of the Soviet period.

Многие населенные пункты Орловского края имеют многовековую историю, отразившуюся, в том числе, и в их названиях. Данная статья не ставит своей целью проведение их лингвистического анализа. В ее задачу входит объяснение наиболее употребимых топонимов Орловского края в их историческом развитии.

Существует несколько временных «пластов» топонимов, фиксирующих их возникновение. Наиболее древний из них связан с домонгольской историей Руси. Он сохранился в целом ряде топонимов, в которых присутствуют:

– названия гидронимов, имеющих неславянское происхождение. В их числе – Ока, Зуша, Ицка, Цон, Мцна и ряд подобных;

– иные наименования, отмеченные в летописях XI и более поздних веков, в документах XVI-XVII веков. Среди них:

а) славянские гидронимы;

б) топонимы, связанные с геологическим строением местности и с другими ориентирами на ней;

в) топонимы, указывающие на производственную деятельность человека, – обработку почвы, охоту и рыболовство, бортничество;

г) названия городов, древних городищ и селищ; старинных деревень.

В «Книге Большому чертежу», составленной в Российском государстве 1627 году, но заключавшей в себе части так называемого «старого чертежа», собиравшегося еще во времена Бориса Годунова (конец XVI в.), представлены древнейшие гидронимы Орловского края.

Основная часть их сохранилась до нашего времени.

В «Книге Большому Чертежу», в Писцовой книге Орловского уезда 1594/1595 года и в ряде документов начала XVII века река Орел значится под своим подлинным именем – Орел. Нигде и ни разу, кроме Никоновской летописи, река не называется Орлеей. В этой связи становится понятной ошибка делавшего запись о городе, поставленном «на Поле на реке Орлее». Автор ее либо не бывал в данной местности и удвоил букву «е» в слове «Орел» по аналогии с известной ему рекой Орлеей, либо произвел запись ошибочно. Переписчики Дементий Яковлев и Леонтий Сафонов, объехавшие весь Орловский уезд в конце XVI века, не допустили подобной неточности. Везде название реки было записано ими как «Орел». То же самое мы читаем и в «Книге Большому Чертежу»: «Орел на реке Оке усть реки Орла; Орел течет от Корачева ис под Свиные дороги» [2, с. 116]. Там же: «пала в Оку река Орел» [2, с. 115].

Общеизвестна версия, объясняющая происхождение топонима «Орел» угро-финским словом «угол», который имелся при впадении Орла в Оку. Но исток реки начинался задолго до этого «угла». Выскажем предположение о славянском значении названия реки, происходящем от птицы. Напомним, что не столь далеко от реки Орел находится «парная» ему река Орлица, а неподалеку от нее в древности имелся достаточно крупный территориальный ареал с общим названием «Сычи», в котором присутствовали такие топонимы, как река Сычовка, Сычов колодезь, Сычовское городище (ныне Лукино Урицкого района), Передние Сычи, Голодные

Сычи, Средние Сычи (ныне – д. Селихово Урицкого района), Третьи Сычи (ныне – д. Озерово Урицкого района). Известны случаи, когда ориентирами на местности выступали в прошлом не только скопления гнездовых, но даже одно знаковое гнездо – например, Орлово гнездо (Глазуновский район) или Скопино гнездо под Жериханским лесом (Колпнянский район).

Версии о происхождении наименования реки Орел, по которой был назван город, не меняют сути дела. Река называлась именно так, а не иначе, а город получил свое имя по реке.

Стоит сказать, что названия некоторых рек и иных водных потоков, названных в древние времена и отмеченных в XVI веке, позже подверглись изменению. В XVII-XVIII веках гидронимы менялись в сторону упрощения. Так, река Тишимля в XVII веке стала называться Тишимкой, Истобня – Стобенькой, Муравль – Муравкой, Алешня – Лешней и Лешенкой, Ледня – Леденкой, а река Орел на рубеже XVIII-XIX веков превратилась в Орлик.

В XIX-XX вв. гидронимы также получали иные звучания, как правило, не совпадавшие с древним вариантом. Например, река Середичи, давшая название одноименному селу Болховского района, ныне фиксируется на карте как Чичера; р. Воин у с. Первый Воин Мценского района, известная под таким именем в течение XVI – 30-х годов XX века, в современном варианте записана как р. Кола; р. Воронеж-Колодезь у с. Мошки Дмитровского района стала р. Мошкой, р. Курья в Знаменском районе – р. Афанасьевским и так далее.

Славянское слово «могучий», или «могущий», присутствует в названиях рек Могоща и Мог. Слово «могущий» этимологически связано с глаголом «мочь» (в первом лице – «могу – мог – смогу») и, конечно, ассоциируется со словом «мощный». Ныне прежние гидронимы звучат как Маговка, Мох и Мошок.

Значительное количество небольших водных потоков области именуются словами «Ржавец» и «Ржава» – по окраске воды, которую дает присутствие болотной руды.

Ключевая вода низкой температуры стала причиной таких наименований, как Изморознь, Студёное, Студенок, Студеный верх, верхи Холодный, Морозный и подобные.

Ключи, вода из которых с гулом выходила на поверхность, обозначались населением как Гремячий (Гремучий) ключ, Гремячее, Гремячка (Гремучка). Заиливание таких ключей, их частичное высыхание и, как следствие, прекращение привычного звука население традиционно связывало с преданиями о потонувших в водной бездне лошадях и их возницах. В числе последних назывались как дворяне, так и крестьяне. В разных вариантах подобные легенды присутствуют практически во всех районах области.

О былом изобилии водных потоков говорит нам такое, например, название как «Большой Мокрый лес». Лес этот и в самом деле был большим – располагался в ареале села Первый Воин¹ и тянулся до Мценска. В

старину «Мокрый» лес был весь пронизан речушками и ручьями. Ныне о существовавшем здесь мощном древесном массиве напоминает лишь название старинного села Подмокрое, которое некогда было поселено «под Мокрым лесом». В конце XIX – начале XX века вместе с лесами исчезли и такие топонимы, как казенный Корчаковский лес на территории современного Урицкого района, Большой Новосильский казенный лес, Мельнский «общий писцовый» лес в Мценском районе, Тайчуков лес, окружавший Орел с восточной стороны и известный еще в XVIII веке, и др. Массивы Корчаковского и Тайчукова лесов дали названия станам – административным единицам XVI-XVII веков.

Многочисленные источники, имевшие место на территории современной Орловской области в не столь отдаленном прошлом, остались в названиях «верхов» и «колодезей». Верхи содержали водные потоки, стекавшие с возвышенностей. Нередко такие источники впадали в реку. Каждый верх имел свое название. Если вода в «верхах» исчезала, их русла превращались в овраги. Овраг, именуемый словом «верх», часто вызывает недоумение у наших современников. Об одном из высохших верхов упоминает И.А. Бунин в «Жизни Арсеньева»: «Большая дорога возле Становой спускалась в довольно глубокий лог, по нашему верх». На картах XVIII века отчетливо видны водные потоки с названием «верх»; в XIX в. они же отмечены как небольшие речки или ручьи. Ныне эти истоки, как правило, не существуют. Но в весеннее время часть бывших верхов вновь наполняется водой.

Небольшие реки в старину именовались словом «колодезь», то есть – «кладезь воды». В отличие от потока «с верха», колодезь начинался из ключей, бьющих из земли, и тек по ровной местности. На картах XVIII века старинные названия колодезей совмещались с более поздними; поэтому возникали такие надписи, как «Река Долгий Колодезь», «река Колодезь Никулич», «речка Баранов Колодезь», «река Водонецкий Колодезь» и подобные.

Одним из самых древних названий и тесно связанных с ним гидронимов является «плота́». В.И. Даль дает слово «плота» под вопросом, предлагая его объяснение как «овраг» в воронежском говоре. Известный российский лингвист академик О.Н. Трубачев считает такое объяснение ограниченным. Трубачев полагает, что термин «плота» представляет собой древнее славянское слово, обозначающее водный ток. Согласно Трубачеву, плота – это река, русло реки. Того же корня, что и плота, пишет он, слово «плот» – средство передвижения по воде, – в значении «плыть, плыву» [31, с. 545]. Трубачев уверен, что древнее слово «плота» относилось вовсе не только к Воронежскому региону, но имело широкое региональное распространение в Верхнем Поочье, причем как раз в орловских и тульских краях. Добавим к этому, что, по нашему мнению, в древности со словом «плота» связывалось не только перемещение по воде, но нечто плоское вообще. В документах старинного межевания можно встретить выражения типа

¹ В XVII веке в Орловском крае получили вотчины несколько представителей рода Философовых.

«степь Новосильской Плоты» или «дуб краковист плотав» [29, с. 176, 178], вершина которого, в отличие от других, тоже «краковистых», то есть старых деревьев с большой кроной, была, вероятно, более ровной («плоской»). Такие выражения в XVI-XVII веках встречались наряду с их синонимом, словом «плоский», – например, Плоский колодезь. Применительно к воде «плота», по нашему мнению, явилась древним синонимом слова «брод» и употреблялось параллельно с ним. Такой вывод можно сделать из текстов XVI - начала XVII веков, где имеются прямые указания на место плоты на реке: «В деревне в Кишкине, на речке на Орлице, на первой плоте» [14, с. 934], «починок Фирсов, на речке на Орлице, с нижней стороны трех плот» [14, с. 935], «починок Чурсин, верх речки Орлицы, на верхней плоте» [14, с. 936], «в деревне Арнаутовой верх Каменницы сухой на Ржавой Плоте» [14, с. 927], «в деревне в Долгой плоте на Мокром Бенску» [14, с. 928], «в деревне в Почернине на речке на Мокром Бенску на Большой Плоте» [14, с. 929], 1594) и др.

Распространенными в крае являлись и другие географические указатели, связанные с гидронимами. В их числе – «рог» (селение на мысу, на слиянии рек); «стрельница», «стрелица» и «стрелка», – также мыс на слиянии рек; «лука» и «лучки» (изгибы реки, похожие очертаниями на оружейный лук), болота, именуемые старинными словами «тросна» и «тросное» (место). Исключение составляет лишь река Рог, протекающая в Болховском районе.

Любопытным названием, имевшим место в современном Орловском районе, является Непрец. Балка с таким наименованием сохранилась до нашего времени; водоем, ранее существовавший на территории города Орла и отмеченный на карте 1778 года между современными улицами Московской и Грузовой [17], ныне превратился в овраг. Речка Непрец, протекавшая некогда по тогдашней окраине Орла перед Московскими воротами и впадавшая в Оку, в конце XIX века была переименована новым населением Покровской и Пенъевской слободы в р. Ленивец. Под названием «Ленивец» она попала в заново сделанные карты и таким образом закрепились в официальных документах. В 70-е годы XX века река Ленивец (она же Непрец) была заключена в трубу и ныне не существует. Под Орлом имелась и деревня Непрец. В старых документах это название иногда писалось как Днепрец [8, л. 59 об] (1811). Вероятно, топоним в первоначальном варианте звучал именно так, ибо отбрасывание букв в аналогичном случае имело место и в далекой древности. Как известно, Днепр в былинах выступает в виде женщины Непры Королевичны. На пиру у князя киевского Непра вступает в спор с Доном Ивановичем. Дон убивает ее каленой стрелой и сам падает на «ножище-кинжалище». От крови Непры согласно мифу потекла Непра-река, а от крови победившего ее соперника – Дон. Былины часто приводят подобное название Днепра [1, с. 197-199]. Есть доля вероятности, что некогда небольшие орловские речки получили названия, данные переселенцами с днепровских берегов.

Интересным является название Ломи-Полозово (Ломиполозье). Судя по всему, в этих местах имелся рельеф местности, «ломающий полозья». Название Ломиполоз(ово) не уникально и встречается в ряде районов Орловской области, где отмечаются деревня Ломиполозье, река Ломиполоз, Ломиполозовские верхи, Ломиполозовский овраг и др.

В древности Земля Вятичей являлась глубинным лесным краем, неким островом древней тайги, постепенно вырубавшейся и, в конце концов, исчезнувшей. Огромное количество топонимов в Орловском крае связано с расположением лесов, рощ, полян (кулиг), а также с освобождением от леса земель, предназначенных для сельскохозяйственных работ.

В именах рек Лешня и А(О)лешня, например, отчетливо слышится отголосок древнего способа земледелия. Славянские слова «лешня» и «алешня» означали землю, отвоеванную у леса, расчищенную под пашню. Как известно, жившие в лесном краю вятичи долгое время применяли подсеčno-огневой способ обработки земли; таким образом, на появление гидронимов «лешня» и «алешня» оказало влияние наличие многочисленных пашен, находившихся по берегам рек.

Тот же способ земледелия отразился в топониме «лядо». «Выжечь лесное лядо» – означало освободить будущую пашню от леса. Название деревни Великие Ляды современного Карачевского района Брянской области, находившейся ранее в Хотынецком районе (Болховском уезде) Орловской губернии, дает представление о неких значительных пространствах, отвоеванных у леса, расчищенных человеком под посевы зерновых культур. Древность Великих Ляд подтверждает документ. В 1640 г. Великие Ляды уже упоминаются как пустошь [12, с. 125]; в дальнейшем деревня вновь возрождается как населенный пункт. Имелась и пустошь Ляды у с. Топки (Покровский район).

Селения с названием Бортное расскажут о таком древнем занятии населения, как бортничество. Название происходит от слова «бортъ» – дупло в дереве. Бортничеством называлось разведение диких пчел, а также добывание меда и воска.

Важным растением для производства пива считался хмель. Он также широко применялся в лечебной практике. Судя по многочисленным деревням и рекам с названием Хмелевая и Хмелевой, мест произрастания хмеля было немало в Орловском крае. Присутствие на территории поместья «хмелевого» участка в XVII веке непременно отмечалось как факт.

Топонимы, отражающие растительный и животный мир Орловского края, безусловно, менялись на протяжении веков, однако временные границы наименований в этом случае выделить довольно трудно. Судя по названиям, на территории Орловского края в далеком прошлом имели широкое распространение дубовые, вязовые и ильмовые дубравы, ольховые, ясеневые леса и рощи. Известно, что слово дубрава (дуброва) традиционно понимается как лес или роща с преобладанием дубовых деревьев. Однако существует и другое, менее известное

определение, которое можно отнести к Орловскому региону. Это – лесные насаждения, состоящие из какой-либо одной, преобладающей древесной породы, как лиственной, так и хвойной, по которой они называются. В той или иной форме название Дубрава встречается практически во всех районах Орловской области. На ее территории достаточно распространены такие фитотопонимы, как А(О)льшань, Ольшаное, Ольховец – слова, производные от ольхи; Вязовик, Вязовое, Вязовая Дубрава; Черемошки и Черемошны (черемошкой называлась черемуха); Дубки, Березовая Дубрава, Вербник и подобные. В Орловском крае имеются также несколько рек с названием Ольшань и Ольховец, присутствуют такие реки, как Ракитня, Березуйка, Березовец. В числе распространенных топонимов области в прошлом были Березовые и Осиновые болота, Есеновые (они же Ясеновые), Липовые, Ивешенные (т.е. ивовые) леса и проч. Хвойные же леса «остались» в таких названиях, как Борки, Боровое, Боровлянка (ныне – Буравленки), река Еленка (ранее – Ельянка). Знаковым названием можно считать топоним Лютеборский лес, иногда звучавший как Черный Лютеборский (Мценский район). Судя по всему, это был большой непроходимый лес – Лютый бор.

Значительно количество топонимов, связанных с кустарниками. Это, прежде всего, реки и лески с названием Смородинка, Смородиновые, а также Малиновые верхи, Малиновый лес (на территории современного Урицкого района), Малинная Засека, деревни Калиновки, Лозы, Ло(а)завка, река Ло(а)завец.

Особый случай представляет собой топоним «Лука Журавинка» или «Журавинка» на реке Журавинке. По сравнению с вариантом XVI века в этом названии имеет место перестановка букв и полное изменение гидронима. В XVI в. имя деревни звучало как Жаровина лука [14, с. 1057]. Жаровыми (слав.) назывались деревья с высокими стволами. В XVI веке Жаровина лука стояла на истоке с названием Нет(д)рябужский верх, бравшим начало под Рисловым леском [14, с. 1060]. Название Недрябуж также отсылает нас к лесному массиву, высокие стволы в котором стоят не дрожа, недвижно, они не колышутся от ветра. Превращение Жаровиной луки в Журавину, скорее всего, произошло после Смуты (конец XVII в.), когда часть прежнего населения была уничтожена и во второй половине XVII века после отмены политики «заказных городов» здесь было произведено повторное заселение. В «Книге Окладной по г. Орлу за 1858-1859 гг.» деревня уже именуется как Лука Журавка [3, л. 9].

Однако название самой реки Недрябуж долгое время оставалось неизменным. В издании «Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 год» (СПб, 1871) деревня Лука Журавинка, как и в XVI веке, еще указана стоящей на р. Недрябуже [11, с. 16]. В XVIII – середине XIX века неподалеку от Луки Журавинки имелась и деревня Недрябуж на р. Недрябуже [3, л. 42; 11, с.17]. В 1791 году эта деревня, «вырезанная из дачи слобод Покровской и Пятницкой с селом и деревнями», находилась в собственности статского советника

Федора Филипповича Филиппова [5, л. 18], служившего в первой трети XIX века в должности председателя Орловской палаты Уголовного суда [21, л. 95 об. ; 18, л. 540 об.]. На карте Шуберта (1869) д. Недрябуж уже именуется как д. Дрябуж; вероятно, так она стала называться в быту. В XX веке бывшая река Недрябуж превращается в Журавинку, а лес Недрябуж – в Андриябуж. Таким образом, лесной массив, который ныне называется Андриябуж, некогда носил название Рислов, затем стал Недрябужем – по реке, вытекавшей из леса, потом Андриябужем.

В лесах водилась десятки видов зверей и птиц, которые представляли собой объект охоты. В летописном «хождении Пимена в Царьград» (1389) говорится, что на берегах Дона, Мечи и близких к ним рек митрополит Пимен видел «зверей множество: козы, лоси, волци, лисицы, выдры, медведи, бобры», а также «птицы орлы, гуси, лебеди, жерави и прочая» [13, 96]. «Звериные», рыболовные места и «бобровые гоны» очень ценились в прежние времена. Качество «жеребья» служилого человека повышалось, если в нем имелись «лосиные и козиные стойла и всякие звериные ловли» [9, л. 2 об.]. Речь шла, в частности, о местах обитания лосей и диких коз, то есть косуль. На орловско-брянской территории такие топонимы, как Козинка (в ином написании – Казинка) встречаются повсеместно: дикие козы некогда водились здесь во множестве. Как известно, косули живут в лиственных и смешанных лесах, но могут встречаться и в лесостепи. Документ 1650 г., хранящийся в Государственном архиве Орловской области, говорит о наличии «лосиных и козиных стойл», например, в тогдашнем Кромском уезде. Вместе с землей в деревне Морозово кромские дети боярские Ермол Путинцов и Федор Трунов [9, л. 2-3] получали и части леса, где водились лоси и козы. С уверенностью можно сказать, что в Казинных лесах на территории современного Залегощенского района, вблизи старинной деревни Медвежья Роща, она же Казинка, Орловского района, у деревни Козинки на Козьем верху в современном Краснотуровском районе, на берегах реки Козинки в современном Урицком и других районах имелись «козиные стойла».

В старину в здешних лесах жили и туры, то есть дикие быки, зубры (ж. р. – турица). В далекие времена они обитали в светлых лиственных и смешанных лесах, в лесостепи и степи. О зубрах напоминают Туров лес, Туровецкие дубравы, река Турья (Турища) Троснянского и река Туровка Верховского районов. К XVI-XVII векам их численность, вероятно, уже была снижена по сравнению с еще более отдаленными временами.

Места, где в изобилии водились бобры, отмечены названиями рек и селений с названием Бобровка либо его вариациями (Дмитровский, Мценский, Знаменский, Урицкий, Глазуновский, Троснянский районы).

В XVI-XVII веках посадские люди, а иногда и представители служилого сословия брали на откуп бобровые места, «лосиные и козиные стойла», «рыбные ловли» с частями рек, выплачивая за них налоги в го-

сударственную казну. Так, сын боярский Владимир Жилин, помимо обычного поместья, даваемого за службу, имел еще одно – «поместье на Диком поле выше города Орла – река Ока, от того места, где в нее впадает Ицка до усть Итцки реки и до верховья, да река Крома – от усть Крома до усть Кремичи, что было за ним же на оброке, а даны ему те реки в поместье за 30 четьи, да Володимиру Жилину по государевой грамоте оброк платити в Государеву казну в Большой Дворец» [14, с. 931-932]. Правда, в Орловском уезде конца XVI века В. Жилин был единственным таким откупщиком.

Лебязьи озера, Журавлиные болота, Журавлинский Большой лес и лес Берложий, Волчьи Ямы, Медвежьи Колодези, места с названиями Сурки, Бобров, Лисий, Соколье, Орел, Орлица, Сычовка, Сычи и им подобные достаточно понятны в топонимической расшифровке. К названиям того же ряда относятся многочисленные Ястребинки, Кобцов лес в современном Мценском районе, где имелись гнезда кобцов – малых ястребов, а также Грачовки (Грачовники) – так в здешних краях называли небольшие рощицы и лески, где имелось множество грачиных гнезд [16, с. 23]. Однако бывали случаи, когда населенные пункты назывались по фамилиям владельцев земли, произведенных от прозвищ, связанных с животным или птицей.

Наименования лесных участков, холмов, полян, отметки на отдельных деревьях, сделанных человеком («дуб краковист, на нем грань», «ильм, на нем две грани», «в Синковском верховье подле ржавца стоит береза кудрява, на ней грань», «старый гранный клен, а тот клен выгнил и подле того места поставлен столб»), служили людям важными ориентирами на местности, помогали в определении межей (границ) между отдельными земельными участками и станами. Поселения, возникавшие у знаковых деревьев, нередко назывались Удеревью, Удеревом, как расположенные у деревьев, у дерева. Вот как говорит документ XVII века о работе по межеванию земель: «... и по межам столбы ставили, и на столбах и на деревьях грани тесали, и против грани ямы копали, и столб от столба и яму от ямы мерили в сажени» [15, с. 69]. Добавим, что в ямах жгли уголь, чтобы межа становилась виднее: «Специальной межи межевая яма, в ней положены уголья и три камня» [4, л. 75 об.] (XIX век).

К старинным названиям относятся и многочисленные в Орловской области Ясные Поляны. Такими топонимами отмечались светлые, свободные от леса участки. Относительно новыми названиями Ясная Поляна являются лишь выселки из д. Долбилово Болховского района и одноименный населенный пункт в Хотынецком районе.

Отдельно нужно сказать о названиях со словом «Красный». Красный Лес, Красный Клин, Красная Поляна, Красная Дуброва, Красная Кулига и им подобные отождествляются со словом «красивый». Большая часть таких наименований была произведена очень давно; такие топонимы есть на картах и в различных документах XVI-XVIII веков. После революции 1917 г. Советская власть вложила в слово «красный» иной

смысл, сделав его символом крови, пролитой в борьбе за новый мир, символом готовности к самопожертвованию. Так на карте Орловского края появились Красный Пахарь, Красная Звезда, Красная Заря, Красноармейский и им подобные.

На протяжении веков лес шел на устройство засек, на строительство крепостей, домов, военных деревянных заграждений (честиков), заборов; на производство массы бытовых вещей – различной мебели, телег, орудий труда, деревянной посуды, игрушек. Деревья активно вырубались на растопку. Служилым людям XVI-XVII веков специально указывались лесные участки, предназначенные для «хоромного строения», то есть для строительства домов («хором») и для отопления. В средневековье никто не заботился о восстановлении лесных массивов, но в то время их было еще немало на территории современной Орловской области. Кроме того, запустение после войн и пожаров приводило к самопроизвольному возникновению березовых, ольховых и смешанных рощ, пусть и не в прежних размерах.

В середине XIX века леса еще продолжали занимать обширные пространства Орловского края. «В те времена, – писал А.А. Фет в воспоминаниях «Ранние годы моей жизни», – от самой Ядрины и до Оки по направлению к дедовскому Клейменову тянулись почти сплошные леса, изредка прерываемые распашными площадями и кустарниками» [19, с. 185].

Однако в конце XIX-начале XX века, – в период быстрого развития капитализма леса подверглись массовой вырубке. Заводы и фабрики тогда еще отапливались дровами, и владельцы предприятий покупали для этих целей леса и рощи. На рубеже XIX-XX веков вообще считалось, что главное – это пашня, поле; лес же имеет сопутствующее значение. Отмечая, что мужик на протяжении веков воюет с лесом, известный агрохимик и земледелец А.Н. Энгельгардт (1832-1893) писал: «Кому же неизвестно, что годная для полевой культуры земля дает менее всего дохода, оставаясь под лесом. Если годные для культуры пространства остаются под лесами, то это первый признак низкой степени развития сельского хозяйства в стране. Леса должны оставаться только на местах, которые не годны для культуры, и лишь в таком размере, чтобы не было у населения большого недостатка в топливе. ... А крестьянин на березняки и лес любоваться не станет: сейчас же вырубает и распахивает. Ведь это крестьяне сложили поговорку: «Что пень собьем, то грош найдем» [22, с. 264].

Потребительское отношение к лесу менялось крайне медленно. Одним из зачинателей лесоводства как важного элемента земледелия явился Ф.Х. Майер (1789-1860) – управляющий хозяйством Шатиловых в селе Моховом современного Новодеревеньковского района. С 1821 года Майер вел искусственное лесонасаждение. Его дело продолжил крупный сельскохозяйственный деятель Иосиф Николаевич Шатилов, впервые применивший полезащитные посадки, затем его сын Иван Иосифович Шатилов. Однако в то время практика лесонасаждений внедрялась в жизнь лишь благодаря личной

склонности кого-либо из владельцев земель, и на общий подход к лесным угодьям повлиять, к сожалению, не могла.

В XX веке леса продолжали подвергаться истреблению. В годы Великой Отечественной войны фашистские оккупанты руками русских военнопленных методично вырубали леса и вместе с черноземом отправляли их в Германию. Так, практически до конца был вырублен лес у села Нарышкино.

Значительное уничтожение лесных массивов нарушило сложившуюся в течение веков экосистему региона, что привело к резкому изменению ее водного баланса. Ключи, питающие ручьи, речки-«колодези» и потоки верхов стали высыхать. Водоносные пласты холмов, кроме этого, разрушались и при распашке. Лишенные ключевой подпитки, начали мелеть и исчезать и другие небольшие реки. Названия многих водных потоков, давших имена селениям, ныне давно ушли в область предания. Даже местные жители не всегда помнят, что в их деревнях еще пару веков назад протекали речки или били ключи.

Древние названия Орловского края остались и в наименованиях городищ и селищ. К топонимам этого ряда относятся такие населенные пункты, как Городище и частично дошедшие до нас их конкретные названия, – например, Железное Городище, Водоцкое Городище, Кирово Городище, Молодовое (городище), Локонское Городище, Снопково, Люцкое (Людское), Медково, Густоварское, Белое, Сычовское, Курапово, Гатеевское, Слободецкое, Псищево, Житоморское² и другие. В документах сохранились и названия старинных селищ. Среди них – Быльево, Хоботово, Ильково, Курьево, Неубитковское, Бабые, Горохово, Ковергино, Старцево «на Старце-Колодезе» и т. д.

Особое место среди названий занимают бывшие старорусские города и села, такие как Балдыж и Звенигород. Последний, стоявший на Неполоди, был центром небольшого Звенигородского удела Карачево-Козельского княжества. В XVI веке место этого, теперь уже бывшего, города называлось Звенигородским городищем, Звенигородским погостом; далее оно превратилось в село Звенигородское (ныне с. Спасское). К подобным топонимам относятся также известное в XIV веке городище-крепость Хотимль на Хотимльском колодезе, отмеченное в XV веке как село [34, с. 64-65 (вкладка – Карта 2)], несколько селений с названием Хотетово – вотчины князей Хотетовских (XV век), с. Воротынский Ливенского и д. Воротынцево Новосильского районов, Снецкая Лука Орловского района, Льгов Хотынецкого и Льгов Новосильского районов. В том же ряду – село Любутское (в прошлом Любутск), ныне с. Кривцово (Любутское) Кромского района.

В группу древних городов, безусловно, входят Мценск, Кромы и Новосиль, чье упоминание в летописях относится к XII веку. В обзоре под названием «А

се имена всем градом рускым, далним и ближним», датированном М.Н. Тихомировым 1387-1392 годами [30, с. 83-137], Кром, уничтоженных Батыем, уже нет. Под заголовком «А се Литовьскыи» упоминаются города Мценск и Воротынский. На основании археологических и летописных факторов известный историк И.К. Фролов высказал предположение о существовании в XII-XIII веках города Воротынска на городищах у деревни Воротынцево современного Новосильского района Орловской области [32, с. 35]. Под заголовком «А се Залескыи» в обзоре XIV века отмечен Новосиль. Интересно, что в группе Литовских городов в том же списке назван Девягорск («Девягореск»), о котором обычно говорится как о предшественнике Болхова, уничтоженном Батыем в ходе возвратного пути в степь в 1838 году. В том же списке упоминается и бывший «орловский» город Карачев.

Древность города Ливны подтверждают археологические изыскания. То же можно сказать и о Болхове, который, как известно из документов, был основан в 1556 году.

Небольшую группу топонимов на территории Орловской области составляют названия, связанные с половцами: д. Подполовецкая, п. Половецкий, д. Половец; Половецкий лес, два Половецких и один Подполовецкий верх в Мценском районе, овраг Половецкий в Новосильском районе. Эти топонимы относятся к домонгольским временам. В X-XIII веках половцы претендовали на часть земель нынешнего Орловского края. Верховья Оки тогда контролировала орда половецкого хана Отюря [26, с. 277]. По мнению историка М.Ю. Зенченко, в XII-XIII веках Мценск выступал как передовая крепость и как торговая фактория в совместном владении владимирских и рязанских князей, а сохранность Мценска как города гарантировалась союзническими отношениями с потомками Отюря [25, с. 10]. Судя по топонимам, небольшое количество земель какое-то время действительно состояло в собственности половцев либо находилось под их контролем.

Долгое время на карте Орловского края сохранялись следы тех времен, когда его территория входила в состав Литвы (вторая половина XIV – XV вв.). Заключенная уния между Польшей и Великим княжеством Литовским (1385) и образование литовско-польского государства Речи Посполитой нашли свое отражение в топонимике. До настоящего времени в Глазуновском районе сохранилась деревня с названием Панская. Польское слово «пан», как известно, являлось синонимом слова «господин». Еще в XX веке на территории современной Орловской области отмечались такие названия, как Панская дорога, на которой до конца 1920-х годов стоял одноименный поселок – «На Панской дороге» [18, с. 146] (Орловского района), Панское городище, ныне с. Никольское (Свердловского района), Панский верх и Панский отвершек на Неручи, Панская Дуброва у мценского с. Долгое, оно же Долгий колодезь. Населенных же пунктов с корнем «лит» или «лат», кроме единичных, практически не сохранилось.

2 Житомор – значит «мор на жито», от слав. «сухой». Под таким названием проходит в XVI веке. Позже по аналогии место стало называться Жидоморским городищем.

В Глазуновском районе присутствует река с названием Литобеж – вероятный рубеж на границе между Литвой и Диким Полем, в Шаблыкском – деревня Литовники.

Название реки Нерусса также вызвано ее положением как пограничной, то есть как бы отделяющей «русскую» сторону от Дикого Поля; за рекой начинались «нерусские» земли. Ту же топонимическую роль «играл» и Нерусский лес на реке Неруссе. В конце XIX века жители современных хотынецких сел Ильинское и Льгов еще помнили старинную поговорку: «Ну, слава богу, вышли на русь!» [См. подробнее: 23, с. 74-86]. Поговорка означала избавление от какой-либо опасности или болезни. Возвращение из трудного многодневного похода после боев с врагами в свои пределы вызывало чувство облегчения, которое выразилось в присловье: «Вышли на русь!» Название реки Нерусса как пограничной в этом отношении очень показательно.

Писцовая книга 1594/1595 года открывает современному читателю наличие древних пристаней, имевшихся на реке Орле (Орлике). Эти пристани, безусловно, существовали задолго до основания города Орла; более того, их названия показывают, что и место слияния Оки и Орла в древности также было занято пристанью. В числе пристаней на реке Орле в пределах Орловского уезда в XVI веке – Сиринская в деревне Бутово (на территории современного Урицкого района) и Средняя – «с вышнюю сторону Ястребцова верха» под Долгим болотом в деревне Савостьянове (предположительно деревня Маслово Орловского уезда) [14, с. 945]. В задачу государевых людей Дементия Яковлева и Леонтия Сафонова входила перепись служилого населения Орловского района и количества земли, данной за службу. Пристани не являлись объектами переписи и были зафиксированы лишь в качестве географической привязки к местности. Название пристани «Средняя» ясно говорит о существовании еще как минимум одной пристани, ведущей к Оке. Во время переписи наделов детей боярских 1594/1595 года эта пристань не была отмечена Яковлевым и Сафоновым, ибо на тот момент ее место было уже занято крепостью Орлом. Нам представляется вероятным, что основание крепости в низине вместо постройки ее на значительной по величине горе, где ныне располагается Администрация Орловской области и городской парк, произошло именно потому, что крепость защитила важную во всех отношениях пристань, обеспечивая ее безопасность. Если это так, в середине XVI века в этом месте уже имелась определенная инфраструктура, по крайней мере, оно уже было освобождено от леса. В 1652 году струговая пристань в Орле всё еще находилась на левом берегу р. Оки – прямо у стен крепости. Пристань тянулась от устья Орлика до современного рынка [10, с. 19].

Исходя из названия пристаней – Сиринская и Средняя, сделаем предположение, что задолго до основания Орла на реке Оке при впадении в нее реки Орла уже имелась старинная пристань, которая носила бытовое название «Орловская». Иван Грозный фактически «утвердил» это название, официально назвав город Орлом [23, с. 86-94].

Следующий крупный пласт наименований был связан с оформлением русской государственной границы на Диком Поле в середине и второй половине XVI века. Пристальное внимание к защите южнорусских рубежей от крымских татар, разорывших окраины и достигавших в своих набегах Тулы и Москвы, возникло во времена правления Избранной Рады при молодом царе Иване IV. Именно тогда значительная часть населенных пунктов Орловщины получила свои имена.

Основную часть тех, кто охранял и защищал южнорусские рубежи от крымских татар, составляли представители служилого сословия – дети боярские городовые. Земля предоставлялась им в качестве оплаты за службу. Выделяемые правительством земельные участки именовались «жеребьями», что указывает на способ распределения их между служилыми людьми, или поместьями (от слова «помещать»). Деревни детей боярских на Диком Поле назывались как по географическим ориентирам, так и фамилиям владельцев наделов. С одной стороны, так проще было собирать поместную конницу, с другой стороны, этому способствовала низкая заселенность местности, которая позволяла защитникам русского пограничья самим называть в качестве знаковых ориентиров небольшие речки, рожицы, лески и овраги. Так появлялись речки Селиховка, Голдаевка, Плешковка, овраг Семендяевский, Перьковский Верх, Севрюковский Верх, Музалевский Верх, Шахово Болото, «Савин нижний общий лес» и так далее.

Нередко названия давались и в память о покинутой родине, откуда прибывали на службу дети боярские.

Воинское звание «сын боярский» имело статус ниже боярского. Но его носитель, как и боярин, писался в документах с именем, отчеством и фамилией. Фамилии именно этих людей в основном и сформировали топонимический ряд десятков населенных пунктов Орловской области.

Новый слой топонимики Орловского региона, который складывался в XVI-начале XVII вв., формировался в контексте общей топонимики того времени и был тесно связан с охраной русского пограничья. Одни и те же фамилии служилых людей – детей боярских легли в основу названий деревень современной Орловской, Тульской, Курской, Воронежской, Старо-Оскольской, Калужской, Белгородской и более южных областей, включая Ставропольский край. Перемещаясь на юг вследствие основания новых крепостей и освоения новых земель, служившие «по отчеству» дети боярские и там наделялись поместьями за службу. По уже сложившейся практике их земельные участки вновь получали пофамильные названия, а окрестные географические ориентиры, если они не являлись почему-либо особенными, снова именовались по «домашнему» варианту. Сказанным выше объясняются одинаковые названия населенных пунктов и небольших речных потоков на территории целого ряда центральных областей Российской Федерации.

В середине и второй половине XVI века на службу по охране границ правительство Избранной Рады ста-

ло приглашать и казачьи отряды. Привлекая казаков для службы, правительство «подтягивало» донских казаков атаманов до уровня детей боярских, так же записывая их в документы с именем, фамилией и отчеством и выдавая им аналогичные земельные наделы. Фамилии атаманов Сидячих, Дохтуровых (позже эту фамилию в документах могли писать как Докторовы), Мансурова, Шишкина впоследствии остались на карте Орловской области.

Земля казакам сначала давалась «на круг», затем – также индивидуально. Казаки в основном компактно селились в слободах или в отдельных деревнях. Фамилии и этих людей, ставших впоследствии орловскими купцами, ремесленниками и мещанами, пусть и не так часто, как фамилии детей боярских, также можно увидеть на современной карте Орловской области. Обыкновенно эти топонимы моложе, чем произведенные от наделов детей боярских, и относятся к началу XVIII века, когда часть орловского казачества уже не состояла в воинском звании, но имела земельные наделы, названные пофамильно.

При дальнейшем расселении около деревень образовывались починки – выселки из деревни, около которой возникало новое поселение, чаще всего в один двор. Поэтому починки, как правило, назывались не по фамилиям, а по именам детей боярских – основателей нового места жительства. Например, починок Фомин, Гавриловский, Лукьянов и проч. Писцовая книга Орловского уезда 1594/95 годов содержит фамилии носителей этих имен.

Фамилии детей боярских в основном указывали происхождение по имени деда. Такая запись, с учетом двойного родства, выделяла человека, отмечая его происхождение. Например: Яков Осипов сын Богданов, Иван Иванов Глебов, Лева Родионов Деменин, Васька Микулин Власов и проч. Казаки вписывались в документы только по своему имени и по имени (или прозвищу) отца. Например, Петрушка Каменев, Васюк Наумов, Василий Добродеев, десятник Федор Казаков и др.

Значительное количество населения XVI-XVII веков в обиходе еще носило языческие имена и прозвища. Они «скрывали» обязательное наличие у каждого человека еще одного, крестильного имени, и потому под языческими прозвищами в документы были вписаны десятки людей. Например: Молчан Кузмин сын Оболёшев, Беляй Васильев Анфилогов, Орех Федоров Ванин, Упряжка и Неустройка Мелентьевы дети Трофимовы, Худяк Демин Афанасьев, Жданка Чужов сын Торсуков, Воинко Михайлов Бузов, Добрыня Парфенов Збитый, Воинко Костин Ванин, Воин Никитин Булгаков, Истома Фролов Бузов, Истома Тимофеев Бушмин, Иван Дмитриев сын Широпятого (в написании XVI века – Широпятова)», «Ромашка Гаврилов сын Хитров(а)» и так далее. Часть прозвищ в свою очередь превратилась в фамилии, давшие названия починкам и деревням, таким, например, как Воиново, Истомино, Хитрово.

Прозвища нередко давались по свойствам характера. В числе подобных – Булгак и Борзенок. Славянское

слово «булгак» означает «подвижный, живой, неутомный»; известно присловье «Ну что ты взбулгачился в такую рань?». Слово «булгак» лежит в основе фамилии многочисленных служилых людей Булгаковых. Прозвище Борзенок и фамилия Борзенков происходит от слова «борзый», то есть быстрый. Фамилии служилых людей Булгаковых и Борзенковых мы находим в названиях населенных пунктов Орловской области.

Близким по значению к прозвищу Борзенок и Булгак были имена Суторма, Бессон и Замятня.

Противоположными по значению являлись имена Смирка и Утеш. Надо признать, что Булгаков и Борзенков было намного больше; Смирка и Утеш представляли собой единичные варианты; Смирки «дали» фамилию Смирновых.

Имена Истома и Томила, также Верига расскажут о детях, «истомивших» родителей, «веригами» повисшими у них на руках.

Распространенными в русском средневековье являлись такие имена, как Первуша, Третьяк, Пятой, Пятин, Шестак, Семик, – показывавшие «порядковый номер» рождения ребенка в семье; а также такие «говорящие» имена, как Ждан, Неждан, Нечай, Поз(д)няк и подобные. Иногда ребенок получал имя, противоположное тому, что являл собой, «чтобы не сглазили». Поэтому далеко не все Некрасы имели непривлекательный вид. Некоторые починки, названные личными именами, позже превратились в деревни. На карте Орловской области имеются поэтому такие населенные пункты, как Пятина, Некрасова, Жданова, Нечаева, Третьяково и подобные.

Многие фамилии, ставшие в XVI-XVII веках названиями деревень, также произошли от видоизмененных в славянском произношении или сокращенных в быту христианских имен. Например, фамилия Кудинов произошла от имени Анкидин. В обиходе Анкидин именовался Кудином. Фамилия Сапронов – от имени Софрон; в быту Сафрон звался Сапроном. Алис (Алисов) – это уменьшительное имя «Александр», то же, что и нынешний Саша; Кирей (Киреев) и Киреевский (вариант от вопроса «чей?») – уменьшительное от имени Кирилл; Клемен (Клейменов, Клеменов), Клиша (Клишин) или Клим (Климов) – уменьшительное от имени Клементий; Селя, Селюта (Селин и Селютин) – от имени Селиван; Юша, Юшка (Юшин, Юшков) – от имени Юрий, он же Георгий; Терех (Терехов) и Теряй (Теряев) – от имени Терентий, Ига (Игин) – от имени Игнат, Перька (Перьков) – от имени Перфилий, Еня (Енин, Энин) – от имени Евгений и др. Приведенные сокращения нашли свое отражение в названиях деревень: Алисово, Юшково, Теряево, Селино, Клишино, Клейменово, Сапроново, Кудиново, Игино, Перьково, Енино и др.

Прозвищными являлись и другие варианты имен и фамилий, также оказавшиеся затем названиями населенных пунктов. Так, Лукьяна иногда называли в быту Лукьянчиком, Василия – Васильчиком, Кривца – Кривчиком, Богдана – Богданчиком. Их дети были уже не только Лукьяновы, Кривцовы, Васильевы, Богдановы,

но и Лукьянчиковы, Кривчиковы, Васильчиковы, Богданчиковы. Деревни с названиями Лукьянчиково, Кривчиково, Богданчиково также нередки на карте Орловской области. Документы выявляют механизм подобного словообразования. В конце XVIII века в деревне Богданчиковой Мценского уезда проживали, например, не только Богданчиковы, но и Богдановы, чья фамилия и дала основание к появлению прозвища. Запись Генерального межевания называет, в частности, в числе владельцев «Марью Иванову дочь Богданову с детьми» [6, л. 5].

Многим фамилиям дали начало прозвища, полученные в силу кажущегося сходства их носителей с животными, птицами или рыбами. В их числе – Волков, Медведев, Котов, Собакин, Бобров, Горностаев, Ястребов, Воробьев, Гусев, Щукин, Сомов и подобные. В ряде интернет-статей появились суждения о происхождении, например, некоего Волкова от какого-то одного, «первого» Волкова. Однако сходство с тем или иным персонажем животного мира возникало неоднократно и в нескольких местах сразу, так что выводить всех Волковых или Медведевых происходящими от одного предка абсолютно неправильно. Прозвища владельцев земельных наделов, ставшие фамилиями, также оказались в числе названий деревень.

Часть фамилий происходила от прозвищ, оценивавших характер, деловые качества или внешний вид их носителей. Лестным прозвищем, например, считалась у женщин Домаха – в орловском говоре – домовитая женщина, умелая хозяйка [16, с. 70]. Жилий был крепким, сильным, «жилистым» мужчиной или парнем, Жердь – высоким и худым, Ко(а)щей – еще более худым, то есть «одни кощи» – кости. Сказочный Кощей Бессмертный тоже был тощим – буквально только кости, а потом уже Бессмертным. Прозвище Кощей в XVI-XVII веках было не редкостью; от прозвища образовалась фамилия детей боярских Кошеевых. Веселого, приятного в общении говоруна называли Жеронком, то есть жаворонком, любимого родителями сына – Яхонтом и так далее. Не все прозвища, безусловно, были лестными. Так, Зыбой называли завистника, Перельгой – лгуна или сплетника (от «лыга» – лгун), Докукой – занудного, надоедливого челоука, Звяглой звали овцу и, вероятно, того, кто какими-то качествами походил на нее.

Иногда имели место случаи получения людьми иноязычных прозвищ. Тогда появлялись, например, Колмык Кузмин сын Константинова-Грызлова, Курчук Клементьев Жилин, Бурнаш Мелехов Кожевин, Курдюк Петров Брежнев, Мамай Семенов Завалишин и другие.

Немало фамилий, ставших ойконимами, то есть именами собственными населенных пунктов Орловского края, имеют татарское происхождение. Их носители являлись потомками старинных татарских родов, принявших православное крещение и приехавших в середине XIV в. на службу к Ивану Калите, после того, как в 1313 г. хан Узбек принял ислам. В те времена русские княжества были данниками Орды. После тверского восстания 1237 г. баскачество было отменено и сбор дани был пе-

репоручен русским князьям. Дань в Орду вывозил Иван Калита. Между Узбеком и князем Иваном Даниловичем Московским сложились устойчивые и ровные отношения, и потому мусульманин Узбек не препятствовал отъезду на службу к Ивану Калите православных татар. Так на Руси появились такие фамилии, как Мансуровы, Шеншины, Талышмановы, Бурнашевы, Тахтамышевы, Ашихмины, Сагалаевы, Сабаевы, Торсуковы и им подобные. Татарские семейства быстро обрусели и к XVI веку окончательно ассимилировались с местным населением. Многие из представителей этих родов впоследствии оказались на пограничной службе и были зафиксированы в этом качестве в документах XVI – начала XVII века.

Фамилии служилых людей XVI-XVII века нередко обнаруживали места их прежнего пребывания. В числе подобных – Каширинин и Кашерининов (Кашира), Белевитин и Белевитинов (Белев), Ко(а)лугин и Колужа(е)нин (Калуга), Вязьмитин и Вязьмитинов (Вязьма), Москвин и Москвитин (Москва), Мценянин, он же, как правило, Мценянин или Мценянкин (Мценск), Костромитин и Костромитинов (Кострома), Тверитинов (Тверь), Ту(ю)ленин и Туленинов (Тула), Стародубцев (Стародуб), Рязанов и Рязанцев (Рязань), Брянченинов (Брянск), Белозеров (Белое Озеро) и подобные.

Суффикс «-нов» показывает нам производное от первоначального варианта. Например, сын Белевитина в ответе на вопрос «чей?» становился Белевитиновым, Москвитин – Москвитиновым, Ту(ю)ленин – Тулениновым, Савин – Савиновым и т.д. В этой связи хочется выделить вариант происхождения Лутовиновых от старинных детей боярских Лутовых.

Писцовая книга Орловского уезда 1594/1595 гг. и ему подобные документы, такие как «Писцовая дозорная книга Ливенского уезда» 1615/1616 гг., «Приправочная книга 1615 г. по г. Ливнам и его уезду», приправочные и переписные книги XVII в., «отказные книги» XVII в. Орловского, Мценского, Новосильского и других уездов, окладные книги XIX века, церковные метрики и другие документы позволяют не только увидеть систему наименования населенных пунктов, но и определить механизм вытеснения старинных названий Орловского края путем замены их фамилиями служилых людей – детей боярских, стрельцов и казаков. «Севшие» на место старинных пунктов служилые люди переназывали их. Так, старинная мценская деревня Льгова Поляна сменила название на Жердево, деревня Истобня превратилась в Горяново (в правильном дореволюционном написании – Горяиново), Средние Сычи – в Селихово, деревня Тишимля – в Сидячее и так далее.

Обратим внимание, что наличие нескольких родственников с одной и той же фамилией в селении вызвали к жизни названия с прозвищным сокращением, произведенным от множественного числа. Например, Звягинки (Звягинцевых), Шаховцы (Шаховцовых), Должонки (Долженковых), Салтыки (Салтыковых), Соложенки (Солженицыных), Бельдяжки, в раннем написании – Билдяшки (Билдиных, позже – Бельдиных), Борзята (Борзенковых) [24, с. 304-311]. Все вышепри-

веденные фамилии принадлежали детям боярским. О механизме появления подобных названий достаточно внятно говорит Писцовая книга 1594/1595 годов: «За Федором за Олфимовым сыном Шеховцова поч. Шеховец, на речке на Ицке, у Старого гатища, а на нем двор помещиков, да на его ж земли живут братья его во дв. Ивашко Шеховцов, во дв. Давыдка Шеховцов, во дворе Степанко Шеховцов» [14, с. 1010]. Этот же починок позже превратился в деревню Шаховцы.

С 1630 г. в гарнизонах городов-крепостей Орел, Ливны, Кромы, Новосиль появляются малороссийские казаки, привлекаемые правительством царя Михаила Романова для заселения и обороны южных рубежей Российского государства. Казачество Украины в это время испытывало гнет со стороны Речи Посполитой и частично уходило на службу к русскому царю. Местное население называло малороссию черкасами. Новым подданным России, помимо земельных наделов, выделялись денежные суммы для первоначального обустройства: атаману – 7 рублей, есаулу – 6 рублей, рядовым по 3 рубля, чтобы «Государеву службу служить, и Государевым жалованьем им на указных своих местах на вечное житье строитца, и пашню пахать, и хлеб сеять». Малороссийские казаки образовывали слободы, именуемые Черкасскими. С появлением малороссиян связаны «принесенные» ими из родных мест названия, такие как Галичье, Корсунь, река и деревня Конотоп в Кромском уезде и подобные.

После разорения Смутного времени, а также после целого ряда татарских набегов – 1623, 1631, 1632, 1633 годов и осенью 1637 года, когда произошел набег «всей ордой» во главе с крымским ханом Сафа-Гиреем, значительная часть населения Орловского пограничья была уничтожена либо взята в плен, другая покинула места прежнего обитания. В 1637 году указом царя Михаила Романова Мценский, Болховский, Орловский, Новосильский, Ливенский уезды наряду с соседними – Карачевским, Рьльским, Курским, Старооскольским, Елецким, Лебедянским и Воронежским были объявлены «заказными», то есть запретными для раздачи поместий и вотчин. Правительство Михаила Романова тогда решило, что несмотря на Белгородскую засечную черту, гарнизоны крепостей и поместная конница не в состоянии сдерживать врага. Большой набег крымских татар во главе с Магомет-Гиреем в августе 1659 года почти что сокрушил южное пограничье и лишь добавил уверенности царю (теперь уже Алексею Михайловичу), что политика «заказа» была правильной. И потому в середине XVII века орловские «украины» еще продолжали оставаться малонаселенными. Безлюдье приводило к тому, что верхи, колодези, овраги и даже леса и реки, не говоря уже об иных географических ориентирах, вблизи которых вновь появились служилые люди и их деревни, еще чаще назывались их фамилиями и даже именами. Эти ориентиры записывались государственными служащими при разграничении земельных владений и при отказе поместий, то есть при передаче их в другие руки. Далее такие топонимы закреплялись и попадали

на карты. Так появились речки Богдановка и Луневка, Муратов Колодезь и Ревякин Колодезь, верхи Жердев и Апухтин, ручьи Костомаровский и Ломакин, речка Субочевка, Шатоха и подобные.

В 1672 году правительство вновь разрешило давать поместья «из диких поль». Для помещения служилых людей и раздачи вотчин были открыты 4 уезда – Мценский, Новосильский, Одоевский и Чернский. Граница вновь стала заселяться. Служилые люди XVII века довольно часто получали поместья в бывших деревнях, уже названных ранее, но теперь зачастую пустых («пустошных»). Выделялись части и на «Диком Поле»; в этом случае указывались урочища, реки и леса, где находился надел. Если земля давалась на Диком Поле, деревня, как правило, именовалась по фамилии того, кто ее получил.

В конце 70-х годов XVII века после отмены политики «заказа» в Верхнеокских городах, в том числе в Орле, Болхове, Кромах, Мценске и Новосиле стали появляться многочисленные вотчины крупных московских чиновников – дьяков, подьячих, окольных, стольников, стряпчих. Только в Орловском и Кромском уездах в это время получили вотчины такие лица, как дьяк Поместного Приказа Иван Протопопов, дьяк Разрядного приказа Леонтий (Любим) Домнин, дьяк Московского Судного приказа Тимофей Савлуков, дьяк Разрядного приказа Иван Максимов, думный дьяк Иван Горохов, дьяк Стрелецкого приказа Федор Леонтьевич Шакловитый; стряпчий Кормового Дворца Иван Суровцев, степенной ключник Федор Петров Борков³, окольный князь Константин Осипович Щербатый(ов), окольный князь Григорий Афанасьевич Козловский и его родственники; стольники-князя Михаил Иванович Куракин, Прохор Григорьевич Долгорукый, Давыд Иванович Волконский, Юрий Юрьевич Трубецкой, Александр Андреевич Волконский, стольники-братья Лопухины⁴; стольники Владимир Михайлович Еропкин, Матвей Федорович Философов⁵, Михаил Васильевич Собакин, Иван Иванович Беклемишев, Петр Иванович Бутурлин, Алексей Семенович Шеин, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, Андрей Иванович Колычев, Тимофей Григорьевич Ртищев, Александр Иванович Апухтин и другие. В Орловском уезде появились земельные владения таких нерядовых лиц, как отец царицы Натальи Кирилловны боярин Кирилл Полуэктович Нарышкин, думный дворянин и генерал Венедикт Андреевич Змеев, имевший редкий чин генерала допетровских времен (1679); голова московских стрельцов Григорий Семенович Титов и многие, многие другие. На берегах реки Неручи получили земли князя Голицыны – стольник Иван Андреевич и боярин Алексей Андреевич. Еще один думный дворянин и генерал-поручик – Григорий

3 Федор Борков – возможный потомок детей боярских Борковых (Барковых), служивших в Орловском уезде в XVI веке.

4 Заметим, что многочисленные братья Лопухины получили земли в Орловском крае гораздо раньше женитьбы Петра I на их родственнице Евдокии Лопухиной – в 1676 году.

5 В XVII веке в Орловском крае получили вотчины несколько представителей рода Философовых.

Иванович Косагов стал обладателем вотчины в селе Ильинском (Косагово) современного Хотынецкого района.

Список владельцев подобных вотчин, принадлежавших в XVII веке чиновникам центра, насчитывает десятки имен. Фамилии практически всех вышеназванных вотчинников открыли новую страницу в орловской топонимике.

Тогда же существовала практика повышения в чинах и местных служилых людей. Тем давались вотчины в придачу к землям, которые уже имелись у них в Орловском крае. В числе подобных помещиков можно назвать постельничего Ивана Максимовича Языкова, стольника Ивана Большого Андреевича Дашкова и стряпчего Якова Андреевича Дашкова, чьи фамилии оказались в названиях селений Языково и Дашково. Часть имений Дашковых, принадлежавших им с XVII века, например, Дашково (Птицыно) в дальнейшем перейдет к Президенту Российской Академии наук Екатерине Романовне Дашковой (1743/1744 – 1810), урожденной Воронцовой. Земли в Орловском уезде достались ей после мужа М.И. Дашкова (1736 – 1764), потомственного их владельца.

В середине XVII века в Орловском крае на территории современных Болховского, Хотынецкого и Орловского районов уже имели крупные вотчины царский тестя Илья Данилович Милославский, на дочери которого, Марии, был женат царь Алексей Михайлович, и воспитатель царя Федора Алексеевича – Иван Михайлович Милославский. Последнему, в частности, принадлежали: часть земли в селе Льгов, земля в селе Локне Рославского стана Карачевского уезда, деревня Слободка на р. Цкани у Крутой горы, пустошь Серебряная «на реке на Нугри усть Серебряного колодезя, да в той же деревне Серебряной по обе стороны Серебряного колодезя вотчинное село да поместная деревня Селехово на речке на Меховице» [15, с. 157, 158], а также двор в Орловском остроге. Милославские делали большие вклады в Болховский Оптин монастырь. Следов в топонимике это семейство практически не оставило.

К получению вотчин в Ливнах московские чиновники XVII века большого интереса не проявляли. Ливны в те времена считались городом «на Поле», довольно далеким и опасным.

Появление в XVII веке вотчин царских чиновников в здешних краях означало уверенный рост феодального землевладения в Русском государстве, особенно усилившийся после отмены политики «заказных» городов и воссоединения Украины с Россией (1654). Этот рост не останавливали даже набеги крымских татар. Чиновники «центрального аппарата», в то время, как правило, не селившиеся в вотчинах, но оставлявшие в них своих доверенных лиц, были уверены, что земля представляет собой значительную ценность, которая не утратится, даже если подвергнется сожжению и разорению, ибо крымчаки на земельные владения в Русском государстве не претендовали.

Интересно, что потомки многих бывших вотчин-

ников XVII в. не теряли своих земель в Орловском крае вплоть до XX столетия. Часть владельцев, таких как Ржевские, Косаговы, Трубецкие, Лопухины и ряд других уже присутствовала в вотчинах лично, в XVIII в. число таких владельцев возросло, а события 1812 года даже вызвали приток дворян в их старинные владения.

Однако основную массу владельцев поместий XVII века все же представляли служилые люди с фамилиями детей боярских, документально известных в Орловском крае с XVI века. Среди них были Масловы, Воробьевы, Власовы, Жилины, Сотниковы, Селиховы, Шаховы, Корниловы, Борзенковы, Телегины, Бабенковы, Ярыгины, Чурсины, Шепелевы, Брусенцовы, Лунины, Овсянниковы, Рагозины и так далее. После татарских разорений и Смуты они получали земельные наделы не в своих прежних, часто уничтоженных, а в других местах. К старой когорте служилых людей добавились и люди с новыми для здешних краев фамилиями – Аболмасовы, Долбиловы, Кашеевы, Глазуновы, Бавыкины и т. д. Все они несли военную службу, давая отпор крымским татарам. Так фамилии защитников южнорусских рубежей XVII века тоже оказались в числе топонимов Орловской области.

Интересно и важно то, что в годы Великой Отечественной войны в рядах защитников Родины снова оказались те, чьи предки защищали ее от врагов в XVI-XVII веках. В число Героев Советского Союза вошли, например, такие прямые потомки бывших детей боярских городовых, как И.Ф. Анохин, А.М. Алымов, С.Е. Барков, С.А. Бахтин, А.Е. Бахтин, И.Ф. Бородин, В.П. Бухтияров, И.К. Волосатов, М.А. Гринев, Н.В. Гринев, И.А. Дементьев, В.Н. Кожухов, В.И. Меркулов, Д.Н. Овсянников, Б.Н. Панков, Е.Д. Парахин, А.М. Пикалов, Д.Г. Редькин, А.Д. Сапунов, П.А. Сомов, И.М. Филипповский, М.Б. Харчиков и другие.

Важнейшее дело охраны и защиты пограничных рубежей на Диком Поле отразилось во множестве названий, связанных с этим, главным занятием региона. На территории практически всех районов Орловской области встречаются деревни, леса, верхи с названием Сторожевой, Сторожевое; достаточно распространены топоним «Рубежный», особенно в Ливенском уезде и Мценском районах; имеются такие названия, как Караулова гора и Стрельниково (Мценский район), Защитино (Литобез) (Глазуновский район), верх Порубежный (Шаблыкинский район) и прочие. В документах отмечены броды как особая часть охраняемой территории: Царев брод на р. Мезенке, Царев брод на р. Орле (Орлике), брод Каменный на р. Моховице в Орловском районе; Кирпичный брод у Ливен, Михайлов брод на р. Чернь во Мценском районе и подобные.

Любопытнейшим названием является Победный верх у д. Победной, ранее – Победа (1776) Мценского уезда [6, л. 36]. Топоним документально известен с XVIII века, но, судя по всему, существовал и раньше. Какая битва и когда была выиграна в этих местах, еще предстоит установить.

По территории области тянулись дороги, по ко-

торым «прихаживали» крымские татары: Муравский шлях, Свиная дорога, Пахнутцева дорога, Царская и Царевичева. Царем на Руси долгое время называли хана. Царевич соответственно был его сыном, а не сыном русских царей, ибо названия возникли задолго до 1547 г., когда в Русском государстве появился первый царь – Иван IV.

Муравский шлях с юга шел к Туле через Ливны; в далеком прошлом, когда движение по этой дороге было спорадическим, в отдельных местах он порастал травой (муравой).

Калмиюская дорога начиналась от реки Калмиус, впадавшей в Азовское море. Добравшись до орловских краев, дорога проходила по юго-восточной части тогдашнего Ливенского уезда и у Ливен соединялась с Муравским шляхом.

Еще одна важная дорога, направлявшая ездоков (и местных жителей, и врагов) в центр государства, получила название Пахнутцевой. Она начиналась неподалеку от Курска, далее проходила в районе Оки и Неручи, у верховьев колодезя Тагина, далее – у Руды, Оптухи и Алешни, затем снова поворачивала влево к Оке «на усть Доброго Колодезя» и выходила «выше города Орла» на Свиною дорогу. Старинное славянское слово «пахнуть» означает дуть, обдувать (ветром, дыханием, холодом); вышедший из употребления в данном значении глагол «пахать» значил «обдавать», «веять», «развеваться» [33, с. 14-15]. Тучи пыли, несущиеся с грунтовых дорог при проезде на них летом, были обычной картиной прошлых времен. Даже одинокий путник или всадник были способны поднять значительное количество пыли.

«Облаком волнистым

Пыль встает вдали;

Конный или пеший –

Не видать в пыли!» – писал А.А. Фет.

Если по дороге продвигался татарский отряд, целое облако пыли поднималось над дорогой, оповещая об очередном нашествии врага. Можно предположить, что название Пахнутцевой дороги было связано с «припахнувшим» ветром и пылью, принесшими вести о продвижении на ней. «Припахнули к нам от быстрого Дону поломянные вести», – говорится в «Задонщине».

Свиная дорога, или по-местному Свинак, наиболее часто использовалась крымчаками при набегах на Карачевский, Болховский и Орловский уезды. Существует масса объяснений по поводу этого топонима. Г.М. Пясецкий, в частности, пишет: «Из множества преданий о Свиной дороге, сохранившихся в народе, достовернейшим должно считаться то, что Свиная дорога проложена была татарами, почему ей и дано настоящее, презрительное для магометан, название. Народ объясняет это символически, будто дорога проложена свиныею, некогда вышедшею из Болхова и дошедшею до Карачева. Намек на возвратный путь Батыею из-под Козельска» [28, с. 36].

По нашему мнению, до монгольского вторжения дорога представляла собой участок прямого пути из Киева в край Залесский, к городам Ростов и Суздаль, и в дей-

ствительности была использована Батыею после взятия Козельска летом 1238 года на обратном пути в Степь. В то время это была единственная значительная «прямоезжая» дорога. Огромное войско, обозы с награбленной добычей, пленные растянулись тогда по дороге; проход этот, сопровождавшийся грабежами и перемальванием населенных пунктов на пути, остался в народной памяти. Но как Свиная, дорога стала известна после того, как в начале XIV века татарами был принят ислам, и по религиозным соображениям они прекратили есть свинину. Татарские отряды, нападавшие на русские земли, не трогали свиней, которые играли не последнюю роль в местном рационе. Отсутствие интереса захватчиков к этому роду мясной продукции заставляло местных жителей увеличивать свиное поголовье. Так как большинство населенных пунктов располагалось вдоль дороги, вблизи которой часто встречались свиньи, которые в то время нередко выпускались на собственное пропитание, имя ей, скорее всего, дали сами жители, постоянно видевшие этих животных на своем пути.

Интересно, что выполняя охранную функцию, орловские и мценские служилые люди спускались далеко на юг: «А Пахнутцевою дорогою ездили из Мценска да с Орла от воевод ис полков, проежая станицы, переменяя до верх Оки и до Семи до Мелового броду; а от Семи к верх Донцу Северскому; ... а другая станица из Мценска и с Орла, езживала переменяя по Калмиюской дороге, Сосну реку лаживали [Лаживали, перелаживали – то есть переправлялись на другой берег реки. – *примеч. Е.А.*] в Фоценской брод выше Ливен верст с 20, да Тим реки перелаживали выше устье, да реку Кщеву, и к верх реки Олыми, и реки Котла, и Потудони, до верху реки Девицы, до Погорелого лесу» [2, с. 115].

Следующий «пласт» наименований в Орловском крае связан с помещичьим землевладением XVIII–XX вв. Определить его появление позволяют документы Генерального межевания XVIII–XIX вв., окладные книги XIX века, отдельные записи между родственниками, завещания, формулярные списки чиновников, дарственные и прочие документы. Они свидетельствуют о том, что помещики, получавшие землю по наследству, а также в виде царского пожалования, нередко называли селения по своему усмотрению.

Особенно многочисленные раздачи и покупки земель начались после того, как государственная граница России оказалась далеко на юге. В начале XVIII века верхнеокские крепости и Ливны утратили свое военное значение. Орловская крепость, в частности, была упразднена в 1702 году. Петр I тогда повелел «... всех пушкарей (102 чел.) выслать на службу в Каменный Затон (на Днепровские пороги), а стрельцов, казаков и других служилых людей – в прочие места» [10, с. 31].

Сословия бояр и детей боярских Петром I были упразднены (1711). Бояре стали именоваться дворянами, дети боярские – дворянами или однодворцами (в зависимости от количества имевшихся у них крестьян). Дворяне и однодворцы, происходившие из одного со-

словия, больше не были равны в налоговом отношении. Как правило, лишь случай определял попадание людей одной и той же фамилии, состоявших зачастую в близком родстве, в дворяне или в однодворцы. Именно это объясняет одинаковость фамилий орловских дворян и однодворцев, позже ставших государственными крестьянами. Судя по документам XVIII–XX веков, в местах «первых поместий» своих предков присутствовали дворяне и государственные крестьяне с одинаковыми фамилиями. Среди них были Арнаутовы, Горяиновы, Бунины, Толстые, Реутовы, Хомяковы, Жилины, Костомаровы, Шатиловы, Шепиловы, Ефановы, Жердевы, Лукины и множество других представителей подобных родов.

Со временем название самого значительного сословия южно-русского пограничья – дети боярские – было забыто; казачество же как сословие, наоборот, осталось. Как несущее пограничную службу, оно не было отменено и сохранило свое наименование. В конце XVIII–середине XIX века потомки старинного сословия «детей боярских», с первой трети XVIII века более не существовавшего в официальных документах, стали писать о себе – «из казаков». Таким образом, название «казак» как бы перешло на потомков бывших детей боярских, находившихся ранее по статусу рангом выше, нежели казаки. Фамилии многих из тех, кто ныне считает себя потомком казаков, на самом деле относятся к представителям бывшего сословия детей боярских. В государственных же документах и бывших детей боярских, и казаков чаще всего записывали как пахотные солдаты, войсковые жители или войсковые обыватели. Было и определение «однодворец». Несмотря на крестьянские занятия и нередкую бедность, такие люди практически никогда не женились на бывших крепостных, подчеркивали свою обособленность, за что крестьяне называли их «индюками» и «алой кровью».

В середине XVIII–в XIX веках в Орловской губернии мало кто помнил и о казаках как о местных жителях, ибо население практически целиком сосредоточилось на занятиях сельским хозяйством и иных, мирных занятиях. В этом легко убедиться, читая И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, воспоминания А.А. Фета и иных авторов, писавших о центральных губерниях России.

После Петровской реформы нужда заставляла однодворцев, плативших налог по сошному письму, активно распродавать свои исконные земли, доставшиеся им от предков. Нередко их бывшие поместья покупала казна, и старые владения, утратившие своих хозяев, затем щедро даровались царями своим столичным вельможам. В XVIII–м – начале XIX века практика пожалования местных земель императорами и императрицами приобрела широкие формы. В Орловском крае появились новые владельцы, что в свою очередь привело к определенному изменению сложившегося топонимического ряда.

Крупные вотчины в Орловском крае – в Кромском, Карачевском (ныне в части Болховского и Хотынецкого районов), Орловском уездах в 1705 году получил, на-

пример, ближайший соратник Петра I Александр Данилович Меншиков (1670/1673–1729). После государственного переворота 1728 года именным указом Петра II Меншиков лишился своих владений; его имения были конфискованы. Орловскую часть его вотчин Петр II передал камер-юнкеру Федоту Каменскому. Годы спустя тот станет генерал-майором. В 1732 году эти земли были отобраны у Каменского и приписаны к дворцовым волостям. В 1841 году бывшие поместья Меншикова были переданы строителю Зимнего Дворца гофмаршалу Дмитрию Андреевичу Шепелеву, а 8 января 1742 года согласно Указу императрицы Елизаветы вновь возвращены Федоту Каменскому [27, с. 29]. В числе земель, в начале XVIII века принадлежавших Меншикову, Каменский, например, получил старинную усадьбу детей боярских Сабуровых. Впоследствии название этого населенного пункта звучало как «Каменское, Сабурово тож». Меншиковы сохранили часть имений в Орловском крае. Так, частью казенного Усова леса в современном Залегощенском районе в 1870 году владел генерал-лейтенант Владимир Александрович Меншиков (1816–1893) [7, л. 18 об.-19], участник крымской и русско-турецких войн, последний представитель рода Меншиковых по прямой мужской линии.

Среди владельцев, получивших или купивших вотчины в Орловском крае в это же время, назовем Новосильцевых, тайного советника Алексея Мельгунова, графов Самойловых, дворян Балк-Полевых, фон Дерли и др. Оказавшись в орловских краях, вельможи активно скупали местные земли. Дворяне с фамилиями, известными в крае с XVI века, также продавали и покупали поместья. Став владельцами новых имений, потомки старого служилого сословия, как водится, давали им свои имена, хотя населенный пункт с их «древней фамилией» был основан ими уже в XVIII – XX веках. Наделение землей наследников, переход имений к дочерям, носившим в замужестве иную фамилию, нередко также сопровождалось изменением названия населенных пунктов. Тогда же – в XVIII–начале XIX века стали появляться такие названия усадеб, как Нескучное, Отрада, сельцо Похвальное, сельцо Богохранимое, сельцо Искреннее, Мыс Доброй Надежды, Желание Истины, Санатория и им подобные.

Однако иногда потомки служилых людей XVI–XVII веков продолжали обитать в местах поселения своих предков; некоторые из них продолжают жить в них и в настоящее время.

Необходимо обратить внимание, что люди, имевшие в роду представителей прежнего пограничного населения, практически никогда не становились крепостными; в дореволюционных документах они числятся как однодворцы, позже были приравнены к категории государственных крестьян. Все они, как правило, сохранили свои старинные фамилии. Их хранят писцовые, переписные, отказные книги XVI–XVII веков и другие архивные документы.

До отмены крепостного права (1861) владельческие крестьяне, то есть принадлежавшие помещику, фамилий не имели. В пореформенное время крестьяне запи-

сывались в новые документы, как правило, вовсе не по фамилии помещика, как часто думают. Запись фамилий бывших крепостных производилась согласно практике дореформенного периода, когда личность крепостного крестьянина при необходимости фиксировалась в документах согласно церковной метрике. Вначале писалось имя крестьянина, полученное им при крещении, затем – имя его отца и – изредка – деда с прибавлением: крестьянин помещика такого-то. Например: «Иван Петров сын Васильев, крестьянин помещика Левшина». После реформы 1861 года тот же крестьянин записывался как «Иван Петров Васильев», но уже без упоминания о помещике. Изредка в качестве фамилии писалось прозвище главы семейства «по двору». Если человек был незаконнорожденным, ему вместо отчества/фамилии в документы вписывали имя его крестного отца. Вышеописанную практику меняли крайне редко, хотя и такие случаи тоже были.

После отмены крепостного права, особенно в конце XIX-начале XX вв., дворянские гнезда стали интенсивно распродаваться. Части помещичьих владений теперь покупались купцами, чиновниками или брались в аренду товариществами крестьян; поэтому к прежним названиям добавился еще один топонимический ряд – фамилии новых владельцев.

В конце XIX-начале XX века процесс «называния» населенных пунктов пофамильными (или поименными) топонимами практически прекратился. Это произошло потому, что к тому времени практически все селения были достаточно хорошо известны, вписаны в документах Генерального межевания и отмечены на картах.

Расселения, производимые из крупных населенных пунктов, обычно получали названия «выселки» или «дворы». Они назывались по селению, откуда выселялись, по помещику, по фамилии государственных крестьян или были прозвищными. В качестве названия выселок нередко применялось общеупотребимое слово «бутырки».

Отдельный топонимический ряд представляют собой культовые наименования – церковные и монастырские; эти топонимы связаны с посвящением престолов церквей Спасителю, Богородице, основным христианским святым и праздникам. Поэтому на карте Орловской области часто встречаются такие названия, как Архангельское, Никитское, Успенское, Никольское, Спасское, Рождествено (Рождественское), Дмитровское и подобные.

В советский период многие старинные топонимы подверглись переименованию, ведущее место в котором заняли революционная символика, имена партийных и комсомольских вождей, героев Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны (1918-1920), реже – героев Отечественной войны (1941-1945). Именами людей, имевших трудовые и иные заслуги перед государством и Орловской областью, населенные пункты, как правило, не назывались.

Не следует забывать, что многочисленные войны, иные катастрофические события и новые социальные реалии стирали с лица земли десятки населенных пунктов; далеко не все они были восстановлены вновь. Особенно быстро процесс исчезновения селений происходил в период Смуты начала XVII века и в середине XX в. Карты XVIII-XX вв., документы Генерального межевания и списки населенных мест Орловской губернии первых послереволюционных лет содержат гораздо большее количество населенных пунктов, нежели существующие ныне в районах области.

Многие уходящие корнями в древность населенные пункты, а также иные географические ориентиры пока что достоверно не верифицируются. Мы не сообщаем версий о происхождении подобных названий как не имеющих документального оправдания. Дальнейшие исследования помогут восполнить пробелы и внесут необходимые поправки и уточнения в определение уже рассмотренных топонимов.

Библиографический список

1. Былины. М., 1954. 330 с.
2. Книга Большому Чертежу, или Древняя Карта Российского государства. М., 1950. 230 с.
3. Книга Окладная по городу Орлу за 1858-1859 годы // ГАОО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 668.
4. Личный фонд помещика Новосильцева. Помещики Орловской губернии Новосильцевы. Документы о земельных владениях помещиков Новосильцевых. 1761-1835-1870 // ГАОО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1.
5. Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Орловский уезд. Ч. I. // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 321/1. Д. 995.
6. Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. I. // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 320/1. Д. 992.
7. Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Мценский уезд. Ч. II. // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 320/2. Д. 994.
8. Метрические книги Преображенской церкви г. Орла за 1802, 1810, 1812, 1814-15, 1817-1821, 1823, 1825 годы // ГАОО. Ф. 202. Оп. 2. Д. 1653.
9. Обыск, сделанный дьячком Кромской съезжей избы Куземкой Дреминым и пушкарем Федоткой Демьяновым о порожней земле в деревне Морозовой Кромского уезда. 1650 года 7 июня // ГАОО. Ф. 847. Оп. 1. Д. 84.
10. Орел из века в век. Летопись основных событий. 1566-2000 годы. Орел, 2003. 528 с.
11. Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года. СПб., 1871. 238 с.
12. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977. 360 с.
13. Патриаршая, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. Т. XIII. М., 1965. 532 с.
14. Писцовая книга Орловского уезда 1594/95 гг. // Писцовые книги Московского государства. Издание Императорского Русского географического общества под редакцией действительного члена Н.В. Калачова. Ч. I. Писцовые книги XVI в. Отд. II. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Калужской, Орловской, Тульской. Т. 10. СПб., 1877. С. 853-1073.
15. Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013. 792 с.
16. Словарь орловских говоров. Г (Глодня) Ж. Ярославль, 1990. 135 с.

17. Специальный геометрический план города Орла с заселенной и незаселенной землею купечества, мещанства и разночинцев межевания, учиненного 1778 года мая 18 землемером капитаном Тургеневым // ГАОО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 58.
18. Список населенных мест Орловской губернии. Издание Орловского губстатотдела. Вып. 4-ый. Орловский уезд. Орел, 1927. 196 с.
19. *Фет А.* Воспоминания. В 3-х т. Пушкино, 1992. Т. 3. 469 с.
20. Формулярные списки о службе чиновников Орловской губернии. 1822 год // ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2267.
21. Формулярные списки о службе чиновников присутственных мест Орловской губернии. 1809 год // ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2231.
22. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1987. 638 с.
23. *Ашихмина Е.Н.* Орловские истории. Архивно-краеведческие записки. Орел, 2011. 132 с.
24. *Ашихмина Е.Н.* Топонимика Орловского края в архивных документах // Прошлое глазами историков. К 230-летию Орловской губернии. Материалы научно-практической конференции. 5 декабря 2008 г. Орел, 2009. С. 304-311.
25. *Зенченко М.Ю.* Верхнеокские города. Предисловие // Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013. С. 3-33.
26. *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 260-300.
27. *Пупарев А.Г.* Граф Михаил Федотович Каменский в делах об имуществе // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1892. Вып. III.
28. *Пясецкий Г.М.* Забытая история Орла. Орел, 1993. 251 с.
29. *Пясецкий Г.М.* Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. 208 с.
30. *Тихомиров М.Н.* Список русских городов дальних и ближних // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 83-137; 357-361.
31. *Трубачев О.Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В 4-х т. Т. 1. М., 2004. 803 с.
32. *Фролов И.К.* Изучение археологической структуры микрорегиона // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С. 20-38.
33. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М., 1999. Т. 2. 560 с.
34. *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012. 364 с.

References

1. Epics. Moscow, 1954, 330 p.
2. Book to the Big Drawing, or Ancient Map of the Russian state. Moscow, 1950, 230 p.
3. The book of Okladnaya around the city to the Orel for 1858-1859. State archive of the Oryol region (GAOO), f. 760, op. 1, d. 668.
4. Personal Fund landowner Novosiltsev. Landowners of the Oryol province Novosiltsev. Documents about the land holdings of the landlords Novosiltsev. 1761-1835-1870. GAOO, f. 760, op. 1, d. 1.
5. Boundary Department. Plans of dachas of General and Special mezhevaniye. Oryol province. Oryol district. P. I. Russian state archive of ancient acts (RGADA), f. 1354, op. 321/1, d. 995.
6. Boundary Department. Plans of dachas of General and Special mezhevaniye. Oryol province. Mtsensk district. P. I. RGADA, f. 1354, op. 320/1, d. 992.
7. Boundary Department. Plans of dachas of General and Special mezhevaniye. Oryol province. Mtsensk district. P. II. RGADA, f. 1354, op. 320/2, d. 994.
8. The parish register of the Church of Transfiguration of Orel city for 1802, 1810, 1812, 1814-15, 1817-1821, 1823, 1825 years. GAOO, f. 202, op. 2, d. 202.
9. The search made by the sexton of the Kromsky sjezzy log hut by Kuzemka Dremin and the gunner Fedotka Demyanov about the empty earth in the village of Morozova of the Kromsky district. 1650 on June 7. GAOO, f. 847, op. 1, d. 84.
10. The town of Orel from century to century. Annals of the main events. 1566-2000 years.. Орел, 2003, 528 p.
11. Orel province. List of localities according to the 1866. St. Petersburg, 1871, 238 p.
12. Monuments yuzhnovelikorusskogo adverbs. Exemption books. Moscow, 1977, 360 p.
13. Patriarchal, or Nikon, the chronicle. PSLR, T. XIII, Moscow, 1965, 532 p.
14. Cadastres Orlovsky County 1594/95 period. Cadastres Muscovy. Edition of the Imperial Russian Geographical Society, edited by a full member of N.V. Kalachova. Part I. Cadastres of the XVI century. Dep. II. Area provinces: Yaroslavl, Tver, Vitebsk, Kaluga, Orel and Tula. T. 10. St. Petersburg, 1877, Pp. 853-1073.
15. Cadastres of contiguous Southwestern. Moscow, 2013, 792 p.
16. Dictionary of the Oryol dialects. G (Glodnja) – Zh. Jaroslavl, 1990, 135 p.
17. The special geometric plan of the city Orel to the populated and unpopulated land of merchants, petty bourgeoisie and commoners surveying committed by 18 May 1778 surveyor Captain Turgenev. GAOO, f. 88, op. 2, d. 58.
18. List of settlements in the Orel province. Edition Orlovsky substitute. Vol. 4th. Orlovsky County. Орел, 1927, 196 p.
19. *Fet A.* Memoirs. In 3 vols. Pushkino, 1992, t. 3. 469 p.
20. Official lists of service of officials of the Oryol province. 1822. GAOO, f. 4, op. 1, d. 2267.
21. Official lists of service of officials of office bench of the Orel province. 1809. GAOO, f. 4, op. 1, d. 2231.
22. *Engelgardt A. N.* From the village. 12 letters. 1872-1887. Moscow, 1987. 638 p.
23. *Ashikhmina E. N.* Orel stories. Archival and local history notes. Орел, 2011. 132 p.
24. *Ashikhmina E. N.* Past through the eyes of historians. To 230th anniversary of the Oryol province. Materials of scientific-practical conference. December 5, 2008. Орел, 2009. Pp. 304-311.
25. Cadastres of contiguous Southwestern. Moscow, 2013. Pp. 3-33.
26. *Pletneva S.A.* Old Russian principalities of the X-XIII centuries Moscow, 1975. Pp. 260-300.
27. *Puparev A. G.* Works Orel scientific archival commission Орел, 1892. Vol. III.
28. *Pjaseckij G. M.* Forgotten history of Orel. Орел, 1993. 251 p.
29. *Pjaseckij G. M.* Historical Sketches of the city and county Livny in the political, statistical and church relations. Орел, 1999. 208 p.
30. *Tikhomirov M. N.* Russian chronicles. Moscow, 1979. Pp. 83-137; 357-361.
31. *Trubachev O.N.* Proceedings on etymology. Word. History. Culture. In 4 Vols., V. 1. Moscow, 2004. 803 p.
32. *Frolov I. K.* Archaeological Sites of the European part of the RSFSR Moscow, 1985. Pp. 20-38.
33. *Chernyh P. Ya.* Historical and etymological dictionary of modern Russian. In 2 Vols. Moscow, 1999, t. 2, 560 p.
34. *Shekov A.V.* Upper Oka principalities. Middle XIII – middle of the XVI century Moscow, 2012. 364 p.

В.А. БОБКОВ

кандидат исторических наук, докторант, кафедра истории России, Орловский государственный университет

E-mail:vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

V.A. BOBKOV

Candidate of History, Doctoral student, Department of History of Russia, Orel State University

E-mail:vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

**РЕЛИГИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ АРСЕНАЛОВ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ
В XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**RELIGION IN THE SPIRITUAL LIFE OF THE WORKERS OF THE ARSENALS OF THE MILITARY DEPARTMENT
OF RUSSIA IN THE XVIIITH - EARLY XXTH CENTURIES**

В статье на базе документов архивов и исследований последних лет рассматривается значение религии в духовной жизни работников арсеналов военного ведомства России в XVIII-начале XX вв.

Ключевые слова: арсенал, артиллерия, армия, религия, духовная жизнь.

In the article on the basis of documents, archives and researches of the last years publication, the importance of religion in the spiritual life of the workers of the military arsenals is discussed in Russia in the 18th - early 20th centuries

Keywords: arsenal, artillery, army, religion, spiritual life.

В конце XX в. в России происходили коренные преобразования, переосмысление духовных ценностей, в том числе и исторического места религии в жизни государства и общества. В результате назрели предпосылки для анализа роли религии в духовной жизни человека прошлого, в том числе и военнотрудового. Настоящее рассмотрение посвящено анализу места религии в духовной жизни такой категории военнотрудовых, как работники арсеналов России.

Вероятно, вопрос о вере на новом уровне был поставлен в период правления Алексея Михайловича. Как отмечали, он буквально разрывался между «старинной» и «новизной».

Петр I был тем правителем, для которого важными были деловые качества человека, а не его вера. В апреле 1702 г. Петр I подписывает манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» [1. С. 118]

В деятельности Петра I были многие начала. Петр не только значительно трансформировал взаимоотношения государства и церкви, но и был основоположником нового военно-промышленного производства, в том числе и артиллерийского. Именно Петр основал С.-Петербургский арсенал, ставший на многие десятилетия одним из главных предприятий, производящих артиллерию внутри государства. А значит, анализ места религии в духовной жизни работников арсеналов военного ведомства России правомерно начать с XVIII в. и, по понятным причинам, хронологически остановиться на начале XX в.

После смерти Петра отношения государства (армии) и церкви в России видоизменялись незначительно. Распространением православия среди иностранцев

была готова пожертвовать и Екатерина II. В результате в XVIII в. государство терпимо относилось к верующему военному человеку. При этом только Русской Православной Церкви (РПЦ) оставляли важные привилегии, например, право на распространение своего вероучения. Важнейшим принципом государственного строя России было первенство РПЦ [2. С. 29]

На законодательном уровне закрепили статус ряда исповеданий. Как утверждает Л.Р. Романовская: «принцип веротерпимости отнюдь не означал равенства правового положения различных конфессий» [3. С. 15]

Закрепление статуса конфессий, разрешенных в России, потребовало от делопроизводителей арсеналов фиксации вероисповедания работников. Так, в документах Брянского арсенала выделили следующие пункты, характеризующие работников по вероисповеданиям: 1) православного, 2) римско-католического, 3) протестантского, 4) армяно-грегорианского, 5) магометанского [4. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1979. Л. 5 об.]

Важным материальным элементом формирования духовной культуры на основе религии было наличие храма, в том числе и специализированного военного собора. Как в целом артиллеристы, так и работники арсеналов военного ведомства имели возможность посещать как общегражданские, так и специализированные военные храмы.

Необходимо констатировать, что наличие определенной корпоративности по родам войск в армии России рассматриваемого периода накладывало отпечаток и на духовную жизнь. Об этом свидетельствует появление храмовых построек только одного определенного рода войск. Так, в XVIII в. для артиллерии в целом и работников арсеналов России в частности в С.-Петербурге соз-

дали исторически важную храмовую постройку. Этим архитектурным сооружением была деревянная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского, построенная для артиллерийских чинов в 1731 г. в Пушкарской слободе. Впоследствии именно С.-Петербургскому храму, конечно, архитектурно существенно измененному, была уготована особая судьба – быть главным собором всей артиллерии России.

В конце XVIII-начале XIX вв. произошел сдвиг в области взаимоотношений армии и церкви. Усилилась роль военного духовенства, подотчетного не церкви, а военному руководству государства. Эти преобразования видоизменили фон развития религиозной жизни военнослужащих, в том числе работников арсеналов.

4 апреля 1800 г. появился указ Павла I, ставший точкой отсчета новых реалий в духовной жизни всех верующих военных людей. Павел ввел пост «обер-священника армии и флота» [5. С. 842]

В начале XIX в. обер-священник аккумулировал «управление всем духовенством армии и флота. Первым обер-священником армии и флота стал Павел Яковлевич Озерецковский» [6. С. 842].

Храм в С.-Петербурге стал главным для всей артиллерии России и получил наименование «Сергиевский всей Артиллерии собор». Главенство храма артиллерии в С.-Петербурге было закреплено юридически.

Собор в С.-Петербурге стал центром духовной жизни работников арсеналов. При этом деятельность собора привлекала не только тех лиц, отнесенных к сословию артиллеристов, которые проживали в районе географически близкого С.-Петербургского арсенала, но фактически круг его духовного пространства был значительно шире. В документах встречаются подобные упоминания. Так, в начале XIX в. из переписки генерал-инспектора всей артиллерии и артиллерии подполковника С.И. Зуева следует, что генерал-инспектор повелел отобрать 10 человек военных кантонистов Брянского арсенала «для определения к Сергиевскому Собору в певчие» [7. Ф. 5. Оп. ШГФ. Д. 5502. Л. 215.].

Военные кантонисты (солдатские дети), как особый институт в структуре русской армии, появляется еще при Петре I. В начале XIX в. для обучения детей работников при С.-Петербургском, Киевском и Брянском арсеналах устроили специальные школы.

В школах арсеналов проводили религиозное воспитание. Это достигалось тем, что помимо общих дисциплин изучали предметы, воспитывающие в будущем работнике арсенала православного человека. Так, кантонисты в школе Брянского арсенала «заучивали псалтырь, изучали священную историю» [4. Ф.221. Оп.3. Д.2.Л.18 об.].

В результате, стоит говорить о наличии системной работы, с юных лет формирующей мировоззрение работников арсеналов России в векторе развития православия. Повзрослев и набравшись опыта, дети сменяли своих родителей.

В определенном смысле повезло работникам арсеналов, расположенным в крупных городах. Так, велико-

лепные храмовые строения находились в древнем Киеве. А значит, не только арсенальцы Санкт-Петербурга, но и работники Киевского арсенала имели возможность удовлетворить свои религиозные потребности в целом ряде храмов. В Киеве были построены Киевский военно-Николаевский собор, церкви Киевского военного госпиталя в честь Покрова Пресвятой Богородицы, Киевской военно-Прозоровской Свято-Владимира-Александроневской церкви и ряд других. Вероятно, главным храмом для работников Киевского арсенала являлся Киевский военно-Николаевский собор.

Собор имел интересную историю создания. Первоначально в 1696 г. под руководством Осипа Старцева по инициативе И. Мазепы «был построен Большой Пустынно-Николаевский монастырь» [8. С. 130]. Впоследствии храм стал называться Киевским военно-Николаевским собором. Символом принадлежности собора к военному министерству были пушки, установленные в 1831 г. рядом с храмом.

Прихожанами собора состояли разные воинские части, учреждения и заведения, не имеющие своих храмов и штатных священников. Вероятно, среди прихожан именно этого храма было немало работников и членов семей работников Киевского арсенала.

На фоне значительного количества военных храмов в С.-Петербурге и Киеве, Казань и Брянск, где также находились достаточно крупные арсеналы военного ведомства, в этом отношении выглядели скромнее.

Арсенал военного ведомства в Казани существовал относительно короткий промежуток времени – с 1812 г. по 1850 г. До начала XIX в. «функцию православного военного храма в Казанском кремле выполняла церковь во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы» [9. С. 64].

В 1815 г. в Казани был сильный пожар, в результате в городе пострадали многие строения, в том числе арсенал и военная церковь [10. Ф.503. Оп. 3. Д. 339. Л.175]. Новым военным храмом в Казани была определена Кремлёвская Спасская церковь. К числу прихожан именно Кремлёвской Спасской церкви, вероятно, относились и работники Казанского арсенала.

Специального военного храма в провинциальном Брянске не было. Поэтому работники Брянского арсенала посещали общегражданский храм. Первоначально за арсеналом была закреплена Покровская церковь.

Как сообщается в издании «Историческое описание церквей, монастырей и приходов Орловской епархии» впоследствии работники арсенала в Брянске посещали Смоленскую церковь.

Приход Смоленской церкви был расположен по правую сторону р. Десны и занимал ровную и живописную местность вблизи Брянского арсенала. «Прихожане состояли частью из коренных жителей г. Брянска, частью из элемента пришлого, к которому относятся преимущественно рабочие Брянского арсенала» [11. С. 7].

Первый приходской Смоленский храм находился на Авилонской улице. В 1875 г. земля, занимаемая им, была куплена казною под сборную мастерскую Брянского арсенала, а храм был сломан. Арсенал разрастался, но

с одной стороны была река, а с другой – храм, и для усиления предприятия сломали храм. Вновь проявлялся принцип Петра I, и дело оказывалось важнее религиозных чаяний. Пожертвовали удобством прихожан, в результате богослужение совершалось во временно-устроенном молитвенном доме.

Наконец, в 1881 г. начали строительство каменного храма во имя иконы Смоленской Божией Матери с двумя теплыми пределами: во имя Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил и св. Великомученицы Варвары. Теплый храм окончен постройкой и освящен в 1886 г.

К концу XIX в. арсенальцы Брянска православной веры получили возможность в полном объеме удовлетворять свои религиозные потребности. Несколько иначе обстояло дело с работниками арсенала, исповедовавшими другую веру.

В провинциальном Брянском арсенале, расположенном на исконно православных территориях, также вставали подобные вопросы религиозного характера. В частности, уже в начале XIX в. к командиру Брянского арсенала с просьбой об удовлетворении их религиозных чувств приходили работники-иноверцы, а он для решения проблемы обращался к местному церковному руководству. Так, 7 апреля 1825 г. командир Брянского арсенала написал Господину Преосвященнейшему Епископу Гавриилу Орловскому и Севскому (Брянск в рассматриваемый период являлся уездным городом Орловской губернии), о том, что работающие в арсенале «мастеровые католического исповедания Матвей Граков, Симон Тышкевич, Исаак Михайлов, иудейского исповедания Кузьма Матвеев – желают быть присоединены к восточной грекокатолической церкви с обещанием сохранить все ее догматы до скончания жизни нерушимы. Желая доставить им способ к такому присоединению, а потому Ваше превосходительство покорнейше прошу о присоединении вышеписанных мастеровых к восточной грекокатолической церкви по сердечному их желанию не оставьте учинить чрез кого следует вашу архипастырскую резолюцию» [4. Ф. 221. Оп. 3. Д. 108. Л. 197].

Решение подобных вопросов могло быть ускорено при нормальном развитии реформы управления военным и морским духовенством, начатой в начале XIX в. при Павле I.

Проблемы иноверцев в Брянске были решены. К середине XIX в. для удовлетворения потребности работников арсенала сложилась практика приезда в Брянск представителя из военного духовенства иноверческой религии. Так, 29 мая 1852 г. Брянский городничий Минин уведомил начальника Брянского арсенала, что военный капеллан 6 округа отдельного корпуса внутренней стражи отношением своим от 24 мая за №4 уведомил его, что он для исполнения духовных треб людям римско-католического исповедания прибудет в г. Брянск сего месяца 11 числа.

Для удовлетворения религиозных потребностей иноверцев в воинских частях Орловской губернии в Орле открыли курагу Римско-католической церкви.

Помимо крупнейших непреходящих (местных) арсеналов военного ведомства в Санкт-Петербурге, Казани, Киеве и Брянске, как известно, существовали и окружные артиллерийские арсеналы. Этим арсеналов было значительно больше, и размещались они сообразно необходимости в текущем ремонте артиллерии по всей территории государства в том или ином артиллерийском округе, а после реформы Д.А. Милютинина – в различных военных округах.

Окружные артиллерийские арсеналы были учреждены: в Варшаве, Динабурге, Свеаборге, Керчи, Георгиевске, Тифлисе, Оренбурге, Ташкенте и Чите. Отсутствовало помещение для отправления богослужения: в Финляндском, Виленском, Варшавском и особенно Кавказском военных округах. Во всех артиллерийских бригадах было более 50 тысяч православных, лишенных воздействия христианского воспитания.

На территориях со значительным присутствием православных и недавно вошедших в Россию было меньше затруднений с реализацией религиозных потребностей работниками арсеналов. Так, служащие Тифлисского окружного арсенала посещали близлежащие церкви. Этому способствовало расположение Тифлисского окружного арсенала в известном в Грузии месте «у подножья горы Св. Давида» [12. С. 177].

Вероятно, наиболее популярна была церковь, построенная вблизи арсенала над могилой Св. Давида. Русский офицер Федор Торнау, проходивший службу в Тифлисе, так описал ее в своих записках: маленькая церковь была на горе, «возвышающейся над арсеналом» [12. С. 196].

В конце XIX в. в Тифлисе был построен более крупный Александро-Невский военный собор.

Для удовлетворения религиозных потребностей работников арсеналов в отдаленных пограничных военных округах в своем большинстве с неправославным населением ситуация обстояла иначе.

Потребность в сохранении своей самости для православного человека на указанных территориях, бесспорно, возрастала. Как показали события, проблемы удовлетворения религиозных потребностей работников арсеналов на отдаленных от центра неправославных территориях во многом решали за счет собственных усилий начальников арсеналов. Так, в Приамурском военном округе в г. Хабаровске находился окружной арсенал, при предприятии была построена церковь во имя Преподобного Симеона Столпника. Руководителем Хабаровского окружного арсенала в этот период времени был известный военный деятель Семен Николаевич Ванков.

Хабаровский окружной арсенал находился на правом берегу реки Амура, в пяти верстах от г. Хабаровска. В 1906 г. под руководством генерал-майора Ванкова на втором этаже казармы была устроена церковь, вмещавшая 500 человек. Звонницу расположили над входной дверью. До 1 сентября 1910 г. своего причта при церкви не было, и богослужение совершал приходской священник г. Хабаровска.

Несколько иной ситуация была на другой окраине Российской империи в стратегически важном Варшавском военном округе. Религиозную политику военного ведомства в этом военном округе, вероятно, стоит назвать как минимум непродуманной. Так, при беспечности властей России военный контингент в Польше медленно духовно ассимилировался местным населением. Русские военнослужащие часто женились на польках, но их дети почти всегда воспитывались в католичестве. После восстания в Польше ситуация начинает трансформироваться. «В 1836 г. вышел закон о смешанных браках, согласно которому дети от браков православных с иноверцами должны были креститься и воспитываться в православной вере» [13. С. 150].

Подобные меры не могли кардинально изменить существующую негативную для России тенденцию. Был еще один отрицательный аспект в реализации духовного присутствия России в Польше. Русская церковь миссионерской деятельностью в Польше не занималась.

В этой связи работники Варшавского окружного арсенала оказались в наиболее сложной ситуации и сами могли попасть под влияние неправославной религии.

Все это налагало на руководство Варшавского окружного арсенала особую ответственность по поддержанию религиозно-духовного развития работников. В итоге при Варшавском окружном арсенале была построена церковь Преподобного Сергия Радонежского. Церковь находилась на Стальной улице предместья Варшавы – Праги, занимая одну из комнат арсенала и вмещающая до 400 человек. В Варшаве, как и в Хабаровске, проблемами удовлетворения религиозных потребностей

работников арсенала занимался местный руководитель арсенала. Варшавским окружным арсеналом руководил генерал-майор Я. И. Филиппов, который изыскал необходимые на постройку средства.

Императорская власть принимала меры к укреплению организационных позиций РПЦ в армии. Созданной в 1872 г. при Главном штабе Военного министерства комиссией были выработаны «Краткий Молитвенник для православных воинов» и особая «программа Закона Божия» для учебных команд. Оргструктуры РПЦ функционировали на двух основных направлениях: 1) пастьрская деятельность; 2) религиозно-просветительная деятельность [14. С. 19].

Важность удовлетворение религиозных потребностей в армии, в том числе и на военно-промышленных предприятиях, изготавливающих артиллерию, понималась на самом высоком уровне власти.

В итоге, можно отметить, что работники арсеналов России составляли единое целое с армией России. Их жизнедеятельность регулировалась едиными правовыми нормами и предписаниями. При этом имелись и различия, в том числе и в духовном развитии, на которое, безусловно, влиял целый ряд существенных и второстепенных обстоятельств. Так, оказывалась немаловажной географическая отдаленность того или иного арсенала от развитой инфраструктуры, нахождение его вблизи границы или расположение в месте, населенном в том числе и представителями иных вероисповеданий. Все вышеуказанное подтверждает, что вес религии в жизни работника арсеналов военного ведомства России XVIII-начале XX вв. был огромным.

Библиографический список

1. *Копылов А.Н.* Католическая Церковь в России (конец IX – начало XXI вв.). М.: Издательство «Спутник+», 2012.
2. *Левин В.Ф.* Борьба Российского государства и РПЦ с религиозными правонарушениями в 1820 - е – 1917 гг. (на материалах Среднего Поволжья). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. истор. н. Саранск 2011.
3. *Романовская Л.Р.* Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. н. Нижний Новгород, 2006.
4. Государственный архив Брянской области.
5. *Горемыкин Н.Д.* Павел Озерецковский – первый по времени, обер-священник (Из дней Павла I) // Русская старина, 1887. Т. 56. № 12.
6. *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX-начала XX веков. М. 2008.
7. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.
8. Павленко С. Иван Мазепа як будівничий української культури. Киев. 2005.
9. *Абдуллин Х.М.* Главный военный храм Казани. Спасская военно-кремлевская церковь // Военно-исторический журнал. №12, 2012.
10. Российский государственный военно-исторический архив.
11. Историческое описание церквей и приходов Брянского уезда. Напечатано по изданию: Историческое описание церквей, монастырей и приходов Орловской епархии. Орел. 1905. Белые Берега. 2008.
12. *Федор Торнау.* Записки русского офицера. Текст соответствует изданию: Ф.Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера. М. 2002.
13. *Сокол К.Г., Сосна А.Г.* Купола над Вислой: Православные храмы в Центральной Польше в XIX - начале XX века. М. 2007.
14. *Таранова И. С.* Деятельность органов государственной власти и военного управления по нравственному и патриотическому воспитанию офицеров армии (1860-е – 1870-е гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. н. Саранск 2012.

References

1. *Kopylov A.* The Catholic Church in Russia (end of the 9 th - the beginning of the 21 centuries). M: Publishing house “Sputnik+”, 2012.
 2. *Levin V.F.* Struggle of the Russian state and the Russian Orthodox Church with religious offences in the 1820-s - 1917 (on materials of the Middle Volga region). The dissertation of Doctor of historical sciences. Saransk 2011.
 3. *Romanovskaya L.R.* The Gentiles in the Russian Empire (historical and legal research). The dissertation of Candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2006.
 4. The state archive of the Bryansk region.
 5. *Goremykin N.D.* Pavel Ozeretskovsky is the first in his time, chief priest (From the days of Paul I) // Russian olden time, 1887. № 12.
 6. *Kapkov K.G.* Commemorative book of the Russian military and naval clergy of the 19th - the beginning of 20th centuries. M. 2008.
 7. Archive of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal troops.
 8. *Pavlenko C.* Ivan Mazepa as the architect of Ukrainian culture. - Kiev. 2005.
 9. *Abdullin H.M.* Chief military temple of Kazan. Spasskaya military-Kremlin chapel // Military-history magazine. №12, 2012.
 10. Russian state archive of military history.
 11. Historical description of churches and parishes of the Bryansk district. Printed according to publication the historical description of churches, monasteries and parishes of the Orel diocese. Orel. 1905. Belye Berega. 2008.
 12. *Fedor Tornau.* Notes of a Russian officer, corresponds to the edition: F.F. Tornau. Memories of a Russian officer. M. 2002.
 13. *Sokol K.G., Sosna A.G.* The domes above the Vistula river: the Orthodox churches in Central Poland in the 19th - early 20th century. M., 2007.
 14. *Taranova I. S.* The activity of state organs and military control on moral and patriotic education of the officers in the army (1860-1870). The dissertation of Candidate of historical sciences. Saransk 2012.
-
-

С.В. БУКАЛОВА

кандидат исторических наук, кафедра политологии, государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал)
E-mail: stl1612@yandex.ru

S.V. BUKALOVA

Candidate of History, Department of political science, state and municipal governance, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel branch)
E-mail: stl1612@yandex.ru

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК АКТОР СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

MUNICIPAL AUTHORITIES AS AN ACTOR OF THE LOCAL SOCIAL PARTNERSHIP: TASKS AND OPPORTUNITIES

Статья рассматривает задачи реализации программ социального партнёрства на муниципальном уровне, выделяя роль местных органов власти в организации взаимодействия с общественными объединениями и бизнесом в рамках территориального образования. Автор полагает, что органам местного самоуправления принадлежит роль инициатора применения технологий социального партнёрства на местном уровне.

Ключевые слова: межсекторное социальное партнёрство, местное самоуправление, соседское сообщество.

The article reviews the tasks of the realization of social partnership programs on the municipal level, distinguishes the role of the local authorities in arranging the interaction between the local agency, public associations and business in the frames of territorial district. The author considers that local authorities can play the initiative role in implementing technologies of the social partnership on the local level.

Keywords: multi-sectoral social partnership, local government, local community.

Стратегической целью развития страны, отраженной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, является переход к инновационной социально ориентированной модели развития[1]. Это подразумевает особое внимание не только к технологическим, но прежде всего к социальным инновациям, определяет приоритетность вопросов развития человеческого капитала, институтов гражданского общества.

Конституция Российской Федерации 1993 года закрепляет право населения на осуществление местного самоуправления, при котором вопросы местного значения решаются местной муниципальной властью. Переход от жестко централизованного государственного управления огромной страной к устройству, в котором система органов местного самоуправления исключена из вертикали государственной власти, открывает огромные возможности участия граждан в общественной жизни и ведет к формированию новой, социально активной и ответственной личности. Однако, несмотря на появление возможностей существенно влиять на условия и качество собственной жизни, непосредственно участвовать в управлении обществом, которые открылись с развитием в нашей стране местного самоуправления, социальная активность граждан остается весьма низкой. Это объясняется целым рядом причин: традиционно негативным, недоверчивым, от-

чужденным отношением населения к любым властным структурам, низким уровнем правовой и гражданской культуры, неуверенностью в успехе своего участия, социальным пессимизмом, обусловленным в том числе экономическими трудностями, с которыми столкнулось большинство граждан. Особое место среди факторов, обуславливающих слабую социальную активность населения, занимают низкий уровень межличностного доверия, гражданской инициативности и ответственности, неразвитость социальных связей и взаимодействий в рамках определенной территории – всё то, что в целом характеризует степень самоорганизации местного сообщества, его способность устанавливать коммуникацию с целью обеспечения своего оптимального функционирования и развития.

Недостаточность ресурсов развития является основной проблемой подавляющего большинства муниципальных образований, которые не располагают собственными материальными, финансовыми, кадровыми, технологическими ресурсами для инвестирования в стратегическое развитие своей территории. Основным ресурсом, которым владеют муниципальные образования, остается социальный ресурс – потенциал инициативы, формальных и неформальных связей населения, общественных некоммерческих организаций, представителей бизнеса. Способом мобилизации социальных ресурсов выступают технологии **социального партнерства**.

Феномен социального партнёрства возник в сфере трудовых отношений как альтернатива классовой борьбе и по мере своего теоретического и организационного развития был принят в качестве основного принципа организации современного общества. Это явление имеет сложную природу, является многофункциональным, полисубъектным, проявляющимся в разных сферах социальной жизни[3]. В основу расширительной, т.н. «**межсекторной**», концепции социального партнёрства положен принцип взаимовыгодного сотрудничества между тремя основными сферами общественного бытия – государством, бизнесом и гражданским обществом[2], которые предстают в качестве **субъектов** социального партнёрства. Таким образом, **участниками** партнёрства становятся органы власти, коммерческие предприятия и некоммерческие организации.

Каждый из этих акторов обладает уникальными **ресурсами**[10]. Для властных структур это возможность нормировать общественные процессы, для бизнеса – обладание финансовыми ресурсами, для структур гражданского общества – инициативность, способность генерировать новые идеи. Соединение этих ресурсов способно порождать **синергетический эффект**, на использовании которого и строятся современные концепции социального партнёрства.

К предмету социального партнёрства относят весь спектр вопросов социально-экономического и политического развития общества. Таким образом, социальное партнёрство можно определить как **совокупность механизмов совместной деятельности субъектов общественных отношений на основе достижения консенсуса по актуальным проблемам экономической и социально-политической жизни общества**. В более широком смысле социальное партнёрство можно рассматривать как процесс формирования социального государства.

Общий интерес трёх секторов на местном уровне заключается в разработке и реализации такой социально-экономической политики, которая обеспечивала бы поступательное и устойчивое развитие всего территориального образования, становясь, тем самым, необходимым условием реализации интересов каждого из субъектов территориального социума. Механизмом разработки, принятия и реализации этой политики и является социальное партнёрство.

Представляется достаточно очевидным, что значительная часть интересов и потребностей человека возникают и удовлетворяются на местном уровне, и степень их реализации во многом зависит от эффективности работы муниципальной власти. По мере роста благосостояния у людей появляется внимание к качественным характеристикам своего существования и появляется осознанная потребность регулировать это качество самостоятельно или совместно с соседями.

Основными направлениями активности соседских сообществ могут стать, прежде всего, решение коммунально-бытовых проблем, охрана порядка и профилактика асоциального поведения, улучшение

экологии ближайшей среды обитания, реализация спортивных, образовательных и культурных досуговых программ[6]. Следует подчеркнуть, что полноценная реализация этих целей возможна только в парадигме социального партнёрства.

Опыт электоральных кампаний последних лет показывает буквальную заикленность избирателей на своих личных и бытовых проблемах, немедленного решения которых они требуют от «*власти*», независимо от её уровня и полномочий. Население относится к органам местного самоуправления не как к своим представителям, отобранным среди лучших и наделённым доверием, полномочиями и возможностями определять стратегию решения важнейших проблем, а как к «начальникам», которым государство поручило «заботиться о людях». Большинство жителей всё ещё не готовы воспринимать муниципальную власть как негосударственную, неподконтрольную вышестоящим органам, зависящую исключительно от населения, от волеизъявления жителей соответствующих территориальных образований. Муниципальные органы воспринимаются населением как «внешний» властный институт, а не как орган самоуправления.

Самого факта существования и функционирования формальных организационных структур местного самоуправления оказывается недостаточно как для оказания гражданам действенной социальной поддержки, так и для решения большинства местных проблем. Никакая городская политика не может быть успешной, если она не опирается на вовлечённость жителей микрорайонов, не поддерживается и не контролируется их организованным населением. Одним из условий эффективной работы местного самоуправления является непосредственное участие в нём местных жителей, их вовлечённость в решение вопросов местной жизни. Пока же повсеместно на муниципальном уровне можно наблюдать атмосферу социальной апатии и институциональной инертности[9].

Таким образом, на повестке дня стоит задача создания новой системы социальных связей и отношений, необходимой для интенсивного использования социальных ресурсов для развития муниципального образования. Эволюция местного самоуправления, его превращение в дееспособный институт предполагает рост самоорганизации местных сообществ[4]. Действенным партнёром власти и полноправным актором социального партнёрства способна стать активная часть населения, представляющая собой организованное сообщество. Политика муниципальных органов должна содействовать развитию «снизу» структур самоорганизации населения.

Сотрудничество органов власти и общественных организаций жителей является естественным способом повышения эффективности деятельности местного самоуправления, направленным на повышение качества жизни в муниципальном образовании в целом, что в наибольшей степени отвечает интересам граждан и служит расширению общественной поддержки органов власти[7].

Настоятельной необходимостью становится организационное оформление мелких территориальных (соседских) сообществ, связанных чувством локальной идентичности, иначе говоря – переход от пространственной *самоидентификации* к пространственной *самоорганизации*[8].

Население может стать сообществом, если его часть самоорганизуется в какие-то структуры, начнет действовать как субъект местной жизни, целенаправленно и совместно. Но не следует полагать, что организованное, структурированное и институционализированное соседское сообщество возникнет «само по себе». Хотя речь и идет о самоорганизующихся сообществах, самоорганизация является их свойством, а не способом появления. Они *могут* появиться, но превращение возможности в действительность требует определенного приложения энергии заинтересованных сторон, прежде всего – органов местного самоуправления.

Для социального партнёрства важна поддержка местной власти уже на начальном, иницирующем этапе. В интересах скорейшего создания плотной сети локальных сообществ ей должна принадлежать роль инициатора и координатора общественных инициатив[5]. Необходимо создание институтов мобилизации потенциала граждан по месту жительства: кто-то должен начать системную работу по инициированию позитивной гражданской активности на местах, по пошаговому созданию довольно сложной инфраструктуры местных сообществ.

При отсутствии иницирующего импульса объединение может возникнуть позднее, чем это было необходимо, или же общественная проблема может породить контрпродуктивную форму организации граждан, изначально настроенную конфронтационно. В англо-саксонских странах, где общинная демократия считается основой политической системы, такой ключевой фигурой, дающей толчок и поддерживающей развитие местных сообществ, является профессиональный социальный организатор (*фасилитатор*, социальный аниматор), чья миссия – способствовать самоорганизации жителей для позитивных изменений в их жизни[8].

Профессиональные организаторы внутри территорий муниципальных образований становятся катализаторами самоорганизации местных сообществ, начиная с процессов агрегирования общественных интересов и инициирования некоммерческих, негосударственных, добровольных организаций, вырастающих из гражданских инициатив.

Первая и важнейшая задача развития соседского общества как участника социального партнёрства состоит в пробуждении социальной активности жителей, привлечении их к совместной реализации программ на локальном уровне. Именно деятельность как способ существования социального превращает через систему общественных отношений простую сумму индивидов в некоторую органическую целостность. Справиться с этой задачей в большинстве случаев под силу только социальному организатору, прошедшему профессиональную подготовку и владеющему специальными методиками. Социальный организатор – внешний агент развития, выступающий в качестве «ядра кристаллизации» соседского сообщества, – может действовать от имени международных организаций, государственных структур, органов местного самоуправления[5]. Очевидно, что наиболее реалистичным, приемлемым и выполнимым является именно последний вариант. Обязанности социального организатора состоят в привитии людям навыка и желания общественного участия в принятии решений, стимулировании интереса к осуществлению управления хотя бы небольшими соседскими сообществами, массового обучения жителей простейшим алгоритмам добрососедских отношений, самоорганизации и самоуправления, основам проектного мышления, умению ведения собраний и переговоров.

Многообразие местных проблем обуславливает возможность удовлетворения разнообразных интересов, реализации знаний и навыков жителей благодаря их участию в общинной деятельности. Это может быть охрана природы, работа с детьми и юношеством, помощь пожилым людям, организация досуга, различных мероприятий и т.п. Органы общественной самодеятельности по месту жительства граждан располагают большими возможностями по диагностированию семей, в которых в силу того, что родители не уделяют должного внимания воспитанию, дети склонны к асоциальному поведению, а также по общественному воздействию на такие семьи, оказанию им разносторонней помощи в решении жизненных проблем. Соседское сообщество может способствовать профилактике бытовых преступлений, охране правопорядка и поддержанию безопасности на своей территории. Таким образом, привлечение людей к участию в ассоциациях, деятельности общины позволяет не только укрепить социальные связи, но и развивать функциональные интересы в различных группах и организациях местного сообщества, открывая возможности для самореализации и самоутверждения личности.

Библиографический список

1. Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2009. 400 с.
2. Бондарчук Е.А., Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: объединение ресурсов бизнеса, власти и общества на территории МО (Местное самоуправление – новые технологии развития) // Местное устойчивое развитие. Электронный журнал Фонда Устойчивое развитие. Электронный ресурс: URL: http://fsdejournal.ru/pdf-files/2010/bondarchuk_yakimets_03-2010.pdf.
3. Зинченко Г. П., Рогов И. И. Социальное партнерство: Учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; Академцентр, 2009. 224с.
4. Киричук Н.А. Межсекторное социальное партнерство: определение, механизмы и лучшие практики. Новосибирск: МОФ СЦПОИ, ИнА-Центра, 2011. 86 с.

5. *Кокарев И.Е.* Местные сообщества и местное самоуправление: технологии участия: пос. для организаторов. Серия «Библиотека местного самоуправления», Выпуск 63. М.: МОНФ, 2007. 208 с.
6. *Плотников А.И.* Межсекторное партнерство как социальная инновация для муниципальной власти России // Современные научные исследования и инновации. Май, 2011. Электронный ресурс: URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/404>.
7. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия: Практич. пос. Под ред. А.Е. Шадрина, зам. директора Департамента стратегического управления (программ) и бюджетирования Минэкономразвития России. М.: Агентство социальной информации, 2008. 488 с.
8. Технологии социального партнерства в стратегическом развитии муниципального образования: учебно-метод. пос. Под ред. к.э.н., доц. С.А. Иванова. СПб.: РИЦ ГМУ, 2003. 153 с.
9. *Шомина Е.* Глобальные проблемы местного самоуправления. М.: Фонд РОПЦ, 2004. 80 с.
10. *Якимец В.Н.* Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы: Научное издание. М.: УРСС, 2004. 382 с.

References

1. *Avtonomov A.S. Gavrilova I.N.* Social politics in the context multi-sectoral interaction. M.: Moscow general archives publishing department, 2009. 400 p.
 2. *Bondarchuk E.A., Yakimets V.N.* Multi-sectoral social partnership: joining of the business, government and society resources on the territory of the municipal district (Local self-government - new technologies of the development) Local sustainable development. Electronic magazine of the Sustainable development Foundation. URL: http://fsdejournal.ru/pdf-files/2010/bondarchuk_yakimets_03-2010.pdf.
 3. *Zinchenko G.P., Rogov I.I.* Social partnership: Textbook. M.: Dashkov and company, Academcenter, 2009. 224 p.
 4. *Kirichuk N.A.* Multi-sectoral social partnership: definition, mechanism and the best practices. Novosibirsk: MOF SCPOI, In-A Center, 2011. 86 p.
 5. *Kokarev I.E.* Local communities and the local self-government: technologies of participation: manual for organizers. Series «Library of self-government» Vol.63. M.: MONF, 2007. 208 p.
 6. *Plotnikov A.I.* Multi-sectoral partnership as a social innovation for the municipal authorities in Russia // Contemporary scientific researches and innovations. May 2011. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/404>.
 7. Social partnership and the development of the civil society institutes in the regions and the municipal districts: practice of the multi-sectoral interaction: manual. Ed. A.E. Shadrin, vice-director of the Strategic management and budgeting department of the Ministry of the economic development of Russian Federation. M.: Social information agency, 2008. 488 p.
 8. Technologies of the social partnership in the strategic development of the municipal district: educational-methodic manual. Ed S.A. Ivanov, Candidate of Econ.Sci. SPb.: RNC GMU, 2003. 153 p.
 9. *Shomina E.* Global problems of local self-government. M.: ROPC Foundation, 2004. 80 p.
 10. *Yakimets V.N.* Multi-sectoral social partnership: fundamentals, theory, principles, mechanisms: scientific edition. M.: URSS, 2004. 382 p.
-

УДК 342.725:81 (574)

UDC 342.725:81 (574)

Е.Н. БУРДИНА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра «Правовые дисциплины», Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева

С.Ш. КАЗИЕВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории и социально-гуманитарных дисциплин, Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева
E-mail: sattarkaz@yandex.kz

E.N. BURDINA

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of "Legal disciplines", North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev

S.SH. KAZIYEV

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of History and Social and Humanitarian Disciplines, North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev
E-mail: sattarkaz@yandex.kz

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СССР (1926-1933)

THE KAZAKH LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF NATION-BUILDING IN USSR (1926-1933)

В статье рассматриваются юридические гарантии, практика и проблемы использования казахского языка как государственного языка КАССР в условиях национального строительства и перехода к функциональной коренизации государственного аппарата в 1926-1933 годах.

Ключевые слова: казахский язык, государственный язык, нациестроительство, коренизация, национальная политика.

The legal guarantees practice and problems of use of the Kazakh language as the official language of KASSR in the conditions of nation-building and transition to functional indigenization of state machinery are considered in the article.

Keywords: Kazakh language, official language, nation-building, indigenization, national policy.

Во второй половине 1920-х годов в Советском Союзе продолжался поиск оптимальных путей нациестроительства, исходными началами которого были свобода и равенство народов, автономизация в рамках федеративного государственного устройства, экономическое выравнивание и развитие культуры народов [4, с. 45; 14 с. 63; 7, с. 70]. Решение национального вопроса предполагало формирование наций, национального самосознания и преодоление множественности идентичностей в строящемся социалистическом государстве.

По данным академика С.З. Зиманова, на 1926г. в СССР насчитывалось 35 национально-территориальных образований, из которых союзных республик – 6, автономных республик – 15, автономных областей – 14 [6, с. 38]. Предоставление центральной властью автономий давало коренному нерусскому населению статус государствообразующей нации, следствием которого выступало формирование национального кадрового состава государственных служащих, управленцев, партийных работников и национальной интеллигенции. Данная система мер в национальной политике Советского государства известна как коренизация.

Значительная роль в нациестроительстве в СССР отводилась языку титульной нации: придание ему статуса государственного языка гарантировало равенство народов, юридически закрепляло его действие в различных сферах жизни общества, делало инструментом внутриэтнической и межэтнической интеграции, высту-

пая атрибутом суверенитета национальных республик и областей.

В РСФСР на 1926 г. насчитывалась 21 национально-территориальная единица, в том числе 10 автономных республик и 11 автономных областей [6, с. 38]. Одной из автономных республик Советской России (до 1936 г.) была Казахская Советская социалистическая республика. Доля «титульного» населения Казахстана на 1926 г. составляла 58,5%. Из нетитульного населения самыми многочисленными были русские и украинцы – 34,5% [12, с. 586-587.]. Учитывая национальный состав республики, в КАССР государственными языками становятся казахский и русский языки.

Рассмотрим степень обеспеченности гарантий действия, социальной, экономической и юридической защиты казахского языка в контексте советской государственной политики национального строительства.

Правовой статус казахского и русского языков получил закрепление в ряде нормативных правовых актов ещё в начале 1920-х гг.: декрете Совнаркома КАССР от 2 февраля 1921 г.; декрете ЦИКа КАССР от 22 ноября 1923 г. [1, с. 58], декретом ВЦИК от 14 апреля 1924 г. [5].

Дальнейшее развитие языкового законодательства и его реализация проходили в условиях построения основ социализма. Постановление СНК КАССР от 29 декабря 1929 г. было направлено, главным образом, на обеспечение действия казахского языка во всех учреждениях по обслуживанию населения, Постановлением

КазКрайкома ВКП(б) от 4 апреля 1933г. [13] и Постановлением КазЦИКа и СНК КАССР от 17 мая 1933г. вводились в обязательном порядке делопроизводство и переписка на казахском языке в шести правительственных органах Казахстана – КазЦИКе, Наркомате просвещения, Наркомате здравоохранения, Рабоче-крестьянской инспекции, Наркомате земледелия, аппарате СНК КАССР. В других народных комиссариатах, краевых органах, хозяйственных учреждениях допускалось ведение переписки на двух языках – казахском и русском. Во всех районных организациях, в которых казахское население составляло не менее 40%, – делопроизводство и переписка с центральными и областными организациями должны были вестись на казахском языке. В остальных районах – на казахском и русском языках. Исключение составляли «восточно-национальные» районы (узбекские и уйгурские) [19, с. 115].

Функционирование государственного аппарата и обслуживание населения на казахском языке в советских государственных и партийных органах в значительной степени обеспечивалось коренизацией госаппарата (с мая 1926г. – посредством функциональной коренизации) [1, с. 254.]. По данным исследования А.П. Кучкина, до введения функциональной коренизации по краевым государственным учреждениям Казахстана знающие казахский язык сотрудники составляли 5% [10, с. 254-256]. В руководящих советских органах Казахстана на 1929 г. казахи составляли 45%, в низовых Советах – 52%. Наблюдается рост числа казахских партийных кадров: в 1925 г. – 30,7%; в 1929 г. – 41,2% [10, с. 254-256]. Степень коренизации государственного аппарата и владения сотрудниками казахским языком, по мнению Л.К. Шотбаковой, на 1932 г. в среднем составили 32%, т.е. порядка трети членов государственного управления краевого уровня могли обслуживать население на языке титульной нации. Из них «европейцы», владеющие казахским языком, составили 220 из 1562 сотрудников (14,8%). Весь краевой аппарат действовал на двух государственных языках КАССР [19, с. 119].

Советское государство прибегло к мощному административному и финансовому ресурсам в целях продвижения перевода делопроизводства на языки «титульных» наций и установления фактического равенства народов страны Советов. Эта тенденция чётко обозначилась как часть нациестроительства СССР. Представим в самых общих чертах основные меры и результаты данного направления национальной политики советского государства.

Наркомат юстиции обеспечил издание кодексов, законов, инструкций на казахском языке и рассылку всем органам советской власти на местах. По данным отчёта Наркомюста ЦИКу КАССР постановления Центральной власти РСФСР и КССР издавались на казахском и русском языках в «Вестнике национал-крестьянского Правительства КССР», все циркуляры и распоряжения по судебной линии печатались в «Объявлениях Наркомюста КССР», издаваемых на двух языках. Были переведены и изданы на казахском языке

к 1925г. Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный, Гражданско-процессуальный кодексы. Кодекс законов о труде, Земельный, Гражданский кодексы переведены и подготовлены к изданию.

Судебно-следственные органы республики были обеспечены нормативными правовыми актами на казахском языке. В волостях с казахским населением делопроизводство в судах и судоговорение проходило на казахском языке, в смешанных по национальному составу волостях – на казахском и русском языках. Губернские суды Букеевский и Адаевский, в которых преобладало казахское население, делопроизводство полностью вели на казахском языке. Во всех губернских судах Казахской республики были созданы отделения судов с производством дел на казахском языке [2, с. 92].

В КАССР предусматривалась подготовка в течение ближайших 3-4 лет основных специальностей из числа казахов (агрономы, врачи и др.) и организация специального фонда для выполнения этой задачи [1, с. 238]. Руководство Казахстана ввело систему учёта и распределения казахских работников через биржу труда. С октября 1926 г. по март 1927 г. через биржу труда распределено 96 казахских работников среднего звена [1, с. 254-255].

На конец августа 1927 г. было проведено 7 курсов по подготовке квалифицированных специалистов в области делопроизводства, связи, счетоводства, машинописи из числа казахского населения (обучение прошло 395 человек). Для получения знаний по казахскому языку при государственных учреждениях, в соответствии с Постановлением СНК КАССР от 12 января 1927 г. «О курсах обучения европейских работников казахскому языку» были открыты двухмесячные курсы, которые прошли 1464 человека [1, с. 254-255].

Предпринимались шаги по повышению заинтересованности в изучении казахского языка как государственного языка специалистами неказахской этнической принадлежности (а также не татар, узбеков и др. тюркских народов). На это было направлено Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Казахской АССР «О льготах для специалистов, владеющих казахским языком» от 1 сентября 1933 года.

Настоящее постановление распространялось на специалистов, указанных в номенклатуре должностей специалистов постановления НКТ СССР от 17/XI-32 № 44. Постановлением устанавливалась повышенная оплата труда специалистам, работающим на производстве, в учреждениях всех отраслей народного хозяйства, в советских, партийных и профессиональных органах, в зависимости от степени овладения ими казахским языком (п.1). В соответствии с п.2 заработная плата увеличивалась за свободный разговор, чтение деловых бумаг и литературы на казахском языке на 10 %, за полное владение казахским языком (разговор, чтение, письмо) – на 15 %. За преподавание в высших учебных заведениях на казахском языке (п.3) надбавки к основным ставкам и часовой оплате профессорско-преподавательского

состава составляли 25 %. Такие специалисты – в той или иной степени владеющие казахским языком, при устройстве на работу имели преимущественное право (п.5). Степень владения казахским языком устанавливалась комиссиями государственных курсов казахского языка (п.7). Систематический контроль за выполнением настоящего постановления возлагался (п.8) на Комитет по коренизации при Президиуме КЦИК и его местные органы [3].

На развитие просвещения бюджетная комиссия ЦИК СССР выделила национальным республикам около 20 млн. рублей. Дополнительно РСФСР – 8 млн. руб. автономным республикам [18, с. 79]. Выходит ряд учебников родного языка для казахской школы С. Жиенбаева, М. Жолдыбаева, Ш. Карибаева, С. Кесенбаева, Ш. Сарыбаева, и др. В 1930 г. С. Жиенбаевым был написан учебник «Казахский язык» для учащихся VI-VII классов, «Книга для чтения» для учащихся I-II классов (1932 – 1937 гг.), «Казахский язык для VI-VII классов русской школы» [18, с. 79]. По данным отчётного доклада Краевого штаба культпохода по республике, на июль 1930 г. 590 тыс. учеников было обеспечено учебниками. Разостланы на места 40 тыс. книг для чтения, 470 тыс. букварей и 300 тыс. задачников на казахском языке, а также 70 тыс. букварей и 300 тыс. задачников на русском языке [9, с. 217]. В 1935 г. для казахских школ было создано 20 учебников [18, с. 79].

Острота кадрового вопроса (в Казахстане не хватало местами от 30 до 60% учителей [15, с. 105]), решалась посредством различных мер. К началу 1936 – 1937 учебного года в РСФСР насчитывалось свыше 160 нерусских педагогических техникумов, 20 педагогических вузов и 22 учительских института [11, с. 243]. К концу 1932 г. Казахский педагогический институт, реорганизованный из Казахского государственного университета, образованного в 1928 г. в Алма-Ате, подготовил более 300 учителей для школ республики, «успешно осуществлял переход к преподаванию многих предметов на казахском языке» [16, с. 290].

Право пользования родным языком в КАССР реализовывалось посредством издания массовой политической, технической литературы, особенно на казахском языке. Исходя из постановления ВКП (б) от 15 августа 1931 г., в соответствии с постановлением секретариата Казкрайкома ВКП (б) о реорганизации издательского дела в Казахстане, Казиздат становится основным издательством казахской национальной книги (п.1), Крайогиз – русской книги (п.2). Постановлением (п.2) предусматривалась организация Казтехиздата с целью издания научно-технической и производственно-технической литературы на казахском и русском языках [16, с. 550-551].

Представленные результаты национальной политики в области языкового строительства, несомненно, подтверждают частичное гарантирование и обеспечение советским государством функционирования казахского языка. Финансирование, создание материально-технической базы системы образования,

формирование кадров, выпуск литературы на казахском языке можно отнести к социальной и экономической защите казахского языка Советским государством.

Однако обеспечение гарантий защиты языков в СССР в целом и КАССР в частности нельзя назвать полным. Коренизация и введение делопроизводства на казахском языке вызвали сопротивление и проявление шовинизма среди русских и украинских управленцев, служащих, партийных и советских работников. Так, заместитель председателя СНК РСФСР Т. Рыскулов в ноябре 1926 г. на заседании комиссии Политбюро ЦК ВКП (б), характеризуя ситуацию в Казахстане, отмечал, что в «европейской части» партии много «незнакомых с правом, обычаями и языком трудовых масс...», «имеющих уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка, в партийной работе высокомерно-пренебрежительное отношение к этим особенностям» [17, с. 305]. В постановлении Акмолинского губернского исполнительного комитета 1927 г., в резолюции по докладу об очередных задачах советского строительства чётко зафиксировано «скрытое сопротивление или пассивное отношение» отдельных работников и учреждений в осуществлении коренизации аппарата [13, Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 42].

Кадры из числа «европейцев» (выражение 1920-1930-х гг.) – «носители» революционных завоеваний Октября в соответствии с национальной политикой Советского государства должны были признать и равенство народов, и равенство языков, что было принципиально новым для всего общества в целом. Эта кадровая политика не могла не вызвать всплеск шовинизма среди русских, теряющих статус доминирующего в политической и иных сферах общества этноса. С другой стороны, предоставление автономии, равных прав и свобод вызвало рост национального самосознания и проявления национализма на местах. О таких проблемах было известно, и более того, борьба с «великорусским шовинизмом» и национализмом рассматривались как важнейшие партийные задачи, обозначенные XII съездом РКП(б) [8, с. 713-715] уже в 1923 году.

Можно было бы назвать отсутствие конкретизации юридической ответственности лица в языковом законодательстве 1920-1930-х гг. за его нарушение в качестве основной причины доминирования русского языка как языка общения и делопроизводства в Казахстане в 1920-начале 1930-х годах. Действительно, юридическая ответственность предусматривалась самыми общими положениями. Например, Постановлением Президиума Карагандинского исполнительного комитета от 3 мая 1933г. предусматривалось привлечение к партийной и судебной ответственности за его неисполнение (обязательное ведение делопроизводства государственном языке в зависимости от этнического состава района) [13, Л. 11-112]. Однако отсутствие института ответственности за нарушения законодательства о языках как юридической гарантии не являлись единственной причиной отсутствия фактического равенства казахского и русского языков в КАССР. Следует назвать нестабиль-

ной национальную политику Советского государства как одну из главных причин, не позволивших обеспечить социальную защиту языка. Смена направления в национальной политике СССР в 1932-1933 гг. суще-

ственным образом повлияла на статус национальных языков, привела к сворачиванию курса коренизации и усилению позиций русского языка.

Библиографический список

1. В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Документы и материалы. 1920-1937 гг. Составители Х.Г. Айдарова, И.Н. Буханова, А.В. Бучнева и др. Алма-Ата, Изд-во «Казахстан», 1972. 688 с.
2. Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917-1927 гг. (К 70-летию Коммунистической партии Казахстана). Сборник документов. Отв. ред. Б.А. Тулепбаев. Алма-Ата, «Казахстан», 1990. 232 с.
3. Временем призванный опыт // Казахстанская правда. 2006. 4 ноября // <http://www.kazpravda.kz/print/1162588704>
4. Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 25 января 1918г. // История Советской Конституции. Сборник документов 1917-1957. Отв. ред. Д.А. Гайдуков, С.Л. Ронин. М.: Изд-во АН СССР. 1957. С. 44-46.
5. Декрет ВЦИК от 14.04.1924г. «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки» // Документы СССР // <http://bestpravo.ru/sssrgn-dokumenty/a3p.htm>
6. *Зиманов С.З.* Теория и практика автономизации в СССР, - Алматы: «Жеті жарғы», 1998. 144с.
7. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 года // История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства 1917-1936. Сб. док-тов 1917-1957. Отв. ред. Д.А. Гайдуков, В.Ф. Каток, С.Л. Ронин. М.: Изд-во АН СССР. 1957. С. 76-87.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1954. Изд. седьмое. Часть 1. 1898-1924. М.: Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС. Государственное издательство политической литературы. 1954. С. 713-715.
9. Культурное строительство в Казахстане (1918-1932 гг.). Сб. док-тов. Т. 1. Сост.: М.А. Абдулкадырова, С.С. Голубятников, А.Г. Кукушкина и др. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1965. 566с.
10. *Кучкин А.П.* Советизация казахского аула 1926-1929 гг. Издательство АН СССР. М., 1962.
11. *Нурмухамедов С.Б., Савосько В.К., Сулейменов Р.Б.* Очерки истории социалистического строительства в Казахстане. Алма-Ата: «Наука», 1966. 279с.
12. Подсчитано на основе данных таблицы в кн.: Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева и др. «История Казахстана: народы и культуры». Алматы.: Дайк-Пресс, 2000. С. 586-587.
13. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 30, Оп. 1, Ед. хр. 62, Л. 110.
14. Советам Казани, Оренбурга, Уфы, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестанского края и другим (Обращение Народного комиссариата по делам национальностей) // История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства 1917-1936. Под ред. А. Алымова. Составил С. Студеникин. М.,: . Гос. изд-во «Советское законодательство», 1936. 408с.
15. Советская культура в реконструктивный период. 1928-1944. Отв. ред. Ю.С. Борисов. М.:Наука, 1988. 606с.
16. *Сулейменов Р.* Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. Алма-Ата: АН Казахской ССР. Изд-во «Наука», 1972. 494с.
17. *Устинов В.М.* Турар Рыскулов: (очерки политической биографии). Алматы: Изд-во «Казахстан» 1996. 464с.
18. *Храпченков Г.М.* Проблемы содержания и методов обучения в школах Казахстана.. Алма-Ата: Изд-во «Мектеп», 1983. 183с.
19. *Шотбакова Л.К.* Национальный аспект переселенческой политики и коренизация в Казахстане в 1917-1941 годы. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1995. 226с.

References

1. The fraternal unity of the peoples of the USSR. State building Soviet Kazakhstan. Documents and materials. 1920-1937 years. Compilers H.G. Aidarova, I.N. Bukhanova, A.V. Buchneva et al. Almaty, Publishing House of the “Kazakhstan”, 1972. 688 p.
2. Milestones in the consolidation. From the experience of the party organizations of Kazakhstan in solving the national question in the 1917-1927 biennium. (On the 70th anniversary of the Communist Party of Kazakhstan). Collection of documents. Ans. Ed. B.A. Tulepbaev. Almaty, “Kazakhstan”, 1990. 232 p.
3. Experience called by the time // Kazakhstanskaya Pravda. November 4, 2006. // <http://www.kazpravda.kz/print/1162588704>
4. Declaration of the Rights of Working and Exploited People on January 25, 1918. // The history of the Soviet Constitution. Collection of Documents 1917-1957. Ans. Ed. D.A. Gaidukov, S.L. Ronin. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1957. Pp. 44-46.
5. Decree of the Central Executive Committee of 14.04.1924 “On measures to transfer office of state bodies in the national regions and republics into local languages” // Documents USSR // <http://bestpravo.ru/sssrgn-dokumenty/a3p.htm>
6. *Zimanov S.Z.* Theory and practice of the autonomization in the USSR - Almaty “Zheti zharyy” 1998. 144 p.
7. The Constitution (Fundamental Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic in 1918 // History of the Soviet Constitution decrees and decisions of the Soviet government 1917-1936. Collection of the documents 1917-1957. Ed. D.A. Gaidukov, V.F. Skating Rink, S.L. Ronin. - M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1957. Pp. 76-87.
8. The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums. 1898-1954. Ed. seventh. Part 1: 1898-1924. M: Institute of Marx - Engels - Lenin - Stalin, the Central Committee. State publishing house of political literature. 1954. Pp. 713-715.
9. Cultural Construction in Kazakhstan (1918-1932 years.). Collection of the documents. Vol.1. Ed.: M.A. Abdulkadyrova, S.S. Golubyatnikov, A.G. Kukushkin et al. Almaty: Publishing house “Kazakhstan”, 1965. 566 p.

10. *Kuchkin A.P.* Sovietization of the Kazakh aul 1926-1929. Academy of Sciences of USSR. M., 1962. 432 p.
 11. *Nurmukhamedov S.B., Savosko V.K., Suleimenov R.B.* Essays on the history of socialist construction in Kazakhstan. Alma-Ata: "Science", 1966. 279 p.
 12. It is estimated on the basis of the table in the book: N.E. Massanov, J.B. Abylhozhin, I.V. Yerofeyev and others. "History of Kazakhstan: the peoples and cultures." Almaty: Dyke-Press, 2000. Pp. 586-587.
 13. North-Kazakhstan State Archives (SKGA). F. 30, Op. 1 Unit. hr. 62, L. 110.
 14. The Board of Kazan, Orenburg, Ufa, Yekaterinburg, People's Commissars of Turkestan and other (Title People's Commissariat for Nationalities) // History of the Soviet Constitution decrees and decisions of the Soviet government 1917-1936. Ed. A. Alymova. Compiled by S. Studenikin. M.: State publishing house "Soviet legislation.", 1936. 408 p.
 15. Soviet culture in the reconstruction period. 1928-1944. Ans. Ed. Y.S. Borisov, M., "Nauka", 1988. 606 p.
 16. Suleimenov R.B. Lenin's ideas of the Cultural Revolution and their implementation in Kazakhstan. Almaty: Kazakh SSR. Publishing house "Science", 1972. 494 p
 17. *Ustinov V.M.* Turar Ryskulov (essays political biography). Almaty: Publishing House of the "Kazakhstan" 1996. 464 p.
 18. *Khrapchenko G.M.* Problems of content and teaching methods in schools of Kazakhstan. Almaty: Publishing house "Mektep", 1983. 183 p.
 19. *Shotbakova L.K.* The national aspect of the resettlement policy and indigenization in Kazakhstan in 1917-1941 years. Candidate dissertation in Historical Sciences. M., 1995. 226 p.
-
-

А.Н. ГРЕБЕНКИН

кандидат исторических наук, доцент, Академия
Федеральной службы охраны РФ
E-mail: angrebyonkin@mail.ru

A.N. GREBENKIN

Candidate of History, Associate Professor, Federal Guard
Service Academy of Russia
E-mail: angrebyonkin@mail.ru

МУЗЫКА И ПЕНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

MUSIC AND SINGING IN SOCIOCULTURAL SPACE OF MILITARY SCHOOLS IN RUSSIAN EMPIRE

В результате комплексной характеристики организации занятий музыкой и пением в военно-учебных заведениях Российской империи сделан вывод о том, что первый опыт их организации относится к 30-м гг. XIX в., систематический характер они приобрели в 60-е гг. XIX в., прочную методическую основу получили в 80-е гг. XIX в., а наибольшей эффективности достигли в начале XX в.

Ключевые слова: музыка, пение, кадетский корпус, военное училище, Российская империя.

As a result of complex characteristic of organization of music and singing lessons in military schools of Russian Empire author comes to the conclusion that they started for the first time in the 30-ies of the XIX century, received the systematic character in the 60-ies, got the enduring methodical basis in the 80-ies and reached the largest effect in the beginning of the XX cent.

Keywords: music, singing, cadet corps, military school, Russian Empire.

В «золотой век» кадетских корпусов, пришедшийся на правление Екатерины II, их воспитанники готовили театральные представления, обучались рисованию, танцам, фехтованию и даже вольтижировке. Однако, как это ни парадоксально, обучение кадет пению осуществлялось нерегулярно, игре на музыкальных инструментах учили лишь талантливых воспитанников, а военной музыке в стенах корпусов вообще не нашлось места. В павловскую и александровскую эпохи внеучебное время было занято в основном строевыми упражнениями, а часы досуга кадеты заполняли необузданными шалостями.

Лишь в 30-е гг. XIX в. на занятия музыкой и пением обратил внимание Главный начальник Пажеского, всех кадетских корпусов и Дворянского полка Великий князь Михаил Павлович. В своем приказе от 2 февраля 1835 г. № 49 он писал: «В подведомственных мне заведениях вовсе не поощряется, а в некоторых, как мне известно, даже дозволяется неохотно обучение воспитанников музыке. Музыка, как и всякое изящное искусство, возвышает дух человека, дает им новые средства быть приятным в обществе, а в трудных обстоятельствах жизни служит ему иногда и утешением». Именно в бытность Великого князя главой военно-учебного ведомства в кадетских корпусах стали устраиваться не только скромные домашние спектакли, но и танцевальные вечера. В часы, свободные от обязательных занятий, кадеты обучались нотной грамоте, игре на музыкальных инструментах, пели хором. Строевые упражнения, которым в духе тогдашней эпохи уделялось большое внимание, сопровождалось барабанным боем и звуками военного

оркестра. Однако занятия музыкой и пением не были поставлены на научную основу и велись бессистемно; в глазах начальства, и педагогов, и самих воспитанников они выглядели как приятное развлечение и желательное, но необязательное средство заполнения досуга. Поэтому говорить о сколько-нибудь серьезном внимании к музыкальной подготовке кадет не приходилось. Даже в столичных военно-учебных заведениях, располагавших музыкальными инструментами, планомерные занятия, как правило, не велись. Так, по воспоминаниям Н.П. Звездкина, учившегося в начале 60-х гг. во Втором кадетском корпусе, в рекреационной зале находилось фортепиано, однако на нем играли только два-три кадета и один офицер, который «играл... по слуху и больше марши» [4, с. 37]. Провинциальные кадетские корпуса не могли себе позволить покупку дорогостоящих инструментов. Найти хорошего учителя было почти невозможно.

После военно-учебной реформы 1863-1864 гг. уровень военно-музыкальной культуры будущих российских офицеров существенно возрос, хотя музыкальная подготовка, как и прежде, носила факультативный характер. Придавать занятиям музыкой и пением консерваториальный характер руководство военно-учебного ведомства не собиралось; эти занятия были призваны развить у воспитанников музыкальный слух, сообщить им любовь к музыке и, по возможности, дать некоторые навыки игры на одном из инструментов для собственного удовольствия. Тем не менее занятия музыкой и пением заняли прочное место в программе внеклассных занятий, и ни одно из торжественных мероприятий не

обходилось без музыкального сопровождения и пения (преимущественно хорового). Директора провинциальных военных гимназий прилагали все усилия, чтобы купить необходимые музыкальные инструменты и пригласить преподавателей из Петербурга или Москвы. При этом педагоги, всеми силами борющиеся с негативными кадетскими традициями и грубостью нравов, которыми были печально знамениты старые кадетские корпуса, на первый план поставили не развлекательную, а воспитательную цель. Педагогический комитет Орловской Бахтина военной гимназии в 1865 г. так отзывался о занятиях музыкой: «Музыка, по преимуществу, служит языком души, выражением ее чувствований, а потому она является одним из лучших средств для действия на чувство, на душу человека. Возвышая вообще человека в нравственном отношении, музыка в трудных обстоятельствах жизни может служить ему даже утешением. Притом человеку музыкальному открывается целый мир наслаждений, недоступный в музыкальном отношении неразвитому. Если потому обучение музыке должно занять важное место в каждом учебном заведении, то оно для закрытого заведения получает еще более значения. Чем более заведение изолировано, чем менее дети в нем могут пользоваться благотельным влиянием родителей и семейства, тем более они подчиняются влиянию товарищей традиционного порядка и духа заведения. Вследствие этого закрытые заведения должны пользоваться всеми средствами, облагораживающими массу» [9, с. 191-192]. Большое внимание было обращено на песни, распространенные в среде воспитанников. Например, педагоги 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии считали необходимым «...стараться по возможности отклонять воспитанников от пения тех хоровых военных песен, которые, при бедном своем содержании, могут развивать в воспитанниках дурной тон...», а также не позволять им петь песни духовного содержания, которые обращались «в шутки, доходящие иногда до больших нескромностей» [6, с. 145].

Приложенные усилия очень быстро принесли свои плоды. Так, в 70-е гг. во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии пению обучал Н.П. Подгородинский, получивший солидную подготовку в придворной капелле. Он не только прекрасно руководил церковным хором, но и поставил обучение светскому пению таким образом, что «...хор человек в 200-250 очень стройно исполнял сложные оперные вещи, вроде «В бурю во грозу» и полонеза из «Жизни за царя», «Слава на небе солнцу высокому» и т.п., некоторые пьесы и народный гимн исполнялись с аккомпанементом оркестра» [8, с. 31]. Занятия музыкой вел А.Ф. Баганц, игравший первую скрипку в оркестре Мариинского театра. Ему помогали служившие в гимназии нижние чины из бывших военных музыкантов, которые имели хорошую подготовку. Баганц сумел создать в гимназии «с нуля» хорошо сыгранный оркестр струнных и духовых инструментов, в который входили 60 воспитанников. Ежегодно устраивался большой ученический концерт с приглашением зрителей из числа родственников и знакомых гимнази-

стов, на который собиралось около 800 человек. Лучшие музыканты получали возможность посещать концерты и театральные представления на казенный счет.

Не отставали и провинциальные военные гимназии. В Нижнем Новгороде при директоре П.И. Носовиче (1866-1877 гг.) воспитанники были так сильно увлечены пением и музыкой, что создали несколько хоров и два оркестра струнных и духовых инструментов, которые регулярно выступали с концертами. В Орловской Бахтина военной гимназии в 60-е гг. были приобретены необходимые музыкальные инструменты и ноты, составлены музыкальный и вокальный хоры и нанят хороший учитель.

Музыка и танцы заняли видное место в программе домашних увеселительных вечеров, периодически проводимых с целью развлечения воспитанников. Как правило, в программу входили «...хоровое пение, с аккомпанементом; исполнение воспитанниками соответствующих их умению и пониманию музыкальных пьес на различных инструментах, преимущественно же оркестровое; танцы, характерные и общественные...» [7, с. 65] В Нижегородской военной гимназии один-два раза в год устраивались музыкальные вечера, представлявшие собой экзамены, на которых оркестром воспитанников исполнялись 5-6 пьес и столько же произведений исполнял хор певчих. На эти вечера приглашались родственники воспитанников и члены семей служащих в гимназии. В Петровской-Полтавской военной гимназии музыкальные вечера обыкновенно состояли из нескольких музыкальных пьес, исполняемых оркестром воспитанников, и нескольких номеров хорового пения.

В юнкерских училищах на занятия музыкой и пением также обращалось большое внимание. Закупались музыкальные инструменты, нанимались учителя, создавались церковные и светские хоры, «способные выполнять произведения Бортнянского, Львова, Глинки и других русских композиторов» [2, с. 26]. В праздничные дни устраивались музыкальные и танцевальные вечера, а по большим праздникам – спектакли и концерты духовного и светского пения.

Однако справедливости ради следует отметить, что в некоторых военно-учебных заведениях из-за недостатка средств либо недостаточной энергичности руководителей и педагогов обучение воспитанников музыке и пению было поставлено из рук вон плохо. В конце 1879 г. Главное управление военно-учебных заведений осуществило проверку организации досуга военных гимназистов и юнкеров. Отечественная военная школа в то время находилась в состоянии структурного кризиса, аналогичного кризису рубежа 50-60-х гг. Принципы организации учебно-воспитательной работы, заложенные в основу деятельности военных гимназий, далеко не во всем оправдали ожидания педагогов, армии и общества в целом, поэтому военно-учебное ведомство находилось на перепутье. Пренебрежительное отношение руководителей многих заведений к эстетическому и культурному развитию воспитанников привело, в частности, к тому, что обучение музыке и пению в некоторых гимна-

зиях и особенно в военных училищах почти не велось, что и было отражено в рапортах и отчетах. Так, в рапорте директора Пажеского корпуса говорилось о том, что в заведении в течение 1877-1879 гг. не устраивались ни концерты, ни литературно-музыкальные вечера, и об устройстве их и речи быть не могло, так как, по мнению директора, «организация занятий музыкой находится в настоящее время, к сожалению, лишь в зародыше» [12, л. 9 об.]. Начальник Николаевского кавалерийского училища донес, что во вверенном ему заведении занятия музыкой существовали почти исключительно по собственной инициативе юнкеров, и лишь в 1879 г. был приглашен опытный учитель и составлена программа. Начальник 1-го Павловского военного училища прямо писал, что «...не находит нужным устраивать в училищах балов, спектаклей, музыкальных и литературных вечеров и т.п.» [12, л. 21], объясняя свою позицию тем, что юнкера очень заняты работой и у них нет времени на развлечения. В Александровском училище музыкальные вечера не устраивались с момента его основания в 1863 г. [12, л. 26]. Лишь в Константиновском военном училище в течение трех лет состоялись один музыкальный и два музыкально-литературных вечера. Схожая картина наблюдалась и в военных гимназиях. Так, в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии за три года был организован лишь один музыкальный вечер (в 1877 г.), во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии – два (в 1876 и 1878 гг.), в 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии – один (в 1878 г.). Во Владимирской-Киевской военной гимназии занятия музыкой не велись вообще. Нельзя не заметить, что пренебрежительное отношение к обучению воспитанников музыке было характерно для военно-учебных заведений, расположенных в крупных городах, – видимо, потому, что там гимназисты и юнкера имели возможность брать частные уроки и посещать концерты.

После реформирования военных гимназий в кадетские корпуса занятия музыкой и пением были поставлены на прочную методическую основу. Хоровое пение должно было преподаваться как обязательный предмет в течение всех семи лет обучения (исключение составляли лишь воспитанники переходного возраста, голос которых «ломался»). Занятия преследовали не только развлекательно-досуговую, но и эстетическую цель, развивая музыкальный слух воспитанников и приучая их к исполнению нетрудных многоголосных пьес с сопровождением и а capella. В первых двух классах параллельно с постановкой голоса и практическими занятиями учащихся знакомили с основами теории музыки; в первом классе учили петь по нотам на два голоса, а во втором – на три голоса. Все кадеты, обладавшие слухом, в третьем классе зачислялись в общий корпусной хор. Занятия корпусного хора преследовали чисто педагогическую задачу и являлись продолжением классных занятий; их эстетическая сторона была не столь существенна. На слевках корпусного хора обязательно разучивались народный гимн «Боже, Царя храни», хор «Славься» из оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки, ко-

торые исполнялись на всех торжественных мероприятиях, а также основные молитвы. Основой репертуара являлись военные, патриотические и народные песни («Гром победы раздавайся», «В шапке золота литого», «Было дело под Полтавой», «Знают турки нас и шведы», «Взвейтесь соколы орлами», «Ах вы сени мои, сени», «Во поле береза стояла» и т.п.).

Воспитанники, отличавшиеся особыми способностями, в обязательном порядке зачислялись в певчие церковного хора, состоявшего из 50-100 человек. Войти в состав церковного хора или выйти из него по собственному желанию было невозможно. Воспитанники «обязательно и твердо» разучивали основные молитвы и песнопения; их пение должно было «быть гармоничное, не крикливое и по достоинству своему вполне отвечать как торжественности, так и святости богослужения» [11, с. 9].

Обучение музыке также преследовало сугубо педагогические цели и не являлось средством подготовки профессиональных музыкантов-солистов. Ставка была сделана на работу с оркестром (либо с двумя оркестрами – струнным и духовым). Иногда создавался и оркестр народных инструментов. Приобреталось необходимое количество музыкальных инструментов и нот, по возможности оборудовались специальные музыкальные классы, для занятий приглашались квалифицированные педагоги. При наличии дополнительных средств покупались фортепиано или даже рояль; покупка же других инструментов, не входивших в состав оркестра, осуществлялась исключительно за счет самих воспитанников. Музыкой занимались многие кадеты (в некоторых корпусах – до половины общего состава). Занятия организовывались таким образом, чтобы каждый воспитанник занимался игрой на своем инструменте не менее двух часов в неделю. Небольшой струнный оркестр на третьем году обучения должен был уметь играть такие вещи, как менуэт из оперы «Дон Жуан» Моцарта, дуэт из оперы «Травиата» Верди, песни без слов Мендельсона, септет из оперы «Лучия» Доницетти. Эти достаточно сложные произведения «разучивались в облегченных переложениях, выполненных руководителями оркестров применительно к возможностям конкретных ученических коллективов» [1, с. 39]. Однако кадеты приучались смотреть на музыку как на серьезное занятие; с этой целью запрещалось «исполнение опереточных арий, попури, составленных из мотивов, не имеющих между собой логической связи, и вообще вещей, основанных на эффектах, чуждых эстетического достоинства...» [11, с. 18]. В педагогических же целях были поставлены под запрет участие кадетских оркестров в платных концертах и спектаклях и замена ими оркестра строевых музыкантов во время официальных церемоний (парадов, похорон, военных прогулок). В корпусах стали несколько раз в год устраиваться музыкально-литературные вечера, на которые приглашались родственники кадет и педагогов, причем вся музыкальная часть лежала целиком на кадетах, которым уже не помогали, как прежде, приглашенные музыкан-

ты. В целях большего музыкального развития воспитанников их при первой возможности водили на концерты и спектакли, в корпуса часто приглашались известные музыканты, которые охотно выступали перед кадетами.

В начале XX в. благодаря хорошо организованным занятиям музыкой и пением даже многочисленные критики военной школы уже не могли назвать кадетские корпуса казармами или монастырями. Это относилось и к провинциальным заведениям, которые всегда являлись центром культурной жизни города, и к столичным. Руководство Пажеского корпуса теперь тратило большие деньги на развитие музыкальных и артистических способностей пажей. Один из бывших воспитанников вспоминал: «После обеда являлись ежедневно музыканты из Придворной Капеллы для обучения нас игре на самых разнообразных инструментах, начиная с рояля и кончая барабаном. Было организовано три оркестра и хор певчих» [11, с. 7-8]. В Первом кадетском корпусе был создан вокально-музыкальный кружок из музыкально одаренных кадет старших классов, корпусных педагогов и их родственников. Занятия проходили раз в неделю, вечером, по следующей программе: «декламация-музыка-пение, на импровизированной сцене какой-нибудь скетч» [3, л. 7].

Во Втором кадетском корпусе в 1908 г. силами кадет был дан концерт, музыкальная программа которого включала следующие номера: «1) Гимн. 2) «Жаворонок» Глинки. 3) «Marche funebre» и «Adagio» Бетховена (исполнил струнный оркестр кадет). 4) «Песнь жнецов» Лимсена. 5) «За реченькой» Гречанинова (исполнил хор кадет). 6) «Verseuse» Неруда – соло на скрипке исполнил кад. Глиндеман. 7) «Почта в лесу» Шеффера – соло на виолончели исполнил кадет Иванов 6-й. 9) «Ой все кумушки домой» (Русская песня). 10) «Бабочка» – вальс Андреева (исполнил великорусский оркестр кадет). 11) Марш «Шагом» и «Турецкий дозор» Эйленберга. 12) «Кадетский марш» Рейхе (исполнил духовой оркестр кадет)» [14, с. 43]. В 3-м Московском кадетском корпусе даже во время Первой мировой войны регулярно проводились литературно-вокальные вечера; примечательно, что они открывались исполнением духовым оркестром кадет гимнов стран – участниц Антанты.

В Псковском кадетском корпусе в 1903-1905 гг. учитель музыки И.И. Тульчиев поставил несколько детских опер. В Одесском корпусе имелись три оркестра: духовой, струнный камерный и балалаечный, в Сумском корпусе – также три (духовой, симфонический и балалаечный) и, кроме того, была оборудована музыкальная комната. В Ташкентском корпусе пению обучались все без исключения кадеты, а желающие могли обучаться игре на фортепиано, скрипке и виолончели.

Достижения кадетских корпусов были по достоинству оценены самим императором. В 1911 г. Николай II посетил Владимирский-Киевский кадетский корпус и, «...выслушав в исполнении хора кадет «Боже, люби Царя»... удостоил учителя пения г. Папа-Афанасопуло милостивой беседы, сказавши, что кадеты поют великолепно, и соизволил приказать пропеть еще «Киевскую

былину», по исполнении которой... изволил похвалить кадет словами: «Отлично поете, кадеты» [10, с. 16]. Прослушав «фанфарный марш» в исполнении кадетского духового оркестра, император сказал директору корпуса, что «кадеты играют отлично, соблюдая тонкие оттенки» [10, с. 16].

В соответствии с правилами поведения в закрытых учебных заведениях заниматься музыкой и пением разрешалось только в определенное время и в специально отведенных для этой цели помещениях. Иногда, втайне от начальства, кадеты пели небольшим кружком в укромных уголках корпуса, однако «...скудость и неразборчивость их репертуара при этом нередко приводит к самым неожиданным последствиям: «публику» разгоняют и пение прекращается...» [13, с. 51] Тем не менее в корпусах часто пелись солдатские пехотные («Солдатушки, бравы ребятушки», «Шел солдат с похода»), артиллерийские («Едет, едет Белый Царь», «Настал универсальный век») и кавалерийские песни.

В военных училищах в конце XIX в. дело обучения юнкеров музыке и пению сдвинулось с мертвой точки – далеко не в последнюю очередь благодаря успешному развитию вокально-музыкальных занятий в кадетских корпусах. В Николаевском кавалерийском училище из желающих обучаться музыке сформировали хор трубачей, для которого были закуплены инструменты за казенный счет и нанят учитель музыки. В Михайловском артиллерийском училище существовал большой духовой оркестр под управлением одного из юнкеров. Николаевское инженерное училище располагало духовым оркестром, оркестром балалаечником и хором певчих.

Особым колоритом обладали расположенные в провинции юнкерские училища. Характерным примером подобного рода может служить Чугуевское пехотное юнкерское училище. Еще в 80-е гг. XIX в. у чугуевцев был свой оркестр и рояль. В семье многочисленных военно-учебных заведений училище «традиционно славилось своей вокальностью» [15, л. 73]. Контингент юнкеров состоял в основном из малороссов, умевших и любивших петь. Начальство, чуткое к нуждам воспитанников, лишь поощряло их любовь к песням. Официальных занятий и спевков не было, все происходило без руководства начальства, непринужденно, в задушевной обстановке. Зимой юнкера собирались в своих камерах (спальнях – А.Г.) небольшими кружками, летом пели в лагерных палатках или возвращаясь с учений. Исполнялись в основном военные («Взвейтесь соколы орлами», «Скажи-ка, дядя», «В шапке золота литого», «Как ныне сбирается вещий Олег») и малороссийские («Реве тай стогне Днепр широкий», «Засвистали козаченьки», «Дывлюсь я на небо тай думку гадаю») песни; под настроение пелись песни «вакхические» и озорные.

Подводя итоги, можно сказать, что к началу XX в. в военно-учебных заведениях Российской империи были созданы все необходимые условия для эффективного обучения будущих офицеров музыке и пению. Благодаря грамотной организации обязательных и необязательных занятий социокультурный облик кадет и юнкеров суще-

ственно изменился в лучшую сторону: они получили возможность не только приятного и полезного заполнения своего досуга, но и целенаправленного всестороннего эстетического развития. Умение петь и играть на одном или даже нескольких музыкальных инструментах выгодно дополняло умение танцевать, начитан-

ность, знание иностранных языков. Офицер-выпускник корпуса и училища уже не был «бурбоном», в светском обществе выглядевшим смешно и нелепо. Кроме того, полученные навыки позволяли ему организовывать занятия пением и музыкой среди солдат и тем самым выполнять важную культурную миссию в армии.

Библиографический список

1. *Адищев В.* Музыка в кадетских корпусах России // Искусство в школе. 2007. № 1. С. 38-39.
2. *Бобровский П.* Юнкерские училища в 1874 году. Издание редакции журнала «Военный сборник». СПб., 1875. 75 с.
3. *Данилов В.Г.* Воспоминания // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» им. А.И. Солженицына. Ф-1. Оп. 3. Аю-6.
4. *Звездкин Н.П.* Из воспоминаний старого однокашника // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. № 2. 15 марта 1908 г. С. 34-40.
5. Из воспоминаний Ф.С. Олферьева (1905 г.). Пажеский корпус – юность – первые шаги // Сборник. Воспоминания бывших пажей. № 30. Париж, 1964. С. 1-9.
6. Извлечение из протоколов заседаний педагогических собраний 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии за 1863-64 учебный год // Педагогический сборник. 1864. Кн. 8 (май). С. 141-152.
7. Инструкция по воспитательной части для военных гимназий, однородных с ними заведений и военных прогимназий. Устройство внутреннего порядка. Основные правила физического и нравственного воспитания. Общие обязанности воспитателей. СПб., 1881. 175 с.
8. *Лыкошин Н.* Во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии. Из воспоминаний 1870-77 гг. // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. № 6. 12 мая 1910 г. С. 29-34.
9. Мнение педагогического комитета Орловской Бахтина военной гимназии о преобразовании учебной части // Педагогический сборник. 1865. Кн. 8 (май). С. 153-192.
10. Приказ по Владимирскому-Киевскому кадетскому корпусу от 1 сентября 1911 г. № 211 // Кадетское письмо. Вестник кадетского объединения в Аргентине. № 18. С. 16.
11. Проект инструкции для обучению пению и музыке в кадетских корпусах. Составлен полковником Бутовским на основании данных, выработанных в специальной комиссии Педагогического музея ВУЗ // Педагогический сборник. 1889. № 8. Ч. неофиц. С. 1-31.
12. Сведения по поводу вечеров и театров, кои были устраиваемы в военно-учебных заведениях в течение последних трех лет (до ноября 1879 г.) // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 725. Оп. 17. Д. 104.
13. *Фисенков С.* Из быта кадетских корпусов // Педагогический сборник. 1908. № 7. С. 49-60.
14. Хроника кадетской жизни // Кадет-михайловец. Литературный популярно-научный журнал 2-го кадетского Его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича корпуса. 15 марта 1908 г. № 2. С. 42-44.
15. *Штейфон Б.А.* Чугуевские песни // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 3. Л. 73-75.

References

1. *Adishhev V.* Music in cadet corps in Russia // Art in school. 2007. № 1. Pp. 38-39.
2. *Bobrovskij P.* Junker schools in 1874. Edition of editorial of journal «Military compendium». SPb., 1875. 75 p.
3. *Danilov V.G.* Memoires // Archive of library-fund «Russian Diaspora» named after A.I. Solzhenitsyn. F-1. Op. 3. Aju-6.
4. *Zvezdkin N.P.* From the memoires of old schoolmate // Cadet-mihajlovec. Literary popular and scientific journal of the 2nd cadet corps named after His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Nikolaevich. № 2. March 15, 1908. Pp. 34-40.
5. From the memoires of F.S. Olfer'ev (1905). Page corps – youth – the first steps // Compendium. Memoires of former pages. № 30. Paris, 1964. Pp. 1-9.
6. Extract from minutes of pedagogical meetings in 2nd St. Petersburg military school for the 1863-64 school year // Pedagogical compendium. 1864. Book 8 (May). Pp. 141-152.
7. Instruction for pedagogical work in military schools, schools, which are similar with them, and military primary schools. Internal order. Main rules of physical and ethical upbringing. General responsibilities of teachers. SPb., 1881. 175 p.
8. *Lykoshin N.* In 2nd St. Petersburg military school. From memoires 1870-77 // Cadet-mihajlovets. Literary popular and scientific journal of the 2nd cadet corps named after His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Nikolaevich. № 6. May 12, 1910. Pp. 29-34.
9. The opinion of pedagogical committee of Orel Bakhtina military school about the changes in educational work // Pedagogical compendium. 1865. Book. 8 (May). Pp. 153-192.
10. Order to Vladimir-Kiev cadet corps. September 1, 1911. № 211 // Cadet letter. Herald of Cadet Union in Argentina. № 18. P. 16.
11. Project of instruction for singing and music training in cadet corps. Made by colonel Butovsky basing on information which was developed in special committee of Pedagogical Museum of military schools // Pedagogical compendium. 1889. № 8. Part nonofficial. Pp. 1-31.
12. Information about soirees and theatres which were organized in military schools during last 3 years (until November 1879) // Russian State Military Historical Archive. F. 725. Op. 17. D. 104.
13. *Fisenkov S.* From the everyday life of cadet corps // Pedagogical compendium. 1908. № 7. Pp. 49-60.
14. Chronicle of cadet life // Cadet-mihajlovec. Literary popular and scientific journal of the 2nd cadet corps named after His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Nikolaevich. March 15, 1908. № 2. Pp. 42-44.
15. *Shtejfon B.A.* Chuguev songs // State Archive of Russian Federation. F. R-6797. Op. 1. D. 3. Pp. 73-75.

А.В. КРЫЖАН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт
E-mail: kryjhan@mail.ru

A.V. KRYZHAN

Candidate of History, Associate Professor, Department of humanitarian disciplines, Regional Open Social Institute
E-mail: kryjhan@mail.ru

**ОБЩЕСТВЕННАЯ НАГРУЗКА В ТРУДОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РАБОТНИКОВ ЮСТИЦИИ
В 1920-НАЧАЛЕ 30Х гг.**

**SOCIAL WORK IN LABOR DAILY OCCURRENCE OF WORKERS OF JUSTICE
IN 1920 – THE BEGINNING OF THE 30TH.**

В статье рассматриваются формы участия работников юстиции в общественной жизни, анализируются масштабы их вовлеченности в разнообразные общественные кампании. Автор приходит к выводу, что участие в общественных мероприятиях наносило ущерб основной профессиональной деятельности работников юстиции, поскольку отнимало у них значительное количество времени.

Ключевые слова: судебно-следственные и прокурорские работники, пропаганда советского права, кампании по распространению госзайма, показательные процессы, поддержка коллективизации.

In the article the forms of participation of workers of justice in public life are considered, the extent of their involvement into various public campaigns are analyzed. The author comes to a conclusion that participation in public events caused damage to the main professional activity of workers of justice as it took away from them a considerable amount of time.

Keywords: judicial and investigative and public prosecutor's workers, propaganda of Soviet law, campaign for distribution of a state loan, show trials, collectivization support.

Главным политическим итогом первых пяти лет нового Советского государства было удержание большевиков у власти и укрепление их позиций. Право и система юстиции стали рассматриваться как одно из орудий этой власти. Тем не менее, во властных структурах, особенно на местном уровне, бытовало пренебрежительное отношение к закону и правопорядку. До 1922 г. действовала система двойного подчинения губернских отделов юстиции и находившихся под их эгидой местных судебных учреждений Наркомюсту и местным исполкомам. В 1922 г. произошла передача местных судебных учреждений на баланс местных бюджетов. Все это породило у губернских и уездных чиновников стремление оказывать давление на систему правосудия и её работников. Серьезным препятствием к организации прямого диктата над судьями и прокурорами была позиция Наркомюста, а затем и Верховного Суда РСФСР, настаивавших на строгом следовании процессуальным нормам. Такую же линию в середине 1920-х проводил и юридический отдел Рабкрина, который получал сведения о злоупотреблениях местных должностных лиц через Центральное бюро жалоб или бюро жалоб при местных отделах Рабкрина. Однако местные чиновники нашли способ давления на работников юстиции, против которого не могло возразить ни одно высокое ведомство – судьи, следователи и прокуроры активно вовлекались губернским (областным) начальством в разнообразную общественную работу. Общественные кампании вооб-

ще были олицетворением времени и чиновники и партийные функционеры не видели никаких оснований для освобождения работников юстиции от участия в них.

Целью данной статьи является рассмотрение различных форм участия судебно-прокурорских работников в общественной жизни, анализ масштабов вовлеченности местных судей, следователей и прокуроров в разнообразные кампании и последствия этого вовлечения.

В крупных городах для ведения общественной работы судебные, прокурорские работники, следователи и члены коллегий защитников (далее – ЧКЗ) закреплялись за крупными предприятиями, где они должны были регулярно выступать с докладами, целью которых была пропаганда советского права. Тематика докладов включала как теоретические правовые вопросы (земельное, семейно-бытовое право, карательная политика), так и обсуждения новшеств в советском законодательстве. Масштабы пропаганды советского права неуклонно расширялись: если за весь 1928 г. следователями 2-го участка Курского округа было сделано 108 докладов на собраниях трудящихся, то только в 1-м квартале 1929 г. они выступили перед работниками различных предприятий уже 88 раз [6, д. 8, л. 132].

Пропаганда советского права велась и в сельской местности. Уполномоченный Президиума коллегии защитников по Рыльскому уезду Курской губернии Сабуров сообщал в Губсуд, что «все ЧКЗ Рыльского

езда общественную работу ведут, хотя и не все в одинаковой степени, причем работа эта выражается в участии их в юридических консультациях и в юридических кружках при избах-читальнях ... и в чтении докладов и проведении собеседований на юридические темы» [3, д. 289, л. 51].

Однако местные исполкомы зачастую считали усилия работников юстиции недостаточными. В резолюции одного из волисполкомов по докладу уполномоченного Курского Губсуда тов. Чайкина было записано: «Отмечая слабость проведения общественно-правовой работы органами юстиции в деревне, предложить Уполномоченному губсуда принять соответствующие меры к усилению общественно-правовой работы в деревне путем увеличения количества выездных сессий и постановки в число докладов и собеседований с крестьянством по правовым вопросам. А также развить работу по воспитанию народных заседателей путем проведения инструктивных совещаний» [3, д. 289, л. 1].

Еще одним видом общественной нагрузки судебнопрокурорских работников была просветительская работа в воинских частях. Протокол совещания при Политотделе 6-й стрелковой Орловской дивизии «О консультационно-справочной работе в частях Орловского лагерного сбора» дает представление о тематике занятий с красноармейцами, проводимых прокурорскими работниками: об основной посевной кампании, о землеустройстве, консультации о хлебозаготовках, консультации о сельхозналоге. Занятия продолжались в течение двух часов и организовывались в форме собраний с избираемым президиумом. Для проведения занятий прокурорским работникам выдавался специальный ордер, в котором указывалась тема, дата занятия, количество присутствующих и ставилась подпись председателя президиума собрания [7, д. 167, л. 25].

Просветительской работой среди красноармейцев были заняты и судебные работники. В Орловском гарнизоне были организованы полковые курсы по подготовке работников низового аппарата. Планом работы курсов предусматривалось изучение организации работы народных судов. Занятия вели работники окружного суда, а программа предусматривала изучение следующих вопросов: классовая природа советского суда, Положение о судостроительстве, пределы компетенции народных судов в области уголовных и гражданских дел, сроки и порядок кассирования, порядок исполнения приговоров, взаимоотношения РКК и нарсудов, общее знакомство с гражданским и уголовным кодексами [7, д. 167, л. 124–130].

Общественной нагрузкой было и участие работников юстиции в распространении госзайма. Работники судов были обязаны популяризировать среди населения идею подписки, а кроме того, судьи входили в состав комиссии содействия по распространению займа. Нарсуды должны были отчитываться окружным судам о персональных объемах сделанных работниками подписок. Как правило, подписки делались в размере полуторного или двойного месячного оклада [7, д. 167, л. 76, 88, 94].

В конце 20-х гг. прочные позиции в общественной нагрузке работников юстиции заняла работа с женщинами. В 1929–1930 гг. развернулась кампания по привлечению женщин как на различные должности, так и к общественной деятельности. Решение «женского вопроса» обычно активизировалось накануне 8-го марта: судам предлагалось отчитаться о проведении совещаний женщин-активисток, проведении выездных сессий и количестве показательных дел, в которых затрагивались интересы женщин, о выдвижении женщин для подготовки к работе нарсудей.

Отчеты из судебных районов Орловского округа свидетельствуют о том, что данной работе вряд ли придавалось серьезное значение. Заваленные делами нарсуды явно не были в восторге от необходимости организации показательных «женских процессов». Некоторые районы попросту сообщили обо всех рассмотренных делах, в которых были задействованы женщины. Например, нарсуд Кромского района рапортовал, что в период с 1 января по 8 марта 1929 г. в интересах женщин было рассмотрено 13 дел о разделе имущества, 5 дел о зарплате и 8 дел о содержании ребенка [7, д. 167, л. 11].

Иногда служебное рвение судебных работников приводило к откровенному цинизму: в отчете из Урицкого района сообщалось, что большого количества показательных процессов провести не представлялось возможным из-за отсутствия дел, «по которым в резкой форме были нарушены интересы женщин», зато «8 и 9 марта при огромном количестве слушателей» было рассмотрено дело об убийстве женщины и ребенка, в котором виновными были признаны муж и двое его знакомых [7, д. 167, л. 13].

Практика проведения показательных процессов зародилась в ходе работы выездных сессий судов, которые организовывались для того, чтобы «приблизить» суды к массам. По данным П. Соломона, в 1926 г. 17,1 % всех уголовных дел было рассмотрено на выездных сессиях, а губернские суды заслушали таким образом 44,1 % уголовных дел [10, с. 38–39]. Работа выездных сессий проводилась при достаточно большом скоплении людей и, помимо юридических, решала еще и воспитательные задачи и считалась одним из наиболее эффективных способов организации правового воспитания масс.

Показательные процессы организовывались по делам, связанным с наиболее актуальными для власти нарушениями. Например, в 1922 г. в показательном порядке проводились процессы, связанные с неуплатой продналога. По данным Курского Губисполкома, «Судебные процессы проводятся публично при массовом скоплении публики. Продналоговые приговоры сейчас же публикуются в местной газете, которые и рассылаются по волостям. Разбор дел, связанных с продналогом, быстро подействовал на неплательщиков продналога и в последние дни по справкам упродкома поступление продналога с каждым днем увеличивается» [4, д. 143, л. 24].

Показательные процессы проводились не только на селе, они организовывались на заводах и фабриках. Публичность происходящего порой приводила к неже-

лательным для судей последствиям: «отдельные процессы на заводах и в деревнях превращались в шумные и беспорядочные собрания, так как присутствующая публика стремилась активно “участвовать” в заседаниях, на которые она была приглашена в качестве немых статистов» [10, с. 39].

Возвращаясь к «женскому вопросу», необходимо отметить, что «выдвижение» женщин стало немаловажной составляющей процесса «орабочивания», активно проводившегося в этот период во всех сферах, в том числе, и в юстиции. При проведении выборов народных заседателей партийные и советские руководители не просто настаивали на участии в выборах женщин в качестве кандидатов, но и настойчиво рекомендовали конкретные количественные показатели их участия.

Согласно Положению о судоустройстве, принятому в ноябре 1922 г., списки народных заседателей ежегодно составлялись к 1 декабря. В каждом уездном (районном) центре особая комиссия «разверстывала» соответствующее количество заседателей по промышленным предприятиям, волостям и воинским частям, расположенным на территории уезда. Такая комиссия работала под председательством члена местного уездного исполкома и состояла из уездного помощника губернского прокурора и одного из народных судей уезда. Разверстка производилась из расчета: 50% заседателей из рабочих, 35% из крестьян и 15% из красноармейцев. Списки направлялись в фабрично-заводские комитеты, комиссарам воинских частей и волисполкомам, где проводились выборы кандидатов, с учетом их политической подготовленности. В течение недели каждый трудящийся был вправе заявить мотивированный отвод против отдельных лиц [9].

В середине 20-х женщин-заседателей было не слишком много. По данным Воронежского Губсуда, в 1925 г. в Богучарском уезде из 1008 избранных народных заседателей женщин было 137, то есть 13,5 % [1, д. 25, л. 11–16]. Заседание бюро Воронежского окружкома ВКП(б) от 16 октября 1928 г. постановило: «предложить райкомам ВКП(б) в связи с кампанией по избранию народных заседателей немедленно развернуть широкую кампанию по популяризации советского законодательства путем постановки этого вопроса на рабочих собраниях, общественных сходах крестьян и собраниях женщин. Через широкое освещение значения этой кампании добиться... улучшения социального состава избранных за счет большего вовлечения рабочих, бедняков, особенно женщин». В народные заседатели должно было быть избрано не менее 30 % женщин [2, д. 2, л. 8].

Во второй половине 1920-х женщин начали выдвигать и на ответственные должности. В начале 1928 г. в Курской губернии работали четыре женщины – нарсудьи, а одна из них была избрана членом Губсуда [3, д. 255, л. 27].

В октябре 1928 г. Председатель Областного суда Центрально-Черноземной Области сделал запрос Председателю Воронежского окружного суда: «В связи с осуществлением директив ЦК ВКП(б) и постановления

бюро Обкома ВКП(б) об усилении выдвижения женщин как членов партии, так и беспартийных, на ответственную работу, облсуд предлагает срочно сообщить, какое количество мест и на какую работу в окрестности может быть предоставлено женщинам-выдвиженкам» [2, д. 4, л. 13].

В 1929 г. Орловским окружным судом была поставлена задача – каждому судебному району выделить определенное количество женщин-нарзаседателей для подготовки к работе народного судьи. Никаких требований к претенденткам не предъявлялось, считалось, что если они избраны в нарзаседатели, то уже прошли «профессиональный отбор». От каждого района выдвигалось 4-8 женщин [7, д. 167, л. 10–22].

Характерна повестка совещаний, проведенных накануне Международного женского дня 1929 г. в районах Орловского округа с женщинами-нарзаседателями. В Кромском районе «был поставлен доклад о значении международного дня женщин, каковы задачи нарзаседателей-женщин при участии в нарзаседаниях, о браке, семье и опеке» [7, д. 167, л. 11]. Интересно не только совмещение теоретических и прикладных вопросов, но и то, что женщине-нарзаседателю, с точки зрения организаторов, отводилась в судебном заседании некая особая роль по сравнению с мужчинами. Из Дросковского района сообщали, что на совещании «женщины активно выступали, указывая на недостатки еще не изжитых на них старинных взглядов, и также отмечали, что со стороны работников суда недостаточно с ними в селениях проводится разъяснений о её праве и весенней посевной кампании» [7, д. 167, л. 10].

Обращает на себя внимание тот факт, что права женщин в процитированном документе приравниваются к весенней посевной кампании. Подобная риторика была уместна только накануне Международного женского дня. Между тем, разъяснение роли весенней посевной кампании отнюдь не выбивалось из тематики совещаний судебных работников. Участие в посевных и уборочных кампаниях было не просто обязательной общественной нагрузкой судебно-прокурорских работников. Рассматривая деятельность работников суда и прокуратуры в деревне, П. Соломон называет период с 1929 по 1935 гг. периодом «кампанейского правосудия».

Контекст данной статьи не предполагает сущностного анализа этого периода, отметим лишь, что тотальное беззаконие, допущенное властью, позволило П. Соломону определить его как «низшую точку падения в истории советского уголовного права» [10, с. 79]. Строго говоря, общественной нагрузкой это можно было назвать лишь условно – участвуя в посевных и хлебозаготовочных кампаниях, судьи и прокуроры, по сути, выполняли свои профессиональные обязанности. Тем не менее, вышестоящие органы оценивали рейды судебно-прокурорских работников в колхозы именно как общественную нагрузку. Несмотря на то, что длительное пребывание в колхозах явно шло в ущерб рассмотрению всех «некрестьянских» дел, окружные суды строго контролировали нагрузку народных судей, свя-

занную с сельхозработами. Суд Мценского района сообщал, что «по заданиям партийной и советских организаций старший судья провел в первом полугодии 1929 г. 39 дней по хлебозаготовкам, 6 дней по организации зерновых товариществ, 5 дней – по с/х налоговой кампании, 7 дней – по организации осенней посевной и уборочной» [7, д. 167, л. 103].

Остановимся на действиях судебно-прокурорских работников по обеспечению поддержки коллективизации.

П. Соломон называет три приоритетных направления: обеспечение преследования по тем видам преступлений, которые угрожали коллективизации; выявление преступлений, совершенных должностными лицами (злоупотребление властью и халатность); переквалификация обычных уголовных преступлений в политические [10, с. 87–91]. Это подтверждает и периодическая печать того времени. В заметке «Суд и посевная кампания», опубликованной в «Орловской правде» накануне первой посевной кампании в марте 1928 г., Председатель Орловского Губсуда Нефалиди определил задачи судебных работников: «Каждый народный судья обязан быть в курсе всех мероприятий по посевной кампании, четко представлять себе те задачи, которые ставятся перед соответствующими советскими, кооперативными и общественными организациями в этом направлении, чутко прислушиваться к голосу советской общественности, клеймящей те или иные недостатки или злоупотребления. Народные суды ...должны в ударные сроки рассматривать возникающие дела о злоупотреблениях должностных лиц при проведении этой кампании»[8].

В колхозное строительство были включены работники прокуратур и народные следователи. Круг контролируемых ими вопросов был довольно широк: проверка готовности к севу, планов работ сельсоветов, распределение твердых заданий кулацким хозяйствам, разъяснение нормативно-правовых актов, контроль за распределением сельхозтехники [5, д. 15, л. 31]. Порой следователи становились подлинными специалистами сельскохозяйственного производства. В апреле 1931 г. нарследователь Шкабенко в докладной записке прокурору Курского района обвинил уполномоченных РИК в том, что до приезда в колхоз судебно-следственной бригады они «не могли добиться того, чтобы Шумаковское земобщество приняло план, мирилось с рассуждениями отдельных граждан этого общества, объяснявших, что сеять свеклу там ввиду плохой земли нельзя, на этом работники сельсовета и уполномоченные и успокаивались и даже не постарались послать на место агронома для исследования почвы, который, кстати сказать, был на месте и без труда это можно было выполнить, что было сделано лишь нами» [5, д. 15, л. 1].

Работникам прокуратуры нередко приходилось охлаждать революционный пыл местных властей в налаживании работы колхозов. Например, прокуратура осуществляла проверки штрафов, налагаемых за несвоевременный посев сахарной свеклы. В июне 1931 г.

при проверке Половневского сельсовета Прокуратурой г. Курска было установлено, что сельсоветом «грубо нарушены директивы партии и правительства по этому вопросу. Так, по сельсовету оштрафовано было всего 52 хозяйства, из них кулацко-зажиточных – 13, со штрафом в размере от 50 до 150 руб. и бедняцко-средняцких – 39, со штрафом в размере от 50 до 100 руб». Заседавший на следующий день после проверки президиум сельсовета снял штраф с 4-х бедняцко-средняцких хозяйств и сократил его до 65 руб. остальным хозяйствам [5, д. 15, л. 48].

Очевидно, что отдельные прокурорские действия не в состоянии были остановить волну произвола и насилия в отношении крестьянства, но нельзя забывать о том, что за казенной фразой «бедняцко-средняцкое хозяйство» скрываются реальные люди, для которых уплата штрафа зачастую была равносильна голодной смерти.

Таким образом, в 1920-начале 30-х гг. у работников юстиции на местах была разнообразная общественная нагрузка: просветительская деятельность, нацеленная на пропаганду советского права, участие в кампаниях по распространению госзайма, организация показательных процессов с целью правового воспитания масс и приближения суда к населению. Для организации подобных видов общественных работ существовали даже «целевые аудитории» – женщины и красноармейцы и, прежде всего, крестьяне. С последними работники юстиции сталкивались во время посевных и уборочных кампаний, где судьи и прокуроры способствовали осуществлению коллективизации, «чутко прислушиваясь к голосу советской общественности».

Массовое участие судебно-прокурорских работников в общественной жизни нельзя приписывать только принуждению – к середине 1920-х эта профессиональная среда была наводнена некомпетентными, а порой и малообразованными выдвиженцами, которым было гораздо легче участвовать в распространении госзайма, чем разбираться в жизненных или правовых коллизиях. Кроме того, определенную часть кадрового состава советского правосудия в этот период составляли бывшие чиновники, рекомендованные исполкомами, а они любили организовывать и пропагандировать.

Участие в общественных мероприятиях, несомненно, наносило ущерб основной профессиональной деятельности работников юстиции, поскольку отнимало много времени, а порой больно ударило по их и без того тощому карману. Тем не менее, нельзя оценивать общественную нагрузку судей, следователей и прокуроров только с отрицательных позиций. Их просветительская деятельность среди рабочих, крестьян и красноармейцев имела и позитивную сторону: разъяснение основ советского права так или иначе улучшало культурный уровень населения, делало систему правосудия более понятной, способствовало формированию доверительного отношения к ней рядовых обывателей.

Библиографический список

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р–410.
2. ГАВО. Ф. Р–3253. Оп. 1.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф Р–166. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. Р–1174. Оп. 1.
6. ГАКО. Ф. Р–1721. Оп. 1.
7. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р–473. Оп. 1.
8. *Нефалиди (Председатель Орловского Губернского суда) Суд и посевная кампания // Орловская правда. 20 марта 1928. № 67 (3000).*
9. Положение о судоустройстве РСФСР / http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1438.htm
10. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008.

References

1. State Archive of the Voronezh Region (SAVR). F. R–410. In. 1.
 2. SAVR. F. R–3253. In. 1.
 3. State Archive of Kursk Region (SAKR). F. R–166. In. 1.
 4. SAKR. F. R–325. In. 1.
 5. SAKR. F. R–1174. In. 1.
 6. SAKR. F. R–1721. In. 1.
 7. State Archive of the Oryol Region (SAOR). F. R–473. In. 1.
 8. *Nefelidi (The Chairman of Orlovsky Provincial Court) The Court and Sowing Time// Orlovskaya Pravda. March 20, 1928. № 67 (3000).*
 9. Regulations for Judicature of RSFSR/ http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1438.htm
 10. *Solomon P.*The Soviet Justice at Stalin. M.: ROSSPEN, 2008.
-

УДК [271.2:37](470.319)»18/19»:94(47).081/.083

UDC [271.2:37](470.319)»18/19»:94(47).081/.083

В.А. ЛИВЦОВ

доктор исторических наук, профессор, кафедра «Философия и отечественная история», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орловский филиал)
E-mail: Livcov@ranepa.ru

Е.С. МАТВЕЕВА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра «Теория и история государства и права», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орловский филиал)
E-mail: evgmatveeva@bk.ru

V.A. LIVTSOV

Doctor of History, Professor, Department of philosophy and the history, Russian Academy of national economy and public administration under the President of Russian Federation (Orel branch)
E-mail: Livcov@ranepa.ru

E.S. MATVEEVA

Candidate of History, Senior lecturer, Department of theory and history of State and law, Russian Academy of national economy and public administration under the President of Russian Federation (Orel branch)
E-mail: evgmatveeva@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ОРЛОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПЕТРОПАВЛОВСКОГО БРАТСТВА НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE INFLUENCE OF THE ORTHODOX PARISH OF PETROPAVLOVSK BROTHERHOOD ON THE SPREAD OF EDUCATION IN THE OREL PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX-BEGINNING OF XX CENTURY

В статье уделяется большое значение обоснованию роли миссии Русской Православной Церкви и анализу основных форм и принципов участия в миссионерском служении. Рассматриваются проблемы подготовки мрян к миссии и различные её уровни, такие как личное служение, возрождение миссионерских приходов, миссионерская деятельность православных общин и братств, духовных движений, миссионерских обществ и др. На примере деятельности Орловского православного Петропавловского братства, организованного в Орловской губернии, приводится анализ характерных региональных особенностей влияния его на распространение образования во второй половине XIX-начале XX века.

Ключевые слова: светская власть, духовная власть, образование, православная миссия, миссионерские общества, церковные православные братства, добровольные пожертвования, православные библиотеки, Орловское православное Петропавловское братство.

The article focuses on the importance of the role of the Mission for the Russian Orthodox Church and the analysis of basic forms and principles of participation in missionary Ministry. It deals the problem of training of the laity in the mission and various levels, such as: personal service, revival of missionary congregations, missionary activity Orthodox communities and fraternities, religious movements, missionary societies, etc. For example, the activity of the Oryol Orthodox parish of brotherhood in the Orel Province, provides an analysis of the characteristic regional features influence the spread of education in the second half of XIX-beginning of XX century.

Keywords: secular power, spiritual power, education, Orthodox mission, Missionary Society Church Orthodox brotherhood, voluntary donations, Orthodox library, Orel Orthodox Brotherhood of the Petropavlovsk.

Миссионерская полемика велась уже во второй половине XIX века, ставя вопросы о нужности существования данного рода деятельности и законности её с точки зрения действующего государственного законодательства по делам веры [2]. Во второй половине XIX века Россия была ознаменована модернизационными процессами, которые стали результатом масштабного реформирования 1860–1870-х годов. На фоне данного экономического роста в пореформенной России быстрыми темпами стал разрушаться традиционный патриархальный уклад жизни широких масс, а вместе с ним стало трансформироваться и традиционное мировоззрение, основанное на религиозных ценностях. Необходимость введения в народные массы определённых образовательных стандартов и внеобразовательных

средств стала очевидной [5], так как представлялась невозможной полноценная модернизация страны, в которой наибольшая часть населения являлась «тёмной» и слабо просвещенной. В государственных докладах об «Общих нуждах народного образования» неоднократно ставились вопросы об учреждении как народных библиотек-читален, так и учительских клубов-библиотек [4, Ст. 2. Д.986. Л. 68–74]. Данную проблему частично предоставили для решения именно православному духовенству, так как религия во все времена являлась важнейшим объединяющим фактором различных слоёв населения. Поэтому-то от духовенства и стала зависеть в значительной степени судьба социокультурной и образовательной перестройки общества, в связи с чем в России и стало укрепляться миссионерство.

Служение Богу и Церкви каждый человек мог совершать лично, свободно и по своей инициативе. Так же и миссионером мог быть «всякий» христианин, находящийся в полном общении с Христовой Церковью, исключения составляли новообращённые, оглашаемые и кающиеся (т.е. отлучённые на время от церковного общения). При этом не было различия пола, возраста (но с учётом возрастных особенностей), нации, социального и церковного положения и т.д. В христианской миссии возможны были: личное и личностное свидетельство отдельного человека; деятельность возрожденных миссионерских приходов; миссионерское служение православных общин и братств, духовных движений; объединение усилий в рамках православного миссионерского общества или других миссионерских организаций.

Рассматривая историческую практику развития миссии Русской Православной Церкви, можно констатировать, что уже к XIX веку сформировались определенные должностные единицы и организационные формы миссионерского служения в среде духовенства и мирян – это синодальный миссионер, епархиальный миссионер, помощник благочинного и приходской миссионер.

Многие епархии Русской Православной Церкви второй половины XIX века в контексте духовно-нравственного просвещения вырабатывали свои практические формы сотрудничества Церкви и общества. Важную роль в развитии миссионерской деятельности на местах сыграли миссионерские съезды, в состав которых входили наиболее прогрессивное и активное духовенство епархий. На съездах обсуждались основные насущные проблемы жизни Церкви, и в том числе направления по миссионерской работе. От Орловской епархии в работе съездов во второй половине XIX века принимал участие епархиальный миссионер священник Лев Адамов (являвшийся с 1904 года настоятелем церкви Брянского завода в Брянском уезде). Первичными и основными носителями миссии были православные общины и братства, которые с развитием деятельности церковно-приходских школ получали широкое распространение. Они учреждались при церквях или монастырях с благословения Епархиального Архиерея. В Орловской губернии во второй половине XIX-начале XX века также осуществлялась такая деятельность. 5 декабря 1865 года появилось братство при Орловской семинарии, ставившее на первый план благотворительную деятельность. В создание и работу благотворительного братства внёс большой вклад ректор Орловской духовной семинарии архимандрит Палладий. *Братство при Иоанно-Богословской церкви* оказывало помощь и поддержку многим нуждающимся воспитанникам семинарии. В дальнейшем эту работу продолжило *Иоанно-Богословское попечительство* при Орловской духовной семинарии.

21 февраля 1871 года был образован епархиальный комитет Православного Миссионерского общества. Преосвященный Владыка Никанор, Епископ Орловский и Севский, который достаточно искренне относился к

своему делу, он глубоко понимал важность задач и целей Русского Православия на Востоке, поэтому способствовал открытию 2 мая 1899 года *Императорского Православного Палестинского Общества* (ИППО). Деятельность Орловского Отдела была достаточно широка, она было направлена и на улучшение финансового положения ИППО, и на увеличение информации о проблемах Палестины среди населения. Деятельность Общества проходила в тесной взаимосвязи представителей светской власти, что благоприятно сказывалось на религиозно-просветительской работе в Орловской губернии в целом [6]. Далее 28 сентября 1900 года был открыт церковно-археологический комитет, реорганизованный 23 августа 1905 года в *Церковное Историко-археологическое Общество*. 23 марта 1907 года было создано Общество Хоругвеносцев. 23 марта 1914 года *Законоучительское братство*, а с 4 июня 1917 года Общество церковного обновления на канонических началах. Были и другие общества, но и они обладали схожими задачами и близостью православных традиций. Общества и братства активно занимались вопросами социальной поддержки и культурного развития народа, применяя внешкольные и внеобразовательные средства образования, которые приспособлялись к местным условиям и потребностям [4, Ст. 2. Д.986. Л. 68 оборот]. И уже к концу XIX века деятельность братств становится необходимым элементом в системе духовного просвещения, дополняя и поддерживая деятельность Церкви и учебных заведений.

Наиболее ярким примером миссионерской деятельности в Орловской губернии является работа *Орловского православного Петропавловского братства*, учреждённого в 1887 году в Орловской епархии при Кафедральном соборе Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла. Фактически, при содействии епископа Орловского и Севского Симеона Орловское церковное братство существовало уже с 1884 года. 16 февраля 1887 года был официально утверждён его Устав, разработкой проекта которого с 1886 года занимался В.Н. Лясковский, Почетный попечитель церковно-приходских школ Орловского уезда [9]. Согласно тексту Устава, устройство церковного братства в Орловской епархии могло состоять из духовных и светских лиц обоёго пола, поэтому нашлось много лиц, желающих быть членами нового, полезного учреждения. Первоначально в Уставе были закреплены важнейшие задачи, к которым относились – православная благотворительность, открытие читален, библиотек для чтения книг при церковно-приходских и воскресных школах, а также деятельность по религиозно-нравственному и назидательному просвещению [10].

Средства на работу церковного православного братства, как правило, поступали путём внесения членских взносов, процентов от ценных бумаг, частных пожертвований, а также от непосредственной деятельности братства: сдачей в аренду недвижимости или продажи имущества, принадлежащего братству. Орловское православное Петропавловское братство ежегодно издавало специальные отчёты, содержащие информацию

о его численности, средствах и проделанной работе. С 1889 года ввиду общих целей и задач были соединены Совет Петропавловского братства и Орловский Епархиальный Училищный Совет под председательством Епархиального Архиерея (Мисаила) [9]. С этого периода деятельность братства главным уже образом проявлялась:

а) *в устройстве новых и введении прежних организованных чтений для народа, по воскресным и праздничным дням.*

В этом направлении уделялось особое внимание просвещению среди не только детей, но и взрослого населения. Благодаря деятельности братства во многих приходских школах Орловской губернии были открыты читальни, основной задачей которых являлось обеспечение беднейшим слоям населения беспрепятственного доступа к спасительной литературе. В первой библиотеке-читальне, открытой в Троицко-Васильевской церкви города Орла, с количеством изданий, равном двум тысячам книг, уже за первые три месяца было зафиксировано 300 посетителей, их возраст разнился от 11 до 35 лет, было проведено 28 чтений в школьных помещениях, 38 в здании церкви и выдано около 800 книг. В фонде читальни имелись такие периодические издания, как «Природа и люди», «Нива», «Живописное обозрение», «Странник», «Сын отечества», «Церковный вестник». В целом были доступны любые книги и периодические издания, разрешенные общей цензурой для распространения в публичных библиотеках и общественных читальнях [4, Ст. 2. Д.986. Л. 70]. Непосредственную выдачу литературы осуществляли учителя, которые следили за порядком в читальне.

Представители братства организовывали и проводили «во внебогослужбное» время духовно-нравственные чтения по праздничным и воскресным дням. Первоначально город Орёл ввиду большой численности населения и обширности занимаемого им пространства для удобства слушателей бесед и чтений был разделён на три относительно равномерных участка. В каждом из участков была определена центральная церковь: Богоявленская, Крестовоздвиженская и Сретенская [9]. Впоследствии, по распоряжению Святейшего Синода, чтения велись практически во всех церквях. Различные публичные собеседования [9], или народные чтения осуществлялись одним из священников, соответственно заранее составленному графику. Нередки были случаи, когда Его Преосвященство лично вёл собеседования с народом экспромтом, а по окончании собственноручно раздавал экземпляры листов нравственного содержания [9]. В разные дни на основании сводок о мероприятиях могли присутствовать от 50 до 200 человек. Так же обстояло дело с другими уездами губернии. Во время чтений могла использоваться различная литература: церковная, историческая, географическая и художественная, при этом чтения могли сопровождаться показом так называемых «туманных картин». Польза была не только для детей, которые открывали для себя новые знания. Но и для крестьян были полезны статьи из обла-

сти человеческого знания вообще и сельскохозяйственного быта в частности [9]. Непосредственный надзор за чтениями осуществлял Инспектор Народных училищ. Особые требования были и для лекторов, и для самих книг, вынесенных для прочтения: кандидатуры лекторов подлежали обязательному утверждению в Совете, а использовавшаяся литература должна быть издана и разрешена цензурой. Рукописи только в особых случаях допускались к прочтению с разрешения Училищного Совета [4, Ст. 2. Д.986. Л. 73].

Отдельно можно обратить внимание на спорный вопрос, касающийся подготовки и повышения образованности церковнослужителей в губернии. Ни епархиальная власть, ни монастырское начальство до этого времени особо не обращали должного внимания на их обучение и надлежащую подготовку к должностному прохождению священноцерковнослужительских обязанностей. Находясь довольно продолжительное время при Церкви, и претендуя на должность иеродьякона или иеромонаха, священнослужители обнаруживали иногда полное незнание главнейших истин христианской религии, священной истории и богослужебной практики. Ввиду этого они не могли соответствовать требованиям, предъявляемым к лекторам чтений, так как их роль в распространении образования среди народных масс могла быть незначительной. Для их обучения и устранения различных коллизий архиереи разных епархий рекомендовали устройство особых школ при Архиерейских домах.

б) *в создании и обустройстве библиотек самого православного братства, а также приходских и благочиннических библиотек.*

Особый вклад в распространение образования в Орловском крае в XIX-начале XX века братство внесло благодаря созданию церковных библиотек при церковно-приходских школах и благочиннических участках епархии, которыми мог воспользоваться каждый желающий. Преследуя духовно-просветительские цели, Совет братства первоначально, ввиду ограниченности средств, заботился о приобретении недорогих книг и брошюр, понимая нужность пособий и указаний серьёзного полемического и духовно-нравственного содержания для борьбы с существовавшим в обществе отрицанием, неверием и индифферентизмом. В дальнейшем закупка книжных изданий осуществлялась на денежные средства братства. В целях восполнения и обновления библиотеки ежегодно осуществлялась выписка полезных книг и изданий по разным отраслям религиозных знаний, вероучения и христианской нравственности. Подбор литературы выполнялся по Синодальному каталогу, через уездные отделения Епархиального Училищного Совета, а далее книги уже распределялись по библиотекам Орловской губернии [9].

Известны были случаи жертвования книг, так, например П.Ф. Полидоров, являвшийся кафедральным протоиереем и пожизненным членом братства, принёс в дар библиотеку, которую собирал на протяжении 54 лет своей пастырской службы. По желанию жертвователя

вся библиотека находилась в Орловском кафедральном Петропавловском соборе и содержала 500 томов книг разнообразного характера и содержания, с выдающимися сочинениями богословско-философского и полемического содержания. Единственным минусом было пожизненное распоряжение ею, что не давало большей свободы и возможностей в распоряжении книгами всем желающим (в 1892 году П.Ф. Полидоров умер). Библиотека находилась в неотапливаемом Соборе в центре города, поэтому в холодное время года вообще не использовалась даже заведующим. В дальнейшем библиотека стала духовным центром Орловской губернии. В ней проходили собрания Петропавловского братства, Серафимовского братства, историко-археологического общества города Орла, а также заседания Епархиального Училищного Совета. В библиотеке содержалась литература светская и церковная, библейская литература, жития святых, книжные издания по отечественной истории, психологии, философии и противосектантская литература. В 1914 году фонд библиотеки был пополнен «Энциклопедическим словарем» [8, 1914, С. 8–16]. В свою очередь, состав интересующихся литературой библиотеки был весьма разнообразен: священно- и церковнослужители, начальники светских училищ и их учащиеся, чиновники, военные, ремесленники, купцы, рабочие, крестьяне и другие. Безусловно, выходцы из бедных слоёв общества были более редкими посетителями библиотек, это обстоятельство объясняется тем, что светское образование было им недоступно, в связи с чем большинство из них не знали грамоту, не умели читать и писать.

в) *в распространении среди простого народа путём продажи и бесплатной раздачи изданий, книжек и брошюр полезного и нравственно-назидательного чтения.*

Стоит отметить, что братство представляло собой крупнейшее православное издательство. Церковные старосты, братчики-книгоноши распространяли листки, брошюры, листовки. Православным братством создавались и стенные публичные библиотеки – в общественных зданиях на стенах размещались листки исторического и религиозно-нравственного содержания [8, 1903, С. 1022–1029]. Советом Петропавловского братства оплачивались счета типографии Киево-Печерской Лавры для выпуска орловских изданий.

Братство занималось борьбой с раскольниками и сектантами, осуществляя чтения и бесплатную раздачу брошюр и книг нравственного содержания. Духовная литература содержалась в библиотеках, приходских лавках и специально возведённых складах общества. Все эти действия находились под надзором как Епархиального, так и Училищного Советов. В разных уездах благодаря проделанной работе были достаточно частыми случаи возвращения или приобщения к христианству представителей различных сект [9].

г) *в предоставлении пособий и организации церковно-приходских школ.*

Главным источником содержания церковно-приходских школ являлись годовичные денежные взно-

сы от сельских и городских обществ, а также плата, взимаемая за обучение учащихся. Братство старалось заниматься вопросами улучшения приходской жизни посредством предоставления пособий обучающимся. С 1890 года братство, ввиду объединения с Епархиальным Училищным Советом, стало заниматься делами, относящимися к благоустройству существующих церковно-приходских школ и открытию новых, а также выполнять функцию надзора за школами. Совет занимался пересмотром и рассылкой учебных книг и пособий для школ, назначением экзаменов и экзаменационных комиссий для завершающих курс учеников, выдавал свидетельства, назначал и перемещал учителей и прочее. Ежегодно число обучающихся увеличивалось на 10%, поэтому для удобства управления и наблюдения за церковно-приходскими школами и школами грамоты в 1890 году были открыты отделения Епархиального Училищного Совета во всех 12-ти уездах губернии [9]. Ежегодно на средства братства открывались новые школы, так, например, в 1900 году в селе Камышино Орловского района было возведено школьное учебное заведение, в Орле построена церковно-ремесленная школа и др. По мнению братства, именно через подрастающее поколение было возможно устранить секты скопцов, которые, по историческим данным, были особенно распространены в данных краях [1]. Итак, Орловское православное Петропавловское братство являлось связующим механизмом, своего рода посредником между простым народом и церковными властями по выполнению основной задачи – распространению духовно-нравственного просвещения и образования. Оно внесло неоценимый вклад в культурное и образовательное развитие населения Орловской губернии.

В завершении хотелось бы отметить, что миссионерская деятельность в XIX-начале XX века сыграла важнейшую роль в повышении уровня образования и духовности как во всех сословиях Российского государства в целом, так и его отдельных провинций, в том числе Орловской губернии. Каждый житель вне зависимости от статуса, своего материального положения, возраста имел возможность ознакомления, чтения различного рода книжных изданий, которые освещали не только духовно-нравственные составляющие жизни людей, но и научные тематики. Государство было напрямую заинтересовано в распространении православных церковных устоев среди всех слоёв населения, особенно среди старообрядцев и неверующих. Церковь массово пропагандировала не только духовное, но и образовательное просвещение. В самих церковных учреждениях проводились проповеди, содержание которых было наиболее приближено к обыденным проблемам. Соответствующий исторический период Российского государства был ознаменован выпуском большого количества книжных изданий, православных журналов, учебной литературы. По всей стране увеличилось число миссионерских объединений, церковных братств, одной из основных задач которых являлась просветительская деятельность.

Возникновение и деятельность православных церковных братств в России показывает, в какой степени светские и духовные власти готовы были пойти навстречу обществу в его стремлении реформировать церковные институты, а также демонстрировало, в какой степени само общество было заинтересовано в этом реформировании. В современном обществе, во многом ставшем атеистическим, также может оказаться поучительным и плодотворным опыт региональной миссионерской деятельности России в XIX-начале XX века, так как формирование миссионерских структур Русской

Православной Церкви продолжается, при этом используются и традиционные, и современные формы ведения миссионерской деятельности. Примером возрождения такого рода работы в Орловской области является молодёжное братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия, образованное в 2001 году. Достаточно важным является обращение ныне действующих миссионеров и их объединений к открытому богатству миссионерского опыта, обладающему благодатными примерами жизни и деятельности.

Библиографический список

1. *Абакумов С.Н.* География расселения и динамика численности старообрядцев (Орловская губерния, первая половина XIX века) // *Власть*. 2009. № 8. С. 157-159.
2. *Айвазов И.Г.* Миссионерская полемика. 2-е изд. Харьков: Типография Губернского правления, 1907. 20 с.
3. *Богдасарян В.Э.* Образование и церковь. // *Вестник РУДН*. 2012. № 1. С. 49-52.
4. Государственный Архив Орловской Области: фонд 580.
5. *Ливцов В.А.* История формирования духовных начал в образовательной системе России в XVIII веке. // *Вестник Орловского государственного университета*. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 6 (35). С. 57-60.
6. *Матвеева Е.С.* Орловский отдел Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине XIX-начале XX века. // *Учёные записки Орловского государственного университета*. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. №5 (55). С. 15–20.
7. *Матвеева Е.С.* Миссионерская и просветительская деятельность Русской Православной Церкви в Центральной России второй половины XIX-начала XX века. // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014. №5 (35). С. 188-194.
8. Орловские епархиальные ведомости 1887-1915 гг.
9. Отчёты о состоянии Орловского православного Петропавловского братства. Орел: Типография В.П. Матвеева, 1887-1905гг.
10. Устав Орловского Православного Петропавловского Братства. Орёл: Типография Губернского Правления, 1904. 10 с.

References

1. *Abakumov S.N.* Geography of settlement and population dynamics of old-believers (Orlovskaya Gubernia, the first half of the 19th century) // *Power*. 2009. № 8. Pp. 157-159.
2. *Ayvazov I.G.* Missionary polemics. 2-ed. Kharkiv: Typography of provincial government, 1907. 20 p.
3. *Bogdasarân V.* Education and Church // *Messenger of RUDN*. 2012. № 1. Pp. 49-52.
4. The State archive of the Oryol region: Fund 580.
5. *Livtsov V.A.* History of spiritual started in the educational system of Russia in the 18th century // *Bulletin of the Oryol State University*. Series: new humanitarian research. 2013. №. 6 (35). Pp. 57-60.
6. *Matveeva E.S.* Orlovsky Division of the Imperial Orthodox Palestine society in the second half of XIX-beginning of XX century // *Scientific Notes of Orel State University*. Series «Humanities and social sciences». 2013. №. 5 (55). Pp. 15-20.
7. *Matveeva E.S.* Missionary and enlightening activities of the Russian Orthodox Church in Central Russia in the second half of XIX-beginning of XX centuries // *Bulletin of the typical social sciences*. 2014. №. 5 (35). Pp. 188-194.
8. Orel Diocesan Gazette 1887–1915.
9. Reports on the status of the Oryol Orthodox parish of brotherhood. Orel: Typography V. Matveeva, 1887-1905.
10. Charter of Orel Orthodox Petropavlovsk Brotherhood. Orel: Provincial Government Printing Office, 1904. 10 p.

О.И. ПАВЛИЧЕНКО

аспирант, кафедра истории и политологии, Воронежский государственный технический университет
E-mail: olgapavlichenko@mail.ru

O.I. PAVLICHENKO

Graduate student, Department of History and Political Science, Voronezh State Technical University
E-mail: olgapavlichenko@mail.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

CHARITY OF VORONEZH BUSINESSMEN IN THE FIRST PART OF THE XIX CENTURY

На основе ранее не введенных в научный оборот архивных материалов рассматривается история благотворительной работы воронежских предпринимателей из числа купцов и помещиков в первой половине XIX века. Исследование этой темы является особенно актуальным в свете развития рыночных отношений в России на протяжении двух последних десятилетий.

Ключевые слова: благотворительность, общественная деятельность, купцы, помещики-предприниматели, образовательные учреждения.

The history of charitable work of the Voronezh businessmen, among merchants and landowners in the first part XIX century, is considered on the basis of archival materials, which have not been introduced into the scientific circulation. The research of this subject is especially urgent in the light of development of the market relations in Russia over a period of two last decades.

Keywords: charity, social activities, merchants, landowner-businessmen, educational institutions.

Распад Советского Союза и переход к рыночной модели экономики повлекли за собой возрождение предпринимательского слоя. Это стало причиной возросшего интереса к истокам этой социальной группы, его роли в общественной жизни в дореволюционной России. Одной из важнейших социальных функций предпринимателей с давних пор была благотворительная деятельность.

В статье рассматривается благотворительная работа предпринимателей на территории Воронежской губернии в первой половине XIX века, поднимаются вопросы о роли правительства и органов дворянского самоуправления в популяризации общественно полезной деятельности, о том, какие направления благотворительности пользовались наибольшим успехом и почему. Данная тема в историографии остаётся малоизученной. Основу статьи составили не опубликованные ранее архивные материалы.

Значительное количество документов по истории благотворительности в Воронежской губернии начинает фиксироваться с начала XIX столетия. До этого времени встречаются лишь единичные свидетельства. Благотворительностью в рассматриваемый период занимались представители двух социальных категорий населения – помещики и купцы. И те и другие занимались предпринимательской деятельностью. Купцы изначально по роду своей работы являлись коммерсантами. Необходимо пояснить ситуацию с помещиками. В первой половине XIX века большинство дворянских хозяйств носили товарный характер, в них укоренились

рыночные основы. В этой связи уместно назвать помещиков предпринимателями [6. С. 82].

Одним из последствий роста товарно-денежных отношений в помещичьих хозяйствах стало усиление крепостного гнёта в отношении крестьян. Дело в том, что помещики стремились увеличить прибыль и для этого часто использовали не интенсивные методы – совершенствование орудий труда, агрокультуры и в конечном итоге повышение производительности, а экстенсивный вариант – расширение посевных площадей и пастбищ, увеличение барщины [2. С. 44. 7. С. 106.]. В этот период фиксируются многочисленные случаи жестокого обращения помещиков и их управляющих с крестьянами [5. С. 211].

Тем не менее, развитие предпринимательства в среде помещиков сопровождалось не только негативными явлениями. В XIX веке заметно возрос интерес к благотворительности [4. С. 351].

Одним из главных направлений деятельности воронежских благотворителей была поддержка образовательных учреждений. В 1809–1811 гг. был организован сбор средств на ремонт здания Воронежской губернской гимназии. Средний размер пожертвования был весьма значительным, составив от 5 до 25 рублей. В этой акции участвовали не только помещики, но также купцы и мещане, которые особенно активно проявили себя в Павловском уезде [3. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 138. Л. 2-2об., 33].

В 1809 году в Воронеже были открыты гимназия и уездное училище. В 1815 году из императорского Харьковского университета в Воронежское дворянское

собрание было подано ходатайство об организации сбора добровольных пожертвований на покупку дома для Воронежской гимназии и уездного училища. Прежнее помещение находилось в неудовлетворительном техническом состоянии. Акция принесла положительные результаты, были собраны средства на новое здание. Помещики не всегда безоговорочно принимали участие в благотворительности. Так, дворяне Старобельского уезда отказались жертвовать средства. В своём письме к губернскому предводителю дворянства они написали, что уже принимали недавно участие в сборе денег для Харьковского университета. К тому же в городе Старобельске также есть уездное училище, которое нуждается в средствах. Кроме того, произошёл неурожай зерновых культур, поэтому помещики не в состоянии были принять участие в благотворительной акции [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 301. Л. 4об., 6, 8].

Сбор средств на нужды Харьковского университета проводился не единожды. В частности, такая акция была организована в 1817–1818 гг. Кроме того, правление Харьковского университета неоднократно пыталось организовать среди воронежских помещиков сбор средств в пользу Валуйского уездного училища, так как сумма в размере 200 рублей в год, выделяемая государством на его содержание, была недостаточной. Акция практически не имела успеха, во многих уездах Воронежской губернии вообще не находилось желающих в ней участвовать. В начале 1830-х гг. проводился сбор средств на организацию Тамбовского кадетского корпуса. Интерес к этой акции в Воронежской губернии проявлено не было [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1191. Л. 1-2].

Это были не единственные случаи, когда образовательные учреждения нуждались в поддержке частных лиц. Согласно уставу учебных заведений от 1828 года на организацию и содержание гимназических пансионатов были определены суммы от добровольных пожертвований и от платы за воспитанников. В 1832 году отличились дворяне Новохопёрского уезда. Немалая заслуга в этом принадлежала помещицам Марии Александровне Апраксиной и Варваре Александровне Барановой. Они организовали сбор средств среди дворян своего уезда – по 25 копеек с ревизской души. Кроме того, 22 рубля было пожертвовано в Богучарском уезде. Помещица Баранова являлась успешной предпринимательницей, занималась товарным овцеводством, в её имении разводили тонкорунных овец [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 978. Л. 2, 9-10]. Это свидетельствует о том, что обычно наиболее активно благотворительностью занимались самые успешные в коммерческом плане дворяне.

Благотворительность была почётным делом и всячески поощрялась государственными властями. Так, в 1816 году было принято постановление о наградах для благотворителей учебных заведений. Согласно ему, люди, предоставляющие в дар учебным заведениям здания, помещения, учебные пособия, наличные суммы на насущные нужды, должны были удостаиваться особого внимания и почтения [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 329. Л. 3].

Помимо сбора средств на образовательные учрежде-

ния, уездные дворянские собрания занимались сбором средств на церкви и монастыри. В 1820 году по инициативе архимандрита Амвросия Казанского Зилатова Успенского монастыря был организован сбор пожертвований на ремонт Казанского монастыря. Несмотря на успех акции в целом по России – уже на первом этапе было собрано около 20000 рублей, в Воронежской губернии она не вызвала интереса. В 1853–1854 гг. проводился сбор средств в пользу церквей, строящихся в г. Купянске Харьковской губернии. Помещики Воронежской губернии приняли участие, в общей сложности было пожертвовано более 15 рублей [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1926. Л. 5, 8-9, 15].

Сохранились сведения о пожертвованиях воронежских дворян на деятельность библейского общества. Целью этой организации, возникшей в 1813 году, являлся перевод Библии и некоторых других церковных книг на разные языки мира [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 639. Л. 3-5об.].

Значимым событием стало учреждение в городе в 1816 году по инициативе воронежских благотворителей попечительного комитета. Немалая роль в открытии этой организации принадлежала князю Александру Николаевичу Голицыну, который являлся попечителем и председателем Императорского Человеколюбивого общества. На это действие его вдохновило открытие аналогичной организации в Петербурге. Попечительный комитет должен был стать обществом, «делом которого будет забота о бедных всякого рода, подавать им возможную помощь, как в пропитании, так и в поправлении их состояния, расстроенного несчастными обстоятельствами» А.Н. Голицын обратился к воронежскому купцу Аврааму Страхову и чиновнику четвёртого класса Ираклию Алексеевичу Лёвшину с предложением поддержать начинание, на что они ответили согласием. Кроме того, и другие представители купеческого и дворянского сословия изъявили желание жертвовать ежегодно на деятельность попечительного комитета денежные средства, а также принять на себя звания попечителей. В 1829 году императору был представлен отчёт о деятельности и собранных суммах в воронежском попечительном комитете. Царь объявил благодарность его членам за успешную благотворительную деятельность [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 418. Л. 1-2об., 4].

Помимо столичного попечительного комитета, который стал прообразом аналогичного общества в Воронеже, в Петербурге существовали и другие благотворительные организации. Одной из таких была община сестёр милосердия, которая занималась воспитанием сирот и давала приют больным. Кроме того, организация занималась распространением книг на религиозную и историческую тематику. Вырученные средства шли на благотворительные цели. В 1850 году в акции приняли активное участие дворяне Бирюченского уезда [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1744. Л. 5].

Такое направление благотворительности, как поддержка здравоохранения, не приобрело в первой половине XIX века широкого распространения. По всей

видимости, это было связано с тем, что правительство и дворянские собрания уделяли ему меньше внимания, чем образовательным и религиозным объектам. Однако отдельные случаи пожертвований в пользу здравоохранения были. Так, в 1852 году задонские помещики брат и сестра Иван и Анисья Бехтеевы пожертвовали имение, насчитывавшее 1582 десятины земли и 208 душ, в пользу Воронежской городской больницы. Воронежское дворянство помимо прочего регулярно жертвовало средства в пользу инвалидов [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 453. Л. 12-16].

Ещё направлением благотворительной деятельности было участие в строительстве и реставрации памятников культуры. Однако оно, как правило, не находило в Воронежской губернии широкой поддержки. Одним из исключений стал сбор средств в 1809–1810 гг. на сооружение памятника купцу Минину и князю Пожарскому в Нижнем Новгороде. Акция вызвала интерес у дворян Воронежской губернии. В переписке с воронежским губернским предводителем дворянства министр внутренних дел отмечал: «... число подписавшихся особ время от времени умножается...» [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 137. Л. 13, 16]. Благотворительность поощрялась правительством. По поручению министра те, кто делали взносы, должны были быть «объявлены во всенародное известие». В итоге с помещиков Воронежской губернии была собрана крупная сумма – 4667 рублей.

В 1825–1827 гг. был организован сбор средств на сооружение памятника М.В. Ломоносову в Архангельске. В большинстве уездов Воронежской губернии вообще не нашлось желающих участвовать в акции, за исключением Старобельского и Нижнедевицкого уездов, где было пожертвовано 76 рублей. В 1829-1830 гг. проводился сбор средств на постройку памятника на развалинах Херсонеса-Таврического, где было совершено крещение князя Владимира. Воронежские дворяне принимали участие неохотно. Небольшие по объёму пожертвования были собраны в Острогожском, Богучарском и Павловском уездах [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 807. Л. 6-9, 13-14].

В 1830–1831 гг. был организован сбор средств на сооружение памятника Ермаку, покорявшему Сибирь. А в 1832–1833 гг. аналогичная акция была проведена для создания памятника Г.Р. Державину. Однако в обоих случаях интерес был незначительный. В 1845–1846 гг. проводился сбор пожертвований на сооружение памятника И.А. Крылову в Санкт-Петербурге. Особо подчёркивалось, что необязательно вносить большие суммы, каждый мог сделать пожертвование по мере своих возможностей. Помещиками Нижнедевицкого уезда было сделано небольшое пожертвование – 5,93 рубля [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1111. Л. 11-13].

В 1834 году губернские публичные библиотеки перешли из ведения министерства внутренних дел в министерство народного просвещения. Стали проводиться акции по сбору средств на их содержание. За первую половину 1834 года воронежскими дворянами было пожертвовано 56 рублей на содержание губернской библи-

отеки [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1268. Л. 1-2].

Из всех направлений благотворительности наибольшим успехом пользовались акции по поддержке людей, оказавшихся по различным причинам в бедственном положении. В 1812–1813 году по инициативе церкви воронежские дворяне жертвовали средства в пользу пострадавших от французского нашествия.

В 1821 году началась Греческая война за независимость от Османской империи. В Россию, преимущественно в Бессарабию и Одессу, хлынул поток беженцев. Они были приняты гостеприимно, однако их количество постоянно возрастало, в июне 1821 года в одной Одессе их насчитывалось около 4000. Пособий, выделяемых российским правительством на их содержание, было недостаточно. Поэтому А.Н. Голицыным была организована благотворительная акция по сбору средств на поддержку беженцев, в которой в числе прочих приняли участие и воронежские дворяне [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 636. Л. 2-3].

В 1827–1828 гг. проводился сбор пожертвований на поддержку бедняков Кронштадта. Военный губернатор этого города сообщил царю, что в городе 42 человека находятся в бедственном положении. Их вверили на попечение Человеколюбивого общества. Было подсчитано, что необходимо 6180 рублей на их содержание ежегодно. У общества таких денег не нашлось, и тогда стали собирать средства по всей России. В Богучарском уезде был пожертвован 41 рубль [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 897. Л. 2-2об., 8].

Одним из самых разрушительных бедствий в России в XIX столетии были пожары. 3 сентября 1815 года в Казани произошёл большой пожар. В числе пострадавших от огня оказался Иоановский монастырь. Жители Казани оказались не в силах восстановить его самостоятельно, так как сами были разорены из-за пожара. Поэтому через губернские дворянские собрания в различных регионах страны был организован сбор средств на добровольной основе на реконструкцию монастыря. Активное участие в этой благотворительной акции приняли дворяне Воронежской губернии. Так, в одном Острогожском уезде было собрано 170 рублей. В 1818–1819 гг. воронежские дворяне и купцы приняли участие в сборе пожертвований, организованном по указу Сената, в пользу жителей Уфы и Казани, разорившихся от масштабных пожаров [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 296. Л. 2, 6].

В августе 1827 года в г. Або в Финляндии произошёл сильнейший пожар, длившийся около суток. Сгорело почти 800 домов. Николай I повелел открыть подписку для сбора пожертвований в пользу пострадавших. Воронежский губернатор призвал местных дворян к пожертвованиям. В акции приняли участие помещики всех уездов, наибольшие суммы были собраны в Задонском, Острогожском и Богучарском. Всего же в губернии была собрана крупная сумма – 580 рублей [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 881. Л. 2, 6, 8-9].

Успешный опыт этой благотворительной акции был взят в основу при сборе средств в 1831–1833 гг.

Тогда сильный пожар уничтожил множество построек в г. Тавантгусе в Финляндии. Без крова остались 1200 человек. По приказу царя была открыта подписка на добровольные пожертвования. В ней приняли участие помещики Воронежской губернии. В 1839 г. воронежские дворяне приняли участие в сборе пожертвований в пользу пострадавших от пожара жителей Вологды [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1054. Л. 1-1об., 6].

В помещичьей среде практиковался сбор средств на поддержку дворян, оказавшихся в тяжёлой жизненной ситуации. Так, в 1831 году в Павловске умер от холеры поручик Чупин. Его семья – жена и шестеро детей – остались в бедственном положении. Предводитель павловского уездного дворянства обратился к губернатору с просьбой организовать сбор средств на их поддержку. Были собраны пожертвования. Наибольшее участие проявили помещики Острогжского и Бобровского уездов. Дворянам губернии также предлагалось взять на себя расходы по обучению детей в каком-либо учебном заведении. На этот призыв, однако, никто не откликнулся. В 1832 г. помещики приняли участие в сборе пожертвований, организованном Попечительным комитетом, в пользу вдовы Настасьи Черторижской, оставшейся без средств после смерти мужа [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1055. Л. 1-1об., 4, 8].

Представители всех сословий активно участвовали в благотворительности в период Крымской войны 1853–1856 гг. Одним из таких мероприятий был сбор пожертвований в пользу морских чинов – защитников Севастополя. Помимо общероссийских и общегубернских подписок в период войны люди участвовали в благотворительности и по личной инициативе. В 1854 году помещик Нижнедевицкого уезда Алексей Алексеевич Харькевич и его крестьяне собрали на издержки войны значительную сумму – 100 рублей, которые были отправлены в военное ведомство. Им была объявлена благодарность, заметку о них напечатали в Воронежских губернских ведомостях. В 1855 году помещик Землянского уезда Василий Богданович Хвоцинский внёс большое пожертвование на нужды государственного ополчения. Свой взнос он сопроводил письмом: «Желая помочь неимущим офицерам Землянской дружины, которые оставляя семейства для защиты отечества поступают на службу из дворян Землянского уезда жертвую 1000 рублей» [З. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2067. Л. 1].

Приобщение большого числа помещиков к благотворительной деятельности было отчасти вызвано ростом их материального благосостояния и укреплением в их хозяйствах рыночных основ. Однако, несмотря на укрепление товарно-денежных отношений в помещичьих хозяйствах, наиболее активно предпринимательской деятельностью, особенно в сфере торговли, занимались представители купеческого сословия. В первой половине XIX столетия среди них также распространяется интерес к благотворительности.

Одной из самых успешных семей коммерсантов в Воронеже были Безруковы. Их деятельность прослеживается со второй половины XVIII века. Купец Егор

Фёдорович Безруков (ок. 1760–1831 гг.) развил и передал по наследству мукомольное дело, хлебную и лесную торговлю. Его сын Иван Егорович был владельцем лесного хозяйства. Примечательно, что он был известен как благотворитель. В 1848–1851 гг. И.Е. Безруков достроил Всесвятскую церковь на городском кладбище, завещал свои средства в пользу бедных невест [1. С. 68].

Другой пример успешного сочетания коммерческой и благотворительной деятельности являет собой семья купцов Веретенниковых. Глава семьи Свирид Игнатович в 1740 г. основал торговлю строительными материалами. Его потомки расширили дело, а также организовали крупное конно-почтовое дело. Представитель рода Веретенниковых – Василий Иванович помимо того, что был одним из крупнейших коммерсантов Воронежа середины XIX века, являлся потомственным почётным гражданином и известен своей общественной деятельностью. В.И. Веретенников был городским головой Воронежа в конце 1850-х гг., а также гласным городской думы с 1871 г. Он являлся одним из организаторов Мариинской женской гимназии, школ в Воронежском уезде, оказывал материальную поддержку Александровскому детскому приюту, покровительствовал поэту И.С. Никитину [З. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 377. Л. 84-91].

Одним из крупнейших коммерсантов в Воронеже в начале XIX века являлся Пётр Карпович Капканщиков, который вёл шерстомойное дело на реке Воронеж, сбывал шерсть и сало в другие губернии и города, в том числе Петербург, продавал в Воронеже мануфактурные товары, ювелирные изделия, вина, имел 23 лавки. Продолжателем его дела стали три сына. Один из них – Аркадий завещал средства на устройство богадельни при Пятницкой церкви.

Известный купеческий род в Воронеже представляла собой семья Нечаевых. Во второй половине XVIII и начале XIX вв. её представители развернули значительную предпринимательскую деятельность: салотопное дело, сбыт сала и шерсти в несколько губерний и городов, в том числе в Петербург и Москву, закупку и перепродажу в Воронеж мануфактурных товаров, владели землями в Воронежской и Тамбовской губерниях, сахарной фабрикой в Воронеже, салотопным заводом в Москве. Один из представителей рода – Тимофей Иванович Нечаев в 1807–1810 гг. являлся городским головой Воронежа, за усердную деятельность был награждён золотой медалью. Его брат – Иван Иванович занимал должность городского головы в 1821–1825 гг., организовывал благоустройство улиц в середине 1820-х гг., на его средства была построена Богоявленская церковь в селе Пекшево Задонского уезда. Его сын – Яков Иванович продолжил традиции общественной и благотворительной деятельности семьи. Он занимал должность городского головы в 1849–1852 гг., построил Нечаевскую богадельню при Воскресенской церкви в 1864 г. Брат Якова – Александр Иванович пожертвовал усадьбу в Воронеже для создания женского училища. Представители этого рода являлись успешными пред-

принимателями и активно занимались благотворительностью вплоть до революции [1. С. 21, 354].

Одной из самых успешных купеческих семей были Петровы. Они вели в Воронеже крупную бакалейную торговлю. Александр Иванович Петров в 1850–1860-х гг. активно занимался общественной деятельностью. Он был старостой Ильинской церкви, директором Воронежского тюремного комитета, казначеем Александринского детского приюта, строителем-попечителем церкви Взыскания погибших [3. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 14. Л. 138-140].

Таким образом, в первой половине XIX столетия происходило выделение и укрепление отдельных купеческих династий, которые не только играли весомую роль в экономической жизни края, но и активно занимались общественной и благотворительной деятельностью.

В целом, наиболее активно воронежские благотворители участвовали в акциях по поддержке людей, по тем или иным причинам оказавшихся в бедственном положении. Сборы средств на сооружение памятников, содержание образовательных учреждений и прочее не пользовались таким успехом. По всей видимости, это было вызвано не столько безразличием к этим акциям, сколько отсутствием у многих благотворителей финан-

совой возможности для участия сразу во всех проектах. Оказавшись перед выбором, они, как правило, предпочитали оказать помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Это свидетельствует о том, что благотворителями двигало, в первую очередь, чувство сопереживания чужому горю, нежели поощрения со стороны правительства и общественности.

Таким образом, первая половина XIX века стала временем распространения в Воронежской губернии такого явления, как благотворительная деятельность в среде предпринимателей как из числа купцов, так и дворян. Одна из причин заключалась в том, что в рассматриваемый период происходил процесс укрепления рыночных элементов в экономике и в руках коммерсантов и помещиков накапливались средства, которые давали им возможность участвовать в акциях по сбору пожертвований. Кроме того, весомую роль в популяризации общественно полезных мероприятий играло государство, которое стремилось сделать их почетным и уважаемым делом. Это давало возможность благотворителям приобрести значимость в обществе и получить моральное удовлетворение. Обращение к традициям благотворительности в дореволюционной России, а также применение исторического опыта на практике может быть полезным в современной действительности.

Библиографический список

1. Воронежская энциклопедия. Под ред. М.Д. Карпачева. Воронеж, 2008. Т. 1. 522 с.
2. *Галкин В.В.* Воронежская экономика: прошлое, настоящее, перспективы. Воронеж, 2002. 151 с.
3. Государственный архив Воронежской области (ГАВО).
4. История предпринимательства в России. Под ред. А.В. Семеновой. Кн. 1: От средневековья до середины XIX века. М., 2000. 479 с.
5. Очерки истории Воронежского края. Под ред. Е.Г. Шуляковского. Воронеж, 1961. Т. 1. 521 с.
6. *Панова В.И.* История воронежского края. Воронеж, 2007. 287 с.
7. *Шевченко М.М.* Социально-экономическая характеристика Воронежской губернии в эпоху разложения и кризиса феодализма // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 103-121.

References

1. Voronezh encyclopedia. Under the editorship of M.D. Karpachev. Voronezh, 2008. Vol. 1. 522 p.
 2. *Galkin V.V.* Voronezh economy: past, present and future. Voronezh, 2002. 151 p.
 3. State Archive of the Voronezh Region (SAVR).
 4. The history of entrepreneurship in Russia. Under the editorship of A. V. Semenova. Book. 1: From the Middle Ages to the middle of the XIX century. Moscow, 2000. 479 p.
 5. Essays on the History of the Voronezh region. Under the editorship of E.G. Shulyakovski. Voronezh, 1961. Book 1. 521 p.
 6. *Panova V.I.* History of the Voronezh region. Voronezh, 2007. 287 p.
 7. *Shevchenko M.M.* Socio-economic characteristics of the Voronezh province in the era of expansion and crisis of feudalism // History of settlement and economic development of the Voronezh region in the era of feudalism. Voronezh, 1987. Pp. 103-121.
-
-

С.В. ПАШКОВ

аспирант, кафедра отечественной истории, Липецкий государственный педагогический университет
E-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

S.V. PASHKOV

Graduate student, Department of Russian history, Lipetsk State Pedagogical University
E-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

О ХАРАКТЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.П. ПОГОДИНА

ABOUT THE NATURE OF M.P. POGODIN'S SOCIO-POLITICAL ACTIVITY

Общественно-политическая позиция известного историка, публициста XIX в. М.П. Погодина неоднозначно оценивается в науке. В данной работе предпринята попытка на основе определения характера главных сторон деятельности Погодина показать основной вектор его общественно-политических взглядов. При этом указывается, что это доминирующее направление не должно заслонять всей сложности и противоречивости его воззрений.

Ключевые слова: М.П. Погодин, теория «официальной народности», С.С. Уваров, журнал «Москвитянин», охранительное направление.

Socio-political stance of the famous historian, writer of the nineteenth century M.P. Pogodin is assessed in science ambiguously. In this paper the attempt to show the main vector of his socio-political views on the basis of determining the character of the main aspects of his activity is made. It is indicated that this dominant direction should not obscure the complexity and inconsistency of his views.

Keywords: M.P. Pogodin, the theory of “official nationality”, S.S. Uvarov, journal “Moskvityanin”, conservative direction.

Одной из ярких фигур общественно-политической жизни России XIX века был историк М.П. Погодин (1800–1875). Однако исследователи по-разному определяют его позицию по наиболее актуальным вопросам того времени. Например, П.Н. Милюков в 1898 г. проводил мысль о подчинении Погодиным исторической науки своим охранительным политическим убеждениям: «Единственная система, которую он считал нужным защищать, вытекала не из исторического изучения, а, с одной стороны, из философских мечтаний юности, с другой – из сознательного желания “сделать российскую историю охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия”» [7, с. 364, 369]. С другой стороны, Д.А. Корсаков в 1905 г. утверждал, что «его нельзя считать ни консерватором, ни реакционером, ни легитимистом, ни националистом», что «он был сторонником русского политического строя в том виде, как этот строй сложился жизнью» [6, с. 155].

При наличии столь противоположных точек зрения представляется продуктивным рассмотреть конкретные действия Погодина, его основную деятельность в общественно-политической жизни, что поможет выявить те признаки, на основе которых будет возможно отнести его к определенному направлению в этой жизни.

Наиболее значительным фактом в этом отношении является преподавание Михаилом Петровичем русской истории в Московском университете. Для нас важно знать, как сам ученый определял свои задачи на этом месте. Однако прежде необходимо обозначить те

общественно-политические условия, в которых приходилось действовать Погодину. Он возглавлял кафедру русской истории в 1835–1844 годах, хотя преподавал в университете и раньше. Эти годы приходятся на правление Николая I, на то время, когда во главе министерства народного просвещения стоял граф С.С. Уваров. Свой взгляд на политику правительства в сфере образования будущий министр, а тогда еще его заместитель, изложил в отчете после обзора в 1832 г. Московского университета.

В этом отчете, приведенном составителем биографии Погодина Н.П. Барсуковым, Уваров писал: «Утверждая, что в общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления, дабы образовать в большем числе оных полезных и усердных орудий правительства, что сей дух готов принять впечатления верноподданнической любви к существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать их в сем желаемом равновесии между понятиями, заманчивыми для умов незрелых и, к несчастью Европы, овладевшими ею, и теми твердыми началами, на коих основано не только настоящее, но и будущее благосостояние Отечества; я не думаю даже, чтобы правительство имело полное право судить слишком строго о сделанных, может быть, ошибках со стороны тех, коим было некогда вверено наблюдение за сим заведением; но я твердо уповаю, что нам остаются средства сих ошибок не повторять и, постепенно завладевши умами юношества,

привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплою верой в истинно русские охранительные начала *Православия, Самодержавия и Народности*, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества» [1, с. 82-83].

Очевидно, для реализации обозначенных целей правительство должно было назначать преподавателями в одно из важнейших высших учебных заведений страны определенных людей. Поэтому утверждение Погодина в качестве главы кафедры русской истории уже само по себе достаточно красноречиво. Сам ученый демонстрировал соответствующее понимание своих задач. В сентябре 1832 года в присутствии Уварова он прочитал вступительную лекцию, которой открывал курс русской истории. Эту лекцию Михаил Петрович завершил словами: «...*российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самую верною и надежною*» [1, с. 78].

Свой взгляд на ту роль, которую должна играть русская история в сфере просвещения, и на свои задачи как историка Погодин очень ярко и определенно высказал в ходе переписки с Уваровым в 1841 г. по поводу предложенного ему места директора канцелярии министра народного просвещения. Барсуков привел сведения, показывающие, что мысль эта уже занимала его: «Об этом мы находим неложные свидетельства в *Дневнике* его. Еще 3 января 1840 года, когда никто и не предлагал ему директорского места, он писал: “Никак не могу решиться на директорское место. Один день хочется, а другой нет”. Наконец, 9 сентября того же года в *Дневнике* мы читаем: “Думал об управлении департаментом народного просвещения”. Это были только мечты, а потому в предложении Уварова Погодина увидел *сбытие* своих мечтаний».

Отвечая на предложение министра, Михаил Петрович написал ему письмо, где обозначил интересующие нас воззрения: «Причины, побуждающие меня согласиться на благосклонное предложение вашего высокопревосходительства, суть следующие: 1) Я желаю участвовать по мере сил в действиях министерства, принимающего решительное влияние на судьбу Отечества; принесть для ваших высших соображений мои двадцатилетние опыты по всем степеням учебных наших заведений, от низших училищ до академии, ближайшие сведения об их нуждах, желаниях и требованиях, и наконец короткое знакомство почти с двумя третями всех действующих на ученом поприще в России. 2) Изъявить вам мою глубокую благодарность за все то добро, которое вы для меня сделали вашим содействием моим ученым трудам. 3) Воспользоваться собранием материалов Археографической Комиссии, какового уже никогда не будет в России, и теми средствами, кои предлагает министерство для исторических исследований. 4) Познакомиться с практической стороной жизни, посмотреть вблизи на устройство и движение государ-

ственной машины и на отношения действующих лиц между собою, дабы приобрести аналогию для рассуждений о прежней истории». Наконец, наиболее показательна последняя причина: «5) Приготовить в продолжение двух-трех лет несколько молодых людей на кафедре русской истории, приготовить так сказать фундаментально, по подлинным источникам и памятникам, проникнуть их одним духом, дать им одно направление, согласное с намерениями правительства, с пользою Отечества, со всеми его данными, прошедшими, настоящими и будущими, под просвещенным наблюдением вашим, по вашим указаниям и наставлениям, и таким образом обеспечить судьбу русской истории, надолго застраховать сколько возможно образ мыслей и, следовательно, и действий будущих поколений» [2, с. 28-30].

Также весьма показательны слова историка, которыми он встретил удостоившего его своим визитом министра: «Вернувшись домой из Поречья, Уваров, 27 июля 1841 года, посетил Погодина в его доме на Девичьем Поле. Обрадованный этим посещением, Погодин приветствовал министра народного просвещения следующей речью: “Знаменитый Талейран сказал Людовику Филиппу, увидя его у своего одра, что для французского дворянина не может быть чести выше посещения королевского. Я могу сказать с гораздо большим основанием, что никогда русское ученое сословие, обеспеченное и успокоенное стараниями вашего высокопревосходительства, не получало от правительства такого знака внимания, участия, уважения, какое получаю я теперь в вашем посещении моей ученой кельи. Говорю – с большим основанием, потому что права Людовика Филиппа на престол, в глазах французского дворянства, не были так законны, как в наших глазах законны ваши права на управление министерством народного просвещения.

Примите же изъявление глубочайшей признательности от всего сословия, которого в эту минуту я имею счастье быть случайным представителем; примите уверение, что оно живо чувствует все ваши отеческие попечения и потщится всеми силами, проходя свое служение под вашим руководством, в духе *Православия, Самодержавия и Народности*, заслуживать более и более милость царскую»» [2, с. 158-159].

В 1891 г. Н.П. Барсуков привел свидетельства современников и учеников Погодина о его преподавательской деятельности, где говорилось о его стремлении внушить мысль, что в основе русской жизни лежат особые, самобытные начала, отличные от европейских, и что для их осознания необходимо тщательное изучение русской истории. Этими сведениями Барсуков подкреплял свое утверждение: «В продолжение всей своей жизни Погодин был неизменным служителем и проповедником этих трех коренных начал нашей русской жизни: *Православия, Самодержавия и Народности*». Также автор биографии Михаила Петровича указал на его «счастливое выражение» о знаменитой формуле Уварова: «...это “твердые, крепкие столпостены, на которых, под державою Мономахова потомства, Святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тех пор,

пока они не будут поколеблены в своих заветных, священных основаниях» [1, с. 2-5].

Другим важным фактом общественно-политической деятельности Погодина является издание им в 1841–1856 гг. журнала «Москвитянин». Говоря об этом, необходимо обратить внимание на те условия, в которых осуществлялось данное предприятие ученого. Годы правления Николая I, особенно последние, отличались тщательным контролем за печатью и строгой ее цензурой. Периодическое издание могло рассчитывать на свое существование только при условии соответствия своих позиций идеологическим требованиям времени. Несоблюдение этого условия приводило к прекращению деятельности печатного органа. В качестве примера случаев, когда именно несоответствие общественно-политических позиций журнала повлекло за собой его запрет, можно вспомнить судьбу «Европейца» И.В. Киреевского, закрытого за его статью «Девятнадцатый век», «Московского телеграфа» Н.А. Полевого – за его рецензию на драму Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», «Телескопа» Н.И. Надеждина – за публикацию «Философического письма» П.Я. Чаадаева.

«Москвитянин» просуществовал с момента своего основания до конца царствования Николая I и продолжал выходить при Александре II. И хотя журнал также постоянно сталкивался с цензурными затруднениями, и Погодин получал предупреждающие замечания, тем не менее, в итоге он прекратил свою деятельность по иным причинам. Михаил Петрович часто жаловался на цензуру, но, как заметил в 1900 г. Барсуков, «все эти жалобы Погодина были односторонни, и во многом, если не во всем, в неуспехе *Москвитянина* он был сам виноват», поскольку, «беспрестанно отрываясь от редакции, он действовал чрез свою контору, которая всегда отличалась классическим безобразием» и «книжки журнала выходили крайне неисправно» [5, с. 222]. Таким образом, неспособность редактора сосредоточиться на издании привела к его прекращению.

Однако факт выхода журнала в правление Николая I, в том числе в особенно тяжелые для печати последние годы царствования, весьма показателен – в целом «Москвитянин» выдерживал необходимое направление. Как сообщает Барсуков, сразу «по выходе в свет первого номера *Москвитянина*, Погодин прежде всего отправил его к Уварову с просьбою представить государю». Ответ министра красноречиво выразил отношение власти к новому изданию: «Рассмотрев номер и оставшись им доволен, Уваров исполняет желание Погодина, и 10 января 1841 года он был осчастливлен получением от министра следующего письма: “При поднесении Его Императорскому Величеству первой книжки журнала *Москвитянин*, я счел долгом обратить внимание Его Величества на статью о *Петре Великом* и на статью *Взгляд Русского на Европейское образование*, равно как и на стихи Хомякова. При сем случае прибавил я: “Желательно, чтобы это новое периодическое издание, продолжая идти стезею благородного направления,

могло некоторым образом служить и образцом для русской журналистики, к сожалению столь мало соответствующей доселе собственной цели и общей пользе”. Сообщая о сем вам и сотрудникам вашим, остаюсь я в надежде, что ожидание министерства исполнится, и что издаваемый вами журнал никогда не уклонится от истинного своего назначения”» [2, с. 22-23].

В конце 1842 г. Погодин на страницах журнала подробно обозначил направление журнала: «Два направления видны во всем движении русского образования. Они должны отразиться противоположными образами мыслей и в литературе. Одни признают западноевропейское образование почти единственным источником, из которого должна черпать жизненные силы наша Россия, другие, напротив, полагают, что Отечество наше только из самого себя и чрез самого себя, при содействии старших учителей, должно и может развивать свое образование. <...> Поклонники Запада считают Россию прекрасным, но порожним сосудом, который назначен к тому, чтобы получить полноту свою и содержание из западного хранилища, и которого мнимая пустота тем и хороша, что легко допускает такое восприятие, а самое содержание, если бы и было, удобно и легко претворяется во все чуждое, иноземное. Защитники же русского начала видят в России самобытное зерно, которое не иначе, как из самого себя, из своих собственных начал, под высшим влиянием мысли, от Промысла ему предоставленной, должно развиваться и допускать при развитии своем всевозможные влияния предшествовавших в образовании народов, но с тем, чтобы воспринять иноземное не иначе, как согласив его со внутреннею своею народною и христианско-человеческою потребностью, и извергнуть из себя все то, что противоречит его внутреннему, коренному бытию.

Вот образ мыслей, вот тот взгляд на ход образования отечественного, которому постоянно в течение двух лет оставался верен *Москвитянин* и которому он, конечно, не изменит и в будущем. Все мысли, чувства, действия его сосредоточивались здесь, как в едином фокусе» [2, с. 282-284].

Также показательным восприятием духа «Москвитянина» оппозиционно настроенными представителями русского общества. Говоря об издателях этого печатного органа как о партии, А.И. Герцен считал: «Партию эту можно назвать не только университетскою, но и отчасти *правительственною*. Это большая новость в русской литературе... Булгарин с Гречем не идут в пример, они никого не надули, их ливрейную кокарду никто не принял за отличительный знак мнения. Погодин и Шевырев, издатели *Москвитянина*, совсем напротив, были *добросовестно* *раболепны*. <...> Читая Погодина, все думаешь, что он бранится, и осматриваясь, нет ли дам в комнате”» [3, с. 395-396].

Еще одним немаловажным фактом общественно-политической деятельности Погодина следует считать поддержание им постоянных отношений с представителями правительственных сфер. Этими связями он пользовался и как возможностью довести до власти

свое мнение по тем или иным актуальным вопросам современной политики. Можно утверждать, что Михаил Петрович хотел таким путем влиять на действия правительства. В обоснование этой претензии он говорил о своих многолетних занятиях историей. В качестве наиболее ярких примеров подобного рода деятельности можно привести его отчеты правительству после своих заграничных путешествий о внешнеполитической ситуации, где ученый на основании своих наблюдений рекомендовал осуществлять определенные действия. Еще более заметным событием общественной жизни были его письма в продолжение Крымской войны с критикой правительственной политики и программой необходимых реформ.

Переписка Погодина с представителями правительственных сфер именно в период этой войны ярко иллюстрирует его претензию влиять на политику. Например, в одном письме он утверждал: «Говоря без церемоний с Николаем Павловичем, я позволяю себе говорить откровенно и с его министрами. <...> Тридцать лет призывал я к своему столу то Петра, то Екатерину, то Иванов, а о Рюрике и говорить нечего. – Немудрено, что получил я тон за панибрата с сильными мира сего!» [4, с. 171]. В другом указывал: «Вспомните прежние мои политические записки: если б обращено было на них действительное внимание, то многое было бы теперь иначе» [5, с. 102].

Барсуков заметил, что именно «благодаря успеху своих политических писем» Погодин в 1854 г. «имел счастье представляться царице» и два раза видеть наследника Александра Николаевича, которому ученый говорил в благодарственном письме: «Во исполнение вашего приказанья, имею счастье представить вашему императорскому высочеству письмо, которое было к вам писано пятнадцать лет назад, но не доставлено, как я узнал впоследствии. Прошу вашего позволения, представить прямо к вашему императорскому высочеству последние мои политические записки, служащие продолжением и окончанием первых, кои удостоились вашего, столь драгоценного для меня, внимания» [4, с. 172-173].

Тот факт, что представители власти поддерживали связи с Погодиным (чего стоит только близкая дружба с Уваровым) и что его письма и статьи по крайней мере рассматривались, характеризует отношение правительства к общественно-политической позиции историка. Важно также отметить, что Михаил Петрович стремил-

ся сам занять место чиновника. О попытке получить должность начальника канцелярии министра народного просвещения уже сказано. Попытка эта окончилась неудачно, и Погодин, в частности, записал в дневнике: «Уваров лишил себя великой помощи и, смею сказать, славы» [2, с. 41].

После успеха политических писем в продолжение Крымской войны ученый говорил 16 мая 1854 г. в дневнике: «Думал об обер-прокурорстве Святейшего Синода. А третьего дня я видел во сне орла, летящего около дома». В то же время он сообщал Ф.И. Прянишникову (один из чиновников, возглавлявших почтовое дело): «Сорокалетние мои занятия историей дали мне такой барометр, какого не достает в канцеляриях, и на этом барометре я вижу, что правительству предлежит новый путь действий. С своей стороны, я готов на службу, какую – писарем, секретарем, министром. Совесть моя гражданская и вместе личная благодарность государю обязывают меня сделать это предложение. Мне кажется, я могу принести пользу» [4, с. 92-94]. Желание Михаила Петровича самому стать представителем власти характеризует восприятие им самим своей общественно-политической позиции: он должен был полагать, что правительство в его взглядах и мыслях по крайней мере увидит основание рассмотреть кандидатуру историка на какой-либо пост.

Таким образом, анализ деятельности Погодина показывает, что основные ее стороны отражают триединую формулу Уварова, теорию «официальной народности». Поэтому в целом воззрения ученого следует отнести к охранительному вектору общественно-политической жизни. Однако эта характеристика не должна заслонять естественного разнообразия и оттенков взглядов живого мыслящего человека. Именно это богатство мыслей дает основание современному исследователю Н.И. Павленко в 2003 г. утверждать, что Михаил Петрович «претендовал на некую собственную нишу в научной и общественно-политической жизни России», что «перед нами своеобразная и противоречивая личность, стоявшая особняком среди деятелей русской культуры» [8, с. 10-11, 98].

И тем более неоправданными являются те резкие оценки взглядов историка, которые были свойственны советской историографии: например, утверждение 1955 г. А.В. Предтеченского о «реакционности исторических взглядов» ученого, о его «холопской преданности самодержавию» [9, с. 319-320].

Библиографический список

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 6. СПб., 1892.
3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 7. СПб., 1893.
4. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. СПб., 1899.
5. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. СПб., 1900.
6. Корсаков Д.А. Погодин М.П. // Русский биографический словарь. Т. XIV / Под ред. А.А. Половцова. СПб., 1905.
7. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. I. М., 1898.
8. Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.
9. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1 / Под ред. М.Н. Тихомирова, М.А. Алпатов, А.Л. Сидорова. М., 1955.

References

1. *Barsukov N.P.* The life and works of M.P. Pogodin. Vol 4. SPb., 1891.
 2. *Barsukov N.P.* The life and works of M.P. Pogodin. Vol. 6. SPb., 1892.
 3. *Barsukov N.P.* The life and works of M.P. Pogodin. Vol. 7. SPb., 1893.
 4. *Barsukov N.P.* The life and works of M.P. Pogodin. Vol. 13. SPb., 1899.
 5. *Barsukov N.P.* The life and works of M.P. Pogodin. Vol. 14. SPb., 1900.
 6. *Korsakov D.A.* Pogodin M.P. // Russian biographical dictionary. Vol. XIV / Ed. by A. A. Polovtsov. SPb., 1905.
 7. *Milyukov P.N.* The main trends in the Russian historical thought. Vol. I. M., 1898.
 8. *Pavlenko N.I.* Mikhail Pogodin. M., 2003.
 9. Essays on the history of historical science in the USSR. Vol. 1 / Ed. by M.N. Tikhomirov, M.A. Alpatov, A.L. Sidorov. M., 1955.
-
-

УДК 94(47).084.6

UDC 94 (47).084.6

С.С. СОРОКОУМОВ

аспирант, кафедра истории России, Орловский государственный университет
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

S.S. SOROKOUMOV

Graduate student, Department of History of Russia, Orel State University
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

ДЕЛО ТУХАЧЕВСКОГО В ПРЕССЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

TUKHACHEVSKY'S CASE IN RUSSIAN ABROAD PRESS

В статье основное внимание уделяется эмигрантской прессе, освещавшей карьеру и казнь советского полководца М.Н. Тухачевского.

Ключевые слова: политические связи, оппозиция, политический процесс, заговор, руководство РККА.

The article focuses on the emigre press, illuminating career and penalty of Soviet commander M.N. Tukhachevsky.

Keywords: political communication, the opposition, the political process, the plot, the leadership of the Red Army.

В 20-30-е годы одной из наиболее актуальных тем для европейских СМИ стало развитие армии и военной промышленности в СССР. Армия и оборонная промышленность молодого коммунистического государства становились отражением и его политических и социальных основ. Интерес к Красной армии был тесно связан с личностями руководителей Красной армии и флота. Иностранная пресса, и прежде всего периодические издания на русском языке, выходившие в достаточно обширной в те годы эмигрантской среде, с большим интересом отслеживали все успехи и неудачи Советского государства.

Одним из наиболее актуальных был вопрос о продолжавшемся со времен Гражданской войны остром противостоянии двух сил, имевших большое влияние в стране. Эти две силы: сталинская – партийные функционеры из политической элиты и руководство Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), набирающее политический вес.

Критической точкой этого конфликта стало «Дело Тухачевского», жертва которого – один из наиболее знаменитых военачальников РККА Михаил Николаевич Тухачевский.

В разные годы данная тема изучалась в работах таких исследователей, как С.Т. Минаков, Б. Соколова, Е. Прудникова, А. Колпакиди, Ю. Кантор, Ю. Жуков, А.А. Помогайбо и других.

Основное внимание уделялось прессе русского зарубежья. Эмигрантская пресса с интересом следила за карьерой Тухачевского, единственного из всех советских полководцев того времени, чья фамилия действительно была известна за пределами СССР. Свою роль в этом сыграли и дворянское, «старое» происхождение, и неудачный «поход в Польшу», и военный опыт как Гражданской, так и Первой мировой войны, и то, как Тухачевский представлял «новый образ РККА» во вре-

мя визитов в составе делегаций СССР за рубежом.

М. Тухачевский уже с начала 20-х годов привлекал большое внимание русских военных эмигрантов. «Среди военспецов и главковерхов Красной Армии почти с первых дней большевистского владычества... часто повторяется имя Тухачевского, молодого, способного офицера, которому Советская власть поручала за эти годы ряд ответственных задач...», – отмечалось в газете «Руль» в октябре 1922 г.

Интересен и тот факт, что за рубежом ещё с окончания Гражданской войны Тухачевского видели в качестве возможного противобойца Сталину как вполне мирного, так и будущего военного заговора, и эта роль за Михаилом Николаевичем со временем закреплялась все сильнее. Так ещё в 1923-м году великий русский философ Иван Александрович Ильин писал о том, что «Тухачевский – очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится».

Отношение к Тухачевскому как честолюбивому «красному Бонапарту» является определяющим даже при условии мрачных перспектив Ильина на успех заговора под руководством красного маршала.

В таких периодических изданиях по военной тематике, как «Возрождение» и «Часовой», стали замечать начало конфликта между ГПУ и РККА ещё с 20-х годов, и практически сразу же называли именно Тухачевского лидером армейской оппозиции Сталину. Так, в 1936-м году в газете «Возрождение» писалось о том, что вполне возможен реальный конфликт армии и ОГПУ за контроль в стране.

Арест и последующий расстрел маршала газеты восприняли с разными чувствами. Бывший премьер-министр Временного Правительства Керенский в журнале «Новая Россия» писал «Убиты люди, но дух их остался жив в стране и армии, ибо заговор здраво-

го смысла и любви к родине не победить не может!» Издание Российского Общевоинского Союза «Часовой», несмотря на «отвратительное прошлое» Тухачевского (имея в виду его жестокость по отношению к крестьянам во время ликвидации восстания в Тамбове), все же признавало, что «за ним нельзя было отрицать большого ума, культурности и военного образования». Именно Тухачевского называли одним из немногих «нормальных» командующих в РККА, творцом слаженной системы РККА, показанной на маневрах под Киевом в 1936-м году.

В отношении самого заговора зарубежная русскоязычная печать выражала диаметрально противоположные взгляды: если журнал «Часовой» сообщал об абсурдности обвинений, то «Последние новости», говоря о невозможности устремлений Тухачевского к поражению России в войне с внешним врагом, писали, что Тухачевский и другие заговорщики «хотели избавить Россию и населяющие ее народы от деспота Сталина и установленного им режима азиатской диктатуры, уничтожить коммунизм, и все, что с ним связано, и восстановить на новых началах, с сохранением всех главных завоеваний революции, российское государство».

Интересно и мнение Льва Троцкого – главного политического оппонента Сталина – о суде над Тухачевским. В своей газете «Бюллетень оппозиции» Троцкий говорит о том, как кровавый сталинский режим расправился с талантливым Тухачевским, который мог бы стать генералиссимусом в случае большой войны. Троцкий сначала отрицает как возможную связь заговорщиков с ним (что соответствовало официальному обвинению), так и то, что обвиняемые могли иметь какую бы то ни было единую политическую программу.

Главным же поводом для репрессий в отношении руководства РККА Троцкий считал «разрыв Сталина с большевизмом» и острое неприятие им усиления некоторых руководителей РККА, о чем Троцкий писал в предшествующих номерах газеты. Сама по себе казнь и репрессии в отношении руководства РККА, по его мнению, несли не столько угрозу военному потенциа-

лу СССР, сколько провозглашали полный отказ Сталина от ленинского наследия в армии. А это, как считал Троцкий, во многом могло способствовать военному поражению СССР в грядущей войне и стать предпосылкой разрастания конфликта между старой большевистской гвардией и сталинскими ставленниками в партии.

В целом же стремительное карьерное падение и казнь даже такого известного за рубежом маршала, каким был Тухачевский, не вызвали в русскоязычной зарубежной прессе большого удивления. К 1937-му году на Западе стали понимать, что внутривластные противоречия в СССР решаются жестоко и беспощадно и список политических оппонентов Сталина, как реальных, так и гипотетических будет превращаться в список жертв с пугающей стремительностью.

Интересен тот факт, что при всей поспешности дела маршала (от отставки до известия о расстреле прошло меньше месяца) подавляющее большинство обозревателей были уверены в определенных бонапартистских устремлениях Тухачевского, что в некоторой степени подтверждало опасения Сталина о возможном заговоре.

Версия о том, что зарубежные обозреватели, опираясь на информацию, сфабрикованную для оперативных игр ОГПУ/НКВД для русских иммигрантов, были полностью дезинформированы о бонапартистских устремлениях Тухачевского, противоречит фактам упоминания в прессе честолюбивых амбиций маршала, которые стали появляться ещё до активного начала этих операций, что позволяет утверждать – обвинение Тухачевского в причастности к заговору не было неожиданностью для русского зарубежья.

С другой стороны, дело Тухачевского стало одним из наиболее известных среди сталинских репрессий, и именно после казни Тухачевского во многом и начал формироваться образ грандиозной машины репрессий в СССР. Пресса российского зарубежья довольно подробно раскрывала подробности дела, что во многом и определило само отношение за рубежом как к самому Михаилу Тухачевскому, так и к громкому процессу над ним.

Библиографический список

1. Бюллетень оппозиции. Март 1937 года. Обезглавливание Красной Армии. Бюллетень оппозиции. Июль-август 1937 года.
2. В первый раз!//Последние новости. Суббота, 3 июля 1937 г. № 5943. С. 1.
3. Возрождение. 1936. 13 апреля., Возрождение. 1937. 22 октября, Возрождение. 1937. 5 ноября, 10 апреля 1937 г. № 4073. С. 1.
4. Дела, толки, слухи...//Возрождение. Суббота, 13 февраля 1937 г. № 4065. С. 1.
5. За что расстрелян Тухачевский и другие. // Последние новости. Пятница, 2 июля 1937 г. № 5942, События в СССР// Последние новости. Вторник, 15 июня 1937 г. № 5925. С. 1.
6. Ильин И.А. Врангель П.Н.:1923-1928 гг. Переписка.//Русское прошлое. Выпуск 6. СПб. 1996 год.
7. Керенский А. «Идиотская болезнь» Сталина. Голос издалека.//Новая Россия. № 25. 11 апреля 1937 года. С. 4., После расстрела генералов. Голос издалека.//Новая Россия. № 30. 27 июня 1937 года. С. 1., Заговор Тухачевского.//Новая Россия. № 30. 27 июня 1937 года. С. 16.
8. Минаков С. Т. 1937. Заговор был! М.: Яуза, 2010. Сталин и его маршал. М.: Яуза, 2004, Сталин и заговор генералов. М.: Эксмо, 2005.
9. Советская чехарда// Часовой. №193 от 5 июля 1937 года.
10. Тухачевский М.Н. Как мы предали Сталина. М., 2012.

References

1. Bulletin of the Opposition. March 1937, decapitation of the Red Army. Bulletin of the Opposition. July-August 1937.
 2. For the first time! // Latest news. Saturday, July 3, 1937 № 5943. P. 1.
 3. Revival. 1936. April 13., The Renaissance. 22 October 1937, the Renaissance. 1937 November 5, April 10, 1937 № 4073. P. 1.
 4. Cases, rumors, rumors ... // Rebirth. Saturday, February 13, 1937 № 4065. P. 1.
 5. For Tukhachevsky and others were shot. // Latest news. Friday, July 2, 1937 № 5942, events in the Soviet Union. Latest news. Tuesday, June 15, 1937 № 5925. P. 1.
 6. *Ilyin I.A.* Vrangeli P.N.: 1923-1928. Correspondence // Russian past. Issue 6. St. Petersburg, 1996.
 7. *Kerensky A.* "idiotic disease," Stalin. Voice from afar // New Russia. № 25. April 11, 1937. C. 4., After the shooting the generals. Voice from afar // New Russia. № 30. June 27, 1937. P. 1., Conspiracy Tukhachevsky // New Russia. № 30. June 27, 1937. P. 16.
 8. *Minakov S.T.* 1937. The plot was! M.: Jauza, 2010. Stalin and his marshal. M.: Jauza 2004, Stalin and plotting generals. M.: Eksmo, 2005.
 9. The Soviet leapfrog // hours. №193 from July 5, 1937.
 10. *Tukhachevsky M.* How we betrayed Stalin. M., 2012.
-
-

Е.Н. ХАБАЛЕВА

аспирант, кафедра истории России, Орловский государственный университет
E-mail: katya.e2011@yandex.ru

E.N. KHABALEVA

Graduate student, Department of history of Russia, Orel State University
E-mail: katya.e2011@yandex.ru

**ПОЛОЖЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО СВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В 50-Е ГГ. XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**THE STATE OF ELEMENTARY SECULAR EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE 50-S OF THE NINETEENTH CENTURY (OREL PROVINCE)**

В статье анализируется положение уездных и приходских училищ в Орловской губернии в 50-е гг. XIX века. Рассматриваются отчеты образовательных учреждений и выявляются проблемы, которые стояли перед начальным светским образованием в обозначенный период.

Ключевые слова: начальное светское образование, уездные и приходские училища, Орловская губерния.

The article examines the position of district and parish schools in the Orel province in the 50-s of the XIX century. Educational institutions accounts are considered and the issues that were before the initial secular education in the period indicated are identified.

Keywords: primary secular education, the district and parochial schools, Orel province.

Состояние образования – весьма важного показателя развития общества – является своего рода зеркальным отражением процессов, происходящих в различных сферах жизнедеятельности государства. Явления стагнации и стабильности без потенциалов к дальнейшему развитию обуславливают низкий интерес государства к образовательной сфере и, как следствие, вызывают консервацию ее структуры и сущностного содержания, однако в эпоху перемен, когда потребности общества и государства изменяются, внимание к системе образования «реанимируется», поскольку оно, безусловно, является, мощным ресурсом социально-экономического и политического развития страны.

Подтверждение данного тезиса – в истории развития светского образования в Российской империи в XIX столетии, когда в первой половине века государственные деятели, отмечая явно неблагоприятное положение дел в образовательной системе, особенно в части ее начального уровня, считали возможным ограничиваться лишь некоторыми частными улучшениями, а во время проведения Великих реформ и собственно пореформенный период признали необходимым провести ее коренное реформирование в соответствии с нуждами и потребностями государства.

Не ставя в данной работе задачу освещения состояния системы образования Российской империи в указанный период в целом, обратимся к региональному материалу по проблеме, рассмотрев ее сквозь призму начального светского образования в Орловской губернии.

Отметим, что в начале XIX века в системе народного просвещения произошли значительные изменения, которые проявились, в первую очередь, в

учреждении в 1802 г. отдельного министерства, заведовавшего образовательной политикой на территории государства. Новацией 1803 г. стало создание учебных округов – Московского, Виленского, Дерптского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского, работу в учебных заведениях которых контролировал университет и попечитель округа. Структура светского образования обрела более четкие контуры: уездные и приходские училища, гимназии и университеты составили ее четыре ступени.

Орловская губерния изначально была отнесена к Харьковскому учебному округу и находилась в его подчинении до июня 1874 года [5, д. 360, л. 1], затем вошла в состав Московского округа. В интересующий нас период попечителями Харьковского учебного округа были: с 1847 г. по 1855 г. С.А. Кокошкин, в 1856-1857 гг. Г.А. Катакази, в 1857-1860 гг. П.В. Зиновьев [8, с. 341]. К этому времени ситуация в светском образовании изменилась: во-первых, после 1833 года университеты лишились своей автономии и права контроля нижестоящих образовательных учреждений [4, с. 756], а во-вторых, ключевой фигурой в организации образовательного процесса в своем округе стал попечитель, полномочия которого были значительно расширены. Безусловно, результатом таких преобразований стало формирование очевидной взаимозависимости между деятельностью попечителя в сфере образования и собственно состоянием образовательных учреждений, поскольку именно на последнем законодательство возлагало обязанность заботиться об устройстве и процветании учебных заведений.

Не менее важный аспект реформирования – закреп-

пление сословного принципа образования и, как следствие, реализация иных подходов к его содержанию. Фактически, от попыток либерализации сферы образования в бытность Александра I страна перешла в царствование Николая I, к режиму реакции в области просвещения народа, руководствуясь известным высказыванием последнего о том, что «мне нужны люди послушные, а не умные».

Таким образом, накануне «великих реформ» Александра II в системе начального образования обозначился ряд существенных проблем, которые, вне сомнения, являлись актуальными и для уездных и приходских училищ Орловской губернии.

В 50-е гг. XIX в. Орловская губерния включала в себя 12 уездов – Болховский, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Кромской, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Орловский, Севский, Трубчевский [6, д. 1288, л. 45]. В каждом уездном городе губернии было по одному уездному и приходскому училищу, за исключением Орловского, где действовали три приходских училища, и Ливенского, в котором образовательную деятельность осуществляли два приходских училища [там же, л. 47].

Какие-либо выводы о положении уездных и приходских училищ на территории губернии мы можем сделать, исходя из данных Отчетов, которые составлялись при осмотре учебных заведений. Заметим, что последовательность составления Отчетов была установлена еще в начале XIX века – ежегодно образовательные учреждения должны были передавать сведения о своих успехах попечителю учебного округа, который, опираясь на предоставленные данные, составлял общий отчет по вверенной ему территории и направлял его в Министерство народного просвещения. Затем, на основе информации, переданной попечителями всех округов, министерство готовило всероссийский отчет по развитию системы народного просвещения.

Несмотря на то, что в Уставе учебных заведений, подведомственных университетам, существовало приложение, в котором прописывались разделы, включаемые в ведомость о состоянии уездных и приходских училищ – количество и наименование училищ, расположение, число классов и программа преподавания, информация об учителях и учениках (возраст, пол, происхождение, успехи в освоении предметов), наличие пособий и книг [2, с. 647] – далеко не всегда они заполнялись, о чем свидетельствуют, в частности, Отчеты о состоянии уездных и приходских училищ Орловской губернии.

Итак, на основании Устава 1828 года приходские училища должны были давать самые элементарные знания детям «самых нижних состояний» [3, с. 1099], что существенно ограничивало перечень предметов, преподаваемых в них, – Закон Божий, чтение по книгам церковной и гражданской печати, чистописание, четыре первых действия арифметики, на овладение которых ученикам давался один год. Направленность образовательной программы очевидно свидетельствует о том,

что задача воспитания законопослушных и богобоязненных людей выполнялась в полном объеме.

По данным на 1854 год, в 9 приходских училищах Мценского, Болховского, Трубчевского, Севского, Дмитровского, Кромского, Ливенского, Елецкого уездов училось 595 человек, из них: дворян потомственных и личных – 18, обер-офицеров – 20, духовного звания – 34, почетных граждан – 2, купцов – 126, мещан – 330, крестьян – 30, канцелярских служащих – 1, разночинцев – 19 [6, д. 1287, л. 24]. Обучение в них, по преимуществу, было смешанным, но в Орле и Ливнах, по одному в каждом городе, образовательную деятельность осуществляли приходские училища для лиц женского пола [там же, л. 26].

В уездных училищах, рассчитанных на детей купцов, ремесленников и других городских обывателей, продолжительность обучения составляла три года, а программа, учитывая состав обучаемых, была направлена, в большей степени, на выработку практических навыков для применения их в сфере промышленности и торговли. Отсюда и перечень изучаемых предметов – Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, география, история, чистописание, черчение и рисование [3, с. 1104].

В 1854 году, во время осмотра начальных учебных заведений Орловской губернии, было проинспектировано 8 уездных училищ Мценского, Болховского, Трубчевского, Севского, Дмитровского, Кромского, Ливенского, Елецкого уездов. Общее количество учащихся, по сведениям Отчета, составляло 313 человек, среди них дворян потомственных и личных – 61, обер-офицеров – 31, почетных граждан – 4, духовенства – 15, купечества – 60, мещан – 114, крестьян – 22, канцелярских служащих – 1, разночинцев – 5 [6, д. 1287, л. 25]. В уездных училищах обучались лица исключительно мужского пола.

При инспектировании начальных образовательных учреждений большое внимание уделялось тому, как осваиваются ключевые предметы, какие успехи демонстрируют учащиеся. Обязательно проверялись знания учеников по одному из ключевых предметов – Закону Божьему. Результаты произведенных испытаний показывали, что данный предмет ученики приходских и уездных училищ в рамках обозначенных программами, знали хорошо, демонстрируя успехи в области событий священной истории и катехизиса, а также основных молитв [там же, л. 20]. Однако в большинстве случаев обучаемые «держались текста книги буквально», демонстрируя скорее результаты заучивания, а не понимания материала, поскольку не были способны рассказать что-то своими словами.

По русскому языку и арифметике в большинстве осмотренных учебных заведений фиксировались удовлетворительные знания – все предписанное программами было пройдено. Учащиеся читали хорошо, а вот пересказать прочитанное, как и в предыдущем примере, чаще всего не могли. Грамотность, в отличие от чтения, была очень слабой [там же, л. 22].

Самые сбивчивые и неудовлетворительные знания демонстрировались по истории и географии. Ученики изучали предмет по книге, слово в слово, и это чисто механическое заучивание не приносило им никакой пользы. Отсутствие хороших результатов объяснялось как большим объемом курса, который учащиеся просто не могли усвоить, так и методикой преподавания, которая сводилась к заучиванию требуемого материала по книгам. Вместе с тем, в ряде приходских училищ, например, в Кромском и Дмитровском, применялся метод Ланкастера – метод взаимного образования, сущность которого состояла в обучении старшими и знающими учениками детей младшего возраста.

Существенной проблемой всех начальных образовательных учреждений, судя по Отчетам, были частые пропуски занятий учащимися. Эти систематические прогулы были вызваны, по большому счету, непониманием учениками и их родителями значимости образования, а в зимний период в качестве причины добавлялось отсутствие теплой одежды у многих детей [6, д. 1415, л. 21]. Это обстоятельство, безусловно, также сказывалось на уровне успеваемости учащихся.

В соответствии с Уставом 1828 года каждое уездное училище должно было иметь свою библиотеку. Результаты осмотра показывали, что все библиотеки при уездных училищах Орловской губернии содержались исправно, каталоги были систематизированы, и лишь в Кромском уездном училище ее состояние было неудовлетворительное [6, д. 1287, л. 24]. Примечательно, что в отчетах точные данные о наличии книг встретились лишь единожды – так, в Болховском уездном училище числилось 500 наименований в 984 томах [6, д. 1514, л. 9]. Также в уездных училищах были учебные пособия, состоящие из карт, атласов, глобусов, математических и физических орудий, счетов. В приходских училищах

учебные пособия заключались в таблицах для чтения и числения и счетах.

Анализ Отчетов директора училища о результатах осмотра учебных заведений Орловской губернии за 1854 и 1856 гг. и Ведомости о числе учебных заведений в губернии и уездах, числе учителей и учащихся по сословиям за 1859 г. позволяет сделать следующие выводы. Стабильное количество начальных учебных заведений в Орловской губернии общим числом 15 приходских училищ и 12 уездных на протяжении исследуемого периода оставалось неизменным, что является свидетельством отсутствия потребности губернии в открытии новых.

Все образовательные учреждения действовали на основании устава 1828 года, занимаясь образованием и воспитанием богобоязненных граждан Российской империи, владеющих азами истории, географии, но, в целом, готовыми к осуществлению практической работы в области промышленного и торгового дела.

Ключевыми проблемами начального образования в губернии были, во-первых, частые пропуски занятий учащимися как следствие отсутствия мотивации учиться, безразличия родителей, которые зачастую никак не содействовали налаживанию образовательного процесса; во-вторых, действовавшая методика преподавания, направленная на заучивание, но не осмысление материала учебника. Вследствие указанных причин, знания, которые демонстрировались учащимися, были зачастую посредственными и неудовлетворительными. В этой связи можно сделать вывод о том, что в 50-х-начале 60-х гг. XIX в. система начального образования Орловской губернии находилась далеко не в лучшем состоянии, что являлось прямым следствием образовательной политики Российской империи в исследуемый период.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденное Положение об устройстве училищ от 24 января 1803 года // 1-ПСЗРИ. Том 28. № 20.597. С. 437-442.
2. Высочайше утвержденный Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 года // 1-ПСЗРИ. Том 28. №21.501. С.626-647.
3. Высочайше утвержденный Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского от 8 декабря 1828 года // 2-ПСЗРИ. Том 3. № 2502. С. 1097-1127.
4. Высочайше утвержденное Положение об учебных округах Министерства народного просвещения // 2-ПСЗРИ. Том 8. №8262. С. 756-758.
5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 64, Оп. 1.
6. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 78, Оп. 1.
7. Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 года // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20.406. С. 243-249.
8. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. 785 с.

References

1. Royally approved Position about the structure of schools from 24 January 1803 // 1 CCLRE. Volume 28. No. 20.597. Pp. 437-442.
2. The highest approved Charter educational institutions, which are in jurisdiction of the University as of November 5, 1804 // 1 CCLRE. Volume 28. No. 21.501. Pp. 626-647.
3. The highest approved Charter of schools and schools of the County and parish, consisting in the office of the University: S. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov on December 8, 1828 // 2 CCLRE. Volume 3. No. 2502. Pp. 1097-1127.
4. Royally approved Regulations on the education authorities of the Ministry of national education // 2 CCLRE. Volume 8. No. 8262. Pp. 756-758.
5. State archive of the Orel region (GAO). F. 64, inv. 1.
6. State archive of the Orel region (GAO). F. 78, inv. 1.
7. The Manifesto on the establishment of ministries of 8 September 1802 // 1 CCLRE. 27. No. 20.406. Pp. 243-249.
8. *Rozhdestvenskiy S. V.* Historical overview of the activities of the Ministry of national education. 1802-1902. SPb., 1902. 785 p.

Л.В. АЛЕШИНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой книжного дела, русского языка и методики его преподавания, Орловский государственный университет

E-mail: alyoshinalv@mail.ru

L.V. ALEOSHINA

Doctor of Philology, Professor, Head of department of book business, Russian and technique of its teaching, Orel State University

E-mail: alyoshinalv@mail.ru

ПОДПИСЬ КАК ОСНОВНОЙ СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦОВКИ В ЧАСТНЫХ ПИСЬМАХ Н.С. ЛЕСКОВА

SIGNATURE AS A KEY STRUCTURAL COMPONENT OF THE ENDING OF N.S. LESKOV'S PERSONAL LETTERS

В статье рассматриваются варианты подписи как одного из основных структурных компонентов концовки частного письма, устанавливаются причины, обусловившие их выбор в эпистолярной Н.С. Лескова.

Ключевые слова: Лесков, эпистолярный, концовка письма, подпись, адресат, адресант.

In the article we focus on the different varieties of signature as one of the key structural components of the ending of a personal letter and reasons for their usage in the epistolary heritage by N.S. Leskov.

Keywords: Leskov, epistolary genre, ending of a letter, signature, addressee, addresser.

К структурным особенностям эпистолярного текста относится так называемая этикетная рамка, образуемая зачином и концовкой, которая «представляет собой заключительный фрагмент эпистолярной коммуникации, направленный на размыкание контакта, и содержит целый ряд этикетных актов, связанных с ситуацией прощания» [Фалина, с. 263]. Как отмечают исследователи, изучающие структуру частного письма, заключительная часть «является одним из функционально и лингвистически значимых его компонентов» [Куварова, с. 293].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» говорится, что «концовка письма содержит слова прощания, просьбы, пожелания, подпись, приписки» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, с. 629]. При этом структурные элементы концовки трактуются исследователями по-разному. Так, В.А.Фалина, изучив тенденции оформления концовок неофициальных писем середины XIX-начала XX века, приходит к выводу, что типичной является такая структура концовки, когда «сначала идет передача приветов, поклонов или почтительных заверений родным и близким (косвенно-фатическая адресация), затем включаются пожелания здоровья, всевозможных успехов и благ адресату (здравница), завершают письмо формулы прощания и адресные координаты (формулы личной адресации) отправителя письма», причем «концовка может содержать все перечисленные эпистолярные акты прощания или комбинацию некоторых из них в различных вариациях и последовательности» [Фалина, с. 263]. С.Л. Катаржина не пользуется термином «концовка» и считает, что функцию прощания выполняют «этикетные единицы со значением пожелания здоровья, успехов и т.д.; описания жеста, выражающего отношение автора к

адресату, или прогнозирования будущего контакта», как «обязательный элемент этикетной структуры» рассматривает подпись, которая «включает фамилию автора, иногда полную или сокращенную запись его имени, и уверения в дружбе, любви, преданности или уважении автора адресату» [Катаржина, с. 135].

Об «эпистолярных формулах» прощания в бытовых письмах говорит И.И. Дорфман, выделяя следующие: этикетные слова, употребляемые при завершении общения; перформативы, т.е. слова, обозначающие действия, производимые при прощании (жму руку, целую, обнимаю, кланяюсь и др.); высказывания с интенцией пожелания, чаще всего это пожелание здоровья [Дорфман, с. 89-90].

Мы также считаем, что концовка частного письма может иметь поликомпонентную структуру, к элементам которой относим а) этикетные формулы прощания, б) перформативы, в) этикетные формулы передачи приветов родным или общим знакомым (косвенно-фатическая адресация в терминологии В.А. Фалиной), г) этикетные формулы с интенцией пожелания всевозможных благ адресату (здравницы), д) этикетные формулы с интенцией побуждения к ответу, е) подпись, ж) постскрипtum, приписки. При этом только подпись можно отнести к обязательным элементам концовки (точнее, условно-обязательным, т.к. и она может отсутствовать), все остальные являются сугубо факультативными (их наличие обусловлено прежде всего такими факторами, как коммуникативное намерение адресанта и характер отношений между корреспондентами).

Подпись как компонент концовки, в свою очередь, тоже может быть представлена разными формулами: а) только антропоним (имя, отчество и

фамилия; имя и фамилия; инициалы/инициал и фамилия; только фамилия; только инициалы/инициал; прозвище; псевдоним); б) притяжательное местоимение *твой/ваш* + антропоним; в) апеллятив, обозначающий профессию, должность, титул адресанта, + антропоним; г) притяжательное местоимение *твой/ваш* + апеллятив, обозначающий степень родства адресанта и адресата, + антропоним; д) этикетная формула (*Ваш покорный слуга, преданный Вам* и т.п.) + антропоним; е) нестандартный эпитет + антропоним; ж) различные комбинации названных компонентов.

Рассмотрим варианты подписи в частных письмах Н.С. Лескова, опубликованных в 10-м и 11-м томах Собрания сочинений (422 письма).

Многие письма Н.С. Лескова подписаны только антропонимом. Подпись, представленная инициалом имени и фамилией (*Н.Лесков*), реже усеченным вариантом имени и фамилией (*Ник.Лесков; Никол.Лесков*), встречается в письмах, адресованных людям, с которыми у адресанта установились, помимо деловых, неформальные отношения, что позволяет опустить этикетные формулы и эпитеты и не писать полностью своё имя. См., например, письма к Н.А. Любимову (<Январь 1869 г.>), П.К. Щербальскому (7 мая 1871 г.; 7 октября 1871 г.; 5 октября 1875 г.; 18 января 1876 г. и др.), М.Н. Каткову (21 июля 1871 г.), И.С. Аксакову (22 января 1875 г.), А.С. Суворину (24 декабря 1875 г.), М.Г. Пейкер (9 июня 1879 г.), Ф.А. Терновскому (19 января 1883 г.) и мн. др.

Гораздо реже встречается подпись, включающая полное имя и фамилию (*Николай Лесков*), причем в основном в письмах с интенцией просьбы, см., например, письма к И.С. Аксакову (10 ноября 1884 г.), В.Г. Черткову (28 января 1887 г.), М.О. Меньшикову (20 октября 1893 г.) и др. Именно такая подпись стоит под резким письмом к А.А. Краевскому от 22 мая 1863 г., где Лесков требует немедленной выплаты причитающегося ему гонорара, угрожая в противном случае скандалом.

Двумя инициалами (*Н.Л.*) подписаны письма к постоянным корреспондентам, как правило, короткие, зачастую больше напоминающие записки, см., например, письма к А.П. Милюкову (<1878-1879 гг.>), А.С. Суворину (<апрель 1880 г.>; 11 октября 1892 г.), А.Н. Пешковой-Толиверовой (11 февраля 1888 г.; 5 декабря 1888 г.), Л.И. Веселитской (29 марта 1893 г.), А.И. Фаресову (30 октября 1893 г.) и др. Так обычно подписаны постскрипумы, когда выше уже имеется более развернутая подпись.

В ряде случаев подпись содержит псевдоним писателя: *Стебницкий*. Прежде всего это два письма к Е.П. Ковалевскому, председателю Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), в первом из которых (письмо от 20 мая 1867 г.) адресант презентует себя следующим образом: *Я, нижеподписавшийся, Николай Лесков, известен в русской литературе под взятым мною псевдонимом «М. Стебницкий»*. Псевдоним *Стебницкий* входит в состав подписи под письмами (от 5 декабря

1870 г. и от 6 апреля 1871 г.) к С.А. Юрьеву, издателю журнала «Беседа», к которому Лесков обращается в надежде на сотрудничество (*Не имея чести знать Вас лично <...>, я спешу приветствовать Ваше предприятие и предлагаю Вам иметь в виду мою готовность служить Вашему изданию, если Вы того пожелаете. У меня есть оконченный роман, начинавшийся уже печатанием в «Отчественных» зап<исках>» и известный довольно многим по этому началу. Он называется «Божедомы»*). Псевдоним включается также в структуру подписи под двумя первыми из шести сохранившихся писем к А.Ф. Писемскому, к которому Лесков относится как младший по возрасту и по участию в литературном процессе (см. строки из первого письма Писемскому: *Подвизайтесь и не гнушайтесь похвал «молодых людей», радующихся торжеству Ваших сил и желающих Вам бодрости и долгоденствия*). Видимо, Лесков предполагал, что С.А. Юрьев и А.Ф. Писемский могли быть знакомы с его произведениями, подписанными псевдонимом *Стебницкий*. Общение с Писемским продолжилось, и в дальнейшем Лесков, подписывая письма к нему, уже не использует псевдоним.

Зачастую Лесков выбирает формулу подписи «*Ваш+ антропоним*», при этом антропоним чаще всего представлен инициалом имени и фамилией: *Ваш Н.Лесков* (см. письма к П.К. Щербальскому от 5 марта 1871 г. и мн. др.; А.Ф. Писемскому от 17 августа 1872 г. и др.; И.С. Аксакову от 23 декабря 1874 г. и мн. др.; М.И. Пыляеву от 12 марта 1889 г. и мн. др.). Реже в сочетании с местоимением *Ваш* выступают инициалы *Н.Л.* (см. письма к П.К. Щербальскому от 24 марта 1876 г., С.Н. Шубинскому от 14 октября 1882 г., И.Е. Репину от 14 марта 1889 г., В.М. Лаврову от 8 декабря 1889 г.), только *Л.* (письмо к П.К. Щербальскому от 23 февраля 1875 г.). Развернутый вариант подписи *Ваш всей душой Н. Лесков* встречается только в концовке писем к П.К. Щербальскому, с которым у Лескова установились теплые дружеские отношения.

Формула подписи «апеллятив, обозначающий профессию, должность адресанта, + антропоним» в проанализированных письмах не встречается, что объясняется характером отношений корреспондентов. Подпись, включающая апеллятив, обозначающий степень родства адресанта и адресата, закономерно употребляется в письмах к сыну и брату: *Отец твой Николай Лесков* (А. Лескову, 11 (23) июня 1875 г.); *Любящий тебя брат Николай* (А.С. Лескову, 31 августа 1885 г.).

В официальных письмах самому широкому кругу лиц, с которыми обсуждаются деловые вопросы (Н.Н. Страхову, В.М. Лаврову, П.К. Щербальскому, С.Н. Шубинскому, С.С. Дудышкину, А.С. Суворину и др.), подпись включает обычную для XIX века формулу речевого этикета: *Ваш покорный/покорнейший слуга* + именование адресанта, представленное инициалом имени и фамилией (*Н. Лесков*), что допустимо в отношении людей, которым имя адресанта хорошо известно. Полное имя и фамилия – *Николай Лесков* – зафиксировано в письме от 10 декабря 1859 г. к Ф.В. Чижову, круп-

ному предпринимателю, ученому, издателю, к которому Лесков, в ту пору начинающий публицист, обращается по интересующему его вопросу, предполагая, что адресат его имени скорее всего не знает, да и самого адресанта вряд ли помнит (*При этом позвольте напомнить Вам, что мы с Вами немного знакомы по встречам у С. Пет. Альферьева и покойного Игнатия Фед. Якубовского, с которыми я жил вместе в Киеве*), так что в этом случае обойтись инициалом было невозможно.

Подписывая письмо пастору Герману Бенни, брату Артура Бенни, герою очерка «Загадочный человек», Лесков объединяет этикетную формулу концовки с обращением «Милостивый государь», типичным для зачина официальных писем: *Ваш, милостивый государь, покорный слуга Н. Лесков* (<4 марта 1871 г., Петербург.>). Вместе с обращением «Господин пастор!» эта подпись образует нехарактерную для Лескова этикетную рамку. Можно предположить, что это обусловлено определенной неловкостью, которую, возможно, испытывал писатель, пытаясь (безуспешно) добиться понимания со стороны Г. Бенни, который категорически возражал против публикации очерка отдельным изданием.

Редуцированный вариант этикетной формулы *Ваш слуга* встречается, как правило, в концовке деловых писем, адресованных лицам, с которыми у Лескова установились не только официальные, но и неформальные межличностные отношения, выполняя собственно этикетную функцию (см. письма к Суворину от 5 апреля 1870 г.; 8 октября 1886 г.; 5 декабря 1890 г. и др.; к П.К. Щербальскому от 19 декабря 1870 г.; 2 февраля 1871 г.; к С.Н. Шубинскому от 21 декабря 1884 г. и др.). В тех же случаях, когда писатель намерен выразить искренние чувства к адресату, он прибегает к развернутому варианту подписи. См., например, концовку письма к М.М. Стасюлевичу от 11 декабря 1891 г., проникнутого интенцией извинения и благодарности: *Со всегдашним к Вам уважением слуга Ваш*. Подпись *Всегда лжесмиранный слуга Ваш* под письмом к А.С. Суворину (11 декабря 1888 г.) содержит окказионализм *лжесмиранный*, который можно определить как «Тот, кто пытается быть смиренным, не являясь таковым в действительности». Эта подпись призвана смягчить интенцию упрека, которой проникнуто письмо (*Вы со мною поступили немилосердно <...> Зачем Вы это учинили?* и т.д.).

Стремлением подчеркнуть не просто уважительное, но почтительное отношение к адресату как к человеку и писателю обусловлен выбор вариантов подписи, включающий, помимо собственно этикетной формулы, апеллятивы, характеризующие адресанта «независимо от содержания и ситуации написания письма» и являющиеся «элементами подписи» [Куварова, с. 290]: *Ваш слуга и ученик Н. Лесков* (А.Ф. Писемскому, 3 марта 1872 г.); *Ваш слуга и послушник Николай Лесков* (И.С. Аксакову, 10 ноября 1884 г.); *Ваш слуга и почитатель Н. Лесков* (И.А. Гончарову, 12 февраля 1888 г.), см. также подпись *Ваш искренний и глубокий почитатель* (И.А. Гончарову, 2 февраля 1888 г.). Закономерно, что лексемы *ученик, послушник, почитатель* фигурируют в соста-

ве подписи к адресатам, которые, во-первых, намного старше адресанта (И.С. Аксаков – на 8, А.Ф. Писемский – на 10, И.А. Гончаров – на 19 лет), во-вторых, имеют прочное положение в литературе. Та же интенция глубокого почтения выражена подписью *Душевно преданный Вам слуга и Ваш почитатель*, завершающей письмо от 1 июня 1877 г. к Ф.И. Буслаеву, языковеду, фольклористу, историку литературы и искусства, с которым Лесков «был знаком с 1861 года, особенно близко сошелся с ним в Париже летом 1875 года» [Собр. соч., т. 10, с. 583].

Неформальный характер имеют варианты подписи, включающие апеллятивы, не предусмотренные этикетными нормами эпистолярной коммуникации. См., например, подпись *Ваш докучатель Н. Лесков* в концовке письма к П.К. Щербальскому, где писатель излагает ряд просьб и прежде всего – просьбу о критическом разборе своих произведений (*Напишите спрехвала (по мере чтения) несколько слов в оуждение и в одобрение каждой штуки, которую прочтете. Это будет для меня дорогой подарок* и т.д.).

Письма к ограниченному кругу лиц (А.С. Суворину, В.Г. Черткову, В.М. Лаврову, С.Н. Терпигореву, В.А. Гольцеву, А.Н. Пешковой-Толиверовой, Л.И. Веселитской), отношения с которыми допускают возможность шутить, завершаются подписью, содержащей апеллятив *ересиарх* – «перен. Идеолог учения, ложного с точки зрения говорящего (ирон.)» (Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова), чаще всего с определением *смиранный/ лжесмиранный*, подчеркивающим интенцию самоиронии: *Ваш смиранный ересиарх Николай* (А.С. Суворину, 29 сентября 1886 г.); *Смиранный Николай-ересиарх* (А.Н. Пешковой-Толиверовой, 26 декабря 1887 г.); *Преданный Вам смиранный ересиарх Николай* (В.М. Лаврову, 6 августа 1889 г.); *А я пребываю к Вам благосклонный смиранный ересиарх Николай* (Л.И. Веселитской, 2 июля 1893 г.); *Лжесмиранный ересиарх Николай* (А.С. Суворину, 29 ноября 1888 г.) и т.п.

Этикетная рамка письма к А.Е. Разоренову (<1884>) (зачин – *Только вчера, друг мой Алексей Ермилович, посвятил вечерок пересмотру Ваших стихов*, и подпись – *Истинный ваш доброжелатель Ник. Лесков*) призвана смягчить нелicenseприятное суждение о творчестве поэта-самоучки (*Есть среди них вещи очень и очень недурные, но отделять их вы или не умеете, или же совсем не хотите. Так писать нельзя. Помните, что основное правило всякого писателя – переделывать, перечеркивать, перемарывать, вставлять, сглаживать и снова переделывать <...>*). Писатель, сам много претерпевший от несправедливых нападков, жаждущий умной, глубокой, доброжелательной критики (*Разве может быть теперь такая здравая критика, которая руководила бы не одних начинающих писателей, а освещала бы путь, давала бы добрые советы и тем, кто достаточно окреп на литературной дороге?*), искренне стремится помочь А.Е. Разоренову, не обидев его. Именно этой интенцией обусловлено включение в формулу подписи лексемы *доброжелатель* – «желающий кому добра» (В.И. Даль), «человек, дружески расположенный

к кому-н.’ (Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова).

Характерны для эпистолярия Н.С.Лескова варианты подписи, включающие эпитет, выбор которого всегда обусловлен определенными интенциональными намерениями адресанта. Чаще всего встречается эпитет *Преданный Вам*. Лексема *преданный* имеет у В.И. Даля дефиницию ‘кто предался всей душою, исто, верно и усердно’, в Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова – ‘всецело приверженный к кому-чему-н., проникнутый любовью и верностью кому-чему-н.’. Подписью *Преданный Вам Н.Лесков* завершаются письма к самому широкому кругу лиц, начиная с 1872 г. К этому времени у Лескова уже установились определенные отношения, как деловые, так и человеческие, с издателями, с товарищами по писательскому цеху, поэтому всё чаще официальное *Ваши покорный слуга* сменяет более неформальная подпись. В то же время в результате регулярного употребления формула *Преданный Вам* тоже начинает превращаться в штамп, поэтому в тех случаях, когда адресант стремится выразить интенцию особой приязни, доверия к адресату, он использует характеризующие наречия соответствующей семантики (как правило, в концовке писем, которые носят неофициальный характер): *Душевно преданный Вам Н. Лесков* (А.Ф.Писемскому, 4 сентября 1872 г.; А.П. Миллюкову, 12 (24) июля 1875 г.; 27 сентября 1875 г.; 16 декабря 1875 г.; Я.П. Полонскому, 18 апреля 1876 г.; Н.А. Любимову, 8 марта 1878 г. и др.); *Горячо Вам преданный Н. Лесков* (И.С. Аксакову, 17 декабря 1880 г.); *Искренно Вам преданный Н. Лесков* (М.О. Меньшикову, 12 февраля 1894 г.; 18 мая 1894 г.; М.М. Стасюлевичу, 8 февраля 1895 г.); *Глубоко Вам преданный Н. Лесков* (И.С. Аксакову, 6 апреля 1875 г.); *Всегда Вам преданный Н.Лесков* (И.С. Суворину, 26 февраля 1873 г.; 11 августа 1874 г.; И.С. Аксакову, 1 сентября 1875 г.; С.Н. Шубинскому, 16 октября 1880 г. и др.); *Почтительно преданный Вам Н. Лесков* (И.А. Гончарову, 11 февраля 1888 г.).

Второй по частоте употребления эпитет – *любящий* – выражает желание выказать особую душевную расположенность к адресату. Обычно это причастие выступает в сочетании с лексемами, подчеркивающими оттенки теплого чувства: *Душевно любящий Вас Н. Лесков* (П.К. Щербальскому, 4 января 1874 г.); *Дружески любящий Вас Н.Лесков* (С.Н. Шубинскому, <23 апреля 1880 г.>; *Братски любящий Вас Н. Лесков* (В.Г. Черткову, 4 ноября 1887 г.); *Искренно Вас любящий Лесков* (В.Г. Черткову, 5 марта 1888 г.); *Искренно Вас любящий Н. Лесков* (В.А. Гольцеву, 4 мая 1891 г.; М.О. Меньшикову, 28 августа 1893 г.; 18 сентября 1893 г.) и др.

Стремлением выразить целую гамму чувств по отношению к адресату обусловлен выбор подписи, где эпитеты комбинируются, зачастую распространяются характеризующими наречиями: *Искренно Вас любящий и уважающий Н. Лесков* (М.И. Пыляеву, 9 августа 1884 г.; Л.И. Веселитской, 9 июня 1893 г.); *Душевно преданный Вам и Вас искренно любящий Николай Лесков*

(Я.П.Полонскому, 18 апреля 1876 г.) и др. Такой вариант подписи особенно характерен для концовок писем к Л.Н. Толстому: *Любящий Вас и благодарный Вам Лесков* (Л.Н. Толстому, 8 января 1891 г.); *Искренно Вас любящий и Вам благодарный Н. Лесков* (Л.Н. Толстому, 12 июля 1891 г.); *Искренно Вас любящий и почитающий Н. Лесков* (Л.Н. Толстому, 20 июня 1891 г.) и др. Письма к Толстому ярко иллюстрируют тезис, которым начинается глава литературно-биографической книги А.Н. Лескова, посвященная отношениям отца с Л.Н. Толстым: «Ни к кому другому, начиная с первых же лет своего писательства, он не проявлял такого исключительного внимания как к величайшему художнику, а с годами и умиленного почитания как к “мудрецу”, “великому человеку” и т.д. и т.п.» [Лесков А.Н., с. 553]. Избираемые Н.С. Лесковым формулы подписи в купе с основной содержательной частью писем позволяют ощутить «культ почитания и благодарения за “просветление ока”» [Лесков А.Н., с. 561] по отношению к адресату.

Трижды в составе подписи встретилась лексема *Признавательный*: *Признавательный Вам* в письме к А.С. Суворину (<1886 г.>), которого Лесков благодарит за «прекрасный и щедрый дар» – роскошное издание «Горя от ума», и в двух письмах писателя к авторам критических статей о его творчестве: *Глубоко Вам признавательный Н. Лесков* (А.И. Введенскому, 2 мая 1890 г.) и *Искренно Вам признавательный Н. Лесков* (М.А. Протопопову, 23 декабря 1891 г.). Каждый раз прилагательное *признавательный* употребляется не в качестве дежурной этикетной формулы, а в буквальном значении ‘признающий чужие услуги, добро, благоденствия; благодарный’ (Даль) и способствует, наряду с основной содержательной частью писем, выражению интенции искренней благодарности и признательности.

Особыми интенциональными намерениями адресанта продиктован выбор варианта подписи в концовке письма к С.Н. Шубинскому, проникнутом сложными чувствами: здесь и прошлая обида, и опасение снова оказаться оскорбленным: *Я, к сожалению, не могу считать Вас столько простым, прямым и искренним, чтобы не допускать возможности употребления с Вашей стороны шутки, которая может меня поставить в такое неловкое положение, какого я сносить не умею* (8 февраля 1884 г.). Подпись – *Никогда никакого зла Вам не сделавший Н. Лесков* – заключительный штрих, призванный подчеркнуть интенцию обиды.

Очень ограничен круг людей, с которыми Н.С. Лесков, человек с непростым характером, переходил на «ты», что отражается в переписке, как в основной содержательной части письма, так и в подписи. Кроме писем к родным, где это закономерно, употребление по отношению к адресату местоимений *ты, твой* встречается лишь в письмах к С.Н. Терпигореву (см., например, подпись *Твой Н. Лесков* в письме от 10 мая 1887 г.).

Письмами, опубликованными в Собрании сочинений Н.С. Лескова, эпистолярное наследие писателя не исчерпывается. Однако, рассмотрев их, определенные

выводы сделать возможно. Вариант подписи как структурного элемента концовки в частных письмах Лескова в значительной степени обусловлен этикетными нормами, принятыми во второй половине XIX века. В то же время в неофициальных письмах к лицам, с которыми у

писателя сложились неформальные отношения, наблюдается стремление к выбору подписи, максимально способствующей реализации интенциональных намерений адресанта.

Библиографический список

1. Дорфман И.И. Речевой жанр приветствия/прощания в эпистолярном наследии А.П. Чехова. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011, № 132. С. 86-91.
2. Катаржина С.Л. Этикетные формулы в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX в. Дис. ... канд. филол. наук. Орск, 2001. 156 с.
3. Куварова Е.К. Заключительная этикетная формула в письме как речевом произведении // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011, Том 24 (63). № 4. Ч. 2. С. 289-295.
4. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям / А.Н. Лесков. Тула, 1981. 647 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1958. 598 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2006. 696 с.
7. Фалина В.А. Новые тенденции оформления концовки неофициального письма середины XIX-начала XX века. // Вестник ИГЭУ. 2007, Вып. 1. С. 262-265.

References

1. Dorfman I.I. Speech genre of greeting / farewell in the epistolary legacy of A.P. Chekhov. // News RSPU. A.I. Herzen. 2011, № 132. Pp. 86-91.
 2. Katarzyna S.L. Etiquette formulas in the letters addressed to friends by Russian creative intelligentsia in the early XX century. Dissertation, Candidate of Philological sciences. Orsk, 2001. 156 p.
 3. Kuvarova E.K. The ending etiquette formula in a letter as a speech product // Scientific notes of Taurida National University named after V.I. Vernadsky. 2011, Volume 24 (63). № 4. Part 2. Pp.289-295.
 4. Leskov A.N. Life of Nikolai Leskov in his personal, family and non-family records and memories. Tula, 1981. 647 p.
 5. Leskov N.S. Works. In 11 v. V. 10. M. : Literature, 1958. 598 p.
 6. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language. Ed. M.N. Kozhina. M. : Flint, Nauka, 2006. 696 p.
 7. Falina V.A. New Trends registration ending informal letters mid XIX - early XX century. // Bulletin of ISPU.2007, Vol. 1. Pp. 262-265.
-

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX вв., Орловский государственный университет
E-mail: gavril05@yandex.ru

M.V. ANTONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: gavril05@yandex.ru

ЛИВЕНСКИЙ «ХАРЛАМПИЕВСКИЙ» ТЕКСТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ*

LIVNY TEXT OF ABBOT CHARALAMBOS: HISTORY AND CURRENT STATUS

В данной статье рассматривается харлампиевский текст, сложившийся в городе Ливны в конце XIX века и активно функционирующий в наши дни. Выявлены особенности структуры текста. На основе материалов к незавершенной канонизации подвижника и публикациях местных СМИ определены типы чудес.

Ключевые слова: городской текст, Ливны, святые места, житие, сказание о чудесах, подвижник.

This article considers the text of abbot Charalambos prevailing in the town of Livny in the late XIXth century and actively functioning in our day. We have identified features of the structure of the text. On the basis of submissions to the pending canonization of the ascetic and publications local media the types of miracles are identified.

Keywords: urban text, Livny, Holy places, the life of Saint, the legend of miracles, the ascetic.

Ливны – районный центр, который расположен на юго-востоке Орловской области в месте слияния рек Ливенка и Сосна. Официальным временем основания города считается 1586 год. Во второй половине XVI века по реке Сосне были организованы 73 укрепленных пограничных пункта для защиты рубежей Руси. В том числе известен указ царя Феодора Иоанновича, гласивший: «... на Сосне, не доезжая до Оскола два днища, поставить велено город Ливны, а на Дону, на Воронеже, не доезжая до богатого затона два днища, велено поставить город Воронеж... Каковы будут вести на Ливнах про приход воинских людей на государевы Украина – с Ливен посылать с вестями на Воронеж, – и с Воронежа потому ж на Ливны с вестями посылать» [Цит. по: 1, с. 14-15].

В этот же период времени в Ливнах был основан Свято-Успенский Сергиевский монастырь. Известна жалованная грамота Феодора Иоанновича от 25 января 1592 года, по которой были пожалованы «в Сергиев монастырь на церковное строение, на ладан и на свечи, и на вино церковное в Ливенском уезде реку Тим со всеми угоды» [5, с. 53]. Первым наместником Свято-Успенского монастыря считается игумен Харлампий. Реальность данной личности подтверждается рядом документов. В ливенской «Приправочной книге» 1615 года, которая цитируется в книге Г.М. Пясецкого «Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении» (1983), отмечено, что в это время монастырское хозяйство значительно расширилось. По поводу состава монашествующих читаем следующее: «А в монастыре игумен Харлампий, да поп черный, да 11 чел. братья живут по кельям» [5, с. 54]. В Писцовых Ливенских книгах Ивана Малечкина и под-

ячего Тимофея Семенова за 1627-29 годы также подробно описываются монастырские владения и неоднократно упоминается игумен Харлампий.

Задача данной статьи состоит в анализе ливенского харлампиевского текста, его структуры и истории функционирования на основании рассмотрения материалов к незавершенной канонизации подвижника, а также современных устных рассказов прихожан, зафиксированных в местных СМИ. В работе используются культурно-исторический и историко-литературный методы исследования.

Местное почитание игумена Харлампия складывается во второй половине XIX века. К этому времени монастырь прекратил свое существование. В 1764 году Ливенская обитель была (как и многие во время правления Екатерины II) признана выморочной и упразднена в связи с сокращением штатов монастырей, монахи были переведены в Оптину пустынь, а земли были переданы графу Ростопчину. Две церкви на территории монастыря сохранились и стали городскими, но другие монастырские постройки постепенно разобрали. В процессе разбора монастырских строений проводились своего рода раскопки. В частности, в 1777 году под руководством соборного протоиерея Андреева был вскрыт монастырский склеп и обнаружен гроб с нетленными мощами и с митрой на голове. По существу, это было первое событие, которое легло в основу почитания игумена Харлампия. «Раскопки», надо сказать, проводились не из исторического интереса, а потому что на бывшей территории монастыря (после разбора монастырских стен), начиная с 1772 года было дозволено строить дома прихожанам. Протоиерей Андреев с рабочими, видимо, при

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-04-00437).

закладке фундамента вскрыл древнее захоронение. По свидетельству летописца Сергиевской церкви, эта история передавалась в семье Андреевых как предание [3].

Через 80-х лет, когда дом Андреевых перешел во владение ливенскому купцу Тюпину, в «погреб» начинают происходить различные чудесные явления: в нем слышатся голоса, происходят исцеления, что старательно фиксируется в специальной книге. Записи начинают вести с 1858 года. Книга была заведена после разрешения светских и епархиальных властей и выдана Благочинным Ливенскихгородских церквей Ипполитом Мерцаловым. Всего в книге было зафиксировано около 100 случаев исцеления [3].

«Погреб» дома Тюпиных получил название Ливенской пещерки. Приблизительно в это же время на склоне реки Сосны рядом с пещеркой забил источник, который молва также связала с именем Харлампия. По существу, ко второй половине XIX века в Ливнах складывается своего рода «харлампиевский текст», который включает в себя следующие компоненты:

1. Ливенская пещерка и Харлампиевский источник как объекты религиозного поклонения;

2. комплекс представлений о взаимосвязи Ливенского монастыря с древней монастырской традицией. На этом основано название для «погребка» – «пещерка» (или «пещера»), что проводит типологическую параллель с древними русскими пещерными монастырями (Киево- и Псково-Печерскими), где мощи подвижников пребывали именно в пещерах. Кстати, документально или археологически наличие именно пещерных захоронений в Ливенском монастыре подтверждения не находит, однако именно комплекс идей о связи Ливенского монастыря с Киево-Печерским о преемственности традиций был положен в основу материалов, которые в начале XX века готовил священник Ливенской Александровской часовни о. Василий Понятовский;

3. народные религиозные предания о святых местах, связанных с именем Харлампия;

4. записи об исцелениях, полученных приходящими богомольцами в Ливны по молитвенном призывании инока Харлампия и других монахов, почивающих в погребке под домом купчихи Тюпиной;

5. в конце XIX – начале XX века «харлампиевский текст» дополняется трудами уже упомянутого щ. Василия Понятовского.

Именно Василий Понятовский в 1914-1915 годах инициировал вопрос о канонизации игумена Харлампия. Им была составлена речь к юбилею Сергиевской церкви, в которой прославлялись ливенские подвижники, а также осуществлен ряд публикаций, в которых рассказывалось о чудотворениях в Ливенской пещере. Канонизация не была осуществлена, этому помешала Первая мировая война, а затем Великая Октябрьская революция. Понятно, что при советской власти ни о какой канонизации речи идти не могло, но «харлампиевский» текст продолжал активно функционировать и в XX веке. Сегодня он не только существует, но и развивается,

чему способствует восстановление Ливенской пещеры и Харлампиевского источника, а также публикация в современных местных СМИ свидетельств очевидцев о чудотворных явлениях.

Житийное повествование об игумене Харлампии так и не сложилось. Текст, составленный Василием Понятовским, лишен биографических данных о подвижнике, нет в нем и попыток создания канонического клишированного агиографического повествования о герое. В жанровом отношении данное сочинение, скорее, может быть определено как «сказание о чудесах». Кроме задачи прославления ливенских подвижников, текст, составленный о. В. Понятовским, выполняет вполне конкретную деловую функцию доказательства / подтверждения факта святости игумена Харлампия посредством фиксации посмертных чудес.

В материалах к незавершенной канонизации ливенского подвижника можно выделить два основных типа чудес.

1. Явления игумена Харлампия, которые реализуются через видения или услышанные голоса. Таковы, например, два первых по времени чуда:

– явление офицеру Гробовскому некоего инока: «В половине позапрошлого девятнадцатого столетия дом с погребом на месте нынешней пещеры поступил во владение Ливенскому купцу Тюпину. Он был просол и складывал в этот погреб скупаемые им кожи. В доме его квартировал офицер Гробовский стоявшего тогда в ливнах Силединского полка, поляк, католик. Однажды вечером наяву явился ему старец-инок. Когда он спросил, что ему угодно, инок отвечал: “Скажи своему хозяину, чтобы он вынес из погреба кожи, потому что здесь нахожусь я, Харлампий, да и многие другие иноки со мной”, – и скрылся. (Подробность о кожах передана ливенским купцом Ив.Ив. Прохоровым, заимствованная по преданию). Гробовский зовет денщика и приказывает ему вернуть монаха. Денщик говорит, что он никакого монаха не видал. Пораженный этим явлением Гробовский объявил всем это чудесное видение» [3].

– явление девочке-подростку Маше: «У упомянутых Тюпиных, которым принадлежал дом с “погребом”-пещерой, жила в услужении девочка лет десяти-тринадцати, Маша, выдающаяся перед всеми по своей набожности.

Она при страшном желании учиться, тогдашнему, училась у члена причта, именно, священника Никольской церкви отца Васитлия (фамилия забыта передающим), известного своим благочестием. (Этот случай записан со слов Ливенского мещанина Александра Николаевича Паршина, заимствовавшего его по преданию). Будучи в услужении у Тюпиных, эта девочка во всех своих поступках проявляла крайнее благочестие и набожность, малым чем отличалась от монахинь. От Пасхи до Вознесения уней была постоянная монастырская привычка говорить “Христос Воскресе” при начале всякого дела. В первый день Пасхи 24 или 24 марта 1858 года девочку Машу хозяева послали в “погреб” взять что-то для разговения и, взявшись за пред-

мет, по привычке она сказала: “Христос Воскресе!” И вдруг услышала в ответ из глубины погребца: “Воистину Воскресе!” Предполагая, что ослышалась, она повторила еще: “Христос Воскресе!” И опять услышала такой же ясный ответ: “Воистину Воскресе!” После этого она без чувств упала на пол и лежала, пока не пришли хозяева и не привели ее в чувства. И, придя в себя, она рассказала сначала хозяевам, и потом, конечно, своим родным и знакомым о случившемся с нею» [3].

Этот тип чудес в содержательно-функциональном плане призван подтвердить факт святости Ливенской пещерки как места, в котором «под спудом» находятся мощи игумена Харлампия и других иноков. В современной устной околоцерковной традиции, зафиксированной в местных СМИ, имеются подобные свидетельства: верующие слышат церковное пение или мужской голос, читающий молитву [2; 4].

2. Второй тип чудес – исцеления. В материалах Василия Понятовского исцеления происходят по большей части благодаря использованию «песочка» из пещерки и святой воды. «Песочком» трут глаза – и прозревают, его прикладывают к больному месту – и исцеляются: «Первое чудо прозрения глаз жены Ливенского купца Семена Ильина, бывшей слепой 30 лет и прозревшей от трения глаз песком из “подвала” Тюпина, умоления водою из близлежащего колодца и призыванием игумена Харлампия, о святой жизни которого она много слышала, не обозначено точно. Но второе чудесное исцеление Ливенского купца Тимофея Александровича Черемисинова, страдавшего зиму 1858 года жестокою неизлечимою болью, опухолью по лицу и в несколько дней прошедшего от хождения в “выход” и трения больного места взятым оттуда песком, прямо обозначено в марте месяце 1858 года» [3].

В современных легендах сфера чудесного воздействия «песочка» расширяется, им лечат бесноватых: «В начале 70-х годов я не была воцерковлена, – рассказывала Солодских Тамара Алексеевна. – В храм ходила редко, 1-2 раза в год, о пещерке ничего не слышала и не знала, что это место упокоения игумена Харлампия со братией. В те годы я с мужем прожила уже 17 лет, и у нас стали возникать иногда крупные ссоры, муж вел себя агрессивно. Свекровь узнала о его поведении и дала мне совет, взять в пещерке песочек из ямки внизу, около двери. Этим песочком посыпать немного постель, чтобы он не ощущал под собой. Я так и сделала. Под подушку и под простыню положила в тряпочке песок. Харлампий успокоил моего мужа, он стал спокойным, как в первые годы нашей жизни. Свекровь моя, ныне покойная, рассказывала мне, так она лечила своего мужа (моего свекра), когда он также стал бесноваться. Она тоже посыпала постель песком из пещерки. Я поняла, что игумен Харлампий успокаивает беснующихся, и он скорый помощник людям» [2].

Чудеса также происходят и по молитвенному обращению к игумену Харлампию, после панихиды или молебна в пещерке, после использования масла из лампадки, в результате «прикладывания к стеночке» пещер-

ки больного места пр. Приведем несколько примеров.

Работница Свято-Сергиевского кафедрального ливенского собора Мария Романова вспоминает: «Было воскресенье, я приболела, сильно болела голова. В конце службы был Крестный ход и у меня вдобавок заболел бок, вроде печень схватит-отпустит. После Крестного хода как всегда по воскресеньям служили панихиду игумену Харлампию со братией и я пошла в пещерку. Стою, периодически болит бок, тогда стала просить игумена Харлампия и прикладываться к стеночке. Кончилась панихида, стали раздавать коливо, и боль прошла во Славу Божию по молитвам игумена Харлампия» [2].

«Я, Мосалова Надежда Ивановна, хочу поведать сон, который мне снился ночами 30 и 31 октября 2000 года. Вечером 30 октября я внезапно заболела – стремительно поднялась температура до 40,5°. В доме я находилась одна, так как все мои домашние были заняты организацией похорон близкого родственника. Не знаю на какое время я была погружена в сон в таком состоянии, но мне снился удивительный сон. Будто я нахожусь в нашей пещерке, стою на нижнем пороге, двери открыты. Вдруг из левой стороны появились два монаха, которые шли друг за другом возле стола, стоящего посреди пещерки в правую сторону. Из-за арки лиц их не было видно. Слышала я только голос: «Эта земля стоит у престола Господня», произнесено это было дважды. Проснувшись, посмотрела на часы, время было 3 часа 20 минут. На следующую ночь, пребывая еще в таком же тяжелом состоянии, я вновь увидела тот же самый сон и в то же время, 3 часа 20 минут. Я уснула вновь, а проснулась совсем здоровой, будто и не болела» [2].

Задача сбора материала для канонизации игумена Харлампия обусловила стремление о. Василия Понятовского к точному указанию на источник сообщения, что соответствует агиографической традиции. На основании документных свидетельств он указывает точные имена и даты событий: Гробовский – офицер силовых структур, поляк, католик, подробность о кожах передана ливенским купцом И.И. Прохоровым. Первое чудо прозрения произошло с женой ливенского купца Семена Ильина (дата точно не указана), второе исцеление от опухоли на лице произошло зимой 1858 г. с ливенским купцом Т.А. Черемисиновым. Эта же особенность документирования сохраняется в современных публикациях: «В 1995 году у меня заболела вся семья, кроме меня»; «20 апреля 2009 года я пришла благодарить игумена Харлампия со братией, заказала ему обедню и панихиду»; «30 июля 2007 года у меня заболела нога»; «Это произошло в октябре 2009 года»; «В 1955 году у Васильевой Марии Ивановны дочь Люба и была расслабленной» [2]; «В 1938 году все ливенские храмы были закрыты, – вспоминала ныне покойная Мария Ивановна Герлинг. – Я очень горевала, что негде освятить кулич и Пасху. И тут мне пришла в голову мысль: понесука я их в пещерку»; «В 1947 году Ливенская пещерка была восстановлена и сразу прославилась исцелением. У пожилой женщины, которая помогала в восстановлении пещерки, начала действовать иссохшая рука»; «В

Рождество 2011 года жительница Ливен 7 января вечером спустилась в пещерку» [4]

В соответствии с традицией о. Василий Понятовский определяет и этапы прославления святого места: начинается оно с открытия мощей в 1777 году, затем, очевидно, следуют многочисленные чудесные явления и исцеления, что приводит к распространению известий о чудотворной пещере по России и к попыткам Орловского епархиального управления утвердить местное почитание Харлампия. В результате после дознания Священный синод позволяет открыть в Ливенской пещере служение панихид с 1859 года.

В 1882-86 годах над пещеркой была построена Александровская часовня (в память об имп. Александре III). А в 1990 году, что зафиксировано о. Понятовским, во время раскопок была обнаружена древняя кладка и истинный вход в помещение, который тем не менее вновь был засыпан, чтобы не допустить обрушения часовни. Раскопки проводились

начальником Ливенской железной дороги инженером Киришевым, а сведения о сопровождавшем их чуде сообщены почетным потомственным гражданином Ливен И.А. Васильевым, которому в тонком сне привиделся Харлампий, что, собственно, и спровоцировало раскопки.

Материалы о. В. Понятовского – также своеобразный этап прославления ливенских старцев, но это уже, можно сказать, сверхтекстовое явление по отношению к самим материалам.

Подводя итоги, следует отметить, что «харлампиевский» ливенский текст выстраивается в соответствии с традициями и практикой Русской Православной Церкви. Сформировавшись ко второй половине XIX – началу XX вв. (о чем свидетельствуют материалы к незавершенной канонизации), «харлампиевский» текст активно бытует в советское время и продолжает развиваться в наши дни.

Библиографический список

1. Волков С.П. Ливны. Орел, 1959.
2. Курская А., Костикова Н. Чудеса Харлампия в наши дни // Уездный город. 2 апреля 2004г. [Электронный ресурс] <http://www.uezdnygorod.ru>.
3. Ливенская пещера. Её история, прославление и первые чудеса. [Электронный ресурс] <http://www.sobor-livny.ru>.
4. Некрасова К. Голоса из другого мира // Уездный город. 28 ноября 2012г. [Электронный ресурс] <http://www.uezdnygorod.ru/articlefull/3012/>.
5. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1983.

References

1. Volkov S.P. Livny. Orel, 1959.
2. Kurskaja A. Kostikova N. The wonders of Charalambos in our days // County town. April 2, 2004 [Electronic source] <http://www.uezdnygorod.ru/articlefull/4722/>.
3. Livny cave. Its history, the glorification and the first miracles [Electronic resource] <http://www.sobor-livny.ru>.
4. Nekrasova K. Voices from the other world // County town. November 28, 2012. [Electronic resource] <http://www.uezdnygorod.ru>.
5. Pyasetsky G. M. Historical sketches of the town of Livny and his County's political, statistical and clerical terms. Orel, 1983.

А.В. АНТЮХОВ

доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

А.Н. ВОЛГА

аспирант, кафедра русской, зарубежной литературы и журналистики, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
E-mail: bryanskgu@mail.ru

A.V. ANT'UHOV

Doctor of Philology, Professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

A.N. VOLGA

Graduate Student, Department of the Russian, foreign literature and journalism, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky
E-mail: bryanskgu@mail.ru

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ФОРМУЛ В ПОСЛАНИЯХ
АНДРЕЯ КУРБСКОГО ВАССИАНУ МУРОМЦЕВУ**

**AUTOBIOGRAPHICAL POTENTIAL OF THE EPISTOLARY FORMULAE IN THE LETTERS OF ANDREY KURBSKY
TO BASSION MUROMTSEV**

В данной статье рассматриваются эпистолярные формулы посланий Андрея Курбского к Вассиану Муромцеву, в которых может быть обнаружено автобиографическое начало. Доказано, что констатация получения письма, пересказ содержания ранее полученного послания и высказывания по его поводу, сообщения о полученных ранее письмах и обстоятельствах, предшествовавших получению послания или написанию собственного, отражают реальные автобиографические факты и способствуют функционированию автобиографизма в тексте.

Ключевые слова: послание, эпистолярный формуляр, автобиографический потенциал, Андрей Курбский.

This article discusses the epistolary formulae of the Epistles of Andrey Kurbsky to Bassion Muromtsev, in which the autobiographical beginning can be detected. It is proved that the acknowledgement of receipt of the letter, the retelling of the content previously received messages and sayings about him, the messages received earlier letters and the circumstances preceding the receipt of the message or writing your own reflect autobiographical facts and contribute to the functioning of autobiographism in the text.

Keywords: epistle, epistolary form, autobiographical potential, Andrey Kurbsky.

Древнерусское послание как жанр обладает несомненным автобиографическим потенциалом. Применительно к раннему периоду развития данного жанра на русской почве этот тезис был достаточно убедительно развит и доказан в диссертационном исследовании Е.И. Сарина «Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI-XIII веков (жития, поучения, послания)» [См.: 8]. В частности им было показано, что «формуляр византийской эпистолы, воспринятый в общих чертах древнерусской литературой, предполагает наличие устойчивых шаблонных речевых конструкций, которые могут иметь непосредственное автобиографическое наполнение» [8: 183]. Перечисляя элементы формуляра, потенциально имеющие автобиографическое значение, исследователь указывает на формулы «констатации получения письма, определения причин составления послания, высказывания по поводу содержания полученного ранее письма и пересказа его содержания, сообщения об отправленных ранее письмах и об обстоятельствах, предшествовавших письменному общению корреспондентов и пр.» [8: 183; см также: 1: 154-161].

В русской литературе XV-XVI века послания раз-

личных жанровых модификаций получили достаточно широкое развитие, что было связано, очевидно, с усилением их публицистического звучания. В то же время древнерусское эпистолярное наследие этого периода оставалось тесно связанным с византийскими традициями, что было показано в исследованиях А.С. Демина, Д.М. Буланина, В.В. Калугина и пр. [2, 3, 4, 5, 6]. Устойчивые мотивы, свойственные эпистолярному формуляру, не только активно использовались, но и закрепились как обязательные, превращались в текстовые клише благодаря составлению и бытованию так называемых Письмовников, в которых содержались абстрагированные образцы написания писем разным лицам.

Однако сами по себе эпистолярные формулы, как уже было сказано выше, обладали автобиографическим потенциалом, что обуславливало в лучших образцах жанра послания, созданных талантливыми писателями-публицистами, наполнение шаблонных, обязательных формул личностно значимым смыслом, в том числе и автобиографическим содержанием.

Задачей данной статьи является рассмотрение автобиографического наполнения эпистолярных формул на материале трех посланий князя Андрея Курбского

старцу Вассиану Муромцеву. Данные послания «посвящены профессиональной богословской полемике с протестантами» и собственно адресатом – иноком Псково-Печерского монастыря Вассианом, который был ровесником князя и пользовался его уважением. Как видно из содержания посланий, Курбский обменивался со своим адресатом книгами, содержание которых и послужило поводом для полемических высказываний автора в первом и втором посланиях, написанных в 1653-1654 гг. во время воеводства в Юрьеве Ливонском (Тарту). Третье послание было составлено после побега в Литву, в то же время, что и первое письмо Ивану Грозному – в мае-июне 1654г. [См. об этом: 6: 24], и посвящено обстоятельствам денежных отношений Курбского с монастырем и его гонениям на родине.

Среди обязательных эпистолярных формул посланий Андрея Курбского Вассиану Муромцеву, которые имеют ясно выраженное автобиографическое наполнение, можно выделить следующие: констатация получения письма, пересказ содержания ранее полученного сообщения и высказывания по его поводу, а также сообщения о полученных ранее письмах и обстоятельствах, предшествовавших получению послания или написанию собственного.

Констатация получения письма

Книга, глаголемая Райская, иже суть в Божиих церквах, от вашей святости к рукам моим пришла (Первое послание Вассиану Муромцеву).

Посланейцо твое, любовию помазанное, дошло до меня. Книгу и Герасимово житие и счет дѣтом привезли же ко мнѣ, и много челом бью на благи твоих (Второе послание Вассиану Муромцеву).

Посылал есмь к игумену и к вам человѣка своего бити челом о потребных животу, и для недостойства моего от вас презренных (Третье послание Вассиану Муромцеву).

Формула констатации получения письма являлась обязательной в византийской эпистографии[9: 68]. В посланиях Курбского Вассиану Муромцеву данная формула располагается в начале текста и «открывает» семантему. Причем в посланиях князя подчеркивается не только сам факт получения письма от адресата, но и содержится дополнительная автобиографически значимая информация. Так, в первом послании указывается на получение для прочтения книги «Рай». Во втором на то, что Курбский получил «книгу и Герасимово житие и счет дѣто». В третьем послании высказывание о получении письма амбивалентно по смыслу, в нем содержится указание не только на сам факт получения письма из монастыря, но и на его содержание: князь получил отказ в просьбе о помощи.

Пересказ содержания ранее полученного послания и высказывания по его поводу

А повесть онупротох, глаголему Никодимову [Имеется в виду Никодимово евангелие в составе книги «Рай». – А.В.]. *И не суть от пророк умолчанна, ото апо-*

столь не слышано, еуагелистом сопротивну, от учитель вселенских во свѣдительство не приемлемо (Первое послание Вассиану Муромцеву).

Но воистинну лож есть сие писание и неправда, и от нѣкоего не искусна и лукава написана [Также имеется в виду Никодимово Евангелие в составе книги «Рай». – А.В.]. (Первое послание Вассиану Муромцеву).

Да паметца обрѣлася в твоей грамотки запечатана, а написано в ней, яко Григорей рече Богослов называет тайным учеником Христовым Никодима (Второе послание Вассиану Муромцеву).

Не добра есть похвала в вас. Не токмо есть нас продали и отчаяли, но и милостыни есте, обычные язычником и мытарем, не сотворили. Имущи у себя что подати, а утробу свою затворили, еще же и взаем проиенно и паки возвращенно быти хотящия (Третье послание Вассиану Муромцеву).

Данная эпистолярная формула (или точнее – мотив), выделяемый исследователями для древнерусского послания [См: 1: 159], может быть соотнесена с двумя обязательными формулами византийской эпистографии – *psephos*-формулой, которая представляла собой похвалу или критику письма, и формулой высказывания по поводу получения письма, имевшей широкую семантику (благодарность, радость, подтверждение получения письма и пр.)[9: 69-70]. В первых двух посланиях Андрея Курбского к Вассиану Муромцеву высказывания касаются не столько самого письма, сколько тех книг, которые были автором получены вместе с посланиями. Это автобиографически значимая информация, которая свидетельствует о внимательном и незамедлительном критическом прочтении князем предлагаемых старцем Вассианом сочинений, а также о резко отрицательном к ним отношении. В третьем послании приводимая цитата может быть истолкована и как общая характеристика отношения монахов к князю, и как высказывание по поводу содержания письма.

Интересно, что в первом и втором посланиях анализируемые формулы располагаются в начале текста, тем самым определяя и предмет дальнейшего рассуждения автора. В третьем послании формула высказывания по поводу полученного ранее письма по сути завершает семантему и включает в себя критическую характеристику адресата.

Сообщения о полученных ранее письмах и обстоятельствах, предшествовавших получению послания или написанию собственного

А се лжеплетение и прежде аз видах, полским языком написана (Первое послание Вассиану Муромцеву).

И аз, не тѣм противяся чудным мужем, первое посланейцо послал к тебѣ — прочти его со вниманием — но противлюся лжесловесником, преобразующимся во истовыя учителя, и пишет повесть против еуагельским словесем, и имена своя скрывше, да не обличенны будут, и подписуют их на святых имена, да удобно их писание примется простыми и ненаученными (Второе послание Вассиану Муромцеву).

Посылал есми к игумену и к вам человѣка своего бити челом о потребных животу, и для недостойнства моего от вас презренных. А вины своей явныя пред вами нѣвем: имал был есми деньги у вас, и яз и заплатил, а нынѣ не хотѣл же должен есмибыти вашему преподаству (Третье послание Вассиану Муромцеву).

Многажды в бѣдах своих ко архиереом и ко святителем, и к вашего чина преподающим со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и, валяясь пред ногами их, землю слезами омаках, – и ни малья помощи, ни утешения бедам своим от них получих (Третье послание Вассиану Муромцеву).

Да послал есми к тебѣ второе посланиецо против вашегопятого Еуаггелия. А аз, хваля на вашей почести, поклоняюся. Аще от преподающих и похвальных сицеваяполучихом, от прочих же чего чаяти? (Третье послание Вассиану Муромцеву).

Данный мотив (формула) специально не выделен в работах В.А.Сметанина, но он является характерным для сочинений Андрея Курбского. По сути, эта формула может быть соотнесена с *kentron*-формулой, которая включала в себя определение стимула составления письма. Поскольку собственно стимулы написания послания могли быть весьма разнообразными, то к таковым можно отнести знакомство князя Курбского с Никодимовым евангелием и «лжеплетением» польских протестантов (Первое послание Вассиану Муромцеву). Во втором послании автор вновь возвращается к мотивировке написания первого письма: «*И аз, не тѣмпротивяся чудным мужем, первое посланиецо послал к тебѣ — прочти его со вниманием — но противлюся лжесловесником, преобразующимся во истовыя учителя*» (Второе послание Вассиану Муромцеву), что по существу мотивирует и

составление данного текста. Чтение Никодимова евангелия и протестантских сочинений, отношение автора к их содержанию и прокламируемое желание противостоять еретическим воззрениям, несомненно, отражают конкретные автобиографические реалии.

Наиболее развернуто об обстоятельствах, предшествовавших написанию письма, говорится в третьем послании Андрея Курбского Вассиану Муромцеву. Здесь не только связь со вторым посланием, которая имеется в конце текста, но и подробное изложение содержания денежных споров между корреспондентов («*и для недостойнства моего от вас презренных*»), в которых автор чувствует себя несправедливо обиженным («*А вины своей явныя пред вами нѣвем*»). Но не только это обстоятельство заставляет его взяться за перо: Курбский рисует картину своих страданий, униженных просьб о помощи, обращенных «*ко архиереом и ко святителем*», в которых ему было отказано. Хотя данное описание лишено конкретных деталей, указаний на события или имена, оно, несомненно, обладает определенной достоверностью и может быть интерпретировано как автобиографическое.

Таким образом, эпистолярные формулы являются одним из способов реализации в содержании посланий Андрея Курбского Вассиану Муромцеву автобиографического начала, поскольку в них содержится автобиографически значимая информация не только о собственно факте письменного общения корреспондентов, но и о тех книгах, которые были переданы князю для прочтения, об опытах изучения автором подобных писаний, о предшествующей переписке и ее содержании, о взаимоотношениях Курбского и псковско-печерских монахов.

Библиографический список

1. Антонова М.В., Никищенкова Г.В. Формуляр древнерусского послания: Феодосий Печерский, его современники и последователи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №3(1). С.154-161.
2. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л.,1984.
3. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. Мюнхен, 1991.
4. Демин А.С. Вопросы изучения русских письмовников XV-XVII вв.: (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. Т.20. М.,Л.,1964. С.90-99.
5. Демин А.С. О литературном значении древнерусских письмовников // Русская литература. 1964. № 4. С. 165-170.
6. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.
7. Послания Андрея Курбского// Библиотека литератур Древней Руси. / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. Электронный ресурс: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8867>. В тексте цитируется по данному изданию с указанием названия произведения в круглых скобках.
8. Сарин Е.И. Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI-XIII веков (жития, поучения, послания). Диссертация на соиск. уч.степ. кандидата филологических наук. Брянск, 2014.
9. Сметанин В. А. Эпистолология поздней Византии, прозевсис. (Конкретно-историческая часть) // Античность и Средние века. Вып.15. Свердловск,1978. С.60-82.

References

1. Antonova M. V., Nikishenkova G. V. The ancient Form of the message: Theodosius of the caves, his contemporaries and followers // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2010. № 3(1). Pp. 154-161.
2. Bulanin M. D. Transfers and letters of Maxim the Greek. L.,1984.
3. Bulanin D. M. Ancient tradition in the old Russian literature of XI-XVI centuries. Munchen, 1991.
4. Demin A. S. The study of Russian manuals of letter-writing in XV-XVII centuries (history of the interaction of literature and documentary literature) // TODL. V. 20. Moscow,Leningrad,1964. Pp. 90-99.
5. Demin A. S. About the literary value of ancient manuals of letter-writing // Russian literature. 1964. №4. Pp. 165-170.

6. *Kalugin V. V.* Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. (Theoretical views and ancient literary technique of the writer). М., 1998.

7. The messages of Andrey Kurbsky // Library of the literature of Ancient Russia. / RAS. IRLI; edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrlo. SPb.: Nauka, 2001. Vol. 11: the XVI century. Electronic resource: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8867>. In the text quoted from this edition, with name of the work in parentheses.

8. *Sarin E. I.* Autobiographical discourse in the literature of Ancient Russia XI-XIII centuries (the life, teachings, message). Candidate dissertation Philological Sciences. Bryansk, 2014.

9. *Smetanin V. A.* Epistemology of late Byzantium, prolefsis. (The specific historical part) // Antiquity and the Middle ages. Vol.15. Sverdlovsk, 1978. Pp. 60-82.

Т.В. БАХВАЛОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра
русского языка, Орловский государственный универ-
ситет

E-mail: btv-orel@yandex.ru

T.V. BAKHVALOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian
language, Orel State University

E-mail: btv-orel@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЗИМНЕГО ЦИКЛА КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

THE PRESENTATION OF THE WINTER CYCLE OF THE CALENDAR CEREMONIES IN THE OREL DIALECTS

Статья посвящена изучению лексики орловских говоров. В ней рассматриваются наименования календарных обрядов зимнего цикла. Представлен состав данной лексико-фразеосемантической группы, охарактеризована её структура, выявлен изоморфизм семантических объединений календарной и семейной обрядности.

Ключевые слова: орловские говоры, лексика, календарные обряды, номинация, семантика.

The article is devoted to the study of the vocabulary of the Orel dialects. The names of the calendar ceremonies of winter cycle are studied here. The structure of this lexical, phraseological and semantic class is presented, isomorphism of the semantic unions of calendar and family ritualism is discovered.

Keywords: Orel dialects, vocabulary, calendar ceremonies, nomination, semantics.

Общепризнано, что словарный состав языка связан «с историей народа, его воззрений, моральных оценок, социального уклада, быта и культурных достижений» [7, с. 46].

Это в полной мере относится и к фразеологии. Об этом свидетельствует и то, что, как отмечает Н.И. Толстой, «первый и относительно ранний интерес к фразеологии у славян, был вызван как раз стремлением увидеть во фразеологизмах отпечатки или осколки старого быта, обрядов и верований, воссоздать породивший их контекст и ситуацию» [9, с. 373]. Свидетельством высокого потенциала фразеологических единиц с точки зрения содержания в них этнокультурной информации являются многочисленные работы Е.В. Брысиной, посвященные диалектной фраземике донского казачества [2, с. 293].

Репрезентантами той или иной понятийной зоны обычно являются и лексические, и фразеологические единицы. Такое объединение номинативных единиц представляет собой лексико-фразеосемантическую группу [1, с. 5]. Поэтому при исследовании объединений единиц, номинирующих определённый фрагмент реальной действительности, и для получения наиболее полной и достоверной как лингвистической, так и этнокультурной информации целесообразно принимать во внимание различные средства её представления. Высокой степенью культурной маркированности, особой этнокультурной значимостью обладают диалектные обрядовые фразеологизмы [2, с. 17] и лексические единицы.

В орловских говорах богато представлена лексика, относящаяся как к семейной обрядности, так и календарной [5, 6].

Каждый значимый в народном календаре период отмечен целым комплексом обрядовых действий. В качестве номинантов обрядовых действий, их исполнителей, ритуальных предметов, локусов выступают и лексические, и фразеологические единицы. Чем сложнее обряд, тем богаче состав «обслуживающих» его номинаций, тем сложнее их системная организация.

Лексика календарных обрядов годового цикла отчетливо делится на группы, среди которых выделяется объединение наименований обрядов зимнего цикла.

Именно на это время года приходится наибольшее число празднеств, что объясняется многими факторами: значимостью события – Рождество Христово, окончанием поста и возможностью весёлого времяпрепровождения, снятием ограничений в ассортименте кушаний, увеличением светлого времени суток после зимнего солнцестояния и наступлением нового года а в связи с этим надежды на будущий урожай, начало заботы о нём.

Центральным, самым значимым праздником является Рождество, название которого в орловских говорах известно в нескольких вариантах: *Рождество, Рожство, Рожтво – Самый большой праздник – Раитво* [8, вып. 12, с. 186].

Накануне Рождества колядовали, или *колядили*, как говорили на Орловщине, – *Нь калятки прихадилы збочные, ни абизатильнь с аднаво двара, и з другова, и с третьива, кьядили, тьнцывали* [8, вып. 5, с. 70]. Сам обряд назывался *колядки*, а тех, кто колядовал, называли *коляды*. Они обходили дом за домом, исполняя обрядовые песни и получая за это подарки, обычно угощенье. В орловских говорах песня, которую пели в Рождественский Сочельник и под Новый год, называется *таусень – Таусинь – песня, ййё испалняли пад Новый*

гот. *Мъладѣи хадиль пѣ диревни, пад окнѣми пели эту песню* [8, вып. 15, с. 36].

Намного чаще это слово употребляется в самих обрядовых песнях как обращение к некоему персонафицированному существу с просьбой об угощении, подарке – *Ва время раждественских калядѣк кликъли таусинь – пели специальную песню, после каторгъй хазяивъ домъ далжны были вынести хлѣп, салъ или другии угашенья. Как слышыши, таусинь кличуть, гатовъ липѣшку или кусок сала. Мы спаѣм, пакличим таусинь и нам многъ подаркѣв давали. Таусинь, таусинь! Дай блин, дай кишку, свиную ношку, всем пѣнимношку* [8, вып. 15, с. 36]. Таусень, как и Коляду, кликали, звали, зазывали. Таусень, как и Коляда, – это святочный персонаж, персонафикация праздника.

Интересно происхождение слова *таусень*. Есть мнение, что оно восходит к слову *авсень* «1-е марта, первый день весны», из *овеснь*: *весна*. Вспомним, что некогда Новый год приходился на март – пору весеннего пробуждения природы. В пользу высказанного мнения говорит и сравнение значений, развития семантической структуры слов *таусень* и *коляда*. *Авсень, Овсень, Таусень, Таусень* – «в восточнославянской мифологии ритуальный персонаж, связанный с Новым годом, с переломным моментом, границей между годом прошлым и годом наступающим» [10, с.7]. Слово *коляда*, входящее в состав литературного языка, имеет значения, близкие *таусень*, зафиксированному в орловских говорах.: «в славянской мифологии – персонаж, олицетворяющий начало земледельческого года, будущего плодородия и изобилия», «старинная обрядовая песня (рождественская, новогодняя, святочная)».

Необходимо заметить, что слово *таусень* в разном акцентологическом оформлении довольно широко распространено в говорах. Правда, его ареал (как и производных от него слов *таусенить, таусенный, таусенички, таусены*) ограничен преимущественно восточными говорами – рязанскими, симбирскими, саратовскими, пензенскими, владимирскими. В словаре В.И. Даля – оно имеет пометы *сев. вост.* [4, т. 4, с. 393].

В рождественское утро подростки (в некоторых районах Орловщины только мальчики) ходили по дворам со звездой, житом и старинными обрядовыми песнями, поздравляли с Рождеством, получая за это подарки, – *христославили*. – *На Раиство утром христославят*.

Продолжением празднования Рождества Христова были Святки. В Святки, длившиеся от Рождества до Крещения, гадали, устраивали игрища, катания на санях, нередко по домам ходили ряженые. Желая узнать свое будущее, судьбу, во время святочных гаданий вызывали духа. Такое мифологическое существо, появляющееся на Святках во время гаданий, называли *святочник* – *Нъ гаданиях святѣчника вызывали. Гъварят, что святѣчник касматый такой, вѣласатый* [8, вып. 13, с. 87]. Строгие церковные правила запрещали как веселиться во время поста, так и работать в период больших празднеств. К тому, кто нарушает это запрет и работает в святочные дни, занимается вязанием, прядением, является

святочница – мифологический персонаж в образе женщины – *Нъ Святкѣх прясъ нильзя: если ентѣт запрет нарушыши, придѣтъ святѣчици и накажытъ* [8, вып. 13, с. 88].

В эти дни, когда сняты все ограничения в пище и веселье, не было границ фантазии. Переодевались в шутовскую, необычную одежду, надевали на себя маску. Вот как об этом рассказывают носители орловских говоров: *У Святки нѣрижалси хто чем. Што тварильси. Усе или рынду вадить. Рында маску наделиши бегаить. На Святки рындѣй нѣрижались, казлом то истъ* [8, вып. 12, с. 224]. Интересно, что ни слово *рында* как обозначение участника святочных игр, ни выражение *рынду вадить* в Словаре русских народных говоров не зафиксировано. По своему статусу в языке слово *рында* является историзмом, известно в значении «оруженосец или телохранитель из придворной охраны московских князей и царей XIV-XVII вв.» Сохранившееся в говорах наименование обрядового персонажа образовано на основе метафорического переноса: в основе переноса общая сема «тот, кто отличается, выделяется необычной одеждой».

На Святки приходилось окончание старого и наступление Нового года (по старому стилю). Последний вечер уходящего года на Орловщине называют *Васильев вечер, или щѣдрый вѣчер*. Как и в рождественский Сочельник, в предновогодний вечер ходили по домам с песнями и поздравлениями – *щѣдроваѣли*. В.И. Даль так формулирует значение этого слова: «ходить на Васильев вечер (канун Нового года) ватагами по домам, с песнями, подарками, желая всякого добра, и собирая за это подачку, более съестным» и сопровождает его пометами юж. зап. пск. [4, т. 4, с. 652]). Материалы диалектных словарей свидетельствуют о распространѣнности наименований *щѣдроваѣтъ, щѣдрый вечер, а также ходить в щѣдры, щѣдровник* в южных говорах.

В канун Нового года, ко дню рождения святого Василия Кесарийского, покровителя свиней, свежую и варят или жарят годовалого поросѣнка. Такое праздничное угощение получило название *косарѣцкии поросѣнок* – *Късарѣцкии пѣрасѣнѣк – режутъ пад Новый год и цѣликом ворють* [8, вып. 5, с. 23]. Данное устойчивое словосочетание, как, видимо, и само кушанье, известно носителям орловских, курских, тульских, воронежских говоров.

В первое январское утро было принято ходить по домам родных, знакомых, односельчан и поздравлять их с наступившим Новым годом, щедро разбрасывая при этом зерно – залог будущего урожая, достатка, благополучия. Символично, что этот обряд, называемый *посѣвание*, проводился в первый день Нового года, тем самым добрые пожелания «проецировались» на весь предстоящий год.

Заканчиваются святки праздником, именуемым Крещение Господне, или Богоявление. Главными обрядовыми действиями в этот день являются освящение воды и купание в проруби, вырубленной в форме креста на водоѣме. Такая прорубь называлась *ирдань* –

Прърубали ирдань на Хришишэнья утръм на речке у льду. Брали на ирдани воду. А прарубали ие кристом, крест вырубали, а утръм, на Хришишэнья утром, выхадил поп и свитил ваду на этъи на ирдани. У ирдани купались у нас грешники. Хто шиытал себе грешникъм, утръм ранъ на Хришишэнья дъ свишишэнья папа прихадил и искупывъ-лсы, купалсы, из ирдани вадой абливалси голый [8, вып. 4, с. 153]. В разных селениях Орловщины отдельные моменты этого обряда имели свои особенности. Вот как, например, описывает его Т.И. Грибанова, носительница орловских говоров: «Наступает Крещенское утро. Дедушка, ещё вчера, пробравшись сквозь прибрежные лозняки, на Крому, вырубил во льду Иордань – двухметровый крест. ...В Крещенский Сочельник берёт бабушка воду из Иордани и кропит ею скот, хлев, дом и двор. А на само Крещение мы отправляемся умываться на реку. Набираем водицы у ключей на весь год» [3, с. 11-12].

Как видим, состав номинантов обрядовой лексики зимнего цикла в орловских говорах включает в себя

общенародные и диалектные названия праздников и праздничных периодов (*Рождество, Рожство, Рожтво* и др.), ритуальных действий (*колядить, щедровать, христославить, рынду вадить, посевание*), персоналий – реальных исполнителей действий (*коляды*) и мифологических существ (*рында, святочник, святочница, таусень*), обрядовых вербальных компонентов (*таусень*), обрядовых яств (*косарецкий поросёнок*), локусов (*ирдань*). По своей структуре данная лексико-фразеосемантическая группа изоморфна другим семантическим объединениям календарной и семейной общности.

Лексические и фразеологические единицы диалектного характера не только отражают самобытность материальной и духовной культуры носителей орловских говоров, но и поддерживают устойчивость народных традиций и обрядов. Лингвокультурный анализ святочно-новогоднего комплекса обрядов показывает глубокое переплетение в них языческих и христианских традиций.

Библиографический список

1. Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). Орел, 1993. 130 с.
2. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Монография. Волгоград, 2003. 293 с.
3. Грибанова Т.И. Лесковка. Деревенские рассказы. Орел, 2013.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1955.
5. Костромичева М.В. Лексика свадебного обряда: автореф. дис. ...канд филол. наук. Орел, 1997.
6. Костромичева М.В. Лексика народного календаря в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. Ч.1. СПб., 2007. С. 351-356.
7. Ларин Б.А. Из истории слов // История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М., 1977. С.46-56.
8. Словарь орловских говоров. Под ред. Бахваловой Т.В. Вып. 1-4. Ярославль, 1989-1991. Вып. 5-15. Орел, 1992-2008.
9. Толстой Н.И. Этнолингвистические аспекты славянской фразеологии // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 373-383.
10. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2003. 624 с.

References

1. Bachvalova T.V. Characteristic of the human intellectual powers by dint of lexical and phraseological language resource (based on the materials of the Orel dialects).
2. Brysina E.V. Ethnocultural idiomatics of the Don Kozatstvo. Monograph. Volgograd, 2003. 293 p.
3. Gribanova T.I. Leskovka. Country stories. Orel, 2013.
4. Dal' V.I. The Explanatory Dictionary of the vivid great Russian language. V. 1-4. Moscow, 1955.
5. Kostromichjova M.V. Vocabulary of the wedding rite: autoabstract of Candidate thesis in Philology. Orel, 1997.
6. Kostromichjova M.V. Vocabulary of the folk calendar in the Orel dialects // Lexical atlas of the Russian national dialects (Materials and reserches) 2007. Part 1. St. Petersburg, 2007. Pp. 351-356.
7. Larin B.A. From the history of words // The history of Russian language and the general linguistics. The selected works. Moscow, 1977. Pp. 46-56.
8. The dictionary of Orel dialects / Under the editorship of Bachvalova T.V. Edition 1-4. Yaroslavl, 1989-1991. Edition 5-15. Orel, 1992-2008.
9. Tolstoj N.I. Ethnolinguistic aspects of the Slavonic phraseology // Language and folk culture. Slavonic-mythology essays and ethnolinguistic essays. Moscow, 1995. Pp. 373-383.
10. Shaparova N.S. The short encyclopedia of the Slavonic mythology. Moscow, 2003. 624 p.

Т.В. БАХВАЛОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра
русского языка, Орловский государственный универ-
ситет
E-mail: btv-orel@yandex.ru

T.V. BAKHVALOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of Russian
language, Orel State University
E-mail: btv-orel@yandex.ru

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

ASPECTS OF THE RESEARCH AND LEXICOGRAPHICAL PRESENTATION OF THE ONIM SPACE OF THE REGION

Среди актуальных направлений в изучении регионального онимического пространства в статье подробно анализируется антропонимия Орловского края в диахронном аспекте. Базой для описания послужили памятники письменности, тексты произведений писателей-орловцев, материалы различных словарей, живые народные говоры.

Ключевые слова: региональная ономастика, формирование антропонимии, живые говоры.

Among the modern directions in the study of the regional onim space the anthroponymy of the Orel region is analysed in the article in the diachronic aspect. The ancient manuscripts, the texts of the works of the orel writers, the materials of different dictionaries, the alive folk dialects are the base for the description.

Keywords: regional onomastics, formation of anthroponymy, alive dialects.

Становление ономастики как науки в русском языкознании во второй половине XX века сопровождалось формированием разных направлений исследования имен собственных, что обусловлено прежде всего особенностями этих многочисленных и разнообразных по своему составу единиц языка.

Ярким отличием имен собственных от апеллятивов является их большая зависимость от экстралингвистических факторов. Эта особенность проявляется и в возникновении, и в развитии, и в функционировании. Неслучайно долгое время имена собственные были предметом пристального внимания историков, географов. Для лингвистов важным оказалось изучение онимов не только как единиц языка, выполняющих номинативную функцию, но и исследование национально-культурной специфики проприальных имен и выявление той информации о русском человеке, его жизненных позициях и мировидении, транслятором которой являются имена собственные.

Один из первых исследователей антропонимов русского языка М.Я. Морошкин ещё в XIX веке отмечал их уникальную способность свидетельствовать о менталитете народа: «Личные имена имеют важность и значение не только как языковой материал, но и как памятник воззрений, понятий и представлений народных, в них нередко отражается характер и дух народный лучше всех других исторических памятников» [5, с. 6].

Способность имен собственных чутко и быстро реагировать на изменения, происходящие в обществе, динамично отражать его состояние наиболее полно обнаруживается при изучении региональных онимиче-

ских систем. Неслучайно поэтому в последнее время, когда возрос интерес к изучению народной культуры, в русском языкознании получила развитие региональная ономастика, ориентированная на разноаспектное и комплексное описание онимического пространства конкретной территории.

В рамках исторической и синхронной региональной ономастики выделяются следующие приоритетные направления научных исследований:

- онимическое пространство региона: особенности ономастиконов его составляющих (антропонимикона, топонимикона и др.), их взаимосвязь;
- одна из подсистем онимического пространства региона: состав, особенности функционирования в разные временные срезы, тенденции развития;
- имена собственные как источник информации о языке жителей определённого региона, их мировидении и познаваемой ими окружающей действительности;
- онимическое пространство региона в социальном аспекте;
- имена собственные в текстах разных жанров, составляющих региональное источниковедение (памятники письменности, тексты художественных произведений и др.);
- региональная ономастическая лексикография.

В каком бы из аспектов и на каком бы региональном ономастическом материале не проводилось исследование в конечном итоге при описании систем региональных проприальных имен решается основная задача ономастики – установление состава, развития, функционирования общерусской онимической системы.

Определённую лепту в изучение общерусской системы имен собственных внесли исследования, посвященные онимическому пространству Орловского края, находящегося в центре европейской части России.

Орловщина – место древнего поселения вятичей, пришедших сюда в VIII–IX вв. Здесь, в верховьях Оки, «было положено начало позднейшей области вятичей», давших «миру две столицы – Рязань и Москву, обе – вятичские». По прошествии времен «...центр... так и остался, как был, на старом месте, на Русской равнине, в вятичско-рязанской земле» [13, с. 193, 190, 220].

Внимание к языку этого региона России обусловлено и той большой ролью, которую южные говоры, в том числе и орловские, сыграли в становлении русского национального языка. Значительность южновеликорусского вклада в общенародный язык хорошо показал С.И. Котков – известный исследователь орловских говоров, основоположник лингвистического источниковедения как нового направления в отечественном языкознании. Он писал: «Понимаемый как процесс концентрации говоров процесс образования национального языка протекал главным образом в широкой сфере взаимодействия севернорусских и южнорусских начал, причем второе функционировало в условиях более интенсивного, нежели в северновеликорусской области, развития национальных связей» [9, с. 128].

Формирование нового направления – лингвистического источниковедения – благоприятно сказалось на развитии русской исторической ономастики. Издание памятников южновеликорусской письменности обеспечило материальную базу для исследования анторопонимов, топонимов, дало импульс для их разноаспектного изучения, способствовало выявлению региональных черт в общерусской онимической системе, воссозданию процесса образования русского национального языка.

Наиболее изученной по памятникам письменности оказалась зона анторопонимии. И не случайно: есть мнение, что именно анторопонимия составляет ядро всего онимического пространства. Описывая словарный состав памятников старой письменности южновеликорусского происхождения, С.И. Котков установил, что вплоть до XVIII века некалендарные имена «представляли заметную группу и воспринимались, наряду с христианскими именами, как вполне полноправные в юридическом отношении» [8, с. 249]. Репертуар их был достаточно обширен. Однако следует отметить, что в период перехода от системы некалендарных имен к системе календарных в функции личных, как показывают памятники письменности, сохраняются лишь те некалендарные имена, которые обладают наиболее яркими признаками личных имен: позволяют выделить человека прежде всего в кругу своей семьи, не имеют омонимичных апеллятивов, образуют модификаты с суффиксами субъективной оценки и др.

Некалендарные имена отличались разнообразием в семантическом и словообразовательном отношении. Они представляли собой наименования людей, характеризующих их с той или иной точки зрения:

- по порядку рождения в семье: *Первушка, Третьяк, Шестачко*;
- внешнему виду: *Белый, Смага*;
- особенностям поведения: *Ломака, Мешай, Прокуда*;
- отношению родителей: *Ждан, Нечай*;
- времени появления: *Несветай, Поздняк*;
- чертам характера: *Жаден, Злоба* и др.

Намного шире характеризующие анторопонимы употреблялись в функции вторых имен, выполнявших и характеризующую, и различительную функцию, а также в функции прозвищных именовании. Среди них были распространены как необразные, так и образные онимы, ср., например, *Федор Горбун, Тимофей Пузан, Ивашка Недоросток, Тимошка Белой, Сидор Носатой, Наум Щербатый* и *Иванко Ворона, Герасим Петух, Гаврилко Огурчонок, Ивашка Кисель, Ивашка Муха, Васка Мороз, Григорей Кокоря, Иван Широкие Штаны* и др.

Нередко подобные именовании функционировали и в качестве фамильных, т.е. передаваемых по наследству.

Восстановление корпуса некалендарных имен, употреблявшихся в прошлом, позволяет «увидеть» этимологические и территориальные истоки современных фамилий, так как значительная часть их по своему происхождению восходит к некалендарным именам.

Комплексное описание анторопонимии Орловского края XVI–XVIII вв., выполненное В.Е. Татаркиным на материале многочисленных памятников письменности, показало, что в начале XVIII века господствующее положение занимали календарные личные имена [11]. Репертуар таких имен был достаточно обширен (216 имен). Анторопонимы различались по степени популярности. Высокой активностью обладали такие анторопонимы, как *Иоанн (Иван), Василий, Федор (Федор), Григорий, Симеон (Семен)*. Они принадлежат 45% лиц от общего количества именователей. Группа имен со средней активностью представлена следующими именами: *Даниил (Данил), Игнатий, Алексей (Алексей), Димитрий (Дмитрий), Борис, Герасим, Евсевий (Евсей), Кондратий* и др. Ряд личных имен обладали низкой активностью, некоторые имели единичное употребление: *Карп, Евдоким, Георгий, Николай, Долмат, Христофор* и др. Большинство имен представлено целым рядом модификатов, о чем свидетельствуют как личные имена, так и образованные от них производные: *Иван, Иванко, Ивашка, Иванов, Иваников, Иванилов, Иванин, Иванинов, Иванчиков, Иващенко, Ивашкин, Ивашов*. Их полный перечень представлен в словаре В.Е. Татаркина «Анторопонимы Орловского края XVI–XVIII вв.» [12].

Сформировавшиеся закономерности употребления календарных имен сохранились до настоящего времени: в составе именника жителей любой территории, города, села всегда выделяются имена популярные, активные и имена редкие, единичные.

Исследование Орловских отказных книг – памятников письменности XVIII века [10] показало яркую социальную обусловленность количественно-компонентного состава именовании [2]. Социальный статус носителя

имени оказывал влияние на компонентный состав именования, функциональную нагрузку отдельных компонентов и их структурно-морфемное оформление.

Именования воевод – представителей высшего общества трехкомпонентны, второй компонент в них по своему оформлению идентичен современным отчествам: *Лоривон Данилович Комынин, Борис Совастьянович Колтовский, Лев Ондреевич Микулин, Иван Иванович Косогов*.

Иными по структурно-морфологическому оформлению являются именования лиц, непосредственно участвующих в отказе, людей состоятельных, а также «детей боярских»: *Осип Мортынов сын Алехин, Мосей Григорьев сын Богатищев, Петр Иванов сын Росляков*. Второй компонент в этих именованиях по функции совпадает с отчеством: указывает на имя отца именуемого, что подчеркивается словом *сын*. Если указание на имя отца именуемого могло иногда отсутствовать, то компонент, функционально тождественный современной фамилии, обязателен в составе именований, независимо от того, двух- или трехкомпонентным оно является: *Василь Архипав сын Маслов, ср. Василь Маслов, Дружина Семенов сын Харечков, ср. Дружина Харечков*.

Имя писца обычно двухкомпонентно, при этом первый компонент, личное имя, в своей морфемной структуре содержит суффикс *-к-*, имеющий уничижительное значение: *Фетка Трунов, Кондратка Левонав, ср. также пушкар Марка Коробав*.

Социальный характер антропонимов обнаруживается и при анализе именований церковнослужителей. Компонентный состав и оформление личного имени находятся в прямой зависимости от церковного чина и сана, ср. церковный дьячок *Микишка Дружинин*, церковный дьячок *Михалко Левонтеяв* и поп *Никифор*.

Социальное и имущественное расслоение общества отражалось в системе именований и более поздних временных срезов. Богатый материал для исследования в этом направлении дают тексты художественных произведений писателей, чье творчество самым непосредственным образом связано с Орловским краем. В «Записках охотника» – цикле рассказов, принадлежащих перу известного писателя И.С. Тургенева, родившегося, выросшего на Орловщине и прекрасно, до мелочей знавшего жизнь разных слоев общества, отражены основные особенности антропонимической системы середины XIX века.

Яркой чертой антропонимии этого периода является её социальный характер.

Социальное различие проявляется прежде всего в самом составе личных имен, как мужских, так и женских: имена крестьян – *Ермолай, Митрофан, Иван, Софрон, Михайла, Мартын, Кузьма, Мишка* и др.; имена помещиков – *Николай, Степан, Сергей, Афанасий, Вячеслав, Мардарий, Василий* и др.; имена крестьянок – *Арина, Аксинья, Аграфена, Акулина, Матрена, Лукерья*; имена помещиц – *Александра, Алена, Елена, Марья* и др. Лишь в святцах перечень имен был общим, в действительности же состав личных имен, а впоследствии и фамилий был не одинаков.

Представление о социальной закреплённости имени было широко распространено в разных слоях общества. Помещики могли изменить имена своим крепостным крестьянам, повышая их социальный статус, например, переводя в лакеи. Так, в рассказе «Льгов» читаем:

- Сперва точно был поваром, а то в кофешенки попал.
- Во что?
- В кофешенки.
- Что это за должность такая?
- А я не знаю, батюшка. При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила.
- Твое настоящее имя Кузьма?
- Кузьма.

Детские имена во многом повторяют имена взрослых. Именник детей также социально окрашен. Распространено и здесь, среди детей, имя *Иван*. Обычно оно употребляется с суффиксом субъективной оценки.

В рассказе «Бежин луг» мальчик Ильяша рассказывает о своих приключениях: «*Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Федором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Карасных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым,... пришлось нам в рольне заночевать*».

Иван, Ивашка – очень распространенное имя на Руси. Оно устойчиво в течение столетий входило в число самых востребованных. Когда в одном и том же населенном пункте или близко расположенных селениях было несколько лиц с одинаковым именем, то средством разграничения их нередко служил тот или иной модификат имени: *Иван, Ваня, Ивашка, Ванятка, Ванятка, Ванюшка* и др. Способом идентификации мог служить и второй, добавочный, компонент в структуре именования человека, что мы и наблюдаем в приведенном отрывке. Вторым компонентом издавна на Руси было указание на какую-либо примечательную особенность внешности именуемого (*Ивашка Косой*), указание на место жительства именуемого (*Ивашка, что с Красных Холмов*). Важно заметить, что модификаты личных имен, оканчивающиеся на *-ка*, чаще всего не передавали отношение говорящего к именуемому, а были лишь традиционным средством «показа» социального положения человека: принадлежность к лицам, занимавшим низшие ступени в сословно-иерархическом делении общества. Нередко определенный модификат личного имени закреплялся за человеком на всю жизнь. Так, в рассказе «Два помещика» Мардарию Апполонуичу прислуживают *Мишка* и *Юшка* «*высокий худоцавый старик лет восьмидесяти*».

Иное назначение имели личные имена с суффиксом *-ушк-*. На Руси издавна среди простого народа так называли людей, вызывающих симпатию, жалость, сострадание. В рассказе «Малиновая вода» встречаем Степушку, который «*...не получая решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании. У этого человека даже прошедшего не было; о нем не говорили; он и по ревизию едва*

ли числился. ...кто он, откуда он, чей сын, как попал в число шумихинских подданных...где живет, чем живет – об этом решительно никто не имел ни малейшего понятия». Доброжелательное отношение к именуемому чувствуется и в обращении – *А, Касьянушка! здорово*, употребленного по отношению к человеку, о котором сказано «Чудной человек: как есть юридивец, такого чудного человека и нескоро найдешь другого» («Касьян с Красивой Мечи»).

Известно, что в течение многих столетий наряду с канонизированными государством и церковью календарными именами употреблялись исконно русские некалендарные. Приняв на себя всю тяжесть социально-различительной функции, календарное имя не могло дать образную меткую характеристику именуемому. Сохранение психологической потребности в характеристике человека посредством личного имени привело к появлению в составе именовании вторых имен-характеристик, трансформировавшихся затем в прозвища, сохранивших богатство лексического состава и выразительность некалендарных имен. И.С. Тургенев в рассказе «Певцы» замечает: «Русский народ на прозвища мастер». Многочисленность прозвищных именовании в рассказах И.С. Тургенева свидетельствует об употребительности их в середине XIX века.

Степень «спаянности» дополнительного прозвищного имени с личным именем различна. Так, в рассказе, озаглавленном прозвищем главного героя, встречаем «*Меня зовут Фомой, а по прозвищу Бирюк*» («Бирюк»). Во всех окрестных селениях знали Бирюка, именно так, по прозвищу, именовали лесника. Даже сам автор, всегда очень уважительный, интеллигентный к своим героям-собеседникам не смущается в обращении к именуемому употреблять прозвище: *А, ты Бирюк. ... Так ты Бирюк, ... я, брат, слышал про тебя*.

Иногда прозвище на Руси заменяло личное имя и было единственным именем человека независимо от возраста, как, например, в рассказе «Льгов» один из героев именуется только по прозвищу Сучок – «*А здесь живет человек, прозвище ему Сучок*». «*Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок казался с виду отставным дворовым лет шестидесяти*» («Льгов»).

Показательны в этом отношении прозвища в рассказе «Певцы»:

Обалдуй – «Настоящее имя этого человека Евграф Иванов; но никто во всём околотке не звал его иначе как Обалдуем: так хорошо оно к нему пристало»;

Моргач – «...к нему тоже шло название Моргача, хотя он глазами не моргал более других людей...»;

Яков Турок – «Яков, прозванный Турком, потому что действительно происходил от пленной турчанки».

Прозвища на Руси нередко передавались по наследству. Детей именовали по прозвищу отца. Отражение этого явления находим в рассказах И.С. Тургенева:

– *Все дети Хоря!* – заметил Полутыкин. *Все Хорьки* («Хорь и Калиныч»);

– *Моргач, бывший кучер старой барыни, сын у него Моргачонок* («Певцы»).

Прозвище рядом с личным именем – очень распространенный способ именовании человека, когда говорят о нём как о третьем лице;

– *Матрёна? какая Матрёна?*

– *Матрёна Фёдорова Куликова дочь*.

– *Фёдора Кулика дочь...* («Пётр Петрович Каратаев»)

Эта особенность функционирования прозвищ, сохранившаяся и в живых говорах Орловщины, объясняется особенностью данного вида антропонимов: прозвище – неофициальное имя, его употребляют в отсутствие именуемого, чаще всего оно содержит отрицательную характеристику.

Формула именовании при обращении к именуемому зависит от многих факторов. Так, в рассказе «Бурмистр» помещик обращается к своему подчиненному по имени:

– *Ну что, брат Софрон, каково у тебя дела идут?...*

– *Ну, хорошо, хорошо, Софрон, знаю, ты мне усердный слуга...*

Крестьяне же называют своего закабалителя только по имени-отчеству:

– *Софрон Яковлич за меня недоимку взнёс, батюшка... вот пятый годочек пошел, как взнёс, а как взнёс – в кабалу меня и забрал...*

У крестьян в середине XIX века отчество еще не сформировалось в том виде, каким оно является сейчас, что нашло отражение в рассказах И.С. Тургенева. Не случайно главного конторщика в рассказе «Контора» именуют то *Николай Еремич*, передавая тем самым подострастие, угодливость или просто вежливость при обращении к должностному лицу, то *Николай Еремеев*. Причем последнее именование, по всей видимости, было наиболее привычным: именно оно встречается в речи автора и употребляется при обращении, если подчеркивается невысокий уровень его социального положения, ср.:

– *Да что, Николай Еремич, ... вы теперь у нас главным конторщиком...*

– *Слушай, Николай Еремеев, ...последний раз тебя прошу...*

Формой на *-ич*, употребленной вместе с личным именем, передавали почтение к должностному лицу или лицу, стоящему на более высокой ступени социально-иерархической лестницы. Известно, что отчества на *-ович*, *-евич* сохраняли высокий социальный статус вплоть до XX века.

Самостоятельно употребленная форма на *-ич* заменяла личное имя и обычно свидетельствовала о почтительном, уважительном отношении к человеку, о почтенном возрасте именуемого: «*Дедушка Трофимыч... знал родословную всех дворовых в восходящей линии до четвертого колена...*» («Малиновая вода»).

Глубокое знание жизни разных слоев общества, знакомство с детства с обычаями, бытом местных крестьян позволило И.С. Тургеневу создать до мелочей правдивые рассказы о жизни орловской деревни середины XIX века. Антропонимия рассказов отражает то состояние, которое было свойственно не только региональной, но и всей общерусской системе антропонимов того времени.

Определяющим фактором в характере именовании был социальный статус именуемого. Социальное положение человека оказывало влияние на выбор личного имени, наличие и форму отчества, наличие фамилии.

Трехкомпонентные именовании (имя, отчество, фамилия), как свидетельствует текст «Записок охотника», были типичны среди помещиков и однодворцев – потомков служилых людей, владевших небольшим земельным участком: *Вячеслав Илларионович Хвалынский, Петр Петрович Каратаев, Елена Николаевна Лоснякова, Лука Петрович Овсянников, Татьяна Ильинична Овсянникова*, и др.

Сформировавшаяся ещё в конце XVI–XVII вв. у представителей крупной знати, дворянства, помещиков такая форма именовании удачно совместила в себе ряд функций: не только выделяла человека среди членов любого по численности коллектива, указывала на родственные отношения, но и обозначала социальный статус именуемого. Это придавало устойчивость данной формуле именовании, делало её неким образцом. «Обозначая себя русским именем, человек стремится выразить пределы своего существования, дать свой идеальный, всесторонний образ, в котором общее органично связано личным: И – индивид, О – семья, Ф – род» [4, с. 215].

Среди крестьян оптимальный тип именовании был достигнут гораздо позже. Даже в XIX веке не было ещё единообразия в оформлении патронимического компонента именовании (использовались суффиксы *-ович, -евич* и *-ов, -ев*), далеко не всегда имелось фамильное прозвание. Активно употреблялись прозвища – отголоски некогда распространенных и дольше всего сохранившихся в крестьянской среде некалендарных имен. И в конце XIX века в орловской деревне можно ещё было встретить сохранившиеся некалендарные имена *Нероба, Озяба*, о чем свидетельствуют тексты произведений И. Вольнова – писателя, выросшего на орловской земле и документально точно описавшего жизнь своих земляков [3].

Как среди ушедших в прошлое некалендарных имен среди сменивших их имен календарных выделялись антропонимы очень употребительные и редкие, единичной фиксации. Традиция называть новорожденных активно употребляющимися, «модными» именами, берущая начало в Древне Руси и сохранившаяся до настоящего времени, обнаруживается на разных этапах развития антропонимической системы. Показателен в этом отношении состав личных имен конца XIX века. В 1894 году именовании новорожденных города Орла включал в себя 44 мужских имени и 44 женских имени. Самыми популярными мужскими именами являлись *Николай, Иван, Александр, Петр, Михаил, Василий, Алексей*, редкими – *Валерий, Викторий, Всеволод, Вячеслав, Герасим, Гурий, Евстафий, Косма, Леонтий, Макарий, Никита, Роман, Спиридон, Яков*. К числу распространенных женских имен относились *Мария, Анна, Александра, Наталия, Евдокия, Екатерина, Елизавета (Елисавета), Татьяна*, по одному разу были употреблены имена *Агания, Васса,*

Зоя, Инна, Минора, Милица, Олимпиада, Улита, Ульяна, Фаина, Хиония Наличие пятерки самых употребительных личных имен, на долю которых приходится около 50 % имен, данных всем родившимся, – общая особенность антропонимиконных разных городов конца XIX века. Об этом говорит выполненное нами сравнение личных имен г. Орла с именовании г. Череповца и г. Пензы [1]. Состав самых востребованных имен в разных городах в большей своей части один и тот же (прежде всего это касается первых трёх мест), различие проявляется в ранге популярности отдельных антропонимов: ср. *Александр, Иван, Николай, Василий, Павел; Анна, Мария, Александра, Евдокия, Екатерина* в Череповце; *Александр, Иван, Николай, Василий, Петр; Мария Александра, Анна, Елизавета, Екатерина* в г. Пензе.

Традиции, восходящие ко времени бытования некалендарных имен, имеют место и в современной антропонимической системе. Об этом свидетельствуют фамилии, образованные на базе древних антропонимов и многочисленные неофициальные именовании, выполняющие не только идентифицирующую, но и характеризующую функцию. Лично-индивидуальные прозвища – неотъемлемая часть системы именовании сельских жителей в наше время. Прозвище, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной особенностью, – очень удобное средство выделения человека в коллективе, члены которого хорошо знают друг друга. Многочислен состав современных прозвищ, разнообразна их семантика. Свыше 2000 неофициальных антропонимов представлено в «Региональном словаре лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области» Т.И. Невровой [6].

Богатство прозвищ создается не только за счет использования многочисленных и разнообразных в семантическом отношении лексических единиц, но и в результате актуализации разных сем, эксплицитно или имплицитно представленных в значении слова. Нередко один и тот же апеллатив выступает в качестве производящего для прозвищ с разными мотивационными основами, например: ср. *Колобо́к* – прозвище женщины маленького роста, очень полной, *Колобо́к* – прозвище мужчины с лысой головой круглой формы, *Соро́ка* – прозвище женщины, которая очень много говорит правду и неправду, *Соро́ка* – прозвище мужчины, который тащит всё, что блестит и плохо лежит.

Региональные особенности прозвищных именовании наиболее ярко проявляются в наличии среди них единиц, образованных на базе диалектных апеллативов: *Буда́н* – прозвище ленивого человека (в орловских говорах *буда́н* «ленивый парень, лентяй»), *Бутро́шка* – прозвище полной женщины (ср. в казанских говорах *бутря* «толстый, с большим животом человек»), *Гузы́ня* – прозвище женщины, которая часто плачет как от обиды, так и от радости (в орловских говорах *гузы́нить* «плакать», *гузы́ня* «плакса»), *Тулу́й* – прозвище скрытного человека (в южных говорах *тулуть* «скрывать, прятать»), *Чу́ня* – прозвище некрасивого человека (слово *чу́ня* известно

в орловских говорах в значениях «верёвочный лапоть», «поросёнок»).

Изучением специфики орловских фамилий занимался известный исследователь русской антропониимии и топонимии В.А. Никонов. Он отметил разнообразие моделей фамилий на Орловщине. Распространенными здесь являются фамилии на *-ов/-ев, -ин, -ский, -их/-ых, -енков, -ичев, -ичкин, -очкин* (*Кузнецов, Селютин, Ливенский, Глушенков, Афоничев, Лисичкин, Анисочкин*). В каждом районе свои частые фамилии, например в Кромском – *Лежелепов, Тупилов, Пискунов, Кузнецов, Толлекин, Усов, Цуканов, Орлов, Щекин, Мартынов*, в Покровском – *Селютин, Мальцев, Новиков, Сопелкин, Внуков, Мишин, Кустов, Теряев, Шателев, Данилов*. «Частые в отдельных местностях, они статистически невелики по области в целом» [7]. В основе фамилий как календарные, так и некалендарные имена. Своеобразие состава фамилий проявляется в наличии среди них образованных на базе диалектных основ: *Курохтин* (в орловских говорах *курохтаться* «излишне медленно делать что-либо, возиться»), *Пехтерев* (*пехтёрь* «большая сетка для сена, соломы, сплетенная из веревок», «мешок для переноски сена, соломы»), *Тапешкин* (*топёшка* «кусочек теста, который опускают в воду для определения степени готовности хлеба при выпекании»), *Торкунов* (*торкун* «хищная птица коршун, ястреб»).

Как видим, антопонимическое пространство ре-

гиона прошло много этапов в своем развитии. Каждая из его составляющих (личное имя, отчество, фамилия, прозвище) в том виде, как они представлены в современной системе именовании, претерпела ряд изменений на пути выбора оптимального и единого варианта. Личные имена пережили процесс адаптации календарных и некалендарных имен и вытеснение последних. Отчества прошли стадию унификации формы и закрепления наиболее информативной и оптимальной в структурном оформлении: «победила» форма на *-ович* в силу моносемантической данного суффикса и своего «высокого ранга» (на *-ович* именовались прежде всего представители высших слоев общества). Фамилии сохранили связь с личным именем, календарным или некалендарным, тем самым «демонстрируя» семейные, родовые истоки. Прозвища, сохранившись в позиции неофициальных именовании, продолжили традицию, свойственную древнерусским именам, характеризовать, оценивать именованного.

Всестороннее изучение всех составляющих онимического пространства отдельного региона с обязательным сравнением полученных данных с результатами исследования онимов других территорий позволяет выявить общие и специфические черты в системе проприальных имен конкретных территорий, способствует познанию общерусской системы имен собственных.

Библиографический список

1. Бахвалова Т.В. К изучению истории личных имен в конце XIX века // Русская ономастика: Республиканский сборник. Рязань, 1977. С. 61-65.
2. Бахвалова Т.В. Особенности именовании лиц в памятниках письменности XVII века (на материале Орловских отказных книг) // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: Тезисы докладов. Ч. I. Днепропетровск, 1983. С. 32-34.
3. Бахвалова Т.В., Попова А.Р. Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова). Орел, 2010. 224 с.
4. Лисицына Т.А. Происхождение русского имени // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 8-ой Российской научно-практической конференции (Орел, ноябрь 2001). Вып. 2. М., 2001. С. 213-215.
5. Морозкин М.Я. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
6. Неурова Т.И. Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области. Орел, 2007. 96 с.
7. Никонов В.А. Орловские фамилии // География фамилий. М., 2005. С. 92-97.
8. Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVIII веков. М., 1970.
9. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. 293 с.
10. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Издание подготовили С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1977. 431 с.
11. Татаркин В.Е. Антропониимия Орловского края XVI-XVII вв. (на материале памятников официально-деловой письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005.
12. Татаркин В.Е. Антропонимы Орловского края XVI-XVII вв. Орел, 2005. 122 с.
13. Трубочев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. 286 с.

References

1. Bachvalova T.V. To the study of the personal names at the end of XIX century // Russian onomastics. The republican collection. Ryazan, 1977. Pp. 61-65.
2. Bachvalova T.V. The specificity of the persons naming in the ancient manuscripts of the XVII century (on the base of Orel exemption books) // The current problems of the historical lexicology and lexicography of the East Slavonic language. Abstracts of reports. Part 1. Dnepropetrovsk, 1983. Pp. 32-34.
3. Bachvalova T.V., Popova A.R. The world of the Orel's farmworker in the lexicographical idea (on the base of I. Volnov's works). Orel, 2010. 224 p.
4. Lisitsyna T.A. The origin of the Russian name // County Russia: past and present. The reports and the messages of the 8th scientific Russian conference (Orel, November 2001). Edition 2. Moscow, 2001. Pp. 213-215.
5. Moroshkin M.I. The Slavonic nomenclature, or the collection of the Slavonic personal name in the alphabetic order. St. Petersburg, 1867.

6. *Nevrova T.I.* The regional dictionary of the personal individual nicknames of Verchovsky district of Orel region. Orel, 2007. 96 p.
 7. *Nikonov V.A.* Orel second names // The second name geography. Moscow, 2005. Pp. 92-97.
 8. *Kotkov S.I.* Essays on vocabulary of the South great Russian writing XVI –XVIII centuries. Moscow, 1970.
 9. *Kotkov S.I.* The linguistic source studies and the history of the Russian language. Moscow, 1980. 293 p.
 10. The monuments of the South great Russian dialect. Exemption books / The edition is prepared by S.I. Kotkov, N. S. Kotkova. Moscow, 1977. 431 p.
 11. *Tatarkin V.E.* Anthroponymy of the Orel corner of XVI-XVII centuries (on the base of the monuments of official manuscripts): autoabstract of Candidate thesis in Philology. Orel, 2005.
 12. *Tatarkin V.E.* Anthroponyms of the Orel corner XVI–XVII centuries. Orel, 2005. 122 p.
 13. *Trubachev O.N.* In the search of unity. Philological approach to the problem of the origins of Rus. Moscow, 2005. 286 p.
-
-

А.А. БЕЛЬСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет
E-mail: aa_bel@mail.ru

A.A. BELSKAYA

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the department of journalism and public relations, Orel State University
E-mail: aa_bel@mail.ru

«ТУРГЕНЕВСКИЙ ЧЕЛОВЕК»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

“TURGENEV’S MAN”: CHALLENGE PROBLEM

В статье рассматриваются вопросы о философии личности Тургенева, его этико-философских взглядах, которые находят отражение в феномене «тургеневского человека», различные черты которого в их модификациях воплощены в положительных героях писателя.

Ключевые слова: Тургенев, «тургеневский человек», «неразделенное целое», философия личности, этико-философские взгляды, художественная антропология.

The article deals with the philosophy of the Turgenev's personality, his ethical and philosophical views, which are reflected in the phenomenon of the “Turgenev's man”, whose various features of the personality in their modifications are embodied in the writer's positive heroes.

Keywords: Turgenev, “Turgenev's man”, “undivided whole”, philosophy of personality, ethical and philosophical views, art anthropology.

О концепции личности Тургенева, философском генезисе взглядов писателя на человека, его этико-философской позиции, социально-эстетическом идеале написано большое количество монографий и статей. Благодаря работам критиков начала XX века (М.О. Гершензон, М.А. Петровский, Д.Н. Овсяннико-Куликовский и др.), таких учёных, как С.М. Аюпов, А.И. Батюто, Г.А. Бялый, В.М. Головкин, Г.Б. Курляндская, Ю.В. Лебедев, В.М. Маркович, В.А. Недзвецкий, Г.А. Тиме, а также философа-богослова В.В. Зеньковского и др., значительно обогащено современное тургеневедение. Труды современных исследователей, обращающихся к изучению тургеневского понимания человека (И.А. Беляева и др.), в том числе автора данной статьи, базируются на концептуальных выводах их предшественников. Между тем, несмотря на то, что много сделано в изучении философии личности писателя, творчество Тургенева – признанного классика XIX века – продолжает привлекать внимание учёных, именно потому, что речь идёт о классике. На сегодняшний день остаётся ещё немало неизученных и спорных вопросов, в частности, в постижении ценностного сознания писателя, его художественной модели мира, аксиологии антропологической идеи, религиозно-философских взглядов.

Наша цель – рассмотреть «тургеневского человека» как целостное явление.

В своё время Д.Е. Максимов включил в научный обиход понятие «лермонтовский человек». Полагаем, что вполне оправдано рассуждать о «тургеневском человеке», сущность которого вбирает в себя философию

личности Тургенева и различные грани которого находят отражение в героях писателя, а они, в свою очередь, выражая мысли, настроения своего времени, выступая объектом изображения и субъектом сознания, вызывают рефлексию и «эстетическую симпатию» автора. Несмотря на то, что тургеневская концепция человека изучена достаточно всесторонне и существуют многочисленные классификации персонажей писателя, т.е., по сути дела, представлены типологии «тургеневского человека» («лишний человек» – «идеальный тип человека»; «романтик» – «практик»; «тип Гамлета» – «тип Дон Кихота»; «слабый человек» – «сильный человек», «природная натура» – «рефлектирующий герой» – герои с «инстинктом гениальности» – герои «здорового дюжинного рассудка» и др.), основные черты его личности до сих пор не обобщены в науке. Л.Н. Гареева, правда, считает, что «тургеневский человек» «описан» исследователями достаточно многосторонне, но выделяет при этом новый аспект его изучения – не только как объекта изображения (либо как герой, либо как повествователь), но и как субъекта речи и сознания. Думается, что точно так же, как нельзя ограничивать феномен «тургеневского человека» вопросом о специфике героя, изображённого в произведениях писателя, и характер проявления авторского «я» в тексте – это один из важнейших показателей воплощения «тургеневского человека» [1, 3], так и назрела необходимость обосновать смысл самого понятия, обобщить сведения об особенностях изображения и выражения «тургеневского человека» в текстах писателя.

Учёными давно доказано, что человек занима-

ет Тургенева как часть Вселенной и человечества, как носитель общих форм бытия и неповторимая индивидуальность, как выразитель духа, «давления» времени и вневременной всечеловеческой и «русской сути». Именно Тургеневу принадлежат «открытия» в человеке богатого духовного мира, национального самосознания, высоких принципов нравственности, «чистых» эстетических переживаний при значимости социальной активности. Писатель рассматривает человека как многомерную сущность, не сводимую целиком к конкретно-историческому характеру, а вбирающую в себя универсально-родовое содержание и одновременно осознающую «недостаточность» своей «родовой бесконечности», смутно чувствующую сродство с чем-то «высшим, вечным». В тургеневских произведениях человек изображён и в иерархии социальных, общественных отношений, и в вечном потоке «мировой жизни». Отсюда двуплановость (или, по Ю.М. Лотману, трёхплановость – «современно-бытовой», «архетипический», «космический») произведений писателя.

Традиционным в науке является тезис о философско-пантеистических взглядах Тургенева, натурфилософские устремления которого обращают к вопросу об отношении человека к жизни природы, космоса. Действительно, будучи далёким от религиозной картины мира, христианского взгляда на человека («я не христианин»), Тургенев в центр своей метафизической философии ставит Человека и Природу. Взгляды писателя на их взаимоотношения нельзя назвать «застывшими». В ранние годы творчества молодой Тургенев одухотворяет Природу («живой дух, ставший плотью») и, рассматривая человека как её порождение, утверждает неразрывную связь «человеческого духа с природой», находя в этом «самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление» бытия [8, 351]. Позицию писателя в этот период определяют четыре устойчивые идеи: духовное («божественное») начало присутствует и в природе («целым миром чудес»), и в человеке («и человек таким же должен быть..., – таков он и есть»); человек – это часть природы, и всё «духовное», что есть в ней, соединяется «в одну светлую точку, которая называется “Я”» [8, 352]; именно красота индивидуальности каждого отдельного «Я» является высшей ценностью в земной природной жизни («Прекрасное <...> нигде ... не сияет с такой силой, как в человеческой индивидуальности»); связь и участие человека во всемирном процессе обуславливает Любовь.

Начиная с середины 1840-х годов, у Тургенева возникают прямо противоположные настроения – настроения космического пессимизма, которые станут сквозными в творчестве писателя. Наряду с объединяющим человека и природу началом – «быть единым и бесконечно различным в себе», – Тургенев обнаруживает и разъединяющую их тенденцию – вечное движение, стихийную мощь, бездушие Природы и пространственно-временную ограниченность человека, его одиночество, слабость, незащищённость перед слепой и хаотичной силой. Вселенная для писателя – это уже не только

«единое чудо», но и отчуждённый от человека самоорождающийся, неразумный и потому незначительный Космос. Трагедия жизни видится в том, что человек, созданный природой смертным, подверженный страданиям, «живет, должен жить в мгновение и для мгновения», тогда как только ему одному дана «душа» («... душа есть только в нас и, может быть, немного около нас»). Помимо трактовки человека как сущности в общем единстве законов бытия, у Тургенева появляются мысли об уникальности каждого отдельного индивида, неординарности его личностного начала. Персонализм приводит писателя к убеждению, что человек выше, чем природа, он – «один», «не повторяется, как бабочка» [7, 229]. Особое место человека в мире определяет его неповторимость и, тем самым, бесценность. Последнее усиливается тем, что человек является творцом, не только созерцающей, но и преображающей сущностью. Придя в мир и ища бытия для себя, каждый человек сам по себе, ни кто другой, именно это Я «смутно понимает свое значение» – «одному дано творить», смутно чувствует, что «он сродни чему-то высшему, вечному» [7, 229–230]. Вместе с тем конгениальный «высшему» и «вечному» человек вынужден подчиняться необходимости, покоряться природе. Будучи органически связанными, природа и человек на самом деле оказываются внутренне глубоко различны: природа вечна – человек конечен, причём, конечен, по Тургеневу, тот, из сердца которого исходит свет, дающий «значение и силу» краскам жизни, озаряющий всё вокруг [7, 221]. Более всего писателя беспокоит то, что человек – это «существо единого дня», а Природу, которая, казалось бы, «хлопочет» только о том, чтобы создать личность, личность, в конечном счёте, не заботит: «Она (природа – А.Б.) беспрестанно стоит и беспрестанно разрушает» [9, 205].

Мыслью о трагической разобщённости Человека и Природы пронизано всё творчество Тургенева, особенно отчётливо она звучит в таких произведениях, как «Поездка в Полесье» (1857), «Признаки» (1864), «Довольно» (1862–1865), в центре которых – «тоска» развитого и сознающего свою личностную сущность человека, который не может не содрогаться «при одной мысли о ничтожестве», уделе покорно и безропотно соглашаться с собственной участью – «сиди в грязи, любезный, и тянись к небу» [7, 230], – автор единственно возможным достоинством человека называет достоинство сознания своего ничтожества: «<...> одно остается человеку, чтобы устоять на ногах и не разрушиться в прах <...> сохранить последнее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознания собственного ничтожества; то достоинство, на которое намекает Паскаль, когда он, называя человека мыслящим тростником, говорит, что если бы целая вселенная его раздавила – он, этот тростник, был бы всё-таки выше вселенной, потому что он бы знал, что она его давит, а она бы этого не сказала» [7, 226]. Тургенев перекликается с Б. Паскалем в оценке человека как «мыслящего тростника» и потому, кроме трагичности человека, бес-

сильного перед «слепорождённой» Природой, отмечает его величие, ибо он, «отважно провозглашающий своё собственное ничтожество, тем самым возвышается до равенства с этим ... божеством, игралищем которого... признаёт себя» [9, 377]. Соответственно, наряду с творческим началом, в тургеневской философии личности ключевое значение отводится самосознанию человека. Не удивительно, что средоточием произведений писателя являются наблюдения над процессом его самосознания. Своеобразие Тургенева состоит в том, что в его художественном мире самосознание – это не только несомненная «сила» («...всякое самосознание есть сила»), но и глубокая рефлексия в связи с двойственностью, противоречивостью мироздания, «не обдуманном творчеством» Природы, трагичностью и ограниченностью наличного бытия. Поскольку рефлектирующий человек тяготится зависимостью от природы, то утрачивает гармоничное отношение к ней и нередко только смерть восстанавливает равновесие, позволяет выйти за пределы своего «я» и своей быстротечной жизни.

Тургеневские философия личности и натурфилософская концепция мира неразрывно связаны с двумя амбивалентными экзистенциальными категориями – жизнь и смерть. Восприятие сущего как бессознательно движущей материи, трактовка Природы как властной, но бездушной стихии, которая «не знает свободы, не знает добра», и человека как творческого, дающего «значение и силу» жизни, но метафизически одинокого, беспомощного и незащитного существа, неминуемый жребий которого – смерть, составляют пессимистическую основу мировоззрения Тургенева. Само устройство Вселенной, считает писатель, исключает продолжительное счастье для человека. Создав его смертным, подверженным страданиям, Природа не заботится о благополучии и счастье человека, не беспокоится о будущем судьбы человечества, не «хлопочет», как дойти ему до совершенства и счастья. Недаром смерть, «слепая, немая, холодная, нелепая, жадная, вечная ночь», неизбежно прерывающая индивидуальное существование человека, становится противна его сознанию. «Отрицающая» личность, смерть делает человеческую жизнь призрачной и абсурдной, лишает бытие смысла и значения. Парадоксальным, но очевидным для Тургенева становится только то, что для человека, «существа единого дня», реальным является неумолимое приближение старости и смерти, и потому писатель, вслед за Вольтером, сравнивает людей с «минутными мотыльками» («Все мы существа эфемерные, “petits papillons d’un moment”, как говорит Вольтер, все осуждены на скорую смерть – и не успеешь оглянуться, как уже все покончилось!»). Этим пафосом пронизано большинство произведений Тургенева, в центре которых – не покидающая его мысль о пространственной и временной ограниченности человека, бессмысленности и пустоте его жизни, что, в свою очередь, определяет элегическую тональность тургеневской прозы, особое место в ней мотивов прошлого, «светлого сокровища» воспоминаний и пугающего несоответствия между естественностью смерти и противоестественностью

того, что неповторимое (творческое) *Я* должно превратиться в *ничто*. Отсюда присутствие в художественном мире писателя по-разному моделированного сюжета жизни-трагедии и устойчивое обращение к мотивам мимолетности счастья, трагической безысходности личной судьбы человека, неведомости инобытия, которое вызывает страх и ужас одновременно. Особенность Тургенева заключается в том, что он, не приемля смерть, прежде всего, с позиции персонализма, на протяжении всей своей жизни пытается отыскать «метафизическую устойчивость» человека.

Взгляды на Природу как стихийную силу и Человека, полностью зависимого от её всевластия и всемогущества, лежат в основе трагической концепции жизни, в той или иной степени присутствующей во всех произведениях Тургенева. Впрочем, писатель воспринимает Природу не только как «вечную Изиду», но и как «всеобщую» Мать, которая живёт с человеком одними радостями и горестями, не имея при этом никаких «предпочтений». Помимо суждений о «грубом равнодушии» Природы, пустоты Вселенной, затерянности в ней человека, бренности его существования, в том числе его земной любви и земного счастья, Тургенев тонко чувствует красоту, простоту и величие природы («негодяйка-природа может быть восхитительно прекрасной»), прозревает и понимает целостность и упорядоченность мира, его «бесконечную», «всеобщую» гармонию. «Таинственный смысл» Природы открывается писателю в «тихом и медленном одушевлении, неторопливости и сдержанности ощущений и сил, равновесии здоровья в каждом отдельном существе» («... вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится»). Всем своим творчеством Тургенев отстаивает необходимость соединения человека и природы, полагая, что только через постижение себя частью великого Целого можно преодолеть обособленное индивидуалистическое сознание и только в их слиянии заключено условие гармонии человека как личности. Важно отметить, что гармония выступает у писателя не только эстетической (эмоциональное переживание прекрасного), но и онтологической и антропологической категорией. Прозревая гармоничность мира, Тургенев рассматривает человека как часть единого совершенства и в качестве несомненных ориентиров индивидуального и общественного бытия называет «одушевление», «покой», «равновесие».

Таким образом, при осмыслении парадигмы «человек – природа» проявляется и «светлый», и «мрачный» пантеизм Тургенева. Двойкий взгляд на Природу и Человека, двойственная оценка Вселенной как огромного, таинственного, бесконечного, но лишённого абсолютного начала, пустого Хаоса и в то же время как многообразного Космоса, гармоничного соответствия разрозненных частей и – как следствие – признание объективного характера и непреходящей ценности красоты мира, приводят писателя, с одной стороны, к космическому пессимизму, с другой – к прямо противоположной ему утверждающей философии всеоб-

щей гармонии, бесконечной и «бессмертной красоты». Будучи сторонником теории судьбы («каждый человек на ниточке висит, бездна ежеминутно перед ним разверзнуться может»), колоссального влияния судьбы, рода, закона наследственности («все мы виноваты»), обстоятельств («обстоятельства нас определяют») на человека, тленности всего «земного», преходящего характера человеческой жизни, Тургенев во многих своих произведениях отходит от фаталистического восприятия бытия. Помимо трактовки жизни как «красноватой искорки, мерцающей в мрачном и немом океане Вечности» [9, 390], рассуждений о тяжести жизни, в которой «всего тяжелее» «равнодушная необходимость, эта естественность страдания и утрат», которая «разбивает самые пленительные и прекрасные образы, даже не замечая их – как колесо, которое раздавило цветов» [10, 187], писатель в качестве несомненной и абсолютной ценности утверждает объективную ценность жизни («... а в жизни все-таки нет ничего лучше жизни, как она ни бывает подчас тяжела»), безусловного закона, придающего человеческому бытию смысл бесконечности, – Любовь («... только любовью держится и движется жизнь <...> любовь сильнее смерти»). Что касается художественной онтологии Тургенева, то в центре неё находится личность человека, возвышающегося над миром («он... выше вселенной»).

Основы диалектического понимания процессов жизни человека и природы наиболее полно отражаются в литературно-критических статьях Тургенева 1840-х – 1850-х годов. В статье «О «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова» (1852) «открытую» тайну Природы писатель связывает с тремя категориями: «полярностью» – борьбой «центробежных» и «центростремительных» сил; «возвышением» – «разрешением» внутренних противоречий, примирением этих сил; «гармонией» – неким эстетико-космологическим принципом, когда из «разъединения и раздробления», при которых «все живет только для себя», выходит «общая, бесконечная гармония, в которой все, что существует, – существует для другого», и каждая точка, каждая отдельная единица, почитающая «себя средоточием вселенной», «сливается в одну мировую жизнь» [5, 517]. В представлении Тургенева любая произвольная единица, неповторимая и незаменимая, стремящаяся жить для себя, пройдя опыт разъединения и конфликта с *другой*, с такой же отдельной и существующей только для себя, через борьбу, взаимодействие и примирение в своей слитности образуют гармоничное целое. Вслед за Гёте, русский писатель утверждает, что только через Любовь достигается равноправное сосуществование, со-бытие разрозненных, разобщённых, жаждущих быть «всем» природных единиц и последующая их со-причастность и со-творчество с *другими*. Безусловно, то, что Тургенев воспринимает Любовь как сокровенное начало мира, метафизическую основу бытия, а Жизнь – как «постоянно побеждаемое противоречие», обуславливает гармонизирующее начало художественно-философского мышления писателя.

Жизнь для Тургенева сильна любовью. Вместе с тем в своих произведениях он в духе метафизической философии изображает человека во власти вечных, вне-исторических стихий бытия и причисляет к последним, в том числе любовь. Она является основным мотивом тургеневского творчества и тесно связана с мотивами молодости, счастья, искусства, смысла жизни. В прозе писателя представлены два вида любви – земного, естественного, возвышенного чувства, гармоничного взаимодействия двух людей, которых связывает душевная и духовная близость, и испепеляющей, разрушительной страсти. В отличие от большинства русских писателей, Тургенев относится к любви, принимающей вид чувственной страсти, не как к «телесному разврату» (Ф.М. Достоевский), а как к неотвратимой, «неведомой и холодной» силе, захватывающей, подчиняющей себе, порабащающей человека. Если в эстетическом плане такая любовь для Тургенева – «неведомая», «странная», «загадочная», «таинственная», «опасная» и одновременно «прекрасивая» сфера («незнакомое, красивое, но грозное лицо»), то в этическом – исключительно «злая», «смертоносная», лишённая «добра» и «красоты».

Пожалуй, наиболее значимым для понимания феномена «тургеневского человека» является то, что писателю присуще сознание двойного противоречия: между «равнодушной», но обладающей внутренней цельностью и красотой Природой и уникальным, но бранным Человеком – между природой человека, индивидуально-природным и собственно человеческим в нём, его способностью любить, чувствовать красоту окружающего мира, стремлением быть счастливым и его моральным сознанием, высоким качеством творить красоту в себе и вокруг себя. В трактовке Тургенева человек – это и природное существо, обращённое к чувственному миру, живущее «для себя», и сверхчувственное существо, обращённое к идеалу и живущее «вне себя». Не вызывает сомнения, что в констатации уникальности, ценности и прав личности Тургенев следует за пушкинской идеей самостоянья человека. Но, как известно, «жизненная мудрость» Пушкина «построена на принципе совпадения противоположностей (coincidentia oppositorum), единства разнородных и противоборствующих потенций бытия» [12, 446]. По мнению многих учёных, гениальность поэта проявляется в формировании такой художественной «парадигмы», которая выступает «точным отражением “диссонансного” мировоззрения и, в первую очередь, соответствующего представления о человеке» [2, 46–49]. Точно так же, как Пушкину, Тургеневу бытие является в двух видах: гармония – дисгармония, и, подобно Пушкину, Тургенев далёк от понимания человека как «подчинённого элемента» гармонии мира, гармонии общества, гармонии искусства. В структуре личности пушкинских и тургеневских героев сталкиваются противоположности – «временное» и «вечное», «конкретно-историческое» и «метафизическое», «материальное» и «идеальное», «природное» и «личностное», «земное» и «божественное». Концептуальным компонентом художественной антропологии Тургенева

выступает не «слияние», а «борьба» природных и социальных констант, «центростремительных» и «центробежных» сил, генетических, наследственных черт и интеллектуальных, нравственных, эстетических качеств. На судьбу тургеневских героев оказывают влияние и социальные, и природные законы, и они (герои) оказываются во власти и общественных, и иррациональных, «тайных сил». В самом человеке Тургенев обнаруживает наличие черт иного бытия, иррациональных, таинственных, неуправляемых стихий. Полярное видение мира и человека приводит к тому, что в своих произведениях писатель неизменно показывает подчинённость последнего законам природы, но столь же неизменно акцентирует приоритет его самосознания над стихиями и в этом видит выражение подлинной сущности человека как личности.

В знаменитой статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1859) Тургенев, называя «центростремительные» и «центробежные» силы равновеликими, постоянно участвующими в прогрессе жизни, даёт характеристику двум сверхтипам: *Гамлетам*, с которых преобладают центростремительные силы («... я ... Это исходная точка, к которой он возвращается беспрестанно»), и *Дон-Кихотам*, в которых доминируют центробежные начала («служитель идеи», «... он весь самопожертвование... <...> выражает собою ... веру в нечто вечное, незыблемое, в истину <...> находящуюся вне отдельного человека»). Особое внимание писатель уделяет анализу тех универсальных черт личности, которые резко разделены в героях Шекспира и Сервантеса: «гамлетовских», когда при сильно развитом элементе рефлексии интеллект превалирует над волей, анализ, эгоизм, безверье, сомнение, ирония – над энтузиазмом, сосредоточенность на своём «я», обращённость внутрь себя – над психологией жертвенного служения, «чисто человеческое» – интимно-личное, «чувственное и сластолюбивое», эстетическое – над нравственным сознанием; и «донкихотских», когда энтузиазм и вера преобладают, если не над чувствами (любит «идеально, чисто»), то над эстетическими наклонностями, убеждения – над знаниями, готовность «жертвовать жизнью» – над привязанностью к жизни и «дух великий и смелый» сочетается с неумением «ни легко сочувствовать», «ни легко наслаждаться», а в ситуации выбора между обязанностями и склонностями предпочтение отдаётся служению высоким нравственным или общественным идеалам. Вне сомнения, «вечные» образы Гамлета и Дон Кихота служат Тургеневу способом познания реальной жизни и реального человека, и в своей статье писатель представляет две коренные направленности человеческого духа, два уровня человечности: эгоистов, бесполезных для масс, но обладающих «изумительной обработкой» внутреннего мира; и альтруистов, которые знают, в чем их дело, зачем они живут на земле, но отличаются «однообразием» мыслей, «односторонностью» ума [6, 333]. Разумеется, многообразие созданных самим Тургеневым психологических характеров, человеческих индивидуальностей не сводимо к «Гамлетам» и «Дон Кихотам». Достаточно

вспомнить слова писателя, что действительность «не допускает» подобных резких разграничений и «в одном и том же живом существе оба воззрения могут чередоваться, даже сливаться до некоторой степени» [6, 331]. Но нет необходимости доказывать и то, что если «вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал» – центробежных и центростремительных – объясняют «растение цветка», дают «ключ к уразумению развития могущественнейших народов» [6, 341], то они же помогают понять специфику художественного мира самого писателя, своеобразие его художественной антропологии. Суждения, высказанные Тургеневым в «Гамлете и Дон Кихоте», свидетельствуют о том, что его собственный персонализм не ограничивается трактовкой человека как части гармонической, но «слепой» природы и представления о «реальности личности» не замыкаются её индивидуальным существованием, а соразмеряются с опытом всего человечества.

В произведениях Тургенева, в которых, кроме социально-исторического, присутствуют архетипические и природно-космические планы, важное место занимает этическая проблематика. На протяжении всего своего творчества писатель, настаивающий на амбивалентности человеческой природы, высшей формой нравственного выбора провозглашает самопожертвование, а высшим критерием свободы – сознание долга. Хотя Тургенев уверен, что «только тот и находит, кого ведет сердце» [6, 337–338], тем не менее считает, что ощутить связь с человечеством, обществом, познать нравственную основу бытия человек может только тогда, когда сознательно избрёт путь отречения и подвига, когда начнёт жить для «другого». В качестве безусловного принципа жизни писатель выдвигает принцип «отречения» – осознанного отказа человека как духовно-нравственной личности от «собственных наклонностей» во имя морального закона, сознательного отрешения от личного бытия ради бытия этического или социального. Мотив самоотречения является основополагающим во многих произведениях Тургенева, в частности, в повестях «Фауст» (1856), «Поездка в Полесье» (1857), в романе «Дворянское гнездо» (1859) и др. Склонны к самопожертвованию и отречению Яков Пасынков, Софья Злотницкая, Павел Александрович Б..., Лиза Калитина, Берсенева и др.

Этическая антропология Тургенева чрезвычайно сложна и противоречива. Не ставя под сомнения того, что в мире нет ничего выше «всякой живой человеческой жизни», писатель в своих произведениях воспевает и поэтизирует чувство любви, романтику чувств, показывает непреодолимую потребность человека как существа природного к личному, интимному бытию. Между тем в тургеневском представлении «краеугольный камень» есть не сам человек, «как неделимая единица, но человечество, общество, имеющее свои вечные, незыблемые законы», и потому писатель зовёт человека надломить упорный эгоизм своей естественной природы, освободиться от «собственной личности». В

свою очередь, высоко поднимая идею «самозабвения» своего эгоистического «я», Тургенев не отрицает ограниченности рациональной этики, односторонности идеи «самопожертвования», не скрывает, что активно-самоотверженное служение, сознательно-волевое отречение от естественного ради безусловно нравственного, не только оборачивается потерей индивидуального, но и не приносит никакого внутреннего удовлетворения, больше того – влечёт за собою душевное безразличие и сопровождается чувством «чужим и холодным», лишённым «живой жизни». Поскольку для писателя эмпирическая жизнь («в жизни все-таки нет ничего лучше жизни») столь же значима, как и нравственная, а идея «самостоянья» человека, прав личности, столь же авторитетна, как и идея самопожертвования, долга личности, то не удивительно, что понятия «самопожертвование» и «отречение» раздваиваются у Тургенева. Отсюда постоянная внутренняя борьба в персонажах писателя противоположных начал – свойств природы и сознательных устремлений, постоянно стоящая перед ними дилемма – склонности или высший закон, счастье или долг, естественные потребности или нравственные обязательства, что в конечном итоге приводит к тому, что их интересы либо замыкаются в рамках сугубо личного, либо выходят за пределы собственного «я» и обращаются к надличному бытию, и в зависимости от выбора они оказываются «больше» или «меньше» своей судьбы. Диалектического примирения этих начал в художественном мире Тургенева не происходит, скорее всего, потому, что, настороженно относясь к «подавлению в себе всего личного» (по В.В. Зеньковскому), он столь же настороженно относится к игнорированию статуса «другого» как личности. Недаром многие персонажи, к которым писатель испытывает «эстетическую симпатию», выступают носителями особого морального «сознания долга перед другими».

В категорическом императиве морального сознания Тургенев видит ту силу, которая делает человека духовно свободной личностью, а в сфере долга – ту сферу, которая только и оправдывает его существование на земле. В «смирении» в себе всего «тревожного» (тревожного Я), в преданности высокому идеалу, в неукоснительном следовании нравственному закону, в полноте нравственной ответственности заключена для писателя главная ценность личности, обладающей свободой воли, той свободой, которая является величайшим её развитием – уводит за пределы «чисто человеческого» и связана с безраздельной отдачей себя «другому». Это не влечёт за собою обретения целостности, напротив, разрушает природную суть, подавляет сокровенно-личное, но обуславливает устойчивость личности, способствует преодолению пространственно-временной ограниченности. Без свободного выбора пути, без свободной самоотдачи, без личной ответственности за свои поступки и действия, без отречения от собственных склонностей и подчинения «высшему закону» духовно-нравственной личности для Тургенева не существует. Следовательно, свобода понимается писателем, прежде всего, как под-

виг, жертва. В художественном мире Тургенева любое соединение счастья (любви) и долга, «личного» и «сознательно-героического» неизбежно приводит к наказанию, что и показано в романах «Дворянское гнездо» и «Накануне». Таким образом, объективным и высшим законом бытия для писателя является любовь, а высшей формой нравственного выбора – «настоящее жертвование собою» (не то жертвование, «которое представляется нам в образе любви, то есть все-таки наслаждения – а <...> которое ничего не дает личности, кроме разве чувства исполненного долга, и заметьте – чувства чужого и холодного, безо всякой примеси восторженности или увлечения»).

Надо отметить, что, помимо сознания долга, деятельного добра, самоотверженной любви, в философии Тургенева важное значение имеют такие категории, как эстетическое отношение к действительности, чувство красоты. Для понимания феномена «тургеневского человека» крайне значимо то, что он обязательно несёт в себе «что-то» неизменное, непреходящее и, пусть не всегда ясно, прозревает своё высокое назначение, и, пусть смутно, чувствует, что «сродни высшему, вечному». Сам писатель в область «вечного», кроме этической, включает эстетическую сферу. Основное отличие Тургенева от других русских литераторов состоит в эстетическом благоговении перед природой и в особом чувстве красоты, наслаждения красотой, которые возвышают, освобождают от эгоизма, «приподнимают» и «примиряют» с миром. В художественном мире писателя «эстетическое» и «нравственное» находятся, как правило, в позиции взаимного отражения: «эстетическое» способствует развитию «нравственного», а «нравственное» выступает необходимым условием для переживания красоты, которая, согласно Тургеневу, вне человеческого сознания не существует в мире. Точно так же, как «нравственное», «эстетическое» писатель относит к непреходящим ценностям и считает, что в человеке они могут «чередоваться» и даже «сливаться». Правда, в структуре личности тургеневских героев они редко достигают «слияния», а чаще находятся в столкновении (как столкновение природы и морального сознания), что порождает лирическую ситуацию в произведениях писателя. Диалектика отношений «эстетическое» и «нравственное» не исчерпывается у Тургенева их единством. «Нравственное чувство и чувство прекрасного» писатель порой называет «двумя шишками, которые ничего не имеют общего между собой», но настаивает, что «счастлив» бывает лишь тот, «кто обладает ими обеими», [8, 392]. Как видно, подход к рассмотрению «эстетического» у Тургенева двойствен. Цена эстетическую сферу столь же высоко, как и нравственную, писатель в своих «философских убеждениях» ставит последнюю выше эстетической. Так, в финале статьи «Гамлет и Дон Кихот», в которых сформулированы основные положения этико-философской позиции Тургенева, ясно дано понять, что бескорыстная любовь, «чувство долга», «добрые дела» обладают для него большей ценностью, чем «чувство изящного»,

«сияющая красота», «всеобъемлющий гений» [6, 348]. Но важнее, пожалуй, другой. В художественном пространстве тургеневских произведений эстетическое созерцание так же, как и этическое поведение, связано с самореализацией человека и неотделимо от его преобразования. Ярко выраженная в повестях и романах писателя трансцендентальность (от лат. *transcendo* – выхожу за пределы), само признание бытия мира трансцендентного, недоступного человеческому разумению, свидетельствуют о том, что Тургенев вплотную подходит в своём творчестве к метафизической антропологии.

То, что Тургенев заостряет в человеке надприродное – «высшее, вечное», – приближает к постижению его как части «высшей реальности». Конечно, писатель весьма далёк от православной идеи обожения, понимания того, что само бытие мира, со всеми его закономерностями, подчинено той Высшей инстанции, которой «сродни» человек. Отсюда, считает В.В. Зеньковский, мировоззренческая драма Тургенева. Религиозный философ определяет её следующим образом: признавая «высшие силы» и чутьём художника необычайно тонко рисуя чужой религиозный мир (например, Лиза Калитина, Лукерья из «Живых мощей» и др.), писатель в своих произведениях вплотную подходит к религиозной теме, но сам остаётся далёк от «чувства Личного Бога». В.В. Зеньковский прав, думая, что религиозный мир остаётся «закрытым и недоступным» Тургеневу потому, что он лишён «метафизики человека, религиозного сознания». Но прав религиозный философ и тогда, когда заявляет, что писателю «известны» настоящие откровения о человеке и мире, которые оказываются доступны ему в основном «через искусство, через художественные интуиции о жизни и человеке» [3, 52-53]. Спецификой художественной и философской мысли Тургенева является то, что, наряду с интуитивным постижением гармонии как изначального, подлинного бытия, ему присущи мистическое ощущение Неведомого, неподвластного человеческому разуму («Мы должны смириться и преклонить головы перед Неведомым»), и вполне логическое обоснование нравственности, в частности, сопряжение исполнения долга с рациональным сознанием человека. В пределах рациональной этики (или «этического идеализма», по В.В. Зеньковскому) проблема счастья и долга оказывается неразрешимой. Впрочем, в своём призыве к жертвованию Тургенев едва ли следует только за идеалистической философией, он идёт и навстречу христианству, поскольку в любом служении «другому», «своим братьям» проявляется служение Богу. Да и «отход» от «метафизики человека» не приводит писателя к отрицанию высоты христианских ценностей, не влечёт за собою отчуждения от вопросов о тайнстве жизни и смерти, «загадке» человека, диалектике его внутреннего мира, загадке-тайне любви. В поисках «истины» Тургенев мучается вопросом о человеке, его судьбе, а это, по словам В.В. Зеньковского, «есть тема о *метафизической устойчивости человека*, о том, зачеркивает ли смерть все то, что есть в человеке» [3, 47-48]. Признавая незыблемость природных

законов, рассматривая человека в русле секуляризованного сознания, Тургенев ищет ответ на вопрос, есть ли за границами эмпирического мира иное бытие, и в ряде произведений («Отцы и дети», например) приходит к восприятию смерти не как чего-то «неизменяемого и неизбежного», а как части бытия, которая примиряет человека с непостижимым для него высшим замыслом.

С уверенностью можно утверждать, что для философии Тургенева характерно «ценностное уплотнение мира вокруг человека» (по М.М. Бахтину). Мировоззрение писателя вбирает в себя, помимо свойственной для европейского гуманизма XIX века идеи проецирования человека в *ничто*, присущую христианскому персонализму тенденцию: высшей ценностью Тургенев утверждает не эгоистическое, а всечеловеческое в личности, не индивидуализм, а «высшее благо». Писатель не ограничивается ни пантеистическими взглядами, ни антропологическим пониманием человека. Самобытная философия Тургенева отличается центральным положением в ней Человека и Природы. Двойственность их осмысления сказывается в трактовке Природы как стихийного, таинственного, лишённого абсолютного начала *Хаоса* и как гармоничного, многообразного, бесконечного, упорядоченного *Космоса*, как «бездушной», «равнодушной» *Изиды* и как «всеобщей» *Матери*. Столь же неоднозначно тургеневское понимание человека: для писателя он – и «дитя природы», и «игрушка» «тайных сил», и часть «человеческого рода», и представитель общества, с характерными для определённых классов и групп психологией, философскими, политическими, религиозными, этическими и эстетическими взглядами, и уникальная личность, обладающая духовной сущностью («есть душа»), а значит, свободой выбора. Присущие Тургеневу мысли о пустоте и бессмысленности жизненных процессов ведут к мрачному пессимизму. Но философский пессимизм писателя преодолевается благодаря его «художественной интуиции» о жизни, природе, человеке, признанию закономерности, разумности, равновесия природных процессов. Представлениями о целостности природы-космоса как воплощения «всеобщей гармонии» обусловлена концептуальная для Тургенева идея единства мира и человека как идеальной модели существования. Жизнеутверждающий пафос писателя находит выражение в признании эстетической ценности жизни и красоты человека. Ища для него метафизическую опору в Природе, заявляя о включённости человека в порядок природного мира, подчинённости природным законам, Тургенев далёк от идеи тотальной детерминации личности. Индивидуальность писателя проявляется в том, что он, неизменно декларирующий зависимость человека от законов природы, «тайных сил» жизни, столь же неизменно настаивает на приоритете его духа над стихийными силами и видит в этом выражение подлинной сущности человека как личности.

Специфичность трактовки Тургеневым человека по сравнению с современниками и ближайшими предшественниками позволяет ввести в научный оборот

понятие «тургеневский человек» как «одного неразделенного целого», как «одного, полного человека», многогранного и неоднозначного. При том, что в жанре повести писателя интересует личность как таковая, погружённая, вникающая в самую себя, а романа – личность, вступившая в «мир всеобщего», между ними есть внутреннее единство – диалектическое взаимодействие противоположностей. «Тургеневский человек» – это и существо социальное, и «точка между двумя вечностями», в судьбе которого есть «что-то трагическое»: «либо своё, либо наложенное историей, развитием народа» [11, 98], который вмещает в себя противоречивые качества, но стремится к внутренней цельности и которому либо эгоистическая сосредоточённость на своём «я», либо альтруистическая обращённость к «другому» не позволяют ни преодолеть противоречия в составе целого, ни обрести целостности (он так и остаётся между свободой и необходимостью), ни установить гармоничного взаимодействия с окружающим миром (природой или обществом), и только смерть возвращает к истоку – Вечности. Любопытно в связи с этим наблюдение Н.В. Николаенко, которая, не прибегая к понятию «тургеневский человек», пишет о том, что два основных типа тургеневских персонажей – «герой и “лишний человек”» – оказываются «двумя ликами одной и той же фигуры», сущностными началами которой являются «отмеченность судьбою и исключенность из целого жизни», а главным событием в судьбе – смерть [4, 7]. С точки зрения исследователя, трагедия тургеневских персонажей состоит в том, что они «выпадают» из единства в природе и данный конфликт разрешает смерть. Только в одном случае («лишний человек») – это «распад индивидуальной формы и ее растворение в природе как всеобщей и неразличимой субстанции», а в другом («герой») – «преображение посредством любви и слияния с природой, воплощенной в красоте – высшем своем проявлении» [4, 19]. Нельзя забывать, однако, что в большинстве произведений (в том числе, повестях) Тургенев выходит за рамки пантеизма, в частности, пантеистической идеи растворения и исчезновения личности в безличной сфере. Для писателя слияние человека с природой означает не потерю личностью самой себя, а обретение ею своей исконной сущности. В мире – творении бессмысленной силы и одновременно гармонического единства – «тургеневский человек» присутствует

как существо творческое и разумное, обладающее свободой и сознанием, которое позволяет ему осмысленно воспринимать окружающий мир, интуитивно чувствовать «сродство» с «высшими» силами, улавливать духовную связь с природой, ощущать неразрывность с нею, и, наряду с этим, подвергать сомнению возможность соединить то, что разграничено в мире. Будучи связанным с природой «тысячью нитей», «тургеневский человек» оказывается внутренне и близок, и чужд ей. В своих произведениях писатель акцентирует внимание не на «разрыве» между «культурными» и «природными» началами в жизни человека, а на его метафизической отчуждённости от природы. Живя среди природы, чувствуя влияние её вечных и глухих законов, осознавая её «безучастие» к себе, «тургеневский человек» мучительно тяжело переживает «немоту» Вечности, свою «затерянность» в мире, трагичность земного существования, брэнность земной любви и земного счастья, неизбежность смерти. Но «тургеневскому человеку», кроме осознания собственного бессилия перед слепыми стихиями, дано чувствовать и понимать своё превосходство над ними. Хотя стремящийся к внутренней целостности «тургеневский человек» никогда не обретает её и обречён на странничество, скитание душою, но в редкие минуты прозрения он выходит за пределы своей конечной субъективности: ему открываются и великое созвучие и красота мироздания, и сочувствие и соучастие *другому*, и субстанциональная основа бытия – конечность, временность человека и его бесконечность, вечность.

Итак, начиная с первых произведений, в творческом сознании Тургенева формируются, наряду с чертами «тургеневской девушки», которую по аналогии с пушкинской Татьяной можно назвать «милым идеалом» писателя (анти-идеал – роковая женщина, «вся – огонь, вся – страсть и вся – противоречие), черты «тургеневского человека». Данный феномен представляет собою трёхсторонний и взаимообусловленный процесс, включающий в себя отражение мировоззрения Тургенева (философия личности, этико-философская и натурфилософская концепции) в «тургеневском человеке», воспроизведение различных граней его личности в их модификациях в героях писателя и разнообразие форм его воплощения в тексте, что открывает новые перспективы изучения проблемы.

Библиографический список

1. Гарева Л.Н. Субъектная организация произведений И.С. Тургенева как способ психологического изображения человека: Автореф. дис...канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 25 с.
2. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX века: В 2-х т. Т. 1. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб: Алетейя, 2000. 415 с.
3. Зеньковский В.В. Мировоззрение И.С. Тургенева. К 75-летию со дня смерти // Литературное обозрение. №11,12. 1993. С. 46–53.
4. Николаенко Н.В. Герой и проблема героизации в романном творчестве И.С. Тургенева: Автореф. дис...канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 23 с.
5. Тургенев И.С. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». С. А–ва // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. С. Т.IV. М.: Издательство «Наука», 1980, 686 с. С. 509 – 522.
6. Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. С. Т.V. М.: Издательство «Наука», 1980, 543 с. С. 330 – 348.

7. *Тургенев И.С.* Довольно // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. С. Т.VII. – М.: Издательство «Наука», 1981, 574 с. С. 220 – 231.
8. *Тургенев И.С.* Письма (1831–1849) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т 1. М.: Издательство «Наука», 1982. 607 с.
9. *Тургенев И.С.* Письма (1850–1854) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т 2. М.: Издательство «Наука», 1987. 624 с.
10. *Тургенев И.С.* Письма (1859–1861) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т 4. М.: Издательство «Наука», 1987. 767 с.
11. *Тургенев И.С.* Письма (апрель 1864–декабрь 1865) // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т 6. М.: Издательство «Наука», 1989. 368 с.
12. *Франк С.* О задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М.: Книга, 1990. 527 с. С. 422–452.

References

1. *Gareeva L.N.* Subjective organization of the I.S. Turgenev's works as a way of psychological image of the man: author's abstract. Izhevsk, 2009. 25 p.
 2. *Evlampiev I.I.* History of the Russian metaphysics in XIX-XX centuries: in 2 Vol. Vol.1. Russian philosophy in search of the Absolute. Spb.: Aletheia, 2000. 415 p.
 3. *Zenkovskiy V.V.* I.S. Turgenev's outlook. On the 75th anniversary of his death // Literary review. №11, 12, 1993. Pp. 46 - 53.
 4. *Nikolaenko N.V.* The character and the glorification problem in the novel works of the I.S. Turgenev: author's abstract. Voronezh, 2010. 23 p.
 5. *Turgenev I.S.* Notes of a rifle hunter of the Orenburg province // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. IV. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 509 - 522.
 6. *Turgenev I.S.* Hamlet and Don Quixote // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.V. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 330 - 348.
 7. *Turgenev I.S.* Dovolno // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.VII. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 220 - 231.
 8. *Turgenev I.S.* Letters (1831 - 1849) // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. I. Moscow: Nauka, 1982. 607 p.
 9. *Turgenev I.S.* Letters (1850 - 1854) // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. II. Moscow: Nauka, 1987. 624 p.
 10. *Turgenev I.S.* Letters (1859 - 1861) // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. IV. Moscow: Nauka, 1987. 767 p.
 11. *Turgenev I.S.* Letters (April 1864 - December 1865) // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol. VI. Moscow: Nauka, 1989. 368 p.
 12. *Frank S.* Problems of knowledge about Pushkin // Pushkin in Russian philosophical criticism. М.: Книга, 1990. 527 p. Pp. 422-452.
-

И.А. БИЛИБИНА

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет
E-mail: kaflit_20-21@mail.ru

I.A. BILIBINA

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University
E-mail: kaflit_20-21@mail.ru

РОЛЬ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ И РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «14 ДЕКАБРЯ»

THE ROLE OF BIBLICAL QUOTATIONS AND REMINISCENCES IN D.S. MEREZHKOVSKY'S NOVEL "DECEMBER 14"

В романе Д.С. Мережковского «14 декабря» показано декабристское восстание как «религиозная» революция. Герои оценивают свои чувства, поступки, состояния через призму Священного Писания, что придает повествованию вневременной характер.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, роман «14 декабря», библейские цитаты и реминисценции, идея Царства Третьего Завета.

In D.S. Merezhkovsky's novel "December 14" the Decembrist uprising is depicted as a "religious" revolution. Characters evaluate their feelings, actions, conditions in the light of Holy Scripture, and that makes the story timeless.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, novel "December 14", biblical quotations and reminiscences, idea of the Third Testament Kingdom.

В свете произошедших в России революционных событий в начале XX века Д.С. Мережковский в своей трилогии «Царство Зверя» обратился к теме декабристского восстания для осмысления его роли в истории страны. В романе «14 декабря» (1918 г.) бунт на Сенатской площади изображен писателем не просто как политическая революция, носящая социальный характер, а революция «религиозная», в которой «... религиозная правда личная сливается с религиозной правдой общественной. Потому-то так и крепка общественность, что за нею – религия, за временным – вечное» [2, 377].

По мысли Мережковского, именно декабристами «...впервые Благовестие, Евангелие Царствия Божия (курсив автора – И.Б.) понято и принято не как мертвая, идеальная и бесплотная отвлеченность, а как живая, действительная реальность, как основание нового религиозно-общественного порядка, абсолютно противоположного всякому порядку государственному» [3, 72].

Это объясняет частое обращение писателя в романе к библейским текстам. Цитаты и реминисценции из Священного Писания выполняют различные функции. Они выражают мысли, чувства, состояния героев (в основном декабристов); характеризуют их действия и поступки; раскрывают авторскую идею о грядущем Царстве Третьего Завета, Царстве Духа-Матери. Как справедливо отмечает исследователь Т.И. Дронова, «сплавляя рассказ о “земных” событиях с сакральным текстом, писатель придает повествованию нравственно-философскую и эстетическую глубину» [1, 101].

Через библейские цитаты и реминисценции

Мережковский объясняет причину бездействия декабристов. Называя героев «планщиками», писатель показывает их духовную неподготовленность к совершению восстания, так как над ними постоянно довлел тяжесть неразрешимого вопроса – о необходимости убить царя и всю его семью для создания новой России, новой жизни и невозможности это сделать, переступить через свои нравственные установки. Евгений Оболенский, один из основателей Северного тайного общества, так характеризует декабристов и причину их нерешительности: «“Планщики”, теоретики, лунатики. Ходим по крыше, по самому краю, а назови любого по имени, – упадет и разобьется оземь. Все наше восстание – Мария без Марфы, душа без тела» [4, 45]. Для объяснения их бездействий он обращается к эпизоду Евангелия от Луки, когда Иисус посещает Лазаря и его сестер Марфу и Марию. В то время, когда Христос проповедовал, Марфа заботилась об угощении, а Мария слушала Его учение (Евангелие от Луки, X, 38-42). Тем самым Мережковский указывает на «...неисполнимость задуманного ими в пределах «земной» истории, «нематериальность» устремлений» [1, 100].

Через евангельский текст раскрывается образ Сергея Петровича Трубецкого, «диктатора» Северного тайного общества. Трубецкой тоже мучается. Он понимает, что не может быть заодно с декабристами, которые «хотят истребить всех членов царской фамилии» [4, 51], не может пожертвовать ради идеи своим семейным благополучием. Трубецкого посещают мысли о том, чтобы уйти из тайного общества, бросить своих единомышленников в самую ответственную минуту.

Поэтому перед восстанием на встрече с Рылеевым он сравнивает себя с Иудой, предавшим Иисуса Христа: «Трубецкой думал только о том, как бы уйти поскорей: боялся, чтобы опять дурно не вышло. Вдруг обнял и поцеловал Рылеева. “Целованием ли предаешь Сына Человеческого?” — подумал и выбежал из комнаты» [4, 57]. С этим вопросом обратился Христос к предавшему его Иуде (Евангелие от Луки, XXII, 48). Эта евангельская реминисценция говорит не только о нерешительности и страхе Трубецкого, но и предсказывает его будущее предательство, поскольку он так и не выйдет 14 декабря на площадь вместе со всеми.

Валериан Голицын, выразитель авторских идей в романе, сравнивает Трубецкого с молодым «богачом евангельским», который «отошел с печалью» в сердце от Господа, потому что не захотел раздать свое имущество, чтобы следовать за Ним. Как и евангельский богач, Трубецкой не смог пожертвовать своим семейным благополучием ради общего дела. Однако Голицын не осуждает его, так как понимает, что малодушие и страх охватили почти всех декабристов: «Да, Трубецкой *отошел с печалью* (курсив автора – И.Б.), как тот богач евангельский. Но чем он хуже меня, хуже нас всех? Кто знает, что будет с нами завтра? Не отойдем ли и мы с печалью?» [4, 53].

Постепенно образы декабристов в романе вырастают. Герои приобретают ореол мучеников. Размышляя перед казнью декабристов о будущей судьбе России, о значимости их действий для страны, Голицын вспоминает слова из Евангелия от Луки (XIX, 42-44): «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! О, если бы ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему; но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» [4, 235-236]. Сравнивая Россию с Иерусалимом, а шесть приговоренных к смерти декабристов с библейскими пророками, Мережковский указывает на непреходящее значение декабристского восстания, тем самым выводит повествование во вневременную плоскость, за пределы «земной» истории.

Эта же мысль раскрывается и в другом эпизоде, когда перед казнью отец Петр Мысловский обращается к приговоренным к смерти декабристам словами Иисуса Христа: «Аминь глаголю тебе: днесь со Мною будешь в раю!» [4, 250], предвещая им участь одного из разбойников, распятого вместе с Христом (Евангелие от Луки, XXIII, 43), который в последний момент покаялся и первый вошел в Царствие Небесное.

В Священном Писании декабристы также ищут утешения, утверждения в правильности своих действий. Словами из Писания декабристы поддерживают друг друга, пытаются предать себе решимости. Так, например, растерянному и сомневающемуся Рылееву Оболенский напоминает слова из Евангелия от Иоанна

(XVI, 21): «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мире» [4, 79]. А далее Оболенский произносит слова Христа, обращенные к ученикам и предвещающие Его Воскресение после смерти: «Вы теперь имеете печаль, но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Евангелие от Иоанна, XVI, 22) [4, 79]. Обе цитаты строятся на контрасте: настоящее время сопряжено со скорбью, печалью; будущее – с радостью. Поэтому революция для декабристов – это одновременно великая скорбь и великая радость. Таким образом, писатель противопоставляет «земную» историю и «небесную», еще раз указывая на то, что действия декабристов имеют вневременное значение.

В романе через библейские реминисценции Мережковский неоднократно раскрывает свою идею о грядущем Царстве Третьего Завета, Царстве Духа-Матери, которое наступит уже в преображенной действительности. По мысли писателя, именно третья ипостась Божественной Троицы может спасти все человечество от нравственной гибели, именно женское начало может гармонизировать мир.

Так, например, перед допросом Рылеев вспоминает ту ночь, когда его пришли арестовывать, и свою жену Наташу, которая «... бросилась к нему, обвила его руками, закричала криком раздирающим, похожим на тот, которым кричала в родах:

– Не пуцу! Не пуцу!

И обнимала, сжимала все крепче» [4, 147]. Чувствуя свою приближающуюся смерть, Рылеев жалеет жену, которая, как и Богородица, «... будет стоять у креста, и ей самой оружие пройдет душу, а за что – никогда не узнает» (Евангелие от Луки, II, 35) [4, 147-148]. Обращение к образу Пресвятой Богородицы через евангельскую реминисценцию указывает на наличие в героине не только огромной любви к мужу, но и самого главного – материнского начала.

Свое представление о грядущем Царстве Третьего Завета Мережковский раскрывает через обращение своих героев к книге пророка Исаии (книга Исаии, XI, LXV, LXVI), выписки из которой читает Муравьев Бестужеву перед казнью: «“... Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей: ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море. И будет: прежде нежели они воззовут, Я отвечу; они еще будут говорить, и Я уже услышу. Как утешает кого-либо мать, так утешу Я вас...”» [4, 244].

Таким образом, цитаты и реминисценции из Священного Писания в романе «14 декабря» несут на себе важную смысловую нагрузку. Через призму библейских текстов Д. Мережковский характеризует чувства, мысли, действия героев, раскрывает свои религиозно-философские взгляды. Насыщенность романа цитатами и реминисценциями придает произведению вечный, вневременный характер.

Библиографический список

1. Дронова Т.И. Трилогия Д.С. Мережковского «Царство Зверя»: историософская концепция и ее воплощение в слове // Слово в системе школьного и вузовского образования: Материалы межвуз. науч. конф. Саратов, 1998. С. 98-103.
2. Мережковский Д.С. Декабристы в 60-е годы // Было и будет. Дневник. 1910-1914; Невоенный дневник. 1914-1916. Москва, 2001. С. 369-378.
3. Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская мысль. Москва, 1907. Год двадцать восьмой, кн. II. С. 64-85.
4. Мережковский Д.С. 14 декабря // Собр. соч.: В 4 томах. Т.4. Москва, 1990. 672 с.

References

1. Dronova T.V. D.S. Merezhkovsky's trilogy "The Kingdom of the Beast": historiosophic conception and its realization in the word. // Interuniversity scientific conference proceedings. Saratov, 1998. Pp. 98-103.
 2. Merezhkovsky D.S. Decembrists in 1860-s. // Diary. 1910-1914; Nonmilitary diary. 1914-1916. Moscow, 2001. Pp. 115-124.
 3. Merezhkovsky D.S. Revolution and religion. // Russian thought. M., 1907. The 28 year, book II. Pp. 64-85.
 4. Merezhkovsky D.S. December 14. // Merezhkovsky D.S. Collected works: in 4 volumes. V.4. Moscow: Pravda, 1990. 672 p.
-

А.Л. ДМИТРОВСКИЙ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет
E-mail: dmitrovskiyAL@yandex.ru

A.L. DMITROVSKY

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of journalism and public relations, Orel State University
E-mail: dmitrovskiyAL@yandex.ru

БЕЛЛЕТРИСТИКА: ПОИСК МЕСТА В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ

FICTION: THE SEARCH OF A PLACE IN THE SYSTEM OF JOURNALISM GENRES

В статье изложены результаты исследований сущности беллетристики как вида творческой деятельности журналистики с позиции экзистенциальной теории журналистики и теории жанров, предложенной автором. Обосновано положение об истории (рассказе) как стержневом, центральном жанре данной сферы, а также рассмотрена периферия – основные популярные беллетристические виды и формы, используемые журналистами в своём творчестве.

Ключевые слова: экзистенциальная теория журналистики, беллетристика, жанры журналистики, философско-антропологический подход (антропоцентризм), история, рассказ, психология творчества.

The article presents the results of the research of the essence of fiction as a form of creative activity from the standpoint of Existential journalism theory and the theory of genres proposed by the author. The concept of the story (tale) as a pivotal, central genre in this sphere was substantiated. Also the author reviews the periphery (the basic, popular fiction types and forms used by journalists in their creative work).

Keywords: existential theory of journalism, fiction, genres of journalism, philosophical and anthropological approach (anthropocentrism), the story, the tale, the psychology of creativity.

В процессе становления журналистики как социального института в XIX веке, наряду с институционализацией собственно журнализма, в её рамках формируются и постепенно обособляются ещё два «сегмента» творчества – публицистика и предмет нашего интереса – беллетристика. Впервые о её самостоятельности (отдельности как от журналистики, так и от «большой» литературы) заговорил Виссарион Белинский, затем эту мысль поддерживали и другие русские писатели и журналисты. Однако предложенная Лениным партийная концепция печати игнорировала иные взгляды на суть и формы «литературной работы». А беллетристика (как, кстати, и эссеистика) была заменена пролетарской художественной публицистикой. Тем не менее, даже под чужим именем она нашла путь в СМИ: в виде очерков, рассказов, сатирических произведений, радио- и телепостановок, путешествий и т.п. Сегодня, думается, вполне пришло время вернуть данной сфере творческой деятельности журналистики её исторически и сущностно верное название.

Как нам видится, по сути (в целом) использование термина «беллетристика» более адекватно пониманию сущности той группы жанров журналистики, которая ранее обозначалась как художественно-публицистическая. Мы убедились, что беллетристику как особую сферу творчества выделяли многие писатели и журналисты. И потому использование точного термина для соответствующей – самостоятельной! – сферы

общественной деятельности может и должно принести пользу. Замена сложного и запутывающего определения «художественно-публицистический» (смешивающего, как оказывается, два совсем разных вида творчества) на строго соответствующий сути деятельности термин «беллетристика» внесёт, как нам кажется, ясность – как в процесс подготовки журналистов, так и в профессиональное их творчество.

Можно сформулировать основные исходные тезисы исследования:

– беллетристика – одна из трёх сфер деятельности журналистики, связанная с удовлетворением потребности аудитории в художественно-образном ценностном осмыслении происходящих событий. С этой точки зрения она имеет собственную специфику как видовую, так и формально-содержательную;

– термин «беллетристика» более точно отражает сущность той сферы творческой деятельности журналистики, которая в советской («коммунистической») теории прессы обозначалась термином «художественная публицистика». Термин же «художественная публицистика», как смешивающий два совершенно разных типа/вида творчества (публицистику и литературу), приводил к запутанности понимания журналистики как студентами и учёными, так и практиками;

– как сфера деятельности журналистики, беллетристика имеет документальную основу (реальные события), а её предметом выступает человек (современ-

ник в самом широком смысле) во всём многообразии его взаимоотношений с окружающим миром;

– в современном информационном обществе, когда именно СМИК отведена ведущая роль в социализации личности, беллетристика выполняет важнейшую задачу – формирует концептосферу современного человека, его систему ценностей и мировоззрение.

Прежде чем перейти к непосредственной характеристике жанровых форм беллетристики, определимся с основными дефинициями экзистенциальной теории журналистики, в рамках которой велась работа.

Итак, *журналистика* как исторический социокультурный феномен есть сложная, открытая, многоуровневая, динамичная, эволюционная система, подчинённая (как любая система) единственной социальной задаче, генеральной функции – устранять избыточные мнения и формировать единую картину мира на основе социально-эстетической и/или нравственной оценки текущей действительности.

Журналистика в индивидуально-творческом аспекте – это деятельность по ежедневной фиксации наблюдаемых фактов и событий. Журналистика в «узком» смысле, как профессиональная деятельность, есть *журнализм* – профессиональная деятельность по поиску фиксации и публичному оперативному оглашению социально востребованных смыслов и сведений (как правило, в форме фактов и/или событий).

Под *публицистикой* с точки зрения институциональной мы понимаем сферу деятельности журналистики, связанную с анализом, прогнозированием, оценкой актуальных социальных проблем современности и поиском/оценкой приемлемых путей их разрешения. С точки зрения персонального делания под публицистикой можно понимать деятельность по анализу, прогнозированию и оценке современной социальной действительности с целью обнаружения актуальных социальных проблем, публичному оглашению их и обсуждению приемлемых для общества путей их разрешения. Сюда же можно отнести эссеистику. Эссе – произведение, отражающее экзистенциальную рефлексию автора. Если говорить о ней как об особой форме творчества, в самом широком понимании, то *эссеистику* можно определить как особую сферу творчества в публицистике, связанную с удовлетворением потребности аудитории в межличностном (экзистенциальном) общении. С профессиональной точки зрения (в узком смысле) эссеистика есть публичная рефлексия над экзистенциальными проблемами собственного существования.

Соответственно, в журналистике функционируют три пары смыслов, чётко соотносящихся с её сферами: стимулы и мотивы в журнализме; знания и умения в публицистике; эмоции и экзистенциалии в беллетристике. Формой этих смыслов выступают, соответственно, факты и события («длящиеся» факты); социальные проблемы; образы и концепты.

Цель каждой сферы деятельности также будет особой: формирование картины мира в журнализме; анализ социального процесса в публицистике; форми-

рование концептосферы (или системы ценностей) в беллетристике.

Основная характеристика произведений беллетристических в том, что в отличие от художественно завершённых, «замкнутых» в своей завершённости и потому оторванных от живой жизни произведений искусства, они прямо связаны с происходящими в обществе событиями, посвящены им, их осмысляют. При этом отмечается, что от публицистики они отличаются «безадресностью», отсутствием конкретных упоминаний фамилий, имён, мест и дат, хотя само событие или персонаж читателем, без сомнения, легко угадываются (например, в фельетоне, рассказе или романе).

При этом беллетристика как минимум должна быть актуальной для аудитории в данный момент, давать своего рода ориентиры в быстро меняющейся окружающей действительности, формировать ценности. Вот как эту задачу определяет А.Мирошниченко в книге «Когда умрут газеты»:

«Распространённый миф по поводу традиционных СМИ гласит, что СМИ предлагают обществу информацию. Но уже и в классических СМИ ключевая функция – помочь читателю сориентироваться в море информации. И читатель, и рекламодатель платят СМИ именно за это. То есть навигационная функция давно выдвинулась на первый план. <...> Вот этим и будут заниматься медийные технологии в будущем – продвигать автора (или инвестора) ради каких-то других, немедийных интересов. Поэтому журналистам придётся перекалцироваться обратно в глашатаи, герольды и зазывалы. С движущимися картинками»¹.

Т.е. помогать ориентироваться, трактовать события наиболее значимые, реальные – «что делать», «как жить» и, главное, во что верить... Вот как по этому поводу высказался английский писатель Э.Л.Доктороу в эссе «Гимн сочинительству»: «В нашу эпоху, хотя мы и расщепляем функции языка и знаем, что научное рассуждение – это не поэтическое слово, что богословская проповедь – это не то, как мы разговариваем у себя на кухне, хотя наши обзоры требуют точной статистики, наши суды требуют улики, а наши гипотезы требуют доказательств, всё равно наше сознание устроено так, что самое естественное для нас – рассказывать истории»².

Интересно мнение редактора журнала «Русский репортёр» Виталия Лейбина. На вопрос журналистки: «говорят, что сейчас в моде журналистика «фаст-фуд», что люди не хотят читать, ленивыми стали, что им нужны маленькие тексты, в которых слова попроще. Так ли это?», – он ответил следующее:

«То, что «фаст-фуд» в моде, – это правда. Но это не значит, что нужно всегда следовать моде. Не факт, что лучшая стратегия – бороться за то, как делают все. Сегодня на вопрос, что читаете, студенты российских

¹ Андрей Мирошниченко. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011. С. 180, 192.

² Доктороу Э.Л. Гимн сочинительству (О значении художественного вымысла) /Пер. с англ. Д.Аграчева // Литературная газета. 1987. № 41 (7 октября). С. 15. Цит. по: Кайда Л.Г. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 162-163.

журфаков отвечают, что «Русский репортёр». И это приятно, мы на это не рассчитывали. Просто сделали рискованную ставку: попытались создать то, чего на рынке нет, и все утверждали, что быть не может. Мы хотели вернуть культуру чтения репортажа. Не информационного, а журнального – большого, публицистического. Да, в нашем журнале большие тексты, но мы стремимся быть изданием массовым. Культура чтения наших народов похожа, скорее, на континентальную, чем на английско-британскую, где и художественные, и журналистские тексты очень лаконичны. Видимо, английский язык способствует лаконизму высказываний. Но немецкая журналистика 60-х годов и до последнего времени (и «Шпигель», и «Штерн») – это журналистика больших расследований, иногда – сильных эмоций. Да и советская школа связана с литературой. Создавая журнал, мы исходили из того, что наша культура – литературоцентрична, что люди истосковались по тому, чтобы читать»³.

Успех журнала показывает, что его основатели правы и основа в журналистике всё-таки должна быть документально-беллетристической. Рассмотрим теперь жанры беллетристики.

Жанровой системе СМИ постсоветского периода посвящены работы многих известных ученых: А.А. Тертычного, М.Н. Кима, Г.В. Лазутиной, С.С. Распоповой, Л.Е. Кройчика, В.В. Смирнова, А.И. Аكوпова, Л.В. Шibaевой, Е.Е. Прониной, О.Р. Самарцева и других учёных. Однако вопрос остается открытым: одни исследователи придерживаются прежней традиции деления газетных текстов на три группы и поэтому тексты, функционирующие в СМИ, идентифицируют исходя из трехчастной структуры (А.А. Тертычный); другие, напротив, принципиально от этой традиции отказываются, считая абстрактный принцип доминанты какого-либо одного свойства – информации, анализа или образности – неприемлемым (Л.Е. Кройчик, О.Р.Самарцев, Е.Е. Пронина и другие).

Отмечая всю сложность и потому высокую актуальность проблемы жанрово-стилистической типологии, ещё один современный исследователь отмечает: «Диффузия жанрово-стилистических свойств газетных текстов, усилившаяся в конце прошлого века, привела к значительным изменениям в жанровой системе публицистики, описание которой вызывает большой интерес теоретиков журналистского мастерства.

Актуальность этой проблемы прежде всего обусловлена тем, что вопрос о системе жанров, составляющих текстовое пространство массовой коммуникации XXI века, является одним из центральных в современной теории и практике публицистики. Формирование новой жанровой структуры публицистических текстов вызывает повышенное внимание ещё и потому, что рассмотрение каждого отдельно взятого жанра публицистики вне системы не представляется целесообразным.

3 Ковалева Ирина. Нет, пресса не умрёт// Крымская правда[Эл. документ]. Режим доступа: <http://www.format-a3.ru/events/event-69/articles/515.html>

По утверждению М.Н. Кима, системный подход позволяет определить место жанра в ряду других жанровых разновидностей, выделить его общие и отличительные признаки, а также установить его родовые или видовые связи с другими жанрами»⁴.

Однако сегодня имеются и иные, менее дифференцирующие подходы к типологии журналистских жанров и, соответственно, журналистского творчества. В частности, в последнее время при решении проблемы жанровой классификации газетных текстов отечественные учёные всё чаще обращаются к опыту зарубежных СМИ. Учитывая возросшее влияние на отечественные СМИ западной журналистики, О.Р.Самарцев, опираясь на британскую модель, обращается к характерным для зарубежной теории журналистики подходам. Все многообразие жанров, согласно его концепции, сводится к двум видам письма – созданию новостей и созданию статей для газет и журналов, более расположенных к публицистике и «очерковой манере»⁵. Фактически – к репортажу и беллетристике.

Среди большого разнообразия мнений о жанровой структуре современной публицистики особого внимания заслуживает позиция Г.В. Лазутиной и С.С. Распоповой, которые связывают данное понятие не с текстом, а с *целостным представлением о творческой деятельности*. «Для нас жанр, – считают авторы книги «Основы журналистского творчества», – не тип текста, не «группа текстов, обладающих устойчивыми содержательно-формальными признаками», а вид определенного творчества, отмеченный устойчивыми особенностями не только на уровне продукта (текст), но и на уровне способа деятельности»⁶.

Согласно такой интерпретации, выделяются жанры новостной журналистики (краткая новостная заметка, расширенная новостная заметка, репортаж, критическая заметка), проблемно-аналитической журналистики (обозрение, комментарий, корреспонденция, статья), очерковой журналистики (житейская история, зарисовка, очерк, эссе), смеховой журналистики (юмористика, сатирическая заметка, фельетон, памфлет).

Учитывая заметно выраженный интерактивный характер современной журналистики, авторы полагают, что есть основания выделить жанровую группу, в которой специфику жанра определяет интерактивность (обзор писем, вопрос-ответ, отчет, интервью, литературная запись, беседа, блиц-опрос, круглый стол, ток-шоу).

В связи со всем вышеизложенным становится очевидно, что беллетристику, во-первых, с точки зрения архитектоники нужно чётко разделить на два «макрожанра», класса (это будет правильно и с точки зрения дальнейшего употребления самого термина «беллетри-

4 Ляпун С.В. Новые подходы к классификации газетных жанров в теории и практике журналистики//Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 72-73.

5 Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста: очерки теории и практики. М.: Академический проект, 2007. С. 290.

6 Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 8.

стика»): с одной стороны, беллетристика есть синоним литературы вообще и (либо) её массовых образцов в частности. Это, так сказать, употребление слова не строго терминологически, а в самом широком смысле: «литература равно беллетристика».

С другой стороны, применительно к журналистике, слово «беллетристика» приобретает совершенно чёткое, «узкое» и конкретное терминологическое значение. Этим словом обозначается класс текстов совершенно определённого вида: небольшого объёма, в центре которых находится человек, наш современник, решающий так или иначе актуальные социально-нравственные проблемы. И интерес к нему журналистов и общества вызван именно тем, что проблемы, поднимаемые в его «истории», актуальны для всех, имеют концептуальное наполнение.

Получается, что беллетристика – бывшая своего рода пограничной территорией между журналистикой и литературой – сегодня уже чётко оформляется в сферу самостоятельной деятельности. От первой она берёт фактографическую, документальную основу (события и люди должны быть узнаваемы аудиторией) и проблематику, а от второй – художественный (образно-ценностный) метод их – событий и персонажей – описания и понимания. Однако, как мы видим, она – весьма сложное образование. Это требует выделения в самой беллетристике её видов, своего рода направлений.

И с этой точки зрения в современной журналистике можно, по всей видимости, говорить о беллетристике четырёх видов: журнальной, телевизионной, радиальной и сетевой (или мультимедийной; появился даже термин – «сетература»).

Влияние интернета явно сказывается на беллетристике других видов. Она становится более краткой и лаконичной, тяготеющей к интерактивности. Новое рождение переживают такие формы журналистики, как обзор писем, вопрос-ответ, отчет, интервью, литературная запись, беседа, брифинг, круглый стол, ток-шоу. А также сравнительно новый, «гибридный», не совсем журналистский телевизионный жанр как «игра» (Третьяков⁷).

Бурный расцвет переживает и теледокументалистика («Анимал планет», «Хистори», «Нэшнлгеографик» и другие каналы; цикл передач на «России-2» «Моя планета» и т.п.). Традиционные для журналистики формы осмысления действительности, и главным образом очерк, постепенно отвоёвывают место у «голой» информации. В качестве яркого примера творческой удачи можно привести пример экранного долгожителя «Непутевые заметки» Д.Крылова (1-й канал) – серии путевых очерков, окрашенных одновременно лиризмом и мягким юмором автора.

Сильно изменилась беллетристика журнальная: достаточно взять в руки один из самых успешных и популярных журналов России «Cosmopolitan», чтобы

убедиться в том, что, с одной стороны, толстый гляцевый журнал – нечто совершенно новое для традиционной советской журналистской практики, а с другой – что жанрово-стилистическое обновление коснулось (и оставило жить) всё-таки традиционного набора жанров. Это прежде всего путешествия, криминальная и любовная истории, рассказ, эссе, зарисовка, лёгкий фельетон, биография, очерк, статья-исследование по заданию редакции (эксперимент), письмо.

Несмотря на появление массы иноязычных терминов (фиче, сторителлинг, трендовая статья⁸ и т.п.) добротная журналистика всё же «держится» проверенных временем жанровых форм. Даже появление так называемого «нового журнализма» или «газетного сериала» не меняет веками сложившихся «жанровых ожиданий аудитории». Несколько изменяется лишь методика сбора информации и подача материала («реконструкция события» в новом журнализме или допускаемый «домысел» в очерке).

Напоследок можно определить, так сказать, «жанровую периферию» «журналистской» беллетристики. Поскольку сегодня принято обозначать журналистику термином «масс-медиа», то есть «средствами массового воздействия», то в «хозяйство» журналистики попали и некоторые, ранее не всегда относимые к ней, формы. Так, публицистика не ограничивается (как и беллетристика) лишь газетной полосой или телеэкраном. Она пользуется и порядком подзабытой формой брошюры (статья объёмом порядка 40 тысяч знаков, выпускаемая отдельной тонкой книжкой), и привычной формой книги...

В плане жанров также царит разнообразие: романы, повести, рассказы, новеллы, сказки и фельетоны. Как и в форме сатиры или воспоминаний, автобиографий, дневников, писем, путешествий.

Можно вспомнить самого Салтыкова-Щедрина, относившего к беллетристике автобиографию: «Вы указываете мне на автобиографический труд, но он и прежде меня уже заманивал. <...> Но Вы, кажется, ошибаетесь, находя эту работу лёгкою. По моему мнению, из всех родов беллетристики это самый трудный»⁹.

Впрочем, большая часть жанров осталась прежней, лишь пройдя так называемую трансформацию: те же воспоминания, путешествие (например, новоиспечённый жанр «автостопа»), письма, обладающие художественными достоинствами («Письма президенту» Минкина в «Московском комсомольце»: сначала печатались в газете, а позже были выпущены отдельной книгой).

Можно отметить и фальсификации, подделки под беллетристику, состоящие в том, что придают форму романа или рассказа произведениям нехудожественным по своим основным заданиям. Это так называемые «тенденциозные», или, проще, публицистические

8 Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2013.

9 Русские писатели о литературном труде (XVIII-XX вв.): Сб. в 4 т. /Под общ. Ред. Б.Майлаха. Л.: Советский писатель, 1954-56. Т. 2. СС. 660-661.

7 Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом. Курс лекций по теории и практике современной русской журналистике / Предисл. С.А.Маркова. М.: Ладомир, 2004. С. 366-380.

произведения. Знаменитым, хотя, пожалуй, наименее художественным, но весьма значительным во многих других отношениях сочинением этого рода является «Что делать?» Чернышевского. Можно вспомнить и А. Проханова с его «романом» «Господин гексоген» о Борисе Березовском.

К подделкам под беллетристику, а точнее к ложной беллетристике следует также отнести так называемую бульварную литературу. Основное её предназначение лежит в области удовлетворения не художественных, ценностных стремлений, а низких и пошлых интересов. Это прежде всего расплодившаяся криминальная тематика, а также порнография, поощряемая иногда вполне respectable изданиями. Так, например, вполне приличный женский журнал «Космополитен» предлагал читательницам принять участие в конкурсе написания порнорассказов и даже опубликовал статью о том, как это сделать технически¹⁰.

К смешанному роду беллетристики могут быть отнесены и так называемые художественно-философские произведения, начиная от диалогов Платона («Пир», «Федр», «Федон» и др.) и заканчивая философской беллетристикой Паоло Коэльо.

Также можно, по всей видимости, отнести к беллетристике научную эссеистику и утопические произведения социального и научно-технического характера.

Тем не менее, основа беллетристики – рассказ или, понимая это слово шире, какая-либо «история» (событие, происшествие, случай), имевшая в той или иной степени фактическую реальную основу. Отсюда важное свойство беллетристических произведений – узнаваемость событий и персонажей аудиторией. При этом надо отметить, что беллетристика имеет огромное количество жанровых разновидностей, но всё же её основой остаётся «рассказ о событии».

Характеризуя рассказ в целом и определяя его как «всякое небольшое повествовательное прозаическое литературное произведение с реалистической окраской, содержащее развернутое и законченное повествование о каком-либо отдельном событии, случае, житейском эпизоде и т.п.», авторы пишут о том, что этим термином обозначается собственно не один жанр какого-либо определённого «стиля», а целая группа близких, сходных, но не тождественных жанров. С этой мыслью невозможно не согласиться, добавив лишь, что эта «группа близких, но не тождественных» жанров и составляет основу «журналистской» беллетристики.

Отмечая справедливость такого определения рассказа, современный исследователь пишет, уточняя, следующее:

«Рассказ – малая форма эпического рода литературы; небольшое по объёму прозаическое произведение. В отличие от очерка рассказ имеет сюжет и конфликт и является менее документальным, т. е. содержит художественный вымысел. Новелла отличается от рассказа динамичностью построения и, как правило, неожидан-

ной развязкой сюжета. В зависимости от содержания различаются рассказы двух видов: новеллистического и очеркового типа»¹¹. Данное определение, на наш взгляд, более точное, так как трактует рассказ относительно очерка и такой его характеристики, как «документальность», или по-журналистски – «адресность».

По мнению учёного, в основе рассказа новеллистического типа лежит некий случай, раскрывающий становление характера главного героя. Такие рассказы фиксируют либо момент, изменивший мировосприятие героя, либо несколько событий, приведших к этому моменту: «Повести Белкина» А.С.Пушкина, «Невеста» и «Ионыч» А.П.Чехова, «босаяцкие» рассказы М.Горького. Рассказ такого типа восходит к литературе Возрождения, где множество рассказов новеллистического типа объединялись в более крупное произведение: так построены «Дон-Кихот» М. Сервантеса, «Жиль Блаз» А.Р.Лесажа, «Тиль Уленшпигель» Ш. де Костера.

Рассказ же очеркового типа фиксирует некое состояние мира или общества, его задача – показать не ключевой момент, а обычную, нормальную жизнь какой-либо группы людей или одного человека, выбрав для этого наиболее типичный момент: «Записки охотника» И.С.Тургенева, «Антоновские яблоки» И.А.Бунина, «Конармия» И.Э.Бабея. Такие рассказы часто входят в состав более крупного произведения, разворачивающего нравоописательную картину, часто с сатирическим пафосом: например, у Дж. Свифта, М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Рассказ, отмечает исследователь далее, может соединять в себе и обе тенденции: автор использует новеллистическую форму для нравоописательного содержания. Пример – «Муму» И.С.Тургенева, «Смерть чиновника» А.П.Чехова и т. д.

Рассказ остается продуктивным жанром и в настоящее время. Выделяют такие его разновидности, как рассказ бытовой, психологический, философский, сатирический, фантастический (научная фантастика и фэнтези), близкий к новелле, практически бессюжетный и т.д.

В целом жанровая структура беллетристики, активно используемая в журналистике, будет выглядеть следующим образом. Родовой (стержневой) жанр – *рассказ*: история, повествование о каком-либо событии, происшествии в образной, художественной форме.

Периферия:

1. зарисовка (субъективное, образное, эмоциональное описание конкретной ситуации и переживаний с нею связанных);
2. репортаж («рассказ очевидца с места события»; литературная запись совершающегося события, очевидцем и участником которого выступает журналист);
3. очерк (беллетристическое произведение, содержащее описание того или иного социального типажа либо характера конкретного человека и ставящее задачей рассмотреть сквозь призму их судеб и жизненных

¹¹ Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия // Под ред. проф. Горкина А.П. М.: Росмэн, 2006 [эл. документ]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3924/Рассказ.

¹⁰ Кира Суханова. Проза о позах // Cosmopolitan. 2009, июнь. С. 190-193.

перипетий актуальные проблемы современности);

4. хроники (художественное описание истории политических, общественных или семейных событий);

5. история (беллетристическое произведение, повествующее о каком-либо происшествии, случае, значимом для автора: «криминальная история» – преимущественно о неприятном событии, конфликте; «любовная история» – о перипетиях личных взаимоотношений; «смешная история»/«анекдот» – о забавном случае и т.д.);

6. фельетон (беллетристическое произведение, в юмористическом, сатирическом, иногда саркастическом

ключе высмеивающее социальные пороки, недостатки и явления на примере конкретных людей; часто имеет сознательно уничижительный характер, приближаясь к памфлету);

7. путешествие (беллетристическое произведение, в котором автор с познавательной либо развлекательной целью описывает свою поездку или передвижение пешком по каким-либо местам или странам).

И последнее. Можно, наверное, вывести своего рода формулу беллетристики, обозначив её условно как «три Д»: Документальность – Драматизация – Домысел.

Библиографический список

1. Андрей Мирошниченко. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011.
2. Дмитровский А.Л. ЖАНР ЭССЕ: Очерк теории жанра. Монография. Орёл, 2006.
3. Дмитровский А.Л. Экзистенциальная теория журналистики: к сущности концепции. Методологические разъяснения и схемы // ЗНАК: проблемное поле медиаобразования. 2013. № 1 (11).
4. Дмитровский А.Л. Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. №2 (10).
5. Доктороу Э.Л. Гимн сочинительству (О значении художественного вымысла). Пер. с англ. Д.Аграчёва // Литературная газета. 1987. № 41 (7 октября).
6. Кайда Л.Г. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта: Наука, 2008.
7. Кира Суханова. Проза о позах // Cosmopolitan. 2009, июнь.
8. Ковалева Ирина. Нет, пресса не умрёт // Крымская правда [Эл. документ]. Режим доступа: <http://www.format-a3.ru/events/event-69/articles/515.html>
9. Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2013.
10. Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. М.: Аспект Пресс, 2011.
11. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия // Под ред. проф. Горкина А.П. М.: Росмэн, 2006 [эл. документ]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3924/
12. Ляпун С.В. Новые подходы к классификации газетных жанров в теории и практике журналистики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4.
13. Русские писатели о литературном труде (XVIII-XX вв.): Сб. в 4 Т. /Под общ. Ред. Б.Майлаха. Л.: Советский писатель, 1954-56.
14. Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста: очерки теории и практики. М.: Академический проект, 2007.
15. Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом. Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики / Предисл. С.А.Маркова. М.: Ладомир, 2004.

References

1. Andrey Miroshnichenko. When newspapers die. M.: Book world, 2011.
2. Dmitrovsky A.L. ESSAY GENRE: Sketch of the theory of a genre. Monograph. Orel, 2006.
3. Dmitrovsky A.L. Existential theory of journalism: to essence of the concept. Methodological explanations and schemes//SIGN: problem field of media education. 2013. No. 1 (11).
4. Dmitrovsky A.L. Existential theory of journalism: attempt of a metatheory//Sign: problem field of media education. 2012. No. 2 (10).
5. Doktorou E.L. The anthem to writing (About value of art fiction) / Translated from English D. Agrachyov//the Literary newspaper. 1987. No. 41 (on October 7).
6. Kayda L.G. Essay: stylistic portrait. M.: Flint: Nauka, 2008.
7. Kira Sukhanova. Prose about poses//Cosmopolitan. 2009, June.
8. Kovalyova Irina. No, the press won't die//the Crimean truth. Access mode: <http://www.format-a3.ru/events/event-69/articles/515.html>
9. Kolesnichenko A.V. Reference book of the journalist: Studies. a grant for students of higher education institutions. M.: Aspect Press, 2013.
10. Lazutina G. V., Raspopova S. S. Genres of journalistic creativity. M.: Aspect Press, 2011.
11. Literature and language. The modern illustrated encyclopedia//Under the editorship of the prof. Gorkin A.P. M.: Rosmen, 2006. Access mode: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3924/
12. Lyapun S. V. New approaches to classification of newspaper genres in the theory and practice of journalism//the Bulletin of the Adygei State University. Series 2: Philology and art criticism. 2011. No. 4.
13. The Russian writers about literary work (the XVIII-XX centuries): Col. in 4 Vol. / Under a general Edition of B. Maylakh. L.: Soviet writer, 1954-56.
14. Samartsev O. R. Creativity activity of the journalist: sketches of the theory and practice. M.: Academic project, 2007.
15. Tretyakov V. T. How to become a well-known journalist. A course of lectures according to the theory and practice to modern Russian journalism / Introduction by S. A. Markova. M.: Ladomir, 2004.

И.Л. ЗОЛОТАРЕВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра романской филологии, Орловский государственный университет
E-mail: igozolo@yandex.ru

I.L. ZOLOTARIOV

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romance Philology, Orel State University
E-mail: igozolo@yandex.ru

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ГЕРОЕВ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

THE MYTHOLOGICAL CONSCIENCE OF THE PERSONAGES IN THE LERMONTOV'S FANTASTIC WORKS

Статья посвящена фантастическому направлению в лермонтовских произведениях. Автор исследует необъяснимые явления в контексте поэмы «Демон» и рассказа «Фаталист».

Демон соблазняет Тамару мечтой о прекрасном мире, она верит в сверхъестественное. Но мир Демона искусственный, а мир Тамары земной. И героиня умирает. Это двоемирие характерно для романтиков.

В «Фаталисте» Вулич верит в сверхъестественное и боится его. Он умирает от страха перед Неведомым. В «Фаталисте» Лермонтов объясняет таинственное реалистически. Восприятие таинственного мотивируется переживаниями персонажа в этом дуэльном произведении.

Ключевые слова: реализм, мифологическая фантастика, тайна, направление, романтизм.

The article is devoted to the fantastic trend in the Lermontov's works. The poet investigates inexplicable phenomena in the context of the poem "Demon" and the story "Fatalist". Demon seduces Tamara, deceives her with a dream of the beautiful world, she believes in supernatural phenomena, in the miracle but this demonic world is artificial, it does not have life, the heroine dies. This conception is characteristic of Romanism.

In "Fatalist" the personage believes in supernatural forces and he dies from fearing them. The perception of mystery phenomena is motivated with the emotions of the personage.

Keywords: realism, mythological fantastic, mystery, trend, Romanism.

В статье рассматривается мифологическое сознание лермонтовских героев в фантастических произведениях «Демон» и «Фаталист», в которых М.Ю. Лермонтов продолжает традиции А.С. Пушкина в области фантастического. Оба писателя применяют в своих произведениях романтическую и реалистическую фантастику. В русской литературе после Пушкина никто, кроме Лермонтова, так глубоко не почувствовал и не передал эмоциональную значимость поэтического слова, черпающую начало в божественном сознании человека. По мнению Ю.В. Лебедева, «<...> Лермонтову открывается «небесный» смысл земной жизни. Он заключается в совершенствовании, открытии в себе божественной сущности»[5;113]. Другие исследователи выделяют многозначность и глубину лермонтовского романтизма. В частности, В.Н. Аношкина пишет: «Романтизм М.Ю. Лермонтова внёс новые начала в христианские основы этого направления. Он осмысливает роль зла, демонизма в жизни людей» [1;54], с чем мы не можем не согласиться. Концептуально это выглядит так. В одних лермонтовских героях (например, демон в одноимённой поэме) показан миф истории человечества, в других (Вулич из рассказа «Фаталист» в романе «Герой нашего времени») изображено воздействие безликих, сверхъестественных сил на реального человека в реальном мире. Вулич – человек, который верит в рок, в судьбу

и гибнет из-за воздействия на него потусторонних сил.

По мнению Д.С. Мережковского, Лермонтов был поэтом «сверхчеловечества», у которого «воспоминания земного прошлого сливаются с воспоминаниями прошлой вечности, <...> всполохом иного бытия»[7;97]. Поэт исследует связь самосознания человека с ирреальными силами; борясь с этими вселенскими грозными, агрессивными силами, он сам оказывается «захваченным» такими силами сверхъестественного мира. Пушкинские традиции борьбы с силами зла выражаются у Лермонтова как в лирике, где поэт в одиночестве борется за гармонию (стихотворение «Белеет парус одинокий»), так и в такой крупной поэтической форме, как поэма «Демон». Герой полностью оказывается во власти злых демонических сил. Именно эти ирреальные силы сбили его с пути, оставив лишь воспоминание о «райской» жизни.

Как символ богоборческого протеста возникают попытки героя рассказа «Фаталист» (из романа «Герой нашего времени») освободиться от злых демонических сил. Печорин и Вулич – два героя, два примера лермонтовского понимания фатализма. Вулич олицетворяет покорность, непотворение, свойственные восточному менталитету. И если пистолет в первый раз у Вулича даёт осечку, то последовавшее затем убийство его пьяным казаком подтверждает мысль офицера о не-

избежности рокового исхода. А позиция Печорина, по мнению В. Ф. Асмуса, – «это позиция вызова, непримиримости, безустанного отрицания»[2;23], вера в себя, повышающие сознание, личную и общественную ответственность. Действие переносится в нравственный аспект. Поступки Печорина реальны, строго регламентированы, Вулич же испытывает сомнения в предчувствиях из-за доводов разума, не отвергая ничего из того, во что верит слепо, сознавая зависимость судьбы от безликих вселенских сил.

В «Фаталисте» Лермонтов продолжает тему фатума, предопределённости, начатую ещё Пушкиным в рассказе «Выстрел».

Сочетание реального и фантастического раскрывает идею сложности жизни и непостижимости её рациональным способом. Романтизируя реальность, писатели строят изобразительную систему по принципу сновидений. Хаотичность бытия разрушает моральные устои. В. Ф. Одоевский считал, что низменные инстинкты могут развиваться в человеке в условиях уединения и размышления. Отделение человека от окружающих ослабляет чувства, теряется связь с природой, высшие вселенские силы становятся чуждыми, даже враждебными ему.

Поэма «Демон» – одно из самых загадочных творений Лермонтова. Демоническая тема оказывается сквозной для поэта, связывая ранний и зрелый период его творчества. В основе сюжета лежит история любви духа зла к добродетельной женщине. Демон – существо могучее, исполненное ненависти, добра и любви. Герой поэмы не только дух зла, но и квинтэссенция неудовлетворенности; он недоволен миром, в котором живёт, разочарован самим собой. А. Шан-Гирей и Б. М. Эйхенбаум высказали мысль об этом произведении как о рапсодии из описательных и лирических эпизодов, где сюжет всего лишь предлог для создания «могучего образа».

Сюжет поэмы так же фантастичен, как и её герои, как сам колорит произведения. Тема «непризнанных мучений» Демона, проклятого и отвергнутого всем миром, раскрывает сущность демонизма как тотальное неприятие мироздания. Лермонтов использует и романтическую гиперболу, и фантастику для изображения мук героя, вызванных его изоляцией, отрицанием миропорядка и потребностью в положительных началах бытия при невозможности слиться с ними. Поэт далеко шагнул из психологии в воображаемую «онтологию ада», в его фантастическое изображение. По мнению И.Б. Роднянской, «как тип духовной жизни надмирный Лермонтов не отличается от героя ранней лирики и прочих его демонических героев, облечённых в человеческую плоть: у него иные возможности самовыявления – и только»[9;133]. Страсти и среди них эрос как самая сильная страсть отличают Демона от его отечественных и европейских двойников. Страсть, ради чего не жаль жизни, происходят у героя Лермонтова из смутного, тёмного источника, связанного с демонизмом. Автору произведения фантастический сюжет позволяет персонализировать и развить представление о демонизме как о страстной бунтарской силе. Проблема ангельской

чистоты решается созданием образа Тамары. Без неё не было бы у Демона неотразимого ореола в фантастических явлениях Демона Тамаре: «Ей кто-то шепчет («он придёт»), / Недаром сны её ласкали. / Недаром он являлся ей / С глазами, полными печали, / И чудной нежностью речей».

Тема обмана героини и её погубления развивается вместе с темой сердечного порыва, овладевшего героем. Героиня, находящаяся под властью Демона как олицетворения агрессивного ирреального мира, становится нечувствительной к живописной красоте природы, стройному космосу окружающего мира, гармонии мироздания, просветляющей душу. Мир Демона искусственно соткан лирически окрашенным словом из «полночной росы» и «дыханья аромата», из похищенных у реального мира мгновений. Демон противопоставляет всё это природе, недоступной ему в своей цельности. «Всё знать, всё чувствовать, всё видеть, / Стараться всё возненавидеть / И всё на свете презирать!.. / Лишь только Божие проклятье / Исполнилось, с того же дня / Природы жаркие объятья / Навек остыли для меня».

«Демон противопоставляет людскому прозябанию, где нет истинного счастья и долговечной красоты, мир артистической мечты»[10;134]. Так считает исследователь И.Б. Роднянская. Реален переход в инобытие, когда, не выдержав неестественности, героиня умирает. Другая грань «двоемирия» – ирреальный мир – изображена средствами мифологической фантастики. Двойственность подтекста сюжетного развития укрыта под мифологической простотой и обобщённостью художественной формы. Сфера действия Демона высока, обличая земное существование, своим отрицанием он затрагивает самого Бога. Однако лермонтовский герой не только фантастичен, он соотносится и с реальным планом. Потребность добра, живущая в Демоне, творит зло; презрение и ненависть определяют потенциально существующей в нём любовью. Дух разрушения возникает в герое из-за невозможности созидать.

По мнению Ю.В. Манна, при всем богатстве психологических мотивировок, автору присуще «вторичное отвержение Демона, переключка с Байроном»[6;229]; в кульминационные моменты поэт применяет фигуру умолчания, особенно при развитии психологических тем. Таков эпизод с Демоном, склонившимся над умершей Тамарой. Трудно сказать, кто такой герой – сатана с точки зрения христианской демонологии или же, согласно новоевропейскому литературному мифу, мятежный ангел. Это, скорее всего, фантастический образ печального ангела, изгнанного за провинность из рая, однако не подверженного злу; его внутренний мир не поработён роковым выбором. Поэт не высказывает оценки ему – то ли ангелу, то ли демону, защищающему свою временную земную юдоль от сверхъестественного влияния. Сам Демон так и остается «тайной», не преодолев в себе ирреальные силы, враждебные человеку, так и не раскаявшись в своем греховном поступке.

Лермонтов продолжает пушкинские традиции в формировании реалистической фантастики, придавая

ей романтическую мятежность против всего мироздания и даже против самого Бога-Творца. Фантастика поэта изображает реальный и ирреальный мир героев, стремящихся возвратиться в «родное» им инобытие. В поэме «Демон» Лермонтов применяет мифологическую фантастику, в качестве субъектов выступают персонажи, олицетворяющие субстанциальные силы, которые стоят за Демоном.

Демонические герои не ощущают связи с земной природой и космосом, когда, любя мир, они терпят фиаско после попытки возвратиться в лоно природы, чтобы обрести утраченное «райское» состояние. Перед нами типичный романтический конфликт личности с миром. Важно и то, что, следуя библейской истории, мифологическая фантастика изображает «золотой» век человечества. Дальнейшее развитие литературы представляется Лермонтову с помощью мифологической фантастики, что придает изображению универсальный характер.

Демонизм несёт философскую окраску, апеллируя к эмпирической и философской несостоятельности мира. Жизнь как форма интеллектуального самоутверждения становится чередой экспериментов, требуя смелости, риска, отваги, что и делает демонизм привлекательным. Герой в таком случае не требует от жизни ничего, кроме «искомой им эмпирически доказуемой истины»[8;138]. Основное противоречие демонизма заключается в том, что, будучи обаятельным в своём скептическом отношении к миру, герой выступает в ореоле принятого на себя страдания.

Свобода внутреннего состояния героя изображается с помощью фантастического элемента, например видений. «И снился мне сияющий огнями / Вечерний пир в родимой стороне» (стихотворение «Сон»). Невесёлая девушка сидела среди подруг, ей снился суженый, убитый в долине Дагестана. Конкретная лексика свидетельствует о реалистическом стиле, фантастика снов показывает инобытие, характерное для романтического произведения. Идея «двоемирия», реализуясь в мифологической фантастике, опирается на фольклор. Мифические существа олицетворяют сущности бытия: добро и зло, жизнь и смерть, что свойственно фантастике Лермонтова. Трагическая судьба героев приводит к протесту против всего мироздания.

«Лермонтовский демон изгнан, это абсолютное изгнание из рая, но не в ад, а вообще из организованного, божественного миропорядка в «эфир», т.е. в пустоту, в бесконечные просторы Вселенной. В поэме постоянно ощущаются пространство, крыльев и полёта»[3;162]. Фантастический образ Демона выразителен, зрим, хотя его облик и не конкретизирован. Единственное описание: «Пришлец туманный и немой...», – подчеркивает его бесплотность и невыразимость. «Крылья» – единственная конкретная деталь. И мы видим «вещность» крыльев не благодаря описанию самого предмета, а через передачу его функций: крылья видны благодаря их жесту, движению. Хорошо заметно это, когда Демон сталкивается с Ангелом. Тяжёлая, но стремительная материальность крыльев одного, переданная лекси-

ческими прозаизмами («по следу крыл его тащила / Багровой молнии струя» – VI редакция, 1828), как бы заслоняет прозрачную, духовную и идеальную неподвижность другого.

Лермонтовский Демон среди гор Кавказа – масштабное, грандиозное явление. Олицетворяя субстанциальную силу, он любит смертную женщину, что определяет любовь павшего ангела к земной красавице. Как любовь обольщения и искупления. По мнению М. Тьери, здесь виден романтический характер идеи. «Романтики, – как считает учёный, – любят сталкивать чудовище с чистой душой, невинной красотой. Ситуация не только патетическая, так как жертва беззащитна, такая ситуация наглядно иллюстрирует романтическую психологию: человек различен в глубинах своей души; огонь разгорается из пепла, божественное сияние спрятано, но болезненное потрясение может остаться»[11;90].

Демон воспринимает несовершенство мира как личную обиду, свой бунт против Творца как акт справедливой мести за несовершенство мироздания. Такая максимальная установка – органическая черта романтического мировосприятия.

Проблема бунта принадлежит к числу основных проблем русской общественной мысли 30-х годов XIX века. Неприятие общественного быта при утрате веры в волевое преобразование жизни – одна сторона мировоззрения мыслящих людей той эпохи. Другая сторона – сомнение в готовых истинах и суждениях, тотальный критицизм, направленный на русскую историческую действительность и обращённый к внутреннему миру современного человека, бессильного что-либо совершить. Такое состояние ума и изображено Лермонтовым в качестве так называемого демонизма.

В поэме присутствует соединение реалистической конкретности с мировоззренческой условностью содержания, свойственное балладе – сюжетному стихотворению легендарного характера, в котором реальные и, может быть, случайные события интерпретируются как результат вмешательства ирреальных сил в жизнь людей. Все признаки баллады имеет история грузинской княжны и её жениха, который в дороге погиб от преступной руки, из-за того, что пренебрег предсказанием и не помолился в придорожной часовне.

Поэт прибегает при изображении бытия к фантастике как эффективному романтическому изобразительному средству. Демон видит соперника в часовне Гудала и решает погубить его. Если Демон и есть та самая «таинственная» сила, которой дано управлять людьми, вмешиваясь в их судьбы, то читатель с помощью автора проникает в неведомый, ирреальный мир. Демон властвует над землёй, но власть его не необъятна. Ограниченность могущества Демона заметна, прежде всего, в его отношениях с Тамарой. Демон не человек, а дух, фантом, и представление о нём зависит от проекции на него людских черт.

Сущность эстетики поэмы состоит в синтезе балладной традиции с мифологией.

Проблема изображения «второй» реальности, про-

зреваемой Лермонтовым, выступает как главная в утверждении реализма. А.И. Журавлёва считает «существенной задачей становящегося реализма особую роль «таинственного» (и как частный случай таинственного-фантастического элемента) в разрешении задач реализма при изображении мира и человека бытия (а не «мира иного», как у романтиков)». Таинственное истолковывается Лермонтовым как «недоступная пониманию другого мотивировка чувств, поступков и поведения человека»[4;239]. Это побуждает к разгадыванию характера события, проникновению в смысл и причины жизненного поведения человека и служит основанием лермонтовского психологизма. Разгадывание «тайны» ведет за собой приключение. Сюжетно-событийный ряд и психологический анализ рассказов «Тамань» и «Фаталист» (из романа «Герой нашего времени») исходит из этой посылки.

Условно можно сказать, что в этих произведениях налицо средоточие «таинственного» первого типа – личностного («Тамань») и второго типа – «таинственного» бытия («Фаталист» и «Штосс»).

Рассказ «Фаталист» раскрывает не загадку личности, а тайну бытия. Повествование реально-бытового плана с прозаическими деталями армейского быта: карточная игра, намёки на полковые романы, эпизод с пьяным казаком, внезапно сыгравшем роль рока, сочетается с изображением поэтического пейзажа, опирающегося на символику поэтической лирики. Понимание «тайны» предполагает отсутствие мотивировки событий. Вся проблематика переведена из повседневного и житейского в метафорический план. А.И. Журавлёва полагает, что автор дает ложное разрешение загадки романтической «таинственности»: Максим Максимыч объясняет осечку слабым нажатием пальца на спусковой крючок. Но и сам штабс-капитан не уверен в том, что находит истинное разрешение загадки. За рассказанным случаем, скорее, стоит таинственный мир, где «тайна» неразрешима, а мотивировка трансцендентна.

По мнению И.В. Карташовой, Р.Н. Поддубной и др., фантазмагория бытия требует нового способа изображения героев, порождая ту разновидность фантастики снов, которая помогает проникнуть во внутреннее состояние героя, воссоздать обстановку романтического «двоемирия» с помощью углубленного реализма. Цветан Тодоров в книге «Введение в фантастическую литературу» пишет о гносеологии фантастического: «Это третье употребление риторических фигур, которые нас интересуют всё больше. В двух предыдущих случаях (восприятие образности в буквальном смысле и реализация буквального смысла и воссоздание образных выражений – И.З.) троп был источником происхождения сверхъестественного элемента; отношения между ними были диахроническими; в третьем случае – и сверхъестественное присутствуют на том же уровне и их отношения функциональные, не «этимологиче-

ские». «Здесь серия сравнений, образных выражений или просто идиом; они широко употребительны в бытовом языке, но означают, если принимать их буквально, сверхъестественное событие»[12;222].

Как полагает А.И. Журавлёва, Лермонтов наследует и развивает пушкинские традиции. Глубокая демократизация не только героя, но и авторского голоса служит дальнейшему развитию русской прозы. Лермонтову первым удалось добиться эмоциональной наполненности прозы, как и поэзии, используя весь арсенал художественных средств, изображающих переживания, связанные с реальностью и «тайной». Он подвёл итоги русской поэзии и подготовил переход к созданию новой прозы. За словами А.И. Журавлёвой о свойственной реалистической литературе «второй» реальности в прозе Лермонтова, думается, стоит сверхъестественный мир – субъективное отражение реального мира. Безусловно, «вторая» реальность требует от автора реалистических изобразительных средств. Сама идея «второй» реальности нуждается в таком средстве изображения, каким является «двуплановая» фантастика. Лермонтов прозрел такую реалистическую фантастику.

Поэт применяет такие формы фантастики, как мифологическая и фантастика снов, исходя из признания «двуплановости» в эстетике реализма. М.Ю. Лермонтов, открывший и понявший трагедию своего века, живёт в поколениях, и ныне обогащая нас своим глубинным проникновением в человеческую природу. В поэте жива была не столько надежда, сколько вера, недаром он глядел вперед и в себя оттуда глазами будущих поколений.

В отличие от поэмы «Демон» фантастика в рассказе «Фаталист» – это не миф истории человечества, в этом лермонтовском произведении есть мифологический концепт о сверхъестественных, магических силах, воздействующих на человека. Как и в балладной фантастике, в качестве мифологемы изображаются субстанциальные силы. Отличительная черта такой фантастики заключается в её современности, в стремлении глубоко и всесторонне показать психологию нового человека нового времени.

Чудесное, вторгаясь в современные представления, меняет привычные научные нормы правдоподобия, выявляемые с помощью реакции персонажа на вторжение странного в его жизнь. Галлюцинации нарушают душевное равновесие у героя Лермонтова, что приводит его к гибели. Фантастическое в «Фаталисте» рождается из повседневности, из реалий быта. В «Демоне» мифологическая фантастика, олицетворяя субстанциальные силы, воздействует на эмоциональное сознание героя. Мыслитель и художник Лермонтов показывает преодоление демонизма, тёмных, ирреальных сил с помощью религиозных исканий, что приводит к очищению души, обретению покоя и равновесия. Поэзия М.Ю. Лермонтова, наделенного могучими страстями и волей, будет звучать в поколениях, пока жив человек.

Библиографический список

1. *Аношкина В.Н.* Православные основы русского романтизма // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. В 2-х т. Т.1. М.: Пашков дом, 2007.
2. *Асмус В.Ф.* Круг идей Лермонтова. // В.Ф. Асмус. Избранные философские труды. В 2-х т. Т.1. М., 1969.
3. *Журавлёва А.И.* Лермонтов в русской литературе. М., 2002.
4. *Журавлёва А.И.* Лермонтов в русской литературе. М., 2002.
5. *Лебедев Ю.В.* М.Ю. Лермонтов и русская литература второй половины XIX века // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. В 2-х т. Т.1. М.: Пашков дом, 2007.
6. *Манн Ю.В.* Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976.
7. *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // История литературы. М., 1983.
8. *Песков А.М.* Демонизм // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
9. *Роднянская И.Б.* Демон // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
10. *Роднянская И.Б.* Демон // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
11. *Thiery M.* M. Lermontov. Le Démon. M., 1972.
12. *Todorov Tzvetan.* Introduction à la littérature fantastique // B. Vercier, J. Lecarme. La littérature en France depuis 1968. P. 1982.

References

1. *Anoshkina V.N.* Orthodox foundations of Russian Romanticism // Contemporary reading of classical Russian literature of the nineteenth century. In 2 Volumes. Vol.1. M.: Pashkov House, 2007.
 2. *Asmus V.F.* The range of Lermontov's ideas. // V.F. Asmus. Selected philosophical writings. In 2 Volumes. Vol.1. M., 1969.
 3. *Zhuravlev A.I.* Lermontov in Russian literature. M., 2002.
 4. *Zhuravlev A.I.* Lermontov in Russian literature. M., 2002.
 5. *Lebedev Yu.V.* M.Yu. Lermontov and Russian literature of the second half of the nineteenth century // Contemporary reading of classical Russian literature of the nineteenth century. In 2 Volumes. Vol.1. M.: Pashkov House, 2007.
 6. *Mann Yu.V.* Poetics of Russian Romanticism. M.: Nauka, 1976.
 7. *Merezhkovski D.S.* M.Yu. Lermontov. Poet of supermanhood // History of literature. M., 1983.
 8. *Peskov A.M.* Demonic // Lermontov Encyclopedia. M., 1981.
 9. *Rodnyanskaya I.B.* Demon // Lermontov Encyclopedia. M., 1981.
 10. *Rodnyanskaya I.B.* Demon // Lermontov Encyclopedia. M., 1981.
 11. *Thiery M.* M. Lermontov. Le Démon. M., 1972.
 12. *Todorov Tzvetan.* Introduction à la littérature fantastique // B. Vercier, J. Lecarme. La littérature en France depuis 1968. P. 1982.
-
-

В.П. ИЗОТОВ

доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

V.P. IZOTOV

Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Public Relations, Orel State University

«ЕСЛИ КРАСНЫЙ – ТАК КРАСНЫЙ»: К ЦВЕТОПОЭТИКЕ В.С.ВЫСОЦКОГО

«IF THE RED – SO RED»: TO COLOR-POETICS OF V.S. VYSOTSKY

В статье рассматривается реализация слова красный, его производных, а также фразеологизмов, содержащих данный словокомпонент, в творчестве В.С. Высоцкого. Под цветопоэтикой понимается описание лексических цветообозначений.

Ключевые слова: цветопоэтика, красный, В.С. Высоцкий, слово, значение.

The article discusses the implementation of the word «red», its derivatives, as well as of phraseology containing this word-component, in the work of V.S. Vysotsky. Under color-poetic the description of lexical color terms is understood.

Keywords: color-poetic, red, V.S. Vysotsky, the word, the value.

Цветопоэтика В.С.Высоцкого находится в начале своего изучения, и из специальных работ, посвящённых этой проблеме, можно назвать только работы [1-3]. Есть отдельные замечания по этому поводу и в других исследованиях.

В продолжение традиций, заложенных в работе [3], в настоящей статье будут рассмотрены все употребления слова *красный* и его производных, а также фразеологизмов, содержащих этот компонент, и в поэтическом, и в прозаическом творчестве В.С. Высоцкого.

Из 20 свободных словоупотреблений в 16 реализовано основное значение: «Имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови». Любопытно отметить, что уже во второй своей песне Высоцкий создаёт самый яркий цветовой образ всего своего творчества (и слово **красный** открывает цветовую гамму во всём его творчестве): *Красное, зелёное, жёлтое, лиловое – Самое красивое на твои бока* («Красное, зелёное»). Больше в его творчестве не будет такого насыщения цветом не то что в одной строке – в одном тексте, и вот как комментируется эта строка: «Нагнетание красок, расцвечивающих женскую одежду, их насыщенность и полихроматическая контрастность выдаёт широту и буйство натуры влюблённого рецидивиста, мощную энергию его эротических переживаний, скрытых под грубостью проклятий, и – определённый романтизм, позволяющий бросить к ногам любимой целый мир (конечно, в той степени, в какой он понятен ему и доступен)» [3, с.74].

Кроме одежды, красный цвет представлен у Высоцкого также как обозначение полей рулетки: *Играть я буду и на красных и на чёрных* («Передо мной любой факир – ну просто карлик...»); плодов калины: *Земля тепла, красна калина и Калина красная такая* («Памяти Василия Шукшина»); краски: *Красным*

и жёлтым на землю стекла; Цвет должен быть если красный – так красный («Прочитайте снова про Витьку Кораблёва и друга закадычного Ваню Дыховичного»). Эти цветообозначения не несут, по-видимому, никакой дополнительной нагрузки, разве что в «Памяти Шукшина» использовано название его фильма «Калина красная».

А вот красный цвет других предметов осложняется дополнительными коннотациями.

Я ухмыляюсь красным ртом, Как на манеже шут, – такую самохарактеристику даёт герой песни «Ошибка вышла», и здесь ощутима двоякость красного цвета: это может быть и окровавленный рот, и рот, покрашенный чем-либо, как у клоуна/шута. (Но всё же, исходя из контекста песни, главный герой проходит медицинское обследование, которое он принимает за тюремные пытки, следует, по-видимому, считать, что речь идёт об окровавленном рте...).

В песне «Охота на волков» кровавая охота показана через нагнетание красного: *Кровь на снегу – и пятна красные флажков*. Флажки красного цвета воспринимаются такими же кровавыми пятнами.

Самым же частотным оказывается обозначение одного из цветов светофора: *Побегу на красный цвет, – оштрафуют – не беда* («Дорога, дорога – счёта нет шагам...»); *Впереди – всё красный цвет* («То ли – в избу и запеть...»); *И только красный, жёлтый цвет бесспорны* («Мажорный цвет, трёхцветье, три...»); *Не ходить на красный светофор* («Все в плащах, подобным плащ-палаткам...»); *На светофоре – красный свет. Водитель «Москвича» нервничал и поглядывал назад* («Как-то так всё вышло...»). Сюда можно добавить ещё и *красное, зелёное, жёлтое* как отображение светофорного трёхцветья (и только *лиловое* выпадает из этого ряда), и заступающий *красный* цвет флажков.

Эта символика получает следующее объяснение: «Красный цвет в поэзии Высоцкого несет особую смысловую нагрузку. В первую очередь – это запрещающий цвет светофора, ограничение свободы» [1, с.13] (см. также [3, с.79]). Но, во-первых, даже не во всех обозначениях красного цвета светофора прослеживается эта семантика, и, во-вторых, большинство других употреблений слова **красный** не имеют такой семантики.

Следующее употребление достаточно любопытно: *Две статистки или кассирши, этого никто уже не помнит, влюбились в режиссера Файера или Файдильмера (это неважно, важно, что он еврей и не стоит этого), обвязались будто красными маками и упали вниз, причем в самом конце спектакля, чтобы не нарушать действия, – искусство они тоже любили («Дельфины и психи») («Жизнь без сна»)*. С одной стороны, всё вроде бы тривиально: слово **красный** обозначает цвет маков; но, с другой стороны, *красные маки* ассоциируется с названием балета Р. Глиэра «Красный мак» (либретто М. Курилко).

Реализуется в творчестве поэта и оттенок основного значения «Покрасневший от прилива крови к коже». Этот «прилив крови к коже» объясняется у Высоцкого разными чувствами и обстоятельствами: гневом: *А Иван, от гнева красный* («Сказка о несчастных сказочных персонажах»); ... она выкрикнула все это очень даже натурально, с негодованием, гневом, *покраснела даже от гнева...* («Роман о девочках»); стыдом: *Да! Так и есть! Вот густо покраснел Интервьюер: «Вы изменяли жёнам?» («Я все вопросы освещу сполна...»); удовольствием: Он вышел, красный и довольный, пошел за занавеску и рассчитался с официанткой («Как-то так всё вышло...»)*.

Представляет интерес следующее словоупотребление: *Дурной и красный словно из парилки* («Осторожно, гризли!»). В данном случае происходит объединение различных коннотаций: красный цвет тела после парилки в бане свидетельствует о полученном удовольствии, о здоровье, тогда как красный цвет лица после обжорства и пьянства (а именно об этом свидетельствует контекст стихотворения), напротив, является показателем нездоровья.

Второе значение слова **красный** является традиционно-поэтическим: «Красивый, прекрасный». В песне «Разбойничья» есть такое четверостишие:

*Ах, лихая сторона,
Сколь в тебе не рыскаю,
Лобным местом ты красна
Да верёвкой склизкою.*

Здесь слово **красный** несомненно реализует традиционно-поэтическое значение (может быть, даже

в трагически-ироническом переосмыслении), но в то же время в данном случае есть и отсылка к основному значению, к одной из его сем – «цвета крови»: Лобное место постоянно покрыто кровью, и его страшная красота ещё и в этом.

Отмечено у поэта и устойчивое употребление второго значения: «В народной поэзии: постоянный эпитет молодой девушки»: *Проводив красну девицу к мужу* («Как в старинной русской сказке – дай бог памяти...»); *Кабы красна девица жила в полуподвале* («Выезд Соловья-разбойника»).

Отмечено у поэта и несколько слов, образованных от слова **красный**: *В ём был спрятан инфракрасный объектив* («Пародия на плохой детектив»); *И ультрафиолет, и инфракрасный* («Мажорный светофор, трёхцветье, трио...»); – *Там инфракрасная оптика – возьмет! – Женица немного подрегулировала улицу* («Где Центр?»); *Ярко-красным пятном завершая дорожный шедевр* («Из дорожного дневника»). Для полноты картины: упоминаются у Высоцкого ещё и *Краснодар, Красноярск, краснойбай, красноречие...*, но здесь чисто формальное соотнесение с анализируемым словом.

Есть у Высоцкого и фразеологизмы, включающие словокомпонент **красный**: *Комментатор из своей кабины Кроет нас для красного словца* («Комментатор из своей кабины...»); значение фразеологизма **ради (для) красного словца** – «лишь затем, чтобы блеснуть метким словом, красноречием». Дважды употреблено терминологизированное устойчивое сочетание **Красный Крест** – «знак, символ, обозначающий принадлежность к Международной организации, одной из задач которой является забота о раненых»: *Но я скажу, что это – Красный Крест* («Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме»); *Но с красным крестом всё идут и идут, и идут эшелоны* («О конце войны»).

В «Романе о девочках» упоминается орден Боевого Красного Знамени – первый орден Советской России.

Любопытная трансформация фразеологизма представлена в повести «Дельфины и психи» («Жизнь без сна»): *Почему, интересно, горячка всегда – белая? Надо поменять. Это нам от прошлого досталось – от белогвардейщины. А теперь должна быть – красная горячка. А то – белая. Некрасиво, товарищи, получается! Так-то!* Исходный фразеологизм **белая горячка** имеет значение «тяжёлое психическое заболевание, возникающее вследствие алкоголизма и сопровождающееся бредом и галлюцинациями», и в больном сознании главного героя происходит «классовая» замена неблагонадёжного белого цвета на идейно-выдержанный красный...

Библиографический список

1. Дюпина Ю.В. Цветовые обозначения в репрезентации поэтической картины мира Владимира Высоцкого: структура, семантика, функции: Автореф. ... дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 24 с.
2. Забияко А.А. «Дальтонизм» поэта. Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. III. Т.2. Сост. А.Е. Крылов и В.Ф.Щербакова. М.: ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1999. С.73-87.
3. Изотов В.П. О специфике зелёного цвета у В.С.Высоцкого. Полифилогия-6. Межвуз. сб. науч. тр. Орёл, 2006. С.5-7.

References

1. *Dyupina Y.V.* Color terms in the representation of the poetic picture of the world of Vladimir Vysotsky: structure, semantics, functions: Author. ... Diss. ... Cand. of Philology. Tyumen, 2009. 24 p.
 2. *Zabiyako A.A.* "Blindness" of the poet. Vysotsky's world: Research and Materials. Vol. III. V.2. / Comp. A.E.Krylov and V.F.Scherbakova. M.: GKCM V.S. Vysotsky, 1999. Pp. 73-87.
 3. *Izotov V.P.* On the specifics of the green color of V.S. Vysotsky. Polifilogiya-6. Intercollege. coll. of scientific works. Orel, 2006. Pp. 5-7.
-
-

УДК 808.5+82.091 ЛЕРМОНТОВ М.Ю.

UDC 808.5+82.091 LERMONTOV M.Yu.

Т.В. КОВАЛЕВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XI–XIX веков, Орловский государственный университет
E-mail: tatko1986@mail.ru

М.Ю. МИШИНА

кандидат филологических наук, Крым, г. Севастополь
E-mail: tymishina@mail.ru

T.V. KOVALEVA

Doctor of Philology, Professor, Department of Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: tatko1986@mail.ru

M.J. MISHINA

Candidate of Philology, Crimea, Sevastopol
E-mail: tymishina@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДУМА» КАК ОБРАЗЕЦ ДЕКЛАМАЦИОННОГО ЖАНРА

M.YU. LERMONTOV'S POEM «DUMA» AS AN EXAMPLE OF THE DECLAMATORY GENRE

Статья посвящена изучению стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума», считающегося одним из лучших произведений русской декламационной лирики. Анализ творческой истории стихотворения и его образной структуры показывает, что в нем объединены разнообразные мотивы из ранних произведений писателя.

Ключевые слова: Лермонтов, лирика, элегия, ода, художественный образ.

The article is devoted to studying the poem «Duma» by M.Yu. Lermontov, which is considered to be one of the best works of the Russian declamatory (spoken word) lyric poetry. The analysis of the background history and figurative structure of the poem shows that various motives from early works of the writer are integrated in it.

Keywords: Lermontov, lyrics, elegy, ode, imagery.

Лирика – род литературы, обладающий устойчивыми характеристиками, среди которых исключительное место занимает субъективность. Невзирая на то, фокусирует ли внимание поэт на собственной душе или на состоянии внешнего мира, он все равно представляет объект лирического описания через собственные эмоции и мысли, глубинные психологические процессы своего собственного неповторимого «Я». Именно этим и объясняется то, что лирика обладает небольшим, в сравнении с другими литературными родами, тематическим разнообразием, почти никогда не выходящим за рамки универсальной (вечной) тематики. Даже обращение к социальным или политическим проблемам, как правило, выводит поэтов на философские размышления и глубоко-личностные раздумья о собственном бытии.

Традиция использования лирического произведения с пропагандистскими целями связана в истории мировой литературы с романтической поэзией. Под влиянием идей Шеллинга и Гегеля в начале XIX века сформировался новый тип художественного сознания, появился новый герой, который полностью изменил представление о содержании лирического произведения. В творчестве наших отечественных приверженцев гражданского романтизма возникли высокие жанры, характеризующиеся открытой программностью и идеологической насыщенностью. Лирический герой декабристов уже стремится не столько к раскрытию собственного психологического состояния, сколько демонстрирует гражданскую позицию и убеждения.

Подобные изменения содержания лирического

высказывания не могли не отразиться на форме произведения. Гражданский пафос предполагал отказ от элегической медитативности, ставшей во многом традиционной для русской поэзии начала XIX века.

Новый декламационный (декламативный, по Б.М. Эйхенбауму) тип лирики характеризуется наличием особенной интонации, в которой движение речи определяется риторическими контрастами; ораторскими антитезами, заканчивающимися характерными прозаическими оборотами, заключительными афористическими *pointes*, специфическим употреблением метафор, насыщенностью вопросительными и восклицательными конструкциями, тембровыми эффектами, «нажимами» на эпитеты, на эмоциональные приложения и повторения. [15, с.104]

В статье «Ода как ораторский жанр» Ю.Н. Тынянов определял оду как жанр «с установкой на внепоэтический речевой ряд – витийство...», как произведение, при создании которого определяющую роль играет особенная установка, «творческое намерение». Конструируясь «под углом ораторского действия», эта установка определяет «другое основание развертывания слова: напряжение и разрешение в прерывистом течении, в максимальном напряжении и максимальной разрядке». Именно «витийственным началом», установкой на произносимость обуславливалась и интонационная организация оды: «стиховое слово должно было быть организовано по принципу наибольшего интонационного богатства». [14, с. 229–230] Поэтому особое значение, по мнению исследователя, получала первая

строфа, задающая интонационный строй; остальные строфы представляли постепенное варьирование, нарастание вариаций.

Установка на произнесение оказывала воздействие и на синтаксис. Особую роль «вопросительных» и «восклицательных» в интонационном строе, отмеченную еще М.В. Ломоносовым, Ю.Н. Тынянов рассматривает как один из основополагающих синтаксических принципов жанра оды: «...в соединении принципа смены вопросительной, восклицательной и повествовательной интонаций с принципом интонационного использования сложной строфы – и лежит декламационное своеобразие оды». [14, с. 233]

Семантика поэтического слова в оде, по мнению ученого, соотносится с установкой: «Существуя вне своего прямого значения, в плане “сопряжения идей” слово должно было давать лишь известную настройку, действовать не само по себе, а своей лексической окраской». [14, с. 239–240]

Размышляя о конструктивных принципах поэзии в статье «Литературный факт», Ю.Н. Тынянов вновь возвращается к вопросу о декламационной установке: «...в конструктивный принцип ораторской речи или даже ораторской лирики входит установка на произнесенное слово...» [14, с. 261]

Идеи, высказанные Ю.Н. Тыняновым, дают возможность утверждать, что, обращаясь к декламационной лирике, поэты сознательно, в силу «творческой необходимости», использовали узнаваемые читателями доминанты: подчеркнутое интонирование, вопросительные и восклицательные конструкции, ярко выраженную лексическую окраску слова.

Это подтверждает и вся история русской лирики начала XIX века. Если в предшествующий литературный период существовало жесткое разделение поэзии на жанры и, соответственно, пафос текста, его интонационные принципы были строго определены жанровой нормой, то с зарождением русского романтизма существовавшие до этого художественные установки утратили свое эстетическое значение. В лирике начался период отделения декламационной лирики от жанра оды. Особую роль в этом процессе сыграл В.А. Жуковский, в творчестве которого исследователи находят «синтез различных сфер бытия и разнообразных форм рефлексии», расширивший границы элегической поэзии. «Происходило ее интонационное обогащение за счет подключения приемов ораторского красноречия, медитаций этико-философского и эстетического характера». [16, с. 67] Уже в стихотворении В.А. Жуковского «Невыразимое», жанр которого, по традиции, определяется как элегия, декламационные интонации оказываются не менее значимыми, чем медитативные. Синтез медитативного и декламационного начал характерен и для эпического творчества поэта.

Декламационная лирика особенно активно развивалась в творчестве поэтов-декабристов. Причем, по сравнению с лирикой В.А. Жуковского, как считает А.С. Янушкевич, она более архаична, так как соединяет в

себе «традиции высокой поэзии, как жанровые, так и стилевые, установка на ораторско-риторические каноны оды, имена представителей русского классицизма, нередко выступающих в качестве поэтических образцов». [16, с. 161]

Особенно явно черты декламационной лирики проявляются в жанре думы, являющемся квинтэссенцией рылеевской поэтики, и в жанре политической оды, которая, по наблюдениям В.Э. Вацура, «воспринимает ораторско-декламационные интонации антирационалистических стихов декабристов вместе с политической лексикой, “словами-сигналами”, специфическими синтаксическими конструкциями (анафора, период, обилие риторических обращений побудительного или инвективного характера и т.д.)» [10, с. 160–161]

Под влиянием общественной мысли и лирики декабристов декламационные интонации появляются в поэзии А.С. Пушкина, который все же считал себя поэтом преимущественно элегического толка, о чем и писал в своей знаменитой «Деревне»: «Почто в груди моей горит бесплодный жар, / И не дан мне судьбой Витийства грозный дар» [10, с. 318–319], как бы отказывая себе в праве считаться поэтом-трибуном.

М.Ю. Лермонтов гораздо чаще, чем А.С. Пушкин, обращался в своем творчестве к декламационному типу лирики. Причины этого Б.М. Эйхенбаум объясняет тем, что к моменту появления поэта на русском литературном олимпе потенциал старых жанров был исчерпан. Перед М.Ю. Лермонтовым стояла задача поиска нового лирического типа, особенного поэтического стиля «с напряжением лирической эмоции, с усилением ораторской, декламационной тенденций». [15, с. 29] Среди таких стихотворений Б.М. Эйхенбаум числит «Смерть поэта», «Думу», «1-е января», «Последнее новоселье», в которых он обнаруживает «старую одическую, “витийственную” традицию, прошедшую сквозь поэзию Рылеева, Полежаева и т.д.» [15, с. 101]

К моменту вхождения в литературу М.Ю. Лермонтова доминанты декламационной лирики воспринимались уже как устойчивые конструктивные принципы, обладающие узнаваемыми интонационными и стилистическими особенностями, повышенной экспрессивностью и эмоциональностью. Заслуга же М.Ю. Лермонтова заключается в том, что он расширил границы этой лирики, распространив ораторское начало с жанра оды на жанр думы.

«Дума» – произведение, которое не могло остаться незамеченным, потому что слишком сильно в нем трагическое начало, глубока исповедальность, интенсивны поиски смысла Бытия.

Сразу же после появления стихотворение вызвало диаметрально противоположные оценки в критике. Оно оказалось настолько сложным для понимания, что даже В.Г. Белинский не сразу до конца осознал его колоссальный внутренний смысл: он отметил особенности формы («энергическое, могучее»), но назвал его «прекраснодушным». [1, 3, с. 189–190] Позже великий критик напишет, что стихотворение поразило его «ал-

мазною крепостью стиха, громовою силою бурного одушевления, исполинскою энергиею благородного негодования и глубокой грусти». [1, 4, с. 521] При этом В.Г. Белинский увидел главное – ту боль, которой пронизана каждая строка: «Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!..» [1, 4, с. 522]

Один из главных оппонентов В.Г. Белинского – А.С. Бурачок – попытался развенчать основные идеи, которые были высказаны в «Думе». Он писал, что мысль в стихотворении М.Ю. Лермонтова – «это познание на бытовом уровне», и обвинял автора в крайнем индивидуализме, утверждая, что поэт не хочет знать «другой страны – не-Я». [11, с. 106]

«Черной», «траурной», «роковой» называл «Думу» С.П. Шевырев. [11, с. 140] Он находил ее «ужасной эпитафией всему молодому поколению». Но силу возможного воздействия стихотворения на умы современников критик почувствовал, поэтому и отметил, что мысли, высказанные в нем, «лучше бы таить про себя». [11, с. 140–141]

Исследователи XX столетия увидели в «Думе» разработку темы «опустошенного поколения, одну из основных в европейской литературе 20-х – 30-х годов, мимо которой не прошли ни Байрон, ни Мюссе, ни Барбье, ни Мицкевич, ни Пушкин, ни Чаадаев» [4, с. 116], подступы к «надмирности» существования, которая «вырастает из скрещения двух планов – “внешнего” и “внутреннего”...», исторической судьбы поколения и его “внутренней” жизни». [7, с. 111]

Обличительный пафос «Думы» требовал объяснений и комментариев, поэтому в литературоведении часто высказывались мнения о крайней степени неприятия лирическим героем М.Ю. Лермонтова поколения сверстников: «Поколение способно лишь на сатанинскую насмешку над самим собой» [7, с. 148], «...несчастья ровесников вызывают у лирического героя не только печаль, но и негодование...» [3, с. 187]; «Лермонтов с позиции будущих поколений укоряет современников за бездействие» [2, с. 101]. В соответствующей статье «Лермонтовской энциклопедии» отмечалось, что идея «Думы» – «осуждение общественной инертности и духовной апатии “поколения”, неспособного “угадать” свое предназначение и найти положительные гражданские и нравственные цели». [10, с. 147]

Однако «Дума» – это не только отрицание. В тексте стихотворения сформулированы и «положительные идеологические ценности», утверждается «некий идеал» и, в конечном счете, содержится «призыв к моральному обновлению»: «Поэт говорит, что люди «позорно-малодушны», что они “презренные рабы”, – эти формулировки имеют смысл только, если поэт располагает положительной идеей мужества и свободы» [4, с. 78], – писала Л.Я. Гинзбург. С ней согласна и современная исследовательница Л.Ф. Манаенкова, которая считает, что «равнодушие поколения, утратив-

шего нравственные ценности, поэт противопоставляет страстный порыв к действию, стойкую жизненную активность». [12, с. 108]

Лирический герой Лермонтова чувствует свою вину и не пытается оправдаться. Весть текст стихотворения пронизан «осознанием и пониманием общечеловеческой греховности». [5, с. 69]

Смысловая насыщенность текста предопределила и его интонационное своеобразие, которое было отмечено исследователями. Б.М. Эйхенбаум считал, что в «Думе» «можно узнать старую одическую, “витийственную” традицию...» [15, с. 101], Л.Я. Гинзбург выделяла ораторский, декламационный синтаксис [4, с. 94], В.И. Коровин определил в структуре произведения элегический зачин со «словами ораторского стиля», элегическую по своему звучанию вторую часть и ораторскую концовку. [6, с. 147–148]

Одним из самых значимых образов «Думы» является образ плода, к которому так же, как и к образу паруса, М.Ю. Лермонтов неоднократно обращался в своем творчестве. Архетипически он восходит к библейской традиции: это – контаминация образа «запретного плода» (Быт. 2: 16-17) и очень важного в системе лермонтовского жизнестроительства образа «плода худого»,¹ символизирующего преемственность поколений и тяготеющий над человеком рок.

Этот образ получил развитие еще в ранней прозе М.Ю. Лермонтова. Эмоциональное состояние героя романа «Вадим», пресыщенного победами над женщинами, автор передает следующими словами: «...но что ему осталось от всего этого? – воспоминания? – да, но какие? горькие, обманчивые, подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря, которые, блистая румяной корою, таят под нею пепел, сухой горячий пепел!» [9, б, с. 89]

Это сравнение не осталось незамеченным исследователями. Так, Ю.Д. Левин посчитал, что это – скрытая цитата из поэмы Т. Мура «Лалла-Рук» [8, с. 205–206], Б.М. Эйхенбаум увидел в ней заимствование из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» [15, с. 166] и т.д. Но как бы то ни было, следует признать, что универсальным источником этого образа является библейский символ, понятый русским поэтом очень своеобразно и развитый до уровня самостоятельного художественного концепта.

Впервые образ «плода» в творчестве М.Ю. Лермонтова появляется в стихотворении «Он был рожден для счастья, для надежд...» (1832 г.):

Так сочный плод, до времени созрелый,

Между цветов висит осиротелый,

Ни вкуса он не радует, ни глаз,

И час их красоты – его паденья час! [9, 2, с. 63]

Этот лексико-семантический комплекс позже будет

¹ См.: «Егда объемлют от терния грозды, или от репия смоквы; / Тако всяко древо доброе плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит: / не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. / Всяко бо древо, еже не творит плода добра, посекают е и во огонь вметають. / Темже бо от плод их познаете их» (Мф. 7: 16-20)

воспроизведен почти дословно в «Думе»:

*Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты – его паденья час!* [9, 2, с. 113]

Характеристики этого образа довольно специфичны: прежде всего, это указание на преждевременность созревания, непохожесть на окружение и в результате всего этого – одиночество, непонятость, ранняя гибель.

В незавершенном стихотворении «Мое грядущее в тумане...» (не позже 1837 г.) концепт «худого плода» используется в качестве элемента развернутой метафоры:

*Мое грядущее в тумане
Было <e> полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
...Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.* [9, 2, с. 230]

Указание на природу-созидательницу и Творца, давшего лирическому герою «добра и зла... чашу», позволяет говорить о том, что библейская основа здесь существенно усилена.

В юношеском по стилю стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью...» (начало 1838 г.), содержащем полные трагизма размышления о бессмысленности жизни, М.Ю. Лермонтов обращается к сравнению душа/плод в рамках автореминисценции, но в более лаконичном лексическом обрамлении:

*Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,*

Она увяла в бурях рока

Под знойным солнцем бытия... [9, 2, с. 109]

Общие мотивы связывают все эти наполненные символами стихотворения поэта, называемые комментаторами «исповедальными монологами», с «Думой». Во всех них прослеживается единство лексико-семантического и тематического планов: мотив раннего взросления и преждевременной старости («Из детских рано вырвался одежд / И сердце бросил в море жизни шумной», «Ужасно стариком быть без седин»), неопределенности будущего («Мое грядущее в тумане...», «Гляжу на будущность с боязнью...»), духовной и душевной пустоты и одиночества («И тьмой и холодом объята...», «Он равных не находит / ...И всё, что чувствует, он чувствует один!», «Ищу кругом души родной...») и т.д.

При сравнении этих стихотворений обнаруживается, что в каждом из них лирический герой обращается лишь к одной из сторон своей жизни. Так, стихотворение «Он был рожден для счастья, для надежд...» содержит размышления о собственной судьбе и судьбе своего поколения, стихотворение «Мое грядущее в тумане...» обращается «к теме бесперспективности будущего» [10, с. 282], в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью» лирический герой задумывается «над загадкой своего жизненного пути». [10, с. 113] И только в «Думе» все эти мотивы и образы объединены, поэтому текст «Думы» можно рассматривать как своеобразный творческий итог развития декламационного лермонтовского дискурса.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1959. Т. 3.; Т.4.
2. Бельская А.А. «Дума» М.Ю. Лермонтова в контексте романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Ученые записки Орловского государственного университета: Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 95–102.
3. Булакова Т.П. Русская литература XIX века. М.: Высшая школа, 2001. 576 с.
4. Гинзбург Л.Я. Творческий путь Лермонтова. Л.: Гослитиздат, 1940. 224 с.
5. Киселева И.А. Этика М.Ю. Лермонтова и ее религиозные основания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 76–72.
6. Коровин В.И. «Дума», стихотворение М.Ю. Лермонтова // Русская классическая литература. Разборы и анализы / Сост. Д. Устюжанин. М.: Просвещение, 1969. С. 142–155.
7. Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М., 1973. 287 с.
8. Левин Ю.Д. Скрытая цитата из «Лалла-Рук» // Русская литература. 1975. № 2. С. 205–206.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. 386 с.; Т. 6. Проза, письма. 900 с.
10. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Мануйлов В.А. М.: Советская энциклопедия, 1981. 746 с.
11. М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002. 1080 с. (Русский путь).
12. Манаенкова Л.Ф. Рациональное начало в лирике М.Ю. Лермонтова 1837–1841 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2007. № 2. С. 106–109.
13. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. 479 с.
14. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 572 с.
15. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924. 168 с.
16. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века. М.: Флинта, 2013. 748 с.

References

1. *Belinsky V.G.* Compositions: In 13 v. Moscow: Published by Academy of Science USSR, 1954–1959. Vol.3; Vol.4.
 2. *Belskaya A.A.* M.Y. Lermontov's «Duma» in the context of I.S. Turgenev's novel «Home of the Gentry» // Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanitarian and social sciences. 2009. №3. Pp. 95–102.
 3. *Buslakova T.P.* Russian literature of the XIX century. Moscow: The higher school, 2001. 576 p.
 4. *Ginzburg L.Y.* Career of Lermontov. Leningrad: Goslitizdat, 1940. 224 p.
 5. *Kiselyova I.A.* Ethic of M.Yu. Lermontov and his religious bases // Bulletin of Northern (Arctic) federal university. Series: Humanitarian and social sciences. 2010. №3. Pp. 76–72.
 6. *Korovin V.I.* «Duma», M.Yu. Lermontov's poem // Russian classical literature. Parsing and analyses / Ed. by D. Ustuzhanin. Moscow: Prosveshenie, 1969. Pp. 142–155.
 7. *Korovin V.I.* Career of M.Y. Lermontov. Moscow, 1973. 287 p.
 8. *Levin Y.D.* The hidden quote from «Lalla-Rookh» // The Russian literature. 1975. №2. Pp. 205–206.
 9. *Lermontov M.Yu.* Compositions: In 6 v. Moscow; Leningrad: AN USSR publishing, 1954–1957. Vol.2. Poems, 1832–1841. 386 p.; Vol.6. 900 p.
 10. Lermontov's encyclopedia / A.S. USSR. Inst. of Russian literature (Pushkin. House); ed. by Manuylov V.A. Moscow: Sovetskaja encyclopedia 1981. 746 p.
 11. M.Yu. Lermontov: pro et contra / V.M. Markovich, G.E. Potapova, introductory article by V.M. Markovich, comment. G.E. Potapova and N.Y. Zavarzina. Saint Petersburg: RHGI, 2002. 1080 p. (Russian way)
 12. *Manayenkova L.F.* Rational basis in M.Yu. Lermontov's lyrics (1837–1841) // Izvestija of the Volgograd state pedagogical university, 2007. №2. Pp. 106–109.
 13. *Pushkin A.S.* Complete set of works.: In 10 v. Leningrad: Nauka, 1977. Vol. 1. Poems, 1813–1820. 479 p.
 14. *Tyn'anov Y.N.* Poetica. History of literature. Cinema. Moscow: Nauka, 1977. 572 p.
 15. *Eykhenbaum B.M.* Lermontov: Experience. Historical and literary assessment. Leningrad, 1924. 168 p.
 16. *Yanushkevich A.S.* History of the Russian literature of the first third of the XIX century. Moscow: Flinta, 2013. 748 p.
-

Л.А. КОХАНОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра периодической печати, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

L.A. KOKHANOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of periodicals, Lomonosov Moscow State University

**ОБУЧАЮЩЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК СТИМУЛ ДЛЯ ПОСТИЖЕНИЯ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ
(ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ЖУРНАЛИСТОВ ФИЛИАЛА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В СЕВАСТОПОЛЕ)**

**TRAINING AS AN INCENTIVE TO STUDY FOR UNDERSTANDING THE THEORY OF JOURNALISM
(FROM THE EXPERIENCE OF THE TRAINING OF JOURNALISTS BRANCH
OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN SEVASTOPOL)**

В статье рассматривается практика введения обучающего исследования в процесс обучения. Цель данной методики – формирование внутренней мотивации, способствующей повышению интереса студентов к теории журналистики и использования этих знаний в практической деятельности. В процессе работы сформулирована концепция и структура обучающего исследования, определен ряд принципов, позволяющих эффективно структурировать исследование.

Ключевые слова: журналистика, региональная пресса, медиатекст, содержательная модель, лексико-стилистические особенности, жанр.

The article deals with the introduction of the practice teaching research into the learning process. The purpose of this method is the formation of intrinsic motivation that would increase students' interest in the theory of journalism and use this knowledge in practice. In the process, formulated the concept and structure of the training study identified a number of principles to effectively structure the study.

Keywords: journalism, regional press, media texts, meaningful model, lexical and stylistic features of the genre.

Практика введения обучающего исследования в процесс обучения – это десять лет создания данной методики, цель которой – формирование внутренней мотивации, способствующей повышению интереса студентов к теории журналистики, и использование этих знаний в практической деятельности. При этом мы исходим как минимум из двух положений: обучающее исследование должно быть реальным и необходимо делать акцент на технологическую грамотность нынешних студентов, которые выросли уже в компьютерную эру.

Безусловно, ситуацию определил случай, когда студентов факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова пригласили поучаствовать во Всероссийском конкурсе «Современная Россия глазами молодых» в качестве членов отборочной комиссии. Он был организован в начале 2000-х годов пресс-службой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, на базе которой в то время работала учебная студия факультета. Сам конкурс был ориентирован на молодых журналистов региональных изданий и ставил своей целью стимулировать интерес молодежи к общественно-политической жизни страны, активизировать участие молодежных СМИ и журналистов, пишущих на темы молодежи, в популяризации идей парламентаризма. Начинающим журналистам такая работа представилась и интересной, и полезной. Тем самым определилась реальность проводи-

мой работы – под конкретный заказ, а не в корзину или только на оценку, как учебная курсовая работа.

Но оказалось, что для выполнения данных студентам заданий им необходимы знания и умения ведения научного исследования. Это, в свою очередь, поставило задачу перед преподавателем – разработать концепцию, структуру и принципы обучающего исследования, чтобы эта работа органично вписывалась в учебный процесс, а конкретно – в преподавание профильных дисциплин. Поэтому в процессе работы была сформулирована концепция и структура обучающего исследования, определен ряд принципов, позволяющих эффективно структурировать исследование.

Так, концепция обучающего исследования формулирует основную идеологию включения научной работы в образовательный процесс, который регламентируется учебным планом, и, казалось бы, ограничивает возможности преподавателя творчески обустроить учебный процесс. Тем не менее, практика показала, что это не только возможно, но и необходимо.

В процессе работы были сформулированы также принципы обучающего исследования: у газеты есть будущее, но она становится другой; требуется новое поколение газетчиков, обладающих технологическими компетенциями; наблюдается «ренессанс» газетного содержания, однако формируются новые подходы к подаче информации; региональная пресса – это пресса моло-

дых профессионалов, владеющим журналистским мастерством и новыми информационными технологиями.

Но и этого оказалось недостаточно, чтобы методика заработала. Необходимо было исходить из того, что представляет собой сегодня нынешний студент. Поэтому был сделан акцент на технологическую грамотность нынешних студентов, которые живут в виртуальном мире. Именно эта их особенность позволила сделать прессу всей страны доступной для исследования на протяжении десяти лет работы. Эту работу выполняли студенты факультета журналистики МГУ имени М.В.Ломоносова и Филиала университета в городе Севастополе.

Задача преподавателя – принять увлеченность студентов новыми технологиями, понять силу этого интереса и помочь пробудиться внутренней мотивации, ориентированной на обучение профессии, которая может привести к эффективному результату. При этом акцент делается на теоретические знания, без которых практика возможна, но менее результативна. В этой ситуации преподаватель сам решает, что может считаться эффективным результатом и какие именно движущие силы могут быть полезными. «Однако, – как считает Е.В. Сидоренко, – если он решится мотивировать людей в русле данной парадигмы, ему необходимо помнить, что главные мотиваторы – в душе человека, а не вне ее. Использовать внутреннюю энергетику, а не сооружать хитроумные внешние рычаги – в этом сущность предлагаемого подхода» [3, 89].

В нашем случае внутренняя энергетика – интерес современных студентов к овладению постоянно обновляющимися новыми информационными технологиями, который стал отправной точкой для пробуждения внутренней мотивации. Для понимания ее сущности мы обратились к концепции внутренней мотивации, сформулированной отечественными и зарубежными учеными. Так, по мнению отечественного психолога Е.В. Сидоренко, Э. Деси, на первый взгляд, предлагает свою концепцию, во многом сходную с концепцией парателической активности Аптера. В то же время Сколл и Барбуто обозначают ее как «мотивацию, проистекающую из процесса». Однако, как считает отечественный исследователь, несмотря на то, что внутренняя мотивация – это «стремление совершать деятельность ради нее самой, ради награды, которая содержится в самом процессе деятельности», – ее источником является потребность автономности и самоопределения» [3, 89].

Очевидно, что внутренняя и внешняя мотивация есть составные части единого понятия «мотивация». Анализ работ по данной тематике позволяет утверждать, что термином «мотивация» могут обозначаться две группы явлений: индивидуальная система мотивов и система действий по побуждению других сделать что-либо, которая часто обозначается термином «мотивирование», а в современной литературе – как мотивационный менеджмент [3, 89].

Таким образом, мотивация – это:

- система мотивов определенного человека

• система действий по активизации мотивов определенного человека.

Как следствие, эффективное решение задач мотивационного обучения журналистов затрудняется тем, что мотивация как система внутренних и внешних мотивов будущих и нынешних профессионалов информационно-коммуникативного пространства существует по собственным законам. Они не всегда понятны и, тем более, не всегда доступны для регуляции извне, так как помимо личностных качеств есть специфика профессии, которая диктует свои условия. Поэтому уже на стадии обучения, а затем и профессиональной деятельности можно наблюдать, как мотивационные силы отдельного человека и всего коллектива возникают, развиваются, сталкиваются и борются друг с другом. Они могут ослабевать и замирать, но процесс идет по своим собственным законам, как силы природной стихии.

В процессе работы пришло понимание, что эти силы можно использовать для повышения интереса к теории журналистики, без которой практика может существовать. Но такой подход к профессии явно ограничивает возможности тех журналистов, которые в своей работе ориентируются только на эмпирические знания. Тем самым именно эти люди декларируют, что в профессии существует устоявшийся стереотип, суть которого заключается в том, что журналистам-практикам теория не нужна. В связи с этим британский исследователь журналистики Д. МакКуэйл пишет: «Хотя практика журналистики при взгляде на нее изнутри профессии не требует никакого теоретического обоснования или объяснения, тем не менее некая форма теории неизбежно возникает в процессе осмысления более широкого взаимодействия журналистов с их социальным окружением, особенно по мере того, как журналистика становится более сложной и более значимой по своим потенциальным последствиям. Самим журналистам, может быть, и не нужна никакая теория в их повседневной работе, но она очень важна для некоторых иных целей. Теория играет свою роль при объяснении или обосновании действий журналистов, когда такие действия становятся спорными, а также когда встает вопрос о подотчетности журналистов, например правовой, или вопрос о профессиональном саморегулировании. В частности, без теоретического обоснования и предъявления прагматических аргументов невозможно делать заявление о свободе журналистики как о ее фундаментальном принципе» [2, 14].

Таким образом, непосредственно сам процесс исследования региональных изданий 85 субъектов Российской Федерации с помощью компьютерных технологий стал тем процессуальным элементом, который весьма важен в концепции внутренней мотивации, хотя он и не является ее ядром. «Ядро же ее, – пишет Е.В. Сидоренко, – в том, что для человека жизненно важно быть самоопределяющимся, независимым, действующим в соответствии со своей «изнутри идущей» мотивацией, а не контролируемым извне» [3, 89].

Вопрос о том, что сегодня мотивирует журналиста,

стоит достаточно остро в журналистской теории и практике. Так, недавно в рамках кафедрального семинара было представлено исследование коллеги о мотивации журналистов. На основании полученных им данных утверждается, что оплата труда, включающая зарплату и гонорар, для большинства из них является основным мотивом профессиональной деятельности. Но, как утверждает Э. Деси, «борьба за награды – и особенно за финансовый успех – это американский путь» [5, 19]. Не хотелось бы допускать мысли, что отечественная журналистика практически перешла на американский путь развития даже при наличии существенного влияния международной практики.

Тем более, что, по мнению ученого, «бихивеоральные догмы основаны на предположении, что не существует внутренне укорененной мотивации к обучению, но это не согласуется с тем фактом, что маленькие дети – и в детских дошкольных учреждениях, и дома – беспрестанно исследуют объекты, с которыми они встречаются, и манипулируют ими. Они сами себе бросают вызов – стать более компетентными и знающими, – по видимому, просто ради удовольствия становиться такими. Дети отнюдь не ждут пассивно, пока их вовлекут в процесс обучения обещаниями наград, а сами активно вовлекаются в этот процесс. Несомненно, они изнутри мотивируются к обучению» [5, 19-20].

Профессия «журналистика» тем и хороша, что она заставляет постоянно учиться ее выбравшего человека, как ребенка в школе, «изнутри мотивироваться к обучению». Новые темы, неизвестные виды деятельности, которые представляют его герои, требуют от него быть постоянно в тонусе и в роли ученика. В учебном процессе в нашем случае эту функцию взяло на себя обучающее исследование, мотивирующее процесс познания нового, например, названий российских городов, с газетами которых работали студенты Филиала МГУ, находящегося на тот момент на территории Украины. Это малоприятный факт, но во многом объясняющий сегодняшнюю ситуацию неприятия всего российского жителями соседней страны, еще недавно бывшей равноправной республикой одной страны. За два десятилетия дети Украины практически ничего не знали о России, в том числе и названий больших и малых населенных пунктов.

Сейчас это становится общепризнанным фактом, который звучит из уст многих журналистов и политологов с экранов телевизоров. Россия недостаточно работала с молодежью на постсоветском пространстве, когда США вкладывали огромные средства для достижения своих целей, в том числе формирования таких ценностных установок, как «борьба за награды – и особенно за финансовый успех», что Э. Деси назвал «американским путем».

Это следует признать, и посмотреть на это под несколько иным углом зрения. Тем более, что далее Э. Деси пишет: «Когда люди говорят, что деньги мотивируют, они на самом деле имеют в виду, что деньги контролируют. И когда это происходит, люди становятся

отчужденными – они лишаются части своей аутентичности – и они заставляют себя делать то, что считают себя обязанными делать»» [5, 21].

В учебном процессе не только деньги, но, по Э. Деси, студентов контролируют угрозы, жесткие сроки, навязанные цели, надзор, оценки. Так они, по возрасту нетерпимые и порой агрессивные, воспринимают эти явления как противоречащие их автономности. Поэтому каждый преподаватель может наблюдать, как энтузиазм и интерес к предмету, если чрезмерно контролировать студентов, снижается. Они начинают «голосовать ногами» – пропускать пары, сдавать компилятивные курсовые и дипломные работы, манкировать предлагаемые им задания. Даже если предлагать соревновательные работы, но при этом студенты чувствуют, что они находятся под давлением соревнования или жестким контролем преподавателя, то и тогда результат такого обучения будет крайне низким, так как такое соревнование ими воспринимается как ограничение их автономности, их самостоятельности.

Закономерно возникает вопрос: что можно предложить аудитории вместо жесткого контроля? Чем ее заинтересовать, чтобы пробудить внутреннюю мотивацию на обучение, да еще на прерогативу теории над практикой? Именно это назначение и выполнило предлагаемое нами обучающее исследование региональной прессы на протяжении десяти лет. При этом мы исходили из того, что «предоставление выбора, в широком смысле этого слова является основополагающим в поддержке автономности личности. Поэтому важно, чтобы люди, занимающие управленческие позиции, начали размышлять над тем, как предоставить больше выбора» [5, 34].

Преподаватель в определенной степени занимает управленческие позиции, работая со студенческой группой или курсом на потоке. В его арсенале есть контрольные, курсовые и дипломные работы, зачеты, экзамены и оценки. Не отказываясь от этих форм контроля знаний, а точнее усвояемости предлагаемого им материала, он может предложить студентам такую форму деятельности, которая вызывает в аудитории радостное возбуждение. Тем самым он находит деятельностный контакт с аудиторией, преодолевает отчуждение с ней. Тем более, что «отчуждение начинается с того, что люди теряют контакт со своей внутренней мотивацией, с жизненностью и радостным возбуждением, которыми обладают все дети, со способностью делать что-то ради того, чтобы делать, с состоянием, которое Роберт Хенри назвал моментом переживания чего-то большего, чем обыденное существование» [5, 29].

Наша практическая деятельность показала, что «момент переживания чего-то большего» студент демонстрирует при сдаче своей работы. Подготовленные им презентации достаточно профессионально выполнены, и каждый доказывает свою точку зрения, предлагая аудитории познакомиться с результатами его труда. Были случаи, когда студенту предлагалось сократить время выступления, и он обижался, требовал, чтобы его выслушали.

Пожалуй, это хороший аргумент в пользу того, что предложенная нами форма обучения обладает достаточным «мотивирующим потенциалом работы» в контексте концепции внутренней мотивации. В определении оптимального направления «реорганизации труда», «обогащения труда», или «расширения труда», также помогла концепция Хакмана и Олдхема, в рамках которой и даны эти дефиниции. Именно ими была сформулирована модель рабочей мотивации, основанная на ключевых характеристиках работы, которую мы положили в основу разработки методики использования обучающего научного исследования как стимула для пробуждения интереса к теории журналистики, да и собственно к самой профессии в целом [6; 7].

На основании этих концепций нами были определены ключевые характеристики обучающего научного исследования, которые позволили ввести его в процесс преподавания профильных дисциплин.

К наиболее существенным следует отнести такие характеристики:

1. Разнообразие знаний, умений и навыков – это та степень, в которой обучающее исследование требует разнообразных видов активности студента, подразумевающих использование теоретического знания и ряда различных умений навыков практического толка, а также способностей личности и ориентированности на журналистскую профессию.

В данном случае во внимание принято положение Хакмана и Олдхема, которые считают, что разнообразие знаний, умений и навыков, которые необходимы для решения игровых задач, является основной причиной привлекательности их для человека [6; 7].

В нашем случае мы не играем в научное исследование, мы его ведем, но как обучающее. Другими словами, это серьезная работа, которая требует от студента сочетания теоретических знаний, практических навыков и умений. Поэтому она воспринимается им гораздо более значимой, чем, если бы это была обязательная курсовая работа. Например, студентка третьего курса А. Пашковская выбрала для анализа региональной прессы тему «Формула успеха». Прежде, чем приступить непосредственно к анализу собранного материала, она задалась целью определить, что такое формула успеха. Для этого она обратилась помимо теоретических работ по журналистике к книгам по другим предметам, в частности менеджменту, психологии, социологии.

Знакомство с методами математической статистики позволило ей представить достаточно репрезентативную выборку – сто двадцать статей из собранной на кафедре базы данных по региональной прессе и найденных ею лично на сайтах ряда газет различных городов и проанализировать ее.

На основании проделанной теоретической и практической работы она утверждает, что, что, по ее данным, больше всего успех описывается в спортивных достижениях – 32%, на втором месте стоит образование – 22%, на третьем успех в личной жизни – семье, воспитании детей, персональной реализации – 14%.

К сожалению, такие важные темы, как политика, экономика и наука, рассматриваются гораздо реже (политика – 3%, экономика – 4%, наука – 1%). Эти цифры подтверждает сделанная ею подборка публикаций, которая представлена в работе.

Следует отметить, что полученные в результате сбора, фиксации и отбора эмпирического материала данные А. Пашковская вполне логично использует при подготовке курсовой или дипломной работы. Причем, это делают и другие студенты, активно участвующие в обучающем исследовании.

2. Идентифицируемость задания – степень, в которой обучающее исследование требует завершения целостной и определенной задачи или этапа этой работы от начала и до конца с видимым результатом. Таким результатом могут быть сделаны выводы по окончании работы, представленные во время заключительной презентации на лекции или кафедральной научной конференции. Так, студентка третьего курса К. Кокунова обратилась к теме «Культурная пирамида». Подводя итог своего исследования, она пишет: «Проанализировав 174 статьи из 85 регионов Российской Федерации, я пришла к выводу, что наиболее популярной темой в подобных изданиях является рассказ о выдающихся людях, живущих в данном регионе (14% от материалов раздела «культура, общество»). Героями подобных статей становятся представители различных профессий, занятий, просто интересные личности. Так, например, в 2003 году газета «Лицейст» рассказала о творчестве художника Амирхана. В 2008 архангельская газета «Правда Севера» познакомила читателей с семьей Фоминых, содержащих собственную творческую мастерскую. По моему мнению, такое количество статей о жителях регионов обусловлено влиянием социальных черт, присущих людям, живущим в небольших городах и селах».

3. Значимость задания – степень, в которой обучающее исследование имеет существенное влияние на жизнь или работу лично каждого журналиста, как настоящего, так и будущего, а также на журналистскую деятельность и медийную отрасль в целом. Значимость задания – это, по большому счету, причастность к профессии. В процессе научного исследования мы изучаем газету, которая не умирает, а имеет большое будущее в связи с появлением и интенсивным развитием новых технологий. «Где бы мы ни оказывались, повсюду ощущалась новая эра и решимость при вступлении в новое столетие развивать уникальные возможности газет. Возможно, мы забыли урок истории: ведь новые СМИ никогда не заменяли уже существующие формы распространения информации, – отмечает Бенгт Браун, Президент WAN. – Возможно, мы просто недостаточно верили в собственные силы» [1].

В собственные силы начинают верить не только издатели, редакторы и журналисты российской региональной прессы, которые сегодня издают газету, но и сами студенты, участвующие в обучающем исследовании. Прежде всего, они убеждаются в том, что информационно-коммуникативное пространство стра-

ны огромно. Так, по данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на 01.01.2015, общее количество зарегистрированных СМИ составляло 89 173. Из них печатных – 65 596, электронных – 15 694, электронных периодических изданий – 6 220 (22 из них зарегистрированы уже как сетевые СМИ в соответствии с законом, вступившим в силу с 10 ноября 2011 г.), информационных агентств – 1 663 [4].

Большинство из них находится в стадии обновления. Они начинают инвестировать в свои онлайн-проекты, создают сетевые версии, и делают это не только ради удержания от посягательств новых СМИ, но и для собственного продвижения на новые рынки. Как следствие, в регионах возникают и развиваются мультимедийные редакции. Они требуют специалистов, обладающих новыми компетенциями, прежде всего, технологического плана. Как правило, это молодые сотрудники редакций. Эту роль студенты начинают примерять на себя, связывая свое будущее с работой в ежедневной газете или информационном агентстве.

4. Автономность – та степень, в которой обучающее исследование предоставляет реальную свободу, независимость и возможность действовать по своему усмотрению в планировании работы и в определении способов ее выполнения. Вот только один из примеров. Так, Ваулина Дарья, студентка 6 курса вечернего отделения факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, пишет:

«Для того чтобы узнать мнение реально работающих журналистов, я провела небольшой опрос в Интернете. Все отвечали на три одинаковых вопроса, которые я разместила на нескольких сайтах, куда частенько заглядывают представители нашей профессии. Вот как это выглядело:

«Уважаемые коллеги, очень нужна ваша помощь! Дело в том, что для диплома очень нужны ваши ответы на парочку вопросов. Необходимо знать ваше мнение по вопросу проблем современной региональной журналистики. Если вас это не так обширно затруднит, ответьте, пожалуйста, на опрос! Отвечать можно в любой форме. Заранее спасибо!

- какие вы видите проблемы у региональной журналистики?
- как видите будущее этой самой журналистики?
- как такие проблемы решаются?»

Такой подход не только расширил рамки исследования, но и позволил его автору показать свою технологическую грамотность и приверженность новым информационным технологиям.

5. Обратная связь – та степень, в которой выполнение рабочих заданий в рамках обучающего исследования сопровождается получением прямой и ясной информации относительно эффективности работы. Эта опция полностью зависит от преподавателя, и корректируется им. Главная трудность на этой стадии работы – найти сбалансированный подход между организацией контроля и заинтересованностью студентов в

проведении исследования, их «жизненностью и радостным возбуждением», которые ученые называют «моментом переживания чего-то большего, чем обыденное существование» или обыкновенный учебный процесс.

Безусловно, разрабатывая данную методику, мы рассматривали на определенные результаты. Прежде всего, речь идет о повышении интереса к теоретическим профильным курсам и овладении на их базе практических навыков работы. Для того чтобы понять, получили ли мы искомые результаты, мы должны были научиться определять основные психологические состояния и соотносить это с ключевыми характеристиками обучающего исследования. В данном случае Е.В. Сидоренко считает значимыми следующие психологические состояния.

1. «Переживаемая значимость работы – это та степень, в которой работа переживается человеком как значимая, полезная и стоящая.

2. Переживание ответственности за результаты работы – та степень, в которой человек чувствует себя лично причастным к результатам работы и ответственным за них.

3. Знание результатов – степень, в которой человек знает и понимает, насколько эффективно он выполняет работу на всем ее протяжении» [3, 93 -94].

Она считает, что «в самом общем виде модель «работает» следующим образом: пять ключевых характеристик работы вызывают три психологических состояния, которые, в свою очередь, приводят к ряду благоприятных для личности и для работы результатов. Связи между характеристиками работы и психологическими состояниями на схеме опосредуются силой потребности индивидуального роста» [3, 94].

Понятие «сила потребности индивидуального роста» вводят в научный оборот Хакман и Олдхем. Это означает степень, в которой человек стремится к достижению результата, к обучению и к личностному развитию [7, 85]. Именно цель разработки данной методики – введение обучающего исследования в процесс преподавания профильных дисциплин стимулировать личностное развитие каждого студента. Тем более, предлагаемая модель постулирует, что студент в процессе проведения обучающего исследования региональной прессы переживает положительные эмоции в той степени, в какой он узнает (знание результатов), что он лично (переживание ответственности) хорошо выполнил задание (переживаемая значимость).

Анализируя итоги десятилетней практики и выполненные студентами работы, мы можем утверждать, что у многих студентов самоорганизующаяся мотивация проявляется на достаточно высоком уровне в том случае, если у них присутствуют все три психологических состояния. Это говорит о том, что они обладают высокой силой потребности индивидуального роста. При этом они «будут с большей вероятностью переживать психологические состояния при соответствующих характеристиках работы и более положительно реагировать на эти состояния, что выразится в более высоких результатах деятельности» [6; 7].

Конечно, не все студенты демонстрируют столь высокий уровень мотивации. Например, он низок у студентов, если задание у них вызывает чувство ответственности, но обратной связи с ним у преподавателя нет. В таком случае работа выполнена формально и студент не видит в ней для себя смысла. Следовательно, такой студент не обладает высокой силой потребности индивидуального роста и, как правило, в профессии не достигает больших высот или уходит из нее. Может быть, в этой ситуации виноват и преподаватель, который не сумел мотивировать студента на выполнение этой работы.

К сожалению, и такие примеры встречались в преподавательской деятельности за эти годы. Бывали и случаи, когда ключевые характеристики обучающего исследования не обязательно вызывали положительные эмоциональные состояния у определенного числа студентов. У некоторых из них необходимость использовать разнообразные умения в процессе сбора, отбора и анализа публикаций вызывает возбуждение и нервозность. Если в этой ситуации преподаватель правильно отнесется к состоянию нервозности у студента, то впоследствии можно наблюдать, как этот студент более

систематично и аналитически подходит к исследовательской работе и, таким образом, стимулирует процесс решения поставленной перед ним задачи. В итоге у него получается качественная работа.

Безусловно, каждый студент – это яркая индивидуальность, требующая от преподавателя внимательности и чуткости. Но при этом лектор обязан выполнить свои профессиональные обязанности – передать тот объем знаний, которые зафиксированы учебным планом. Поиски результативных форм обучения – это трудный, но вдохновляющий труд. Введение обучающего исследования в процесс обучения профильным дисциплинам – это одна из доказавших на практике свою результативность методик. Аргументом в ее пользу может служить тот факт, что многие из студентов за это десятилетие не только успешно учились, закончили обучения с отличными оценками и «красными дипломами», но и остались в профессии.

К тому же, последующим поколениям они оставили хрестоматию журналистских текстов из прессы 85 субъектов РФ, которая находится в печати, и отработанную ими методику обучающего исследования.

Библиографический список (References)

1. Newspapers on a threshold of a new era. 52nd World newspaper congress, June, 1999. М, 2001.
2. *Makkueyl Denis*. Journalism and society. М, Mediamir, Faculty of journalism of Lomonosov Moscow State University, 2013. 368 p. Pp. 14-15.
3. *Sidorenko E.V.* Motivational training. SPb.: Speech, 2007. P.11.
4. <http://www.rsoc.ru/news/rsoc/news14748.htm?print=1>
5. *Deci E.L.* Why we do what we do? N.Y.: A Grosset/Putnam Book, 1995.
6. *Hackman J.R., Oldham G.R.* Development of the Job Diagnostic Survey. Journal of Applied Psychology, 1995.
7. *Hackman J.R., Oldham G.R.* Work Redesign., Redesign, Mass.: Addison-Wesley, 1980.

ЛО ШАНЬЛИНЬ

аспирант, кафедра русского языка, Курский государственный университет
E-mail: 510237004@qq.com

SHANLIN LO

Graduate student, Department of the Russian language, Kursk State University
E-mail: 510237004@qq.com

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛОДВИЖЕНИЙ И ПОЗ КАК КОММУНИКАТИВНЫХ ЖЕСТОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

**LANGUAGE REPRESENTATION OF BODY MOVEMENTS AND POSTURES AS COMMUNICATIVE GESTURES
IN ARTISTIC LITERATURE**

Важной составляющей речевой коммуникации являются невербальные средства, которые в письменной речи имеют конкретную языковую репрезентацию. В статье сделан краткий обзор всех выявленных наименований коммуникативных жестов в произведениях К.Д. Воробьева и подробно описаны способы вербализации телодвижений и поз.

Ключевые слова: коммуникация, невербальные средства коммуникации, жест, языковая репрезентация, паракинема.

One of the essential parts of verbal communication is a body language that has a language representation in the written speech. The article is concerned with the synopsis of the naming units of communicative gestures in K.D. Vorobyov's literary works. The ways of body movements and postures' verbalization are specified.

Keywords: communication, non-verbal communicative means, gesture, language representation, paracinema.

Универсальным средством человеческого общения является речь, однако процесс коммуникации невозможен без невербальных средств, которые сопровождают, дублируют, дополняют, усиливают, уточняют, замещают или даже опровергают словесное высказывание. Исследователи уже доказали, что устная речь структурно отличается от письменной в плане передачи информации. «Если в письменной речи у нас один канал информации (сам текст), то в устной речи каналов информации два: а) информация, которая непосредственно содержится в произнесенных словах, и б) информация, которую слушатель получает помимо слов, которая сопутствует речи и в той или иной мере связана со словами» [9, с. 49].

«Чтение невербальных сигналов является важнейшим условием эффективного общения», – утверждает Г.Г. Молчанова, ссылаясь на американского социопсихолога А. Мехрабиана, который «вывел знаменитую модель соотношения вербалики и невербалики в межличностной коммуникации: “55 – 38 – 7”, где 55% – невербалика, 38 – голос, т.е. пара/экстралингвистика, и только 7% – вербалика, значение производимых слов» [7, с. 16]. По мнению ученого, главными составляющими невербального общения являются кинесика, окулесика, такесика или гаптика, проксемика, хронемика, гастика, хроматика, системология, одорика или ольфакция, аускультация, паралингвистика [7, с.17]. В частности, к кинесике относят собственно жесты, мимику, телодвижения и позы. Г.Е. Крейдлин в качестве особой формы кинетического поведения также выделяет

и комплексные динамические знаковые формы – манеры, под которыми понимает «социально обусловленные ритуализованные формы поведения, приспособленные к определенным ситуациям» [5, с. 178–179], например манеры поведения за столом во время еды, этикетные манеры общения, манеры приветствия и др.

В отличие от устной речи, где невербальные сигналы, которые бывают и намеренными, и ненамеренными, обязательны, в письменной форме они опосредованы, поскольку автор текста волен обращать/не обращать на них внимание, выбирать специальные языковые средства и по-разному включать их в повествование. В любом случае невербальные элементы коммуникации в письменной речи имеют конкретную языковую репрезентацию.

Целью нашей работы является описание способов вербализации коммуникативных жестов в трех повестях известного русского писателя XX века К.Д. Воробьева: «Сказание о моем ровеснике», «Друг мой Момич» и «Убиты под Москвой» [4]. Первые два произведения объединены одной темой – история русской деревни в годы гражданской войны и коллективизации. Привлечение же к анализу повести «Убиты под Москвой» было обусловлено желанием проследить, изменится ли репрезентация средств кинесики в произведении военной тематики.

Путём сплошной выборки с опорой на контексты мы отобрали фрагменты, содержащие описания только коммуникативно значимых жестов (в широком смысле), оставив за пределами исследования случаи физио-

логических процессов и самодостаточного поведения, т.е. действий и поступков, «которые выполняются ради самих себя, для достижения непосредственных целей» [3, с. 36]. Под коммуникативными жестами мы, вслед за Е.А. Степаненко, понимаем «движения тела, направленные на конкретного адресата и несущие ему какую-либо информацию коммуникативного плана» [8].

Для обозначения слова или группы слов, описывающих коммуникативно значимый жест, мы используем термин *паракинема* [1, с. 13]. В составленном нами словнике паракинем, которые могут быть представлены одной лексемой (*кивнуть, оглядеть, подмигнуть*), словосочетанием (*махнуть рукой, окинуть взглядом, кивком головы*), предложением (*зрачки будто спрашивали, промелькнула усмешка на губах*) и даже развернутой конструкцией, оказалось 193 наименования в 362 словоупотреблениях.

В дальнейшем мы распределили выявленные паракинемы по четырем группам: «Собственно жесты», «Мимика», «Телодвижения» и «Поза». Хотя более употребительными оказались наименования первых двух групп, целью данной статьи стало описание паракинем реже анализируемых двух последних групп, так как, являясь неотъемлемой частью коммуникации, телодвижения и позы могут многое сказать читателю как о межличностных взаимоотношениях, так и об эмоциональном состоянии коммуникантов.

Телодвижение традиционно понимается широко, что находит отражение в дефинициях слова в толковых словарях, например: «движение тела или отдельной его части, жест» [2, с. 1313]. Однако лингвисты часто ограничивают телодвижения от собственно жестов и поз, опираясь на определенные критерии. Так, Г.Е. Крейдлин выделяет несколько признаков, позволяющих противопоставить разные формы кинетического поведения: «... поза, в отличие от других, **динамических**, форм, является формой **статичной**. Собственно жесты и телодвижения отличаются от выражений лица **инструментом исполнения**: первые исполняются руками или, реже, ногами, а в исполнении вторых главная роль отводится корпусу» [5, с. 179]. Опираясь на классификацию Г.Е. Крейдлина, мы под телодвижением понимаем коммуникативно значимое движение корпуса, а под позой – более статичное (и длительное) положение тела в пространстве, с помощью чего человек намеренно передает информацию собеседнику.

Лексемное разнообразие группы «Телодвижение» позволяет распределить вошедшие в нее паракинемы по четырем подгруппам: «Движение корпуса»; «Поклон»; «Объятие» и «Коленопреклонение». В первой подгруппе наиболее частотной паракинемой оказалось наименование *обернуться* ‘повернуть туловище’, с помощью которого писатель показывает стремление человека установить контакт с собеседником: – *Господи, да как же мы без всего поедим, Сань! – обернулась ко мне тетка...* [4, т. 2, с. 180]. Зафиксировано и синонимичное наименование *повернуться*: – *Все носишь обиду? – Надо б, да не на кого, – повернулся он ко мне. – Кабы*

оно не на наших дрожжах-то тесто взошло! Ить не германец же с туркой грёб нас? [4, т. 2, с. 239]. В отдельных случаях глагол *обернуться* используется для указания на кого-либо: – *Дали... Они вот, – твердо признался Игнат и всем корпусом обернулся к Верхованцеву* [4, т. 1, с. 62].

Для обозначения отказа от контакта писатель привлекает паракинемы *не оборачиваться, отвернуться, подняться*: – *Александр! Куда ж ты попер? Обедать же надо... – Я не хочу, – сказал я, не оборачиваясь* [4, т. 2, с. 155]; – *Ну, если так – женись сам! – поднялся Алексей. – Не шибко старый!..* [4, т. 1, с. 48].

В повести «Друг мой Момич» зафиксирован глагол *встать* как знак приветствия в одном случае учительницы, а в другом – священника: *...и я вытер лоб, встал и сказал: – Здравствуй! Я сказал звонко, как в классе, и глядел только на учительницу...* [4, т. 2, с. 200].

Несколько паракинем передают половинчатость жеста: *полуобернуться, повернуться боком, стать боком. За садом, возле развалившегося каменного вала, Момич придержал жеребца и, полуобернувшись ко мне, шепотом спросил: – Тут, что ль?* [4, т. 2, с. 178].

Замечено, что поклон – важный коммуникативный жест, однако К.Д. Воробьев редко обращается к нему, а в повести «Убиты под Москвой» он не зафиксирован ни разу. Исследователи выделяют три класса поклонов [6, с. 34]. В текстах повестей описываются два из них: религиозные и бытовые. Религиозный поклон, исполняющийся во время молитвы или богослужения, в повести «Сказание о моем ровеснике» вербализован сочетаниями *класть поклоны и отбивать поклоны: Матвей Егорович и Петрак стояли рядом, крестились и клали поклоны разом, как по команде* [4, т. 1, с. 42].

Более употребителен бытовой поклон, который используется в ситуации повседневного общения людей. Разнообразны и условия его использования в качестве приветствия, прощания, выражения благодарности и демонстрации уважения. Нами зафиксированы три конструкции: *кланяться, поклониться и сказать с поклоном*: – *Идите скорейча на речку! – с поклоном сказала она* [4, т. 1, с. 89]; – *Христос воскрес! – протяжно произнесла она и поклонилась* [4, т. 2, с. 124]. Данное телодвижение может быть реакцией на обиду, как в случае описания поведения обиженного отца в «Сказании о моем ровеснике»: *Матвей Егорович выронил аришин, волоча сапоги, отступил к столу и, часто заморгав, низко поклонился в ноги Алексею. – Спасибо, сыночек... Вырастили тебя мы с покойницей...* [4, т. 1, с. 46].

В повести «Друг мой Момич» К. Д. Воробьев описывает особую манеру поклона героев: *Царь всегда кланяется ему три раза – сперва низко, в пояс почти, потом помельче, а в третий раз кивком головы, будто с разгона остановиться не может* [4, т. 2, с. 173].

Для характеристики степени поклона, формы его исполнения, временных характеристик данного телодвижения и коллективности исполнения писатель использует наречия и предложно-падежные сочетания *в пояс, низко, помельче, долго, разом*.

Заметим, что, хотя исследователи к бытовым поклонам относят и кивок – легкий поклон, «весьма непродолжительный по времени и малый по амплитуде» [6, с. 39], мы наименование данного жеста включили в подгруппу «Голова» группы «Собственно жесты», поскольку «кивок по форме представляет собой наклон вниз одной лишь головы и только изредка сопровождается очень легким, едва заметным, наклоном туловища» [6, с. 34].

Подгруппа «Объятие» немногочисленна, она включает два наименования в восьми словоупотреблениях: *обнять* и *прижать к себе*. В отдельных случаях писатель уточняет действие путем указания пассивного органа: *обнять за плечи, обнять за шею, обнять колени*. Данный жест используется в разных ситуациях:

– взрослым человеком по отношению к маленькому для выражения ласки, нежности, защиты: *И когда Алешка пошел, то и дело оборачиваясь назад, Матвей Егорович рывком настиг его и прижал к себе. – Ты вот что, – с обидой и жалостью зашептал он, – ты знай: жизнь – зла, а люди... сладок будешь – расклюют, горек будешь – расплюют. Вот. А зараз иди с богом. Иди и не оглядывайся!..* [4, т. 1, с. 100–101];

– маленьким по отношению к взрослому в поисках поддержки: *На первой же фразе «Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей...» – я шагнул к Дудкину, обнял его колени и заревел, как тогда на троицу, во дворе у Момича* [4, т. 2, с. 139];

– взрослым по отношению к взрослому для выражения благодарности: *– Так нешто ж я... Значит, померещилось мне, будь она трижды проклята!.. – И, неумело обняв Суровца обеими руками, Матвей Егорович зачастил просящим и рыдающим голосом...* [4, т. 1, с. 91].

Не характерен для прозы К. Д. Воробьева жест коленипоклонения, который представлен одним наименованием *пасть на колени*, употребленным единожды в повести «Сказание о моем ровеснике»: *Перемещая руки под своей живой невесомой ношей, матрос не видел, как подкошенно пал на колени Матвей Егорович, обернув лицо к конвоирам. Подняв над головой руки и расто-*

пырив трясущиеся пальцы, он заговорил монотонно и страстно, будто творил молитву... [4, т. 1, с. 73].

Выше отмечалось, что поза является статичной формой. Самой употребительной паракинемой группы «Поза» оказался глагол *выпрямиться* ‘принять прямое положение’. Такая поза является реакцией или на неожиданный поступок собеседника, или на невнимание, пренебрежение с его стороны: *– Ну вот что, – обиженно выпрямился Ястребов, – говори прямо: отпускаешь товар за мои деньги или нет?* [4, т. 1, с. 44].

Несколько паракинем, зафиксированных в военной повести «Убиты под Москвой» и в эпилоге повести «Друг мой Момич», в котором описываются события Великой Отечественной войны, имеют ограниченное употребление в военной среде: *вытягиваться в струнку; вытягиваться по стойке «смирно»; стать по команде «смирно»: – Я воевал не винтовкой, а дивизией, лейтенант! – тоже фальцетом крикнул красноармеец и стал по команде «смирно». – Приведите себя в порядок! Как стоите? Я генерал-майор Переверзев! Кто у вас старший? Что за подразделение? Проведите меня к своему командиру! Забыв отступить и только качнувшись назад, Алексей вытянулся и расправил плечи, как на учебном плацу* [4, т. 3, с. 32].

Отметим, что для этой группы, в большей степени, чем для других, характерны развернутые описания: *было в их позах что-то удивительно птичье; поднять над головой руки и растопырить пальцы; вытянуться и расправить плечи*.

Таким образом, анализ наименований телодвижений и поз, зафиксированных в произведениях К. Д. Воробьева, показал, что писатель использует разные способы языковой репрезентации параязыка в художественном тексте. Паракинемы нередко взаимодействуют, наглядно отражая многообразие связанных между собой форм невербального поведения человека. Об авторских приоритетах говорит словник паракинем, разные группы и подгруппы которых демонстрируют предпочтения писателя в выборе конкретных языковых конструкций.

Библиографический список

1. Бобунова М.А., Ло Ш. Вербализация параязыковых явлений в художественной литературе: к проблеме терминологии // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Ежемесячный научный журнал. 2014. № 9. Часть 12. С. 11–14.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
3. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36–47.
4. Воробьев К.Д. Собрание сочинений. В 5 т. Курск: ИД «Славянка», 2008. Т.1–5.
5. Крейдлин Г.Е. Кинесика // Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов: Языки русской культуры. Венский славистический альманах, 2001. С. 166–254.
6. Крейдлин Г.Е., Морозова Е.Б. Внутриязыковая типология невербальных единиц: бытовые поклоны // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 34–47.
7. Молчанова Г.Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 13–30.
8. Степаненко Е.А. Языковая репрезентация коммуникативного тактильного поведения [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-kommunikativnogo-taktilnogo-povedeniya> (дата обращения: 02.04.2015).
9. Хроленко А.Т. Введение в филологию: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 252 с.

References

1. *Bobunova M.A., Lo Sh.* Verbalization of paralinguistic fiction phenomenon: problems of terminology // Eurasian Science Union. Monthly academic journal. 2014. № 9. Part 12. Pp. 11–14.
 2. Comprehensive Russian Explanatory Dictionary / author and chief editor S.A. Kuznetsov. St. Petersburg.: «Norint», 2000. 1536 p.
 3. *Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G.* About Peculiarities of the Verbal Nomination of Face Expression and Gestures (In the Russian Language) // The Problems of Linguistics. 1981. № 1. Pp. 36–47.
 4. *Vorobyov K.D.* Collected Works. In 5 volumes. Kursk: Publishing House «Slav», 2008. Vol. 1–5.
 5. *Kreidlin G.E.* Kinesics // Grigoryeva S.A., Grigoryev N.V., Kreidlin, G.E. The Nonverbal Dictionary of Gestures: The languages of the Russian culture. Viennese Almanac of Slavonic philology, 2001. Pp. 166–254.
 6. *Kreidlin, G.E., Morozova E.B.* Intralingual typology of non-verbal units: Common greetings (bows) // Linguistics questions. 2004. № 4. Pp. 34–47.
 7. *Molchanova G.G.* Cognitive body language as polycode communicative means: kinesics // Messenger of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-cultural Communication. 2014. № 2. Pp. 13–30.
 8. *Stepanenko E.A.* Language representation of tactile communication behavior [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-representatsiya-kommunikativnogo-taktilnogo-povedeniya> (date of circulation: 02.04.2015).
 9. *Khrolenko A.T.* Introduction to Philology: schoolbook. M.: FLINT: The Science, 2015. 252 p.
-

С.В. МАСЛЕЧКИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии, Московский государственный областной гуманитарный институт
E-mail: svetlana-maslechkina@yandex.ru

S.V. MASLECHKINA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Moscow State Regional Institute for the Humanities
E-mail: svetlana-maslechkina@yandex.ru

СОХРАНЕНИЕ АЛЛИТЕРАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

KEEPING THE ALLITERATION IN TRANSLATION

В данной работе описывается аллитерация как одна из функций передачи экспрессивности, а также рассматривается возможность сохранения аллитерации при переводе с языка подлинника на язык перевода.

Ключевые слова: перевод, аллитерация, экспрессивность, повтор.

This article describes the concept of alliteration as one of the functions of transferring expressiveness. It also considers the possibility of preserving the alliteration in the translation from the original language into the target language.

Keywords: translation, alliteration, expressiveness, repetition.

Под аллитерацией мы понимаем «повторение одинаковых (или сходных) звуков или звукосочетаний» [2]. Аллитерация представляет собой повторение начального согласного слога или ряда слов с идентичным начальным звуком. Изначально аллитерация являлась основным принципом стихосложения. На сегодняшний день аллитерация выполняет функцию передачи экспрессивности.

Потребность в аллитерации очень высока. В последнее время наблюдается тенденция к использованию аллитерации в рекламе, например: *есть идея, есть икея*.

Аллитерация может быть *полной*, т.е. слова начинаются с одинаковых согласных или комбинаций: согласный + гласный, а также *скрытой*, т.е. комбинации находятся внутри словоформ. Преувеличенное употребление аллитерации приведет к банальной игре слов, которая будет лишена смысла.

Использование аллитерации для придания экспрессивности высказыванию рассмотрим на примере стихотворения Э.М. Ремарка «*Ich und Du*», которое было опубликовано в 1918 году в дрезденском журнале «Die Schönheit». Создание стихотворения навеяно, предположительно, смертью кумира и творческого наставника Э.М. Ремарка – Ф. Хёрстемайера [6]. Переводы этого стихотворения были взяты из научного альманаха «Перевод и переводчики» (выпуск № 2) кафедры немецкого языка Северо-Восточного государственного университета.

Рассмотрим первое четверостишие данного стихотворения.

Ich und Du
Ich schreite meinen stummen Weg
Durch dunkle Nacht, durch dunkle Nacht –
Ich klage nicht, ich frage nicht –

Ich wandle einsam durch die Nacht...

(Ремарк 1999: 5).

Повторение слов с начальным звуком *d* (*durch dunkle*) создает реальное ощущение темноты ночи, пустынных улиц. Повторение личного местоимения *ich* говорит об одиночестве, о безысходности.

Рассматривая переводы данного четверостишия, обращаем внимание, сохранена ли при переводе аллитерация.

Я и Ты
Иду своим немym путем
Сквозь ночи мрак, сквозь ночи мрак.
Не плачу я, лишь молча я
Бреду один сквозь ночи мрак.

(Чайковский 1999: 6).

Я и Ты
Бреду своим немym путем
Сквозь ночи мглу, сквозь ночи мглу.
Не спрашивая ни о чем, –
Без жалоб я иду сквозь мглу.

(Егин 2001: 560).

Я и Ты
А я иду своим путем
Где ночь и тишина.
И не прошу я ни о чем
Иду один – а ночь темна.

(Кан 2001: 57).

Можно сказать, что при переводе первой строчки *Ich schreite meinen stummen Weg* Н. Кан и Р.Чайковский употребили глагол «*идти*», а А. Егин в своем переводе использовал глагол «*брести*». Отметим, что значение немецкого глагола «*schreiten*» – *шагать, ступать; шествовать; идти*. Как мы видим, значения *брести* у гла-

гола «schreiten» нет.

В данных отрывках есть совпадения. Так, во всех переводах присутствуют существительные: *ночь, путь*, а также глаголы: *идти, просить, спрашивать*. Особое внимание уделим третьей строке стихотворения «*Ich klage nicht, ich frage nicht*», в дословном переводе – *я не жалуясь (или плачу), я не спрашиваю*. Все авторы перевели данную строчку по-своему. У Р.Р.Чайковского читаем «*Не плачу я...*», у А. Егина – «*Не спрашивая ни о чем*», а в переводе Н. Кан употреблен совершенно другой глагол «*И не прошу я ни о чем*».

Русскому глаголу *просить* соответствуют немецкие глаголы: *bitten, ersuchen*, данные глаголы Э.М. Ремарк не употреблял. Рассмотрев переводы четверостишия Э.М. Ремарка, отметим, что аллитерация, которая присутствует в немецком варианте, к сожалению, отсутствует в русском.

Рассмотрим следующее четверостишие и его переводы. Интересно – сохранена ли авторами переводов аллитерация, употребленная Э.М.Ремарком, в данном четверостишии.

*Wohl schmerzt der Weg, der dunkle Weg;
Mein Herz ist jung, mein Herz ist heiß –
Doch schweigend senke ich das Haupt
Und gehe weiter; – denn ich weiß:*

(Ремарк 1999: 5).

В данном четверостишии Э.М. Ремарк повторяет согласный звук *w*. Повторение данного согласного звука навевает порыв *ветра, холод, вьюгу, ночь, одиночество, вечность*. Конечно, можно и дальше продолжать данный ассоциативный ряд. Но во второй строчке четверостишия Э.М. Ремарк повторяет выражение *mein Herz*, и с повторением данной строчки у читателя появляется надежда, что не все так плохо, что все может измениться к лучшему, потому что «*горячее сердце*» может даже растопить лед. И этому есть масса примеров в литературе: горячее сердце помогло Снегурочке познать чувство любви, Герде вернуть из плена Снежной королевы Кая, а Данко с его пылающим сердцем помог людям найти дорогу. Э.М. Ремарк повторил выражение *mein Herz*, чтобы у читателя появилась надежда на будущее – светлое и солнечное.

В переводах данного четверостишия авторы придерживаются заданной Э.М. Ремарком аллитерации.

*Пусть путь мой – боль, пусть мрачен путь,
Но юным сердцем весь горя,
Я молча лишь склоню главу –
И снова в путь; ведь знаю я:*

(Чайковский 1999: 6).

*Есть боль пути, пути сквозь мглу;
А сердце юно, жар тая,
Но молча, я склоню главу
И дальше в путь – ведь знаю я:*

(Егин 2001: 56).

*Мой мрачен путь, мой труден путь,
Поникнет голова моя,*

*Но молод я – пылает грудь,
Я все иду – ведь знаю я:*

(Кан 2001: 57).

Анализируя переводы данного четверостишия, необходимо отметить, что авторы повторяют согласный звук *n*. Как и в немецком, так и в русском варианте мы можем привести несколько ассоциаций, которые возникают при повторении данного звука, например: *полночь, полутьма, поземка, пурга*. Как видно из приведенных переводов, все авторы передали аллитерацию, задуманную Э.М. Ремарком.

У двух авторов – А. Егина и Р.Р.Чайковского – данное четверостишие вызывает меньше всего вопросов, так как переводы соответствуют оригиналу, чего нельзя сказать о четверостишии Н. Кан.

Необходимо отметить, что во всех вышеприведенных переводах авторы употребили:

1. Существительные: *путь, сердце, голова*.
2. Глаголы: *молчать, знать*.
3. Личное местоимение: *я*.

Первая фраза у всех авторов переводов соответствует оригиналу.

У Р. Чайковского читаем следующий перевод первой строки:

Пусть путь мой – боль, пусть мрачен путь

(Чайковский 1999: 6).

А. Егин перевел первую фразу четверостишия следующим образом:

Есть боль пути, пути сквозь мглу

(Егин 2001: 56).

А у Н. Кан видим совершенно иное прочтение ремарковской фразы:

Мой мрачен путь, мой труден путь

(Кан 2001: 57).

Как видно из приведенных примеров, ни один из авторов не перевел модальное наречие *wohl*.

В «Большом немецко-русском словаре» читаем следующую дефиницию: *wohl I a präd* здоровый; II *adv* хорошо; III *mod adv* пожалуй, вероятно, может быть (Большой немецко-русский словарь 1980: 602).

Перевод второй строчки этого четверостишия тоже интересен. В оригинале:

Mein Herz ist jung, mein Herz ist heiß

(Ремарк 1999: 5).

Мое сердце молодо, мое сердце горячо (соб. перевод).

Авторы переводов дают свою интерпретацию приведенной выше строчки. Например, у Р. Чайковского данная строчка переведена так:

Но юным сердцем весь горя,

(Чайковский 1999: 6).

Как видно из приведенного примера, автор перевода сохраняет смысл высказывания, но изменяет структуру предложения. В немецком варианте мы наблюдаем простое повествовательное предложение с составным именным сказуемым. Такой же прием (изменение структуры предложения) мы наблюдаем в переводе у А. Егина.

А сердце юно, жар тая

(Егин 2001: 56).

Оба автора переводов вместо составного именного сказуемого употребляют деепричастные обороты: *сердцем весь горя* (Чайковский 1999: 6), *жар тая* (Егин 2001: 56).

Особое внимание необходимо уделить переводу Н. Кан. Читая второе четверостишие этого переводчика, необходимо отметить, что автор меняет местами вторую и третью строчки в переводе:

Поникнет голова моя,

Но молод я – пылает грудь,

(Кан 2001: 57).

Как мы видим, третья строчка данного перевода отличается от перевода А. Егина и Р. Чайковского. В переводе нет упоминания о *сердце*, которое молодо. Автор перевода говорит: *но молод я*.

В данном примере можно поставить знак равенства между личным местоимением *я* и существительным *сердце*. Так как пока бьется сердце – жив человек.

Что касается второй части перевода строчки четверостишия, Н. Кан более полно передает структуру ремарковской строки. Если А. Егин и Р. Чайковский используют деепричастные обороты для передачи строчки *mein Herz ist jung, mein Herz ist heiß*, то Н. Кан дает иную структуру предложения: *но молод я – пылает грудь*.

Последняя строчка второго четверостишия передана авторами переводов одинаково. Первая часть предложения «*Und gehe weiter; ...*» имеет некоторые различия, но они настолько незначительны, что можно и не обращать на это внимание, а вторая часть «*... – denn ich weiß:*» – совершенно одинаково переведена на русский язык.

Сравним:

И снова в путь; ведь знаю я:

(Чайковский 1999: 6).

И дальше в путь – ведь знаю я:

(Егин 2001: 56).

Я все иду – ведь знаю я:

(Кан 2001: 57).

Сравнивая первый и второй варианты перевода последней строчки, видим различие, во-первых, в употреблении наречий *снова* и *далеко* и, во-вторых, в пунктуации. В оригинале данная фраза выглядит таким образом:

Und gehe weiter; – denn ich weiß:

(Ремарк 1999: 5).

Нас интересует перевод наречия *weiter*:

weiter adv; 1 verwendet, um die Fortsetzung einer Handlung zu bezeichnen; 2 ≈ außerdem, sonst; (Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 1997: 1106).

С немецкого на русский язык данное наречие переводится следующим образом: *weiter* II *adv* дальше, далее (Большой немецко-русский словарь 2Т. 1980: 584).

Как мы видим, А. Егин и Р. Чайковский выбрали разные наречия, для передачи немецкого *weiter*. Р. Чайковский выбрал – *снова*, а А. Егин – *дальше*. В тол-

ковом словаре: **снова**, нареч. Еще раз, опять (Ожегов 2007: 519). В Большом толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова мы читаем: **снова**, нареч. Вновь, еще раз, опять [5].

Наречие *дальше* также имеет свою дефиницию. У Ожегова: **дальше**, нареч. Затем, в дальнейшем; продолжая начатое [3].

В словаре Ушакова дается следующее значение наречия **дальше**: затем, в дальнейшем; после [5].

Исходя из приведенных дефиниций наречий *снова* и *дальше*, а также значений немецкого наречия *weiter*, можно сделать вывод: хотя немецкое *weiter* и переводится на русский язык как *дальше*, но наречие *снова* в полной мере передает смысл ремарковской фразы.

Изменив порядок строк, структуру предложений, пунктуацию, авторы переводов не уменьшили экспрессивность высказывания. Точно так же как и Э.М. Ремарк, авторы переводов отображают надежду, которая живет в сердце каждого человека.

В последующих четверостишиях аллитерация отсутствует, но мы обращаем внимание на повторение слова *einmal*. В оригинале данные четверостишия выглядят следующим образом:

Einmal ist mein Weg vollbracht –

Einmal versinkt die tote Nacht –

Blühen Rosen unter meinem Fuß,

Begnadet mich dein goldner Gruß!

Einmal ist alle Sehnsucht still,

und alles Wünschen findet Ruh! –

das große Glück, der tiefe Traum

wird einmal wahr

Eins Ich und Du!

(Ремарк 1999: 5).

Приведем переводы четверостиший на русский язык.

Когда-то путь свой я свершу,

Когда-то день я воскресу,

И вспыхнут розы под ногой –

И я помилован тобой.

Когда-то утолится страсть,

Утихомятятся мечты –

Великий миг, глубокий сон –

Вдруг явь:

Едины я и ты!

(Чайковский 1999: 6).

Что путь мой – мне еще не враг –

Растает ночи мертвый мрак, –

Живою розой расцветет,

И твой привет меня спасет!

Однажды кончится тоска,

И все желания и мечты

Вдруг сбудутся – о, счастье грез –

Где будем только

я и ты.

(Егин 2001: 56).

Однажды тьма умчится прочь,

Однажды день рассеет ночь,

*Затмит дороги, стынь и прах,
Сияньем роз в твоих словах –
Однажды сгинет боль тоски,
Все успокоятся мечты –
Великим будет счастья миг,
Едины будем:*

я и ты. (Кан 2001: 57).

Обратим внимание, что только два автора переводов Н. Кан и Р. Чайковский выдержали свойственный Э.М. Ремарку повтор немецкого наречия *einmal*.

В переводе на русский язык немецкое *einmal* имеет следующие значения: *einmal adv* 1) (один) раз, однократно; 2) однажды, когда-то [1].

Как видим, немецкое наречие *einmal* имеет и значение *однажды*, и значение *когда-то*. Логично возникает вопрос: какое наречие из двух вышеназванных (*однажды* или *когда-то*) более полно передает смысл высказывания стихотворения Э.М. Ремарка?

Для ответа на поставленный вопрос посмотрим значения русских наречий.

Однажды, нареч. 1. один раз; 2. как-то раз, когда-то (раньше) (Ожегов 2007: 310).

Однажды, нареч. 1. один раз; 2. когда-то, как-то раз (Ушаков 2008: 425).

Когда-то, нареч. В какое-то время в прошлом или будущем (Ожегов 2007: 197).

Когда-то, нареч. Некогда в прошлом, неизвестно когда в будущем, еще нескоро [5].

Исходя из вышеизложенных дефиниций можно сделать вывод, что данные наречия (*однажды* и *когда-то*) являются синонимами, однако русское наречие *когда-то* несет в себе большую экспрессивность и подходит для передачи немецкого наречия *einmal*.

Итак, подводя итог, хотелось бы отметить следующее:

аллитерация, несомненно, придает экспрессивность высказыванию;

аллитерация может быть сохранена при переводе с иностранного на родной язык;

сравнивая переводы стихотворения «*Ich und Du*» Э.М. Ремарка, мы можем утверждать, что данные переводы не являются донорами друг для друга;

перевод, сделанный Р.Р. Чайковским, имеет больше совпадений с оригиналом, чем переводы А. Егина и Н. Канн;

при переводе на русский язык сохранение аллитерации – задача вполне решаемая.

Библиографический список

1. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т.; под рук. О.И. Москальской. 2-е изд. М.: Русский язык, 1980. 1416 с.
2. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Мир и Образование», 2007. 640 с.
4. Перевод и переводчики: научный альманах каф. нем. языка Сев. Международного ун-та Вып.2: Э.М. Ремарк. Гл.ред. Чайковский Р.Р. Магадан: Кордис, 2001. 118 с.
5. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. М.: «Дом Славянской книги», 2008. 959 с.
6. *Чайковский Р.Р.* Случайные строки: (стихотворные тексты, этюды, переводы). Магадан: КОРДИС, 1999. 86 с.
7. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, 1997. S. 1182.

References

1. The Big German-Russian dictionary: in 2 volumes; under the guidance of O. I. Moskalskaya. 2nd edition. M: The Russian language, 1980. 1416 p.
2. *Nelyubin L.L.* Explanatory peria adolescence dictionary, 3rd edition. M.: Flinta: Nauka, 2003. 320 p.
3. *Ozhegov S.I.* The Dictionary of the Russian language. 24th edition, corr. M.: LLC «Publishing Onyx»: LLC «Peace and Education», 2007. 640 p.
4. Translation and translators: the scientific almanac of German Department of North International University. Issue 2: E. M. Remarque. Editor in chief Tchaikovsky P. R. Magadan: Cordis, 2001. 118 p.
5. *Ushakov D. N.* The Big explanatory dictionary of the Russian language. M.: «the House of Slavic books», 2008. 959 p.
6. *Tchaikovsky R. R.* Random lines: (poems, essays, etudes, translations). Magadan: CORDIS, 1999. 86 p.
7. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin, 1997. S. 1182.

М.И. МАСЛОВА

кандидат филологических наук, преподаватель,
Курская православная духовная семинария
E-mail: marinam73@yandex.ru

M.I. MASLOVA

Candidate of Philology, Teacher, Kursk Orthodox Spiritual
Seminary
E-mail: marinam73@yandex.ru

«ПОЭМА ВОЗДУХА» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ И ОПЫТЫ МИСТИЧЕСКИХ ОТКРОВЕНИЙ

«THE POEM OF AIR» BY MARINA TSVETAEVA AND EXPERIENCES OF MYSTICAL REVELATIONS

В статье рассматривается возможность соотнесения текста М.И.Цветаевой с эзотерической литературной традицией первой половины XX века. Определяется место «Поэмы Воздуха» в ряду произведений, художественно воссоздающих мыслительную реальность на основе трансцендентного опыта. Отмечается влияние культурно-религиозной ситуации эпохи Серебряного века на контекст поэмы.

Ключевые слова: поэма, воздух, клиническая смерть, духовная реальность, эзотерическая традиция, мистический опыт.

The possibility of the correlation of M. I. Tsvetaeva's text with esoteric literary tradition of the first half of the XX century is considered in the article. The place of «the Poem of Air» among the works which are artistically recreating cogitative reality on the basis of transcendental experience is defined. The Influence of the cultural and religious situation of an era of the Silver age on the poem context is marked out.

Keywords: poem, air, clinical death, spiritual reality, esoteric tradition, mystical experience.

В одной из предыдущих работ мы пытались представить художественное сознание Марины Цветаевой подверженным воздействию неких архаических импульсов, соотносимых с древнейшими обрядами инициации [9]. Прохождение испытания посредством пребывания в желудке тотемного зверя составляет главную суть этого обряда. Будучи «проглоченным» тотемным зверем и «изверженным» обратно из его утробы, посвящаемый обретает магические способности или, по меньшей мере, переходит на новую ступень развития, ему становятся доступны качественно новые способы бытия. Как указывает В.Я. Пропп, следы поглощения в целях придания магических сил «спорадически встречаются» в сказочной и средневековой легендарной литературе [13, с.196].

Сравним пребывание в желудке тотемного животного с широко известным сегодня явлением клинической смерти. Этот феномен также включает в себя три стадии, сходные с теми, через которые проходил посвящаемый в обрядах инициации: мнимое умирание (иногда с полной остановкой сердца), трансформацию сознания и воскресение, возвращение к жизни с приобретением новых способностей.

Протоиерей Александр Мень посвятил феномену «воскресения» после клинической смерти специальную статью «Парапсихология и неразрушимость духа» [10], где он приводит примеры спонтанной телепатии, в том числе и контакты с сознанием умершего. Особенно интересны случаи переживания клинической смерти, когда пациенту с остановившимся сердцем удается «запомнить» и передать (после возвращения к жизни) свои ощущения «на том свете».

«Парапсихология как научное исследование феноменов, выходящих за рамки обычных явлений сознания и душевной жизни, возникла сто лет назад, когда английский физик Уильям Ф. Баррет сделал первое сообщение об открытых им фактах такого рода. Однако регистрация их относится к гораздо более раннему времени» [10, с. 217].

Не будем торопиться с утверждением, что средневековые легенды «регистрируют» как раз подобные факты. Обратимся к материалам более или менее современным.

Приводя свидетельства из книги философа и психиатра Р.Моуди, А.Мень отмечает, что главным переживанием большинства «умерших» клинической смертью (описано более ста случаев) была встреча со «святившимся существом». «В соответствии со своими понятиями, – пишет А.Мень, – они называли его по-разному, но все свидетельствовали, что из этого средоточия света изливались потоки невыразимой любви и счастья. ... Иные, находившиеся в состоянии клинической смерти дольше, видели целые миры запредельных существ. Речь в данном случае едва ли может идти о предсмертном психозе, поскольку переживание оказало стойкое положительное влияние на нравственную жизнь «воскресших» (курсив наш. – М.М.) [10, с. 222–223].

Подобно тому как мифологический и сказочный герой приобретали магические способности в процессе испытания (посвящения), современный человек тоже должен «умереть» на время, чтобы положительно преобразить свою нравственную жизнь. Новое видение мира, полученное в момент клинической смерти или

какого-либо другого жизненного катаклизма, судя по всему, и есть его «магические способности».

В творчестве Марины Цветаевой интерес к «посмертным» ощущениям нашел свое отражение в «Поэме Воздуха» (1927) [17]. Это произведение подводит итог размышлениям автора о «посмертных» возможностях человека. Размышления эти начаты в том же 1927 году, в стихотворении «Новогоднее» и в очерке «Твоя смерть», которые посвящены Райнеру Мария Рильке. «Посмертное» путешествие в этих текстах – следствие реальной смерти Рильке, и Цветаева здесь не переходит того «эмоционального предела», который, по слову Иосифа Бродского, избавляет воображение поэта «от дальнейшей ответственности» [4].

В «Поэме Воздуха» «заведомо неосуществимые желания», отмеченные в «Новогоднем» И. Бродским, Цветаева все же *осуществляет*, и в результате переступает некую черту, за которой ожидает человека та невидимая реальность, соприкосновение с которой небезопасно для его сознания. Этот незримый предел осторожно вспоминула и Анна Ахматова. Она отозвалась о «Поэме Воздуха» как об очень рискованном опыте, чреватом опасностью для автора. Ахматова говорила, что «такую поэму можно написать одну, другой не напишешь, и что, быть может, даже и творческие причины были в гибели Марины Ивановны» [1, с. 231].

То, что поэма написана в 1927-ом, а Цветаева умерла в 1941-ом, ничего не меняет: достаточен факт подобного опыта, который кладет неизгладимый отпечаток на психику человека. По свидетельству М.Белкиной, Цветаева признавалась, что написала эту поэму для того, чтобы «опробовать смерть». «Эта поэма, как многие мои вещи, написана – чтобы УЗНАТЬ...» [2, с. 269].

Создание «Поэмы Воздуха» можно назвать некой лингвистической *инициацией*, посвящением поэта в мистическое знание посредством мыслительного эксперимента, своеобразной ритмической медитации над звуками и буквами. М.Белкина по этому поводу пишет, что Цветаева «преступает черту дозволенного», пытается приобрести неземной, «нетутошный» опыт.

Добавим, что в данном случае можно говорить о «преждевременности» подобного опыта, не данного человеку объективной реальностью. Цветаева создает свою собственную, субъективную реальность, и в ней преодолевает положенный человеку «предел»:

Не в день, а исподволь
Бог сквозь дичь и глушь
Чувств. Из лука – выстрелом –
Ввысь! Не в царство душ –
В полное владычество
Лба. Предел? – Осиль...

Отказываясь от «Небесного Царства», вождя для христианских «душ», Цветаева предпочитает «Владычество Лба». Остается лишь осилить «предел». Рядом с поэмой на полях тетради Цветаева замечает: «В смерти не все ново». Однако в поэме эта мысль не столь однозначна:

Курс воздухоплавания –

Смерть, и ничего
Смертного в ней.

.....
...Не дышите славою,
Воздухом низов.
Курс воздухоплавания –
Смерть, где все с азотом,
Заново...

То, что после смерти тела душа человеческая отправляется по воздуху в некий конечный пункт своего предназначения, – известная христианская догма. Однако Цветаева, как было сказано, христианское Небесное Царствие минует. «Владычество Лба», упоминаемое в поэме, вряд ли можно соотносить с «нищетою духа» и даруемым за эту «нищету» блаженством. Судя по всему, в рамки христианской традиции Цветаева как автор «Поэмы Воздуха» не укладывается [см.: 7]. Многие в содержании ее поэтического текста перекликается с элементами мистического и внерелигиозного трансцендентного опыта.

Рассмотрим некоторые из этих элементов.

Раз уж мы рискнули провести параллель между архаической инициацией и феноменом клинической смерти, приведем пример, подтверждающий близость цветаевской поэмы рассказам тех, кого мы назовем «воскресшими».

Шестидесятилетний инженер Я.А. Абрамов страдал воспалением тройничного нерва, и ему была сделана операция с трепанацией черепа. Впоследствии он вспоминал: «Операция происходила под местной анестезией, и я в продолжение всего времени сохранял полное сознание. Анестезирующей жидкостью мне облили обритую голову, и ее поверхность потеряла чувствительность. Я лежал на столе, притянутый к нему ремнями. Чувствовал, как профессор провел скальпелем по черепу и загнул назад, на затылок, прорезанный кусок кожи. Слышал, как отрезанная кожа коснулась ушей. Начали сверлить череп... Я услышал голос: «Давление крови катастрофически падает». Другой голос: «Сердце останавливается». Больше я ничего не слышал и на мгновение как бы потерял сознание... Но здесь начинаются мои собственные ощущения и переживания...» [10, с. 222].

Сразу стоит заметить, что в «Поэме Воздуха» после строки «Пол – плыл», свидетельствующей о состоянии, близком к обмороку, следует очень похожее признание: «Полная естественность. / Свойственность. Застой», после чего начнутся новые «ощущения и переживания».

Продолжим воспоминания А.Я. Абрамова: «...чувствую, что я приподнимаюсь над моим телом. Впрочем, я не прежний: я состою из какой-то прозрачной материи, как из стекла или *густого воздуха* (здесь и далее курсив наш. – М.М.), но в прежней форме моего тела. Отделившись от тела, я становлюсь на свои новые ноги. Вижу – рядом лежит мое недвижимое *старое тело* со свисшей вниз рукой. Около него суетятся доктора. ... Я чувствую *необычайную легкость*, тишину в сердце, по-

кой и радость... такое *блаженное состояние*, которое невозможно описать и которого я *никогда не переживал на земле*. ... Я прохожу через ширму и через закрытую дверь на балкон. Ничто не мешает моему движению через материальные тела. В то утро была пасмурная погода. Когда же я вышел на балкон, то вижу *сияющее золотыми лучами солнце* и безоблачное небо. Небо не обычное, а какое-то *искрящееся лучезарными блестками*. Все время переживаю какую-то *особую радость* и думаю: «Как здесь все прекрасно». Вот она – *вечность*, здесь *нет более времени*. Потом я возвращаюсь назад в операционную комнату. Снова *вижу свое мертвое тело* и суетящихся около него докторов. Вдруг все оборвалось...» Электрическим током сердце заставили биться, и операция прошла благополучно [10, с. 222].

В «Поэме Воздуха» мы видим почти буквальное совпадение фантазии художника со сверхчувственным опытом тех современных «посвященных», которым довелось пройти болезненный обряд «инициации» поневоле, путем клинической смерти. На этом особенно настаивает М.Белкина. В первом издании книги «Скращение судеб» (1988) она не касалась этой темы, но уже во втором издании (1992) она указывает на «странное» совпадение: образный строй цветаевской поэмы точно соответствует тем мыслительно-чувственным «образам», которые смог воспроизвести ее знакомый – «биолог, циник, ни во что не верящий, лишенный фантазии, эмоций, конечно, никогда не читавший Цветаеву», но переживший клиническую смерть.

М.Белкина решила «не делать выводов», да и другие исследователи предпочитают ограничиться указанием на «странность», «загадочность», «туманность», «рискованность», «многоплановость» и многие другие качества «Поэмы Воздуха». Самое простое – считать, что она посвящена обычному воздухоплаванию, поскольку написана «в дни Линдберга» (мнение Анны Саакянц) [2, с. 270]. Белкина с этим объяснением не спорит, но все-таки сдержанно опровергает его: «Да, действительно, писалась поэма в те дни, когда Линдберг совершил свой полет, но повод для написания этой поэмы и смысл ее был иным...». И хотя далее она разъясняет предполагаемые «повод» и «смысл», отсылая нас к свидетельствам самого поэта (см. выше), но на всякий случай все же цитирует неловкий рассказ своего знакомого биолога. Вот как это выглядит в ее книге:

«И когда я с пристрастием допытывалась у него, что же он чувствовал, он нехотя объяснял: «ну, боль вся кончилась, наступил удивительный покой, ощущение, ну, когда бы ты в море..., тело потеряло вес, необыкновенная легкость и ты, нет, не ты, тело остается лежать и ты видишь его, со стороны, нечто от тебя или из тебя устремляется ввысь, в полет... Глаз нет, ушей нет, и в то же время это, что есть, – ты, все видит, все слышит, и даже что в соседней комнате за стеной и что делает врач, и жена плачет. Ты как бы над ними, то есть не ты, ну, черт его знает, что это!...» «Тебе жаль было жену?» – «Нет. Полное равнодушие ко всему. Только как бы фиксируешь...» [2, с. 270].

Из рассказа М.Белкиной нельзя сделать вывода о каком-либо «положительном» влиянии на «нравственную жизнь» биолога его клинических ощущений. Но в большинстве случаев, как об этом свидетельствует книга Р.Моуди и статья о. Александра Меня, такое преображение наблюдается.

Подытоживая этот рассказ, Белкина призналась: «...меня поразили совпадения, их много, а Марина Ивановна никогда не испытала состояния клинической смерти!» [там же].

Но сам мотив клинической смерти в цветаевской поэме все-таки присутствует: «...*Танец – /Ввысь! Таков от клиник /Путь...*»

Можно, конечно, возразить, что речь здесь о смерти физической. Но следует при этом учесть, что, во-первых, не все умирают в клиниках, а во-вторых, посмертное «путешествие» души или, пользуясь определением биолога, «того, что все видит и все слышит», начинается, надо думать, в момент смерти (остановки сердца), а не тогда, когда умершего привозят в клинику. Значит, упоминая «путь от клиник», Цветаева, помимо обычной смерти, могла иметь в виду и клиническую. И, скорее всего, именно возможность возвращения из «путешествия в Вечность» волновала ее художественное воображение.

Таким образом, феномен клинической смерти можно рассматривать в качестве одного из источников «Поэмы Воздуха». Ведь и рассказ биолога, и те случаи, что описаны в книге Р.Моуди, по своему содержанию близки опыту, художественно воплощенному в поэме Цветаевой.

При этом Цветаева рискует изобразить то, что до нее в русской поэзии, кажется, никто не изображал. С ее почти безграничной властью над звуком и ритмом, она справляется с задачей, которая многим русским поэтам казалась неосуществимой.

Три года спустя Борис Пастернак в «Охранной грамоте» коснется подобной темы, пытаясь описать состояние, «похожее на смерть». Размышляя над причинами смерти Владимира Маяковского, Пастернак удивится тому «нежеланию защищаться», которое приводит поэта к принятию «мнимой» смерти в качестве действительной и к забвению того опыта, что давал ему опору в прошлом. Видимо, не случайно эти размышления предваряются воспоминанием о Цветаевой. Проблема различения границы между смертью реальной и «смертью» метафизической, духовной, быть может, подсказана в данном случае и «Поэмой Воздуха». Косвенно Пастернак как бы и защищает Цветаеву от недоверчивого читателя («Но кто поймет и поверит...»), и обобщает смысл ее поэмы с позиции «психологии творчества». Чуть ранее, в первой части «Охранной грамоты», он пишет:

«Существует психология творчества, проблемы этики. Между тем изо всего искусства именно его происхождение переживается всего непосредственнее... Мы перестаем узнавать действительность. Она предстает в какой-то новой категории. Категория эта кажется

нам ее собственным, а не нашим, состоянием. Помимо этого состояния все на свете названо. Не названо и ново только оно. Мы пробуем его назвать. Получается искусство. Самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновение, и лучшие произведения мира, повествуя о наиразличнейшем, на самом деле рассказывают о своем рождении» [12, с.186].

Из какого именно опыта родилась «Поэма Воздуха», кажется, уже и неважно (раз уж Цветаева не указала этого сама). Важно, что объектом и одновременно содержанием поэмы является описание этого опыта. В данном случае мнение Б.Пастернака представляется убедительным.

Пастернак нашел свои определения, но, видимо, отказываясь от соперничества с Цветаевой в этой теме, ограничился общим «вступлением», без частных и деталей. Он просто еще раз подчеркнул субъективность и одновременную всеобщность этого опыта:

«Но кто поймет и поверит, что ... настает время, когда вдруг в одно перерожденное, расширившееся сердце сливаются отклики, давно уже шедшие от других сердец в ответ на удары главного, которое еще живо, и бьется, и думает, и хочет жить. Что множившиеся все время перебои наконец так учащаются, что вдруг выравниваются и, совпав с содроганиями главного, пускаются жить одною, отныне равноударной с ним жизнью» [12, с. 232].

Последняя фраза здесь точно воспроизводит концовку цветаевской поэмы, ту ее часть, где кончается «воздух» и начинается «твердь» седьмого неба, за которой уже непосредственно – Мысль, т.е. конечный пункт цветаевского путешествия. Вот эти строки:

И гудче гудкого
Паузами, промежутками
Мочи, и движке движкого
Паузами, передышками
Паровика за мучкою...
Чередованием лучшего
Из мановений божеских:
Воздуха с – лучше-воздуха!
И – не скажу, чтоб сладкими –
Паузами: пересадками
С местного в межпространственный –
Паузами, полустанками
Сердца, когда от легкого –
Ох! – полуостановками
Вздоха, – мытарства рыбного
Паузами, перерывами
Тока, паров на убьли
Паузами, перерубами
Пульса – невнятно сказано:
Паузами – ложь, раз – спазмами
Вздоха... Дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью...
Не все ее –
Так. Иные – смерть.
– Землеотсечение.
Кончен воздух. Твердь.

Завершая параллель с Пастернаком, обратим еще раз внимание на то, что его мысль неразрывно следует за цветаевской поэмой:

«Но кто поймет и поверит... Что это не иносказание. Что это переживается. Что это какой-то возраст, порывисто кровный и реальный, хотя пока еще и не названный. Что это какая-то нечеловеческая молодость, но с такой резкой радостью надрывающая непрерывность предыдущей жизни, что за неназванностью возраста и необходимостью сравнений она своей резкостью больше всего похожа на смерть. ... Что она похожа на смерть, но совсем не смерть, отнюдь не смерть, и только бы, только бы люди не пожелали полного сходства» [12, с. 232].

Состояние, описанное Пастернаком, напоминает сон, только на время «надрывающий» непрерывность жизни, обновляющий и дающий новое знание. Можно вспомнить и другие психофизиологические состояния, изменяющие сознание. Возьмем, к примеру, состояние гипнотического транса. В поэме Цветаевой ощущения лирической героини обнаруживают сходство с тем, что испытывает человек, будучи погруженным в гипнотический сон. Удачным примером для сравнения служит сеанс гипноза, представленный в романе Джона Фаулза «Волхв». Мы встречаем здесь такое описание тактильных ощущений, которое максимально сближает цветаевскую поэтическую образность с языком мистического детектива, где герои подвергаются жестокой пытке страстью и небытием. Используем нужный нам эпизод в качестве параллели к следующему отрывку цветаевской поэмы:

Легче, легче лодок
На слюде прибрежий.
О, как воздух легок:
Реже – реже – реже...
Баловливых рыбок
Скользь – форель за кончик...
О, как воздух ливок,
Ливок! Ливче гончей
Сквозь овсы, а скользок!

Герой английского романиста, погруженный в сон талантливым психологом и шаманом, также осознает себя пребывающим в загадочной «пустоте», которая напоминает подвижную «скользящую» среду, непрерывно меняющуюся, бурлящую, как водоворот, и дающую ощущение «мощной радости».

«Пустота завладела всем. ... Мерцающая... пустота... Потом в лицо мне ударил ветер: острое, земное ощущение. Я хотел было омыться его теплом и свежестью, но вдруг меня охватил упоительный ужас, ибо дул он, вопреки естеству, со всех сторон одновременно. Я поднял руку, ладонью встречая его черный, будто выхлопы тысяч невидимых труб, напор (ср. у Цветаевой: «Первый воздух – густ») Но вот субстанция ветра начала меняться ... Я попал в текучую среду, хотя она лилась не так, как ветер и свет, слово лилась здесь не подходит. В человеческом языке нет нужного слова... все происходящее со мной сверхсловесно» [14, с.260].

Марина Цветаева в своей поэме не останавливается перед преградой «сверхсловесного» пространства, но преодолевает ее. Она ищет способы обозначить запредельное пространство, примирить его со своим «знанием» на основе подбора (воспоминания) известных ей «земных» ощущений. Герою «Волхва», чтобы как-то обозначить, «назвать» это пространство, пришлось отказаться от привычных понятий.

«Понятия висели на мне как вериги; я шел вдоль них, точно вдоль испещренных дырами стен. Сквозь дыры хлестала действительность, но выбраться в ее царство я не мог. Чтобы вспомнить, нужно отказаться от толкований...» [14, с. 260].

Случайно ли у Фаулза мы встречаем эти «дыры», которые в цветаевской поэме также символизируют «пораженность» Вечностью, тесное соприкосновение с ней, когда действительность медленно утекает сквозь «бездонную дыру»?

Дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью...

Видимо, тут следует говорить о каком-то общем для всех подобных случаев феномене. Это положение можно подтвердить, если сопоставить другие эпизоды «Поэмы Воздуха» с «содержанием» гипнотического транса. Вот что открылось герою Фаулза в его трансфизическом путешествии:

«Мне явилась истинная реальность, рассказывающая о себе универсальным языком... Эта реальность пребывала в вечном взаимодействии. Не добро и не зло; не красота и не безобразие. ... Только взаимодействие. ...Смысла не было. Одно лишь существование. Но фонтан менял форму, водоворот бурлил. Сперва почудилось, что возвращается черный ветер, дующий отовсюду...» [14, с. 261].

Нельзя не остановиться на этом «черном ветре, дующем отовсюду», который навязчиво преследует героя. Эта «чернота» привлекла внимание интерпретаторов и в «Поэме Воздуха», что дало возможность соотносить цветаевскую «авангардную поэтику» с живописными техниками Малевича и Кандинского. По мнению Н. Осиповой, поэма Цветаевой «может прочитываться как «супрематия» чистого ощущения в искусстве» [11, с. 58]. Таким образом, знаменитый «Черный квадрат» К. Малевича оказывается в том же контексте трансцендентного опыта, что и «Поэма Воздуха», которую Н. Осипова предлагает рассматривать в терминах теории тотальной духовности Кандинского и теории беспредметности Малевича [11, с. 55].

Если мы вернемся к роману «Волхва», то обнаружим здесь описание неких «развоплощенных» частиц, очень близких к понятию «экстатической», «чистой духовности», о которой упоминалось в связи с поэмой Цветаевой. Герой Фаулза, говоря о «черном ветре», уточняет свои ощущения: *«ветром это можно было назвать разве что метафорически... меня вихрем окутали миллионы, триллионы частиц... бесчисленные атомы надежды... поток не фотонов, а неонов – квантов, сознающих свое*

существование. Жуткая, головокружительная неисчерпаемость мироздания... где изменчивое и стабильное соседствуют, объясняют и не противоречат друг другу. ...Мощная радость, духовная и телесная, свободный полет, гармония и родство; ...И в то же время – скольжение вниз, разрядка; но сам этот слом, переход органично завершал последовательность. Становление и пребывание слились воедино... Словно переступил порог, обогнул земной шар и вернулся в ту же комнату, однако к иному порогу» [14, с. 262].

Как видим, путешествие здесь кончается возвращением. Цветаева изображает бесконечное стремление, вечное движение, становление-пребывание. Проще говоря, герой Фаулза вернулся, героиня Цветаевой перешагнула порог, не оглядываясь назад.

В сочинениях Андрея Белого встречаем похожее описание «странных» состояний, возникавших у него от «бессонницы на почве невроза, тоски и мозгового переутомления»:

«Я не спал до утра всё лето. Теперь сон стал слетать ко мне. Между сном и бодрствованием делались состояния со мной. Я как бы свободно летал в каких-то пространствах; и – озирали окрестности... (...) В другой раз, не засыпая, я сознанием рухнул в сон без перерыва сознания; было так: вдруг точно у меня раскрылись пятки и я, как вода из отверстия (ср. у Цветаевой: «Старая потеря тела через воду». – М.М.), через пятки выскочил из себя и свободно понесся по швейцарским ландшафтам...» [цит. по: 3, с. 274].

Помимо гипнотического сна и клинической смерти (состояний пассивных) в мистической литературе описаны другие, более активные способы проникновения в мысленную реальность, сходную с цветаевской.

В новелле М. Элиаде «Загадка доктора Хонигбергера» встречаем любопытную мысль, высказанную героем после медитации с огнем: *«Слова тут бессильны, и если я все же пытаюсь, как могу, описать происходившее, то только потому, что никто, сколько мне известно, не осмеливался доверить бумаге подобный опыт»* [18, с. 112].

«Фантастические» новеллы Мирчи Элиаде (та же тема развита им в «Серампорских ночах» и в повести «Жизнь после старости») написаны в 1940-е годы, так что Цветаева «доверила бумаге подобный опыт» гораздо раньше румынского мистика. Герой его новеллы «достиг того, что по йогической терминологии называется непрерывностью сознания, то есть переходной фазы от состояния бодрствования к состоянию сна без всякого зазора в работе мозга» [18, с. 136]. Ощущения, описанные в «Поэме Воздуха», повторяют и, что более важно, **предвосхищают** этот опыт «цельного мышления» и передаются с помощью тех же описательных конструкций, что и впечатления доктора Хонигбергера.

У Цветаевой: *«Полное и точное чувство головы / С крыльями...»* (ориентация на мифологию при поиске подходящих средств описания), и в другом месте: *«Старая потеря тела через воду...»*.

У Элиаде: *«Тела я больше не ощущал, лишь голову...»*

Предметы вокруг стали как бы текучими, они текли непрерывно... мне казалось, что я смотрю на них сквозь текущую воду... я видел все, что хотел, не обращая глаз в ту или иную сторону, я бросал не взгляд, а мысль...» [18, с.135-136].

Мысль как чистая стихия – последний предел путешествия и цветаевской героини. Надо оговориться, что цветаевская «голова с крыльями» это, возможно, и мифологический Гермес. Тем не менее, образ этот скорее порождение психической реальности, нежели заимствование из поэтической. Это подтверждают, как мы видели, записи психиатров и исследователей азиатских религий, к которым принадлежит и Мирча Элиаде с его героем.

О том, как медицинские познания преобразуются в поэтическую мифологию, можно судить по творчеству многих поэтов-символистов, а также об этом свидетельствуют их биографии. Например, в книге Ганса Хольтхузена «Райнер Мария Рильке, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни» [16], приведены важные для нас подробности об увлечении Рильке трудами археолога и исследователя мистерий Альфреда Шулера (1865-1923), который в свою очередь был учеником правоведа и мифолога Иоганна Якоба Баховена (1815-1887). Известен также интерес Рильке к психоаналитическому учению Фрейда; трансформация этого учения в соответствии со своими творческими потребностями нашла отражение в его романе «Записки Мальте Лауридса Бригге» и во многих стихотворениях.

Все эти имена возникают не случайно в нашем контексте, поскольку «Поэма Воздуха» написана под впечатлением от «духовной» встречи с Рильке и поскольку реальность, воссозданная в поэме, является прежде всего психической (мыслительной) реальностью.

Вл. Ходасевич, рассуждая о жизнотворчестве символистов, писал о каком-то особом воздухе, которым дышали все, вступающие в контакт с символизмом, «а символизм в известном смысле был орденом» [15, с.10]. У самого Ходасевича можно встретить произведения, отражающие его нетрадиционный мистический опыт. Это одно из центральных стихотворений сборника «Путём зерна» – «Эпизод». Стихи эти Ходасевич читал в кругу символистов и писал об этом чтении так: «...с этими стихами ко мне приставали антропософы. Это по-ихнему называется отделением эфирного тела. Со мной это случилось в конце <19>17, днем или утром, в кабинете. ... Один из самых напряженных дней в моей жизни» [цит. по: 3, с. 270].

Гипотетически Д.Фаулз мог использовать в качестве источника для описания опыта своего героя и поэму Марины Цветаевой, впервые изданную в 1930 году, и рассказы М.Элиаде, опубликованные в 1940-е годы, и, разумеется, любой другой источник. Но, скорее всего, дело тут не в заимствовании (известно, что роман его в целом автобиографичен), а в усвоении общей

культурной ситуации эпохи, которая, по слову Осипа Мандельштама, «со странной силой повернула от христианства к буддизму и теософии» [8, с. 157].

«Огненный Ангел» Валерия Брюсова тоже, как известно, написан не без влияния «культурной ситуации», которая предполагала, что «разумные духовные сообщения из иной области бытия» есть дело обычное и доступное пониманию любого медиумичного сознания. Эти соображения мы встречаем в статье В.Брюсова «Еще о методах медиумизма» [6, с.308]. А в другом месте тот же поэт высказывает еще более соблазнительную мысль: «Хранители запретных знаний в средние века таили их от непосвященных; наш демократический век сделал из них достояние всех: но многие ли пожела-ли им < так! > воспользоваться!» [5, с. 300].

Из современников Брюсова, как известно, очень даже многие «пожелали воспользоваться» сокровенным знанием, и среди них А. Белый, А. Блок, М. Кузмин, М. Волошин, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, Вл. Ходасевич и мн. др. Этой теме посвящено объемное исследование Н.А. Богомолова «Русская литература начала XX века и оккультизм» [3].

Марина Цветаева не упоминается в этой работе. Однако вот что пишет Богомолов: «Помимо очевидных эзотерических корней творчества Кандинского или Малевича, Михаила Чехова или Бориса Поплавского, даже те авторы, которые, по всеобщему убеждению, уже при вступлении в литературу всячески противостояли попыткам «познать непознаваемое»... на деле вступали с эзотеризмом в сложные отношения, которые заслуживают пристального внимания и специального исследования» [3, с.15]. Среди этих авторов Богомолов назвал Н. Гумилева, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Ходасевича.

«Сложные отношения» с эзотеризмом, были, видимо, и у Марины Цветаевой, но поскольку ее творчество не укладывается в рамки символизма, акмеизма или какого-либо другого литературного течения, то, очевидно, именно поэтому она исключена из круга «посвященных» ее современников. Однако, на наш взгляд, вопрос о принадлежности «Поэмы Воздуха» Марины Цветаевой к сочинениям эзотерического толка может быть решен положительно.

Н.А. Богомолов во введении к своей книге предупредил, что по некоторым причинам ему «не удалось сказать даже о вполне очевидных вещах: оккультном пласте в поэзии Волошина и Бальмонта... о влиянии масонства на русскую литературу начала века», в том числе и о «многочисленных и разнообразных попытках сочинения художественных произведений, связанных с эзотерическими традициями» [3, с.19].

Судя по всему, место «Поэмы Воздуха» Марины Цветаевой как раз среди этих «многочисленных и разнообразных» опытов.

Библиографический список

1. Белкина М.И. Скрещение судеб. М.: Книга, 1988.
2. Белкина М.И. Скрещение судеб. М.: Благовест, Рудомино, 1992.
3. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
4. Бродский И. Об одном стихотворении // Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1997. С. 77-155.
5. Брюсов В. Метод медиумизма // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С.298-302.
6. Брюсов В. Еще о методах медиумизма // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С.303-308.
7. Гаспаров М.Л. «Поэма воздуха» Марины Цветаевой: Опыт интерпретации // Гаспаров М.Л. Избранные труды, том 2. О стихах. М., 1997. С.168-186.
8. Мандельштам О.Э. Соч. в 2-х т. Т.2. Проза. Переводы. М.: Художественная литература, 1990.
9. Маслова М.И. Цветаева и психоанализ (Вместо полемики с Б.М. Парамоновым)// Марина Цветаева: эпоха, культура, судьба. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. С.421-431.
10. Мень А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7т. Т. 1. Истоки религии. М.: СЛОВО, 1991.
11. Осипова Н.О. «Поэма Воздуха» М.И.Цветаевой как супрематическая композиция // Марина Цветаева: эпоха, культура, судьба. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. С.49-60.
12. Пастернак Б.Л. Собр. соч. В 5 т. Т.4. Повести. Статьи. Очерки. М.: Художественная литература, 1991.
13. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002.
14. Фаулз Дж. Волхв. Роман. Пер. с англ. Б.Н. Кузьминского. М.,1997.
15. Ходасевич В. Ф. Некрополь. М.: Сов. писатель, Олимп, 1991.
16. Хольтхузен Г.Э. Райнер Мария Рильке. Пер. с нем. Н.Болдырева. Челябинск: Урал – ЛТД, 1998.
17. Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 т. Т.3: Поэмы и драматические произведения. М.: Эллис Лак, 1994.
18. Элиаде Мирча. Загадка доктора Хонигбергера. Новеллы и очерк. Перев. с рум. А. Старостиной. М., 2001.

References

1. Belkina M. I. The crossing of destinies. M.: Book, 1988.
 2. Belkina M. I. The crossing of destinies. M.: Blagovest, Rudomino, 1992.
 3. Bogomolov N. A. Russian literature of the beginning of the XX century and occultism. M.: New literary review, 1999.
 4. Brodsky I. About one poem // Brodsky about Tsvetaeva: interview, essay. M.: Independent newspaper, 1997. Pp. 77–155.
 5. Bryusov V. The Method of mediumship // Bogomolov N. A. Russian literature of the beginning of the XX century and occultism. M.: New literary review, 1999. Pp. 298–302.
 6. Bryusov V. Some more things about mediumship methods // Bogomolov N. A. Russian literature of the beginning of the XX century and occultism. M.: New literary review, 1999. Pp. 303–308.
 7. Gasparov M. L. “The Poem of air” by Marina Tsvetaeva: The Experience of interpretation // Gasparov M. L. Chosen works, volume 2. About verses. M., 1997. Pp. 168-186.
 8. Mandelstam O. E. Works in 2 v. V.2. Prose. Translations. M.: Fiction, 1990.
 9. Maslova M. I. Tsvetaeva and psychoanalysis (Instead of polemic with B. M. Paramonov)//Marina Tsvetaeva: era, culture, destiny. M.: Marina Tsvetaeva’s house museum, 2003. Pp. 421–431.
 10. Men` A.V. The history of religion: In search of the Way, Truth and Life. In 7 v. V. 1. Religion sources. M.: WORD, 1991.
 11. Osipova N. O. “ The poem of Air” by M. I. Tsvetaeva as suprematist composition // Marina Tsvetaeva: era, culture, destiny. M.: Marina Tsvetaeva’s house museum, 2003. Pp. 49–60.
 12. Pasternak B. L. Collected Works in 5 vol. V.4. Stories. Articles. Sketches. M.: Fiction, 1991.
 13. Propp V. Y. Historical roots of the magic fairy tale. M.: Labyrinth, 2002.
 14. Fowles J. The Magus The novel. Translated from English by B. N. Kuzminsky. M., 1997.
 15. Khodasevich V. F. Necropolis. M.: Sov. pisatel, Olymp, 1991.
 16. Holtkhuzen G. E. Rainer Maria Rilka. Translated from German by N. Boldyreva. Chelyabinsk: The Urals – LTD, 1998.
 17. Tsvetaeva M. I. Collected Works in 7 vol. V. 3: Poems and drama works. M.: Ellis Lak, 1994.
 18. Eliade Mircha. Doctor Honigberger’s riddle. Short stories and a sketch /Translated from Romanian by A. Starostina. M., 2001.
-

Т.Б. НАЗАРОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра английского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: tamara_nazarova@mail.ru

А.В. ПОТАПОВА

аспирант, кафедра английского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: potapova-alisa@mail.ru

T.B. NAZAROVA

Doctor of Philology, Professor, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University
E-mail: tamara_nazarova@mail.ru

A.V. POTAPOVA

Graduate student, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University
E-mail: potapova-alisa@mail.ru

**ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПИСЬМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ:
ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК**

**PHRASAL VERBS IN WRITTEN BUSINESS DISCOURSE: THE DYNAMICS
OF QUANTITATIVE AND QUALITATIVE CHARACTERISTICS**

В статье показано, как фразовые глаголы современного английского языка функционируют в письменном деловом дискурсе, содействуя созданию нейтрального/формального/неформального стилей, а также знаковых ситуаций, связывающих текст с одной из двух англоязычных культур – британской или американской.

Ключевые слова: фразовый глагол, стиль, дискурс, частотность, региональная маркированность, знаковая ситуация.

The article shows how phrasal verbs in written business discourse contribute to the prevailing style (formal/neutral/informal) of the authentic samples under consideration and also create sign situations by placing the texts within one of the two leading English-speaking cultures – British or American.

Keywords: phrasal verb, style, discourse, frequency of occurrence, regional affiliation, sign situation.

Необходимость исследования фразовых глаголов английского языка делового общения осознается по мере ознакомления с научной литературой, посвященной словарному составу бизнес-английского. К настоящему моменту внесена ясность в целый ряд аспектов лексики делового английского. Во-первых, выявлены четыре лексических пласта: слова общего языка (General English words), официально-деловая лексика (formal vocabulary items), ключевая бизнес-терминология (core business terminology), отраслевые терминосистемы (industry-specific terminologies) [7], [8, с. 54-55], [10, с. 30-33], [11, с. 271-275], [19, с. 87-91]. Во-вторых, уточнены функциональные характеристики каждой из названных страт: первая связывает деловую коммуникацию и деловой дискурс с общим языком (General English); вторая страта содействует созданию официально-делового стиля; третий и четвертый пласты отличаются относительной специализацией обозначаемых понятий, которая варьируется и возрастает по мере движения от общепотребительной бизнес-терминологии к отраслевым терминологическим системам [10, с. 83-133]. Научно-теоретические обобщения позволили создать учебный англо-русский толковый терминологический словарь, в котором термины, обозначающие ключевые понятия мира бизнеса, и частотная лексика делового общения

(General English words) сопровождаются иллюстративной фразеологией – устойчивыми сочетаниями и аутентичными контекстами [9].

Исследовательская работа в обозначенных направлениях внесла ясность в представления научного сообщества о структуре и системности словарного состава английского языка делового общения. Вместе с тем была обоснована необходимость дальнейшего изучения лексики делового английского с целью более подробного научно-теоретического описания тех лексических подсистем, которые не получили достаточного внимания со стороны ученых-языковедов, работающих с высказываниями и текстами деловой направленности. В качестве наиболее перспективных звеньев рассматриваются фразовые глаголы и собственно идиомы. Реальное бытование и функционирование идиоматической фразеологии стали объектом изучения в кандидатской диссертации М.И. Вершининой [2, 3], в то время как вся система фразовых глаголов, задействованных в деловом общении на английском языке и англоязычном деловом дискурсе, легла в основу кандидатской диссертации А.В. Потаповой – одного из авторов настоящей статьи [12, 13].

Фразовый глагол – это сочетание глагола и адвербиального послелого (например, come in, give in, put in),

представляющее единую семантическую и синтаксическую единицу [20, с. 5]. Существует немало статей и публикаций, освещающих разные аспекты этого сложного и типично английского явления. Весь этот свод полезных сведений обобщен в статье «Фразовые глаголы в англоязычном бизнес-дискурсе: разработка пошаговой методики описания аутентичного материала» [12].

Авторы научных исследований неизменно обращают внимание на специфику соотношения «выражение – содержание» во фразовых глаголах. И.Д. Крылова утверждает, что глагол и послелог, сохраняющие собственные значения, не образуют семантически неделимую единицу, т.е. фразовый глагол. Иначе говоря, наличие идиоматического значения является существенной характеристикой фразового глагола [5, с. 256]. Том МакАкртур выделяет два типа сочетаний глагола и послелога: буквальное (*literal*), т.е. прямое значение, относящееся как к глаголу, так и к частице, и образное (*figurative*), т.е. переносное значение, присущее в той или иной степени полилексемному глаголу [18, с. 36], например: *literal The milkman brought in the milk.* | *figurative The Prime Minister brought in a new policy.*

И.В. Арнольд подчеркивает, что граница между свободными фразами и устойчивыми выражениями не настолько отчетлива, так как последние происходят от первых, постепенно входя в обиход и становясь привычными [1, с. 144]. Д. Поуви считает, что наиболее распространенные трудности при изучении фразовых глаголов связаны с огромным количеством и разнообразием фразовых глаголов и с идиоматичной природой многих значений [20, с. 14]. А.В. Кунин отмечает, что глагольным комплексам типа *to give up*, *to make up*, *to take on* и т.п. свойственны такие признаки фразеологической единицы, как устойчивость, немоделированность, раздельнооформленность и переосмысление значений компонентов [6, с. 251]. По мнению А.В. Кунина, отнесение А.И. Смирницким оборотов типа *give up*, *make out*, *make over* к фразеологическим единицам связано прежде всего с идиоматичностью указанных образований. В собственно фразовых глаголах оба компонента являются семантически настолько ослабленными, что их можно рассматривать как полностью идиоматичные образования [6, с. 276].

Уяснив специфику соотношения выражения и содержания в рассматриваемой разновидности глаголов современного английского языка, вполне целесообразно обратиться к имеющимся словарям фразовых глаголов. *Longman Phrasal Verbs Dictionary* (Pearson Education Limited, 2000) содержит более 5000 фразовых глаголов и основывается на корпусе *Longman Corpus Network*, включающем более 330 миллионов слов современного речеупотребления. *Macmillan Phrasal Verbs Plus* (Bloomsbury Publishing Plc, 2005) охватывает более 7000 фразовых глаголов; иллюстративный материал взят из корпуса *World English Corpus*, объем которого превышает 200 миллионов слов. Второе издание словаря *Cambridge Phrasal Verbs Dictionary* (Cambridge University Press, 2006) предлагает около 6000 фразовых

глаголов; иллюстративная фразеология черпается из ресурсов *Cambridge International Corpus*.

Систематизация количественных показателей представляет собой весьма важный, но ограниченный шаг в изучении всей научной проблематики, связанной с полилексемными глаголами: количественные данные требуют выявления и обобщения качественных характеристик. Для решения этих задач целесообразно обратиться к аутентичному бизнес-дискурсу, понимаемому как «вербализация бизнес-ментальности, реализующаяся в форме открытого множества текстов, объединенных деловой тематикой, в сочетании с экстралингвистическими факторами» [4, с. 7]. Поиск и описание фразовых глаголов в аутентичных текстах 6 книг деловой направленности осуществляется с опорой на методику, разработанную А.В. Потаповой и включающую научно обоснованный перечень параметров [12, с. 162-171].

Общее количество прочитанного составляет 1459 страниц; примерное общее количество слов – 444275. На первом этапе обработки материала обособляются все сочетания глагола и послелога. Далее неидиоматичные сочетания глагола с предлогом или наречием отделяются от собственно идиоматичных образований, значения которых не сводимы к простому сложению значений глагола и послелога. Рассмотрим соотношение количественных составляющих и качественных характеристик фразовых глаголов в каждой из привлеченных к исследованию книг, опираясь на следующие параметры: показатели частотности в названном словаре и в каждой из рассматриваемых книг; стилистические пометы; региональная маркированность; маркированность по объективируемой принадлежности миру бизнеса [12, с. 167].

Авторами первой в хронологическом порядке книги *Marketing for Nonmarketers. Principles & Tactics That Everyone in Business Must Know* (AMACOM, 1992) являются Хьюстон Элам и Нортон Пэли. На 241 страницу рассматриваемой книги приходится более 69251 слов. В тексте книги выявлено 580 сочетаний глагола и предлога (или глагола и наречия), из которых 89 являются собственно фразовыми глаголами, т.е. полилексемными глаголами, характеризующимися идиоматичностью значения. Одна единица сопровождается в корпусном словаре стилистической пометой *informal* (*pass up* | *The more consumers rely on these motives, the harder the marketing task of influencing customers to pass up a competitor's product.*); три помечены как *formal*, например: *depend upon* (*The success or failure of such simulations depends upon the accuracy and completeness of the data fed into the computer.*), *proceed with* (*Before proceeding with our discussion of change, let us pause for a moment and place several basic ideas in some perspective so that we can proceed with an understanding of how we reached this point of ever-present change.*), *point up* (*Small samplings sometimes point up situations that a manager might investigate, but only samplings large enough to represent the group as a whole can be considered reliable trend indicators.*). Региональной маркированности не наблюдается.

Книга *Setting Course. A Congressional Management*

Guide (Congressional Management Foundation) также опубликована в 1992 году и создавалась командой из 14 авторов для управляющих, юристов и чиновников, работающих с кадрами, бюджетом и организацией деятельности предприятия. Текст насчитывает 371 страницу и включает 117540 слов. Выявлено 248 фразовых глаголов (из 1156 сочетаний глагола и послелога), которые преимущественно принадлежат нейтральному стилю, например: With its candidate a clear underdog, Redford's campaign team pulls out all the stops and he steadily **creeps up** in the polls, finally moving within striking distance. 9 фразовых глаголов сопровождаются пометой *informal*, например: spell out (Without a first-term plan that **spells out** your goals, strategic considerations will be overlooked in your decision-making.), show up ("Senior Members are spread thin. If you **show up** and stay, you can have an impact."), freeze out (Individual Members who engage in "grenade throwing" **are often frozen out of** the policy process.), kick around (Offices that communicate with the Member largely in writing tend to be less creative than offices that regularly **kick around** ideas with the boss.), hang-out (Freshman Members usually just **hang out** their shingle on January 3, and begin operating and interacting with their staff in the manner in which they are most comfortable.), hash out (Have the AA or Member not answer every ethics inquiry from staff, but occasionally ask a few staff to **hash it out** and submit a recommendation on how to handle the matter.), kick off (To maximize the chances of making significant long-term accomplishments, we recommend that the Member **kick off** the planning process by preparing a written mission statement.), toss out (Staff will be reticent to **toss out** ideas spontaneously if they see their ideas being critiqued immediately.), buckle down (Now that you have a basic understanding of the "platform" decision awaiting you, you have to just **buckle down** and pick a system.).

6 фразовых глаголов снабжены пометой *formal*, например: engage in (Neglecting to **engage in** these important conversations contributes to misunderstandings that can undermine trust on both sides.), fall upon (Not wishing to risk embarrassment, the Member **fell upon** the strategy of greeting all Members as "Mr. Chairman")., adhere to (Specifically, the best offices **adhere to** the following management practices towards their staff.), depend upon (The wait for subcommittee chairs will vary considerably **depending upon** the choices Members make in committee assignments.), abide by (Each Representative and Senator is required to **abide by** certain anti-discrimination laws, such as providing equal pay for equal work.), renege on (As with promises about the number of offices, you should think twice before **renege on** a campaign pledge concerning where you would locate an office.). Регионально-маркированный фразовый глагол в изученном корпусе материала всего один: toss out – *mainly American*.

Следующая из привлеченных к исследованию книг *The eBay Phenomenon. Business Secrets Behind the World's Hottest Internet Company* (John Wiley & Sons Inc.) издана в 2000 году. В ней Дэвид Баннел и Ричард Люке повествуют о становлении и развитии крупней-

шей интернет-компании eBay. Книга насчитывает 57816 слов и 555 сочетаний глагола и послелога, из которых 148 являются фразовыми. Помета *formal* сопровождает 3 фразовых глагола, например: engage in (It is sold with the understanding that the publisher is not **engaged in** rendering legal, accounting or other professional services.), adhere to (After all, high-growth start-ups in traditional commerce **have never adhered to** them.), infer from (One could **infer from** this that eBay's policy of requiring sellers to take responsibility for the legal status of their items quite deliberately puts the company on the right side of this law.).

Многие из задействованных пишущими полилексемных глаголов содействуют созданию неформального стиля. Пометой *informal* сопровождаются 13 фразовых глаголов, например: check out (No, this is not a modern-day slave auction, but a place where human resources managers can **check out** and acquire technical personnel.), latch onto (How the company **latched onto** that market and how it developed as a business entity is the subject of the next chapter.), hang with (No chargers for tickets, to hear a speaker, to **hang with** some friends.), crank out (Hewlett-Packard prospers to the extent that it can profitably **crank out** stuff with customer-pleasing features and improved performance at acceptable prices.), crop up (When Ink was bought out by Microsoft, he went on to work for General Magic, a mobile communication platform company, and was working there when the idea of online auctions **cropped up**.), spell out (Her practice is to **spell out** absolutely everything so that people know exactly what they are getting.), suck into (... **suck** company personnel **into** endless disputes.), roll over (... executives who use their power to **roll over** opposing ideas.), cut up (Charles Manson – the man who got a bunch of middle class kids to **cut up** a bunch of rich people to help start a 'Race War' on your very own labels.), turn off (Both sellers and bidders **are frustrated and turned off** when an outage throws a monkey wrench into their auctions.), stick with ("I've posted auctions on just about every site you can imagine [but] I pretty much **stick with** eBay")., pop up (Some 800 auction sites **popped up** between 1995 and 2000.), rally around (These forces **rallied around** the Consumer and Investor Access to Information Act sponsored by Virginia Republican Tom Bliley.).

В выявленном корпусе материала наблюдается и региональная маркированность: mail off – *mainly American* (These questions remained unanswered even as I **mailed off** these chapters to the publisher.), check out – *mainly American* (You find your favorite thing, **check out** the reputation of the seller through the Feedback system rating, and make your bid.), pull down – *American* (It now has a much larger pool of potential buyers and **is pulling down** much better prices for its property.), hang with – *American*, cut up – *American*. Появление в тексте именно этой разновидности региональной маркированности объясняется тем, что авторы книги – американцы.

В 2004 году Виктория Эдвардс и Луиз Эллисон выпустили книгу *Corporate Property Management. Aligning real estate with business strategy* (Blackwell Science Ltd), в которой рассматривается стратегическое

управление корпоративной собственностью. Общее число слов 103518. Из 707 сочетаний глагола и послелого удалось обособить 65 фразовых глаголов. Вследствие официально-делового стиля, соответствующего серьезности содержания, возрастает, по сравнению с другими книгами, количество формальных фразовых глаголов, например: engage in (Where the business strategy is made sufficiently explicit to the real estate team, and that team is actively **engaged in** the development of the business strategy, the property portfolio can actively support the underlying business initiative.), impact upon (These are the results of the external world **impacting upon** the function and operation of built space.), accrue to (Consider the business benefits that **accrue to** the companies that occupy the most expensive real estate in a central business district (CBD), such as the City of London.), adhere to (Consider the different rules you **adhere to** in each of these roles, whether formal (and sometimes legal) or informal.), renege on и alert to (Although she might get away with **renegeing on** such informal arrangements, she will certainly be frowned upon by other passengers, who might **alert her to** the error of her ways.), engage with и depend upon (The degree to which the property manager should **engage with** the local community will **depend largely upon** the type of property being managed and its importance within that community.), pertain to (She must implement her strategies within the rules that **pertain to** the property market.), proceed with (They can then decide whether to **proceed with** dealings in a particular country.).

Еще одно следствие серьезности принятого тона – сокращение числа фразовых глаголов, принадлежащих разговорному стилю (их всего 2): crop up – *informal* (One can only anticipate the stumbling blocks to a strategy if one knows where they might **crop up**.), pass up – *informal* (Such a solution might also **have passed up** the opportunity to allow two stores to continue to trade in proximity to one another quite profitably.). Региональной маркированности среди единиц, извлеченных из рассматриваемой книги, не наблюдается.

В книге Барри Томалина и Майка Никса *The World's Business Cultures and How To Unlock Them* (Thorogood Publishing), изданной в 2007 году, на 54450 слов приходится 179 фразовых глаголов (из общего числа 687 сочетаний глагола и послелого). Возрастает число неформальных фразовых глаголов – 15, например: turn off (How do you identify what makes a business community tick, and what **turns** people **off**?), crop up (In ancient civilizations such as those of China and India, events and achievements from their long history **crop up** frequently in conversation.), freeze up (Indians, Africans and Afro-Caribbeans are very sensitive to what they may see as condescending comments about their country and its system of government and business, and will **freeze up** if they hear them.), go for (A solid foundation rather than a get-rich-quick strategy may be the approach to **go for**.), hang around (In some countries, government officials make you **hang around** to demonstrate how important they are.), spell out (How much are you expected to read between the lines of

what's going on in your own company or country, and how much **is spelt out** for you in detail?), get into (Germans, normally measured, can **get into** loud, intense discussions, and to outsiders it sounds like a fight's going on.), feel out (So Johnson's modified their approach to include less formal get-to-know-you talks so that the Spanish company could **feel out** its potential partner.), get back to (If you have any queries or suggestions, please **get back to** me ASAP.), do with (what sb is going to do with sb) (One of the first things you should **do with** an Indian corporate organigram is to sit down with a senior manager and update it.), make up to (Things had not proceeded in the Chinese way, and we worked hard to **make it up to** them by providing a meal, an official reception and, yes, a photo op.), stint on (not stint on sth) (**Don't stint on** hospitality, but don't go over the top either.), get away with (The days when you could **get away with** secondhand jeans, tights or magazines are 30 years out of date.), stick with (Be logical and consistent in negotiations, and when you reach a decision, **stick with it**.), light up (Smoking is common in people's homes, but it's courteous to ask before you **light up**.). Наличие такого большого количества фразовых глаголов с пометой *informal* делает обсуждение важнейших аспектов делового мира в книге *The World's Business Cultures and How To Unlock Them* доступным, понятным, готовым к восприятию, более легким и приятным по сравнению с чтением такого делового дискурса, который перегружен специальными понятиями и громоздкими конструкциями.

Формальных фразовых глаголов насчитывается всего 2: impinge on (Religion doesn't **impinge on** their daily working life and is not a part of business processes, although it often influences individual practice and decisions.), adhere to (Agendas **are not strictly adhered to**.).

Фразовый глагол breeze into (But Rossi **breezed into** his post-race press conference and announced: "The good news is that we now have a great-handling bike!") сопровождается в словаре пометой *showing disapproval*; make up to, упоминавшийся ранее, снабжен пометой *old-fashioned*. Лексические единицы catch out (It's easy for European workers in Japanese companies to get **caught out** by this.), show round (The plan for the day was to greet the visitors at the premises, **show them round**, and give them a series of Power Point presentations.), get round (An important unofficial concept in Brazilian business is the jetinho – the little way – which **gets round** obstacles.), get round to (So chat first, then **get round to** the business.) снабжены в корпусных словарях пометой *British*, т.е. являются регионально-маркированными, и этот факт напрямую связан с британским происхождением авторов книги.

Рой и Гвен Кук выпустили книгу *Guide to Business Etiquette* (Pearson Education Inc.) в 2011 году. Авторы утверждают, что знание этикета и умение применять этикет в деловой среде помогут выстроить отношения с коллегами и добиться успеха на переговорах с клиентами. Книга строится вокруг ключевых моментов – understanding the rules of etiquette; creating a powerful first impression; maintaining business relationships; basic communication etiquette; basic digital etiquette; basic business

dining etiquette; special dining events; successful meetings; cross-cultural etiquette. По мере чтения книги выявлено 342 сочетания глагола и послелога (из общего числа 41700 слов), из которых собственно фразовыми глаголами являются 83 единицы.

В предисловии подчеркивается, что книга *Guide to Business Etiquette* задумывалась как доступное и неосложненное чтение (reader-friendly), характеризующееся четким и ясным слогом, без избыточного теоретизирования. Пометой *informal* снабжены 4 полилексемных глагола, например: take back (Once you have given an answer there is no way to **take back** what you said.), tee off (There are many ways to determine who **tees off** first.), stick with (Unless you are very familiar with your table guests, it is best to **stick with** nonalcoholic beverages when the dining setting involves business.), kick back (**Kick back** a little! It's okay to eat fried chicken and barbecued ribs with your fingers.). К разряду *formal* отнесены 3 единицы: dispense with (If you or someone is sick and would prefer not to shake hands, it is okay to **dispense with** the formality.), dine out (Proper etiquette can make or break a deal when you **are dining out** for business purposes.), engage in (**Engage in** small talk before any business is conducted.). Фразовый глагол check off (As you pack, **check** each item **off** your list) и упоминавшийся ранее kick back маркированы как *American*, т.е. характерны для американского речеупотребления, которого придерживаются авторы книги –американцы.

После проверки по словарю Macmillan Phrasal Verbs Dictionary, в котором частотные единицы отмечены звездочками – тремя (★★★), двумя (★★) и одной (★), можно утверждать, что из общего количества собственно фразовых глаголов (812), выявленных в текстах 6 книг, частотными являются 753 единицы, например:

Succeeding chapters show you how to **carry out** each step, but first there is one factor that you must consider before we **move on**.

carry out ★★★ [often passive]

1 to do a particular piece of work, research etc= DO

be carried out *The building work was carried out by a local contractor.*

move on ★★★

2 to stop discussing or doing something and begin discussing or doing something different

move on *I'd like us to move on now.*

They are perfectly aware of the issues involved, but do not feel they have the authority to **speak up**.

speak up ★★

2 to say what you think instead of saying nothing = SPEAK OUT

speak up *If anyone has a better idea, please speak up.*

Remain true to your principles. Don't **back down** because of fears of non-acceptance of race or religion, nor indeed of disability.

back down ★

to stop asking for something, or to stop saying that you will do something, because a lot of people oppose you = formal YIELD

back down *Neither side will back down because both believe they are right.*

Изучение больших объемов письменного аутентичного бизнес-дискурса позволило обособить корпус собственно фразовых глаголов. Установление количественных показателей, варьирующихся от текста к тексту, сопровождалось обобщением сопутствующих качественных характеристик: фразовые глаголы содействуют созданию нейтрального/формального/неформального стиля, а также обладают региональной маркированностью, связывающей речеупотребление с одной из двух англоязычных культур (британской или американской) и таким образом создающей знаковые ситуации.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986.
2. Вершинина М.И. Идиомы в отечественном и зарубежном языкознании. // Известия Самарского научного центра РАН, том 14, № 2(3), 2012. С. 710-714.
3. Вершинина М.И. Идиомы в словарной части современной одноязычной энциклопедии «Business: The Ultimate Resource». Известия Самарского научного центра РАН, том 16, № 2(3), 2014. С. 647-653.
4. Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2011.
5. Крылова И.Д. Английский язык. Фразовые глаголы. М.: Живой язык, 2012.
6. Кунин А.В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970.
7. Назарова Т.Б. Словарный состав английского языка делового общения: стратификация и методология // Новое в современной англистике. Сборник научных статей под ред. О. В. Александровой и М. Э. Конурбаева. Москва: Диалог МГУ, 1997. С. 27–36. (на англ. яз.)
8. Назарова Т.Б. Словарный состав современного английского языка на продвинутом этапе обучения: учеб. пособие. М.: Астрель: АСТ, Транзиткнига, 2006. (на англ. яз.)
9. Назарова Т.Б. Словарь общепотребительной терминологии английского языка делового общения. Под ред. В.Н. Крупнова. 2-е изд., испр. М.: Астрель / АСТ, 2006.
10. Назарова Т.Б. Словарный состав английского языка делового общения. Спецкурс / Т.Б. Назарова, Ю.Н. Кузнецова, И.А. рещухина. Под ред. проф. Т.Б. Назаровой. М.: Астрель / АСТ, 2007. (на англ. яз.)
11. Назарова Т.Б. Динамические процессы в словарном составе английского языка делового общения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №1(57). С. 271-275.

12. *Потанова А.В.* Фразовые глаголы в англоязычном бизнес-дискурсе: разработка пошаговой методики описания аутентичного материала // Ахмановские чтения 2012: Сборник материалов конференции. Ред. О.В. Александрова. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 162-171.
13. *Потанова А.В.* Словари фразовых глаголов английского языка в современной корпусной лексикографии: общее и особенное // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 26-37.
14. *Bunnell D. and R. Luecke* The eBay Phenomenon. John Wiley & Sons Inc., 2000.
15. *Cambridge Phrasal Verbs Dictionary.* Cambridge University Press. 2nd ed., 2006.
16. *Cook R. and G. Cook* Guide to Business Etiquette. second edition – Pearson Education Inc., 2011.
17. *Edwards V. and L. Ellison* Corporate Property Management. Blackwell Science Ltd, 2004.
18. *Elam H. and N. Paley* Marketing for Nonmarketers. AMACOM, 1992.
19. *Longman Phrasal Verbs Dictionary.* Pearson Education Limited, 2000.
20. *Macmillan Phrasal Verbs Plus.* Bloomsbury Publishing Plc, 2005.
21. *McArthur T.* Using Phrasal Verbs. Collins: London and Glasgow, 1975.
22. *Nazarova T.B.* Business English. A Course of Lectures with Exercises, Activities and Tasks. М.: AST / Astrel, 2009.
23. *Povey J.* Phrasal Verbs and How To Use Them. М.: Высшая школа, 1990.
24. *Schultz C.* Setting Course. A Congressional Management Guide. Edition for the 104th Congress – Congressional Management Foundation, 1992.
25. *Tomalin B. and M. Nicks* The World's Business Cultures and How To Unlock Them. Thorogood Publishing, 2007.

References

1. *Arnold I.V.* Lexicology of Modern English. М.: High school, 1986.
2. *Vershina M.I.* Idioms in Russian and Foreign Linguistics. Izvestia Samara scientific center RAS, vol. 14, № 2(3), 2012. Pp. 710-714.
3. *Vershina M.I.* Idioms in the Dictionary Section of the Modern Unilingual Encyclopedia «Business: The Ultimate Resource». Izvestia Samara scientific center RAS, vol. 16, № 2(3), 2014. Pp. 647-653.
4. *Daniushina U.V.* Multilevel Analysis of English Network Business-discourse. Author's abstract of dis. Doctor of Philology. М., 2011.
5. *Krylova I.D.* The English Language. Phrasal Verbs. М.: Zhivoi yazyk, 2012.
6. *Kunin A.V.* English Phraseology. М.: High school, 1970.
7. *Nazarova T.B.* Business English Vocabulary: Stratification and Methodology // New Developments in Modern Anglistics. Akhmanova Readings, 1996. М.: Dialogue MSU, 1997. Pp. 27–36.
8. *Nazarova T.B.* Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement. М.: Astrel: AST, Transitkniga, 2006.
9. *Nazarova T.B.* Dictionary of General Business English Terminology. 2nd edition. М.: Astrel / AST, 2006.
10. *Nazarova T.B., Kuznetsova Ju. N., Presnukhina I.A.* Business English Vocabulary. A Special Course. М.: Astrel / AST, 2007.
11. *Nazarova T.B.* Dynamic processes in business English vocabulary // Scientific notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences». 2014. №1 (57). Pp. 271-275.
12. *Potapova A.V.* Phrasal Verbs in Authentic Business Discourse: A Step-By-Step Methodology // Akhmanova Readings, 2012: Conference Proceedings. М.: MAKS Press, 2013. Pp. 162-171.
13. *Potapova A.V.* Modern Corpora-based Dictionaries of Phrasal Verbs: What Do They Share? How Do They Differ from Each Other? // Language – Mind – Communication. М.: MAKS Press, 2014. Pp. 26-37.
14. *Bunnell, D. and R. Luecke* The eBay Phenomenon. John Wiley & Sons Inc., 2000.
15. *Cambridge Phrasal Verbs Dictionary.* Cambridge University Press. 2nd ed., 2006.
16. *Cook R. and G. Cook* Guide to Business Etiquette. Second edition – Pearson Education Inc., 2011.
17. *Edwards V. and L. Ellison* Corporate Property Management. Blackwell Science Ltd, 2004.
18. *Elam H. and N. Paley* Marketing for Nonmarketers. AMACOM, 1992.
19. *Longman Phrasal Verbs Dictionary.* Pearson Education Limited, 2000.
20. *Macmillan Phrasal Verbs Plus.* Bloomsbury Publishing Plc, 2005.
21. *McArthur T.* Using Phrasal Verbs. Collins: London and Glasgow, 1975.
22. *Nazarova T.B.* Business English. A Course of Lectures with Exercises, Activities and Tasks. М.: AST / Astrel, 2009.
23. *Povey J.* Phrasal Verbs and How To Use Them. М.: Higher school, 1990.
24. *Schultz C.* Setting Course. A Congressional Management Guide. Edition for the 104th Congress Congressional Management Foundation, 1992.
25. *Tomalin B. and M. Nicks* The World's Business Cultures and How To Unlock Them. Thorogood Publishing, 2007.

Т.А. НИКОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков, Воронежский государственный университет
E-mail: nikonova @ phil.vsu.ru

T.A. NIKONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of the Russian literature of the XX-XXI centuries, Voronezh State University
E-mail: nikonova @ phil.vsu.ru

БЫТ КАК ОЦЕНКА ГЕРОЯ В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЕ 1920-х ГОДОВ

WAY OF LIFE AS EVALUATION OF A HERO IN RUSSIAN SOVIET PROSE OF THE `20TH

В статье рассмотрен послереволюционный быт в русской литературе второй половины 1920-х годов в логике «вечного возвращения», свойственной переходным эпохам, вырабатывающим новую картину мира, формирующим ценностные подходы к героям, выходящим из разных социальных слоев.

Ключевые слова: быт, литература, переходная эпоха, аксиология.

Features of the way of life of the post-revolution period of the literature of the second half of the 20th are considered in the logic of “everlasting return” typical of transitional epochs, which work out a new picture of the world, form new value attitude to characters who come out from different strata of society.

Keywords: way of life, literature, transitional epoch, axiology.

В далеком 1926 году Б.М. Эйхенбаум, рецензируя в «Красной газете» роман О.Форш «Современники», сформулировал тезис, явно выходящий за границы единичного наблюдения: «Мы вступили в полосу нового развития исторического и биографического романа» [12:450]. Основанием для такого историко-литературного обобщения стал материал, внешне мало соотносимый со сложившимися тогда романскими разновидностями: «Современный быт должен предварительно пройти сквозь литературное оформление вне фабулы, в виде очерков и фельетонов, чтобы стать сюжетоспособным. Недаром наши газеты заполняются сейчас своего рода “письмами русского путешественника”, в которых описываются “глазами проезжего” не только страны далекие, как Ташкент, Сибирь, Кавказ, но и хорошо нам знакомые – Псков, Киев, Полтава, Волга. Целый поток этнографических и нравоописательных очерков – и в лодке, и пешком, и на лошадях» [12:450].

Теоретический и историко-литературный смысл замечания Б.М. Эйхенбаума в полной мере может быть оценен при обращении к контексту литературы второй половины 1920-х годов. Время героического одушевления идеями и героями революции и гражданской войны уходило в прошлое, но его масштаб, историческая значительность оставались фоном, источником оценки новых героев и сюжетов, которые вводила литература, обратившаяся к изображению обычной жизни, повседневности, быта¹. Каким должен был быть герой литературы, обновлявшей свои темы и поэтику? Логично

было бы предположить разработку образа большевика, рабочего, ставшего лидером массы, как это было в литературе гражданской войны. Однако реальная практика складывалась иначе. В переходную эпоху, каковой являлись 1920-е годы, в литературе актуализируется то личностное содержание, «развитие которого общественная жизнь или вообще не допускает, или сдерживает» [10: 13]. «Личностное содержание», от которого уходила литература героического эпоса революции, по ее окончании возвращается на страницы произведений; жизненный материал обретает новый смысл и оценку, т.е. «олитературируется», в терминологии и логике формалистов.

Восстановленная традиция бытописания ввела в череду героев литературы второй половины 1920-х годов «бывших» – интеллигентов, чиновников, мещан. С ними возвращалась поэтика изображения человека не на фоне мировых разломов, а в быту, в частной жизни, в житейских подробностях, системность которых делала их достоверными свидетелями истории. Таким образом, «исторический и биографический» романы, упомянутые Б.М.Эйхенбаумом в рецензии, должны были стать литературным фактом. Для этого предстояло осмыслить *современный* бытовой материал в русле культурной традиции, сделать его *сюжетоспособным*. Вот почему отсылка Б.Эйхенбаума к Карамзину («Письма русского путешественника») есть апелляция к фундаментальной особенности переходной эпохи – актуализации личностных впечатлений, «биографической хроники». Перечисление же «стран далеких», последовательно обозначенных в его рецензии Ташкентом, Псковом, Волгой, отсылало к реалиям отечественной

¹ Термин «быт» мы используем в «старом», формалистском значении, не отождествляя его с широко обсуждаемой в последние десятилетия междисциплинарной «проблемой повседневности», разделяя точку зрения, высказанную в ст. И. Шайтанова [см.:11]

прозы недавних лет – к повести А.Неверова «Ташкент – город хлебный»(1923)², к «партизанским» повестям Вс.Иванова (1921-1922), к роману Б.Пильняка «Голой год» (1921). Это был тот литературный фон, на котором предстояло восстанавливать распавшуюся картину мира, вписывать в нее своего современника. Необходимость решения этой двуединой задачи хорошо осознавали все участники литературного процесса, хотя прочитывали ее по-разному.

В 1924 г А. Толстой писал: «...В современных русских повестях еще не видно человека. Я вижу мелькание жизни, тащится поезд, воеет метель, умирают, любят, ссорятся, бредут по равнинам, воюют. Вот там – рука, вон – глаз, вон – мелькнул обрывок одежды. Но целого человека не видно. <...> Подробности быта, слова, словечки – блестящи. Выхваченные, интересные клочки жизни...»[8:74;75].

И. Касаткин в пестроте постреволюционной реальности тоже видел «мелькание жизни», а не целостную ее картину: «Природа революционного быта видоизменчива до жестокости. Озираясь во все стороны ее явлений, не успеваешь шапку поправить... И прежде всего видишь, что как будто пропала одна из главных и необходимых опор художественного творчества: тип и типичность. Ушло знакомое и общупанное. Нет ни в чем оседания и устойчивости, даже в адресах центральных учреждений и уличных вывесках. Все плывет, течет и переворачивается <...> в художественной хватке и приемах чего-то недостает такого, что приличествовало бы нашей эпохе, гигантским сдвигам и страшной обнаженности всех соотношений в человеческом житье-быть»[1:247-2484; 250].

Внезапно обнаружившаяся взаимосвязь быта и творчества, стершая привычную границу между уличными вывесками и «художественной хваткой», для И.Касаткина практически исключила возможность творчества.

Нарком просвещения А.В. Луначарский, напротив, стремился увидеть в таком засилье быта ожидаемое преобразование и жизни, и литературы: «В жизни России произошел такой переворот, какого не произошло ни в одной стране. Как после землетрясения, все выглядит по-новому. *Не развалины вокруг, но новая жизнь*, вызванная этим не просто стихийным, но человечески осмысленным землетрясением, буйно прорывается отовсюду. На все приобретается новая точка зрения, все обновлено и вовне и внутри...» (Здесь и далее курсив в цитатах, кроме оговоренных особо, мой. – Т.Н.)[4: 299-300]. Однако было очевидно, что чиновничьей декларацией наступления нового не обойтись, литература должна была сделать современный быт сюжетоспособным, как о том писал Б.М.Эйхенбаум в цитированной выше рецензии.

Говоря в 1926 году о необходимости появления «исторического и биографического романа», Б.М. Эйхенбаум отмечал, что попытки строить произ-

ведение на сиюминутном бытовом материале «неизменно оканчиваются неудачей, потому что материал этот слишком однозначен – он еще не звучит литературно, еще не влезает в сюжет, сопротивляясь своей злободневностью»[12:450]. В этой ситуации исследователь вполне уместно напоминает, что материалом литературного произведения «являются не исторические события, а выдающиеся люди, строящие свою судьбу – писатели, музыканты, художники. Целые серии таких историко-биографических романов появляются сейчас и во Франции, и в Германии. То же явление заметно и у нас»[12: 450-451].

Культура в переходные эпохи³ более отчетливо, нежели в иные времена, обнаруживает свою многосоставность, в том числе и структурную. Включенность разных содержательных слоев обеспечивает семантическую широту культурного поля, апелляция к разным временам и разным сторонам человеческой жизни делает выбор эстетических вариантов почти неограниченным. Переход из одной культурной парадигмы в другую не только меняет оптику, создавая эффект остранения, удивления, но и обеспечивает новое качество понимания. «В пространстве, лежащем за пределами нормы (на норме основанном и норму нарушающем), мы сталкиваемся с целой гаммой возможностей: от уродства (разрушение нормы) до сверхнормы расположенной полноты положительных качеств. Однако в обоих случаях речь идет не об обеднении нормы, ее упрощении и застывании, а о “жизни, льющейся через край”, как назвал одну из своих повестей Людвиг Тик»[3: 123].

Это замечание Ю.М. Лотмана касается, так сказать, философии перехода, его общей оценки. А в «жизни, льющейся через край», ситуация и конкретнее, и драматичнее: в действие приходят консервативные, сдерживающие начала любой культуры, которые и обеспечивают ее устойчивость к переменам, и творческие возможности отдельных видов искусства. На этом фоне консервативность быта, его размеренность делают особенно заметными любые перемены в устоявшемся жизненном распорядке, ритуале. Подчеркнем лишь направление интенционального развития – от быта к литературе, а не наоборот, и возможность участия разных художественных систем в эстетическом преобразении современности.

Выше мы отметили, что послеоктябрьский быт поражал современников стилевой пестротой и изощренностью, фантастическими сюжетами и неожиданными нравственно-этическими решениями, подчеркнутым натурализмом, нередко неприкрытым, вызывающим его доминированием. Отсюда не случайное недовольство И.Касаткина изменчивой «до жестокости» природой революционного быта: в реальности быт нередко сохраняет свою власть над человеком, оставаясь его главным характеризующим признаком. Кумулятивная природа быта в 1920-е годы, казалось, вступала в очевидное противоречие с требованием новизны.

2 Повесть А.Неверова в 1920-е гг. была включена в школьную программу.

3 Теоретическую, общекультурную характеристику понятия «переход» см. [10: С.11-15].

Первой и самой легко определяемой функцией бытовых описаний стала социальная характеристика героя в реалистическом повествовании. Например, А.Мальшкин в рассказе «Поезд на юг» (1925) так характеризует своих героинь, двух девиц, весь внешний облик которых говорит «о чистой, удобной, взлелеянной маменьками жизни»: «О, я вижу, какие комнаты за этими девицами – похожие на музей мебели, чехлов, полочек, безделушек, сохраняющих дыхание *старой чиновной барственности*, комнаты тысяча девятьсот десятого – четырнадцатого года, удачливо пронесенные через бурелом революции до наших отдыхающих, безопасных дней»[5: 68].

Чиновная барственность комнат – уже не бытовая деталь, а водораздел между старым и новым, граница, проложенная революцией между *своими* и *чужими*. Подобная антитеза типична для советской литературы 1920-х годов, динамично создававшей идеологизированное пространство, законом которого явилась борьба взаимоисключающих идей, миров. Это, так сказать, политизированный вариант советской аксиологии, сформировавшийся в постреволюционные годы.

Однако художественная пестрота литературы новой России обнаруживала не только «избыток жизни», но вариативность художественных решений. Как эстетическая реальность осознавались ранее не востребованные культурные слои, связанные, казалось бы, с навсегда преодоленным жизненным укладом. Это было окно в метафизические глубины, в архаическое прошлое, которое в сознании, например, Б.Пильняка смотрелось благодатным возвращением к основам национального быта. И даже его большевики, «кожаные куртки» в романе «Голый год» – «из русской рыхлой, корявой народности – лучший отбор»[7:39].

Подобное восприятие быта как инобытия диктовало обращение к мифу, рождало новые эстетические решения, например, «сказ»⁴ и др. формы обращения к народному слову. Сказ ни в малой степени не противоречил мифологизирующим тенденциям и стилизациям, вместе с тем рождал и принципиально новые отношения читателя с текстом. Маска повествователя сокращала расстояние между читателем и изображением, и как верно заметил Ю.Тынянов, сказ читателю и адресован: «...читатель *входит* в рассказ, начинает интонировать, жестикулировать, улыбаться. Он не читает рассказ, а играет» (Курсив Ю. Тынянова.– Т.Н.)[9: 160].

Читатель, *входящий* в текст, иначе переживает слово художника: оно «обывляется» целым рядом узнаваемых деталей. За консервативными формами встают не только ритуал и остатки утраченной обрядности, но просматривается целостная картина мира. А это и есть один из способов обретения сюжетоспособности по Б. Эйхенбауму – освоение жизненного материала средствами литературы, превращение жизненной реальности в художественную.

Л.М.Леонов в начале своего творческого пути ак-

тивно использовал сказ в традиционном для литературы 1920-х годов плане. Именно сказ стал для него формой перехода из одного пласта культуры в другой, архаизированный, фантастический, читателю ранее неведомый. Его рассказ «Бурыга» (1922) является развернутой метафорой встречи двух культур, вглядывающихся друг в друга сквозь призму быта. Выбор призмы не случаен. «По составу быт – это рудиментарная наука, рудиментарное искусство и техника; он отличается от развитых науки, искусства и техники методом обращения с ними ...»[2: 264].

Читатель интригуется балагуром дедом Егором «из Старого Ликеева» [2: 89], который ведет повествование по легко восстанавливаемым канонам волшебной сказки о далеких землях и сказочных персонажах. Роль тридесатого царства Л.Леонов поручает Испании, а неразумного царя у него замещает «испанский граф», «профершпиливший» свое состояние «на одной комедиантке заезжей». Его антипод Бурыга – посланец лесного мира, «окайшек», а на самом деле – часть утраченной языческой культуры.

В леоновском рассказе сошлись две культуры и увидели друг друга крайне неодобрительно, в системе заведомо сниженных бытовых подробностей, чаще всего деталей костюма или частей тела. «Граф» Гейнрих Бутерброт, купивший Бурыгу у кухарки Кутафьи, охарактеризован как «барин-брюки-на-улицу» [2:78], «испанская купчиха» визжит, «как намазанная дверь» [2:84] и т.д. Бурыга «вброшен» в чужой и чуждый ему быт, а потому и воспринимается «цивилизованными» героями как некая странная *бытовая деталь*, предмет, который можно перевозить в чемодане, вместе с флаконом и щеткой, агрессивно настроенными к «окайшке».

«Метод обращения» с представителями рудиментарной культуры (Ю. Тынянов) меняет и характер аллюзий, к которым прибегает Л. Леонов по мере развития сюжета. Если начало рассказа апеллировало к волшебной сказке, то выступления Бурыги в цирке или его пребывание в доме купчихи вполне коррелируют с рассказами А.Куприна или повестями Е. Замятина начала XX века.

В пространстве нового времени, абсолютизовавшем быт и заместившем цивилизацией культуру, «окайшке» нет места. «Детеныш-нос-хоботом» не просто нелеп в глазах купчихи или «барина Гейнриха Бутерброта». Для них он «некультурен», архаичен, словно вышедшая из моды деталь туалета, а потому достоин и насмешки, и унижения.

Подобная переориентация приема – от использования сказовой формы, несущей в себе «осознанное стремление литературы к реализации принципов народности»[6:9], к изображению пограничной, «переходной» ситуации – существенно меняет сам принцип обращения к архаике. Л.Леонов стремится отказаться от однозначных решений. «Рудиментарное искусство» увидено молодым автором не как нечто устаревшее и ненужное, а как утраченное, насильственно исключенное из культуры.

4 О многообразных содержательных и эстетических возможностях сказа см., напр.[6]

Быт, ставший мифом, в рассказе «Бурьга» не мог быть воспринят социальной характеристикой героя, как это было в рассказе А. Малышкина. По-разному понимаемый быт включал рассказы в разные смысловые поля, в разные традиции. Быт как часть социальной характеристики героя участвовал в формировании концепции советской литературы, нередко не различавшей не совпадавшие области гуманитарной деятельности –

идеологию, социологию, литературу. Быт, увиденный сквозь оптику традиции и культуры, обретал новые коннотации, вел к художественным открытиям. Как видим, русская советская проза 1920-х годов несла в себе потенции разных художественных решений, возможности нового мировидения. И не ее вина, что многое из заявленного оказалось нереализованным.

Библиографический список

1. *Касаткин И.* Литературные ухабы // Красная новь. 1923. №7.
2. *Леонов Л.* Собрание сочинений. В 10 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1969.
3. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992.
4. *Луначарский А.* Собрание сочинений. Т.2. М.: Художественная литература, 1964.
5. *Малышкин А.* Соч. в 2 т. Т.2. М.: Правда, 1964.
6. *Муценко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е.* Поэтика сказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978.
7. *Пильняк Б.* Человеческий ветер: Роман, повести, рассказы. Тбилиси: Мерани, 1990.
8. *Толстой А.* Собрание сочинений. Т.10. М.: Гослитиздат, 1961.
9. *Тынянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Искусство, 1977.
10. *Хренов Н.А.* Опыт культурологической интерпретации переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002.
11. *Шайтанов И.* «Бытовая» история // Вопросы литературы. 2002. № 2.
12. *Эйхенбаум Б.М.* О прозе: Сб. статей. Л.: Художественная литература, 1969.

References

1. *Kasatkin I.* Literary potholes//Red nov`. 1923. No. 7.
 2. *Leonov L.* Collected works In 10 v. V.1. M.: Fiction, 1969.
 3. *Lotman Yu.M.* Culture and explosion. M.: Gnozis; Publishing group "Progress", 1992.
 4. *Lunacharsky A.* Collected works. V.2. M.: Fiction, 1964.
 5. *Malyshkin A.* Collected in 2 v. V.2. M.: However, 1964.
 6. *Mushchenko E.G., Skobelev V.P., Kroychik L.E.* Poetics of the narration. Voronezh: Publishing house of the Voronezh university, 1978.
 7. *Pilnyak B.* Chelovechesky wind: Novel, stories, stories. Tbilisi: Merani, 1990.
 8. *Tolstoy A.* Collected works. V.10. M.: Goslitizdat, 1961.
 9. *Tynyanov Yu.* Poetic. History of literature. Cinema. M.: Art, 1977.
 10. *Hrenov N.A.* Experience of culturological interpretation of transition processes//Art in a situation of change of cycles: Interdisciplinary aspects of research of art culture in transition processes. M.: Science, 2002.
 11. *Shaytanov I.* "Household" history//literature Questions. 2002. № 2.
 12. *Eykhensbaum B.M.* About prose: Collected articles. L.: Fiction, 1969.
-
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

Н.Е. НИКОНОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

К.И. ДУБОВЕНКО

аспирант, кафедра романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: ksutka1@mail.ru

N.E. NIKONOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

K.I. DUBOVENKO

Graduate student, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: ksutka1@mail.ru

**О НЕМЕЦКОМ ФОНЕ КОНЦЕПТОВ МЕЛАНХОЛИИ И ЭНТУЗИАЗМА
В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО**

**TO THE BACKGROUND OF GERMAN MELANCHOLY AND ENTHUSIASM
CONCEPTS IN V.A. ZHYKOVSKY'S LIFE AND WORKS**

Статья посвящена актуальному вопросу современного литературоведения: взаимодействию В.А. Жуковского с немецким миром в финальный период житнетворчества 1840–1850-х гг. Особое внимание отведено концептам меланхолии и энтузиазма в контексте систематических занятий поэта немецкой духовно-назидательной литературой.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, немецкая духовноназидательная литература, меланхолия, энтузиазм.

This article is devoted to the topical issue of modern literary studies: interaction of V.A. Zhykovsky with the German world in the final period of his creative life in 1840–1850ies with a particular focus on melancholy and enthusiasm concepts in the context of Zhykovsky's German ecclesiastical-protreptic literature systematic studies.

Keywords: V.A. Zhykovsky, German ecclesiastical-protreptic literature, melancholy, enthusiasm.

Особый статус немецкого мира на духовном горизонте первого русского романтика давно является актуальным вопросом современного жуковсковедения. Исследование личной библиотеки поэта, его неизвестных автографов и неизданных архивных документов лишней раз подтверждают необходимость осмысления житнетворчества позднего В.А. Жуковского в контексте немецкой культуры и, в частности, немецкой духовно-назидательной литературы, которая была понастоящему воспринята им в 1840-х гг. В связи с систематическим осмыслением этого масштабного увлечения Жуковского последнего десятилетия был представлен целый цикл статей, результатом которого стали доказательные выводы о восприятии русским классиком конкретных изданий [4] и авторов эпохи благочестия и пиетизма, среди которых И. Арндт, Г. Мюллер, Т.Ф.Д. Клифот, И.Э. Фейт [1], разработке концептуальной системы религиозно-романтического сознания, поставлен вопрос о программности выписок из духовно-назидательной литературы на страницах записных книжек 1840-1850-х гг. Цель данной работы – продемонстрировать диалог эстетическо-художественной системы позднего В.А. Жуковского с немецким миром на концептуальном уровне.

Устойчивые концепты немецкой религиозной литературы составляют отдельную сферу житнетворческих исканий позднего Жуковского. Одними из тем, во многом навеянных трудами о благочестии, стали темы *меланхолии* и *энтузиазма*, глубокие размышления о которых рассыпаны по всей поэзии и прозе. Но свое наиболее яркое и целостное воплощение они обрели в статье «О меланхолии», изначально являющейся отрывком из письма И.В. Киреевскому, написанного в 1844 г., и позднем сочинении периода 1845-1850-х гг. под названием «Энтузиазм и энтузиасты».

Концепция меланхолии вошла в творчество поэта в юности, «в ранней лирике Жуковского меланхолия окончательно утверждается как доминирующая форма нравственно-эстетического восприятия действительности, определяющая весь строй чувств лирического героя. Свои поэтические размышления лирический герой Жуковского развивает, уже находясь в состоянии просветленно-меланхолическом, вследствие чего, минуя этап рефлексии по поводу несовершенства мира, герой воплощает свою мысль в форме меланхолической медитации о жизни и человеке в аспекте их нравственного совершенствования» [3, С. 16]. Категория энтузиазма также была впитана Жуковским еще в молодости. В

1805-1806 гг., «стремясь стать „энтузиастом по рассудку“, Жуковский просит Александра Тургенева прислать ему „что-нибудь хорошее в Немецкой философии“», ибо она возвышает душу, делая её деятельнее: она больше возбуждает энтузиазм» [5, С. 154]. А.С. Янушкевич в статье «Метаморфозы русского энтузиазма» отмечает: «Круг чтения Жуковского этого времени позволяет говорить, что новым импульсом его энтузиазма, эстетического по своему характеру, становятся статья „О возвышенном“, „Письма об эстетическом воспитании человека“, трактат „О наивной и сентиментальной поэзии Шиллера“. Конспекты и статьи Жуковского 1805-1810 гг., особенно касающиеся проблем лирической поэзии, буквально пронизаны словообразом «энтузиазм» [5, С. 156]. Тем показательнее, что к периоду 1840-1850-х гг. оба ключевых концепта были переосмыслены Жуковским и получили новую интерпретацию, навеянную погружением в традиции немецкой культуры и немецкой духовной литературы.

Поворот Жуковского к жанру немецкой духовной словесности был обусловлен контекстом современной Пруссии вообще и окружением русского классика в частности. Консервативные круги немецко-прусской аристократии, ходатайствовавшие об объединении Германии под эгидой Пруссии, видели в этом содержании основание для нового государства и консолидации немецкого народа. Расцвет богословской литературы был задан на государственном уровне. Переиздания классической назидательной литературы и выпуск печатных версий новых авторов-богословов были призваны сформировать особое педагогическое и образовательное пространство, в противовес нарастающим революционным настроениям 1840-х гг. Пиетизм, как особая форма религиозности и индивидуального благочестия, органично вошел в жизнь первого русского романтика не без участия семейства супруги, Елизаветы фон Рейтерн. Пиетистская традиция, являющаяся, по сути, разновидностью домашних благочестивых собраний, ставших альтернативой традиционному церковному богослужению, импонировала Жуковскому свободой от всяческих догматов и необходимостью вдумчивого изучения священных книг с обязательным обсуждением христианских истин. Так «территория немецкого пространства в жизнетворчестве поэта расширилась за счет религиозной практики, предполагавшей определенный образ жизни и образ мыслей, которые импонировали Жуковскому. Следствием этого поворота к духовно-религиозным жанрам стало обращение к переводам Нового Завета и Апокалипсиса, замысел поэмы об Агасфере, собственная «христианская философия», замысел «священной истории», статья «О меланхолии...» и, скорее опосредованно, другие проекты» [2, С. 274].

Как известно, приверженцы пиетизма провозгласили печаль главной жизненной заповедью, а уныние – методом для ее достижения. На определенном этапе развития в эту традицию вошла меланхолия, породив особый тип «меланхолического пиетизма». Представитель этого направления воплощает собой «некий образ религи-

озного уныния», выступая меланхоликом от религии. Ввиду принципиальной испорченности мира и самого человека именно в духовном перерождении пиетисты видят единственный центр и суть всего учения Христа. Целью является радикальная перемена – сотворение «нового человека» [6, С. 144]. Перерождение, достижимое лишь с помощью меланхолии, важно для *graxis pietatis* каждого благочестивого человека. Основным отличием пиетизма от других религиозных направлений является его практический, прикладной характер: пиетизм понимается как *theologia experimentalis*, где опыт является центральным, ключевым понятием и должен непременно загораться от божественной печали. Таким образом, феномен меланхолии, возродившийся в немецком мире, современном позднему Жуковскому, проникнут религией, учение Христа органично вливается в эту концепцию, в ней также находят свое место религиозное раскаяние, покаяние, перерождение, центральное значение отводится богобоязненности и греху. Поздняя концепция Жуковского исходит во многом из этого европейского понимания меланхолии. Рассуждение поэта в полемическом письме к князю П.А. Вяземскому от 3(15) марта 1846 года по типу нарратива близко к благочестивым сочинениям немецких проповедников. Толкование, которое выражает в статье Жуковский, было характерно как раз для духовных назиданий немецких авторов XVII в. «Благодаря им меланхолия больше не рассматривалась как грех уныния, напротив, она помогала человеку на пути к истинному христианству, «служила одним из важнейших механизмов идентификации „истинного христианина“, так как именно в размышлениях, о страданиях человек осознавал свою „самость“» [2, С. 295]. В 1840-1850-е русский романтик рассматривает меланхолию как глубокую, напряженную внутреннюю работу души, что свидетельствует о процессе творческой эволюции в освоении концепта под влиянием традиций немецкого мира.

С меланхолией тесно связан концепт энтузиазма, который неоднократно возникал в размышлениях Жуковского. Первоначально энтузиазм понимался как определенный тип религиозного сознания. Энтузиастами называли людей, которые считались до одержимости вдохновленными богом. Но после Реформации этот термин приобрел отчетливо негативное значение, представителей этого направления уже открыто называли фанатиками. Совершенно особое значение энтузиазм приобрел в XVII веке, когда был соотнесен с меланхолией.

Жуковский в период позднего жизнетворчества, активно осваивая книжную культуру немецкого благочестия и пиетизма, без сомнения, знал о судьбе энтузиазма в Германии. Результаты изучения и переосмысления данного феномена Жуковский отразил в статье «Энтузиазм и энтузиасты». Не используя стиль поучения и назидания, не привнося лексику, характерную для жанра духовно-назидательной литературы, поэт стремится максимально просто и доступно объяснить читателю суть энтузиазма светского и необходимость христиан-

ского энтузиазма. Автор начинает свои размышления с вопроса «Когда наиболее являются энтузиасты?» [1, С. 137]. Жуковский стремится установить, какие исторические и жизненные условия порождают интересное его явление. В следующем предложении поэт сам дает ответ на свой вопрос: «Во времена смутные, во времена волнений гражданских и религиозных, в которых распространяется повсеместно какая-то вулканическая деятельность, не имеющая ясного предмета» [1, С. 137]. Субъекта энтузиазма первый русский романтик определяет как «человека сильного, страстного характера, самоотверженно предающемуся своим любимым идеям; он творит для себя свою собственную совесть и, не видя добра существенного, создает для себя добро химерическое и действует по произволу, а не по долгу, руководствуясь одним собственным убеждением, и все остальное ему подчиняет», он способен «легко отделить себя от общего» [1, С. 138]. Страсть, некое чрезмерное воодушевление вкупе с отсутствием конкретного предмета своих стремлений, присущее энтузиазму века XIX, представляется Жуковскому опасным в отрыве от христианской веры. Лишь вера, по мнению поэта, способ-

на обуздать энтузиазм и направить его в благое русло: «Итак, энтузиазм благодетелен только тогда, когда он есть пламенная любовь к идеальному общему благу, соединенная с твердостью положительных правил нравственности, признанных веками за непреложные: скажу проще, когда он утвержден на вечном фундаменте христианства» [1, С. 138]. Эволюция категории энтузиазма в понимании Жуковского очевидна: «русский поэт-романтик, приветствовавший в начале века “священный энтузиазм” дружбы и творчества, в середине века с ужасом заговорил о непредсказуемых последствиях революционного энтузиазма» [5, С. 161], а к концу творческого пути обратился к религиозно-философским истокам концепта.

Таким образом, появление на горизонте осмысления Жуковского в конце 1840-х – начале 1850-х гг. концептов *меланхолии* и *энтузиазма* следует воспринимать на аутентичном фоне культурно-исторических и социальных реалий немецкого мира. Такое осмысление в аутентичном контексте позволяет понять характер эволюции его романтизма, во многом инициированной особым рода германophilством.

Библиографический список

1. Дубовенко К.И. В.А. Жуковский и западная духовно-назидательная литература: к постановке вопроса // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: в 10 ч. Часть IV. Белгород, 2015. С. 34-38.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 13 М., 2004. 607с.
3. Никонова Н.Е. В.А Жуковский и немецкий мир. Дис. ... докт. фил. наук. Томск, 2013. 336 с.
4. Никонова Н.Е., Дубовенко К.И. Немецкая духовно-назидательная литература как система координат позднего В.А. Жуковского: неизвестные автографы поэта в изданиях книги «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей» // Вестник ТГУ. № 379. С. 28-35.
5. Садовников А.Г. Концепция меланхолии в художественной системе сентиментализма в творчестве В.А. Жуковского. Дис. ... канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2009. 199 с.
6. Янушкевич А.С. Метафоры русского энтузиазма // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Boehlau, 2006. С. 151–169.
7. Schings Hans-Jürgen. Melancholie und Aufklärung. Melancholiker und ihre Kritiker in Erfahrungsseelenkunde und Literatur des 18. Jahrhunderts. Metzler, Stuttgart, 1977. 466 S.

References

1. Dubovenko K.I. V.A. Zhykovsky and ecclesiastical-protreptic literature: to the statement of purpose // Theoretical and practical aspects of modern science. Vol. IV. Belgorod, 2015. Pp. 3438.
2. Zhukovsky V.A. Complete Works and Letters (of V.A. Zhykovsky). Vol.13. M., 2004. 607 p.
3. Nikonova N.E. V.A. Zhykovsky and the German world. Doctor thesis in Philological Sciences. Tomsk, 2013. 336 p.
4. Nikonova N.E., Dubovenko K.I. German ecclesiastical-protreptic literature as the coordinate of late V.A. Zhykovsky: the unknown poet's signatures in the book „The biblical Christmas gift for adults and children” // Bulletin of TSU. № 379. Pp. 28-35.
5. Sadovnikov A.G. The place of melancholy conception in the sentimentalism's artistic system of V.A. Zhykovsky's writing. Candidate thesis in Philological Sciences. Nizhnij Novgorod, 2009. 199 p.
6. Yanushkevitch A.S. Metamorphoses of Russian enthusiasm // Russian concepts of modern history. Boehlau, 2006. Pp. 151–169.
7. Schings Hans-Jürgen. Melancholy and the Enlightenment. Metzler, Stuttgart, 1977. 466 p.

Е.В. ОГОЛЬЦЕВА

доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет
E-mail: tertiumcomp@mail.ru

E.V. OGOLTSEVA

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian language, Moscow Pedagogical State University
E-mail: tertiumcomp@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

STRUCTURAL TYPES OF COMMON SIMILES THAT CHARACTERIZE THE PERSON'S APPEARANCE

Статья посвящена проблеме лексического варьирования в структуре устойчивых сравнений русского языка. Автор считает, что наличие вариантов разных типов не противоречит признаку устойчивости: стабильность и динамичность есть два важнейших проявления формы компаративного фразеологизма. Единство внутренней формы рассматривается как критерий, отличающий вариант устойчивого сравнения от его синонима. На примере идеографического поля «Внешность человека» рассматриваются факторы, определяющие нюансы употребления различных лексических вариантов, даётся их типология, выявляются отношения между ними.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, варьирование устойчивого сравнения, лексический вариант, модель, компонент устойчивого сравнения, образ, внутренняя форма, значение, функция.

The article is devoted to the lexical variation in the structure of stable comparisons of the Russian language. The author believes that the presence of different types of options does not contradict the basis of stability: stability and dynamism are two main features of the sustainable comparison's form. The unity of the internal form is considered as a criterion for distinguishing version sustainable comparison of its synonym. On the example of ideographic field «The man's appearance» examines the factors that determine the use of the nuances of different lexical choices, their typology, identifies the relationship the between them.

Keywords: sustainable comparison, the variation of sustainable comparison, lexical variant, model, a component of sustainable comparison, image, inner form, meaning, function.

Поскольку фразеологизм (далее также ФЕ) – специфическая единица языка, характеризующаяся устойчивостью состава и семантики, вариантность, на первый взгляд, не должна быть ей присуща. Однако исследования второй половины XX века убедительно показали, что это не так: Например, А.И. Молотков связывал вариантность с утратой компонентом ФЕ признаков слова и считал её одной из важнейших особенностей формы фразеологизма: «<...> Было бы грубейшей ошибкой утверждать, что постоянство компонентов фразеологизма сводится вообще к невозможности замены их» [6, с.75]. В.Г.Гак обратил внимание на частотность варьирования фразеологизмов как феномен их речевого функционирования: «В то время как лексико-грамматическая устойчивость признается характерным свойством фразеологии, в реальном бытии ФЕ могут подвергаться различного рода трансформациям. Варьирование ФЕ – явление гораздо более частое, чем это может показаться с первого взгляда» [2, с.60]. В.М. Мокиенко отметил, что «определение варианта невозможно без констатации тождественности семантики фразеологизма», ведь «за пределами такого тождества, или единства, кончается вариант и начинается синоним» [5, с. 33].

Наша трактовка проблемы вариантности устойчи-

вых компаративных единиц опирается на ставшие уже классическими идеи ведущих фразеологов XX столетия. Это, в частности, мысли М.И. Сидоренко о закономерностях выбора слов-субститутов и возможностях взаимного замещения фразеологических вариантов [10, с.126-130]; рассуждения В.Л. Архангельского о постоянных и переменных элементах устойчивой фразы [1, с.212-258]; разработанная А.И. Молотковым типология вариантов компонентов фразеологизма и его продуктивные идеи о границах вариантного ряда [6, с.69-94]; констатация, с одной стороны, глубокой связи между фразеологической вариантностью и индивидуально-авторскими преобразованиями ФЕ, а с другой – необходимости разграничения этих явлений [5, с.19]; идеи Н.М. Шанского и В.П. Жукова о единстве внутренней формы двух фразеологизмов как главном критерии отграничения вариантности от синонимии [13, с. 68; 4, с.172].

Известно, что устойчивые сравнения (единицы типа *красный / как рак, толстая / как корова, худой / как скелет* и т.п.) представляют собой особую и довольно значительную часть русской фразеологии. Как и в структуре фразеологизма, в составе устойчивого сравнения (далее УС) компоненты характеризуются способ-

ностью варьироваться, хотя и в строго определённых пределах. В результате стабильность структуры – признак, с которым обыденное сознание связывает устойчивость фразеологической единицы, – оказывается признаком **относительным**. Подчеркнём, однако, что варьирование компонентов как проявление внутренней динамики устойчивого сравнения ни в коей мере не разрушает его устойчивость, хотя и «раскачивает» воспроизводимую компаративную структуру: «Понятие устойчивости неразрывно связано с понятием вариантности и невариантности и с представлением о пределе варьирования одной и той же ФЕ. <...> Степень устойчивости ФЕ зависит от степени вариантности ФЕ <...>» [1, с. 119-120].

Возможны следующие типы варьирования компонентов УС¹:

1. Формально-грамматическое варьирование: варианты сравнительных союзов (показателя сравнения – элемента *m*): *как клоун – словно клоун – точно клоун*; варианты предложно-падежных форм существительных (выражающих чаще всего образ сравнения **В** или его семантический «ограничитель» – элемент **β**): *как бык – как у быка; как филин – как у филина; как короле седло – как на короле седло*; варианты предлогов, с которыми связаны разные значения падежа: *как из бани – как после бани*; формы рода одушевлённых имён существительных – названий лиц и животных: *как у волка – как у волчицы; как именинник – как именинница; как столетний старик – как столетняя старуха*.

2. Лексическое варьирование.

Лексическими вариантами могут быть любые компоненты сравнительной части компаративной конструкции. К ним могут быть отнесены не только компоненты, различающиеся своими лексическими значениями, но и супплетивные формы рода и числа существительных, т.е. любые разнокорневые варианты. В соответствии со сложившейся лексикографической традицией мы будем обозначать лексические варианты квадратными скобками.

Рассмотрим некоторые особенности лексического варьирования на материале устойчивых сравнений семантической группы «Внешность человека».

На основе лексикографических источников нами составлен следующий список УС с лексическими вариантами: 1) *как (словно, точно) близнецы [два близнеца]*; 2) *как (словно, точно) огоньки [два огонька]*; 3) *как (словно, точно) петухи [два петуха]*; 4) *как (словно, точно) <родные> братья [два <родных> брата]*; 5) *как (словно, точно) затравленный [загнанный] волк*; 6) *как (словно, точно) <львиная [лошадиная, конская]> грива*; 7) *как (словно, точно) водовозная [старая, загнанная, измученная, разбитая] кляча*; 8) *как (словно, точно) сонная [осенняя] муха*; 9) *как (словно, точно)*

новый гривенник [двугриденный]; 10) *как (словно, точно) новый [медный] пятак*; 11) *как (словно, точно) крысиный [мышинный] хвост [хвостик]*; 12) *как (словно, точно) чучело 2. ~ <огородное [гороховое]>*; 13) *как (словно, точно) <сапожное> голенище [голенище сапога]*; 14) *как (словно, точно) кот на сало [масло]*; 15) *как (словно, точно) у мертвеца [у мёртвого]*; 16) *как (словно, точно) связанный <по рукам [по ногам; по рукам и ногам]>*; 17) *как (словно, точно) собака на колу [на суку]* (всего 17 случаев).

Типология лексических вариантов может строиться по двум основаниям, которые тесно связаны между собой: по формальному признаку и по семантическому. Последующее описание мы строим по моделям и структурным типам УС, внутри которых выявляем семантические особенности тех или иных вариантов.

I. В рамках модели *mB* (где *m* – показатель компаративных отношений; *B* – образ сравнения):

а) Вариант 1. «Как (словно, точно) + сущ. им.п. мн. числа» / **Вариант 2.** «Как (словно, точно) + количественно-именное словосочетание с количественным числительным два (две) и существительным в род. п. ед.ч.: *как (словно, точно) близнецы [два близнеца]*; *как (словно, точно) огоньки [два огонька]*; *как (словно, точно) петухи [два петуха]*; *как (словно, точно) <родные> братья [два <родных> брата]*.

Таким образом, варьируется компонент **В** компаративной конструкции: он предстаёт то как слово, то как словосочетание, причём варьирующиеся компоненты являются полными синонимами: семантика сравнения и ситуация его употребления предполагает именно два лица или предмета (ср.: *как близнецы, как родные братья, как петухи*) либо парный предмет (ср.: *как огоньки – о глазах*): *Вот большая византийская икона, изображающая с наивным кощунством Иуду Искариотского и Христа. Оба похожи как близнецы, у обоих над головами общий венчик.* (К.И. Чукотский. Современники. Леонид Андреев); *Миноносцы «Бедовый» и «Буйный» издали ходили друг на друга, как два близнеца, – оба черные, четырёхтрубные, водоизмещением в триста пятьдесят тонн каждый.* (А.С. Новиков-Прибой. Цусима // ruscorpota.ru)²

Тем не менее, несмотря на предельную семантическую близость, подобные варианты в живом употреблении могут различаться едва уловимыми нюансами, проявляющимися, в частности, на уровне синтагматики. Так, вариант *как два петуха* чаще всего употребляется со словами-сопроводителями «стоять», «смотреть друг на друга» и выражает статичное положение двух лиц, враждебно настроенных друг против друга, но занимающих выжидательную позицию. Вариант *как два петуха* обычно имеет при себе слова-сопроводители «сцепиться», «схватиться», «драться», образно выражая активное противостояние, проявляющееся в агрессивных действиях: *Генерал и полковник строго и значи-*

1 Типы вариантов устойчивых сравнений приводятся нами в соответствии с концепцией В.М.Огольцева, реализованной в [8]. Толкования значений УС мы даём по этому же лексикографическому источнику. Для подтверждения наших теоретических положений мы используем устойчивые сравнения идеографического поля «Внешность человека».

2 В качестве иллюстративного материала в статье используются примеры из словарной картотеки В.М.Огольцева и из Национального корпуса русского языка; в последнем случае примеры снабжены ссылками на источник.

тельно *смотрели, как два петуха, готовящиеся к бою, друг на друга, напрасно выжидая признаков трусости* (Л.Н. Толстой. *Война и мир*); *Стояли друг против друга, как два петуха, готовые к бою. Волконский смотрел на него свысока, потому что иначе не мог: голова Дибича приходилась едва не по плечо собеседнику* <...>. (Д.С. Мережковский. *Александр 1*); – *Что это вы, как петухи – друг на друга налетели? Мальчуган раздвинул кусты и очутился рядом с Яшкой.* (А.П. Гайдар. *На графских развалинах*); *Два свата сцепились, что петухи: тоже о счастье заспорили.* (Н.Н.Златовратский. *Устои. Между старой и новой правдой*).

б) Вариант 1. «как (словно, точно) + сущ. им.п.» / **Вариант 2.** «Как (словно, точно) + однокоренное существительное в им.п. ед.ч. (с модификационным значением)

В этом случае варьирование ограничивается рамками единственного слова – существительного, выражающего образ сравнения. Как правило, в качестве варианта выступает «стилистический модификат», эмоционально-оценочная форма (часто диминутив), устаревшая (либо просторечная, диалектная) форма «базового» существительного, его разговорный вариант и проч.: *как (словно, точно) известь [извѣстка]*; *как (словно, точно) платок [плат – устар.]*; *как (словно, точно) попугай [попка – прост.]*; *как (словно, точно) пуговица [пуговка]*; *как (словно, точно) репка [репа]*; *как (словно, точно) рюмочка [рюмка]*; *как (словно, точно) свеча [свечка]*; *как (словно, точно) херувим [херувимчик]*; *как (словно, точно) струна [струнка]*; *как (словно, точно) тростинка [тростиночка]*; *как (словно, точно) цветок [цветочек]*; *как (словно, точно) червяк [червь]*; *как (словно, точно) щели [щѣлки, щѣлочки]*; *как (словно, точно) наливное яблоко [яблочко]*; *как (словно, точно) ягодка [ягода]*. Такие варианты довольно многочисленны.

Особенно богатым образным потенциалом обладают вариантные уменьшительно-ласкательные формы в составе УС. Мы полностью солидарны с Е.К.Николаевой, которая отмечает, что «уменьшительная или пренебрежительная форма существительного может вносить в значение УС различия в коннотациях, в сфере употребления, экспрессивной окраске» [7, с.715].

Вариант с диминутивом более ярко выражает экспрессию ласкового восхищения, любования. Так, УС *как амур (амурчик)* употребляется по отношению к ребёнку, подростку, характеризуя его по признакам «красивый, миловидный». Использование формы «амурчик» добавляет к объективному признаку внешней красоты экспрессию прелести юного существа, связанной с невинностью, чистотой: *Но всех более обратила на себя внимание его сестра, девочка лет одиннадцати, прелестная, как амурчик, тихонькая, задумчивая, бледная...* (Ф.М. Достоевский. *Елена и свадьба*). С этим случаем функционально сближаются другие УС с вариантами-диминутивами: *как ангел (ангелочек)* – о красивой, прелестной девушке, молодой женщине или ребёнке; *как кнопка (кнопочка)* – о маленьком носе че-

ловека, преимущественно ребёнка; *как кукла (куколка)* – о красивой, миловидной (или нарядно одетой) девушке, молодой женщине, а также о ребёнке; *как лоза (лозинка)* – о тонкой, с гибким станом фигуре человека, чаще девочки, молодой девушки; *как цветок [цветочек]* – о красивой, свежей, пригожей, достигшей расцвета девушке или о ребёнке; *как ягодка (ягода)* – о румяной, красивой девочке, девушке, молодой женщине. Ср. также: *как херувим (херувимчик)*, *как пуговица (пуговка)*. Совершенно очевидно, что УС с вариантом-диминутивом часто выражают положительную эмоциональную оценку, «адресатом» которой является юное существо – молодая девушка, женщина (реже парень) или ребёнок.

Таким образом, лексическое варьирование здесь связано с тонкими нюансами, определяющимися сферой употребления, особенностями адресата и адресанта – вообще контекстом и речевой ситуацией. Большая часть приведённых выше примеров может быть квалифицирована не только как лексическое, но и одновременно как стилистическое и словообразовательное варьирование.

в) Вариант 1. «Как (словно, точно) + сущ. им.п.» / **Вариант 2.** «Как (словно, точно) + однокоренное существительное или субстантивированное прилагательное в им.п. ед.ч. (слово того же словообразовательного гнезда с мутационным значением): *как (словно, точно) точёный [выточенный]*; *как (словно, точно) новый гривенник – как (словно, точно) новый двугривенный*

Более существенное (по сравнению с предыдущим случаем) лексическое различие между словами, выражающими образ сравнения, не приводит к изменению внутренней формы устойчивой компаративной единицы в целом. Покажем это на примере вариантов *как (словно, точно) новый гривенник* и *как (словно, точно) новый двугривенный* («Сиять. Выражением лица, всем поведением и видом обнаруживать благодушно-приподнятое, радостное настроение»). По сведениям Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, *гривенник* – «монета или сумма в 10 копеек», то есть очень мелкая медная монета [9]. Ср. у В.И. Даля: «гривенничать, торговать или купить по мелочи; скупо торговаться» [3]. *Двугривенный* – сумма немалого более значительная, поэтому существительное *гривенник* и субстантивированное прилагательное *двугривенный* в функциональном отношении очень близки: в обоих случаях оказываются востребованными признаки «блестящий, сияющий» (новые монеты отличались красивым блеском) и «незначительный по ценности». С последним признаком может быть связан некоторый оттенок иронической экспрессии: *Толик видел, как после уроков пробежала вдоль коридора сначала Женька, а чуть позже – Цыпа, и вот он вернулся сияющий, словно новый гривенник.* (А. Лиханов. *Лабиринт*); *Григорий Афанасьевич смотрел на Нику и радовался. Наконец-то заметили девчонку! И не кто-нибудь, а ленинградец с умной головой и хорошим вкусом. Нинка-то! Вон как сияет, вон как – как новый двугривенный!* (С.П. Антонов.

Разноцветные камешки).

II. В рамках модели mVß (ß – компонент, грамматически зависящий от слова, выражающего образ сравнения В и семантически ограничивающий его):

а) Вариант 1. «Как (словно, точно) + сущ. в им.п. + прилагательное или причастие» / **Вариант 2.** «Как (словно, точно + сущ. в им.п. + другое прилагательное или причастие».

В этом случае варьируется слово, согласующееся с существительным – компонентом **В** устойчивого сравнения: как *затравленный волк* – как *загнанный волк*; как *львиная грива* – как *лошадиная грива* – как *конская грива*; как *водовозная* кляча – как *старая* / *загнанная* / *измученная* / *разбитая* кляча; как *сонная муха* – как *осенняя муха*; как *новый пятак* – как *медный пятак*; как *крысиный хвост* [хвостик] – как *мышинный хвост* [хвостик]; как *огородное* чучело – как *гороховое* чучело.

Такое варьирование довольно частотно; оно отражает общую языковую тенденцию к дальнейшему уточнению признака, ко всё более высокой степени его индивидуализации.

Варьирующиеся в рамках одной конструкции причастия, не всегда являясь синонимами в строгом смысле этого слова, в составе УС выступают именно как функциональные синонимы. Так, причастия *затравленный* и *загнанный* действительно отражают синонимию производных глаголов. Ср.: *гнать* <...> 1. кого-что. Заставлять двигаться в каком-л. направлении. Г. Стадо. Г. Зверя (преследовать, охотясь); *травить* <...> 4. кого (что). На псовой охоте: преследовать. Т.зайца³. В словаре синонимов под ред. А.П. Евгеньевой «травля» и «гон» («гоньба») даны как синонимы: *травля* (преследование зверя или птицы на охоте, обычно с собаками или ловчими птицами). Травля волка, ГОН. Определив направление гона, [мы] вышли на собачий след (Арамилев), ГОНЬБА³. [12]. Синонимия варьирующихся компонентов определяет общность образного представления, лежащего в основе актуального компаративного значения устойчивого сравнения: *Поезд остановился. Через вагон прошёл кондуктор и увидел косаря. – Ты не сошёл? – изумился кондуктор. Косарь поднялся. – Да куда же я пойду? У меня ноги большие! – ожесточённо воскликнул он, глядя на кондуктора как затравленный волк.* (В.В.Вересаев. В степи); *Обессиленный Маковеев остановился на перекрёстке улиц и, словно загнанный волк, стал озираться по сторонам. Кругом было пусто.* (Н.П.Лохматов. Листопад). Однако если УС с вариантом «затравленный» чаще употребляется со словами-сопроводителями «смотреть», «глядеть» либо вовсе без них, образно выражая внешний вид человека, прежде всего его взгляд, выражение глаз, низко опущенную голову, то УС с вариантом «загнанный», употребляющиеся в основном со словами-сопроводителями «мчаться», «озираться», «рыскать», «метаться», обычно рисуют более динамичную картину: *Ему никто не верил, и он чувствовал это, с ужасом видел, что с каждым словом*

все больше и больше выдает себя, и метался из стороны в сторону, как загнанный волк. (М. П. Арцыбашев. Старая история // ruscorpora.ru)

Варианты «лошадиный» и «конский», несомненно, тоже синонимы (синонимичны их производящие *лошадь* и *конь*); несинонимический вариант «львиный» выступает как функциональный синоним (лексический вариант) в ситуациях, когда надо передать впечатление о густых и длинных волосах человека (такие признаки, как форма, цвет и проч. в подобных ситуациях нейтрализуются). Вместе с тем вариант «львиная» предпочтителен в случаях, когда надо выразить общее впечатление о поведении, а также о крупной фигуре, осанке человека – царственной, величественной, солидной, внушительной. Именно эти семы реализуются в контекстах: *Оскар Осипович необыкновенно внушитель.* *Лицо матово-бледное, осанка могучая, львиная.* *Иссиня-чёрные волосы лежат вокруг его головы точно грива.* (К.И. Чуковский. Современники); *Я знал, как этот спокойный богатырь [А. Рубинштейн] мог загораться за роялем или за дирижёрским пультом; как иногда вздымались его длинные волосы и закрывали половину его лица, точно львиная грива* (К.С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве); *Все в городе знали старого громадного еврея с длинными всколоченными, как львиная грива, волосами, с бородой, которая от старости была желта, как слоновая кость* (Н.Г. Гарин-Михайловский. Гений). В этих случаях несколько сниженный вариант *как лошадиная грива* был бы стилистически неуместен, ибо он несовместим с остальными признаками персонажей, подвергающихся образной характеристике. УС с лексическими вариантами «лошадиная» и «конская» максимально сближаются в своей функции образного описания густых, жестких и при этом длинных волос, причем доминирует именно последний признак: *Волосы у него были... как лошадиная грива, и он спокойно мог, мотнув головой, закинуть их назад* (В.Г. Семёнов. На дворе трава); *Он взмахнул копной черных, как смоль, длинных, как конская грива, волос и сверкнул очень красивыми глазами.* (Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ // ruscorpora.ru)

Варианты «водовозная», «старая», «загнанная», «замученная», «разбитая» (кляча) объединяет общая функция: это интенсификаторы признака «плохая», которые в сочетании с оценочным, коннотированным значением существительного *кляча* 'разг., пренебр. Плохая (обычно старая) лошадь' рисуют образ предельно измученного, уставшего, изнурённого физически (а возможно, и морально) человека. Каждый лексический вариант выражает тот или иной аспект этого образа: тяжесть выполняемой работы (*водовозная*), возраст (*старая*), подневольный характер труда и безжалостность эксплуатации (*ломовая, загнанная*), субъективное чувство страдания и сострадания (*измученная*), физическая неполноценность или болезнь (*разбитая*).

При этом варианты «загнанная», «ломовая» и «водовозная» употребляются в основном в первом значении устойчивого сравнения с образом «кляча»: *1. Работать, трудиться – очень много, без отдыха,*

3 Толкования лексических значений здесь и далее приводятся по словарю: [Ожегов, Шведова 1997].

с чрезмерным напряжением, до изнеможения? Я получаю, Степан Александрович, в театре полтора ста рублей, на своих туалетах. И работаю, как водовозная кляча (А.Н. Толстой). Кукушкины слёзы); Оба спали три часа в сутки, остальное время работали без усталости, как ломовые загнанные клячи, и несли на спине своей тяжкую обузу ответственности (Д.В. Григорович. Рыбаки).

Употребление вариантов «старая, «измученная» и «разбитая» связано с характеристикой внешнего вида и физического состояния человека: '2. Быть, выглядеть, чувствовать себя предельно уставшим, измученным, изнурённым физически': Мы снова поднимаемся в гору. Гора отлогая, но высокая. Мы долго поднимаемся на неё. Или мне это только кажется. Я иду, как старая кляча, согнувшись, опустив голову. (П.Ф. Нилин. Жестокость); Мать ещё молодая, а сама с изрезанным морщинами лицом, как замученная кляча, – куча ребятишек на руках, за подол цепляются (А.С. Серафимович. Железный поток); – А вот что мы теперь с вами постарели... да ни на что не стали годны, как разбитые клячи... – вот это скорее сон, и сон самый безобразный (И.С. Тургенев. Затишье).

Варианты «сонная» и «осенняя» находятся друг с другом примерно в таких же семантических отношениях. Мухи осенью, как правило, летают медленно, часто сидят без движения, т.е. производят впечатление «сонных». Оба варианта служат образному выражению вялого, апатичного, медлительного в движениях и во всём поведении человека. Функциональная близость этих вариантов подтверждается многочисленными случаями употребления УС как «осенняя муха» со словом-сопроводителем «сонный», отражающим наиболее существенный признак-основание данной компаративной структуры: От двенадцати до четырёх часов полудни улицы кажутся вымершими; все двери закрыты, изредка, как сонная муха, проплетётся какой-нибудь сомалиец. (Н.С. Гумилев. Африканский дневник // ruscorpora.ru); Ни Магдалина, ни крестоносец со шпорами не появлялись, зато припелся сонный, как осенняя муха, хозяин в феске, неся на подносике оббитую чашечку кофе и облитую медом пахлаву. (Давид Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля / «Октябрь», 2001 // ruscorpora.ru); От этого он не высыпался и по целым дням ходил сонный, как осенняя муха. (Николай Носов. Веселая семейка // ruscorpora.ru)

Варианты «крысиный» и «мышинный» также функционально близки: крыса и мышь – животные одного семейства, грызуны, имеющие целый ряд общих внешних признаков: усы, острые зубы, длинный тонкий хвост, производящий, как правило, неблагоприятное эстетическое впечатление. Эта коннотация отчасти переносится и на УС с соответствующими вариативными компонентами **β**: как крысиный [мышинный] хвостик (о тонкой косе женщины, обычно девочки, реже – о волосах дьякона, попа): Последние остатки её [косы] исчезли уже давно; да и то это была коса столь мизерная, что

дьякон Ахилла иначе её не называл, как мышинный хвостик. (Н.С. Лесков. Божедомы // ruscorpora.ru); Чёрная широкополая поповская шляпа придавала ему [пону] вид какого-то гриба или Робинзона из детской книжки. Разница заключалась в тоненькой, как крысиный хвост, косице, вылезавшей из-под шляпы. (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб // ruscorpora.ru)

Наконец, варианты «гороховое» и «огородное» в УС как чучело огородное – как чучело гороховое также выражают с разных сторон один и тот же признак: 'нарядиться, вырядиться; напялить на себя (груб.-прост.), ходить в чём-л., быть одетым – бедно, старомодно, неряшливо или безвкусно'. Это единство актуального значения двух вариантов устойчивого сравнения и их отрицательной, насмешливо-иронической коннотации связаны с общностью образной основы: чучело – кукла наподобие человека, которую на Руси издревле ставили на огородах в качестве пугала (ср. вариант «огородное») и набивали травой, соломой, шелухой, стручками гороха (ср. вариант «гороховое»): – У ней [Фени] столько одних шелковых платьев, и все по-модному... Только у нас у одних в Белоглинском заводе и остались сарафаны. Ходим, как чучела гороховые (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Дикое счастье); Этих обряженных, как огородное чучело, дедов, торчащих у вахты среди сваленных мешков, перевязанных бечевками и тесемками сумок и торб, легко принять издали за тюки утиля. (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца // ruscorpora.ru).

Очень близки по своим функциям варианты «новый» и «медный» (УС как новый пятак / как медный пятак). Кстати, эта единица снабжена в Словаре устойчивых сравнений русского языка пометой «ирон.».

б) Вариант 1. «Как (словно, точно) + сущ. в им.п. + относительное (или притяжательное) прилагательное» / **Вариант 2.** «Как (словно, точно) + сущ. в им.п. + сущ. в род.п. с определительным значением»: как <сапожное> голенище – как [голенище сапога].

Перед нами случай своеобразной грамматической синонимии варьирующихся компонентов. Оба варианта лексически равноправны, они выражают один и тот же признак человеческого лица (кожи) – 'чёрный, тёмный (от природы, от грязи, от копоти или загара)'.

в) Вариант 1. «Как (словно, точно) + сущ. в им.п. + сущ. в косвенном падеже» / **Вариант 2.** «Как (словно, точно) + сущ. в им.п. + другое сущ. в том же падеже».

При этом типе варьирования мы вновь наблюдаем и сохранение образной основы УС, и общность актуального компаративного значения. Например, конструкции как кот на сале – как кот на масле содержат варьирующиеся компоненты хотя и не синонимичные, но чрезвычайно близкие по значению. Это представители одних и тех же лексико-семантических групп, а следовательно, слова, характеризующиеся общими ядерными семантическими признаками. Ср.: **масло 1.** 'Жировое вещество, приготовленное из веществ животного, растительного или минерального происхождения. 2. Такое вещество как пищевой продукт'; **сало 1.** 'Жировое отложение в теле животного; 2. Продукт из этого вещества'. Масло и

сало – жировые продукты (масло делается в том числе и из сала), чрезвычайно привлекательные для котов.

Подобные же отношения наблюдаем между вариантами *как собака на коду* – *как собака на сук*: **Кол** 1. ‘Толстая заострённая палка <...>; **сук** ‘1. Крупный боковой отросток от ствола дерева’. И «кол», и «сук» – нечто заострённое и потому причиняющее неудобства, боль, являющееся досадной помехой.

г) Вариант 1. «Как (словно, точно) + субстантивированное причастие + сущ. в косв. п. (**β**)» / **Вариант 2.** «Как (словно, точно) + субстантивированное причастие + другое существительное в косв.п. (**β**) либо оба этих существительных, связанных сочинительной связью»: *как (словно, точно) связанный по рукам* – *как (словно, точно) связанный по ногам* – *как (словно, точно) связанный по рукам и ногам*. Два первых варианта не тождественны, но функционально равноценны: человек будет выглядеть внешне неловким, неуклюжим, его движения будут скованными, если его свяжут «по рукам» или «по ногам»; выбор того или иного варианта определяется речевой ситуацией. Третий из приведённых вариантов выражает более высокую степень интенсивности отмеченных выше признаков.

В рамках модели тв:

Такой лексический вариант в нашем материале только один: *как у мертвеца* – *как у мёртвого* (с существительным и синонимичным ему субстантивированным прилагательным). Эти варианты ввиду низкой степени фразеологизированности производного существительного «мертвец» балансируют на грани «лексический вариант» – «формально-грамматический вариант».

От случаев лексического варьирования нужно отличать **синонимию устойчивых сравнений** как важнейшее и наиболее яркое проявление их системной организации.

УС-синонимы – это компаративные структуры, характеризующиеся 1) единством понятия, которое обнаруживается в совпадении элемента **С** (основания сравнения) при разных элементах **В** (образах сравнения): **черный** как жук, **черный** как сажка, **черный** как смоль, **черный** как вакса, **черный** как деготь; 2) единством предметной соотнесенности, которое проявляется в совпадении элемента **А** (объекта приложения сравнения). Так, например, не являются синонимами устойчивые обороты (*маленький*) **как пуговица** и (*маленький*) **как игрушечный**, так как первое сравнение характеризует маленький и округло-курносый нос человека (чаще ребёнка), а второе – миниатюрный предмет, наблюдаемый с большого расстояния или на фоне предметов большего размера. Напротив, вполне можно считать синонимичными сравнения *красный* (*покраснеть*) **как бурлак, как вишня, как заря, как кирпич, как клюква, как кумач, как мак, как морковь, как пион, как помидор, как рак, как свекла, как маков цвет**, поскольку

все они используются для характеристики лица человека, покрасневшего от волнения, испуга, смущения и т.д.

Основное отличие синонимии устойчивых сравнений от их вариантности состоит в следующем. УС-синонимы – это **разные**, то есть семантически не совпадающие, хотя и близкие компаративные единицы разных моделей; они всегда отличаются друг от друга не только в структурном плане, но и в аспекте их внутренней формы, что приводит, в свою очередь, к более глубоким различиям в актуальной компаративной семантике. Варианты устойчивого сравнения – это «изменения «внутри модели, не превращающие её в иную модель». [14, с. 18] Иными словами, любые варианты устойчивого сравнения, в том числе лексические – это такие проявления его структурно-семантической динамики, при которых воспроизводимая компаративная единица языка остаётся тождественной сама себе.

Таким образом, лексическое варьирование компонентного состава устойчивого сравнения представляет собой сложное, многоплановое проявление их структуры и семантики. Специфика его проявления в значительной мере определяется моделью УС. Устойчивая компаративная единица, как правило, имеет **два** лексических варианта, однако возможны и целые ряды варьирующихся компонентов.

Лексическое варьирование затрагивает образное ядро компаративной конструкции – образ **В** и грамматически зависящее от него слово (компонент **β**). Лексические варианты могут представлять собой слова или синтаксически неделимые сочетания слов; они могут находиться друг с другом в отношениях лексической (реже грамматической) синонимии или не быть синонимами, являться представителями одной лексико-семантической группы или принадлежать к разным группам; они могут быть не связаны эпидигматическими отношениями, но могут быть и представителями одного словообразовательного гнезда. Однако во всех случаях налицо функциональная близость вариантов, которая определяется единством образной основы и сохранением устойчивых компаративных отношений между признаком-основанием сравнения и объектом его приложения.

Вместе с тем между лексическими вариантами имеют место тонкие семантико-стилистические различия, которые определяют стремление говорящих к более или менее осознанному выбору одного из вариантов, наиболее соответствующего речевой ситуации и целям общения.

Каждая из рассмотренных нами разновидностей лексического варьирования устойчивых компаративных структур, так же как и явление синонимии в системе УС, заслуживают глубокого специального исследования в функционально-прагматическом аспекте.

Библиографический список

1. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1984. 315 с.
2. *Гак В.Г.* Фразеологическая трансформаторика и проблема фразеологии (на материале русской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск, 1987. С.60–64.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
4. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
5. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 207 с.
6. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 280 с.
7. *Николаева Е.К.* Вариантность устойчивых сравнений в теории и лексикографической практике // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009. С. 713–717.
8. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: Русские словари, АСТ, Астрель, 2001. 800 с.
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
10. *Сидоренко М.И.* К вопросу о границах лексического состава фразеологических единиц // Проблемы фразеологии (Исследования и материалы). Под ред. А.М.Бабкина. М.: Наука, 1964. С.126–131.
11. Словарь русского языка. В 4-х тт. / АН СССР, ин-т русского языка. Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.
12. Словарь синонимов. Под ред. А.П.Евгеньевой. Ленинград, «Наука», 1975.
13. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. Изд.2. М.: Высшая школа, 1969. 230 с.
14. *Шендельс Е.И.* Синтаксические варианты // Научные доклады высшей школы/ Филологические науки, 1962. №1. С.8–18.
15. Национальный корпус русского языка // ruscorpora.ru

References

1. *Arkhangelsky V.L.* Stable phrases in modern Russian. Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov University Press, 1984. 315 p.
 2. *Gac V.G.* Phraseological transformatory and the problem of phraseography (on the material of Russian idiomatic) // Idiom and its lexicographic development. Minsk, 1987. Pp. 60–64.
 3. *Dal' V.I.* Explanatory Dictionary of the Russian language. In 4 vols. M.: State Publishing House of foreign and national dictionaries, 1955.
 4. *Zhukov V.P.* Russian phraseology. M.: High School, 1986. 310 p.
 5. *Mokienko V.M.* Slavic phraseology. M.: High School, 1989/ 207 p.
 6. *Molotcov A.I.* Fundamentals of Russian phraseology. L.: Nauka, 1977. 280 p.
 7. *Nikolaeva E.K.* Variability of stable comparisons in theory and lexicographic practice // Problems of history, Philology and culture. Moscow – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2009. Pp. 713-717.
 8. *Ogoltsev V.M.* Dictionary stable comparisons of the Russian language (synonyms-antonymic). M.: Russian dictionaries, AST, Astrel, 2001. 800 p.
 9. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1997.
 10. *Sidorenko M. I.* To the question of the boundaries of the lexical structure of phraseological units // Problems of phraseology (Studies and materials) / Under the editorship of A. M. Gorky. M.: Nauka, 1964. Pp. 126-131.
 11. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. / Academy of Sciences of USSR, Institute of Russian language / Edited by A.P. Evgeneva. M.: Russian language, 1981.
 12. Synonyms dictionary / Ed. A.P.Evgenevov. Leningrad, “ Nauka”, 1975.
 13. *Shansky N. M.* Phraseology of modern Russian language. Izd.2. M.: High School, 1969. 230 p.
 14. *Sandals E.I.* Syntactic options // Scientific reports of higher school/ Philological Sciences, 1962. № 1. Pp. 8-18.
 15. Russian National Corpus // ruscorpora.ru
-
-

185-летию со дня рождения Н.С. Лескова посвящается

Л.М. ПЕТРОВА

кандидат филологических наук, профессор, кафедра истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет
E-mail: peludmila@yandex.ru

L.M. PETROVA

Candidate of Philology, Professor, Department of history of the Russian literature of the XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: peludmila@yandex.ru

ДУХОВНОЕ СТРАННИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ ЛЕСКОВА (РАССКАЗ «ПАВЛИН»)

SPIRITUAL WANDERING IN THE SYSTEM OF VALUES OF LESKOV'S COORDINATES («PEACOCK»)

В статье, утверждающей странничество как древнейший архетип русской словесности, национальной культуры, на материале рассказа «Павлин» рассматривается духовное странничество героя как особая лесковская аксиологическая парадигма искания Божьей правды, где «божеское» и «человеческое» выступают как художественно-смысловые координаты понимания писателем русского человека, верившим в победу «божеского», духовно-нравственного в человеке.

Ключевые слова: павлин, странничество, ценностные координаты, духовная эволюция, рационалист, титан духа.

The article, claiming wandering as the ancient archetype of Russian literature, national culture considers on the material of the story “Peacock” the spiritual wandering hero as a special Leskov’s axiological paradigm, as the search for God’s truth, where “divine” and “human” are as artistic and conceptual coordinates of understanding by the writer of the Russian people, who believed in the victory of the “divine”, moral and spiritual in man.

Keywords: peacock, wandering, value coordinates, spiritual evolution, rationalists, titanium spirit.

За суетным мельканием материального «разнотравья» сегодня очень важно нам не забыть тех высоких идей и ценностей, которые всегда отличали русскую словесность, да и человека: ведь недаром говорят: «Человек стоит ногами на земле, а руки простирает к небу».

В этой связи обращение к Лескову весьма злободневно: в наследии этого большого мастера слова есть сокровенная сердцевина – внимание к вопросам нравственности.

Моралист с «религиозным наклоном», Лесков всю свою жизнь посвятил изучению человека, стремясь постичь величие и слабость, веру и сомнения, борьбу добра и зла в его душе. Исследователи творчества писателя (О. Анкудинова, И. Столярова, Г. Курляндская, Н.Н. Старыгина, А. Горелов, Г. Косых, Б.С. Дыханова, Е.В. Тюхова и другие) давно отметили связь философско-религиозных взглядов писателя с темой «праведничества», связанной с идейными исканиями писателя.

Отметим, странничество – типичное явление русской жизни: ведь Россия, считал Н.А. Бердяев, страна странничества и искания Божьей правды. Странничество выступает и как древнейший архетип нашей словесной культуры.

Уже в фольклоре мотив странствий предстаёт как парадигма архаического сознания, в котором реализуется «хронотоп чудесного мира», восходящий к библей-

скому дискурсу, в котором сакральное пространство новозаветного рассказа о земном пути Спасителя вмещает в себя множество путей, но только один – путь Господа и его верных последователей – оказывается хотя и трагическим, но единственно спасительным – это то, что Бог предполагает реализовать в человеке.

Древнерусский дискурс перенимает опыт первых христиан-странников, подражающих Христу, сказавшему: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» [Мф., 8:20] – и учившему «Не собирайте себе сокровищ на земле...», «но собирайте себе сокровища на небе...» [Мф., 6:19-20], «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» [Мф.6:33].

Русская культура обладает специфическим, весьма значимым «опытом» странничества как особой феноменологии, как ментального свойства русской души, стремящейся к бесконечным исканиям. Этот опыт, исток которого, на мой взгляд, в «Хожения игумена Даниила» и «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, нашёл свое выражение и в национальной философской (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, Н.С. Трубецкой, Л.И. Шестов и многие другие) и литературной традициях, что проявилось в творчестве всех крупных русских художников слова.

Например, у С. Пушкина мотив странствования связан с темой пророчества и изгнания, поисков и

обретения нетленных духовных ценностей, достаточно вспомнить образ Поэта, кавказского пленника, Евгения Онегина, Странника в одноименном произведении.

К этому мотиву обращался и Гоголь. В организации сюжета поэмы «Мертвые души» мотив странствий главного героя приобретает сюжетную аксиологическую смысловую функцию, «путешествие» Чичикова трансформируется в многофункциональный символический образ дороги: в финале мчится тройка-птица, чаемая автором по пути духовного, православного возрождения России.

Этот мотив оказался созвучен, органически близок и Лескову. Более того, он отразил характерную особенность его собственной биографии: Лесков не раз вспоминал о том, что он «с возка и с барки повидал всю Русь», «изъездил Россию в самых разнообразных направлениях». Годы скитаний и странствий дали Лескову огромный материал наблюдений, выразившийся в образах, которые питали творчество писателя в течение всей его жизни.

Это было время, когда существовали разнонаправленные философские учения, когда широкое развитие получили такие движения, как революционно-демократическое и нигилистическое, когда «желательны были люди стереотипного издания» (Лесков), когда предпринималась попытка изменить систему ценностных координат, которая была исконной для русской культуры: и это были ценности прежде всего духовные – религиозно-православные. Ценностная иерархия, как известно, в христианстве христоцентрична – это учение об Иисусе Христе как «мере всех вещей» (арх. Софроний Сахаров), поэтому в модели взаимоотношений человека, общества и культуры акцент смещён на нравственный императив, который гармонизирует все отношения.

Лесков категорически не принял идеи отрицания, скептицизма и разрушения, противопоставив им христианское понимание мира и человека. Духовную опору писатель нашёл в образах праведников, богатырей духа, демонстрирующих «труженичество во Христе» (В.Н. Топоров).

В странничестве Лескову важно, прежде всего, покаяние как воплощение религиозных заповедей, как поиск правды и благодати, как национально-ментальная черта русского человека. Через мотив странствия писатель выразил своё миропонимание. Он, по словам М. Горького, создал для России иконостас ее святых и праведников. И это не случайно: писатель-христианин остро чувствовал атмосферу своего времени, видел духовный раскол в общественном сознании, кризис веры. Создавая цикл о «русских антиках», в предисловии к первому из этих рассказов («Однодум», 1879), автор объяснил их появление. После разговора с «одним большим писателем» (это был А.Ф. Писемский), каждый раз «умиравшим» от «встречи» с жизненными и человеческими «мерзостями», Лесковым овладело «лютое беспокойство»: «Если без трёх праведных, по народному верованию, не стоит ни один город, – думал я, – то как

же устоять целой земле с одною дрянью, которая живет в моей и в твоей душе, мой читатель?... и пошёл я искать праведных <...> но куда я ни обращался, <...> все отвечали мне в том роде, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей и тот и другой знавали. Я и стал это записывать»¹.

Такие произведения, как «Однодум». «Кадетский монастырь», воспроизводят построение идеального образа иерархической модели мира и её разрушение; трагический конфликт между двумя ценностными координатами: служба-устав и христовы заповеди – дан в рассказах «Человек на часах» и «Фигура»; рассказы «Несмертельный Голован», «Очарованный странник», «На краю света», «Некрещеный поп» и многие другие отражают представления Лескова о концептуальных категориях христианской системы ценностей, а так как христианское миропонимание Лескова включает в себя идею божественного происхождения мира и человека, писатель пытается найти духовную опору в личности человека, который «творит» в самом себе образ Божий.

В этом контексте и рассматривается лесковский рассказ «Павлин».

Герой рассказа – «гордец по религии» – не совсем типичен в серии лесковских праведников, к которым относились слова писателя: «Тут, видите, вера прирожденная, и живет она у человека по-домашнему, за пазушкой: вот он и с пророком побеседовал, и во «славу Божию» поел, и во имя той же «славы» спать пошел»².

Герой рассказа – Павлин Певунов – явно незаурядная личность. Писатель не случайно даёт герою имя Павлин, заключающее в себе противоречивое единство. В христианстве павлин, с одной стороны, – символ вечной жизни, всеединства и взаимосвязанности, а с другой – символ гордыни и тщеславия.

Уже в начале рассказа Лесков окружает читателя как бы двойным пространством: это – реально видимое, связанное с повествователем и его спутниками и параллельно с ним существует другое, не увиденное ими, сакрализованное, священное пространство Валаама, с которым будет связана история судьбы Павлина.

Герой Лескова, рекомендуемый рассказчиком как замечательный человек, был крестьянином, «откупился на волно», «был обучен музыке», довольно начитанный, от природы чрезвычайно честный, с чувством собственного достоинства человек, служит швейцаром в одном из петербургских домов. Рационалистически мыслящий, он самоотверженно и педантично исполняет служебные обязанности. Это ведёт к сложным и глубоко трагическим обстоятельствам: Павлин оказывается на стороне алчной, безнравственной хозяйки-домовладелицы, которую, однако, «терпеть не мог и презирал», а ревностное исполнение должностных обязанностей порождали жестокость и деспотизм по отношению к жильцам дома,

1 Лесков Н.С. Собр.соч. В XI т. 1956-1958. Т.6. М.,1957. С.642. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием тома и страницы.

2 Лесков Н.С. Очерки и рассказы. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 166.

которых он регулярно обходил для сбора квартирной платы, «не достаивая...ни гнева, ни сожаления», чем невольно демонстрировал равнодушие к «мелким страданиям людей» [V:220].

Таким образом, уже в экспозиции образа героя, аттестованного, как «антика в пёстрой ливрее», зашифровывалась не только ёмкая формула структуры художественного образа – здесь таится и антиномия, ждущая своего взрыва, что и произошло в конце концов. По мере развития повествования бытовой конфликт сменяется противостоянием героя, переживающего глубокую внутреннюю драму, с апастасийным миром.

Нравственный императив поприща-службы, как учит Писание, выступая надёжным маяком для поступков человека перед лицом мирских соблазнов и искушений, казалось бы, должен уберечь и героя Лескова. Но Павлин не только самоотверженно исполняет свой служебный долг, он имеет своё *specto*, свою цель, согласно которым: «...всякий человек должен прежде всего *своей* долг исполнять...всякий о *своей* беде много *сам* виноват, а потворство к тому людей еще более располагает... надо помогать ему на ноги становиться и о *себе* вдаль основательно думать, чтобы мог от немилостивых людей *сам себя* оберегать» (V:238).

Нетрудно заметить, что при лексическо-семантической доминанте, как слово-понятие «сам», центром всех теоретических построений «гуманистической философии» Павлина выступает его эгоцентрическое Я.

Не принимая *specto* героя, Лесков подаёт своего героя в окружении двух «аксиологически противоположных ассоциативных ориентиров»³, явно неоднозначных: с одной стороны, герой напоминал «олимпийца Гёте», видящего только «общую гармонию» и не замечающего «мелких страданий людей», а с другой — ассоциация с птицей, дающей представление о важном, надменно-гордом, самодостаточном, надутым от собственной значимости человеке.

Ощущение своего совершенствования, победы над собой, подсказывает автор, легко могут вызвать самонадеянность и довольство собой, ведущие к развитию гордыни: Павлин, действительно, пишет Лесков, «был очень горд и важен не только с вида, но и по характеру – самоуважающему, твердому и даже надменному», а потому и не допускал «ни малейшего сближения с собою никого» [V:217]. Н.О. Лосский напоминает: «Надежной защитой против этой опасности может служить только проникнутость всего нашего существа пониманием следующей абсолютно достоверной истины: подлинное совершенное добро гармонически связано со всем миром и с Богом ...всякое достижение добра должно быть относимо не столько к себе, сколько к Богу, и быть мотивом для восхваления Его, а не себя»⁴.

Павлин делал «всё как должно, убеждённо полагая, что «а уже оно само непременно всё выйдет как следу-

ет на настоящую пользу» [V:249]. «Всякое достижение добра» героя: выкуп себя и родственников, помощь им по хозяйству, «окна у жильцов», выставяемые «для блага человечества», «себя не погубил» (хотя «многие женщины...к этому виды подавали»), разработанный в соответствии со своими взглядами план воспитания сиротки Любы – всё это «подвижничество» было следствием его *specto*, понимаемое автором как «духовная прелесть». В соответствии с православным вероучением – это форма лесты самому себе, самообман, гордыня. Самообольщение рождает такое возвышение человека, за которым стоит не просто грех гордыни, но почти обожение себя.

Лесков подчеркивает, что Павлин забывает одну из заповедей Евангелия (правда, он вспомнит о ней – об учительной лозе – но слишком поздно). Заповедь от Иоанна гласит: «Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Иоан. 15:5). Гордость же, по мнению отцов церкви, писания которых писатель знал хорошо, «есть отвержение Бога, бесовское изобретение...исчадие похвал...виновница падений...грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания» (Иоанн Лествичник. Лествица, или Скрижали Духовные. Слово 23.⁵

Не выстраданный грех гордыни порождает новые.

Гордость, эта «виновница падений, грехов хранилище», становится роковой ловушкой для героя, куда он попадёт, связав свою судьбу с воспитанием сиротки Любы, ставшей для Павлина искушением земными радостями и греха. Под искушением в молитве Господней, трактует библейская энциклопедия, «должно разуметь, такое стечение обстоятельств, в котором есть близкая опасность потерять веру или впасть в тяжкий грех. Искушение на людей приходит от плоти, от мира, от других людей или от дьявола»⁶. Не будучи способен «ни к какому коварству и предательству», не подозревая его в других, герой стал жертвой «прежестокости игры» своей безнравственной, расчетливо-жестокой, своекорыстной хозяйки дома, ловко сыгравшей на тщеславии юной воспитанницы Павлина, мечтавшей «перенестись из швейцарской в бельэтаж». Для этого Любе надо выйти замуж за своего благодетеля. Нежная же привязанность героя к сиротке с годами переросла в состояние, обозначенное Лесковым так – «Павлин...был жестоко влюблен». А после того, как генеральша «прямо открыла перед ним двери рая, – с горькой иронией пишет Лесков, – у пятидесятилетнего Павлина «закружилась голова, он позабыл все доводы рассудка, заставлявшего его не мечтать о Любе», и к удивлению, сделался болтливым, хвастливым, «стал молодиться».

Павлин переживает испытание, в основании которого – земная, «тварная» любовь, сопряженная с желанием обрести «счастье себе и подругу». Любовь, вскружившая старику голову, трактуется как страсть жестокая,

⁵ <http://lib.pravmir.ru/library/book/937> [Дата обращения 27.02.2014]

⁶ Библейская энциклопедия: В 2- книгах. Кн.1. Репринтное воспроизведение издания. М., 1991. С.300.

³ Тюхова Е.В. Структура характера у Лескова и Достоевского// Творчество Н.С. Лескова. Курск, 1980 С.58.

⁴ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 175.

безумная, всёпоглощающая; это – любовь-сластолюбие. Отдавшись безоглядно любви, Павлин, «что называется, ослеп и осуетился» [V:252]. Он, ранее имевший презрение к тщеславию, стеснялся теперь тем, что Люба «родовая барышня, а он лакей». Строгий к другим, он не мог повлиять на своеволие сначала своей хорошенькой юной воспитанницы, а потом – жены, напротив, ему нравилось служить Любе и «во всём полагать ей». Жизнь и судьба оказались в опасности искушения суетным, а потому расплата, беда были неминуемы: молодая женщина, презиравшая мужа «со всей жестокостью безнатурности» [V:244], искушаемая людьми недостойными, предалась греху блуда.

С этого момента конфликт «видимый» (конфликт героя с жильцами дома) переходит в «невидимый», связанный с душевными муками Павлина, рассказ о которых весьма важен и значим для раскрытия позиции автора, его аксиологических координат.

Дом Анны Львовны, аттестованный рассказчиком как «дом страшный», предстаёт своеобразной микро-моделью мира, в котором после трагических событий ясно обозначаются два противостоящие друг другу пространства: видимое (как сейчас принято называть) феноменальное и невидимое (ноуменальное) пространства. Ноуменальное пространство (от греч. *Noúmenon* как нечто иррациональное) – это невещественный мир, духовный мир, связанный, с симпатичным автору героем. Это мир душевных страданий Павлина, его выбора, искушения, раскаяния, воскрешения духа на пути Богопознания. Феноменальное пространство здесь – это повседневная реальность, окружающая героев жизнь со всеми её сторонами и поступками. Феноминальное пространство – это главным образом, общество «немиловидных людей». Как хронотоп-символ петербургского света, «бельэтажа» – это мир зла и бездуховности, лжи и стяжательства, корысти и предательства, нравственной распушенности. Это несправедливый мир предстаёт в аксиологически отрицаемом аспекте. Но в этом феноменальном пространстве есть пространство и нашего героя: его комната, «очень маленькая, но преопрятная и уютная», описание которой глазами рассказчика прибавляет положительную черту к Павлину. Постоянно закрытая на ключ и недостижимая ни для кого, она демонстрирует не только изолированность героя от пространства дома генеральши, самостоятельность и независимость, но и закрытость, обережение своего внутреннего мира: ведь Павлин не имел ни со средой, ни со служащими дома «ничего общего ни по уму, ни по характеру». «Клетка»-комната (как Лесков называет комнату героя) как хронотоп концептуально содержателен: за ним скрывается не только «гордец по религии, но и человек, лишенный подлинной свободы. Эта маленькая комната потенциально таит в себе «священный», отличный от бельэтажа аскетический мир героя. Т.о. хронотоп в произведении включает в себя ценностный момент. И в соответствии с лесковской моделью мира в рассказе обозначается оппозиция двух миров-пространств: несправедливого и праведного – маркирующихся на основе христианской этики.

Человек, по Лескову, говоря современным философским языком, одновременно принадлежит и феноменальному пространству, и ноуменальному, заключающему в себе сакральный мир, являющийся одним из ключевых понятий христианской космологии. Антропология Лескова включала христианское понимание человека как подобие Божие, понимание каждой личности как неповторимой и особенной, судьбы её как «путь креста», центром которого является нравственная жизнь, внутреннее преобразование личности, идеалом которой является Христос.

Писатель Лесков свято верит в духовное начало человека, глубочайшая суть которого «там, где его лучшие симпатии» [XI:523], как верит и в то, что человек наделён свободой нравственного выбора, той свободой воли, которая «есть наша ни от кого и ни от чего не зависящая способность самоопределения по отношению к добру и злу»⁷. И этот момент нравственного выбора соотносим с каждодневной жизнью человека. Лесков глубоко убеждён и в том, что ««Прямолинейных натур <...> нет в природе: живой человек гораздо сложнее и добро у него мешается со злом, его намерения часто не находят в соответствии с его поступками...»⁸.

Павлину «самоопределение по отношению к добру и злу» далось трудно. Трагедия, разразившаяся над ним и Любой, сразу представшей и неверной женой, и воровкой, и арестанткой, поразили героя. Находясь в состоянии сильнейшего возбуждения, он даже «опасался как бы не мог во гневе сделать чего не должного». Душевный кризис Павлина, который «был *восхищен* из самого себя, Лесков рисует как обнажение ноуменального мира в противоборстве его сил: тёмных и светлых, бездны и неба, Божеского и Дьявольского. Не случайно рассказчик состояние героя сравнивает с изображением эмблематической фигуры на «картинке Страшного суда» в Эрмитаже, на которой «одновременно виден вверх бог в его небесной славе, а вниз глубина преисподней с её мрачным господином и отвратительными чудовищами, которые терзают грешников» [V:262].

Лесков убеждён, человек сам творит добро или зло, праведное или неправедное, совершая свободный выбор. Герой Лескова оказался богатырём духа: он страдал мучительно, но «торжественно и благоговейно, заглянув в «бездну», устоял и «созерцал, откуда ниспал и куда ещё глубже того мог погрузиться и низвесть с собою другое существо (жену. – Л.П.), – и он принял всё над ним разразившееся, как вполне заслуженный удар учительной лозы...», демонстрируя при этом величие своей души, думая в большей степени о дальнейшей судьбе жены.

От православия идет представление об особой роли страдания, оказывающего огромное влияние на духовное развитие человека. Страдания внутренне очищают человека, разрушают чувство самодовольства и самодостаточности, убежденности в эгоцентрическом «Я».

⁷ Митрополит Филарет (Вознесенский). Христианских катехизис. Санкт-Петербург : Библиополис, 2006. С. 20.

⁸ Тухова Е.В. Структура характера у Лескова и Достоевского // Творчество Н.С.Лескова. Курск, 1980. С.42.

Павлин говорит рассказчику: «... господь явил свою милость: я внял, что я прах, что я весь образован из брения и что все вожди страстей могут орать и сеять на хребте моём: страсть, гордость, нечистота, и сластолюбие, и ревность, и...и...склонность к убийству...» [V:263]. Впервые Павлин Певунов пережил религиозное переживание духа, в котором, как писал С.Булгаков, «дано... непосредственное касание мирам иным, ощущение высшей, божественной реальности, дано чувство Бога... человек в себе и чрез себя обретает новый мир, пред которым трепещет от страха, радости, любви, стыда, покаяния»⁹. Все эти чувства сполна испытал, ощутил в себе лесковский герой, переживший «непосредственное опознание Бога и живой связи с ним», а ведь «опознание Бога» только тогда и возможно, когда почувствуешь свою слабость, беззащитность, ничтожность, греховность перед чем-то высоким и вечным, и раскаяние переполняет душу: «Простите меня, – обращается Павлин к юноше-рассказчику. – ...Я...сам я теперь ничьего прощения не стою, а ради Христа...во имя Христово...простите!.. Дух внутри...меня теснит...и...бьет в совесть и язык подвигает к гортани» [V:263]. После этого «он пошёл в церковь».

Своеобразие Павлина-человека до трагедии в том, что в своих поступках-действиях он руководствовался рациональным понятием пользы, жил рассудком, но судьба и сам герой меняются после встречи с сиротой Любой, которая «сделалась ему чрезвычайно жалка» [V:237], весьма значима деталь «сделалась жалка» – это первое, заявленное писателем, проявление сердечного порыва героя. После «рокового испытания» писатель «уводит» своего героя подальше от общества, от «немилостивых людей» с тем, чтобы дать герою возможность жить сердцем, когда душа чувствует и способна отличить добро и зло, истинное от ложного, свет от тьмы. Павлин, зная о любви жены к Доде, стремится соединить их. Инсценируя свою смерть, он вместе с Любой следует за ссыльным Додей, представ перед ним «не в злобе оскорбленного мужа, а в великой кротости смирившего себя христианина» [V:267]. Это душевное состояние героя может трактоваться как выход из «слепоты» и суетности, как высокая победа духа и обращает читателя к мудрым словам Христа: «Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет; а унижающий себя возвысится» (Лк. 14: 8-11).

Лесков использует удивительный приём в рассказе о судьбе Павлина, героя, пополняющего собой галерею праведников. Писатель обращается к сравнению Павлина и Доди (сына генеральши) в проявлении ими чувства к Любе, которое маркирует ценностные качества героев. Насколько Павлин в любви – человек верного, благородного и великого сердца, настолько низок и мелок Додя, чей образ снижается до комического. Если отношение Павлина к Любе определяется христианскими заповедями, определяющими положительную этическую ценность, то для Доди, живущего в пространстве

неправедного мира (да ещё в грехе блуда), понятия доброты, жалости, самоотвержения, великодушия теряют свою ценность. Отсюда рождается (ещё одна великолепная сторона мастерства Лескова) комизм и ирония в повествовании при изображении перевернутого наоборот, изнаночного мира и его представителей. Достаточно вспомнить несколько сцен, где каждая деталь чрезвычайно выразительна и точна: Додичку, который, видимо, у очередной любовницы украл драгоценности, но которые он «переадресовал» на счёт Любы, «бóрзая тройка, – пишет Лесков, – умчала в телеге...в сопровождении двух жандармов, имевших в сумке предписание отвести милого шалуна гораздо дальше, чем рассказывала утром Анна Львовна», которая в свою очередь «красноречиво распространялась на тему о злонравном товариществе» и отвратительнейшей женщине, которые погубили её Додю. Не менее выразительно смешно и обличительно описание встречи в гостинице одного из подорожных городов Спиридона Андросова (Павлина) с Додей, описание, в котором речь и восприятие рассказчика соединены с несобственно-прямой речью героя, пустого, легкомысленного повесы. Сидя в гостинице новоявленный á la Хлестаков успел «перемигнуться с какою-то соседкою из противоположного дома, – соседкою, лица которой он, к слову сказать, надлежащим образом не рассмотрел, потому что чуть она появилась у окна в комнате, снаружи, перед этим окном вдруг встал и начал протирать рукавом стекла высокий, лохматый седой старик с огромною бороною... И черт его знает, откуда он взялся? ...и вдруг это чучело вскакивает и ездит по стеклам своими лапами, точно нарочно для того, чтобы лишить доброго юношу возможности наслаждаться красотой соседки...», с которой он решил «разыграть... мимолётную интрижку». Досадно было только то, «что она все мелькала немножко слишком быстро, так что Додя никак не мог ее хорошо рассмотреть. Но зато это, конечно, еще более раздражило его любопытство, и он присел к окну с твердою решимостью не встать с места, прежде чем ее хорошенько увидит... Додя все сидел у окна и все дожидался, не покажется ли еще раз поянее в окне его интересное vis-a-vis... А кстати, где делся этот седой козел? Его что-то нет... Впрочем...не успел сидящий во тьме Додя о нем подумать, как ему послышалось, будто скрипнула дверь его номера, и когда он обернулся...перед ним стоял упомянутый козловатый старик» [V:272]. Это был «окосматевший Павлин».

Находясь в долговременном путешествии и ссылке, Додя извлёк свою выгоду, давая другим «почувствовать, что тут замешены каким-то боком деспотизм», преследующий его «за свободу мысли» [V:270]. «Суетная боязнь» разглашения истинной причины ссылки совершила «куркен-переверкен – Додя женился на «швейцарке». Рассказ о нём писатель завершает трагикомическим повествованием: Додя пьянствовал, играл в карты, «дёргал и передёргивал», был часто бит «и наконец, к великому своему, но едва ли сознаваемому им счастьем, совсем убит в драке», за неправильно взятый пятиалтынный с коню. Вот «цена» его жизни.

⁹ Булгаков Сергей. Свет не вечерний: созерцания и умозрения. М., 2001. С. 33.

Павлин же на протяжении всего этого времени ни на одно мгновение не смутил души Любы, чтобы различить её с Додей. Напротив, посвятив свою дальнейшую жизнь нравственному воскресению Любы, он писал ей «прекрасные письма», в которых весьма примечательна оговорка о том, что письма писаны «от грешного раба к сострадающей Любви». В них – сочувствие, сострадание и та любовь к ближнему, которые завещаны Христом как залог человеческого братства и единения. Письма носят характер посланий. Они не только свидетельствуют о преодолении с Божьей помощью терзавших героя искушений, они свидетельствуют о просветлении духа страждущего: Павлин познаёт закон Божьей милости, Его благосклонности, Его желания спасения любого заблудшего, любого искушаемого. Это знание даёт Павлину право помогать советами, ибо «он своё вынес, отстрадал и, быв искушен, сам теперь может помогать искушаемым». Примечательно, что послания эти говорили не только о необходимости смирения и терпения, через которые пролегает дорога к Богу. Они раскрывали, что есть радость и счастье: «Ибо царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе».¹⁰

Павлин делится с Любой теми радостными, прекрасными, возвышенными переживаниями, которые он переживал как Богоприсутствие. Только в таком контексте возможно понимание слов Павлина о том, что «она должна радоваться, если несчастна, и сам радуется». О таком переживании-ощущении, когда «есть одно вечное, неподвижное *днесь Ныне отпущаеши*, – пишет Н.О. Лосский: «Если человек устаивается этого опыта...он забывает всё и весь предаётся радостному прославлению Господа <...> Религиозный опыт, открывающий Бога...не только наполняет душу «радостью о Господе», но ещё и вызывает доверие к миру, сотворенному Им...уверенность в том, что мир способен воплощать в себе добро...»¹¹. Но главный пафос писем-посланий связан с чувством «неземной любви и при том любви самой заботливой и самоотреченной» – с торжеством любви Божественной. Уверенный в том, что «душа по природе христианка», Лесков прославлял и утверждал воскресение грешника.

¹⁰ Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов. М., 1995. С. 106.

¹¹ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С.318-319.
³Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2002. С.211. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2002. С.211.

По духу письма Павлина, о которых сказано, что это были «большие и прекрасные» письма, представлявшие редкий и превосходный образец простого, но глубокого философски-мистического умствования» «умного и могучего человека», соотносимы со многими библейскими откровениями, например, с первым посланием к Коринфянам: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не допустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы могли перенести»¹².

В библейском духе Павлин открывает Любе путь спасения через терпение, смирение, благоразумие и доброту. Ободряя, герой ссылается на пример из библии об искушении апостола Павла: «Не унывай: не нам слабым, а святому апостолу Павлу ангел сатаны был дан в плоть его, но он его победил, и ты победишь его силою» [V:277]. Заметим здесь, что лесковское представление о вселенной, соотносимое с христианской космологией, отсылает читателя к ноуменальному пространству, представленному двумя мирами: миром ангелов и Бога и миром Дьявола и падших ангелов зла. Наставляемая Павлином на путь праведный, Люба ушла в монастырь и стала «настоящим ангелом» «кротости и милосердия; о доброте её и всепрощающей христианской любви» не забыли и после смерти этой «чистой сердцем старицы с *выплаканными глазами*».

Жизненный путь Павлина, маркирующий разные аксиологические парадигмы, вообрал в себя несколько этапов духовного развития: вначале иллюзорная свобода и независимость, упование на себя, породившие гордыню и, как следствие, искушение суетным, красотой плоти, затем греховное падение, покаяние, смирение, Богопознание. Судьба Павлина – это путь духовного странничества: обретение подлинных ценностей, среди которых, прежде всего, любовь Христова, весь смысл которой в одном: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев.19:18).

На пути обретения практического православного благочестия Павлин, по словам Лескова, предстаёт «титаном и богатырём духа».

В конце рассказа опять возникает образ Валаама как образ-символ – особое, святое место, на котором грешники перерождаются, где открывается, по мысли автора, путь России к Богу.

¹² Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2002. С.211.

А.Р. ПОПОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра
русского языка, Орловский государственный универ-
ситет

E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

A.R. POPOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian
language, Orel State University

E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСЕМЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИСЕМАНТА РУКА)**

**REALIZATION OF THE CREATIVE POTENTIAL OF A LEXEME IN THE RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE
(ON THE EXAMPLE OF THE POLYSEMANTIC WORD AN ARM)**

В статье рассматривается воздействие векторов креативного потенциала – полисемии, словообразования и фразеобразования – на конкретную лексему. Результатом данного совокупного воздействия выступает формирование полисеманта рука с богатой, развёрнутой полисемией, а также сформировавшихся на его базе обширных словообразовательного и фразеологического гнезд, отличающихся специфическими структурными и семантическими особенностями.

Ключевые слова: лексическая единица, креативный потенциал, полисемия, словообразование, фразеобразование.

The article is devoted to the influence of the vectors of creative potential – polysemy, derivation and phrase-creation – on the definite word. The result of this cumulative influence is formation of polysemant an arm with its rich, vast polysemy and formed on its base large derivation and phrase-creation clusters, which are characterized by their structural and semantic features.

Keywords: lexical item, creative potential, polysemy, derivation, phrase-creation.

Лексема *рука* в современном русском языке находится в активной фазе своего «жизненного цикла» [3, с. 37] – фазе мощного и разностороннего развития, которое, по-видимому, будет продолжаться и в дальнейшем, поскольку как сама лексема-родитель, так и многие вторичные номинанты (производные лексемы различных степеней деривации, фразеологизмы со словом *рука* и его производными, отфразеологические лексемы) потенциально способны к дальнейшему развитию. Существительное *рука* характеризуется всеми экстралингвистическими, системно-языковыми и внутрисловными факторами [4, с. 37-45], обуславливающими реализацию его креативного потенциала.

I. Количественные характеристики лексико-фразеологического комплекса (ЛФК) с вершиной *рука* таковы: комплекс насчитывает 2603 минимальных единицы лексического/фразеологического уровня (то есть лексем-моносемантов и лексико-семантических вариантов (ЛСВ) полисемантов; фразеологизмов-моносемантов и фразео-семантических вариантов (ФСВ) полисемантов) в национальном языке.

II. В структурном плане комплекс относится к типу полностью реализованных. В нём наличествует каждое из потенциально возможных структурных единств: одноуровневые и двухуровневые, одновекторные, двух- и трехвекторные, отлексические и отфразеологические, одноступенчатые и содержащие несколько ступеней

производности/мотивированности [4, с. 127-147].

1. Лексическая часть данного ЛФК представлена: 1) прежде всего словом-вершиной, родоначальником комплекса; 2) единицами словообразовательного гнезда с вершиной *рука*; 3) отфразеологическими словами.

1.1. Заложённые в слове-вершине креативные возможности по-разному реализуются и получают дальнейшее переосмысление и развитие в многочисленных производных ЛСВ, поскольку лексема *рука* в своём первом значении «верхняя конечность человека...» обладает полным набором факторов, актуализирующих развитие полисемии. В *составе* лексемы-мегасеманта – 32 ЛСВ. Мегасемант реализован и в *структурном плане*, тип полисемии – радиально-цепочечная, максимальная длина «цепочки» – три звена.

В *семантическом плане* слово *рука* в национальном языке во всей совокупности своих значений покрывает обширную сферу действительности и отображает многообразные предметы, явления, лиц, абстрактные понятия, в той или иной мере, логически или ассоциативно, непосредственно или опосредованно соотносимые с органом тела – рукой. О высокой степени освоенности и востребованности данного слова говорит, кроме того, его функционирование как символа: как отмечалось выше, в некоторых ЛСВ закреплена его символическая функция – рука понимается как символ труда, деятельности, символ власти, символ согласия на брак.

В рамках богатого слова-полисеманта *рука* ЛСВ различаются и классифицируются по целому ряду свойств. Так, отмечаются прямые и производные номинативные значения, переносные значения (метафорические, метонимические), полимотивированные значения, значения со стёртой мотивацией. Представлены ЛСВ свободные и несвободные (конструктивно ограниченные), ЛСВ с полной и неполной морфологической парадигмой. ЛСВ различаются по степени новизны/устарелости, стилистической принадлежности, эмоциональной окраске. Полисемант *рука* различными значениями входит в *различные формы существования языка* (литературный язык, народные говоры и сфера жаргона, в том числе и профессионального) принадлежности определённой форме существования языка.

1.2. Распространение влияния слова *рука* на лексико-семантическую систему проявляется и в формировании *словообразовательного гнезда* (СГ), насчитывающего 1160 минимальных единиц лексического уровня. Наличие полисемии – источник богатейших словообразовательных возможностей для данной лексемы, поскольку различные значения слова «вступают в различные словообразовательные ряды» [10, с. 93]. Слово *рука*, выступая объединяющим началом для множества производных слов, имеет в СГ статус семантического центра и «создает возможность параллельного образования нескольких частных словообразовательных гнезд» [8, с. 230].

СГ имеет сложную *структуру*, прежде всего состоящую в глобальном, исходном членении его на частные гнёзда, явно не совпадающие по объёму ввиду несходства для каждого ЛСВ рассмотренных факторов словообразовательной активности. Так, в рамках общего СГ существуют как огромные частные гнёзда (свыше 300 единиц) – с вершинными ЛСВ 1 и 2 «верхняя конечность человека...» и «верхняя конечность человека как орудие труда, деятельности», так и СГ нулевые, при словообразовательно бесплодных ЛСВ.

В целом СГ с вершиной *рука* представлено пятью ступенями деривации. При этом словообразование наиболее активно, наиболее значимо количественно и разнообразно в семантическом аспекте на первой ступени. Так, наблюдается явное доминирование словообразовательной активности у некоторых дериватов первой ступени, которые образуют значительные по объёму «вторичные» гнёзда: например, крайне продуктивны единицы *рука́в, руководи́ть, рукопаи́нный, ручно́й* [5].

Составляющие СГ с вершиной *рука* образованы различными способами, богатство которых бесспорно – особенно на первой ступени деривации. В целом, преобладают морфемные способы словообразования: практически все разновидности аффиксации; распространено сложение основ/слов (в том числе и с участием аффиксов). Случаи аббревиации единичны; в незначительной степени представлен лексико-грамматический способ (среди его разновидностей наиболее регулярно прослеживается субстантивация); лексемы, образованные лексико-синтаксическим способом, отсутствуют;

что же касается способа лексико-семантического, то его действие выводит слово-омоним за пределы СГ.

СГ является ценным в *плане семантическом*. Его единицы заключают в себе информацию о номинации огромного круга предметов и явлений посредством сопоставления их с реалией, обозначаемой словом *рука* в том или ином значении: многочисленные дериваты так или иначе обозначают предмет как «нечто, связанное с рукой». Многие из данных единиц семантически многоплановы, развивают полисемию, а некоторые – и мегасемию, насчитывая свыше 15 значений [5], что способствует распространению сем, содержащихся в значении исходного слова, на номинацию всё новых и новых объектов. В семантике производных воспроизведены: сама рука – часть тела человека/живого существа; предметы – в основном, артефакты (детали быта, одежда, инструменты и мн. др.), по тому или иному признаку соотносимые с рукой; человек с его физическими, психическими, социальными и другими характеристиками, меры длины, абстрактные понятия и т.д. Предметная сфера, покрываемая единицами исследуемого СГ, необычайно широка и многообразна.

В СГ с вершиной *рука* активно реализуются *парадигматические отношения*: синонимические, антонимические, отношения «часть – целое» – но для однокорневых лексем такие отношения возможны лишь в пределах одного частного СГ (естественно, достаточного богатого и разветвленного), восходящего к какому-либо ЛСВ полисеманта *рука*. Например, в пределах частного СГ с вершинным ЛСВ1 слова *рука* существует множество однокорневых синонимичных наименований самой руки, наименований и характеристик человека по той или иной особенности рук, наименований многообразных предметов, применение которых связано с руками, и др. Антонимические отношения распространены в меньшей степени, поскольку многие лексемы в принципе не предполагают противопоставления по какому-либо признаку ввиду отсутствия такового (и в логическом, и в ассоциативном плане): очевидно, что конкретно-предметная лексика, каковая и составляет наибольшую часть в общем СГ, как правило, не вступает в отношения антонимии. Антонимические ряды существуют лишь в рамках частного СГ с вершинным ЛСВ2 слова *рука* при противопоставлении умелого и трудолюбивого/неумелого и ленивого человека. Отдельные немногочисленные антонимические пары («производящее – производное с префиксом *не-*») встречаются в рамках частного СГ с вершинным ЛСВ1 (*вруче́ние – невруче́ние*) и с вершинным ЛСВ2 (*рукотво́рный – нерукотво́рный*).

СГ с вершиной *рука* входит своими единицами в разные *формы существования языка*: сферу литературного языка, народных говоров, жаргона, аргю, сферу профессиональной лексики. Однако наибольший «удельный вес» – 69,8% – в нём имеет лексика диалектная [4, с. 457]. В СГ много фонетических, словообразовательных, лексических и семантических диалектизмов, что свидетельствует о высокой степени освоенности

данной реалии – руки – диалектоносителями: и как предмета с рядом характерных внешних признаков, и как сложного целого, членимого на части, и как источника сравнений и ассоциаций. «Диалектная лексика обладает мотивационным потенциалом, позволяющим раскрыть сложные смысловые связи между лексико-семантическими вариантами одного слова; а также семантические и структурные связи слов, обозначающих предметы (в широком понимании), которые относятся к разным денотативным сферам» [7, с. 7]. Многие диалектные лексемы называют этнографически ценные предметы, не имея в литературном языке эквивалентов. Кроме того, диалектные единицы значительно дополняют в семантическом плане единицы литературные, а нередко и образуют семантические группы и подгруппы, не имеющие аналогов в литературном языке.

Удельный вес жаргонной и арготической лексики относительно невелик, хотя социально ограниченные ЛЕ, безусловно, имеют место; такая частная, внутрисловная диспропорция объясняется диспропорцией внутри словарного состава национального языка, где в силу объективных причин преобладает литературная и диалектная лексика.

В обширном СГ с вершиной *рука* и даже в рамках некоторых его частных гнезд существуют лексические единицы, различающиеся с точки зрения новизны/устарелости, стилистической принадлежности, эмоциональной окрашенности.

В плане частеречной принадлежности среди единиц СГ в целом преобладают существительные; распространены прилагательные и глаголы; в меньшей степени представлены наречия, слова категории состояния, единичны междометия и предлоги.

1.3. Отфраземная лексика в своём объёме значительно уступает многочисленным производным от слова *рука*, входящим в словообразовательное гнездо. Доминирование в лексической части единиц СГ над отфраземными дериватами объясняется тем, что отлексемное словообразование более продуктивно и более систематизировано, нежели словообразование отфраземное.

Тем не менее, *состав* отфраземных слов довольно богат (46 минимальных единиц лексического уровня), хотя, конечно, он значительно уступает составу СГ с вершиной *рука*.

В целом, во фразеологической составляющей ЛФК отфраземное словообразование распространено в невысокой степени как среди ФЕ с самим компонентом *рука*, так и среди ФЕ с компонентами – его дериватами различных ступеней. Словообразовательная активность ФЕ невелика, общий состав каждого из ФДГ не превышает десяти лексических единиц. Из 909 ФЕ, содержащих в качестве компонента вершинное слово *рука*, словообразовательные возможности реализуются лишь у 9; среди ФЕ с компонентами – производными этого слова таковыми возможностями обладают всего две, держащие компоненты *ручка* и *рукав*.

Как известно, в русском языке имеют место два основных способа отфраземного словообразования:

вычленение из ФЕ компонента в качестве лексемы с преобразованным значением и образование лексемы на базе ФЕ в соответствии со словообразовательными закономерностями. Важной особенностью отфраземного образования в исследуемом ЛФК является то, что в его пределах обнаруживает себя лишь второй способ: все отфраземные лексемы образованы путем формального задействия обоих компонентов, составляющих ФЕ (или вариант ФЕ). Так, большинство лексем представляют собой сложные слова: *рукобъятие*, *рукавспуствие*, *своеручный* и др. Меньшую часть отфразеологической лексики составляют простые слова, и это вполне объяснимо при возникновении их на базе микроидиом, однако и в данном случае в словообразовании формально принимают участие оба компонента: *с руки* – *сручный*, *с рук* – *сручник* и др.

2. Фразеологическая часть ЛФК с вершиной *рука* представлена: 1) совокупностью фразеологизмов с компонентом *рука*, составляющих фразеологическое гнездо (ФГ); 2) совокупностью фразеологизмов с компонентами – дериватами слова *рука* различной степени (с компонентами *рукав*, *ручка*, *рукомойник* и мн. др.); 3) немногочисленными вторичными по образованию фразеологизмами с компонентами – отфразеологическими дериватами.

2.1. Лексема *рука* – прежде всего за счет отнесения к соматической лексике, наличия полисемии и значительных сочетаемостных возможностей в ряде своих значений – обладает огромной фразеобразовательной активностью.

Единицы ФГ с вершинной *рука* во фразеологической части ЛФК явно доминируют; *состав* данного ФГ – 1114 минимальных единиц фразеологического уровня.

Из всех факторов фразеобразовательной активности (экстралингвистических, системно-языковых, внутрисловных) наиболее ярко проявляет себя один из них – известность слова (или его ЛСВ) литературному языку. Жаргонные и диалектные ЛСВ обладают настолько малой (или вообще нулевой) продуктивностью, что действие прочих факторов для них в принципе не актуально. Закономерность связана с тем, что именно литературные ЛСВ отражают наиболее важные, общеизвестные ассоциации, что сказывается на фразеобразовательном потенциале.

В большинстве единиц ФГ с вершиной *рука* переосмысление соматизма не глобально и компонент *рука* сохраняет свою семантическую связь со словом *рука* в каком-либо из его значений. Таким образом, в структурном плане общее ФГ подразделяется на ряд частных, имеющих вершины – ЛСВ полисеманта *рука*.

В рамках единого ФГ выделяются как огромные частные ФГ (свыше 300 единиц), которые образованы на базе ЛСВ1 и ЛСВ2 слова *рука*, так и нулевые ФГ. Причем, что нетипично, наиболее продуктивным оказывается не первичный, а вторичный ЛСВ ввиду того, что он обозначает основную функцию руки (труд, деятельность) и образует огромный пласт фразеологических единиц (ФЕ), большей частью диалектных.

ФГ очень богато и разнопланово в семантическом плане. Сочетаемость лексемы-соматизма, зафиксированная во многочисленных фразеологизмах, «обнажает» запечатленные в языковом знании связи и отношения, существующие в реальной действительности. Таким образом «моделируется «поведение» той или иной части человеческого организма. ... соматические фразеологизмы обладают способностью через широкие ассоциативные связи, явные или скрытые, отражать представление человека о самом себе, своём устройстве и об окружающем мире» [1, с. 85].

Единицы каждого частного ФГ дают возможность увидеть, насколько далеко простирается семантика, заложенная в его вершине – ЛСВ: если ЛСВ как бы намечает определённую тему, то соответствующие ФЕ её разносторонне раскрывают: таким образом мы имеем представление о реализации пространственной модели мира при помощи руки/рук, о системе взаимодействия субъектов в процессе получения/передачи чего-либо, о субъект-объектных отношениях, обусловленных властью, и мн. др. ФЕ дают представление о системе сравнений руки с какими-либо предметами или же предметов с рукой; о роли руки, рук в совокупности других органов человека – посредством ФЕ с двумя компонентами-соматизмами; о системе переосмысленных тактильных ощущений рук; о целом ряде антропоморфных мер, связанных с рукой и её частями; о способах ориентации в пространстве при помощи рук и многих других аспектах. В целом же, ФЕ с соматическим компонентом *рука* отличает общая направленность семантики на человека – его физические и психические особенности, социальную роль, действия и поступки, позитивно или негативно оцениваемые, и т.д.; также обращает на себя внимание крайне незначительное количество в столь богатом ФГ обозначений неодушевленных предметов. ФГ с вершиной *рука* как часть общей фразеологической системы выражает свойство целого – антропоцентризм, свойственный фразеологии. Причем данное свойство как бы удваивается за счет внутренней формы фразеологических единиц с компонентом-соматизмом, «антропоцентричных по идеографической ориентации» и «антропометричных по основаниям квалификации» [9, с. 175].

В исследуемом общем ФГ активно проявляют себя парадигматические отношения – строго в пределах частных гнезд; «межгнездовых» отношений не наблюдается. Условием реализации синонимии и антонимии (иных видов отношений не отмечается) служит объём частного ФГ: в анализируемых гнездах, которые насчитывают менее пяти единиц, синонимические или антонимические отношения отсутствуют (хотя в принципе возможны и при наличии двух ФЕ). Напротив, значительные по объёму частные ФГ содержат не только отдельные пары синонимов и антонимов, но и синонимические и антонимические ряды.

Полисемант *рука* обнаруживает свое влияние на фразеологическом уровне в национальном языке в целом – в различных формах его существования: литературном языке, народных говорах, жаргоне, аргю,

профессиональных сферах. Интересно, в количественном отношении наибольшее количество ФЕ принадлежит народным говорам (56,4%); литературному же языку принадлежит 34,1% [4, с. 457].

2.2. Частные ФГ с вершинами – дериватами слова *рука* в совокупности всех своих единиц уступают одному ФГ с вершиной *рука* (244 минимальные единицы фразеологического уровня). У слова *рука* 1160 непосредственных и опосредованных дериватов, однако далеко не каждый из них участвует в образовании фразеологизмов. В большей или меньшей степени этой способностью обладают всего 55 единиц, что составляет около 5%.

Количественный состав ФГ с вершинами – дериватами слова *рука*, как показывает исследованный материал, обусловлен двумя наиболее существенными факторами, способствующими фразеобразованию у лексемы-деривата: 1) общеизвестностью слова-деривата, его принадлежностью литературному языку и 2) непосредственной производностью слова-деривата от вершинной лексемы СГ, т.е. расположение слова на первой ступени деривации. Самые обширные ФГ формируются при следующих лексемах: *Ручка*¹ – 69 единиц, *Рукáв* – 35 единиц, *Ручно́й* – 27 единиц, *Рукави́ца* – 16 единиц, *Ручни́к/Рушник* – 10 единиц [5]. Диалектные лексемы насчитывают в своих ФГ от одного до трех фразеологизмов.

Дериваты слова *рука* не первой, а последующих ступеней, связанные с вершинной лексемой СГ опосредованно, также обладают крайне малой фразеобразовательной продуктивностью или не обладают ею вообще.

Встречаются и лексемы, зафиксированные только в составе фразеологизмов и утраченные языком как самостоятельные: например, *рукма*, *ручкин* [5, с. 292, 304]. Такие лексемы занимают особое место в лексико-фразео-семантической системе, поскольку теряют собственную номинативную функцию.

II. Развитие и функционирование ЛФК характеризуется следующими особенностями.

ЛФК – динамическая система, где качественные изменения какой-либо единицы могут повлечь за собой а) последующие качественные изменения других единиц, б) количественные изменения, касающиеся объёма ЛФК и выражающиеся в появлении/утрате лексем и фразеологизмов, в) заполнение/«опустение» структурных ячеек ЛФК, переинтеграции в его структуре.

Развитие системы ЛФК с вершиной *рука* в разных её сегментах происходит неравномерно; как и любая другая система, данный ЛФК и относительно стабилен (в нем имеют место сформировавшиеся «участки»), и лабилен, поскольку одни его единицы находятся в зависимости от других, трансформации которых влекут за собой последующие, вторичные изменения в других сегментах ЛФК. Семантически яркое, разностороннее и структурно многообразное воплощение потенций развития лексемы объясняется действием системы факторов, влияющих на семантическую деривацию, слово- и фразеобразование.

По-видимому, система значений лексемы *рука* на современном этапе развития языка находится во взаи-

модействии двух противоположно направленных тенденций к расширению/сужению семантического объёма слова: так, слово пополнено относительно «молодыми» значениями, связанными с новыми реалиями («процессор ARM», «ручное хронометрирование», «авторучка, ручка»); в то же время некоторые ЛСВ несвободного употребления тяготеют к выходу за рамки слова *рука*. Таким образом, семантический объём слова оказывается динамическим, эволюционирующим явлением, подверженным влиянию и экстралингвистических, и лингвистических факторов.

Исследование ЛФК также предполагало исследование развития полисемии не только у вершинного слова, но и у всех прочих его единиц. В комплексе 76,32% – моносеманты, 11,84% – бисеманты, 5,53% слов имеют по 3 значения, 1,58% – по 4 значения, 1,05% – по 5 значений, менее 1% слов – более 6, 7 значений (максимальное количество значений у слова – 43 – лексема *ручник*).

Также было проведено статистическое исследование фразеологической полисемии в ЛФК на базе всех его фразеологизмов. В комплексе 87,45% моносемантов, 8,23% бисемантов, 2,88% фразеологизмов с 3 значениями, 1,10% фразеологизмов с 4 значениями, 0,17% – с 5 значениями, по 0,08% – с 6 и 7 значениями. Данные служат дополнительным подтверждением количественного и качественного преобладания лексической полисемии над фразеологической.

III. Семантика единиц объёмного ЛФК в совокупности покрывает весомую долю общего семантического пространства языка [6, с. 13]. Однако, помимо богатства и разноплановости, ЛФК в семантическом плане характеризуется наличием взаимодополнений и пересечений:

сферы действительности, репрезентируемые двумя способами – посредством лексем и фразеологизмов – частично совпадают: сама рука, человек, обладающий характерными внешними особенностями, связанными с руками (имеющий руку поврежденную или больную; имеющий тонкие руки; владеющий левой рукой лучше, чем правой), человек как субъект трудовой деятельности (быстрый, ловкий, искусный – и неумелый, ленивый), человек, склонный к воровству, человек, склонный к драке, скрепление какого-л. документа собственной подписью, руководство кем-л. и др.

VI. Исследуемый ЛФК отличается яркой особенностью в плане сопоставления в нём номинативных единиц по *сфере их употребления*. В ЛФК преобладает диалектная лексика и фразеология (63,1%); намного менее в количественном отношении представлен пласт ЛЕ и ФЕ литературного языка (26,7%); единиц, функционирующих в иных сферах, относительно немного (жаргон – 5,1%, профессиональная лексика и фразеология – 1,7%, грубое просторечие, обцензизмы – 1%, детская речь, окказиональные единицы – менее 1%).

Явное преобладание диалектной лексики и фразеологии весьма показательно: частный ЛФК со словом *рука* подтверждает тот факт, что огромный пласт диалектных единиц есть отражение диалектной языковой картины мира, которая, при наличии профессиональной, молодежной, детской и других картин мира – разновидностей общей языковой картины мира, является «одной из самых значимых для любого этноса, так как в ней сохраняются традиционные, во многом уникальные черты его мировидения, определившие существенные признаки национальной культуры» [2, с. 68].

Библиографический список

1. Бердникова Т.А. Соматическая фразеология как отражение наивных представлений о человеческом теле // Вопросы русского языкознания. Вып. X. Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика. М., 2003. С.85-94.
2. Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб., 2008. С. 68-75.
3. Поликарпов А.А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований: Вестник Смоленского государственного университета. Серия 1: Филология. Т. 1. Смоленск, 2007. С. 35-59.
4. Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы: дис. ... докт. филол. наук. Орёл, 2013. 537 с.
5. Попова А.Р. Словарь одного слова. Орёл, 2009. 356 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003. 59 с.
7. Пюльзю Е.А. Метафорическая лексика в структурно-семантическом аспекте (по материалам севернорусских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2008. 22 с.
8. Рыбакова И.Ю. Лексико-семантические зоны исторического корневого гнезда глагола брать // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002. С. 230-235.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
10. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 280 с.

References

1. Berdnikova T.A. Somatic phraseology as a reflection of naive notions about the human body // Problems of Russian linguistics. Edition X. The Arkhangelsk dialects: Derivation. Vocabulary. Semantics. Moscow, 2003. Pp. 85-94.
2. Demidova K.I. Dialectal language picture of the world and special aspects of its representation in private dialectal systems (on the material of Russian dialects of the Urals) // Lexical Atlas of the Russian dialects (Materials and research) 2008. St. Petersburg, 2008. Pp. 68-75.
3. Polikarpov A.A. Systematic and quantitative approach in linguistics // Philological schools and their role in the systematization of scientific researches: the Bulletin of the Smolensk State University. Series 1: Philology. V. 1. Smolensk, 2007. Pp. 35-59.

4. *Popova A.R.* Lexical and phraseological complex as a result of realization of the creative potential of a lexical item: Doctoral thesis in Philology. Orel, 2013. 537 p.
 5. *Popova A.R.* The dictionary of one word. Orel, 2009. 356 p.
 6. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Language and national picture of the world. Voronezh, 2003. 59 p.
 7. *Pulsu E.A.* Metaphorical vocabulary in structural and semantic aspect (on the materials of Northern Russian dialects): author's abstract of Candidate thesis in Philology. Petrozavodsk, 2008. 22 p.
 8. *Rybakova I.Y.* Lexical and semantic areas of historical root cluster of the verb to take // History of Russian word: onomastics and special vocabulary of Northern Russia. Vologda, 2002. Pp. 230-235.
 9. *Telia V.N.* Russian phraseology. Semantic, pragmatic and cultural linguistics aspects. Moscow, 1996. 288 p.
 10. *Shmelev D.N.* The problems of semantic analysis of vocabulary. Moscow, 1973. 280 p.
-
-

А.Р. ПОПОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра
русского языка, Орловский государственный универ-
ситет

E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

A.R. POPOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian
language, Orel State University

E-mail: StudioAA2001@yandex.ru

**СТРУКТУРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА:
ТИПОЛОГИЯ, ПРИЗНАКИ, РАЗНОВИДНОСТИ**

**STRUCTURAL UNITS OF THE LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL COMPLEX:
TYPOLOGY, CHARACTERISTICS, VARIETIES**

Статья посвящена исследованию структуры лексико-фразеологического комплекса – одного из системных образований русского языка. В статье приводится разноаспектная классификация составляющих лексико-фразеологического комплекса, рассматриваются включающиеся в него единства, в том числе и новые для лингвистики: лексико-фразеологический ряд, лексико-фразеологическая парадигма, лексико-фразеологический блок. Анализируется взаимодействие с лексико-фразеологическим комплексом таких активно изучаемых системных объединений языка, как словообразовательное гнездо, фразеологическое гнездо, фразеодеривационное гнездо.

Ключевые слова: лексическая единица, лексико-фразеологический комплекс, полисемант, словообразовательное гнездо, фразеологическое гнездо.

The article is devoted to the research of the structure of lexical and phraseological complex – the one of the system formations of the Russian language. The article contains a multidimensional classification of the components of the lexical and phraseological complex and its clusters, including new terms for linguistics: lexical and phraseological series, lexical and phraseological paradigm, lexical and phraseological paradigm block. The interaction with lexical and phraseological complex such actively studied systemic clusters of language as derivation cluster, phraseological cluster, phrase-derivational cluster is analyzed in the article.

Keywords: lexical item, lexical and phraseological complex, polysemantic word, derivation cluster, phraseological cluster.

Воплощением, итогом реализации креативного потенциала лексической единицы выступает лексико-фразеологический комплекс, система лексем и фразеологизмов, непосредственно или опосредованно восходящих к базовому слову-вершине.

Лексико-фразеологический комплекс (ЛФК), как и любая система, имеет свою структуру. Прежде всего эта структура состоит из:

1) элементарных *единиц*, к каковым относятся:

– слово-моносемант либо отдельный лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова-полисеманта – «клеточки» [6, с. 111] лексико-семантической системы;

– фразеологизм-моносемант либо отдельный фразео-семантический вариант (ФСВ) фразеологизма-полисеманта – «клеточки» фразео-семантической системы;

2) *единств*, то есть группировок, объединений элементарных единиц на тех или иных основаниях.

Выделение системных группировок – *единств* – внутри ЛФК осуществляется на различных основаниях.

I. В зависимости от того, единицы *одного или двух уровней языка* содержат единства ЛФК, последние делятся на *одноуровневые* и *двухуровневые*.

Проблема интеграции/дифференциации лексической и фразеологической систем и лексического и фразеологического уровней решается в настоящей статье следующим образом. С точки зрения семантической, с позиции номинации существует единое номинативное пространство языка, которое репрезентировано и лексемами, и фразеологизмами, вступающими в отношения избирательного пересечения, синонимии, антонимии и др., составляющими межуровневые лексико-фразеологические группы. Таким образом, можно говорить об *одной общей лексико-фразео-семантической системе*. Рассматривая же лексем и ФЕ как единицы языка, обладающие двумя различными наборами категориальных свойств (свойств, определяющих их именно как лексем/фразеологизмы), следует признать, что ЛЕ и ФЕ – единицы *двух самостоятельных уровней – лексического и фразеологического*. Таким образом, единая номинативная сфера представлена единицами двух различных уровней языка.

Лексическая единица, формальный и семантический «ген», в процессе реализации своего креативного потенциала образует новые лексико-семантические варианты (ЛСВ), производные слова, фразеологизмы – и,

как результат, на каждом из двух уровней возникают целые системные группировки, входящие в ЛФК. Все представленные ниже одноуровневые и двухуровневые единства фактически выделяются на основе генетических отношений, отношений производности/мотивированности между единицами ЛФК.

1. Единицы – составляющие *одноуровневых единств* – расположены, соответственно, на одном уровне, ярусе языка: единства, состоящие только из лексем/ЛСВ, являются *одноуровневыми лексическими*, из фразеологизмов/ФСВ – *одноуровневыми фразеологическими*.

1.1. К *одноуровневым лексическим* относятся следующие единства ЛФК.

1.1.1. *Лексема-полисемант* (любая – как вершинная в ЛФК, так и производная), представляющая собой упорядоченную совокупность минимальных единиц – ЛСВ. Внутри полисеманта, насчитывающего три и более значений, возможно выделить и более мелкие структуры, которые также являются одноуровневыми лексическими единствами, поскольку состоят из двух и более минимальных единиц. К таковым структурам относятся: а) минимальное единство – *пара ЛСВ*, связанных отношениями непосредственной семантической деривации; б) *ряд ЛСВ*, включающий три и более единицы, связанных отношениями последовательной семантической деривации (при цепочечной полисемии); в) *парадигма ЛСВ*, включающая три и более единиц, связанных отношениями параллельной семантической деривации (при радиальной полисемии).

1.1.2. *Словообразовательное гнездо*, представляющее собой упорядоченную совокупность лексических дериватов вершинной лексемы. Как известно, словообразовательное гнездо подразделяется на свои сложные структурные составляющие. К таковым относятся: а) *словообразовательная пара*, единицы которой связаны отношениями непосредственной лексической деривации; б) *словообразовательная цепочка*, единицы которой связаны отношениями последовательной лексической деривации; в) *словообразовательная парадигма*, единицы которой связаны отношениями параллельной лексической деривации; г) *частное словообразовательное гнездо (СГ)*, совокупность единиц которого восходит к одному ЛСВ вершинного слова, если последнее является полисемантом.

1.2. К *одноуровневым фразеологическим* относятся следующие единства ЛФК.

1.2.1. *Фразеологизм-полисемант* как система минимальных единиц фразеологического уровня (ФСВ). В семантической структуре фразеологизма-полисеманта сложно или в принципе невозможно проследить отношения семантической деривации и выделить такие единства, как пары, ряды и парадигмы ФСВ (в отличие от семантической структуры лексемы-полисеманта) ввиду того, что одно свободное сочетание слов – прообраз ФЕ – переосмысливается по-разному, в результате чего возникают различные ФСВ [4, с. 124; 8, с. 92], то есть механизм образования фразеологической полисемии иной, нежели механизм образования лексической полисемии.

1.2.2. *Пара фразеологизмов*, связанных деривационными отношениями, типа *сотрясать воздух* – *сотрясение воздуха* и т.п. – явление внутреннего фразеобразования [3, с. 3].

2. *Двухуровневые единства* состоят из единиц и лексического, и фразеологического уровня – лексем и фразеологизмов; такие единства являются *лексико-фразеологическими*.

К *двухуровневым* относятся следующие единства.

2.1. *Лексико-фразеологическая пара* представляет собой минимальное лексико-фразеологическое единство ЛФК, состоящее из лексемы/ЛСВ и фразеологизма, содержащего эту лексему/ЛСВ в качестве компонента.

В ЛФК такие пары с фразеологизмами составляют как вершинная лексема (или её ЛСВ), так и невершинные лексемы (или их ЛСВ): *рука* в значении 1 «верхняя конечность человека» – *лёгкая рука́*, *рука* в значении 1 «верхняя конечность человека как орудие труда, деятельности» – *ленивая рука́* и т.п., *рукав* в значении 1 «часть одежды...» – *хватать/схватить за рукав* и т.п. (цифра соответствует номеру ЛСВ/ФСВ полисемантических слов и фразеологизмов в созданном нами «Словаре одного слова» [7]).

Выделение лексико-фразеологических пар наиболее целесообразно и необходимо при семантическом соотношении фразеологизма с определённым ЛСВ вершинного слова ЛФК. Например, ФЕ *ломать руки* «выполнять тяжелую работу вручную» [7, с.180] составляет лексико-фразеологическую пару с ЛСВ2 слова *рука* «одна из верхних конечностей человека как орудие труда, деятельности». Семантика указанного ЛСВ2, её связь с трудовой деятельностью, производимой руками, находит явное отражение в семантике фразеологизма *ломать руки*.

2.2. *Лексико-фразеологический ряд* представляет собой упорядоченную совокупность минимальных единиц ЛФК – лексем-моносемантов (ЛСВ полисемантов) и фразеологизмов-моносемантов (ФСВ полисемантов), – связанных отношениями последовательной мотивированности/производности.

Выделение лексико-фразеологического ряда показывает, сколько ступеней номинации выстраивается в языке от исходной единицы, как далеко распространяется семантика исходного слова/ЛСВ и какова степень её сохранности/преобразования.

Принцип построения лексико-фразеологического ряда напоминает принцип построения словообразовательной цепочки. Количество компонентов в лексико-фразеологическом ряду, как и в словообразовательной цепочке, должно быть не менее трех. Однако лексико-фразеологический ряд, в отличие от словообразовательной цепочки, содержит как лексические, так и фразеологические единицы, причём их количество и последовательность могут варьироваться.

Приведём пример минимальной, трёхкомпонентной лексико-фразеологических рядов.

– Производящая лексема/ЛСВ – производная лексема/ЛСВ – фразеологизм, содержащий эту лексему/ЛСВ

в качестве компонента: *рука* «одна из верхних конечностей человека» – *рукавица* «одежда на кисть руки...» – *солнце в рукавицах* «о солнце, окаймленном туманной полосой» [7, с. 73, 290].

Вероятность наличия каждой последующей ступени производности/мотивированности убывает. В наибольшей степени это касается слово- и фразеобразовательной активности у опосредованно производных по отношению к вершинному слову единиц. Так, относительно мало распространено а) отфраземное словообразование и б) вторичное фразеобразование, то есть образование ФЕ на базе отфразеологических слов.

Заметим, что в исследуемом комплексе имеют место не только трёхкомпонентные, но и четырёхкомпонентные лексико-фразеологические ряды. Максимальная длина выделенного в данном ЛФК лексико-фразеологического ряда – пять компонентов: *рука* «одна из верхних конечностей человека как орудие труда, деятельности» – *руки/руку приложить* «подписывать/подписать какой-л. документ» – *рукоприкладство* «собственноручная подпись...» – *рукоприкладствовать* «подписывать собственноручно» – *зарукоприкладствовать* «скрепить своей подписью; подписать» [7, с. 56, 107, 108, 229].

2.3. *Лексико-фразеологическая парадигма* представляет собой упорядоченную совокупность:

а) непосредственных семантических дериватов ЛСВ (только при наличии полисемии у вершинного слова парадигмы);

б) непосредственных лексических дериватов вершинного слова парадигмы (при наличии у него полисемии – дериватов конкретного ЛСВ);

в) фразеологизмов, образованных при непосредственном участии вершинного слова парадигмы (при наличии у него полисемии – фразеологизмов на базе конкретного ЛСВ).

То есть все члены лексико-фразеологической парадигмы, производные единицы, имеют единую мотивационную базу – слово-моносемант (ЛСВ полисеманта).

Выделение лексико-фразеологической парадигмы необходимо для получения представления о непосредственной семантической, лексической и фразеобразовательной продуктивности конкретного ЛСВ полисеманта.

Принцип построения лексико-фразеологической парадигмы напоминает принцип построения словообразовательной парадигмы, однако первая содержит и лексические, и фразеологические единицы. В лексико-фразеологической парадигме представлена «параллельная», радиальная связь исходной лексемы с образованными на её основе вторичными номинантами.

Например, в лексико-фразеологическую парадигму ЛСВ1 слова *рука* «одна из верхних конечностей человека» включаются:

а) все лексико-семантические варианты, непосредственно образованные от данного ЛСВ1;

б) все дериваты ЛСВ1 первой ступени (*белорукый, большерукый, рукав* и т.д.), составляющие словообразовательную парадигму;

в) все ФЕ, содержащие ЛСВ1 в качестве компонента (*болеть руками и ногами, руками тину ловить, с лёгкой руки* и т.д.).

Развитие парадигматических отношений, безусловно, возможно не только у вершины ЛФК, но и у любой производной единицы, обладающей креативным потенциалом.

Способностью образовывать парадигму, выступать в качестве её исходного элемента может обладать не только лексема, но и фразеологическая единица (ФЕ). В этом случае парадигма отражает непосредственные семантические, слово- и фразеобразовательные возможности фразеологической единицы. Следует сказать, что способность одной и той же ФЕ одновременно и к развитию полисемии, и к внутренней фразеологической деривации (типа *выкручивать руки – выкручивание рук*), и к отфраземному словообразованию (типа *спустя рукава – спустярукавный*) встречается очень редко; в проанализированном материале таких явлений не наблюдается. Однако возможность образования от единого производящего ФСВ и производного ФСВ, и деривата-лексемы, и деривата-фразеологизма в принципе не исключена. Такие парадигмы, образованные на основе не лексемы, а фразеологизма, точнее назвать *фразео-лексическими*, а не лексико-фразеологическими.

Как показывает фактический материал, лексико-фразеологические и фразео-лексические парадигмы могут быть и *полными*, и *неполными*. Полная лексико-фразеологическая и фразео-лексическая парадигма содержит репрезентанты действия всех трёх векторов креативного потенциала (развитие полисемии, слово- и фразеобразование).

Неполные лексико-фразеологические парадигмы могут принимать следующий вид: а) в парадигме представлены производные ЛСВ и фразеологизмы, но отсутствуют непосредственные лексические дериваты; б) в парадигме представлены непосредственные лексические дериваты и фразеологизмы, но отсутствуют производные ЛСВ.

2.4. *Фразеодеривационное гнездо* (ФДГ) представляет собой единство, включающее в себя базовый фразеологизм и образованные от него лексемы. Например, *спустя рукава – рукавоспустие, спустярукавный*.

Фразеодеривационное гнездо активно исследовалось учёными как результат отфраземного словообразования [1; 2; 5 и др.]. Выделение его внутри ЛФК, «вписывание» ФДГ в эту более глобальную структуру необходимо для установления словообразовательных возможностей фразеологизмов – единиц ЛФК.

Поскольку отфраземное словообразование есть один из путей номинации, способность ФЕ к такому дальнейшему развитию должна быть обусловлена различными факторами, так как ФЕ обнаруживают словообразовательный потенциал в разной степени, и, кроме того, далеко не каждый фразеологизм может образовывать лексические единицы.

ФДГ включается в конкретный лексико-фразеологический комплекс, если вершина ФДГ, фра-

зеологизм, имеет в своём составе либо компонент – базовое слово комплекса (например, ФЕ с *рук*), либо компонент – его дериват (например, ФЕ *спустя рукава*); в любом из этих двух случаев имеет место наличие корневой общности с исходным словом ЛФК.

2.5. *Фразеологические гнёзда* как системы фразеологизмов с объединяющим компонентом: во-первых, фразеологическое гнездо с объединяющим словным компонентом – вершиной ЛФК и, во-вторых, фразеологические гнёзда с объединяющими словными компонентами – дериватами вершины ЛФК. Несмотря на то, что ФГ большей частью представлено фразеологизмами, нежели лексемами (за исключением минимальных гнёзд «1 лексема → 1 ФЕ»), вершина ФГ принадлежит лексическому уровню, что делает данное единство двухуровневым.

Внутри общего ФГ выделяются *частные ФГ*, восходящие к одному из ЛСВ лексемы-полисеманта, вершины ЛФК. Таковые структуры (которые, заметим, могут наличествовать не в каждом гнезде), также являются лексико-фразеологическими единствами, поскольку их вершины – ЛСВ полисеманта – принадлежат лексическому уровню языка.

2.6. *Лексико-фразеологический блок* (ЛФБ) представляет собой упорядоченную совокупность всех лексических дериватов и фразеологизмов, непосредственно или опосредованно восходящих к одному ЛСВ вершины ЛФК, если таковая вершина является полисемантом.

Очевидно, что при моносемии вершинного слова выделение блоков нецелесообразно, поскольку блок совпадает с самим комплексом. Таким образом, можно сказать, что ЛФБ – это частный ЛФК, выделяемый подобно частному словообразовательному гнезду и частному фразеологическому гнезду на базе ЛСВ вершинного слова-полисеманта.

Лексико-фразеологический блок содержит *лексическую* и *фразеологическую* части (что видно из самого наименования).

В своей *лексической* части он включает в себя:

- все производные от данного ЛСВ лексемы (независимо от ступени лексической деривации);
- все отфразеологические лексемы, созданные на базе ФЕ с компонентом – вершинным ЛСВ, а также все отфразеологические лексемы, созданные на базе ФЕ с компонентами – дериватами данного ЛСВ.

В своей *фразеологической* части ЛФБ содержит:

- все фразеологизмы, содержащие данный ЛСВ в качестве компонента;
- все фразеологизмы, содержащие компоненты – дериваты данного ЛСВ;
- все «вторичные по образованию» фразеологизмы – то есть образованные при участии компонентов – отфразеологических слов, опосредованно восходящих к данному ЛСВ.

Таким образом, блок дает полную картину реализации слово- и фразеобразовательного потенциала конкретного ЛСВ вершинного полисеманта.

Структура ЛФБ далеко не всегда может быть реали-

зована в языке полностью, возможно и даже неизбежно наличие нереализованных потенций, незаполненных «ячеек». Поэтому в зависимости от представленности лексической/фразеологической составляющей могут быть *полными* и *неполными*. Неполнота ЛФБ может быть выражена в разной степени – от невысокой (когда ЛФБ реализован почти полностью) до предельной (когда ЛФБ реализован лишь при воздействии какого-либо одного из векторов креативного потенциала – развитие полисемии, словообразование либо фразеобразование).

Ввиду того, что группа факторов слово- и фразеобразовательной активности у каждого ЛСВ различается, существуют ЛФБ со значительным количеством лексем и малым количеством фразеологизмов (и наоборот). В зависимости от того, какой из векторов реализации креативного потенциала ЛСВ оказывается главенствующим, можно выделить ЛФБ с *доминирующей лексической частью* и с *доминирующей фразеологической частью*.

Реализация креативного потенциала в направлении слово- и фразеобразования может быть и совпадающей, равномерной – в этом случае ЛФБ характеризуется «равновесием» своих лексической и фразеологической частей. Такое равновесие может проявляться как в обширности, богатстве и лексической и фразеологической частей ЛФБ, так и в их равномерно малой представленности. В принципе, и *нулевой*, абсолютно не раскрытый ЛФБ также характеризуется особым типом равновесия его частей.

Предельным проявлением диспропорции лексической и фразеологической части является полное отсутствие какой-либо из них.

2.7. В ЛФК выделяется особое единство, аналог исходного, первичного, базового ЛФК. *Вторичный ЛФК* представляет собой упорядоченную совокупность всех семантических дериватов, лексических дериватов и фразеологизмов, непосредственно или опосредованно восходящих к производной, невершинной лексической единице.

Собственно, базовый и вторичный ЛФК различаются лишь тем, непроизводной либо производной является исходная единица, структура же их тождественна.

Характерными примерами вторичных ЛФК являются ЛФК с вершинами *рукав*, *ручка* «ум.-ласк. к *рука* в значении 1 – верхняя конечность человека...» и некоторыми другими производными словами, обладающими семантической, слово- и фразеобразовательной продуктивностью.

II. В зависимости от *вершины*, источника, носителя креативного потенциала, единства ЛФК подразделяются на *отлексемные* и *отфраземные*.

1. К *отлексемным* единствам относятся:

- *полисемант* как упорядоченная совокупность ЛСВ (источник – его первичный, исходный ЛСВ), а также составляющие его более мелкие единства: пары, ряды и парадигмы ЛСВ (источник – один из ЛСВ полисеманта);
- *словообразовательное гнездо* как упорядоченная совокупность слов-дериватов (источник – слово, как

моносемант, так и полисемант), а также составляющие его более мелкие единства: *словообразовательная пара*, *цепочка*, *парадигма* (источник – моносемант/ЛСВ, принадлежащий данному гнезду); *частное словообразовательное гнездо* (источник – ЛСВ вершинного слова при наличии у него полисемии);

– *лексико-фразеологическая пара*, *лексико-фразеологический ряд*, *лексико-фразеологическая парадигма* (источник – слово-моносемант или ЛСВ);

– *лексико-фразеологический блок* (источник – ЛСВ вершинного в ЛФК слова-полисеманта);

– *вторичный ЛФК* (источник – производное, невершинное в ЛФК слово-моносемант или ЛСВ невершинного, производного слова-полисеманта);

– *фразеологическое гнездо* как упорядоченная совокупность фразеологизмов (источник – слово, как моносемант, так и полисемант), а также составляющие его более мелкие единства – *частные фразеологические гнезда* (источник – ЛСВ вершинного слова-полисеманта).

При этом следует учитывать, что, несмотря на то, что все упомянутые единства восходят к лексеме/ЛСВ, механизм образования фразеологизмов на базе лексемы иной, чем механизм семантической и лексической деривации.

2. К *отфраземным* единствам относятся:

– *фразеологизм-полисемант* (источник – его первичный, исходный ФСВ);

– *пара фразеологизмов*, связанных словообразовательными отношениями (источник – фразеологизм-моносемант или ФСВ);

– *фразео-лексическая парадигма* (источник – фразеологизм-моносемант или ФСВ);

– *фразеодеривационное гнездо* (источник – фразеологизм, как моносемант, так и полисемант).

III. В зависимости от *вектора/векторов реализации креативного потенциала* единства ЛФК подразделяются на *одновекторные*, *двухвекторные* и *трёхвекторные*.

1. *Одновекторными* являются единства, при образовании которых проявляет себя только один вектор, одно направление реализации креативного потенциала. Таковыми являются:

– *лексема-полисемант* (вектор реализации креативного потенциала – развитие полисемии);

– *словообразовательная пара*, *словообразовательная цепочка*, *словообразовательная парадигма*, *пара фразеологизмов*, связанных словообразовательными отношениями (вектор реализации креативного потенциала – развитие словообразовательных возможностей);

– *лексико-фразеологическая пара* (вектор реализации креативного потенциала – развитие фразеологических возможностей).

2. *Двухвекторными* являются единства, при образовании которых проявляют себя два вектора, два направления реализации креативного потенциала. Таковыми являются:

– *словообразовательное гнездо* (векторы реализации креативного потенциала – развитие полисемии

(факультативно) и развитие словообразовательных возможностей);

– *фразеологическое гнездо* (векторы реализации креативного потенциала – развитие полисемии (факультативно) и развитие фразеологических возможностей);

– *фразеодеривационное гнездо* (векторы реализации креативного потенциала – развитие полисемии (факультативно) и развитие словообразовательных возможностей);

– *лексико-фразеологический блок* (векторы реализации креативного потенциала – развитие словообразовательных и фразеологических возможностей; наличие действия данных векторов факультативно, что влияет на полноту/неполноту блока).

3. *Трёхвекторными* являются единства, при образовании которых проявляют себя все три вектора реализации креативного потенциала – развитие полисемии, развитие словообразовательных и фразеологических возможностей.

К таковым единствам относятся:

– *лексико-фразеологическая парадигма*;

– *лексико-фразеологические комплексы*, как первичный, исходный, так и вторичный.

Отметим, что и при образовании этих единств векторы креативного потенциала могут быть задействованы факультативно, что влияет на полноту/неполноту лексико-фразеологических парадигм и ЛФК.

IV. В зависимости от того, *непосредственным или опосредованным является влияние креативного потенциала*, единства ЛФК выстраиваются следующим образом.

1. *Непосредственное влияние креативного потенциала* отмечается при образовании таких *одноступенчатых* единств, как:

– *пара ЛСВ полисеманта*, связанных отношениями непосредственной семантической деривации (производящий ЛСВ → производный ЛСВ);

– *парадигма ЛСВ полисеманта* (производящий ЛСВ → производные ЛСВ);

– *словообразовательная пара* (производящая лексема/ЛСВ → производная лексема) и *словообразовательная парадигма* (производящая лексема/ЛСВ → производные лексем);

– *пара фразеологизмов*, связанных словообразовательными отношениями,

– *лексико-фразеологическая парадигма* (лексема/ЛСВ → производные ЛСВ (при наличии полисемии у вершинного слова парадигмы); производные лексем; фразеологизмы, содержащие исходную лексему/ЛСВ в качестве компонента) и *фразео-лексическая парадигма* (фразеологизм → отфраземные производные первой ступени и фразеологизмы, образованные на базе этой ФЕ, состоящие в отношениях деривации, например, *выкручивать руки – выкручивание рук*).

2. *Опосредованное влияние креативного потенциала* отмечается при образовании таких *двух- и более ступенчатых* единств, как:

– ряд ЛСВ (производящий ЛСВ → производный ЛСВ; он же производящий → производный ЛСВ);
– словообразовательная цепочка (производящее → производное; оно же производящее → производное);
– лексико-фразеологический ряд любой структуры.
Таким образом, каждое из единств ЛФК может быть охарактеризовано сразу по нескольким разработанным

нами критериям. Приведем примеры подобных полных характеристик единств ЛФК. Лексема-полисемант есть единство одноуровневое лексическое; отлексемное; одновекторное; количество ступеней семантической деривации индивидуально для каждого полисеманта. Фразео-лексическая парадигма есть единство двухуровневое; отфраземное; двухвекторное; «одноступенчатое».

Библиографический список

1. Алексеевко М.А. Фразеология как источник пополнения словарного запаса языка // Проблемы фразеологической и лексической семантики: Материалы Международной научной конференции. М., 2004. С. 16-21.
2. Бушуй А.М. К изучению деривационных процессов во фразеологии (на материале русского языка) // Проблемы фразеологии: Межвузовский сборник научных трудов. Тула, 1980. С. 53-59.
3. Ермакова Е.Н. Деривация и экспликация как способы внутреннего фразеобразования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1991. 21 с.
4. Жуков В.П. Многозначность фразеологизма в сопоставлении с многозначностью слова // Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Ч.1. Л., 1968. С. 122-124.
5. Истомина В.В. К проблеме словообразования на базе фразеологических единиц // Тезисы докладов республиканской научной конференции «Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии». Баку, 1976. С. 42-43.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.
7. Попова А.Р. Словарь одного слова. Орёл, 2009. 356 с.
8. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л., 1982. 108 с.

References

1. Alekseenko M.A. Phraseology as a source of language vocabulary update // Problems of phraseological and lexical semantics: Materials of the International scientific conference. Moscow, 2004. Pp. 16-21.
 2. Bushui A.M. To the study of derivational processes in phraseology (on the material of Russian language) // The problems of phraseology: Interuniversity collection of scientific works. Tula, 1980. Pp. 53-59.
 3. Ermakova E. N. Derivation and explication as a methods of internal phrase-creation: autoabstract of Candidate thesis in Philology. Orel, 1991. 21 p.
 4. Zhukov V.P. The polysemy of the phraseological item in comparison with the polysemy of the word // The Program and summary of reports to X scientific-methodical conference of the North-West zonal association of departments of Russian language of pedagogical institutes. Part 1. Leningrad, 1968. Pp. 122-124.
 5. Istomina V.V. To the problem of derivation on the base of phraseological items // Abstracts of the republican scientific conference «Actual problems of lexicology and phraseology». Baku, 1976. Pp. 42-43.
 6. Novikov L.A. Semantics of the Russian language. Moscow, 1982. 272 p.
 7. Popova A.R. The dictionary of one word. Orel, 2009. 356 p.
 8. Sidorenko M.I. The paradigmatic relations of phraseological items in modern Russian language. Leningrad, 1982. 108 p.
-
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

Н.А. РУДИКОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: rudi-nati@yandex.ru

N.A. RUDIKOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, National Research Tomsk State University

E-mail: rudi-nati@yandex.ru

**ПАРИЖСКИЙ ТЕКСТ В ЗАМЕТКАХ И ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
КОНЦА 1830-Х ГГ. (И.Г. ГОЛОВИН, Н.И. ГРЕЧ, М.П. ПОГОДИН, В.М. СТРОЕВ)**

**PARIS TEXT IN TRAVEL NOTES AND LETTERS OF RUSSIAN TRAVELERS OF LATE 1830s
(I.G. GOLOVIN, N.I. GRECH, M.P. POGODIN, V.M. STROEV)**

Статья посвящена особенностям парижского текста в путевых заметках (И.Г. Головин, Н.И. Греч, М.П. Погодина, В.М. Строев) конца 1830-х гг. Травелогии демонстрируют столкновение непосредственных впечатлений путешественников с существующими представлениями о французской столице. Авторами создается целостный парижский текст, однако ввиду своих общественно-политических позиций они дискредитируют статус Парижа как мировой столицы.

Ключевые слова: Париж, городской текст, травелоги конца 1830-х гг., русско-французские отношения XIX в.

The article describes the particularities of Paris text in travel notes (I.G. Golovin, N.I. Grech, M.P. Pogodin, V.M. Stroeve) of late 1830s. Travelogues demonstrate the conflict of immediate impressions of the travelers with the traditional vision of the French capital. The authors create a cohesive Paris text, but discredit the status of Paris as the capital of the world because of their social and political positions.

Keywords: Paris, city text, travelogues of late 1830s, Russian-French relations of the 19th century.

В последние десятилетия внимание ученых гуманитарных направлений и в частности литературоведения сосредоточилось на изучении литературного урбанизма. В данном контексте возникает такое понятие, как «городской текст», теоретизированное в работах Ю.М. Лотмана [3], В.Н. Топорова [9], Н.Е. Меднис [4] и др. Город предстает как много- и разноуровневая система текстов и кодов, характеризующаяся гибкостью, целостностью и полифункциональностью. Структурообразующими элементами городского текста служат пространство, время, топонимика, элементы архитектуры, природно-климатическая сфера и соционика.

Культурная ситуация в России XIX в. с постоянным и сложным переплетением «своего» и «чужого» способствовала возникновению в русской литературе сложного полилога о Париже, в котором участвовали выдающиеся прозаики и поэты России, литераторы «второго» ряда, критики, журналисты и путешественники. Парижский текст складывался в русской словесности благодаря авторскому видению французской столицы русскими писателями, а также в связи со спецификой различных творческих методов и особенностями социально-исторической реальности.

В данной статье будут проанализированы наиболее репрезентативные травелоги конца 1830-х гг., в кото-

рых представлен целостный парижский текст, сложный по своей структуре и многоуровневый по содержанию. Комплексный анализ путевых заметок И.Г. Головина, Н.И. Греча, М.П. Погодина и В.М. Строева позволит дополнить представления о парижском метатексте русской литературы XIX в.

И.Г. Головин (1816–1890) в «Заметках путешественника» (1838) [1] представляет противоречивый образ французской столицы. Путешественник обладал несколько неопределенной идейной позицией, чему способствовал его статус эмигранта. Головину были чужды какие-либо убеждения и привязанности: ни в России, ни во Франции он не был своим [5]. Так и в «Заметках путешественника» его мнение меняется от резкого неприятия до восхищения французскими достижениями. Он рассуждает о развращении парижских нравов, истоки которого видит в Великой французской революции. Революционеры названы путешественником «извергами человеческого рода», а Наполеон – спасителем Франции, к которому Головин испытывает глубочайшее уважение.

Противоречивое мнение у путешественника складывается и по поводу французского образования, политической жизни и театрального искусства. Однако, несмотря на отмеченную им безнравственность парижан, Головин признает величие Франции и призывает

Россию соединить в себе преимущества французской и немецкой нации: «У нас немало вкуса и любви к блеску и живости французской деятельности; займем же у немцев основательность их мысли и глубину их чувства. Тогда-то наш собственный источник, полагаемый мною богатым, раскроет затаенные в нем, самобытные сокровища» [1].

Более ясной идейной позиции придерживался издатель «Москвитянина» М.П. Погодин (1800–1875). Он попытался выразить в своем путевом очерке «Год в чужих краях» (1839) [6] идеи официальной народности. Погодин находился в Париже накануне революционных событий и отмечал мятежность как неотъемлемую черту парижской жизни: «Париж без революции – картина без красок» [6]. Путешественник негативно отзывался о политическом устройстве Франции, обнаруживая недостатки в Палате Пэров и Палате Депутатов. Погодин даже своим внешним обликом пытается дистанцироваться от всего французского: намеренно просит портного сшить ему платье «не по моде». Среди негативных черт парижского характера им отмечены корыстолюбие, разврат, необразованность и черствость народа, который привык к кровавым зрелищам. Вместе с тем Погодин находит в разных областях французской жизни и положительные моменты, которых не наблюдал у себя на родине. Как историк, он обращает внимание на то, что во Франции чтут исторических деятелей, возводят им памятники, что весь народ интересуется историей своей страны. Но, принимая отдельные элементы французской жизни и пропагандируя их применение в России, путешественник считает неприемлемым для русской жизни французский буржуазный путь развития.

Представитель официального охранительно-консервативного лагеря Н.И. Греч (1787–1867) в своих «Письмах из Англии, Германии и Франции» (1839) [2] затрагивал социально-политические вопросы, так как они представляли особый интерес как для него самого, так и для русских читателей. Обращение к этим вопросам несло скрытую ориентацию на Россию и составляло политический подтекст записок. Так, Греч в зависимости от конкретной направленности царской международной политики характеризовал ту или иную страну: он подчеркнуто уважительно относится к Англии и резко негативно к Франции. Уже въезжая в Париж, он расставляет свои приоритеты: «Особенно не должно приезжать во Францию из богатой, роскошной и опрятной Англии! Какая разница!» [2]. Греч с раздражением говорит о перевороте в сознании народа, который произошел во Франции после Июльской революции 1830 г. Он показывает необыкновенную напряженность общественной атмосферы французской столицы конца 1830-х гг., которая связана с тем, что люди, потеряв более высокие идеалы, преследуют единственную цель – обогащение. Греч критикует многие стороны парижской жизни: французскую парламентскую систему, парижские театры, французское образование, литературу, свободу печати, которая, по его мнению, «повергнет Францию в новую пучину зол» [2] и парижский народ, враждебный

всякой власти и стремящийся только к наслаждениям.

Еще одна точка зрения на французскую столицу прослеживается в книге «Париж в 1838 и 1839 годах» (вышла в 1842 г.) [8] журналиста В.М. Строева (1812–1862), в которой представлена всеобъемлющая картина французской столицы. Путевые записки пишутся в некотором систематическом порядке. Каждая глава посвящена отдельной стороне французской жизни. Некоторые главы, преимущественно «Панорама Парижа» и «Статистика Парижа», написаны в духе путеводителей, где дается справочная информация о французской столице. Вместе с тем Строев создает серию физиологических очерков, например главы «Образ жизни и характер парижан» или «Летние и зимние увеселения», в которых присутствует описание внешних сторон парижской жизни.

В книге соседствуют как субъективный подход к изображаемой действительности, так и попытка объективного анализа. В первой главе доминирует субъективное восприятие парижской жизни, но затем он занимает позицию объективного наблюдателя, старается найти исторические корни парижского характера и анализирует причины появления его новых черт. Строев рисует типичный характер парижанина, которому присущи: веселость, общительность, любопытство, пристрастие к моде, распушенность нравов. Новые проявления в характере французов Строев связывает с развитием буржуазных отношений: «Это непомерное честолюбие ведет за собою другое ужасное зло, чрезвычайную жажду золота» [8]. Формирование этих граней парижского характера явились результатом Июльской революции, когда на первый план вышли люди без каких-либо достоинств. Вместе с тем путешественник, стремясь дать многостороннюю и объективную характеристику, положительно оценивает некоторые черты парижской жизни, например в сфере бытовых услуг: удобное устройство городской почты, преимущества наемных квартир, выгода абонемента на журналы, удачная организация городского транспорта. Писатель соотносит их с петербургским образом жизни и намекает на необходимые заимствования.

Чем дальше городской уклад французской столицы отходил от законов нравственных, тем чаще писатели сравнивали ее с Вавилоном, городом-блудницей. «Новым Вавилоном» Париж называют Греч и Погодин. Мотив библейского столпотворения связан и с монолитностью вечно спешащей толпы, которая изображена в путевых записках. Мятежный дух парижан отразился и на стиле их жизни, для которого характерна театрализация. Вся жизнь парижан подчинена театральным законам: они стремятся к показному, играют какую-то роль, а столичное пространство является декорацией, где разворачиваются их жизненные спектакли. В путешествиях конца 1830-х гг. эта черта парижан в первую очередь представляется как следствие революционных настроений во Франции. Так, Головин подчеркивает: «Париж – обширный, никогда не умолкающий, шумный театр» [1]. Греч считает, что театрализация жизни

характерна не только для столицы, но и для всей страны в целом: «Франция есть страна демократическая по превосходству: в ней театры составляют часть житейского быта; она и сама есть театр всенародных игрищ то смешных, то кровавых» [2]. Строев находит, что манера парижан превращать все в своей жизни в театр является следствием легкомысленности и черствости парижского характера. Это, по его мнению, вызвано бесконечными беспорядками в столице, притупившими у парижан чувство страха. Они закрывают глаза на существующие проблемы в своей стране и переводят их в шутку или представление. Жители Парижа превратили в театр даже серьезные политические учреждения: так они ходят в палату депутатов, чтобы полюбоваться своими любимыми политическими актерами, или в суд, где можно увидеть и трагедию, и комедию.

Можно сделать вывод, что в путевых заметках конца 1830-х гг. основной мыслью является падение парижских нравов. Путешественники, близкие по идейной направленности славянофилам, отмечают негативные последствия революций для общества в целом, делая вывод, что мятежный Париж не может быть эталоном для развития России.

Чтобы подчеркнуть повсеместное негативное влияние революций, путешественники обращаются и к такому аспекту структуры городского текста, как геодезия и климат, хотя этой сфере уделяется гораздо меньшее внимание по сравнению с другими. Так, в дорожном дневнике Погодина природа в Париже также предстает своеобразным оазисом, дающим почву для размышлений и время для развития личности и духовных качеств человека: «Сельские виды, поля, луга и рощи, – доставили мне наслаждение после каменных улиц Ришелье, Монмартр, Вивьен, на которые глаза уже устали смотреть» [6]. Ему вторит Головин, представляя природу как «спасительный круг» в парижской жизни: «Сад растений (jardin des plantes), Пер-Лашез, Пантеон – единственные убежища от шума, пыли и грязи Парижской» [1].

Путешественники также замечают, что в связи с революциями в Париже природа постепенно истребляется. Функциональная заданность подобных пейзажей очевидна: она свидетельствует о нарушении гармонии в человеческом мире и о негативных последствиях парижских волнений. Так, Погодин в своих записках рисует картины срубленных деревьев во время революционных баррикад. Он с сожалением вспоминает, что когда-то здесь были высокие липы и каштаны. Эти деревья, как известно, являются символами заботы, мудрости и доброжелательности. Изображение их сломленными демонстрирует исчезновение этих качеств у парижан, для которых в списке жизненных ценностей на первом месте стоят деньги. В связи с этим Строев отмечает, что садов в Париже немного, так как парижане предпочитают строить дома, чтобы получать с них капитал.

Следствием неприятного дождливого климата в Париже является грязь, которую можно воспринимать как в буквальном, так и в переносном смысле. В путевых

заметках конца 1830-х гг. она символизирует неопрятность горожан и не только в физическом смысле, но и в духовном. О грязных улицах упоминают Греч и Строев. Интересно в этом смысле замечание Греча о нечистоте в Париже. Он возмущен и, сравнивая Париж с Россией, переходит к восхвалению родного отечества: «Ройтесь, сударики, ройтесь в грязи! Прошло то счастливое время, когда вам можно было, пробравшись к нам, на Русь, заняться воспитанием юношества, и блаженствуя в степных наших губерниях, вздыхать по Парижу, и ругать добрую, святую Россию!» [2]. Так, у Греча чистота нравственная связывается с чистотой улиц. Строев вторит ему и говорит о невероятной неопрятности парижан, которые превратили свои улицы в помойные ямы. С грязью у него ассоциируется и река Сена, которая пересекает пространство Парижа. Река является основой жизни и артерией города. Строев с восхищением пишет о своей «пышной, быстрой, широкой и серебряной Неве», которая весьма контрастирует с парижской Сенной, вода которой «мутна, нечиста, желтовата, как будто смешана с нечистотой».

Немаловажное место в описании французской столицы занимает изображение хронотопа Парижа, а именно его временных и пространственных характеристик. Путешественники подчеркивают разомкнутую, обращенную в бесконечную даль огромность Парижа во всех городских пейзажах, которые точнее было бы назвать панорамами. Они, как правило, изображаются сверху, с высокой точки ландшафта и позволяют создать общее впечатление от пространства французской столицы. В книге Строева дается полная панорама Парижа с описанием городского движения, плана города, смешения богатства и бедности, чистоты и неопрятности, древности и современности. Вместе с тем он вводит оппозицию «столица – провинция», где первая предстает как шумный город в вечном движении, а вторая – спокойным и тихим местом: «Обернувшись в противную сторону, видишь зеленые луга, обширные поля, без людей, без жизни, без движения. Париж поглотил окрестности» [8]. Греч также писал о беспредельности парижского пространства, которая, по его мнению, обладает негативными коннотациями. Он подчеркивает, что в этой огромной столице теряется интерес к отдельной личности: «я ходил один, как чуждая волна, посреди бездонных хлябей Океана» [2].

Однако вместе с тем в путевых записках отмечается и замкнутость парижского пространства. Горизонтальная организация столицы представляет густую сеть запутанных улиц, извилистых и узких, сборище тесно стоящих домов, что создает неясность облика города. Тем самым подтверждается статус Парижа как противоречивого города. Яркий образ рисует Строев: «Город неправилен, некрасив и нечист, как все старинные города, построенные мало по малу, без определенного плана. Улицы извиваются змеєю; нет трех улиц прямых и правильных. Они очень узки <...> Дома высокие, но кажутся старыми и ветхими» [8].

Для парижского текста, созданного travelогоми

конца 1830-х гг., характерно разграничение пространственных образов на периферийные и центральные. С начала своего существования город стремился упорядочить свою внутреннюю структуру, ориентируясь на центрическую модель мира. Центр имел сакральное значение, не случайно в центре каждого города находился храм. Таким центром Парижа, вокруг которого организуется вся жизнь города, Строевым назван Собор парижской богородицы, «исполин, которому нестрашно время, неопасны бури, незнакомы перемены и требования нашего века» [8]. Вместе с тем путешественник подчеркивает, что другие церкви Парижа не пользуются уважением у современных парижан, которых не интересуют высокие материи. Многих путешественников волнует судьба храма Св. Женевиевы, из которого сделали Пантеон. В путевых письмах Головина, Погодина и Строева представлена история храма Св. Женевиевы, которая неразрывно связана с революционными переворотами во Франции, превратившими его, по словам Погодина, в «какой-то храм, посвященный великим людям Франции».

Если говорить о материально-культурной сфере, отраженной в путевых записках о Париже в целом, можно сделать вывод, что архитектурные образы, включенные в целостный парижский текст, делятся на образы «Парижа прошлого» и «Парижа настоящего». Среди издавна известных топов называются Лувр, Тюильри, Люксембург, Пале-Рояль, Елисейские поля, Фонтенбло, Версаль и многие другие достопримечательности. Вместе с тем упоминаются и современные сооружения. Так, Греч в своих путевых письмах отмечает парижскую тенденцию к обновлению: «Наружность Парижа все еще та: многолюдство, движение, шум, нечистота, вонь; но некоторые части получили новый, гораздо лучший вид <...>» и т.д. [2]. Наличие в парижском пространстве «Парижа прошлого» и «Парижа настоящего» подтверждает и цитата из дорожного дневника Погодина о постоянной смене названий улиц: «Было бы два города Парижа, два брата и друга, представляющие прошлое и настоящее. Иначе нарушается гармония частей. Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые, но не станем вырывать старые» [6]. Путешественники с сожалением констатируют, что революции изменили облик и характер того или иного здания. «Современный Париж» резко контрастирует с «Парижем старинным». Например, Греч, рассказывая о Версальском дворце, отмечает пагубное воздействие революций: «Странным случаем, революционеры, разрушая все в Версали, не коснулись театра. <...> Произведения искусств и богатые мебели были частью распроданы, частью расхищены» [2].

Вместе с тем в путешествиях Строева и Погодина присутствуют отсылки к достопримечательным местам России и, прежде всего, Петербурга. Сравнение Парижа и Петербурга осуществляется в рамках уже сложившейся концепции родства двух столиц. У Погодина встречаем нейтральное упоминание о том, что бульвары Парижа можно сравнить с Невским проспектом в Петербурге.

Строев же, проводя параллели между архитектурой и памятниками Парижа и Петербурга, отдает предпочтение последнему. Так, он сопоставляет купол Инвалидного дома и шпиль Адмиралтейства, Тюильрийский и Летний сады, Итальянский бульвар и Невский проспект, набережную около Тюильри и Английскую набережную в Петербурге, памятники Петру I и Людовику XIV, намекая на то, что французская столица подражает русской. Для него, путешественника XIX в., Париж оказывается обжитым, наполненным знаками русской культуры пространством, которое в то же время остается для него чужим.

Путешествия конца 1830-х гг., своеобразные путеводители по достопримечательным местам Парижа, включают в себя подробное описание внешнего облика и внутреннего убранства многих архитектурных сооружений, историю их создания, упоминания об известных личностях (прежде всего, о Наполеоне) и о событиях, связанных с ними. Предполагая множество планов восприятия, город в их изображении часто несет в себе и антропологическую доминанту. Париж можно представить как человека, который имеет свою судьбу во вполне реальном историческом времени. Так, Строев изображает Париж как некий живой организм, приписывая ему человеческие характеристики, например, «Париж так вырос, что они <ворота> у него на груди» [8] или «бульвары опоясывают Париж» [8]. Париж неоднозначен: каждый его сантиметр наполнен историей, литературными аллюзиями и воспоминаниями. Происходит наслоение времен и культурных парадигм.

В характеристике парижского времени путешественники также стремятся к объективности: их интересует как историческое, так и субъективное время, т.е. вновь возникает антиномия: «Париж старинный и Париж современный». Историческое время выражается в упоминании исторических событий и реально существовавших личностей, в основном политических фигур. Субъективное же время представлено в ощущении парижского времени. Таким образом, возникает новая временная характеристика. Так, Погодин отмечает, что «в Париже надо жить по-Парижски, и слушаться минуты» [6]. Для путешественников эта проблема быстротечности времени во французской столице стоит особенно остро, о чем говорит Строев в своих путевых записках. Если в других городах люди не знают, как потратить свое время, то в Париже его катастрофически не хватает, поскольку парижская жизнь очень стремительна и предоставляет миллион возможностей. Как отмечает Строев, «в Париже нет часов, дней и месяцев; вся жизнь – один день веселый, разнообразный, пролетающий скоро, не отягчающий своим присутствием» [8].

Таким образом, жанр путевых заметок в конце 1830-х гг. стал так называемым «прожектором», который позволил «высветить» и обосновать общественно-политические позиции многих литераторов и в том числе взглянуть по-новому на уже всем известный Париж. Для путешественников конца 1830-х гг. интерес представляют не историко-культурные достоприме-

чательности французской столицы, а ее общественная жизнь. Доминантной во всех путевых заметках является констатация перемены в парижских нравах и в общем облике города в связи с Июльской революцией. Несмотря на попытку создать впечатление объективности, путешественники конца 1830-х гг., преимуще-

ственно близкие славянофилам, критически относятся к Парижу и всему французскому и отвергают «парижский путь» для дальнейшего развития России. Критическое отношение к Франции и Парижу в 1830-е гг. будет присутствовать и в русской периодике [7].

Библиографический список

1. Головин И.Г. Заметки путешественника. // Сын Отечества. 1838. Т.6. С. 97-126 .
2. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч.1-3. СПб., 1839. Ч.1. 254 с.; Ч. 2. 288 с.
3. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПб, 2002. 768 с.
4. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>.
5. Орехов В.В. Русская литература и национальный имидж. Симферополь: АнтикВА, 2006. 608 с.
6. Погодин М.П. Год в чужих краях. М., 1844. Ч.3. 228 с.
7. Рудикова Н.А. «Парижский текст» в русских периодических изданиях 1830-1860-х гг. // Текст. Книга. Книгоиздание (Научно-практический журнал), 2013. № 1(3). С. 5-17.
8. Строев В.М. Париж в 1838 и 1839 гг. Ч.1-2. СПб., 1842. Ч. 1. 224 с.; Ч.2. 215 с.
9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.

References

1. Golovin I.G. Traveler's notes // The Son of Homeland. 1838. V.6.Pp. 97-126 .
 2. Grech N.I. Travel letters from England, Germany and France. Part 1-3. St. Petersburg, 1839. Part.1. 254 p.; Part. 2. 288 p.
 3. Lotman Y.M. History and typology of Russian culture. St. Petersburg: "Iskusstvo-SPb", 2002. 768 p.
 4. Mednis N.E. Supertexts in Russian literature. Novosibirsk, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3>.
 5. Orekhov V.V. Russian literature and national image. Simferopol: Antiqua, 2006. 608 p.
 6. Pogodin M.P. One year in foreign lands. Moscow, 1844. Part 3. 228 p.
 7. Rudikova N.A. "Paris text" in Russian periodicals of 1830-1860s // Text. Book. Book publishing (Scientific and practical journal), 2013. № 1 (3). Novosibirsk, 2003. Pp. 5-17.
 8. Stroyev V.M. Paris in 1838 and 1839. Part 1-2. St. Petersburg, 1842. Part 1. 224 p.; Part.2. 215 p.
 9. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in mythepic. Moscow : Progress, 1995. 624 p.
-

О.С. СУХИХ

доктор филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: ruslitxx@list.ru

O.S. SUKHICH

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian literature, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: ruslitxx@list.ru

«МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «ЯШКА» М. ГОРЬКОГО: СОПРИКОСНОВЕНИЕ И РАСХОЖДЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

F.M. DOSTOEVSKY'S "THE BOY AT CHRIST'S CHRISTMAS TREE" AND M. GORKY'S "YASHKA": THE CONTACT AND THE DIVERGENCE OF ARTISTIC CONCEPTS

В статье рассматриваются параллели в проблематике и поэтике рассказа «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского и сказки «Яшка» М. Горького, имеющие концептуальный характер. Анализируются особенности построения сюжета этих произведений, черты стиля писателей, принципы создания образа Рая, а также художественная трактовка образа ребёнка.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, М. Горький, образ Рая, образ ребёнка, сюжет.

The article discusses the parallels in the issues and the poetics of the short stories "The Boy at Christ's Christmas Tree" by F.M. Dostoevsky and "Yashka" by M. Gorky, which are conceptual. The article analyzes the characteristics of the plot construction of these works, the features of writer's style, principles of creating an image of Paradise, and the artistic interpretation of the image of the child.

Keywords: F.M. Dostoevsky, M. Gorky, the image of Paradise, the image of the child, plot.

Ф.М. Достоевский и М. Горький стали для русской литературы своего рода символическими фигурами. При этом, на первый взгляд, они воспринимаются как антагонисты, тогда как в действительности их творческие взаимоотношения этим далеко не исчерпываются: существует масса параллелей и перекличек на уровне как проблематики, так и поэтики их произведений [прим. 1]. В этом аспекте представляет большой интерес тема ребёнка в осмыслении этих писателей, в частности в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского и сказке «Яшка» М. Горького.

Прежде всего, заметна *параллель в сюжетике* этих произведений. И в том и в другом случае взято за основу трагическое событие – смерть ребёнка. Достоевский этим заканчивает повествование – Горький же с него начинает. Причём *художественная функция этого события и способы его воплощения* в названных произведениях различны. Суть этих различий выводит читателя на вопросы мировоззренческого характера, которые решаются авторами не только в романах с философской проблематикой, но и в малых эпических формах, как в данном случае.

Тема «слезинки ребёнка» близка и тому и другому писателю: они показывают враждебность действительности по отношению к детям, беззащитным перед злом. В обоих произведениях ребёнок умирает из-за равнодушия и жестокости взрослых, в обоих случаях смерть представляется как избавление от страданий. Но во многом *этот сюжетный ход не столько объединяет*

рассказ Достоевского и сказку Горького, сколько, напротив, выявляет несовпадение авторских позиций.

У Достоевского большая часть рассказа посвящена событиям, которые *предшествовали* трагедии. Автор даёт описание мальчика, рассказывает, как он попал на улицу, подчёркивает, что никому не было до него дела: его предпочёл не заметить полицейский, потом его прогнали с праздника, в конце концов закономерным итогом становится то, что он прячется ото всех и замерзает – всё это представляет собой достаточно *развёрнутую линию повествования*. У Горького же вся история жизни и смерти героя укладывается в *одну фразу*: «Жил-был мальчик Яшка, били его много, кормили плохо, потерпел он до десяти лет, видит – лучше не жить ему, захворал да и помер» [6, с. 442].

В рассказе Достоевского картина жестокой зимы, подробное изображение постепенно замерзающего ребёнка, частое использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («ножки», «ручки», «пальчики», «копеечка»), риторические восклицания – всё направлено на усиление образа самого страдания, на то, чтобы вызвать сочувствие к герою. В сказке Горького тоже есть маленькие фрагменты, написанные в подобном стиле, но они касаются не Яшки, а святых в Раю, рассказывающих о своих мучениях. И в подаче Горького это вызывает не столько сострадание, сколько чувство тоски от монотонности и однообразия рассказов, ведущихся для того, чтобы завоевать расположение Бога, привлечь внимание к собственным мучениям.

Мальчик же не говорит о своих страданиях, воспринимая их просто, без трагизма и не желая вызвать жалость.

По стилю *Достоевский приближается к сентиментализму, Горький же – к минимализму*. Подобными стилистическими особенностями характеризуется повествование и в других, «знаковых» для этих авторов текстах: в главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы» и в повести «Детство». Иван Карамазов рассказывает Алёше о детских слезах и страданиях со многими подробностями, создавая страшную картину в ярких красках. В повести «Детство» эти краски внешне «приглушены», повествование «сухое», без прямого описания страданий героя, но от этого оно не делается менее впечатляющим: стилистические приёмы подчёркивают обыденность происходящего, а это и есть страшная суть жизни «неумного племени».

Ещё одна значимая параллель между рассказом «Мальчик у Христа на ёлке» и сказкой «Яшка» – это *образ Рая*. Различия в подходе к этому образу определяются мировоззренческими позициями авторов.

Религиозные взгляды Достоевского нередко становились объектом осмысления философов и литературоведов. Существует такая точка зрения, что все христианские сентенции писателя и его героев есть выражение его борьбы с собственным безверием. Мережковский высказал однажды догадку, которая оказалась неожиданной для него самого, о неверии Достоевского: «Как будто иногда пугался он своего собственного лица, которое казалось ему чересчур новым и мятежным... и уж во всяком случае недостаточно византийски-православным; и это истинное лицо прятал под масками своих раздвоенных героев... так хорошо прятал, что иногда и сам не мог найти лица своего под личиною... И тут вдруг едва не срывается у нас жуткий вопрос: ну, а что если Достоевский «просто не верит в бога?» Что если он потому именно откладывал да откладывал и так до конца и не разъяснил своей собственной «формулы» религии, что слишком боялся, как бы не пришлось ему сказать втайне совести своей, подобно Шатову: «Я верую в Россию, верую в ее православие. А в бога... в бога я буду веровать» [10]. К подобному пониманию религиозных взглядов Достоевского приходили В. Розанов в исследовании «Легенды о великом инквизиторе», Л. Шестов в работе «Достоевский и Ницше (философия трагедии)». Противоположной позиции придерживался Н. Бердяев. По его мнению, Достоевский с огромной силой обличает антихристианство и утверждает христианское понимание жизни, свободы: «И не было еще... такого обнаружения божественности свободы, свободности Христова духа» [2, с. 231], подобную точку зрения выражал и С.Н. Булгаков в своей статье «Иван Карамазов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип». Есть и еще одно решение этой проблемы, оно заключается в том, что позиция Достоевского внутренне противоречива, это борьба веры и безверия – об этом писал А.С. Долинин в монографии «Последние романы Достоевского». И в «Записных книжках», и в «Дневнике писателя», и в письмах можно найти немало мыслей, подтверждающих факт сомнений Достоевского. «Если бы кто

мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной» [8], – в такой постановке и такой формулировке проблемы выражена не только несомненность выбора христианства, но и возможность сомнения, иначе не возник бы сам вопрос выбора.

В отношении горьковской религиозной позиции критики сходятся в том, что писатель не был религиозен в общепринятом смысле слова. Об этом пишет, например М. Агурский, называя Горького «великим еретиком» [1] и отмечая: «...он ненавидел любую официальную религию». «Горький ставит в центре мира человека, человеческое начало, даже когда говорит об этом начале как о Боге <...> У Горького своя “религия”. Недаром он однажды признался в “религиозном преклонении перед творческой силой разума человеческого”» [9]. В сознании писателя вера в Бога заменилась верой в разум человека. Само по себе горьковское богостроительство было формой атеизма, поскольку оно базировалось на мысли о том, что человек энергией разума творит Бога. И в то же время вера писателя в человека, в великую идею несла в себе черты религии.

Таким образом, религиозные воззрения как Достоевского, так и Горького нельзя истолковывать однозначно, однако дело не только в них. В художественных произведениях отражается не только вера или неверие писателя, но и отношение его к религии: принимает ли он этическую доктрину определённой религии (ведь принимать христианскую *этику*, например, может и человек неверующий), её воспитательное значение, влияние на личность и т.п. И если посмотреть на наследие обоих упомянутых авторов с этой точки зрения, то можно с уверенностью сказать, что Достоевский принимает христианство – а конкретно православие – как этический идеал, а Горький к этой религиозной концепции, как и к другим, относится скептически (почему и формируется в его сознании некая *новая вера*). Именно данный аспект религиозных взглядов писателей отражается, в частности, в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» и сказке «Яшка».

У Достоевского – в традициях христианства – образ Рая становится воплощением *красоты, духовной гармонии, светлой радости*; он создан писателем по контрасту к земной жизни героя: «...о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: все блестит, все сияет и кругом всё куколки, – но нет, это всё мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, берут его, несут с собою, да и сам он летит, и видит он: смотрит его мама и смеется на него радостно <...> все они теперь как ангелы, все у Христа, и он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей все стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнает своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слезы своими ручками и упрашивают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...» [7, с. 17].

Горький же представляет Рай с точки зрения скепти-

ка, атеиста, воспринимающего по контрасту его внешний облик, который красив и гармоничен, и духовную суть существования человека в этой обстановке. Внешнее описание не противоречит традиционному пониманию Раю: «Смотрит Яшка – невиданно хорошо в раю: посреди зелёного луга, на золотом стуле, сидит господь Саваоф, седую бороду поглаживает, озирается всевидящим оком, райские цветы нюхает, райское пение слушает; везде – во цветах, на деревьях – херувимы с серафимами осанну поют...» [6, с. 442]. Однако сам характер бытия в таком красивом, но статичном мире – это для Горького прежде всего однообразие и порождённая им скука. У Достоевского в образе Раю внешнее и духовное гармонируют: свет вокруг героя – и свет в его душе; Рай здесь не означает статики и отсутствия переживаний, развития: для мальчика это обретение единства с ангелами, встреча с матерью, радость за себя и за других – это *жизнь*, только на ином её этапе, в иной обстановке и с иным смыслом. В горьковской же сказке Яшка видит, как сам Бог, несмотря на красоту пейзажа, заскучал в Раю, слушая, как святые постоянно говорят о том, какие они претерпели мучения: «Слушает господь, – немножко морщится. – Да уж ладно! – говорит. – Уж слышал я это, ведь вы почти две тысячи лет одно и то же поёте. Ну, – пострадали, помучились, покорно вас благодарю за это, только – спели бы вы хоть разок весёлое что-нибудь, а?» [6, с. 442]. Здесь имеет смысл вспомнить горьковское *отношение к страданию*. Если в восприятии Достоевского страдание очищает душу человека, ведёт к духовному совершенствованию, то Горький этой идеи принципиально не принимает: «Можем ли мы внушить сами себе и друг другу отвращение к страданию, преступлению, ко лжи, жестокости и всей той подлой пыли, которой так много в душе каждого из нас, кто бы он ни был, сколь бы высоко «культурным» им считался? Истинная суть и смысл культуры – в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать. Нужно научиться ненавидеть страдание, только тогда мы уничтожим его» [3]. Горький «видит, что человек страдает – и это страдание переходит в него, и он ненавидит страдание, он хочет убить его во всём бытии, чтобы избавиться себя от внутренней боли» [9]. Оставим на совести автора – М. Дунаева, настроенного весьма враждебно по отношению к Горькому, – подспудный намёк на эгоизм писателя. Ведь в том, чтобы почувствовать чужое страдание как своё и состоит христианский принцип любви к ближнему, искренне принимаемый атеистом Горьким. И ненависть к страданию для него часть любви к человеку, к жизни, к борьбе, к свету. Страдание же в его восприятии – это зло, которое абсурдно превозносить. Именно поэтому он в процитированной выше заметке из «Несвоевременных мыслей» выстраивает весьма красноречивый ряд однородных членов: страдание – преступление – ложь – жестокость – подлая пыль. И в сказке «Яшка» явно выражено авторское неприятие культа страданий. Отсюда же черты минимализма в стиле, в отличие от сентиментальности Достоевского. Отсюда и вообще негативное отношение Горького к Достоевскому:

«Неоспоримо и несомненно: Достоевский – гений, но это злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжкой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и – противоположность ее – мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства одна-ко рисуясь им пред всеми и пред самим собою» [4].

Отсутствие в Раю новых впечатлений, действия, радости, рассказы святых о своих страданиях, видящиеся автору однообразными и монотонными, – всё это в сказке Горького снижает образ Раю (тем самым снижает, дискредитирует мечту человека о нём) и определяет отношение к нему со стороны главного героя. И это снова возвращает нас к сопоставлению этого произведения с рассказом «Мальчик у Христа на ёлке». У Достоевского Рай становится воплощением абсолютного добра, там даже слёзы льются лишь от умиления. *Бог спасает ребёнка* от жестокости земного мира, он жалеет его и других несчастных детей и даёт им возможность стать счастливыми, обрести радость, веселье, которого не было в прежней жизни. У Горького же ситуация противоположная: *ребёнок жалеет Бога*, видя его уставшим от однообразия, скуки: «– Слушай-ко, – деловито сказал Яшка, – ты вот что сделай, ты меня верни назад на землю, а я там выучусь на балалайке играть, и когда второй раз помру, так буду тебе весёлые песни петь с балалайкой, – ладно? И тебе веселее будет, и я недаром стану в раю торчать. Поглядел на него господь из-под густых бровей, погладил бороду седую и тихонько спросил:

– Али тебе, Яшка, жалко стало меня?

– Жалко! – сказал Яшка...» [6, с. 444].

Стоит также отметить различия в подходах писателей к *художественной трактовке образа ребёнка*. В рассказе Достоевского мальчик описан с точки зрения взрослого, чувствующего его переживания, очень живые и понятные. Однако здесь ребёнок показан по преимуществу как *объект* того или иного отношения к нему: равнодушного или жестокого со стороны людей и тёплого со стороны Бога. Сам же маленький герой *почти лишён активного начала*, воли. На протяжении действия он лишь бежит, прячется. Он воплощение беспомощности и незащитности, что усиливает идею автора, гуманистический пафос рассказа. Что же касается героя горьковской сказки, то он изображён как *субъект действия*, он олицетворяет собой активную волю, он принимает решение, определяет собственную судьбу. Даже умирает он как будто по собственной воле, взвесив обстоятельства: «... потерпел он до десяти лет, видит – лучше не жить ему, захворал да и помер» [6, с. 442]. И, снова приняв самостоятельное решение, потом возвращается на землю. Того страха и трепета, которые испытывает герой Достоевского, в горьковском Яшке совершенно нет – есть готовность жить и бороться.

Эти различия в трактовке образа ребёнка отражают *расхождение в идейных замыслах произведений*. Пафос Достоевского – это гуманизм, христианская лю-

бовь к ближнему, как к самому себе. Сентиментальность стиля, подробности детских страданий и переживаний – всё это направлено на порождение в сознании читателя психологического «механизма» идентификации героя с собой, а значит, максимального понимания и сочувствия. Пафос Горького – призыв к активности, к тому, чтобы не сосредотачиваться на собственных страданиях, а принимать жизнь как поле деятельности и борьбы. В одном из писем Л. Андрееву Горький так выразил своё *specto* (мимоходом в очередной раз противопоставив себя Достоевскому и его герою Ивану Карамазову): «Мир держится деяниями и – чем далее, тем более становится актуален, человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, – кто бы он ни был, – мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик. Многие, прельстясь развратной болтовней азиата и нигилиста Ивана Карамазова, трактуют пошлейше о «неприятности» мира, ввиду его «жестокости» и «бессмыслия» – будь я генерал-губернатором, я бы не революционеров ве-

шал, а вот этих самых «неприемщиков», зане сии языкоблудцы для страны нашей вреднее чумных крыс». [5, с. 10-11]. Создавая в 1919 г. сказку «Яшка», он фактически выразил ту же самую мысль.

При всех различиях, которые были отмечены выше, произведения Достоевского и Горького всё же сходны не только по теме. Их объединяет и **соотношение вымысла и реальности**. В рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» автор прямо говорит о том, что описывает он вымышленный случай: «... я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу: «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил» [7, с. 14]. Горький даёт своему произведению подзаголовок «Сказка», говорящий сам за себя. При этом в обоих произведениях изображены вполне реальные, типические характеры и закономерности жизни, какими их видят авторы, так что форма вымышленного святочного рассказа или сказки заключает в себе социально-философское содержание, совершенно реальное и концептуальное для автора.

Примечания

О тенденциях и направлениях исследования данной темы см. подробнее: Сухих О.С. «Горький и Достоевский: продолжение «Легенды...»». Нижний Новгород, КиТиздат, 1999. 143 с.; Матвеев Е.Р. Достоевский в художественном восприятии Горького. Автореферат дисс. ... кандидата филологических наук. М., 1998 (<https://vivaldi.nlr.ru/bd000229179/view#page=1>).

Библиографический список

1. *Агурский М.* Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/NSM/eretik.htm> (дата обращения - 17.04.2015).
2. *Бердяев Н.* Великий инквизитор // О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 219-243.
3. *Горький М.* «Несвоевременные мысли»: Заметки о революции и культуре. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/2378/p.34/index.html> (дата обращения - 17.04.2015).
4. *Горький М.* О карамазовщине. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-349.htm> (дата обращения - 16.04.2015).
5. *Горький М.* Письмо Л. Андрееву. Капри, 1912 г. // Переписка А.М. Горького: в 2 тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. С. 10-11.
6. *Горький М.* Яшка // Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 тт. Т. 16. М.: Наука, 1973. С. 442-444.
7. *Достоевский Ф.М.* Мальчик у Христа на ёлке // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Том 22. Л.: Наука, 1981. С. 3-17.
8. *Достоевский Ф.М.* Письмо Н.Д. Фонвизиной, 1854 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-fonvizinoj-konec-yanvarya-20-e-chisla-fevralya-1854.htm> (дата обращения - 17.04.2015).
9. *Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/16/ (дата обращения - 17.04.2015).
10. *Мережковский Д.* Толстой и Достоевский. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (дата обращения - 17.04.2015).

References

1. *Agurskii M.* Great heretic (Gorky as a religious thinker) [Electronic resource] - Mode of access: <http://alt-future.narod.ru/NSM/eretik.htm> (date of treatment - 17.04.2015).
2. *Berdyayev N.* The Grand Inquisitor // About the Grand Inquisitor. Dostoevsky and the next. M.: Molodaya Gvardiya, 1991. Pp 219-243.
3. *Gorky M.* Untimely Thoughts: Notes on the Revolution and culture. [Electronic resource] - Mode of access: <http://ilibrary.ru/text/2378/p.34/index.html> (date of treatment - 17.04.2015).
4. *Gorky M.* About Karamazovism. [Electronic resource] - Mode of access: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-349.htm> (date of treatment - 16.04.2015).
5. *Gorky M.* Letter to L. Andreev. Capri, 1912 // Correspondence of A.M. Gorky in 2 vols. V. 2. M.: Artistic Literature, 1986. Pp. 10-11.
6. *Gorky M.* Yashka // Gorky M. Fuller. cit. cit.: 25 vols. V. 16. M.: Science, 1973. Pp. 442-444.
7. *Dostoevsky F.M.* The boy at Christ Christmas tree // Dostoevsky F.M. Complete collection of works: 30 vols. V. 22. L.: Nauka, 1981. Pp. 13-17.
8. *Dostoevsky F.M.* Letter to N.D. Fonvizina, 1854 [Electronic resource] - Mode of access: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-fonvizinoj-konec-yanvarya-20-e-chisla-fevralya-1854.htm> (date of treatment – 17.04.2015).
9. *Dunayev M.M.* Faith in the crucible of doubt. [Electronic resource] - Mode of access: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/16/ (date of treatment – 17.04.2015).
10. *Merezhkovskii D.* Tolstoy and Dostoevsky. [Electronic resource] - Mode of access: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (date of treatment – 17.04.2015).

И.В. ТИМОШЕНКО

аспирант, кафедра английской филологии, Орловский
государственный университет

I.V. TIMOSHENKO

Graduate student, Department of English philology, Orel
State University

**АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРТИКЛЕЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)**

**ANALYSIS FUNCTIONING OF THE ARTICLES IN THE FRENCH LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF PARALLEL TEXTS)**

В статье рассматриваются ход и результаты исследования функционирования артиклей во французском языке, выполненного на материале параллельных текстов – переводов с русского языка. Рассмотрена основная причина несоответствий в выборе артиклей при выполнении различными переводчиками перевода одного исходного текста.

Ключевые слова: детерминация, артикль, определенность-неопределенность, референция существительного, функционирование артикля, интерпретация языковой ситуации.

The article presents the results of an analysis of functioning of the articles in the French language carried out on the material of parallel texts. The possible root causes for the mismatches in the article choice made by different translators when translating the same original text are considered.

Keywords: determination, article, definiteness/indefiniteness, noun reference, article functioning, interpretation of the speech situation.

В данной статье представлены результаты сопоставительного исследования, выполненного в рамках диссертационной работы.

Система французского артикля получила разные описания в лингвистической литературе, и одним из наиболее дискуссионных вопросов является выражение артиклем категории детерминации, также называемой категорией определенности-неопределенности. Определенность-неопределенность трактуется рядом авторов как указание на осведомленность или неосведомленность коммуникантов о предмете речи [Гак 1986, 1991], «соотнесенность существительного с его референтом» [Илия 1956] и опосредованное «определение объема реферируемого понятия» [Wagner, Pichon 1991]. При этом под «определением объема понятия» понимается, главным образом, «выражение некоего предметного отношения, которое становится основой выражения [...] характеристики типа предметов, выделяемых [...] из «объема» понятия» [Павлов В.М. 1960]. Не менее широко распространена точка зрения, сторонники которой указывают на несоответствие двойственной сущности категории детерминации, предполагающей противопоставление определенности и неопределенности, находящих выражение в определенном и неопределенном артиклях. Так, В. Гуревич предлагает рассматривать категорию «определенности-неопределенности-обобщенности», что позволяет включить в систему артикля более двух компонентов. А.А. Реформатский рассматривает нулевой артикль как отсутствие всякого артикля, сравнивая его с нулевой флексией, тем са-

мым тоже предлагая своеобразное решение проблемы несоответствия количества возможных практических воплощений категории детерминации и количества артиклевых форм [Реформатский 1967]. Ф.А. Литвин указывает на «семантическую неопределенность» терминов «определенный» и «неопределенный» (определенность и неопределенность), считая, что это исключительно «традиционные названия», и предлагает использовать другую терминологию, не содержащую компонентов «определенный», «неопределенный» и т.п. [Литвин 2012]. Мы разделяем эту точку зрения и исходим из положения, что система артикля предполагает наличие большего количества потенциальных значений, нежели два противопоставленных друг другу. Система человеческого мышления и восприятия, во многом влияющая на языковые системы, предполагает наличие большего выбора, чем из двух вариантов, отдавая наибольшее предпочтение трех-пятикомпонентным системам как дающим одновременно возможность выбора и простоту оперирования компонентами. Каждый из таких компонентов в системе артикля представлен некоторым семантическим инвариантом, который воплощается в речи в виде конкретной артиклевой формы. Артикль участвует в процессе актуализации реферируемого им существительного. Актуальный объем понятия определяется частично адресантом при построении высказывания и частично адресатом в процессе интерпретации им этого высказывания, и артикль сигнализирует тип актуализации существительного в каждой данной ситуации, который определяет адресант, ориентируясь на так на-

зываемые «механизмы совместного знания» участников коммуникации об объекте, обозначаемом существительным (*shared knowledge*) [Кубрякова и др. 1996: 174]. При этом артикль получает статус актуализатора существительного. Выражение артиклем категории определенности/неопределенности рассматривается как выражение «вида референции», т.е. артикль является особым способом указания на референцию существительного. Под референцией понимается «отнесённость актуализованных (включённых в речь) имён, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [ЛЭС].

В рамках проводимого нами исследования мы используем описание системы артикля, состоящей из 4 компонентов. Ранее нами была описана троичная система артикля [11], на основе которой был осуществлен анализ функционирования английского артикля. Однако система французского артикля отличается от системы английского артикля и, в первую очередь, тем, что помимо трех основных компонентов (определенного, неопределенного и нулевого артиклей), которые характерны для многих артиклевых языков, во французском языке представлен частичный артикль, не имеющий такого широкого распространения (помимо французского, частичный артикль представлен в итальянском языке, где выполняет схожие задачи). При этом частичный артикль является полнофункциональным компонентом системы французского артикля. Другими отличиями являются, например, наличие формы множественного неопределенного артикля и более широкое употребление артиклей с именами собственными, с неисчисляемыми существительными, имеющими абстрактное, вещественное значение, чем в рассмотренном нами ранее английском языке. Своеобразие системы французского артикля описывает В.Г. Гак, который, помимо описания частичного артикля, указывает также на особенность, связанную с неупотреблением артикля в ряде конструкций, например, после предлога *de* [Гак 2000].

Однако, несмотря на существующие различия систем английского и французского артикля, возможно применить тот же подход, что был использован нами при рассмотрении функционирования английского артикля [11]. О такой возможности пишет Ф.А. Литвин, отмечая, что «описание особенностей французского артикля [предложенное В.Г. Гаком – И.Т.] вполне совместимо с тем форматом представления системы артиклей, которое изложено выше: в нём не затрагиваются концептуальные основы такого представления» [Литвин 2014].

Частичный артикль, характерный для французского языка, «показывает благодаря *de* обратное движение мысли от всеобщего к частному (как бы взятие части от целого)», пишет В.Г. Гак и уточняет, что «артикль *du* выражает несчисляемость (недискретность) объекта. Он представляет собой *article de matière, article de massivité*» [Гак 2000]. Другими словами, частичный артикль во французском языке соответствует по своему назначению нулевому артиклю в английском языке.

Нулевой артикль во французском языке имеет не-

сколько более ограниченную сферу употребления, чем в английском, но его наличие сомнений не вызывает. О существовании нулевого артикля можно говорить в тех случаях, когда отсутствие морфологически выраженного артикля при имени несет особое значение, проявляющееся в конкретной речевой ситуации. Сходной точки зрения придерживается М.Ю. Добеева, которая говорит о разграничении «положительного артикля» и нулевого, а также об отличиях последнего от отсутствия артикля, и уточняет, что «случаи собственно отсутствия артикля связаны с архаическим типом актуализации (глагольные выражения, предложения, поговорки и т.д.)» [Добеева 2003].

Как и в системе английского артикля, в рассматриваемой нами системе французского артикля значению «выделение из класса» соответствует инвариант значения определенного артикля; инвариант значения неопределенного артикля – это «отнесение к классу», нулевой артикль используется для маркирования недискретности множества и инвариант его значения – «именование класса» без выделения отдельных элементов [см. Литвин 2014]. В английском языке нет однозначных указаний на дискретность/недискретность множества, а во французском языке существует форма множественного числа неопределенного артикля – *des*, используемая для маркирования дискретных множеств. В этом проявляется национальная специфика системы французского артикля. Частичный артикль, как и нулевой, используется для указания на недискретность множества, но, в отличие от нулевого артикля, он употребляется только с неисчисляемыми (часто – вещественными) существительными со значением «некоторой неопределенной части от целого», т.е. частичный артикль «именует класс», в котором невозможно выделить отдельный предмет, а можно выделить только его часть.

Нами были проанализированы два перевода главы XXV романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на французский язык, выполненные профессиональными переводчиками-носителями языка перевода. В выборку для изучения вошли 1194 существительных. Существительные, вошедшие в выборку, сравнивались попарно: пару образовывали существительные, использованные для передачи значений существительных или именных групп из текста оригинала в рассматриваемых двух текстах переводов (по одному из каждого перевода соответственно). В результате анализа выборки выявлено 546 совпадений и 51 несовпадение в употреблении артиклей, т.е. количество несовпадений составило 8,54% от общего числа проанализированных пар существительных.

Наличие совпадений подтверждает, что механизм функционирования артикля основывается на его семантическом инварианте, а наличие несовпадений указывает на возможность вариаций при интерпретации ситуации. Процесс интерпретации исходной языковой ситуации и выбора соответствующего артикля при переводе у переводчика-носителя языка происходит подсознательно, но мы можем построить модель осно-

ваний для этого выбора и попытаться выявить причины несовпадений.

Например, *жевал лимон и пил опять. // et mâchait du citron, puis buvait de nouveau. // suçait un citron, et buvait de nouveau.* В первом переводе *лимон* рассматривается как номинант недискретного множества, соотносящегося с вещественным понятием, выраженным неисчисляемым существительным, что обуславливает выбор частичного артикля в качестве актуализатора. Но это существительное можно рассматривать и как именованное предмета, относящегося к классу, но не выделенного из него, что позволяет маркировать существительное неопределенным артиклем, как это сделал второй переводчик. Так как в исходном тексте нет однозначных указаний на то, какой тип референции следует выбрать при переводе, каждый переводчик делает выбор, исходя из собственного понимания текста, выражая этот выбор использованием того или иного артикля.

Рассмотрим другой пример: – *Цекуба, тридцатилетнее, – любезно отозвался прокуратор. // – C'est du vin de Cécube. Il a trente ans, répondit avec affabilité le procureur. // – Un cécube, de trente ans d'âge, répondit aimablement le procureur.* Использование частичного артикля с номинативной группой *vin de Cécube*, с помощью которой передается оригинальное *Цекуба* в первом переводе, обусловлено трактовкой данной группы как именуемой недискретное множество. Второй переводчик использует для передачи существительного из оригинального текста его прямой аналог *cécube*, рассматривая его как отнесение именуемого объекта к классу. Во втором переводе подразумевается один из сортов вина, который называется *Цекуба*, а в первом переводе *Цекуба* обозначает регион происхождения вина с очевидным подтекстом, что такого вина не производят нигде, кроме этой местности (переводчик использует для этого конструкцию со значением «вино из *Цекубы* (провинции *Цекуба*)»). В оригинальном тексте нет противопоказаний для осуществления той или иной интерпретации. Это и становится основной причиной несовпадений в данном примере.

Рассмотрим еще одно несовпадение: *Ливень хлынул неожиданно, // Soudain, la pluie jaillit, torrentielle. // Une pluie torrentielle se déclencha inopinément*, где по той же причине каждый переводчик может основывать выбор артикля на своей субъективной интерпретации текста. Существительное *ливень* в первом переводе передано с помощью номинатива *pluie* с определенным артиклем,

который несет значение выделения из класса. Во втором переводе с этим же номинативом использован неопределенный артикль со значением отнесения к классу. Первый переводчик рассматривает упоминаемый в исходном тексте «*ливень*» как отдельный объект реальности, связанный с ранее описываемыми в тексте природными явлениями и потому выделенный из общего класса объектов «*ливень*». Второй переводчик использует другую интерпретацию исходного фрагмента текста: он ориентируется на то, что существительное, номинирующее объект «*ливень*», не имеет при себе каких-либо характеристик и описаний, способных прямо и однозначно выделить его из класса, и, исходя из этого, он выбирает неопределенный артикль, обозначая рассматриваемый объект как принадлежащий к конкретному классу, но не выделенный из него.

Нет таких указаний и в следующем примере: *и тяжёлые удары грома // et le sourd fracas du tonnerre // et les pesants coups de tonnerre.* В первом переводе существительное *tonnerre*, с которым употреблен определенный артикль *le* (слитный с предлогом *de*), имеет значение выделения объекта из класса. Второй переводчик выбрал нулевой артикль, рассматривая существительное *tonnerre* как класс без выделения отдельных элементов. В исходном тексте нет однозначных указаний на тип референции, поэтому оба выбранных варианта одинаково возможны.

Выявленные в ходе исследования переводов главы XXV романа «*Мастер и Маргарита*» на французский язык несовпадения говорят о том, что при отсутствии однозначных указаний в исходной языковой ситуации переводчик выбирает одну из возможных интерпретаций, основываясь на своем восприятии соответствующего фрагмента оригинального текста. Это не зависит от того, на какой язык осуществляется перевод: несовпадения, сходные по своей природе, есть и в переводах проанализированной главы на английский язык, и в её переводах на французский. В основе рассмотренных несовпадений лежит отсутствие жестких указаний на тип референции номинативной группы в оригинальном тексте. В случае, когда оригинальный текст не содержит соответствующих однозначных указаний, переводчик интерпретирует текст, опираясь на собственное понимание оригинала, адресатом которого он является, и одновременно формирует текст перевода, будучи его адресантом.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1986.
2. Гак В. Г. Неопределённость в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С.72-86.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
4. Илья Л.И. Артикль во французском языке. М.: Учпедгиз, 1956.
5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Словарь когнитивных терминов. М., 1996.
6. Литвин Ф.А. Сопоставительный анализ содержания одноименных знаковых единиц в близкородственных языках. Нижний Новгород, 2012.
7. Литвин Ф.А. Общее и национально-специфическое в семантике артикля в разных языках // «Общество & человек», № 2 (8), Санкт-Петербург, 2014. С. 89-99.

8. Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // ВЯ. 1960. № 2. С. 65-70.
9. Реформатский А.А. Введение в языковедение, 4-е изд., М, 1967.
10. Тимошенко И.В. Опыт анализа функционирования артиклей в английском языке (на материале параллельных текстов) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 2 (65). С. 161-165.
11. Лингвистический энциклопедический словарь: Референция (Н.Д. Арутюнова): <http://tapemark.narod.ru/les/411a.html> (дата обращения: 05.04.15)
12. René-Louis Wagner et Jacqueline Pichon; Grammaire du français classique et moderne, «Hachette Education», 1991.
13. Michail Boulgakov. Le Maître et Marguerite. Traduit du russe par Claude Ligny. Pavillons poche Robert Laffont. Villeneuve-d'Ascq, 2012. © Traduction française: Éditions Robert Laffont, S.A. – ALAP, Paris, 1968, 2012.
14. Michail Boulgakov. Le Maître et Marguerite. Texte présenté, traduit et annoté par Françoise Flamant. Gallimard. © Éditions Gallimard, 2004, pour la traduction française; 2004 et 2011 pour la préface et le dossier.

References

1. Gak V.G. Theoretical grammar of French (syntax). M.: Higher School, 1986.
 2. Gak V.G. Indefiniteness in the plane of contest and in the plane of expression // Theory of functional grammar: Personality. Clause. SPb. 1991. Pp. 72-86.
 3. Gak V.G. Theoretical grammar of French. M.: 2000.
 4. Ilya L.I. Article in the French language. M.: Prosveschenie, 1956.
 5. Kubryakova E.S.; Demyankov V. Z., Pankratz Yu. G., Luzina L.G. Dictionary of cognitive terms, M. 1996.
 6. Litvin F.A. Comparative analysis of similarly named sign units in closely related languages, N. Novgorod, 2012.
 7. Litvin F.A. Common and national-specific in the semantic of articles in different languages // "Society & Man", № 2 (8), St. Petersburg, 2014. Pp. 89-99.
 8. Pavlov V.M. Classes of Adjectives in Russian // Problems of Linguistics. 1960. № 2. Pp. 65-70
 9. Reformatskiy A.A. Introduction to linguistics, M., 1964.
 10. Timoshenko I.V. An experience of analysis of articles' functioning in the English language (on the material of the parallel texts) // Scientific notes of Orel State University. 2015. №2 (65). Pp. 161-165.
 11. Linguistic encyclopedic dictionary: Reference (N.D. Arutyunova): <http://tapemark.narod.ru/les/411a.html> (url checked: 05.04.15) [E-source]
 12. René-Louis Wagner et Jacqueline Pichon; Grammaire du français classique et moderne, «Hachette Education», 1991.
 13. Michail Boulgakov. Le Maître et Marguerite. Traduit du russe par Claude Ligny. Pavillons poche Robert Laffont. Villeneuve-d'Ascq, 2012. © Traduction française: Éditions Robert Laffont, S.A. – ALAP, Paris, 1968, 2012.
 14. Michail Boulgakov. Le Maître et Marguerite. Texte présenté, traduit et annoté par Françoise Flamant. Gallimard. © Éditions Gallimard, 2004, pour la traduction française; 2004 et 2011 pour la préface et le dossier.
-
-

М.Г. УРТМИНЦЕВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: urtminzeva@yandex.ru

M.H. URTMINZEVA

Doctor of Philology, Professor, Department of Russian literature, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: urtminzeva@yandex.ru

**СИКВЕЛ ПОВЕСТИ А. ГАЙДАРА «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА» В РОМАНЕ
Ю. ПОЛЯКОВА «ГИПСОВЫЙ ТРУБАЧ»**

**THE SEQUEL NOVEL BY A. GAIDAR "TIMUR AND HIS TEAM" IN THE NOVEL
YU. POLYAKOV "GYPSUM TRUMPETER"**

В статье рассматриваются перспективы рецептивного подхода к исследованию структуры текста в рамках концепции «игровой структуры», представляющей собой опыт интерпретации феноменов предшествующей культурной традиции. В результате проведенного анализа романа Ю. Полякова «Гипсовый трубач» были установлены функции повторения сюжетной структуры повести А. Гайдара, раскрыт ее онтологический и аксиологический статус и смысловой потенциал, связанный с реализацией замысла романа о трагедии русской творческой интеллигенции периода перестройки.

Ключевые слова: Ю. Поляков, «Гипсовый трубач», А. Гайдар, сиквел, игровая структура, культурная традиция.

The article discusses the prospects of the receptive approach to studying the structure of a text within the conception of «game patterns» that represents an interpretation of the phenomena of earlier cultural traditions. The analysis of the novel «Gipsovyuy trubach» («Gypsum Trumpeter») by Yu. Polyakov has allowed us to define the functions of A. Gaidar's novel plot structure recurrence in the novel and revealed its ontological and axiological status and semantic potential associated with the implementation of the idea of the novel about the tragedy of the Russian creative intelligentsia of the period of perestroika.

Keywords: Yu. Polyakov, «Gipsovyuy trubach», «Gypsum Trumpeter», A. Gaidar, a sequel, game patterns, cultural tradition.

В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос о методологии литературоведческих исследований. Современная русская литература, обращаясь к читателю, проверяет качество и уровень его литературного опыта, бросая вызовы и профессиональной критике и историкам литературы, перед которым стоит задача истолкования смысла произведения. Одной из частных задач современной герменевтики становится не создание универсальной модели интерпретации художественного текста, а определение условий, при которых происходит понимание. Ссылаясь на опыт Канта, для которого понимание не сводимо только к постижению мира с помощью понятийного мышления [6], Гадамер, пересмотрев концепцию «человека играющего» Хейзинги [9], еще в середине 60-х годов XX века высказал идею о тексте как о «игровой структуре», которую можно повторять бесконечно, то есть интерпретировать и применять обретенные смыслы в целях получения нового знания [4]. Таким образом, произведение искусства предстает перед нами как опыт, способный преобразовать субъект, а постижение смысла художественного произведения восстанавливает культурную традицию, в которой материализован предшествующий гумани-

тарный опыт. В процессе интерпретации происходит не только повторение структуры текста, но и постижение его аксиологии, что предполагает восстановление исторического контекста восприятия произведения. Для постижения многомерного смысла последнего романа Ю. Полякова «Гипсовый трубач», который отсылает читателя к разнообразному культурному опыту поколений, необходимо определить инструменты анализа, которые диктует не только сам текст, но и описать исторический контекст, обусловивший аксиологию произведения в целом. Задача нашей статьи – ответить на вопрос о ценностном смысле малой части культурной традиции, образующей текстовую структуру, которая представлена сиквелом повести А. Гайдара «Тимур и его команда», введенном в структуру романа о судьбах русской интеллигенции 90-х годов XX века.

Имя Ю. Полякова хорошо известно современному читателю. Это автор, в центре внимания которого всегда стоял вопрос о том, что собой представляет советская цивилизация, каковы причины ее распада. Этот писатель – чуткий наблюдатель и фиксатор того, что происходило со страной и с нами в эпоху кризиса, наступившего в результате перестройки и обнаружившего звериный

оскал нашей демократии в 90-е годы. Ю. Полякову принадлежит авторство создания словечка «апофегей» (из одноименной повести, 2001), которым обозначается атмосфера конца советской цивилизации. Координаты смыслообразования прозрачны – это наступление «смутных времен», когда высшая точка развития коммунистической идеи (ее апогей) приводит к ее наибольшему удалению от интересов народа [2]. Собственно исследованию постепенно зреющего кризиса, выражавшегося уже в конце 70-х в разрыве между словом и делом, русскостью и советскостью были посвящены его книги 1980-х: «Сто дней до приказа»(1979-1980), «ЧП районного масштаба»(1981-1984), «Работа над ошибками»(1985-1986), «Апофегей»(1988-1989), «Парижская любовь Кости Гуманкова» (1991), а затем и нулевых годов, «Козленок в молоке»(2001), «Демгородок» (2008), роман «Гипсовый трубач»(2008-2013), который был изначально заявлен как роман в двух частях.

Роман Полякова имеет подзаголовок – «геометрия любви». В основе сюжета – работа над созданием сценария фильма по автобиографической повести писателя Андрея Кокотова «Гипсовый трубач», которую он писал бессонными ночами, вспоминая о своей любви, случившейся в пионерском лагере, где он студентом проходил педагогическую практику. В процессе создания сценария фильма, происходит деформация основного сюжета, поскольку современная действительность, эпоха 90-х, вносит существенные коррективы в первоначальный замысел. Кино должно приносить прибыль, говорит бывший опальный режиссер Жарынин, поэтому сюжет сценария повести «подстраивается» под современные требования масскульта. Так Поляков мотивирует введение в роман еще одной линии – линии геометрии любви к своему отечеству, к его людям, без которой не существует настоящего писателя [10].

Роман Полякова – о трагической судьбе писателя, вынужденного писать «из хлеба много драни», кропать любовные романы под псевдонимом «Аннабель Ли», кланяться различным иностранным фондам, чтобы заработать на жизнь. Это роман и о судьбе символов советской эпохи – режиссерах, актерах, писателях, живущих в доме престарелых «Ипокренино», которых беззастенчиво обкрадывает директор, а демократическая власть всерьез строит планы захватить землю, дом и построить на этом месте то, что может приносить прибыль. Это роман о том, что происходило с творческой интеллигенцией в эпоху перестройки, о том, как непросто складывалась геометрия любви в России в 90-х годов. Сиквелу повести А. Гайдара «Тимур и его команда», введенному в текст, принадлежит особая роль в создании образа эпохи кризиса.

Термин «сиквел» пришел из лексикона кинематографии. Им называют картину, в которой продолжают действия уже ставшего успешным фильма. Сиквелы обычно снимают для того, чтобы «развить успех», заработать ещё несколько миллионов рублей или долларов. Сиквел в современной литературе – это тоже своего рода коммерческий проект, приносящий автору

прибыль. Именно с этой целью пишет продолжение знаменитой повести А. Гайдара «Тимур и его команда» писатель Кокотов, «страдающий от безнадежного безденежья». Прочитав в «МК», что знаменитый фонд Сэроса «объявил конкурс на лучшее произведение для детей и юношества, в котором «в живой и доходчивой форме раскрывалась бы антигуманная сущность советского строя, а также рассказывалось бы о самоотверженной борьбе демократических сил против ГУЛАГа»[7, 333], он, вдохновленный суммой вознаграждения, отправляет заявку в фонд с краткой аннотацией сиквела, разоблачающего «культовую советскую повесть «Тимур и его команда».

В заявке, отосланной в фонд, Кокотов выстраивает геометрию разоблачения советского режима, отталкиваясь от главной идеи повести Гайдара – идеи служения Отечеству как главной цели и смысла жизни. Главные герои повести – Тимур и Женя Александрова узнают, что истинная причина, по которой их дядя и отец идут на фронт, ничего общего не имеет с патриотизмом. Георгий Гараев открывает племяннику семейную тайну, о том, что он, Тимур, – прямой потомок владык Крыма ханов Гиреев, историческая задача которых – возратить Романовых в Кремль. Полковник Александров, бывший белогвардеец, участник заговора маршалов, накануне отъезда на фронт тоже раскрывает дочерям свою тайну и кончает жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки НКВД. Гараева по доносу сослуживцев отправляют в лагерь за попытку организовать монархическое подполье.

Отрекшийся от контрреволюционного дяди Тимур находит способ избавить страну от Сталина, нанеся ему тайный смертельный удар «поцелуй черного дракона» во время вручения вождю правительственной награды ударникам труда. А для этого, убеждает Тимур соратников, надо «учиться, учиться и еще раз учиться», чтобы стать лучшим в своей профессии. Став одним из лучших врачей СССР, Тимур получает возможность встретиться со Сталиным и узнает, что вождь знал о деятельности его команды и понимал, что Тимур, обладая «наследственным государственным мышлением», смог «заставить этот ленивый и неблагодарный народ строить социализм и укреплять державу». Растроганный Тимур признает, что Сталина послал «России Бог», и по просьбе вождя наносит ему смертельный удар, избавляя его от долгой и мучительной болезни.

Если в заявке Кокотов писал, что будущая повесть будет посвящена разоблачению советских идеалов, на которых строилась повесть Гайдара, то законченное произведение было отвергнуто председателем фонда Альбатросовым. Гнев Альбатросова вызвал финал повести, из которого следовал вывод, что все хорошее в СССР связано с именем Сталина. Это была идеологическая диверсия, которая шла вразрез с политикой Сэроса, направленной на «демократизацию» советского общества.

Действительно, на первый взгляд, чудовищное искажение основной идеи повести Гайдара могло бы

восприниматься как игра с читателем в духе постмодернистской иронии, если бы в тексте сиквела аллюзивно не присутствовали и другие его произведения, и само имя Гайдара как символа целой эпохи, эпохи 40-50-х годов, когда тимуровское движение охватило всю страну. Отряд, в котором работает пионерским вожатым Кокотов, носит имя Гайдара, в текст романа вмонтированы два финальных фрагмента повести «Тимур и его команда» и т.д. Даже сама идея возникновения сиквела – тоже «подказана» Гайдаром: им были созданы продолжения «Тимура»- сценарий повести «Командант снежной крепости»(1940) и сценарий фильма «Клятва Тимура»(1941), вышедшего на экран в январе 1942 года. Именно в сценарии фильма «Клятва Тимура», вышедшего на экраны после гибели Гайдара, появляется иронически окрашенная тема вождя и вождизма, опасности бюрократических принципов, получивших повсеместное распространение в стране. Она достаточно ясно проговаривается и в сценарии, и в фильме «Клятва Тимура», в которых Гайдар писал об изменениях, произошедших в организации работы команды: на чердаке все «упорядочено», висят таблички: «начальник штаба», «сорить воспрещается», «без приказа начальника подавать общий сигнал воспрещено», то есть утерян игровой момент, тайна добрых дел стала повседневной рутинной работой, проводимой под руководством Тимура. Команда «бунтует». Гейка, поддержанный Женей и Квакиным, обвиняет Тимура в том, что он слишком раскомандовался, зазнался, привык единолично решать, что и как делать. Как мы помним, начало войны снимает все противоречия в команде, и сценарий (фильм) завершается обращением полковника Александрова к Жене, который *клянется* дочери бить врага и от нее требует *клятвы*: «Женя, поклянись же и ты, что ради всех нас там у себя...далеко...далеко...ты будешь жить честно, скромно, учиться хорошо, работать упорно, много. И тогда, вспоминая тебя, даже в самых тяжелых боях я буду счастлив, горд и спокоен» [5,275]. И Тимур обещает Жене: «Я *клянусь*, Женя. Я давно знаю. И я научу тебя этой *клятве!*» Как видим, *клятва* Тимура в сиквеле почти дословно повторяет текст Гайдара: «учиться, учиться и еще раз учиться, принося пользу людям». Но если *клятва* Тимура в повести Гайдара и сиквеле демонстрирует *единство слова и дела*, то в романе Полякова фиксируется трагический разрыв между словом и делом: писатель Кокотов, создавший хорошую повесть о любви «Гипсовый трубач», строчит любовные романы, предавая и продавая свой талант.

Символическое значение в романе имеет и фамилия главного героя – Кокотов. Это вариант фамилии «Кочетов», то есть петух, крик которого возвещает о начале нового дня, таким образом судьба писателя Кокотова – предсказание грядущего – неизбежного и трагического. Трагедия поколения русской интеллигенции, оказавшейся в западне перестройки, заключается, по Полякову, в том, что именно в этот период происходит резкий разрыв нашей культуры с национальными традициями. Подражание западным принципам мора-

ли приводит к разрушению национальных основ жизни, что неизбежно ведет к разрушению и личности, и общества. Не случайно автор сиквела Андрей Кокотов, продумывая мотивацию рождения «тайной клятвы» взрослых тимуровцев, объединившей их на борьбу с символом эпохи – Сталиным, отвечает на вопрос, заданный временем, в соответствии с разрушенной идеологией советской государственности. Как же в романе объясняется «удивительный факт, давно не дающий покоя западным советологам и русистам в штатском: ну почему, почему, почему народ, изнывавший под железной сталинской пятой, истерзанный коллективизацией, культурной революцией, ГУЛАГом и прочими ужасами социализма...совершал беспримерные трудовые и боевые подвиги, великие научные открытия, создавал бессмертные произведения искусства?» На этот вопрос Кокотов отвечает, не погрешив против исторического факта: «Именно они, тимуровцы, обеспечили бесперспективному, по сути, советскому проекту исторический триумф и небывалые свершения, а именно: победу над Гилером, обретение атомного оружия и выход в космос»![7,347]

Несмотря на то, что это утверждение помещено в иронический контекст, его нельзя рассматривать как гротесковый образ социалистической идиллии или как издевательство писателя над идеалами невозвратной эпохи. Не забудем, что перед нами сиквел, который создавался в угоду западному заказчику и не был принят именно потому, что сквозь ловко придуманный сюжетный ход просвечивала совершенно иной смысл, выражение идеи, близкой Гайдару и поколению, выросшему на его книгах: понимание необходимости осознания социальных и нравственных противоречий, которые неизбежно возникали на пути к светлому будущему.

Как известно, Гайдар не смог завершить повесть «Синие звезды» (по мотивам убийства Павлика Морозова), главы из которой уже были опубликованы в журнале «Пионер». По одной из версий, не последнюю роль в этом сыграл приказ начальника политотдела МТС: «Посев сахарной свеклы закончить в течение восьми дней. Обеспечить привлечение к севу свеклы не только всех лошадей, но и все годное к работе поголовье коров». В редакцию журнала Гайдар отправил телеграмму с просьбой прекратить публикацию: «И вообще, никаких кулацко-вредительских сенсаций. Довольно плакать! Это пусть Гитлер плачет...»[3]. За повесть Гайдар, как и Кокотов, получил аванс, но не захотел (точнее, не смог) завершить работу, изображая победное шествие колхозного движения. Так и Кокотов, написавший сиквел, не мог угодить заказчику, создав повесть-гротеск, в которой вместо разоблачения идеологии социализма утвердил патриотическую идею об исторической необходимости возрождения национального авторитета России.

В сценарии повести «Командант снежной крепости» (не очень удачной в художественном отношении) есть один очень важный эпизод, который, на первый взгляд, мало связан с сюжетом. Перед отъездом на фронт ка-

питан Максимов видит картину Нины, на которой «нарисованы люди разных возрастов и национальностей. С плодами и цветами они выходят по тропкам на широкую дорогу, которая ведет к освещенным солнцем вершинам». «Это называется «Дорога к коммунизму?» – спрашивает Максимов. – И трактор этот идет туда же? Он не дойдет – мал бензиновый бак и велики ведущие шестеренки» □... □не сердись, но таких дорог к коммунизму не бывает...». Ему вторит шофер Коля: «Прямо скажу, не обижайтесь: дорога не та. Круче повороты. Тверже люди...» [5,224]. Как видим, Гайдар, отвлекаясь от «детской» темы, где он мог выступать учителем, наставником, воспитателем, выходя за пределы изображения детского мира, оказывался в затруднительном положении: лгать не мог и не хотел, так как прекрасно понимал иллюзорность многих идей. Он понимал – на войне есть враг – его уничтожают, а в мирной жизни – он где? То, чего нет в жизни, воплотить в искусстве

невозможно, поэтому и предлагает писатель Гайдар героине повести Нине новый сюжет – групповой портрет окруживших ее детей. Этот мотив будущей картины – дети как символ грядущего обновления жизни транспонирован в сиквеле Кокотова – Полякова.

Роман «Гипсовый трубач» – произведение многомерное, насыщенное не всегда принимаемой иронией, сарказмом, гротесковыми образами, но ему нельзя отказать в той социальной прозорливости, которая всегда отличала творчество Ю. Полякова. Он отходит от классического канона повествования, но «остается при этом реалистом, в своих попытках сказать свое слово» [1]. Он не играет со старыми формами в духе постмодернизма, но испытывает на прочность свою и нашу уверенность в национальной самобытности русской культуры, ее высоком нравственном идеале, которые неизбежно должны были пройти испытание новой реальностью и выжить.

Библиографический список

1. *Большакова А.Ю.* Русская литература на рубеже XX-XXI: новые приоритеты (статья вторая)/Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»/№ 3, 2011. Электронный ресурс: режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Bolshakova_Russian Дата обращения: 20.09.2014
2. *Большакова А.Ю.* Феноменология литературного письма: о прозе Ю.Полякова. М.: МАИК, Наука. 2005. 319 с.
3. *Вейхман В.* Вариации на тему Гайдара. Гл. IX. Электронный ресурс. режим доступа: http://sea-proza/ucouz/ru/index/variicii_na_temu_gajdara_okon. Дата обращения 20.04.2015
4. *Гадмер Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер. с нем. М.А. Журиной, С.Н.Земляной, А.А. Рыбаков, И.Н. Букова. Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704с.
5. *Гайдар А.П.* Тимур и его команда // Гайдар А.П. Собр. соч. : В 4-х т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1960. С.84-167.
6. *Кант И.* Критика чистого разума. Перевод Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным. Примечания Ц. Арзаканяна. М.: Мысль, 1994. 591с.
7. *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубач, или конец фильма. М.: АСТ, Астрель, 2008. 383с.
8. «Русский орфографический словарь [Электронная версия] / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2004. 960 с.
9. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Статьи по истории культуры. Сост. Д. Сильвестров. Пер., вступит. статья, комментарии Д.Харитонович. М.: Прогресс -- Традиция, 1997. 416с
10. *Яранцев В.* Не бояться быть большим. Рецензия на кн.: Поляков Ю. Гипсовый трубач. М., Аст, 2013//Сибирские огни. 2013. № 12.Электронный ресурс: режим доступа <http://сибирскиеогни.рф/content/polyakov-yu-gipsovyu-trubach> Дата обращения: 15.11.2014

References

1. *Bolshakova A. Yu.* Russian literature at the turn of XX-XXI: new priorities (part two)/humanitarian Information portal “Znanie. Poniimanie. Umenie”/№ 3, 2011. Electronic resource: access mode: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Bolshakova_Russian reference date: 20.09.2014
2. *Bolshakova A. Yu.* Phenomenology of literary writing: About Yu. Polyakov’s prose. M: IAPC, Nauka. 2005. 319 p.
3. *Weichman V.* Variations on the theme of Gaidar. CH. IX. Electronic resource. available at: http://sea-proza/ucouz/EN/index/variicii_na_temu_gajdara_okon. Accessed on 20.04.2015
4. *Gadamer G.* Truth and method. The basics of philosophical hermeneutics. TRANS. by M. A. Gorinsky, S. N. Zemlyanoy, A.A. Rybakov, I. N. Burov /Ed. by B. N. Bessonov. Introduction by V. B. N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
5. *Gaidar A. P.* Timur and his team // Gaidar, A. P. Coll. works : In 4 vol 3. M.: State publishing house of fiction, 1960. Pp. 84-167.
6. *Kant I.* Critique of pure reason. Translation by N. Lossky verified and edited by C. Arzakanyan and M. Itkin. Notes by C. Arzakanyan. M.: Thought, 1994. 591p.
7. *Polyakov Yu.* Gypsum trumpeter, or the end of the film. M.: AST, Astrel, 2008. 383 p.
8. Russian spelling dictionary [Electronic version] / Ed. by O. E. Ivanova, V. V. Lopatin, V. I. Nechaeva, L. K. Chel'tsova. 2 Ed., M.: Russian Academy of Sciences. The Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov, 2004. 960 p.
9. *Huizinga J.* Homo ludens. Essays on the history of culture. Comp. D. Silvestrov. Translation, introduction, comments by D. Kharitonovich. M.: Progress -- Tradition, 1997. 416 p.
10. *Yarantsev V.* Don’t be afraid to be great. Review on the book: Polyakov Yu. Gypsum trumpeter. M., AST, 2013//Siberian lights. 2013. No. 12. Electronic resource: access mode: <http://Siberianlights.RF/content/polyakov-yu-gipsovyu-trubach> date of application: 15.11.2014.

УДК 811.134.2

UDC 811.134.2

Е.С. ЯРКЕЕВА

аспирант, кафедра романской филологии, Орловский
государственный университет

E.S. IARKEEVA

Graduate student, Department of Romance Philology, Orel
State University

**КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В ИСПАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ХОСЕ ЛУИСА ДЕ ИНОХОСЫ *EN LOS DÍAS SIGUIENTES*)**

**CONCEPT “BEAUTY” IN THE SPANISH LITERARY TEXT
(BASED ON JOSÉ LUIS DE HINOJOSA’S NOVEL “*EN LOS DÍAS SIGUIENTES*”)**

В результате изучения лексических единиц, относящихся к концепту «красота», было выявлено 2 лексемы, являющиеся ядром концепта, и 3 – его ближайшей периферией. Исследуемые лексемы образуют единый синонимический ряд, хотя и не обладают возможностью абсолютной субституции. Анализ контекстуального окружения слов с семой «красота» предоставляет дополнительную информацию об их сочетаемости и условиях взаимозамены.

Ключевые слова: концепт, понятие, ядро, периферия, лексема, красота.

As a result of the research of lexical units that form concept “beauty” two lexemes were identified as the core words of the concept and three as its closest circumference. Words under study form common synonyms series though they don’t possess the possibility of absolute substitution. The study of the words with the seme “beautiful” gives additional information about their compatibility and interchange conditions.

Keywords: concept, conception, core, circumference, lexeme, beauty.

В настоящее время интерес российских и зарубежных лингвистов привлекает концепт как языковедческая и лингвокультурологическая категория. Некоторые учёные считают термины «концепт» и «понятие» историческими дублетами. Однако существует и иная точка зрения, согласно которой их содержание различается. Так, В.З. Демьянков указывает на то, что «концепт – это содержательная сторона словесного знака ... за которой стоит понятие ... принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закреплённое общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и ... соотносимое с другими понятиями, ближайшее с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [1]

Сравнивая термины «понятие» и «концепт», Ю.С. Степанов уточняет, что они принадлежат к разным наукам, относя понятия к сфере логики и философии, а концепт – к сфере культурологии. По его мнению, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2].

Красота отражена в языковой картине мира любого народа, хотя содержание именно концепта «красота», по нашему мнению, наиболее ярко отражает реалии

культуры в языке. В каждой культуре свое понимание красоты и красивого, а это не могло не повлиять на формирование и развитие лексического состава языка.

Концепт «красота», как и любой другой концепт, имеет ядро и периферию. Так, в испанском языке ядро этого концепта образуют, по-видимому, лексемы *bello* и *hermoso*, а на ближайшей периферии находятся лексические единицы *bonito*, *guapo*, *lindo*.

Согласно словарным статьям *Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española [DRAE]*, лексема *bello* имеет два основных значения: 1. *que tiene belleza* ‘обладающий красотой’¹; 2. *bueno, excelente* ‘хороший’, ‘превосходный’. Среди наиболее устойчивых и часто употребляемых словосочетаний отмечаются *arte bella* ‘изобразительное искусство’, *bellas letras* ‘беллетристика’, *bello sexo* ‘прекрасный пол’. Эти примеры показывают, что нередко испанское *bello* нельзя перевести на русский язык как «красивый». Таким образом, основываясь на данных DRAE, сфера употребления лексемы *bello* довольно обширна, слово может употребляться как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными. Однако стоит отметить, что изучение самого существительного *belleza* указывает на наличие определенного оттенка у данного понятия. Согласно DRAE, *belleza – propiedad de las cosas que hace amarlas* ‘характеристика вещей, которая заставляет их любить’.

У лексической единицы *hermoso* мы обнаруживаем

1 Здесь и далее перевод наш (Е.Я.).

три основных значения: 1. *dotado de hermosura* ‘одаренный красотой’; 2. *grandioso, excelente y perfecto en su línea* ‘величавый’, ‘превосходный и идеальный в своем силуэте’; 3. *despejado, apacible y sereno* ‘ясный’, ‘нежный и спокойный’. В последнем значении *hermoso* употребляется для описания погоды, времени года, отрезка времени и т.д.: ¡*Hermoso día!* ‘Прекрасный день!’.

Сравнивая значения *bello* и *hermoso*, мы видим, что при употреблении первой лексемы подчеркивается наличие определенного качества у предмета или живого существа, которое заставляет окружающих его любить, тогда как вторая лексическая единица указывает на внешнее превосходство самого предмета, явления или человека, вне зависимости от отношения к нему говорящего. Интересно отметить, что обе лексемы определяются через самих себя; кроме того, лексические единицы *lindo, guapo, bonito* также дифференцируются через них, что и позволяет нам считать их ядром концепта «красота» в испанском языке.

Как уже отмечалось выше, наиболее близки к ядру концепта лексемы *bonito, lindo, guapo*. Лексическая единица *lindo* имеет два значения, которые наиболее часто используются носителями языка: 1. *hermoso, bello, grato a la vista* ‘красивый’, ‘приятный глазу’; 2. *perfecto, primoroso y exquisito* ‘идеальный’, ‘изысканный’. Анализ значений позволяет сделать вывод о том, что употребление данной лексемы напрямую зависит от внешнего выражения красоты. Наиболее часто *lindo* встречается в таких словосочетаниях, как *linda pesca* ‘удачная рыбалка’, *linda pieza* ‘хороший кусок’. Небезынтересно отметить, что в данных словосочетаниях перевод на русский язык не имеет ничего общего с выражением красоты. Однако это позволяет нам сделать вывод о том, что само содержание концепта «красота» значительно различается в испанском и русском миропонимании. Если в русской языковой картине мира важно внешнее проявление красоты, то для жителя испаноязычного ареала на первом месте стоит внутренняя характеристика.

Понятие *bonito* также обнаруживает два основных значения в испанском языке: 1. *grande (el que supera a lo común)* ‘великий (превосходящий обычное)’; 2. *lindo, agraciado de cierta proporción y belleza* ‘красивый’, ‘обладающий определенной пропорцией и красотой’. Наиболее часто данная лексема употребляется в словосочетаниях с неодушевленными существительными: *una casa bonita* ‘хороший дом’, *un vestido bonito* ‘красивое платье’, хотя возможно употребление этой лексической единицы и по отношению к людям: *la niña bonita* ‘хорошая (красивая) девушка’.

Прилагательное *guapo* встречается в нескольких значениях, каждое из которых имеет помету *coloquial*: 1. *bien parecido* ‘выглядящий хорошо’; 2. *ostentoso, galán y lucido en el modo de vestir y presentarse* ‘показной’, ‘галантный, умеющий хорошо одеться и подать себя’. Изучение значений лексемы *guapo* подводит к выводу, что данное понятие отличается от остальных, относящихся к концепту «красота» в испанском языке, прежде всего своей сочетаемостью. Если *hermoso, bello, lindo,*

bonito возможно употреблять как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, то *guapo* используется лишь для описания красоты человека, при этом учитывается не только внешность, но умение вести себя в обществе.

Таким образом, лексические единицы *bello, hermoso, lindo, bonito, guapo* являются синонимами, выражающими красоту человека или предмета, однако их нельзя назвать абсолютными синонимами, так как все они отличаются по содержанию и сочетаемости, то есть мы не можем говорить об абсолютной взаимной субституции.

Рассмотрим лексические единицы концепта «красота», функционирующие в художественном тексте. Материалом исследования послужил роман испанского автора Хосе Луиса де Инохосы *En los Días Siguientes*. Так, в романе 18 раз встречаются рассматриваемые нами лексические единицы: *hermoso* – 1 раз, *bello/belleza* – 9 раз, *bonito* – 1 раз, *guapo* – 7 раз, *lindo* – не встречается. Частотность лексических единиц показана на рисунке 1.

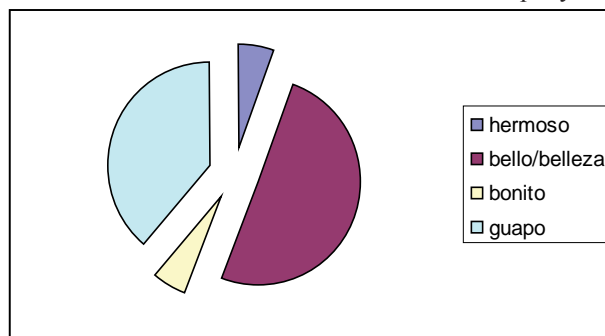

Рис.1. Частотность лексических единиц *hermoso, bello/belleza, bonito, guapo* в художественном тексте Хосе Луиса де Инохосы *En los Días Siguientes*.

1. *Hermoso*. Эта лексема употребляется автором всего один раз для описания камина в доме главного героя Хавьера: *Tenía delante (el estudio – прим. автора) una hermosa chimenea de mármol...* ‘Напротив (в кабинете) был прекрасный камин’. Это позволяет нам сделать вывод о том, что *hermoso* обычно используется для описания интерьеров и окружения героев.

2. *Bonito*. При контекстном анализе этой лексической единицы мы приходим к выводу о том, что сфера его употребления ограничивается обращением к собеседнику: *Está muy claro, bonita, dentro de dos o tres años aquí habrá mucho dinero...* ‘Дело ясное, красотка, через два или три года здесь будет много денег...’.

3. *Guapo*. Эта лексема употребляется в романе Хосе Луиса де Инохосы 7 раз, при этом каждое ее появление связано с описанием внешности героев книги, например:

- *Es atractivo, pero no guapo, el pelo blanco con entradas, alto, delgado, elegante...* ‘Он привлекательный, но не красивый, светлые волосы с залысинами, высокий, стройный, элегантный...’.
- *Eres mucho más guapa de lo que Javier me había contado, me alegro mucho de lo vuestro.* ‘Ты намного более красивая, чем рассказывал Хавьер, я за вас очень рад’.
- *Yo me lo he pasado fenomenal y Lucía es súper gua-*

pa y súper simpática. ‘Я отлично провела время, а Лусия суперкрасивая и супермилая’.

4. *Bello/belleza*. Отличается от лексической единицы *guapo* контекстом употребления этих слов. Так, данная лексема встречается в тексте романа 9 раз, являясь таким образом наиболее частотной. При этом контексты её употребления различны:

1) для описания внутренней красоты человека:

• *Estaba bajando la marea y así como el mar al retirarse deja al descubierta sus entrañas: algas, rocas, grutas en los acantilados, fueron apareciendo ante mí sus bellezas ocultas*. ‘Волны начали утихать и подобно морю, которое, успокоившись, открывает глазу свои недра: водоросли, скалы, гроты в утесах – передо мной открывалась ее внутренняя красота’.

• *Lucía deslizaba su personalidad y su belleza sobre los que estábamos sentados para que todos se sintieran a gusto*. ‘Лусия наполняла всех сидевших своей личностью и своей красотой, чтобы всем понравилось’.

2) для описания внешней красоты человека: *Julia tenía el pelo más oscuro y la belleza de su madre, aunque sus ojos, casi grises, eran del color del mar en invierno en un día de niebla*. ‘У Хулии были более темные волосы и красота матери, хотя ее глаза, почти серые, были цвета зимнего моря в туманный день’.

3) для описания природы:

• *A veces un determinado paisaje ejerce una influencia sobre nosotros que no nos explicamos, con independencia de la belleza del mismo*. ‘Иногда определенный пейзаж независимостью своей красоты производит на нас такое влияние, которое мы не можем объяснить’.

• *Atrás quedaba mi sobrecogedora Islandia ... Atrás quedaba la turbadora belleza de la nada*. ‘Позади оставалась моя всепоглощающая Исландия ... Позади оставалась тревожная красота пустоты’.

4) для описания воспоминаний:

• *Se me estaba rompiendo la belleza de los recuerdos, mis labios ya no besaban, mis brazos ya no abrazaban y mi cuerpo no amaba...* ‘Красота моих воспоминаний разбивалась, мои губы больше не целовали, мои руки больше не обнимали, а тело не любило...’.

• *Me hubiera gustado quedarme allí más tiempo con ella, separados por esa mesa donde habíamos vivido momentos intensos de sinceridad y llenos de belleza gastando las horas sin darnos cuenta y creo que Lucía pensó lo mismo*. ‘Мне захотелось провести больше времени с ней там, где нас разделял этот стол, за которым мы прожили моменты откровенности, наполненные красотой, тратя время и отдавая себе в том отчет, и я думаю, что Лусия подумала то же’.

• *Ese instante que se prolongaba en sacudidas de placer para luego abrazar nuestra ternura quedándonos uno en los ojos del otro, deslizándose suaves caricias en nuestros silencios quietos, temiendo romper en trozos al menos movimiento esa belleza que nuestro lenguaje de manos, ojos y labios había creado convitiéndola en código secreto y único de nuestro íntimo universo*. ‘Это мгновение, которое растягивалось встрясками удовольствия, которые оканчивались моментами нашей нежности, позволявшими нам смотреть друг другу в глаза, наслаждаясь мягкими ласками наших моментов спокойствия, когда мы боялись малейшим движением разбить эту красоту нашего языка, созданную нашими руками, глазами и губами, превратив ее в секретный и уникальный код нашей маленькой вселенной’.

Проанализировав все перечисленные примеры, мы можем сделать вывод о том, что употребление лексемы *bello/belleza* напрямую связано с чувственным восприятием образов и происходящего.

В заключение отметим, что концепт «красота» в испанском, как и в любом другом языке, имеет свою национальную специфику. Кроме того, этот концепт однороден, имеет свое ядро и периферию, которые насчитывают пять основных лексем: *bello, bonito, hermoso, guapo, lindo*. Все эти лексические единицы не являются абсолютными синонимами, хотя составляют единый синонимический ряд, обладая при этом различной сочетаемостью с именами существительными. Изучение контекстуального окружения исследуемых лексем в романе испанского автора Хосе Луиса де Инохосы *En los Días Sigüientes* предоставляет дополнительную информацию об их сочетаемости и условиях взаимозамены.

Библиографический список

1. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606-622.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 824 с.
3. Diccionario de la Lengua Española © Real Academia Española. Режим доступа: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>.
Дата просмотра: 03.03.2015 г.
4. José Luis de Hinojosa. En los Días Sigüientes. – Madrid: Top Printer Plus, 2011. 320 p.

References

1. Dem'iankov V.Z. The term "concept" as an element of term culture. // Language as the matter of sense: Miscellany in honor of the academician N.Y. Shvedovoi. M.: Publishing House 'Azbukovnik', 2007. Pp. 606-622.
2. Stepanov Yu. S. Constants: Russian culture dictionary: 3rd edition. M.: Academic project, 2007. 824 p.
3. Diccionario de la Lengua Española © Real Academia Española. Access mode: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>.
Review date: 03.03.2015.
4. José Luis de Hinojosa. En los Días Sigüientes. – Madrid: Top Printer Plus, 2011. 320 p.

УДК 512(072.3)

UDC 512(072.3)

А.А. АКСЁНОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра математического и информационного анализа экономических процессов, Орловский государственный университет

E-mail: aksenovaa@inbox.ru

A.A. AKSYONOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of the mathematical and information analysis of economic processes, Orel State University

E-mail: aksenovaa@inbox.ru

РОЛЬ И МЕСТО НЕЧЁТКИХ ЗАДАЧ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ МАТЕМАТИКЕ

ROLE AND PLACE OF INDISTINCT PROBLEMS IN TEACHING MATHEMATICS TO SCHOOL STUDENTS

В статье представлен один из нескольких возможных вариантов теоретического описания нечётких математических задач и показана специфика их применения в обучении школьников математике. В качестве конструктивного основания выбрана трактовка категории «задача», предложенная Ю.М. Колягиным, дополненная В.И. Крупиным и скорректированная с учётом исследований А.В. Брушлинского.

Ключевые слова: математическая задача, решение, нечёткая задача, процесс обучения математике.

One of several possible versions of the theoretical description of indistinct mathematical problems is presented in the article and specific of their application in teaching mathematics to school students is shown. As the constructive basis the treatment of the category «problem» offered by Y.M. Kolyagin, added by V.I. Krupich and corrected considering researches of A.V. Brushlinsky was chosen.

Keywords: mathematical problem, solution, incorrect task, process of teaching mathematics.

В настоящее время тезис о том, что решение задач – это и цель, и основное средство обучения математике, стал методической аксиомой. Однако традиционное обучение школьников базируется на использовании в процессе обучения задач, в которых чётко и однозначно сформулировано условие и требование (это чёткие корректные задачи). Тем не менее, отдельные фрагментарные отступления от этого правила показывают, что весомой дидактической значимостью обладают и задачи, формулировка которых чётко не задана или не всегда однозначно представлена. Поэтому отдельного методико-математического внимания заслуживают нечёткие, или некорректные, задачи. В данной статье предложено теоретическое описание нечётких школьных математических задач и особенности их применения в учебном процессе.

В первую очередь изложим психолого-педагогическое обоснование теоретической интерпретации нечётких задач и их применения в учебном процессе. Будем опираться на понятие нечёткой задачи, данное в работе Г.А. Балла [2, с. 63-65]. В ней автор переосмыслил труды ведущих отечественных и зарубежных учёных по проблемам психологического обоснования категории “задача”. Г.А. Балл не является сторонником жесткого теоретического разграничения задачи и проблемной ситуации, так как он не изучает задачи в отрыве от деятельности субъекта. Поэтому характеристика чётких, квазичётких и нечётких задач автором даётся с учётом действующего лица – реального субъекта, решающего задачу.

Приведём данные в работе [2] характеристики. “... называем отнесённую задачу M_Q (родовую или индивидуальную):

- *чёткой*, если прямая информация о том, решена ли эта задача, находится в распоряжении решателя Q или если задача установления того, решена ли задача M_Q , является для этого решателя рутинной;
- *квазичёткой*, если прямая информация о том, решена ли эта задача, с вероятностью, достаточно близкой к единице, находится в распоряжении решателя Q или если задача установления того, решена ли задача M_Q , является для этого решателя квазирутинной;
- *нечёткой*, если она не является ни чёткой, ни квазичёткой” [2, с. 64].

Для того чтобы эти характеристики были более понятны, приведём ниже толкование терминов, используемых в их трактовках. Так, Г.А. Балл называл задачу *отнесённой*, если рассматривал её по отношению к некоторому решателю. Задачу, рассматриваемую в абстракции от решателя, автор называл *неотнесённой*. Безотносительно к решателю Г.А. Баллом различаются *индивидуальные* и *родовые* задачи, поскольку предмет задачи, как и предмет вообще, может быть индивидуальным или родовым. Родовую отнесённую задачу M_Q автор называет *рутинной* (*квазирутинной*), если решатель Q обладает представленным в той или иной форме алгоритмом (соответственно, квазиалгоритмом) решения этой задачи. Прочие родовые задачи названы *нерутинными*. Также аналогично автором формулируется понятие рутинной и нерутинной индивидуальной зада-

чи [2, с. 59]. Алгоритм в понимании Г.А. Балла отличается от квазиалгоритма тем, что *алгоритм* – однозначно детерминированная процедура, а *квазиалгоритм* – неоднозначно детерминированная процедура [2, с. 26-28].

Очевидно, задачу следует считать *чёткой*, если субъект, решающий её, смог решить данную задачу и ему известно, что решение выполнено верно, или в его распоряжении находятся все однозначно применяемые средства, с помощью которых он сможет достоверно установить этот факт. Задачу необходимо считать *квазичёткой*, если всё, что имеет место для чёткой задачи, существует и для задач данного класса, но не как достоверная, а как наиболее вероятная информация. Наконец, задачу следует считать *нечёткой*, если субъект её решил, но он не может поручиться за то, правильно им выполнено решение или нет. Заметим, что здесь задача автором рассматривается в полной мере, то есть вместе со своим решением. Г.А. Баллом не разработано в этой монографии никаких критериев, указывающих на то, что задачу можно считать чёткой или нечёткой в зависимости от содержания её формулировки.

Остановимся также на таких характеристиках задач, как их возможность быть *открытыми* и *закрытыми* [2, с. 89-91]. Под *закрытыми* автор понимает задачи, в решении которых на возникающие частные вопросы, число которых конечно, существуют чёткие однозначные ответы. Задача считается *открытой*, если можно поставить сколь угодно много вопросов в процессе её решения (все они необходимы). При этом для определения таких задач автором введены в рассмотрение открытые и закрытые вопросы. Заметим, что закрытые задачи иногда могут быть заданы с помощью открытого вопроса [2, с. 91].

Разумеется, открытые задачи, сформулированы ли они в виде (или с помощью) открытого или закрытого вопроса, также вполне могут иметь неточные, нечёткие или недостаточные данные в своей формулировке. Рассматривая задачу: “Чем различаются снег и лёд?”, сформулированную в виде открытого вопроса, автор утверждает, что она является открытой. В задаче для рассмотрения даны снег и лёд, но при этом ничего не указано ни об их химическом составе, ни о физических свойствах, ни о визуально наблюдаемых качествах. Таким образом, в ходе решения этой задачи нужно задавать сколь угодно много вопросов и отвечать на них. Каждый такой вопрос по сути дела предопределяет конкретизацию условия задачи в смысле её доопределения. Разумеется, доопределённое условие порождает дополнительные требования в задаче. Все дополнительные условия и требования полностью укладываются в предельно общие изначальные условие и требование задачи.

Из рассмотренных психолого-педагогических фактов и конкретных примеров делаем основополагающий для построения теории вывод: нечёткие, а также открытые задачи имеют важную особенность – их формулировка неточна. Её неточность выражается в том, что она часто сконструирована предельно общо и эта общность не даёт возможности однозначно ответить на вопрос задачи. То есть требуется конкретизация условия,

которая обычно влечёт за собой необходимость конкретизации требования задачи. В зависимости от того, что за задача изначально дана, есть возможность конечное или сколь угодно большое число раз выполнять эту конкретизацию.

Вторым, несколько скрытым, но не менее важным обстоятельством является то, что требование конкретизации условия и требования является объективным (разумеется, в гносеологическом смысле). Необходимость конкретизации и уточнения условия и требования следует исключительно из логических особенностей конструкции формулировки задачи, специфики соотношения предельно общо сформулированного условия с требованием, но отнюдь не из субъективных особенностей человека, решающего задачу.

Таким образом, теоретически исследуя использование нечётких задач в обучении математике, нужно определить такие задачи, исходя из указанных особенностей конструкции их формулировки. Обратим внимание на ещё один важный факт, связанный с открытыми задачами. В них можно сколь угодно раз конкретизировать условие и требование. Разумеется, это субъективная характеристика задачи. Чем более высок уровень математических способностей данного учащегося и прочнее его знания, тем большее количество уточнений условия задачи он сможет сделать. Разумеется, такую информацию учитель получает тогда, когда нечёткие задачи уже длительное время применяются в обучении.

Теперь представим трактовку категории «задача», на основе которой будет теоретически раскрыто понятие нечёткой задачи.

Рассмотрим сложное замкнутое образование “человек – задачная система”, в котором задача тоже понимается как объект, являющийся системой. Схематически оно изображается “S–P”. В нём задачная система определяется на множестве: $P = \{a_{f_1} \tau_1, a_{f_2} \tau_2, \dots\}$, где: a , b – элементы множества; f_1, f_2 – свойства элементов; τ_1, τ_2 – отношения между элементами или их свойствами. Под человеком понимается абстрактный субъект. Ситуация в образовании “S–P” называется стационарной по отношению к данному субъекту, если ему известны все элементы, их свойства и отношения между ними. В противном случае имеет место нестационарная или проблемная ситуация. Она становится задачей, если у субъекта возникает потребность найти неизвестные элементы. Решить задачу – значит в образовании “S–P” привести проблемную ситуацию к стационарной. Для существования задачи необязательно само её решение. Необходимо лишь осознание субъектом нестационарности ситуации [4, 5].

В образовании “человек – задачная система” задача как сложный объект представлена диалектическим единством информационной структуры, которая фактически является формой её представления субъекту, и внутренней структуры, выявляемой в задаче на основе осмысления основного отношения в ней, – отношения условия и искомого, которое находится на верхнем

уровне иерархии в системе отношений, реализованных в задаче, и управляет процессом поиска её решения [6].

Информационную структуру любой задачи можно рассматривать как систему $S = (A, B, E, C, D, R)$, замкнутую в том смысле, что все её компоненты могут быть определены в системе “человек – задачная система”. Смысл этих компонентов следующий.

A – условие (условия) задачи, то есть данные и отношения между ними.

B – требование задачи, то есть то, что нужно сделать в данной задаче (выражается вопросом или побудительным предложением).

E – искомое в задаче, то есть то, что в ней требуется найти (обнаружить), доказать или выяснить.

C – базис решения задачи (теоретическая и практическая основа, с помощью которой обосновывается решение).

D – способ, определяющий процесс решения задачи, то есть способ действия по преобразованию условия (условий) задачи для выполнения требования.

R – основное отношение в отношениях между данным и искомым в задаче.

В предложенной трактовке на две различные части – требование и искомое теоретически разграничен один компонент, в трудах Ю.М. Колягина и В.И. Крупича трактуемый как требование в задаче. Это разделение предопределило замечание А.В. Брушлинского о неправомерности отождествления требования и искомого, так как в задаче требование известно практически всегда, а искомое в большинстве случаев неизвестно [3].

С учётом психолого-педагогического базиса выполним теоретико-методическое описание нечётких задач. Отношение задачи к множеству чётких или нечётких – это их классификация, в которой выделено всего два класса: чёткие задачи и нечёткие задачи. Следовательно, к нечётким задачам должна относиться любая школьная математическая задача, не являющаяся чёткой. Поэтому используя понятие информационной структуры формулировки задачи, сформулируем нижеследующее определение нечёткой задачи.

Определение 1. Система компонентов A, B и C_* (или A, B, C_* , E, если в задаче известно искомое E) называется информационной структурой формулировки задачи. Компонент C_* называется теоретическим базисом формулировки задачи. Обозначение: $S_* = (A, B, C_*)$ (или $S_* = (A, B, C_*, E)$).

Определение 2. Математическая задача называется чёткой, если информационная структура её формулировки имеет вид $S_* = (A, B, C_*)$ (или $S_* = (A, B, C_*, E)$).

Определение 3. Математическая задача называется нечёткой, если информационная структура её формулировки имеет один из следующих видов:

- $S_* = (X, B, C_*)$ (или $S_* = (X, B, E, C_*)$), где $X = \{A_1, \dots, A_n\}$;
- $S_* = (A, Y, C_*)$ (или $S_* = (A, Y, E, C_*)$), где $Y = \{B_1, \dots, B_m\}$;
- $S_* = (X, Y, C_*)$ (или $S_* = (X, Y, E, C_*)$), где $X = \{A_1, \dots, A_n\}$, $Y = \{B_1, \dots, B_m\}$. Кроме того, имеют место сле-

дующие факты:

1) натуральные числа m и n могут быть как конечными, так и сколь угодно большими;

2) компоненты A_i и B_j в задаче не сформулированы, а являются следствием конкретизации и уточнения условия и (или) требования задачи на основе строгих логических рассуждений;

3) компонент C_* считается известным только после выполнения указанной конкретизации и уточнения.

Сделаем ряд замечаний. Из определения 3 следует, что в информационной структуре формулировки математических задач компонент A и (или) B следует считать неизвестным лишь в том смысле, что он однозначно не задан. Чёткое его формулирование выполняется только на основе конкретизации и уточнения формулировки нечёткой задачи посредством строгих логических рассуждений. Очевидно, выявленный фактор полностью предопределяет то, что в школьной математической задаче условие и (или) требование могут быть неизвестными только в нечётких задачах (то есть удовлетворяющих определению 3). Очевидно, определения 2 и 3 взаимоисключающие, что гарантирует однозначное разделение школьных математических задач на два множества: чётких задач и нечётких задач.

Определение 4. Нечёткая математическая задача называется нечёткой задачей первого рода, если в информационной структуре её формулировки однозначно задано только условие или только требование, то есть информационная структура её формулировки имеет вид: $S_* = (X, B, C_*)$ или $S_* = (A, Y, C_*)$; ($S_* = (X, B, E, C_*)$ или $S_* = (A, Y, E, C_*)$, если в задаче известно искомое E).

Определение 5. Нечёткая математическая задача называется нечёткой задачей второго рода, если в информационной структуре её формулировки однозначно не задано ни условие, ни требование, то есть информационная структура её формулировки имеет вид: $S_* = (X, Y, C_*)$; ($S_* = (X, Y, E, C_*)$, если в задаче известно искомое E).

Определение 6. Нечёткая математическая задача первого или второго рода называется конечной, если в ней натуральные числа n и m принимают конечные значения, исходя из строгой логической конкретизации её условия и (или) требования.

Определение 7. Нечёткая математическая задача первого или второго рода называется бесконечной, если в ней натуральные числа n и (или) m принимают сколь угодно большие значения, исходя из строгой логической конкретизации её условия и (или) требования.

Разумеется, слово “бесконечной” употреблено не в буквальном смысле, а в том, в котором выше изложена возможность чисел n и m принимать сколь угодно большие значения. Итак, получено четыре разновидности нечётких задач: нечёткие задачи первого рода – конечные или бесконечные; нечёткие задачи второго рода – конечные или бесконечные. Символическое обозначение: ${}^1S_p, {}^1S_\infty, {}^2S_p, {}^2S_\infty$, соответственно, (f от английского слова *final* – конечный).

Заметим, что принятое выше понимание нечётких задач даёт возможность эффективнее использовать в

обучении математике качественные задачи. Очевидно, к качественным задачам можно отнести и ряд чётких задач. Однако это лишь частные случаи, встречающиеся довольно редко, поскольку чёткая задача может быть качественной, например, тогда, когда все её подзадачи являются задачами на доказательство (причём не содержащими никаких вычислительных процедур). Также это могут быть задачи, связанные с визуальным аспектом: построение фигуры с помощью циркуля и линейки (без использования вычислений) или выявление информации (без количественных данных) на основе визуальных её носителей (графиков, диаграмм и т. п.).

Значительные возможности для использования в обучении школьников качественных математических задач предоставляют нечёткие задачи. Например, можно предложить учащимся следующую задачу: “Сопоставьте функции $y = \cos x$ и $y = \log_3 x$ ”. Очевидно, эта задача относится к разновидности 1S_p , поскольку речь, разумеется, идёт о сопоставлении этих функций в рамках математики, но не её истории и т. п., а требование здесь задано однозначно – сопоставление функций (по сути дела, это выявление сходства и различия). В этой задаче необходимо конкретизировать условие (указывать свойства функций и т. п.), но для каждого конкретизированного условия требование одно и то же – сопоставление функций. Конечно, это *качественная* задача. Напротив, задача: “Радиус основания конуса равен 8 м, а угол между образующей и плоскостью основания равен 60° . Что можно вычислить на основе этих данных?” является нечёткой, но *количественной*. Ясно, что эта задача тоже относится к разновидности 1S_p , поскольку условие определено однозначно, а количество вычисляемых в средней школе характеристик конуса является конечным и немногочисленным. Разумеется, нетрудно составить качественные задачи, относящиеся к остальным трём типам нечётких задач. Если учесть, что нечёткие задачи могут быть качественными и количественными, получается 8 их разновидностей.

Представленные выше сведения являются ядром теоретического описания нечётких школьных математических задач. Помимо этого можно описать типологию этих задач на основе учения, созданного Ю.М. Колягиным, выяснить вопрос о том, какие виды задач могут охватить нечёткие задачи и т. д. Подробнее некоторые из этих проблем описаны в работе [1].

Ниже сделаем некоторые замечания о роли и месте нечётких задач в обучении школьников математике.

В структуре школьного курса математики нечёткие задачи могут быть представлены в нескольких вариантах. При наличии значительного временного ресурса их можно располагать последними в каждом из отдельных массивов задач: алгоритмических, полуэвристических, эвристических (на внеурочных занятиях). Если этот ресурс ограничен, в случае необходимости задействования в обучении нечётких задач последние могут быть даны учащимся на завершающем этапе решения задач по всей изучаемой теме. И здесь логично сначала предложить школьникам алгоритмические задачи, затем

полуэвристические и на внеурочных занятиях – эвристические (если в этом есть необходимость).

Нечёткие задачи в процессе своего решения в первую очередь должны быть преобразованы в чёткие, следовательно, этот фактор должен стать решающим в определении их роли в математическом образовании школьников. Главным средством указанного преобразования выступает конкретизация и уточнение формулировки нечётких задач вне зависимости от того, к первому или второму роду они относятся. В реализации этих действий учащиеся прежде всего должны осмыслить все возможные взаимосвязи между данными, имеющимися в формулировке задачи, найти какие-либо пути такого их сопоставления, чтобы в конечном счёте получилась логически безупречная конструкция формулировки (таких конструкций может быть несколько). Это обстоятельство позволяет утверждать, что в ходе использования этих задач в учебном процессе развивающая цель обучения будет доминировать над остальными двумя целями. Также возможно усиление воспитывающей цели обучения, поскольку нечёткие задачи для школьников явно отличаются от доминирующих в их обучении чётких задач, что, конечно, разнообразит их учебную деятельность, тем самым повышая интерес к математике.

Заметим, что нечёткие задачи могут применяться учителем в процессе ознакомления школьников с новым теоретическим материалом, например, в рамках проблемного обучения. В ряде случаев проблемное обучение имеет целью миниатюрное воспроизведение фрагмента процесса научного поиска решения проблемы, но учёные-математики далеко не всегда могут изначально чётко сформулировать исследуемую ими проблему, которая фактически представляет собой предельно общо сформулированную математическую задачу. Такое использование нечётких корректных задач может быть направлено и на усиление мотивации учащихся в изучении математике, что тоже является неотъемлемой частью воспитывающей цели обучения.

Приведённые аргументы позволяют сделать вывод о том, что, применяя в обучении нечёткие корректные задачи, обучающую цель следует минимизировать. Во-первых, надо достаточно выпукло представить развивающую и воспитывающую цели, а во-вторых, даже в классах с углублённым изучением математики временной ресурс ограничен, поэтому применение в процессе обучения большого количества нечётких корректных задач, в числе которых будут и задачи с доминированием обучающей цели, маловероятно.

Нечёткие задачи могут выполнять диагностическую и прогностическую функции. Если речь идёт о решении конечной нечёткой задачи, то есть возможность дать полное её решение, то есть сформулировать и решить все задачи, получаемые путём уточнения и конкретизации её формулировки. В зависимости от того, сколько задач-следствий из теоретически возможных решит данный субъект, можно судить о том, насколько глубоки его знания и развита логика. Используя в обучении такие

задачи, можно предоставлять учащимся право пользоваться теоретической литературой. Здесь, конечно, уже не проверишь их знания теории, но в ходе организации самостоятельной работы учащихся во время обобщающего повторения какого-либо материала целесообразно приучать учащихся пользоваться литературой, находить в ней нужные сведения и факты.

В случае работы с бесконечной нечёткой задачей есть возможность проверить не только знания и логическое развитие учащегося, но и его фантазию, интуицию. Если данная бесконечная нечёткая задача допускает довольно много решений, каждое из которых сравнимо по степени трудности со всеми остальными, то можно предлагать одну и ту же задачу нескольким школьникам. При этом каждый из них может знать о задачах-следствиях, уже составленных и решённых одноклассниками. С возрастом количеством задач-следствий нужно учитывать, что остальные задачи сформулировать труднее, поэтому на последних этапах решать эти задачи должны наиболее способные школьники.

Также нечёткие задачи открывают большие возможности для применения в обучении математике качественных задач, тем самым устраняя существенный пробел в процессе обучения школьников.

Интересен вопрос о том, можно ли, конкретизируя и уточняя изначально данное требование нечёткой задачи, получить задачи, относящиеся к различным видам задач школьного курса математики. Рассмотрим задачу: “Дан угол, градусная мера которого варьируется от 80° до 110° , и отрезок длиной 10 м. Какие следствия из этого могут быть получены?”. В задаче имеется в виду, что угол дан в том смысле, что он построен и в другом месте рисунка можно построить угол, равный ему в полном соответствии с правилом построения углов с помощью циркуля и односторонней линейки без делений. Его градусная мера для построения не важна, про неё просто есть данная информация. В том же смысле дан отрезок и задана его длина. На основе такого условия можно выполнить построение ромба. В качестве задачи на вычисление можно предложить нахождение периметра, а задачей на исследование вполне может выступить нахождение наибольшего значения площади

фигуры. Поставив вопрос о том, можно ли вписать построенную фигуру в окружность, легко привести простой пример: если значение заданного угла равно 90° , полученный квадрат может быть вписан в окружность. Можно потребовать доказать, что на основе исходных данных нельзя построить фигуры с данными сторонами и углами, имеющие периметр более 50 м и менее 40 м. Конструктивная задача может получиться, если потребовать построения такого ромба, одна из диагоналей которого в 1,1 раза больше другой (легко выяснить, что при этом острый угол ромба принадлежит изначально заданному интервалу). Если потребовать указания того, какие фигуры могут быть составлены из изначально данных отрезка и угла, получим простейшую задачу, решаемую словесным описанием. Итак, в рассматриваемом случае получены задачи семи различных видов.

Уточнение и конкретизация условия и требования, которые выполняются в процессе решения нечётких задач, представляют собой не что иное, как активное изменение субъектом того объекта, с которым он взаимодействует. Указанное обстоятельство является важным фактором формирования профессиональных умений будущих специалистов. Это особенно актуально в настоящее время, поскольку многие профессии (имеется в виду умственный труд) непосредственно основаны на изменении тех ситуаций, в которых приходится действовать, поэтому обучать основам умения локально изменять объект деятельности нужно ещё в средней школе. В совокупности всё это способствует созданию условий для полноценной творческой деятельности учащихся, которая является основой развития личности школьников, а творческая учебная работа в конечном итоге играет одну из главных ролей в профессиональном самоопределении учащихся.

Таким образом, даже тезисное изложение теоретического описания сущности нечётких школьных математических задач и фрагментарная характеристика их роли и места в обучении учащихся позволяют заключить, что такие задачи обладают значительным дидактическим потенциалом и необходимо тщательное изучение их использования в учебном процессе на теоретическом и эмпирическом уровне научного познания.

Библиографический список

1. Аксёнов А.А. Теоретические основы применения нечётких задач в обучении школьников математике. Монография. Орёл: ОГУ, Полиграфическая фирма «Картуш», 2008. 48 с.
2. Балл Г.А. Теория учебных задач: психолого-педагогический аспект. М.: Педагогика, 1990. 184 с.
3. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970. 202 с.
4. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Ч. I. М.: Просвещение, 1977. 110 с.
5. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. Ч. II. М.: Просвещение, 1977. 144 с.
6. Крупиц В.И. Теоретические основы обучения решению школьных математических задач. М.: Прометей, 1995. 166 с.

References

1. Aksyonov A.A. Theoretical bases of application of indistinct tasks in teaching school students mathematics. Monograph. Orel: OSU, Printing firm “Kartush”, 2008. 48 p.
2. Ball G.A. Theory of educational problems: psychology-pedagogical aspect. M.: Pedagogics, 1990. 184 p.
3. Brushlinsky A.V. Psychology of thinking and cybernetics. M.: Mysl, 1970. 202 p.
4. Kolyagin Y.M. Problems in teaching mathematics. P. I. M.: Prosvjaschenie, 1977. 110 p.
5. Kolyagin Y.M. Problems in teaching mathematics. P. II. M.: Prosvjaschenie, 1977. 144 p.
6. Krupich V.I. Theoretical bases of teaching solution of school mathematical problems. M.: Prometheus, 1995. 166 p.

С.В. ВОРОНКОВ

кандидат педагогических наук, юрист

S.V. VORONKOV

Candidate of pedagogical sciences, Lawyer

**ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИЗМЕРЕНИЯ СФОРМИРОВАННОСТИ УРОВНЯ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**DIAGNOSTIC TOOLS OF MEASURE THE MATURITY LEVEL OF LEGAL
CULTURE OF UNDERGRADUATE TEACHER EDUCATION**

В статье представлено описание критериально-диагностического инструментария процесса формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования.

Ключевые слова: диагностический инструментарий, тест-карта, правовая культура, бакалавр педагогического образования.

The article presents the description of criterion-referenced strategy diagnostic instrumentation of the process of forming of legal culture of undergraduate teacher education.

Keywords: diagnostic instrumentation, test-card, legal culture, bachelor of teacher education.

Качественные изменения, происходящие в системе высшего профессионального образования, включают и изменение взгляда на личность бакалавра педагогического образования, рассматриваемую с позиции культурно-исторической педагогики развития. В системе высшего педагогического образования складывается особая культура поддержки и помощи обучающимся в учебно-воспитательном процессе – психолого-педагогическое сопровождение, которая определяет приоритетные задачи, решение которых требует построения адекватной системы психолого-педагогического сопровождения, которая включает диагностику профессионального развития бакалавров. Нами разработана система формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования, охватывает весь процесс правового образования и правового воспитания студентов – от приобретения правовых знаний, умений, навыков; развития ценностно-правовой направленности личности студента, правовых взглядов, представлений, мотивов, правовых установок, ценностных ориентаций и отношения к закону как к ценности до проявления социально-правовой активности студентов в правомерном поведении в правовой среде университета, при условии организации психолого-педагогического сопровождения их профессионального роста. Важное значение в процессе формирования правовой культуры имеет диагностический инструментарий, который мы рассматриваем как механизм для оценки реального уровня сформированности правовой культуры студента. В качестве оценки результативности обучения выступает диагностика уровня сформированности компонентов, входящих в состав правовой культуры бакалавров педагогического образования.

При определении критериев сформированности правовой культуры мы исходим, во-первых, из понима-

ния сущности правовой культуры бакалавра педагогического образования, которая соединяет в себе правовые знания, взгляды и установки личности, а также правовую активность, умения и навыки оценивать свои и чужие действия с точки зрения действующего образовательного законодательства, выбирать и использовать для достижения поставленных образовательных целей в педагогической деятельности законные средства. Во-вторых, исходим из общих положений о том, что:

– основой содержания правовой культуры являются правовые знания, ценности, ценностные ориентации, взгляды, убеждения, которые влияют на направленность и правовую позицию личности в использовании правовых норм в образовательном процессе;

– предпосылкой правового поведения является система отношений студентов к праву, законности, установленному правопорядку в обществе, студенческом коллективе и образовательном учреждении.

При обосновании различных видов критериев правовой культуры мы берем в качестве основы классификацию средств педагогической диагностики В.Н. Мошкина [117, с. 18]. Для оценки правовой культуры студентов в целом используются эталоны, в качестве которых выступают образцы деятельности в соответствии с правовыми нормами в сфере образования, личность выпускника университета с высоким уровнем готовности к творческому использованию норм образовательного права. Эталоны оценки используются во взаимосвязи с другими видами критериев: параметрами, показателями, уровнями, нормами и эквивалентами.

При оценке уровня сформированности правовой культуры студентов используются параметры: знание норм образовательного права (нормативно-правовых актов); правовые ценности, взгляды, убеждения; мотивация к изучению законодательства; опыт практическо-

го применения правовых норм; дисциплинированность; требовательность в выполнении правовых норм; правовая активность; исполнительность; правовая устойчивость; принципиальность; волевая готовность к преодолению трудностей в соблюдении правовых норм; опыт самосовершенствования правовой самоподготовки; опыт самоконтроля за соблюдением правовых норм. Данные параметры оценки фиксируют основные элементы и компоненты правовой культуры. Обобщая сказанное, можно выделить группы параметров сформированности правовой культуры студентов, которые отражают содержание компонентов правовой культуры бакалавров педагогического образования:

- правовые знания – когнитивный компонент;
- правовые умения – деятельностный компонент;
- правовая позиция и активность – личностный компонент;
- правовые ценности – аксиологический компонент.

На основании этого мы выделяем следующие критерии сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования: когнитивный, деятельностный, личностный, аксиологический. Предлагаемые критерии служат основанием для разработки *показателей и уровней* сформированности правовой культуры личности (см. таблицу 1).

В качестве одного из видов критериев оценки В.Н. Мошкин называет эквиваленты, в основе которых – результаты анализа характеристик предшествующей деятельности студентов, оценки уровня их готовности к реализации норм образовательного права в своей профессионально-педагогической деятельности. Эквиваленты применяются в сочетании с различными шкалами оценки, в нашем случае со шкалой из трех уровней: более высокий уровень правовой культуры, чем на предыдущем этапе обучения (положительная оценка); уровень правовой культуры, равный ранее выявленному уровню (удовлетворительная оценка); правовая культура более низкого уровня, чем выявленный ранее уровень (отрицательная – неудовлетворительная оценка).

В ходе исследования мы обосновали уровни сформированности правовой культуры студентов: низкий – базовый уровень, средний – профессионально-функциональный, высокий – профессионально-эффективный.

Низкий – базовый уровень характеризуется следующими позициями: студент осознает роль правовой культуры в структуре будущей профессионально-педагогической деятельности и общей культуре личности. Имеющиеся знания образовательного права реализуются в практике эпизодически, используются в проблемно-ситуационных правовых значимых ситуациях не систематически. Вместе с тем студент интересуется проблемой правовой культуры бакалавра педагогического образования, связывая её высокий уровень с профессионально-педагогической успешностью. Студент не владеет технологией организации правового просвещения, воспитания и обучения обучающихся. У него недостаточно развиты умения саморегуляции и правоуправного поведения.

Средний – профессионально-функциональный уровень характеризуется принятием на личностном уровне гуманистической ценности правовой культуры, устойчивым стремлением к овладению приемами самореализации правовых норм в профессиональной и личностной деятельности, наличием мотива самосовершенствования правовой культуры с целью достижения успеха в профессионально-педагогической деятельности; наличием знаний о структуре, особенностях (достоинствах и недостатках) собственной правовой культуры; рефлексивностью отдельных аспектов профессиональных коммуникаций.

Высокий – профессионально-эффективный уровень характеризуется включением идеи практической значимости правовой культуры студента-бакалавра в систему индивидуально-профессиональных ценностей, развитым мотивом самосовершенствования с целью достижения максимальной самореализации в профессиональной сфере; наличием системных правовых знаний, умениями саморегуляции; профессионально-социальной адаптацией в постоянно обновляющихся условиях правозащитной действительности, «обретением состояния внутреннего комфорта», достижением чувства удовлетворённости от результатов профессиональной деятельности, многие из которых обусловлены уровнем развития правовой культуры. Достигнув такого уровня развития правовой культуры, студент бакалавр становится субъектом профессионального самовоспитания, а его правовая культура выступает как имманентное свойство личности.

Применение данного комплекса критериев оценки правовой культуры студентов способствует реализации диагностической, обучающей, развивающей, корректирующей, стимулирующей и превентивной функций образовательного процесса в университете, направленного на формирование правовой культуры бакалавров педагогического образования.

Для проверки эффективности данного процесса нами была разработана методика измерения уровня правовой культуры на основе методики «Диагностической карты».

В тестовой карте указаны критерии и показатели сформированности правовой культуры студентов, которые были определены на основе теоретического анализа научной литературы по проблеме формирования правовой культуры студентов. Исходными критериями развития правовой культуры бакалавров педагогического образования мы считаем: когнитивный, деятельностный, личностный, аксиологический компоненты. Данные критерии сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования были включены в тестовую карту, которая позволяет изучать уровень развития правовой культуры бакалавров педагогического образования, эффективность правообразовательной и воспитательной работы со студентами в образовательном процессе университета, определять динамику изменений, анализировать и совершенствовать педагогическую деятельность по формированию правовой культуры студентов.

Критерии и показатели уровней сформированности правовой культуры личности

Критерии	Показатели
Когнитивный	<ul style="list-style-type: none"> – основ образовательного законодательства и правового регулирования правоотношений в системе образования РФ; – о социально-правовой защите участников образовательного процесса; об организации правового просвещения, воспитания и обучения детей и взрослых в образовательном учреждении; – правовых понятий, терминов и норм в системе образовательного права; – нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношение участников образовательного процесса и деятельность работников образовательного учреждения; – о способах формирования профессионально-педагогического правового мышления.
Деятельностный	<ul style="list-style-type: none"> – применять полученные правовые знания при принятии правомерных решений в различных педагогических ситуациях; – работать с нормативно-правовыми актами различного вида и уровня, регулируемыми образовательные правоотношения; – соотносить свое поведение и поведение окружающих с требованиями законов; – оценивать факты правомерного и противоправного поведения; – соблюдать свои правовые права и обязанности в педагогической деятельности; – оказывать практическую помощь в области социальной защиты обучающихся; – осуществлять сотрудничество с органами правопорядка и социальной защиты населения; – организовывать правовое просвещение, воспитание и обучение детей и взрослых в образовательном учреждении; – анализировать ситуацию на рынке образовательных услуг, оценивать собственные профессиональные возможности; – ориентироваться в нормах и этике трудовых взаимоотношениях с позиции законодательства РФ.
Личностный	<ul style="list-style-type: none"> – понимание значения культуры как формы человеческого существования и способность руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества; – владение культурой мышления, в том числе и правовой; – использование нормативно-правовых документов в своей деятельности; – нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности; – использование знаний гуманитарных наук при решении социальных и профессиональных задач; – оригинальность, гибкость, критичность, ассоциативность, образность, продуктивность правового мышления; – проявление творческого подхода к решению проблемных ситуационно-правовых задач; – готовность проектировать и реализовывать педагогические модели правового просвещения, воспитания и образования обучающихся; – стремление к самосовершенствованию, преобразованию педагогического процесса в соответствии с действующим образовательным законодательством Российской Федерации.
Аксиологический	<ul style="list-style-type: none"> – осознание правовых ценностей и значимости образовательного права; – наличие правового самосознания, потребности и заинтересованности в профессионально-правовой подготовке; – умение оценивать свое правовое поведение в различных профессионально-педагогических ситуациях; – стыдиться и раскаиваться от собственного неправомерного поведения и правонарушения со стороны других лиц; – испытывать неудовлетворенность по поводу низкого качества правовых знаний и умений у себя и окружающих; – чувствовать удовлетворение от собственного правомерного поведения и правомерного поведения иных членов образовательного процесса; – радоваться после удачно найденного правового решения жизненной и профессионально-педагогической ситуации; стремление к собственному правовому образованию и повышению правовой культуры у окружающих, иметь внутреннюю установку не совершать правонарушения и преступления в своей профессиональной деятельности.

Данная система диагностики сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования была апробирована в рамках научно-исследовательской работы

По завершению мероприятий, направленных на проверку эффективности разработанной системы формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования в рамках опытно-экспериментальной работы, была проведена диагностика с целью определения динамики формирования правовой культуры. Данные представлены в таблице 2.

Результаты педагогического эксперимента наглядно показывают эффективность разработанной системы формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования. Проведенные измерения с помощью критериально-диагностического инструментария подтвердили эффективность системы формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования в системе университетского образования.

ТЕСТОВАЯ КАРТА

оценки уровня правовой культуры бакалавров педагогического образования

Инструкция.

Оцените уровень своей правовой культуры, заполнив следующую тестовую карту. При заполнении карты нужно сделать отметку в строке в соответствии с баллом.

- 5 – качество проявляется постоянно и зримо;
- 4 – качество проявляется в большинстве случаев;
- 3 – может проявляться и не проявляться;
- 2 – проявляется эпизодично;
- 1 – качество не проявляется совсем.

	№ п/п	Критерии и показатели	Шкала оценки				
			1	2	3	4	5
Когнитивный компонент	1. Полнота, осознанность и прочность правовых знаний:						
	1.1	основ образовательного законодательства и правового регулирования правоотношений в системе образования РФ;					
	1.2	о социально-правовой защите участников образовательного процесса;					
	1.3	об организации правового просвещения, воспитания и обучения детей и взрослых в образовательной организации;					
	1.4	правовых понятий, терминов и норм в системе образовательного права;					
	1.5	нормативно-правовых актов регулирующих правоотношение участников образовательного процесса и деятельность работников образовательной организации;					
	1.6	о способах формирования профессионально-педагогического правового мышления.					
	Итого:						
Деятельностный компонент	2. Сформированность правовых умений						
	2.1	применять полученные правовые знания при принятии правомерных решений в различных педагогических ситуациях;					
	2.2	работать с нормативно-правовыми актами различного вида и уровня регулируемыми образовательные правоотношения;					
	2.3	соотносить свое поведение и поведение окружающих в соответствии с требованиями законов; оценивать факты правомерного и противоправного поведения;					
	2.4	соблюдать свои правовые права и обязанности в педагогической деятельности;					
	2.5	оказывать практическую помощь в области социальной защиты обучающихся; осуществлять сотрудничество с органами правопорядка и социальной защиты населения;					
	2.6	организовывать правовое просвещение, воспитание и обучение детей и взрослых в образовательной организации;					
	Итого:						
Личностный компонент	3. Личностные новообразования						
	3.1.	понимание значения культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества; владение культурой мышления, в том числе и правовой;					
	3.2	использование нормативно-правовых документов в педагогической деятельности;					
	3.3	нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности;					
	3.4	использование знаний гуманитарных наук при решении социальных и профессиональных задач;					
	3.5	оригинальность, гибкость, критичность, ассоциативность, образность, продуктивность правового мышления;					
	3.6	проявление творческого подхода к решению проблемных ситуационно-правовых задач;					
	3.7	готовность проектировать и реализовывать педагогические модели правового просвещения, воспитания и образования обучающихся;					
	Итого:						
	3.8	стремление к самосовершенствованию, преобразованию педагогического процесса в соответствии с действующим образовательным законодательством Российской Федерации					

	Итого:						
Аксиологический компонент	4. Ценностное отношение к правовой культуре: уважение к Закону, правовая сознательность						
	4.1	осознание правовых ценностей и значимости образовательного права;					
	4.2	наличие правового самосознания, потребности и заинтересованности в профессионально-правовой подготовке;					
	4.3	умение оценивать свое правовое поведение в различных профессионально-педагогических ситуациях;					
	4.4	стыдиться и раскаиваться от собственного неправомерного поведения и правонарушения со стороны других лиц;					
	4.5	испытывать неудовлетворенность по поводу низкого качества правовых знаний и умений у себя и окружающих;					
	4.6	чувствовать удовлетворение от собственного правомерного поведения и правомерно-го поведения иных членов образовательного процесса;					
	4.7	радоваться после удачно найденного правового решения жизненной и профессионально-педагогической ситуации; стремление к собственному правовому образованию и повышению правовой культуры у окружающих, иметь внутреннюю установку не совершать правонарушения и преступления в своей профессиональной деятельности.					
	Итого:						
	показатель уровня правовой культуры						

Данная система диагностики сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования была апробирована в рамках научно-исследовательской работы

По завершению мероприятий, направленных на проверку эффективности разработанной системы фор-

мирования правовой культуры бакалавров педагогического образования в рамках опытно-экспериментальной работы, была проведена диагностика с целью определения динамики формирования правовой культуры. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Уровень сформированности правовой культуры студентов на конец эксперимента

Критерии правовой культуры бакалавра образования	Контрольная группа (на конец эксперимента)	Экспериментальная группа (на конец эксперимента)
Когнитивный	21,79	27,13
Деятельностный	38,66	42,11
Личностный	41,92	51,42
Аксиологический	34,82	43,95

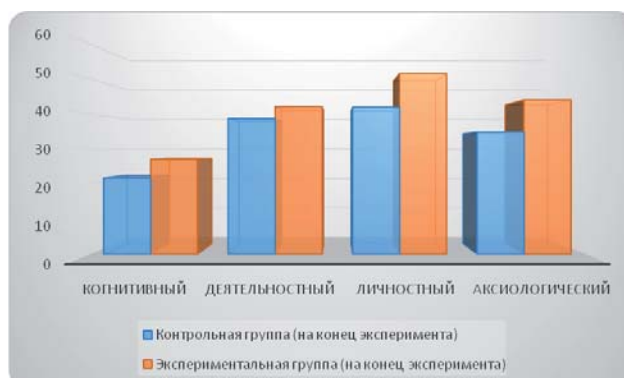

Рис. 1. Уровень сформированности правовой культуры студентов в экспериментальной и контрольной группах на конец эксперимента.

Библиографический список

1. Краевский В.В. Основные критерии качества и эффективности научно-педагогических исследований. М.: Педагогика, 1981. 149 с.
2. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учебное пособие для студентов педагогических вузов. 2-е изд., стер. М.: Academia, 2005. 206 с.
3. Мошкин В.Н. Дидактические средства контроля знаний и умений учащихся в проблемном обучении: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1997. 16 с.
4. Новиков А.М. Научно-экспериментальная работа в образовательных учреждениях. М., 1998. 134 с.

References

1. Krajewski V.V. Basic criteria of quality and efficiency of scientific-pedagogical researches. M.: Education, 1981. 149 p.
 2. Methodology and methods of psychological and pedagogical research: a manual for students of pedagogical universities. 2nd ed., M.: Academia, 2005. 206 p.
 3. Moshkin V.N. Didactic means of control of knowledge and skills of students in challenging learning: author. dis. ... cand. of ped. sciences. Kazan, 1997. 16 p.
 4. Novikov A.M. Scientific and experimental work in educational institutions. M., 1998. 134 Pp.
-
-

Т.С. ГРОМЫКИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и истории народной художественной культуры, Орловский государственный институт искусств и культуры
E-mail: tatyana200815@mail.ru

T.S. GROMYKINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of theory and history of national art culture, Orel Institute of Arts and Culture
E-mail: tatyana200815@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МАГИСТРАНТОВ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF ETHNO-CULTURAL COMPETENCE OF MASTERS OF THE MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

В публикуемом материале раскрыты основы формирования этнокультурной компетентности магистрантов в условиях современной образовательной среды. Представлены педагогические условия эффективного формирования этнокультурной компетентности магистрантов в Орловском государственном институте искусств и культуры.

Ключевые слова: этнокультурная компетентность, образовательная программа, высшее профессиональное образование, магистрант, традиционная культура.

In the published material the bases of formation of ethno-cultural competence of masters in the conditions of the modern education are opened.

Pedagogical conditions of effective formation of ethno-cultural competence of masters on an example of Orel Institute of Arts and Culture are presented.

Keywords: ethno-cultural competence, an educational program, the higher vocational training, master, traditional culture.

Перемены, происходящие в российском полиэтничном обществе, находят отражение в социальном заказе образования. Изменился образ жизни человека: характер его труда, быта, общения. В этой связи традиционная система образования, которая обеспечивала подготовку молодежи к жизни, претерпевает кардинальные изменения. Задачей высшей школы становится подготовка личности гражданина, принадлежащего, с одной стороны, к определенному этносоциуму, культуре, исторической эпохе, с другой – гражданина России, мира.

Задача подготовки молодежи к жизни в поликультурном мире названа в числе приоритетных в документах ООН и ЮНЕСКО. В докладе Международной комиссии по образованию для XXI в. подчеркивается, что одна из важнейших функций высшей школы – научить людей жить вместе, помочь им преобразовать существующую взаимозависимость государств и этносов в сознательную солидарность. В этих целях образование должно способствовать тому, чтобы, с одной стороны, человек осознал свои корни и тем самым мог определить место, которое он занимает в мире, и с другой – привить ему уважение к другим культурам.

Гуманизация отечественного образования, поиск новых парадигм развития отечественной науки и практики создали благоприятные условия для осмысления прогрессивного опыта прошлого в области этнокуль-

турного воспитания подрастающего поколения и его логического включения в современный образовательный процесс.

Этнокультурная компетентность определяется исследователями как свойство личности, выражающееся в наличии:

- совокупности представлений, знаний о той или иной этнической культуре, культурных потребностях, интересах, обрядах, традициях, праздниках, фольклоре;
- знание особенностей национального самосознания, межнациональных установок, проблем языковых взаимодействий;
- знание приемов и способов личностно-ориентированного позитивного взаимодействия со сверстниками и взрослыми, способов саморегуляции и самоуправления эмоциональным состоянием, поведение в сложных житейских ситуациях.

Сущность этнокультурной компетентности заключается в том, что человек, обладая данной компетентностью, выступает активным носителем опыта в области этнокультур и межэтнического взаимодействия.

Формирование этнокультурной компетентности – это такой процесс, в котором цели, задачи, содержание, технологии воспитания ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина многонационального Российского государства.

Формирование этнокультурной компетентности определяется введением в образовательный процесс знаний родной народной культуры, социальных норм поведения, духовно-нравственных ценностей; знакомством с культурными достижениями других народов; использованием опыта народного воспитания с целью развития у детей интереса к народной культуре, воспитания дружеского отношения к людям разных национальностей.

Формирование этнокультурной компетентности магистрантов в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры» предполагает несколько этапов. Причем основу первичной сформированности этнокультурной компетентности у будущих магистрантов в вузе культуры можно определить степенью совместной деятельности в учебном процессе. Это сформированные умения и навыки распределения, интегрирования, координации и управления индивидуальными целями, мотивами, действиями и результатами, степень самостоятельности и социальной ответственности. Таким образом, к моменту поступления в магистратуру поступающий уже является носителем этнокультурной компетентности на некотором уровне. Далее в ходе учебно-воспитательного процесса в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры» магистранты приобретают навыки и умения решения производственных задач в поликультурном коллективе. Содержание этого процесса в данном учреждении высшего профессионального образования можно определить следующим образом:

– интуитивное формирование этнокультурной компетентности: осознание системы требований, предъявляемых специалисту обществом в целом и представителями конкретных этнических групп, с которыми он взаимодействует, в частности; соотнесение системы требований, предъявляемых к человеку в процессе профессиональной деятельности, со сложившимися в детстве представлениями, знаниями, умениями и навыками межкультурного общения;

– формирование теоретических основ этнокультурной компетентности: в понятиях, законах, принципах конкретизируются стратегии предупреждения и разрешения конфликтов в ситуациях межнационального общения; а также умением моделировать такие ситуации, в которых исключается напряженность во взаимоотношениях членов коллектива;

– формирование практических умений и навыков, характеризующих сформированность этнокультурной компетентности: приобретенные знания получают прикладной характер и способствуют выработке личной позиции, усилению контроля за развитием ситуации.

Формирование этнокультурной компетентности магистрантов в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры» эффективно происходит за счет внедрения национально-регионального/этнокультурного компонента в содержание образования: межпредметную, модульную, монопредметную, комплексную и дополняющую.

Процесс формирования этнокультурной компетент-

ности магистрантов в образовательном пространстве института культуры города Орла заключается в целенаправленной работе, осуществляемой в ходе образовательной подготовки различных направлений, в рамках творческой мастерской, которая расширяет возможности, обеспечивает профессиональное становление и более комфортное вхождение магистранта в профессиональную среду. Диагностический анализ этнокультурной компетентности магистрантов Орловского государственного института искусств и культуры показал, что безусловное большинство магистрантов выражают высокую мотивационную готовность осваивать основы традиционной культуры, имеют высокий интерес к культуре своего народа, эмоциональный подъём от посещения выставок и различных культурно-массовых программ. Большой процент опрошенных магистрантов разных направлений подготовки считают, что им необходимы дополнительные знания об этнокультуре и готовы профессионально обучаться теории и практике. Также отмечается недостаточный уровень своих практических навыков и умений, но в то же время магистранты чувствуют себя достаточно уверенно во время проведения бесед и дискуссий на темы о традиционной культуре.

Диагностирование выявило необходимость формирования личности магистрантов на основе сочетания компетентностного и этнокультурологического подходов; позволило включить в основу проектирования технологии профессиональной подготовки необходимость ознакомления с традиционной «культурой жизнеобеспечения», формирование этнокультурных ценностей, выполнение принципов системности и преемственности в процессе проектирования и реализации учебной деятельности. Определены критерии сформированности этнокультурной компетентности магистрантов в ОГИИК, ориентированные на творческую деятельность в этнокультурной среде региона.

Реализация задачи формирования этнокультурной компетентности магистрантов в ОГИИК осуществляется на лекциях, семинарах и практических занятиях; научно-практических конференциях с участием ведущих специалистов и др. Структурными компонентами модели образовательного процесса являются: содержание базового образования, реализуемое в рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования различных направлений, курсового и дипломного проектирования по проблематике традиционного этнокультурного творчества; профессиональное технологическое обучение по программам творческой мастерской; совместная научная и этнокультурная коммуникативная деятельность в рамках научных программ, семинаров и лабораторий по НИР и НИРС; сотрудничество с организациями и учреждениями, использующими в своей работе традиции этнокультурного творчества; индивидуальная творческая технологическая деятельность.

Современные технологии, применяемые в учебно-воспитательном процессе обучения магистрантов, в ОГИИК создают предпосылки для интеграции образо-

вания в этнокультуру и этнокультуры в образование, для углубления и развития этнокультурологических начал в высшем образовании. Технологические дисциплины решают задачи сохранения традиционной культуры этноса. Образовательные программы различных направлений подготовки квалификации «магистр» в ОГИИК составляются расширительно к учебному плану вуза и разрабатываются в соответствии с требованиями к минимуму содержания и уровню подготовки с приближением к курсам повышения квалификации, проводимые на факультете повышения квалификации и дополнительного профессионального образования ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры», с частичным приближением к аспирантской подготовке.

Таким образом, основными показателями сформированности этнокультурной компетентности магистрантов различных направлений в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры» являются:

1. Этика и ценности. Необходимость работать в соответствии с ценностями, этикой и стандартами профессии, отдавая отчет, как личные и профессиональные ценности могут противоречить или помогать, учесть потребности людей из разных культурных групп.

2. Самосознание. Стремление углублять понимание своих личных, культурных ценностей и убеждений как один из способов понять значение поликультурной идентичности в жизни людей.

3. Кросс-культурные знания. Развитие специализированных знаний и понимания истории, традиций, ценностей, семейных систем и форм художественного самовыражения основных групп посетителей.

4. Межкультурные навыки. Использование соответствующих методологических подходов, навыков и методов, которые отражают понимание роли культуры в процессе жизнедеятельности.

5. Профессиональное обучение. Пропагандирование и участие в образовательных и учебных программах, которые помогают распространению культурной

компетентности в рамках той или иной профессии.

Проведя диагностику, систематизировав и обобщив материал, мы определили наиболее эффективные педагогические условия формирования этнокультурной компетентности магистрантов в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры»:

– профессиональная подготовка магистрантов в соответствии с образовательными программами, с применением современных педагогических технологий;

– организация, содержание и технология учебного процесса направлены на формирование каждого компонента этнокультурной компетентности: функционально-коммуникативного, когнитивно-аксиологического и личностно-психологического;

– создание педагогических ситуаций, которые направлены на позитивное использование знаний по современным проблемам межнациональных отношений.

Таким образом, если выделенные педагогические условия будут соблюдаться в ходе формирования этнокультурной компетентности магистрантов в вузе культуры, то это способствует: во-первых, развитию установок и убеждений, т.е. пониманию собственных культурных основ, влияющих на личные убеждения, ценности и установки культурно разнообразных групп населения; во-вторых, развитию знаний – понимание и осведомленность о культурно обусловленных различиях в мировоззрении у представителей различных социокультурных групп; в-третьих, совершенствованию навыков – способность находить и использовать культуросообразные стратегии вмешательства в работе с людьми, выходцами из различных социокультурных групп.

Следовательно, формирование этнокультурной компетентности магистрантов в высшей школе способствует ориентированию будущего профессионала на социализацию и инкультурацию знаний, умений, навыков с целью адекватного осмысления и оценки ситуации, ее сущности, целей, задач и норм с точки зрения общественно значимых ценностных ориентаций полинациональной общности.

Библиографический список

1. Магомедов Х. М. Содержание и функциональное значение этнокультурной компетентности студентов. Материалы международной заочной конференции «Актуальные проблемы науки и образования». Серия «Гуманитарные науки». Выпуск 1. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. 172с.
2. Морозов И. А. Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения. // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 49-52.
3. Поштарева Т.В. Формирование этнокультурной компетентности. // Педагогика, № 3, 2005. С. 35-42.
4. Хаштыров Я. М. Формирование этнокультурной компетентности будущих менеджеров в условиях среднего профессионального образования: автореф. дисс. канд. пед. наук. Ставрополь, 2006.
5. Шагаева Н. А. Формирование этнокультурной компетентности студента : автореф. дисс. канд. пед. наук. Элиста, 2006.

References

1. Magomedov H.M. Maintenance and functional value of ethno cultural competence of students. Materials of the International correspondence conference «Urgent problems of science and education». A series «Humanities». release 1. Stavropol, 2009. 172p.
2. Morozov I.A. Ethno-cultural competence and standards of the general education of the second generation. //Pressing questions of modern pedagogies: materials of the International conference (Ufa, June, 2011). Ufa: Summer, 2011. Pp. 49-52.
3. Poshtareva T.V. Formation of ethno-cultural competence. //Pedagogic, № 3, 2005. Pp. 35-42.
4. Hashtyrov J.M. Formation of ethno-cultural competence of the future managers in the conditions of average vocational training: author's abstract, pedagogical sciences. Stavropol, 2006.
5. Shagaeva N.A. Formation of ethno-cultural competence of the student: author's abstract, pedagogical sciences. Elista, 2006.

В.К. ЕЛИСЕЕВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра психологии, Липецкий государственный педагогический университет

E-mail: elvk56@mail.ru

М.В. ЕЛИСЕЕВА

аспирант, кафедра психологии, Липецкий государственный педагогический университет

E-mail: mariya-eliseeva@mail.ru

V.C. ELISEEV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of psychology, Lipetsk State Pedagogical University

E-mail: elvk56@mail.ru

M.V. ELISEEVA

Graduate student, Department of psychology, Lipetsk State Pedagogical University

E-mail: mariya-eliseeva@mail.ru

**СУБЪЕКТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ, КОМПЕТЕНТНОСТИ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМА**

**SUBJECT-PROFESSIONAL POTENTIAL OF A FUTURE TEACHER AS AN EXPRESSION OF SUBJECTIVITY,
COMPETENCE, PROFESSIONALISM**

В статье обсуждается содержание субъектно-профессионального потенциала будущего учителя, который интерпретируется как проявление субъектности, компетентности, профессионализма. Субъектно-профессиональный потенциал личности будущего учителя определен в качестве интегрального единства профессиональных и субъектных компетенций, рефлексии, ответственности, ценностно-смысловой временной перспективы.

Ключевые слова: субъектно-профессиональный потенциал будущего учителя; субъектность; профессионализм; ответственность; локус-контроль; интернальность-экстернальность; ценностно-смысловая временная перспектива; рефлексия.

The article discusses the content of the subject-professional potential of a future teacher, which is interpreted as a manifestation of subjectivity, competence, professionalism. Subject-professional potential of a future teacher is defined as the integral unity of professional and subjective competence, reflection, responsibility, value-semantic temporal perspective.

Keywords: subject-professional potential of future teacher; subjectivity; professionalism; responsibility; locus of control; internality-externality; value-semantic temporal perspective; reflection.

В наиболее общие задачи вузовского образования входит развитие у будущих учителей инициативности, ответственности, социальной и профессиональной мобильности, способности в профессиональном и личностном самоопределении в изменяющемся мире.

В научной психолого-педагогической литературе в последнее десятилетие пристальное внимание уделяется исследованию содержания понятий «личностный потенциал» и «субъектный потенциал личности».

Разрабатываемый подход в изучении субъектности осуществляется по пути развития отечественных представлений об активной роли самого человека в процессе жизнедеятельности: развития, учебы, работы (Б.Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн и др.).

По мнению В.А. Сластенина, субъектность – сложная интегративная характеристика личности, отражающая ее активно-избирательное, инициативно-ответственное преобразование отношений к деятельности, к людям, к миру, жизни и к самой себе, в целом [8].

Общая психологическая трактовка содержания понятия «потенциал личности» в отечественной науке основывается на положениях известного ученого

Б.Г. Ананьева, подчеркивавшего необходимость исследования «системы знаний о резервах и ресурсах самого человеческого развития и саморазвития, его возможностях самосовершенствования [2].

Д.А. Леонтьев [4] включает в содержание понятия «личностный потенциал» следующие компоненты: личностную автономию и независимость, внутреннюю свободу; осмысленность жизни; жизнестойкость в сложных обстоятельствах; готовность к внутренним изменениям; способность воспринимать новую неопределенную информацию; постоянную готовность к действию; особенности планирования деятельности; временную перспективу личности.

Хотя содержание и структура субъектного потенциала личности исследовалась достаточно активно в отечественной психологии (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Т.И. Артемьева, И.В. Байер, Е.В. Дьячкова, В.П. Иванова, В.Н. Марков, А.С. Огнев, В.А. Петровский, Г.В. Суходольский, Е.П. Ходаева и др.), тем не менее, до сих пор данное понятие до конца не уточнено: окончательно не определены принципы и подходы к разработке модели субъектного потенциала, его составляющие, и характер их взаимосвязи и взаимообусловленности.

В соответствии с системным подходом и исходя из гуманистической образовательной парадигмы, структурообразующими системными признаками субъектного потенциала как самоорганизующейся системы, на наш взгляд, являются следующие: интегративная активность, предполагающая активную деятельную позицию личности во всех ее проявлениях; ценностно-смысловую временную перспективу личности; способность к рефлексии (осознание, осмысление, прогнозирование процесса и результатов деятельности как условие регуляции поведения); ответственность как организация, регуляция и регламентация поведения; способность к самореализации и самоопределению в мире.

Субъектно-профессиональный потенциал личности будущего учителя аккумулируется в его формирующихся профессиональных способностях (компетенциях) к практической реализации в учебно-воспитательном процессе вуза индивидуальных траекторий и программ личностно-профессионального саморазвития; осуществлении необходимой их коррекции; самоанализе учебно-профессиональных и жизненных достижений; самосовершенствовании; усилении роли профессионально и субъектно-ориентированных компетенций.

Мы исходим из понимания процесса самоактуализации субъектно-профессионального потенциала как перехода потенциальных свойств субъекта в актуальные. Успешность и способы актуализации субъектно-профессионального потенциала будущего учителя неразрывно связаны с формирующейся активностью во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и учебной, и профессиональной, рефлексией, ценностно-смысловой временной перспективой и связанной с ней профессионально-личностной перспективой, а также ответственностью, регулирующей, регламентирующей и организующей поведение педагога.

Содержание субъектно-профессионального потенциала личности учителя можно также с полным правом соотносить с так называемыми «субъектными компетенциями» профессионала и, в конечном итоге, – с общей профессиональной компетентностью и профессионализмом учителя – готовностью и способностью эффективно решать различного рода профессионально-педагогические задачи. Таким образом, по нашему мнению, профессиональную компетентность можно считать отражением субъектно-профессионального потенциала личности.

Субъектно-профессиональный потенциал личности будущего учителя с позиций компетентного подхода может быть определен в качестве интегрального образования – единства профессиональных и субъектных компетенций, включающих рефлексию, ответственность, ценностно-смысловую временную перспективу, адекватных содержанию педагогической деятельности, формирующихся в результате активности личности как субъекта учебно-профессиональной деятельности. Раскрытие потенциала личности чаще всего происходит в процессе становления профессионализма. Данный процесс включает: выбор профессии с учетом своих

собственных возможностей и способностей; освоение правил и норм профессии; формирование и осознание себя как будущего профессионала, обогащение опыта будущей профессии за счет ее личностного переосмысления, развитие своей личности средствами профессии и др.

Компетентностный подход расширяет обязательный элемент образовательного процесса – субъектность обучающегося. В компетентностной модели результат образования во многом зависит от субъектных качеств учащегося. Термин «профессионализм» подразумевает особое свойство субъекта систематически, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях. Главной составляющей профессионализма человека выступает профессиональная компетентность. Профессиональная компетентность, по нашему мнению, представляет собой качественную характеристику личности специалиста, которая включает систему научно-теоретических знаний и связывается со способностью и готовностью применять знания и опыт для решения задач в социально-профессиональной сфере. Под профессиональной компетенцией мы понимаем способность человека эффективно реализовать на практике усвоенные в той или иной сфере знания умения, навыки.

В результате самостоятельной работы профессиональная компетентность постепенно трансформируется в профессионализм, который является высоким мастерством, характеризует глубокое овладение профессией, выражается в умении творчески пользоваться усвоенной в процессе обучения информацией.

В анализе содержания и структуры субъектно-профессионального потенциала учителя В.А. Сластенин [8] определяет рефлексию как системообразующий фактор профессионализма, способствующий преодолению стереотипов профессионально-личностного опыта и разрешению проблемных ситуаций, возникающих в процессе решения профессионально-педагогических задач. Разрабатывая теорию «стратегии совладания», Л.И. Анцыферова [3] описывает некоторые приемы, которые может использовать человек в различных трудных жизненных ситуациях, среди которых упоминается прием переосмысления выпавшего на его долю несчастья как неотъемлемой части жизни, а не как незаслуженное наказание судьбы. Таким образом, одним из таких приемов выступает рефлексия. S.R. Maddi [5] выдвинуто предположение о том, что высокие ресурсы (потенциал) поведения в проблемной ситуации обусловлены особой личностной диспозицией человека. Это свойство получило название «харди», что значит «державший».

Рефлексивное отношение человека к собственной деятельности является одним из важнейших психологических условий все более глубокого ее осознания, критического анализа и конструктивного совершенствования. Рефлексия позволяет человеку охватить собственную жизнь в широкой временной перспективе, соотносить настоящее с прошлым и будущим, создавая,

тем самым, «целостность, непрерывность жизни», позволяя субъекту сохранить или восстановить внутреннюю гармонию, необходимым образом перестроить свой внутренний мир и не оказаться всецело во власти ситуации. Рефлексия может рассматриваться также в качестве механизма мотивационно-личностного уровня саморегуляции, как процесса, опосредованного социальными нормами и ценностями и системой внутренних требований, особой «жизненной философии», превращающих человека в активного субъекта жизнедеятельности. Рефлексия может быть истолкована как интегральный психический процесс, представляющий речемыслительный уровень самоотражения, ведущим механизмом которого является самосубъектная децентрация (Е.С. Михайлова). Рефлексию нередко определяют как важнейший фактор развития высокопрофессионализма, проявляющегося в способности субъекта к постоянному личностному и профессиональному самосовершенствованию, творческому росту на основе психологических механизмов самоанализа и саморегуляции (А.А. Бизяева).

В структуре субъектно-профессионального потенциала будущего учителя чрезвычайно значимое место также занимает ценностно-смысловая временная перспектива. По мнению К.А. Абульхановой-Славской [1], «жизненная перспектива» – это не только будущие цели, ценности, но и темп жизненного движения, оптимальность развития, возрастание активности личности как потенциальная возможность ее развития. Психологической перспективой и потенциалом обладает тот субъект, который способен предвидеть будущее, кто видит жизненную перспективу, имеет жизненный опыт и, следовательно, обладает определенным потенциалом. Временная перспектива тесно связана с ценностно-смысловой сферой личности, определяющая цели, которые ставит перед собой человек, стремления, ему свойственные, мотивы, в соответствии с которыми он действует, интересы, которыми он руководствуется в своей деятельности. По оценке В.Н. Маркова [6], чем больше успехов в различных областях характеризуют жизненный путь личности, тем выше ее потенциал. Поэтому наиболее подходящим научным способом изучения потенциала, по его оценке, является психобиографическая методика.

Одной из важных задач, стоящих перед высшей школой, является профессионализация образования, решение которой требует подготовки специалиста, способного самостоятельно, компетентно и ответственно принимать профессиональные решения и проводить в их жизнь. Субъект через формирование в себе ответственного отношения к жизнедеятельности самоопределяется как личность. Перефразируя слова С.Л. Рубинштейна [7], следует заметить, что ответственность определяется и регулируется самой личностью. Однако прежде чем совершить те или иные действия человек, как правило, обдумывает их, планирует пути и средства достижения поставленных целей, предвидит последствия своих действий, понимая, что

несёт ответственность за принимаемые им решения. Следовательно, формирование ответственности также тесно связано с развитием рефлексии.

Ощущение себя субъектом, управляющим своей жизнью, контролирующим ее события, достаточно давно изучается с помощью методики локуса контроля. Люди с внутренним локусом контроля (интерналы) способны более успешно совладать с трудными жизненными ситуациями, чем те, кто не принимает на себя ответственность за свою судьбу, а считает ее управляемой внешними факторами, т.е. имеет внешний локус контроля (экстерналы) [10].

На первом этапе нашего экспериментального исследования компонентов субъектно-профессионального потенциала будущего учителя с помощью методики субъективной локализации контроля [9] проведено диагностическое исследование интернальности 80 студентов – будущих учителей – филологического, художественно-графического факультетов и факультета иностранных языков, возраст которых составил 18-20 лет. Были выявлены группы студентов с разной степенью выраженности интернальности-экстернальности (группа интерналов и группа экстерналов). Интернальность служила для нас общим эмпирическим аналогом субъектного потенциала личности будущего учителя. Его коррелятами выступали следующие свойства субъекта: высокая преобразующая активность; потребность в самореализации; наличие временной перспективы; наличие в ней целей и смысла жизни; насыщенность жизни событиями; высокий уровень ответственности; высокий уровень рефлексивности.

Полученные нами экспериментальные данные свидетельствуют о том, что процесс становления и развития субъектно-профессионального потенциала студентов совпадает с развитием интернальности, рефлексии и насыщенности ценностно-смысловой временной перспективы. Рост интернальности, рефлексии и, соответственно, усиление субъектно-профессионального потенциала личности наблюдается у студентов в периоды изменения позиции в учебно-воспитательном процессе, например, в ходе педагогических практик и ближе к окончанию вуза, когда необходимо принимать какие-либо ответственные решения, обусловленные профессиональным или личностным самоопределением.

Далее испытуемые обеих групп были обследованы с помощью модифицированной нами методики «Профессиональная автобиография» (Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова). Методика позволила определить «вес» событий в ценностно-смысловом временном континууме субъектно-профессионального потенциала будущих педагогов с различным уровнем интернальности: продуктивность воспроизведения событий профессионального пути; оценку событий испытуемым (значимость для них тех или иных событий настоящего и будущего отрезков пути в профессию); степень их влияния на испытуемых; среднее время антиципации и ретроспекции событий; содержательную характеристику событий, оказавших влияние на выбор профессии педагога.

У испытуемых обеих групп наибольшую значимость в профессиональном становлении играют события, касающиеся повышения квалификации: краткосрочные курсы, мастер-классы, встречи со специалистами высшей квалификации, которые оставили в большинстве своем неизгладимый след в сознании будущих специалистов. Тем не менее, данные события статистически более значимы для интерналов. У студентов-интерналов на втором месте – события карьерного роста – достижение определенных вершин в профессиональном плане: написание диссертации, создание своего консультативного центра и т.д. Для экстерналов более значимы события, связанные с межличностными отношениями, – встреча с интересным человеком, оказавшим решающее влияние на профессиональный выбор. На третьем месте по значимости влияния на профессиональное становление студенты-интерналы ставят события, касающиеся учебной деятельности. Они считают, что именно учебная деятельность оказала значительное влияние на окончательный профессиональный выбор и стимулировала профессиональный рост. Для экстерналов – это события, касающиеся карьерного роста. Значительное место в профессиональном становлении будущих педагогов играет внимание к собственным личностным проблемам, к так называемым проблемам «Я». Так, события личностного характера оказывают большее влия-

ние на студентов-интерналов, чем экстерналов, и эти различия носят статистически значимый характер. Не оказали значительного влияния ни на тех ни на других в профессиональном плане события, связанные с семейным воспитанием: профессия родителей или их советы, случаи из семейной жизни и др. Студенты-интерналы уделяют больше внимания учёбе, повышению квалификации и более ответственны, чем экстерналы. Возможно, что студенты-интерналы решительно нацелены на становление в своём характере истинных педагогических качеств и более отчётливо осознают себя в качестве учителей, проецируя это представление на свой жизненный путь. По сравнению с экстерналами, ценностно-смысловая временная перспектива интерналов охватывает более дальнюю зону жизненного пути как в будущем, так и в прошлом, независимо от того, какой характер, личный или безличный, носили события.

Проведенные нами теоретическое и экспериментальное исследования позволяют утверждать, что субъектно-профессиональный потенциал будущего педагога отражает и актуализирует его субъектность и профессиональную компетентность: активность, рефлексивность, ответственность, ценностно-смысловую временную перспективу личностного и профессионального саморазвития.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. С. 14-31.
3. Анциферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности, «техники» ее бытия. Психол. журн. 1993. Т. 14. № 2. С. 3-17.
4. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции. Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, вып. 2. Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 85-105.
5. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002. 539 с.
6. Марков В.Н. К проблеме определения границ и безграничности духовности человека // Мир психологии: Научно-методический журнал. 07/2008. № 3. С.62-74 .
7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 358 с.
8. Слостенин В.А. Субъектно-деятельностный подход в образовании. Научные труды МПГУ. Серия: Психолого-педагогические науки. М.: Прометей, 2000. С. 3-22.
9. Тест-опросник субъективной локализации контроля // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1988. 140 с.
10. Rotter Julian B. "Generalized expectancies for interval versus external control of reinforcement." Psychological Monographs, 80, (1966): Pp. 1-28.

References

1. Abulhanova-Slavskaja K. A. Life strategy. M.: Mysl', 1991. 299 p.
2. Ananjev B.G. The problems of the modern manknowledge. M.: Nauka, 1977. Pp. 14-31.
3. Antsiferova L. I. Psychology of everyday life: the life world of individual, "technology" of it's being // Psychol. Jour. 1993. vol. 14. № 2. Pp. 3-17.
4. Leontjev D. A. Personal potential as the potential of self-regulation. Scientific notes of the Department of General psychology, Lomonosov Moscow State University., vol. 2 / Ed. by B.S. Bratus, E. E. Sokolova. M: Meaning, 2006. Pp. 85-105.
5. Maddi S. R. Theory of personality: the comparative analysis. SPb.: Speech, 2002. 539 p.
6. Markov V. N. The problem of determining the boundaries and the infinitude of human spirituality // World of psychology: Scientific-methodical journal . 07/2008 . № 3. Pp. 62-74 .
7. Rubinstein, S. L. Being and consciousness. M.: AS SSSR, 1957. 358 p.
8. Slastenin V. A. Subject-activity approach in education// Scientific proceedings of Moscow state pedagogical University. Series: Psycho-pedagogical science. M.: Prometheus, 2000. Pp. 3-22.
9. Questionnaire of subjective localization control // Workshop on psycho-diagnostics. Psychodiagnostic materials. M.: Publishing house of Moscow. University, 1988. 140 p.
10. Rotter Julian B. Generalized expectancies for interval versus external control of reinforcement. Psychological Monographs,80, (1966): Pp. 1-28.

И.В. КЛЕЩЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра методики обучения математике и информатике, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: tigriy@list.ru

I.V. KLESHCHEVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of mathematics teaching methods and computer science, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
E-mail: tigriy@list.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ШКОЛЫ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ**

**ORGANIZATION OF SCHOOL EXPERIMENT WORK FOR SHAPING PUPILS' LEARNING
AND RESEARCH ACTIVITIES**

Важность формирования учебно-исследовательской деятельности учащихся обозначена в федеральных государственных образовательных стандартах общего образования. Для того чтобы эффективно организовать исследовательскую деятельность в школе, требуется выявить и затем экспериментально апробировать определенные педагогические условия, адаптировать предметное содержание школьных дисциплин, осуществить поиск средств и приемов. Поэтому опытно-экспериментальная работа школы по данной проблеме актуальна. В статье описываются логика построения эксперимента и полученные результаты.

Ключевые слова: учебно-исследовательская деятельность, опытно-экспериментальная работа, исследовательские умения.

Formation of educational and research activity of pupils is important. For this you need to identify and verify the pedagogical conditions, change the content of school disciplines, to find means and techniques. Therefore experiment at school on this problem is urgent. In the article the logic of experiment and results are described.

Keywords: teaching and research activity, skilled and experimental work, research skills.

Сегодня особое внимание уделяется развитию инновационного потенциала системы образования. Поэтому одной из основных задач, поставленных перед современным образовательным учреждением, является поиск, создание, внедрение педагогических инноваций, направленных на удовлетворение общественно-государственного заказа и потребностей участников образовательного процесса. Одним из механизмов создания новой педагогической практики является опытно-экспериментальная работа школы.

Современное общество в своем социальном заказе выделяет ряд качеств, которые желательны для выпускника школы и впоследствии для деятельного, самостоятельного успешного молодого человека. К этим качествам относятся умения ориентироваться в быстро меняющемся потоке информации, самостоятельно приобретать знания и применять их на практике, размышлять, сопоставлять разные факты, точки зрения, формулировать и аргументировать собственную позицию и прочие [4]. Поэтому современной школе нужны новые подходы к организации образовательного процесса. В связи с этим, руководствуясь деятельностным и компетентностным подходами, возникает необходимость экспериментального изучения возможностей формирования в учебном процессе социально

и лично значимых видов деятельности учащихся, способствующих развитию указанных умений. В качестве такого вида деятельности мы выбрали учебно-исследовательскую деятельность учащихся (далее УИД).

Опытно-экспериментальная работа школы по формированию УИД учащихся традиционно состояла из нескольких этапов: диагностического, поискового, формирующего, обобщающего.

Основной целью диагностического этапа было изучение современного состояния включения исследовательской деятельности учащихся в учебный процесс и корректировка с учетом изученной практики концептуальных идей и материалов, полученных нами преимущественно теоретически. Для этого использовались методы наблюдения, тестирования учащихся, анкетирования учителей, изучения и обобщения педагогического опыта, индивидуальных бесед. Существенным результатом изучения практики организации УИД в школе стало выявление значимости некоторых факторов (объективных и субъективных), затрудняющих формирование исследовательской деятельности учащихся в процессе обучения. Укажем эти факторы:

– особенности исследовательского метода (требует много времени, отсроченный результат, необходима адаптация содержания школьных предметов и т. д.);

- низкие познавательная мотивация и уровень владения учащимися общими и специальными исследовательскими умениями;
- недостаточность соответствующего программного, методического, дидактического обеспечения организации УИД;
- недостаточный уровень подготовленности учителя к организации УИД в школе.

Необходимость нивелировать указанные факторы определила направления нашей дальнейшей экспериментальной работы:

- создание условий для формирования положительной мотивации учащихся к УИД;
- поиск возможностей формирования УИД на программном материале на уроках и на углубленном или межпредметном материале во внеурочное время;
- организация элементов УИД и целостных учебных исследований с учетом возрастных и индивидуальных возможностей учащихся;
- специальная подготовка учителей к организации УИД учащихся.

На поисковом этапе осуществлялось проектирование, пилотная апробация форм, средств и типов заданий по указанным выше направлениям, корректировался уровень сложности разрабатываемых исследовательских заданий, осуществлялся поиск различных форм организации учебного исследования, таких как урок одной исследовательской задачи, урок-консультация, день проектов, мастерская, практическая работа, конкурс исследовательских проектов, ученическая конференция, лаборатория, квест, вебкаста, изменялась последовательность построения учебного материала и прочее. Результатом проведения поискового эксперимента стал выбор оптимальных с точки зрения возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, предметного содержания и временных затрат методических инструментов для эффективной организации УИД, которые системно применялись уже на формирующем этапе эксперимента.

В связи с тем, что роль и функции педагога при организации УИД существенно отличаются от тех, которые учитель выполняет при традиционной трансляции информации ученикам [3], возникла необходимость специальной подготовки и методического сопровождения учителей, организующих УИД учащихся в школе. Поэтому на поисковом этапе эксперимента также велась корпоративная подготовка учителей посредством проведения педсоветов, методических советов, заседаний методических объединений, проектировочных семинаров, вебинаров, индивидуальных и групповых консультаций. В ходе такой подготовки рассматривались выделенные при диагностике актуальные для учителей проблемы, связанные с выявлением ими сферы познавательного интереса ребенка, адаптацией предметного или межпредметного содержания для учебного исследования, отбором эффективных средств, форм, приемов организации УИД, разработкой системы оценивания процесса и результата УИД. При этом оптимальной для

нашего педагогического коллектива оказалась реализация комплиментарной модели сопровождения, которая, сохраняя привычную для педагога стратегию профессиональной деятельности, привносит новые элементы, обогащающие и расширяющие спектр его профессиональных умений. В нашем случае эти умения связаны с овладением учителем новыми приемами организации УИД учащихся на уроке и во внеурочное время. Таким образом, эффективное формирование УИД учащихся определяется соответствующей подготовкой учителя к целенаправленной и системной организации этого вида познавательной деятельности.

Анализируя мотивацию учащихся к осуществлению УИД, мы пришли к выводу о том, что стимулировать познавательные мотивы могут полученные в ходе учебного исследования новые для обучающихся факты, исторические сведения, практическая значимость исследуемых вопросов, внутри- и межпредметные связи, дополнительные исследовательские проблемы, самостоятельно выбранные обучающимися в соответствии с собственными интересами и возможностями. Благоприятны для развития мотивации также разнообразные формы учебного исследования, различные формы проектных продуктов, учет сферы интересов учащихся, исследовательских возможностей учеников. Однако не стоит умалять значимость и социальных мотивов. Тем более что в определенные периоды они становятся доминирующими. Например, в подростковом возрасте ведущей деятельностью является общение со сверстниками [1]. Поэтому при организации УИД для подростков целесообразно выбирать групповые формы исследования, позволяющие удовлетворить потребность в коммуникации с одноклассниками и поддержать тем самым мотивацию к УИД. Важны также подчеркивание учителем значимости исследовательской деятельности и результата учебного исследования, одобрение одноклассников, родителей, администрации школы, общественности. Создавать в школе соответствующую мотивирующую атмосферу помогает и ее взаимодействие с социальными партнерами: вузами и другими организациями образования и культуры не только города, но и страны. Основная миссия социального партнерства в формировании УИД учащихся заключается в том, что ребята окружены сетью разноуровневых исследовательских проектов, исследовательских лабораторий, объединений детей и взрослых, научных, социальных и культурных коммуникаций, совместной учебно-исследовательской деятельностью детей, молодежи, педагогов, ученых. В единое целое в таком случае объединятся и собственно развивающие, обучающие, воспитательные воздействия, педагогически организованная среда, которая стимулирует развитие исследовательского потенциала учащихся.

Взаимовыгодным при этом оказывается взаимодействие между различными контингентами партнеров. Например, многие учителя и школы в целом выражают заинтересованность в установлении взаимодействия с учреждениями высшего профессионального образо-

вания по проблеме курирования исследовательской деятельности школьников, так как учителя школ не обладают достаточным исследовательским опытом, которым, в большинстве своем, обладают преподаватели высшей школы, ведущие не только преподавательскую, но и научную исследовательскую работу. И в процессе такого взаимодействия учителя приобретают недостающие профессиональные знания и умения.

Взаимодействие школы с различными социальными партнерами осуществлялось по различным схемам. Это и работа так называемых «малых факультетов», участие в совместных конференциях, знакомство с деятельностью студенческих научных обществ, выполнение совместных со студентами или преподавателями исследовательских проектов, углубленное изучение профильных предметов.

Анализ взаимодействия в рамках поискового эксперимента позволил обнаружить ряд противоречий:

- между желанием школы работать в контакте с учреждениями, организациями, родителями и стремлением учреждений, организаций, родителей решать свои проблемы с привлечением школы, но без учета интересов и возможностей школы и учащихся;

- между стремлением школы задействовать большее количество участников социума в формировании УИД и индивидуалистическими интересами отдельных социальных партнеров;

- между желанием использовать информационно-коммуникационные, инновационные технологии и недостаточностью технической оснащенности, недостаточными методологическими знаниями у педагогического коллектива школы;

- между стремлением педагогов использовать познавательные интересы учащихся, в частности, связанные с дальнейшей потенциальной профессией, для развития их исследовательских способностей и недостаточными возможностями школы для учета и проявления этих интересов, построения на их основе в УИД.

Поэтому дальнейшее развитие социального партнерства школы уже в рамках формирующего эксперимента было направлено на снятие этих противоречий. Это стало возможным благодаря приобретению четкого понимания и определению администрацией и педагогическим коллективом школы направлений взаимодействия. Такими направлениями стали:

- разработка согласованных познавательных программ, знакомящих учащихся со структурой, содержанием исследовательской деятельности, современными научными и практико-ориентированными проблемами исследования, возможными проблемами учебных исследований;

- помощь в проведении элективных курсов, обучающих семинаров, мастер-классов, лекториев;

- совместная разработка с социальными партнерами образовательных маршрутов учащихся, основанных на организации УИД;

- профессиональные пробы;

- исследовательская практика;

- курирование УИД учащихся;

- экспертиза исследовательских проектов учащихся.

Эффективнее, когда выделенные направления взаимодействия объединены некоторой общей идеей или формой, позволяющей реализовать основную цель партнерства, объединяющей, направляющей, систематизирующей и оптимизирующей все усилия партнеров. В нашем случае такой целью является создание условий для формирования УИД учащихся, а объединяющей формой стал школьный исследовательский клуб, построенный по принципам кросс-возрастного сообщества.

Главной целью формирующего этапа эксперимента стала комплексная реализация стратегии формирования УИД учащихся. Основной замысел этой стратегии может быть представлен «движением» учащихся по трем условным ступеням: 1 ступень – обучение учащихся УИД, 2 ступень – приглашение учащихся к УИД, 3 ступень – инициирование учащимися УИД. В зависимости от своего исследовательского потенциала учащийся может попасть на любую ступень и продолжить свое развитие с нее. Однако движение учащегося по этим ступеням осуществляется не только поступательно, когда учащийся на первой ступени приобретает определенные знания об УИД, затем на второй ступени учится применять эти знания на различных этапах УИД под руководством и с помощью учителя, и на третьей ступени самостоятельно пользоваться приобретенными знаниями и умениями в учебных исследованиях, но и спиралевидно, когда по мере формирования УИД обучающихся, освоения ими новых предметных знаний и метапредметных умений с помощью УИД, выполнение исследований происходит все на более высоком содержательном уровне, с большей степенью самостоятельности. За счет этого происходит знакомство с уже более сложными методами, приемами, способами УИД (на первой ступени), с их последующей отработкой (на второй ступени) и более свободном применении в исследовании (на третьей ступени).

Важным аспектом формирования УИД является мониторинг развития исследовательских возможностей учащихся. Однако стандартная процедура контроля в школе не позволяет объективно оценить те многоаспектные образовательные результаты, которые сопровождают формирование УИД учащихся. Более того, по нашим наблюдениям, традиционные оценочные процедуры даже являются ограничением для развития важнейших исследовательских умений и поведенческих навыков, в частности, формируют боязнь осуществить ошибку, предложить нестандартный или «неправильный» ход решения проблемы, высказать отличное от принятых мнение и другие. В связи с этим мы столкнулись с необходимостью разработки и внедрения дополнительных к существующим эффективным средств мониторинга формирования УИД учащихся.

На формирующем этапе была осуществлена апробация различных методик мониторинга развития иссле-

довательских возможностей учащихся, а именно:

- методика весовых коэффициентов (или взвешенных балльных оценок), состоящая в присвоении всем показателям оценивания УИД или проявлений исследовательского потенциала весовых коэффициентов;
- уровневое оценивание, включающее в себя количественную и качественную дифференциацию различных оцениваемых аспектов УИД по уровням;
- рейтинговое оценивание, отражающее интегральную оценку количества и качества выполненных учащимися исследовательских заданий, равную выраженному в процентах отношению набранных учащимся баллов за определенный период к максимально возможному числу баллов, соответствующему отличному выполнению всех обязательных учебных заданий;
- метод экспертных оценок – представленные частично в количественной, частично в качественной форме оценки лиц, обладающих знаниями и способных высказать аргументированное мнение по эффективности УИД учащихся и развитию их исследовательского потенциала;
- портфолио – способ фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений учащегося, связанных с его участием в УИД, за определенный период времени [2].

В итоге была определена целесообразность использования тех или иных элементов указанных методик в различных случаях. Например, весовые коэффициенты – при оценивании решения учебно-исследовательских задач, экспертные оценки на конкурсах и конференциях, рейтинг – для оценивания и стимулирования выполнения различных исследовательских заданий в течение продолжительного учебного отрезка (изучение темы, четверть, триместр, учебный год), портфолио – при работе над исследовательским проектом.

На обобщающем этапе осуществлялся анализ результатов опытно-экспериментальной работы, систематизация и обобщение полученных экспериментальных данных, осмысление педагогами-экспериментаторами опыта работы по исследуемой теме, диссеминация этого педагогического опыта, рефлексия логики проведенного исследования, представление результатов, определение эффективности применения разработанных материалов, выявление перспектив дальнейшего исследования данной проблемы.

Полученные в ходе опытно-экспериментальной работы результаты можно условно разделить на 3 группы:

1. Научно-методическое обеспечение организации УИД в школе, содержащее:
 - обоснование целесообразности и возможности организации УИД учащихся на основе интегрированного подхода к обучению;
 - разработка показателей и диагностических методик сформированности УИД;
 - определение организационно-педагогических условий эффективной организации УИД;
 - описание научно обоснованной стратегии организации учебно-исследовательской деятельности

учащихся, в которой уточнены цели, место, характер деятельности, модели ее встраивания в учебный и внеучебный процессы;

- сетевой электронный ресурс для учащихся по осуществлению УИД, включающий в себя описание этапов УИД, рекомендации по их выполнению, обучающие ролики, возможные темы исследований, законченные исследовательские проекты, информацию о проведении школой и социальными партнерами исследований, конференций, конкурсов;
- сетевой электронный ресурс для учителей, содержащий практико-ориентированные материалы и методические рекомендации по организации УИД школьников.

2. Развитие учебно-познавательной компетентности учащихся школы и повышение качества подготовки выпускников за счет

- знакомства со структурой и содержанием УИД;
- формирования исследовательских и других метапредметных (информационных, регулятивных) умений учащихся;
- расширения и углубления объема знаний школьной программы по различным предметам,
- создания атмосферы заинтересованности в повышенном уровне образования;
- создания ученических лично и социально значимых исследовательских проектов;
- совершенствования и развития коммуникативных умений школьников в условиях участия в научном диспуте;
- создания и работы школьного исследовательского клуба.

3. Обновление качества профессиональной деятельности учителей школы за счет овладения ими такими гуманитарными технологиями, как организация учебно-исследовательской и проектной деятельности учащихся, развития собственных исследовательских и проектных умений, привития вкуса к активной профессиональной деятельности.

Об эффективности проведенной работы свидетельствуют следующие показатели:

- положительная динамика формирования УИД учащихся по результатам диагностики;
- увеличение количества учащихся, инициативно осуществляющих УИД;
- организация деятельности школьного исследовательского клуба;
- увеличение количества участников ученических конференций, конкурсов, форумов;
- повышение качества ученических учебных исследований и проектов;
- формирование профессиональных умений учителей организовывать и руководить УИД учащихся (увеличение количества учителей, организующих УИД учащихся на уроках; организация деятельности школьного исследовательского клуба во внеурочное время; подготовка учеников к участию в конференциях, конкурсах, форумах различного уровня).

В заключение коснемся управленческого аспекта осуществления опытно-экспериментальной работы школы. В связи с этим были выделены и реализованы следующие основные аспекты управления.

1. Средством организационно-управленческой деятельности являются различные локальные акты: положение о ведении опытно-экспериментальной работы, распоряжение о создании рабочей группы педагогов-экспериментаторов, программа опытно-экспериментальной работы, планы реализации этапов опытно-экспериментальной работы, положение о деятельности школьного исследовательского клуба, положение о школьной научно-практической конференции, положение о конкурсе исследовательских проектов учащихся и другие.

2. Управление осуществляется на основе деятельностного подхода и может быть представлено системной реализацией следующих действий:

- изучение потребностей школы в инновационной деятельности, опытно-экспериментальной работе;
- готовность педагогического коллектива школы осуществлять эту деятельность;
- проектирование опытно-экспериментальной работы и оснащение её необходимыми ресурсами;
- разработка программы реализации опытно-экспериментальной работы;
- коллегиальное выстраивание модели образовательного процесса с учетом инновации;
- индивидуализированное включение педагогов в опытно-экспериментальную работу по направлениям, позволяющим не только осуществлять эксперимент, но и обеспечивать развитие профессиональных компетентностей педагога;
- мониторинг опытно-экспериментальной работы школы;

– возможность оперативно обмениваться информацией;

– сбор и анализ информации об эффективности образовательной деятельности школы;

– регулирование инновационной деятельности школы на основе результатов анализа.

3. Повышение квалификации педагогов по проблеме эксперимента с помощью курсовой подготовки, корпоративных ресурсов (методические советы, работа методических объединений, семинары, консультации и прочее).

4. Наличие общественно-профессиональной экспертизы результатов опытно-экспериментальной деятельности:

– обсуждение докладов на конференциях различного уровня;

– заседания районного экспертного совета при администрации района Санкт-Петербурга;

– педагогическая экспертиза школы сотрудниками информационно-методических центров и специалистами районных отделов образования, Комитетом по образованию;

– информирование педагогической общественности и других заинтересованных лиц (родителей, социальных партнеров) о ходе и результатах эксперимента размещением информации на сайте школы.

Таким образом, описанная опытно-экспериментальная работа позволила организовать учебно-исследовательскую деятельность учащихся на новом организационном, содержательном и качественном уровне, а также повысить качество подготовки педагогических кадров для работы в современной школе, отвечающей вызовам времени.

Библиографический список

1. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «Модек», 2001. 352 с.
2. *Клещева И.В.* Педагогическое сопровождение учебно-исследовательской деятельности учащихся методом процессфолио // Образование и общество: научный, информационно-аналитический журнал. 2014. № 1 (84). С. 32-36.
3. *Клещева И.В.* Стратегия подготовки будущих учителей математики к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: Научный журнал. 2011. № 139. С. 121-128.
4. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования. Режим доступа <http://минобрнауки.рф/документы/543> [Электронный ресурс]

References

1. *Bozovich L.I.* Problems of formation of the personality. M.: Moscow Psychological and Social Institute, Voronezh: NPO Modek, 2001. 352 p.
2. *Kleshcheva I.V.* Pedagogical support of teaching and research activities of pupils by processfolio // Education and Society: Science, information and analytical magazine. 2014. № 1 (84). Pp. 32-36.
3. *Kleshcheva I.V.* Strategy of training of future mathematics teachers for the organization of teaching and research activities of pupils // Bulletin of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen: 2011. № 139. Pp. 121-128.
4. Federal state educational standards of the general education. [Electronic resource]

УДК 378.14.013

UDC 378.14.013

О.А. МАЛЬЦЕВА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра специальной подготовки, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: O-malzeva@mail.ru

O.A. MALTSEVA

Candidate of Pedagogics, Senior teacher, Department of special training, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V. V. Lukyanov
E-mail: O-malzeva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧЕНИЯ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ

PROBLEMS OF FORMATION OF TRAINING MOTIVATION AT CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

В статье дано понятие мотивации обучения, рассмотрены разные точки зрения ученых, представлены факторы мотивации обучения. Проанализированы результаты анкетирования курсантов образовательного учреждения МВД России, сделан вывод о том, что мотивационная сфера курсантов претерпевает серьезные изменения в ходе их обучения в вузе. Выявлены основные проблемы формирования мотивации обучения у курсантов образовательных учреждений МВД России.

Ключевые слова: мотивация, обучение, саморазвитие личности, подготовка, анкетирование, курсанты, адаптация, профессиональные мотивы, служба, учебная деятельность.

The concept of motivation of training is given; the different points of view of scientists are considered; factors of motivation of training are presented. The results of questioning of cadets of the Ministry of Internal Affairs educational institution of Russia are analysed; the conclusion that the motivational sphere of cadets undergoes serious changes during their training in higher education institution is drawn. The main problems of formation of motivation of training at cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are revealed.

Keywords: motivation, training, self-development of the personality, preparation, questioning, cadets, adaptation, professional motives, service, educational activity.

Одним из важных и активно развивающихся направлений педагогической психологии является психология мотивации обучения, изучающая широкий спектр психологических проблем мотивации профессионального роста, мотивов учебно-профессиональной деятельности специалистов различных профессий.

Как одно из направлений реформы МВД России – совершенствование профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел России определяет повышение качества подготовки специалистов в вузах МВД России [1]. Особое внимание обращается на их профессионально-нравственное воспитание, формирование профессиональной направленности личности, устойчивости профессиональных мотивов.

В учебно-профессиональной деятельности курсантов вузов МВД России ведущей является учебная, которая ориентирована на приобретение практических знаний, умений и навыков, развитие и саморазвитие личности, формирование социально зрелой личности и высокого уровня профессионализма. Как известно, успешность учебной деятельности зависит от многих социальных, организационных, педагогических, информационных, психологических факторов, среди которых важное место занимают «внутренние» факторы личности курсантов и, прежде всего, мотивация обучения.

Мотивация обучения как ведущий компонент учебной деятельности курсантов должна иметь специфические особенности в структуре и изменяться на различных этапах профессиональной подготовки в вузах МВД России. Негативные проявления мотивации обучения видны в отчислениях курсантов из вузов, их низкой успеваемости, нарушениях дисциплины, межличностных и внутриличностных конфликтах, а также низкой профессиональной подготовленности выпускников, что обуславливает снижение качества их службы в практических подразделениях органов внутренних дел.

Мотивация как ведущий фактор регуляции активности личности, ее поведения и деятельности представляет исключительный интерес для профессорско-преподавательского и кадрово-воспитательного состава вузов МВД России. По существу, никакое эффективное социально-педагогическое взаимодействие с обучаемым, в том числе курсантом вуза МВД России, невозможно без учета особенностей его мотивации обучения.

Влияние мотивации обучения на успешность учебной деятельности курсантов известно и неоднократно становилось предметом научных исследований. Известно, что успешность учебной деятельности зависит от многих факторов психологического и педагогического

ческого порядка, в том числе в значительной степени и от факторов социально-психологического и социально-педагогического характера [2]. Очевидным является чрезвычайно большое влияние силы мотивации обучения и ее структуры на успешность учебной деятельности.

Под мотивом учебной деятельности понимаются все факторы, обуславливающие проявление учебной активности: потребности, цели, установки, чувство долга, интересы и т.п. В литературе различают следующие факторы мотивации обучения [3].

1. Обучение ради обучения, без удовольствия от деятельности или без интереса к преподаваемому предмету.

2. Обучение без личных интересов и выгод.

3. Обучение для социальной идентификации.

4. Обучение ради успеха или из-за боязни неудач.

5. Обучение по принуждению или под давлением.

6. Обучение, основанное на понятиях и моральных обязательствах или на общепринятых нормах.

7. Обучение для достижения цели в обыденной жизни.

8. Обучение, основанное на социальных целях, требованиях и ценностях.

В последние годы усилилось понимание психологами и педагогами роли положительной мотивации к обучению в обеспечении успешного овладения знаниями и умениями. При этом выявлено, что высокая позитивная мотивация может играть роль компенсирующего фактора в случае недостаточно высоких способностей; однако в обратном направлении этот фактор не срабатывает – никакой высокий уровень способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или низкую его выраженность, не может привести к значительному успеху в учебе.

Рядом авторов выделены факторы (условия), способствующие формированию у обучаемых положительного мотива к учению [4]:

- осознание ближайших и конечных целей обучения;
- осознание теоретической и практической значимости усваиваемых знаний;
- эмоциональная форма изложения учебного материала;
- показ «перспективных линий» в развитии научных понятий;
- профессиональная направленность учебной деятельности;
- выбор заданий, создающих проблемные ситуации в структуре учебной деятельности;
- наличие любознательности и «познавательного психологического климата» в учебной группе.

На базе общей мотивации обучения (профессиональной, познавательной, прагматической, социально-общественной и лично престижной) у курсантов образовательных учреждений МВД России появляется определенное отношение к разным учебным предметам, которое обуславливается [5]:

а) важностью предмета для профессиональной подготовки;

б) интересом к определенной отрасли знаний и к данному предмету как ее части;

в) качеством преподавания (удовлетворенностью занятиями по данному предмету);

г) мерой трудности овладения этим предметом исходя из собственных способностей;

д) взаимоотношениями с преподавателем данного предмета.

Все эти мотиваторы могут находиться в различных отношениях друг с другом (взаимодействие или конкуренция) и иметь различное влияние на учебу, поэтому полное представление о мотивах учебной деятельности можно получить, только выявив значимость для каждого обучаемого всех этих компонентов сложной мотивационной структуры. Это позволит установить и мотивационную напряженность у данного субъекта, т.е. сумму компонентов мотива учебной деятельности: чем больше компонентов обуславливает эту деятельность, тем больше у него мотивационное напряжение [6].

Детально анализируя категорию мотивация обучения («мотивация учения»), О.С. Гребенюк справедливо отмечает, что она «представляет собой систему целей, потребностей и мотивов, которые побуждают человека овладеть знаниями, способами познания, сознательно относиться к учению, быть активным в учебной деятельности» [7]. Мотивы обучения: предвидение результатов учения («выучу правило», «получу хорошую отметку», «овладею грамотой», «получу знания», «получу диплом»), предвидимые переживания, связанные с результатами учения, обладающие побуждающим характером, – всё это осознание потребности в знаниях.

Мотивация первоклассника, мотивация школьника, мотивация студента (курсанта, слушателя), мотивация сотрудника полиции составляют только часть мотивационной сферы – ту, которая формируется на определенном этапе его жизни и связана с определенными целями его жизнедеятельности. Главное, что отличает один вид от другого, состоит в различии «социальной ситуации развития», в которой она формируется. Существенным здесь является наличие таких деятельностей, как учебная, профессиональная или одновременно учебная и производственная.

У обучаемого (курсанта, слушателя) ведущая деятельность – учебная, поэтому правомерно говорить о мотивации обучения. Активным в обучении является тот, кто создаёт потребность в знаниях, у кого сформированы мотивы учебной деятельности, развито умение ставить цели и стремление добиваться их.

Приведём, вслед за В.А. Якуниным, примеры мотивов обучения: учатся потому, что понимают необходимость, полезность знаний; видят в обучении смысл для своего общего развития и будущей специальности; осознают необходимость образования для овладения профессией; многим интересно открывать новое; другие хотят поскорее получить профессию и стать самостоятельными и т.д. [8].

Анализ литературы по рассматриваемой проблеме показал, что формирование профессионализма обучаемых в образовательных учреждениях МВД России позволяет определить мотивацию обучения не только как потребность в получении учебных знаний, а, прежде всего, как ориентацию на получение профессиональных умений и навыков, высокого уровня профессионализма сотрудника органов внутренних дел. В этом случае более правильно говорить о профессиональной мотивации обучения.

Так, в работе В.А. Баклашова детально рассматриваются педагогические аспекты мотивов обучения курсантов вузов МВД России как основа формирования их профессионализма и личностного роста [9].

С целью анализа особенностей структуры и динамики, формирования профессиональных мотивов обучения нами было проведено анкетирование 250 курсантов 1-ого, 3-его и 5-ого курсов факультета подготовки специалистов ГИБДД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. Анализ результатов анкетирования свидетельствует, что мотивационная сфера курсантов претерпевает серьезные изменения в ходе их обучения в вузе. Так, основные мотивы поступления в вуз и обучения в нем на первом курсе зачастую уступают место на старших курсах второстепенным, неярко выраженным при поступлении мотивам. Например, в ходе ранжирования мотивов поступления в вуз системы МВД России на первое место курсанты определили: 1 курс – 87% – работа с людьми, служение человечеству, желание «сделать мир лучше»; 3 курс – 64% – достойная заработная плата, социальный пакет; 5 курс – 50% – гарантированное трудоустройство после обучения. Это говорит о том, что некоторые мотивы, пережив свою кульминацию в середине обучения, к выпуску утрачивают свой потенциал.

Кроме того, мотивом обучения в вузе курсанты всех трех курсов отметили получение необходимого уровня знаний для выполнения профессиональной деятельности, то есть данный мотив на протяжении всего времени обучения в вузе остается крепким стержнем, детерминирующим поведение курсанта.

На вопрос: «Какие факторы Вам мешают или снижают успеваемость?» 76% курсантов первого курса ответили, что этими факторами являются личные качества, такие как лень, плохо развитая память, недостаток личной организации в изучении отдельных дисциплин. На третьем курсе курсантам мешает в учебе кроме отрицательных личных качеств дополнительное несение нарядов. На пятом курсе сказывается потребность в профессионально-ориентированном обучении, поэтому курсанты отметили недостаток в практической направленности проведения занятий. Это говорит о том, что к пятому курсу обучения в мотивационной сфере курсантов начинают преобладать компоненты, связанные со спецификой будущей профессиональной деятельности.

Как результат обучения в вузе курсанты хотели бы получить для себя лично: на первом курсе – 82% высокую заработную плату, 76% необходимый «багаж

знаний», 12% возможность самореализоваться и 5% обучаться в адъюнктуре; на третьем курсе – 88% высокую заработную плату, 46% возможность самореализоваться; на пятом курсе – 50% возможность самореализоваться, 43% высокую заработную плату, 35% карьерный рост, 25% необходимый «багаж знаний».

В ходе анкетирования было выявлено, что абсолютное большинство выпускников (79,83%) удовлетворены избранной профессией и желают продолжить службу в ОВД (81,65%). О высоком уровне мотивации обучения говорит тот факт, что выпускники хотят добиться успешного карьерного роста и испытывают необходимость в профессиональном самообразовании.

В результате проведенных исследований показано, что профессиональные мотивы учения могут значительно различаться и у курсантов различных курсов и профилей подготовки, т.е. профессий или специальностей. Так, у одних курсантов цели обучения состоят в том, чтобы стать высококвалифицированным, отличным специалистом, профессионалом. Таких курсантов характеризует убежденность в правильности выбора профессии, ее соответствии их интересам и желаниям, склонностям, способностям и жизненным устремлениям. Другие обучаемые цели учения видят в приобретении новых знаний и получении удовлетворения от процесса обучения. Эти курсанты хотят больше узнать нового, расширить свои знания; они стремятся к самообразованию и совершенствованию своих знаний, широко используют дополнительные источники информации и стремятся глубже изучать учебные дисциплины, много читают дополнительной литературы.

Таким образом, мотивация обучения, а точнее профессиональная мотивация обучения определяется целями, потребностями и мотивами, а особенности её у каждого обучаемого зависят от их сочетания: от того, какие цели ставятся, насколько осознаются те или иные потребности, у кого какие побуждения возникают, от того, на что направлены мотивы.

Специфика обучения в учебных заведениях МВД России заключается в деятельностном подходе, а именно кандидаты на обучение, успешно прошедшие вступительные испытания, автоматически становятся сотрудниками органов внутренних дел. В Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел» указано, что зачисление в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме в должности курсанта, слушателя является поступлением на службу в органы внутренних дел [10]. Необходимо отметить, что, поступив в образовательное учреждение МВД России, курсант сразу же получает статус и удостоверение сотрудника ОВД и к нему предъявляются соответствующие требования как к сотруднику полиции.

На первом курсе курсант, попадая в новые условия жизни, общаясь в коллективе, в зависимости от уровня его подготовленности к деятельности, формирует профессионально одобряемый стиль решения служебных

задач, отношений в коллективе, морально-этические нормы отношений к коллегам и другим гражданам, формирует социальную идентификацию человека как члена системы МВД, члена конкретной службы, восприятие себя в профессии.

В связи с этим одна из проблем, с которой сталкиваются образовательные учреждения МВД при приеме курсантов, это так называемый инфантильный стиль поведения, связанный с низкой готовностью к самостоятельной деятельности, несформированность мотивационно-волевой сферы, нежеланием и неготовностью думать об ответственности и последствиях своих поступков. Такой вариант развития личности возникает вследствие чрезмерной опеки или низкой требовательности в ранние периоды воспитания и обучения, что сопровождается отсутствием накопления опыта самостоятельного конструктивного решения проблемных ситуаций и не развивает волевые механизмы регуляции поведения.

Другая проблема связана с особенностями сформированного опыта ряда курсантов, чье обучение проводилось в коллективах, чьи традиции не соответствуют деятельности службы (суворовцы, элитные школы, колледжи, армейские коллективы). В любом служебном коллективе существуют определенные профессиональные традиции, часто фиксированные на неосознаваемом уровне. Наличие опыта, отличного от требуемого, провоцирует возникновение конфликтов.

Необходимо учитывать, что при попадании в новую ситуацию человек, часто просто копируя поведение того, кого он считает более опытным, формирует свое поведение, причем не только в служебной обстановке, но и в личной жизни.

Это проявляется в новом социальном статусе курсанта и сотрудника полиции, несении им нарядов и служб, участии в усилениях и обеспечении охраны общественного порядка в период проведения массовых мероприятий.

Жестко регламентированные условия службы и обучения вызывают у значительной части курсантов проблемы адаптации. Как известно, адаптация как приспособление к окружающим условиям включает в себя различные аспекты.

Применительно к курсантам вузов МВД России это учебная адаптация к новым формам и методам обучения в высшей школе. Психологическая адаптация как приспособление к новым условиям проживания и жизнедеятельности, к новому статусу и социальному окружению, учебному коллективу, руководителям и начальникам, проблемам и трудностям. Она также включает приспособление курсанта к новым для него условиям службы, овладение ценностной ориентацией в рамках профессии, осознание мотивов и целей в ней, сближение внутренних норм человека и профессиональной группы, усвоение компонентов профессиональной деятельности: ее задач, предмета, способов, средств, результатов, условий.

Важной психологической особенностью учебно-профессиональной деятельности курсантов образо-

вательных учреждений МВД России является учеба в коллективе, который является не только учебным, но и служебным. Другими словами, учебный коллектив имеет начальников, командиров группы, отделения из числа самих обучаемых курсантов. Приказы и распоряжения этих командиров должны выполняться беспрекословно и точно. Однако, часто возникают конфликтные ситуации в звене младший командир – курсант, которые связаны с низкой мотивацией курсанта к службе и нежеланием выполнять установленные требования.

Нарушение целостности процесса учебной деятельности, неудовлетворительная адаптация хотя бы по одному из направлений приводит к низкой эффективности учебно-профессиональной деятельности, снижению мотивации, дисциплинарным проступкам, явлениям психической дезадаптации, вплоть до формирования кризисных психологических состояний, отчислению курсанта из вуза.

Учебно-профессиональная деятельность курсантов старших курсов вузов МВД России, главным образом, ориентирована на формирование практических умений и навыков, а также профессиональных знаний, необходимых для успешного выполнения функциональных обязанностей на первичной должности после выпуска из вуза. Учебные практики и стажировки курсантов определяют их «вхождение» в профессию, а точнее – «первичную должность».

Психологические особенности учебно-профессиональной деятельности курсантов старших курсов вузов МВД России включают изменение мотивационных установок и ценностных ориентаций, формирование новых стилей поведения и профессиональной деятельности. Вся сложность формирования учебной мотивации в вузе МВД России заключается в переходе от учебной к профессиональной деятельности. Основные различия, как известно, по линии потребностей и мотивов, целей и предметов этих деятельностей. Система потребностей и мотивов во многом определяет не только направление и уровень активности человека, но и своеобразие его личности. Потребности и мотивы составляют иерархию, которая характеризует целостную личность во всех областях его деятельности, побуждает человека ставить проблемы, концентрировать усилия на их разрешении. Поэтому воспитание личности будущего сотрудника органов внутренних дел означает, прежде всего, формирование системы его потребностей и мотивов.

Прежде чем формировать мотивацию обучения, педагогу необходимо ее познать, установить для себя реальность, с которой придется иметь дело. Признавая за мотивацией столь значительную роль в обеспечении учебной успешности, необходимо также признать и чрезвычайную значимость для продуктивности педагогической деятельности и педагогического общения адекватного познания педагогом мотивации обучения курсантов. В полной мере это относится и к профессорско-преподавательскому составу, и к курсантам вузов МВД России.

Профессиональная мотивация и профессиональные интересы как элемент в общей структуре мотивации личности всегда существенным образом влияют на удовлетворенность профессией, а также на успешность деятельности, в том числе и в процессе обучения профессии. Отношение к профессии, мотивы ее выбора (отражающие потребности, интересы, убеждения, идеалы) являются чрезвычайно важными (а при некоторых условиях и определяющими) факторами, влияющими на успешность профессионального обучения.

Учебная деятельность курсантов ориентирована на освоение программ профессиональной подготовки по конкретной специальности, формирование профессиональных знаний, умений и навыков. Большую роль в учебной деятельности курсантов вузов МВД России играют личностные, в том числе мотивационные особенности курсантов, их профессиональная направлен-

ность, профессионально-личностный потенциал, а также профессионализм преподавательского состава, качество и эффективность применения новых педагогических и информационных технологий, организация и методическое обеспечение учебного процесса.

Следовательно, деятельность курсантов вузов МВД России включает два основных компонента – учебную и профессиональную (служебную), которые тесно связаны с процессами адаптации и мотивацией курсантов к учебе в образовательном учреждении МВД России, получению образования, службе в органах внутренних дел. Это определяет необходимость дальнейшего изучения психологических особенностей мотивации обучения курсантов вузов МВД России, исследования ее структуры, уровней выраженности и многомерного вклада ведущих мотивов в успешность учебной деятельности будущих сотрудников полиции.

Библиографический список (References)

1. About reform of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Issue: Problems of national security the Krasnaya Zvezda Newspaper of March 3, 2011 № 16 (428), 2011.
2. *Golovey T.A.* Psychology of formation of the subject of activity during the periods of youth and a maturity: Abstract of Doctoral Thesis of psychological sciences. SPb., 1999.
3. *Buldaikov S. K.* Methodological bases of training of specialists of the highest category. Kostroma, 2004.
4. *Artamonov V.S.* Methodological bases of management of professional adaptation of trainees in system of the highest educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Thesis of Doctor of technical sciences. M.: SPb Un-ty of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000.
5. *Mukhina G. A.* Formation of professionalism at cadets of legal higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of future investigators: Thesis of Candidate of Pedagogical sciences. Kaliningrad, 1998.
6. *Ilyin E.P.* Motivation and motives.//Masters of psychology. St. Petersburg. <http://www.universalinternetlibrary.ru>. (Date of the address 19.09.14)
7. *Grebenyuk O. S.* Pedagogics of identity. Kaliningrad, 1999.
8. *Yakunin V.A.* Psychology of educational activity of students. M.: 2004.
9. *Baklashov V.A.* The esteem and formation of professional motivation of the doctrine at cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia of future quick workers: Thesis of Candidate of Pedagogical sciences, SPb., 2004.
10. About service in law-enforcement bodies of the Russian Federation and modification of separate acts of the Russian Federation [An electronic resource]: The federal law of November 30, 2011 No. 342. Access from reference - legal Konsultantplus system.

В.А. МИТРАХОВИЧ

доктор педагогических наук, доцент, кафедра педагогики, психологии и гуманитарных дисциплин, Астраханский государственный университет (Знаменский филиал)

E-mail: V_mitrakhovich@mail.ru

А.Н. МИХЕЕВ

преподаватель, кафедра физической подготовки, Омский автобронетанковый инженерный институт, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва

E-mail: souzfk55@gmail.com

V.A. MITRAKHOVICH

Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Department of Pedagogics, Psychology and the Humanities, Astrakhan State University (Znamensk Branch)

E-mail: V_mitrakhovich@mail.ru

A.N. MIKHEEV

Lecturer, Department of Physical Training, Omsk Autoarmoured Engineer Institute, Military Academy of material and technical providing named after of General of the Army A.V. Khrulyov

E-mail: souzfk55@gmail.com

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ
ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**THE PEDAGOGICAL ACCOMPANIMENT OF THE CADETS` PHYSICAL TRAINING IN THE HIGH MILITARY
EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

В статье рассматривается педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений. Статья предназначена широкому кругу читателей, интересующихся вопросами, связанными с педагогическим сопровождением физической подготовки в различных видах социума.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений.

The article deals with the pedagogical accompaniment of the cadets` physical training in the high military educational institutions. The article is intended for readers who are interested in the problems which are connected with the pedagogical accompaniment of physical training in different kinds of strata.

Keywords: pedagogical accompaniment of the cadets` physical training in the high military educational institutions.

Постановка проблемы данной статьи обусловлена потребностью в сущностном и содержательном анализе педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений. Решению данной задачи будет способствовать междисциплинарное обоснование понятий «сопровождение» и «педагогическое сопровождение».

Военно-профессиональная подготовка курсантов в условиях военного вуза в целом, их физическая подготовка в частности неразрывно связана с периодическим, иногда довольно длительным и интенсивным воздействием на них неблагоприятных стресс-факторов, которое сопровождается возникновением, развитием негативных эмоций, сильных переживаний, а также перенапряжением физических и психических функций. В ряде случаев эти воздействия приводят к ухудшению функционального состояния, изменению личностного статуса, нарушению профессиональной эффективности и безопасности труда, развитию психосоматических заболеваний.

Обоснованию педагогического сопровождения в контексте нашей статьи будет способствовать рассмотрение стрессовых затруднений, возникающих в об-

разовательном процессе в условиях высшего военного учебного заведения в общем и в процессе физической подготовки в частности, и которые могут повлиять на личностный и боевой потенциал курсанта.

Анализ опыта организации процесса физической подготовки в высших военно-учебных заведениях позволил нам выделить следующие типы затруднений курсантов:

1. по стабильности: ситуационные и личностные учебные проблемы курсантов. При этом *ситуационные проблемы* возникают в связи с внешними причинами, например, сложностью учебной задачи, упражнения. Они снимаются вместе с изменением этих условий, а их успешное разрешение рассматривается как механизм личностного развития в процессе физической подготовки. Эти проблемы способны вызывать непродолжительные негативные эмоции, которые не включают разрушительных для личности импульсов. *Личностные (внутренние) проблемы* определяются личностными свойствами, состоянием «отказа от развития» и практически не связаны с внешними условиями, например, ложная убежденность в отсутствии способностей к выполнению тех или иных физических упраж-

нений. Эти проблемы сопровождаются устойчивыми негативными эмоциональными переживаниями, часто вызывают нетерпимое и конфликтное поведение, способны вызывать фрустрирующие состояния, деформировать личностное развитие.

2. по прогнозу: трудности, связанные с эустрессом, и проблемы, генерирующие дистресс. При этом *эустресс* – состояние человека, способного чувствовать вокруг себя наличие проблем и быть в состоянии решить их; положительный стресс, стресс наоборот. А *дистресс* – перенапряжение, снижающее жизненную активность, дезорганизующее человека, то есть оказывающее негативное воздействие. Например, *эустрессовые ситуативные проблемы* – нормальная реакция курсанта на «новизну», неизведанность, неизвестность; разрешение этих проблем приносит курсанту чувство удовлетворенности и выступает как механизм качественного изменения различных аспектов личности военнослужащего; в контексте переживания этих проблем также возможны слабые негативные переживания, но более значимы позитивные эмоциональные переживания в процессе освоения «новизны», являющейся источником проблемы. *Дистрессовые личностные проблемы* – трудности, вызывающие страхи, фрустрацию, которые сопровождаются тяжелыми устойчивыми негативными эмоциональными переживаниями и вне педагогической помощи в конечном итоге могут деформировать личностное развитие курсанта.

Таким образом, активное педагогическое сопровождение направлено на оказание помощи, прежде всего, курсантам, имеющим дистрессовые проблемы личностного характера, в устранении проблем, вызываемых внутренними психическими, негативными эмоциональными состояниями и приводящих к деформациям личностного и профессионального развития курсантов.

Существенной исходной характеристикой педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высшего военно-учебного заведения является необходимость быть ему «проводником» в образовательном процессе. При этом «смыслообразующим фактором сопровождения является тактика «сопутствия», которая носит долговременный характер, ...представляет собой систему взаимообусловленных мер, обеспечивающих на практике реализацию стратегий педагогического сопровождения личностного развития ... в конкретном воспитывающем социокультурном пространстве, на основе интеграции его компонентов, с учётом специфики функций субъектов этого сопровождения и зоны их ответственности» [9, с. 7].

По мнению Л.Н. Бережновой и В.И. Богословского [1], «сопровождение в вузе – специально организованная и контролируемая деятельность, в ходе которой субъекты образовательной сферы приобщаются к взаимодействию.... Сопровождение – многоуровневое взаимодействие субъектов образовательного процесса, способствующее профессиональному самоопределению студента, его личностно-профессиональному развитию... Важным аспектом сопровождения в вузе

становится содействие созданию ориентационного поля профессионального развития».

Е.И. Казакова [4] под сопровождением предлагает понимать «метод, создающий условия для того, чтобы субъект развития, находясь в ситуации выбора, смог принять оптимальное решение».

Н.М. Борытко [2, с. 77], опираясь на выводы Е.И. Казаковой и А.П. Тряпицкой [5], отмечает, что «педагогическое сопровождение – это создание и развитие разносторонних условий для принятия субъектом развития (воспитанником) оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора, взаимодействие педагога и воспитанника, направленное на разрешение возникающих проблем развития воспитанника. Идеология этого понятия заключается в том, чтобы не ограждать субъекта от трудностей, не решать его проблемы, а создавать условия для совершенствования им осознанного, ответственного и самостоятельного выбора на собственном жизненном пути.... Педагогическое сопровождение имеет характер непрерывности, комплексности и опосредованности (в некоторых случаях даже – нарочитой отстранённостью) оказываемой помощи».

В.А. Митрахович [8, с. 440] говорит, что «в рамках процесса профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников такая постановка цели особенно важна, так как военнослужащим в воинском труде, в любых условиях и ситуациях, порой в экстремальных, с риском для собственной жизни приходится делать осознанный выбор тех или иных практических действий выполнения определённых задач по своему предназначению в интересах обеспечения обороны и безопасности личности, общества и государства». Следовательно, по мнению автора, «необходимо создать такие условия для профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников, чтобы они могли научиться самостоятельно справляться с ситуацией выбора, которая в реальной боевой обстановке может носить характер непредсказуемости и экстремальности».

А.Н. Копейкин [6, с. 24], обобщая различные подходы к трактовке термина «педагогическое сопровождение», применительно к системе профессионального образования сотрудников МВД говорит о том, что «сопровождение – это процесс взаимодействия педагога и обучающегося, предполагающий помощь педагога в преодолении трудностей, продуктивном решении задач будущего милиционера путём создания оптимальных условий для его профессионально-личностного саморазвития».

По мнению И.А. Липского [7, с. 280], «проблема педагогического сопровождения развития личности человека на пути его жизнедеятельности носит комплексный характер и, следовательно, обуславливает потребность в её структуризации на основе уровневого подхода. Данный подход, в свою очередь, предполагает вычленение в ней категорий всеобщего, особенного и отдельного, выступающих ступенями изучения данной проблемы (основание общности)».

Соглашаясь с выводами И.А. Липского [7, с. 280],

А.Н. Копейкина [6, с. 24], В.А. Митраховича [8, с. 441] и адаптируя их к нашему исследованию, отмечаем, что по основанию *механизма реализации* педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений эта проблема носит социальный характер, так как возникает на уровне механизмов взаимодействия людей в образовательной среде вуза. По основанию *формы существования* данная проблема относится к комбинированным, то есть она одновременно выступает во временной, пространственной и институциональной формах. По *сущностному* основанию данная проблема может быть отражена посредством системно-структурных, процессуальных и деятельностных характеристик. И, наконец, по основанию *содержания* данная проблема может быть проанализирована с использованием категорий «всеобщее — отдельное — единичное». Совокупность этих и некоторых других оснований в их последовательном применении и обеспечивает комплексный анализ проблемы педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений.

На уровне «всеобщего» педагогическое сопровождение обуславливается категорией «взаимодействие». По мнению И.А. Липского, «педагогическое сопровождение на этом уровне общности представляет циклическое непосредственное и опосредованное воздействие людей друг на друга в условиях социума (социальность) с целью гармонизации отношений индивидов, участвующих во взаимодействии между собой и с этим социумом (педагогичность) в определённом пространстве (пространственность) и во времени (временной характер)» [7, с. 281].

В процессе такого взаимодействия осуществляется физическое и профессионально-личностное развитие курсанта в высшем военно-учебном заведении, которое проявляется в чередовании конкретных жизненных и социальных ситуаций. Это позволяет считать такое сопровождение функциональной координацией следствий этих воздействий, то есть системой действий, и имеет *общей целью* именно развитие курсантов среди других членов воинского коллектива. Здесь реализуется процесс его качественных и количественных изменений, возникновения новых образований, форм деятельности и жизнедеятельности, социальных взаимосвязей и т.д. Поскольку курсант на пути своего физического развития не изолирован от других членов воинского коллектива, а находится с ними в процессе социального общения, постоянного взаимодействия, совместного движения вперёд (прогрессивное развитие) или назад (регрессивное развитие), постольку члены воинского коллектива постоянно находятся рядом с ним, то есть сопровождают этот процесс.

В.А. Митрахович [8, с. 441] говорит «о социально-педагогических целенаправленных взаимодействиях, которые осуществляются в процессе воинского труда: *коллективном целеполагании* (является своеобразным критерием сформированности воинского коллектива и его созидательной жизнеспособности); *предметности* (то, во имя чего осуществляется взаимодействие);

коммуникативной процессуальности (вербальном и невербальном взаимодействии в процессе коллективного целеполагания и планирования предстоящей военно-профессиональной деятельности; взаимодействии при осуществлении выработанных и принятых воинским коллективом планов, подведении итогов и анализе воинского труда); *отношениях ответственной зависимости* (взаимосвязи субъектов и объектов военно-педагогического процесса, обусловленной необходимостью и стремлением к достижению целей, предполагающей совместность, то есть объединение усилий всех военнослужащих, дифференциацию усилий в соответствии с содержанием и формой организации военно-профессиональной деятельности и взаимодополняемости военнослужащих-контрактников, их готовность помогать друг другу и брать на себя выполнение функций друг друга); *продуктивности* (выработки коллективных ценностей в результате взаимодействия); *результативности* (развитии отношений военнослужащего-контрактника к миру и с миром, к себе и с самим собой, т.е. подготовка зрелой, активной личности воина-профессионала, способной к воинскому труду и гражданскому функционированию в обществе)».

В процессе сопровождения курсанта он сам и его окружение занимают определённые социальные позиции, ячейки социального пространства со своими функциями по отношению друг к другу. Действуя в рамках этих ролей, каждый из них выполняет своего рода «социальный заказ», выполняя предписанную ему общественными ожиданиями функцию.

Таким образом, на уровне «всеобщего» сопровождение физической подготовки курсантов в высшем военно-учебном заведении представляет собой педагогическое сопровождение, где осуществляется его социальное взаимодействие с воинским социумом, с окружающими людьми, в процессе военно-профессиональной подготовки. Такое сопровождение может носить различный характер, который в каждом конкретном случае определяется категорией «отдельное» (например, морально-психологическое, медицинское, научное, социально-педагогическое, финансовое, кадровое и др.).

На уровне «отдельного» одним из таких видов сопровождения становится педагогическое сопровождение, которое, с одной стороны, несёт в себе черты социального взаимодействия, но, с другой стороны, имеет свою специфику, проявляющуюся, в первую очередь, в специфике функций окружающих человека других людей. «Эта специфика заключается в педагогическом характере сопровождения, целью которого становится целенаправленное развитие личности сопровождаемого, осуществляемое посредством специальных педагогических систем (образования, просвещения, воспитания, обучения, подготовки) в их институциональном (структурном) оформлении» [7, с. 282]. При этом существуют конкретные социальные роли, которые, например, по отношению к курсанту проявляются в высшем военно-учебном заведении как роли «старшины курса», «начальник курса», «начальник факультета», «командира

учебной группы», «куратора», «преподавателя предмета боевой подготовки», «преподавателя по физической подготовке», «тренера», «инструктора» и др.

Педагогическое взаимодействие в высшем военно-учебном заведении — процесс (система, вид деятельности), происходящий между педагогом (командиром, начальником, профессорско-преподавательским составом, руководителем занятия) и курсантом в ходе учебно-воспитательной работы и направленный на развитие личности курсанта. Педагогическое взаимодействие выступает как развивающийся и развивающий процесс, способствующий становлению личности курсанта и совершенствующий личность педагога при неперенной руководящей роли авторитетного педагога.

Взаимодействие становится педагогическим, когда педагог выступает как наставник. В рамках этого педагогического взаимодействия и осуществляется педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов, если само это взаимодействие рассматривать с точки зрения его пространственно-временных и содержательно-целевых характеристик.

В педагогическом сопровождении функция развития человека конкретизируется в более частных функциях, соответственно присущим функциям той или иной педагогической системы. Более того, по мере детализации эти функции также конкретизируются до тех пор, пока не достигнут характера технологии действия, то есть педагогической технологии.

Таким образом, по мнению И.А. Липского [7, с. 286], «педагогическое сопровождение развития человека в воспитании отражает управляемую сторону процесса их развития в системе социального и педагогического взаимодействия с другими людьми. Неуправляемая сторона этого процесса связана с деятельностью тех людей и институтов социума, которые сознательно или бессознательно игнорируют воспитательную функцию в прогрессивном направлении ее реализации, а также в тех случаях, когда этот процесс изначально имеет негативную направленность».

На уровне «единичного» педагогическое сопровождение курсантов в процессе физической подготовки включает в себя систему отношений его субъектов. Субъектами такого педагогического сопровождения выступают: командиры и начальники различных управленческих категорий (группы, курса, факультета и т.д.), сослуживцы, преподаватели физической подготовки, тренеры, инструкторы по видам спорта, психолог вуза, наставники, старшина курса, друзья. Педагогическое сопровождение предусматривает взаимодействие всех служб и специалистов высшего военно-учебного заведения, призванных обеспечивать физическую подготовку курсантов.

Педагогическое сопровождение исследуемого процесса как содействие организации образовательного процесса должно реализовываться таким образом, чтобы в нем учитывались педагогические закономерности его протекания, что обуславливает разработку педагогических аспектов организации образовательного про-

цесса, которые связаны:

- со спецификой высшего военно-учебного заведения;
- с выбором определенной парадигмы педагогического мышления;
- с учетом дидактических закономерностей организации учебного процесса;
- с разработкой индивидуальной педагогической методики по определённым упражнениям и нормативам с курсантами различного уровня физической подготовленности;
- с ориентацией на постепенный перевод курсантов в ходе проведения занятий по физической подготовке от репродуктивных форм воспроизведения упражнения к самостоятельной работе по его освоению;
- с адекватной оценкой проведённого учебного занятия во всех аспектах его организации;
- с организацией образовательного процесса на основе учета всех педагогических требований к его выстраиванию.

В основе педагогического сопровождения физической подготовки курсантов должна лежать системность, непрерывность, опора на позитивный потенциал развития курсанта, взаимодействие вместо воздействия, многофункциональность.

Адаптация выводов Т.С. Горолатовой [3, с. 48-49] к нашему исследованию позволила нам выделить **функции** системы педагогического сопровождения физической подготовки курсантов в высшем военно-учебном заведении:

- **развивающая** – направлена на стимулирование положительных изменений в личности курсанта в целом и его физической подготовленности в частности, поддержку процессов развития, формирования и совершенствования физических, морально-волевых и специальных качеств, психических свойств и военно-прикладных навыков;
- **диагностическая** – обеспечивающая получение и использование достоверной, педагогически значимой информации о физической подготовленности курсанта, а также об эффективности физической подготовки, изменений в образовательной среде вуза;
- **интегрирующая** – объединяющая в единое целое действия всех служб и специалистов высшего военно-учебного заведения, направленные на личность курсанта и процесс ее физического и профессионально-личностного развития;
- **регулирующая** – предполагающая упорядочение педагогических процессов с целью выбора оптимальных форм, методов и средств управления физической подготовкой, мотивирующих и стимулирующих деятельность всех участников процесса физической подготовки курсантов;
- **защитная** – направлена на повышение уровня социальной и физической защищённости здоровья курсанта, нейтрализацию влияния неблагоприятных факторов военно-профессиональной деятельности и окружающей среды;

– *компенсирующая* – способствует созданию в высшем военно-учебном заведении условий для компенсации недостаточного участия воинского социума в обеспечении физической подготовленности курсанта, раскрытия его личностного и физического потенциала;

– *корректирующая* – предполагает осуществление педагогически целесообразной коррекции отношения, поведения, общения с целью уменьшения силы негативного влияния на физическую подготовленность курсанта.

Объектом педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений выступает образовательный процесс.

Предметом деятельности педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений являются ситуации развития курсанта как система его отношений с воинским социумом, с окружающими, с самим собой.

Педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений может рассматриваться как сопровождение отношений: их развитие, коррекция, восстановление.

Цель педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений – создание в рамках объективно существующей образовательной среды военного вуза таких условий, при которых возможна его самореализация и адаптация к быстромменяющимся социальным условиям.

Задачами системы педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений выступают:

– предупреждение возникновения проблем в профессионально-личностном развитии курсанта и его физической подготовленности;

– содействие курсанту в решении актуальных задач профессионально-личностного и физического развития: трудности в освоении программ по физической подготовке, нарушения эмоционально-волевой сферы, проблемы взаимоотношений с сослуживцами, со старшими по воинскому званию, с педагогами;

– педагогическое обеспечение основных образовательных программ подготовки специалистов в целом и по физической культуре (подготовке) в частности;

– развитие профессиональной компетентности курсантов.

Формами работы по педагогическому сопровождению физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений являются как индивидуальные, так и групповые: профилактика, диагностика, консультирование, развивающая работа, коррекционная работа.

Таким образом, *смысл* педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высшего военно-учебного заведения состоит в том, чтобы научить курсанта в ситуациях выбора решать свои проблемы *самостоятельно*. Следовательно, задачами этого процесса становится создание условий педагогического сопровождения курсанта в рамках взаимного уважения автономии каждого из субъектов общения,

образование единого пространства для успешного достижения конечного результата — физической подготовленности курсанта. Такой подход к организации учебно-педагогической деятельности, по мнению А.Н. Копейкина [6, с. 28], «может быть осуществлён только при условии использования инновационных способов организации учебного процесса и форм педагогического контроля».

Педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений необходимо осуществлять на четырёх уровнях, каждый из которых имеет свою специфику.

Первый уровень – уровень организации педагогического сопровождения физической подготовки в высшем военно-учебном заведении в целом. При этом основными субъектами выступают: начальник высшего военно-учебного заведения и его заместители, офицеры управления, учебного отдела, начальники служб. Содержание педагогической деятельности субъектов на данном уровне включает: выработку общей стратегии формирования физической подготовленности в высшем военно-учебном заведении на учебный год и ближайшую перспективу; координацию деятельности основных субъектов данного процесса; анализ уровня физической подготовленности курсантов; своевременную корректировку процесса физической подготовки курсантов; обобщение его результатов; выработку мер по его совершенствованию; систематическое обучение должностных лиц теории, методике и практике организации процесса педагогического сопровождения физической подготовки курсантов.

Второй уровень – уровень организации педагогического сопровождения в микросоциуме, т.е. непосредственно в подразделении (курсе, учебной группе), которые являются центром учебной и педагогической работы. Основными субъектами при этом выступают: командир подразделения и его заместители, командиры учебных групп, старшина курса. Именно в подразделении происходит непосредственная организация педагогического воздействия на курсантов как в учебное, так и во внеучебное время, в предвыходные и выходные, предпраздничные и праздничные дни.

Третий уровень – уровень педагогического сопровождения во время учебных занятий, спортивно-массовых мероприятий и мероприятий физической подготовки. Субъектами при этом выступают: руководители и должностные лица, ответственные за их проведение на основе использования педагогического потенциала физической подготовки высшего военно-учебного заведения. Причём каждый из них участвует в данном процессе путём обеспечения механизма социальных отношений «обучаемый – педагог» прежде всего личной примерностью в деятельности в ходе учебно-воспитательного процесса; включения курсантов в спортивно-массовую деятельность, формирования у них социальных потребностей и социальных способностей, а также профессионально-важных качеств, необходимых для выполнения физических нагрузок; участия в проведении спортивно-массовых ме-

роприятий и передаче собственного опыта внутри учебной группы.

Четвертый уровень – уровень педагогического сопровождения физического самосовершенствования курсантов. На данном уровне курсантами осуществляется самостоятельная работа по своему физическому самосовершенствованию; перевоспитание отдельных негативных качеств; их самоконтроль за степенью освоения программ по физической культуре (подготовке) и социальных отношений внутри воинского подразделения.

Педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений рассматривается и как система, и как целостная деятельность педагога, в рамках которой можно выделить два обязательных и взаимосвязанных компонента:

- педагогический – заключается в систематическом отслеживании педагогического статуса курсантов и динамики развития уровня их физической подготовленности (при этом реализация данного компонента предполагает оказание помощи курсантам в овладении знаниями, умениями, навыками и приёмами в выполнении физических упражнений и нормативов по физической подготовке, а также ценностного отношения к физической подготовке);

- технологический – заключается в создании специальных социально-педагогических условий оказания помощи курсантам, имеющим проблемы в освоении учебных программ по физической подготовке (при этом реализация данного компонента в деятельности субъектов процесса сопровождения направлена на взаимодействие всех участников педагогического процесса в высшем военно-учебном заведении с целью преодоления проблем в физической подготовленности курсантов).

В соответствии с вышеуказанными компонентами процесса сопровождения его содержание наполняется конкретными формами и направлениями педагогической работы. При этом каждое направление обретает свою специфику, получает конкретные формы и содержательное наполнение, включаясь в единый процесс сопровождения.

Основная функция командного состава – чёткая и последовательная ориентация курсантов на определённые пути физического развития, а задача – создать условия для продуктивного движения курсантов по той траектории физической подготовки, которую они сами выбирают в соответствии с рекомендациями наставников.

Иначе говоря, деятельность педагога во многом задается той социально-педагогической системой, в которой реально находится курсант и которая ограничена рамками образовательной среды высшего военно-учебного заведения. Эта заданность и ограниченность профессиональных возможностей и, соответственно, профессиональных обязанностей военного педагога принципиально важна, так как позволяет ему чётко осознать своё место и в жизни высшего военно-учебного заведения, и в жизни конкретного курсанта, выстроить

свою систему педагогической деятельности.

Деятельность командного состава в рамках сопровождения предполагает:

- совместный анализ образовательной среды высшего военно-учебного заведения с точки зрения тех возможностей, которые она предоставляет для физического развития курсантов, и тех требований, которые она предъявляет к его психологическим, физическим, интеллектуальным, волевым возможностям и уровню развития;

- определение критериев эффективного педагогического сопровождения физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений;

- разработку и внедрение определенных мероприятий, форм и методов работы, которые рассматриваются как условия успешной физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений;

- приведение этих создаваемых условий в некоторую систему постоянной работы, дающую максимальный результат.

Педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов включает в себя:

- выявление и использование субъектного опыта самого курсанта;

- раскрытие способов его мышления;

- повышение мотивации курсантов;

- улучшение качества физической подготовки;

- выстраивание индивидуальной траектории физического развития через реализацию образовательной программы по физической подготовке с учетом личностных и профессиональных потребностей.

Таким образом, *педагогическое сопровождение физической подготовки курсантов в высшем военно-учебном заведении – это процесс взаимосвязанной деятельности педагога и курсанта, осуществляемый в целях создания условий для совершения курсантами осознанной, ответственной, самостоятельной нейтрализации проблемных ситуаций в достижении высокого уровня физической подготовленности.*

В заключение отмечаем, что образовательная среда высшего военно-учебного заведения выдвигает ряд требований, норм и жёстких правил, которые каждый курсант должен и усвоить, и принять, и реализовать в своем поведении и общении. Невозможно предложить один общий алгоритм решения таких проблем. В каждом случае он должен решаться индивидуально с учётом приоритета внутреннего мира курсанта и значения некоторой необходимой и достаточной системы предъявляемых ему требований со стороны образовательной и нормативной среды. Гарантом справедливого и продуктивного решения является педагогическое сопровождение, в процессе которого педагоги, окружающие курсанта, находят наилучшее сочетание приспособления образовательной среды к нему и его к образовательной среде высшего военно-учебного заведения. Авторы выражают большую благодарность всем, кто заинтересуется данной проблемой, изъявит желание принять участие в диалоге по её обсуждению.

Библиографический список

1. *Бережнова Л.Н., Богословский В.И.* Сопровождение в образовании как технология разрешения проблем развития // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2005. №12 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soprovozhdenie-v-obrazovanii-kak-tehnologiya-razresheniya-problem-razvitiya> (дата обращения: 01.04.2015).
2. *Борытко Н.М.* Система профессионального воспитания в вузе: учеб.-методич. пособие. Науч. ред. Н.К. Сергеев. М.: АПКИПРО, 2005. 120 с.
3. *Горолатова Т.С.* Психолого-педагогическое сопровождение учащихся в учреждениях профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2004. 186 с.
4. *Казакова Е.И.* Система комплексного сопровождения ребёнка: от концепции к практике // Психолого-педагогическое медико-социальное сопровождение развития ребёнка: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб, 1998.
5. *Казакова Е.И., Тряпицына А.П.* Диалог на лестнице успеха: Школа на пороге нового века. СПб, 1997. С.123-125.
6. *Копейкин А.Н.* Педагогическое сопровождение боевой подготовки будущих милиционеров: дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2007. 179 с.
7. *Липский И.А.* Педагогическое сопровождение развития личности: теоретические основания // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: сб. науч. тр. Под ред. Н.К. Сергеева, Н.М. Борытко. Волгоград, 2004. С.280-287.
8. *Митрахович В.А.* Педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2011. № 6(44). С. 439–446.
9. Психолого-педагогическое сопровождение процессов развития личности в системе непрерывного образования: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (10 декабря 2014 г.). Науч. ред. Г.Е. Котькова / ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». Орёл: Изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2014, 199 с.

References

1. *Berezhnova L.N., Bogoslovskiy V.I.* The accompaniment in education as the technology of the development problems solution //RGPU News of A.I. Herzen. 2005. No. 12. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soprovozhdenie-v-obrazovanii-kak-tehnologiya-razresheniya-problem-razvitiya> (date of the address: 01.04.2015).
 2. *Borytko N.M.* The system of high professional education: Methodical handbook / N.K. Sergeev, scientific editor. M: APKIPRO, 2005. 120 p.
 3. *Gorolatova T.S.* The Psychological and pedagogical accompaniment of pupils in establishments of professional education: dis. ... cand. Ped. sciences. Nizhny Novgorod, 2004. 186 p.
 4. *Kazakova E.I.* The system of the complex accompaniment of a child: from concept to practice //The Psychological and pedagogical medical and social accompaniment of the development of a child: Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Saint-Petersburg, 1998.
 5. *Kazakova E.Y.I., Tryapitsyna A.P.* The dialogue in the success ladder: the School at the beginning of a new century. Saint-Petersburg, 1997. Pp. 123-125.
 6. *Kopeykin A.N.* The Pedagogical accompaniment of the combat training of future police officers: dis. ... cand. Ped. sciences. Astrakhan, 2007. 179 p.
 7. *Lipskiy I.A.* The Pedagogical accompaniment of the development of personality: theoretical bases // Theoretical-methodological problems of modern education: Collection of scientific articles / Under the editorship of N.K. Sergeyev, N.M. Borytko. Volgograd, 2004. Pp. 280-287.
 8. *Mitrakhovich V.A.* The Pedagogical accompaniment of the forming of military contract servicemen` professionalism // Scientific notes of Orel State University. Series: The Humanities and Social sciences. Orel, 2011. № 6(44). Pp. 439-446.
 9. The Psychological and pedagogical accompaniment of the processes of the personality development in the system of the continuous education: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (10 December 2014) / scientific. edited by G.E. Kot'kova /FSBEI HPE "Orel State University". Orel: Publishing house of FSBEI HPE "OSU", 2014, P. 199.
-
-

Д.В. МОГЛАН

аспирант, кафедра информатизации образования,
Российский государственный педагогический универ-
ситет им. А.И. Герцена
E-mail: di_2008@mail.ru

D.V. MOGLAN

Graduate student, Department of Informatization of
Education, State Pedagogical University of Russia named
after A.I. Herzen
E-mail: di_2008@mail.ru

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЕТЕВОМ СООБЩЕСТВЕ

COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS IN EDUCATIONAL NETWORK COMMUNITY

В статье рассматриваются вопросы использования образовательного сетевого сообщества в обучении с целью организации познавательной деятельности студентов. Раскрывается понятие сетевого сообщества и обосновываются образовательные возможности сетевого сообщества как формы организации обучения, благоприятной для формирования и развития познавательной деятельности студентов.

Ключевые слова: познавательная деятельность, образовательное сетевое сообщество, приобретение знаний в коллективе, работа в группе.

This article is devoted to the ways of using educational network community for learning with the purpose of organizing cognitive activity of students. The author reveals the concept of network community and proves educational possibilities of network community as a form of education preferable for forming, and developing of cognitive activity of students.

Keywords: cognitive activity, network educational communities, acquisition of knowledge in collective, teamwork.

В связи со сменой образовательной парадигмы в настоящее время возрастают требования к развитию творческой личности, способной критически мыслить, творчески и продуктивно отбирать, обрабатывать полезную информацию и применять её при решении жизненных и профессионально значимых проблем. В современном обществе происходят бурные изменения. Человек вынужден адекватно реагировать на них, а именно, должен активизировать свой личностный потенциал, развивая самостоятельность в принятии и выполнении решений. Для приобретения и накопления студентами необходимого профессионального опыта необходимы такие формы организации обучения, которые максимально активизируют познавательную деятельность, ставят их в позицию полноценных субъектов познания и тем самым способствуют целенаправленному формированию их познавательного опыта. Одной из форм организации обучения, позволяющих решать новые задачи, отвечающие вызовам современного общества, может выступать сетевое сообщество, которое всё активнее используется в современном вузе.

Под **образовательным сетевым сообществом** как формой организации обучения мы понимаем учебную группу, как правило, созданную высшими образовательными учреждениями, в которой субъекты образовательного процесса поддерживают общение и ведут средствами цифровых технологий активную совместную учебную деятельность по реализации педагогических целей, обозначенных преподавателем.

Анализ научных работ (Е.Д. Патаракина, М.В. Плахтий, М.В. Моисеева, А.Н. Сергеева, С. Сойферт

и др.) по исследованию образовательных возможностей сетевых сообществ показал, что их использование в обучении помогает решению следующих дидактических задач:

- способствует личностному развитию обучаемых;
- стимулирует мотивацию учебно-познавательной деятельности и повышает ответственность за коллективную учебную работу;
- увеличивает познавательный интерес обучаемых к изучаемым дисциплинам;
- расширяет способы контроля учебной деятельности обучаемых;
- обогащает опыт коллективного обучения;
- приводит к объединению личного и учебного опыта обучаемых в социальном контексте;
- придает практико-профессиональную ориентированность образовательному процессу;
- содействует совместному приобретению новых знаний.

Таким образом, целью настоящей статьи стало обоснование образовательных возможностей сетевого сообщества как формы организации обучения, которая позволяет создать условия для познавательной деятельности студентов.

Учебная деятельность в сетевых сообществах предоставляет возможность получить доступ к разнообразной информации и опыту других участников образовательного процесса, что способствует повышению качества обучения. В ходе такого обучения формируется опыт совместной деятельности и приобретаются новые знания [3].

Процесс приобретения новых знаний связан с познавательной деятельностью студентов, которая включает:

- обработку информации;
- извлечение информации из среды обучения;
- организацию и интерпретацию полученной информации;
- обнаружение взаимосвязей для осмысления своего опыта;
- применение усвоенной информации посредством мыслительных процессов.

Как подчеркивает Д. Перкинсон, понятия создаются совсем не сами, а через взаимодействие с другими людьми и через познавательные средства, поддерживающие такого рода взаимодействия [5]. Из этого следует, что знание «проживает» также и в этих взаимодействиях, а не только в конкретной личности. Знание, с точки зрения Дж. Кокинга, А. Брансфорда, Р. Брауна, неотделимо от практики, а практика в свою очередь неотделима от общества [4].

Этьен Венгер, автор теории обучения в сообществе, полагает, что обучение эффективнее проходит в группах при совместной познавательной деятельности её членов. Согласно Венгеру, необходимо соблюсти следующие условия для того, чтобы добиться эффективности обучения в сообществе.

1. Знания и практические навыки обучающихся должны быть тесно связаны с областью применения этих знаний и навыков.

2. Познание должно быть связано с теми условиями и с той ситуацией, в которой оно происходит.

3. Конкретное знание должно быть связано с конкретным контекстом обучения.

4. В основе обучения должен лежать принцип социализации [8].

Канадские ученые М. Скардамалия и К. Берейтер в своих исследованиях [6, 7] подчеркивают, что при приобретении знаний в сетевой образовательной среде особую значимость имеет совместная деятельность по продвижению и развитию предмета познания. Прогрессивность совместной деятельности основывается на динамичной экспертизе идей и выдвижении конструктивных аргументов, продвигающих её участников в понимании и решении проблем. М. Скардамалия и К. Берейтер определяют процесс приобретения знаний как коллективное производство и непрерывное совершенствование идей, имеющих ценность для сообщества, с помощью средств, которые повышают капитал знаний сообщества путём индивидуальных вкладов её членов.

Совместная деятельность студентов в образовательном сетевом сообществе позволяет организовать общение, при котором каждый участник воспринимает другого как такую же ценность, как и он сам, что способствует творческому самовыражению и самореализации, установлению взаимопониманию, увеличению количества воспринимаемой информации, выработке совместного решения [2]. Следовательно, для развития у студентов способности понимать и самостоятельно ре-

шать учебные задачи необходимо создать образовательную среду для высказывания своих идей, разработки решений проблем с другими студентами и их проверки.

Образовательное сетевое сообщество предоставляет возможность обеспечить гибкую организацию учебно-познавательной деятельности студентов. Согласно классификации М.Д. Виноградовой, И.Б. Первина, возможны следующие формы коллективной учебно-познавательной деятельности:

- фронтальная работа, направленная на достижение общей цели;
- работа в статичных парах;
- групповая работа, основанная на принципах дифференциации;
- межгрупповая работа, при которой каждая группа имеет своё задание в рамках общей цели;
- фронтально-коллективная деятельность при активном участии всех обучающихся [1].

Таким образом, в сетевой образовательной среде взаимодействие членов сетевого сообщества осуществляется на следующих уровнях: «преподаватель – студент», «группа студентов – преподаватель», «студент – студент», «группа студентов – группа студентов», «группа студентов – группа студентов – преподаватель».

Исходя из основополагающего принципа функционирования любого сетевого сообщества – принципа самоорганизации преподаватель занимает позицию координатора, направляющего развитие образовательного сетевого сообщества. Преподаватель конструирует содержание обучения, предоставляет доступ к электронной ресурсной базе образовательного процесса, оказывает помощь в самостоятельной работе студентов, организует диалог, в ходе которого он выступает в качестве носителя личностной смысловой позиции. При этом преподаватель не занимается прямым управлением деятельностью каждого студента, а создаёт дидактические условия, которые обеспечивают:

- помощь в решении актуальных задач, стоящих перед студентами;
- учёт и поощрение личностной устремлённости студентов к выполнению тех или иных видов познавательной деятельности;
- совместное определение путей реализации личностного потенциала студента;
- выявление, отслеживание и решение возникающих проблем в ходе учебной работы в сетевой среде.

После предъявления преподавателем учебной задачи и осознания ситуации затруднения студентами, обусловившей мотивацию, познавательные действия студентов в образовательном сетевом сообществе протекают в следующей логической последовательности:

I стадия – **Обсуждение.**

Исследование проблемы/задачи – предлагаются вопросы, мнения, идеи или темы, согласующиеся с решаемой проблемой/задачей; вводится новая концепция; описываются предпосылки, исходные данные, контекст, определения, цели; устанавливается суть проблемы/задачи.

Объяснение/Разъяснение – излагаются факты, концепции, теории; даётся оценка имеющимся данным; уточняется неясность и размытость смысла.

II стадия – **Согласование**.

Конфликт – вызывается противоречие; предлагает другое мнение или доказательство.

Поддержка – поддерживаются идеи или точки зрения других, которые разъясняются далее на основе своего примера, опыта; улучшаются идеи других по разрешению проблемы/задачи.

Защита – отстаивается свое собственное мнение; защищаются ранее сделанные заявления с дальнейшей интерпретацией и доказательством.

III стадия – **Совместное конструирование**.

Оценка – подтверждается гипотеза или мнение; даётся оценочное суждение о точке зрения, положениях и плане решения.

Достижение согласия – достигается соглашение или последовательное понимание в решении проблемы/задачи.

IV стадия – **Интеграция**.

Синтез – систематизируются и объединяются различные идеи для решения проблемы/задачи; оцениваются результаты, полученные в решении; делается обобщение и последовательно формулируются выводы.

Рефлексия/Расширение – организуются размышления над использованными стратегиями в решении проблемы/задачи с целью обнаружения общего правила и его применения к новой проблеме/задаче.

Последовательность действий студентов циклически повторяется до тех пор, пока учебная задача не будет разрешена. Естественно, что число повторений цикла тем меньше, чем выше актуальный уровень развития студентов: они владеют операциями анализа, синтеза, сопоставления, сравнения, обобщения, специальными умениями по изучаемой дисциплине; у них развиты гибкость мышления и критичность. Так как использование перечисленных операций циклически повторяется, притом для студентов с низким актуальным уровнем развития повторяется многократно, то развиваются и совершенствуются названные выше умения.

Апробация разработанного подхода на факультете информационных технологий Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена позволяет сделать вывод, что при реализации приведенных познавательных действий у студентов совершенствуются интеллектуальные, общие учебные навыки и специальные умения по изучаемой дисциплине. Вместе с тем важно отметить, что использование в учебном процессе образовательного сетевого сообщества в виде новой, еще только складывающейся формы в свою очередь позволяет преподавателю раскрыть такие преимущества сетевых сервисов в обучении, как: интерактивность, мультимедийность, открытость, обратная связь, независимость совместной деятельности от времени и расстояния, возможность организовать групповую работу в создании совместно продукта.

Библиографический список (References)

1. Vinogradova M.D., Pervin I.B. Collective cognitive activity and education of schoolboys. М.: Education, 1977. 159 p.
2. Okuneva V.S. Provision of theoretical readiness of competence formation of students to work in a team in the process of vocational education. Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev 2014. №2(28). С. 76-80.
3. Sergeev A.N. Personality development of the trainees within network educational communities. Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education. 2009. №4. Pp. 51-58.
4. Bransford J.D., Brown A.L., Cocking R.R. How People Learn: Brain, Mind, Experience, and School. Washington, D.C.: National Academy Press, 1999. 384 p. Mode of access: http://www.nap.edu/openbook.php?record_id=9853 (date of access: 26.09.2014).
5. Perkins D.N. Person-plus: a distributed view of thinking and learning. In: Salomon G. (Ed.) Distributed Cognitions: Psychological and Educational Considerations. New York: Cambridge University Press, 1993. Pp. 88-110.
6. Scardamalia M., Bereiter C. Computer support for knowledge-building communities. Journal of the Learning Sciences 1994; 3(3): 265-283. Mode of access: http://hrast.pef.uni-lj.si/~joze/podiplomci/prs/clanki03/CSILE_Scardamaila.htm (date of access: 26.09.2014).
7. Scardamalia M., Bereiter C. Knowledge building: Theory, pedagogy, and technology. In: K. Sawyer (Ed.) Cambridge Handbook of the Learning Sciences. New York: Cambridge University Press, 2006. Pp. 97-118.
8. Wenger E. Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity. New York: Cambridge University Press, 1997. 283 p.

УДК 745/749(072.3)

UDC 745/749(072.3)

С.Н. НОВИКОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: art_facultet@univ-orel.ru

Н.В. ЕФРЕМИЧЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: efremicheva@mail.ru

S.N. NOVIKOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of decorative art and technical graphics, Orel State University
E-mail: art_facultet@univ-orel.ru

N.V. EFREMICHEVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of decorative art and technical graphics, Orel State University
E-mail: efremicheva@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА ШКОЛЬНИКОВ К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНЫМ ИСКУССТВОМ

PSYCHO-PEDAGOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF STUDENTS' INTEREST TO NATIONAL CULTURE ON THE PRACTICE OF DECORATIVE ART

В статье рассматривается интерес как психолого-педагогическая проблема в аспекте декоративно-прикладной деятельности, дается характеристика и механизм формирования интереса к национальной художественной культуре в системе целенаправленных педагогических воздействий.

Ключевые слова: интерес, психология, педагогика, декоративно-прикладное искусство, национальная художественная культура.

The article considers interest as a psychological and pedagogical problem in the aspect of decorative and applied activities, characteristics and mechanism of formation of interest to the national artistic culture in the system of targeted educational impacts is given.

Keywords: interest, psychology, pedagogy, decorative and applied art, national art culture.

Интерес как побудительная сила, возникающая из отношения субъекта к окружающему миру, давно привлекает к себе внимание психолого-педагогической науки. Развитие интереса к изобразительному искусству, народной художественной культуре, декоративно-прикладной деятельности, предполагает воспитание особых качеств индивида как творческого лица, овладение необходимыми знаниями, умениями, навыками. Это должно привести к умению выражать свое собственное отношение к искусству и действительности.

В психологии понятие «интерес» – очень сложное, многогранное и значимое для личности образование, имеет множество трактовок. Различные точки зрения на понятие «интерес» отражены в работах Л.И. Божович, А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна, Т. Рибо, Е.К. Стронга, Б.Г. Ананьева, Г.И. Щукиной, Н.Г. Морозовой и др.

Одни авторы толкуют это понятие, обобщая интерес с направленностью личности в целом, с ее сосредоточенностью на определенном объекте, представляют интерес как совокупность проявлений активности личности. Другие авторы понимают интерес не столь широко и отождествляют его с отдельными побуждениями, входящими в потребностно-мотивационную сферу субъекта:

интерес как актуальный мотив, как активное познавательное отношение или переживание, как эмоциональное выражение потребности. Однако, все авторы едины во мнении, что «интерес» отражает множество значимых для субъекта процессов – от единичных до их совокупности. Интерес выражается в потребностях, направленности личности, ее отношении к действительности. Именно поэтому изучение динамики развития интересов, их распада, перемещения в ходе обучения, воспитания и развития является существенной психологической и педагогической проблемой. Интерес можно рассматривать как интегральное качество личности, формируемое на разных этапах и выступающее в различных своих аспектах и значениях:

- на стадии определения образовательных задач, как цель обучения;
- на стадии определения цели воспитательного процесса, как средство формирования и развития личности, условие эффективности педагогической деятельности;
- в процессе выбора вида деятельности, в том числе и декоративно-прикладной, как мотив, побуждающий к данной деятельности;
- потребность в деятельности как высшей ступени развития интереса;

– устойчивое качество личности, как результат обучения, воспитания и развития.

Формирование интереса к декоративно-прикладному искусству и народному творчеству, в частности, логично переходит в развитие интереса к национальной художественной культуре в целом, поскольку декоративно-прикладное искусство является частью материальной и духовной культуры нации.

На основе вышеизложенного педагогический процесс и подход к проблеме развития интересов личности вообще и декоративно-прикладному искусству в частности, необходимо строить с учетом следующих положений:

– в педагогическом процессе всесторонне использовать объективные возможности явлений окружающей действительности с позиции побуждения интереса к декоративно-прикладному искусству и народному творчеству;

– создавать условия для поддержания у школьников активного интереса к объектам и явлениям национальной культуры, художественным, моральным, эстетическим и научным ценностям;

– целенаправленно развивать интерес к художественному творчеству, декоративно-прикладной деятельности, народному искусству, как интегральное свойство и устойчивое качество личности, влияющее на ее целостное формирование.

Поскольку интерес играет важную роль в выборе вида деятельности, он существенно влияет и на активность личности, он необходим для развития навыков и умений, составляет основу познавательной, исследовательской и конструктивной деятельности, что определяет интенсивность интеллектуального развития и имеет большое значение для процессов обучения. Интерес играет существенную роль в мотивации деятельности. Однако устойчивость и глубина интереса находится в прямой зависимости от того, насколько деятельность стала или может стать средством саморегуляции личности, от степени удовлетворенности деятельностью.

Интерес к декоративно-прикладному искусству тесным образом связан с другими категориями и качествами личности: фантазией, художественно-творческими способностями, воображением, памятью, вниманием, творческим мышлением, выступает интегральным качеством во взаимосвязи с эмоциональной сферой и эстетическими проявлениями личности в различных видах декоративной деятельности.

В результате изучения психолого-педагогической литературы по данной проблеме можно заключить, что интерес к декоративно-прикладному искусству связан с избирательной эстетической направленностью личности на культуру, искусство и художественно-творческую деятельность, которые являются важнейшими побудительными мотивами, реализуемыми в активности человека. Именно в активной творческой деятельности, опосредованной интересом, открываются большие возможности для саморазвития и самореализации личности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

– интерес к декоративно-прикладному искусству обоснован избирательной направленностью личности на освоение эстетического опыта как обобщенного отражения окружающей действительности, который способствует формированию способности усваивать любой объект в форме эстетического отношения к нему;

– в интересе к национальной художественной культуре выражено единство объективной и субъективной сторон художественно-творческой активности личности: формирование интереса к декоративно-прикладной деятельности устанавливает связь с народным искусством, что находит выражение в интересе только тогда, когда приобретает для школьника субъективную значимость в форме активной художественно-творческой направленности личности;

– интерес к народной художественной культуре формируется через познание и эмоциональную оценку сущности декоративно-прикладной деятельности, выходя в их органическом единстве и взаимосвязи;

– взаимосвязь интереса к народной художественной культуре и декоративно-прикладной деятельности (декоративно-прикладному искусству) проявляется в том, что с одной стороны, интерес способствует эффективности художественно-творческой декоративной деятельности, а с другой – занятия декоративно-прикладным искусством (деятельностью) способствуют формированию и развитию интереса к культуре народа.

Основное содержание интереса, направленного на декоративно-прикладное искусство, проявляется:

а) в эстетическом восприятии произведений декоративно-прикладного искусства;

б) в изучении информации и накоплении знаний в области теории и истории декоративно-прикладного искусства;

в) в приобретении практических умений и навыков работы в различных видах декоративно-прикладного искусства, техниках и материалах;

г) в стремлении к самостоятельной художественно-творческой декоративно-прикладной деятельности.

Данное исследование направлено на формирование интереса и приобщение школьников к национальной художественной культуре в процессе обучения декоративно-прикладному искусству, поэтому на основе всех трактовок интереса, изложенных в психолого-педагогической литературе, можно сформулировать следующее определение интереса к национальной культуре в аспекте декоративной деятельности. Интерес к национальной культуре может быть определен как направленность личности к сфере познания о жизни, быте, народа, его традициях, его материальной стороне, к художественно-творческому процессу создания предметов декоративно-прикладного искусства и народного творчества, деятельности, направленной на овладение приемами обработки материалов и создание самостоятельных творческих произведений на национальную тематику, изготовление эскизов и изделий декоративно-

прикладного искусства народа, понимание учащимися значения сохранения национальной культуры, формирование национального самосознания, умения понимать и уважать культуру своего и других народов.

Так как формирование интереса к национальной художественной культуре рассматривается в процессе обучения декоративно-прикладному искусству, необходима система целенаправленных педагогических воздействий, вызывающих качественные изменения в соответствующих характеристиках интереса.

Процесс обучения декоративно-прикладному искусству представляет собой целостную систему преподавания, включающую в себя комплекс основных видов учебной и внеурочной деятельности (беседы о декоративно-прикладном искусстве, рисование с натуры, декоративная деятельность, экскурсии и пр.), преследующих определенные обучающие, воспитывающие и развивающие цели.

Проблема формирования интереса к национальной культуре носит метапредметный характер и выходит за рамки одной учебной дисциплины. Однако занятия по декоративно-прикладному искусству являются наиболее эффективными в решении данной проблемы.

Принимая во внимание исследования психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Е.И. Игнатъева, В.А. Крутецкого, А.А. Люблинской, С.Л. Рубинштейна и др., свидетельствующих о том, что мышление учащихся длительное время сохраняет конкретно-образный, эмоциональный характер, можно констатировать, что декоративно-прикладное искусство, со своей уникальной системой образов, является одним из наиболее эффективных средств формирования интереса к национальной художественной культуре. В основе формирования интереса к национальной культуре и декоративно-прикладному искусству лежит фактор положительного воздействия, вызывающего активный эмоциональный отклик и стремление к художественно-творческой деятельности.

Анализ методической литературы и собственный педагогический опыт показывают, что занятия декоративно-прикладным искусством – по своей природе наиболее близкий и доступный вид деятельности для учащихся, способствующий их самовыражению и самореализации. Методически верно организованный процесс обучения декоративно-прикладному искусству успешно способствует углублению знаний учащихся о народном искусстве и культуре, расширению их кругозора, развитию положительных качеств личности, таких как: творческое мышление и воображение, зрительная память и глазомер, пространственное и образное мышление, художественный вкус, национальное самосознание, самостоятельность, активность, поисковая инициатива и т.д. Вместе с тем, продукты декоративной деятельности учащихся служат объективным показателями отношения личности к тем или иным объектам и явлениям окружающей действительности, в них отражены предпочтительные интересы, склонности и вкусы, уровень умений и навыков, творческие способности личности.

Необходимо отметить, что пути приобщения личности к национальной художественной культуре в учебно-воспитательном процессе зависят от ряда факторов, в числе которых как цели и задачи обучения, так и возрастные особенности развития учащихся. Обучающийся, представляя определенный возрастной период развития, как субъект учебной деятельности на каждой ступени образовательной системы характеризуется спецификой учебной мотивации, системой отношений, особенностями учебной деятельности. «На каждой возрастной ступени мы всегда находим центральное новообразование, как бы ведущее для всего процесса развития и характеризующее перестройку всей личности на новой основе. Лишь зная возрастные, характерные для определенного периода психолого-физиологические особенности учащихся, можно выработать успешную программу воспитания» [1].

Формирование интереса к национальной художественной культуре должно базироваться на познавательных процессах и способностях учащихся, общих законах пробуждения интереса к какому-либо объекту или явлению окружающей действительности, а также опираться на возрастные психолого-физиологические особенности учащихся. При этом необходимо помнить, что закономерности познавательных процессов, способностей и проявления интереса для всех возрастов общие, а средства приобщения к национальной художественной культуре в процессе обучения декоративно-прикладному искусству в каждом возрасте разные.

Принимая за основу методологию формирования и развития познавательных процессов, художественно-творческих способностей и интересов личности в специально организованном образовательном пространстве, считаем, что формирование интереса к национальной художественной культуре в процессе обучения школьников декоративно-прикладному искусству может осуществляться по следующим основным направлениям:

- формирование положительно-эмоционального отношения к произведениям народного декоративно-прикладного искусства;
- развитие активной познавательной направленности на овладение историческими, искусствоведческими, этнографическими знаниями, связанными с культурой и искусством народа;
- формирование понимания школьниками значения сохранения традиций декоративно-прикладного искусства и народных промыслов как части материальной и духовной культуры нации;
- воспитание национального самосознания учащихся и уважения к своему народу, а также к другим народам, населяющим нашу страну;
- вовлечение школьников в активную творческую деятельность, направленную на овладение навыками работы и приемами обработки материалов по созданию эскизов, проектов и изделий декоративно-прикладного и народного искусства;
- формирование эстетического эмоционально-оценочного отношения личности к окружающей действительности, искусству и культуре;

– развитие творческих способностей личности, ее самосознания, стремления к самореализации и самовыражению в декоративной деятельности.

В данной связи особое значение приобретает необходимость органичного соединения общешкольных дисциплин и предметов с занятиями по изобразительному и декоративно-прикладному искусству.

Анализ многочисленных педагогических исследований показал, что принципы обучения изобразительному искусству являются важнейшей дидактико-методической категорией, служащей для выделения взаимосвязанных теоретических положений, определяющих содержание и организацию преподавания декоративно-прикладного искусства, которые в своей совокупности определяют требования к системе обучения изобразительному искусству в целом и его отдельным компонентам.

Изобразительное искусство в цикле учебных предметов занимает одно из ведущих мест по силе эмоционально-чувственного воздействия на личность, что имеет решающее значение в формировании интереса к национальной художественной культуре.

Занятия декоративно-прикладным искусством, активно воздействуя на мысли, чувства и эмоциональные проявления учащихся, должны нести познавательную направленность. Они (занятия) позволяют расширить кругозор школьников сведениями о жизни, быте народа, истории, национальных традициях, дают возможность освоить приемы работы с материалами, что позволяет учащимся проявить себя в художественно-творческой деятельности, выражая свои чувства, мысли, эмоции, отношение к искусству, этнической культуре.

Формирование интереса к национальной художественной культуре опирается на такие психологические функции личности, как творческое мышление, воображение, чувства, воля, получая особую эмоциональную окрашенность и направленность, обусловленную специфическими требованиями декоративно-прикладной деятельности, связанной с развитием изобразительных и художественно-творческих способностей учащихся. Эти способности определяют две стороны детского художественного творчества: его образность и эмоциональную выразительность и сравнительную грамотность, то есть сильную реалистическую убедительность объекта (рисунка, изделия).

Развитие интереса должно быть ориентировано на учет возрастных особенностей и дифференцированного подхода в отборе познавательного материала и практических заданий для работы с учащимися. Осознание личностью способности освоить предложенный материал вызывает положительные эмоции, чувство самодовольствия, регулируя потребность и активность деятельности.

Занятия декоративно-прикладным искусством должны быть ориентированы на требование постоянного приобретения новых знаний о жизни, быте, традициях народа, как одного из основных принципов к решению проблемы формирования интереса к национальной художественной культуре.

Основным принципом в развитии интереса к национальной культуре в процессе занятий декоративно-прикладным искусством является наглядный показ подлинных изделий народных художественных промыслов, знакомство с традициями, обрядами, народными праздниками, устным народным творчеством, этносом, с последующим закреплением полученных впечатлений в результатах изобразительной и декоративной деятельности.

В области обучения декоративно-прикладному искусству большинство перечисленных принципов, которые являются общедидактическими, имеют непосредственное отношение к методике организации процесса обучения учащихся общеобразовательных школ. При этом немаловажное значение для процесса преподавания декоративно-прикладного искусства имеют и такие принципы, как принцип гражданственности, принцип диалога культур, принцип интегративности, а также принципы вариативности и открытости.

Познавательные процессы, способности, интересы тесно связаны с различными сторонами психического и физиологического развития личности, что определяет цели, задачи обучения, а также формы, методы и средства организации занятий декоративно-прикладным искусством.

Одним из наиболее оптимальных средств формирования интереса к национальной культуре, по нашему мнению, являются занятия декоративно-прикладным искусством, так как они, как ни один другой вид деятельности, способны сформировать интерес к художественному творчеству, самореализации, самосовершенствованию и саморазвитию. В декоративно-прикладном искусстве в художественной форме сконцентрировано и передано многообразное проявление народного творчества. Его необычайная сила воздействия на школьника заключается не только в том, что оно обогащает его знаниями, умениями, но и в том, что оно развивает и совершенствует эмоциональную сферу личности, формирует его отношение к окружающему миру.

Можно констатировать, что формирование интереса к национальной художественной культуре возможно лишь при условии правильно организованного педагогического воздействия на основе учета психолого-физиологических возрастных особенностей учащихся и использования при этом доступных для их восприятия форм и методов учебной деятельности

Библиографический список

1. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. М.: Просвещение, 1967. 96 с.

References

1. *Vygotsky L.S.* Imagination and creativity in childhood. Psychological essay. M.: Prosveschenie, 1967. 96 p.

УДК 378.14.026.9

UDC 378.14.026.9

П.И. ОБРАЗЦОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра непрерывного образования и новых образовательных технологий, Орловский государственный университет

E-mail: kind@orel.ru

Т.И. СМАГИНА

старший преподаватель, кафедра романской филологии, Орловский государственный университет

E-mail: smagina.tat@mail.ru

P.I. OBRAZTSOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of continuous education and new educational technologies, Orel State University

E-mail: kind@orel.ru

T.I. SMAGINA

Senior lecturer, Department of Romance philology, Orel State University

E-mail: smagina.tat@mail.ru

РАЗВИВАЮЩЕЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

DEVELOPMENTAL INITIAL TRAINING IN THE CONTEXT OF NEW EDUCATIONAL STANDARDS

Обосновывается необходимость принятия концепции развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова как основной для формирования профессиональной готовности бакалавра – будущего учителя к развивающему обучению младших школьников.

Ключевые слова: развивающее обучение, младший школьник, направления развития, бакалавр – будущий учитель.

The necessity of adopting the concept of developmental education by D.B. El'konin-V.V. Davydov as a basis for the formation of professional readiness of Bachelor – future teacher to developmental teaching of junior schoolchildren is grounded.

Keywords: developmental teaching, junior pupil, the direction of development, Bachelor – future teacher.

Решение проблемы формирования готовности студента-бакалавра к развивающему обучению (далее РО) младших школьников обусловило важность теоретического исследования системы РО Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, построенной на концепции учебной деятельности (далее УД).

Проведенный анализ содержания и структуры целостной УД в единстве и взаимосвязи всех ее компонентов позволил нам сделать вывод, что такая УД и есть развивающее начальное обучение, реализующее в единстве развивающую, образовательную и воспитательную функции. Это целостная система РО, альтернативная исторически сложившейся традиционной системе.

Данная концепция определена нами как базовая для исследования проблемы формирования профессиональной готовности бакалавра – будущего учителя к РО младших школьников [3; 4; 5, 6, 7, 8].

Однако следует уточнить, что термин «развивающее обучение» в настоящее время употребляется применительно к различным образовательным системам, развивающим разные способности обучающихся. Поэтому аргументация правильности нашего выбора базовых оснований для подготовки учителя XXI века, способного реализовывать принципиально новые профессиональные задачи, требует анализа других наиболее приоритетных концепций РО, существующих в российской педагогике.

Эмпирический анализ психолого-педагогической литературы показал, что так или иначе все концепции РО основываются на идеях научной школы Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова. По своим целевым установкам все они развивающие. Однако вопрос в том, что они развивают? Представляется возможным развести их по двум линиям (хотя это деление относительно): 1) вектор развития направлен преимущественно на высшие психические функции, что только опосредованно влияет на личностное развитие школьников; 2) вектор развития направлен одновременно и на интеллектуальное, и на социальное, личностное развитие школьника.

Первую линию РО представляют, по нашему мнению, концепции Л.В. Занкова (раннее общее психологическое развитие личности), З.И. Калмыковой (развитие творческого мышления), Е.Н. Кабановой-Меллер (формирование операций мышления, которые она называет приемами учебной работы), В.Ф. Шаталова (формирование мнемической деятельности), М.И. Махмутова, А.М. Матюшкина (проблемное обучение) и др.

В исследованиях этих ученых РО рассматривается как средство формирования мыслительных операций. Формирование приемов умственной деятельности авторы связывают с развитием продуктивного (творческого) мышления учащихся. В качестве общих для всех теорий принципов можно выделить следующие: проблем-

ность обучения; индивидуализация и дифференциация обучения; формирование познавательной самостоятельности учащихся; развитие и активизация творческих способностей.

Вторая линия РО отражена в концепциях Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова (развитие средствами учебной деятельности теоретического мышления, т. е. овладения общими способами действия, позволяющими решать широкие классы задач; развитие рефлексивных способностей; учебной самостоятельности, т. е. умения учиться), Г.А. Цукерман (развитие у учащихся навыков учебного сотрудничества в рамках УД), Л.Ф. Климановой (обучение через культуру, построенное на основе УД), И.С. Якиманской (личностно-ориентированное РО, направленное на развитие индивидуальных познавательных способностей каждого ребенка, на познание себя личностью, на самоопределение и самореализацию).

Названные концепции РО дают научное обоснование факторов и механизмов становления личностных новообразований в процессе обучения на различных возрастных этапах, в том числе и в младшем школьном возрасте.

Позволим себе провести дальнейший анализ, опираясь на научные работы Г.А. Цукерман, которая посвятила свои многолетние теоретические и практические исследования изучению и дальнейшему развитию концепции Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова.

«Заявляя о своих целях и намерениях, т. е. обозначая направление развития своих питомцев, отмечает Г.А. Цукерман, каждая отечественная психолого-педагогическая школа, в самоназвании или самоопределении которой присутствует слово «развитие», присягает на верность идеям Л. С. Выготского. Все эти школы исходят из единой посылки о потенциально всеобщей и универсальной природе человека, но по-своему трактуют соотношение обучения и развития. Конструктивным результатом одновременного существования разных школ, выводящих свои родословные из единого теоретического источника, стало нелинейное представление зоны ближайшего развития, а, следовательно, и соотношения между обучением и развитием. Стало очевидным, что различные психолого-педагогические школы намереваются вести ребенка из одной и той же точки актуального развития в разные стороны, используя для этого свои специфические образовательные технологии. Но одного и того же ребенка нельзя одновременно вести и налево, и направо» [11, с.69-70].

«Между тем вопрос о достоинствах той или иной технологии РО или о совместимости лучших элементов разных технологий корректно ставить лишь там, где избранные на *ценностных* основаниях направления развития в основном совпадают» [12, с.79-80].

Многолетний генетико-моделирующий эксперимент, способствующий решению широкого класса теоретических и практических задач, был последовательно и осмысленно проведен Д.Б. Элькониним и В.В. Давыдовым. Однако Г.А. Цукерман отмеча-

ет, что теоретический анализ предметности учебной деятельности младших школьников, проделанный В.В. Давыдовым, так полно и цельно разрешил целый пласт вековых психолого-педагогических проблем, что немедленно обнажился гигантский пласт вопросов и не только нерешенных, но и не заданных [9].

Так, например, «когда обсуждается какая-либо система развивающего обучения или образования, принято указывать, развитие каких именно способностей ребенка берется обеспечить эта система. Не принято, однако, задаваться вопросом, чего данная система обучения не может развить, развитию каких возрастных потенций она препятствует. Ставя вопрос таким образом, – продолжает Г.А. Цукерман, – я хочу акцентировать опасность и ответственность выбора направления развития, который взрослые делают за ребенка, помещая его в то или иное учебное заведение, т. е. предлагая ему совершенно определенный (заметьте: определенный не ребенком) предмет совместной деятельности и столь же определенный тип учебных взаимоотношений» [11, с.69].

По мнению Г.А. Цукерман, обучение всегда вносит в развитие асимметрию, поддерживая в большей или меньшей степени одни возрастные возможности детей и оставляя без поддержки другие. Например, доминантой традиционной системы обучения является сообщение знаний в готовом виде и трансляция готовых образцов действия, требующих репродукции как можно более точной и полной. Это не означает, что традиционный педагог никогда не помогает детям в порождении и реализации их собственных замыслов, в самостоятельном поиске решения новой задачи. Однако это случается значительно реже, менее системно и целенаправленно. В большинстве случаев педагог, реализуя на уроке свой замысел, оставляет ученикам роль исполнителей, более или менее успешно воспроизводящих образцы учительского действия. Означает ли это, что традиционное обучение не является развивающим? Нет, оно лучше, чем какая-либо другая система образования развивает способность произвольно действовать по готовым образцам, правилам и инструкциям, ограничивая развитие способности действовать по собственному замыслу.

У других образовательных систем – другие доминанты. В системе Эльконина – Давыдова педагог стремится не сообщать знания в готовом виде, а помогать ученикам, самостоятельно ищущим новые способы и средства действия. Это не означает, что педагог, работающий в этой системе, никогда не сообщает знаний в готовом виде и не требует воспроизводства готовых образцов. К примеру, после того как дети выводят принципы построения таблицы умножения, им предстоит выучить ее наизусть. Речь идет именно о доминанте, о преобладающем в каждой образовательной системе виде помощи незнающему и неумелому ребенку. Образовательная система Эльконина–Давыдова известна под именем «система развивающего обучения», но это – житейское, рекламное название системы, развивающей рефлексивные способности детей и умение учиться – выходить за границы своих знаний и умений

в поиске новых способов действия. Развивает ли эта система образования способность произвольно действовать по правилу и инструкции, заданной в готовом виде? Да, но хуже, чем традиционная система образования. Основание выбора системы образования – это *иерархия ценностей* того, кто выбирает для ребенка систему образования [10, с.17-18].

Таким образом, любая образовательная система одновременно способствует и препятствует психическому развитию ребенка, поскольку, усиливая одну из возможных потенций возрастного развития, образовательная система неизбежно ослабляет, порой даже блокирует противоположные тенденции. (К примеру, система образования, развивающая творческие способности детей, не может не блокировать исполнительские тенденции поведения.) [10, с.19].

Разные варианты построения образования задают и разные векторы развития; выбор той или иной системы РО – это выбор ценностный, т. е. не обсуждаемый в научных понятиях истинности-ложности [12, с.79].

В.В. Давыдов настаивал на том, что подлинно развивающее образование само должно быть развивающимся – это его нормальное состояние. Развивающимся не только в историческом времени социокультурных изменений, но и в «оргпространстве» конкретного учебно-воспитательного учреждения. Кроме того, для системы развивающего образования нормой является ситуация, когда не только способы и инструменты реализации этих идей, но и сами они становятся открытыми для проблематизации и переконструирования [1]. Таким образом, В.В. Давыдов видел развивающее обучение как открытую развивающуюся систему. Его последователи в сегодняшнем историческом времени социокультурных изменений сохранили, помогли увидеть по-новому, развили теоретические и практические основы развивающего обучения.

Десятилетний лонгитюдный эксперимент, проведенный Г.А. Цукерман [12] и ее коллегами, позволил получить строгие доказательства того, что система Эльконина-Давыдова действительно:

- развивает теоретическое мышление (овладение общими способами действия, позволяющими решать широкие классы задач);
- существенно повышает уровень рефлексивного развития школьников в совместно-распределенных формах обучения;
- обеспечивает становление учебной самостоятельности (или умения учиться). Что такое учебная самостоятельность или умение учиться? Это основная цель образования XXI века.

В ходе эксперимента также было установлено, что:

- основные новообразования, специфичные для этой системы обучения (рефлексия, умение учиться или учебная самостоятельность, способность понимать чужую точку зрения), тесно связаны с установкой ученика на *поисковую активность*, которая специально культивируется педагогами. Такая активность является *поведенческим* проявлением учебной самостоятельности

школьников на уровне интерпсихического действия.

- в поисковой активности соединены две человеческих способности: способность преодолевать собственную ограниченность, выходить за пределы своего наличного опыта (трансцендировать) и способность действовать разумно, видеть основания своего действия (рефлексировать). По-видимому, связь между поисковой активностью и рефлексивным развитием ребенка двусторонняя: направленность на поиск способствует развитию рефлексивного мышления и, в свою очередь, стимулируется им.

- динамика поисковой активности класса и каждого ученика является педагогически управляемой; установка на поисковую активность поддается целенаправленному формированию.

Представляется уместным привести здесь цитату из работы Г.А. Цукерман: «Подводя итоги первого десятилетия генетико-моделирующих экспериментов в классах, Д.Б. Эльконин писал: «Мы нашли ключ к проблеме РО в младшем школьном возрасте. Этот ключ – содержание обучения». Развивая метафору Эльконина и подводя итоги начатых им полувековых экспериментов, можно добавить: мы нашли и потайную дверцу, к которой подходит этот ключ, – **совместный поиск** (выделено Г.А.Ц.) способов действия, общих и для класса задач, и для класса как учебного сообщества детей» [12, с.88].

Причины, приведшие в начале 90-х годов прошлого века к невозможности широкого и стабильного внедрения РО Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова в систему школьного образования, многоплановы, поэтому они стали предметом интенсивного осмысления учеными на протяжении многих лет.

Система Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова не могла долгое время получить социального признания и оставалась чисто академическим исследованием возрастных возможностей детей младшего школьного возраста, поскольку «по своим ценностным установкам эта образовательная система была в сущности диссидентской, ибо противоречила социальному заказу государства и, более того, стремилась развить в своих питомцах качества, опасные и неудобные в советском обществе: самостоятельность суждений и поступков, независимость от авторитетов, критичность по отношению к своим и чужим действиям, инициативность в постановке новых задач, способность и склонность к преобразованию сложившихся способов действия, если они входят в противоречие с новыми условиями действия» [11, с.69].

Общеобразовательная школа того времени выполняла социальный заказ общества: готовить специалистов, необходимых только в данный момент; приоритетной являлась модель педагогического стиля учителя, ориентированного прежде всего на содержание учебного предмета, на соответствие принятым стандартам подготовленности школьников к поступлению в определенный вуз или к получению престижной работы, обеспечивающей желаемый образ жизни. Однако образование, по мнению Л.М. Митиной, призвано опережать другие сферы общественной жизни

человека и быть фактором развития общества. Именно в кризисный период необходимо целенаправленно внедрять развивающие технологии, и тогда общество быстрее выйдет из кризиса, а человек будет готов к разного рода самоизменениям [2].

В настоящее время в контексте требований новых образовательных стандартов изучение многолетнего опыта РО Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова представляется крайне актуальным. Широкое внедрение РО, построенного на концепции УД, в практику начальной школы и в процесс подготовки учителя в вузе может, на наш взгляд, в значительной степени способствовать созданию качественно новой системы российского образования.

Обеспечить развивающий характер обучения может, по нашему мнению, учитель, у которого сформирована готовность (компетенции):

- формировать и развивать субъектную позицию ученика в учебно-познавательной деятельности;
- рассматривать обучение как активный процесс познания, в котором усвоение знаний, умений и способов деятельности формируется в процессе собственной активной, творческой деятельности ученика;
- применять формы, методы, приемы обучения, которые обеспечивают и развивают активную умственную и практическую деятельность учащихся, способствуют их переходу от деятельности исполнительской к деятельности поисковой, творческой;
- рационально использовать возможности образовательной среды для формирования универсальных видов учебной деятельности школьника;
- создавать на основе диалога в совместной деятельности учителя и учащихся, а также самих учащихся атмосферу сотрудничества, сотворчества, активности, инициативности, самостоятельности;
- владеть способами психолого-педагогической поддержки и сопровождения с учетом возрастных и индивидуальных особенностей младших школьников [6, с.102].

В.Т. Кудрявцев отмечает, что «В.В. Давыдов неоднократно возражал против широкомасштабной экспансии разработок своего коллектива в «готовое», сложившееся образовательное пространство. Ведь коллектив Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова занимался созданием **действующего образца массовой школы ближайшего будущего** (выделено В.Т.К.), а не усовершенствованием конструкции существующей массовой школы, адаптированной к наличным социально-экономическим условиям. Когда В.В. Давыдов критикует систему Л.В. Занкова за приверженность принципам традиционной дидактики, нужно учитывать, что она как раз и обеспечивает такое усовершенствование (справляясь с этой задачей блестяще), т. е. изначально **не совпадает** с системой РО по **целям** и даже по **предмету** экспериментальной образовательной работы» [1, с.60-61].

Выбор желательных направлений развития будущего поколения определяется обществом в лице тех или иных социальных групп, т. е. является социальным заказом общества. ФГОС являются отражением социального заказа. ФГОС НОО второго поколения одним из основных требований предъявляет формирование у младших школьников умения учиться. Это означает, что настало время создания действующей массовой школы «ближайшего будущего» для В.В. Давыдова и настоящего для нас, школы РО Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова и их последователей. Становление учебной самостоятельности младшего школьника (или умение учиться) стало не просто привычным лозунгом, а реальной необходимостью и основной целью образования XXI века. Это диктует необходимость подготовки компетентных учителей, способных и готовых реализовывать РО младших школьников, построенное на теории учебной деятельности, готовых к воплощению в жизнь развивающего потенциала образовательных стандартов нового поколения.

Библиографический список

1. Кудрявцев В.Т. Преемственность ступеней развивающего образования: замысел В.В. Давыдова // Вопросы психологии. 1998. № 5. С. 59-68.
2. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях. // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 28-38.
3. Образцов П.И., Смагина Т.И. Формирование компетенций выпускника вуза – бакалавра по направлению «педагогическое образование» // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы международной научно-практической конференции. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 114-116.
4. Образцов П.И. Основы профессиональной дидактики. Учебное пособие. Орел: ООО «Горизонт», 2013. 330 с.
5. Образцов П.И., Смагина Т.И. Компетентный подход к формированию модели выпускника вуза – бакалавра по направлению «Педагогическое образование» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3. Ч. 2. С. 225-235.
6. Смагина Т.И. Деятельностный подход как основа формирования готовности бакалавров педобразования к развивающему обучению младших школьников иностранному языку. // Научные труды Всероссийской заочной научно-практической интернет-конференции «Совершенствование дополнительного профессионального образования в условиях перехода на федеральные государственные требования». Под науч. ред. П.И. Образцова. Орел: Изд-во ОГУ, ООО «Горизонт», 2012. С. 101 – 105.
7. Смагина Т.И. Исследование проблемы соотношения обучения и развития в трудах Л.С. Выготского в контексте реализации ФГОС НОО и ФГОС ВПО. // Опыт реализации ФГОС в образовательных учреждениях: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Сибай: Изд-во ГУП РБ «СГТ», 2014. 148 с.
8. Смагина Т.И. К вопросу о формировании готовности бакалавра – будущего учителя к реализации функций развивающего начального обучения. // Профессионально-личностное развитие преподавателя и студента: традиции, проблемы, перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. С. 108-113.
9. Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. Томск: «Пеленг», 1993. 268 с.

10. *Цукерман Г.А.* Развивающее обучение. // Психологический журнал Междунар. унив. природы, общества и человека «Дубна» 2013, № 1 С. 1-22. Режим доступа к изд.: <http://www.psyanima>.
11. *Цукерман Г.А.* Что развивает и чего не развивает учебная деятельность младших школьников? // Вопросы психологии 1998. №5. С.68-82
12. *Цукерман Г.А., Венгер А.Л.* Развитие учебной самостоятельности средствами школьного образования. // Психологическая наука и образование. 2010, № 4. С. 77 – 90.

References

1. *Kudryavtsev V.T.* Succession of the stages of developmental education: V.V. Davydov's concept // Questions of psychology. 1998. № 5. Pp. 59-68.
 2. *Mitina L.M.* Personal and professional development of the individual in the new socio-economic conditions. // Questions of psychology. 1997. № 4. Pp. 28-38.
 3. *Obraztsov P.I., Smagina T.I.* Formation of the competences of the graduate – Bachelor's degree in the field of "pedagogical education" / P.I. Obraztsov, T.I. Smagina // Teaching experience: theory, methodology, practice: Proceedings of the international scientific and practical Conference. Cheboksary: CSC "Interactive plus", 2014. Pp. 114-116.
 4. *Obraztsov P.I.* Fundamentals of professional didactics. Textbook / P.I. Obraztsov. Orel: LLC "Horizon", 2013. 330 p.
 5. *Obraztsov P.I., Smagina T.I.* Competence approach to the formation of a model of the graduate – Bachelor in "Pedagogical education" // Proceedings of the TSU. Humanities. 2013. Is. 3. Part 2. Pp. 225-235.
 6. *Smagina T.I.* Activity approach as a basis for forming readiness of Bachelors of pedagogical education to developmental teaching of junior pupils to a foreign language. // Proceedings of the All-Russia correspondence scientific and practical Internet conference "Improving the additional professional education in the transition to the federal government requirements"/ Ed. by P.I. Obraztsov. Orel: OSU, LLC "Horizon", 2012. Pp. 101-105.
 7. *Smagina T.I.* Study of the problem of correlation of teaching and development in the works by L.S. Vygotsky in the context of FSES PGE and FSES HPE. // Experience in implementing FSES in educational institutions: Materials of II Russian Scientific-Practical Conference. Sibai: SEI RB "SST", 2014. 148 p.
 8. *Smagina T.I.* On the formation of readiness of a bachelor - the future teacher to implement the functions of developmental primary education. // Professional-personal development of the teacher and the student: traditions, problems and prospects: Materials of the II All-Russian scientific-practical conference. Tambov: TRPO "Business Science-Society", 2014. Pp. 108-113.
 9. *Zuckerman G.A.* Types of communication in education. Tomsk: "Peleng", 1993. 268 p.
 10. *Zuckerman G.A.* Developmental teaching. // Psychological Journal of International University of Nature, Society and Man "Dubna" 2013, № 1 Pp. 1-22. Access mode: <http://www.psyanima>.
 11. *Zuckerman G.A.* What develops and what does not develop educational activity of junior pupils? // Questions of psychology. 1998. №5. Pp.68-82
 12. *Zuckerman G.A., Wenger A.L.* Development of educational autonomy by means of education. // Psychological Science and Education. 2010, № 4. Pp. 77 – 90.
-
-

О.В. ПОПКОВА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра иностранных языков профессиональной коммуникации, Владимирский государственный университет
E-mail: ovaks@yandex.ru

O.V. POPKOVA

Candidate of History, Associate Professor, Department of foreign languages of professional communication, Vladimir State University
E-mail: ovaks@yandex.ru

**РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО СОЗДАНИЮ ПРЕЗЕНТАЦИЙ
В ФОРМАТЕ MICROSOFT POWERPOINT В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВОЙ
И ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ**

**THE ROLE OF STUDENTS' SELF-GUIDED WORK THROUGH CREATION OF POWERPOINT PRESENTATIONS
IN THE DEVELOPMENT OF THEIR LINGUISTIC AND INFORMATIONAL COMPETENCE**

В статье описаны преимущества и недостатки самостоятельной работы студентов по созданию презентаций в формате PowerPoint для развития их языковой и информационной компетенции. Достоинства данного вида работы преобладают над недостатками и заключаются в развитии навыков анализа информации, научно-исследовательской деятельности, письма, говорения и аудирования, повышении мотивации изучения английского языка.

Ключевые слова: самостоятельная работа, презентация PowerPoint, информация, мотивация, обучение иностранным языкам.

The article describes the advantages and disadvantages of students' self-guided work through creation of PowerPoint presentations for the development of their linguistic and informational competence. The merits of this kind of work prevail over the demerits and include the development of information analysis, scientific research activities, writing, speaking and listening comprehension skills, increasing motivation of studying English.

Keywords: self-guided work, PowerPoint presentation, information, motivation, teaching foreign languages.

В статье предпринята попытка выявить и систематизировать преимущества и недостатки самостоятельной работы студентов по созданию презентаций в формате Microsoft Powerpoint для развития их языковой и информационной компетенции. Актуальность данного исследования вызвана широким использованием компьютерных технологий в обучении иностранным языкам в высших учебных заведениях и недостаточным освещением в современной отечественной литературе такого аспекта самостоятельной работы студентов, как создание презентаций.

Существование программы PowerPoint и простота ее использования позволяет преподавателям и студентам самим включиться в процесс создания компьютерных обучающих средств по иностранным языкам. PowerPoint дает пользователям возможность создать электронную презентацию слайдов, в которой можно объединить текст, иллюстрации, фотографии, аудио- и видеоматериалы, таблицы, графики, диаграммы. «Данная программа предоставляет обширный и простой в использовании технический инструментарий, который условно можно разделить на две группы: для эффективной и экономичной во времени подготовки презентации и для эффектного ее представления за счет разных возможностей управления ходом показа слайдов» [1, с. 38].

Создание студентами компьютерных презентаций, как и другие виды самостоятельной работы, организуется самими учащимися в силу их внутренних познавательных мотивов, осуществляется в наиболее удобное, с их точки зрения, время, контролируется самими студентами в процессе и по результату, осуществляется «на основе опосредованного, системного, гибкого управления со стороны преподавателя» [3, с. 113]. Самостоятельная работа по созданию презентации требует от студента придания учебной задаче личного смысла, подчинения выполнению этой задачи других интересов и форм занятости, «самодисциплины, личной ответственности и должно приносить студенту удовлетворение в самосовершенствовании и самопознании» [8, с. 7]. Работа над компьютерной презентацией дает студенту возможность погрузиться в учебную среду и самостоятельно ориентироваться в ней.

На первоначальном этапе подготовки презентации студент осуществляет поиск, анализ и отбор информационных ресурсов, которые ему предоставляет глобальная компьютерная сеть Интернет. При этом повышается активность познавательной деятельности, улучшается способность анализировать материал. Ведь качество многих ресурсов сети Интернет оставляет желать лучшего: «можно найти массу материала на иностранном языке, в котором присутствуют грамматические, орфографи-

ческие, лексические ошибки... Работа с ресурсами подобного качества будет требовать от учащихся развития специальных умений, включая умение наблюдать, распознавать и критически анализировать материал» [7, с. 26]. В ходе работы по созданию комплекта слайдов студенты учатся оценивать полноту, достоверность, новизну, информационную и культуроведческую ценность сведений, представленных на Интернет-сайтах, а также отбирать значимую информацию. «Несомненным преимуществом использования компьютерных технологий является перенос акцента с вербальных методов обучения на методы поисковой и творческой деятельности» [6]. Таким образом, самостоятельная работа студентов над презентациями способствует развитию у них навыков научно-исследовательской работы. Обучение в данном случае происходит как процесс умственного развития.

Если студент пользуется англоязычными ресурсами, то у него совершенствуются навыки чтения иностранных текстов, словарный запас пополняется лексикой современного английского языка, формируется устойчивая мотивация иноязычной деятельности, развивается умение самостоятельно извлекать из иноязычного текста смысловую информацию различных видов (основную, второстепенную и уточняющую), вырабатывается собственный стиль иноязычной интеллектуальной деятельности.

Если студент использует русскоязычные ресурсы, то на этапе создания презентации у него формируются лексические и грамматические навыки перевода, происходит овладение навыками редактирования перевода с использованием систем машинного перевода, совершенствуются навыки письменной речи на английском языке.

В ходе оформления презентации студенты совершенствуют умения и навыки синтеза, классификации и систематизации иноязычной информации. «Знания, полученные самостоятельно усваиваются прочнее, чем переданные в готовом виде преподавателем. В ходе самостоятельной работы каждый обучаемый непосредственно соприкасается с изучаемым материалом, концентрирует на нем свое внимание, мобилизуя все резервы интеллектуального, эмоционального и волевого характера» [4, с. 119]. Во время создания эстетичной, красиво оформленной презентации на английском языке студенты используют язык продуктивно и с удовольствием.

Учащиеся применяют Интернет в качестве источника аутентичных текстов, фотографий, иллюстраций и других материалов, что предоставляет студентам возможность улучшить свои языковые навыки и речевые умения. «Также данный ресурс повышает их уверенность в использовании языка как средства получения и обработки информации и общения, так как при успешной организации работы с подобным источником учащиеся осознают сложность выполненной ими задачи в отличие от учебных, искусственно создаваемых ситуаций» [5].

Включение показа презентаций в практические

занятия по английскому языку вносит разнообразие, оживляет процесс обучения, увеличивает эмоциональное воздействие на студентов, создает комфортную среду обучения, помогает сформировать модель реального общения. Демонстрация комплекта слайдов, созданного студентами самостоятельно, содействует развитию у учащихся «коммуникативных умений представлять и обсуждать результаты работы с ресурсами сети Интернет» [7]. Демонстрация собственного комплекта слайдов, который служит опорой для выступления, позволяет снять трудности в процессе монологического высказывания.

Преимущество презентаций PowerPoint заключается в возможности сочетания аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов. Показ презентаций на занятиях по иностранному языку положительно сказывается на развитии языковой и информационной компетенции не только авторов презентаций, но и тех студентов, которые просматривают слайды. Визуальная насыщенность презентации (иллюстрации, фотографии, схемы, диаграммы, графические композиции) усиливает эффективность восприятия и запоминания учебного материала учащимися в процессе аудирования. При этом осуществляется одновременное запоминание учебного материала визуально, на слух при комментировании студентом-автором презентации, а также ассоциативно через воспроизводимые на экране изображения.

Несмотря на все достоинства самостоятельного создания презентаций студентами, опыт показывает, что данный вид работы имеет и свои недостатки. При подготовке презентации некоторые студенты слишком увлекаются графикой и анимацией, уделяя меньше внимания содержательной стороне. Чрезмерное использование графики, причудливых шрифтов, разных цветов, неуместных иллюстраций, большое количество объектов на одном слайде отвлекает слушателей от содержания презентации. Слишком сложные грамматические структуры, отсутствие выделения ключевых слов и фраз, нечитаемый мелкий шрифт, обилие неизвестных большей части аудитории иностранных слов, неправильное произношение, отсутствие поэтапности и логики в изложении затрудняют восприятие материала. Зачастую студенты размещают весь текст выступления на слайдах и прочитывают его во время выступления, вместо того чтобы разговаривать с аудиторией. В этом случае не развиваются навыки разговорной речи на иностранном языке.

Рассматривая самостоятельную работу студентов по созданию презентаций, нельзя не затронуть вопрос об объеме учебных занятий, который следует отводить для использования электронных средств обучения. Просить студентов разработать комплект слайдов следует не ко всем занятиям, а только в тех случаях, когда тема урока предполагает использование большого количества иллюстративного материала. Наиболее охотно студенты создают презентации по темам «Мои увлечения», «Студенческая жизнь», «Общие черты и

особенности национальных культур», «Путешествия», «Достопримечательности страны изучаемого языка». На факультете информационных технологий во Владимирском государственном университете в течение семестра примерно 20% учебного времени от общего объема занятий по английскому языку отводится на занятия, на которых студенты демонстрируют собственные презентации.

На кафедре иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета практикуется ежегодное проведение конкурса студенческих презентаций на английском языке. Первый этап конкурса проходит в академических группах, где отбирают наиболее удачные комплекты слайдов. При этом оценивается соответствие презентации заявленной теме, грамотность изложения материала, оформление и представление презентации. По характеру представляемой информации, как правило, выше всего оцениваются комбинированные презентации, сочетающие текстовые, иллюстративные и аудио-видео материалы. Тем не менее впечатление от отличной по оформлению и содержанию презентации может сильно испортить ее некачественное представление: неспособность комментировать слайды презентации без постоянной опоры на текст, невнятное, чересчур быстрое или, напротив, слишком медленное чтение комментариев к слайдам, неправильное произношение слов.

Нередко студенты создают совместные проекты, объединившись в группы по 2-3 человека. Студентам предоставляется возможность самостоятельно определиться с составом группы. Работа над совместным проектом развивает навыки сотрудничества, ведения диалога с сокурсниками в коллективной творческой деятельности. Презентационная компьютерная программа обеспечивает возможности предметного общения на иностранном языке внутри группы студентов. При работе над групповым проектом распределение функций каждого члена группы, критерии итоговой оценки ого-

вариваются и согласуются с учетом пожеланий учащихся. Нередко групповые презентации оказываются наиболее качественными по содержанию, оформлению и представлению, поскольку каждый из студентов несет ответственность за тот участок работы, выполнить который ему интереснее и проще. Презентации, вызвавшие наибольший интерес, становятся стимулом спонтанной дискуссии в студенческой аудитории.

Впоследствии работы, прошедшие отборочный тур в академических группах, участвуют в общеуниверситетском конкурсе студенческих презентаций, к которому большинство учащихся относится с большим интересом. Самостоятельное создание презентаций студентами с их последующей демонстрацией в аудитории помогает разнообразить и сделать более увлекательными и зрелищными занятия, которые проводятся по типовым учебным пособиям, способствует интенсификации процесса обучения и динамизации темпа ведения урока, повышает мотивацию студентов к овладению английским языком.

Подводя итоги, следует отметить, что достоинства самостоятельной работы студентов по созданию презентаций на английском языке превалируют над недостатками данного вида работы. Создание комплектов слайдов с последующей их демонстрацией в ходе практических занятий вовлекает учащихся в активный, творческий, самостоятельный процесс обучения, позволяет перейти от внешней мотивации обучения к внутренней нравственно-волевой регуляции, воспитывает информационную культуру и научное мировоззрение, умение организовать самостоятельную и групповую работу. Создание презентаций способствует развитию у учащихся навыков письма, говорения и аудирования, повышению их информационной культуры, расширяет языковую и социокультурную компетенцию студентов, повышает их самооценку и мотивацию изучения английского языка, позволяет индивидуализировать процесс обучения.

Библиографический список

1. *Беляева Л.А.* Презентация PowerPoint и ее возможности при обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2008. №4. С. 36-41.
2. *Денисова Ж.А.* Мультимедийная презентация языкового материала как методический прием // Иностранные языки в школе. 2008. №3. С. 20-27.
3. *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. М: Просвещение, 1991. 222 с.
4. *Зубов А.В., Зубова И.И.* Методика применения информационных технологий в обучении иностранным языкам: учебное пособие. М.: Академия, 2009. 144 с.
5. *Козлова В.А.* Использование информационных технологий в обучении английскому языку // Методисты. Профессиональное сообщество педагогов.
6. *Резинькова С.В.* Использование компьютерных презентаций на уроках английского языка // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». festival.1september.ru/articles/605335/
7. *Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.* Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий: учебно-методическое пособие для учителей, аспирантов и студентов. М.: Глосса-пресс, Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 182 с.
8. *Цатурова И.А., Петухова А.А.* Компьютерные технологии в обучении иностранным языкам: учебно-методическое пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2004. 96 с.

References

1. *Belyaeva L.A.* PowerPoint presentation and its possibilities in teaching foreign languages // Foreign languages at school. 2008. №4. Pp. 36-41.
 2. *Denisova Zh.A.* Multimedia presentation of language material as a methodical technique // Foreign languages at school. 2008. №3. Pp. 20-27.
 3. *Zimnyaya I.A.* Psychology of teaching foreign languages at school. M.: Prosvescheniye, 1991. 222 p.
 4. *Zubov A.V., Zubova I.I.* Methods of information technologies application in teaching foreign languages: study guide. M.: Academiya, 2009. 144 p.
 5. *Kozlova V.A.* The use of information technologies in teaching English // Methodologists. The professional community of educators. metodisty.ru/m/gnews/ispolzovanie_ikt_na_urokah_angliiskogo_yazyka
 6. *Rezinkova S.V.* The use of computer presentations at the lessons of English // Festival of pedagogical ideas. "A model lesson". festival.1september.ru
 7. *Sysoyev P.V., Yevstigneev M.N.* Methods of teaching a foreign language with the use of new information and communication Internet-technologies: study guide for teachers, post-graduate and undergraduate students. M.: Glossa-press, Rostov-on-the-Don: Feniks, 2010. 182 p.
 8. *Tsaturova I.A., Petuhova A.A.* Computer technologies in teaching foreign languages: study guide for higher educational institutions. M.: Vysshaya shkola, 2004. 96 p.
-

И.Р. РЫБИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра философии, истории и права, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: irina-bolhov@rambler.ru

I.R. RYBINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Financial University at the Government of the RF
E-mail: irina-bolhov@rambler.ru

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ»

THE ESSENCE OF THE TERM «THE HEALTHKEEPING COMPETENCE»

В статье рассматривается наиболее важный аспект сохранения здоровья учащихся – формирование здоровьесберегающей компетентности на уроке как способа сохранения и укрепления здоровья. Для определения её сущности и структуры автор рассматривает основные понятия педагогики здоровьесбережения. В статье определяется их взаимосвязь, даётся их дидактическое толкование. В научный оборот вводится понятие «здоровьесберегающая компетентность» как интегративная личностная характеристика.

Ключевые слова: здоровьесберегающая компетентность, педагогика здоровьесбережения, здоровьесберегающее обучение, культура здоровья, здоровьесберегающий учебный процесс, здоровьесберегающий урок.

The article under consideration contains the most important aspect of preservation of the students' health – the formation of the healthkeeping competence at a lesson as a way of preservation and strengthening of health. For the definition of its essence and structure the author considers the basic terms of pedagogics of healthkeeping. Their correlation is defined and the didactic interpretation is given in the article. The term «the healthkeeping competence» is introduced into the scientific circulation as the integrative personal characteristic.

Keywords: healthkeeping competence, pedagogics of healthkeeping, healthkeeping teaching, the culture of health, the healthkeeping educational process, the healthkeeping lesson.

Установка на здоровье и здоровый образ жизни не появляется у человека сама собой, а формируется в результате определённого педагогического воздействия, вот почему в структуре здоровьесберегающего обеспечения жизнедеятельности важное значение приобретает педагогический компонент, сущность которого, по мнению И.И. Брехмана, состоит в обучении здоровью с самого раннего возраста. Э.М. Казин и Н.А. Заруба также указывают на исключительную эффективность воздействия именно педагогическими средствами на формирование, сохранение и укрепление здоровья человека [3].

Акцентируем внимание на некоторых рекомендациях, способствующих регуляции физического и психического состояния обучающихся, которые были разработаны учёными за последние 20 лет:

- повышать общую культуру и обучать различным приёмам саморазвития;
- соблюдать общие гигиенические нормы учебной деятельности;
- совершенствовать формы проверки знаний учащихся;
- тренировать у учащихся память, развивать их способности;
- формировать опыт личностной активности;
- оказывать эмоциональную поддержку, обучать умениям раскрывать свои внутренние резервы и др.

Ключевым понятием исследования, которое не

имеет до сих пор чёткого определения, является «здоровьесберегающая компетентность», что предполагает раскрытие его содержания. В контексте изучаемой проблемы для определения сущности данного феномена нами были привлечены понятия педагогики здоровьесбережения: здоровьесберегающее обучение, культура здоровья, здоровьесберегающий учебный процесс, здоровьесберегающие знания, здоровьесберегающий урок, здоровьесберегающая стратегия педагогической деятельности.

Здоровьесберегающее обучение должно формировать у учащихся активную жизненную позицию. Необходим переход от самодостаточности знаний в области человеческих ценностей к соответствующему этим ценностям образу жизни. Здесь следует учесть, что знания, которые получает человек, не всегда тождественны его убеждениям и образу жизни, который он ведёт. Отметим, что мы стоим лишь на пороге подлинного развития здоровьесберегающего обучения в стране. Становится очевидным, что для этого нужна перемена ценностного стереотипа современного общества и общественного сознания.

Н.И. Чуктурова рассматривает здоровьесберегающее обучение и как процесс формирования знаний о закономерностях становления, сохранения и развития здоровья человека, и как процесс овладения умениями сохранения и совершенствования личного здоровья,

оценки формирующих его факторов, усвоения знаний о здоровом образе жизни и умений его построения, освоения методов и средств ведения работы по пропаганде здоровья и здорового образа жизни [13, С. 55].

Следует обратить внимание на то, что выход в сферу практических действий накладывает на процесс здоровьесберегающего обучения ряд требований. Среди них наиболее важное – смена натуралистического подхода на системно-аксиологический. Конечно, натуралистический подход имеет большие преимущества в исследовательской работе с материалом «неживой природы» и узаконил за четыре века своего существования принцип «простоты» исследования и как следствие – «простоты» законов природы. Но здоровьесбережение в качестве предмета исследования имеет индивидуальное здоровье, которое рассматривается на различных уровнях, поэтому работа в натуралистическом подходе чрезмерно переупрощает реальность. В натуралистическом подходе мы не можем определить, например, сущность влияния творческой активности человека на состояние его здоровья. Основные принципы здоровьесберегающего обучения в рамках системно-аксиологического подхода в отличие от натуралистического отражены в табл. 1.

Таблица 1.

Принципы здоровьесберегающего обучения

Системно-аксиологический подход	Натуралистический подход
Инновационное обучение	Традиционное
Интенсивное	(предметное) обучение
Методологическое	Экстенсивное
Деятельностно-ориентированное	Научно-предметное
Программно-ориентированное	Объективно-ориентированное
Проблемно-ориентированное	Исследовательски-ориентированное
Историко-культурное	Задачно-ориентированное
Рефлексивно-ориентированное	Современно-ситуационное
Герменевтическое (понимающее)	Нерефлектирующее «Знающее»
Непрерывное и открытое	Фиксированное по времени и предметам

Э.Н. Вайнер утверждает, что результатом здоровьесберегающего обучения должна стать культура здоровья школьника [3]. Она предполагает знание им своих гигиенических, физиологических и психологических возможностей, методов и средств контроля, сохранения и развития своего здоровья, умения распространять здоровьесберегающие знания на окружающих.

Под здоровьесберегающими знаниями Н.Б. Захаревич понимает системно-интегративный комплекс, в который входят знания из различных областей наук, способствующие становлению индивидуального здоровья человека с учётом его возрастных особенностей, направленные на формирование индивидуальной философии здоровья [6, С. 69-70].

Л.Г. Татарникова акцентирует внимание на том, что содержание основных предметов школьного курса надо обогащать первоначальными знаниями о здоровом об-

разе жизни, путях и средствах достижения гармонии человека с собой, окружающим миром, другими людьми [11, С. 232].

Здоровьесберегающий учебный процесс на уроке рассматривается как процесс, который направлен на сохранение, укрепление и развитие здоровья школьников, требующий специальных условий. Его осуществление связано, в первую очередь, с изменением отношения к здоровью.

Исследования А.А. Ухтомского являются основой представлений о доминанте. Они получили развитие в трудах И.А. Аршавского, который показал роль принципа доминанты в психофизиологических основах обучения [1].

Для организации здоровьесберегающего учебного процесса применение принципа доминанты может быть очень эффективным. Акцентируем внимание на следующих теоретических положениях:

1. Доминанта возникает благодаря рождению в мозге в результате процессов восприятия некоего психического образа – цели, которая предусматривает конечный результат поведения (А.А. Ухтомский).

2. Доминанта является определителем поведения, а не только физиологическим механизмом (И.А. Аршавский).

3. При реализации доминанты, которая ведёт к достижению цели, организм отбирает только те раздражения, которые поддерживают эту доминанту. С угасанием доминанты нервные центры, находящиеся в центре постоянного возбуждения, переходят в состояние торможения, повышаются адаптивные возможности (И.А. Аршавский) [2].

4. В педагогике здоровья Л.Г. Татарникова считает доминанту ключом, который определяет зависимость формирования здоровья от условий работы учителя и учащегося в школе [11].

По мнению Н.Б. Захаревич, «создать доминанту, которая будет реализовываться в деятельности, реально только в результате специально организованного обучения, в процессе которого будут раскрываться возможности каждого участника педагогического процесса» [6, С. 43-44].

Л.Г. Татарникова отмечает главные направления организации здоровьесберегающего учебного процесса:

1. формирование здоровьесберегающего мышления детей, учителей;

2. структурирование учебного процесса на основе доминанты;

3. введение в учебный процесс здоровьесберегающих технологий;

4. введение здоровьесберегающего анализа уроков и здоровьесберегающей экспертизы учебного процесса;

5. осуществление опытно-экспериментальной работы на здоровьесберегающей основе и др. [11, С. 237].

Автор отмечает, что здоровьесбережение как направление в учебном процессе предусматривает проведение на уроках арттерапии, музыкотерапии, данстерапии, ароматерапии, эстетотерапии, ритмопе-

дии и др.; использование бинарных уроков; создание стартовых условий для каждого ребёнка; личностно-ориентированное образование школьников [11].

Вышеперечисленные положения играют большую роль в организации здоровьесберегающего учебного процесса, но, на наш взгляд, требуют специальных действий по их применению на практике.

Следует отметить, что надо, прежде всего, развивать мотивацию, создавать условия для приобретения новых качеств, необходимых для того, чтобы человек здравотворил самого себя.

Е.А. Дегтерев и Ю.Н. Синицын [5, С. 115] сформулировали педагогические условия формирования здоровой личности в образовательном пространстве:

- наличие определённой системы диагностики здоровья учащихся;
- формирование знаний для сохранения и укрепления здоровья;
- обеспечение здоровьесберегающей пространственной среды для организации учебной деятельности;
- наличие эмоционально-положительной установки на формирование потребности в здоровом образе и стиле жизни учащихся и педагогов;
- практическая включённость всех участников учебного процесса в оздоровительную деятельность;
- наличие единых педагогических требований в системе «ученик-учитель-родитель» по организации здорового образа жизни учащихся;
- высокий уровень активности обучающихся в учебной работе.

Организация здоровьесберегающего учебного процесса предполагает специально продуманные действия, реализуемые поэтапно. В.И. Ковалько отмечает [8, С. 17], что весь процесс обучения в условиях здоровьесберегающей педагогики включает в себя три этапа:

1. Этап начального ознакомления с основными понятиями и представлениями (цель – сформировать у ученика основы здорового образа жизни и добиться выполнения элементарных правил здоровьесбережения).
2. Этап углубленного изучения (цель – сформировать полноценное понимание основ здорового образа жизни).
3. Этап закрепления знаний, умений, навыков по здоровьесбережению и дальнейшего их совершенствования (цель – умение перевести в навык, обладающий возможностью его целевого использования).

Заслуживают внимания существенные характеристики здоровьесберегающего образовательного процесса на уроке, разработанные В.Н. Ирхиным и И.В. Ирхиной. Они определяют этапы деятельности учителя по подготовке и проведению данного процесса: аналитический, конструктивный, процессуальный, организационно-исполнительский, рефлексивно-оценочный, подробно раскрывают содержание этих этапов [7, С. 36-41].

Эти учёные полагают, что при организации здоровьесберегающего учебного процесса важно учитывать половозрастные и индивидуальные особенности учащихся [7, С. 65-82]. «Задача педагога – учесть вы-

явленные особенности учащихся, определить способы взаимодействия с ними на уроке, систему требований к каждому ребёнку, объём и сложность учебного материала, темп его происхождения и т. д. Понятно, что речь идёт не о простом приспособлении учителя к индивидуальным особенностям учеников. В центре его внимания должен находиться прогноз, перспектива развития школьников (А.К. Маркова). Педагог не может ограничиваться только констатацией, к примеру, особенностей отдельных психических функций ученика, он должен замечать его «продвижение» с одного уровня на другой» [7, С. 72].

Основным звеном здоровьесберегающего учебного процесса является здоровьесберегающий урок. На наш взгляд, наиболее точное определение дали ему В.Н. Ирхин и И.В. Ирхина. Они понимают его как такую организацию процесса обучения, которая позволяет соблюдать соответствие содержания и объёма учебного материала, методов и форм учебно-познавательной деятельности возрастным и индивидуальным возможностям и способностям школьников, сохраняет их работоспособность, формирует культуру здоровья, способствуя реализации целей обучения, развития и воспитания здоровой личности [7, С. 29].

Мы акцентируем внимание на том, что, как педагогическое понятие, «здоровьесберегающий учебный процесс на уроке» – это взаимодействие субъектов образовательного процесса, представляющее собой дидактическое отношение, организуемое в определённых условиях, базирующееся на поддержании доминанты учителя и доминанты учащихся, активизирующих адаптивные и резервные возможности школьников и ведущее к формированию у них здоровьесберегающей компетентности.

Обратимся к понятию «компетентность». В «Кратком словаре иностранных слов» есть следующее определение: «компетентный – знающий, сведущий в определённой области: имеющий право по своим знаниям и полномочиям делать или решать что-либо, судить о чём-либо» [9]. Заслуживает внимания мнение по данному вопросу Н.А. Гончаровой, что компетентность – это такое качество личности, которое формируется на базе знаний, умений и навыков как способность реализовать их в конкретных ситуациях, в практической деятельности [4].

А.В. Хуторской акцентирует внимание на образовательной компетентности и трактует её как «совокупность взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика, необходимых, чтобы осуществлять личностно и социально-значимую продуктивную деятельность по отношению к объектам реальной действительности» [12].

В этой связи следует отметить, что в педагогической литературе понятие «компетентность» используется как для описания различных свойств личности, присущих ей или приобретаемых ею в процессе образования, так и для описания результата обучения.

Теоретический анализ уже имеющихся результатов

исследования сущности феномена «здоровьесберегающая компетентность» позволил нам констатировать, что в настоящее время происходит становление данного понятия.

Формирование здоровьесберегающей компетентности у учащихся мы рассматриваем как результат организации здоровьесберегающего учебного процесса. Своё видение понятия «здоровьесберегающая компетентность» мы представляем как интегративную личностную характеристику, представляющую собой совокупность ценностно-смысловых ориентаций, здоровьесберегающих знаний, умений и навыков, готовности и способности, обуславливающих формирование опыта эффективной здоровьесберегающей деятельности в ситуациях реальной действительности [10, С. 59].

В современной школе возникает потребность в здоровьесберегающей деятельности любого учителя, переструктурирования учебного процесса, изменении дидактических основ проведения урока на базе педагогики здоровья, в изменении сознания учителя. Его деятельность получает здоровьесберегающее обоснование.

Подводя «здоровьесберегающую» черту педагогической деятельности, полагаем, что критерий здоровья, его сохранения и укрепления мог бы стать главным при оценке целесообразности изменений в учебно-воспитательных системах. А надёжным показателем подлинной гуманности деятельности образовательного учреждения и его сотрудников является наличие в педагогическом арсенале и активное использование технологий работы с учащимися, несущих развивающий потенциал, не допускающих индивидуально-личностных разрушений ни на одном из уровней: физиологическом, психическом, социальном, нравственном и др.

Таким образом, здоровьесберегающая стратегия педагогической деятельности – направление работы учителя, его профессиональной жизнедеятельности, которая основана на приоритетах здоровья школьников.

Учителю надо обращаться к тем педагогическим

средствам, которые не будут вести к ухудшению здоровья учащихся. Его задача заключается в том, чтобы проанализировать здоровьесберегающие возможности своего учебного предмета, технологии обучения, разработать свои средства, реализующие функцию здоровьесбережения. Например, предусмотреть выполнение школьниками заданий репродуктивного и творческого характера по тематике охраны здоровья, текущую педагогическую диагностику работоспособности учащихся, включение в урок релаксационных и других здоровьесберегающих упражнений и тренингов. Учителю необходимо определить своё видение проблемы формирования здоровьесберегающей компетентности учащихся на уроке.

В этой связи следует отметить, что разработка технологий здоровьесбережения, которые ориентированы на сохранение и укрепление здоровья учащихся, должна основываться на учёте эмоциональной, интеллектуальной и психофизической сфер жизнедеятельности детей при согласованных действиях учителей и родителей.

Задача здоровьесберегающих технологий включает три взаимосвязанных аспекта: обучающий (обучение школьников нормам здорового образа жизни, приёмам и методам их реализации); воспитательный (воспитание у детей бережного отношения к своему здоровью, понимания ценности и важности поддержания организма в здоровом состоянии); оздоровительный (профилактика наиболее широко распространённых заболеваний, развитие качеств, необходимых для успешного осуществления учебного процесса – психической уравновешенности, спокойствия, сосредоточенности, внимательности, хорошей памяти, мыслительных способностей).

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что в современных условиях становится крайне важным развивать у учащихся познавательный интерес к изучению проблемы здоровьесбережения через призму различных наук, формировать здоровьесберегающую компетентность учащихся на уроке.

Библиографический список

1. Аршавский И. А. Принцип доминанты в системе обучения. // Педагогика. 1991. № 9. С. 62–66.
2. Аршавский И. А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития. М. : Наука, 1982. 205 с.
3. Вайнер Э. Н. Валеологическое образование как неотъемлемая часть отечественной системы формирования здоровья / Э.Н. Вайнер, И. А. Растворцева // Валеология. 2004. № 2. С. 58–59.
4. Гончарова Н. А. Информационные технологии в формировании профессиональной компетентности будущего учителя : учеб. пособие. Под ред. А. И. Умана. Орёл : ГОУ ВПО «ОГУ», 2009. 60 с.
5. Дегтерев Е. А. Управление современной школой. Вып. VIII : Педагогика здоровья : учеб. пособие / Е.А. Дегтерев, Ю.Н. Сеницын. Ростов н/Д. : Учитель, 2009. 224 с.
6. Захаревич Н. Б. Валеологические основы стратегии педагогической деятельности : дис. канд. пед. наук : 13.00.01. СПб, 1998. 125 с. Библиогр. С. 110–112.
7. Ирхин В. Н. Урок и здоровье школьников / В.Н. Ирхин, И.В. Ирхина. Тирасполь : Изд-во Приднестровского ун-та, 2009. 215 с.
8. Ковалько В. И. Здоровьесберегающие технологии в начальной школе. 1–4 классы. М. : ВАКО, 2010. 296 с.
9. Краткий словарь иностранных слов. М. : ГИИКС, 1952. 488 с.
10. Рыбина И.Р. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей компетентности учащихся на уроке: дис. канд. пед. наук : 13.00.01. Орёл, 2011 199 с. Библиогр.: с. 164-177.
11. Татаринова Л. Г. Педагогическая валеология: Генезис. Тенденции развития. СПб. : Petros, 1997. 415 с.
12. Хуторской А. В. Ключевые компетенции. Технология конструирования. // Народное образование. 2003. № 5. С. 55–61.
13. Чуктурова Н. И. Педагогические условия валеологического сопровождения образовательного процесса в начальной школе : дис. канд. пед. наук : 13.00.01. СПб., 2004. 257 с. Библиогр. : С. 164–197.

References

1. *Arshavsky I.A.* The principle of the dominance in the system of teaching. // Pedagogics. 1991. № 9. Pp. 62–66.
 2. *Arshavsky I.A.* Physiological mechanisms and regularities of the individual development. M.: Nauka, 1982 205 p.
 3. *Vainer E.N.* Valeological education as an integral part of domestic system of the formation of health / E.N. Vainer, I.A. Rastvortseva // Valeology. 2004. № 2. Pp. 58–59.
 4. *Goncharova N.A.* Information technologies in the formation of the professional competence of a future teacher: textbook / N.A. Goncharova; under the editorship of A.I. Uman. Orel : SOE HPE «OSU», 2009. 60 p.
 5. *Degterev E.A.* The management of modern school. Issue VIII: The Pedagogics of health: textbook / E.A. Degterev, Yu.N. Sinitsyn. Rostov: Teacher, 2009. 224 p.
 6. *Zakharevich N.B.* Valeological bases of the strategy of the pedagogical activity: diss. of cand. of ped. sciences: 13.00.01. SP, 1998. 125 p. Bibliogr. : Pp. 110–112.
 7. *Irkhin V.N.* The lesson and the students` health / V.N. Irkhin, I.V. Irkhina. Tiraspol : Publishing house of the Dnestrov. un., 2009. 215 p.
 8. *Kovalko V.I.* Healthkeeping technologies at primary school. 1-4 forms. M. : VACO, 2010. 296 p.
 9. The school dictionary of foreign words. M. : GIICS, 1952. 488 p.
 10. *Rybina I.R.* The pedagogical conditions of the formation of healthkeeping competence of students at the lesson : diss. of cand. of ped. sciences: 13.00.01. Orel, 2011, 199 p. Pp. 164-177.
 11. *Tatarnikova L.G.* The pedagogical valeology: Genesis. The tendencies of development. SP. : Petroc, 1997. 415 p.
 12. *Khutorsskoy A.V.* Key competences. The technology of designing. // National education. 2003. № 5. Pp. 55–61.
 13. *Chuktureva N.I.* The pedagogical conditions of valeological accompaniment of the educational process at primary school : diss. of cand. of ped. sciences: 13.00.01. SP., 2004. 257 p. Pp. 164–197.
-

О.Б. САМОЙЛЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент, Академия
ФСО России
E-mail: samojlenkoleg@yandex.ru

O.B. SAMOJLENKO

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Federal
Guard Service Academy of Russia
E-mail: samojlenkoleg@yandex.ru

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ДИДАКТИЧЕСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА

THE STRUCTURAL MODEL OF DIDACTIC INFORMATION COMPLEX

В статье рассматриваются характеристика и структурная модель дидактического информационного комплекса учебной дисциплины, позволяющего повысить эффективность процесса самостоятельной работы обучающихся. Представлено описание имеющихся системообразующих связей, а также краткое содержание основных компонентов структурной модели.

Ключевые слова: информационно-технологическое обеспечение, дидактический информационный комплекс, модель, самостоятельная работа.

The article deals with the characteristics and the structural model of the academic subject didactic information complex allowing the increase of learners' independent work efficiency. The description of the possessed system forming connections as well as the summary of the structural model basic components is represented.

Keywords: Information and technological support, didactic information complex, model, independent work.

В настоящее время важную роль в учебном процессе вузов стало занимать информационно-технологическое обеспечение, отвечая при этом современным тенденциям в развитии системы высшего профессионального образования, связанным в том числе с процессом модернизации, разработкой и реализацией профессионально-ориентированных технологий обучения.

Следует заметить, что информационно-технологическое обеспечение учебного процесса в профессиональных образовательных учреждениях в части, касающейся одного из его компонентов (информационного), может быть реализовано с применением дидактических информационных комплексов различных учебных дисциплин (далее по тексту ДИК) [4]. Данная позиция обоснована для учебного процесса в целом и процесса самостоятельной работы обучающихся в частности.

Возможность и целесообразность использования ДИК в качестве одного из основных средств, позволяющих повысить эффективность процесса самостоятельной работы обучающихся, подтверждены рядом проведенных исследований [2–4 и др.]. При этом самостоятельная работа, организованная с использованием ДИК, характеризуется максимальной доступностью для обучающихся всем необходимым для самостоятельного изучения материалом, возможностями осуществлять учебно-познавательную деятельность в удобном индивидуальном темпе, проводить автоматизированный самоконтроль и тестирование, а также другими показателями, которые определяют очевидные преимущества перед самостоятельной работой, организованной с использованием традиционных ресурсов.

С учетом того, что ДИК в основном ориентиро-

ваны на использование обучающимися в процессе своей самостоятельной работы, их применение может быть одним из ключевых педагогических условий информационно-методического обеспечения внеаудиторной самостоятельной работы в вузе.

Структура и наполнение ДИК в зависимости от целей и содержания обучения, а также решаемых дидактических задач могут отличаться друг от друга. Поэтому структурная модель ДИК, представленная на рисунке 1, отражает лишь один из возможных типовых вариантов, предлагаемых для конструирования дидактических комплексов и, следовательно, не претендует на полную универсальность. В процессе разработки указанной модели учитывались позиции системного, технологического, компетентностного и личностно-ориентированного подходов.

Рис. 1. Структурная модель ДИК.

Функционально связанные между собой компоненты (модули) ДИК находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и составляют определенную целостную систему. К ним относятся: тематический проводник (рубрикатор), ресурсы информационной поддержки, комплект методических материалов, система контроля и оценки уровня профессиональной подготовленности обучающихся, а также пакет дополнительных программ.

В свою очередь ресурсы информационной поддержки включают в свой состав комплект дидактических материалов, средства динамической визуализации и мультимедиа, электронную библиотеку, а также информационную справочную систему. Эти ресурсы рассматриваются как ключевые элементы модели, соответствующие целям профессиональной подготовки обучающихся, и являются неотъемлемой частью дидактической системы. Следует отметить, что на ресурсы информационной поддержки возлагаются важные дидактические функции, в том числе координирующая, систематизирующая, самообразовательная, информационная, а также управления познавательной деятельностью обучающихся.

Далее представлена краткая характеристика основных компонентов структурной модели ДИК.

Настройкой дидактического комплекса является *тематический проводник*, который имеет многоуровневую структуру (количество уровней зависит от структуры учебной дисциплины) и выполняет навигационную функцию внутреннего меню.

Одним из наиболее востребованных обучающимися компонентов, в том числе благодаря быстрому доступу к нему, является *комплект дидактических материалов*, включающий структурированные по темам материалы лекций и других видов занятий. Эти материалы, как правило, разрабатывают с использованием стандартных программ пакета Microsoft Office в виде презентаций, текстовых документов или другом виде.

Комплект дидактических материалов находится в тесной взаимосвязи с комплектом *средств динамической визуализации и мультимедиа*, которые позволяют дополнить и в определенной мере расширить содержание предметной области дисциплины. Представление информации с использованием мультимедийных средств, а также программных продуктов, обеспечивающих динамическую визуализацию различных процессов и явлений, позволяет сделать самостоятельную работу обучающихся более интересной и увлекательной, повысить мотивацию учебно-познавательной деятельности и создавать условия для восприятия учебной информации на более высоком качественном уровне.

Учитывая тенденции развития современных информационных технологий в контексте их применения в ДИК, следует также обратить внимание на то, что в обозримом будущем средства динамической визуализации и мультимедиа могут быть представлены в формате 3D, обеспечивающем объемное трехмерное отображение информации, при обязательном условии соответствующей программной и аппаратной поддержки. С широким

внедрением подобных информационных технологий в процесс профессиональной подготовки в вузе следует ожидать скачка в повышении эффективности образовательного процесса. Основание таких ожиданий связано с потенциальными возможностями, заложенными в новейшие информационные технологии. Например, представление информации о том или ином объекте или явлении с новых, ранее недоступных по ряду причин сторон, позволит обучающимся заглянуть внутрь изучаемого объекта на уровне макро- и микромира, увидеть изнутри скрытые элементы системы, созерцать сложные для визуального восприятия процессы при их динамической визуализации.

В состав *электронной библиотеки* входят электронные книги (электронные издания), отражающие основное содержание учебной дисциплины. В библиотеке предпочтительно иметь электронный учебник, представляющий собой основной носитель научного содержания учебной дисциплины, электронные аналоги печатных изданий, а также различные электронные учебные и справочные пособия, соответствующие предметной области дисциплины. Традиционное назначение электронных книг (изданий) в условиях самостоятельной работы обучающихся, безусловно, сохраняется. Наиболее распространенными в настоящее время форматами электронных книг являются: PDF, DjVu и FictionBook.

Интегрированная в состав ДИК *информационная справочная система* представляет собой гипертекстовую структуру, функционирование которой осуществляется посредством системы управления базами данных. В зависимости от назначения справочная система имеет дело с предметной областью, нашедшей отражение в содержании дисциплины. Объекты системы обладают определенным набором свойств (атрибутов), значимость которых зависит от их назначения. Заменой указанному компоненту может служить систематизированный словарь терминов и определений, соответствующий данной предметной области (актуально для учебных дисциплин социально-гуманитарной направленности).

Методический аспект функционирования модели ДИК обеспечивает *комплект методических материалов*, который позволяет реализовать координирующую функцию, а также, в большей мере, чем другие компоненты, функцию управления познавательной деятельностью обучающихся. В его состав входят методические рекомендации преподавателя для подготовки к различным видам занятий, учебно-познавательные задания обучающимся, инструкции и практические рекомендации, в т. ч. и по использованию ДИК.

Функционирование *системы контроля и оценки уровня профессиональной подготовленности обучающихся* – компонента, который реализует обучающую и контрольно-оценочную функцию ДИК, обеспечивает интегрированная в дидактический комплекс контрольно-обучающая программа, имеющая в основе банк программно-дидактических тестовых заданий (ПДТЗ) по учебной дисциплине. Работа с этим компо-

нением ДИК предоставляет возможность пользователю на определенном этапе самостоятельной работы осуществлять самоконтроль и самооценку уровня своей профессиональной подготовленности в рамках содержания разделов (тем) курса учебной дисциплины.

Банк ПДТЗ позволяет осуществлять адекватную целям изучения учебной дисциплины проверку степени усвоения ее содержания и обеспечивает возможность формирования тестов различного объема и назначения. Тест, представленный системой ПДТЗ, позволяет с требуемой объективностью оценить уровень обученности субъекта тестирования в данной предметной области [1]. Для создания банка ПДТЗ следует опираться на содержательную структуру учебной дисциплины, выраженную в дидактических единицах с учетом имеющихся связей между ними. Проектирование и конструирование тестовых заданий с позиций технологического подхода следует осуществлять с учетом нескольких уровней сложности. Легкие задания (первый уровень сложности) могут быть использованы для выявления степени усвоения дидактических единиц, образующих основу учебной дисциплины, ее теоретический базис. Задания средней трудности (второй уровень сложности) – для выявления степени усвоения дидактических единиц разделов и тем, развивающих и дополняющих базис учебной дисциплины и ее содержательное ядро. Задания повышенной трудности (третий уровень сложности) – для выявления степени усвоения системы знаний, включающей теоретическую и практическую составляющие учебной дисциплины. Формы представления тестовых заданий, как правило, стандартизированы (например, открытая, закрытая, на установление правильной последовательности, на установление соответствия).

Пакет дополнительных программ может быть установлен на персональном компьютере в период инсталляции ДИК (выборочно или полностью, при необходимости и по желанию пользователя). Программы этого пакета предназначены для обеспечения работы с отдельными элементами компонентов ДИК, которые не поддерживаются стандартными программами.

Следует подчеркнуть, что применение ДИК может считаться одним из основных инновационных педагогических условий организации самостоятельной работы, способствующих повышению уровня сформированности профессиональных компетенций обучающихся. Подтверждением этому является положительная динамика поуровневой сформированности профессиональных компетенций, представленная в работе [3]. Однако следует сказать о том, что применение ДИК в процессе самостоятельной работы не является панацеей. Для объяснения данной позиции представляется возможным провести аналогию реализации данного условия, например, с комплексной терапией при лечении заболеваний. Сущность аналогии заключается в следующем: как и при лечении, характеризующемся со стороны больного несистемным и беспорядочным приемом лекарственных препаратов, несоблюдением режима и рекомендаций лечащего врача, сложно добиться предпо-

лагаемого положительного эффекта, так и при использовании ДИК обучающимися, которые рассматривают его лишь в качестве увлекательной «игрушки» и хаотично «путешествуют» в содержательном наполнении его компонентов вместо полноценной работы, сложно реализовать заложенные в дидактический комплекс функции и достичь того уровня, который доступен обучающимся при осознанном, грамотном и умелом использовании ДИК в своей самостоятельной работе.

В то же время, готовность профессорско-преподавательского состава (ППС) к разработке и модернизации ДИК по оценкам экспертов [3] находится на низком уровне. Такое положение дел обусловлено следующими причинами: во-первых, в вузах, как правило, отсутствует система специальной подготовки ППС по указанному направлению; во-вторых, компьютерные учебные программы создаются специалистами в области программирования чаще без участия ведущих специалистов в области дидактики. Кроме того, следует констатировать факт о том, что отдельные педагоги, имеющие продолжительный стаж своей педагогической деятельности, далеки от современных информационных технологий и в силу консерватизма своего мышления в полной мере не понимают значимости информационно-технологического обеспечения учебного процесса, высказывая определенные сомнения по поводу педагогических возможностей различных программных продуктов, в том числе и дидактических информационных комплексов.

Заинтересованность ППС вузов в разработке и модернизации ДИК учебных дисциплин может быть достигнута, например, путем поощрения труда новаторов, проведения регистрации разработанных учебных программных продуктов с последующим учетом результатов в вузовской системе рейтинга ППС. Определенный положительный эффект также появляется при обмене опытом среди ППС во время научно-методических сборов и семинаров, научно-практических конференций и других мероприятий, проводимых в вузе, где осуществляется обсуждение новых достижений в области современных информационных технологий.

Таким образом, структурная модель ДИК, которая была рассмотрена выше, отвечает современным требованиям, предъявляемым к учебно-методическим комплексам, и может служить своеобразным ориентиром для модернизации системы самостоятельной работы в российских вузах в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных средств и технологий, обуславливающих переход к этапу широкомасштабной информатизации образовательной среды. Данная позиция подтверждена положительными результатами, полученными в ходе педагогического исследования [3] по применению ДИК в качестве средства обеспечения самостоятельной работы обучающихся.

Библиографический список

1. *Караушев В.Ф.* Проектирование банка программно-дидактических тестовых заданий / В.Ф. Караушев, Л.В. Терентьева, Т.Н. Тягунова. Под ред. В.И. Васильева. М.: ИКАР, 2005. 64 с.
2. *Козачок А.И.* Формирование профессиональной компетентности субъектов образовательного процесса в военном вузе: монография. Орел: Академия ФСО России, 2010. 136 с.
3. *Самойленко О.Б.* Формирование профессиональной компетентности курсантов военного вуза средствами организации самостоятельной работы: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Орел, 2013. 222 с.
4. Технологии подготовки специалистов в системе профессионального образования: монография. Под ред. П.И. Образцова. Орел: ОГУ, 2011. 338 с.

References

1. *Karaushev V.F.* The development of a software-based didactic tests bank / V.F. Karaushev, L.V. Terentyeva, T.N. Tyagunova. Ed. V.I. Vasilyev. M.: IKAR, 2005. 64 p.
 2. *Kozachok A.I.* Forming the professional competence of educational process subjects in the military institution of higher education: the Monograph. Orel: Academy of the Federal Guard Service of Russia, 2010. 136 p.
 3. *Samoilenko O.B.* Forming the professional competence of military institution cadets by means of organizing their independent work: dis. ... Cand. of pedagogical science: 13.00.08. Orel, 2013. 222 p.
 4. Technologies of training specialists in the professional education system: the Monograph. Ed. P.I. Obraztsov. Orel: OSU, 2011. 338 p.
-

В.Д. СЕЛЮТИН

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и математических методов в экономике, Орловский государственный университет

E-mail: selutin_v_d@mail.ru

Л.Н. МАМАДАЛИЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра высшей математики и системного анализа, Майкопский государственный технологический университет

E-mail: mamadln@mail.ru

V.D. SELYUTIN

Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Algebra and Mathematical Methods in Economics, Orel State University

E-mail: selutin_v_d@mail.ru

L.N. MAMADALIEVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Higher Mathematics and System Analysis, Maykop State Technological University

E-mail: mamadln@mail.ru

**СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ-ТЕХНОЛОГОВ
МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ СЛУЧАЙНЫХ ПРОЦЕССОВ**

**INSTRUCTIONAL CONTENT OF MATHEMATICAL MODELING
OF RANDOM PROCESSES AT BACHELOR TECHNOLOGISTS' EDUCATION**

В статье обосновывается подход к определению содержания обучения бакалавров-технологов элементам теории случайных процессов посредством приобщения их к математическому моделированию реальных производственных ситуаций.

Ключевые слова: случайные процессы, математическое моделирование, технологический процесс, инженерная задача.

The approach to the definition of studying content by Bachelor technologists to the elements of the theory of random processes by bringing them to the mathematical modeling of real production situations has been proved in the article.

Keywords: Technological process, random processes, mathematical modeling, engineering task.

В условиях современных рыночных отношений технология является мощным средством достижения и поддержания качества, обновляемости, производительности и конкурентоспособности выпускаемой продукции. Особо актуальным становится создание техники нового поколения, проектирование и освоение прогрессивных технологических процессов. Это диктует необходимость подготовки бакалавров-технологов, способных на основе фундаментальных знаний и современной вычислительной техники творчески решать сложные производственные задачи. Определение содержания обучения бакалавров технологических направлений математическому моделированию случайных процессов является одной из существенных организационных задач. Тем более, что проведенный нами анализ подтверждает вывод Е.В. Лебедевой, что «содержание существующих учебников и учебно-методической литературы не отвечает современным требованиям к вероятностно-статистической подготовке специалистов» [2, С. 298].

Требования к бакалаврам-технологам, предъявляемые сегодня обществом в целом и соответствующими отраслями народного хозяйства в частности, определяют те знания, умения и навыки, которыми необходимо овладеть выпускникам технологических вузов. Эти требования сформулированы в действующих ФГОС ВПО и

предполагают овладение студентами способностью использовать законы и методы математики при решении профессиональных задач, применение методов математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования.

В стандартах говорится, что выпускник программы бакалавриата по направлению подготовки *Технология изделий легкой промышленности* должен быть готов решать такие профессиональные задачи с использованием математических методов, как проведение вычислительных экспериментов, позволяющих прогнозировать свойства изделий из различных материалов. По направлению подготовки *Технология продукции и организация общественного питания* – проведение исследований по выявлению возможных рисков в области качества и безопасности продукции производства и условий, влияющих на их возникновение; использование современных методов исследования и моделирования для повышения эффективности использования сырьевых ресурсов при производстве продукции питания; участие в разработке продукции питания с заданными функциональными свойствами, определенной биологической, пищевой и энергетической ценностью. По направлению подготовки *Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции* – проводить статистическую обработку результатов экспериментов, по направлению

Технологические машины и оборудование – математическое моделирование процессов, оборудования и производственных объектов с использованием стандартных средств проведения исследований.

Лежащий в основе ФГОС ВПО компетентностный подход предполагает не выучить что-то, а научиться чему-то. Его конечной целью является формирование способности действовать в профессиональной сфере, но не запоминание знаний. Профессиональная компетентность при таком подходе определяется Ю.В. Громыко как «интегративное личностно-профессиональное качество, позволяющее специалисту осуществлять профессиональную деятельность на достаточном или высоком, ориентированном на творчество уровне [1, С. 38].

Поэтому при отборе содержания обучения бакалавров технологических направлений математическому моделированию случайных процессов необходимо ориентироваться на овладение средствами и аппаратом инструментальных знаний, а также использование запаса научных сведений для изучения и понимания развивающихся приложений теории случайных процессов в инженерной деятельности. При этом следует учитывать, что «статистические законы, а вместе с ними и статистическое описание относятся не только к очень сложным системам с большим числом степеней свободы, но и к динамическим системам, у которых при некоторых значениях параметров наблюдается экспоненциальная неустойчивость движения» [3, С. 172].

Практическая деятельность по математическому моделированию случайных процессов из будущей профессиональной сферы должна способствовать приобретению бакалаврами компетенций, которые должны сформироваться у них в период обучения. Посредством приобретения опыта познавательной деятельности у бакалавров должна сформироваться способность использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования, умение добывать новые знания. Отработка общих мыслительных приемов в ходе моделирования случайных процессов (абстракция, анализ и синтез, сравнение, обобщение и конкретизация) помогает сформировать профессиональное мышление технолога – работает принцип единства математического и профессионального мышления. Умение действовать в нестандартных ситуациях складывается из опыта творческой деятельности по математическому моделированию.

Поэтому в сложившихся условиях решением проблемы отбора содержания обучения математическому моделированию случайных процессов в технологических вузах является замена устоявшегося знаниевого подхода профессионально ориентированным обучением, которое позволит бакалаврам повысить самостоятельность, активность, инициативность, сформировать общие, профессиональные и предметные компетенции.

1. Научные основы содержания современного обучения моделированию случайных процессов должны

реализовывать требования профессиональной направленности обучения бакалавров в вузах технологического профиля. Это значит, что содержание образования должно: ориентировать бакалавров применять знания элементов теории случайных процессов в инженерной практике;

2. закреплять навыки действовать по заданным алгоритмам построения моделей исследуемых случайных процессов и самостоятельно конструировать модели, отражающие суть этих процессов в реальной действительности.

Содержание стохастической подготовки бакалавров технологических направлений должно также сформировать у них

профессиональные умения:

- ставить, обосновывать и решать организационные и технологические задачи исследования;
- находить и использовать необходимые источники информации;
- действовать в различных жизненных ситуациях, используя опыт решения прикладных математических задач;
- формулировать проблему;
- планировать и проводить эксперимент;
- самостоятельно создавать математические модели технологических случайных процессов;
- определять тенденции развития анализируемых явлений и прогнозировать последствия принимаемых решений (перспективность);
- оценивать точность и достоверность полученных результатов;
- давать оценку создаваемого изделия с точки зрения его общественной необходимости;
- делать выводы, определять эффективность исследовательской работы;

профессиональные навыки:

- практического использования результатов фундаментальных и прикладных исследований;
- анализа и исследования инженерных задач;
- моделирования производственных и технологических систем;
- технологического сопровождения производства.

В соответствии с принципом прикладной направленности обучение бакалавров технологических направлений элементам теории случайных процессов будет проходить более эффективно в сочетании с обучением математическому моделированию реальных процессов. Под математическим моделированием случайных процессов мы понимаем создание его отображения в виде математических объектов (графиков, стохастических матриц, функций, уравнений) для упрощения его исследования, получения о нем новых знаний, анализа и оценки возможностей принятия производственных решений.

Рассмотрение физических прообразов случайных функций делает учебный материал связанным с профессионально значимыми реальными явлениями, в которых статистическое описание неизбежно. При решении задач с профессионально ориентированным

содержанием происходит углубление и расширение теоретических знаний бакалавров, осуществляется связь теории с практикой и с приложениями к другим наукам, вырабатываются умения применять теоретические знания в жизни, формируется стохастическая культура.

На первом этапе моделирования студенты получают условие задачи в виде проблемной ситуации, возникающей в производстве: исследовать технологический случайный процесс и в зависимости от результата принять управленческое решение. При этом студенты определяют, к какому виду случайных процессов относится исследуемый технологический процесс, какие теоретические понятия и их свойства необходимо использовать, чтобы прийти к ответу на вопрос задачи. На этом этапе студенты переводят задачу на математический язык – обобщают данные наблюдений в таблицы, строят графики, составляют уравнения и т.д.

На этапе внутримодельного решения студенты, абстрагируясь от реальной производственной ситуации, исследуют закономерности процесса в математической форме. Они должны составить алгоритм перехода от начального состояния к конечному и, действуя по этому алгоритму, найти требуемые неизвестные параметры случайного процесса (это может быть вероятность состояния динамической системы, характеристики случайного процесса: математическое ожидание, дисперсия, корреляционная функция, оператор динамической системы и т.д.).

На этапе интерпретации студенты переводят результаты решения с математического языка в термины производственной ситуации и принимают управленческое решение. Итак, поэтапно решая прикладные задачи, студенты учатся моделировать технологические случайные процессы.

Решение задач на составление математических моделей реальных случайных процессов будет являться инструментом достижения цели изучения студентами теории случайных процессов: овладению конкретными математическими знаниями, необходимыми для моделирования производственных случайных процессов и формированию представлений об использовании идей и методов математики в современных технологиях.

Итак, нами теоретически обоснован подход к определению содержания обучения бакалавров технологических направлений элементам теории случайных процессов в соответствии с обозначенной целью обучения, в котором определено, что оно должно быть ориентировано на будущую профессиональную деятельность бакалавров, охватывать основные понятия теории случайных функций, а также анализ процессов в производственных системах. Изучение базовых понятий теории случайных процессов должно начинаться с рассмотрения их физических прообразов и сочетаться с обучением математическому моделированию реальных производственных случайных процессов.

Библиографический список

1. Громыко Ю.В. Понятие и проект в теории развивающего образования В.В. Давыдова. Известия РАО, 2000. № 2. С.38.
2. Лебедева Е.В. Прогнозирование как способ реализации прикладной направленности обучения будущих экономистов теории вероятностей. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 9(77). С. 297-300.
3. Селютин В.Д., Юшин В.Н. Стохастичность как внутреннее свойство динамических систем. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Естественные, технические и медицинские науки. 2011. №5 (43). С.169-172.

References

1. Gromyko Ju.V. The meaning and the project in the theory of developing education. V.V. Davydova. Bulletin of RAO, 2000 № 2. P. 38.
 2. Lebedeva E.V. Scientific prognostication as a way to implement of applied orientation by training of the future economists to probability theory // Bulletin of the University of Tambov. Series: Humanities. 2009. Vol. 9(77). Pp. 297-300.
 3. Selyutin V.D., Yushin V.N. Stochasticity as internal properties of dynamical systems // Scientific notes of Orel State University. Series: «Natural, technical and medical sciences». 2011. №5 (43). Pp.169-172.
-
-

УДК 378.315.7

UDC 378.315.7

О.Н. СИЛАЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра математики и информационных технологий, Орловский государственный университет
E-mail: oksana_nzn@mail.ru

O.N. SILAYEVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Mathematics and Information Technologies, Orel State University
E-mail: oksana_nzn@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

PECULIARITIES OF ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS OF HEALTH CARE PROFESSIONS IN THE INFORMATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT

В статье рассматриваются вопросы организации самостоятельной работы студентов с помощью автоматизированного рабочего комплекса дисциплины.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, информационные и коммуникационные технологии, автоматизированный рабочий комплекс дисциплины.

In the article the questions of organization of independent work of students using the automated workflow complex discipline are considered.

Keywords: independent work of students, information and communication technologies, automated work complex discipline.

Современное состояние науки и уровень развития общества ставят перед педагогическим сообществом задачи, которые требуют оптимизации методик обучения для достижения высокого уровня профессиональных компетенций, вызывают поиск и разработку эффективных технологий освоения фундаментальных знаний, в том числе и в области математических дисциплин.

Математика проникла во все сферы человеческой жизни. Нашла она широкое применение и в медицине. Современный этап развития общества характеризуется качественным изменением деятельности врача, во многом связанным с необходимостью внедрения математических методов, в том числе методов математической статистики.

Особо подчеркнем, что будущим медицинским работникам крайне необходимы дополнительные знания в области математики в связи с расширением нормативной базы, регулирующей проведение клинических исследований и статистическую обработку медико-биологических данных. Между тем для теоретического освоения математики студентами медицинских специальностей на первом курсе выделяется не более 20 часов, а практическое освоение отнесено в разряд самостоятельной работы. Учебники и методические пособия слабо мотивируют освоение математики. Этим и объясняется недостаточный уровень знаний студентов как в области различных статистических методов, так и в области умений их использования.

Считаем, что обеспечить эффективность самостоятельной работы возможно за счёт новых форм и методов организации педагогического процесса и структуриро-

вания материала. Возникает необходимость в привлечении таких технологий, которые бы отвечали требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, отражали бы логику и специфику математических знаний, способны были бы удовлетворить запросы смежных дисциплин и были бы ориентированы на использование современных информационных и коммуникационных технологий (далее по тексту – ИКТ).

Одним из вариантов решения существующей проблемы представляется активное изучение и использование возможностей дистанционного обучения, которое направлено на расширение спектра образовательных услуг, способствует росту профессиональной мобильности специалистов, повышению эффективности профессионального образования. Дистанционное обучение является одной из наиболее прогрессивных систем подготовки специалистов, в том числе и медицинского профиля. Это обусловлено тем, что учебный процесс в условиях высшего профессионального медицинского образования подчинен не столько задаче информационного насыщения материалами медицинского характера, сколько формированию продуктивного мышления будущих медицинских работников, развитию интеллектуального потенциала личности, способной к самообразованию и самоорганизации в условиях будущей сложной медицинской профессиональной деятельности.

В соответствии с ФГОС ВПО, основной целью обучения математике студентов медицинского вуза становится формирование математической компетентности

– проекции общекультурных и профессиональных компетенций на предметную область математики.

В нашем понимании математическая компетентность представляет собой интегративное динамичное свойство и качества личности студента, характеризующие его способность и готовность использовать в профессиональной деятельности математические методы в совокупности с ИКТ. Комплексность использования возможностей средств ИКТ в учебном процессе и соответствующую технологию обучения осуществляет информационная образовательная среда, наиболее значимым компонентом которой является автоматизированный рабочий комплекс дисциплины, сформированный с помощью среды Moodle, нацеленный на информатизацию учебной деятельности при изучении математики. При этом под *автоматизированным рабочим комплексом дисциплины* (далее по тексту – АРКД) мы понимаем систему, ориентированную на использование ее обучающимися в процессе самостоятельной работы, в которую интегрируется совокупность дидактических средств и методических материалов в изучаемой предметной области. Moodle является свободной системой управления обучением, ориентированной, прежде всего, на организацию взаимодействия между преподавателем и студентами, хотя подходит и для организации традиционных дистанционных курсов [1].

Очевидно, что та часть учебного процесса, которая реализуется в новых условиях, т.е. в современной информационной образовательной среде с помощью АРКД, значительно отличается от обычного учебного процесса. Дистанционное обучение самостоятельной работы студентов при изучении математических дисциплин направлено на приобретение опыта работы с информацией, ее целесообразного применения, обеспечение саморазвития и самоактуализации студентов. На наш взгляд, наиболее важным становится в этот период развитие умения самостоятельно приобретать знания и применять их в соответствии с собственными целями и потребностями, решать актуальные в данный момент обучения проблемы. Автоматизированный рабочий комплекс дисциплины позволяет планировать процесс обучения; осуществлять совместную деятельность как преподавателя и студента, так и студентов друг с другом; организовывать самостоятельную работу студентов и направлять ее в соответствии с содержанием образования по дисциплине, личностным опытом каждого студента, его познавательными интересами и потребностями. В ходе такой организации учебного процесса у студентов формируются познавательный, ценностно-ориентационный, практический и коммуникативный способы деятельности.

Анализ существующих в современной педагогической науке подходов позволяет обосновать методику отбора и структурирования содержания учебного материала при проектировании и конструировании АРКД. Для ее реализации необходимо решить ряд прикладных задач. Во-первых, следует оценить объем содержания учебной дисциплины с учетом целей подготовки буду-

щих медиков. Во-вторых, убедиться в достаточности полученных учебных элементов для достижения целей подготовки (оценить возможность формирования у обучающихся требуемых знаний, умений, способностей, выраженных в форме общекультурных, профессиональных компетенций). В-третьих, распределить учебный материал на соответствующие разделы (модули), темы, элементы. В-четвертых, выявить систему смысловых связей между элементами содержания учебной дисциплины (раздел, модуль, тема), расположить учебный материал в той последовательности, которая вытекает из этой системы связей и с этой целью провести его структурирование. В-пятых, задать для каждого учебного элемента требуемый уровень его усвоения. В-шестых, подготовить банк контрольно-измерительных тестовых заданий по всем учебным элементам, включенным в логическую структуру учебной дисциплины. И, наконец, на завершающем этапе конструирования АРКД необходимо отобранное содержание представить в материализованной форме программного продукта.

Проанализировав практические достижения некоторых исследователей в разработке дистанционных электронных курсов, взяв на вооружение цели самостоятельной работы, мы выделили и подчинили учебные материалы для учебного курса ряду требований:

1. Лаконичность и четкость заголовков, формулировок и учебных текстов, минимизация количества сложных терминов и сокращений.
2. Дробление учебных текстов, если есть такая возможность, на небольшие смысловые части.
3. Включение вводных текстовых фрагментов – аннотаций перед каждым модулем, содержащих информацию о том, что включает данный модуль.
4. Минимизация количества интернет-ссылок внутри материалов учебного курса, обилие которых может привести к потере студентом ориентировки в тексте.
5. Предоставление возможности распечатки учебных материалов, отсутствие системы защиты на электронных учебных материалах любого формата.
6. Тенденция на подключение наглядности (таблиц, схем, графиков), которая служит иллюстрацией к излагаемым вопросам, обеспечивает ясное представление нового материала, позволяет добиться сокращения объема учебного текста и т.п.
7. Соблюдение стандартных академических требований для всех учебных текстов (в отношении оформления самого текста, его верстки – выбор шрифтов (цвета и размера), соблюдение расстояния между элементами текста, использование единого стиля оформления, выбор цветовой гаммы фона, позволяющей работать с текстом длительное время, проверка орфографии, соблюдение стилистики текстов и т.п.).

Дистанционная система обучения Moodle предоставляет разработчику курса (преподавателю) возможность временно скрывать загружаемые учебные ресурсы и учебные модули в целом, а также обеспечивать к ним доступ студентов только в строго определенных временных рамках. Такая опция системы является,

на наш взгляд, важной при организации последовательного ознакомления с учебным материалом во время самостоятельной работы студентов и поэтапного решения задач [2].

Таким образом, система дистанционного обучения Moodle дает возможность проектировать, создавать и в дальнейшем управлять ресурсами информационной

образовательной среды. Наличие такой программной интегрированной обучающей среды с удобным пользовательским интерфейсом позволяет существенно упростить целый ряд трудоемких аспектов реализации образовательных программ на основе ФГОС ВПО третьего поколения и принципов Болонского соглашения.

Библиографический список

1. *Анисимов А.М.* Работа в системе дистанционного обучения в Moodle. Учебное пособие. 2-е изд. испр. и дополн. Харьков, ХНАГХ. 2009. 292с.
2. *Белозубов А.В.* Система дистанционного обучения Moodle: учебно-методическое пособие. СПб., 2007. 108 с.
3. *Зайцева О.Н.* Технология дистанционного обучения в процессе организации самостоятельной работы студентов медицинских специальностей вузов (на примере изучения математических дисциплин): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Орел, 2013. 170 с.

References

1. *Anisimov A.M.* Work in the system of distance learning in Moodle. manual. 2nd ed. rev. and ad. Kharkov, KhNUCE. 2009. 292.
 2. *Belozubov A.V.* Distance learning Moodle: teaching manual. SPb., 2007. 108p.
 3. *Zaitseva O.N.* The distance learning technology in the process of organization of independent work of students of medical specialties (for example the study of mathematical disciplines): dis. ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.08. Orel, 2013. 170 p.
-

УДК 371.72

UDC 371.72

И.М. ТУРЕВСКИЙ

доктор педагогических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

E-mail: turima@gmail.com

В.Н. БОРОДАЕНКО

кандидат педагогических наук, зав. кафедрой специальных и правовых дисциплин, Российская правовая академия Минюста РФ (Тульский филиал)

E-mail: Borodaenko61@mail.ru

Н.А. БАБУШКИНА

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой специальной психологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

E-mail: babushkina_n@list.ru

I.M. TUREVSKIY

Doctor of Pedagogics, Professor, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: turima@gmail.com

V.N. BORODAENKO

Candidate of Pedagogics, Head of Department of Special and Legal Disciplines, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the RF (Tula branch)

E-mail: Borodaenko61@mail.ru

N.A. BABUSHKINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of Department of Special Psychology, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

E-mail: babushkina_n@list.ru

**МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО И ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ
С ПОЗИЦИЙ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА ЗДОРОВЬЯ**

**SOCIAL AND PSYCHOPHYSICAL CONDITION MONITORING OF STUDENTS FROM THE POINT
OF PSYCHOSOMATIC PHENOMENON OF HEALTH**

В статье показаны комплексные исследования, которые позволяют предложить ряд педагогических условий, способствующих оптимизации обучения без ухудшения здоровья студентов. Результаты мониторинга рассматриваются с позиций их психосоматического состояния.

Ключевые слова: психосоматика, психофизиологический паспорт, мониторинг, антропологическое, функциональное обследование, психо-эмоциональное напряжение, социальное здоровье.

The article shows the comprehensive studies that allow us to offer a number of educational environments conducive to optimize learning without deteriorating health of students. The monitoring results are considered from the standpoint of their psychosomatic condition.

Keywords: Psychosomatics, psychophysiological passport, monitoring, anthropological, functional examination, psycho-emotional stress, social health.

В настоящее время различные науки (медицина, психология, физическая культура и др.) изучают человека, по меньшей мере, на четырех уровнях: социального функционирования, биологического организма, психики и личности. При этом современная наука пока не в состоянии ответить на вопросы, как связаны между собой эти уровни.

В психосоматическом аспекте здоровье рассматривается не просто как отсутствие болезней, а как составляющая удовлетворенности жизнью, физического, психического и субъективного благополучия, достижения высокой степени самореализации.

В Тульском филиале Российской правовой академии Минюста России и в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого делается попытка мониторинга физического, социального, психического, функционального и духовного состояния студентов, поиска взаимосвязей и взаимовлияния друг на друга этих сторон развития. В настоящее время соз-

даются отдельные модули программы, позволяющие: проводить регистрацию всех параметров субъектов; осуществлять отдельные виды психологического тестирования; накапливать, хранить и анализировать информацию, полученную при исследовании отдельных функциональных систем организма; формулировать общее заключение по результатам обследования.

В программном обеспечении заложена идея создания индивидуального динамического психофизиологического паспорта студентов. Многокомпонентность описания, регулярное проведение обследований позволяют formalizovat "коридор индивидуальной психологической нормы", что, в конечном счете, создаст условия для составления психосоматического портрета.

В основу формирования психосоматического паспорта студентов положены представления о здоровье человека как о способности взаимодействующих систем организма, обеспечивать реализацию генетических программ, безусловно-рефлекторных, инстинктивных

процессов, генеративных функций, умственной деятельности и фенотипического поведения, направленных на психосоциальную и культурную сферу жизни. Здоровье обеспечивает приспособление организма к изменяющимся условиям внутренней и внешней среды, сохранение и расширение резервов функционирования систем организма, генеративную, познавательную, социальную деятельности.

Методы исследования. Мониторинг включает четыре направления.

Первое направление рассматривает состояние студентов, образ жизни, формирование анамнеза, учебную нагрузку, выявление сопутствующих факторов риска на основе опросника (самооценка образа жизни, физического, психического и социального благополучия, САН и др.).

Второе направление – антропологическое обследование, дающее информацию об уровне психосоматического здоровья (статический компонент здоровья).

Третье – оценка функциональных возможностей студентов в отношении отдельных систем, интегральные описания, оценка функционального резерва в процессе реализации моделей профессиональной деятельности на базе объединенных электронной сетью автоматизированных рабочих мест.

Четвертое – оценка психологического статуса, выявление нарушений в психологической сфере, психических факторов формирования соматических расстройств.

Анализ комплекса морфофункциональных и психофизиологических параметров позволяет разработать карту здоровья, выдаваемую студентам.

При изучении психодинамических (личностных) особенностей студентов нами учитываются и соединяются в единое целое мотивационное, эмоциональное и интеллектуальное развитие личности. Данный подход характеризует психологические и социально-учебные формы поведения студентов: формирование навыков, умений, привычек, перестройку мотивов поведения, особенности темперамента, учебных способностей и сенситивности.

Серьезные трудности, связанные с ломкой прежнего стереотипа поведения, мышления, организации учебной работы, предъявляют высокие требования к компенсаторно-приспособительным механизмам организма. Нельзя полностью освободить студента от психоэмоционального напряжения (да и вряд ли следует к этому стремиться), необходимо повысить устойчивость адаптационных механизмов организма к эмоциональным стрессам и упорядочить трудовую деятельность обучающихся.

Результаты исследования.

Результаты исследований показали, что социальные данные (место жительства, происхождение, семья, тип школы) положительно взаимосвязаны с индексом здоровья, физическим самочувствием, самооценкой и успеваемостью по психолого-педагогическим дисциплинам. Студенты, закончившие инновационные школы, имеют

низкие показатели по физической подготовленности. Выпускники сельских школ – низкую самооценку, оценку сокурсников и удовлетворительную успеваемость

Показатели физической подготовленности тесно взаимосвязаны с физическим самочувствием, самооценкой и оценкой сверстников. Остальные показатели социокультурного здоровья (душевное благополучие, социальное здоровье и др.) имеют положительные взаимосвязи с составляющими интра-диагностики и успеваемостью; отрицательные – с результатами экстра-диагностики.

Студенты с высоким уровнем душевного благополучия имеют низкие показатели самооценки и успеваемости в предметном блоке специальностей ($R = -0,7$). Личностные установки студентов (такие свойства, как авторитаризм, демократизм, либерализм) имеют взаимосвязи с некоторыми показателями экстра-диагностики.

Полученные данные позволяют в какой-то мере решать проблему нахождения оптимальных механизмов самореализации студента как биосоциальной системы в индивидуальной траектории обучения.

Следует отметить, что основная масса студентов считает здоровый образ жизни (ЗОЖ) основополагающим для жизнедеятельности, в профессиональной и личностной самореализации. Однако эта ценность является скорее декларируемой, так как многие имеют низкую физическую подготовленность, не соблюдают элементарных норм ЗОЖ. В этой связи на занятиях по физическому воспитанию необходимо формирование новой парадигмы – здоровье как общественная и индивидуальная (отношение студента к самому себе) ценность, обеспечивающая успехи и благополучие на всех уровнях.

Таким образом, физическая культура в общем плане помогает решать практические задачи с ориентацией на выявление и практическую реализацию биосоциального потенциала студента, его способности к самореализации. В частности, организация физического воспитания через дифференцированные группы к индивидуальным траекториям уже находит свое применение в некоторых вузах страны.

Данные комплексных исследований позволяют предложить ряд педагогических условий, способствующих оптимизации обучения без ухудшения здоровья студентов.

1. Для всех студентов – демократический подход к занятиям по физическому воспитанию (выбор физкультурно-спортивного вида деятельности, педагога, времени занятий).

2. Для студентов, закончивших инновационные учебные заведения, – избранными ими средствами – повышение физических кондиций с опорой на ведущие (наиболее развитые) качества.

3. Для студентов с интровертированной направленностью личности основные средства – спортивные игры и групповые (командные) виды физкультурно-спортивной деятельности.

4. Для студентов с низкой самооценкой – демон-

страция положительной динамики в результатах физической деятельности (желательно в показателях силы и выносливости).

Двухлетний эксперимент подтвердил наши предположения. При повышении общего уровня проявлений социокультурного здоровья студенты быстрее адаптировались к стрессовым ситуациям, у них повысилась успеваемость, появилась потребность в занятиях раз-

личного вида физкультурно-спортивной деятельности.

Такая комплексная постановка проблемы адаптации к новой деятельности не только помогает решать практические вопросы развития потенциала студентов, но и их способности к саморазвитию, самосовершенствованию, самореализация биосоциального существа в определенном мире и обществе.

Библиографический список

1. Здоровье в XXI веке – 2010 /Материалы международной научно-практической конференции. Под ред. док. мед. наук, проф. А.А. Желтикова. Тула: Тульский полиграфист, 2010. 320 с.
2. *Маришук В.Л., Блудов Ю.М.* Методика психодиагностика в спорте: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 0303 «Физ. культура». М: Просвещение, 1990. 216 с.
3. *Озеров В.П.* Психомоторные способности человека: монография. Дубна: Феникс+, 2002. 320 с.
4. *Орлов А.А., Исаев Е.И., Туревский И.М., Федотенко И.Л.* Динамика личностного и профессионального роста студентов педвуза. // Педагогика, 2004. №3. С. 53-60.
5. *Туревский И.М.* Психомоторная подготовленность человека: структура, онтогенез, практика: монография. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. 365 с.
6. *Туревский И.М., Бабушкина Н.А.* Зависимость эффективности здоровьесбережения детей со специальными нуждами от использования проектирования в управлении коррекционным образовательным учреждением. Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. №2 (58). С.367-370.

References

1. Health in the XXI century - 2010 / Proceedings of the international scientific-practical conference. Ed. Doc. med. sciences, Professor A.A. Zheltikova. Tula: Tula polygraphist, 2010. 320 p.
 2. *Marishchuk V.L., Bludov Y.M.* Methods of psychological testing in sport: Manual for students ped. university on special 0303 «Fiz. Culture». M: Education, 1990. 216 p.
 3. *Ozerov V.P.* Psychomotor abilities of the person / Monograph. V.B.Ozerov. Dubna: Phoenix +, 2002. 320 p.
 4. *Orlov A.A., Isaev E.I., Turevskiy I.M., Fedotenko I.L.* The dynamics of personal and professional growth of students' pedagogical institute. // Pedagogy, 2004. №3. Pp. 53-60.
 5. *Turevskiy I.M.* Psychomotor trained person: structure, ontogeny, practice: Monograph. Tula: Publishing House of the Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 2012. 365 p.
 6. *Turevskiy I.M., Babushkina N.A.* Dependence of the efficiency health saving children with special needs of the use of design in the management of correctional educational institution. // Scientific notes of Orel State University. 2014. № 2 (58). Pp. 367-370.
-
-

УДК 31.091.12.011.3.-51:81:81'242

УДК 31.091.12.011.3.-51:81:81'242

Н.Н. ФЛЕГОНТОВА

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, отдел педагогической эстетики и этики, Институт педагогического образования и образования взрослых, Национальная академия педагогических наук Украины
E-mail: flegontova.natalya@yandex.ua

N.N. FLEGONTOVA

Candidate of Pedagogics, Senior research, Department of «Pedagogical esthetics and ethics», Institute of pedagogical education and education of adults, National academy of pedagogical sciences of Ukraine
E-mail: flegontova.natalya@yandex.ua

ВЛИЯНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

INFLUENCE OF THE NATIVE LANGUAGE ON FORMATION OF COMMUNICATIVE EXPERIENCE OF TEACHERS OF THE HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Статья посвящена актуальной проблеме – влиянию родного языка на формирование коммуникативного опыта преподавателей высших педагогических учебных заведений. Определены противоречия, которые возникают в практической деятельности преподавателей, касаемой вышеуказанной проблемы, и пути ее решения. Конкретизировано понятие «коммуникативный опыт», которое рассматривается как результат целостного состояния личности преподавателя, как фундамент его профессионализма.

Ключевые слова: родной язык, коммуникативный опыт, преподаватели высших педагогических учебных заведений, педагогическое общение, коммуникативная компетентность, коммуникативное взаимодействие.

The article is devoted to the problem of the native language of communicative practices of teachers of higher educational institutions. Contradictions which arise in practical activities of teachers, a regarding above problem, and a way of its decision are defined. The concept “communicative experience” which is considered as result of a complete condition of the identity of the teacher, as the base of its professionalism is concretized.

Keywords: native language, communicative experience, teachers of higher educational institutions, educational communication, communicative competence, communicative interaction.

В системе национальных ценностей язык занимает одно из важнейших мест. Это код нации, способ коммуникативного взаимодействия личности с миром. Он выполняет целый ряд важных функций, одна из которых – образовательная. Ее основная цель состоит в формировании национального сознания духовно богатого человека и является важнейшим источником формирования интеллекта и духовно-эмоциональной сферы личности через ее органическую связь с национальными традициями, ее историей, культурой. Глубинный пласт языковой культуры помогает шире раскрыть отдельные направления при изучении предметов гуманитарного цикла. Об огромных возможностях, лексических особенностях, колорите родного языка сказано в научных изысканиях по философии, психологии, педагогике, социологии, культурологии. Слово является инструментом психолого-педагогического влияния на человека. Здесь следует акцентировать внимание на огромной ответственности, возлагаемой на преподавателя (учителя, воспитателя, педагога), который с помощью Слова формирует национально сознательного, духовно богатого человека, осознающего значение родного языка не только как способ общения, но и как наиважнейший источник формирования интеллекта и

духовно-эмоциональной сферы личности посредством органичной связи с национальными традициями.

Язык – единственный и самый главный способ, которым пользуется педагог в своей деятельности. И какого бы апогея не достигла наука в технических средствах обучения, какими бы лучшими компьютерами мы не овладели, никогда современная и наиболее послушная техника не заменит живого слова. Не менее важной на сегодня остается проблема повышения педагогического мастерства преподавателя, в частности, в направлении воспитания интереса к изучению родного языка. Язык – не просто учебная дисциплина, это сама жизнь, которая требует соблюдения определенных правил и глубинных знаний. Поиск нового, актуального, совершенствование языкового чутья является насущной потребностью каждого образованного человека. Через познание языка заключается путь к познанию человека, народа.

Сегодня язык – не просто средство коммуникации, он приобретает планетарное значение. На территории любого государства – это вопрос краеугольный, так как все проблемы (экономические, политические, культурные) должны начинаться с патриотизма, который невозможен без знания родного языка и без глубокого уважения к языку государственному.

Интеграция Украины в европейское образовательное и научное пространство обуславливает повышение качества образования и уровня преподавания учебных дисциплин, усиление требований к современному преподавателю, уровню его профессиональной компетентности, общей культуры, педагогического мастерства и постоянного самосовершенствования.

В концептуальных документах развития образования Украины (Законы Украины «Об образовании», «Об общем среднем образовании», «О высшем образовании», «Национальная стратегия образования в Украине на 2012-2021 годы», Государственная программа «Учитель», Концепция развития последиplomного образования в Украине) отмечается: личность педагога, его профессиональная компетентность приобретает особое значение.

Изменения в системе образования Украины конца XX – начала XXI века характеризуются трансформацией традиционно линейной монологичности в нелинейную диалогичность, полилогичность. Именно поэтому особое значение приобретает эффективная педагогическая коммуникация. Современные требования к компетенциям будущих специалистов различных отраслей требуют качественно новой деятельности преподавателей, которые должны быть образцом содержательной, точной, выразительной и эмоциональной, безупречно грамотной речи.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что уровень коммуникативной компетентности преподавателей влияет на развитие личности и творческой индивидуальности субъектов общения, повышение уровня самооценки формирования ценностных ориентаций, а значит – на эффективность педагогического взаимодействия участников процесса образования и результативность учебно-воспитательной работы в образовательных учреждениях разных уровней аккредитации.

Анализ психолого-педагогической литературы свидетельствует, что профессиональной подготовке преподавателя, развитию его личности, профессиональной компетентности уделяется должное внимание. На ведущей роли коммуникативного компонента деятельности преподавателя акцентируется внимание во многих исследованиях психолого-педагогического характера, в частности в трудах И. Зязюна, В. Кан-Калика, А. Леонтьева, Г. Лещенко, Е.Рогова [7, 2, 4, 5, 9] и др. Значительное внимание ученых уделяется отдельным аспектам речевой деятельности (Б.Головин) [1], проблемам практической риторики (С.Коваленко, Л.Мацько и О.Мацько, Г. Сагач, В. Федорчук) [3, 6, 10, 11].

Однако, новые подходы, выработанные современными лингвистикой, педагогикой, психологией еще не введены системно в педагогическую практику. Возникают противоречия:

– между растущими требованиями к уровню педагогического общения, публичной речи учителя и качеством реальной профессиональной подготовки, недостаточностью риторической компетентности, низким уровнем риторической культуры в современном обществе;

– между большим объемом информации и недостаточностью современного методологического обеспечения относительно развития коммуникативной компетентности учителя.

Отсюда возникает проблема исследования процесса развития коммуникативной компетентности, а следовательно, и опыта преподавателей высших педагогических учебных заведений в контексте взаимодействия преподавателя и студента.

В психологии педагогическое общение определяется как взаимное действие субъектов педагогического процесса, осуществляемого знаковыми методами и направленное на значимые изменения свойств, состояния, поведения и личностно-смысловых ценностей партнеров.

Владение коммуникативными умениями особенно остро ощущается в сфере образования, где языковое и эмоциональное общение на занятиях и вне их определяют спектр воспитательных действий. Поскольку педагогический процесс предполагает взаимодействие преподавателя и студента, умение общаться – одно из неперемных условий достижения педагогического мастерства. Педагогическое общение является основной формой осуществления педагогического процесса. Его результативность определяется целями и ценностями общения, которые должны быть приняты всеми субъектами педагогического процесса как императив их индивидуального поведения.

Развитие и совершенствование педагогического мастерства происходит на основе непрерывного распространения и углубления опыта в течение всего периода деятельности педагога. Этот процесс всегда должен быть творческим. Выдающийся педагог К.Д. Ушинский, в частности, отмечал, что важен не сам опыт, а мысль, что вытекает из него. Мысль, которую преподаватель «добывает» из собственного педагогического опыта, творчески, с позиции науки анализируя собственную практическую деятельность и благодаря этому приобретает не просто опыт, а возвышается до вершин педагогического мастерства. В то же время его опыт становится источником обогащения и дальнейшего развития педагогической теории [8, с. 211].

Коммуникативный опыт является основой, на которой выстраиваются педагогические качества и способности личности преподавателя, совершенствуется его профессиональное мастерство. Он влияет на все аспекты его педагогической культуры, гуманистически ориентированных качеств, а также является средством оптимизации педагогической деятельности, направляет творческий поиск, способствует выявлению индивидуального стиля педагогической деятельности, активизации творческого воображения и фантазии, что сказывается на выборе педагогических решений.

Коммуникативный опыт есть результат целостного состояния личности преподавателя, а значит – его нельзя сводить к статической сумме знаний, умений и навыков, поскольку он постоянно находится в динамичном развитии. Коммуникативность – огромный рычаг в

педагогической деятельности. И если преподаватель не обладает даром Слова, если ему чужды понятия этики и эстетики, нравственности и духовности – его работа не принесет удовольствия и пользы ни ему, ни тем, кого он учит.

В коммуникативном процессе проявляется человеческое «Я», которое имеет мощное основание – устную речь со всеми ее возможностями и проявлениями самых разнообразных оттенков чувств, переживаний, гибкости мысли, как способ оценки всего, что касается человека и его окружения, способность контактировать с другими людьми и влиять на них.

Коммуникативное взаимодействие лишь тогда действительно, если слово, сказанное преподавателем, услышано, понятно, убедительно. Для преподавателя чрезвычайно важно иметь артистические способности, уметь оперировать словом, чтобы донести его до реципиента, донести на уровне волшебного звука, и при этом совместить звучание с глубоким смыслом. Практика показывает, что в процессе профессиональной деятельности допускают некоторые ошибки в педагогической технике как молодые педагоги, так и более опытные. Это снижает эффективность учебно-воспитательного процесса, что проявляется в неумении разговаривать со студентами, неумении сдерживать или, наоборот, проявить гнев, неумении преодолеть неуверенность в себе, неумении выбирать соответствующую позу, необходимый жест, недостатках речи (монотонность, бесцветность, невыразительность, плохая дикция) и т.д.

Преодоление трудностей в работе преподавателя возможно путем использования педагогической техники со всеми ее составляющими, среди которых особое значение имеют:

- техника речи (грамматическая правильность, выразительность, образность, юмор, собственно техника речи (постановка и тембр голоса, эмоциональность, убедительность, богатство интонаций и оттенков, дикция, темп);

- техника педагогического общения (умение слушать; задавать вопросы; анализировать ответ, быть внимательным, наблюдательным; понимать других, устанавливать контакт; видеть и понимать реакцию аудитории; передавать свое отношение к тому, о чем идет речь, заинтересовать, захватить объяснением, рассказом, сообщением; ориентироваться в ситуации);

- психотехника (умение создавать необходимое настроение, снимать излишнее напряжение, волнение, преодолевать собственную нерешительность и мобилизовать себя, сдерживать себя в стрессовых ситуациях; способность к перевоплощению, к игре, управлению своим настроением).

Таким образом, каждый преподаватель должен стремиться к овладению педагогической техникой, ее компонентами, которые обеспечивают успешность его деятельности. Эти профессиональные умения – путь к совершенствованию педагогического мастерства, воспитанию интереса к изучению родного языка могут быть реализованы исключительно с помощью основно-

го средства человеческого общения – языка и речи.

Одной из главных предпосылок усовершенствования знаний остается самообразование, саморазвитие, их интенсификация, где рядом с традиционными формами имеют место обсуждения отдельных актуальных вопросов, полемика вокруг некоторых эстетических проблем, собственные творческие пробы, которые допускают обоснованную оценку понятий и иногда не сходятся с общепринятыми. Очень важно при этом, как думает преподаватель. И поскольку язык – способ оформления и внешнего проявления мысли, речь раскрывает индивидуальность личности, в том числе ее мыслительную деятельность. Если его мысли позитивны, он полностью контролирует свое сознание. Констатируя факт непосредственной, самой тесной взаимосвязи мышления и речи, преподаватель совершенствуется в плане речевой коммуникации.

Положительно настроенный коммуникативный процесс способствует творческой атмосфере в коллективе и обеспечивает особое взаимодействие преподавателя и студента. Ученые, анализируя коммуникативность, акцентируют значение этого человеческого качества, которое зависит от цели и определяет действие субъекта. Подавляющее большинство ученых определяют коммуникативность как «профессионально-личностное качество педагога, которое характеризуется потребностью в общении, способностью легко вступать в контакт, вызывать положительные эмоции у собеседников, чувствовать удовольствие от общения» [7, с.104]. И все это осуществляется с помощью языка и речи – стержня человеческого сознания. В частности, в концепции П. Юркевича, слово является языком сознательной души народа, а звук – языком неизвестной души всего сущего. Язык – это единственный способ для личности (и народа) быть собой.

Коммуникативность – одно из наиболее значимых профессиональных качеств преподавателя. От умения владеть языком, словом зависит результат любого общения, особенно в такой области, как педагогика. Коммуникативная компетентность единодушно определяется современными исследователями среди ключевых компетентностей личности. Коммуникативная компетентность педагога является целостным, интегративным, многоуровневым образованием, состоит из внешней и внутренней стороны общения (понятийно-операционная и личностная составляющие), имеет свои особенности деятельности (базовые и профессиональные), уровень усвоения (знания, умения).

В современном европейском образовательном пространстве ведущая роль отводится концепции непрерывного образования специалиста в течение всей жизни как фундаментальная основа новой философии образования. Исходя из сказанного, образовательное пространство высшего учебного заведения формирует информационные потоки, систему коммуникативных пространств общения и педагогических отношений. В этой системе преподаватель должен работать над повышением своей квалификации. На разных уровнях:

последипломное образование, участие в проведении различных форм обучения, объединенных по содержанию и структуре.

Преимущество должно принадлежать субъективной активности преподавателя, практико-ориентированным занятиям, базирующимся на активных технологиях, в частности интерактивные, актуализированные лекции, дискуссии, акмеологические практикумы, анализ ситуаций или case-метод, тренинги, адаптивные технологии обучения, конференции по обмену опытом работы, игротехнологии профессионального усовершенствования, такие как имитационные, деловые, организационно-деятельные, ситуативно-ролевые и т.п. Действующей формой повышения педагогического мастерства учителя является также участие в инновационных конкурсах, в работе творческих, динамичных, инициативных групп, постоянно действующих семинарах, педагогических консилиумах, аукционах творческих идей, ярмарках педагогического творчества, школах педагогического мастерства, коммуникативных тренингах и т.п. Должны широко использоваться современные информационно-коммуникативные технологии.

Предлагая систему активных форм работы для развития позитивного общения, мы влияем на коррек-

цию мотивационно-ценностной сферы личности, формируем навыки рефлексии, которая дает толчок для самосовершенствования.

Речь и её культура являются ведущим признаком профессионального опыта преподавателя, выражается в научной и общей эрудиции, стремлении к самосовершенствованию, культуре общения, педагогической этике. Коммуникативная компетентность преподавателя определяет уровень педагогического опыта, основанного на высокой культуре речи, логическом мышлении, корректности в высказываниях, сдержанности и взвешенности, четкости и доступности в речи. Традиции рационального пользования словом воспитывают уважение к мнению другого человека, правильность, выразительность, ясность, точность, краткость, целесообразность речи, выступают риторическими средствами. Коммуникативный опыт является надежным фундаментом для развития личности преподавателя: с огромным коммуникативным потенциалом, высоким уровнем речевой коммуникативной компетенции и надлежащей социально-коммуникативной активностью, способствующей оптимизации учебно-воспитательного процесса.

Библиографический список

1. Головин Б.И. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988. 319 с.
2. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении. М.: Просвещение, 1987. 190 с.
3. Коваленко С.М. Сучасна риторика: Навчально-практичний посібник. Тернопіль: Мандрівець, 2007. 184 с.
4. Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.
5. Лещенко Г. Компендіум основних методичних понять: стилій виклад засад формування комунікативної української компетентності. // Українська мова і література в школі. 2009. № 5. С. 6-13.
6. Мацько Л.І., Мацько О.М. Риторика: Навчальний посібник. К.: Вища шк., 2003. 311 с.
7. Педагогічна майстерність / І.А. Зязюн, Л.В. Крамушченко, І.Ф. Кривонос та ін.; за ред. І.А. Зязюна. 3-тє вид., допов. і переробл. К.: СПД Богданова А.М., 2008. С. 104.
8. Педагогическая энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. С. 211.
9. Рогов Е.И. Учитель как объект психологического исследования: Пособие для школьных психологов по работе с учителем и педагогическим коллективом. – М. Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. 496 с.
10. Сагач Г.М. Риторика: Навч. посібник для студентів серед. і вищих навч. закладів. К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2000. 568 с.
11. Федорчук В. Комунікативна компетентність педагога. К.: «Шкільний світ», 2007. 128 с.

References

1. Golovin B. I. Bases of the standard of speech. M.: Vissh. shk., 1988. 319 p.
2. Kan-Kalik V.A. To the teacher about pedagogical communication/VA. Kan-Kalik. M.: Prosveshenie, 1987. 190 p.
3. Kovalenko S. M. The modern rhetorician: Educational and practical manual. Ternopol: Mandrivets, 2007. 184 p.
4. Leontyev A.A. Bases of the theory of speech activity. M.: Nauka, 1974. 368 p.
5. Leshchenko G. Compendium of the basic methodical concepts: the short collection of formation of communicative Ukrainian competences//Ukrainian and literature at school. 2009. No. 5. Pp.6-13.
6. Matsko L.I., Matsko O. M. Rhetoric: Manual. Kiev: Vissh. shk., 2003. 311 p.
7. Pedagogical workshop / I. A. Zyazyun, L.V. Kramushchenko, I. F. Krivonos and others; under edition I. A. Zyazyuna. 3 editio, added and processed. Kiev: Bogdanov A.M. SPD., 2008. Pp. 104.
8. Pedagogical encyclopedia. M.: Publishing house "Soviet encyclopedia", 1966. P. 211.
9. Rogov E.I. Teacher as object of psychological research: Grant for school students psychologists on work with the teacher and pedagogical collective. M. Gumanit. prod. VLADOS center, 1998. 496 p.
10. Sagach G. M. Rhetoric: Manual for students of averages and higher educational institutions. Kiev: Publishing house «In Jure», 2000. 568 p.
11. Fedorchuk V. Communicative competence of the teacher. Kiev: "Schkilnii svit", 2007. 128 p.

С.М. ЧЕРНИКОВА

доктор педагогических наук, доцент, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: myrzin13@rambler.ru

S.M. CHERNIKOVA

Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Departments of arts and crafts and technical graphics, Orel State University
E-mail: myrzin13@rambler.ru

МЕТОДИКИ АКТИВАЦИИ МЫШЛЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИЗАЙНА REVITALIZATION OF THINKING TECHNIQUE USED IN THE PRACTICE OF TEACHING DESIGN

В данной статье рассматриваются методы активации творческого мышления художников-дизайнеров, а так же условия и рациональность их применения в период обучения студентов-бакалавров и магистров.

Ключевые слова: творчество, мышление, активация, проектирование, обучение.

This article describes how to activate creative thinking of artists, designers, conditions and the rationality of their use in training students-bachelors and masters.

Keywords: creativity, thinking, activation, design, training.

Существует несколько приемов методики активации мышления для решения изобретательских идей, которые применяются в практике преподавания дизайна.

- Мозговая атака (от англ. Brain storming) – метод стимуляции творческой активности и продуктивности творческой деятельности за счет ее освобождения от ограничений, свойственных тривиальным условиям и рутинным приемам работы. [1.400]. На решение предложенной задачи отводится пару часов. Основной принцип решения проблемы: «Невозможного – нет». Чем креативней идея, тем лучше. В этом методе активации творческого мышления критики не существует. Все идеи зарисовываются в форме наброска (как и клаузуры на практических занятиях). Допускается любой материал и любые формы отражения идеи объекта. При решении задачи преподаватель может предложить несколько вариантов решения: прием инверсии – сделать наоборот, аналогии – решить так, как уже решали или умеем решать, эмпатии – считать себя частью объекта и выявить все свои чувства и ощущения, фантазии – сделать необыкновенное. Метод мозговой атаки можно применять для решения любой проблемы, главное, чтобы проблема была ясна для студента и четко сформулирована. Этот метод можно применять на любом этапе проектирования – как в начале решения проблемы, так и в конце. Такой прием активации творческого мышления хорош на первых курсах обучения студентов, когда необходимо раскрепостить, убрать скованность учащихся в свободе творчества, проявления креативности.

- Метод контрольных вопросов по А. Осборну. Какое новое применение проектируемого объекта можно предложить, как модифицировать известные способы применения объекта? Возможно ли решение задачи путем вращения предмета, сокращения? Какие

модификации возможны при изменении формы, цвета, размеров, местоположения, ориентации? Что можно присоединить, переменить, сменить, заменить? Что, если изменить материал, технологический процесс, источник энергии? Что можно преобразовать, поменять местами? Что можно перевернуть наоборот, перевести плюс в минус? Какие комбинации элементов возможны? Такой метод активации творческого мышления лучше применять на старших курсах обучения, когда студент уже владеет определенными знаниями в области цветоведения, композиции, формообразования, знаком с материалами.

- Вопросы по Эйлоарту. Перечислить все качества и определения объекта. Выделить главное, перечислить все недостатки, придумать фантастические аналогии, попробовать различные виды материалов и энергии. Узнать мнение непосвященных. Устроить групповое обсуждение. Попробовать национальные решения (русское, шотландское, пекинское). Жить с проблемой, жить в стимулирующей обстановке. В воображении залезть внутрь механизма. Узнать, кто решил эту проблему и чего он добился. Задания по Эйлоарту можно предложить студентам, обучающимся в магистратуре, т.е. это уже более высокая ступень активации творческого мышления студентов, требующая основных базовых знаний, умений и навыков в области проектирования.

- Метод проектного семинара – краткосрочная коллективная работа над общей темой. Предполагает обмен идеями и совместный анализ проделанной работы. Метод проектного семинара бывает двух видов: обучающий, когда демонстрируется определенная методика процесса проектирования, и чисто проектный, когда добиваются конкретного проектного результата. Задачи проектного семинара – это генерация проектной

идеи, формирование концепции объекта и его проектного образа. Этот метод возможно применять на любых этапах обучения, с любым «багажом» знаний студентов. Главное, чтобы задания соответствовали уровню готовности учащихся к решению поставленных задач.

- Метод сети взаимодействия применяется в сложных проектных ситуациях, где служит средством строгой, объективной проверки правильности решения, неосуществимой мысленным или визуальным путем. При таком методе активации творческого мышления необходимо прибегать к знаниям узких специалистов, возможно применение метода в проведении студенческих практик.

- Метод продуктивной проектной деятельности – решение задач проектирования на основе прототипов. Этот метод опирается на содержание объекта с точки зрения социально-культурного значения, функционального назначения, идеологической значимости. Основная задача продуктивной проектной деятельности – это разработка нетривиальных задач, выдвижение новых идей на методологическом уровне, выработка новых пространственных концепций, что требует применения новых средств деятельности в соответствии с уровнем научно-технического прогресса. Такой метод активации творческого процесса наиболее часто применяем в преподавании дизайнерского проектирования, студенты используют его чаще всего: он более понятен и доступен.

- Метод визионерского предметного творчества – вид проектирования, предвещающий создание реальных объектов показом для широкого обсуждения специальных эскизов, макетов. Метод визионерского предметного творчества – это прием, имитирующий реальное воплощение объекта. Метод чаще всего используют при разработке методики преподавания в форме деловой игры, в проектировании выпускной квалификационной работы.

- Метод проектной модели – дизайнерская форма высказывания об объекте, фиксация научной или проектной мысли. Совместная работа между заказчиком и проектировщиком отличается такими качествами, как:

1. адекватность (правдоподобие, реалистичность);
2. условность т.к. объект представляет собой условное, обобщенное его отражение;
3. концептуальность – наличие творческого замысла, авторской концепции.

Модели могут быть графическими, объемными, словесными.

- Метод макетирования (от итал. *macetto* – эскиз,

набросок) – условие или «натуральное» объемно-пространственное изображение объекта в определенном масштабе, позволяющее вести поиск и оценку эстетических, функциональных, конструктивно-технических или потребительских качеств новых изделий и форм, в комплексе анализировать различные аспекты конкретного проектирования [1.402].

Различают макеты:

1. художественно-эстетические, конструктивные, технологические;
2. рабочие, эскизные, демонстрационные, для лабораторных испытаний;
3. по масштабу (в натуральную величину, уменьшенные в различном соотношении);
4. трехмерные – объемные, полуволемные диорамы, циклограммы, перспективные макеты, макеты-декорации, плоскостные;
5. бумажные, тканевые, деревянные, передающие фактуры и задуманные материалы.

Чаще всего в одном макете применяют несколько свойств макетирования, т.е. макет может передавать художественно-эстетический образ, выполненный в виде эскиза с передачей фактуры и т.д.

Работа над дизайн-концепцией – процесс системный. Существует несколько таких систем.

Первая система – совокупность действий студента и преподавателя с использованием различных методов проектирования. Стратегия может меняться в ходе работы над проектом, ее путь зависит от предыдущих результатов. Стратегии бывают линейными (последовательная цепочка действий, ведущая к результату), циклическими (с возвращением к какому-либо из предыдущих этапов), разветвленными (включающие параллельные этапы и альтернативные этапы проектирования).

Вторая система – тактика, она определяет генеральную линию движения. Методами такой тактики являются: совместимость элементов системы и окружающей ее среды.

Процесс создания концепции обычно протекает в свободной графической форме – в технике эскиза, наброска, коллажа, макета, в виде пространственных инсталляций. Когда определена концепция проекта, разработаны основные функциональные и объемно-пространственные художественные идеи, дальнейшая работа над проектом нуждается в более подробном «эскизном проекте». Для этого проектант разрабатывает необходимые «рабочие чертежи». Делать это можно самим или привлекать к работе более узких специалистов.

Библиографический список

1. *Ефимов А.В и др.* Дизайн архитектурной среды: Учебник для вузов. М.: Архитектура., 2005. 504 с., ил.
2. *Пономарев Я.А.* Фазы творческого процесса // Исследование проблемы психологии творчества. М: Педагогика, 1983. 261с.
3. *Клюев М.В.* О дизайне. История промышленного дизайна. // www.rosdesign.com

References

1. *Efimov A.V. et al.* Design of Architectural Environment: textbook for higher schools universities. М.: Architecture. 2005. 504 p., ill.
2. *Ponomarev Ya.A.* Phase of the creative process // Study on the psychology of creativity. М: Pedagogy, 1983. 261p.
3. *Klyuev M.V.* About design. The history of industrial design. М // www.rosdesign.com

УДК 81.1+378

UDC 81.1+378

Е.В. ШАХМАТОВА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

E-mail: katya.shakhmatova@gmail.com

E.V. SHAKHMATOVA

Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer, Department of foreign languages, Amur Humanity and Pedagogy State University

E-mail: katya.shakhmatova@gmail.com

ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ УМЕНИЯМ ИНОЯЗЫЧНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

THE ISSUES OF INTERCULTURAL APPROACH TO TEACHING OF FOREIGN LANGUAGE BUSINESS COMMUNICATION SKILLS FOR UNIVERSITY STUDENTS

Эффективность иноязычной деловой коммуникации во многом определяется базовыми культурными характеристиками партнеров по общению, выражением которых в языке являются определенные лингвистические и поведенческие модели. Межкультурный подход к обучению выдвигает эти характеристики в качестве приоритетных для изучения, в то время как наиболее важными умениями становятся межкультурная восприимчивость и способность к логическому анализу ситуации.

Ключевые слова: межкультурное обучение, умения делового общения, базовые культурные ценности, лингвистические модели, межкультурная восприимчивость.

The effectiveness of foreign language business communication is affected by the basic cultural values of business partners, which are revealed through certain linguistic and behavioral patterns. Intercultural teaching of business communication skills considers them the most important items for studying where as intercultural sensitivity and the ability for logical analysis of the situation are prior skills for students' training.

Keywords: intercultural teaching, business communication skills, basic cultural values, linguistic patterns, intercultural sensitivity.

На современном этапе развития российского общества с его культурной и образовательной интеграцией в мировое сообщество, бурным развитием международных отношений, нарастанием интенсивности и многообразия межличностных коммуникаций особенную актуальность приобретает проблема повышения качества высшего образования. А именно, кардинальное обновление подходов к обучению будущих специалистов умениям иноязычной деловой коммуникации с представителями различных культурных сообществ.

Феномен иноязычного делового общения сегодня – это не просто регламентированный процесс обмена информацией равноправных партнеров – представителей разных стран в сфере бизнеса, направленный на совместное достижение предметной цели общения. Он непременно должен включать выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания партнера по общению. Эффективная бизнес-коммуникация строится на отношениях между людьми, которые понимают и принимают точку зрения друг друга, что ведет к развитию контакта в желаемом направлении [1, 3, 4]. В этой связи необходимо подчеркнуть ведущую роль межкультурного обучения в осознании иной культурной картины мира, которая неизменно находит свое воплощение в реалиях иностранного языка.

Деловое общение являет собой удивительный пример того, как в многообразии реальных деловых ситуаций проявляются и сосуществуют разные аспекты межкультурного взаимодействия (социальная и общественная структура общества, менталитет народа и образ мышления, национально-речевой и поведенческий этикет, деловая этика и деловой имидж) в различных комбинациях друг с другом. Вместе с тем особый интерес представляет исследование З.И. Гурьевой «Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект». Проанализировав 4325 бизнес-текстов самой разной направленности: деловые письма, деловая документация, контракты, служебные записки, рекламные тексты, телефонные разговоры, отчеты, автор пришла к выводу о том, что глобальным коммуникативным замыслом делового общения является «оказание определенного воздействия на знания, поведение или эмоциональное состояние делового коммуниканта, результатом которого является достижение соглашения или взаимопонимания по какому-либо вопросу» [2].

Необходимо отметить, что в деловом общении между партнерами могут возникать совершенно специфические коммуникативные барьеры, важнейшим из которых для установления взаимопонимания в межкультурной коммуникации является семантический барьер.

Семантические и лингвистические, т. е. смысловые, барьеры могут вызываться разнообразными причинами, одна из которых – это как раз социальные, культурные, психологические, национальные и религиозные различия [1, 3].

Как показывает практика, данные психологических исследований о природе общения, о факторах и условиях, влияющих на формирование способностей к межкультурному взаимодействию, в полной мере учитываются в содержании кодексов деловой этики крупных предприятий, работающих на международном уровне. Следовательно, формирование у студентов коммуникативных умений делового взаимодействия должно протекать на научной основе и иметь практическую направленность.

Многочисленные деловые контакты российских и западных партнеров наглядно иллюстрируют тот факт, что базовые культурные и личностные характеристики значительно влияют на успех в межкультурной деловой коммуникации, на эффективность стиля управления и на результат деловых переговоров. Базовые культурные характеристики русского народа, которые проявляются в выборе ими лингвистических средств, оформляющих производство деловой коммуникации в рабочей обстановке, совершенно не присущи их западным партнерам. Вне зависимости от того, какой именно язык является средством межкультурного общения, будь то русский, английский или немецкий, – значение многих языковых выражений может быть воспринято неверно представителями другой культуры [6].

Одним из наиболее эффективных способов преодоления межкультурных различий является развитие *межкультурной восприимчивости*[5].

Эта категория знаний может быть сложна для изучения по целому ряду причин, главной из которых является огромный объем и многообразие культурного знания. Сложно сказать, что и в каком объеме должно быть усвоено с тем, чтобы человек мог эффективно функционировать в данной культуре. Изучение некоторых специфических традиций может показаться бесполезным если не с этнографической, то с практической точки зрения. Но с другой стороны, знание таких традиций может оказаться полезным для понимания определенных свойств национального характера. Проанализировав, что может означать та или иная поведенческая черта и как она связана с другими реалиями культуры, можно избежать негативной реакции на такое поведение и даже на каком-то этапе извлечь пользу для понимания проблем работы коллектива.

Ученые утверждают, что целесообразно рассматривать большую часть, казалось бы, разрозненных и не взаимосвязанных элементов культурных знаний как внешнее проявление определенных базовых культурных характеристик с тем, чтобы получить возможность сделать правильные выводы относительно личностных и культурных характеристик представителей определенной нации.

В таком случае выводы касаются культурных реалий

будут теми чертами коммуникативного поведения, которые представитель другой культуры сначала сознательно отнес к внешним проявлениям, а затем уже соотнес их с известными ему базовыми ценностями, для того чтобы эффективно справиться с возникающими культурными различиями без привлечения эмоциональной оценки. При таком подходе наиболее важной информацией к изучению являются базовые культурные ценности, а наиболее важными умениями – **межкультурная восприимчивость и способность к логическому анализу ситуации**[5, 6].

В современных лингвистических исследованиях, посвященных проблемам прагматического подхода к межкультурному общению, были сделаны следующие обобщения относительно базовых характеристик / черт российской культуры. Эти исследования основываются на огромном количестве лингвистических и культурных фактов, используемых в виде повседневных речевых и поведенческих моделей, а также в русской философской и литературной традиции.

- Эмоциональность: выражение собственных чувств (как хороших, так и плохих) и внимание к тому, как другие люди говорят о своих чувствах, считается допустимым в гораздо большем числе контекстов в сравнении с западной культурой. Из этого следует:

- межличностные отношения важнее фактов действительности;

- межличностная реальность имеет внешние проявления во многих контекстах.

Можно наблюдать данную культурную особенность в таких языковых приемах, как частое использование «культурно заряженных слов», таких как *душа*, которые сигнализируют о важности культурного мира; изобилие и большое разнообразие активных эмоциональных глаголов (как будто эмоции возникают внезапно сами по себе) – *волноваться, печалиться, удивляться, радоваться* – по сравнению с английскими названиями эмоциональных состояний: *beglad, besad, beangry, behappy*.

В области имен собственных, русский язык известен наличием большого количества уменьшительно-ласкательных производных не только по отношению к детям, как в английском языке *Teddie, Tommy*, но также по отношению к взрослым без разграничения по возрасту или полу. Они используются в разных контекстах (*Леночка, Володенька*) для выражения предельно важной роли близости и интимности, а также минутных проявлений чувств между людьми и малейших оттенков их отношений. Другими словами, для выражения солидарности и вежливости путем сокращения социальной дистанции.

- Склонность выносить суждения: важность этической оценки.

Человек знает, что его поведение оценивается другими с моральной точки зрения и считает уместным со своей стороны делать то же самое. Русский человек жаждет высказать собственное мнение, ожидает и даже просит других дать моральную оценку взаимной преданности, уважения и искренности.

В языке эта черта находит выражение в огромном количестве (например, в сравнении с английским языком) существительных – как положительно, так и отрицательно окрашенных, – выражающих моральное суждение, возведенное в абсолют. Употребление существительных в данном случае отличается от использования прилагательных, которые позволяют описать лишь какую-то черту личности, в то время как существительные приписывают человека к определенному типу.

- Отношение, выражающее отсутствие уверенности и контроля над происходящим в мире: сфера неуправляемого и, как следствие, непостижимого шире, чем она должна быть по предположению западного наблюдателя. Эта черта составляет прямую оппозицию, например, американскому прагматизму.

- Нерациональность мирового устройства: русский человек думает и действует так, будто не всегда способен полагаться на объективные методы анализа и логики. Эта черта противостоит американскому позитивизму [4, 6].

В большинстве случаев неудачи в межкультурной коммуникации имеют отношение именно к этим основным культурным характеристикам, выражением которых в языке являются определенные лингвистические структуры. Они группируются по двум направлениям: **теория вежливости и стратегии обработки информации** [7, 8], характерные для данной культуры.

Установление и поддержание взаимоотношений с другими людьми, будучи социальной функцией общения, обычно описывается понятием *лицо*, т.е. публичное проявление индивидом своей самооценки. Как личности, мы неустанно и бдительно пытаемся сохранить как наше «негативное лицо» (= желание самоопределения; попытки воздерживаться от посягательств на свободу адресата), так и наше «позитивное лицо» (желание одобрения; высказывание «хороших» вещей адресату с целью продемонстрировать ему свое расположение) в соответствии с понятиями своей культуры. Исследования показали, что ни один акт коммуникации не может состояться без привлечения определенных стратегий вежливости; что люди остро реагируют даже на незначительные отклонения от тех моделей вежливости, которые уместны в данном контексте и что культурные сообщества значительно отличаются друг от друга конкретными «правилами вежливости».

Социальная вежливость предполагает соблюдение правил коммуникативной игры, в то время как *такт* призван регулировать межличностные взаимоотношения, обеспечивая поддержку, эмпатию и помогая избегать недоразумений. Социальная вежливость и такт являются универсальными категориями человеческого поведения; однако, культурные сообщества отличаются способом организации социального взаимодействия, понятиями о том, что является тактичным и какое такт имеет стратегическое и лингвистическое воплощение.

Что касается проблем, связанных с использованием правил вежливости в межкультурной коммуникации между американскими и российскими партнерами,

многочисленные исследования иллюстрируют их в виде следующих оппозиций:

1. русские больше ценят вежливую похвалу;
2. американцы обращают больше внимания на вежливо высказанную критику;
3. речь русских более эмоционально окрашена, чем у американцев;
4. американцы традиционно менее прямолинейны в просьбах, чем русские;
5. русские прилагают более значительные усилия для обоснования предмета просьбы, чем американцы;
6. в отличие от русских, американцы предваряют критические замечания положительной оценкой;
7. для русских прямота в общении со знакомыми является признаком искренности;
8. для американцев же это означает посягательство на их личную свободу;
9. в русском языке имеется огромное количество лингвистических средств, в особенности используемых для выражения теплоты и необходимой близости в общении со знакомыми и близкими людьми, таким образом, усиливающих положительную вежливость;
10. при переводе на английский язык эти лингвистические средства приобретают оттенок снисходительности, становясь, таким образом, обидными и переходя на негативную сторону восприятия;
11. друзья воспринимаются русскими в качестве близких людей, в то время как для американцев друзья – это всего лишь знакомые;
12. американцы проявляют большую вежливость по отношению к незнакомым людям, чем русские;
13. для американцев сам факт извинения означает принятие ответственности за нанесенную обиду, в то время как для русских извинение несет оттенок сочувствия.

Наряду с проблемами теории вежливости, процесс обработки информации, лежащий в основе любого акта коммуникации, также включает в себе потенциальные ловушки для партнеров по общению и создает следующие проблемы [8]:

- В процессе достижения консенсуса российские партнеры обычно не придерживаются рамок какого-то определенного речевого стиля, или как может показаться западному партнеру. При поддержании разговора русские часто начинают фразу с использования слова *нет*, даже если соглашаются с предыдущим высказыванием партнера.

- Ответственность реципиента за полученную информацию. Это означает, что в России, если человек заинтересован в получении какой-либо информации, он сам вынужден ее добывать. А те, кто владеет информацией, особенно различные государственные учреждения, не считают своим долгом предоставлять ее в полном объеме. Эта особенность находится в ярко выраженной оппозиции с современными требованиями обмена информацией. В американском обществе наблюдается прямо противоположная картина: предоставление полной, исчерпывающей информации – пер-

вейшая обязанность любого учреждения по отношению к своему обществу.

- Потенциальное недоверие к «объективным фактам». Эта черта берет свое начало из нескольких культурных свойств, но особенно шокирующим для американских партнеров является неприятие «всего нового». При демонстрации нового программного обеспечения вы вполне можете ожидать возражения о том, что и старая программа работает достаточно хорошо.

- Параллельная обработка информации, т. е. одновременное общение и обмен информацией с несколькими партнерами, что расценивается как неумение слушать во время совещаний и студенческих лекций.

Обучение иноязычному деловому общению студентов на современном этапе не может не учитывать вышеперечисленные проблемы межкультурной деловой коммуникации. В то же время интерактивная сторона

обучения деловому общению должна заключаться в организации взаимодействия между студентами, т.е. в обмене не только знаниями и идеями, но и действиями.

Именно поэтому для эффективного общения в условиях межкультурной коммуникации необходимы знания базовых характеристик российской и западной культуры, которые проявляются в выборе определенных лингвистических средств, речевых и поведенческих моделей, оформляющих производство деловой коммуникации в рабочей обстановке. Они как раз и служат ключом к пониманию смыслов и построению выводов о культурных предпочтениях участников коммуникации. Практическое знание базовых черт других деловых культур (как и своей собственной) сведет к минимуму неприятные сюрпризы, даст необходимое понимание, которое позволит преодолеть трудности общения с представителями других стран.

Библиографический список

1. Бергельсон М. Коммуникативные методы в управлении, или менеджмент как искусство коммуникации. Москва: МГУ [Электронный ресурс]: mbergelson@ffl.msu.ru, 2006.
2. Гурьева З.И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект. Дис...доктор филол. наук. Краснодар, 2003. 446 с.
3. Курбатов В.И. Стратегия делового успеха. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 416 с.
4. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к пониманию. М.: Дело, 1999. 439 с.
5. Bennet M.J. A developmental approach to training for intercultural sensitivity// International journal of intercultural relations. 1986. Vol 10, № 2. Pp. 179-186.
6. Bergelson M. Russian cultural values and workplace communication styles. Moscow State University [Электронный ресурс]: mbergelson@mail.ru, 2006.
7. Hollett V. Business Objectives. Oxford University Press, 1996. 192 p.
8. Lewis R.D. When Cultures Collide. London: Nicholas Brealey Publishing, 2003. 462 p.

References

1. Bergelson M. Communicative methods in management or management as the art of communication. Moscow: MSU [Electronic resource]: mbergelson@ffl.msu.ru, 2006.
 2. Gur`eva Z.I. Speech communication in business sphere: lingvopragmatical aspect. Doctor thesis in Philology. Krasnodar, 2003. 446 p.
 3. Kurbatov V.I. Strategy of business success. Rostov-na-Donu: Fenics, 1995. 416 p.
 4. Lewis R.D. Business cultures in international business: From collision to understanding. M.: Delo, 1999. 439 p.
 5. Bennet M.J. A developmental approach to training for intercultural sensitivity// International journal of intercultural relations. 1986. Vol 10, № 2. Pp. 179-186.
 6. Bergelson M. Russian cultural values and workplace communication styles. Moscow State University [Electronic resource]: mbergelson@mail.ru, 2006.
 7. Hollett V. Business Objectives. Oxford University Press, 1996. 192 p.
 8. Lewis R.D. When Cultures Collide. London: Nicholas Brealey Publishing, 2003. 462 p.
-
-

Н.Г. ШУМИЛИНА

кандидат педагогических наук, доцент, докторант,
Орловский государственный университет
E-mail: shumilina-nadusha@yandex.ru

N.G. SHUMILINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Doctoral
student, Orel State University
E-mail: shumilina-nadusha@yandex.ru

**О КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ**

**COMPETENCE-ORIENTED PROGRAM OF TEACHING MATHEMATICAL
MODELING FOR BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION**

Одной из главных целей изучения математики на всех этапах образования является формирование умений строить и исследовать математические модели реальных процессов и явлений. В статье приводится аннотация программы, способствующая фундаментальности и профессиональной направленности изучения математического моделирования бакалаврами педагогического образования.

Ключевые слова: метод моделирования в обучении, математическое моделирование, компетентностно-ориентированная программа.

One of the main purposes of studying mathematics at all stages of education is forming the ability to build and explore mathematical models of real processes and phenomena. The article contains a summary of the program that promotes professional orientation of study mathematical modeling by bachelors of pedagogical education.

Keywords: method of modeling in teaching, mathematical modeling, competence-oriented program.

Любой метод научного исследования, как теоретический, так и экспериментальный, по существу базируется на методе моделирования. Изучая окружающий мир, мы фактически изучаем не сами объекты и явления, а их модели. Происходящие в природе и обществе процессы и явления настолько сложны и многогранны, что построение и исследование их моделей является наилучшим, а иногда и единственным, способом их изучения. При математическом моделировании описание объектов осуществляется на языке математики, а исследование модели проводится с использованием тех или иных математических методов. Для реальных процессов математическое моделирование можно рассматривать как этап развития познания, на котором от содержательного и качественного анализа объектов и явлений переходят к формализации и количественному анализу. В настоящее время это один из самых результативных и наиболее часто применяемых методов научного исследования.

Развитие компьютерных и информационных технологий, совершенствование математического аппарата существенно расширило область применения современной математики. В настоящее время, наверное, нельзя назвать ни одной науки, где бы в той или иной мере не использовались математические методы.

Возросшая роль математического моделирования не могла не коснуться и образовательного процесса. Одним из главных результатов освоения математики должно стать формирование у обучаемых «способности к созданию математической модели реального объекта

или процесса, готовности к применению моделирования для построения объектов и процессов, определения или предсказания их свойств» [2]. Указанные способности должны реализовываться в математической деятельности, в ходе которой приобретаются и используются конкретные знания, умения и навыки. Основными из них являются: умение строить математическую модель ситуации, умение пользоваться этой моделью (формулой, геометрической конфигурацией, алгоритмом и т.д.), прикидывать возможный результат моделирования.

Заметим, что указанные требования относятся к изучению математики на любой ступени образования. Так в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования [3] отмечено, что уже в первом классе учащиеся должны уметь использовать знаково-символические средства представления информации для создания моделей изучаемых объектов и процессов. К концу обучения учитель обязан сформировать у младших школьников элементарные представления о моделях, показать их роль в познании мира, научить строить простейшие модели и работать с ними.

В результате изучения математики в основной образовательной школе учащиеся должны овладеть символьным языком алгебры, геометрическим языком, функциональными понятиями, которые необходимы для описания и анализа предметов и явлений окружающего мира. Особое внимание следует уделять моделированию реальных ситуаций и процессов, исследованию построенных моделей. Изученные понятия, результаты, методы надо уметь применять для решения задач прак-

тического характера и задач из смежных дисциплин, пользоваться оценкой и прикидкой при практических расчётах.

Таким образом, математическое образование в современной школе направлено на формирование представлений учащихся о математике как о методе познания действительности, «части общечеловеческой культуры, универсальном языке науки, позволяющем описывать и изучать реальные процессы и явления» и обеспечивать осознание значения математики в повседневной жизни человека [4].

Большая роль в достижении этих целей принадлежит учителю. Он должен обладать теоретическими знаниями и практическими навыками моделирования, но, что более важно, быть способным обучить этому своих учеников.

Из всего вышеизложенного следует, что необходима специальная подготовка бакалавров педагогического образования, сочетающая в себе как изучение метода математического моделирования, так и формирование профессиональной готовности к обучению этому методу школьников. Мы предлагаем один из вариантов программы такой подготовки.

АННОТАЦИЯ ПРОГРАММЫ

1. Место дисциплины в структуре основной образовательной программы, в модульной структуре ООП

Дисциплина «Математическое моделирование» входит в блок дисциплин по выбору (Б3.ДВ10) программы подготовки по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (профиль: Начальное образование и Математика). Она позволяет обобщить, систематизировать знания студентов о моделях и моделировании, продемонстрировать межпредметные связи многих ранее пройденных дисциплин. Применение метода моделирования предусматривает наличие математических умений и навыков, полученных при изучении алгебры, математического анализа, геометрии, дискретной математики, информатики и других предметов. Программа дисциплины «Математическое моделирование» направлена на формирование высокого образовательного уровня студентов, развитие способности к исследовательской работе, активное применение математических методов и моделей для решения профессиональных и практических задач.

2. Цели и задачи изучения дисциплины

Основная цель курса – формирование у студентов системы знаний, умений и навыков математического моделирования, готовности его использования в дальнейшей профессиональной и исследовательской деятельности, для решения практических задач.

Задачи дисциплины:

- Систематизация и обобщение знаний студентов о моделях и моделировании.
- Актуализация межпредметных связей и формирование представлений о методе математического моделирования как универсальном методе формализации знаний.

- Изучение теории и методов моделирования, технологий разработки, построения и анализа математических моделей.

- Формирование умений и навыков выполнения основных этапов моделирования, применения метода моделирования для решения практических задач и задач других дисциплин

- Формирование профессиональной компетентности студентов, выраженной в готовности и способности применения метода математического моделирования в дальнейшей педагогической деятельности, развитие навыков обучения основам моделирования в школьном курсе математики.

- Обеспечение условий для активизации познавательной деятельности студентов.

3. Структура и содержание дисциплины

Содержание курса математического моделирования для будущих учителей математики должно быть компетентностно-ориентированным, направленным, прежде всего, на развитие умений студентов использовать полученные знания в дальнейшей исследовательской, творческой и профессиональной деятельности, на формирование их способности обучению методу моделирования будущих учеников. Условно его можно разделить на три блока.

В первом блоке студентам предлагается рассмотреть историю применения моделей, философские и общенаучные вопросы, связанные с моделированием, в трудах Г. Вейля, В.А. Веникова, К.Е. Морозова, Е.П. Никитина, И.Б. Новика, А.И. Умова, В.А. Штоффа и др. Выявить основные направления научных исследований в области математического моделирования (А.Н. Боголюбов, А.Б. Горстко, В.С. Зарубин, В.П. Коробейников, А.Д. Мышкис, Г.И. Рузавин, А.А. Самарский). Проанализировать общие проблемы обучения методу моделирования (С.И. Архангельский, Р.В. Габдреев, С.И. Мещерикова) и психологические исследования Н.М. Амосова, А.Н. Кочергина, Н.Г. Салминой, Л.М. Фридмана и др. Здесь мы считаем необходимо всестороннее изучить материал, связанный с различными подходами к понятиям «модель», «моделирование», с классификациями моделей, и выделить наиболее близкие к школьному курсу математики.

Материал данного блока направлен на систематизацию и обобщение знаний студентов о моделях и моделировании, на формирование представлений о методе математического моделирования как универсальном методе формализации знаний.

Во втором блоке рассматривается сущность математического моделирования, его основные этапы, принципы построения моделей и их основные виды. Анализируются модели на разных ступенях школьного курса математики. У студентов формируются умения и навыки выполнения основных этапов моделирования, построения оптимальных математических моделей для предложенных ситуаций, применения метода моделирования для решения прикладных задач.

Третий блок посвящен применению метода моде-

лирования в обучении. С точки зрения психологии, использование этого метода имеет два аспекта: 1) моделирование в самом содержании образования, то есть моделирование как способ познания, которым должны овладеть учащиеся; 2) моделирование как одно из основных учебных действий, являющееся составным элементом учебной деятельности [1].

Первый аспект обосновывает необходимость включения в содержание образования понятий модели и моделирования, которые должны изучаться с использованием соответствующей терминологии, с разъяснением обучаемым сущности этих понятий. Только в этом случае учащиеся осознают и овладеют моделированием как основным методом научного познания.

Второй аспект состоит в использовании моделирования для выявления, фиксации и изучения особенностей изучаемых явлений и связей между ними, а также в формировании у учащихся умений использовать моделирование для построения общих схем действий. Этот аспект может быть реализован в процессе построения, исследования и применения математических моделей различных ситуаций и процессов.

Студентам необходимо познакомиться с отражением этих аспектов в работах А.Я. Блоха, Л.П. Веретенниковой, Б.В. Гнеденко, В.В. Давыдова, Ю.М. Колягина, Ю.В. Кусого, И.А. Мешковой, В.М. Монахова, А.Г. Мордкович, Л.Г. Петерсон, Н.А. Терешина, С.Л. Соболева, В.А. Стукалова, А.М. Фридмана и др.

В ходе изучения этого блока у студентов формируются как математические, так и методические навыки, необходимые будущему учителю для обучения школьников математическому моделированию. На занятиях целесообразно использовать компетентностно-ориентированные задания и задачи, для решения которых используются знания и умения, полученные при изучении различных дисциплин, практический опыт, смекалка. Проблемная ситуация таких заданий может моделировать некоторые аспекты будущей профессиональной деятельности, демонстрировать межпредметные связи, показывать необходимость построения и исследования математических моделей в реальной жизни [5].

4. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины «Математическое моделирование» по профилю Начальное образование и Математика направлен на формирование следующих компетенций:

– общекультурных: способен использовать знания о современной естественнонаучной картине мира в образовательной и профессиональной деятельности, применять методы математической обработки информации, теоретического и экспериментального исследования (ОК-4); способен логически верно выстраивать устную и письменную речь (ОК-6); готов использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, готовностью работать с компьютером как средством управления информацией (ОК-8).

– профессиональных: способен использовать си-

стематизированные теоретические и практические знания гуманитарных, социальных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач (ОПК-2); владеет основами речевой профессиональной культуры (ОПК-3); способен нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности (ОПК-4); способен разрабатывать и реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов в различных образовательных учреждениях (ПК-1); способен решать задачи воспитания и духовно-нравственного развития личности обучающихся (ПК-2); готов применять современные методики и технологии, методы диагностирования достижений обучающихся для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса (ПК-3); способен осуществлять педагогическое сопровождение процессов социализации и профессионального самоопределения обучающихся, подготовки их к сознательному выбору профессии (ПК-4); способен использовать возможности образовательной среды для формирования универсальных видов учебной деятельности и обеспечения качества учебно-воспитательного процесса (ПК-5); готов к взаимодействию с учениками, родителями, коллегами, социальными партнерами (ПК-6).

В результате изучения дисциплины обучающийся должен:

знать основные виды моделей, технологии их разработки, построения и анализа; модели, используемые при изучении математики в начальной и основной школе; сущность и основные этапы математического моделирования, различные аспекты метода моделирования в обучении и их реализацию в школьном курсе математики.

уметь строить и анализировать различные модели реальных ситуаций и процессов, переходить от одной модели к другой, выполнять основные этапы математического моделирования, строить и анализировать математические модели реальных ситуаций, выбирать оптимальные модели, применять метод моделирования при решении компетентностно-ориентированных и прикладных задач.

Владеть навыками обучения методу моделирования учащихся начальной и основной школы.

5. *Общая трудоемкость дисциплины.*
5 зачетных единиц (180 академических часа)

6. *Формы контроля.*

Итоговой формой контроля является экзамен (9 семестр)

Обучение бакалавров педагогического образования математическому моделированию по предложенной программе позволит им овладеть методом математического моделирования для решения различных задач и сформирует представления об этом методе как методе научного познания. Более важно, что включение компетентностно-ориентированных заданий будет способствовать формированию у будущих учителей методических знаний и умений, необходимых в их дальнейшей профессиональной деятельности для обучения методу математического моделирования школьников.

Библиографический список

1. Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
2. Профессиональный стандарт учителя математики и информатики /Концепция развития математического образования в Российской Федерации (Распоряжение Правительства России №2506-р от 24.12.13г.) //минобрнауки.рф.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования /Министерство образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2011. (Стандарты второго поколения)
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования /Министерство образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2011. (Стандарты второго поколения)
5. Шумилина Н.Г. Особенности изучения курса «Математическое моделирование» бакалаврами педагогического образования /Материалы II Всероссийской научно-практической конференции: «Интеграция науки и практики: проблемы и перспективы развития». Старый Оскол, 2014. С.189 - 191.

References

1. Great psychological dictionary / Ed. by B. G. Meshcheryakov, acad. V. N. Zinchenko. M: Prime-EUROZNAK, 2003.
 2. Professional standard teachers of mathematics and Informatics /Concept development of mathematical education in the Russian Federation (Decree of the Russian Government No. 2506-R from 24.12.13 g) ///минобрнауки.рф.
 3. Federal state educational standard of primary education /Ministry of education and science of the Russian Federation. M: Prosveshchenie, 2011. (The standards of the second generation)
 4. Federal state educational standard of general education / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. M.: Prosveshchenie, 2011. (Standards for second generation)
 5. Shumilina N.G. Features of the study of the course “Mathematical Modeling” by Bachelors of Pedagogical Education / Materials of II Russian scientific-practical conference “Integration of science and practice: problems and prospects”. Stary Oskol, 2014. Pp.189-191.
-

С.А. АРТЕНЯН*студент, кафедра международного и международного частного права, Орловский государственный университет**E-mail: artenyam.smbat@yandex.ru***S.A. ARTENYAN***Student, Department of international and private international law, Orel State University**E-mail: artenyam.smbat@yandex.ru***ТЕРРОРИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ****TERRORISM AT THE PRESENT STAGE**

Общеизвестно, что опасность терроризма заключается не только в непосредственном вреде, причиняемом им жертвам преступлений. Не меньший ущерб он наносит общественной безопасности и конституционному порядку. Страх, сеемый террористами в обществе, чувство полной беспомощности перед лицом безымянной и вседущей угрозы, потеря веры в способность государства защитить своих граждан – вот лишь наиболее очевидные последствия недостаточного противодействия терроризму.

Ключевые слова: общественная безопасность, вседущие угрозы, способность государства защитить своих граждан.

Generally known, that the danger of terrorism consists not only in the direct harm caused to them to the victims of crimes. A not less damage it inflicts to public safety and in general constitutional order. Fear sown by terrorists in society, sense of complete helplessness, in face of nameless and ubiquitous threat, loss of faith in ability of the state to protect the citizens are here only the most obvious consequences of insufficient counteraction to terrorism.

Keywords: public safety, ubiquitous threats, ability of the state to protect the citizens.

Мировое сообщество, проходя этапы своего развития, вынуждено решать разнообразные проблемы, в том числе проблемы глобального характера развития терроризма на современном этапе, являющиеся знаковой угрозой для всей цивилизации. Созданные для достижения различных целей террористические организации являются серьезным противником для любого государства, они имеют гибкую структуру, четкую систему управления и взаимодействия, глубоко законспирированные сети на обширных территориях. При этом экипировка, технические средства и вооружение отдельных террористических групп зачастую не уступают образцам, которые используются для оснащения государственных силовых структур.

Прежде всего, необходимо разграничить понятия «терроризм» и «террористический акт».

Итак, терроризм – сложное общественное явление, а террористический акт – преступное деяние, связанное с этим общественным явлением, вытекающее из него.

То, что терроризм не ограничивается уголовным действием, в научной среде ощущалось давно. Этим объясняется, на наш взгляд, резкое противостояние исследователей, представления которых можно условно разделить на две группы. Часть из них видит в терроризме общественно-политическое содержание как основное и принципиально отрицает его уголовную составляющую. Это в основном историки, философы, политологи, социологи. Юристы, как правило, напротив, единственной считают противоправную, криминальную

составляющую терроризма и практически отождествляют терроризм и террористическое преступление, что и отражается на уровне законодательства.

Определение понятия дает и направление, в котором надо искать средства. В одном случае решение проблем терроризма лежит в законодательной, правоприменительной, карательной плоскости. В другом – решение нужно искать в политической, социально-экономической сфере. На наш взгляд, ни тот ни другой путь не способен решить проблемы терроризма в принципе, потому что не исчерпывает содержания терроризма.

Уголовно-правовая составляющая не раскрывает содержания явления терроризма, это только видимая часть айсберга, «тело» которого в своей опасной массе скрыто. И пока не обозначим скрытые составляющие терроризма, мы будем бороться с его внешними, видимыми проявлениями, т.е. с террористическими актами и террористами, которых будет бесконечно порождать и порождать «тело» терроризма.

Исходя из понимания, что терроризм – системное идейно-политическое, криминальное, социокультурное явление в общественной жизни государства и мировом человеческом сообществе, следует предположить, что решение данной проблемы в каком-либо одном из направлений невозможно. Необходимо соединение усилий исследователей разных наук и научных направлений для полного анализа разных сторон, подсистем терроризма. Только так может быть создана общая тео-

рия терроризма и выработана комплексная программа антитеррористических мер.

«Террор» имеет более узкое и конкретное содержание по сравнению с «терроризмом» как явлением. Собственно, террор – это метод социального устрашения и деморализации общества, давления на государственную власть в политических интересах преступников.

Конкретные противоправные действия в рамках этого метода и есть террористические преступления, или террористические акты.

Включение в Уголовный кодекс РФ специального состава преступления, карающего за реальное воплощение в жизнь терроризма, – шаг своевременный и имеющий большое превентивное значение. В то же время следует подчеркнуть, что борьба с криминальным террором может и должна осуществляться в рамках квалификации действий преступников по иным статьям уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за убийства, вымогательства, угрозы и т.п.

Перечисление в диспозиции статьи целей совершения преступных действий, образующих состав терроризма, способствует уточнению и конкретизации объекта посягательства. А таковым при терроризме является общественная безопасность. Именно по объекту посягательства терроризм может быть отграничен от других преступлений, совершаемых объективно теми же действиями, но посягающими на жизнь, собственность и т.д.

Конструкция диспозиции п.1 ст.205 УК РФ позволяет считать, что каким бы громким, вызывающим и общественно опасным не было бы совершенное посягательство, его нельзя квалифицировать как терроризм до тех пор, пока не будут установлены и доказаны цели совершения конкретного преступления или, как это часто бывает за рубежом, преступники сами не объявят преследуемые ими политические цели. Они достаточно четко определены в законе, что позволяет отграничить терроризм от других, может быть и не менее опасных посягательств, но совершаемых в иных целях (хулиганство, месть и т.п.).

По действующему уголовному законодательству РФ с объективной стороны терроризм выражается в совершении взрывов, поджогов, аварий на транспорте, объектах жизнеобеспечения, распространении массовых заражений и т.п. Особенности способа совершения этих преступлений является массовость (или угроза таковой) поражения, сеющая панику среди населения, ставящая власти перед выбором: подвергнуть опасности население или выполнить требования террористов. Крупномасштабные насильственные действия, не персонализированные в отношении жертв, всегда имеют точного адресата в лице органов власти или международных органов, которые склоняются таким образом террористами к принятию решения, выгодного им.

С субъективной стороны преступления, предусмотренные ст.205 УК РФ, могут совершаться только с прямым умыслом. Трудно согласиться с утверждением, что в уголовно-правовом плане это предполагает возмож-

ность совершения террористических действий с косвенным умыслом.

Для объектов террористической деятельности в силу особенностей механизма ее осуществления характерна двойная природа, что позволяет выделить две их основные группы.

Первая группа объектов составляет общие объекты посягательств, в отношении которых выдвигаются цели их ослабления или уничтожения. Это объекты ослабления и подрыва, к которым относятся внутренняя и внешняя безопасность страны, ее международные связи, позиции и интересы, независимость и суверенитет государства; основы общественного строя, политическая организация общества, государственная власть и ее институты, безопасность граждан.

Вторую группу объектов образует безопасность людей и различных материальных объектов: жизнь, здоровье, свобода конкретных лиц или групп граждан; нормальное функционирование и физическая целостность тех или иных материальных объектов и сооружений. Это объекты непосредственного террористического воздействия.

Анализируя современные тенденции российского терроризма, некоторые авторы прямо подчеркивают, что «есть все основания полагать, что преступления террористического характера имели преимущественно лично-корыстную мотивацию, являлись по сути дела актами криминального террора». Соглашаясь с этим выводом, еще раз необходимо отметить, что каких бы масштабов не достигал криминальный террор, оценивать его в рамках терроризма вряд ли оправдано и корректно. Между тем представляется, что ст.205 УК РФ предусматривает ответственность за совершение конкретных преступных посягательств, являющихся воплощением в действительность именно этого крайне опасного по своей сути явления.

Дальнейшим развитием законодательного регулирования борьбы с терроризмом явился Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред.от 28.06.2014) «О противодействии терроризму» Действовавший прежде Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» был принят в июле 1998 г., а в марте 2006 г. большая часть его норм утратила силу, но несколько статей еще продолжали действовать до 1 января 2007 г., и лишь с этой даты названный Закон полностью утратил силу. В связи с этим в течение нескольких месяцев (с марта по декабрь 2006 г.) действовали два Федеральных закона, регламентирующих и определяющих правовые и организационные основы борьбы и противодействия терроризму. Однако на сегодняшний день Закон «О противодействии терроризму» является основным источником национального антитеррористического законодательства и нормативным правовым актом федерального уровня, который, как определяет преамбула этого Закона, устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма,

а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

Именно в данном Законе указаны понятия, раскрывающие основные признаки терроризма, террористической деятельности, террористического акта, противодействия терроризму и контртеррористической операции (ст. 3).

В действовавшем прежде Законе «О борьбе с терроризмом» терроризм определялся так: насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

Сравнивая эти два закона, можно прийти к выводу, что современное понятие терроризма основными его признаками закрепляет, во-первых, цель – воздействие на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями и, во-вторых, способы достижения этой цели – устрашение населения и (или) иные формы противоправных насильственных действий. В понятии терроризма, указанном ранее в Законе «О борьбе с терроризмом», основной акцент сделан на перечислении конкретных деяний, в совершении которых находит свое проявление терроризм: 1) насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций; 2) уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов; 3) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; 4) нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой.

Помимо понятия терроризма в ст. 3 Закона «О противодействии терроризму» закреплено также определение террористической деятельности, которая включает в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Анализируя данное понятие, можно заметить, что террористическая деятельность характеризуется двумя основными формами, в которых она проявляется: во-первых, это различные действия по подготовке и осуществлению террористического акта и, во-вторых, это пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности. В связи с этим в уголовное законодательство России были внесены следующие изменения: пересмотрены признаки террористического акта (ст. 205 УК РФ) и содействия террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ).

В рассматриваемом Законе также раскрывается понятие террористического акта, которым признается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

В соответствии со ст. 3 Закона «О противодействии терроризму» под противодействием терроризму следует понимать деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления:

а) по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Иными словами, противодействие терроризму – это

деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, реализующаяся в трех направлениях: профилактика терроризма, борьба с терроризмом, а также минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма.

Последнее основное понятие, закрепленное в ст. 3 Закона «О противодействии терроризму», – это контртеррористическая операция, под которой понимается комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Кроме основных понятий в ст. 2 рассматриваемого Закона обозначены также основные принципы противодействия терроризму: 1) обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; 2) законность; 3) приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; 4) неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; 5) системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму; 6) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму; 7) приоритет мер предупреждения терроризма; 8) единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций; 9) сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму; 10) конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников; 11) недопустимость политических уступок террористам; 12) минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма; 13) соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности.

Итак, в приведенной норме всего закреплено тринадцать основных принципов противодействия терроризму. На первое место вполне обоснованно поставлен принцип обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина. Несомненно, вся деятельность по противодействию терроризму должна иметь своей главной целью именно обеспечение и защиту основных прав и свобод человека и гражданина в связи с тем, что ст. 2 Конституции РФ закрепляет в качестве высшей ценности человека, а также его права и свободы, признание, соблюдение и защита которых – обязанность государства.

Помимо этого обращают на себя внимание и такие принципы противодействия терроризму, как неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности, приоритет мер предупреждения терро-

ризма, а также недопустимость политических уступок террористам.

Неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности предполагает, что любое лицо, осуществляющее террористическую деятельность и способное понести за нее наказание, должно быть привлечено к уголовной ответственности независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе от легальной возможности избежать мер уголовной репрессии. Вместе с тем в уголовном законодательстве предусмотрена возможность освобождения лица, совершившего террористический акт, содействовавшего террористической деятельности, участвовавшего в незаконном вооруженном формировании, от уголовной ответственности при наличии определенных обстоятельств (примечания к ст. ст. 205, 205.1 и 208 УК РФ). Так, согласно примечанию к ст. 205 УК РФ, лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, в случае, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления, освобождается от уголовной ответственности. Применительно к содействию террористической деятельности в примечании к ст. 205.1 УК РФ также указано, что если лицо содействовало террористической деятельности, однако своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления, то такое лицо освобождается от уголовной ответственности. Таким образом, можно констатировать, что уголовное законодательство и Закон «О противодействии терроризму» в вопросе неотвратимости наказания за осуществление террористической деятельности находятся в некотором противоречии.

Приоритет мер предупреждения терроризма характеризуется, прежде всего, тем, что органы государственной власти и органы местного самоуправления в первоочередном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение террористической деятельности, а также меры по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов. Необходимо отметить, что закрепление описываемого принципа закономерно, поскольку обеспечение прав и свобод человека и гражданина, общественной безопасности, безопасности государства и деятельности различных международных организаций, являющихся объектами терроризма, должно осуществляться прежде всего путем предупреждения террористической деятельности. Конечно, это не значит, что борьбе с терроризмом, заключающейся в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористических актов, должно уделяться меньшее внимание.

В качестве специфического принципа противодей-

ствия терроризму в ст. 2 Закона «О противодействии терроризму» указан также принцип недопустимости политических уступок террористам. Он реализуется, в частности, в ст. 16 данного нормативного правового акта, определяющей возможность ведения переговоров в ходе контртеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей и закрепляющей, что при ведении переговоров с террористами не должны рассматриваться выдвигаемые ими политические требования. Вместе с тем установление данного запрета не исключает рассмотрение и выполнение других, неполитических требований террористов (например, требование удовлетворения неправомерных имущественных и (или) иных интересов террористов). Вряд ли такой подход является обоснованным. Представляется, что в законе нельзя закреплять: «такие-то требования рассматриваем, такие-то нет». Необходимо четко определить, что какие-либо уступки террористам недопустимы в принципе, вне зависимости от содержания их требований.

Как уже отмечалось, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ в УК РФ были внесены существенные изменения. Позитивным моментом следует признать редакционное изменение ст. 205 УК РФ. Во-первых, новое название – «Террористический акт» – в большей степени отражает сущность описываемого в ней общественно опасного деяния. Дело в том, что термин «терроризм» для обозначения данной статьи был неудачен, поскольку в общепринятом понимании он представляется больше как негативное социальное явление, нежели чем определенный вид преступности. В связи с этим повторим, что понятие терроризм – это социально-политическое понятие. Терроризм может воплощаться в жизнь самыми различными преступлениями. Это и убийства (ст. 105 УК РФ), и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), и похищение человека (ст. 126 УК РФ), и поджоги, взрывы и т.п., предусмотренные ст. 205 УК РФ, угон судна воздушного или иного транспорта (ст. 211 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), диверсия (ст. 281 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 306 УК РФ), и др.

Во-вторых, необходимо положительно оценить исключение альтернативно указанных целей – нарушения общественной безопасности и устрашения населения – из диспозиции ст. 205 УК РФ, благодаря чему она приобрела большую точность и лаконичность. Таким образом, террористическим актом признается лишь такое совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, которое совершается в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Такое понятие полностью соответствует одноименной дефиниции, закрепленной в ст. 3 Закона «О противодействии терроризму».

Однако не все редакционные недостатки ст. 205 УК

РФ были устранены. Так, «применение огнестрельного оружия» по-прежнему выступает квалифицирующим (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ), а не конструктивным признаком при совершении террористического акта. Такой подход нарушает логику построения уголовно-правовых норм части УК РФ. Очевидно, что применение огнестрельного оружия отнюдь не более опасная форма террористических проявлений, чем, например, взрыв, который совершается с использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ и влечет зачастую гораздо более разрушительные последствия. В примечании к ст. 205 УК РФ осталось упоминание об акте терроризма, хотя с точки зрения единообразного изложения уголовно-правовых предписаний в данной поощрительной норме правильнее было бы использовать вновь введенный термин – «террористический акт».

В соответствии с Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма Российское государство взяло на себя обязательство установить в качестве уголовного преступления в рамках внутреннего законодательства публичное подстрекательство к совершению террористического преступления. Согласно ст. 5 названной Конвенции, публичное подстрекательство к совершению террористического преступления означает «распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений».

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ УК РФ был дополнен статьей 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма». Общественная опасность преступления предопределена способностью названных действий существенно дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране, нарушить общественное спокойствие, вызвать неуверенность граждан в возможности государства обеспечить безопасные условия их жизнедеятельности.

К сожалению, следует констатировать, что данная криминализация являет собой пример игнорирования принципа системного выражения уголовно-правовых норм. Очевидно, что вносимые в процессе текущего уголовно-правового регулирования законодательные изменения не должны дублировать уже существующие нормативные положения или противоречить им. Современное же законодательство создает условия для конкуренции норм, что, в свою очередь, способно дезориентировать правоприменителя в выборе уголовно-правовых средств.

Таким образом, на сегодняшний день Закон «О противодействии терроризму» является основным источником национального антитеррористического законодательства и нормативным правовым актом федерального уровня, который, как определяет преамбула этого Закона, устанавливает основные принципы

противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

В рамках данной статьи в качестве рабочей формулировки предлагаем следующее определение терроризма:

терроризм – многоструктурное идейно-политическое, социальное явление в обществе, направленное на разрушение существующей государственно-политической системы страны и использующее наиболее общественно опасные противоправные методы и средства для достижения своих политических целей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята референдумом 12.12.93) (ред. от 30.12.2008)
2. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ
3. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 08.11.2011) «О противодействии терроризму» (06 марта 2006 г.)
4. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 N 114-ФЗ в ред. от 24.07.2007) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30.
5. *Авдеев В.В.* Психологические основы повышения эффективности деятельности работников ОВД в экстремальных ситуациях: Учебное пособие. М. Бек. 2008.
6. *Авдеев Ю.И.* Основные тенденции современного терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы М.: Эдиториал УРСС., 2000.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by referendum 12.12.93) (as amended on 30.12.2008)
 2. The criminal code of the Russian Federation (CC RF) from 13.06.1996 N 63-FL
 3. Federal law dated 06.03.2006 N 35-FL (as amended on 08.11.2011) "On combating terrorism" (06 March 2006)
 4. On combating extremist activity: the Federal law of the Russian Federation dated 25.07.2002 N 114-FL as amended from 24.07.2007) // collected legislation of the Russian Federation. 2002. N 30.
 5. *Avdeev V. V.* Psychological bases of increase of efficiency of activity of employees of the police Department in emergency situations: a Training manual. M. Beck. 2008.
 6. *Avdeyev Yu. I.* Main trends in modern terrorism// Modern terrorism: state and prospects, Moscow: editorial URSS., 2000.
-
-

УДК 340.111.5

UDC 340.111.5

А.А. БОНДАРЕВ

кандидат юридических наук, доцент, кафедра специальной подготовки, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: bondarew-orel@yandex.ru

A. A. BONDAREV

Candidate of Law, Associate Professor, Department of special training, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V. V. Lukyanov
E-mail: bondarew-orel@yandex.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ

THE SENSE OF JUSTICE IN THE MECHANISM OF LEGAL BEHAVIOUR OF LEGAL ENTITIES

В статье исследуется этимология правосознания, анализируются его этапы, элементы, определяется роль в правотворческом и правоприменительном процессах

Ключевые слова: правосознание, правовая психология, правовая идеология, правотворчество, правореализация.

This article examines the etymology of the sense of justice, examines its stages, elements, defines the role in law making and enforcement processes

Keywords: the sense of justice, legal psychology, legal ideology, legislating, enforcement of the right.

Теория государства и права традиционно исследует такие категории, как понятие, сущность, структура правосознания, его функции, соотношение с правом и роль в механизме правового регулирования общественных отношений.

Правосознание представляет собой одну из форм или областей человеческого сознания, явление идеальное, непосредственно не наблюдаемое. Попытка уяснить его конкретную роль в процессе правотворчества и правореализации с давних пор находится в поле зрения представителей российской науки. Так Иоффе О.С. и Шаргородский М.Д. рассматривают правосознание как совокупность «воззрений класса или всего общества на то, что есть право и что не есть право» [1, с.99].

Фарбер И.Е., основываясь на положениях, содержащихся в трудах А. Лабриолы и Г.В. Плеханова, выделил в структуре правосознания познавательную сторону, или правовую идеологию, и эмоционально-волевою сторону, или правовую психологию. По его мнению, правовая идеология – это система правовых идей, отражающих интересы и потребности класса, а правовая психология – это совокупность чувств, убеждений, привычек и мотивов юридически значимых волевых действий. Правосознание же – это форма общественного сознания, представляющая собой совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя как знание правовых явлений, так и их оценку с точки зрения справедливости, а также новые правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития [2, с.70].

Фарбер сформулировал ряд основных положений теории структуры правосознания и тем самым предопределил направленность разработки этой теории в советской юридической науке.

Характеризуя уровни правосознания, то есть правовую психологию и идеологию, исследователи показывают внутреннее строение данных компонентов. Были проанализированы составные элементы правовой идеологии, однако соотношение этих элементов между собой не исследуется.

Ряд авторов рассматривает структуру правосознания не в плане правовой психологии и идеологии, а как многообразие форм его проявления. По мнению Остроумова Г.С., структура правосознания есть совокупность следующих форм его проявления: правовые нормы, общественное мнение, правовая наука, практическое поведение людей и т.д.

Рябко И.Ф. утверждает, что существуют внешние формы права (партийные документы, основные юридические акты, юридическая наука, общественное мнение и правовая культура), содержание которых составляет его внутренние формы (правовые чувства, настроения, проявления воли, правовые идеи, теории, концепции)[3, с.38].

В целом 60-е годы можно охарактеризовать как период постановки проблемы структуры правосознания. В работах исследователей наметились основные направления анализа этой структуры как правовой психологии и идеологии, как общественного и индивидуального правосознания, как обыденного и теоретического правосознания.

В 70-80 годы значительно вырос интерес к проблеме исследования структуры правосознания. Это период экстенсивного освоения проблемы. Исследователи стремятся использовать уже сложившееся понимание структуры правосознания в разработке различных вопросов, касающихся соотношения: правосознания и политического сознания; правосознания и морального сознания; индивидуального правосознания и общественного сознания; права и правосознания; права и

правовой культуры.

В эти же годы продолжается исследование сущности структуры правосознания.

Основная характерная черта научных разработок данного периода заключается в стремлении использовать достижения системного подхода при рассмотрении структуры правосознания. При этом в основу исследований в качестве методологической установки кладется представление о структуре как совокупности закономерных связей между элементами системы.

Уместно отметить появление со второй половины 80-х годов большого количества работ, посвященных исследованию правосознания различных социальных групп общества.

Наряду с разработкой модели индивидуальной структуры правосознания, разрабатывалась и модель его социальной структуры, включающей в себя индивидуальный, групповой и общественный уровни.

После развала СССР предпринимаются попытки переосмысления некоторых ранее звучавших положений, относящихся к понятию, сущности, структуре, функциям правосознания.

Например, С.С. Алексеев считает, что правосознание – это явление, в принципе чисто субъективное, оно состоит из представлений людей о праве, из субъективного отношения к самому феномену права, его ценностям, правовой психологии [4, с.112].

Таким образом, поставленная им самим задача изменить «сам угол зрения на право» в сфере теории правосознания свелась к более подробному анализу предмета отражения и некоторых психических реакций на правовые явления.

В современной российской науке четко определилась тенденция на более глубокое, всестороннее изучение содержательных компонентов правового сознания, таких как структура правосознания, его виды, способы формирования, факторы, обуславливающие деформацию правосознания.

Особенность правосознания выражается в том, что:

а) в нем отражаются только те явления, которые составляют правовую сторону (регламентацию) жизни общества. Но политические, нравственные и другие представления также активно воздействуют на формирование правосознания;

б) в правосознании выражается способ отражения общественной жизни через специальные юридические понятия и категории (правомерность, неправомерность, юридическая ответственность и др.)

Следует отметить, что правосознание играет решающую роль в правотворческом процессе. Оно реагирует на новые экономические, политические и иные факты и явления, требующие юридического закрепления и регламентации. Это реагирование формируется в правовых требованиях, и эти новые требования к законодательной власти в правосознании есть симптом того, что возникли новые отношения, нуждающиеся в правовом регулировании.

Регулирующая роль правосознания в правотворче-

стве не ограничивается формулировкой новых юридических норм, она состоит и в критике существующих юридических норм с точки зрения общественных потребностей. Если закон устарел в силу изменения материальных отношений, образующих его объективную основу, то прежде всего на это реагирует правосознание.

Правосознание играет важную роль и в процессе правореализации, в том числе при разрешении юридических дел, принятии правоприменительных актов. В ходе разрешения конкретной правовой ситуации правоприменитель должен выбрать необходимую юридическую норму, соотнести ее с реальными фактами и, руководствуясь диспозицией или санкцией (исходя из реальных обстоятельств дела), принять решение. Во всех этих действиях правосознанию присуща определяющая роль.

Исследуя указанную функцию правосознания, следует отметить тот факт, что оно выполняет роль регулятора не только правового поведения, но и поведения, которое, строго говоря, не имеет юридического значения. Так, когда мы ведем речь о человеке, который в данный момент не нарушает норм уголовного права, то такое его поведение вряд ли можно назвать юридически значимым поведением.

Соблюдая закон, человек субъективно может его и не знать, хотя объективно это поведение есть соблюдение закона. Регулирующую силу, т.е. подчинение поведения определенным правилам, здесь играет, прежде всего, правосознание, а также политическое и моральное сознание людей.

Оценка результатов деятельности и каждого решения в правовой сфере также производится с помощью правового сознания. Результатом оценки является признание поведения (деятельности) правомерным или противоправным. Таким образом, правовое сознание является органической составной частью правотворческой и правореализующей деятельности.

Итак, правосознание представляет собой сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях.

Специфику правосознания по сравнению с другими сферами или областями сознания (политическим, нравственным и т.д.) составляет осознание и переживание социальных явлений в соотношении с юридическими последствиями, соотнесение их с правовым регулированием.

Правовое сознание служит источником правовой активности и внутренним регулятором юридически значимого поведения или механизмом его осуществления.

Кроме того, следует отметить, что правосознание, так же как и сознание вообще, в большей степени определяется спецификой деятельности человека, а значит, его функции и назначение могут быть поняты из результатов этой деятельности.

Библиографический список

1. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961 . С. 99.
2. *Фарбер И.Е.* Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963. С. 70, 96, 204.
3. *Рябко И.Ф.* Правовое сознание и правовое воспитание масс в советском обществе. Ростов на Дону, 1969. С. 88.
4. *Алексеев С.С.* Теория права. М., 1994. С. 112.

References

1. *Ioffe O. S., Shargorodsky M. D.* Questions on the theory of law. M., 1961 . Pp. 99.
 2. *Farber I. E.* Sense of justice as a form of social consciousness, M., 1963. Pp. 70, 96, 204.
 3. *Ryabko I.F.* Legal consciousness and legal education of the masses in the Soviet society. Rostov-on-don, 1969. P. 88.
 4. *Alekseev S. S.* Theory of law. M., 1994. P.112.
-
-

В.М. ВАЛЕТОВА

соискатель, кафедра конституционного и муниципального права, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Email: v-valetova@mail.ru

В.Г. ЕРМАКОВ

доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

Email: konst@elsu.ru

V.M. VALETOVA

Applicant, Department of Constitutional and Municipal Law, Elets State University named after I. A. Bunin

Email: v-valetova@mail.ru

V.G. ERMAKOV

Doctor of Law, Professor, head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Elets State University

named after I. A. Bunin

Email: konst@elsu.ru

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ
ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

**LEGAL MECHANISMS FOR COMPENSATION BY THE STATE AS A RESULT
OF ILLEGAL ACTIVITY OF PUBLIC AUTHORITIES**

Статья посвящена изучению и анализу действующей системы правовых механизмов возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и их должностных лиц. Раскрывается несоответствие правовой регламентации возмещения вреда государством его конституционно-правовой природе и нормам статей 52, 53 Конституции РФ. Предлагается ряд мер по реформированию федерального законодательства в исследуемой области.

Ключевые слова: государство, возмещение вреда, незаконные действия, орган государственной власти, должностное лицо.

The article is devoted to the study and analysis of the existing system of legal mechanisms for compensation by the state for damage caused by illegal actions (inaction) of government bodies and their officials. Inconsistency of the legal regulation of compensation by the state of its constitutional and legal nature and the rules of articles 52, 53 of the Constitution of the Russian Federation is revealed. Measures to reform the Federal legislation in the study area are offered.

Keywords: state, compensation of damage, illegal actions, government body, official.

Развитие института возмещения государством вреда в результате неправомерных деяний государственных органов неразрывно связано с построением в России демократического правового государства, которое в своей деятельности подчиняется праву и главной своей целью считает обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Личность во взаимоотношениях с государством выступает не как объект бесконтрольной деятельности публичной власти, а как равноправный субъект, реализующий свои права и свободы. В этой связи нарушение субъективных прав неправомерной деятельностью и злоупотреблением публичной властью в демократическом правовом государстве имеет общегосударственное значение.

Государственная защита основных конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в результате их нарушения незаконными деяниями государственных органов, реализуется посредством создания скоординированной системы конституционно-правовых механизмов. Построение такой системы возможно путем принятия взаимосвязанной и взаимо-

дополняющей системы нормативно-правовых актов, содержащих единый по своему содержанию комплекс юридических норм, актов официального толкования, направленных на разъяснение смысла правовых норм, и правоприменительных актов.

Первичным элементом действующего механизма конституционно-правового регулирования возмещения вреда государством выступает статья 53 Конституции РФ, которая провозглашает право абсолютно каждого на возмещение государством вреда, причиненного противоправными деяниями государственных органов и их должностных лиц. Норма статьи 53 корреспондирует с положениями статьи 52 Конституции РФ, согласно которой государство обеспечивает потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Признание за любым человеком в рамках Конституции РФ права на возмещение вреда государством обусловлено публично-правовой сферой причинения вреда при осуществлении государственной власти, общегосударственным значением нарушения

прав граждан неправомерной деятельностью власти в демократическом правовом государстве и отражает конституционно-правовую природу общественных отношений в исследуемой области.

На сегодняшний день положения статей 52, 53 Конституции РФ нашли свое развитие и детализацию в следующих нормативно-правовых актах Российской Федерации.

1. Гражданский кодекс РФ;
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ;
3. Федеральный закон № 68-ФЗ от 30 апреля 2010 года «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»;
4. Налоговый кодекс РФ;
5. Специальные законы, регламентирующие деятельность органов государственной власти.

Общие основания возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности государственной власти определены в статьях 16 и 1069 ГК РФ. Нормы названных статей Гражданского кодекса РФ закрепляют следующие нормативные положения:

- а) государство обязано возместить вред как гражданину, так и юридическому лицу;
- б) возмещению государством подлежит нанесенный материальный и моральный вред в случае установления:
 - факта совершения незаконных действий (бездействия) государственными органами либо должностными лицами этих органов;
 - факта издания государственным органом акта, противоречащего закону или иному нормативному акту;
- в) источником возмещения вреда выступает государственная казна, которая включает в себя средства соответствующего бюджета и иное государственное имущество, которое не закреплено за государственными предприятиями и учреждениями.

Однако следует отметить, что действующим федеральным законодательством до сегодняшнего дня не определены порядок соответствующего разграничения в составе государственной казны средств бюджета и иного имущества государства, а также схема осуществления выплат за счет иных, чем средства бюджета, источников.

В рамках статей 16, 1069 Гражданского кодекса РФ вред возмещается по общим основаниям ответственности, то есть при наличии состава правонарушения, что в обязательном порядке включает в себя в совокупности: наличие вреда, противоправность поведения, причинную связь между наступившими последствиями и неправомерными действиями (бездействием) и вину причинителя вреда. Недоказанность хотя бы одного элемента указанного состава правонарушения влечет отказ в присуждении сумм в возмещение вреда за счет средств казны соответствующего публично-правового образования.

В качестве самостоятельного основания присуждения сумм в возмещение вреда с государства Гражданский кодекс РФ рассматривает причинение вреда незаконны-

ми действиями (бездействием) органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Так, пункт 1 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ предусматривает возмещение вреда в полном объеме и независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в следующих случаях:

- а) при незаконном осуждении;
- б) при незаконном привлечении к уголовной ответственности;
- в) при незаконном применении в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде;
- г) при незаконном привлечении к административной ответственности в виде административного ареста;
- д) при незаконном привлечении к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности (для юридических лиц).

Возмещение вреда в рамках пункта 1 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ при наличии к тому законных оснований осуществляется в изъятие из общих начал гражданско-правовой ответственности независимо от вины должностных лиц соответствующих органов государственной власти, являющихся непосредственными причинителями вреда.

Применительно к возмещению морального вреда в вышеперечисленных случаях специальная норма статьи 1100 Гражданского кодекса РФ предусматривает компенсацию государством морального вреда по аналогичным с пунктом 1 статьи 1070 ГК РФ основаниям – независимо от вины причинителя вреда.

Следует отметить, что установленное на уровне федерального законодательства нормативное положение о возмещении вреда государством независимо от вины должностных лиц государственных органов, являющихся непосредственными причинителями вреда, отражает публично-правовую специфику исследуемых правоотношений и направлено на создание эффективной системы восстановления нарушенных неправомерной деятельностью публичной власти прав и свобод граждан.

В пункте 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ закреплена обязанность государства возместить вред, причиненный при осуществлении правосудия. Положения названного пункта статьи 1070 Гражданского кодекса РФ устанавливают в качестве обязательного условия возмещения вреда государством наличие вступившего в законную силу приговора суда и тем самым связывают обязанность государства возместить нанесенный незаконными действиями суда вред только с преступными деяниями судьи, совершенными умышленно или по неосторожности.

Нельзя не отметить, что ненадлежащее осуществление судом деятельности по отправлению правосудия, как правило, не носит преступный характер, и, как следствие, закрепление законодателем в качестве обязательного условия возмещения вреда установления вины судьи на основании приговора суда влечет ограничение

конституционного права каждого на компенсацию вреда. Постановлением Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года № 1-П [2] положения п. 2 ст. 1070 ГК РФ признаны не противоречащим Конституции РФ, и указано, что «вина судьи может быть установлена не только лишь приговором суда, но и иным судебным решением, и при этом не действует положение о презумпции вины причинителя вреда, которое предусмотрено п. 2 ст. 1064 ГК РФ» [2]. Однако установление незаконности действий (бездействия) и вины судьи «иным судебным решением» действующим законодательством не предусмотрено и не согласуется с положениями Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». В сложившейся ситуации Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года № 1-П преодолевает существующий пробел законодательства по рассматриваемому вопросу и создает тем самым новую правовую норму. В свою очередь, подобное определение названного положения в литературе зачастую трактуется как превышение компетенции Конституционного Суда РФ [3].

В случаях, не установленных нормами статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса РФ, вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате противоправного поведения органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры либо их должностных лиц возмещается по основаниям и в порядке, которые установлены статьей 1069 Гражданского кодекса РФ.

Рассмотрение судами в рамках статьи 1069 Гражданского кодекса РФ требований граждан о возмещении вреда, нанесенного противоправными действиями государственных органов, производится в порядке искового производства, и как следствие, обязанность по доказыванию наличия состава правонарушения в действиях (бездействии) должностных лиц лежит на истце. Вместе с тем, по делам об оспаривании решений, действий (или бездействия) государственных органов обязанность по доказыванию их законности согласно ч. 1 ст. 249 ГПК РФ возлагается на орган или лицо, которые приняли соответствующие акты.

Таким образом, в соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса РФ гражданам, пострадавшим от противоправной деятельности государственной власти, необходимо либо предварительно обратиться с заявлением об оспаривании актов власти в порядке главы 25 ГПК РФ, что значительно увеличивает сроки присуждения сумм в возмещение вреда, либо доказывать в порядке искового производства, в том числе и незаконные виновные действия государственных органов и их должностных лиц, что значительно усложняет процедуру присуждения сумм в возмещение вреда.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что гражданское законодательство, регламентирующее вопросы возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности государственной власти, не создает материально-правовых и процессуальных гарантий обеспечения государственной защиты, соответствующих общепризнанным принципам и нормам международного

права и нормам статьями 52, 53, 56 Конституции РФ.

Уголовно-процессуальным кодексом РФ в главе 18 «Реабилитация» регламентируется порядок возмещения государством имущественного вреда в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования. Указанные правоотношения в сфере возмещения вреда государством включены в состав самостоятельного правового института реабилитации. В порядке реабилитации вред возмещается государством в полном объеме независимо от вины органов дознания, дознавателя, следователя, прокурора или же суда. Таким образом, лицам, которым причинен вред на той или иной стадии уголовного судопроизводства, государство обязано обеспечить эффективное восстановление в правах и возмещение причиненного вреда за счет средств государственной казны.

В этой связи законодатель в пункте 5 статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусмотрел упрощенный порядок рассмотрения требований реабилитированного – для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, в рамках статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Упрощенный порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, заключается в отсутствии как такового спора о наличии права на возмещение вреда, а также в самой процедуре рассмотрения требований реабилитированного. Согласно пункту 7 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса РФ в рамках судебного заседания заслушиваются объяснения заявителя, затем исследуются представленные материалы, выслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление.

Однако установленная уголовно-процессуальным законом судебная процедура рассмотрения требований реабилитированных граждан мало приспособлена к доказыванию фактических обстоятельств дела, так как требует представления дополнительных материалов: медицинских и платежных документов, счетов, калькуляций, проведение экспертиз (медицинских, товароведческих и других) и допрос свидетелей, что возможно лишь в рамках полного судебного следствия.

Субъектами права на возмещение вреда в данном случае выступают подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено, подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, осужденный в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела, а также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения (например, задержание подозреваемого, подписка о невыезде, залог, домашний арест, заключение под стражу и другое). В свою очередь, возмещение вреда в результате применения мер процессуального принуждения предполагает предварительное признание незаконности применения соответствующих мер процессуального принуждения в соответствии с главой 16 Уголовно-процессуального

кодекса РФ, и тем самым не дает пострадавшему лицу возможность одновременного рассмотрения двух взаимосвязанных требований о признании действий уполномоченных государственных органов неправомерными и возмещении причиненного вреда. Кроме того, устанавливая «упрощенный» порядок возмещения вреда для лиц, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения, законодатель упустил из виду лиц, в отношении которых незаконно проводились оперативно-розыскные мероприятия (например, оперативный эксперимент, контролируемая поставка, обследование помещений и другие) и следственные действия (например, выемка, личный обыск, контроль и запись переговоров и другие). Рассмотрение судами требований о взыскании сумм в возмещение государством вреда в результате незаконно проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий может проводиться исключительно в порядке гражданского (искового) судопроизводства, предполагающего наличие спора о праве. В этой связи обязанность по доказыванию оснований и размера возмещения вреда лежит на лице, чьи основные конституционные права нарушены в рамках незаконно проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Такого рода разграничение правовых оснований возмещения вреда вследствие незаконного применения мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу и правовых оснований возмещения вреда в результате незаконно проводимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий препятствует рассмотрению в кратчайшие сроки взаимосвязанных требований в пределах одного судебного дела, затрудняет процесс взыскания причитающихся сумм с государственной казны и, как следствие, препятствует эффективной реализации конституционных прав граждан.

Налоговым кодексом РФ регламентируются вопросы возмещения вреда налогоплательщикам, плательщикам сборов и налоговым агентам. Нормы статей 35, 37, 103 Налогового кодекса РФ вступают в противоречие с нормами статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса РФ в части установления в качестве субъекта возмещения вреда – государственного органа, являющегося непосредственным причинителем вреда, а в качестве источника выплат в возмещение вреда – средства федерального бюджета. Вместе с тем, порядок возмещения причиненного вреда за счет средств федерального бюджета в данном случае законодательно не определен, а соответствующая норма носит отсылочный характер.

Кроме норм Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также налогового законодательства возмещению вреда в результате противоправной деятельности государственной власти посвящены нормы, содержащиеся в специальных законах, регулирующих деятельность соответствующих органов государственной власти (например, статья 33 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», статья 6 Федерального закона от

03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»), которые содержат лишь отсылочную норму к гражданскому законодательству.

Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» детально регламентируется присуждение государством компенсации как при нарушении разумных сроков судопроизводства, так и при нарушении разумных сроков исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджета.

Принятие Закона о компенсации стало важным шагом на пути реального осуществления прав граждан на справедливое судебное разбирательство дела в разумный срок и, как следствие, исполнение принятых судебных актов в разумный срок. В основу Закона была положена совершенно новая конструкция присуждения компенсации, которая не требует установления незаконности действий государственных органов и не зависит от наличия либо отсутствия вины должностных лиц, что значительно облегчает процедуру взыскания сумм с соответствующего бюджета бюджетной системы РФ. В этом смысле механизм выплаты компенсации соответствует конституционному принципу возмещения вреда государством и практике международных судов.

Изучение Верховным Судом РФ совместно с верховными судами республик, краевыми, областными и приравненными к ним судами судебной практики за период с мая 2010 года по апрель 2011 года показало значительное уменьшение обращений российских граждан в Европейский Суд – с 40 до 17% [1].

Существующая практика применения Закона о компенсации свидетельствует о том, что совершенствование федерального законодательства в сфере возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности государственной власти по аналогии с Законом о компенсации позволит обеспечить эффективную реализацию конституционно-правовых гарантий в соответствии со статьями 52, 53 Конституции РФ.

Подводя итоги анализу правовых механизмов возмещения государством вреда в результате противоправной деятельности государственной власти, следует отметить, что наличие законодательной базы в рассматриваемой области не свидетельствует об эффективности действующих механизмов конституционно-правового регулирования. Обусловлено это тем, что ни Уголовно-процессуальный кодекс РФ с императивными методами «власти-подчинения», ни Гражданский кодекс РФ, регламентирующий частноправовые отношения, не создают эффективные механизмы реализации конституционного права на возмещение вреда государством. Специальные законы, регулирующие деятельность соответствующих органов власти, также не предусматривают дополнительные материально-правовые и процессуальные гарантии в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и нормами статьей 52, 53 Конституции. Регламентация правоотношений

в сфере возмещения вреда государством различными отраслями права, в основе которых лежат различные принципы и методы правового регулирования, приводит к утрате их конституционно-правовой основы и автоматически влечет снижение уровня государственной защиты пострадавших от произвола власти.

В Российской Федерации на сегодняшний день единый закон, регулирующий порядок реализации конституционного права гражданина на возмещение вреда государством, отсутствует, тогда как в целях обеспечения высокого уровня государственной защиты от противоправного поведения в области государственного управления в демократическом правовом государстве законодательство должно единообразно подходить к урегулированию исследуемых правоотношений и быть направлено на достижение единой цели.

В этой связи требуется реформирование действующего законодательства в рассматриваемой области посредством

принятия на федеральном уровне специального закона, детально регламентирующего порядок возмещения государством вреда, причиненного неправомерными действиями государственных органов и их должностных лиц, и обеспечивающего предоставление дополнительных материальных и процессуальных гарантий пострадавшим от произвола власти в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и нормами статей 52, 53 Конституции РФ.

Учитывая положительную практику применения Федерального закона № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», целесообразно в рамках специального закона предусмотреть порядок возмещения вреда государством по аналогии с порядком присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Библиографический список

1. Доклад СФ ФС РФ «Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2012 года. О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 февраля 2001 года. № 7. Ст. 700.

3. Федосеева С.В. Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный судебными органами [Электронный ресурс] // Налоги: газета. 2009. № 13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. The report of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation «The report of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2012. The status of the law in the Russian Federation. Monitoring of execution of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation» [Electronic resource]: The document has not been published. Access from legal-reference system “ConsultantPlus”.

2. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 January 2001 No. 1-P “On the case about the verification of constitutionality of paragraph 2 of article 1070 of the Civil code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens I.V. Bogdanov, A.B. Zernov, S.I. Kalianov and N. Trukhanov” // Collection of Laws of the Russian Federation of February 12, 2001. No.7. Art. 700.

3. Fedoseeva S. V. Features of civil liability for harm caused by the judicial authorities [Electronic resource] // Taxes: newspaper. 2009. No. 13. Access from legal-reference system «ConsultantPlus».

С.Г. ГОНТАРЬ

кандидат юридических наук, доцент, кафедра административного и муниципального права, Орловский государственный университет
E-mail: vers@inbox.ru

S.G. GONTAR

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law, Orel State University
E-mail: vers@inbox.ru

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

**ON THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF ELECTORAL LAW
IN THE FORMATION OF LOCAL GOVERNMENTS**

В статье рассматриваются основные конституционные принципы избирательного права, без которых невозможно формирование органов местного самоуправления.

Ключевые слова: орган местного самоуправления, конституционные принципы.

This article discusses the basic constitutional principles of electoral law, essential for formation of local governments.

Keywords: local authorities, constitutional principles.

Конституция – основной закон правового государства. Без базовых принципов нет отрасли права.

В Конституции Российской Федерации в общем виде закреплены правовые основы местного самоуправления: самостоятельность в решении населением всех вопросов местного значения, в том числе и в правотворческой деятельности, обособление органов местного самоуправления, многообразие организационных форм местного самоуправления, соразмерность муниципальных полномочий с материально-финансовыми ресурсами, взаимодействие органов местного самоуправления с иными органами власти, объединениями, организациями, гражданами и т.д., ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц перед населением).

Но для реализации вопросов местного самоуправления должны быть созданы органы местного самоуправления в соответствии с действующим законодательством. Органы местного самоуправления формируются в соответствии с уставом муниципального образования. Так, глава муниципального образования и представительный орган муниципального образования может избираться на муниципальных выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Основные принципы, которые направлены на обеспечение реализации избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, также содержатся в Конституции Российской Федерации.

Под принципами избирательного права в науке понимаются «общепризнанные, базовые, универсальные начала (стандарты), отражающие демократическую природу выборов как конституционной основы наро-

довластия, определяющие фундамент правового регулирования избирательных прав, согласованную систему гарантий, процедур, обеспечивающих императивное, честное (нефальсифицированное) проведение различных видов выборов в Российской Федерации, реализацию и защиту избирательных прав российских граждан»[11].

Среди основных принципов избирательного права можно выделять следующие: всеобщее избирательное право; равное избирательное право; прямое избирательное право; тайное голосование; свободное и добровольное участие гражданина в выборах [9, 12].

Кроме того, принципы отражаются не только в Конституции, нормативных актах на федеральном уровне, но и на региональном уровне. Например, статья 2 Закона Орловской области от 4 июня 2012 года № 1364-ОЗ «О выборах Губернатора Орловской области» содержит основные принципы проведения выборов Губернатора Орловской области, а статья 3 конкретизирует реализацию принципа всеобщего избирательного права при выборах Губернатора Орловской области [7].

Что же касается конституционных принципов, то суть принципа всеобщего избирательного права заключается в том, что граждане Российской Федерации независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, имеют право избирать, быть избранными, участвовать в референдуме (Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; Федеральный конституционный закон от 28.06.2004

№ 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [4, 5]). Но указанный принцип распространяется не только на российских граждан, но и на постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования, которые имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, участвовать в иных избирательных действиях на указанных выборах, а также участвовать в местном референдуме на тех же условиях, что и граждане Российской Федерации (статья 10 [5], статья 3 [6]).

Принцип равенства в избирательном праве заключается в равенстве возможностей избирателей и кандидатов в избирательном процессе (статья 5 [5]). То есть все граждане, не отстраненные от участия в голосовании по основаниям, предусмотренным действующим законодательством, имеют равные права и обязанности, одинаково влияют на результат выборов.

В условиях многопартийности и при соблюдении гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина свободные выборы предполагают наличие такой избирательной системы, которая обеспечит гражданам равные возможности в реализации активного и пассивного избирательного права, что предполагает также адекватное определение статуса кандидатов и такое регулирование предвыборной агитации и финансирования выборов, которое, основываясь на конституционном принципе равенства, будет учитывать при этом различие способов и условий реализации указанных прав, а также ее социально-политические и юридические последствия [8].

В Российской Федерации избирательное право является прямым, то есть избиратели голосуют непосредственно за или против того или иного кандидата, список

кандидатов, в отличие от таких государств, например, как США, где проводятся косвенные выборы, когда выборы проводятся посредством избираемых гражданами «выборщиков».

Принцип тайны голосования заключается в том, что свобода волеизъявления избирателя, свобода его выбора осуществляется без какого-либо наблюдения и контроля (статья 7 [5]), в том числе, путем заполнения избирательного бюллетеня в кабине для голосования.

Обязанность избирательной комиссии заключается в обеспечении тайны голосования, сохранности бюллетеня и учета голоса при установлении итогов голосования.

Свободное и добровольное участие гражданина в выборах заключается в не оказании на граждан давления, принуждения к участию или неучастию в выборах, референдуме (статья 3 [3]). Свободные выборы предполагают также необходимость проведения выборов с разумной периодичностью при обеспечении свободного волеизъявления граждан в условиях состязательности и открытости [10].

Подводя итог рассмотрения основных конституционных принципов избирательного права, без реализации которых невозможно формирование органов местного самоуправления, необходимо отметить, что принципы российского законодательства отвечают положениям источников международного права, согласно которым каждый гражданин без дискриминации и без необоснованных ограничений должен иметь право и возможность голосовать и быть избранным на выборах (в частности на выборах в органы местного самоуправления), которые производятся на основе всеобщего, равного избирательного права при тайном голосовании [1].

Библиографический список

1. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 44.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // «Собрание законодательства РФ», 08.01.2001, № 2, ст. 163 (с изм. и доп.).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445.
4. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2004, № 27, ст. 2710 (с изм. и доп.).
5. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 17.06.2002, № 24, ст. 2253 (с изм. и доп.).
6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.).
7. Закон Орловской области от 4 июня 2012 года № 1364-ОЗ «О выборах Губернатора Орловской области» // «Орловская правда», № 80, 06.06.2012 (с изм. и доп.).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2006 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области» // «Собрание законодательства РФ», 03.07.2006, № 27, ст. 2970.
9. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. М., 2011. Т. 1.
10. Иванченков Ю.В. Принципы избирательного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 12. С. 30-36.
11. Князев С.Д. Принципы российского избирательного права // Правоведение. 1998. № 2. С. 21.
12. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учеб. М., 2013. С.592.

References

1. International Covenant on Civil and Political Rights of 16 December 1966 // Collection of existing treaties , agreements and conventions concluded with foreign states . МY . XXXII. М., 1978 . P. 44.
 2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome 11.04.1950) // «Collection of Laws of the Russian Federation», 08.01.2001, № 2, p. 163 (with amendments).
 3. The Russian Constitution [text] // М., 2007.
 4. Federal Constitutional Law of 28.06.2004 № 5 -FCL «On referendum of the Russian Federation» // «Collection of Laws of the Russian Federation», 05.07.2004, № 27, art. 2710 (with amendments).
 5. Federal Law of 12.06.2002 № 67 -FL «On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of the citizens of the Russian Federation» // «Collection of Laws of the Russian Federation», 17.06.2002, Number 24 , Art. 2253 (with amendments).
 6. Federal Act dated October 6, 2003 № 131-FL «On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation» [Text] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822. (Amended. And add.).
 7. Law of Orel region of June 4, 2012 № 1364 -OL «On elections of Governor of Orel region» // «Orel truth», № 80, 06.06.2012 (with changes amendments).
 8. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 16.06.2006 № 7 -P «In the case on the constitutionality of several provisions of Articles 48, 51, 52, 54, 58 and 59 of the Federal Law» On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in the referendum of the citizens of the Russian Federation» on the request of the State Duma of Astrakhan region» // «Collection of Laws of the Russian Federation», 03.07.2006, № 27, art . 2970.
 9. *Avakyan S.A.* Russian constitutional right. Training Course : Textbook. Tutorial: 2 v. М., 2011 . v.1.
 10. *Ivanchenkov Y.* Principles of electoral law // State Government and local government . 2012 . Number 12. Pp. 30 - 36.
 11. *Knyazev S.D.* Principles of the Russian electoral law // Jurisprudence. 1998. Number 2 . P. 21.
 12. *Kozlov E.I., Kutafin O.E.* Constitutional law of Russia: Textbook. М., 2013. P.592.
-
-

Т.С. ДЖАНИЕВА

аспирант, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
E-mail: Toizhan.Jani@mail.ru

T.S. DZHANIEVA

Graduate student, Sholokhov Moscow State University for the Humanities
E-mail: Toizhan.Jani@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ КАЗАХСКОГО НАРОДА
В СИСТЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
И РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ДВИГАТЕЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ**

**THE IMPLEMENTATION OF ETHNO-CULTURAL TRADITIONS OF THE KAZAKH PEOPLE
IN THE SYSTEM OF COMPLEX PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT AND REHABILITATION
OF CHILDREN WITH MOVEMENT DISORDERS**

Статья посвящена проблеме развития национальных технологий психолого-педагогического сопровождения реабилитации детей с детским церебральным параличом в Республике Казахстан. Представлен опыт применения казахских национальных игр, музыкальных, художественных и литературных произведений в системе психолого-педагогического сопровождения реабилитации детей с детским церебральным параличом.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение реабилитационного процесса, детский церебральный паралич, этно-культурные традиции народов Республики Казахстан, коррекционно-реабилитационный потенциал народных игр, художественного, литературного и музыкального наследия казахского народа.

The article is devoted to the development of national technologies dedicated to psycho-pedagogical support of the rehabilitation of children with cerebral palsy in the Republic of Kazakhstan. The author presents the experience of using Kazakh national games, music, art and literary in the system of psycho-pedagogical support of rehabilitation of children with cerebral palsy.

Keywords: psycho-pedagogical support of the rehabilitation process, cerebral palsy, ethno-cultural traditions of the peoples of the Republic of Kazakhstan, correctional and rehabilitative potential of folk games and cultural heritage of the Kazakh people.

В противопоставление процессам глобализации, охватившим мировое сообщество во второй половине XX века, во многих странах наметились тенденции сохранения и возрождения этно-культурной национальной идентичности народов. Это явление, обозначенное в современной социологии, этнопсихологии и педагогике как «этнический парадокс современности», является основной чертой развития современного общества, охватывает различные сферы социальной действительности, распространяясь, в том числе и на процессы социализации, образования, психолого-педагогического сопровождения развития подрастающего поколения. При этом происходит активное изучение самобытности, уникальности и культурно-педагогического потенциала национальных культурных традиций, которое осуществляется в рамках многочисленных компаративных исследований [1].

Современные исследования в области социологии, этнопсихологии и этнопедагогике указывают на то, что осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу играет важную роль в процессе его социализации, оказывает существенное влияние на психическое развитие, становление эмоционально-личностной, когнитивной и коммуникативной сферы

(В.С. Агеев, Г.М. Андреева, А.А. Белик, Ю.В. Бромлей, У. Бронфенбреннер, К.Б. Жарикбаев, Л.Г. Ионин, В.В. Пименов, Т.Г. Стефаненко, А.А. Сусоколов, В.А. Тишков, М. Херсковиц и др.). Так, американский культур-антрополог М. Херсковиц подчеркивает значимость освоения индивидом национальных культурных традиций (инкультурации) для его успешной социализации. При этом автор рассматривает социализацию как процесс интеграции человека в социальную среду общества, приобретение им опыта, который необходим для выполнения социальных ролей, соответствующих его социальному положению и статусу. А инкультурация понимается как процесс усвоения индивидом характерных для национальной культуры ценностей, мировоззренческих и поведенческих приоритетов, в процессе которого происходит формирование его когнитивного, эмоционального и поведенческого сходства с представителями определенного этноса и отличия от представителей других национальных культур. Таким образом, автор, вслед за Л.С. Выготским и его последователями, указывает на ключевую роль этно-национальных культурных традиций в процессе развития высших психических функций индивида, подчеркивает исключительность их влияния на его когнитивное и личностное становление.

Несмотря на то, что исследования, раскрывающие подобные проблемы, в настоящее время становятся чрезвычайно популярными, тем не менее, культурно-педагогический и социально-реабилитационный потенциал национальных культурных традиций, а также возможности его использования в процессе комплексной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья до сих пор не изучены в полной мере.

В данной статье мы представляем экспериментальный опыт применения казахских этно-культурных технологий в системе психолого-педагогического сопровождения реабилитации детей с детским церебральным параличом (ДЦП) на примере национальных игровых традиций.

Теоретический анализ проблемы применения этно-национальных традиций в коррекционно-реабилитационной работе мы осуществляли с позиций культурологии, социальной психологии, этнопсихологии, специальной педагогики и психологии.

Проведенный нами анализ показал, что в настоящее время существует много исследований, подтверждающих тот факт, что применение средств искусства обладает мощным психотерапевтическим действием и способствует повышению эффективности психокоррекционной работы с детьми и взрослыми, имеющими различные нарушения развития. Концептуальные основы создания психокоррекционных технологий, основанных на национально-культурных традициях и применении средств искусства, заложены в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей (А.К. Байбурун, Н.А. Бердяев, Г.В. Бурковский, Е.И. Бурно, Л.С. Выготский, Д. Винникотт, М.С. Каган, О.А. Карабаева, Л. Колберг, Е. Крамер, И.Ю. Левченко, Ю.М. Лотман, М. Мид, М. Милнен, Е.А. Медведева, О.А. Осипова, В.И. Петрушин, Ж. Пиаже, Р. Пикфорд, Х. Рид, В.Е. Рожнов, П.А. Флоренский, Р.Б. Хайкин, М. Херсковиц, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон, К. Юнг и др.).

Результатами многочисленных исследований в XX веке было научно доказано влияние музыки, литературных произведений, художественно-изобразительной и театрально-драматической деятельности не только на психологическое состояние человека, но и на его физиологические процессы (В.М. Бехтерев, М.Е. Бурно, В.Е. Гинзбург, А.Л. Готендинер, И.М. Гринева, А.Л. Гройсман, А.И. Захаров, А.И. Копытин, Я.И. Левин, С. Мамулова, Н.Д. Маслова, В.Н. Мясищев, Ю.Б. Некрасова, В. Райков, Е.Ю. Рау, И.М. Сеченов, А.А. Стехин, И.Р. Тарханов, А. Томатис, Р. Фортуната, А. Хилл, С.В. Шушарджан и др.). При этом исследователи отмечают, что положительное влияние на физиологическое и психоэмоциональное состояние человека оказывают как процессы восприятия музыкальных, литературных, художественных и театральных произведений, так и процессы их активного продуцирования.

Научные основания казахской народной педагогики раскрывались в исследованиях казахстанских ученых (Ж.М. Абдильдина, В. Аврорина, И. Алтынсарина, М.Х. Балтабаева, Н. Джандильдина, М.В. Дьячкова,

А.Т. Кайдарова, С.К. Калиева, К.Ж. Кожахметовой, Т.Ш. Куанышева, А. Кунанбаева, К.Е. Кушербаева, Э.С. Маркаряна, Л.Б. Никольского, А.Н. Нысанбаева, М.М. Сужикова, М.Т. Таникеева, Б.О. Тетенаева, В.А. Тишкова, С.А. Узакбаевой, М.С. Хасанова), изучаются закономерности и особенности эстетического воспитания средствами казахской народной педагогики (С.А. Узакбаева) и казахской традиционной художественной культуры (М.Х. Балтабаев).

Проведенный теоретический анализ проблемы позволил определить содержание экспериментального исследования, в рамках которого мы апробировали региональную модель психолого-педагогического сопровождения реабилитации детей с ДЦП на базе АО «Республиканский детский реабилитационный центр» (г. Астана) в Республике Казахстан в период с 2007 по 2012 год.

В экспериментальном исследовании принимали участие 84 ребенка с различными формами и степенью выраженности двигательных нарушений при ДЦП, в том числе 21 ребенок раннего возраста, 21 ребенок дошкольного возраста, 21 ребенок младшего школьного возраста и 21 ребенок подросткового возраста.

В структуре внедряемой нами модели Службы психолого-педагогического сопровождения реабилитационного процесса (ППСрп) выделяются следующие модули.

1. Модуль кадрового ресурсного обеспечения;
2. Модуль научно-методического обоснования и руководства;
3. Модуль содержательно-организационных аспектов функционирования службы ППСрп;
4. Модуль оценки и контроля качества психолого-педагогического сопровождения реабилитационного процесса.

На всех этапах разработки и определения организационно-содержательных аспектов функционирования региональной службы ППСрп мы учитывали необходимость:

- национально-региональной адаптации международных стандартов психолого-педагогического сопровождения реабилитации детей с двигательными нарушениями;
- изучения культурно-педагогических традиций казахского народа, выявления возможностей применения этно-технологий (народного фольклора, музыкального, художественного, литературного и театрального искусства, ремесленного творчества, обычаев, игровых и др. национальных традиций) в психокоррекционном и реабилитационном процессах;
- разработки в соответствии с инновационными достижениями в области психолого-педагогического сопровождения и традиционным опытом казахского народа этно-культурных технологий работы с ребенком и членами его семьи;
- своевременного обновления и модернизации диагностических технологий с учетом современных мировых достижений и этно-культурных традиций казахского народа;

– составления индивидуальных программ психолого-педагогической помощи, основанных на выборе содержания и использовании современных методов и технологий психокоррекционного воздействия (арт, изо, музыка, эрготерапия, сказкотерапия, игротерапия и пр.) с учетом этно-национальных культурных традиций казахского народа;

– разработки вариативных стратегий психолого-педагогической помощи с учетом этно-культурных предпочтений семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата.

В рамках реабилитационной помощи детям с церебральными параличами технологии этно-национальной арттерапии активно применяются в деятельности таких специалистов службы ППСрп, как психолог, педагог-дефектолог, кинезиотерапевт, логопед, музыкотерапевт, психотерапевт, специалист по сенсорной интеграции.

При определении содержания психокоррекционного воздействия специалисты опираются на опыт использования музыкального искусства в работе с детьми, раскрытый в трудах Т. Жургенева, К. Кубанова, С. Кобеев, С. Мендешева, А.И. Сембаева, А.С. Сытдыкова, Т. Таджибаева и др.

Широкие возможности применения устного народного творчества и мифологии (эпоса, сказок, песенок, пословиц и поговорок) в коррекционно-педагогической работе раскрыты в исследованиях С.А. Узакбаевой, Г.М. Бекбердиновой и др. Анализируя устное народное творчество и мифологию казахского народа, авторы указывают на богатство его коррекционно-педагогических возможностей: возможность развивать когнитивные и коммуникативные функции, эмоционально-личностную сферу воспитанников, осуществлять дифференцированный подход к гендерному воспитанию детей разного возраста; значение для формирования высоких нравственных, музыкально-эстетических качеств, бережного отношения к истории и культуре родного края, родному языку; раннее приобщение к музыке, труду, театрализованной импровизации, к изготовлению изделий народного прикладного искусства. В исследованиях И. Алтынсарина также раскрывается коррекционно-педагогический потенциал сказок, пословиц, поговорок, загадок и игр, которые, по мнению автора, способствовали нравственно-эстетическому воспитанию детей разного возраста и активизировали их личностные ресурсы.

Во многих исследованиях изучаются коррекционно-педагогические возможности народной инструментальной музыки, в том числе игре на домбре (Т.А. Кишкашбаев, Д.Ю. Рузиев, И.Р. Халитова и др.).

Специалисты службы ППСрп в зависимости от возрастных и индивидуально-психологических особенностей детей с двигательными нарушениями, а также цели и задач коррекционного воздействия выбирают репертуар для вокалотерапии, слушания или воспроизведения народных музыкальных композиций и песен.

Так, например, для детей раннего и младшего дошкольного возраста подойдут колыбельные или простые

мелодичные песенки («Балапан», «Тэй-тэй», «Элди-элди»), благодаря которым осуществляется не только позитивное влияние на эмоциональное состояние, коммуникативную и интеллектуальную сферу ребенка, но и происходит его первоначальное приобщение к народному творчеству, закрепляются знания казахского языка. По мере взросления детей и развития их сенсорных и интеллектуальных способностей происходит постепенное усложнение репертуара произведений, и через некоторое время дети уже готовы к восприятию, а затем и к воспроизведению казахской народной инструментальной музыки. Разнообразное творчество композиторов Казахстана предоставляет неисчерпаемые возможности для использования их произведений в процессе психотерапевтической и психокоррекционной работы. При этом различные формы музыкотерапии целесообразно сочетать с другими технологиями психологического воздействия (арттерапия, сказкотерапия, цветотерапия, ароматотерапия, танцтерапия, кинезиотерапия). В зависимости от психологического типа ребенка, особенностей его психогенного реагирования, индивидуальной потребности в динамической активности определяется характер и длительность музыкальных интервенций. Так для возбудимых и гиперактивных детей подбираются мелодии, направленные на расслабление, снятие мышечного напряжения и релаксацию. В то же время для заторможенных детей чаще целесообразно подбирать мелодии, позволяющие повышать их энергетический тонус, стимулировать активность. Однако интенсивность воздействия при этом всегда должна четко дозироваться, не допуская эмоционального пресыщения или утомления ребенка.

Рассматривая коррекционно-реабилитационный потенциал казахского музыкального фольклора, необходимо отметить, что одним из сильнейших средств музыкального воздействия является народная инструментальная музыка – кюи. Инструментальная музыка казахского народа подразделяется на несколько видов: домбровые, кобызовые и сыбызговые кюи. В более старшем возрасте дети с ДЦП способны воспринимать не только домбровую музыку, но и сложные музыкальные произведения казахских композиторов в исполнении оркестра казахских народных инструментов. По мере возможности дети обучаются приемам игры на музыкальных инструментах и включаются в исполнение доступных музыкальных произведений разнообразных по своему социально-образному содержанию. Таким образом, ребенок не только пассивно воспринимает целительное музыкальное воздействие, но и становится активным исполнителем, что активизирует его творческий потенциал, повышает уровень самооценки, способствует духовному и личностному совершенствованию.

Другие технологии психокоррекционного воздействия, основанные на этно-национальных традициях, связаны с драматизацией народного эпоса и мифологии, анимационной терапией, народным танцевальным искусством, национальным изобразительным (орнаментальным) творчеством, литературным

наследием казахского народа. Уникальные реабилитационные возможности содержатся также в казахском народном ремесленном искусстве, на основе которого планируется программа эрготерапевтических сессий с детьми разного возраста, имеющими нарушения функций опорно-двигательного аппарата.

Помимо психокоррекционных технологий, основанных на применении разнообразных средств искусства (арттерапия и артпедагогика) и народных ремесленных промыслов, необходимо использовать огромный потенциал национально-культурных традиций, заложенный в народных играх. Технологии, основанные на использовании народных игр, применяются в работе игротерапевтов, психологов, логопедов, кинезиотерапевтов, педагогов-дефектологов различного профиля и психотерапевтов.

Значимость казахских народных игр, их развивающий потенциал подчеркивали многие исследователи (И. Алтынсарин, М. Ауэзова, А.А. Диваев, И. Жансугурова, С. Муканова и др.). Высоко оценивал воспитательно-развивающие возможности народных игр этнограф А.А. Диваев, который первым осуществил их систематизацию и указал на необходимость их использования в педагогической деятельности. Исследователь писал о большой культурной ценности игровых традиций, стимулирующем влиянии национальных казахских игр на интеллектуально-познавательную деятельность ребенка, интенсивность их воздействия на эмоциональную сферу детей, способность насыщать и обогащать детские представления яркими впечатлениями об окружающей действительности. Многие исследователи национальных казахских игр (А.Н. Абушев, А. Айтпаева, Е.А. Сагындыков Б.Т. Тотенаев, С.А. Узакбаева и др.) отмечали, что их характерной чертой является развивающая направленность, позволяющая стимулировать и активизировать развитие когнитивных функций, двигательной сферы, социально-коммуникативной и познавательной деятельности детей, их сообразительности, быстроты мышления, воображения и творческого самовыражения, предпосылок становления личности.

В своих работах М.Т. Таникеев указывает не только на развивающие, но и на диагностические возможности национальных игр, которые позволяют выявлять природные задатки и способности детей, своевременно определять несовершенство психических и физических функций. М.Т. Таникеев и другие авторы отмечают, что в содержании многих национальных игр казахского народа также заключен потенциал развития и коррекции нарушений познавательной сферы, имеются возможности расширения кругозора ребенка, его представлений об окружающем мире, стране, родном народе. По мнению Б.Т. Тотенаева, казахские национальные игры выступают как частица народной мудрости, являясь образцом национального игрового фольклора, в котором заложен реабилитационный потенциал, связанный с возможностями эффективного воздействия на эмоционально-волевую, познавательную, коммуникативно-речевую и поведенческую сферы ребенка.

Тематика казахских национальных сюжетных игр отражает исторические эпизоды жизни великих людей и воинов (батыров), значимые явления окружающей действительности, особенности природы, повадки домашних и диких животных. Именно поэтому такие игры, как «Түйілген орамал», «Жаяу көкпар», «Қара сыйыр», имеют большое значение для формирования познавательных интересов, умения получать новые знания и их усвоения. Некоторые игры могут использоваться в психокоррекционной работе в первоначальном виде, однако многие игры должны быть адаптированы для использования в коррекционно-реабилитационном процессе с учетом психофизических и возрастных особенностей детей с ДЦП. Особенно важно при адаптации национальных подвижных игр предложить альтернативную двигательную активность, доступную ребенку с ограниченными двигательными возможностями, или предусмотреть возможность распределения ролей в паре между ребенком, не имеющим двигательных ограничений, и его партнером с ДЦП. В процессе адаптации игр и распределения взаимодействия между партнерами по игре необходимо обеспечить достаточную насыщенность и активное участие для всех игроков с учетом их физических возможностей. При этом можно использовать две технологии адаптации подвижных игр: в первом случае упрощаются требования или облегчается нагрузка на участника с ДЦП, в другом случае – вводятся дополнительные ограничения для участника с отсутствием двигательных нарушений. Среди национальных казахских подвижных игр особой популярностью пользуются такие игры, как «Түйілген орамал», «Көкпар», «Қара сыйыр», которые развивают ловкость и точность движений, внимательность, сообразительность, сенсорные процессы, коммуникативные навыки. Приведем описание некоторых игр.

Целью национальной казахской игры «Түйілген орамал» является развитие быстроты действий, ловкости рук, внимательности. Участники игры располагаются по кругу. Среди всех участников выбирается один водящий, который и начинает игровой процесс. Водящий, находясь в кругу, кидает полотенце любому игроку и сразу же бросается в погоню за ним. Получив полотенце, игрок должен быстро передать его другому, таким образом, чтобы полотенце не поймал водящий. Игроки все время перебрасывают полотенце друг другу. Ребенок, упустивший полотенце, становится водящим. Водящий, поймав полотенце, может сам назначить нового водящего. По окончании игры отмечаются лучшие игроки, которые ни разу не упустили полотенце.

Цель другой игры «Қара сыйыр» состоит в развитии у детей навыков социального взаимодействия, чувства коллективизма, сообразительности и умения защитить свой «предмет». В игре используют небольшой темный предмет (например, мешочек с песком). Все игроки образуют круг и закрывают глаза. По указанию руководителя один из игроков должен выйти из круга и спрятаться, положив возле себя предмет. Остальные играющие должны его найти, громко сообщить об этом

и попытаться обманым путем захватить предмет. При этом владелец должен защищать свой предмет. Тот, кому удастся отобрать предмет, становится водящим, т.е. идет прятать предмет, а все остальные опять образуют тесный круг и закрывают глаза.

Помимо подвижных игр развивающим потенциалом обладают многочисленные интеллектуальные и коммуникативно-речевые национальные игры казахского народа.

В национальных игровых традициях широко используются считалки (санамак) и жеребьевки (каламак), создающие эмоциональное настроение, развивающие слух, эстетический вкус, увлекающие самим процессом игры. Они употребляются в тех случаях, когда детям необходимо разделиться на команды, выбрать водящего и пр. Также в ходе национальной игры часто используются скороговорки (жанылтпаштар). Таким образом, элементы национальных игр способствуют развитию коммуникативной сферы, способствуют развитию речи и мыслительных процессов. По мнению некоторых исследователей (А. Айтпаева, С.А. Узакбаева и др.), стихотворные игровые формы (считалки, жеребьевки, скороговорки) в казахских национальных играх отличаются своеобразным содержанием, способствуют обогащению словарного запаса, знакомят с окружающей средой, с повседневной жизнью, а также оказывают определенное психотерапевтическое воздействие.

Как отмечает в своих исследованиях Е.А. Сагындыков, многие национальные игры являются прекрасным образцом красивой, правильной, звучной казахской речи. Как правило, это словесные игры, в ходе которых участник ставит уточняющие вопросы, может закончить мысль другого участника игры, подать свои реплики. Это облегчает говорящему игроку возможность более четко выразить мысль, высказать свое отношение к сути игры, требованиям ее проведения и быть понятным всеми играющими детьми. Ведущие диалог участники игры объясняются друг с другом жестами, мимикой, помогая тембром и интонацией голоса. В процессе такого диалога совершенствуются коммуникативные навыки ребенка, усваиваются алгоритмы и правила социального взаимодействия. Наиболее яркими в плане сказанного являются такие казахские национальные игры, как «Айтыс», «Қаламак», «Тез айту» и т.д.

Так, например, игра: «Қаламак» применяется в тех

случаях, когда детям необходимо разделиться на команды. Коррекционно-реабилитационный потенциал этой игры связан с возможностями формирования у детей доброжелательного отношения к другому ребенку, навыков эффективной коммуникации и социального взаимодействия.

«Айтыс» – это состязание в музыкально-поэтическом мастерстве двух акынов-импровизаторов. Детские игры-айтысы проводятся так же, как и у взрослых людей. На самое почетное и видное место сажают двух акынов, а вокруг располагаются остальные участники игры, поделенные на две группы, каждая из которых поддерживает своего акына. По традиции айтыс начинает наиболее знаменитый и старший по возрасту акын. Айтыс среди детей начинается с жеребьевки и на заранее определенную тематику: воспевание ума, красоты, характера человека, отношений друзей между собой, красоты родной земли, нравственных качества людей. Реабилитационный потенциал этой игры связан с возможностью развития сообразительности, способности к импровизации, раскрытия способностей и знаний играющих детей.

Эти и многие другие национальные игры успешно применялись нами в процессе психолого-педагогического сопровождения реабилитационного процесса на групповых и индивидуальных занятиях.

Каждый из специалистов самостоятельно выбирает оптимальные по содержанию и реабилитационным возможностям игры и технологии, основанные на применении национальных средств искусства казахского народа, которые используются на всех этапах реализации программы комплексной реабилитации детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата с учетом их возрастных и индивидуально-психологических особенностей и возможностей.

После окончания формирующего эксперимента мы осуществляли оценку эффективности разработанной нами модели по различным показателям. Проведенный сравнительный анализ полученных результатов, подтвердивший в целом эффективность предлагаемой модели ППСрп детей с детским церебральным параличом, продемонстрировал также значительное улучшение показателей становления национально-культурной идентичности пациентов реабилитационного центра.

Библиографический список

1. Акбаева Л. Н. Специфика этноэстетического воспитания в Казахстане // Білім-Образование. 2004. № 3.
2. Актуальные проблемы междисциплинарного подхода к этапной комплексной реабилитации детей с церебральным параличом: материалы научно-практического семинара с международным участием. М. : МГПУ, 2013.
3. Волков Г. Н. Этнопедагогика как педагогика национальной школы и семьи. // Этнопедагогика в системе образования. 2005. №2.
4. Левченко И. Ю. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата: учебное пособие для студентов / И. Ю. Левченко, О. Г. Приходько. М. : Академия, 2001.
5. Сейтжанов З. Т. Специфика этноэстетического воспитания в Казахстане. // Білім-Образование. 2004. № 3.

References

1. *Akbaeva L.N.* Specificity of ethno-aesthetic education in Kazakhstan. // *Bilim - Education*. 2004. № 3.
 2. Urgent problems of an interdisciplinary approach to the step-by-step complex rehabilitation of children with cerebral palsy: materials of scientific-practical seminar with international participation. M.: MSPU, 2013.
 3. *Volkov G. N.* Ethnopedagogy as a pedagogy of national school and family. // *Ethnopedagogy in education system*. 2005. №2.
 4. *Levchenko I. Yu.* Technology of training and education of children with musculoskeletal system disorders: study guide / textbook for students / I.Yu. Levchenko, O.G. Prikhodko. M: Academy, 2001.
 5. *Seitzhanov Z.T.* Specificity of etno-aesthetic education in Kazakhstan. // *Bilim - Education*. 2004. № 3.
-
-

Н.П. ДУДИН

кандидат юридических наук, профессор, кафедра административного и таможенного права, Российская таможенная академия им. В.Б. Бобкова (Санкт-Петербургский филиал)

N.P. DUDIN

Candidate of Law, Professor, Department of administrative and customs law, Russian customs academy named after V.B. Bobkov (St. Petersburg branch)

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

LEGAL MEANS OF ENSURING PERSONAL SECURITY, AND SOCIETY AND THE STATE

В статье раскрывается понятие правовой безопасности. Проведен анализ конституционно-правовых норм, обеспечивающих реализацию прав граждан на безопасность. Рассмотрена сущность законности как правовой категории и ее место в российской правовой системе. Отражена роль прокуратуры в реализации принципа законности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, национальная безопасность, гарантии прав граждан, законность, прокуратура Российской Федерации.

The article reveals the concept of legal security. The analysis constitutional law to ensure the rights of citizens to safety. The article considers the nature of law as a legal category and its place in the Russian legal system. The role of the Prosecutor's office in the implementation of the principle of legality.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, national security, guarantees the rights of citizens, the rule of law, the Prosecutor's office of the Russian Federation.

Реформирование современного российского общества затронуло все сферы его жизнедеятельности: экономическую, социальную, политическую, духовную.

Изменился кардинальным образом тип российского государства и права, его экономическая и политическая системы.

Практически все основные государственно-правовые категории наполнились новым содержанием, интерпретированы в соответствии с реалиями сегодняшнего дня.

В связи с процессами глобализации трансформируются сами представления о национальной безопасности, ее целях, задачах и ключевых составляющих. Возникает новый комплекс противоречий, обусловленный, с одной стороны, интеграцией страны в глобализацию в экономической, политической, социальной и иных сферах и желанием воспользоваться ее плодами, с другой стороны, стремлением сохранить суверенитет государства и национальную идентичность общества. Каждая страна решает указанные противоречия по-своему.

Предусмотренные различными отраслями права механизмы обеспечения безопасности являются составными элементами всей системы обеспечения национальной безопасности. Законодательную базу обеспечения безопасности составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и Федеральные законы, законы, подзаконные правовые акты субъектов Российской Федерации в пределах их ведения, международные договоры и соглашения. В целом правовое регулирование вопросов по отдельным

видам безопасности осуществляется на основании более семидесяти федеральных законов и двухсот указов Президента Российской Федерации, около пятисот постановлений Правительства Российской Федерации, а также других подзаконных актов.¹ Большинство из них носят фрагментарный характер. Это связано с тем, что вопросы государственной безопасности пронизывают фактически все сферы общественных отношений и объективно могут быть предметом регулирования в любой из существующих отраслей права.

Указом Президента Российской Федерации в 2009 году был утвержден важнейший концептуальный документ в этой области – «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»² (далее – Стратегия). Данный документ является политико-правовым, устанавливающим систему стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и показатели устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу.

В системе правовых средств обеспечения безопасности личности, общества и государства Конституция Российской Федерации занимает особое место.

Конституция впервые в истории России провозгласила, что человек, его права и свободы являются выс-

1 Ниязметова М. А. Административно-правовое регулирование национальной безопасности // Административное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 60–63.

2 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента Рос. Федерации от 12.05.2009 г. № 537 (ред. от 01.07.2014).

шей ценностью. В свою очередь признание, соблюдение защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Защита конституционных прав и свобод человека является одним из приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации в целом и деятельности каждого элемента государственной системы в отдельности. В правозащитной деятельности участвуют фактически все ветви государственной власти, местное самоуправление.

Основной закон предусматривает и формы реализации этой конституционной нормы, которые позволяют обеспечивать защиту закрепленных основных прав и свобод человека и гражданина.

Справедливость судебного разбирательства и наделение реальными процессуальными правами участников происходит посредством процессуальных институтов, механизмов, которыми стороны могут воспользоваться в суде и в досудебном производстве.

Среди государственных органов, призванных обеспечить соблюдение Конституции РФ, особое место принадлежит органам российской прокуратуры. Независимость от органов власти и местного самоуправления, политических партий и иных общественных объединений, недопустимость вмешательства в ее деятельность предопределяют государственно-правовой статус прокуратуры и своеобразное место в системе государственного механизма.

В Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»³ норма о том, что прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, появилась в конце 1995 года. В раннее действующей редакции прокурорский надзор был ориентирован на вопросы исполнения только законов.

Практика показывает, что деятельность российской прокуратуры вне уголовно-правовой сферы, особенно по защите прав человека и гражданина, востребована обществом и отвечает принципам демократического государства.

Прокуратура защищает интересы граждан, в частности, в сфере социального обеспечения, гражданского, трудового, семейного, жилищного и избирательного права. Эффективность правозащитной работы российских прокуроров постоянно возрастает. Ежегодно усилиями прокуроров восстанавливаются права более миллиона граждан. Прокуроры оперативно реагируют на все выявляемые нарушения прав граждан. В результате принимаемых мер ежегодно десятки тысяч нормативных актов приводятся в соответствие с федеральным законодательством. В рамках гражданского процесса прокуроры обращаются в суды с заявлениями в защиту прав отдельных граждан или неопределенного круга лиц, а также интересов государства, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Для достижения целей деятельности органов прокуратуры прокуроры используют специальные полномочия. Полномочия прокурора представляют собой совокупность прав и обязанностей должностных лиц органов прокуратуры. В рамках реализации своих полномочий прокурорам предоставляются права на совершение юридически значимых действий и принятие юридических решений.

Каждому полномочию прокурора присуща особая форма его реализации. Потребность в юридическом оформлении правовых действий и решений прокурора вызывает необходимость в применении правовых средств, включая акты прокурорского реагирования.

Правовые акты прокурора могут быть направлены на выявление нарушений законов, предупреждение нарушений законов и устранение нарушений законов. Правовые акты прокурора, направленные на устранение и предупреждение нарушений законов, именуется актами прокурорского реагирования.

Средствами прокурорского реагирования обеспечиваются все предусмотренные Конституцией Российской Федерации правовые, политические и социально-экономические гарантии прав и свобод человека и гражданина.

Новые ориентиры в сфере национальной безопасности, сформулированные в Стратегии, – важный шаг в развитии России как демократического государства.

Понятие национальной безопасности определяется как состояние защищенности интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства (п. 6 Стратегии). Нарастание угроз приводит к необходимости принятия соответствующих мер, связанных не только с правоохранительной деятельностью государства, но и с созданием целого ряда условий в общественной, политической, экономической, правовой, культурной и иных сферах для противодействия угрозам современного мира. В связи с этим наибольшую актуальность приобретает своевременное выявление угроз и их дифференциация по степени опасности с целью оказания им эффективного противодействия.

Из множества известных угроз современности наиболее опасными являются национализм и религиозная нетерпимость, обострившиеся на фоне миграционных процессов, безработицы, социального неравенства и коррупции, а также провоцируемые геополитикой ряда западных стран, в том числе США, направленной на создание напряженности в евразийском регионе. Именно национализм и религиозная нетерпимость наиболее часто находят свое выражение в таких крайних проявлениях, как экстремизм и терроризм.

Основным субъектом обеспечения безопасности является государство в лице его компетентных органов. Очевидно, что правовое государство предполагает вы-

3 Ст. 1 Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. ст. 4472.

бор средств обеспечения безопасности, основанный на праве. Неоднозначность и сложность процессов, порождающих угрозы безопасности, таких как глобализация и связанные с ней социально-экономические и политические кризисы, обуславливают необходимость разработки сложной правовой системы, способной обеспечить эффективное отражение существующих угроз безопасности при соблюдении и уважении общечеловеческих ценностей.

Наличие правовых норм, закрепляющих возможность гражданина беспрепятственно пользоваться конституционными правами и свободами, вовсе не означает, что каждому автоматически гарантируется их реализация или охрана и защита, ибо от принятия закона до его исполнения – дистанция огромного размера⁴. Требуется не только провозглашение в Конституции права личности, но и его материализация – действительное получение человеком того блага, которое составляет содержание данного права. Л.С.Явич писал, что «право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях»⁵.

Конституцией Российской Федерации 1993 г. не предусматривается обособленное право человека и гражданина на безопасность. Но термин «безопасность» применительно к безопасности общества в целом и отдельных лиц в статьях встречается.

Статья 37 Конституции Российской Федерации закрепляет право на труд в безопасных условиях.

Частью 2 ст. 74 Конституции Российской Федерации определена одна из целей ограничения перемещения товаров и услуг – обеспечение безопасности, защиты жизни и здоровья людей.

Ради обеспечения безопасности людей допускается подвергать личному досмотру членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы (ч.1 ст. 98 Конституции Российской Федерации).

Ряд правомочий, которые по своему содержанию обеспечивают реализацию права граждан на безопасность, отражены также в ст.46–54 Конституции Российской Федерации и других.

Под правовым содержанием конституционной безопасности личности в данном случае предлагается понимать круг обязанностей и запретов, установленных конституционными нормами, а также те поступки и деяния в сфере конституционной безопасности личности, которые позволены, воспрещены или вменены в обязанность индивидууму.

В юридической литературе употребляются термины «правовая безопасность» и «меры безопасности».

Правовая безопасность, с точки зрения Б.В. Дрейшева, имеет два аспекта. Первый из них состоит в обеспечении защищенности самой системы и направлен на ее совершенствование и дальнейшее развитие. Второй состоит в том, что в рамках право-

вой системы посредством правового регулирования общественных отношений осуществляются меры безопасности в различных сферах: экономической, экологической, военной и т. д. Правовая безопасность призвана обеспечить защищенность национальных интересов, отражаемых в процессе правового регулирования общественных отношений, опосредовать все виды безопасности.⁶

Меры безопасности обычно признаются самостоятельным правовым понятием, целью которых являются, прежде всего, предупреждение, пресечение правонарушений, обеспечение физической защиты граждан и т.д.⁷. Конституция Российской Федерации, как следует из преамбулы, принята, в том числе, исходя из утверждения гражданского мира и согласия. Согласие означает доброжелательные, мирные и гармоничные отношения в обществе. Обеспечение межнационального, межконфессионального согласия законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления установлено Федеральными законами⁸. В условиях межконфессиональных, межнациональных конфликтов было бы правильно возвести согласие в нормативный конституционный принцип. Такое предложение встречается в литературе⁹.

Большое значение в Стратегии (ст. 39) придается эффективности деятельности правоохранительных органов.

Правоохранительная деятельность государства актуальна при любом государственном устройстве, поскольку правила, установленные этим государством, будучи нормами законов, должны оберегаться в целях упорядочивания правовой жизни, правовых отношений. Только четкое соблюдение и охрана законов, прав и свобод человека позволит качественно развиваться обществу, личности. Правоохрана при этом является неотъемлемой частью и непременным условием успешного процесса соблюдения и восстановления их прав в случае нарушения. Поскольку в правовом государстве практически все стороны жизни так или иначе регулируются правовыми нормами, правовое пространство должно быть должным образом структурировано и обеспечиваться адекватными правоохранительными структурами.

6 Дрейшев В.Б. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // У Правоведение. 1998. № 2. С. 11.

7 Щедрин Н.В. Меры безопасности: развитие теории, отличительные признаки и классификация // Правоведение. 1994. № 4; Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права. Дис... канд. юрид. наук Самара 1997. С. 112-147.

8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений : федер. закон Рос. Федерации от 22.10.2013 г. № 284-ФЗ // Рос. газета. 2013. 24 окт.

9 См. Макушкин А.А. Конституционная защита прав и свобод человека в РФ // Конституция как символ эпохи : [материалы конф., 3–5 апр. 2003 г., юрид. фак. МГУ] / ред. С. А. Авакян. М., 2004. Т. 2. С. 501.

4 Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 221.

5 Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1971. С. 201.

Правоохранительная система Российского государства в течение последних десятилетий неоднократно подвергалась существенному изменению. Как правило, это было обусловлено объективными причинами, к которым можно отнести политические новации, разного рода социальные катаклизмы, экономические преобразования, требующие сосредоточения усилий в какой-либо, ставшей наиболее актуальной сфере общественных отношений. Во всех случаях реформирование правоохранительной системы было сопряжено с перестройкой государственных органов, но не всегда – с изменением правовой идеологии и системы правовых норм, в которых выражалась охранительная функция права.

Предметом правоохранительной функции государства является законность. Законность – явление, присущее любому обществу, где есть государство. Законность – явление многоплановое, многостороннее, емкое. Оно носит «сквозной» характер, поскольку пронизывает и отражает всю без исключения правовую жизнь общества. Любое правовое (юридическое) явление обязательно связано с законностью, будь то процедура создания юридических норм или процесс их реализации, т.е. требования законности обязательно должны распространяться и на процедуру создания юридических норм.

Различные аспекты законности всегда находились и находятся в центре внимания общей теории государства и права, а также отраслевых юридических наук. Несмотря на некоторый спад научного интереса к проблеме законности в 90-е годы прошлого столетия, уже в начале нового века объектом научного исследования на диссертационном уровне стал поиск ответов на целый ряд вопросов о роли законности в обществе, ее нового социального наполнения, обеспечения в деятельности различных субъектов правовой системы.

В юридической науке нет единообразного определения понятия законности. П.Е. Недбайло определяет: «законность есть состояние, которое характеризует соблюдение всем обществом всех государственно-правовых актов»; «есть свойство общественной жизни»; «прочный правовой режим».¹⁰ По мнению И.С. Самощенко, «законность – это общественный режим, характеризующийся господством закона в системе общественных отношений».¹¹ Е.А. Лукашева считает, что «четкое функционирование системы правового регулирования создает в обществе определенный правовой режим – режим законности. Законность выступает в качестве объективированного результата действия всех элементов системы правового регулирования: правосознания, системы правовых норм, различных способов их реализации».¹²

Таким образом, законность рассматривается и как принцип, и как метод, и как режим формирования и

функционирования правового государства и гражданского общества, в основе которых лежит точное исполнение законов и основанных на них подзаконных нормативных актов всеми государственными органами, общественными организациями, органами местного самоуправления, должностными лицами и гражданами.¹³

Различия в определении говорят о неоднозначности его содержания, о дискуссионности различных аспектов теории законности в целом, но важно определить сущность законности как правовой категории, ибо право не может в любом обществе существовать без соблюдения законности, и определить место законности в российской правовой системе.

Большинство ученых склоняется к тому, что законность может рассматриваться как:

1. Принцип государственно-правовой деятельности, который пронизывает всю общественную и государственную жизнь и в равной мере обращен ко всем органам государства, негосударственным организациям, должностным лицам и гражданам.

2. Метод государственного руководства обществом, который проявляется в издании законодательных актов, в их неукоснительном исполнении и привлечении правонарушителей к ответственности.

3. Режим общественно-политической жизни.¹⁴

Он проявляется в том, что вся общественно-политическая жизнь подчинена требованиям нормативно-правовых актов. Как и деятельность всех структур, институтов, граждан.

Некоторые авторы конституционную законность характеризуют как политико-правовой режим, обеспечивающий соблюдение Конституции РФ всеми участниками общественных отношений¹⁵. Сторонники узкого подхода подразумевают под конституционной законностью соответствие норм законов конституционным положениям¹⁶. Реалии сегодняшнего дня заставляют понять, что законотворческий процесс обязательно должен учитывать социальные и политические требования, которые, с одной стороны, объективно отражают представление общества об уровне и состоянии общественных отношений, закрепляемых в нормотворческих актах, с другой стороны, являются выражением системы взглядов общества на «идеальное право». Таким образом, правозаконность – это взгляд на «идеальное право» не отдельного субъекта законности, а общественного сознания в целом. Свое представление о правозаконности общество сформулировало в Основном Законе, определило прямое действие норм, декларирующих права и свободы, и установило механизмы коррекции

¹³ Байтин М.И. Законность и правопорядок в условиях формирования правового государства // Становление правового порядка в российском государстве. Саратов, 1995. С. 23.

¹⁴ См.: Законность в Российской Федерации. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. С. 23.

¹⁵ Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. Екатеринбург, 1996. С. 435.

¹⁶ Капука С. Проблемы общего надзора прокуратуры России за законностью // Право и жизнь. 1999. № 22. С. 67.

¹⁰ Недбайло П.Е. Советская социалистическая законность, ее основные принципы и назначение. М., 1958. С. 42.

¹¹ Самощенко И.С. Социалистическая законность в условиях развитого социализма. М., 1979. С. 29.

¹² Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 19.

незаконного нормотворчества, ограничивающего права и свободы граждан. То есть оценка нормотворчества с позиций правозаконности заложена в Конституции РФ. В связи с этим представляется оправданным прямое указание в определении понятия «законность» на то, что кроме строжайшего исполнения существующих законов, понятие законности должно охватывать и зако-

нотворческий процесс.

Закрепленные в Конституции Российской Федерации правовые гарантии – это не просто декларативные утверждения, а реальные права граждан, которые должны иметь возможность их реализации, защита прав которых должна осуществляться органами государства и институтами гражданского общества.

Библиографический список

1. *Воеводин Л. Д.* Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 221.
2. *Байтин М.И.* Законность и правопорядок в условиях формирования правового государства // Становление правового порядка в российском государстве. Саратов, 1995. С. 23.
3. *Дрейшев В.Б.* Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Правоведение. 1998. № 2. С. 11.
4. *Лукашева Е.А.* Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 19.
5. *Макушкин А.А.* Конституционная защита прав и свобод человека в РФ // Ред. С.А. Авакьян. М., 2004. Т. 2. С. 501.
6. *Недбайло П.Е.* Советская социалистическая законность, ее основные принципы и назначение. М., 1958. С. 42.
7. *Ниязматова М. А.* Административно-правовое регулирование национальной безопасности // Административное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 60–63.
8. *Щедрин Н.В.* Меры безопасности: развитие теории, отличительные признаки и классификация // Правоведение. 1994. № 4.
9. *Явич Л. С.* Общая теория права. Л., 1971. С. 201.
10. Теория государства и права. Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. Екатеринбург, 1996. С. 435.

References

1. *Voevodin L.D.* Legal status of a person in Russia, M., 1997. 221 p.
 2. *Baytin M.I.* Law and order in the conditions of formation of the constitutional state, Saratov, 1995. 23 p.
 3. *Dreyshev V.B.* Legal security and the problem of its software // Pravovedenie. № 2, 1998. 11p.
 4. *Lukashev E.A.* Socialist sense of justice and legality. M., 1973. 19 p.
 5. *Makushkin A.A.* Constitutional protection of human rights and freedom in the Russian Federation // Ed. by S.A. Avakyan. M. 2004, Vol. 2, 501p.
 6. *Nedbaylo P.E.* Soviet socialist legality, its basic principles and purposes, M., 1958. 42 p.
 7. *Niyazmatova M.A.* Administrative-legal processes of national security // № 10, 2010. Pp. 60-63.
 8. *Shchedrin N.V.* Security regulations: development of the theory, characteristics and classification // Jurisprudence, № 4, 1994.
 9. *Yavich L.S.* General Theory of Law. L., 1971, 201 p.
 10. Theory of State and Law. Ed. by V.M. Korelskii, V.D. Perevalov, Ekaterinburg, 1996. 435 p.
-

Н.В. ЕГУПОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра дизайна, скульптуры и теории искусства, Орловский государственный университет
E-mail: egupova.natasha@mail.ru

N.V. EGUPOVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of design, sculpture and theory art, Orel State University
E-mail: egupova.natasha@mail.ru

ОРЛОВСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

OREL HANDICRAFTS: TRADITIONS AND MODERNITY

В статье рассмотрена история развития орловских народных промыслов. Анализируются основные этапы становления таких видов народного творчества, как ковроткачество, кружевоплетение, вышивка, глиняная игрушка. Освещается современное положение художественных промыслов на Орловщине.

Ключевые слова: народные промыслы, игрушка, ковроткачество, ремесло, мастера, традиции, искусство, цвет, кружево, вышивка.

The article regards the history of the development of Orel handicrafts. The main stages of the formation of such kinds of folk art as carpet weaving, embroidery, clay toys are analyzed. It throws some light on the current situation of arts and crafts in Orel region.

Keywords: crafts, toy, carpet weaving, crafts, craftsmen, traditions, art, color, lace, embroidery.

Одной из форм народного творчества Орловской области, представляющих неотъемлемую часть крестьянского искусства, являются народные художественные промыслы.

Орловская земля издавна славилась народными промыслами, такими как гончарное ремесло, игрушечный промысел, ковроткачество, вышивка, кружевоплетение, изготовление гармоний и др.

Ковроткачеством стали заниматься в Орловской губернии во второй половине 19 века, сначала в Малоархангельском, после в Ливенском, Мценском, Орловском уездах. Часть людей ткавших ковры, делали их на заказ, поэтому этот вид творчества нельзя отнести к промыслам полностью. Применение ковров в крестьянском быту было самым разнообразным: их вешали на стенах, использовали для накрывания сундуков, саней, в качестве одеяла. Параллельно мастера занимались изготовлением половиков, дорожек, шерстяных одеял. Орловские ковры в зависимости от их использования отличались по технологии изготовления и рисунку.

Ковры, которыми накрывали сундуки, имели мелкий цветочный узор, на стены вешали ковры с орнаментом ярких цветов, для накрывания саней использовали ковры с крупным растительным или геометрическим орнаментом. Орловские ковры в основном были гладкими, реже ткались ворсовые.

Для изготовления ковров использовали овечью шерсть весенней или осенней стрижки, ткали как на вертикальных, так и на горизонтальных станах. Красили волну мастерицы корой дуба, березы, получался черный и желтый цвет, также использовали и другие натураль-

ные красители. Позже стали применять и искусственные, покупные красители, волну кипятили в краске с добавлением соли, служившей закрепителем.

Саные ковры, как и ковры для сундуков, ткали на горизонтальных станах. Саные ковры состояли из нескольких небольших ковров, соединенных вместе, в просторечье их называли каролинками или попонками.

Настенные ковры, наоборот, не имели шва и изготавливались на вертикальном станке. Как правило, в центре такого ковра был яркий большой букет, а по периметру шел повторяющийся цветочный орнамент. Рисунок на таком ковре выглядел объемным благодаря множеству оттенков цветов, используемых при изготовлении ковра.

Ковры, которые изготавливали орловские мастерицы, отличались разнообразием рисунков и цветовой палитрой. Чаще всего встречались изделия с изображением полосок, ромбов, клеток, зигзагов. В образцах ковров раннего периода фон не использовался, цветными были геометрические орнаменты на коврах. Позже мастерицы стали использовать в качестве фона черный цвет, в геометрическом орнаменте преобладали красный, зеленый, желтый, оранжевый и голубой цвета. В связи с появлением черного фона рисунок узора на ковре стал проще, приобрел мозаичный характер.

Искусству ковроткачества обучали с детства. Девушки ткали санный ковер в приданое, именно он являлся главным украшением на свадебных саях. Красивый, качественный ковер говорил о трудолюбии и мастерстве девушки. Как правило, ковер хранился в сундуке и переходил по наследству от матери к дочери.

Ковроткачеством крестьянки занимались до 40-х

XX столетия. Самыми известными орловскими мастерицами были В. Алешина, Л. Горохова, Н. Коробова, А. Сухинина, Н. Гладких, А. Маслова, Р. Королева.

Ковроделие занимает важную часть в региональном декоративно-прикладном искусстве. Образцы орловских ковров можно увидеть в Областном краеведческом музее, в картинной галерее.

Не менее интересным промыслом Орловщины является кружевоплетение. Кружевной промысел в Орловской губернии зародился в середине 19 века в Елецком уезде. Плетением кружев занимались городские жительницы, позже с 1873 года кружевоплетением стали заниматься крестьянки и дети. По числу занятых людей в Орловской губернии кружевоплетение занимало первое место среди прочих промыслов.

Промыслом кружевоплетения занимались в основном женщины и девочки, иногда, если не находили себе работу, мужчины. Технику кружевоплетения использовали парную и сцепную. В зависимости от ширины кружевной полосы, парные кружева изготавливались несколькими парами коклюшек.

Особенностью елецких кружев является использование растительных и геометрических мотивов. Олень – символ города Ельца, поэтому его изображение часто использовали мастерицы в своих кружевах. Елецкие кружева отличаются тонкостью и изяществом, бывают черными и серыми по цвету. Издавна елецкие кружевницы плели черные косынки, в треугольную форму которых органично вписывался рисунок с растительным мотивом. Серый цвет создает впечатление элегантности, изящества.

Мценские кружева отличаются симметричностью композиции, простотой линий. Форма кружев чаще всего прямоугольная. Мастерицы используют в своем творчестве растительные мотивы, такие как ветки деревьев, снежинки.

Традиции кружевоплетения продолжают орловские мастерицы Т. Маслова, А. Шалыгина, Н. Савенкова и другие. Изделия этих мастериц радуют всех, кто любит истинную красоту, ценит и понимает ее.

Одним из традиционных и древних видов народного творчества Орловщины является вышивка. Самым известным шитьем является спиловое. «Орловский список» был распространен во многих селах и деревнях Орловского уезда. Крепостные крестьянки вышивали свои узоры, глядя на морозные окна и перенося рисунок на ткань, поэтому эта техника получила название «спис». Полотенцами, скатертями, вышитыми орловским спишем, украшали дома. Орловский список, так же как и елецкие кружева, был очень популярен не только в России, но и за ее пределами.

Особенностью списка являются причудливые формы его вышивки, напоминающие фигуры птиц, животных, растений. Интересно также заполнение контура вышивки, так называемые бранки. Благодаря бранкам внутри контура вышивки образовывались разные фактуры: сеточки, мерцающие, волнистые линии, клеточки, зигзаги. Мастерицы выдумывали бранки по ходу работы,

наряду с традиционными, такими как «дробнушки», «сосны», «вороний глаз». Украшали орловским спишем полотенца, фартуки, скатерти, покрывала. Вышивка служила декором на рубахах, кокошниках. Спешивок присутствовал не только в крестьянских избах, но и в помещичьих усадьбах. Особенную красоту «орловскому спису» придают разнообразие оттенков цветных ниток.

В цветовой палитре «списа» доминирует красный цвет с оттенками от алого до светло-розового. Красный цвет дополнял голубой, который символизировал небо и воду. Красный цвет – это символ жизни. Элементы вышивки объединены в одном контуре, растительные и животные формы располагаются очень близко друг к другу, от этого создается впечатление единого сплошного вышитого поля.

Самыми популярными мотивами у вышивальщицы были «дерево жизни» и «птица счастья». Вышивка спишем – очень трудоемкое занятие, мастерице приходилось работать месяц, иногда и больше над украшением скатерти.

В Орловском областном краеведческом музее представлена богатая коллекция образцов вышивки «орловский список». Сегодня на Орловщине продолжают традиции этого шитья такие мастерицы, как З. Воропаева, М. Диденко, В. Черногорова, М. Семенова.

Орловская земля знаменита также своими гончарами. Наиболее ярко представлен игрушечными промыслами, самые известные из них плешковская и чернышенская игрушки.

Богатые залежи глины способствовали развитию гончарного производства в деревне Чернышено Новосильского уезда. По предположениям, развитие гончарного промысла идет от казаков, вызванных царем Иваном Грозным для охраны рубежей на Орловщине и крепости Новосиль (1576 г.) Археологические находки начала века подтверждают развитие гончарного производства. От гончарного производства жители деревни Чернышено перешли к игрушке. У крепостных крестьян к основному доходу добавлялся доход от промысла. Традицией было то, что женщины пользовались средствами, заработанными от продажи молока, творога, сметаны, холста, пряжи и глиняных игрушек. Игрушечный промысел был женским занятием, мужчины игрушки не делали. Для изготовления игрушек глину добывали весной, в это время она была пластичной и вязкой. Хранили глину в прохладном месте, в основном в погребе, подвале. После того как игрушки были готовы, их сушили на печке, обжигали в ней же. Расписывали чернышенские мастерицы свои глиняные игрушки петушиным пером, используя минеральные и анилиновые краски. Продавали свои изделия чернышенские крестьяне во время праздников Вознесения и Троицы на ярмарках. Лепили в основном известную всем птицу – кукушку, домашнюю птицу чернышенские игрушечники не делали, что являлось главной отличительной чертой от плешковской пластики. Связано это с древним культом кукушки. Именно кукушка у черны-

шенских крестьян символизировала весну, считалась «божьей» птицей, именно эта вещая птица предсказывала сроки жизни человека, а также природных явлений. В кукушке был заключен образ женского божества, наделенный высшей силой пророчества, связано это с древним культом бога Рода. Считалось так же, что в кукушку превращалась несчастная женщина, нарушившая нормы общественного поведения. Многие легенды древних славян связаны с появлением птицы кукушки.

Манера росписи глиняной игрушки кукушки отразилась на декорировании других чернышенских игрушек – коровок, барашков, коньков, всадников, кукол, их так же как и кукушку раскрашивали чередующимися полосками, напоминая оперение живой птицы кукушки. О магической связи женщины с птицей свидетельствуют чередующиеся полоски на шее кукол – кормилок.

Чернышенская глиняная игрушка узнаваема с первого взгляда, фигурки имеют приземистую форму, короткие ноги и вытянутую шею, маленькую голову. Большой интерес представляют женские фигурки кукол-кормилок, барынь. Роспись одежды и головных уборов повторяет элементы декора женского костюма XIX-начала XX века. Четко очерченная высокая грудь куклы является символом плодородия, что свидетельствует о крепкой связи чернышенской глиняной игрушки с культом плодородия у древних славян, сохранившейся в изделиях чернышенских мастериц. Это ярко демонстрирует принадлежность куклы к язычеству, к тому времени, когда она являлась не игрушкой, а предметом поклонения, связанным с почитанием богинь Рожаниц. Негативно повлияло на промысел чернышенской игрушки производство фабричной игрушки. В истории развития чернышенской игрушки навсегда останутся фамилии таких мастериц, как Чумичева П.П., Фомина М.Л., Аленкина Т.П., Клинина П.П. В послевоенное время продолжали традиции чернышенского промысла мастерицы Шеляева Е.А., Афанасова А.Х. На сегодняшний день возрождением традиций чернышенской игрушки занимается народный мастер Наталья Николаевна Фролова и ее дочь Анна.

Промысел плешковской игрушки зародился в XVII веке в деревне Плешково Ливенского района Орловской области. Название деревни происходит от слова «плешина», места, в почве которого было много глины, вследствие чего образовывались проплешины на земле, так и появилась деревня Плешково. Земледелием крестьяне заниматься не могли, но благодаря богатому месторождению глины получило развитие гончарное ремесло и игрушечный промысел. Деревня Плешково издавна была известна своими мастерами, ярмарками, глиняными изделиями, за которыми съезжались люди как из ближних сел и деревень, так и из Орла.

Глиняная игрушка участвовала в магических обрядах и несла в себе символы божеств и тотемов. Их изображения наполнялись божественным понятием неба и солнца. Звери-тотемы были наделены особым космическим и божественным смыслом. Плешковские игрушки

монументальны, порой, кажется, что это уменьшенные копии с каких-то больших изваяний, а не самостоятельный вид искусства. В них есть что-то общее с полонецкими бабами из приволжских степей. Любимые сюжеты мастеров – это птицы и домашние животные, также встречаются всадник на коне, изображения женских фигурок.

Изделия плешковских мастеров отличались лаконичностью и простотой. Плешковская пластика занимает особую нишу в русской декоративной скульптуре. Игрушечные звери и птицы в Плешково примитивно вылеплены, они статичны и приземисты, куклы торжественны, величественны. Иногда игрушечники лепят фигурку женщины с ребенком на руках, очень часто одна рука выполнена в виде небольшого бугорка, она приподнята и отведена в сторону.

Игрушки расписывались отточенной лучиной или птичьим пером. При расписывании плешковской бабы использовались соляные знаки: пятна с точками, кресты, круги, вертикальные и волнистые линии.

После обработки плешковская глина становится почти белой, а включенная в ее состав слюда дает многочисленные блески. Обожженные в печи игрушки имеют слегка сиреневый отлив, так как обжиг получается неполным. Обожженная глина впитывает краску, словно губка. Наши предки расписывали игрушки красками, сделанными своими руками: это был сок черноплодной рябины, лопуха, шелухи лука, также использовали тертый в порошок кирпич, замешанный на клейстере из муки. Реже использовали синьку. Впитываясь в глину, краска приобретала очень нежные светлые тона, необыкновенно красиво сочетающиеся с необычным природным цветом глины. При раскрашивании плешковской народной игрушки краску использовали очень мало или же совсем не применяли. Местная глина имела особенные золотистые оттенки и поэтому не требовала дополнительного декорирования. Плешковским мастерам-игрушечникам необходимо было лишь провести по своим игрушкам-свистулкам вертикальные полосы, волнистые линии – и игрушка была готова.

На подсознательном уровне у мастера и его творения реализовывалась связь крестьянина с кормилицей-землей. Наряду с росписью красками часто использовался рельефный орнамент. Мастера наносили заостренной палочкой точки по поверхности глиняных игрушек.

Мастерицы, которые смогли возродить плешковскую игрушку, – Ольга Даниловна Малютина (1885-1974) и Александра Михайлова Иванилова (1911-1990), которые жили и работали в деревне Плешково, недалеко от города Ливны.

У большинства игрушечных животных в хвосте расположен свисток с двумя отверстиями. У кукол свисток находится в одной из рук. В игрушках нет плавности линий, зато есть динамика, цельность, они непосредственны, в них достигнуто полное равновесие формы. В росписи плешковской игрушки используют, как правило, две краски – синюю и красную, реже зе-

лennyй цвет. Обычно игрушки покрывают круглыми и овальными пятнами, иногда параллельными полосками – «ребрами» на груди животных. Пятна на игрушках могут переходить в «запятые», так же вместо круглых пятен по поверхности плешковской игрушки встречаются мазки кисти мастерицы.

Полная коллекция плешковской игрушки О.Д. Малютиной и А.М. Иваниловой хранится в Орловской областной картинной галерее.

За последние годы в керамике Орловщины явно наметились сдвиги. Среди авторов, ведущих плодотворные поиски, параллельно работающих с детьми, особенно заметны творческие сподвижники В.В. Якумова (Болховская школа искусств), О.М. Степанова (Малоархангельская школа) и Л.Н. Воропаева (Стрелецкая школа искусств).

Сохраняют и продолжают традиции плешковской народной игрушки ученики и последователи А.М. Иваниловой народные мастера Александр Викторович Фролов, Наталья Николаевна Фролова.

Мастера из поколения в поколение передают пластику плешковской игрушки, сохраняя традиции народного творчества, внося небольшие изменения, тем самым наделяя ее новым смыслом.

В Ливенском и Малоархангельском уездах занимались изготовлением гармоней. Впервые ливенская гармонь была изготовлена в первой половине XIX века. Занимались этой работой в основном мастера-самоучки, имеющие музыкальный слух. Гармони де-

лились на ливенские, русские, тальянские, немецкие, также мастера ремонтировали старые гармони. Самыми известными мастерами были Федор Занин и его сын Иван. Продолжил традицию Валентин Иванович Занин, он создал ансамбль музыкальных инструментов.

Еще один орловский мастер Кудрявых Константин Федорович разработал свою технологию изготовления гармоней. Он изобрел новую облицовку. Придуманным им специальным раствором Константин Федорович покрывает детали гармони, используя любой цвет. Благодаря такому покрытию у гармони сохраняется естественность звучания.

Талантливый мастер создал множество музыкальных инструментов, звучание которых можно услышать со сцен как в России, так и за рубежом.

Известные мастера, изготавливавшие гармони в конце XIX начале XX веков, это: И. Вахнов, К. Черных, Г. Остриевский, И. Мартынов, М. Гладков.

Сегодня сохраняют и продолжают традиции изготовления ливенской гармонии Д. Сопов, Е. Воскобоева, О. Кузьмин, М. Рязанов, А. Антонов, В. Филатов.

Орловские народные промыслы отличаются особым художественным колоритом, они характеризуют природу народного творчества. Особенность художественных промыслов Орловщины определяется единством художественных и прикладных качеств. Современные народные мастера с любовью хранят и передают из поколения в поколение вековые традиции народного искусства.

Библиографический список

1. *Баланюк М.Г.* Роспись деревянной матрешки // Начальная школа. 1989. №10. С.88-92.
2. *Блинов Г.М.* Русская народная игрушка. М.: Радуга, 1983. 163 с.
3. *Василенко В.М.* Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве. X – XX вв. М.: Советский художник, 1974. 294 с.
4. *Гальперин П.Я.* Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во МГУ, 1985. 45с.
5. *Дайн Г.Л.* Игрушечных дел мастера. Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1994. 287 с.
6. *Дайн Г.Л.* Русская народная игрушка. М.: Легкая пищевая промышленность, 1981. 192 с.

References

1. *Balanyuk M.G.* Painting of hollow wooden dolls.// Elementary School. 1989. №10. Pp.88-92.
2. *Blinov G.M.* Russian folk toy. M.: Raduga, 1983. 163 p.
3. *Vasilenko V.M.* Folk art. Selected works of folk art. X - XX centuries. M.: Soviet Artist, 1974. 294 p.
4. *Galperin P.Ya.* Teaching methods and mental development of a child. M.: MSU, 1985. 45p.
5. *Dine G.L.* Masters of the toy. Book for students. M.: Prosveschenie, 1994. 287 p.
6. *Dine G.L.* Russian folk toy. M.: Light food, 1981. 192 p.

М.В. ЖУЛЬКОВ

кандидат философских наук, докторант, кафедра философии, Ивановский государственный университет
E-mail: mzh1@mail.ru

M.V. ZHULKOV

Candidate of Philosophy, Doctoral student, Department of philosophy, Ivanovo State University
E-mail: mzh1@mail.ru

ОРГАНИЗОВАННОСТЬ НООСФЕРЫ: СФЕРНЫЙ ПОДХОД*

ORGANIZATION OF THE NOOSPHERE: SPHERE APPROACH

Фундаментальная организованность ноосферы рассматривается как взаимосвязь, на основе энергоинформационных процессов, «вещественной» и «информационной» ноосферы. Использование универсального, энергоинформационного и сферного подходов позволяет выделить семь основных сфер, среди которых три «вещественные» сферы (геосфера, биосфера, антропосфера) и три информационные (инфосфера, семиосфера, сознание-сфера), объединяемые в одно целое энергоинформационными процессами, протекающими в энергосфере.

Ключевые слова: антропосфера, биосфера, геосфера, инфосфера, ноосфера, организованность биосферы, организованность ноосферы, сознание-сфера, сферный подход, энергосфера.

The fundamental organization of the noosphere is considered as a relationship based on energyinformatiоnal processes, of the «material» and the «information» noosphere. Using universal, energyinformatiоnal and sphere approaches allows to select the seven basic spheres, among which are three “material” spheres (geosphere, biosphere, anthroposphere) and three informatiоnal spheres (infosphere, semiosphere, consciousness sphere), which are combined into one whole of energyinformatiоnal processes taking place in the energysphere.

Keywords: anthroposphere, biosphere, geosphere, infosphere, noosphere, organization of the biosphere, organization of the noosphere, sphere of consciousness, sphere approach, energysphere.

Организованность ноосферы – одна из проблем, которую необходимо решать для того чтобы приблизиться к целостному учению о ноосфере, создаваемому в настоящее время в рамках ноосферологии. Данная статья рассматривает организованность ноосферы с использованием универсального, энергоинформационного и сферного подходов.

Определение ноосферы. В настоящее время не существует общепринятого определения ноосферы. Э. Леруа (именно он в 1927 году предложил термин ноосфера) и Т. де Шарден считали, что это отдельная оболочка планеты, надстоящая над биосферой, мыслящий пласт, эволюционно находящийся на ступень выше биосферы. В.И. Вернадский считал, что *вся* биосфера переходит в новое состояние – ноосферу – под действием научной мысли и труда организованного человечества.

Эти два основных подхода сохранились и в дальнейшем. В целом можно сказать, что представители естественных наук, в том числе и В.И. Вернадский, рассматривают ноосферу с объективно-материалистических научных позиций. Гуманитарии склоняются к тому, что ноосфера – это некая тонкоматериальная оболочка, сфера сознания, сфера, информационных, культурных, духовных процессов.

Таким образом, констатируем два различных и, по-видимому, взаимодополнительных понимания ноосфе-

ры, синтезируя которые можно сказать: ноосфера имеет две составляющие – одну синтетическую на основе биосферы (биосферно-ноосферная составляющая) и вторую тонкоматериальную субъективно-объективную. В биосфере решающими процессами являются процессы энергетические, они определяют структуру биосферы, ее эволюцию. В субъективной ноосфере главными становятся процессы информационные. В результате две части ноосферы объединяются на основе сопряженных потоков энергии и информации – энергоинформационного взаимодействия.

Общая структура ноосферы может быть представлена следующим образом (рис. 1): «вещественная» ноосфера синтезирует круговорот вещества, энергии, информации. Ее информационная составляющая проявляется как результат цефализации, появления и преобразующей деятельности мыслительной активности человека. Тонкоматериальная составляющая – это сфера информационных процессов, сфера «чистого разума». Обе сферы связаны энергоинформационными процессами, потоками энергии, несущими информацию.

Таким образом, мы наметили общие контуры организованности ноосферы в виде тройственной структуры, включающей объективную и субъективную части ноосферы, объединяемые энергоинформационным взаимодействием.

* Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00833а

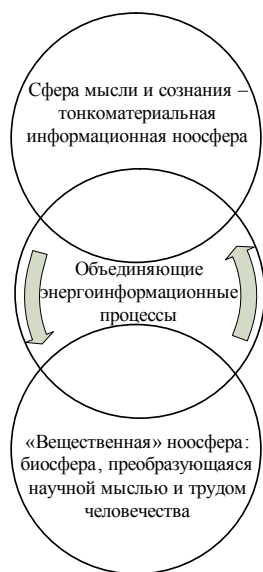

Рис. 1. Общая структура ноосферы.

Организованность биосферы. Чтобы развить намеченную выше концепцию, необходимо обратиться к организованности биосферы.

Термин «организованность биосферы» использовал В.И. Вернадский, который много работал над этой проблемой. Ученый считал организованность закономерно выражаемой функцией биосферы [7, с. 15]. «Организованность не есть механизм» [там же], непрерывное становление – ее отличие от механизма. Между косной частью биосферы и ее живым веществом идет постоянный материально-энергетический обмен, «материально выражающийся в движении атомов, вызванном живым веществом» [там же]. Этот биогенный ток атомов стремится к устойчивому равновесию и в значительной степени создает биосферу. Биогенный ток атомов является планетным и космическим явлением, так как определяется космической, прежде всего солнечной, энергией. Энергия Солнца поддерживает «динамическое равновесие, организованность: «биосфера – живое вещество» [там же, с. 16]. Далее В.И. Вернадский дает определение: «Организованность биосферы – организованность живого вещества – должна рассматриваться как равновесия, подвижные, все время колеблющиеся в историческом и геологическом времени вокруг точно выражаемого среднего» [там же]. Организованность биосферы, таким образом, определяется в основном энергетическими процессами между живым и косным веществом биосферы, основным источником энергии является энергия Солнца.

В дальнейшем проблемы организованности биосферы разрабатывались советскими и российскими учеными – М.М. Камшиловым, Э.И. Колчинским, Ф.Я. Шипуновым и др.

Ф.Я. Шипунов отмечает, что биосфера относится к парагенетическим оболочкам планеты, то есть к области совместной взаимосвязанной эволюции нескольких оболочек. Организованность биосферы является частью системы планетной и космической организованности [26, с. 19]. Система планеты есть единство

космических и планетарных факторов [там же, с. 221], жизнеобеспечение системы включает целый ряд экранов, поглощающих космические излучения и защищающих развивающуюся жизнь. К таким защитным механизмам относится магнитное поле, ионосфера, озоновый экран, атмосфера, в результате поверхности планеты достигает всего несколько октав (из нескольких десятков или сотен) космической энергии, которая затем используется и преобразовывается биосферой. Космос влияет не только на системы планеты и биосферы, но и на их функционирование. Так, Ю.М. Малиновский отмечает, что геологические циклы определяются космическими циклами движения Солнечной системы вокруг ядра Галактики [18].

Структурная организованность биосферы рассматривается как взаимодействие трех основных оболочек: литосферы, гидросферы, тропосферы с живым веществом [26, с. 31].

Большой интерес представляет рассмотрение Ф.Я. Шипуновым нескольких уровней организованности биосферы: физического, термодинамического, химического, биологического, энергетического, планетного в каждой из оболочек. Энергетический уровень организованности уникален тем, что соединяет и синтезирует различные уровни и структуры (сферы) биосферы в связное целое. Планетный уровень определяется циркуляцией энергии и вещества в биосфере под действием биогеохимической функции живого вещества. Наряду с данными уровнями, Ф.Я. Шипунов выделяет в биосфере подсистемы второго и третьего порядков. В результате получается целостная и вместе с тем дифференцированная картина системы биосферы, обладающая структурой и характеристиками целостности на различных уровнях и подсистемах.

Отметим, что данные построения, при всем их фундаментальном значении, обладают одним недостатком – они не учитывают информационные взаимодействия в живом веществе и живого вещества с косным. В настоящее время изучение этих процессов идет по нескольким направлениям: через генетику, молекулярную биологию, синтетическую теорию эволюции, в которой учение о генах (носителях биологической информации) играет большую роль; через формирование биоэнергоинформационной картины мира; изучение энергоинформационного взаимодействия в неживой природе, под последним понимается изучение энергоинформационного каркаса планеты и ее поверхности. Поскольку эти исследования делают упор на информационном взаимодействии, то они смыкаются с изучением организованности ноосферы.

Организованность ноосферы: общие черты. Человек является главным активным преобразователем биосферы в ноосферу, следовательно, ноосфера может быть рассмотрена как система «человек плюс биосфера».

Человек выделился в биосфере в самостоятельное царство природы несколько миллионов лет назад (по В.И. Вернадскому – 18–20 млн. лет назад), и его зна-

чение в биосфере увеличивалось постепенно, он становится геологической силой лишь в XIX веке, вместе с развитием науки, ростом экономической и технической мощи. Энергетическая мощь человечества – одна из существенных предпосылок перехода биосферы в ноосферу. В том числе это условие все большей независимости (автотрофности) человека от условий биосферы.

Н.Н. Моисеев, рассматривая проблемы автотрофности человечества, писал: «С развитием Разума биосфера приобретает черты организма: она теперь обладает собственными целями, и у нее появляется определенная (все возрастающая по мере роста могущества цивилизации) потенция им следовать. Возникает своеобразная автотрофность системы (организма) Биосфера + Человек» [19, с. 290]. Все большая разумность и есть движение по ноосферному пути развития. Человечество в этом системном организме «биосфера + человек» играет роль разума и мозга, следовательно, начинает управлять дальнейшим развитием биосферы.

Необходимо отметить, что именно В.И. Вернадский поставил перед учеными задачу научного, сознательно направленного развития биосферы [7, с. 44]. Для реализации этой задачи необходимо познание основных законов биосферы, ее организованности, внутренних и внешних связей, поэтому объем познавательной деятельности человечества должен вырасти и соответствовать поставленным задачам. Это означает, в том числе и рост финансирования науки [там же, с. 85]. Реализация функции управления возможна с достижением автотрофности человечества (В. И. Вернадский), относительной независимости от биосферы, опирающейся на производство и использование человечеством небюсферной энергии [5].

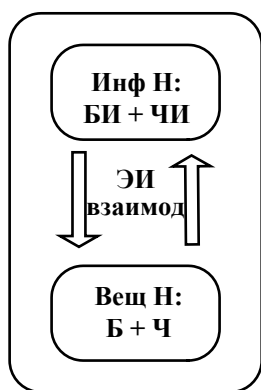

Рис. 2. Организованность ноосферы: энергоинформационный подход.

Получается общая структура ноосферы «биосфера плюс человек», причем человек управляет развитием биосферы. Соединив ее с идеей вещественной и информационной ноосферы, получим более сложную структуру: информационная ноосфера (антропогенная информация плюс биосферная информация) и вещественная ноосфера (биосфера плюс человек). Обе сферы соединены в одно целое энергоинформационным взаимодействием (рис. 2).

Ноосферный Универсум. Универсумный подход представляет мир единым целым, состоящим из все-

ленной, жизни и разума. Универсумное видение мира соединяет преимущества естественнонаучного, гуманитарного и философского подходов. Исходной формой универсумной парадигмы, ноосферной картины мира является универсальный эволюционизм, разработанный Н. Н. Моисеевым. Универсальный эволюционизм соединяет в себе системность и самоорганизацию, принцип общих законов эволюции космоса, жизни и разума, дарвиновскую триаду (наследственность, изменчивость, отбор).

Для того чтобы подчеркнуть сверхсложность ноосферной реальности, Г.С. Смирнов представляет ноосферу как сверхсистему, охватывающую бытие человека в природно-планетарном и космическом бытии, открытую космическим и планетарным влияниям. Для описания такой сверхсистемы необходимо использовать не только научный, но и философский и религиозный языки, а также художественно-образное понимание реальности: «Системный подход, применимый в данном случае, позволяет рассмотреть научную мысль как субстрат, философскую мысль как структуру, а религиозно-художественное знание как концепт сверхсистемы духовной жизни общества, человеческой цивилизации в целом. Различны и их функции: научная мысль отбирает кирпичи здания, философская – определяет архитектурный проект, а религиозная мысль задает смыслы бытия в этом огромном здании знания» [22, с. 91].

Схематично-образно ноосферный универсум описывается так: «Ноосферно-универсумный человек одной ногой опирается на естественную, а другой – на «вторую, очеловеченную», искусственную природу; правой рукой (как хомо-фабер) он созидает техносферу, по левую руку от него располагается социосфера; над головой – культуросфера. Если учесть, что за спиной у него прошлое, а шагает он в будущее, что человек, размещенный в центре, окружен, как в коконе, информацией, то мы получим схематическую *топографию Универсума*, которая отражается в ноосферном знании» [там же, с. 200].

Подводя итог исследованиям ноосферной реальности, Г.С. Смирнов определяет ноосферу и систему ноосферы: «Субстратно ноосфера биокосна и духовно-телесна, структурно представляет собой «биогеосоциотехнокультуросферу», на уровне концепта – идеально-информационна. Ноосфера – принципиально открытая самоорганизующаяся и самосохраняющаяся сверхсистема, имеющая планетарно-космическую реализацию и космопланетарную сущность» [там же, с. 228].

Так ноосферная сверхсистема включает биогеосферу (естественная природа), антропосферу (ноосферно-универсумный человек), социосферу и культуросферу, охваченными информацией.

Исходя из вышеизложенного, элементом ноосферной системы является не просто человек, но и его жизненное (биосферное), планетарное (геосферное) и социальное окружение, что суммируется понятием нообиогеоценоза [8, с. 109–112].

Выделение различных элементов и подсистем но-

осферы приводит к мысли о выделении уровней ноосферного развития. На наш взгляд, целесообразно выделить четыре уровня: глобальный, национально-государственный, региональный и индивидуально-личностный. Анализ и краткие характеристики этих уровней приведены в монографии автора [10, с. 44–60]. Все эти уровни, по аналогии с биосферой, пронизывает энергетический, снабжающий энергией все элементы, подсистемы и уровни ноосферы.

Энергоинформационная картина мира.

Трехчастная структура ноосферы (вещественная и информационная компоненты, соединенные энергоинформационным взаимодействием) позволяет использовать энергоинформационный подход к организованности ноосферы.

Как известно, он начал развиваться после открытия лазеров и голографии, когда была создана голографическая модель Вселенной (Д. Бом). К. Прибрам в 70-е годы XX века применил эту модель к работе головного мозга человека [21]. Живые голограммы, по его представлениям, образуются в мозге посредством биоэнергетических импульсов, они могут вызывать события и влиять на них.

В настоящее время происходит становление биоэнергоинформационной картины мира. Л.В. Лесков [17], основываясь на понятиях биокомпьютера и семантической вселенной, вводит меон-биокомпьютерную концепцию, согласно которой мозг и тело человека связаны потоками энергии с семантическим пространством, носителем которого является квантовый вакуум (эфир). Мозг здесь выступает оператором, превращающим один вид информации в другие.

В.В. Налимов использует принцип геометризации представлений о сознании и мире. Проблема материи и сознания превращается в проблему взаимодействия гравитационного поля и семантического (смыслового) поля. Сознание исследователь понимает не как пространственно-временной объект, а как состояние. Вероятностная логика позволяет объединить обе составляющие в едином подходе. Эволюция выглядит как распаковывание и выявление смыслов из их компактного исходного состояния на смысловой оси, причем сознание интерпретируется как фильтр, который выявляет смыслы из общего поля [20, с. 14–29].

Схожие мысли высказываются А.И. Тихоновым [25, с. 180–196] о природе энергии, информации, взаимодействии мира идей и материи. Когда в мире идей благодаря внесению упорядоченности изменяется энтропия (организованность), то это вызывает поток энергии в мире материи, компенсирующий внесенные изменения. Изменения в идеальном мире может вносить человек действием ума и воли.

Обобщая работы современных исследователей, как физиков, так и гуманитариев, необходимо сделать вывод о том, что физический мир и мир идеальный (информации и смыслов) находятся в постоянной взаимосвязи с помощью потоков энергии и информации между мирами. Вещественный мир соединен в одно целое гравитационным полем; информационный мир, состо-

ящий из сущностей предметов, соединен в одно целое информационным полем. Взаимосвязь двух частей мира происходит посредством энергоинформационного взаимодействия. Это взаимодействие управляется, помимо других механизмов, сознанием человека.

Эта картина мира хорошо описывает организованность информационной и вещественной составляющих ноосферы с помощью энергоинформационных взаимодействий. Один из важнейших выводов состоит в том, что вещественную биосферу и ноосферу нельзя рассматривать отдельно от их информационных, в том числе тонкоматериальных, составляющих. Необходимо рассматривать равновесие не отдельных миров, а их совокупности. Изменения организованности в информационном мире (информационной ноосфере) приводят к изменениям в организованности и (или) функционировании вещественной ноосферы, и наоборот. Посредником изменений и непосредственным исполнителем выступает энергоинформационное взаимодействие. Здесь биоэнергоинформационная картина мира смыкается с синергетикой и энергоэнтропикой [1]. Энтропия как мера организованности связана не только с энергетическими, тепловыми характеристиками, но и пространственно-временными и структурными характеристиками систем, и здесь открывается большая область для исследований.

Так энергоинформационная картина мира подтверждает общую схему организованности ноосферы – энергоинформационное взаимодействие между информационной и вещественной частями ноосферы, причем информационная составляющая включает сферы сознания и мышления.

Круговорот вещества, энергии, информации в биосфере и ноосфере. Этот круговорот в биосфере и ноосфере имеет принципиальные отличия. Как отмечает И. В. Дмитриевская, главную роль (концептуальную) в биосфере играет энергия. В ноосфере информация и энергия меняются местами: информация направляет потоки энергии, энергия структурирует вещество. Это и есть главный ноосферный закон, он определяет движение, направленное от информации к веществу [9, с. 27–28].

Его дополняет основной семиотический закон, который раскрывает механизм порождения информации в обществе: «Семиотический закон, раскрывающий антропологический механизм порождения информации, может быть сформулирован следующим образом: вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывается в информацию» [23, с. 103]. Другими словами, энергия извлекается из вещества, информация – из энергии. В этом законе главную роль играет культурная биогеохимическая энергия. Оба закона – ноосферный и семиотический – объединяются в круговорот вещества, энергии и информации в ноосфере [там же, с. 105]. Этот круговорот и есть тот механизм, который позволяет человеку направлять биосферный поток энергии – информация – вещество в другом направлении: информация – энергия – вещество (структура).

На наш взгляд, в этом круговороте должен быть представлен механизм управления и оценки его эффективности и результативности. Этот механизм управления может быть реализован только извне круговорота. Очевидно, что именно сознание является субъектом управления, начальной и конечной инстанцией, обеспечивающей направление изменения и развития процессов круговорота. Именно развитие сознания является результатом эволюции биосферы и человечества. В.И. Вернадский рассматривал историю человечества как историю развития сознания [7, с. 120–147]. В этом смысле история человечества может рассматриваться как ноосферная история [24, с. 12–32].

Таким образом, сознание является важнейшим фактором направления и контроля круговорота вещества, энергии, информации в биосфере и ноосфере. Но каким образом сознание влияет на энергоинформационные процессы?

Энергии биосферы и ноосферы. «Энергетический» подход В.И. Вернадского связан с его учением о биогеохимической энергии. Космическая энергия в биосфере становится биогеохимической энергией – действующей силой эволюции [7, с. 53]. В человеке эта энергия трансформируется в культурную биогеохимическую энергию, которую составляют научная мысль и труд организованного человечества. Именно культурная биогеохимическая энергия является силой, преобразующей биосферу в ноосферу [там же, с. 126].

Обе энергии действуют в человечестве одновременно и приобретают максимальный размах при максимальном проявлении биогеохимической энергии первого рода, выражающейся через размножение [там же, с. 129]. Индустриальные революции во всех частях мира продемонстрировали именно это: они сопровождалась быстрым ростом численности населения, развитием науки, производства, техники, технологий. В результате демографическая проблема стала одной из глобальных проблем современности. Но в настоящее время запущен процесс, который С.Л. Капица назвал глобальным демографическим переходом [15, с. 52–59] – изменение закона рождаемости, уменьшение рождаемости в развитых странах. Однако развитие этих стран не останавливается, а продолжается, и это развитие ведет к построению информационного общества. Очевидно, вступает в силу третий фактор, который действует в условиях низкой рождаемости, то есть не зависит от биогеохимической энергии первого рода, представляя ее дальнейшую сублимацию. Для обозначения такой энергии необходимо использовать термин «энергия сознания» [12, с. 41; 13]. Этот термин наряду с понятием «энергия мысли» уже используется исследователями, например К.Г. Коротковым [16]. Понятие «психическая энергия» широко применяется в книгах Живой этики, причем эта энергия включает и энергию мысли, и энергию сознания [4, §213; 14, §407].

Информация генерируется в процессах мышления, но оно (мышление) само нуждается в направлении, которое, по нашему мнению, и осуществляется сознанием.

Энергия сознания формирует и контролирует круговорот вещества, энергии, информации, обеспечивая направленность процессов на достижение определенных целей, их функциональную эффективность и завершенность. Сознание производит информацию, обладающую энергетическим потенциалом, который на следующей стадии превращается в другие виды энергии.

Эти субъективные энергии (энергия сознания объединяет несколько энергий) необходимы, чтобы адекватно описывать, понимать и моделировать процессы современного и предстоящего в ближайшие столетия развития человечества. Сознание становится все более важным фактором развития человечества.

Энергия сознания циркулирует через структуру ноосферы, используя круговорот информации, энергии, вещества и основной ноосферный закон как основной регулирующий фактор. Одним из важных следствий такого положения является то, что количество и качество энергии сознания, работы по переработке информации, затрат физических энергий и структурных изменений соответствуют друг другу.

Сферный подход. Как известно, в рамках науки были выделены концентрические оболочки нашей планеты – геосферы [6, с. 281], среди них литосфера, гидросфера, атмосфера и тропосфера, позднее ионосфера. Земная кора определялась как твердая оболочка планеты, под которой начинаются слои полужидкой и жидкой магмы.

К этим выделенным физическим сферам были добавлены биосфера и ноосфера. Понятие биосферы было введено Э. Зюссом, а ноосферы – Э. Леруа, но целостное учение о биосфере и ее переходе в ноосферу создал В. И. Вернадский, наполнив эти понятия новым содержанием.

В современной геологии выделяются сферы внешние и внутренние. К внешним сферам относят атмосферу, термосферу, ионосферу, стратосферу, тропосферу, гидросферу, магнитосферу. К внутренним геосферам относят литосферу (земную кору), мантию и ядро. Геосферы связаны между собой круговоротами вещества и энергии [8, с. 28].

В исследованиях советских и российских ученых и философов сферный подход получил дальнейшее развитие. Одним из первых его начал использовать Н.П. Антонов, основатель ивановской ноосферной школы. Сферный подход показывает историю развития планеты и ее поверхности, а так же современную структуру биосферы и ноосферы: литосфера, гидросфера, атмосфера, биосфера, социосфера, техносфера, ноосфера: «Геосферы взаимодействуют между собой, взаимопроникают друг в друга, между ними нет абсолютных пространственно-временных границ, поэтому их нельзя четко отделить одну от другой. Качественно различаясь между собой, они представляют единое целое – поверхность Земли, заселенную растениями и животными, человеческим обществом» [2, с. 170].

В настоящее время сферный подход включает также следующие сферы: психосферу, информациосферу,

семиосферу, антропосферу, культуросферу, экосферу. Таким образом, сферный подход в настоящее время насчитывает более десятка сфер, в связи с чем возникает необходимость их структурирования и понимания их взаимодействий, отражающих организованность ноосферы.

Наше предыдущее изложение о значимости сознания и энергетических процессов в биосфере и ноосфере подводят нас к мысли о необходимости введения еще двух сфер – сферы сознания и сферы энергии.

Учение В.И. Вернадского о биогеохимической энергии показывает, какую огромную роль энергетические процессы играют в эволюции биосферы. В человеческом обществе биогеохимическая энергия трансформируется в культурную биогеохимическую энергию. Действие этой последней, по В.И. Вернадскому, является главной причиной преобразования биосферы в ноосферу. Как было рассмотрено выше, энергетический уровень организованности биосферы, по Ф.Я. Шипунову, обеспечивает функционирование всех других уровней. Ввиду большой важности энергетических процессов в космосе, на планете, в биосфере и в процессах ее преобразования в ноосферу, а также с целью структуризации сфер, автор предложил использовать понятие «энергосфера», определив ее как сферу протекания энергетических процессов в космосе, на планете и в человеческом обществе или, в другом масштабе, в системе человек – общество – природа [11, с. 96].

Энергосфера – это оболочка планеты, где происходят процессы поступления, накопления, преобразования, действия и утилизации различных видов энергий – от духовных космических до физических планетарных. Энергосфера пронизывает все другие сферы, обеспечивая их функционирование, жизнедеятельность и развитие [там же, с. 97].

Сознаниеисфера (термин предложен Г.С. Смирновым) является сущностью системы ноосферы, образующей единство и целостность всей системы. Это высшая сфера, все остальные развивают данную сферу, одновременно являясь ее составляющими. Сознаниеисфера объединяет все процессы осознания: чувственное сознание и восприятие, психические процессы, осознанность мыслительных процессов, волевых и самого сознания как такового. Содержание сознаниеисферы – внутренние субъективные процессы, протекающие в психике, их переживание, осознание, понимание, а также их (частичный) контроль и управление. Сознаниеисфера объединяет все «я» в их индивидуальной и коллективной формах, все сложные подразделения и структуры общественного сознания и коллективного разума, как человеческого, так и планетарного.

Если использовать для обозначения сферы жизни человека понятие антропосферы, то общая структура ноосферы (биосфера плюс человек) получает вид двойственности: антропосфера – биосфера. Антропосфера является сложной системой, включающей в себя социосферу и техносферу, а также инфосферу, семиосферу и культуросферу.

О.А. Базалук, анализируя развитие Вселенной, вводит понятие разумной материи [3, с. 188–212]. При этом он продолжает ряд эмпирических обобщений, развернутый В.И. Вернадским: косная материя, биокосная, живое вещество (живая материя), биоразумная материя, разумная материя. Тогда субстратно-вещественная структура ноосферы принимает вид: разумное вещество – живое вещество – неживое вещество. Если перейти к терминам сферного подхода, то получим фундаментальную структуру «вещественной» ноосферы: антропосфера – биосфера – геосфера (под геосферой понимается верхняя часть земной коры вместе с тропосферой).

Поскольку информационная и вещественная ноосферы составляют единство, то их структурные компоненты должны соответствовать друг другу. Геосфера является субстратом всех сфер, объединяет литосферу, тропосферу, гидросферу. В лоне геосферы развиваются и биосфера, и антропосфера. Аналогично инфосфера (сфера информационных процессов) представляет «общий фон», на котором развиваются более сложные структуры. Биосфере соответствует семиосфера, область знаковых систем, развиваемых жизнью, антропосфере соответствует более сложная сфера процессов функционирования сознания – сознаниеисфера. Наконец, энергосфера снабжает все сферы энергией, обеспечивая их взаимосвязь и взаимодействие.

Если названные сферы перечислить в порядке возрастания их информационной составляющей и уменьшения вещественной, то в результате получится своего рода иерархия сфер: геосфера, биосфера, антропосфера, энергосфера, инфосфера, семиосфера, сознаниеисфера.

Важно иметь в виду, что сферы пронизывают друг друга, но каждая вышестоящая сфера выходит за рамки предыдущих сфер, образуя некую особую сферу только определенных процессов. В силу протекания присущих только ей процессов сфера и имеет соответствующее название. Так, наружная сфера сознания содержит в себе процессы других сфер: это вещественные и энергетические процессы, необходимые для функционирования различных структур и самого сознания, жизненные и информационные процессы.

В полученной семеричности выделяются два треугольника: геосфера, биосфера, антропосфера выражают структуру вещественной ноосферы, синтезирующей вещественные, энергетические, информационные процессы; инфосфера, семиосфера, сознаниеисфера содержат и связаны преимущественно информационными процессами. Эти две тройки соединены энергосферой как источником энергоинформационных процессов, их универсальным проводником и расчетной палатой всех энергий, обеспечивающих энергоинформационный баланс ноосферы. Так энергосфера занимает уникальное место в системе сфер ноосферы.

По аналогии с организованностью биосферы представим ноосферу как взаимосвязь нескольких сфер (рис. 3).

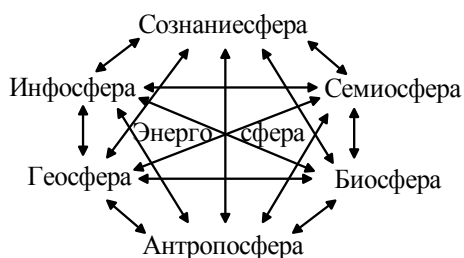

Рис. 3. Организованность ноосферы.

Каждая сфера связана с каждой, они взаимодействуют между собой, обмениваются веществом (частично), энергией и информацией, вместе эти процессы составляют круговорот, подчиняющийся основному ноосферному и основному семиотическому законам.

Некоторые выводы. Ноосфера имеет две составляющих: одну вещественную на основе биосферы (объективная биосферно-ноосферная составляющая) и вторую информационную субъективную. Эти две большие части составляют единство на основе энергоинформационного взаимодействия.

Вещественная часть ноосферы синтезирующая, она является проводником для всех энергий и проявлений сфер (антропосферы, социо- и техносферы, инфосферы, энергосферы и др.). Субъективная ноосфера – это область протекания информационных процессов. Обе части составляют взаимосвязанное единство, так что изменение в одной составляющей приводит к соответствующим изменениям в другой. Эти взаимовлияния описываются энергоинформационной картиной мира, а также энергоэнтропикой, изучающей одновременные изменения в энергетических, организационных, пространственно-временных характеристиках систем и их окружения.

Названная структура ноосферы хорошо вписывается в биоэнергоинформационную картину мира: она

включает вещественный и информационный миры, взаимосвязанные энергоинформационными процессами, регулируемые сознанием и мышлением человека.

Ноосферный универсум описывает ноосферу как сверхсистему, открытую метасистеме ближнего космоса, соединяющую в себе жизнь, разум и косное вещество, описать которую возможно, привлекая не только научный, но и философский и религиозные языки и подходы.

Основные сферы, выявленные в нашем кратком исследовании, следующие: сознание-сфера, семиосфера, инфосфера, энергосфера, антропосфера, биосфера и геосфера. Сферы взаимопроникают друг в друга, обмениваются энергией, информацией, а геосфера и биосфера еще и веществом.

Эти сферы составляют две тройки (геосфера, биосфера, антропосфера и инфосфера, семиосфера, сознание-сфера), соединенных энергосферой как универсальным проводником энергоинформационных процессов, обеспечивающих целостность всей системы сфер, ее функционирование и эволюцию. Уникальность энергосферы проявляется в том, что она проводит все типы энергий, от самых тонких – энергии сознания и энергии мысли – до наиболее плотных физических. Основными и определяющими энергиями в ноосфере становятся энергия мысли и энергия сознания.

Организованность ноосферы вносит в организованность биосферы фактор управления информационными, энергетическими и вещественными потоками, подчиняющимися основному ноосферному закону, то есть главенство информационно-мыслительных процессов.

Сознание-сфера является наиболее сложной в информационной ноосфере, такой же синтетической, как биосфера, является источником ноосферных энергий, определяющих функционирование и развитие ноосферы.

Библиографический список

1. Алексеев Г. Н. Энергоэнтропика. М.: Знание, 1983. 192 с.
2. Антонов Н. П. Ноосфера – сфера разума и труда человечества в развитии Земли // Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с., С. 168–185.
3. Базалук О. А. Мироздание: живая и разумная материя (историко-философский и естественнонаучный анализ в свете новой космологической концепции): монография. Днепропетровск: Пороги, 2005. 412 с.
4. Братство. Часть вторая. Надземное // Агни Йога: в 4 т. Д.: Сталкер, 1999. 512 с. Т. 4, С. 3–346.
5. Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Сост. Аксенов Г. П. М., 1993. С. 462–520.
6. Вернадский В. И. Биосфера. М.: Наука, 1967. 376 с.
7. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
8. Данилова В. С. Основные закономерности формирования ноосферы. М.: Academia, 2001. 176 с.
9. Дмитриевская И. В. // Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы (Часть 1) // Ноосферные исследования. Иваново: Иван. гос. ун-т, 158 с.
10. Жульков М. В. Ноосферное развитие человечества. Социально-философский анализ. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 187 с.
11. Жульков М. В. Понятие энергосферы и его использование в сферном подходе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 94–98.
12. Жульков М. В. Демографический аспект ноосферной автотрофности // Вестник Ивановского государственного университета Серия «Гуманитарные науки», 2014. Вып. 2 (14) Философия, С. 35–45.
13. Жульков М. В. Энергии созидания ноосферы // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014, №8, сс. 144–151.
14. Знаки Агни Йоги // Агни Йога: в 4 т. Д.: Сталкер, 1999. 512 с. Т. 1., С. 183–273.
15. Катца С. П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. 192 с.

16. *Коротков К. Г.* Энергия наших мыслей: Как наши мысли влияют на окружающую реальность. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
17. *Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М.: Экономика, 2003. 440 с.
18. *Малиновский Ю. М.* Биосфера – Земля – Галактика. М.: Знание, 1990. 48 с.
19. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М., «Аграф», 1998. 480 с.
20. *Налимов В. В.* Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
21. *Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975. 463 с.
22. *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
23. *Смирнов Д. Г.* Семииософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Изд-во «Иван. Гос. ун-т». 2008. 372 с.
24. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250с.
25. *Тихонов А. И.* Законы природы с позиций теории информации. Иваново, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина. 2008. 216 с.
26. *Шипунов Ф. Я.* Организованность биосферы. М.: Наука, 1980. 292 с.

References

1. *Alekseev G. N.* Ergoentropika. M.: Nauka, 1983. 192 p.
2. *Antonov N. P.* Noosphere – the sphere of reason and human labor in the development of the Earth // Antonov Nikolai Pavlovich: Philosophy of consciousness and the noosphere. Ivanovo: Ivan. state. University Press, 2003. 280 p., Pp. 168-185.
3. *Bazaluk O. A.* Universe: lively and intelligent substance (historical-philosophical and natural science analysis in light of the new cosmological concepts): Monograph / Oleg Bazaluk. Dnepropetrovsk: Thresholds, 2005. 412 p.
4. Brotherhood. Part two. // Agni Yoga: 4 v. D.: Stalker, 1999. 512 p. v. 4, Pp. 3–346.
5. *Vernadsky V. I.* Autotrophy of humanity // Vladimir Vernadsky. Biography. Selected Works. Memoirs of contemporaries. Judgements descendants. Comp. Aksenov G. P. M., 1993. Pp. 462–520.
6. *Vernadsky V. I.* Biosphere. M.: Nauka, 1967. 376 p.
7. *Vernadsky V. I.* Scientific thought as a planetary phenomenon. M.: Nauka, 1991. 271 p.
8. *Danilova V. S.* Basic laws of formation of the noosphere. M.: Academia, 2001. 176 p.
9. *Dmitrevsky I. V.* // Dmitrevsky I. V/, Portnov A. N., Smirnov G. S. Noospheric dynamics of Russia: the philosophical and cultural issues (Part 1) // Noosphere investigations. Ivanovo: Ivan. St. University Press, 158 p.
10. *Zhulkov M. V.* Noospheric development of mankind. Socio-philosophical analysis. Saarbrucken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 187 p.
11. *Zhulkov M. V.* Concept of energysphere and its use in the sphere approach // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2012. № 5. Pp. 94–98.
12. *Zhulkov M. V.* Demographic aspects of the noosphere autotrophy // Ivanovo State University Bulletin. Series “Humanities”, 2014. Vol. 2 (14) Philosophy, Pp. 35–45.
13. *Zhulkov M. V.* Energies of creation of the noosphere // Scientific Review: humanities research. 2014, №8, Pp. 144–151.
14. Signs of Agni Yoga // Agni Yoga: 4 v. D.: Stalker, 1999. 512 p. V. 1, Pp. 183–273.
15. *Kapitsa S. P.* Paradoxes of growth. The laws of human development. M.: Alpina non-fiction, 2010. 192 p.
16. *Korotkov K. G.* Energy of our thoughts: How do our thoughts affect the surrounding reality. M.: Eksmo, 2009. 352 p.
17. *Leskov L. V.* Nonlinear Universe: new home for mankind. M.: Economics, 2003. 440 p.
18. *Malinowski Y. M.* Biosphere – Earth – Galaxy. M.: Znanie, 1990. 48 p.
19. *Moiseev N. N.* Parting with simplicity. M.: “Agraf”, 1998. 480 p.
20. *Nalimov V. V.* Scatters thoughts. In a way, and at a crossroads. M.: Progress-Tradition, 2000. 344 p.
21. *Pribram K.* Languages of the Brain. M.: Progress, 1975. 463 p.
22. *Smirnov G. S.* Noospheric consciousness and noospheric reality: Philosophical problems of the noospheric universe. Ivanovo: Ivan. State. University Press, 1998. 244 p.
23. *Smirnov D. G.* Semiosophy of noospheric universe: Noosphere and Semiosphera in global discourse. Ivanovo: Ivanovo State University, 2008. 372 p.
24. *Smirnov D. G.* Noospheric idea and noospheric history: An Introduction to The universal kliosofiya / D. G. Smirnov. Ivanovo: Ivanovo State University Press, 2012. 250 p.
25. *Tikhonov A. I.* Laws of nature from the perspective of information theory. Ivanovo: Ivanovo State Power University named after Lenin. 2008. 216 p.
26. *Shipunov F. Y.* Organization of the biosphere. M.: Nauka, 1980. 292 p.

Е.А. КАНАТНИКОВА

аспирант, кафедра философии и истории, Орловский
государственный аграрный университет
E-mail: ekaterina-t@yandex.ru

E.A. KANATNIKOVA

Graduate student, Department of the history and
philosophy, Orel State Agrarian University
E-mail: ekaterina-t@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРОБЛЕМА ПЛАГИАТА

THE DEVELOPMENT OF MODERN COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND THE PROBLEM OF PLAGIARISM

В статье рассматривается одно из негативных следствий, связанных с инновационными преобразованиями современного общества. Речь пойдет о том, что развитие современных коммуникативных технологий повлекло за собой возможность бесконтрольного заимствования различной информации. Представлены возможные пути борьбы с подобными «заимствованиями».

Ключевые слова: плагиат, инновации, Интернет-коммуникации, образование.

One of the negative consequence, related to innovative transformations of modern society is examined in the article. It is stated that development of modern communicative technologies entailed the possibility of the uncontrolled borrowing of different information. The possible ways of fight against the similar «borrowing» are presented.

Keywords: plagiarism, innovation, communication, education.

В данной статье предлагается осмысление одной из актуальных проблем, неразрывно связанных с развитием современных научно-коммуникативных технологий: проблемы плагиата в системе образования.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время наблюдается трансформация всех сфер общественной жизни, явившаяся откликом на становление и развитие постиндустриального общества, базовыми характеристиками которого являются развитие высокотехнологичных производств и наукоемких технологий, в частности развитие Интернет-технологий. В настоящее время общество стоит на пороге нового этапа информационной революции.

Несомненно, инновационные технологии упрощают жизнь человеку, но в то же время они влекут за собой различные трудности. Человечеству, оказавшемуся на волне информационной революции, необходимо качественно преобразовывать не только свой образ жизни, но и свое мировоззрение.

Огромным преимуществом Интернет-технологий является открытый доступ к различным информационным ресурсам, позволяющим найти качественную научную информацию. Открытый доступ — это бесплатный доступ читателей к онлайн-научным материалам с правом использовать их с любой законной целью (читать, загружать, копировать, печатать, искать, ссылаться на них, индексировать и т. д.) без финансовых, юридических или технических препятствий. По мнению И. Кучмы: «Открытый доступ — это современная практика научных коммуникаций для тех, кто сломал устоявшиеся принципы научного общения последних четырех столетий и вышел за рамки традиционного научного журнала...» [5].

Как отмечают Ю.Д. Бабаева и А.Е. Войскунский, использование Интернета носит амбивалентный характер [3], т.е. развитие и использование современных информационных технологий влечет за собой как позитивные, так и негативные аспекты.

Одним из негативных аспектов новой информационной эпохи, формирующейся с конца XX века и связанной с развитием Интернет-технологий, с преобразованием форм и методов коммуникативного взаимодействия, является проблема плагиата.

В современном значении слово «плагиат» как умышленное присвоение авторства чужого произведения науки, мысли, изобретения или искусства стало употребляться в XVII веке. В римском праве слово *plagium* означало преступную продажу в рабство свободного человека, за что полагалось бичевание (*ad plags*). Изначально кража интеллектуальной, и в частности литературной собственности носило название *plagium literarium*. Соответственно слово «плагиат» (лат. *plagiatus*) было образовано от лат. *plagio* – «похищаю».

В XVII веке во Франции Ла Мот-Ле Вайе утверждал: «Заимствование у древних – все равно, что сделать морской набег, но обирать современников – все равно, что разбойничать на большой дороге».

Ришесус в своей оригинальной работе «Академия ораторов» и в руководстве «*Masque des orateurs ou Maniere de deguiser toutes sortes de compositions, litteres, sermons etc.*» одной из возможностей компенсации недостатков творческих способностей указывал «плагиаризм», заключающийся в последовательной замене всех выражений украденной фразы их синонимами.

В XVII веке патер Барр выдал за часть своей «*Histoire d'Allemagne*» отрывок в 200 страниц из «Истории Карла

ХП» Вольтера.

В XIX – XX веке обвинения в плагиате звучали в адрес таких писателей, как Мюссе, Золя, Эдмонда Абу, Дюма-отца и т.д.

Таким образом, проблема плагиата существовала во все времена, но с появлением Интернет-технологий она приобретает огромные масштабы. Заимствования чужих трудов при использовании Интернет-технологий получили особое название: киберплагиат. Кроме того, в современном научном сообществе заговорили об эпохе цифрового копипаста. Воспользовавшись словарем, можно найти следующее толкование данного термина. Копипаст – это не авторский текст, а заимствование или плагиат. Это текст, полученный путем механического копирования чужого текста в свой пост, комментарий или другое произведение, опубликованное под своим именем [18].

Проблема плагиата затрагивает различные сферы жизни общества: от театра и кино до образования и науки.

В данной статье хотелось бы особое внимание уделить проблеме плагиата в образовании.

Дж. Эванс в своей работе «Новый плагиат в высшем образовании» [10] определяет понятие «студенческий плагиат» как нарушение академических норм и правил, связанных с использованием чужой интеллектуальной собственности в качестве своей, а также отказ от самостоятельной, творческой деятельности в учебном процессе, что дискредитирует сами основы подготовки специалиста в вузе».

Согласно результатам исследования Who's Who Among American High School Students, 80% студентов США хотя бы однажды списывали курсовые из Интернета и выдавали их за свои [7].

По данным Центра академической честности студентов колледжа в Вашингтоне (the Center for American Integrity), 70% студентов открыто признаются в академическом обмане [11].

Исследования студентов зарубежных вузов показали, что доминирующей мотивацией студентов, использующих копипаст в своих работах, является нехватка времени, а также уверенность, что работа, выполненная самостоятельно, не будет заслуживать высоких оценок преподавателя.

В связи с распространяющимися случаями плагиата в системе образования ученые разработали классификацию данного явления.

Дж. Уильямс предлагает следующую типологию студентов, прибегающих в учебной работе к плагиату:

- «ленивые плагиаторы» полностью копируют чужие работы, меняя в них лишь название;
- «хитрые плагиаторы» умышленно пытаются скрыть плагиат в работе при помощи неполного списка используемой литературы и ссылок;
- «случайные плагиаторы» студенты с недостаточным уровнем учебных навыков, не знающие академических норм, копирующие в свои работы целые параграфы чужих работ без соответствующего цитиро-

вания, бывают удивлены предъявляемыми им обвинениями в плагиате.

Создатели информационного ресурса Tumitin [21], являющегося лидером на рынке программного обеспечения по обнаружению плагиата, разработанного в 1997 году группой iParadigms для преподавателей и образовательных учреждений, клиентская база которого превышает 3500 вузов из 50 стран, разработали свою типологию случаев плагиата.

Все случаи незаконного заимствования они разделили на две группы.

1. Заимствования без указания источника. К ним относятся:

- «призрачный автор», выдающий выполненную другим работу за свою, не меняя ее содержание. К этой группе можно отнести так называемые работы «под ключ» или согласованный плагиат, когда один автор пишет за другого автора работу на заказ.

Данная группа имеет следующие модификации:

- «фотокопия» – автор копирует значительную часть текста (но не весь текст) из одного источника, не внося в него изменений;

- «подвернувшийся материал» – делается попытка скрыть плагиат путем копирования текста из нескольких разных источников, автор пишет свои переходные фразы между данными частями;

- «плохая маскировка» – остается смысл текста источника, но некоторые формулировки меняются на близкие по смыслу;

- «украл у себя» – заимствование текста из ранее опубликованных собственных работ либо целые работы.

2. Работы с указанием источников. К ним относятся:

- «забытая ссылка», или «дезинформатор», – это неправильное оформление ссылок на использованную литературу;

- «слишком идеальное перефразирование» – дословная цитата не взята в кавычки;

- «идеальное преступление» – автор правильно приводит некоторые цитаты, а остальные перефразирует;

- «обильное цитирование» – автор соблюдает все правила цитирования, но работы практически не содержат оригинальных результатов исследования, данная тенденция получила название «компиляция».

Использование технических возможностей для того, чтобы найти подходящий текст, скопировать его и выдать его за результат собственного труда, в век информационных технологий доступно всем. Следствием этого является все более широкое распространение феномена плагиата.

В связи с распространением проблемы бесконтрольного заимствования чужих интеллектуальных трудов зарубежные образовательные учреждения применяют различные формы борьбы с плагиатом.

В случаях обнаружения плагиата в текстах работ студентов в зарубежных образовательных учреждениях применяются следующие меры дисциплинарного воздействия.

– Центрально-Европейский университет: после выявления случая плагиата работы студента подвергаются обязательной проверке в течение последующего курса обучения. За обнаружение плагиата в дипломной работе выпускник остается без диплома;

– Голландия и Швеция: в случае выявления в тексте курсовой работы (более половины страницы текста) работа снимается с защиты;

– Польша: все работы подлежат проверке при помощи программы *plagiat.pl*, данный сервис прекращает проверку текста, если плагиат составляет 50%;

– Великобритания: в целях борьбы с проблемой бесконтрольного заимствования чужих научных трудов был создан Стратегический объединенный информационный комитет (JISC), работа которого успешно проводится в учреждениях высшего образования Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии [12].

К сожалению, Россия также не находится в стороне от проблем плагиата.

По данным опроса среди студентов российских вузов, проведенного

В.Т. Лисовским, на вопрос «Пользуетесь ли Вы шпаргалками на экзаменах и зачетах?», каждый второй студент дал положительный ответ. А на вопрос «Испытываете ли Вы угрызения совести после этого?», около 90% ответили: «нет» [6].

По данным Интерфакса, предоставленным главой РГБ, из 15 тысяч проверенных диссертаций по истории 10% работ, доля заимствований в которых составила более 70%. «В 2012 году, когда мы проверяли диссертации, было 50% плохих работ на 50% хороших. В 2013 году стало 30% плохих работ на 70% хороших», сообщает глава РГБ [13]. Статистика «воодушевляет», но не стоит забывать, что диссертации являются лишь вершиной айсберга. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что доминирующее количество обучающихся используют возможности Интернет-технологий не только для написания выпускных квалификационных работ, но и в повседневной работе при выполнении различных заданий, поставленных преподавателем.

Бесспорно, возникает вопрос, если безграничные возможности IT-технологий предоставляют доступ к различным информационным массивам, неужели нет технологий для борьбы с таким порочным явлением, как плагиат? При помощи современных информационных технологий разрабатываются различные компьютерные программы, позволяющие проверить работу на предмет плагиата.

В настоящее время существует большое количество сайтов для обнаружения плагиата.

PlagiarismDetect.com – используется для проверки документов.

TurnItIn – наряду с проверкой работы на оригинальность этот сайт подбирает подобные работы по тематике.

Corpuscare – позволяет обнаружить работу в Интернете, которая может являться плагиатом на вашу работу.

Services Glatt – продает программное обеспечение для обнаружения плагиата.

Представленные выше сайты реализуются преимущественно за рубежом.

В России также уделяется большое внимание проблемам плагиата.

В 2005 году на базе вычислительного центра РАН был создан поисковик для проверки учебных работ. Позднее на его основе была создана программа «Антиплагиат». Она позволяет выявить процент заимствования в тексте работы и становится вспомогательным инструментом преподавателя, который определяет, где автор работы приводит цитату и правильно ее оформляет, где включает в работу куски своих предыдущих исследований, а где откровенно выдает чужой текст за свой.

«Антиплагиат» получил широкое распространение. В настоящее время проверка работы при помощи данной программы является обязательным условием для защиты курсовых работ, диссертационных исследований и научных статей.

Также в России существует еще одна программа для борьбы с плагиатом: «Диссернет».

Стоит отметить, что данные, полученные путем такой проверки, являются лишь цифрами, говорящими о совпадениях в текстах, в связи с этим для вынесения решения необходима более тщательная проверка экспертов.

Программы «Антиплагиат» и «Диссернет» – это, бесспорно, хороший помощник, но проблема в том, что реализуется она преимущественно в трудах, выносимых на обсуждение: курсовых работах, дипломных проектах, научных статьях. Что же делать с другими видами работ, которые не требуют оценки высококвалифицированных специалистов? Преподаватель остается один на один с огромным количеством разнообразных работ обучающихся, которые в большинстве случаев являются результатами трудов других людей.

Также стоит отметить, что век информационных технологий столь интенсивен, что количество компьютерных программных продуктов растет в геометрической прогрессии, ввиду чего появляются программы, позволяющие пользователю за определенную сумму довести проверяемый текст до 100% уникальности. Данную работу осуществляют копирайтеры и рерайтеры. Наиболее востребованными сайтами, специализирующимися на повышении уникальности текста, является *AntiАнтиплагиат* и *АнтиплагиатKiller*.

Для борьбы с проблемой плагиата, на наш взгляд, возможно использование следующих мер.

– Необходимо уделять более пристальное внимание вопросам законодательства в сфере авторского права при реализации образовательных программ, в частности, обучать учащихся правильно делать ссылки на использованные ресурсы.

– Необходимо создавать банки электронных портфолио обучающихся.

Закон об образовании обязывает учебное учреждение осуществлять открытый доступ к информации о

работе организации [22]. Можно сделать обязательным наличие у каждого из обучающихся личного электронного портфолио, находящегося в открытом доступе. Соответственно, все интеллектуальные труды и творческие работы, находящиеся в данном портфолио, будут обязательно проверены преподавателем, а также при помощи программы «Антиплагиат» на предмет заимствования. Мотивацией этому будет служить, в первую очередь, репутация образовательного учреждения.

В результате использования электронного портфолио будет сформирован огромный банк различных работ. Списывание станет бессмысленным.

У студента появятся научные наработки, копилка его трудов, которые, бесспорно, будут ему полезны для написания и защиты выпускных квалификационных работ. У работодателя будет возможность познакомиться с трудами своего потенциального работника и объективно оценить его интеллектуальные способности.

Необходимо ужесточение наказания в сфере изготовления и продажи готовых научных работ.

Обратившись к опыту зарубежных вузов, стоит отметить руководство о плагиате и академической честности, изданное в Вашингтоне, где для студентов предложены следующие правила работы в сети Интернет:

– создайте отдельный документ для информации, скачанной из Интернета, где будут четко и ясно прописаны заголовок документа, заголовок сайта, автор и URL web-сайта. Поскольку Вы используете эту информацию в Вашем документе, следите за правилами цитирования и оформления ссылок;

– в созданном документе используйте цвет и шрифт, отличный от тех, что Вы используете в собственном документе. Это позволит Вам сразу увидеть, какие части текста принадлежат вам, а какие источнику. Если Вы используете такую технологию, то Вам необходимо записать автора, название источника, название web-сайта и его URL для правильного цитирования;

– помните, что Интернет-материалы часто обновляются, сайты удаляются, переименовываются, поэтому Вам следует записывать все библиографические данные с web-сайта, откуда взят источник, а также дату скачивания информации в список цитирования [9].

Данные рекомендации, безусловно, будут полезны студентам наших вузов. Формирование академической честности необходимо производить путем введения определенного курса лекций, направленного на изучение правил цитирования, юридических и этических последствий незаконного заимствования чужих интеллектуальных трудов.

Проанализировав специфику запросов в популярных поисковых системах сети Интернет, становится очевидным, что большая часть запрашиваемой информации носит отнюдь не научный характер, а касается поисков различных развлечений, полезных сведений о

товарах и услугах. В связи с этим необходимо отметить, что ведущим мотивом деятельности студентов при использовании возможностей сети Интернет, доминирующим должен быть познавательный мотив, а главной целью – поиск информации.

Несомненно, мы не сможем спрятать свои интеллектуальные труды в сундук под тяжелый замок. В таком случае они будут никому не нужны. Любой труд, в том числе и интеллектуальный, должен быть в свободном доступе и являться общественным достоянием. Важно научиться правильно его использовать.

Что касается сети Интернет, то необходимо ужесточить контроль над работами сайтов предлагающими выполнить работу на заказ либо приобрести готовую работу, а также по возможности предлагать материалы только для чтения, но не для скачивания. Пользоваться преимущественно авторитетными Интернет-ресурсами, такими как электронные библиотеки, например, РГБ, ИНИОН, e-library.

В настоящее время Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», на базе которого и была создана программа «Антиплагиат», реализует наиболее перспективную программу для борьбы с плагиатом. На политику, проводимую данным учреждением, необходимо, на наш взгляд, равняться всем образовательным учреждениям.

Данная программа реализуется в следующем:

– Все письменные работы по желанию преподавателя проверяются на оригинальность, начиная от письменных домашних заданий, рефератов, эссе. При защите курсовых и выпускных проектов студенты самостоятельно проверяют свою работу при помощи программы «Антиплагиат». Предоставление итогов данной проверки является обязательным для успешной защиты работы.

– За нарушение академических норм в письменных работах применяются следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, отчисление.

– Студент в полном объеме несет ответственность за плагиат в своей работе.

В заключение хотелось бы отметить, что в результате проведенного исследования нами были систематизированы основные виды студенческого плагиата, представлены методы борьбы с данным явлением, применяемые как в зарубежных, так и в российских учебных заведениях. Особое внимание в статье было уделено использованию специального программного обеспечения для выявления различного рода заимствований, применению различных мер дисциплинарного воздействия, мотивирующих повышение академической честности студентов. Однако самым главным инструментом в борьбе с плагиатом в системе образования, несомненно, является формирование правильных ценностей, прежде всего, этических ориентиров у будущих специалистов.

Библиографический список (References)

1. *Akopov A.I.* Network magazine RELGA, №14, 15.08.2011
 2. *Astleitner A.G.* Distant learning via WWW: social and emotional aspects /Humanitarian research on the Internet. Edited by A.E. Vojskunskaia.
 3. *Babayeva U.D., Voiskounsky A.E.* Psychological consequences of Informatization // Psychological journal. 1998. Vol. 19. No. 1
 4. *Geroimenko V.A.* Knowledge. Computer. Society // V. A. Geroimenko.
 5. *Zhukova E.A.* "Transformation system "science" in the world of High-Tech M., 2004. Pp. 54 - 57.
 6. *Lisovsky V.T.* Value world of the modern student, Magazine. St. Petersburg state University. Ser. Vol. 3. 1992. No. 20 Pp.116-119.
 7. *Prokhorov A.* Internet: source of plagiarism or feature detection? // Comptables, 2004. According to the Center for academic integrity students.
 8. *Finogentov V. N.* The philosophy of science. Orel: LLC "Cartouche", 2012. 318 p.
 9. Academic honesty, plagiarism and the honor system. URL: http://www.trinityde.edu/policies/honesty_plagiarism_and_honor_system.phd
 10. *Evans J.* The new plagiarism in high education: from selection to reflection. URL:<http://www.warwick.ac.uk/ETS/interections/vol4no2/evans.html>
 11. Teachers aim to curb online cheating. URL:<http://www.nbc4.com/education/6791215/detsil.html>
 12. Williams J.B. Plagiarism: deterrence, detection and prevention. URL: <http://www.economicsnetwork.ac.uk/handbook/printable/plagiarism.pdf>
 13. <http://www.интерфакс.ru/>
 14. <http://www.guelman.ru/neo/05/99328-17.html>
 15. http://consultant.ru/popular/grkf4/79_2.html#p329
 16. <http://docs.kodeks.ru/document/901810174>
 17. <http://www.antiplag.ru>
 18. <http://www.onlinedics.ru/slovar/>
 19. <http://www.publicationethics.org/uk./reports/2000/2000pdf5.pdf>
 20. http://www.councilscienceeditors.org/editorial_policies/whitepaper/3-1_misconduct.cfm
 21. www.turnitin.com
 22. FL dated 29.12.2012 No. 273-FL (as amended on 23.07.2013).
-

Е.А. КЛИМЕНКО

преподаватель, кафедра экономики и управления,
Орловский государственный институт искусств и
культуры
E-mail: 19alenska91@mail.ru

E.A. KLIMENKO

Lecturer, Department of Economics and Management,
Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: 19alenska91@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

REGULATORY SUPPORT OF THE STATE SUPPORT OF CULTURAL SPHERE

В статье рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие государственную политику в сфере культуры. Отражены основные законодательные акты, отражающие сущность и цели государственной поддержки организаций и учреждений культуры и искусства.

Ключевые слова: культурная политика, государственная поддержка сферы культуры, целевые программы в сфере культуры и искусства.

The article focuses on the normative-legal acts regulating the state policy in the sphere of culture. It highlights the legislation, reflecting the nature and purpose of the state support of organizations and institutions of culture and art.

Keywords: cultural policy, government support of culture, targeted programs in the sphere of culture and art.

В последнее десятилетие особое внимание уделяется сфере культуры. Сфера культуры включает несколько отраслевых систем. В России в статистике и в бюджетном процессе выделяют две отраслевые системы – культура и искусство и средства массовой информации, объединяющие периодическую печать, издательства, радиовещание, телевидение и т.д. Под отраслью «культура и искусство» понимают совокупность организаций, основная деятельность которых связана с сохранением, созданием, распространением и представлением культурных благ и ценностей, а также органов управления культурой.

В настоящее время основным федеральным органом, регулирующим деятельность всех организаций и учреждений сферы культуры, является Министерство культуры Российской Федерации. В 1996 году Правительством Российской Федерации в качестве социальных нормативов одобрены нормативы обеспеченности населения учреждениями культуры по их видам. Они задают состав учреждений культуры и основные характеристики их материальной базы в зависимости от типа населенного, численности населения и административного статуса. Основным законодательным актом в сфере культуры и искусства является Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» №3612-1 от 09.10.1992. Практически ежегодно вносятся изменения и дополнения, а именно от: 23.06.1999 г., 27.12.2000 г., 30.12.2001 г., 24.12.2002 г., 23.12.2003 г., 22.08.2004 г., 31.12.2005 г., 3.11.2006 г., 29.12.2006 г., 23.07.2008 г., 21.12.2009 г., 8.05.2010 г., 22.04.2013 г., 2.07.2013 г., 30.09.2013 г., 5.05.2014 г., 21.07.2014 г., 1.12.2014 г. [1] Данным Законом регулируется культурная деятель-

ность в области использования памятников истории и культуры, в области художественной литературы, кинематографии, сценического, музыкального искусства, архитектуры и дизайна, фотоискусства, других видов и жанров искусства. Закрепляется неотъемлемое право на культурную деятельность каждого гражданина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств. Особое внимание уделяется тому, что каждый человек имеет право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности. А государство, в свою очередь, гарантирует право всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности, на культурно-национальную автономию.

Начиная с 1992 года разрабатываются и реализуются указы, постановления и планы мероприятий по государственной политике и поддержке в сфере культуры. В связи с коренными изменениями в социально-политической жизни страны в условиях перехода к рыночной экономике и в целях создания необходимых условий существования и развития культуры как важнейшего фактора социальной и духовной жизни общества, обеспечения реальных возможностей для приобщения граждан Российской Федерации к культуре и искусству, историко-культурному и природному наследию, государственной поддержки и социальной защиты организаций, деятелей и работников культуры и искусства в период экономических реформ Правительство

Российской Федерации утвердило Положение №266 от 22.04.1992 г. «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ». [2]

На основе данного положения были изданы Указы Президента РФ №1904 от 12.11.1993 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации»; № 1010 от 01.07.1996 г. «О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства»; №1473 от 31.12.2002 г. «О мерах государственной поддержки музыкального искусства»; №291 от 15.03.2005 г. «О мерах государственной поддержки ведущих профессиональных коллективов народного музыкального и хореографического искусства»; №953 от 11.08.2005 «Об учреждении грантов Президента РФ в области театрального искусства».

В 2005 году была разработана целевая программа «Культура России» (2006-2010 годы), утвержденная Постановлением правительства РФ от 08.12.2005 г. №740. Целями Программы являлись: сохранение культурного наследия Российской Федерации, формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения выравнивания доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различных групп граждан, создание условий для сохранения и развития культурного потенциала нации, интеграция в мировой культурный процесс, обеспечение адаптации сферы культуры к рыночным условиям. Объем финансирования Программы составил 64136,4 млн. рублей (в ценах соответствующих лет), из них за счет средств федерального бюджета – 54342 млн. рублей, прочих источников – 9794,4 млн. рублей. Средства направляются на: капитальные вложения – в размере 42500 млн. рублей; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы – в размере 344,3 млн. рублей; прочие нужды – в размере 21292,1 млн. рублей. [3] Данная программа осуществлялась согласно плану мероприятий, охватывающих все области сферы культуры и искусства: возрождение отечественного кинематографа, как игровых, неигровых, так и мультипликационных форматов; активизация культурного обмена на региональном и федеральном уровнях; увеличение материально-технической базы для формирования и поддержания деятельности музеев, библиотек, архивов, театров, домов культуры и искусства, детских школ искусств; формирование электронных носителей культурной информации и электронных каталогов и баз данных в каждой области культуры и искусства.

На основе эффективной реализации целевой программы «Культура России» (2006-2010) разработана последующая целевая программа «Культура России» (2012-2018) и утверждена Постановлением Правительства РФ 3.03.2012 г. №186. Для данной программы были сформированы следующие цели: сохранение российской культурной; самобытности и создание условий для обеспечения равной доступности культурных благ, развития и реализации культурного и духов-

ного потенциала каждой личности; создание условий для повышения качества и разнообразия услуг, предоставляемых в сфере культуры и искусства, модернизация работы учреждений культуры; обеспечение возможности реализации культурного и духовного потенциала каждой личности; информатизация отрасли; модернизация системы художественного образования и подготовки кадров в сфере культуры и искусства, отвечающей сохранению традиций лучших российских школ и требованиям современности; выявление, охрана и популяризация культурного наследия народов Российской Федерации; создание позитивного культурного образа России в мировом сообществе. Программа была разделена на 2 этапа: 2012-2014 и 2015-2018 гг. Общий объем финансирования Программы составляет 192863,03 млн. рублей (в ценах соответствующих лет), в том числе: за счет средств федерального бюджета – 186513,57 млн. рублей; за счет прочих источников – 6349,46 млн. рублей, в том числе: за счет бюджетов субъектов Российской Федерации – 3858,98 млн. рублей; за счет внебюджетных источников – 2490,48 млн. рублей. На капитальные вложения направляется 115491,58 млн. рублей, на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы – 915,65 млн. рублей, на прочие нужды – 76455,8 млн. рублей. Целевая программа нацелена на прирост до 45,3% к 2018 г. доли объектов культурного наследия, увеличение доли до 72,8% учреждений культуры и искусства, находящихся в федеральной собственности, повышение уровня посещений культурных мероприятий и музейных экспозиций на 4,2%. Планируется увеличение доли учреждений культуры, имеющих свой информационный портал, в общем количестве учреждений культуры до 94 процентов к 2018 году, а также увеличение доли образовательных учреждений сферы культуры, оснащенных современным материально-техническим оборудованием до 20,5 процента к 2018 году. [4]

В соответствии с распоряжением правительства Российской Федерации от 28.12.2012 г. №2606-р «Об утверждении плана мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры», вопрос об обеспечении единства реализации государственной политики в сфере культуры и организации взаимодействия органов власти, осуществляющих управление сферой культуры всех уровней, стал особенно актуальным. План мероприятий, или «дорожная карта», раскрывают полный перечень и целевые показатели развития сферы культуры и искусств, а также меры, обеспечивающие их достижение. Целями плана мероприятий являются: повышение качества жизни граждан РФ путем предоставления им возможности саморазвития через регулярные занятия творчеством по свободно выбранному ими направлению; обеспечение достойной оплаты труда работников учреждений культуры; развитие и сохранение кадрового потенциала учреждений культуры; повышение престижности и привлекательности профессий в сфере культуры; сохранение культурного и историче-

ского наследия; создание благоприятных условий для развития сферы культуры и искусства в стране. Для достижения целей «дорожной карты» были сформированы 17 целевых показателей, которые отражают процентное соотношение достигнутых результатов за каждый год временного периода 2012-2018 гг. по сравнению с предыдущим годом. Так увеличение количества посещений театрално-концертных мероприятий должно увеличиться с 2012 г. по 2018 г. на 25,1%, а уровень удовлетворенности граждан РФ качеством государственных и муниципальных услуг в сфере культуры должен достигнуть 90%. [5]

Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2012 года № 2190-р, принятая во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», с одной стороны, конкретизировала требования указа Президента РФ, с другой стороны, создала условия, при которых федеральные ведомства и субъекты Российской Федерации вынуждены воспроизводить предложенный алгоритм повышения эффективности социальной политики в различных отраслях экономики и государственного управления на уровне отраслевого и регионального регулирования. Такой подход свидетельствует о том, что отраслевая и региональная политика органов государственного управления, несмотря на непрекращающееся реформирование и оптимизацию, не является эффективной и самодостаточной, не опирается на действующее законодательство, которое само по себе содержит все указанные в программе инструменты и методы повышения эффективности государственного управления социальной сферой, а требует административного вмешательства путем издания ненормативных («порученческих») актов Правительства РФ и определения жесткой системы контроля за исполнением указанных поручений.

План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 года № 2606-р, к сожалению, не является документом, обеспечивающим возможность органам государственной власти субъектов РФ, а тем более отдельным учреждениям культуры его прямого применения, то есть не устанавливает механизмы межведомственного и межуровневого взаимодействия для повышения эффективности отрасли культуры в целом. Так, анализ целевых индикаторов (показателей) развития сферы культуры и мер, обеспечивающих их достижение (глава 3 плана мероприятий), свидетельствует об установлении значений показателей без учета финансовых и организационных возможностей учреждений культуры, учредителями которых выступают органы государственной власти субъектов РФ и органы муниципальных образований регионов, об отсутствии

методологии определения целевых индикаторов (показателей), обеспечивающей единые подходы к мониторингу реализации мероприятий на федеральном, региональном и местном уровнях, а также об отсутствии причинно-следственной связи между достижением целевых индикаторов (показателей), установленных главой 3 плана мероприятий, и большинством мероприятий, включенных в главу 5 плана мероприятий.

В соответствии с пунктом 20 главы 5 плана мероприятий срок утверждения субъектами Российской Федерации «дорожных карт», содержащих целевые индикаторы развития отрасли, оптимизацию структуры и определение динамики значений соотношения средней заработной платы работников учреждений культуры, определенных Указом Президента РФ № 597, и средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации в 2012-2018 годах, установлен до 1 апреля 2013 года. Вместе с тем утверждение региональных «дорожных карт» по поручению Президента Российской Федерации от 22 декабря 2012 года № Пр-3411, данному по итогам совещания по вопросам бюджетов субъектов Российской Федерации от 4 декабря 2012 года, должно быть обеспечено в срок до 28 февраля 2013 года, что с учетом методологической неясности федерального плана мероприятий («дорожной карты»), финансовой необеспеченности достижения установленных федеральным планом мероприятий показателей на региональном и местном уровнях отражается на качестве принимаемых региональных «дорожных карт».

Федеральный план мероприятий («дорожная карта») составлен с учетом требований программы к содержанию «дорожных карт», но, учитывая разный уровень проработанности нормативных правовых актов, определяющих требования к системам оплаты труда работников учреждений культуры, совершенствование нормативной правовой базы в различных регионах РФ также будет предполагать проведение разных (по объему и содержанию) мероприятий, определить перечень которых возможно лишь с учетом опыта применения систем оплаты труда работников культуры в конкретных регионах. Чтобы субъект Российской Федерации мог отчитаться о выполнении регионального плана мероприятий, значения целевых индикаторов (показателей), связанных с деятельностью театров и концертных организаций, музеев, библиотек, охраной объектов культурного наследия, должны устанавливаться не по аналогии с федеральным планом мероприятий, а на основании достигнутых значений конкретного субъекта РФ с «шагом», финансовое обеспечение которого будет возможно с учетом объема консолидированного бюджета.

В соответствии с планом мероприятий целевой программы «Культура России» (2012-2018 г.) и «дорожной картой» в России 2014 год был объявлен «Годом культуры». По итогам Года культуры было проведено первое заседание Совета Федерации. Валентина Матвиенко призвала губернаторов и представителей законодательных собраний всех субъектов РФ при отчете о бюджетировании в 2014 году сделать финансирование сферы

культуры приоритетным направлением, а также поблагодарила руководство российских регионов за принятые для этого решения меры. Учитывая сложности финансирования этой сферы, Валентина Матвиенко предложила губернаторам создавать в регионах советы по культуре с привлечением бизнес-структур. Валентина Матвиенко указала на значительный разброс уровня финансирования между разными субъектами РФ. Так, Калужская область направила на развитие культуры 14% бюджетных денег, Тюменская – 1,4%, Орловская – 3%. Но, по ее словам, эти проценты не полностью отражают объемы финансирования. Например, в Москве финансирование составляет 3,4% годового бюджета, а в денежном выражении это почти 58 млрд. рублей. В целом же на всю культуру в стране из федерального бюджета в 2014 году

выделено 96 миллиардов рублей. На заседании оргкомитета прозвучала мысль, что культура должна стать важнейшей составляющей идеологической политики государства. В частности, Никита Михалков отметил, что мы обязаны к этому отнестись как к проблеме национальной безопасности.

Таким образом, государственная политика, направленная на поддержку сферы культуры и искусства, осуществляется в полном объеме и приносит ощутимые и положительные результаты. За последнее десятилетие спрос на услуги сферы культуры заметно вырос, а, следовательно, и повышается объем и ассортимент предоставляемых услуг организациями и учреждениями сферы культуры и искусства.

Библиографический список

1. Закон РФ от 09.10.1992 №3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».
2. Положение Правительства РФ от 22.04.1992 г. №266 «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ».
3. Постановление Правительства РФ от 08.12.2005 г. №740 «Об утверждении целевой программы «Культура России» (2006-2010 г.)
4. Постановление Правительства РФ 3.03.2012г. №186 «Об утверждении целевой программы «Культура России» (2012-2018 г.)
5. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012г. №2606-р «Об утверждении плана мероприятий Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры».

References

1. The Law of the Russian Federation of 09.10.1992 №3612-1 «Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on Culture».
 2. The statement of the Government of the Russian Federation of 22.04.1992 of №266 «On measures of state support for arts and culture in the period of economic reforms».
 3. Government Decree of 08.12.2005 №740 «On approval of the target program Culture of Russia» (2006-2010).
 4. Resolution of the Government of the Russian Federation 3.03.2012. №186 «On approval of the target program Culture of Russia» (2012-2018).
 5. Russian Federation Government Decree 28.12.2012. №2606-r «On approval of the plan Changes in the social sphere improving the effectiveness of cultural sphere».
-
-

А.В. МЕРКУЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского процесса, предпринимательского и трудового права, Орловский государственный университет

A.V. MERKULOVA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of civil process, entrepreneurial and labour law, Orel State University

НЕКОТОРЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

SOME SUBJECTS OF ENTREPRENEURSHIP LEGAL RELATIONS

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам, связанным с понятием «малый бизнес». В ней излагаются взгляды исследователей по вопросу дефиниций «малый бизнес», вносятся предложения по формулированию понятия с учетом экономических и правовых признаков.

Ключевые слова: малый бизнес, малое предпринимательство, субъект малого бизнеса, рынок, организационно-правовая форма, правоотношение.

The article is devoted to theoretical and practical issues related to the concept “small business.” The researchers’ views on the definitions “small business” are stated, suggestions are made to formulate the notion considering economic and legal characteristics.

Keywords: small business, small entrepreneurship, the subject of small business, market, organization legal form, legal relationship.

Переход к рыночным отношениям в России закономерно повлек за собой изменение нормативной базы, необходимость закрепления в действующем законодательстве соответствующего рыночного инструментария, позаимствованного как из мирового, так и из отечественного дореволюционного опыта рыночного хозяйствования, потребовал переосмысления роли государства.

Все чаще при конструировании норм права законодатель стал обращаться к категории «малый бизнес». Малый бизнес является основой рыночной экономики, представляет собой многогранное явление. Соответственно таким же многоаспектным является и отражающее его понятие. Наиболее важными гранями, или проявлениями малого бизнеса, выступают экономическая и правовая грани.

В настоящее время как юридический термин «малый бизнес» включен в нормы федеральных законов, среди которых Федеральный закон от 14 июня 1995 г. N 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 2007 г. N209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в постановления Правительства РФ (от 1 октября 2010 г. N 781 «О мерах государственной поддержки в 2010 году субъектов малого и среднего предпринимательства, производящих и (или) реализующих товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта», от 21 июня 2010 г. N 460 «О дополнительных мерах государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» и др.

Вместе с тем, при наличии многочисленного использования в законодательстве РФ категория «малый бизнес», ее содержание не получило должного научно-юридического обоснования.

В экономической теории предлагаются различные дефиниции малого бизнеса. По мнению Игнатова И.В., малый бизнес – бизнес, опирающийся на предпринимательскую деятельность небольших фирм, малых предприятий, формально не входящих в объединения [6]. С.А. Смирнов утверждает, что «малый бизнес» – бизнес, осуществляемый в малых формах, опирающийся на предпринимательскую деятельность частных предпринимателей, небольших фирм, малых предприятий. Малый бизнес характерен для некоторых видов и форм производства, торговли, сферы услуг [8]. В современном экономическом словаре [7] понятие «малый бизнес» отождествляется с понятием «малое предпринимательство» и определяется как «предпринимательская деятельность в небольших масштабах».

В юридической литературе «малый бизнес» – это предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами рыночной экономики в соответствии с установленными законами, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве, и может осуществляться юридическим лицом [4]. По мысли С.В. Галкиной, «малый бизнес» – совокупность юридических и физических лиц, индивидуальных предпринимателей, не являющихся составной частью монополистических структур и играющих по

сравнению с ними второстепенную роль в экономике государства [9]. Согласно определению, предложенному Кругловым М.И., «малый бизнес» – коммерческое частное предприятие, отвечающее индивидуальным для каждого государства и отрасли критериям, прописанным в соответствующих регламентирующих документах государственной важности [10]. Встречается мнение, согласно которому малый бизнес – это лишь индивидуальный предприниматель, имеющий небольшой объем выручки.

Нередко малый бизнес отождествляется с понятием «малое предпринимательство», «малое предприятие».

Заметим, что в научной литературе малое предпринимательство также определяется по-разному. Малое предпринимательство – это предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами рыночной экономики при определенных, установленных законами, государственными органами или другими представительными организациями критериях (показателях), конституирующих сущность этого понятия [3]. По мысли А.В. Безгодова, малое предпринимательство – это совокупность независимых мелких и средних предприятий, выступающих как экономические субъекты рынка. Эти предприятия не входят в состав монополистических объединений и занимают по отношению к ним в хозяйственном отношении подчиненное или зависимое положение [2]. Д.Е. Дугинов указывает на то, что малое предпринимательство – один из ведущих секторов, во многом определяющий темпы экономического роста, состояния занятости населения, структуру и качество валового национального продукта [5]. Малое предпринимательство – сектор бизнеса, во многом определяющий темпы экономического роста, состояния занятости населения, структуру и качество валового национального продукта [11].

Суммируя изложенное, выскажем некоторые соображения.

Трактуя малый бизнес, экономисты связывают это понятие с деятельностью, юристы малый бизнес понимают двояко. С одной стороны, малый бизнес – специфическая предпринимательская деятельность, с другой – обозначение специфических субъектов рынка, рыночных правоотношений. При этом в широком понимании малый бизнес – совокупность особых субъектов, в узком смысле – отдельные субъекты.

Такая категория, как «малое предпринимательство», также не «проясняет» ситуации. Дискуссионным остается вопрос о том, что такое малый бизнес: сектор бизнеса (деятельность, предпринимательство) или субъект малого предпринимательства?

Не наблюдается единства в ученой среде по составу субъектов малого бизнеса. Одни авторы включают в состав таких субъектов юридических лиц, не являющихся составной частью монополистических структур и играющих по сравнению с ними второстепенную роль в экономике государства. Другие не рассматривают в качестве субъектов малого бизнеса юридических лиц, признавая в качестве таковых лишь индивидуаль-

ных предпринимателей. Третьи – под субъектами малого бизнеса понимают лишь коммерческие организации, отвечающие индивидуальным для каждого государства и отрасли критериям, прописанным в соответствующих регламентирующих документах.

Кроме того, требует дальнейшего осмысления вопрос о соотношении понятий «малый бизнес» и «малое предприятие».

В силу Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства» малым предприятием – признается компания, в штате которой от 16 до 100 сотрудников. Однако, в ГК РФ «малое предприятие» не упоминается. Иными словами, ГК РФ не учитывает специфики малых предприятий как участников предпринимательских отношений, тем самым лишая их возможности опираться на разработанные конструкции ГК РФ и заставляя полагаться всецело на положения федеральных законов. Можно, конечно, пытаться извлечь специфику малых предприятий из вышеназванных общих положений ГК, но при этом неизбежен выход за пределы толкуемых норм. Думается, что необходимо совершенствование нормативной базы малого предпринимательства, в том числе включение понятия «малое предприятие» в ГК РФ.

Следует согласиться с распространенным среди исследователей мнением, согласно которому малое предприятие – это особая организационно-правовая форма коммерческих организаций. К субъектам малого и среднего предпринимательства относятся внесенные в единый государственный реестр юридических лиц потребительские кооперативы и коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (далее – индивидуальные предприниматели), крестьянские (фермерские) хозяйства, соответствующие следующим условиям, указанным в Законе». Субъект малого бизнеса получает статус «такового» после государственной регистрации. Но, с другой стороны, о каком статусе можно вести речь? Если это организационно-правовая форма юридического лица, то такой формы, как «малые предприятия», в ГК РФ нет.

Разумеется, малый бизнес существует не сам по себе, а в определенном правовом пространстве. Поэтому выбор организационно-правовой формы малого предпринимательства оказывает определенное влияние на его развитие [1].

Однако это вопрос выбора организационно-правовых форм, наиболее пригодных для деятельности малых предприятий, но не специфики этих организаций. Последние, по своей сути, целиком сводятся к масштабам предпринимательской деятельности (размерам предприятия), к сожалению, ГК РФ вообще не учитываемым.

Понятие организационно-правовой формы юридического лица (одно из центральных в ГК РФ), связанное с имущественными и организационными отличиями,

способами формирования и статусом имущественной базы, особенностями взаимодействия собственников, учредителей, участников, их ответственностью друг перед другом и перед контрагентами, явно недостаточно для правового обособления малого предприятия.

Оно имеет свойственные только ему особенности, которые должны учитываться в правовом регулировании малого бизнеса. На законодательном уровне в целях оказания государственной поддержки, применения налогообложения требуется одновременное соблюдение четырех условий: 1) предприятие должно быть коммерческой организацией, т.е. должна быть создана для получения прибыли, поэтому разные некоммерческие организации, клубы, фонды и т.д. не могут считаться малыми предприятиями; 2) доля участия в уставном капитале организации Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов не должна превышать 25%. 3) доля участия в уставном капитале организации другого или других юридических лиц, не являющихся субъектами малого предпринимательства, не может превышать 25%, 4) среднесписочная численность работников не должна превышать определенных уровней в соответствии со следующими ограничениями: промышленное производство – 100 человек, бизнес, занятый в транспорте – 100 человек, строительство – 100 человек, сельское хозяйство – 60 человек, научно-техническая сфера – 60 человек, оптовая торговля – 50 человек, розничная торговля и обслуживание населения 30 человек, в остальных областях – 50 человек

Если же малое предприятие занимается несколькими видами деятельности, тогда критерий ограничения численности работающих принимается по тому виду деятельности, доля оборота, либо же доля прибыли которого является наибольшей в годовом исчислении. При этом малое предприятие само определяет, что принять за основу: объем реализации или же объем прибыли, однако выбранный показатель должен быть неизменен в течение года.

Можно констатировать, что до настоящего времени комплексного изучения понятия «малый биз-

нес» в гражданско-правовом смысле не проводилось. Понимания малого бизнеса с использованием правовых категорий пока нет.

Думается, что определяя «малый бизнес», *во-первых*, необходимо учитывать, что экономическая и правовая грани этого многогранного явления тесно взаимосвязаны между собой. *Во-вторых*, чтобы раскрыть сущность малого бизнеса целесообразно обратиться к категории «правоотношение» и его структурным элементам. Само правоотношение в юридической литературе определяется двояко: с одной стороны, как фактическое общественное отношение, урегулированное нормой права, с другой – как общественное отношение, которое возникает в результате воздействия нормы права на фактическое общественное отношение.

Представляется, что малый бизнес – это комплекс отношений, связанных с осуществлением специфической предпринимательской деятельности. Малый бизнес – это система отношений (правовых, экономических, организационных, культурных и политических) между специфическими субъектами права. В таком понимании малый бизнес – сектор бизнеса (деятельность, предпринимательство). *В-третьих*, формулируя универсальное понятие малого бизнеса, следует учитывать как общие признаки, характеризующие бизнес, предпринимательство, либо субъектов предпринимательства в целом, так и специфические признаки, выделяющие малый бизнес из общего массива предпринимательской деятельности, либо субъектов этой специфической предпринимательской деятельности. *В-четвертых*, в контексте понимания малого бизнеса как субъекта предпринимательской деятельности необходимо установить связь с такими понятиями, как «субъект права», «субъект предпринимательского права», «субъект предпринимательского правоотношения».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что отсутствие единого юридического понимания малого бизнеса в современной России объясняет существующие в законодательстве ошибки и несоответствия. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и осмысления.

Библиографический список

1. Андреев В.К. Правовой статус малых предприятий. // Российская юстиция. 2010. №9.
2. Безгодов А.В. Очерки социологии предпринимательства: СПб.: Петрополис, 2011. С.89.
3. Гандилов Т.М. Правовые проблемы малого предпринимательства: Учебное пособие М.: 2012. С.78-90.
4. Гражданское право: учебник. Под ред. С.С. Алексеева // М., 2006.
5. Дугинов Д.Е. Малый инновационный бизнес. Изд. “Вузовский учебник”, 2013. С. 201.
6. Игнатова И.В. Журнал научных публикаций «Экономические аспекты предпринимательства» // Статья №6.
7. Райсберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 3-е изд. перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 216.
8. Смирнов С.А. Организация, экономика, управление. Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2011. С.167-168.
9. URL: <http://www.msd.com.ua>
10. URL: <http://www.rost-business>.
11. URL: <http://www.e-ng.ru>

References

1. *Andreev V.K.* Legal status of small businesses. // The Russian justice. 2010. № 9.
 2. *Bezgodov A.V.* Essays on the Sociology of entrepreneurship: SPb.: Petropolis, 2011. P. 89.
 3. *Gandilov T.M.* Legal problems of small entrepreneurship: manual. M.: 2012. Pp. 78-90.
 4. Civil Law: Textbook. Ed. S.S. Alekseev // M., 2006.
 5. *Duginov D.E.* Small innovative business. The publishing house is a University textbook 2013. 201 p.
 6. *Ignatov I.V.* Journal of scientific publications "Economic Aspects of Entrepreneurship" // Article № 6.
 7. *Raisberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B.* Modern economic dictionary. – 3-d ed. – M.: INFRA – M, 2001. P. 216.
 8. *Smirnov S.A.* Organization, economics, management. Textbook. Moscow:UnityDana, 2011. Pp.167-168.
 9. URL: [http:// www.msd.com.ua](http://www.msd.com.ua).
 10. URL: [http:// www.rost-business](http://www.rost-business).
 11. URL:[http:// www.e-ng.ru](http://www.e-ng.ru)
-

Е.Ю. РЕЙНБАХ

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и управления, Орловский государственный институт искусств и культуры
E-mail: rainbah77@yandex.ru

E.Y. REYNBAKH

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of economics and management, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: rainbah77@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА И ОРГАНИЗАЦИЙ-РАБОТОДАТЕЛЕЙ

THE SPECIFICITY OF THE INTERACTION OF THE CREATIVE UNIVERSITY AND EMPLOYERS

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме участия работодателей в образовательной деятельности вузов и оценке ее качества в контексте современного законодательства. Автор раскрывает задачи, формы и виды деятельности ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры» по построению системы взаимодействия вуза и организаций-работодателей.

Ключевые слова: партнерство «вуз-работодатель», международное сотрудничество, система менеджмента качества, качество подготовки выпускников.

The article is devoted to the urgent problem of employers participation in the educational activities of universities and the assessment of its quality in the context of current legislation. The author reveals the objectives, forms and activities of FSBEI HPE «Orel state Institute of arts and culture» to build a system of cooperation between higher education institutions and organizations of employers.

Keywords: partnership "University-employer", international collaboration, quality management system, the quality of graduates' training.

В современной России региональные рынки труда предъявляют достаточно высокие требования к профессиональной компетенции выпускников вузов. Трудоустройство по специальности, как правило, зависит от соответствия между знаниями и навыками, полученными в результате обучения, и требованиями работодателей. В связи с этим успешное трудоустройство выпускников все больше зависит от ориентации образовательных программ на современный рынок труда, а также участия работодателей в образовательной деятельности и оценке ее качества.

Построение эффективных моделей взаимодействия вузов и организаций-работодателей путем разностороннего сотрудничества со стратегическими партнерами на основе интеграции интеллектуального потенциала и творческих ресурсов начали формироваться сравнительно недавно. Организационно-правовые аспекты такого взаимодействия регламентируются на государственном уровне. Вступивший в силу с 1 сентября 2012 года Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (далее Закон) впервые предоставил работодателям возможность активно участвовать в правоотношениях сферы образования. Работодатели и их объединения получили официальный статус участников отношений в сфере образования (гл. 1. ст.2, гл.2 ст.10 Закона) и вошли в систему образования в качестве равноправных партнеров.[1]

Работодатели, их объединения, а также уполномоченные ими организации имеют возможность влиять на

содержание профессионального образования, контролировать качество подготовки выпускников, участвовать в разработке ФГОСов, проводить профессионально-общественную аккредитацию профессиональных образовательных программ, участвовать в проведении государственной итоговой аттестации по основным профессиональным образовательным программам (ст. 96 Закона). [1]

В государственной программе РФ «Развитие образования на 2013-2020 годы» говорится о приоритете взаимодействия с работодателями в рамках деятельности, направленной на повышение результативности функционирования образовательных организаций высшего образования с учетом их специализации. Основными мероприятиями в этом направлении являются сближение программ профессионального образования с реальными потребностями работодателей через внедрение программ прикладного бакалавриата, а также стимулирование работодателей к созданию образовательных организаций профессионального образования, в которых предусмотрено совмещение теоретических знаний с практическим обучением на предприятиях. [2]

Таким образом, в современных условиях партнерство «вуз-работодатель» в сфере образования представляет собой двусторонний процесс, выгодный для обеих сторон. Для вузов активное взаимодействие в рамках партнерства является важным фактором развития, позволяющим привлекать дополнительные источники финансирования, осуществлять международное сотруд-

ничество, формировать положительный имидж в глазах общественности и научного сообщества.

В отечественной практике механизмы взаимодействия в рамках партнерства «вуз-работодатель» специфичны для различных вузов. В ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры» система партнерства с работодателями ориентирована на взаимовыгодные отношения и базируется на реализации долгосрочных договоров и проектов, в том числе в рамках международного сотрудничества. В немалой степени этому способствует внедренная в вузе система менеджмента качества, которая успешно прошла сертификацию, подтверждающую соответствие системы качества организации требованиям ГОСТ Р ИСО 9001-2008. [4]

Отношения института с работодателями охватывают образовательную, научную, творческую сферы деятельности и реализуются в разнообразных формах (рис.1).

Одним из приоритетных направлений творческой работы коллективов и отдельных исполнителей института является обеспечение концертно-исполнительской практики на профессиональных сценах города, области и региона. На базе сценических площадок института ежегодно реализуются крупные **творческие проекты**: Международный конкурс-фестиваль современного искусства «Созвездие Орла», Международный фестиваль студенческих фильмов ВГИК, Международный фестиваль-конкурс вокальных ансамблей «Благодарение», Всероссийский фестиваль-конкурс русского народного танца «Храним наследие России», Межрегиональный конкурс исполнителей народной песни «Орел сизокрылый», региональный конкурс исполнителей на русских народных инструментах, городской, межвузовский конкурс патриотической песни «Моя Россия» и т.д. Все вышеперечисленные фестивали и конкурсы стали настоящей «визитной карточкой» института.

Продвижение бренда вуза и его популяризацию в России и за рубежом обеспечивают 19 творческих коллективов, объединяющих в общей сложности около 400 студентов: фольклорный ансамбль «Каравай», хореографический ансамбль «Радуга», учебный театр «Диагональ», вокальный секстет «Мужской стиль» и др. Более 50 студентов выступают в качестве солистов (вокал, фортепиано, оркестровые народные инструменты, танцевальный и разговорный жанры и др.).

Институт активно сотрудничает с государственными и общественными структурами в части реализации **социально-творческих заказов**, организации и проведения совместных творческих проектов, культурных социально значимых акций, в процессе подготовки которых студенты зачастую находят место своей работы. Традиционными партнерами вуза являются: Министерство культуры Российской Федерации, Институт художественного образования Российской академии образования, Департамент образования, молодежной политики и спорта Орловской области, Управление культуры и архивного дела Орловской области, УМВД России по Орловской области, Управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Орловской области, Управление Федеральной миграционной службы России по Орловской области, Управление Федеральной службы безопасности РФ по Орловской области, учреждения социально-культурной сферы города и области.

Формирование имиджа института обеспечивает его высокий рейтинг, что подтверждают дипломы лауреата межрегионального конкурса «Лучшие вузы ЦФО-2011, 2012», а также включение в официальный реестр «Надежная репутация». ОГИИК неоднократно становился победителем в проекте «Лучшие образовательные программы инновационной России: в 2011 (одна ООП), в 2012 (одна ООП), в 2013 (5 ООП) годах.

О высоком рейтинге института свидетельствует и «география» проживания абитуриентов: Белгородская,

Рис. 1. Система партнерства «вуз-работодатель». [2,3,4]

Воронежская, Калининградская, Калужская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Ростовская, Рязанская, Смоленская области, Республика Саха и др.

Профессиональную направленность учебных занятий усиливает их **проведение на производственных базах учреждений социально-культурной сферы**. К примеру, для студентов специальности 070201.65-Актерское искусство занятия по специальным дисциплинам проводятся в БУКОО «Орловский государственный театр для детей и молодежи «Свободное пространство»; на специальности и направлении «Библиотечно-информационная деятельность» занятия проводятся в БУКОО «Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И.А.Бунина», БУКОО «Орловская детская библиотека им. М.М.Пришвина»; на специальности 040101.65-Социальная работа – в районных центрах социальной защиты населения г. Орла.

Одним из показателей высокого уровня подготовки выпускников специальностей и направлений подготовки, реализуемых в вузе, является **внедрение выпускных квалификационных работ** в практику социально-культурных учреждений.

В рамках **международного сотрудничества** образовательная, научная и творческая деятельность вуза выполняется совместно с зарубежными научными центрами и учебными заведениями: Управлением международных и европейских связей региона Шампань-Арденн (Франция); Софийским университетом Св. Климента Охридского (Болгария); Международной ассоциацией Славянского и Восточно-Европейского фольклора (Канада); Туркменским государственным институтом культуры, Международной ассоциацией «Искусство в XXI веке», Харьковской государственной академии культуры, Центром информационных технологий МЦ «Крым», МДЦК «Золотой ключик», Белорусским государственным университетом культуры и искусств, Гродненским государственным университетом (Республика Беларусь) и др. В настоящее время оформлены договоры о научно-образовательном и творческом сотрудничестве с Университетом библиотековедения и информационных технологий (Болгария), Академией музыки Люблянского университета (Республика Словения). В рамках российско-германского проекта осуществляется сотрудничество с обществом по исследованию диалектов немецкого языка, университетом г. Дуйсбург-Эссен, Хором памятника Битвы народов (г. Лейпциг), Немецким Фондом «Память, ответственность и будущее».

Степень охвата образовательными услугами за рубежом измеряется количеством иностранных граждан, обучающихся в вузе, их в настоящее время более 50-ти: граждане Украины, Молдовы, Туркменистана. В 2013 г. на факультете повышения квалификации и дополнительного профессионального образования проходили обучение иностранные граждане из Испании и Туркменистана.

Факультетом повышения квалификации и допол-

нительного образования осуществляется работа по **оказанию помощи в трудоустройстве выпускников и организации карьерных мероприятий**. В структуре факультета функционирует Отдел содействия трудоустройству выпускников (Отдел), который выполняет посредническую функцию между организациями-работодателями и студентами старших курсов. С этой целью Отдел регулярно запрашивает вакансии в управлениях культуры Орла, Брянска, Курска, Московской и других областей и доводит их до студентов выпускных курсов в рамках работы кадровых форумов.

Ежегодно сотрудники Отдела проводят День карьеры, на который приглашаются студенты и заинтересованные работодатели (представители Управления труда и занятости населения Орловской области, Управления культуры администрации г.Орла, Управления культуры и архивного дела Орловской области и др.).

Стало традицией проведение на факультетах конкурса профессиональной презентации студентов «Творчество – моя профессия», в рамках которого студенты демонстрируют свой опыт, умения, навыки, успехи и достижения, которые могут заинтересовать будущих работодателей. Институт принимает активное участие в ярмарках профессий, проводимых в районных центрах Орловской области, в ежегодных областных «Ярмарках молодежных инициатив» в городе Орле.

Студенты 2-5 курсов проходят тестирование по диагностическому комплексу «Профкарьера», разработанному Центром тестирования МГУ «Гуманитарные технологии», результат которого – индивидуальная консультация по рекомендуемому типу карьеры.

Показатели трудоустройства выпускников ОГИИК за последние пять лет позволяют сделать вывод о благоприятной ситуации – 95,2% выпускников вуза трудоустроены. [3]

Мониторинг удовлетворённости работодателей образовательными услугами в вузе проводится с помощью анкетирования, а также на основании сведений о востребованности специалистов, официальных отзывов, договоров о сотрудничестве. В последние годы анкетирование проводилось во время государственной итоговой аттестации выпускников: членам ГАК, являющимся представителями работодателей, была предложена для заполнения анкета «Оценка уровня подготовки выпускника представителем работодателей».

С целью оценки уровня профессиональной подготовки уже работающих специалистов Отделом содействия трудоустройству выпускников проводится анкетирование представителей организаций и учреждений Орловской области, где осуществляют трудовую деятельность бывшие студенты ОГИИК.

В среднем по институту показатель оценки составил 8,7 баллов (по 10-балльной системе оценки). Мониторинг удовлетворённости работодателей показывает, что подготовка специалистов и бакалавров для социально-культурной сферы в институте осуществляется на достаточно высоком уровне. [3]

Участие работодателей (представителей работо-

дателей) в учебном процессе реализуется путем привлечения руководителей и ведущих специалистов органов государственного управления и учреждений социально-культурной сферы к проведению различных форм занятий (лекций, семинаров, круглых столов и др.), а также к работе в составе ГАК в качестве членов или председателей комиссий. К занятиям, отличающимся повышенной эффективностью, относятся мастер-классы, творческие лаборатории, спецкурсы, проведенные для студентов института известными деятелями культуры, преподавателями ведущих вузов страны.

Взаимодействие с органами государственной власти различных уровней осуществляется посредством заключения долгосрочных отношений о сотрудничестве: с Департаментом образования, молодежной политики и спорта Орловской области, Управлением социальной защиты населения Орловской области, Управлениями культуры Орловской, Курской, Брянской областей, а также с 23 ссузами региона (из 14 областей России) о взаимодействии в процессе подготовки специалистов по системе непрерывного образования.

Организация проведения практик студентов осуществляется на основе «Положения о профессиональной практике студентов ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры». В процессе прохождения всех видов практики студенты института получают возможность сопоставить свои ожидания с реалиями будущей профессиональной деятельности, а также продемонстрировать свои навыки, которые оцениваются работодателями и оформляются в качестве предложений рабочих мест. Институт имеет договоры о проведении практики студентов с более чем 100 учреждениями и организациями социально-культурной сферы региона.

Перечисленные мероприятия, конечно, не являются полным перечнем форм взаимодействия вуза с работодателями, используемых в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт искусств и культуры». Политика института по формированию системы «вуз-работодатель» постоянно совершенствуется с целью обеспечения высокого качества профессиональной подготовки специалистов социально-культурной сферы региона.

Библиографический список

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://base.garant.ru>
2. Распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2013 г. № 1426-р «О плане реализации в 2013 г. и в плановый период 2014 и 2015 г.г. государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013-2020 г.г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://base.garant.ru>
3. Отчет о работе Орловского государственного института искусств и культуры за 2013-2014 учебный год [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://ogiik.orel.ru>
4. Пчельникова Н.Н., Рейнбах Е.Ю. Специфика модели партнерства образовательных учреждений сферы культуры и организаций-работодателей // Культура и образование. Май 2014. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/05/1773>
5. Рейнбах Е.Ю. Практические аспекты взаимодействия творческого вуза и работодателей // Аккредитация в образовании. 2013. №63 (апрель).

References

1. Federal law of the Russian Federation of December 29, 2012 № 273-FL «On education in the Russian Federation» [Electronic resource]: access Mode: <http://base.garant.ru>
2. The decree of the RF Government dated 14 August 2013 No. 1426-R «On implementation plan for 2013 and the planned period of 2014 and 2015, the state program of the Russian Federation «Development of education» for 2013-2020 [Electronic resource]: access Mode: <http://base.garant.ru>
3. Report on the work of Orel state Institute of arts and culture for the 2013-2014 academic year [Electronic resource]/access Mode: <http://ogiik.orel.ru>
4. Pchelnikova N.N., Reinbach E.Y. Specifics model partnerships between educational institutions and cultural organizations-employers // Culture and education. May 2014. № 5 [Electronic resource]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/05/1773>
5. Reinbach E.Y. Practical aspects of creative interaction of the University and employers // Accreditation in education. 2013. № 63 (April).

М.В. СВИСТУНОВА

аспирант, кафедра гражданского права, Уральский
государственный юридический университет
E-mail: maria.svistunova@list.ru

M.V. SVISTUNOVA

Graduate student, Department of civil law, Ural State Law
University
E-mail: maria.svistunova@list.ru

**ДОГОВОРНЫЙ ХАРАКТЕР ОСНОВАНИЙ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВА ЗАСТРОЙКИ В ПРОЕКТЕ ИЗМЕНЕНИЙ
В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE CONTRACTUAL NATURE OF THE GROUNDS FOR THE ESTABLISHMENT OF BUILDING RIGHTS
IN THE DRAFT AMENDMENTS TO THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В настоящей статье исследуется правовая природа договора установления права застройки – нового вещного права, предложенного Концепцией развития гражданского законодательства. Автор анализирует положения Проекта изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, зарубежное и советское законодательство, проводит сравнение договорных конструкций аренды и права застройки.

Ключевые слова: право застройки, superficies, ограниченные вещные права, договор установления права застройки, Проект изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.

The article is devoted to the legal nature of the contract establishing the building right – new real right presented in The Conception of Development of Civil Legislation. The author analyzes the provisions of the Draft amendments to the Civil code of the Russian Federation, foreign and Soviet legislation, compares contractual structures of the lease and the building right.

Keywords: the building right, superficies, limited real rights, building right contract, Draft amendments to the Civil code of the Russian Federation.

Право застройки – вещное, отчуждаемое и наследуемое право пользования чужим земельным участком с целью обладания постройкой на поверхности или под поверхностью чужого земельного участка. В течение срока действия права оно предоставляет возможность возведения (реконструкции), владения, пользования, сноса и восстановления постройки. Подобное целевое использование земельного участка, отчуждаемость права и его способность к передаче по наследству определяют его сущность [4]. Как следует из содержания п.4 ст.300 Проекта изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – Проект, Проект ГК РФ) [8], право застройки должно устанавливаться на договорной основе. Данный договор поименован в Проекте ГК РФ как договор об установлении права застройки.

Таким образом, по мнению авторов законопроекта, возникновение права застройки, то есть ограниченно-вещного права, обусловлено наличием договорных отношений, поскольку, в силу положений ст.154 и ст.420 Гражданского кодекса Российской Федерации соглашение двух сторон об установлении права ограниченного пользования является ничем иным, как заключением соответствующего договора [2]. По мнению некоторых комментаторов гражданского законодательства, право ограниченного пользования, к которому относится и право застройки, – это единственное ограниченное вещное право из числа перечисленных в ст. 216 Гражданского кодекса Российской Федерации, кото-

рое возникает по общему правилу из договора [7].

Рассматривая правовую природу договора установления права застройки, необходимо отметить, что этот вид договора специально поименован в Проекте ГК РФ, а в ст.300.2 Проекта перечислены существенные условия этого договора, среди которых указаны: условия о земельном участке, о месте расположения возводимого здания или сооружения на земельном участке, о сроке права застройки, о плате за право застройки, а в случаях, когда собственником земельного участка является гражданин или юридическое лицо, – также о характеристиках возводимого здания или сооружения. Таким образом, по мнению авторов законопроекта, данный договор является самостоятельным видом договора, со своей индивидуальной правовой природой, то есть, не относится к категории смешанных договоров.

Надо отметить, что в Проекте ГК РФ не предложено определения договора установления права застройки, но из указания на существенные условия данного договора следует, что данный вид договора является консенсуальным, то есть, права и обязанности сторон возникают с момента достижения согласия по всем существенным условиям договорных отношений. Последующее строительство и его передача как объекта строительства собственнику земельного участка по истечении срока права застройки являются ничем иным, как исполнением заключенного в установленном порядке договора установления права застройки. Договор

носит возмездный характер, поскольку предусматривает встречное исполнение обязательств. Можно предположить, что договор является двусторонним, сторонами являются лицо, имеющее право застройки, и собственник земельного участка.

Для определения правовой природы договора установления права застройки представляется необходимым определить место данного договора в существующей системе гражданско-правовых договоров.

Традиционно в науке гражданского права все имеющиеся гражданско-правовые договоры подразделяются на несколько основных групп, среди которых можно выделить: отношения по отчуждению имущества или имущественных прав; отношения по передаче имущества или имущественных прав во владение и (или) пользование; отношения, связанные с выполнением работ (оказанием услуг); и отношения, возникающие из образования разного рода коллективных организаций (общечеловеческие договоры) [2].

Стоит отметить, что определение типологии договора застройки имеет не только теоретическую, научно-познавательную ценность, но и возможную практическую значимость в случае принятия Проекта, так как отнесение договора к тому или иному типу уже существующих договорных отношений или выделение его в самостоятельный договорный тип будет обуславливать применение тех или иных гражданско-правовых норм, норм специального законодательства при заключении, изменении, исполнении, расторжении договора.

Стоит согласиться с замечанием Е.В. Лапугиной о том, что, «определение правовой природы договора необходимо для того, чтобы установить, во-первых, признаки, объединяющие договорные отношения в единое целое, и, во-вторых, признаки, которые в рамках единого целого отличают одни договорные отношения от других» [5].

Исходя из указанных принципов, договор застройки необходимо отнести к группе договоров, регулирующих отношения по предоставлению имущества или имущественных прав во владение и (или) пользование. Из определения права застройки, приведенного в ст.300 Проекта, следует, что данное право является правом владения и пользования чужим земельным участком, то есть, одно лицо уполномочивает другое на владение и пользование земельным участком. В своей монографии Ю.В. Романец к данной категории договоров относит договор аренды, договор найма жилого помещения, договор безвозмездного пользования (ссуды) и договор коммерческой концессии [9]. В то же время, договор установления права застройки имеет самостоятельный характер, поскольку возникновение договорных отношений по установлению права застройки обусловлено целью строительства зданий и сооружений. Данное обстоятельство роднит данный вид договора с договором строительного подряда, хотя договоры имеют разную правовую природу.

Договор установления права застройки носит возмездный характер, поскольку предусматривает плату за

предоставляемое право (ст.300.4 Проекта). Так же как и договоры вышеуказанной группы, договор застройки предусматривает предоставление имущества во временное владение и пользование, не лишаящее лицо, предоставляющее имущество или имущественное право во владение и (или) пользование, права собственности. Данный признак указывает на направленность договорных отношений, обусловленных временным владением и использованием чужого имущества на договорных основаниях.

Таким образом, можно утверждать об идентичности правовой природы договора установления права застройки правовой природе группы договоров о предоставлении имущества (имущественных прав) во временное владение и (или) пользование. Данный вывод подтверждается и другими современными исследователями, указывающими на то, что договор права застройки фактически заменяет собой договор аренды [3]. В связи с этим при исследовании особенностей договора установления права застройки будет уместным использовать его сравнение со сходной правовой конструкцией договора аренды.

Проводя сравнение договорных конструкций аренды и права застройки, в первую очередь обращает на себя внимание отсутствие в последнем указаний на субъектов договорных правоотношений. В договоре аренды в качестве субъектов указаны арендодатель и арендатор. Стоит отметить, что в последнем легитимном установлении права застройки в отечественном законодательстве, а именно в ст.73 Гражданского кодекса РСФСР, введенного в действие в 1922 году [6], в качестве первого существенного условия указано наименование договаривающихся сторон. В качестве субъектов договорных отношений указаны коммунальные отделы как представители собственника земельного участка – государства с одной стороны, и физические и юридические лица – застройщики, с другой стороны. В предлагаемом Проекте такого положения нет.

Проводя сравнение договора права застройки с договором аренды, необходимо отметить, что основанием или условием для возникновения договорных отношений является нахождение объекта аренды в собственности или ином управомочивающем состоянии у арендодателя. Представляется, что предлагаемое нормативное регулирование права застройки должно быть дополнено положением о том, что право установления права застройки земельного участка принадлежит его собственнику. К примеру, ст.413 Гражданского кодекса Украины предоставляет право установления права застройки исключительно собственнику земельного участка [10]. Установителями права застройки, на наш взгляд, могут быть также лица, управомоченные законом или собственником устанавливать право застройки.

Таким образом, первым условием для договорного установления права застройки является нахождение земельного участка в собственности лица, устанавливающего такое право, либо предоставление такого права иному лицу собственником или законом.

В отношении второго субъекта – «застройщика» (в терминологии Гражданского кодекса РСФСР 1922 года) также необходимо установить условия его участия в договорных отношениях. Согласно ст.300.1 Проекта лицо, имеющее право застройки, обязано возвести на предоставленном для застройки земельном участке здания и сооружения. При этом необходимо отметить, что право застройки предоставляется не только для возведения объектов, но и их последующей эксплуатации. В связи с этим возникает вопрос о наличии у застройщика права на строительство в предусмотренных градостроительным законодательством случаях и эксплуатации возведенных объектов строительства.

Стоит согласиться с мнением о том, что сфера применения института застройки не исчерпывается жилищным строительством, поскольку конструкция права застройки может быть применена и при возведении и (или) эксплуатации офисных и торговых зданий, и для организации промышленных площадок [4]. Получение права длительного использования земельного участка под застройку без единовременной компенсации его рыночной стоимости обеспечит повышенную востребованность института застройки у предпринимателей на первоначальном этапе развития бизнеса, особенно малого и среднего. Тем не менее, наличие разрешения на строительство и эксплуатацию объектов является довольно актуальным для установления права застройки для возведения жилищных объектов или объектов природопользования, относящихся к объектам капитального строительства. Стоит добавить, что в качестве существенного условия договора установления права застройки в Проекте ГК РФ указаны характеристика возводимого здания или сооружения, из чего можно сделать вывод о необходимости соответствия данных характеристик требованиям градостроительного и природоохранного законодательства.

Кроме того, действующее гражданское законодательство предъявляет к собственнику земельного участка требование о соблюдении градостроительных норм и правил при самостоятельной застройке принадлежащего ему земельного участка (ч.1 ст.263 Гражданского кодекса Российской Федерации). Эти же требования сохраняются при передаче права застройки собственником иному лицу – застройщику по договору установления права застройки.

Разрешение на строительство и реконструкцию объектов капитального строительства регламентируется ст.51 Градостроительного кодекса и представляет собой процесс согласования строительства предполагаемого объекта требованиям градостроительного плана земельного участка или проекту планировки территории. При этом стоит отметить, что согласно ч. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса выдача разрешения на строительство не требуется при возведении таких объектов, как гараж, который будет использоваться в непредпринимательских целях, киоски, навесы и других, не признаваемых объектами капитального строительства. Поскольку целью инициаторов Проекта было

упрощение условий для строительства именно жилых зданий, представляющих собой объекты капитального строительства, то получение разрешения на строительство будет, скорее всего, обязательной процедурой. Таким образом, если строительство будет осуществляться не силами самого застройщика, а с помощью сторонних организаций, заключению договора установления права застройки должно предшествовать заключение договора строительного подряда застройщика со строительной организацией, с разработкой и согласованием необходимой технической документации.

Кроме того, возведение объекта на земельном участке может быть сопряжено с необходимостью соблюдения норм природоохранного, земельного, водного законодательства и законодательства о недрах. Стоит согласиться с мнением Е.С. Болтановой о том, что в качестве предпосылок, или условий застройки земель можно выделить требования природоресурсного, природоохранного, градостроительного, гражданского законодательства [1].

Стоит предположить, что на стороне застройщика может выступать любое лицо, заинтересованное в возведении и эксплуатации объекта строительства на основании права застройки. Поскольку лицо, обладающее правом застройки, может привлекать к строительству и эксплуатации объекта сторонние организации, оно может не обладать необходимыми разрешениями на строительство и эксплуатацию. Тем не менее, представляется, что при заключении соглашения по установлению права застройки застройщик должен обладать необходимым комплектом документов, подтверждающих его, или привлекаемых им организаций, разрешение на строительство и эксплуатацию возводимых объектов в случаях, предусмотренных градостроительным, природоохранным и природоресурсным законодательством. Возведение объекта без необходимых разрешений позволит отнести его к разряду самовольных построек.

Таким образом, следующим условием для установления права застройки является наличие у собственника земельного участка или у застройщика разрешения на строительство и эксплуатацию возводимого объекта в случаях, предусмотренных действующим законодательством.

В качестве решения можно предложить вариант, согласно которому собственник земельного участка или лицо, уполномоченное им, при заключении соглашения об установлении права застройки распределяют с застройщиком бремя получения необходимых разрешений на строительство и эксплуатацию возводимого объекта.

Закрепление договора как основания установления права застройки в Проекте ГК РФ приводит к появлению целой системы его основных условий, определяющих правовую природу данной договорной конструкции. Так, согласно ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации к числу существенных условий установления права застройки относится только условие о предмете: договор должен содержать признаки,

позволяющие индивидуализировать объект, в отношении которого устанавливается право застройки, в данном случае земельный участок.

Рассматривая вопрос об отнесении платы за право застройки к числу существенных условий, стоит отметить, что возмездность играет немаловажную роль во взаимном выполнении сторонами возложенных на них обязательств. Поскольку договор установления права застройки носит срочный характер, застройщику предоставляется возможность удовлетворить временную потребность во владении и пользовании земельным участком, а собственник этого земельного участка имеет право требовать от застройщика внесения соответствующей платы. Тем самым собственник земельного участка получает встречное обогащение.

В то же время представляется, что предложенная в ст.300.4 Проекта ГК РФ конструкция возмездного договора установления права застройки не свидетельствует о том, что положение о цене за право застройки является обязательным условием данного вида договора. Указание в ст.300.2 Проекта на платность права застройки как существенного условия придает договору характер возмездного. По мнению автора, использование термина «плата», а не «цена» говорит только о платности или возмездности договорных отношений, а не об обязательном установлении в договоре размера этой самой платы или цены за право застройки. То есть, понятие «цена» как размер платы не указано в данной норме Проекта в качестве существенного условия. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что цена не является существенным условием данного вида возмездного договора. По крайней мере, об этом свидетельствует сложившаяся судебная практика по таким возмездным договорам, как договор купли-продажи и поставки. В частности, Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 октября 1998 года № 981/98 и Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 октября 2001 года № 817/01 не содержат прямого указания на то, что отсутствие в договоре поставки или другом возмездном договоре условия о цене приведет к несоблюдению требований статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Кроме того, согласно пункту 3 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги. Можно предположить, что в приведенных судебных актах суд, указывая на цену, определяет ее в качестве категории возмездности договора, а не условия, при отсутствии которого договор считается незаключенным. В противном случае норма, изложенная в пункте 3 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации, утрачивает практическую пользу. Возможность применения пункта 3 статьи 424 Гражданского кодекса

Российской Федерации к договору поставки подтверждается позицией Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 13 мая 2008 года № 2745/04, что еще раз подтверждает вышеуказанный тезис. Также стоит обратить внимание на возможность установления судом размера платы, то есть цены за право застройки, при недостижении сторонами согласия по данному условию. Если признавать данное условие существенным, у суда нет возможности устанавливать условия незаключенного договора.

Плата по данному договору может быть осуществлена в предоставлении собственнику земельного участка помещений в возводимом объекте строительства на праве собственности или праве владения и (или) пользования. В этом случае плата за предоставленное право застройки не имеет ценового или обезличенного выражения.

Рассматривая следующее условие, указанное в качестве существенного, а именно срок права застройки, необходимо отметить следующее. В Концепции право застройки предусматривается срочным: от 50 до 199 лет. В Проекте ГК РФ данное условие изложено по-другому: право застройки устанавливается на срок, который не может быть менее пятидесяти и более ста лет. При этом существует оговорка о том, что если установленный срок составляет более 100 лет, он считается равным 100 годам. Предлагаемая норма не содержит оговорки на тот случай, если стороны не пришли к соглашению об установлении срока договора. Возможно ли в таком случае обращение в суд с требованием об установлении права застройки и какими критериями должен руководствоваться суд при определении срока застройки?

В целом, изложенная в Проекте ГК РФ формулировка договора установления права застройки представляется крайне неудачной, так как не позволяет судить о правовой природе и содержании данной договорной конструкции. Так, например, не вполне ясно предлагая формулировка «условия о земельном участке». Что включают в себя эти условия? Кадастровый номер? Кадастровую стоимость? Рыночную стоимость? Площадь? Состав почвы и недр под земельным участком? Права (собственность, владение, пользование) и обременения земельного участка? Правообладателя (физическое лицо, юридическое лицо, публичное образование)? Представляется, что необходимо легитимное толкование понятия «условия о земельном участке».

Место возводимого объекта на земельном участке как существенное условие права застройки также вызывает сомнения, поскольку, во-первых, ограничение права застройщика на выбор места для возведения объекта на переданном ему земельном участке не позволяет утверждать о полноценном праве владения и пользования, и, во-вторых, в случаях строительства объектов недвижимости выделение правообладателем земельного участка конкретного места под строительство, не прошедшее впоследствии архитектурно-градостроительного утверждения, практически лишает застройщика возможности реализовать свое право застройки.

Следующим положением в предлагаемом проекте является обязательная регистрация сведений о праве застройки в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество.

Рассматривая данное обстоятельство, необходимо отметить, что земельные участки, относящиеся к объектам недвижимости, в силу положений Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Федеральный закон о государственной регистрации прав) подлежат государственному учету в кадастре недвижимости.

Как указывалось в п.2.1 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, применительно к регистрации прав на недвижимое имущество в настоящее время регистрации подлежат не только имущественные права, но и некоторые сделки с указанным имуществом. Целесообразно устранить указанное смешение различных систем регистрации и перейти на подлинную систему регистрации прав.

Далее позиция законодателя по этому вопросу была разъяснена в Письме Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 22.01.2013 № 3.3-6/94, где указанные изменения мотивируются необходимостью устранения смешения различных видов регистрации, когда государственной регистрации подлежали не только сами права или обременения прав на земельные участки, но и основания возникновения права или обременения, то есть, государственной регистрации подлежали и сделки с земельными участками. На практике это приводило к фактическому дублированию сведений о земельных участках как объектах недвижимости. Отмена такого дублирования, по мнению разработчиков, создаст необходимые правовые условия для перехода только на систему регистрации прав. Следовательно, для вновь возникающих правоотношений требования об обязательной государственной регистрации сделок с земельными участками, равно как и с иным недвижимым имуществом, впредь применению не подлежат.

Первый этап на пути отмены государственной регистрации сделок с землей заключался в принятии Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», которым Гражданский кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 8.1, устанавливающей новые правила регистрации недвижимого имущества. Самым примечательным в этом Законе был п.8 ст.2, в котором говорилось, что правило о регистрации сделок с недвижимым имуществом не подлежит применению с момента вступления указанного Закона в силу.

Стоит отметить и следующий блок поправок в гражданское законодательство, внесенных Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ. Ранее действовавшая редакция ст.164 Гражданского кодекса Российской Федерации обязывала осуществить государственную регистрацию сделок с землей, равно как и с другим

недвижимым имуществом, в силу положений ст.131 Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона о государственной регистрации прав. На сегодняшний день обязанность осуществить государственную регистрацию сделки должна быть специально оговорена в законе, при этом правовые последствия по такой сделке наступают только после ее государственной регистрации (Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Как разъяснено в вышеуказанном Письме комитета ГД от 22.01.2013 г., отказ от государственной регистрации сделок с земельными участками не влечет прекращения государственной регистрации ограничения или обременения прав на земельные участки. Обременение права на земельный участок, в том числе и правом застройки, имеет существенное значение не только для собственника земельного участка, но и для третьих лиц, в том числе для потенциальных покупателей этого земельного участка.

Возвращаясь к сравнению с договором аренды, необходимо отметить положение ст. 617 Гражданского кодекса Российской Федерации о том, что переход права собственности на сданное в аренду имущество к другому лицу не является основанием для изменения или расторжения договора аренды. Кроме того, в силу ст. 305 Гражданского кодекса Российской Федерации арендатор вправе использовать вещно-правовые способы защиты (виндикационный и негаторный иски). Представляется, что данные вещно-правовые способы защиты могут быть применены и обладателем права застройки.

Таким образом, установление права застройки, обременяющего земельный участок, должно подлежать обязательной государственной регистрации.

По мнению автора, затрудняет восприятие договорного характера права застройки использование такого словосочетания, как «установление права». Дефиниция «установление» воспринимается не как договорная, консенсуальная, а как волевая, императивная, когда право устанавливается либо решением органа власти, либо решением суда. Для договорных отношений более характерным является применение терминов «определение», «предоставление» и т.п. Представляется, что термин «установление» использовался авторами законопроекта исходя из ситуации, когда на земельном участке уже находится какой-либо объект, не принадлежащий на праве собственности собственнику земельного участка, для которого необходимо установить правовое основание его нахождения на земельном участке. Частично это прослеживается в предложенном авторами законопроекта установлении судом размера платы за право застройки при недостижении сторонами согласия об этом. С другой стороны, использование термина «установление» связано с вещно-правовым характером самого права застройки в его традиционном понимании. Рассматривая право застройки как ограниченное вещное право, как обременение права собственности, применение терми-

на «установление» относительно обременения является наиболее логичным и обоснованным. В то же время, «установление» наиболее соответствует констатации уже свершившегося факта или явления, в то время как «предоставление» направлено на достижение каких-либо обстоятельств в будущем.

Также согласно п. 1 ст. 425 Гражданского кодекса Российской Федерации договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения. По этому основанию принято делить договоры на консенсуальные и реальные. Пункт 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора – это консенсуальный договор. Если же необходимым условием заключения договора является передача имущества или денег, возникает конструкция реального договора (п. 2 указанной статьи). Установление же факта не связано с каким-либо достижением согласия сторонами по каким-либо условиям. Установление фактов, имеющих юридическое значение, а установление факта обременения права собственности относится именно к таким фактам, вообще не предусматривает какого-либо спора о праве. Применительно к договорным отношениям можно говорить лишь об установлении факта наличия этих самых договорных отношений, но не о условиях и основаниях, на которых были достигнуты эти самые договорные отношения.

В связи с этим представляется более целесообразным говорить о «предоставлении», а не об «установлении» права застройки в контексте договорного характера отношений субъектов данного права, к которым относятся собственник земельного участка, обладающий правом застройки в силу ст. 263-264 Гражданского кодекса Российской Федерации, и лицо, которому это право «предоставляется» собственником, либо «устанавливается» судом, исключая в таком случае договорной характер отношений между собственником и лицом, которому такое право «устанавливается».

В результате проведенного исследования можно утверждать, что договор установления права застройки предлагается консенсуальным, возмездным, двусторонним.

Поскольку этот вид договора предлагается специально поименованным, то его нельзя отнести к смешанным договорам. В качестве объекта данного договора выступает недвижимое имущество – земельный участок. Предмет договора составляет обременение права собственности на данный земельный участок специальным вещным правом – правом застройки.

Рассматривая направленность данного вида договора как системный признак, установлено, что по своей направленности – предоставлении объектов гражданских прав во временное владение и пользование, договор относится к соответствующей группе: договор аренды, договор найма жилого помещения, договор безвозмездного пользования (ссуды) и договор коммерческой концессии.

В то же время, данный договор имеет самостоятельный характер, поскольку установление договорных отношений по установлению права застройки обусловлено особой целью – строительством зданий и сооружений. Данное обстоятельство роднит данный вид договора с договором строительного подряда, но имеет совершенно иную правовую природу, отличную от подрядной.

Проводя сравнение договора права застройки с договором аренды, можно отметить, что основанием или условием для возникновения договорных отношений является нахождение объекта аренды в собственности или ином управомочивающем состоянии у арендодателя. Предлагаемое нормативное регулирование права застройки должно быть дополнено положением о том, что право установления права застройки земельного участка принадлежит его собственнику. Право застройки могут предоставить также лица, управомоченные на это законом или собственником.

При заключении соглашения по установлению права застройки застройщик должен обладать необходимым комплектом документов, подтверждающих его, или привлекаемых им организаций, разрешение на строительство и эксплуатацию возводимых объектов в случаях, предусмотренных градостроительным, природоохранным и природоресурсным законодательством. В качестве альтернативы предложен вариант, согласно которому собственник земельного участка или лицо, уполномоченное им, при заключении соглашения об установлении права застройки распределяют с застройщиком бремя получения необходимых разрешений на строительство и эксплуатацию возводимого объекта.

В целом, изложенная в Проекте ГК РФ формулировка договора установления права застройки представляется крайне неудачной, так как не позволяет судить о правовой природе и содержании данной договорной конструкции. Так, например, не вполне ясна предлагаемая формулировка «условия о земельном участке».

Место возводимого объекта на земельном участке как существенное условие права застройки также вызывает сомнения, поскольку, во-первых, как представляется, ограничение права застройщика на выбор места для возведения объекта на переданном ему земельном участке не позволяет утверждать о полноценном праве владения и пользования, и, во-вторых, в случаях строительства объектов недвижимости, выделение правообладателем земельного участка конкретного места под строительство, не прошедшее впоследствии архитектурно-градостроительного утверждения, практически лишает застройщика возможности реализовать свое право застройки.

Следующим положением в предлагаемом проекте является обязательная регистрация сведений о праве застройки в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество. Как было установлено, право застройки является по сути обременением права собственности на земельный участок, в связи с чем оно должно подлежать обязательной государственной регистрации.

В работе высказано предположение, что такие вещно-правовые способы защиты, как виндикационный и негаторный иски, могут быть применены обладателем права застройки в силу сходности правовой природы договора аренды и договора установления права застройки.

По мнению автора, весьма затрудняет восприятие договорного характера права застройки использование такого словосочетания, как «установление права». Дефиниция «установление» воспринимается не как договорная, консенсуальная, а как волевая, императивная, когда право устанавливается либо решением органа власти, либо решением суда. Для договорных отноше-

ний более характерным является применение терминов «определение», «предоставление» и т.п. В связи с этим, представляется более целесообразным говорить о «предоставлении», а не об «установлении» права застройки в контексте договорного характера отношений субъектов данного права, к которым относятся собственник земельного участка, обладающий правом застройки в силу ст.263-264 Гражданского кодекса Российской Федерации, и лицо, которому это право «предоставляется» собственником либо «устанавливается» судом, исключая в таком случае договорной характер отношений между собственником и лицом, которому такое право «устанавливается».

Библиографический список

1. Болтанова Е.С. Застройка земель как особый вид правоотношений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 1. С. 36-45.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. Изд. доп., стереотип. М.: Статут, 2002. 848 с.
3. Демкина А.В. Замена договора аренды земельных участков для целей строительства на договор об установлении права застройки: перспективы совершенствования гражданского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 6. С. 6-14.
4. Леонтьева Е.А. Проблемы института застройки чужого земельного участка в современном российском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 6. С. 13-20.
5. Медведев С.Н. Правовая природа договора долевого участия в строительстве жилья // Проблемы гражданского права: Сборник научных статей. Ставрополь, СевКавТГУ, 2011, 226 с.
6. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РС.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом РС.Ф.С.Р.»). Документ утратил силу. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
7. Постатейный комментарий к части первой ГК РФ / А.Н. Гув. М.: Инфра-М, 2000. 832 с.
8. Проект Федерального закона N 47538-6. «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС КонсультантПлюс.
9. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 496 с.
10. <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/82-gku/435-glava34.html> (по состоянию на 17 октября 2014 г.).

References

1. Boltanova E. S. The land development as a special type of legal relationship // Property relationships in Russian Federation. 2014. № 1. Pp. 36-45.
2. Braginskiy M.I., Vitrianskiy V. V. Contract law. Book one: General provisions. Ed. supplementary, stereotype. M: Statute, 2002. 848 p.
3. Dyomkina A. V. Substitution of a land lease contract aimed at the construction for the building right contract: legislative development prospects // Property relationships in Russian Federation. 2013. № 6. Pp. 6-14.
4. Leontieva E.A. The building institute's problems of another's land in the modern Russian law // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. № 6. Pp. 13-20.
5. Medvedev S. N. The legal nature of share participation in housing construction contract // Civil legal issues: Collection of scientific articles. Stavropol, SevKavTGU, 2011, 226 p.
6. The Central Executive Committee's decree of 11.11.1922 "About enactment of the Civil code of the R.S.F.S.R. (along with the Civil code of the R.S.F.S.R.)". The document ceased to be in force.// SU R.S.F.S.R.. 1922. № 71. Clause 904.
7. Article-by-article commentary on the first part of the Civil Code of Russia / A.N. Guev. M.: Infra-M, 2000. 832 p.
8. The draft Federal law N 47538-6. "About amending parts one, second, third and fourth of the Civil code of Russian Federation and certain legislative acts of Russian Federation" (edition read by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the first time 27.04.2012) // ConsultantPlus.
9. Romanets Yu. V. The system of contracts in the civil law of Russia: monography. 2nd ed., revised and updated. M.: Norma, Infra-M, 2013. 496 p.
10. <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/82-gku/435-glava34.html> (as of October 17, 2014).

Т.И. СМАГИНА

старший преподаватель, кафедра романской филологии, Орловский государственный университет
E-mail: smagina.tat@mail.ru

T.I. SMAGINA

Senior Lecturer, Department of Romance philology, Orel State University
E-mail: smagina.tat@mail.ru

ТЕОРИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК БАЗОВОЕ ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА – БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

THE THEORY OF LEARNING ACTIVITY AS A BASE FORMATION OF READINESS OF A BACHELOR - FUTURE TEACHER TO DEVELOPMENTAL TEACHING OF YOUNGER PUPILS

Приводится теоретический анализ содержания и структуры учебной деятельности как основы понимания сути развивающего обучения; рассматривается вопрос о дополнении содержательного компонента готовности бакалавра – будущего учителя знаниями теории учебной деятельности с целью формирования его способности реализовывать на практике развивающее обучение младших школьников, формировать у них умение учиться.

Ключевые слова: готовность бакалавра, компетентность, развивающее обучение, структура учебной деятельности, критерии сформированности учебной деятельности у младших школьников.

The theoretical analysis of the content and structure of learning activity as a basis for understanding developmental education is presented in the article; it considers the question about the supplementation of the meaningful component of readiness of a Bachelor-future teacher with the knowledge of the theory of learning activities in order to form his ability to implement in practice the developmental teaching of younger pupils, and to form their ability to learn.

Keywords: Bachelor's readiness, competence, developmental teaching, the structure of educational activity, the criteria of forming educational activity in primary school children.

Становление учебной самостоятельности младшего школьника (умения учиться), воспитание его личности как субъекта жизнедеятельности становится основной целью образования, закрепленной

в Федеральных государственных образовательных стандартах начального общего образования. Современный учитель должен быть готов и способен проектировать такую учебную деятельность (далее УД) младших школьников, новообразованием которой станет их действительное умение учиться. Концепция УД и ее субъекта является основой понимания сути развивающего обучения (далее РО). Следовательно, *содержательный компонент профессиональной готовности бакалавра – будущего учителя к РО обучению младших школьников должен быть дополнен знаниями о содержании и структуре учебной деятельности.*

Рассмотрение теории учебной деятельности в контексте требований ФГОС ВПО и ФГОС НОО представляется актуальным по следующим причинам:

1. Исследуя вопрос о формировании готовности учителя – выпускника бакалавриата к реализации функций развивающего начального обучения, по Д.Б. Эльконину – В.В. Давыдову, мы пришли к следующему выводу: обучение, организованное в форме учебной деятельности, выполняет не только развивающую (как часто принято считать), но и образовательную, и воспитательную функции, единство которых обеспечивает всестороннее

развитие личности младшего школьника. При этом приоритетной является функция развивающая [10, с.113].

2. ФГОС ВПО третьего поколения предъявляют требования к подготовке компетентных педагогических кадров, готовых реализовывать принципиально новые профессиональные задачи. ФГОС НОО второго поколения направляет на формирование у младших школьников умения учиться через формирование у них универсальных учебных действий (УУД). Становится очевидным, что смыслообразующей функцией педагогической деятельности бакалавра – будущего учителя иностранного языка становится обучение, воспитание, личностное развитие школьников в учебно-познавательной деятельности, т. е. на новых теоретически осмысленных основаниях.

3. Исследование проблемы проектирования компетентностной модели готовности бакалавра – будущего учителя к РО младших школьников иностранному языку, включающей разработанные нами специальные компетенции как квалификационные требования к реализации РО, позволило нам сделать следующее обоснование: «Профессиональная компетентность учителя в системе развивающего обучения характеризуется высоким уровнем освоения психолого-педагогических и методических знаний по теории и практике развивающего обучения; высоким уровнем владения преподаваемой дисциплиной «иностранному языку»; владением обобщен-

ными способами выполнения профессиональных действий по организации учебной деятельности младших школьников; способностью проектировать собственную педагогическую деятельность в учебно-воспитательном процессе; совокупностью профессионально-ценностных отношений (в том числе, к собственной деятельности и к учебной деятельности школьников); способностью к рефлексии своей профессиональной деятельности и ответственностью за ее результаты. Названные характеристики целесообразно рассматривать как систему сформированных компетенций (компетентность), как критерии готовности учителя к РО младших школьников иностранному языку» [8, с.233-234; 6].

Итак, поскольку деятельность является связующим звеном между педагогическим воздействием и развитием ребенка, будущий учитель должен владеть знаниями о содержании и структуре УД, должен быть способен и готов к применению новых деятельностных технологий, использование которых обеспечивает развивающий характер обучения, обеспечивает достижение младшими школьниками требуемых личностных, метапредметных и предметных результатов.

Теоретическим основанием создания концепции УД послужили: положение об общественно-исторической обусловленности психического развития ребенка (Л.С. Выготский), диалектико-материалистический принцип единства психики и деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), психологическая теория деятельности (А.Н. Леонтьев), теория поэтапного формирования умственных действий и типов учения (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина и др.). Проблема, обозначенная Л.С. Выготским как «соотношение обучения и развития», наиболее полно была реализована в концепции УД, которую разработали Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.К. Маркова, П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина и др.

А.Н. Леонтьев, основываясь на научных выводах Л.С. Выготского о том, что процессы обучения и воспитания не сами по себе непосредственно развивают ребенка, а лишь тогда, когда они имеют деятельностные формы, разработал общепсихологическую теорию деятельности, согласно которой целостная деятельность включает в себя следующие компоненты: потребности – мотивы – задачу – средства (решения задачи) – действия – операции. На этой теории строится сегодня отечественная наука.

Согласно А.Н. Леонтьеву, в изучении развития психики ребенка следует исходить из анализа развития его деятельности так, как она складывается в данных конкретных условиях его жизни. При этом «нужно говорить о зависимости развития психики не от деятельности вообще, а от ведущей деятельности. Ведущая деятельность – это такая деятельность, развитие которой обуславливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребенка на данной стадии его развития» [4, с.286].

По мнению Н.Ф. Талызиной, «ведущая деятельность наиболее эффективно влияет на процесс разви-

тия в период своего становления. Начальная школа как раз и является временем, когда учащиеся овладевают деятельностью учения. Следовательно, именно в младшем школьном возрасте учение наиболее интенсивно ведет за собой развитие» [11, с. 146]. Таким образом, учение школьника необходимо организовывать в форме его учебной деятельности.

Следовательно, рассматривая развивающее начальное обучение в контексте формирования готовности будущего учителя к его реализации, необходимо проанализировать содержание и структуру целостной УД в единстве и взаимосвязи всех ее компонентов.

Термин «учебная деятельность» в науке трактуется неоднозначно. Например, как: синоним научения, учения, обучения; особая форма социальной активности, проявляющая себя с помощью предметных и познавательных действий; ведущий тип деятельности в младшем школьном возрасте, направленный на усвоение теоретических знаний в процессе решения учебных задач.

Термин «учебная деятельность» не следует отождествлять с термином «учение». Дети учатся в самых разных видах деятельности (в игре, труде, при занятии спортом и т. д.). Учебная же деятельность имеет свое особое содержание и строение, и ее необходимо отличать от других видов деятельности, выполняемых детьми. Ведущей и главной среди всех видов деятельности является учебная. Она детерминирует возникновение основных психологических новообразований данного возраста, определяет общее психическое развитие младших школьников, формирование их личности в целом [3, с.132].

Напомним, что Л.С. Выготский под *новообразованиями* в прогрессивном качественном изменении личности понимал те психические и социальные изменения, которые впервые возникают на данной возрастной ступени и которые в самом главном и основном определяют сознание ребенка, его отношение к среде, его внутреннюю и внешнюю жизнь, весь ход его развития в данный период.

Основным новообразованием младшего школьного возраста, по Д.Б. Эльконину, является отвлеченное словесно-логическое и рассуждающее мышление, возникновение которого существенно перестраивает другие познавательные процессы детей; так, память в этом возрасте становится мыслящей, а восприятие – думающим. Благодаря такому мышлению, памяти и восприятию дети способны в последующем успешно *осваивать подлинно научные понятия* и оперировать ими. Другим важным новообразованием этого возраста ученый считает умение детей произвольно *регулировать свое поведение и управлять им*, что становится важным качеством личности ребенка [12, с.55]. В.В. Давыдов полагает, что целенаправленно строя отношения ученика с учителем, со сверстниками и с самим собой, изменяющимся в ходе обучения, можно спроектировать такую УД младших школьников, новообразованием которой станет действительное *умение учиться* [1, с.18].

В концепции УД (в отличие от дидактических концепций) заложены предпосылки для понимания ученика как субъекта познания. УД есть прежде всего такая деятельность, в результате которой происходят изменения в самом ученике. Это деятельность по самоизменению, т. е. ее продуктом являются те изменения, которые произошли в ходе ее выполнения в самом субъекте. По мнению В.В. Давыдова, В.В. Репкина центральным новообразованием младшего школьного возраста является также превращение ребенка в субъекта, заинтересованного в самоизменении и способного к нему [3; 9].

Согласно Д.Б. Эльконину, УД имеет свои особенности: она «общественна по содержанию (в ней происходит усвоение всех богатств культуры и науки, накопленных человечеством), общественна по смыслу (она является общественно значимой и общественно оцениваемой), общественна по форме осуществления (она реализуется в соответствии с общественно выработанными нормами), она – ведущая в младшем школьном возрасте, т. е. в период ее формирования» [12, с. 226].

Сам образовательный процесс понимается не как трансляция научных знаний, их усвоение, воспроизводство, а как развитие познавательных способностей, основных психических новообразований. В современной дидактике УД часто трактуется как учебно-познавательная деятельность.

По мнению Д.Б. Эльконина, формирование полноценной УД учащихся осуществляется только тогда, когда она строится в соответствии с ее основными структурными компонентами. Целостная структура УД формируется в течение нескольких школьных лет и особенно интенсивно – в начальных классах. Общеизвестным в науке считается мнение, что структура УД определяется характером взаимодействия ее элементов.

Д.Б. Эльконин в структуре УД выделяет следующие взаимосвязанные компоненты: 1) учебно-познавательные мотивы, т. е. мотивы приобретения обобщенных способов действий, или, проще говоря, мотивы собственного роста, собственного совершенствования; 2) учебная задача, которая по своему содержанию есть подлежащий усвоению способ действия; 3) учебные действия, в результате которых формируется представление или предварительный образ усваиваемого действия и производится первоначальное воспроизведение образца; 4) действие контроля, которое состоит в сопоставлении воспроизведенного действия с образцом через его образ; 5) действие оценки степени усвоения тех изменений, которые произошли в самом субъекте. Центральное в этой сложной структуре – второе звено – учебные задачи и их операторное содержание. Все остальные звенья как бы обслуживают это основное. [12, с. 215-219; с. 245-250].

По В.В. Давыдову, в структуру УД входят: 1) потребности и мотивы; 2) учебные задачи (или проблемы); 3) учебные действия; 4) действия контроля и оценки [3, с. 150-157].

Исследование структуры УД, по Д.Б. Эльконину и В.В. Давыдову, привело нас к выводу, что они по своему

содержанию совпадают. Это является естественным, поскольку В.В. Давыдов стал приемником Д.Б. Эльконина в развитии теории УД. Их концепция получила название «развивающее обучение Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова».

Рассмотрим подробнее компоненты структуры УД по В.В. Давыдову.

Первый компонент: потребности и мотивы. Развивающий характер УД как ведущей деятельности в младшем школьном возрасте связан с тем, что ее содержанием являются теоретические знания. Теоретические знания как содержание УД являются вместе с тем и ее потребностью. Как известно, деятельность человека соотносится с определенной потребностью, а действия – с мотивами. Потребность в УД побуждает школьников к усвоению теоретических знаний, мотивы – к усвоению способов их воспроизводства посредством учебных действий, направленных на решение учебных задач. В.В. Давыдов подчеркивает, что задача – это единство цели действия и условий ее достижения.

Второй компонент: учебные задачи (или проблемы). Учебная задача тесно связана с содержательным (теоретическим) обобщением, она подводит ученика к овладению обобщенными отношениями в изучаемой области знаний, к овладению новыми способами действия. Принятие школьниками учебной задачи «для себя», самостоятельная ее постановка и решение, пусть даже под управлением учителя, тесно связаны с мотивацией учения, с превращением ребенка в субъект деятельности.

Согласно В.В. Давыдову, учебная задача, которая школьникам предлагается учителем, требует от них: 1) анализа фактического материала с целью обнаружения в нем некоторого общего отношения, имеющего закономерную связь с различными проявлениями этого материала, т. е. построения содержательной абстракции и содержательного обобщения; 2) выведения на основе абстракции и обобщения частных отношений данного материала и их объединения (синтеза) в некоторый целостный объект, т. е. построения его «клеточки» и мысленного конкретного объекта; 3) овладения в этом аналитико-синтетическом процессе общим способом построения изучаемого объекта. Тем самым при решении учебной задачи школьники осуществляют некоторый микроцикл восхождения от абстрактного к конкретному как путь усвоения теоретических знаний [3, с. 151].

Важной для понимания сущности РО представляется мысль о том, что обучение младших школьников посредством решения ими познавательных задач (они должны быть проблемными) может обеспечивать передачу детям творческого опыта. *Опыт творческой деятельности* (выделено нами – Т.И.С.) должен быть, по мнению В.В. Давыдова, не одним из четырех рядоположенных элементов совокупного социального опыта, а основополагающим и главным элементом, на который могут опираться другие его элементы (к ним относятся знания, умения и отношения человека к миру). В этом случае обучение и воспитание детей с самого начала бу-

дет направлено на развитие их личности [3, с. 144].

Третий компонент: учебные действия. Учебная задача решается школьниками путем выполнения определенных действий. В.В. Давыдов выделяет следующие учебные действия:

- преобразование условий задачи с целью обнаружения всеобщего отношения изучаемого объекта;
- моделирование выделенного отношения в предметной, графической или буквенной форме;
- преобразование модели отношения для изучения его свойств в «чистом виде»;
- построение системы частных задач, решаемых общим способом;
- контроль за выполнением предыдущих действий;
- оценка усвоения общего способа как результата решения данной учебной задачи.

Каждое такое действие состоит из соответствующих операций, наборы которых меняются в зависимости от конкретных условий решения той или иной учебной задачи (как известно, действие соотносится с целью задачи, а его операции – с ее условиями). Школьники первоначально, естественно, не умеют самостоятельно формулировать учебные задачи и выполнять действия по их решению.

Под руководством учителя осуществляется совместное выполнение группой школьников распределенных между ними учебных действий, т. е. в этом случае формирование УД осуществляется *коллективным субъектом*. Постепенно происходит интериоризация этих коллективно распределенных действий, превращение их в индивидуально осуществляемое решение учебных задач. Каждый ребенок становится *индивидуальным субъектом* УД. Рассмотренные учебные действия в сущности все вместе направлены на то, чтобы при их выполнении школьники раскрывали условия происхождения усваиваемого ими понятия (зачем и как выделяется его содержание, почему и в чем оно фиксируется, в каких частных ситуациях оно затем проявляется) [3, с.154-156].

Четвертый компонент: действия контроля и оценки. Учебные действия контроля и оценки играют большую роль в усвоении школьниками знаний. Контроль состоит в определении соответствия других учебных действий условиям и требованиям учебной задачи; позволяет ученику, меняя операционный состав действий, выявлять их связь с теми или иными особенностями условий решаемой задачи и получаемого результата. Благодаря этому контроль обеспечивает нужную полноту операционного состава действий и правильность их выполнения.

Действие оценки позволяет определить, усвоен или не усвоен (и в какой степени) общий способ решения данной учебной задачи, соответствует или нет (и в какой мере) результат учебных действий их конечной цели. Вместе с тем оценка состоит не в простой констатации этих моментов, а в содержательном качественном рассмотрении результата усвоения (общего способа действия и соответствующего ему понятия), в его сопо-

ставлении с целью. Именно оценка «сообщает» школьникам о том, решена или не решена ими данная учебная задача.

УД и отдельные ее компоненты (в частности, контроль и оценка) осуществляются благодаря такому основополагающему качеству человеческого сознания, как *рефлексия*. Объектом усвоения становится не только предметное содержание понятий, но и сама мыслительная деятельность, в ходе которой вырабатываются понятия [3, с.157].

Формирование УД есть управление взрослым (учителем, родителем) процессом становления УД школьника. Полноценное управление процессом учения всегда предполагает следующее: отработку у школьника каждого компонента УД, их взаимосвязи, постепенную передачу отдельных компонентов этой деятельности самому ученику для самостоятельного осуществления без помощи учителя и т.д. [2, с.19].

Становление УД есть совершенствование каждого компонента УД, их взаимосвязи; совершенствование мотивационного и операционального аспекта учения; превращение ученика в субъект осуществляемой им УД; овладение учеником формами совместной УД; оно связано также с наличием развивающего и воспитывающего эффекта УД. Поэтому уровни зрелости УД в целом и ее отдельных компонентов есть важные качественные характеристики эффективности труда учителя и школьника [2, с.19-20].

Большой интерес для РО, построенного на основе концепции Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова, представляют разработанные А.К. Марковой обобщенные *характеристики сформированности УД* школьников и ее психологических новообразований. Они могут служить качественными показателями эффективности деятельности учителя и учеников:

1. Уровни выполнения школьниками отдельных компонентов УД (учебной задачи: понимание задачи учителя, принятия ее для «себя», самостоятельная постановка учебной задачи, постановка системы задач; учебных действий: способы выделения всеобщих отношений в учебном материале и их конкретизации, записывание этих отношений в виде разных графических и знаковых моделей; контроля и оценки: виды самоконтроля школьников – прогнозирующий – до начала работы, пошаговый – по ходу работы, итоговый – после завершения работы; виды самооценки – адекватная и неадекватная, глобальная и дифференцированная, прогнозирующая, итоговая и т. д.). Наряду с развернутостью каждого компонента можно фиксировать самостоятельность обращения ученика к его выполнению, умение школьника перейти от одного компонента к другому. Все названные компоненты УД могут, по мнению А.К. Марковой, быть прослежены в их возрастной динамике от первого до выпускного класса.

2. Уровни сформированности активной позиции школьника в учебном труде, зрелости школьника как субъекта осуществляемых им видов деятельности, субъекта взаимодействия с другим человеком в ходе со-

вместной работы, субъекта своей мотивационной сферы и др.

3. Уровни сформированности отдельных сторон мотивации – качественные характеристики мотивов, целей, эмоций школьников, особенности смысла и значимости УД для школьников и т. д. [5].

Приведенные показатели сформированности УД и личностных особенностей могут быть использованы педагогом для разработки критериев обученности школьников в системе РО.

Итак, в качестве обобщения выделим основные особенности РО по Д.Б. Эльконину – В.В. Давыдову на основе [9]:

1. Направленность обучения на развитие как свою основную цель: усвоение знаний, умений и навыков рассматриваются в нем не как конечная цель, а как средство и способ развития учащихся.

2. Интеллектуальное развитие и развитие личности представляют собой две стороны одного и того же процесса развития индивида как субъекта УД.

3. В основе содержания РО лежит система теоретических понятий, фиксирующих объективные основания тех общих способов действия, которыми предстоит овладеть учащимся.

4. РО опирается на учебную деятельность как высшую форму учения: предполагает, во-первых, постановку учениками учебной задачи и, во-вторых, выполнение ими системы учебных действий, обеспечивающих ее решение.

5. РО опирается на коллективно-распределенную деятельность учеников и учителя (а не на индивидуально-автономные формы активности каждого ученика, авторитарно направляемые учителем, что характерно для традиционного обучения), на использование коллективного учебного диалога, развертывающегося на всех этапах постановки и решения учебной задачи.

Анализ содержания и структуры целостной УД в единстве и взаимосвязи всех ее компонентов позволяет нам сделать вывод, что такая УД и есть развивающее начальное обучение, реализующее в единстве развивающую, образовательную и воспитательную функции. Это целостная система РО, альтернативная исторически сложившейся традиционной системе.

Данная концепция является базовой для исследования проблемы формирования профессиональной готовности бакалавра – будущего учителя к РО младших школьников (на примере подготовки учителей иностранного языка).

Библиографический список

1. Давыдов В.В. / В.В. Давыдов В.И. Слободчиков Г.А. Цукерман. Младший школьник как субъект учебной деятельности // Вопросы психологии. 1992. № 3. С.14-19.
2. Давыдов В.В., Маркова А.К. Концепция учебной деятельности школьников. // Вопросы психологии. № 6. 1981. С.13-27.
3. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986. 240 с.
4. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I М.: Педагогика, 1983. 392 с.
5. Маркова А.К. Психологические критерии эффективности учебного процесса // Вопросы психологии. 1977. № 4. С. 40-51.
6. Образцов П.И., Смагина Т.И. Формирование компетенций выпускника вуза – бакалавра по направлению «педагогическое образование». // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы международная научно-практическая конференция. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 114-116.
7. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие. Под ред. П.И. Образцова. Орел: ОГУ, 2005. 114 с.
8. Образцов П.И., Смагина Т.И. Компетентностный подход к формированию модели выпускника вуза – бакалавра по направлению «Педагогическое образование» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 3. Ч. 2. С. 225-235.
9. Репкин В.В. Репкина Н.В. Что такое развивающее обучение? В кн.: Начальный этап обучения русскому языку в средней школе. Харьков; Томск: 1992. С. 3-9.
10. Смагина Т.И. К вопросу о формировании готовности бакалавра – будущего учителя к реализации функций развивающего начального обучения. // Профессионально-личностное развитие преподавателя и студента: традиции, проблемы, перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. С. 108-113.
11. Талызина Н.Ф. Педагогическая психология: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 288 с.
12. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

References

1. Davydov V.V. / Davydov V.V., Slobodchikov V.I., Zuckerman G.A. Junior schoolstudent as the subject of learning activities // Questions of psychology. 1992. № 3. Pp.14-19.
2. Davydov V.V. Markova A.K. The concept of educational activity of schoolchildren. Questions of psychology. № 6. 1981. Pp.13-27.
3. Davydov V.V. Problems of developmental teaching: Experience of theoretical and experimental psychological research. M.: Pedagogika, 1986. 240 p.
4. Leontiev A.N. Selected psychological works: In 2 vol. Vol. I. M.: Pedagogika, 1983. 392 p.
5. Markova A.K. Psychological criteria of efficiency of educational process // Questions of psychology. 1977. № 4. Pp 40-51.
6. Obratsov P.I., Smagina T.I. Formation of the competences of the graduate – Bachelor's degree in the field of "pedagogical education" / P.I. Obratsov, T.I. Smagina // Teaching experience: theory, methodology, practice: Proceedings of the international scientific and practical Conference. Cheboksary: CSC "Interactive plus", 2014. Pp. 114-116.
7. Obratsov P.I., Ivanova O.Yu. Professionally-oriented teaching of a foreign language at language faculties of universities: Textbook / Ed. by P.I. Obratsov. Orel: OSU, 2005. 114p.

8. *Obraztsov P.I., Smagina T.I.* Competence approach to the formation of a model of the graduate –Bachelor in “Pedagogical education” // Proceedings of the TSU. Humanities. 2013. Is. 3. Part 2 Pp. 225-235.

9. *Repkin V.V., Repkina N.V.* What is developmental teaching? / In book: The initial stage of teaching the Russian language in secondary school. - Kharkov, Tomsk: 1992. Pp.3-9.

10. *Smagina T.I.* On the formation of readiness of a bachelor - the future teacher to implement the functions of developmental primary education. // Professional-personal development of the teacher and the student: traditions, problems and prospects: Materials of the II All-Russian scientific-practical conference. Tambov: TRPO “Business Science-Society”, 2014. Pp. 108-113.

11. *Talyzina N.F.* Educational Psychology: textbook for students of secondary teacher training institutions. M.: Publishing Center “Akademiya”, 1998. 288 p.

12. *El'konin D.B.* Selected psychological works. M.: Pedagogika, 1989.560 p.

УДК 343.13:342.72.73

UDC 343.13:342.72.73

Н.И. СРЕТЕНЦЕВ

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал)
E-mail: ndragon1952@yandex.ru

Д.Н. СРЕТЕНЦЕВ

кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова
E-mail: vioorel@yandex.ru

N.I. SRENTENTSEV

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Russian sidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel branch)

E-mail: ndragon1952@yandex.ru

D.N. SRENTENTSEV

Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of the Criminalistics and Preliminary Investigation in the Organizations of Internal Affairs, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V. V. Lukyanov

E-mail: vioorel@yandex.ru

ОХРАНА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN THE PRE-TRIAL STAGE

Рассматриваются права и свободы человека и гражданина конституционного и неконституционного уровня на стадии предварительного расследования. Исследуются механизмы защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования в виде ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора, судебного контроля, правосудия, обеспечения участников уголовного судопроизводства правовой помощью.

Ключевые слова: охрана прав и свобод человека и гражданина, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль, правосудие, квалифицированная юридическая помощь.

The rights and freedoms of man and citizen of the constitutional and non-constitutional level during the preliminary investigation are examined. The mechanism of protection of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings during the preliminary investigation in the form of prosecutorial supervision, judicial control, justice, ensure participants in criminal proceedings legal aid is examined.

Keywords: protection of the rights and freedoms of man and citizen, a preliminary investigation, criminal procedure, criminal procedure law, departmental procedural control, public prosecutor's supervision, judicial control, justice, qualified legal assistance.

В соответствии с Конституцией РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства в лице специально уполномоченных на то органов и должностных лиц [4].

Приоритет прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в Конституции РФ, обязателен для всех ветвей государственной власти, в том числе и для ее исполнительной ветви в лице органов предварительного расследования. Так, в главе второй Конституции РФ закреплены основные принципы, реализуемые как в уголовном судопроизводстве в целом, так и в рамках предварительного расследования в частности (ст. ст. 21-25, 35, 46-55 Конституции РФ).

Необходимо отметить, что Конституцией РФ регламентированы не все права и свободы, которыми обладает человек. В ней нашли свое отражение только основные, или фундаментальные права и свободы. Данная ситуация характерна почти для всех демократических конституций, где при самом полном перечислении прав и

свобод в заключении признается, что перечень не является исчерпывающим, т.е. что за человеком и гражданином остаются и другие права и свободы. В Конституции РФ по этому поводу говорится следующее (ч. 1 ст. 55): «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Данную формулировку можно толковать только как признание неисчерпаемости свободы и как уважение многогранных прав и свобод, которые при всей их важности не относятся к категории основных. Такие права и свободы неконституционного уровня закрепляются всеми отраслями национальной системы права, в том числе уголовно-процессуальным правом.

Уголовно-процессуальное право призвано бороться с наиболее опасным общественным злом – преступлением. Возлагая на органы уголовного судопроизводства столь социально важную задачу, государство допускает вторжение в область личных интересов, при этом уста-

навливает пределы вмешательства и гарантии от необоснованного ограничения прав и свобод личности. При производстве предварительного расследования, реализуя нормы по защите прав личности, подразумевается два вида интересов, которые вступают в противоречие: интересы общественные и интересы личные, в связи с этим появляется потребность установления оптимального соотношения между интересами общественными и интересами личными. И если первые находят свое наиболее полное выражение в решении задач достижения истины по делу, то вторые – в обеспечении соблюдения прав и законных интересов личности.

Конституция закрепляет основные начала, устои уголовного судопроизводства, составляющие сердцевину правового статуса личности. Исходя из вышеизложенного перед авторами УПК РФ стояла простая задача – уяснить смысл и содержание конституционных предписаний и перевести их на уголовно-процессуальный язык отраслевого законодательства.

Проблемы повышения эффективности деятельности органов предварительного расследования, усиления процессуальных гарантий реализации прав и свобод личности занимали и занимают в настоящее время значительное место в исследованиях многих ученых и практиков в области уголовного процесса. В последние годы наблюдается объективная тенденция последовательного расширения сферы законодательного регулирования в области предварительного расследования. Так в уголовный процесс введены новые участники уголовного судопроизводства: руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ) [10], следователь-криминалист (ст. 5 п. 40.1 УПК РФ) [11] и начальник подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ) [12]. Например, первому из них законодатель делегировал широкий круг контрольных функций, отсутствовавших у его предшественника – начальника следственного отдела, предварительно изъяв их у прокурора. В связи с указанными изменениями в УПК РФ в настоящее время руководитель следственного органа может отменять необоснованные и незаконные постановления следователя, разрешать или не разрешать следователю обращаться в суд за получением его решения о производстве следственных действий, наиболее ущемляющих права человека, и т.д. Это свидетельствует о том, что на стадии предварительного расследования значительно усилился ведомственный процессуальный контроль с целью охраны прав и свобод человека и гражданина.

Динамичность уголовно-процессуального законодательства в некоторых случаях приводит к неточному и неполному соблюдению норм процессуального права, регулирующего права и свободы граждан. В связи с этим в специальной литературе неоднократно поднимался вопрос о том, что одной из важных задач органов прокуратуры является задача реализации правозащитной функции, связанной с надзором за соблюдением прав и свобод человека и гражданина на стадии предварительного расследования[3]. Научные дискуссии, а также требования следственной и судебной практики

в процессе раскрытия и расследования преступлений привели к тому, что в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [8] (далее ФЗ «О прокуратуре») были внесены изменения, развивающие положения Конституции Российской Федерации о признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина. В названном Федеральном законе, в третьем разделе, появилась самостоятельная глава 2 (ст. ст. 26, 27, 28) – «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина», и как следствие, новое практическое направление прокурорского надзора, его самостоятельная подотрасль. Еще более конкретные функции прокурорского надзора на стадии предварительного расследования отражены в главе 3 «Надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие». Предметом прокурорского надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие (ст. 29 ФЗ «О прокуратуре»). Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов перечисленными выше органами устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством РФ и другими Федеральными законами (ч.1 ст. 30 ФЗ «О прокуратуре»).

Это привело к тому, что в последней редакции УПК РФ[7] в разделе восьмом: «Предварительное расследование» в тридцати статьях из восьмидесяти девяти за прокуратурой закрепляется функция надзора за деятельностью органов предварительного расследования. Тем самым деятельность прокуратуры была ориентирована на укрепление законности не только путем реализации полномочий в сфере надзора за исполнением законов, так называемого «общего надзора», но и в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина на стадии предварительного расследования. При осуществлении возложенных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» на прокуратуру функций прокурор: рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба.

Кроме прокурорского надзора на стадии предварительного расследования в целях обеспечения законности и обоснованности решений и действий органов предварительного расследования, ограничивающих конституционные и иные права и свободы граждан, осуществляется судебный контроль. Судебный контроль проявляется в санкционировании применения таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний

арест, а также продление применения заключения под стражу, применение к лицу принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия, в выдаче разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, осуществление некоторых следственных действий и т.д., в принятии правосоставительных решений, а именно рассмотрении жалоб на неправомерные решения и действия (бездействия) органов предварительного расследования.

Условия уголовного преследования, функции раскрытия и расследования преступлений и изобличения виновных на стадии предварительного расследования нередко влекут за собой ограничения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Это касается личной неприкосновенности граждан, их права на неприкосновенность жилища и собственности, права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение указанных прав допускается исключительно на основании судебного решения.

Судебный контроль охватывается понятием правосудие и является одной из важнейших гарантий основных прав и свобод граждан. Судебный контроль представляет собой систему проверочных мероприятий, направленных на предупреждение возможных ошибок органов предварительного расследования и исправление уже допущенных нарушений.

Правосудие – наиболее демократичная и цивилизованная форма защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве. При этом судебная власть отделена от органов, которые непосредственно ведут борьбу с преступностью, что позволяет суду следовать принципам судопроизводства, предоставляя ему большую независимость в принятии решений. Право каждого гражданина на судебную защиту открыло путь для судебного обжалования ряда следственных и прокурорских решений на стадии предварительного расследования, что значительно расширило права участников процесса в досудебном производстве.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство напрямую предусматривает порядок судебного обжалования и судебный порядок рассмотрения жалоб, согласно которому: постановления дознавателя, следователя, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд по месту производства предварительного расследования.

Безотлагательная судебная проверка, осуществляемая по жалобам заинтересованных лиц, не влечет ни приостановления производства по делу в целом, ни приостановления исполнения соответствующих решений или действий. Проверка ведется на основе представленных органами расследования материалов, обосновывающих соответствующие решения или действия. Деятельность суда протекает в условиях состязательно-

сти, порядок рассмотрения жалоб точно регламентирован законом, обеспечивающим гласность, публичность разбирательства, участие заинтересованных лиц. Судопроизводство, соответствующее перечисленным принципам, создает условия для выяснения действительных обстоятельств и вынесения законного, обоснованного, справедливого решения[5].

Судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора. Неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом (ч. 1, 2, 3 ст. 125 УПК РФ).

Рассматривая вопросы о содержании, объектах и субъектах судебной защиты участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования, следует обратить внимание на связь этого института с такими принципами уголовного процесса, как законность, публичность, требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, права на защиту, без реализации которых невозможна полноценная судебная защита.

Защита прав и свобод человека и гражданина на стадии предварительного расследования во многом определяется обеспечением участников уголовного судопроизводства правовой помощью.

Конституцией Российской Федерации гарантируется защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 45), предоставляя каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48). Под юридической помощью подразумеваются все сферы деятельности адвокатов, призванные обеспечивать защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан. Защитник способствует обеспечению прав личности, и это является одной из важнейших задач адвокатуры в Российской Федерации.

Адвокат (защитник) на стадии предварительного расследования выполняет свой профессиональный долг, согласно которому осуществление защиты участников уголовного судопроизводства есть цель и смысл его участия в состязательном процессе, где обвинению, вооруженному юридическими знаниями и опытом, должна противостоять такая же защита. В специальной литературе систематически обсуждается вопрос о том, что обвинение и защита должны иметь равные права и состязаться перед судебным следствием[2].

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [9], вступивший в силу с 1 июля 2002 г., расширяет возможности защитника во время расследования. В связи с этим ученые высказывают мнение, что конструкция защиты на стадии предвари-

тельного расследования располагает значительными возможностями для собирания доказательств и обоснования своих выводов[6]. В УПК РФ закреплены положения о том, что защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Для обеспечения полноты, всесторонности и объективности расследования защитник вправе заявлять ходатайства. Как правило, это бывают ходатайства, направленные на получение новых доказательств, проверку доводов обвиняемого о его непричастности к совершению преступления, на подтверждение его алиби. Довольно часто защитники ходатайствуют о приобщении к делу документов, связанных с характеристикой личности подзащитного. Разумеется, положительных результатов можно ожидать только от неформального подхода к составлению ходатайств.

Не менее распространенным методом защиты является подача жалоб на незаконные действия (бездействия) и другие нарушения, допускаемые лицом, производящим дознание, расследование и действия (бездействия) прокурора и суда (судьи). Защитник имеет право заявить отвод лицам, ведущим расследование, а также иным участникам уголовного судопроизводства.

Защитник, участвующий в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать ему в присутствии следователя краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного

действия. Следователь может отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол.

Ходатайства, официальные просьбы о выполнении каких-либо процессуальных действий, принятии решений по всем вопросам, имеющим значение для дела, в зависимости от момента их заявления условно делятся на:

1. ходатайства в стадии предварительного расследования;

2. ходатайства, заявленные после окончания предварительного расследования при ознакомлении с материалами уголовного дела.

Кроме того, некоторые ученые выделяют так называемые процедурные ходатайства (например, о предоставлении для изучения протоколов всех следственных действий, проведенных с участием подзащитного; материалов, направляемых в суд для проверки законности и обоснованности ареста; об извещении о дате и времени проведения следственных действий, в которых адвокат желает участвовать, и др.) [1].

В заключение следует отметить, что государство в лице законодательных, исполнительных и судебных органов, а также современное российское общество осознают необходимость и ценность неотъемлемых прав человека и гражданина на стадии предварительного расследования и стараются в полном объеме обеспечить их точное и гарантированное осуществление. Создание юридических механизмов защиты прав и свобод человека – неотложная, злободневная задача, без решения которой не может развиваться и укрепляться свободное демократическое общество. В настоящее время охрана прав и свобод человека и гражданина на стадии предварительного расследования осуществляется в виде ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора, судебного контроля, правосудия, обеспечения участников уголовного судопроизводства правовой помощью.

Библиографический список

1. Барбин В.В., Бутылин В.Н., Гончаров И.В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел: Курс лекций. М.: ЦОКР МВД России, 2009. С.104.
2. Бутурова О.А. Реализация конституционного права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе в стадии дознания и предварительного следствия. // Право и Жизнь, 2011; № 17: С.11.
3. Камышов В.Г. Роль нормативных актов прокуратуры в соблюдении личных прав и свобод человека и гражданина. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки 2009; 2, Ч. 1: С. 295-296.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г. (в ред. от 21.07.2014). Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
5. Матросов П.С. Конституционный контроль в сфере защиты прав человека в Российской Федерации: проблемы реализации. Право и государство: теория и практика 2011; 8: С. 58-64.
6. Петрухин И.Л. Вам нужен адвокат. М., 2003. С.325.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12. 2001г. № 174 ФЗ (в ред. от 30.03.2015). Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. 1), ст. 4921.
8. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 22.12.2014 , с изм. от 17.02.2015). Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
9. Федеральный закон от 31.05.2002г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 02.07.2013). Собрание законодательства РФ, 10.06.2002, № 23, ст. 2102.
10. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 22.12.2014). Собрание законодательства РФ, 11.06.2007, № 24, ст. 2830.
11. Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 08.12.2008, № 49 ст. 5724.

12. Федеральный закон от 06.06. 2007 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 11.06.2007, № 24, ст. 2833.

References

1. *Barbin V.V., Butylin V.N., Goncharov I.V.* Ensuring the rights and freedoms of man and citizen in the activities of internal Affairs bodies: lectures. M.: RCAC of the MIA of Russia, 2009. P. 104.
 2. *Butorova O.A.* Implementation of the constitutional rights of the accused (suspect) on the defence in criminal proceedings at the stage of inquiry and preliminary investigation. Law and Life 2011; No 17. P.11.
 3. *Kamyshov V.G.* The role of normative acts of public prosecution in respect of personal rights and freedoms of man and citizen. Proceedings of the Tula state University. Economic and legal Sciences 2009; 2, part 1. Pp.295-296.
 4. The Constitution of the Russian Federation from 12.12.1993. (amended on 21.07.2014). Meeting of the legislation of the Russian Federation, 04.08.2014, No. 31, art 4398.
 5. *Matrosov P.C.* Constitutional control in the sphere of human rights protection in the Russian Federation: problems of implementation. Law and the state: theory and practice, 2011; No 8. Pp. 58-64.
 6. *Petrukhin I.L.* You need a lawyer. M., 2003. P. 325.
 7. Criminal procedure code of the Russian Federation dated 18.12. 2001. No. 174-FL (as amended on 30.03.2015). Meeting of the legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, No. 52 (part I), item 4921.
 8. Federal law of 17.01.1992 № 2202-1 “About office of public Prosecutor of the Russian Federation” (as amended on 22.12.2014, with am. from 17.02.2015). Meeting of the legislation of the Russian Federation, 20.11.1995, No. 47, article 4472.
 9. Federal law of 31.05.2002 g. № 63-FL “About lawyer activity and legal profession in the Russian Federation” (as amended on 02.07.2013). Meeting of the legislation of the Russian Federation, 10.06.2002, No. 23, article 2102.
 10. Federal law dated 05.06.2007 No. 87-FL “On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation and the Federal law “On the procuracy of the Russian Federation” (as amended on 22.12.2014). Meeting of the legislation of the Russian Federation, 11.06.2007, No. 24, article 2830.
 11. Federal law dated 02.12.2008 No. 226-FL “On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation”. Meeting of the legislation of the Russian Federation, 08.12.2008, No. 49 article 5724
 12. Federal law dated 06.06. 2007 No. 90-FL “On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation”. Meeting of the legislation of the Russian Federation, 11.06.2007, No. 24, article 2833.
-

С.Р. СУЛЕЙМАНОВА

аспирант, кафедра конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: Safina_899@mail.ru

S.R. SULEYMANOVA

Graduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation
E-mail: Safina_899@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

CONSTITUTIONAL-LEGAL STATUS OF YOUTH ASSOCIATIONS IN RUSSIA AND IN THE CIS

В результате анализа действующего законодательства Российской Федерации и стран постсоветского пространства была определена специфика правового статуса института молодежных общественных объединений. Автором выявлена их правовая сущность и выделены основные признаки, на основе которых было дано авторское определение данной дефиниции.

Ключевые слова: общественные объединения, молодежные общественные объединения, конституционно-правовой статус, гражданское общество, Содружество Независимых Государств

The specificity of the legal status of the institute of youth associations was determined as a result of the analysis of the current legislation of the Russian Federation and post-soviet countries. The author revealed the legal nature and basic features, on which the author's definition was given.

Keywords: associations, youth associations, constitutional-legal status, civil society, Commonwealth of Independent States.

Конституционно-правовая природа молодежных общественных объединений, выступающих одновременно в качестве субъекта и объекта государственной молодежной политики, уже на протяжении более 20 лет остается объектом острых научных дискуссий как в России, так и в иных странах постсоветского пространства.

Автор, принимая во внимание факт того, что становление и развитие молодежных общественных объединений, как и иных важнейших институтов гражданского общества, во многом определяется социальными и политическими закономерностями того или иного государства, зачастую не всегда подвластными законодателью, особое внимание обращает на действующее законодательство России и стран СНГ, ведь именно оно и придает молодежным общественным объединениям свойственную им специфику и обозначает правовой статус.

В первую очередь обратимся к законодательству Российской Федерации, на территории которой молодежные общественные объединения как особый тип общественных объединений осуществляют свою деятельность в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года. Несмотря на то, что в тексте Основного закона страны нет специальных статей, регламентирующих статус молодежных общественных объединений, их место и роль в системе политических институтов, можно утверждать, что конституционали-

зация данных объединений воплотилась в ряде конституционных норм, содержащихся в первом и во втором разделах Конституции РФ [1].

Прежде всего, к ним следует отнести положения статьи 13 Конституции нашей страны. Так ч. 1 данной статьи закрепляет принцип идеологического многообразия как одну из основ конституционного строя страны, тем самым исключив возможность существования в России государственной или обязательной идеологии и сделав возможным становление и развитие политической системы страны. Признание идеологического многообразия означает существенное сужение пределов государственной власти, поскольку из-под контроля власти выходит сфера идеологии, а значит, особое значение приобретают индивидуальные и коллективные права граждан, их объединения (в том числе и молодежные общественные объединения).

Также, в ч. 4 вышеуказанной статьи закрепляется равенство общественных объединений перед законом, что несет в себе большую смысловую нагрузку и может проявляться двояко. С одной стороны, это говорит о равенстве их прав и обязанностей в общественной и хозяйственной деятельности, с другой – о равенстве отношений общественных объединений с государством и его органами.

Право на объединение, закрепленное в ч.1 статьи 30, является правовой основой образования и деятельности всех видов общественных объединений: политических

партий, профессиональных союзов, молодежных и детских общественных объединений, некоммерческих, благотворительных и прочих организаций. Однако в основе их всех лежит право каждого человека на объединение, которое включает в себя право создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей; право вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также право беспрепятственно выходить из общественных объединений [2].

Наконец, основы правового статуса общественных объединений устанавливают и гарантируют и ряд других норм Конституции, без которых существование общественных объединений было бы невозможно. Например, к таким нормам можно отнести положения статей 28, 29, 31, 32 Конституции РФ.

Таким образом, на основе подробного рассмотрения норм Конституции Российской Федерации можно сделать вывод о конституционно-правовом статусе молодежных общественных объединений, так как особенность их юридической природы и сущности заложена Конституцией Российской Федерации 1993 года.

Действующим комплексным законом, содержащим права граждан на объединение, основные государственные гарантии этого права, статус общественных объединений, регулирующий порядок их создания, деятельности реорганизации и (или) ликвидации, является Федеральный закон от 19.05.1995 №82-ФЗ «Об общественных объединениях» [3]. Данный Закон выступает базовым в отношении каждого специального закона, регулирующего отдельный вид общественных объединений. При этом важно учитывать, как взаимодействуют и как применяются нормы данного закона в отношении каждого отдельного общественного объединения. В данном случае нас интересует их применение в отношении молодежных общественных объединений. Если, например, некоммерческие и благотворительные организации попадают в сферу правовой регламентации данного закона лишь частично, то молодежные общественные объединения попадают в нее полностью. Это, прежде всего, вытекает из статьи 4 Федерального закона «Об общественных объединениях», которая закрепляет, что «деятельность указанных общественных объединений до принятия специальных законов, а также деятельность общественных объединений, не урегулированная специальными законами, регулируются настоящим Федеральным законом» [4].

Таким образом, в отличие от других объединений деятельность молодежных общественных объединений специальным законом не урегулирована, так как Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» [5] норм прямого действия не содержит и, по сути, регулирует лишь вопросы государственной поддержки таких объединений.

Между тем хотелось бы отметить, что в научной литературе и исследованиях ряда специалистов области

государственной молодежной правовой политики неоднократно поднимался вопрос о необходимости закона «О молодежных общественных объединениях». Однако на сегодняшний день ряд исследователей, например А.В. Кочетков, А.А. Шашенков, А.А. Зеленин и другие, придерживаются точки зрения о необходимости разработки и принятия комплексного Федерального закона «О государственной молодежной политике», который в том числе призван был бы урегулировать и деятельность молодежных общественных объединений [6].

Прежде чем продолжить исследование и перейти к рассмотрению законодательства отдельных стран, нельзя упустить из внимания факт того, что на тридцать восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ Постановлением от 23 ноября 2012 года №38-10 принят модельный закон «О государственной молодежной политике» [7]. Данный закон представляет собой законодательный акт рекомендательного характера, содержащий в систематическом изложении общие для государств-участников СНГ задачи и направления в сфере молодежной политики. Из этого следует, что он призван задавать лишь общую тенденцию правовой регламентации государственной молодежной политики, а это значит, что правовые акты государств-участников СНГ, регламентирующие данную сферу общественных отношений, могут значительно отличаться от положений модельного закона, тем более что в подавляющем большинстве стран СНГ они были приняты задолго до принятия модельного закона. Мы можем предположить, что основной задачей принятия данного акта явилось устранение пробелов в национальном законодательстве стран СНГ и необходимость приведение его в соответствие с современными тенденциями развития государственной молодежной политики.

Ранее на основе анализа положений Конституции Российской Федерации мы выяснили, что молодежные общественные объединения, действующие на территории нашей страны, обладают конституционно-правовым статусом. Теперь нам предстоит выяснить, обладают ли таким же статусом молодежные объединения иных стран СНГ. Исходя из анализа положений Конституций стран СНГ, можно сделать вывод о том, что общественные объединения (в том числе и молодежные) имеют под собой конституционно-правовую основу, определяющую и их правовой статус. Для более детального анализа дефиниции института молодежных общественных объединений обратимся к отдельным нормативно-правовым актам стран СНГ.

Особенности конституционно-правового статуса молодежных и детских общественных объединений регламентируются Законом Республики Беларусь от 9 ноября 1999 г. №305-З «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь» [8]. Данный Закон под молодежными и детскими общественными объединениями понимает молодежные и детские религиозные организации, а также молодежные и студенческие объедине-

ния, являющиеся профессиональными союзами.

Как мы выяснили ранее, подобный Федеральный закон действует и на территории Российской Федерации, и в этом смысле можно провести некую параллель белорусского законодательства с российским. Однако в отличие от российского законодательства в Белоруссии принят и действует Закон от 24 апреля 1992 г. № 1629-ХП «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь» [9], согласно которому молодежные общественные объединения официально признаются субъектами государственной молодежной политики. Кроме того, именно в данном Законе содержится глава IV, полностью посвященная регулированию правового положения молодежных общественных объединений в Республике Беларусь, а в статье 17 законодатель вновь дает нормативное определение дефиниции института молодежных объединений.

Таким образом, из проведенного выше анализа законодательства Республики Беларусь мы видим, что законодатель в очень логичной и лаконичной форме урегулировал все аспекты правового положения института молодежных общественных объединений, закрепил за ним индивидуальные права, свободы и гарантии деятельности, обозначил верхнюю и нижнюю возрастные границы участников таких объединений и дал нормативное определение данной дефиниции [10].

Достаточно полным и урегулированным с точки зрения рассмотрения института молодежных общественных объединений является и законодательство Республики Таджикистан. Несмотря на то, что Закон Республики Таджикистан №258 «Об общественных объединениях» не содержит трактовки понятия молодежного объединения, его определение дается в Законе Республики Таджикистан от 15 июля 2004 года №52 «О молодежи и государственной молодежной политике», под которым понимается добровольная организация, созданная по инициативе молодежи, объединяющаяся на основе общности интересов для решения единых целей, задач и социальной защиты. Кроме того, по степени и форме правовой регламентации института молодежных объединений законодательство Республики Таджикистан во многом напоминает законодательство Туркмении.

Что касается законодательства ряда иных стран СНГ, то они в своих специальных базовых законах таких детальными нормами в отношении дефиниции молодежных объединений не содержат, а оговаривают лишь общие черты их правового статуса.

Так, например, Закон Республики Узбекистан от 20 ноября 1991 года № 429-ХI «Об основах государственной молодежной политики в Республике Узбекистан» [11] закрепляет, что наряду с органами государственной власти и управления субъектом государственной молодежной политики является также молодежь – в лице своих общественных объединений. При этом данный Закон содержит и трактовку молодежных объединений, и определяет верхнюю возрастную границу участников таких объединений, однако каких-либо иных деталь-

ных норм в отношении молодежных объединений он не предусматривает. Таким же образом вопрос о правовом статусе молодежных объединений решается и в законодательствах таких республик, как Кыргызстан, Азербайджан и Украина. Однако согласно законодательству последней членами и участниками молодежных объединений могут быть лица в возрасте от 14 до 35 лет.

Однако, в законодательстве стран СНГ встречается и такая практика, когда при наличии базового закона в области государственной молодежной политики правовой статус молодежных объединений все же определяется общими законами, затрагивающими правовой статус общественных объединений в целом [12].

Так, согласно Закону Республики Казахстан от 31.05.1996 № 3-1 «Об общественных объединениях» [13] общественными объединениями являются политические партии, профессиональные союзы и другие объединения граждан, созданные на добровольной основе для достижения ими общих целей, не противоречащих законодательству. При этом законодатель не дает определения понятию молодежных объединений и ни разу не упоминает про данный институт в самом тексте Закона. Кроме того, законодательство Республики Казахстан, в отличие от законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, не предусматривает специального закона, регулирующего государственную поддержку таких объединений. Между тем, на территории Казахстана, так же как и в Белоруссии, принят и действует специальный Закон № 581-П «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» [14].

Между тем, необходимо заметить, что в большинстве стран СНГ на сегодняшний день не приняты специальные законы, регламентирующие порядок предоставления государственной поддержки молодежным общественным объединениям. Как мы уже успели отметить, иногда законодательная практика стран СНГ такова, что данная область общественных отношений регулируется отдельным законом, затрагивающим все сферы государственной молодежной политики.

Таким образом, на основе вышеизложенного автор может сделать следующие научно-теоретические выводы.

Во-первых, Конституции всех без исключения стран постсоветского пространства закрепляют и гарантируют в своих положениях важнейшее право человека на объединение с другими в целях достижения общих целей, не противоречащих законодательству той или иной страны. В связи с этим можно сделать вывод о том, что общественные объединения, в том числе и молодежные, обладают на территории этих стран особым конституционно-правовым статусом.

Во-вторых, законодательство всех стран СНГ, за исключением нормативно-правовых актов Российской Федерации и Республики Казахстан, закрепляет нормативное определение дефиниции института молодежных общественных объединений, что указывает на особую правовую, теоретическую и практическую значимость рассматриваемого правового явления. В свою очередь,

законодатель Российской Федерации и Республики Казахстан при обращении к данной дефиниции исходит из правовой природы общественного объединения как такового и проектирует его правовой статус и сущность, в том числе и на молодежные объединения, при этом не акцентируя внимания на его особенностях и специфике, которые прослеживаются в отдельных законодательных актах.

В-третьих, исходя из определения законодательства Российской Федерации и стран постсоветского пространства о молодежных общественных объединениях и об общественных объединениях в целом, можно выделить ряд существенных признаков данного вида объединений, к которым можно отнести добровольность, общность интересов, наличие общих целей, законность, самоуправление, равноправие, некоммерческий характер деятельности и особый субъектный состав.

Признак добровольности является одним из важнейших и основополагающих в процессе реализации права на объединение, при создании и осуществлении деятельности молодежных общественных объединений. Он имеет двойное значение: с одной стороны, он означает, что молодежь создает общественные объединения и вступает в них на добровольной основе в результате свободного волеизъявления, с другой стороны, что молодые люди, не удовлетворенные по каким-либо причинам пребыванием в общественном объединении, могут беспрепятственно из него выйти.

Законодательство стран постсоветского пространства исходит из того, что общественное объединение создается молодежью для реализации и защиты общих интересов. Следовательно, оно может выступать только от собственного имени или от имени своих членов, а не от имени всех граждан или каких-то социальных слоев населения. Ученые-конституционалисты также отмечают, что общность интересов может возникнуть не только на стадии создания объединения у его учредителей, но и в ходе деятельности объединения – у граждан, желающих вступить в созданное объединение либо участвовать в проводимых им акциях.

Общность интересов предполагает наличие общей цели у объединения, ради которой и объединились его учредители. Наличие уставных целей – неотъемлемый признак любого общественного объединения, в том числе и молодежного, без которого создание организации невозможно. Обращая внимание на данный признак, важно отметить, что зачастую законодатель уже в определении понятия конкретизирует в отношении молодежных общественных объединений такие цели, как обеспечение социального становления и всестороннего развития молодежи (Республика Беларусь, Республика Туркменистан), обеспечение социального становления и всестороннего развития молодежи в области воспитания и развития подрастающего поколения и решение проблем молодежи (Республика Молдова) и т.д.

Кроме того, нормативные правовые акты стран СНГ в области регулирования правового положения общественных объединения в целом и конкретно молодежных объединений закрепляют, что уставные цели таких

объединений не должны противоречить действующему на территории той или иной страны законодательству. Тем самым, законодатель выделяет еще один важный признак, характерный для всех видов общественных объединений, – признак законности. С одной стороны, данный признак в отношении молодежных общественных объединений означает, что сами цели таких общественных объединений не должны носить экстремистский и антиконституционный характер, а с другой стороны, что сам порядок регистрации, ликвидации, реорганизации или принятия и изменения устава молодежных объединений должны исходить из требований отдельных законодательных актов. В ряде стран-участников СНГ обязательным требованием к молодежным объединениям является государственная регистрация таких объединений в форме некоммерческого юридического лица. К таким странам относятся: Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Республика Таджикистан. Ряд иных стран СНГ предусматривают различные организационно-правовые формы таких объединений, в том числе и молодежные движения, которые могут осуществлять свою деятельность и без образования юридического лица (Российская Федерация, Республика Украина, Республика Азербайджан, Республика Молдова и др.). Однако, в таком случае на финансовую поддержку деятельности со стороны государства такие молодежные объединения рассчитывать не могут, так как законодатель в императивной форме закрепляет норму о том, что государственную поддержку могут получать только официально зарегистрированные молодежные объединения.

Между тем, одним из важнейших признаков также является и признак самостоятельности или самоуправления молодежных объединений. Законодатель подчеркивает, что такие объединения создаются по инициативе самой молодежи и управляются ей. Молодежные объединения признаются объединениями неправительственными, в связи с этим государственные органы власти и их должностные лица не могут оказывать давления на членов и участников таких объединений и не могут влиять на их решения.

Для молодежных общественных объединений характерно равноправие. С одной стороны, это говорит о равенстве их прав и обязанностей в общественной и хозяйственной деятельности, с другой – о равенстве отношений общественных объединений с государством и его органами.

Также важно отметить, что деятельность всех молодежных общественных объединений является некоммерческой и направлена на реализацию общественных ценностей, а не на получение прибыли. Однако такие объединения, как и общественные объединения в целом, могут осуществлять предпринимательскую деятельность, но только для достижения целей, прописанных в Уставе объединения.

И наконец, для молодежных общественных объединений характерен особый состав участников и членов. На сегодняшний день, на территории стран

постсоветского пространства нет единого подхода в области определения нижней и верхней возрастной границы участников молодежных объединений. Данные границы определяются особенностью законодательства отдельной страны СНГ. Так, например, в России, Таджикистане, Узбекистане эта граница обозначена с 14 до 30 лет, в Белоруссии с 16 до 31, на Украине с 14 до 35 лет, в Армении и Азербайджане с 16 до 30 лет и т.д. Самая верхняя возрастная граница, предусмотренная для участника молодежного объединения, составляет 37 лет (Республика Туркменистан), самая нижняя – 14 лет (в ряде обозначенных выше стран).

На основе вышеизложенных признаков можно сформулировать общую для всех стран СНГ трактовку дефиниции института молодежных общественных объединений.

Молодежное общественное объединение – это зарегистрированное в установленном законом порядке некоммерческое, добровольное объединение, выступающее субъектом государственной молодежной политики, членами и участниками которого могут являться лица в возрасте от 14 до 37 лет, объединившиеся на основе общности интересов на принципах самоуправления, равноправия и законности, деятельность которого направлена на обеспечение социального становления и всестороннего развития молодежи.

В-четвертых, во всех странах СНГ, за исключением Российской Федерации, имеются базовые законы в сфере государственной молодежной политики. Соответствующие законы «О государственной молодежной политике» действуют в Республике Казахстан, Армении и Туркменистане, «О молодежной политике» – в Азербайджанской Республике, «Об основах государственной молодежной политики» – в Кыргызской Республике, Республике Беларусь и Узбекистане, «О молодежи» – в Республике Молдова, «О молодежи и государственной молодежной политике» – в Республике

Таджикистан, «О содействии социальному становлению и развитию молодежи» – в Республике Украина. В данных нормативных актах подавляющего большинства стран-участников СНГ (кроме Республики Казахстан) содержатся положения, касающиеся правового статуса молодежных объединений, а также специальные нормы, регламентирующие порядок и условия предоставления государственной поддержки таким объединениям. При этом важно отметить, что законы, посвященные отдельно государственной поддержке молодежных объединений приняты и действуют только в Российской Федерации, в Республике Беларусь, Республике Украине.

К сожалению, нельзя сказать, что Российская Федерация лидирует среди государств-участников СНГ в области формирования действенной законодательной базы в отношении молодежных общественных объединений и государственной молодежной политики в целом. Страной-лидером в данном вопросе на территории постсоветского пространства является Республика Беларусь, законодательство которой направлено на всестороннее и полное регулирование правового статуса такого важного института гражданского общества, как молодежное общественное объединение. Между тем и в законодательстве иных стран СНГ в области регулирования государственной молодежной политики имеется весьма положительный опыт такого регулирования, в связи с чем автор считает, что федеральным органам государственной власти Российской Федерации целесообразно было бы соизмерить свои законодотворческие действия в рассматриваемой сфере с тенденциями ее правового регулирования в других странах СНГ. Как видно из проведенного анализа, нашей стране есть что позаимствовать из опыта формирования законодательства, затрагивающего правовой статус молодежных объединений у иных государств-участников СНГ.

Библиографический список

1. О государственной молодежной политике в странах-участниках СНГ [7]: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23 нояб. 2012 г. №38-10 // Собрание законодательства. 2012 г. № 45, (2 дек.). С. 154-207.
2. Конституция Российской Федерации [1]. М. : Приор, 2001. 32 с.
3. Об общественных объединениях [3]: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства. 1995. № 21, (26 мая). 1930-1967 с.
4. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений [5]: Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства. 1995. № 27, (7 июля). С. 2503-2537.
5. Закон Республики Беларусь «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь» [8] от 09 нояб.1999 г. №305-3 / Консультант Плюс.
6. Закон Республики Беларусь «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь» [9] от 24 апр. 1992 г. № 1629-ХП / Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1992 г., № 19. 304 с.
7. Закон Республики Узбекистан «Об основах государственной молодежной политики в Республике Узбекистан» [11] от 20 нояб.1991 года № 429-ХI / Ведомости Республики Узбекистан, 1992 г., № 34. 1267 с.
8. Закон Республики Казахстан «Об общественных объединениях» [13] от 31 мая 1996 № 3-1 / Консультант Плюс.
9. Зеленин А.А. Молодежь: опыт и проблемы правового регулирования в России (80-90-е годы XX века) [6] / А.А. Зеленин; Кемеровский гос. ун-т . Кемерово, 2000 . 101 с.
10. Зобова Р.А., Козлова А.А. Будущее России в молодежном сознании: опыт социолого-философского анализа [12] / Р.А. Зобова, А.А. Козлова. - Рос. гуманит. науч. фонд, Акад. гуманит. наук ; под ред. СПб. : Химиздат, 2003. 54 с.
11. Зумакулова З. А. Государственная молодежная политика в современной России: правовые аспекты. [10]: дис....канд. юрид. наук: 23.00.02: защищена 22.05.04: утв. 21.01.04/ Зумакулова Зарема Ахматовна. Ростов-на-Дону, 2004. 138 с.
12. Лагуткина А.М. Молодежные объединения и объединения молодежи: сравнительно-правовой анализ [14] / Саратов: Изд-

во Вестник СГАП, 2010. 49 с.

13. *Савина Л.В.* Молодежные общественные объединения современной России: институционально-правовой анализ [2]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.02: защищена 21.03.06: утв.: 23.12.05/ Савина Людмила Владимировна. Ростов-на-Дону, 2006. 176 с.

14. *Шашенков А. А.* Конституционно-правовое положение молодежи в Российской Федерации [4]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.02: защищена 09.07.04: утв.: 12.03.04/ Шашенков Александр Алексеевич. Москва, 2004. 175 с.

References

1. On state youth policy in the countries-participants of the CIS [7]: the Decision of the inter-parliamentary Assembly of States-participants of CIS, 23 Nov. 2012 No. 38-10 // Collection of legislation. 2012, No. 45, (2 Dec.). Pp. 154-207.

2. The Constitution of the Russian Federation [1].: Prior, 2001. 32 p.

3. About public associations [3]: the Federal law, 19 May, 1995, № 82 - FL// collection of legislation of the. 1995. № 21. Pp.1930-1967.

4. About state support of youth and children's public associations [4]: the Federal law of June 28, 1995, № 98- FL // collection of legislation. 1995. No. 27 (7 July). Pp. 2503-2537.

5. The law "About state support of youth and children's public associations in the Republic of Belarus" [8] on 09 Nov.1999 No. 305 / Consultant Plus.

6. The law of the Republic of Belarus "About general principles of state youth policy in the Republic of Belarus" [9] on 24 apr. 1992 No. 1629-XII / News of the Supreme Council of the Republic of Belarus, 1992, No. 19. 304 p.

7. The law of the Republic of Uzbekistan "About state youth policy in the Republic of Uzbekistan" [11] on 20 Nov.1991 No. 429-XI /News of the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan, 1992, No. 34. 1267 p.

8. The law of the Republic of Kazakhstan "About public associations" [13] from 31 may 1996 No. 3-I / Consultant Plus.

9. *Zelenin A.A.* Young people: experience and problems of legal regulation in Russia (the 80-90-ies of XX century) [6] / A.A. Zelenin; Kemerovo state University. Kemerovo, 2000 . 101 p.

10. *Zobova R.A., Kozlov A.A.* Russia's Future in the youth consciousness: the experience of socio-philosophical analysis [12] / R.A. Zobova, A.A. Kozlov. - The Russian academy of humanities sciences; Ed.- SPb.: Hemostat, 2003. 54 p.

11. *Zumakulova H.A.* State youth policy in modern Russia: legal aspects. [10]: dis... candidate of legal sciences.: 23.00.02: defended on 22.05.04: appr. 21.01.04/ Zumakulova Zarema Akhmatova. Rostov-on-don, 2004. 138 p.

12. *Lagutkina A.M.* Youth associations and youth associations: a comparative legal analysis [14]. Saratov: Publishing house of CGAP, 2010. 49 p.

13. *Savina L.V.* Youth public association of modern Russia: institutional and legal analysis [2]: dis... candidate of legal sciences.: 12.00.02: defended on 21.03.06: appr.: 23.12.05/ Savina Lyudmila Vladimirovna. Rostov-on-don, 2006. 176 p.

14. *Shelenkov A. A.* Constitutional and legal situation of youth in the Russian Federation [4]: dis... candidate of legal sciences.: 12.00.02: defended on 09.07.04: appr.: 12.03.04/ Shashenkov Alexander Alekseevich. Moscow, 2004. 175 p.

М.В. УДОВИЧЕНКО

аспирант, кафедра религиоведения и теологии, Орловский государственный университет
E-mail: udav.max@yandex.ru

M.V. UDOVICHENKO

Graduate student, Department of religious studies and theology, Orel State University
E-mail: udav.max@yandex.ru

ПРОЦЕСС РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ТИПЫ И ЭТАПЫ

THE PROCESS OF RELIGIOUS SOCIALIZATION: TYPES AND STAGES

Статья посвящена вопросу социализации личности в современном православном приходе. Особое внимание уделено типам и этапам религиозной социализации. Предпринята попытка определить границу между этапами религиозной социализации.

Ключевые слова: социализация, религиозная социализация, воцерковление, типы и этапы религиозной социализации, границы этапов религиозной социализации.

The article is devoted to the question of socialization in modern Orthodox parish. Special attention is given to the types and stages of religious socialization. An attempt was made to determine the boundaries between the stages of religious socialization.

Keywords: socialization, religious socialization, churching, types and stages of religious socialization, the boundaries of the stages of religious socialization.

Сегодня процессу религиозной социализации личности в контексте православной традиции посвящено довольно много работ, рассматривающих этот процесс как с позиции православной церкви, так и с позиции светского подхода. В данных исследованиях можно выделить два типа определений религиозной социализации. В определениях первого типа под религиозной социализацией понимается процесс усвоения и овладения тем религиозным опытом, который передаётся индивиду в рамках конкретной религиозной традиции. Во второй группе определений религиозная социализация представляется как результат освоения индивидом религиозного опыта, который реализуется субъектом социализации. С этой точки зрения предметом исследования становятся такие характеристики религиозности, как степень, глубина, уровень, мера, то есть те показатели, которые позволяют оценить проникновение религиозных ценностей и идеалов в повседневную жизнь. В данном контексте термин «религиозная социализация» употребляется как синоним терминов «воцерковлённость», «религиозная активность», «включённость в религиозную традицию», «религиозная социализированность и инкультурированность субъекта», «глубина религиозности». При таком подходе религиозную социализацию можно определить как уровень религиозно-мистического состояния человека в конкретный момент времени, причем, уровень чрезвычайно подвижный.

Предметом рассмотрения данной статьи выступает сам процесс передачи и усвоения индивидом религиозной традиции Православия в рамках конкретной приходской общины, его структура и механизмы. В этом контексте религиозную социализацию можно опреде-

лить как процесс религиозного становления и развития личности, процесс, находящийся в зависимости от характера взаимодействия человека с конкретной религиозной традицией, адаптации к ней, происходящей с учётом индивидуальных особенностей. Можно сказать, что в центре нашего рассмотрения находится процесс движения человека от мирского, нецерковного, светского образа мысли и жизни к церковному, укоренённому в религии.

Религиозная социализация может быть понята в рамках единого процесса социализации и инкультурации, который обеспечивает вхождение человека в социум, позволяет ему освоить общечеловеческие формы поведения, приобрести знания и навыки, необходимые для культурного взаимодействия. Религиозный аспект – это один из многочисленных аспектов социализации, такой же, как например, политический, гендерный, экономический.

Впервые термин «социализация» применительно к человеку и обществу употребил американский социолог Ф.Г. Гиддингс, который понимал под ним «развитие социальной природы или характера индивида, подготовка человеческого материала к социальной жизни» [11, с.5]. После того как социализация превратилась в самостоятельную междисциплинарную область исследований, под ней, в целом, понимают процесс приобщения или включения индивида в общественную жизнь, который может выражаться в обучении поведению в коллективах и утверждении себя в выполнении социальных ролей. В научной литературе долгое время понятие «социализация» было связано с термином «воспитание». Но не следует забывать, что воспитание подразумевает целе-

направленное и достаточно управляемое воздействие, посредством которого индивиду сознательно стараются привить желаемые черты и свойства [8, с.304–310], тогда как социализация, наряду с воспитанием и обучением, включает стихийные, спонтанные и ненамеренные, воздействия, благодаря которым индивид приобщается к культуре и становится полноправным и полноценным членом общества.

Различные аспекты социализации изучаются антропологией, психологией, социальной психологией, социологией, историей, этнографией, педагогикой, а в наиболее общем виде – философией. Разные науки подходят к изучению процессов социализации с разных сторон. В антропологии «социализация» есть, прежде всего, процесс передачи и усвоения человеком культурных форм какого-либо общества [10; 13, с.646–649]. В социологии под термином «социализация» понимается, с одной стороны, усвоение индивидом социальных ролей, без использования которых он не может стать полноценным членом своего общества или группы, с другой – формирование его личной идентичности, собственного «Я» [12, с.3, 21–22; 7, с.22]. В психологии основное внимание уделяется изучению процессов и механизмов, с помощью которых индивид усваивает соответствующие социальные нормы, роли и идентичности. Большинство современных психологов рассматривает социализацию как процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом того социального опыта, который передаётся ему в ходе совместной деятельности и общения с социальным окружением. При этом подчёркивается, что именно целенаправленное и достаточно управляемое воспитательное воздействие традиционно рассматривается как процесс социализации, и, как правило, социализация является элементом процесса формирования и развития личности [8, с.304–310]. В философии под «социализацией» понимается процесс усвоения человеком определённой системы, знаний, норм, ценностей, законов, правил, согласно которым функционирует общество. При этом процесс социализации может включать в себя как процессы целенаправленного воздействия на личность, так и стихийные и спонтанные [20, с.629].

Термин «социализация» может употребляться и в более узком, специальном смысле. Например, успешное овладение членами общества социальными ролями мужчины и женщины (гендерная социализация), формирование определённых политических установок и ориентаций (политическая социализация), приобщение индивида к религиозной традиции (религиозная социализация). Заметим также, что один из центральных вопросов теории социализации касается определения направленности процесса социализации. Является ли он субъектно-объектным (общество или его институты мыслятся как субъект, а индивид – как объект социализации) или субъектно-субъектным, т.е. двусторонним процессом взаимодействия, в ходе которого индивид не просто усваивает культурные и социальные ценности, но и изменяет их, реализуя, таким образом, собствен-

ную индивидуальность [20, с.629].

Становление религиозного аспекта личности, как и других её составляющих, происходит в процессе социализации. Религиозная социализация имеет целью ознакомление и усвоение личностью определённых мировоззренческих моделей (вероучение, религиозные ценности) и поведенческих стереотипов (религиозный уклад жизни, участие в службах и таинствах). В результате процесса религиозной социализации происходит формирование и становление религиозной личности. Процесс религиозной социализации сложен и неоднороден, различным её аспектам в настоящее время посвящено немало научных работ. Например, анализу теорий религиозной социализации посвящены работы Т.А. Фолиевой [21, 22] и Т.В. Скларовой [18]. Проблема границы термина «религиозная социализация» рассматривается В.Г. Безроговым [3]. Ряд работ затрагивают особенности конфессиональной религиозной социализации [5, 6, 15, 23, 24]. В работе Ю.А. Антоняна исследуется явление религиозной десоциализации [2].

В данном исследовании мы сосредотачиваем внимание на особенностях освоения именно православной традиции, в этом же аспекте рассматривают религиозную социализацию и другие исследователи, чьи работы можно разделить на две группы. К первой группе относятся конфессионально-ориентированные исследования, в которых процесс религиозной социализации отождествляется с процессом воцерковления индивида. Работы этого типа, как правило, практически ориентированы [14]. Авторы затрагивают вопросы исповеди, подкрещальной катехизации, подготовки к таинству причащения и др. – те темы, которые касаются практического устройства приходской жизни. Ко второй группе можно отнести светские работы, акцент которых делается на анализе внешних показателей освоения религиозной традиции, таких как частота посещения храма, регулярность исповеди и причащения, соблюдении поста, частная молитвенная практика и др. [16, 17] Описанию этапов, практик, институтов, агентов, факторов процесса воцерковления посвящена работа Е.И. Уфимцевой [19]. В статье Лебедева С.Д. и Москаленко А.А. сделана попытка установить соотношение ряда ключевых понятий социологии религии применительно к изучению православного христианства, таких как «религиозность», «воцерковлённость», «религиозная активность» [9].

По своей направленности религиозная социализация является двухсторонним процессом. С одной стороны, это передача индивиду религиозного опыта, а с другой – это процесс усвоения индивидом религиозного опыта определённой традиции. Религиозная социализация является длительным процессом, который может протекать всю жизнь, и имеет два основных этапа, соответственно которым выделяют два типа религиозной социализации: первичную и вторичную. Вопросы этапов и стадий социализации современная социология решает неоднозначно. Согласно первому подходу, процесс социализации связывается с этапами жизнен-

ного цикла человека. Следовательно, первичной социализации будет соответствовать усвоение религиозной традиции ребёнком. При этом в ходе социализации не возникает проблем с идентификацией, поскольку присутствует лишь один объект для идентификации – семья. Вторичная социализация происходит на протяжении зрелого возраста и представляет собой вхождение человека в новые сектора общества. На данном этапе человек сам может выбирать объект для идентификации [4, с.218–221; 22, с.207–208]. Согласно второму подходу акцент делается не на периодах жизни индивида, а на уровне его активности (трудовой, познавательной и др.) [1, с.171]. Первичному типу социализации будет соответствовать пассивный этап социализации, а вторичному типу – активный.

Второй подход представляется нам более продуктивным при изучении религиозной социализации в контексте современной православной общины. Это связано с тем, что в процессе религиозной социализации возрастные периоды не всегда совпадают с периодами познавательной активности индивида. По многим причинам, в том числе в силу особенностей культурно-исторической ситуации в России, воцерковление (религиозная социализация) многих людей начиналось и начинается не в детстве, а в зрелом возрасте. Нарушение годами советской власти внутрисемейной традиции передачи религиозного опыта ещё долгое время будет ощущаться в отечественном социуме. Лишь незначительная доля современных прихожан пережили процесс воцерковления в детстве параллельно с другими аспектами социализации – культурным, национальным, гендерным – в семье. Значительная часть верующих пришла в Церковь в более зрелом возрасте, в результате индивидуального духовного поиска или катехизаторской деятельности православного духовенства. Современная культура не транслирует чётких мировоззренческих ориентиров, поэтому человек, оказавшийся в пограничной ситуации – испытывая стресс, психологический кризис, культурную или социальную дезориентацию, переживая длительную депрессию, вынужден самостоятельно искать выход из мировоззренческих тупиков. Нередко реальную помощь в подобных ситуациях оказывают именно религиозные ориентиры. Обращение к вере не только помогает найти необходимую систему координат, позволяющих разобраться в смысложизненных вопросах, но и способствует социализации на определённом жизненном этапе. Нельзя не согласиться с мнением Е.И. Уфимцевой, замечаящей, что «общение со священником становится поворотным пунктом в церковной интеграции <...> человека и определяет возможность перехода этого процесса с пассивной в активную фазу. Положительный первоначальный опыт взаимодействия со священником формирует основание для возникновения у <...> людей когнитивного интереса к православной вере и православной культуре» [19, с.4930].

С проблемой этапов и стадий социализации тесно связана проблема границы, которая отделяет пер-

вичную религиозную социализацию от вторичной. В Древней Церкви до 5–6 вв. таинство крещения было этой границей. В подавляющем большинстве случаев крещение совершалось над взрослыми людьми, этому таинству предшествовал длительный, обычно 2–3 года, период подготовки, который состоял из научения оглашаемого (кандидата в христиане) основам веры и подтверждения оглашаемым серьёзности своих намерений, которое выражалось в посещении богослужения. Период научения (оглашения), предшествующий таинству крещения, можно определить как первичную религиозную социализацию. Процесс религиозной социализации продолжался и после крещения, в процессе которого полноправному члену церковной общины (т.е. уже крещённому) раскрывалось содержание христианской веры во всей полноте. Процессу научения после крещения соответствует вторичная религиозная социализация.

Переход от практики крещения взрослых к крещению детей совершался постепенно и естественно. Крещение младенцев естественным образом вытекало из появления христианских семей. К 6 в. практика крещения младенцев получила массовое распространение. Следовательно, полноценное оглашение перед принятием таинства крещения (первичная социализация) не могло быть совершено в силу возраста оглашаемого. Выход из сложившейся проблемы был найден в обязательном и строгом соблюдении условия перед крещением младенца. Дети, получившие крещение в несознательном возрасте, созревали и воспитывались как христиане. Религиозную среду для ребёнка должны были обеспечить родные и крёстные родители (восприемники). Следовательно, религиозная социализация (воцерковление) многих людей начиналась с младенчества и шла параллельно с другими аспектами социализации. При этом этапы религиозной социализации связывались с этапами жизненного цикла человека. Границей между первичной и вторичной социализацией в этом случае выступало появление новых, внесемейных объектов для религиозной идентификации.

Современная ситуация в России существенно отличается от описанной выше. Возвращение практики оглашения не означает воссоздание древней традиции. Период подготовки к крещению ограничен двумя-тремя беседами с родными родителями ребёнка и восприемниками (крёстными родителями). Опыт показывает, что воцерковление ребёнка после крещения либо совершенно не начинается или начинается в единичных случаях, либо, в большинстве случаев, носит формальный характер. Вследствие этого происходит лишь формальное, а не сущностное изменение религиозного статуса крещённого. Поэтому сегодня момент крещения, после которого реально должно следовать сущностное изменение религиозного статуса человека, фактически не может быть границей, отделяющей первичную социализацию от вторичной. Условно таинство крещения можно считать началом хотя и формальной, первичной религиозной социализации. В данном случае появление

когнитивного интереса к религиозной мировоззренческой модели (православному вероучению, ценностям) и поведенческому стереотипу (религиозному укладу жизни, участию в службах и таинствах) может нами рассматриваться как черта, отделяющая первичную религиозную социализацию (пассивный этап) от вторичной (активный этап).

Таким образом, первоначально границей, отделяющей первичную религиозную социализацию от вторичной, было таинство крещения. Затем таинство крещения становится начальным этапом в первичной религиозной социализации. В современном обществе момент крещения нельзя рассматривать ни как начало реальной первичной религиозной социализации, ни как границу между первичной и вторичной социализацией.

Сегодня формальная первичная религиозная соци-

лизация длится с момента крещения человека (обычно с младенчества) до появления у него когнитивного интереса к религиозной мировоззренческой модели (православному вероучению, ценностям) и поведенческому стереотипу (религиозному укладу жизни, участию в службах и таинствах). С появлением у человека когнитивного интереса к православной религиозной традиции начинается вторичная религиозная социализация, которая продолжается всю жизнь.

Следовательно, в процессе религиозной социализации личности в контексте православной традиции выделяются два этапа: пассивный и активный. Первичной религиозной социализации в контексте нашего исследования будет соответствовать пассивный этап религиозной социализации, а вторичной религиозной социализации – активный этап.

Библиографический список

1. Андреева Т. В. Семейная психология: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
2. Антонян Ю. М., Белокуров Г. И., Боковиков А. К. и др. Этнорелигиозный терроризм. Под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2006. 318 с.
3. Безрогов В. Г. Социальное пространство личности. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива//Развитие личности – 2002 [электронный ресурс]. Дата обращения: 24.03.2015. URL: <<http://rl-online.ru/articles/4-02/206.html>>.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995. 323 с.
5. Жамбалова С. Г. Специфика религиозной самоидентификации православных русских побережья Байкала//Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 1. С. 226–234.
6. Ипатов Л. П. Типы религиозного обращения в православии женщин в современной России: автореф. дис. ... к. с. н. М., 2006. 178 с.
7. Кон И. С. Социология личности. М., 1967.
8. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социальной психолога-практика: Справочно-энциклопедическое издание. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
9. Лебедев С. Д., Москаленко А. А. К теоретической интерпретации понятий «религиозность», «воцерковленность», «религиозная активность» // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. 23–25 октября 2012. Уфа. Сборник научных статей. С. 4894–4900.
10. Лескова И. В. Социализация и инкультурация как механизмы формирования идентичности личности//Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 5(12). С. 19–42.
11. Мудрик А. В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В. А. Сластенина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 200 с.
12. Мудрик А. В. Социализация человека: Пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2006.
13. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. - Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. 896 с.
14. Пётр (Мещеринов), игум. Проблемы воцерковления//Киевская Русь – 2007 [электронный ресурс]. Дата обращения: 25.03.2015.
15. Сабирова Г. А. Формирование религиозной идентичности в мегаполисе (на примере женщин-татарок, обучающихся на религиозных курсах в Москве): дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 205 с.
16. Синелина Ю. Ю. Воцерковленность и суеверное поведение жителей Ярославской области//Социологические исследования. 2005. № 3. С. 96–107.
17. Синелина Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных//Социологические исследования. 2006. № 11. С. 89–97.
18. Скляр Т. В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований//Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 7–17.
19. Уфимцева Е. И. Воцерковление православной молодежи: этапы, практики, институты//Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. 23–25 октября 2012. Уфа. Сборник научных статей. С. 4925–4933.
20. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
21. Фолиева Т. А. Проблема религиозной социализации в российской и польской науке//Ежегодник Русско-польского института. 2013. №1(4). С. 25–40.
22. Фолиева Т. А. Религиозная социализация: понятия и проблемы / Т. А. Фолиева//Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9), ч. 1. С. 205–212.
23. Черныш Ю. А. Религия как фактор социокультурной социализации в современной России (на примере старообрядческой общины г. Самара): дис. ... канд. социол. наук. М., 2005 – 161 с.
24. Чеснокова В. Ф. Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 297[6] с.

References

1. *Andreyeva T.V.* Family psychology: Tutorial. Saint Petesburg: Speech, 2004. 244 p.
 2. *Antonyan Y.M., Belokurov G.I., Bokovikov A.K. and others.* Ethno-religious terrorism / Edited by Y.M. Antonyan. Moscow: Aspect Press, 2006. 318 p.
 3. *Bezrukov V.G.* Social space of the individual. Religious socialization and the exercise of faith in intergenerational relations: the twentieth century and the perspective//Personality Development – 2002 [electronic resource]. Reference date: 24.03.2015. URL: <<http://rl-online.ru/articles/4-02/206.html>>/
 4. *Berger P., Luckman T.* The Social Constructing of Reality. A treatise in the sociology of knowledge. Moscow: «Medium», 1995. 323 p.
 5. *Zhambalova S. G.* Specificity of the religious identity of Orthodox Russians of the coast of Lake Baikal//Proceedings of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. 2012. No. 1. Pp. 226–234.
 6. *Ipatova L.P.* Types of religious conversion to Orthodoxy within contemporary Russian women: the abstract of the candidate thesis in Sociological Sciences. Moscow, 2006. 178p.
 7. *Kon I.S.* Sociology of personality. Moscow, 1967.
 8. *Kondratyev M.Yu., Il'yn V.A.* The alphabet of the social psychologist practitioner: encyclopedic reference edition. Moscow: PER SE, 2007. 464p.
 9. *Lebedev S.D., Moskalenko A.A.* The theoretical interpretation of the terms «religiosity», «churchiness», «religious activity» // Sociology and society: global challenges and regional development. Proceedings of the fourth regular all-Russian sociological congress. October 23–25, 2012. Ufa. Collected scientific papers. Pp. 4894–4900.
 10. *Leskova I.V.* Socialization and enculturation as the mechanisms of formation of identity of a person // Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2008. No. 5(12). Pp. 19–42.
 11. *Mudrik A.V.* Social pedagogy: Textbook for students of pedagogical universities. Edited by V.A. Slastenin. Third Edition. Revised and added. Moscow: Publishing center «Academy», 2000. 200 p.
 12. *Mudrik A. V.* Socialization of individual: manual for students of higher education institutions. Moscow, 2006.
 13. The newest philosophical dictionary / Compiled by A.A. Grichanov. Mn.: Publisher V.M. Skakun, 1998. 896 p.
 14. Peter (Meshcherinov), father superior. Problems of churching//Kievian Rus. 2007 [electronic resource]. Reference date: 25.03.2015. URL: <<http://kiev-rthodox.org/site/churchlife/1424/>>.
 15. *Sabirova G.A.* The formation of religious identity in the metropolis (on the example of Tatar women, who take religious courses in Moscow): cand. thesis in Sociological Sciences. Moscow, 2006. 205 p.
 16. *Sinelina Y. Y.* Churchiness and superstitious behavior of inhabitants of Yaroslavl region//Sociological researches. 2005. No. 3. Pp. 96–107.
 17. *Sinelina Y.Y.* The dynamics of the process of churching of Orthodox Christians //Sociological researches. 2006. No. 11. Pp. 89–97.
 18. *Sklyarova T.V.* Religious socialization: challenges and directions of research//St. Tikhon's Orthodox University of Humanities Bulletin. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2009. Vol. 4 (15). Pp. 7–17.
 19. *Ufimtseva E.I.* Churching of Orthodox youth: stages, practices, institutions//Sociology and society: global challenges and regional development. Proceedings of the fourth regular all-Russian sociological congress. October 23–25, 2012. Ufa. Collected scientific papers. Pp. 4925–4933.
 20. Philosophical encyclopedic dictionary / Editors-in-chief: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow: Soviet encyclopedia, 1983. 840 p.
 21. *Folieva T.A.* The problem of religious socialization in Russian and Polish science//Yearbook of the Russian-Polish Institute. 2013. No. 1(4). Pp. 25–40.
 22. *Folieva T.A.* Religious socialization: concepts and issues / T.A. Folieva //Proceedings of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies. 2012. No. 2 (9), part 1. Pp. 205–212.
 23. *Chernysh Yu.A.* Religion as a factor of socio-cultural socialization in modern Russia (of the example of the old believers' community of Samara): Candidate in Sociological Sciences. Moscow, 2005. 161p.
 24. *Chesnokova V.F.* The narrow path: the churching of the population of Russia at the end of the twentieth century. Moscow: Academic Project, 2005. 297[6] p.
-
-

УДК 51(072.2)

UDC 51(072.2)

И.В. ФАРАФОНОВА

*старший преподаватель, кафедра теории и методики начального общего и музыкального образования, Орловский государственный университет
E-mail: farafonova_irina78@mail.ru*

I.V. FARAFONOVA

*Senior Lecturer, Department of theory and methodology of elementary general and musical education, Orel State University
E-mail: farafonova_irina78@mail.ru*

**МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ
ИЗУЧЕНИЯ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ КУРСА «МАТЕМАТИКА»**

**THE PROJECT METHOD AS A MEANS OF ACHIEVING METASUBJECT (INTERDISCIPLINARY) RESULTS
IN STUDYING THE COURSE OF MATHEMATICS BY JUNIOR SCHOOLCHILDREN**

В статье идёт речь о методе проектов как способе достижения метапредметных результатов изучения младшими школьниками курса «Математика».

Ключевые слова: методика обучения математике в начальной школе, метапредметные результаты обучения, универсальные учебные действия, проектная задача.

The article deals with the project-based method of teaching as a means of achieving metasubject (interdisciplinary) results in studying the course of Mathematics by junior schoolchildren.

Keywords: methods of teaching mathematics in elementary school, metasubject (interdisciplinary) results of teaching, universal learning activities, the project task.

С 1 января 2010 года введен в действие Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, и в соответствии с ним с 2011/12 учебного года начальная школа нашей страны перешла на работу по этому новому стандарту, содержащему требования к результатам освоения основной образовательной программы, которые делятся на три группы: личностные, метапредметные и предметные. Занимая второе место в числе планируемых результатов освоения основной образовательной программы, метапредметные результаты предполагают освоение обучающимися универсальными учебными действиями. Программа формирования универсальных учебных действий (УУД) у обучающихся прописана в структуре основной образовательной программы начального общего образования [5].

Международные исследования PISA показали, что младшие школьники вполне успешно справляются с заданиями, проверяющими ЗУНы, и гораздо хуже выполняют задания, решение которых зависит от уровня сформированности отдельных компонентов учебной деятельности. Это говорит о высоком уровне предметных результатов учащихся начальной школы, а уровень метапредметных и личностных результатов достигнут недостаточный. Именно поэтому в Стандарте метапредметным результатам отводится особое место в процессе обучения.

Метапредметными результатами изучения математики младшими школьниками являются:

- способность анализировать учебную ситуацию

с точки зрения математических характеристик, устанавливать количественные и пространственные отношения объектов окружающего мира, строить алгоритм поиска необходимой информации, определять логику решения практической и учебной задач;

– умение моделировать – решать учебные задачи с помощью знаков (символов), планировать, контролировать и корректировать ход решения учебной задачи [1].

Достижение сформулированных метапредметных результатов возможно в процессе освоения учащимися различных видов деятельности. Важно помнить, что не всякая активность человека может быть названа деятельностью.

Теоретические положения деятельностного подхода в обучении разработаны в трудах Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, являющихся основоположниками деятельностной педагогики.

Развитие деятельностной педагогики в современной практике является важным и актуальным, поскольку в основе Стандарта II поколения заложена реализация системно-деятельностного подхода. Данный подход предполагает переход к стратегии социального проектирования и конструирования в системе образования и ориентацию на результаты образования, где развитие личности обучающегося осуществляется на основе усвоения универсальных учебных действий.

В Примерной основной образовательной программе дана трактовка понятия универсальных учебных действий (УДД) в широком и узком смысле [2].

В широком значении, УУД – это способность субъ-

екта к саморазвитию и самосовершенствованию путём активного и сознательного усвоения нового социального опыта. В более узком смысле, УУД – это совокупность способов действия учащего, обеспечивающих самостоятельное усвоение новых знаний, формирование умений, включая организацию учебного процесса (т.е. умение учиться).

Универсальные учебные действия группируются в четыре основных блока [2]: 1) личностные; 2) регулятивные; 3) познавательные; 4) коммуникативные.

Предметное содержание программы начального курса математики направлено на последовательное формирование и отработку универсальных учебных действий, развитие логического и алгоритмического мышления, пространственного воображения и математической речи [4].

Программа ориентирована на формирование умений использовать полученные знания для самостоятельного поиска новых знаний, для решения задач, возникающих в процессе различных видов деятельности, в том числе и в ходе изучения других школьных дисциплин, что в итоге способствует формированию УУД и, как следствие этого, – достижению метапредметных результатов.

Задача реализации Стандарта нацеливает на использование в обучении приемов и методов, которые формируют умения самостоятельно добывать новые знания, собирать необходимую информацию, выдвигать гипотезы, делать выводы и умозаключения. Возникает насущная потребность – решать проблемы, связанные с развитием у школьников умений и навыков самостоятельности и саморазвития. Это влечёт за собой поиск новых форм и методов обучения.

Решение поставленной в начальной школе проблемы планируется через активное применение проектной деятельности в учебном процессе. В основе проектного обучения лежит метод проектов, который предполагает самостоятельное усвоение учебного материала школьниками при выполнении проектов.

В реальности под проектной деятельностью в начальной школе подразумевают перенос данного метода из старшего звена без каких-либо изменений, или «проектом» называют всё, что сделали младшие школьники, например, подготовили сообщение об известном математике – «проект» и т.д.

Возрастные особенности младших школьников не позволяют осуществить полноценную проектную деятельность в начальной школе, а механический перенос метода проектов из основной школы в начальную неэффективен и даже вреден. Необходимой основой для полноценной проектной деятельности в основной школе могут стать проектные задачи, выполняемые младшими школьниками.

Под *проектной задачей* авторский коллектив под руководством А.Б. Воронцова понимает задачу, в которой через систему или набор заданий целенаправленно стимулируется система детских действий, направленных на получение ещё никогда не существовавшего

в практике ребенка результата («продукта»), и в ходе решения которой происходит качественное самоизменение группы детей[3].

В работе «Проектные задачи в начальной школе»ими сформулированы следующие педагогические эффекты от проектных задач, предложенных младшим школьникам[3]:

- Задаёт реальную возможность организации взаимодействия (сотрудничества) детей между собой при решении поставленной ими самими задачи: определяет место и время для наблюдения и оценки деятельности учащихся в группе.

- Учит (без явного указания на это) способу проектирования через специально разработанные задания.

- Даёт возможность посмотреть, как осуществляет группа детей «перенос» известных им предметных способов действий в ситуацию, где эти способы изначально скрыты, а иногда и требуют переконструирования.

По их мнению, в ходе решения проектных задач у младших школьников могут быть сформированы следующие способности:

- рефлексировать (видеть проблему; анализировать сделанное – почему получилось, почему не получилось; видеть трудности, ошибки);

- целеполагать (ставить и удерживать цели);

- планировать (составлять план своей деятельности);

- моделировать (представлять способ действия в виде схемы-модели, выделяя всё существенное и главное);

- проявлять инициативу при поиске способа (способов) решения задачи;

- вступать в коммуникацию (взаимодействовать при решении задачи, отстаивать свою позицию, принимать или аргументированно отклонять точки зрения других).

Очевидно, что введение в начальную школу проектных задач как прообраза проектной деятельности потребует и от учителя, и от администрации школы изменений части образовательной школьной среды, поиска эффективных технологий, которые позволят найти время для решения системы проектных задач с целью достижения новых образовательных результатов, в том числе и метапредметных.

Анализ курса «Математика» (автор М.И.Моро и др.) учебно-методического комплекса «Школа России»показал, что в связи с требованиями нового стандарта в данный курс были внесены соответствующие изменения, включающие и проектные задачи. Начиная с 1 класса, в школьных учебниках приведена примерная тематика проектных задач. Среди них: «Математика вокруг нас. Числа в загадках, пословицах, поговорках» (1 кл. I полуг.), «Математика вокруг нас. Форма, размер, цвет. Узоры и орнаменты» (1 кл. II полуг.), «Математика вокруг нас. Узоры и орнаменты на посуде» (2 кл. I полуг.), «Оригами» (2 кл. II полуг.), «Математические сказки» (3 кл. I полуг.), «Задачи-расчёты» (3 кл. II полуг.), «Числа вокруг нас. Математический справочник

«Наш город»» (4 кл. I полуг.) и «Математика вокруг нас. Составляем сборник математических задач и заданий» (4 кл. II полуг.). Однако методическая база данных проектных задач разработана и систематизирована недостаточно полно. Это является одной из важных проблем организации проектной деятельности младших школьников.

По нашему мнению, тематика проектных задач в данном учебно-методическом комплекте определяется соответствующими разделами изучаемого программного материала.

Рассмотрим методику работы над проектной задачей. Целью её является достижение учащимися системы метапредметных результатов изучения математики и не только этого учебного предмета, заложенных в Стандарте, на примере проектной задачи для 3 класса «Числа вокруг нас. Наш город в числах и величинах». В данной проектной задаче сочетаются две учебные дисциплины: математика и окружающий мир. Конечно, к 3 классу каждый из учащихся уже что-то знает о своём родном городе, его истории, выдающихся земляках, музеях, театрах и т.д. Однако, все ли знают дату возникновения нашего города, точную численность населения, сколько в нем парков, фабрик и заводов, площадей, фонтанов, школ, театров и т.д.? Эта информация была бы очень интересна и полезна всем, и не только школьникам.

После серии подобных вопросов у учащихся появляется интерес к исследованию – поиску ответов на поставленные вопросы. Таким образом, учителем проводится мотивационный этап работы над проектным заданием.

Приём «мозгового штурма» целесообразно применять при формулировке темы проектной задачи. Действие «мозгового штурма» заключается в следующем: учащимся было предложено самим придумать название проекта. Коллективное обсуждение различных вариантов названия остановилось на теме «Математический справочник «Наш город Орёл в числах и величинах». Организация данной деятельности способствует формированию интереса учащихся к поставленной задаче.

Процесс обучения проектной деятельности проходит следующие этапы: 1) подготовительный; 2) информационно-операционный; 3) заключительный – рефлексивно-оценочный.

На подготовительном этапе необходимо сформулировать цели и задачи данного проекта, разработать план действий учащихся и продумать круг интересующих вопросов.

На этом же этапе решаются организационные вопросы, связанные с созданием исследовательских групп

учащихся, распределением заданий и обсуждением вопроса о «продукте» проектной задачи. Этот процесс формирует у учащихся следующие УУД: работа в сотрудничестве, вступление в диалог, отстаивание своей точки зрения и т.д.

В работе над проектной задачей выделяют 10 направлений, соответствующих 10 исследовательским группам, такие как история города, административное деление и управление города (мэры), экономика (заводы, фабрики, предприятия, банки, транспорт), водные ресурсы, образование и наука (школы, сузы и вузы), здравоохранение (поликлиники, больницы), СМИ и связь (газеты, телевидение, радио, связь, интернет), спорт (направления, спортивные сооружения, клубы), искусство и культура (музеи, библиотеки, театры, кино-театры, дворцы культуры, храмы и монастыри), природа и памятники (парки, скверы, памятники, места отдыха).

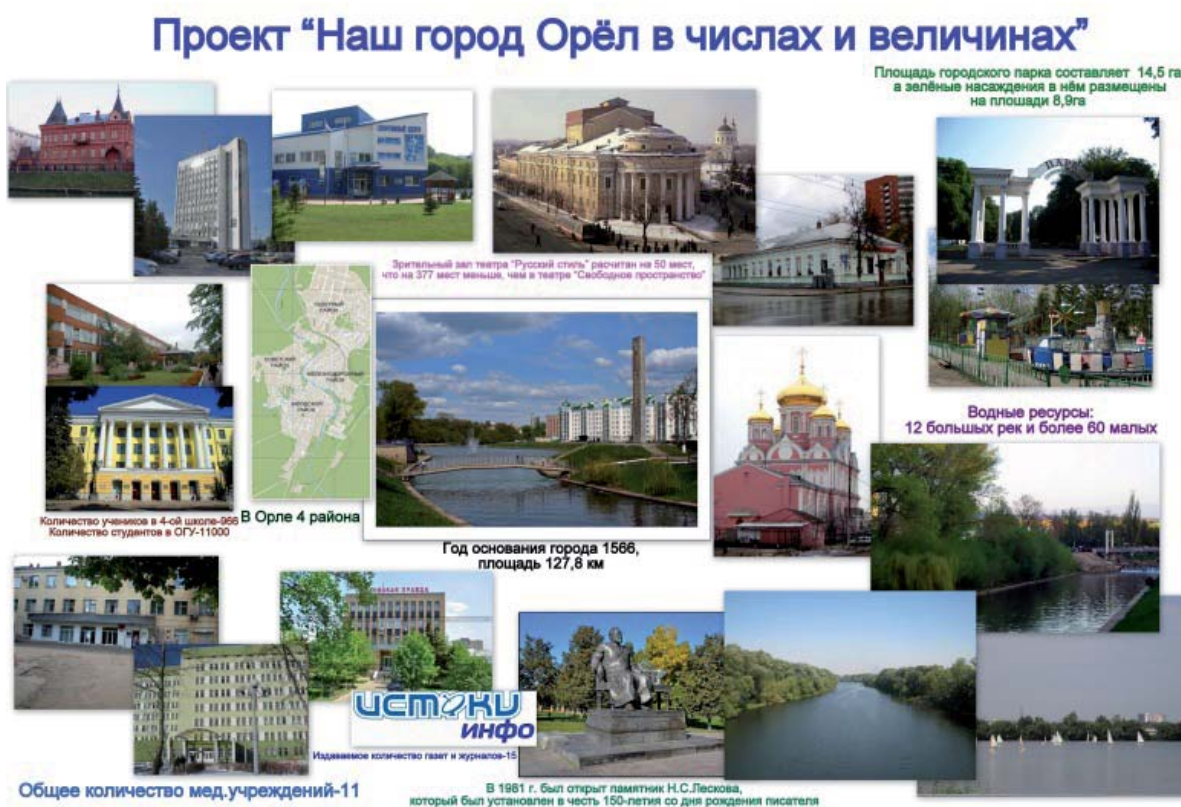
На следующем информационно-операционном этапе в процессе самостоятельной работы над проектом у третьеклассников формируются такие УУД, как поиск информации, работа с различными источниками информации. На этом этапе могут использоваться как литературные источники, так и Интернет. Учитель в это время выступает исключительно в роли консультанта и помощника.

После сбора всей необходимой информации для сборника учащиеся переходят к построению его модели, т.е. выполняют ещё один вид УУД – моделирование. Возможными вариантами готового «продукта» могут быть электронный справочник, печатный справочник, презентация справочных данных, а также коллаж и многие другие. В качестве продукта проектной задачи «Математический справочник «Наш город Орёл в числах и величинах» учащиеся изготавливают коллаж (см. рисунок).

На заключительном этапе работы над проектом, рефлексивно-оценочном, проводится общее собрание учащихся всех третьих классов. Участники проекта выступают с сообщениями по собранной информации и представляют её, например, в виде доклада с фотографиями различных мест города, соответствующих направлению работы, отвечают на вопросы и осуществляют самооценку, таким образом, формируя рефлексивные и презентационные УУД.

В оценивании результатов проектной деятельности школьников принимают участие учителя начальных классов и администрация школы.

Таким образом, метод проектов является одним из средств достижения метапредметных результатов, соответствующих ФГОС второго поколения для начальной школы.

Библиографический список

1. Примерные программы по учебным предметам. Начальная школа. В 2 ч. Ч.1. 4-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2011. 400 с.
2. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа. Сост. Е.С. Савинов. 3-е изд. М.: Просвещение, 2011. 204 с.
3. Проектные задачи в начальной школе: пособие для учителя / [А.Б. Воронцов, В.М. Заславский, С.В. Егоркина и др.]. Под ред. А.Б. Воронцова 3-е изд. М.: Просвещение, 2011. 176 с.
4. Сборник рабочих программ «Школа России». 1-4 классы. Пособие для учителей общеобр. учрежд. М.: Просвещение, 2011. 528с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2014. 31 с.

References

1. 1.Approximate programmes for school subjects. Primary school. In 2 parts.- 4th ed., Rev. М.: Prosveshcheniye, 2011. 400 p.
2. 2. Approximate basic educational programme of an educational organization. (of a school). Primary school/(E.S.Savinov). 3rd ed., М.: Prosveshcheniye, 2011. 204 p.
3. 3. Project tasks in primary school: the teacher's book. [A.B. Vorontsov, V.M. Zaslavskij, S.V. Egorkina and others]. Edited by A.B. Vorontsov - 3rd ed.,- М.: Prosveshcheniye, 2011. 176 p.
4. 4. The collection of school programmes "School of Russia". 1-4 forms. The manual for teachers of schools. М.: Prosveshcheniye, 2011. 528 p.
5. 5. Federal State Educational Standard of Primary Education. М.: Prosveshcheniye, 2014. 31 p.

В.Н. ФИНОГЕНТОВ

доктор философских наук, профессор, кафедра философии и истории, Орловский государственный аграрный университет
E-mail: v_fin@mail.ru

V.N. FINOGHENTOV

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and History, Orel State Agrarian University
E-mail: v_fin@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К УГРОЗЕ НЕБЫТИЯ

THE MAIN TYPES OF HUMAN'S ATTITUDE TO THE THREAT OF NON-BEING

В статье обсуждаются основные типы отношения человека к угрозе небытия. Предлагается соответствующая классификация мировоззрений. Анализируются достоинства и недостатки различных типов отношения человека к угрозе небытия.

Ключевые слова: отношение человека к угрозе небытия, структура человеческого бытия, классификация мировоззрений, трагический гуманизм.

The article considers the main types of attitude to the threat of non-being. A corresponding classification of worldviews is suggested. The advantages and disadvantages of different types of attitude to the threat of non-being are analyzed.

Keywords: attitude of man to the threat of non-being, the structure of human existence, classification of worldviews, tragic humanism.

Ставя вопрос о различных типах отношения человека к угрозе небытия, мы, несомненно, касаемся вопроса о глубинной онтологической структуре человека, о фундаментальной структуре человеческого бытия. В свою очередь серьезное обсуждение этого вопроса предполагает детальную разработку новой философской дисциплины, которую, наверное, можно было бы назвать «*онтологической антропологией*». В этой статье я, разумеется, не претендую на последовательную и систематическую разработку онтологической антропологии. Это поистине грандиозная и долговременная задача, требующая для своего решения соединенных усилий многих исследователей: философов, культурологов и психологов. Я ограничусь здесь выдвиганием лишь некоторых предположений о глубинной онтологии человека. При этом, конечно, я буду в определенной мере опираться на соответствующие онтологические и антропологические исследования. Я имею в виду различные варианты онтологического рассмотрения экзистенциальной проблематики, предпринятые крупнейшими мыслителями двадцатого века: М. Хайдеггером и К. Ясперсом, Н.А. Бердяевым и С.Л. Франком. Разнонаправленные идеи названных (и, разумеется, многих других) авторов о структуре человеческого бытия, а также мои собственные переживания хрупкости и бренности человеческого бытия стимулировали мои размышления о «*бытии человека на грани небытия*».

Не входя в тонкости и, конечно, осознавая известную гипотетичность всех возможных представлений о глубинной структуре человеческого бытия, можно сказать, что человек как существо, обладающее сознанием и ценностно-смысловым переживанием бытия,

изначально – это то «место», где особенно интенсивно «высвечивается бытие». Правомерно утверждать, что совершенствование сознания человека, появление первых, элементарных форм самосознания превратило его в самоуверяющееся, самораскрывающееся и самооценивающееся бытие. Иными словами, в сознании и самосознании человека бытие обнаруживает себя; сознание и самосознание человека – это способ, которым бытие открывается самому себе. Именно в этом плане следует интерпретировать, на мой взгляд, и знаменитую формулировку Р. Декарта «*Мыслю, следовательно, существую*»: посредством мышления субъект не только осуществляет себя в качестве разумного и «ценностно нагруженного» субъекта, но и убеждается в своем собственном бытии.

Итак, сознание и самосознание человека открывают человеку его собственное бытие, а также бытие окружающего его мира. Мне особенно важно подчеркнуть, что одновременно с бытием человеку через различные формы его опыта, в том числе – через формы опыта, высветленные его сознанием и самосознанием, открывается небытие в его многообразных видах. Человек видит, что в одном месте нечто (камень, дерево, река) есть. Но он видит также, что в другом месте это нечто отсутствует. Он видит, что в один момент времени нечто происходит (дует ветер, идет дождь, светит солнце), в другой момент – нет. Он видит, что в один день его соплеменник здоров и жив, в другой день – болен, в третий день – мертв. Таким образом, человек, сознающий и самосознающий, сталкивается с неразрывным единством бытия-небытия. Он сталкивается с бытием, которое со всех сторон окружено небытием, с бытием,

«пропитанным» небытием, с бытием, которому угрожает небытие. Конечно, я веду сейчас речь о достаточно высокой и поздней стадии в развитии человека (стадии становления у него самосознания). Впрочем, сказанное не означает, что на этой стадии человек уже уверенно оперировал философскими категориями бытия и небытия и сознательно формулировал для себя задачу защиты своего бытия от различных угроз небытия. Можно предположить, тем не менее, что он уже тогда испытывал острую и, по сути, непреходящую тревогу, в связи с многообразными угрозами его бытию, тревогу зачастую переходящую в ужас перед небытием, воплощенным, прежде всего, смертью.

Я полагаю, что именно постоянное присутствие в человеке неразрывного единства бытия-небытия и многоуровневая «толща» переживания-осознания им этого единства образует исходную, фундаментальную и непреходящую структуру собственно человеческого бытия (см. [6, с. 55-57]). Я полагаю, что начиная с указанной стадии в развитии человека можно говорить о зарождении элементов мировоззрения в его внутреннем мире, о зарождении ценностно-смыслового уровня бытия человека. Соответственно, с такой точки зрения, все первичные и все последующие мировоззренческие образования являются своего рода надстройками над указанной фундаментальной структурой.

Можно сказать также, что всякое жизнеспособное мировоззрение представляет собой более или менее оригинальную попытку утвердить бытие человека, которому со всех сторон угрожает небытие. Действительно, история культуры убедительно показывает, что большинство мировоззрений, созданных человечеством, пытается снять угрозы человеку со стороны небытия или хотя бы понизить уровень тревоги, испытываемой человеком в связи с этими угрозами; почти всякое мировоззрение стремится помочь человеку преодолеть ужас, который охватывает его перед лицом небытия.

В связи со сказанным можно выдвинуть предположение, согласно которому наиболее серьезные различия между мировоззрениями, представленными в истории человеческой культуры, определяются именно тем, как они утверждают бытие человека, какими способами они предлагают преодолеть угрозы небытия. Это предположение, несомненно, можно положить в основу соответствующей классификации мировоззрений.

В рамках такой классификации наиболее многочисленным, несомненно, будет *класс мировоззрений, которые утверждают возможность окончательного, полного снятия угрозы небытия*.

Особый класс, очевидно, образуют *мировоззрения, которые признают неотвратимость прихода небытия к человеку и человечеству*. Наиболее интересной разновидностью мировоззрений этого класса являются *мировоззрения, которые, признавая указанную неотвратимость, тем не менее, утверждают ценность земного бытия человека, утверждают достоинство постоутороннего бытия*. Именно к этому классу мировоззрений принадлежит трагический гуманизм, разви-

ваемый автором настоящей статьи.

Следует предположить также, что возможен *класс мировоззрений, сторонники которых воздерживаются на основе гносеологических соображений от категорических суждений по поводу возможности или невозможности окончательного снятия угрозы небытия*. Такие мировоззрения могут быть охарактеризованы как скептические или даже как агностические в своей основе.

Познакомимся с некоторыми вариантами соответствующих классов мировоззрений.

Эпикур: рассудочное снятие «ужаса небытия»

Так, любопытным, по сути, формально логическим, рассудочным вариантом первого из выделяемых на указанном основании класса мировоззрений является мировоззрение, основанное на том способе преодоления «ужаса небытия», который был предложен Эпикуром. Как известно, этот мыслитель провозглашал: «Пока человек есть, (его) смерти нет. А когда есть смерть человека, данного человека уже нет»¹. Здесь, таким образом, не отрицается неизбежность небытия (смерти) человека. Смерть (небытие) обязательно придет к человеку, утверждают сторонники этого варианта. Тем не менее, бояться смерти, полагают они, человеку не следует.

Обсуждая достоинства и недостатки данного способа преодоления «ужаса небытия», следует сказать, что Эпикур и его последователи, по сути, отрицают возможность встречи человека с его небытием, с его смертью. Можно сказать, что смерть человека и сам человек здесь полностью отделяются, изолируются друг от друга. Именно эта невозможность встречи человека с его смертью (небытием), полагают сторонники такого подхода, должна помочь человеку в преодолении «ужаса небытия». Наверное, в этой позиции есть своя правда. Действительно, в ней есть нечто успокаивающее. Однако, на мой взгляд, эта позиция должна быть охарактеризована как излишне абстрактная и в некотором смысле примитивная. С точки зрения такого подхода в действительности всегда имеет место или бытие (жизнь) человека или небытие (смерть) этого человека. С такой точки зрения, переход от бытия человека к его небытию совершается мгновенно. Причем мгновенность здесь должна пониматься достаточно строго, а именно: указанный переход с рассматриваемой точки зрения не имеет длительности. То есть, это и не переход вовсе. Это – некий загадочный, по сути, вневременной скачок от бытия к небытию. Это – «смерть без умирания».

Очевидно, что эта позиция, во-первых, абстрагируется от многочисленных угроз небытия, с которыми сталкивается субъект бытия (человек) при его жизни, тем самым она упускает из вида прижизненную борьбу и взаимопроникновение бытия и небытия (жизни и

¹ Для точности процитирую здесь Эпикура буквально. В письме Менекею он пишет: «Самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем» (перевод С.И. Соболевского) [3, с. 593].

смерти). Во-вторых, она, по сути, отвлекается от процесса умирания человека, в ходе которого человек если и не встречается непосредственно со своей смертью, то бесконечно близко к ней подходит. Человек, несомненно, испытывает в ходе этого процесса самые различные эмоции и чувства. В том числе, скорее всего, он переживает и тот самый «ужас небытия», от которого его пытались спасти сторонники этого варианта. Можно сказать, таким образом, что этот подход игнорирует самое интересное в обсуждаемой проблеме. Дело в том, что только детальный и углубленный анализ процесса умирания, анализ различных вариантов этого процесса может дать ответы на вопросы: до какого момента этого процесса «человек еще есть» и начиная с какого момента «этого человека уже нет». Очевидно, что без ответов на эти вопросы обсуждаемый подход становится малосодержательным. Как показало развитие современной науки, медицины в частности, ответить на эти вопросы совсем не просто. Обсуждение этих вопросов почти сразу выводит на фундаментальный антропологический вопрос: что такое человек?

Здесь следует упомянуть также, что способ снятия страха перед смертью, предложенный Эпикуром, имеет своих сторонников и в наши дни. Причем – это очень интересные и, так сказать, яркие сторонники (см., например, [9, с. 221]).

Оптимистический подход к проблеме преодоления угрозы небытия

Сторонники оптимистического подхода к проблеме преодоления угрозы небытия убеждены в возможности окончательной и полной победы над небытием, над смертью человека. Такая возможность провозглашается самыми разнообразными мифологическими, теистическими и утопическими мировоззренческими системами. Несомненно, это наиболее распространенные варианты мировоззрения. Они абсолютно доминировали в прошлом. Они широко представлены и в наши дни². Я уже писал выше, что сильной стороной мировоззрений этого класса является то, что они даруют людям надежду и утешение. Но всем таким мировоззрениям свойственны, во-первых, рационально непреодолимые противоречия, и, во-вторых, их последовательное применение, увы, приводит к антигуманным следствиям.

Как уже отмечено, развитие общества ведет к появлению все новых вариантов мировоззрений этого класса. Так, например, к мировоззрениям такого рода, несомненно, принадлежит и активно разрабатываемый ныне многими авторами трансгуманизм, обещающий человеку скорое достижение «кибернетического бессмертия» на пути стремительного технологического прогресса. Такие мировоззренческие системы, очевидно, идут навстречу желаниям и чаяниям людей. Они

2 В дополнение к издавна существующим мировоззрениям, утверждающим перспективу бессмертия человека и человечества, в век науки и высоких технологий сформировались и интенсивно развиваются новые формы утопических воззрений, согласно которым победа над смертью и небытием вполне реальна на основе достижений современной науки и техники: иммортализм, трансгуманизм и т.п.

весьма эффективно защищают человека от «ужаса небытия». Они утверждают бытие человека, обещая ему ту или иную форму бессмертия. Повторю еще раз, что именно в этом состоит и поныне их неотразимая привлекательность для многих и многих.

Уже здесь важно подчеркнуть, что второй вариант отношения человека к угрозе небытия (то есть признание возможности окончательной и полной победы над небытием, над смертью человека) при всей его привлекательности оставляет сомнения даже у убежденных сторонников этого варианта. С одной стороны, они непрерывно убеждают себя и своих единомышленников в том, что угроза небытия (угроза смерти) преодолима. С другой стороны, в глубине души у них всегда живет сомнение в этой преодолемости, в достижимости «вечной жизни», бессмертия и т.п. Отсюда проистекают преследующие их регулярные приступы «ужаса небытия». К тому же в рамках этого варианта отношения человека к угрозе небытия неизбежно возникает тревожащий его сторонников вопрос о характере предстоящей данному человеку вечной («потусторонней») жизни. Действительно, очень возможно, что данного человека ждет не вечное наслаждение райской жизнью, а вечные муки ада.

Кроме того, теизм и утопизм содержат в себе очень опасную интенцию «преодоления человека», в частности – интенцию «религиозного преодоления этического» (см. об этом [7, с. 225-240]). Речь идет о том, что полное преодоление угрозы небытия в рамках таких мировоззрений достижимо только на пути преодоления человека Богом или сверхчеловеком. Например, с точки зрения теистического мировоззрения полное преодоление угрозы небытия предполагает выход за пределы земной жизни, соединение с Богом и т.п. Впрочем, для теистов, как известно, поистине человеческим в человеке является божественное начало в нем. Поэтому они, конечно, будут утверждать, что в рамках их мировоззрения полное преодоление небытия (смерти) является не преодолением человеческого божественным, а «обожением» человека, преодолением греховного в человеке и т.д. То есть, для них полное преодоление угрозы небытия – это не «преодоление человеческого», а, скорее, обретение поистине человеческого. Звучит это, конечно, привлекательно, но, к сожалению, слишком неясно и таинственно. Образно говоря, надеясь поймать таинственного журавля «обожения», сторонники теистического мировоззрения склонны принижать синицу ценности земной жизни человека. В конце концов, для того пояснения «божественного» сторонникам теистического мировоззрения приходится, хотя бы они этого или не хотят, обращаться к антропологическим категориям: категориям свободы, творчества, разума, добра и т.п. Другими словами, здесь имеет место то, что Л. Фейербах давно и совершенно точно выразил формулой «тайна теологии скрыта в антропологии».

Здесь необходимо указать на любопытную параллель между парами категорий «вина – грех», с одной стороны, и «неотвратимость небытия – возможность

окончательной победы над небытием», с другой стороны. Как известно, с точки зрения светской этики вина человека, по сути, не снимаема. Эта «неснимаемость вины» является необходимым условием этической вменяемости субъекта. Провинившийся субъект должен далее жить, неся эту вину до конца дней своих. Другими словами, для светской этики не существует такой инстанции, которая могла бы снять какую-то вину с данного субъекта. Например, вину данного субъекта не снимает его прощение тем человеком, в отношении которого этот субъект совершил соответствующий неблагоприятный поступок. Как известно, в рамках теистического мировоззрения, грех человека может быть прощен (Богом). В этом состоит радикальное отличие этического понятия вины от религиозного понятия греха. И в этом же состоит кардинальное отличие этики от религии. Этика говорит: если человек виновен, то это в некотором смысле навсегда. Теистическая религия говорит: если человек имеет грех, то, вполне возможно, что греховен он только на некоторое время. Ибо для теистического мировоззрения есть такая инстанция, которая может грех простить, может снять его с человека. Такой инстанцией и является Бог. Соответственно в таких мировоззрениях только всемогущий Бог является гарантом окончательной победы над небытием (смертью) человека и человечества. В утопических мировоззрениях аналогичную роль играет некое квазирелигиозное «замещение» такого Бога. Чаще всего – это наука, техника и технология, которые в будущем, по мнению сторонников такого рода мировоззрений, станут едва ли не всемогущими и гарантируют человеку (человечеству) бессмертие. Данное обстоятельство убедительно иллюстрируется самыми разными формами теизма и утопизма, широко представленными и в наши дни. В противоположность теизму и утопизму последовательно атеистическое мировоззрение (в нашем случае – это трагический гуманизм) однозначно принимает неотвратимость прихода небытия человека и человечества. В этом, прежде всего, и состоит для такого мировоззрения трагизм человеческого бытия.

Здесь напрашивается еще одна параллель: борьба человека со злом (с самыми разными видами и проявлениями зла) и его борьба с самыми разными видами угрозы небытия. В принципе, трезвомыслящий человек понимает, что все виды зла ему победить не удастся. Хотя бы потому, что появляются все новые виды зла. Но это не может рассматриваться в качестве достаточного основания для того чтобы смириться со злом, для того чтобы признать борьбу со злом бессмысленной. Напротив, в некотором смысле именно эта борьба придает смысл человеческому бытию. Причем «борьба со злом» понимается здесь достаточно широко: не только как непосредственное противодействие злу, но и как «созидание добра». Аналогично дело обстоит с борьбой человека с разными вариантами угрозы небытия. Человек и человечество никогда не могут снять все угрозы их бытию. Но это не означает, что с этими угрозами не следует бороться. В некотором смысле вся

жизнь человека и человечества и есть эта борьба с самыми разными угрозами их бытию.

Здесь обязательно необходимо отметить, что у религиозных мыслителей, согласно которым «ужас небытия» может и должен быть побежден только верой во всемогущего Бога (и, следовательно, в бессмертие или воскресение человека), в наши дни неожиданно появились, так сказать, весьма «сциентизированные» союзники. Это в частности Мэтью Альпер – автор нашумевшей и действительно очень интересной книги «Бог и мозг». Названный автор на основе данных современной нейробиологии обосновывает гипотезу, в соответствии с которой вера в Бога (в бессмертие души) является эволюционным изобретением природы (человека). Он утверждает также, что это изобретение генетически закреплено. Более того, он утверждает, что без этого изобретения человек (человечество как биологический вид) вымер бы в ситуации непреходящего экзистенциального ужаса, вызванного именно «угрозой небытия». Он, таким образом, пытается дать биологическое (нейробиологическое, генетическое) обоснование веры в Бога (в бессмертие души), а также обоснование жизненной необходимости этой веры. Так, Мэтью Альпер пишет, что в рамках его «генетической интерпретации» «религиозная вера – неотъемлемая часть человеческой природы, и что она будет возникать в любом конкретном обществе с такой же определенностью, как и любые другие наши унаследованные инстинкты» [1, с. 165]. Далее он утверждает: «Как планарии «запрограммированы» поворачиваться к свету, так и люди «запрограммированы» обращаться к божеству или к божествам» [1, с. 168].

Впрочем, сторонникам теистического мировоззрения вряд ли стоит радоваться появлению такого союзника, как Мэтью Альпер. Дело в том, что в отличие от теистов, которые полагают, что человек сотворен Богом, наш автор убежден в обратном. Он утверждает, что «человек как вид «запрограммирован» верить в духовный мир», что «Бог существует не «где-то там», вне нашей досягаемости и независимо от нас, а скорее является порождением унаследованного восприятия, проявлением эволюционной адаптации, ... существует исключительно в мозге человека». Если так, продолжает Мэтью Альпер, «значит, духовной реальности не существует – нет ни Бога, ни богов, ни души, ни загробного мира... Следовательно, человечество можно рассматривать уже не как порождение Бога: скорее Бога следует рассматривать как продукт когнитивной деятельности человека» [1, с. 165].

Совершенно очевиден редуccionистский характер этой гипотезы (и мировоззренческой позиции названного автора в целом). Так, Мэтью Альпер понятия не имеет (и, видимо, не хочет иметь) о собственно культурной (социокультурной) эволюции человечества. Вся эволюция человека (человечества) для него имеет сугубо биологический характер и определяется в первую очередь генетическими факторами. Кроме того, он не различает биологические основы (биологические предпосылки) социокультурных феноменов, с одной сторо-

ны, и сущность этих феноменов, с другой стороны. В книге Мэтью Альпера мы имеем дело, таким образом, с разновидностью фатализма (с натуралистической его версией). Точнее, мы имеем дело с генетическим детерминизмом (фатализмом): развитие человека и общества в рамках такого фатализма, по сути, предопределены биологическими (генетическими) факторами.

Для М. Альпера все человеческие сообщества, не эволюционировавшие в данном направлении и не закрепившие генетически «веру в Бога и в бессмертие», должны были обязательно исчезнуть. Он уверен в том, что такие сообщества должны были быть отбракованы дарвиновской борьбой за существование.

Принятие неизбежности прихода небытия человека и человечества

Второй вариант отношения человека к угрозе небытия состоит в драматическом признании неотвратимости, неизбежности прихода небытия и каждого человека, и любой человеческой общности, и человечества в целом.

С одной стороны, это позиция циников и нигилистов, которые заявляли о себе в самые разные эпохи. Здесь важно подчеркнуть, что позиция циников и нигилистов опирается не только на повседневный опыт человека, но в некотором смысле представляет собой своеобразную реакцию на позицию теизма и утопизма. Действительно, к цинизму и нигилизму многие приходят, рассуждая следующим образом. Поскольку обещания теистов и утопистов несбыточны, а они обещают окончательную победу над небытием, приобщение к Истине и т.п., поскольку впереди у каждого человека неизбежная смерть, постольку в этой жизни вообще нет никаких достойных ценностей и смыслов. В этой жизни, по мнению циников и нигилистов, есть только индивидуальные и групповые потребности людей и соответственно – только беспощадная борьба всех и каждого за удовлетворение своих, постоянно растущих потребностей. И в этой борьбе допустимо использование любых средств. Очевидно, что такая позиция всегда была далекой от гуманизма. Такая позиция всегда была деструктивной по отношению к культуре. Широкое распространение такой позиции всегда вело соответствующую социокультурную общность к деградации и упадку. Нетрудно убедиться в том, что в наше время такой путь, путь цинизма и нигилизма с неотвратимостью приведет человечество к быстрой деградации и скорой гибели.

Очень важно подчеркнуть, что признание неотвратимости, неизбежности прихода небытия человека и человечества совсем не обязательно ведет к цинизму и нигилизму. Такое признание, вопреки распространенному мнению, может послужить основой для выработки вполне конструктивного, жизнеутверждающего и человекоутверждающего мировоззрения. Приведу здесь примеры таких мировоззрений.

Так, выдающийся британский физик и космолог Стивен Хокинг решительно «отказывается от бессмер-

тия». По его убеждению, «нет рая и будущей жизни». «Это, – говорит он, – сказка для тех, кто боится темноты». «Я, – продолжает он, – считаю мозг компьютером, который прекращает работать, когда ломаются его составные части. Для сломанных компьютеров не предусмотрено рая и вечной жизни». Соответственно, заключает он, не будет вечной жизни и для людей. На вопрос: «Как же нам в таком случае жить?» Стивен Хокинг отвечает: «Стремиться к максимально осмысленным поступкам» (цит. по [5, с. 437, 438]).

Знаменитый американский психотерапевт и писатель Ирвин Ялом, характеризуя собственное («светское, экзистенциальное») мировоззрение, пишет: «Наше бытие – конечно, и как бы нам этого ни хотелось, нам не на кого рассчитывать в мире, кроме самих себя. Никто, кроме нас самих, не поддержит, не оценит наше поведение, не предложит ясную жизненную схему. Судьба наша не предопределена, и каждому из нас приходится решать самостоятельно, как прожить свою жизнь возможно более полно, счастливо и осмысленно» [9, с. 233]. Он открыто провозглашает: «Смерть – это наша судьба. Желание жить и страх исчезнуть будут с нами всегда» [9, с. 247]. Но это признание отнюдь не ведет его к цинизму и нигилизму, к признанию бессмысленности жизни человека. Напротив, он убежден в осмысленности и полноценности своей жизни. Ирвин Ялом подчеркивает, что он «вполне самореализовался и в личной и в профессиональной жизни». «Эта реализация способна, утверждает он, не только принести удовлетворение, но и противостоять мимолетности и ощущению неминуемой смерти» [9, с. 205]. В названной книге он предлагает читателям еще несколько вполне земных «эффективных идей» для преодоления страха смерти.

Бертран Рассел в эссе «Во что я верю» (1925 г.) писал следующее. «Думаю, что, когда я умру, я сгнию, и ничего от моего «я» не останется. Я уже не молод и люблю жизнь. Но я счел бы ниже своего достоинства трепетать от страха при мысли о смерти. Счастье не перестает быть счастьем оттого, что оно преходяще, а мысли и любовь не лишаются ценности из-за своей быстротечности. Многие люди держались с достоинством на эшафоте; такая гордость должна научить нас видеть истинное место человека в мире».

Выдающийся современный биолог и популяризатор науки Ричард Докинз пишет, что нам, живущим, «крупно повезло». Дело в том, что «огромное большинство людей, которые потенциально, учитывая лотерею возможных комбинаций ДНК, могли бы появиться на свет, никогда не будут рождены». «Для тех из нас, кому повезло попасть в этот мир», он представил «относительную краткость нашей жизни в виде тонкого, как лазерный луч, пятнышка, ползущего вдоль гигантской шкалы времени. Погруженное во мрак пространство позади светового пятнышка – это глухое прошлое; темнота впереди – неведомое будущее. Нам головокружительно повезло оказаться в освещенном промежутке. Как бы мимолетно ни было наше время под солнцем, если мы теряем драгоценные секунды, жалуемся на скуку, пустоту или,

как дети, но ем, что «все неинтересно», разве это не оскорбление тех триллионов, которые вообще никогда на свет не появятся? ... Достаточно осознать, что – эта жизнь единственная, чтобы она стала более драгоценной. Поэтому атеистическая позиция – более жизнеутверждающая, способствующая улучшению жизни, но без самообмана, без принятия желаемого за действительное...» [2, с. 503-504].

Можно было привести еще немало примеров интересных и достаточно убедительных жизнеутверждающих мировоззрений, разработанных мыслителями, отрицающими достижимость бессмертия и «вечной жизни». Но я ограничусь здесь уже сказанным. Для меня главное подчеркнуть, что отрицание достижимости бессмертия и «вечной жизни» отнюдь не обязательно ведет к цинизму и нигилизму.

Одним из вариантов мировоззрения, признающего неизбежность прихода небытия человека и человечества и в то же время утверждающего возможность осуществления человеком плодотворной и достойной жизни, является развиваемый мной *трагический гуманизм*. Это – позиция, выражаемая формулой: «мужество быть смертным». Это – позиция утверждения земного, посюстороннего бытия человека и человечества. Такой путь основан на признании высокой значимости (земных, временных) ценностей, создаваемых человеком. Трагический гуманизм подчеркивает, что призвание человека состоит именно в созидании и развитии нового – ценностно-смыслового – измерения бытия. Трагический гуманизм подчеркивает, что созидание и сохранение ценностей (истины, добра, свободы, красоты...) – это и есть созидание и сохранение самого человека. Трагический гуманизм настаивает на том, что приобщение к этим ценностям носит человекообразующий, человекообразующий характер.

Здесь вполне уместно поразмышлять над вопросом: как в этом плане оценить трагический гуманизм (как мировоззрение)? Разумеется, трагический гуманизм не только не снимает угрозу человеку (и человечеству) со стороны небытия, но и всячески подчеркивает неотвратимость прихода небытия. Может быть, трагический гуманизм излишне драматизирует ситуацию? Может быть, учитывая слабость человека, не следует настойчиво напоминать ему и, тем более, человечеству о неизбежности прихода их небытия? Тем более, что на протяжении тысячелетий самые разные авторы принимают за аксиому утверждение, согласно которому осмысленной, достойной, привлекательной и т.п. может быть только «жизнь вечная», и, соответственно, жизнь временная, жизнь, завершающаяся смертью, в принципе не может быть осмысленной, достойной и т.д.

Только вечная жизнь, убеждены, к примеру, христианские мыслители, может быть поистине осмысленной. С их точки зрения, все временное, все, имеющее начало и конец, все смертное либо совершенно бессмысленно, либо имеет смысл только в качестве средства для достижения человеком и человечеством вечной жизни. Жизнь, завершающаяся неизбежной смертью, полагают

они, ничего кроме разочарований и ужаса принести человеку не может.

Высказывания религиозных мыслителей на этот счет можно резюмировать, сформулировав два простых тезиса: 1) земная жизнь человека бессмысленна; 2) бессмысленность земной жизни человека обусловлена ее временностью, конечностью, смертностью человека. Эти тезисы, рассмотренные во взаимосвязи друг с другом, как кажется, неизбежно влекут за собой вывод, согласно которому жизнь человека может иметь подлинный смысл только в том случае, если она каким-то образом преодолевает плен времени и прорывается в лоно вечности, согласно которому имеет смысл только жизнь вечная.

Так надо ли напоминать человеку и человечеству об их неизбежной смерти? Надо ли выстраивать мировоззрение, утверждающее эту неизбежность?

Я убежден, что это делать необходимо. Прежде всего, это напоминание способствует тому, что можно назвать духовным (мировоззренческим) взрослением человека и соответственно духовным взрослением человечества. Конечно, данное заявление является очень ответственным. Но его можно надежно обосновать, поэтому с ним весьма трудно спорить. Указанное напоминание способствует также усилению и совершенствованию борьбы человека (и человечества) с самыми различными угрозами его бытию. Без этого, без взросления современного человека и современного человечества, без усиления и совершенствования их борьбы с разнообразными угрозами их бытию их небытие может прийти совсем скоро. Это взросление человечества, состоящее, прежде всего, в рационализации наиболее распространенных мировоззрений (см. об этом [8, с. 104-110]), особенно актуально в наше время, ибо современность демонстрирует такие угрозы бытию человечества, с какими человечество никогда еще не сталкивалось. Речь идет в частности о драматическом обострении глобальных проблем, о постоянном нарастании темпов «технологической гонки», а также о глубочайшем ценностно-смысловом кризисе.

Скептическая точка зрения на проблему угрозы небытия

Как сказано выше, в рамках анализируемого подхода третий класс мировоззрений образован самыми различными вариантами скептической (и агностической) точки зрения на проблему преодоления угрозы небытия. Суть этой точки зрения достаточно проста. Если сторонники мировоззрений первого класса утверждают, что угроза небытия (смерти) вполне преодолима, если сторонники мировоззрений второго класса убеждены в том, что приход небытия неизбежен, то скептики (агностики) говорят: мы не знаем (и не узнаем), что в конечном итоге ждет человека в том процессе, который обычно называется его умиранием. Иначе говоря, смерть для сторонников этой точки зрения в эпистемологическом смысле «всегда во мраке», «всегда во тьме» неизвестно.

Таким образом, в рамках мировоззрений этого класса, умирая, человек погружается, «проваливается» в неизвестность. Любопытно об этом говорит индийский мыслитель Джидду Кришнамурти. Для него смерть – это «огромное, мощное испытание», это «незнание», это «ощущение полной неизвестности, ... хотя об этом написано бесчисленное количество книг» (цит. по [4, с. 80]). Как видим, смерть здесь – это всегда трансцендентное. Она всегда находится за пределами известного и познаваемого. Соответственно, умирание здесь – это вариант трансцендирования, это выхождение за пределы известного и познаваемого. Весьма красочно представлена скептическая позиция также в «Мыслях» Б. Паскаля. «Я не знаю, говорит он от лица скептика, кто вверг меня в наш мир, ни что такое наш мир, ни что такое я сам; ... я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа... Твердо знаю я лишь одно – что очень скоро умру, но именно эта неминуемая смерть мне более всего непостижима».

Следует признать, что скептический (агностический) подход в данном случае имеет серьезные основания. Я еще вернусь к обсуждению этого подхода. Здесь отмечу только один существенный момент, который в некоторой степени сближает этот подход с позицией трагического гуманизма. Одним из основополагающих принципов трагического гуманизма является принцип инфинитизма (см. об этом [7, с. 43-61]). Этот принцип утверждает многообразную бесконечность, неисчерпаемость универсума. Именно многообразная бесконечность, неисчерпаемость универсума обосновывает в рамках трагического гуманизма «повсюдное» присутствие трансцендентного. В только что указанной моей книге, а также в более ранних моих работах подчеркивается, что серьезным свидетельством в пользу принятия принципа инфинитизма является наличие случайности, инноваций и свободы в бытии универсума и в частности в бытии человека. Аргументы сторонников скептического (агностического) подхода к проблеме преодоления угрозы небытия заставляют меня принять гипотезу, согласно которой присутствие трансцендентного яв-

ляется не только следствием многообразной бесконечности, неисчерпаемости универсума, но и следствием смертности человека.

В связи с этим возникает вопрос, коррелируют ли между собой эти «два вида» трансцендентного? Связаны ли между собой трансцендентное, порождаемое неисчерпаемостью универсума, и трансцендентное, порождаемое смертностью человека? Можно предположить, например, что смертность человека каким-то пока неизвестным способом связана с неисчерпаемостью универсума. Скорее всего, в конечном, исчерпаемом универсуме просто невозможна жизнь, тем более, разумная жизнь. Поэтому, естественно, в конечном, исчерпаемом универсуме невозможна и смерть. Так что, наверное, эти два вида трансцендентного в глубине сходятся и суть одно. Отсюда следует в частности, что через смерть человеку открывается многообразная бесконечность, неисчерпаемость универсума. Другими словами, смертность человека – это еще одно, наряду со случайностью, инновациями и свободой человека, свидетельство в пользу принятия принципа инфинитизма в качестве основоположения мировоззрения.

Разумеется, каждый человек вправе сам решать, как, с каким мировоззрением ему жить, так сказать, у бездонной пропасти. Иначе говоря, каждый человек сам выбирает: быть ему приверженцем той или иной версии теистического мировоззрения, быть сторонником мировоззрения трагического гуманизма или придерживаться скептического подхода к проблеме умирания и смерти. И не следует мешать ему в совершении этого мировоззренческого выбора, не следует навязывать ему тот или иной из вариантов мировоззрения. Последнее было бы грубым нарушением фундаментального гуманистического принципа: принципа свободы совести. Сказанное, разумеется, не исключает соответствующей разъяснительной и просветительской работы создателей и знатоков названных типов мировоззрений.

Библиографический список

1. Альпер М. Бог и мозг: Научное объяснение Бога, религиозности и духовности. М., 2014. С. 165, 168, 171.
2. Докинз Р. Бог как иллюзия. М., 2008. С. 503-504.
3. Лукреций. О природе вещей. Т. 2. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. М., 1947. С. 593.
4. Токарчик А. Мифы о бессмертии. М., 1992. С. 80.
5. Фергюсон К. Стивен Хокинг: жизнь и наука. М., 2014. С. 437, 438.
6. Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009. С. 43-61.
7. Финогентов В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел. 2012. С. 225-240.
8. Финогентов В.Н., Кононова Е.С. Рационализация мировоззрений как императив современной эпохи. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 4(60). С. 104-110.
9. Ялом И. Вглядываясь в солнце: Жизнь без страха смерти. М., 2013. С. 205, 221, 233, 247.

References

1. Alper M. God and the brain: Scientific explanation of God, religion and spirituality. M., 2014. Pp. 165, 168, 171.
2. Dawkins R. The God as an illusion. M., 2008. Pp. 503-504.
3. Lukretsiy. About the nature of things. V. 2. Articles, comments, fragments of Epicurus and Empedocles. M., 1947. P. 593.
4. Tokarczyk A. Myths of immortality. M., 1992. P. 80.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
DISSERTATION RESEARCH

5. *Ferguson K.* Stephen Hawking: the life and science. M., 2014. Pp. 437, 438.
 6. *Finoghentov V. N.* Religious Renaissance or the philosophy of humanism? Ideological choice of modern culture. M., 2009. Pp. 43-61.
 7. *Finoghentov V. N.* Tragic humanism: ontological, anthropological and axiological essays. Orel. 2012. Pp. 225-240.
 8. *Finoghentov V. N., Kononova E. S.* Rationalization of worldviews as the imperative of the modern era / Scientific notes of Orel state University. Series: "Humanities and social Sciences". 2014. № 4(60). Pp.104-110.
 9. *Yalom I.* Peering into the sun: Life without fear. M., 2013. Pp. 205, 221, 233, 247.
-
-

С.А. ЮРИКОВА

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социологии, Орловский государственный институт искусств и культуры
E-mail: svetlana_yurikova@mail.ru

S.A. YURIKOVA

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: svetlana_yurikova@mail.ru

ДУХОВНОЕ СОВЕРШЕНСТВО КАК ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА В УЧЕНИЯХ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

SPIRITUAL PERFECTION AS THE MAIN CONDITION OF THE HUMAN AND STATE LIFE IN THE WORKS OF PLATON AND ARISTOTLE

В предлагаемой статье автор акцентирует внимание на значении духовной культуры в жизни человека и построении совершенного государства в учениях Платона и Аристотеля. Он подчеркивает, что античные мыслители рассматривали духовное совершенство главным условием подлинной жизни человека и государства.

Ключевые слова: духовность, человек, совершенство, жизнь, государство.

In this paper the author focuses on the value of spiritual culture in human life and in perfect state delivered on the works of Plato and Aristotle. It is focused that the ancient philosophers considered spiritual perfection as the main condition for authentic human and state life.

Keywords: spirituality, people, perfection, life, state.

Проблемы духовного совершенствования человека всегда занимали умы мыслителей. Среди античных мыслителей особый интерес с этой точки зрения представляют идеи Платона и Аристотеля, многие из которых не утратили значимости и актуальности для современного общества, переживающего системный кризис. Его главной причиной является антропологическая катастрофа как следствие недостаточного внимания к проблемам духовно-нравственного образования и воспитания. Не останавливаясь подробно на учениях этих мыслителей, получивших достаточное освещение в литературе, обратим внимание на их представления о зависимости жизни человека и государства, возможности построения совершенного государства от состояния духовной культуры.

В своей знаменитой утопической конструкции идеального государства наряду с положениями сомнительного для современного человека характера Платон высказал немало, на наш взгляд, интересных и ценных идей. Следует отметить, что и сама идея построения совершенного гармоничного государства для современного человечества в XXI веке, столкнувшегося со множеством проблем нравственного, социально-политического характера, не утратила своей актуальности.

Возможность создания такого государства Платон связывает напрямую с решением проблем нравственного характера. Идеальным может быть прежде всего государство, для которого характерны четыре добродетели: мудрость, мужество, рассудительность и спра-

ведливость. Мудрость должна проявляться в принятии здравых решений, мужество – в силе и знании возможных для государства опасностей, рассудительность, похожая на «некое созвучие и гармонию» – в «преодолении самого себя», т.е. во власти над вожделениями и удовольствиями. Справедливость же в государстве будет существовать в том случае, если каждый в нем будет заниматься своим делом согласно присущим ему способностям, не вмешиваясь в дела других. Нарушение такого порядка, которое может быть связано с тем, что человек может занимать место, которого он не достоин, или когда, используя для этого богатство, связи, силу и т.д., человек незаслуженно повышает свой статус, губительно для государства.

Мудрым государство может стать благодаря тем немногим, которые от природы обладают мудростью и поэтому могут управлять им. Как известно, речь идет о философах. Из рассуждений о том, кого можно считать философом и кому может быть доверено такое ответственнойшее дело, как управление государством, можно сделать вывод, что речь идет прежде всего о духовном совершенстве.

Философ – это тот, для которого характерны «возвышенные помыслы», кто своим «духовным взором» способен подняться до истинной красоты и переживать ее в ее сущности. Для его души должно быть свойственно не только стремление и любовь к истине, способность рассматривать бытие в целом, в совокупности всех его составных частей, но и такие нравственные качества, как правдивость, решительное, по словам Платона, не-

приятие какой бы то ни было лжи и ненависть к ней, отсутствие мелочности – «злейшего врага души», справедливый нрав. Философ, подчеркивает Платон, должен обладать теми же основными добродетелями, что и идеальное государство. Речь идет о человеке, который должен быть «... памятливым от природы, способным к познанию, великодушным, тонким, а к тому же другом и сородичем истины, справедливости, мужества и рассудительности» [2, 289]. Правитель должен быть патриотом, он должен любить свое государство, что бы с ним ни произошло, и быть верным ему всегда.

Саму возможность построения идеального государства Платон связывает не только с мудрым правлением, но и нравственным воспитанием его граждан, «... пока не сделают человеческие нравы, насколько это осуществимо, угодными богу» [2,306]. Правильное воспитание должно помогать преодолевать человеку в себе худшее. Благодаря такому воспитанию человек получает прочную «окраску», которую невозможно будет «... смыть никакими сильными щелочами – ни удовольствием, ... ни скорбью, ни страхом, ни страстью, вообще ничем из подобных едких средств» [2,220]. В случае же дурного воспитания или соответствующего общества в человеке возобладает худшее. Такой человек находится во власти различных вожделений, удовлетворений и страданий. «А простые, умеренные переживания, продуманно направленные с помощью разума и правильного мнения, ты встретишь у очень немногих, лучших по природе и по воспитанию» [2, 222].

Но особое внимание в государстве должно уделяться воспитанию стражей. В них нужно воспитывать прежде всего любовь к своей стране и ее гражданам, желание защищать ее и заботиться о ней как о «матери и кормилице». Как известно, процесс их воспитания состоит у Платона из двух составляющих – мусического и гимнастического. Цель мусического воспитания, которое проникает глубоко в душу, – привить воспитуемым любовь к прекрасному. Для этого необходимо следить за тем, чтобы в произведениях поэтов и других «мастеров» воплощались только нравственные образы и не было бы, отмечает Платон, изображения безнравственного, разнузданного, низкого и безобразного. «... иначе наши стражи, воспитываясь на изображениях порока, словно на дурном пастбище, много такого соберут и поглотят – день за днем, по мелочам, но в многочисленных образцах, и из этого незаметно для них самих составится в их душе некое единое великое зло» [2, 185].

Лучший из стражей, для которого будет характерна умеренность при всех обстоятельствах и гармоничность и должен становиться правителем. Для граждан государства он должен быть образцом добродетели и должен заботиться об их добродетельности. Ведь «... добродетель – это, по-видимому, некое здоровье, красота, благоденствие души, а порочность – болезнь, безобразие (позор) и слабость» [2, 240].

Аристотель также, анализируя различные существующие формы государственного устройства, высказал свое мнение о том, каким должно быть государство

и жизнь в нем. Главной целью сознательного выбора человека, затем его поступков, всякого учения и искусства, по мнению Аристотеля, должно быть достижение блага. Это является высшей целью и для самой главной науки – науки о государстве или политики. «Даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение. Желанно, разумеется, и благо одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государств» [1, 55].

Но в каком случае возможно достижение этого высшего блага? Размышляя о благе и счастье, Аристотель выделяет три основных образа жизни. Первый он характеризует как «скотский образ жизни». Его ведет большинство людей, следующих низменным желаниям и страстям и поэтому связывающим с благом и счастьем получение удовольствий и наслаждений. Второй образ жизни – государственный, третий – созерцательный, умозрительный. Конечно, самым важным и значимым является государственный образ жизни, который может привести к наивысшему благу.

Наивысшее благо связано с совершенством. Оно достижимо только в том случае, если целью деятельности будет какая-то одна совершенная и в то же время конечная цель, которая не является средством для чего-то другого. Таким наивысшим благом, и здесь трудно не согласиться с Аристотелем, является формирование «... граждан определенного качества, т.е. добродетельных и совершающих прекрасные поступки» [1, 69].

Очень интересны и не менее актуальны мысли Аристотеля о жизни и назначении человека. Главным делом, подчеркивает он, для человека является жизнь. А вот под жизнью великий мыслитель понимает прежде всего деятельность души в соответствии с наилучшей и наиболее совершенной добродетелью и поступки на протяжении жизни, по своему содержанию хорошие и прекрасные в нравственном отношении.

Говоря о счастье для человека и связывая его с достижением высшего и самого прекрасного блага, Аристотель выделяет три вида благ: внешние, относящиеся к душе и относящиеся к телу. Благом в подлинном смысле этого слова следует считать второй вид благ. Первый и третий вид благ вторичны и могут выступать в качестве средств для достижения высшего блага. При этом главным критерием как наивысшего блага, так и счастья человека, является качество. Аристотель дает, на наш взгляд, глубокое, истинное понимание счастья. «...счастье – это определенного качества деятельность души сообразно добродетели» [1, 69].

Добродетели, как известно, он тоже связывал с качествами. В данном случае речь идет о таких качествах деятельности, которая будет постоянной на протяжении всей жизни, надежной, не зависящей от случайностей, представляющейся наилучшей и доставляющей удовольствие. Ведь назначение человека, подчеркивает он, тождественно назначению добропорядочного человека. Поэтому назначение кифариста, согласно его логике,

тождественно назначению искусного, или как выражается Аристотель, изрядного кифариста, т. е. хорошо играющего на кифаре. Истинно добродетельный человек в силу присущего ему благородства и величавости будет «пристойно во всех отношениях» переносить не только радостные события, но и все превратности судьбы и многочисленные, и возможно, великие несчастья. И в такие тяжелые периоды жизни его нравственная красота будет, по словам Аристотеля, продолжать сиять.

Таким образом, истинно человеческой добродетелью является добродетель души. Поэтому необходимо знать, что относится к душе. Особенно это знание необходимо государственному человеку, желающему достижения определенных целей и решения задач, подобно тому, как врачу при лечении какого-то органа необходимо знать все тело. Аристотель выделяет два вида добродетелей – мыслительные и нравственные. Мыслительные возникают преимущественно благодаря обучению. Нравственные добродетели, значение которых велико как для жизни отдельного человека, так и для государства, не являются данными человеку от природы и формируются благодаря привычке. Повторение человеком одних и тех же поступков приводит постепенно к формированию определенных нравственных устоев.

Это должны учитывать законодатели, направляя свои усилия на приучение граждан к существующим законам. От результата этих усилий будет зависеть то, насколько граждане государства станут добродетельными и само государство по своему устройству будет либо добродетельным, либо дурным. Поэтому, справедливо подчеркивает мыслитель, «вовсе не мало, а очень много, пожалуй, даже все, зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства» [1, 79]. Ведь каждый человек стремится к благу для себя, а вот что он будет понимать под ним, зависит от воспитания.

Ссылаясь на мнение Платона и соглашаясь с ним, Аристотель говорит о том, что правильное воспитание заключается в том, что уже с самого детства нужно формировать представление о том, что приводит к наслаждению, а что – к страданию. Поэтому нравственную добродетель он определяет как способность во всем, что касается удовольствий и страданий, поступать наилучшим образом. Тот, кто хорошо справляется с удовольствиями и страданиями, будет, отмечает Аристотель, добродетельным, а кто плохо – порочным. Ведь бороться с удовольствием, вторит он Гераклиту, гораздо труднее, чем, например с яростью. Нравственная добродетель будет укрепляться, неоднократно подчеркивает Аристотель, благодаря повторению тех поступков, которые привели к ее возникновению. В противном случае – она гибнет. «... счастливая жизнь и счастье состоят в том, чтобы жить хорошо, а хорошо жить – значит жить добродетельно. В этом цель, счастье и высшее благо» [1, 303].

Размышляя о формах государственного устройства и организации жизни внутри государства, Аристотель отмечает, что главной причиной зла в нем является нравственная испорченность людей. Достигнуть общ-

ности и единства массы в государстве можно только путем ее воспитания. «Тот, кто намерен воспитывать массу и рассчитывает, что посредством ее воспитания и государство придет в хорошее состояние, жестоко ошибся бы в своих расчетах, если бы стал исправлять государство средствами, предлагаемыми Сократом, а не внедрением добрых нравов, философией и законами ...» [1, 412]. Если же в государстве богатство ценится выше добродетели, то оно становится по своему характеру корыстолюбивым. Ведь то, что является наиболее ценным для власть имущих, справедливо подчеркивает философ, становится таковым и для остальных граждан государства, берущих пример с первых.

Возникновение государства Аристотель объясняет прежде всего тем, что человек по природе своей является существом политическим, что и обуславливает его тяготение к совместному жительству. Интересны и, представляется, актуальны для нас следующие, выделяемые им, и другие причины его возникновения. Люди объединяются в рамках государства также из сознания общей пользы, так как все они принимают участие в создании «прекрасной жизни», что является целью как для каждого в отдельности, так и для всех граждан государства в целом. Объединение происходит и ради самой жизни, что является следствием понимания ее ценности. «... пожалуй, и жизнь, взятая исключительно как таковая, содержит частицу прекрасного, исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы. Ясно, что большинство людей готово претерпевать множество страданий из привязанности к жизни, так как в ней самой по себе заключается некое благоденствие и естественная сладость» [1, 455].

Поэтому государство возникает не для того, чтобы только жить, но жить счастливо. И правильными будут те государственные устройства, которые ориентированы на общую пользу в соответствии со строгой справедливостью. Государство будет государством «по истине», а не на словах в том случае, если оно действительно будет заботиться о добродетели своих граждан. Таким образом, достижение благой жизни возможно только благодаря воспитанию граждан и добродетели. При этом Аристотель подчеркивает, что в наилучшем, по его словам, государстве добродетель мужа и добродетель гражданина должны быть тождественными.

Одним из главных условий возможности построения такого государства является высокий уровень нравственной культуры тех, кто осуществляет власть. Они должны отличаться от других прежде всего «превосходством в добродетели» и для эффективного управления должны обладать знаниями о душе. А вообще претендовать на власть могут те, кто обладает, по мнению Аристотеля, тремя качествами: сочувствием существующему государственному строю, наличием больших способностей к выполнению соответствующих должности обязанностей, добродетельностью и справедливостью.

Общезвестно, что Аристотель выделял три правильных формы государственного устройства: монархию, аристократию и политию в качестве идеальной.

Монархия и аристократия, имеющие целью общее благо, невозможны без наличия добродетели. Так, размышляя об аристократических видах государственного устройства, он пишет: «Это такие виды, при которых избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами» [1, 501].

Разрушение государства обуславливается преимущественно причинами нравственного характера. Среди них прежде всего Аристотель выделяет существование имущественного и правового неравенства, приводящего часто к междоусобицам и мятежам. Другими, отмечаемыми им, причинами являются несправедливое распределение почестей, наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение, происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров. Основываясь на анализе жизни множества различных государств, Аристотель приходит к выводу, что разрушение, раздоры в них обусловлены противоречием между добродетелью и порочностью, богатством и бедностью. Он подчеркивает, что «... если находящиеся у власти проявляют наглость и корыстолюбие, то население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю, который дает им такие возможности» [1, 530].

Поэтому государство должно уделять серьезное

внимание проблеме воспитания, несмотря на то, что в обществе нет единого мнения, сетует Аристотель, по поводу содержания и практики воспитания. Однако очевидно, что существующие в обществе законы и соответствующее им воспитание должны быть направлены на развитие всех добродетелей. Государства, которые пренебрегают таким воспитанием и, считая для себя главным внешнюю безопасность, уделяют внимание только военной подготовке, держатся во время войн и гибнут, достигая господства. «Подобно стали, они теряют свой закал во время мира» [1, 619].

Особое внимание, подчеркивает Аристотель, следует уделять воспитанию молодежи, оберегая ее «... от соприкосновения со всем дурным, в особенности с тем, в чем есть что-либо низменное или разжигающее ненависть» [1, 626]. Там, где нет исключительного внимания к воспитанию молодежи, государственный строй «терпит ущерб». Ведь счастье в жизни могут обрести только обладающие внутренними, духовными благами. Они обладают «в избытке» добрыми нравами и разумом и знают меру в приобретении внешних благ.

Таким образом, великие мыслители считали, что сохранение государственного строя, его крепость и сила, его процветание зависят от высокой духовно-нравственной культуры как, прежде всего, стоящих у власти, так и его граждан.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Сочинения: В 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. *Платон*. Сочинения: В 3-х т. Т.3. Ч.1. М.: Мысль, 1971. 687 с.

References

1. *Aristotel*. Works: In 4 Vol. Vol.4. M.: Mysl', 1984. 830 p.
2. *Platon*. Works: In 3 Vol. Vol.3. Part 1. M.: Mysl', 1971. 687 p.

УДК 1(410)(091)+1(470+571)

UDC 1(410)(091)+1(470+571)

В.В. ЯКОВЛЕВ

кандидат культурологии, доцент, кафедра археологии, истории Древнего мира и Средних веков, Институт истории и политических наук, Тюменский государственный университет
E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

V.V. YAKOVLEV

Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Archaeology, Ancient History and Middle Ages, Institute of History and Political Science, Tyumen State University
E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

**МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ Т. ГОББСА В СТАТЬЯХ
И РЕЦЕНЗИЯХ ЖУРНАЛА «ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА»**

**MATERIALISTIC AND RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL IDEAS OF T. HOBBS IN ARTICLES
AND REVIEWS OF THE JOURNAL «POD ZNAMENEM MARKSIZMA»**

В статье проведён проблемный обзор материалов журнала «Под знаменем марксизма», посвящённых осмыслению материалистических и религиозно-философских идей Гоббса. Выявлены некоторые основные характеристики этих идей, данные авторами журнала. Отмечено, что авторы высоко оценивали вклад Гоббса в развитие материалистического учения. Показано, что авторы с одобрением отзывались о критике Гоббса в адрес религии и церковных институтов. Обнаружено, что авторы считали Гоббса непоследовательным материалистом и критиком религии.

Ключевые слова: Т. Гоббс, материализм, атеизм, деизм, свободомыслие, марксизм, советские историки философии.

In the article the problem review of materials of the journal «Pod znamenem marksizma», devoted to the understanding of the materialist and religious-philosophical ideas of Hobbes is conducted. Identified some of the main characteristics of these ideas provided by the authors of the journal. It is noted that the authors highly appreciated the contribution of Hobbes in the development of materialistic teachings. It is shown that the authors approvingly responded about criticism of Hobbes to address of religion and religious institutions. Discovered that the authors thought of Hobbes inconsistent materialist and critic of religion.

Keywords: T. Hobbes, materialism, atheism, deism, freethinking, Marxism, Soviet historians of philosophy.

По всей вероятности, кажущиеся предопределённость и узнаваемость советской журнальной историографии периода 20-х – 40-х гг. прошлого столетия, посвящённой материалистическим и религиозно-философским идеям Гоббса, сказываются на её достаточно слабой изученности со стороны отечественных историков философии. Между тем, заслуживают пристального внимания статьи и рецензии по указанной проблематике, публиковавшиеся в философском и общественно-экономическом журнале «Под знаменем марксизма», издававшемся с 1922 по 1944 гг. Ведь данный журнал на протяжении чуть более двух десятков лет являлся, фактически, самым авторитетным центральным периодическим философским изданием в СССР. Так что, вне всякого сомнения, публикации этого журнала, связанные с осмыслением материалистических и религиозно-философских идей Гоббса, являются важным историографическим источником.

Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью освоения опыта и выработки объективных характеристик советской историографии материалистических и религиозно-философских идей Гоббса, представленной статьями и рецензиями журнала «Под

знаменем марксизма». Цель статьи заключается в выявлении некоторых основных характеристик материалистических и религиозно-философских идей Гоббса, данных советскими специалистами – авторами журнала «Под знаменем марксизма». Задача состоит в проведении проблемного обзора соответствующих материалов журнала.

За всё время существования журнала в нём было опубликовано восемь материалов, посвящённых осмыслению философского наследия Гоббса вообще и, в частности, его материалистических и религиозно-философских идей: пять статей и три рецензии. В 1923 г. на страницах журнала была опубликована энциклопедическая статья Д. Дидро о философии Гоббса [4], которая в соответствии с обозначенной целью и задачей настоящей статьи не будет здесь проанализирована.

В 1924 г. была опубликована рецензия П. С.¹ на книгу А. Ческиса² «Томас Гоббс, родоначальник совре-

1 В журнале приведены только инициалы имени и фамилии рецензента. Ввиду отсутствия авторского указателя, надёжно установить автора пока не удаётся. Возможно, им являлся Петерис Стучка, иногда публиковавшийся в журнале.

2 Ческис Леонид Аронович. Настоящее имя Абрам. В журнале ошибочно приведены инициалы А. И. [7, с. 290].

менного материализма (его жизнь и учение)³, изданную также в 1924 г. [7]. Из вступительных замечаний становится понятно, что П.С. относился к Гоббсу как к предшественнику «современного диалектического материализма». Знакомить же публику с творчеством предтеч марксистско-ленинского учения, по мнению П.С., весьма плодотворно. Но, как он считал, это нужно делать так, чтобы, во-первых, показывать этих предтеч «в исторической перспективе социально-классовых отношений и научных философских достижений современной им эпохи, а также их исторического влияния» и, во-вторых, показывать «их в свете современной науки и нашей материалистической теории».

П.С. отметил, что Ческисом было проведено стройное и добросовестное изложение биографии Гоббса, его философских, психологических и социологических идей. Но, согласно выводу П.С., это добросовестное изложение – главное и, по-видимому, единственное достоинство рецензируемой книги. Её основные положения П.С. подверг достаточно жёсткой критике. П.С., апеллируя к мнению историков философии, раскритиковал тезис Ческиса о простоте и общепонятности религиозно-схоластического мировоззрения [7, с. 291]. Противоречили выводам Энгельса о классовой сути реформации и рассуждения Ческиса о соответствующих особенностях английской реформации [7, с. 291–292]. Правда, Ческису всё-таки удалось обозначить ряд идейных связей между Гоббсом, Коперником, Кеплером, Галилеем и Гарвеем.

Но в целом П.С. посетовал, что с конкретно-исторической и социологической точки зрения взгляды Гоббса проанализированы Ческисом достаточно слабо. Далее П.С. выразил недоумение по поводу того, что Ческис видел в Гоббсе непосредственно родоначальника, а не одного из видных предтеч «современного материализма». Противоречащими выводам советских философов-марксистов и позиции самого Маркса П.С. назвал высказанные Ческисом утверждения, согласно которым Гоббс не испытал значительного воздействия идей Бэкона, не был в числе продолжателей его «теории» и развивал вполне самостоятельные мысли; так, якобы, в корне отличаются один от другого методы Гоббса и Бэкона. Кроме всего прочего, Ческис не рассмотрел взгляды Гоббса в контексте современного состояния материалистического учения и научных знаний, не оценил степень влияния идей Гоббса на воззрения Спинозы, Локка, других английских философов, представителей французского материализма и Гегеля. Заключительные выводы Ческиса об отрицательных и положительных сторонах концептуальных суждений Гоббса построены на выдержках из работ ряда историков философии и философов [7, с. 292]; в некоторых выводах не просматривается марксистская позиция Ческиса. В общем, резюмировал П.С., книга Ческиса подойдёт лишь для первого знакомства с взглядами Гоббса [7, с. 292–293].

В 1926 г. была опубликована рецензия П. Ионова

«Заметки о сочинениях Томаса Гоббса» [5]. В частности, анализу подвергся сборник «Томас Гоббс. Избранные сочинения», опубликованный сотрудниками института К. Маркса и Ф. Энгельса (СССР) в 1926 году. В него, по замечанию Ионова, были в несколько сокращённом виде включены труды Гоббса, репрезентирующие его «учение о теле и учение о человеке». В сборник вошли также трактат «о человеческой природе», «отрывок из рассуждения о свободе и необходимости и возражения на «метафизические рассуждения» Декарта», т.е. в антологию не попали лишь политические сочинения Гоббса, включая и произведение «Левиафан» [5, с. 220–221].

По мнению Ионова, Гоббс, будучи убеждённым материалистом и номиналистом, не сомневался, «что вера в духовную субстанцию – продукт логической ошибки, заключающейся в онтологизировании универсалий» [5, с. 221]. Вообще, по Ионову, Гоббсу характерны согласующиеся с материализмом, но всё же не до конца продуманные размышления о сущности ощущения, пространства и времени [5, с. 221–224]. При этом Ионов отмечал, что материализм Гоббса имел большой недостаток, проявлявшийся в узкой механическо-математической трактовке движения, природа которого исчерпывалась для английского философа пространственным перемещением, ударом и толчком [5, с. 224–225]. Помимо этого, согласно выводам Ионова, Гоббс сделал другую ошибку, в частности, занял дуалистическую позицию при решении вопроса о взаимоотношениях разума и чувств [5, с. 225–228]. Гоббс не состоялся как диалектик. Естественно, он также не мог «материалистически поставить проблему исторического процесса». Впрочем, последнее обстоятельство Ионов расценивал не как вину, а как беду Гоббса [5, с. 228]. Подводя итоги, Ионов назвал философию Гоббса со всеми её недочётами «изумительным памятником материалистического мышления» [5, с. 229].

В 1930 г. под общим названием «Две новые книги о Томасе Гоббсе» были опубликованы две рецензии Л. Ческиса [8]. Первая рецензия была сделана на книгу «Thomas Hobbes' mechanical conception of nature», принадлежавшую перу Ф. Брандта (F. Brandt) и опубликованную в 1928 г. Вторая рецензия была сделана на книгу «La filosofia di Tommaso Hobbes», написанную А. Леви (A. Levi) и изданную в 1929 г.

Основные положения первой рецензии можно представить следующим образом. Ческис весьма высоко оценивал значение выхода в свет книги Брандта, т. к. считал, что политические идеи Гоббса пользуются большей популярностью и изучены гораздо лучше по сравнению с его материалистическими идеями. При этом Ческис относил Гоббса к числу великих философов-материалистов, которые, впрочем, не в чести «у идеологов современной буржуазии». Ческису явно импонировали выводы Брандта, гласящие, во-первых, что материалистические воззрения Гоббса носили онтологический, а не исключительно методологический характер и, во-вторых, что Гоббс разработал не просто механическую, но материалистически-механистическую концеп-

3 Здесь и далее названия рецензируемых и цитируемых сочинений приведены в журнальных версиях.

цию природы [8, с. 229].

Ческис вкратце проанализировал некоторые наиболее значимые, по его мнению, эпизоды работы Брандта: о возникновении и развитии механических идей Гоббса в трудах «Малый трактат», «О теле»; об изучении Гоббсом «явлений света»; об истории взаимоотношений Гоббса и Декарта; о степени влияния идей Бэкона на становление «механической концепции природы и дедуктивного метода Гоббса» [8, с. 230]. Ческис достаточно подробно осветил правильные, как ему казалось, рассуждения Брандта о специфике эмпиризма и рационализма Гоббса. Так, Бранд полагал, что, давая характеристики опытного и научного знания, Гоббс проявил себя как сторонник синтеза эмпиризма и рационализма; причём Гоббс ясно осознавал всю ту значимость, которой обладают общие понятия и дедукция с позиций научного знания. В заключение Ческис отметил, что, описывая материалистические воззрения Гоббса, Брандт критиковал подход Наторпа, интерпретировавшего идеи Гоббса в неокантианском ключе.

Основные положения второй рецензии можно представить следующим образом. Ческис отметил, что в своём сочинении Леви сосредоточился, главным образом, на рассмотрении философии и методологии Гоббса; анализ политических идей Гоббса по объёму здесь гораздо скромнее [8, с. 231]. Ческис констатировал, что в работе Леви отсутствуют биографические сведения о Гоббсе, сведения о социально-исторической, интеллектуальной среде, повлиявших на жизнь и творчество английского мыслителя. Всё вышперечисленное, по мнению рецензента, относится к серьёзным недостаткам книги, так как затрудняет понимание истоков идей Гоббса.

Фактически Ческис сосредоточился на анализе первых четырёх глав книги Леви. Первая глава посвящена разбору «Малого трактата». Ческис разделял точку зрения Леви, полагавшего, что проблема чувственных восприятий поднималась Гоббсом ещё в самом раннем периоде его творчества и что, решая эту проблему, Гоббс и начал размышлять о механическом принципе. В то же время Ческису не понравилось не критическое отношение Леви к тезису Астера о том, что, якобы, «теорию субъективности чувственных качеств Гоббс позаимствовал у Декарта».

Вторую главу Леви посвятил рассмотрению онтологических предпосылок философии Гоббса. Здесь анализируется доказательство существования Бога, выведенное Гоббсом. Ческису, по всей вероятности, импонировали выводы Леви, согласно которым Гоббс полагал, что Бог должен иметь «телесную природу», однако, вместе с тем, «Гоббс сам не придавал особенного значения своему доказательству о существовании бога⁴». Суть доказательства сводится к тому, что человек в поисках последней причины «существования мира» неизбежно находит таковую в Боге. По мнению Ческиса, такое доказательство и в самом деле трудно

назвать веским. Оно больше похоже на «психологическое объяснение возникновения и существования веры в бога».

В третьей и четвёртой главах Леви проанализировал размышления Гоббса о философии и науке и логически-методологические основы его философии [8, с. 232]. Ческис похвалил Леви за то, что он был уверен в материалистической направленности этих размышлений и критиковал учёных, интерпретировавших их в идеалистическом ключе [8, с. 232–233]. Ческис согласился с тезисом Леви о том, что Гоббс понимал истину как «соответствие нашей мысли и её высказываний с действительностью». Ческис не стал рецензировать остальные главы сочинения Леви, констатируя, что в нём правильно и полно описаны философские и политические идеи Гоббса, несмотря на то, что автору явно чужды и взгляды Гоббса, и материалистическая философия [8, с. 233].

В 1938 г. в связи с 350-летием со дня рождения Томаса Гоббса в шестом номере журнала «Под знаменем марксизма» были опубликованы сразу четыре статьи, посвящённые анализу материалистических и религиозно-философских идей английского философа. Открывала тематическую подборку статья Б. Быховского «Материализм Томаса Гоббса (К 350-летию со дня рождения)» [2]. Статья начинается с небольшой биографической справки [2, с. 79–81]. Здесь Быховский отметил, что во все времена философию Гоббса оценивали весьма противоречиво. Сам же Быховский считал Гоббса «активным борцом против идеализма и поповщины, воинствующим материалистом», а его идеи по основному вопросу философии достойными «классика материалистической мысли» [2, с. 79].

Значительное место в статье Быховского уделено освещению религиозно-философских идей Гоббса, изложенных им в таких работах, как «Левиафан», «Возражения на «Размышления» Декарта», «Моё мнение о свободе и необходимости», «Учение о теле» [2, с. 81–84]. Здесь Быховский развил несколько сюжетных линий, опирающихся на его убеждённость в том, что Гоббс, как и Бэкон, выступал «непримиримым врагом схоластической поповской лжеучёности». Во-первых, Быховский рассмотрел некоторые положения возражений на «Метафизические размышления» Декарта. В этом произведении Гоббс подверг острой критике идеи души и Бога. Тем самым он показал своё несогласие с метафизикой Декарта и предстал в этом смысле «как убеждённый материалист». И, действительно, Гоббс отверг декартовские метафизические идеи о мыслящей субстанции, считая, что мыслящей вещи необходимо быть материальной. Также недвусмысленно Гоббс раскритиковал картезианские метафизические постулаты о Боге и Его атрибутах [2, с. 81].

Во-вторых, Быховский обратился к анализу многолетней дискуссии Гоббса и епископа Джона Брамголла, посвящённой проблемам свободы и необходимости [2, с. 81–82]. В целом, Гоббс не признавал свободу воли, отрицал тезис о душе «как особой субстанции», мате-

4 В рассматриваемых материалах слово «Бог» (включая местоименные формы) везде печатается с начальной строчной буквой.

риалистически понимал единство природы. Быховский полагал, что главная идея Гоббса в дискуссии выражалась в признании подчинения «всех человеческих действий причинной необходимости», которая царит в мире. Причём, по мнению Быховского, Гоббс тут опять же стойко защищал материалистические позиции, хоть неизбежно вынужден был опираться на доктрины «механики» [разрядка в тексте – В. Я.] материализма» [2, с. 82].

В-третьих, Быховский достаточно обстоятельно изложил взгляды Гоббса о церкви и религии [2, с. 83–84]. Быховский был убеждён, что, борясь «против идеализма», Гоббс боролся также и «против религиозного мракобесия, против «царства тьмы»» – католической церкви. Фрагментарно «антирелигиозные филиппики» Гоббса, как казалось Быховскому, даже можно поставить в один ряд с атеистическими памфлетами, написанными французскими материалистами XVIII в. Быховский отметил также, что Гоббса интересовала, главным образом, проблема происхождения религиозной веры. При её решении он, конечно, был далёк от подлинного историзма и материализма. Но, тем не менее, Гоббс пытался отыскать причины, вызывающие к жизни религию, рассматриваемую им, как считал Быховский, в качестве «социально-психологического явления». По убеждению Гоббса, «страх и невежество» фундируют религию.

Однако, следуя комментарию Быховского, он признавал полезность религиозных верований, руководствуясь политическими соображениями. Религия, по Гоббсу, отличается от суеверия тем, что поддерживается со стороны государства и имеет статус государственного закона [2, с. 83]. В таких, по мнению Быховского, политических и утилитарных взглядах Гоббса на религию проявлялся его аристократический атеизм [2, с. 83–84]. Быховский заключал, что Гоббс видел в религии преимущественно «орудие государственной власти» и что она в его рассуждениях фигурировала как «узда для народа». В целом же, религиозно-философские идеи Гоббса критиковались церковнослужителями и не раз становились поводом для серьёзных разбирательств [2, с. 84].

Далее Быховский проанализировал основные положения развиваемой Гоббсом доктрины механистически-математического материализма: идеи о первоматерии [2, с. 84–85]; идеи «о происхождении имён» [2, с. 85–86]; идеи об акциденции [2, с. 86]; идеи о пространстве и времени [2, с. 86–87]; идеи по психофизической проблеме [2, с. 87–88]; идеи о государстве как искусственном теле [2, с. 88–89]; идеи по проблеме «эмпиризма и рационализма» [2, с. 89–91].

В заключение Быховский подчеркнул, что Гоббсом была разработана первая развёрнутая философская система «механистического материализма» в Новом времени. Причём это учение стало классическим. Истоки концепции механистического материализма Гоббса следует искать в материализме Бэкона. Кроме того, по вопросам механистического материализма Гоббс был идейно близок к Декарту, хотя у Гоббса не встретишь «дуалистической метафизики» последнего. В общем,

Быховский был склонен оценивать философию Гоббса как важнейшую веху в истории всей материалистической доктрины. Идеи Гоббса легли в основу материалистических доктрин Локка, Толанда, Гартли, повлияли на творчество Спинозы и французских материалистов XVIII в. Кстати, по мнению Быховского, исповедуемые французскими материалистами XVIII в. «идеи Гассенди и Гоббса одерживают победу над картезианской метафизикой» [2, с. 91].

Второй в подборке была опубликована статья Л. Германа «Учение Гоббса об обществе» [3]. Статья разделена на шесть частей, посвящённых описанию своеобразия интеллектуальной жизни и социально-политической обстановки в Англии XVII в. [3, с. 92–95], философской системы Гоббса [3, с. 95–97], идей Гоббса по методологическим и гносеологическим проблемам [3, с. 97–102], идей Гоббса по проблемам общества и государства [3, с. 102–110], этического учения Гоббса [3, с. 110–112]. Наибольший интерес для нас представляет заключительная – шестая часть статьи, в которой Герман подверг обстоятельному анализу религиозно-философские взгляды Гоббса, изложенные им в сочинениях «Левиафан» и «Учение о человеке» [3, с. 112–118]. Во-первых, Герман затронул проблему определения сущности религиозно-философских воззрений Гоббса [3, с. 112–115]. Существуют диаметрально противоположные оценки религиозных воззрений Гоббса: его то причисляют к атеистам и ярким оппонентам священнослужителей, то видят в нём не атеиста, а деиста или даже теиста [3, с. 112–113]. По мнению же Германа, Гоббс не был атеистом, но выдвинутые им критические положения о религии, несомненно, способствовали становлению атеистических доктрин. Гоббс ни разу не оспорил существование Бога; при этом он, осмысляя религиозные проблемы, то и дело переходил от деизма к теизму [3, с. 113]. К тому же Гоббс достаточно критично отзывался об атеистах [3, с. 113–114].

Герман полагал, что неоднозначность религиозных воззрений Гоббса о религии, с одной стороны, легко объясняется «тактическими и политическими соображениями». С другой же стороны, всем теистическим идеям Гоббса невозможно найти объяснение только в плоскости тактики. А факт «деистического уклона Гоббса» лучше объяснять как недостатками «его материалистического мировоззрения», так и его классовыми устремлениями. Например, несмотря ни на что, Гоббс придерживался космологического и физико-теологического доказательства бытия Бога. По замечанию Германа, Гоббс стремился расшатать устои католической религии, идеологически подкреплявшей феодализм, «но спасти веру в бога, поскольку она может быть поставлена на службу интересам развития капитализма» [3, с. 114].

Во-вторых, Герман проанализировал критические суждения Гоббса о религии [3, с. 115–116]. Герман считал деистическую апологетику Гоббса не имеющей особого философского и социального значения. Критические идеи Гоббса о религии, напротив, вызы-

вали и вызывают огромный общественный резонанс. Весомая заслуга Гоббса, по мнению Германа, состоит в том, что он и критиковал теологические догматы, и пытался найти «социальные и субъективные причины» распространения религиозной веры. Гоббс разоблачал «поповский обман», объявлял «религиозные таинства наглым мошенничеством». То, что церковнослужители рассказывают о чудесах, привидениях и т. п., Гоббс относил к разряду сказок, выдуманных для оправдания учения «о несуществующих аде и чистилище». Гоббс даже сравнил «церковников со злыми феями» [3, с. 115], корил священнослужителей за то, что они получают немалые деньги за исполнение возложенных на них религиозных обязанностей [с. 116].

В-третьих, Герман рассмотрел суждения Гоббса, объясняющие причины востребованности религии [3, с. 116–117]. Мысли Гоббса о причинах распространения «религиозных суеверий», по мнению Германа, были глубоки и оказали влияние на материалистов XVIII и даже XIX вв. Герман считал также, что согласно весьма правильным рассуждениям Гоббса, основная причина востребованности религиозной веры «в эксплуататорском обществе» объясняется её функцией, заключающейся в служении «интересам власти имущих». Гоббс досконально описал «выгоды», извлекаемые правителями от насаждения «религиозного дурмана». Итак, религия помогает правителям заставлять людей повиноваться. При этом «правители и законодатели» ссылаются на то, что их религиозные «наставления» исходят вовсе не от них, а от некоего бога или духа. Далее, согласно Герману, Гоббс говорил, что посредством распространения религии правители стремятся «свалить с себя ответственность за социальные неурядицы на волю божества и тем самым предотвратить возможность бунтов».

Гоббс выделял также и субъективные предпосылки, обеспечивающие хождение религиозных суеверий и верований. В числе главных предпосылок Гоббс упоминал невежество, которое он по-другому именовал незнанием «естественных причин явлений» [3, с. 116]. Помимо этого, по замечанию Германа, Гоббсом были раскрыты некоторые психологические и гносеологические причины, обуславливающие «некритическое отношение людей к религиозным суевериям». К примеру, некоторые люди не видят грани между фантазией и действительностью; отсюда смешивание снов и реальности и привязанное к этому допущение того, что душа и тело могут существовать порознь. Ложные верования возникают и из-за того, что многие люди некритически относятся к бессмысленным «сочетаниям и словам», считая, что некоторые из них выражают высшую истину; таково, по мнению Гоббса, понятие «бестелесный дух». Суеверия распространяются и из-за того, что люди наделены психологической склонностью верить в предзнаменования и предсказания.

В-четвёртых, Герман произвёл анализ идей Гоббса, посвящённых оправданию религии [3, с. 117–118]. Герман отметил, что вышеизложенные критические суждения Гоббса о религии, естественно, произвели в

церковной среде XVII в. эффект «разорвавшейся бомбы». Однако Гоббс, повиновавшийся «своему классовому инстинкту», не решился поставить вопрос о целесообразности полной ликвидации религии. Ибо тогдашняя буржуазия уже обладала пониманием той роли, которую может играть религия в деле «капиталистической эксплуатации масс» [3, с. 117]. В связи с этим Гоббс закономерно защищал идею о том, что государство не может обойтись без религии. Опираясь на текст Священного Писания, Гоббс доказывал, что на суверенов, но не на пап возложена миссия земных наместников Бога. По мнению Гоббса, суверены должны ведать назначением «духовных пастырей», выступать в качестве толкователей заповедей Божьих. Более того, как отметил Герман, Гоббс считал, что суверен, являясь наместником Бога на Земле, вправе рассчитывать на повиновение народа и в том случае, если установленные им законы будут открыто противоречить положениям Священного Писания. Т. е., по мысли Германа получалось, что «реорганизованная религия», защищаемая Гоббсом, не сильно отличалась от критикуемой им католической религии [3, с. 118].

Третьей в подборке была опубликована статья Д. Бихдрикера «Учение Гоббса о государстве и праве» [1]. Статья состоит из небольшого введения [1, с. 119–120] и двух частей: «Учение Гоббса о государстве» [1, с. 120–128] и «Учение Гоббса о праве» [1, с. 128–132]. Во введении проведён краткий обзор политических требований, выдвигаемых различными партиями в Англии периода революционных потрясений XVII столетия.

Особенный интерес для нас представляет проведённый Бихдрикером в первой части статьи анализ размышлений Гоббса о государственно-церковных отношениях, содержащихся в трактате «Философские основания учения о Гражданине» [1, с. 125–126]. Английская монархия во времена Гоббса уже сумела поставить себя выше папской курии. Поэтому Гоббсу, по мнению Бихдрикера, оставалось лишь дать теоретическое обоснование как независимости державы от римско-католических церковных институтов, так и недопустимости церковного вмешательства в государственную жизнь. Бихдрикер отметил, что в этой связи Гоббс даже выдвинул идею, согласно которой государство обладает правом истолковывать доктрины, изложенные в Священном Писании. В доказательство этого Бихдрикер напомнил слова Гоббса о том, что, по его убеждению, гражданская власть наделена правом запретить хождение учений, отрицающих необходимость гражданского повиновения.

Итак, в понимании Бихдрикера, Гоббс не просто видел государство независимым от курии, не просто хотел, чтобы церковь была превращена «в национальную организацию», но и призывал церковь не вмешиваться в государственную жизнь [1, с. 125]. Не допускал Гоббс также и церковного вмешательства «в действия верховной власти». По мысли Гоббса, нельзя смещать монархов лишь потому, что они пренебрегают догматами Священного Писания в том их толковании, которое исходит от римско-католической церкви. В общем же, как

заклучал Бихдрикер, Гоббс хоть и был сторонником лишения церкви «политической власти», которой та обладала в Средневековье, но он даже и не поднимал вопрос «об уничтожении церкви как организации верующих». Более того, Гоббс, будучи буржуазным идеологом, был «заинтересован в том, чтобы использовать церковь для того, чтобы заставить массы относиться с уважением к буржуазному государству» [1, с. 126].

Завершала подборку статья М. Петросовой «Гоббс о религии» [6]. Петросова проанализировала религиозно-философские воззрения Гоббса, изложенные им в сочинениях «Возражения на «Размышления» Декарта», «Левиафан», «Учение о человеке». В статье Петросовой можно выделить пять сюжетных линий. Во-первых, Петросова дала общую характеристику религиозно-философских идей Гоббса [6, с. 133–134]. Автор отметила, что Гоббс критиковал схоластику, метафизику в целом и, конкретно, метафизику Декарта. Являясь, по мнению Петросовой, материалистом, Гоббс признавал реальность исключительно материальных тел, считая также, что мыслящая вещь должна быть чем-то материальным. С особой силой Гоббс критиковал извращённую «поповщиной» аристотелевскую метафизику, являвшуюся, по его словам, наряду со Священным Писанием, основой школьной теологии [6, с. 133].

По мнению Петросовой, опираясь на свои материалистические принципы, Гоббс «подошёл вплотную к отрицанию существования бога». Так, опираясь на материалистическую теорию «отражения», Гоббс выступил против антропоморфных и пантеистических представлений о сущности Бога. Также Гоббс решительно опроверг онтологическое доказательство бытия Бога и утверждал, что ещё никем не были приведены веские доказательства существования Бога и акта творения.

Во-вторых, Петросова произвела анализ действительных идей Гоббса [6, с. 134–136]. Петросова считала, что «Гоббс не поднялся до настоящего атеизма». Хотя Гоббс и выдвинул ряд фактически атеистических идей, ему были более свойственны рассуждения в духе деизма. Поэтому Петросова предупредила, что «схематическое» причисление Гоббса к атеистам ошибочно [6, с. 134]. Истоки деизма Гоббса она видела, помимо всего прочего, в том, что религию он рассматривал в качестве «необходимой узды для масс». Деизм Гоббса восходит также и к его общефилософской механистической концепции. Универсальную всеобщую причину «всех вещей и явлений» Гоббс усматривал в движении. Но Гоббсу пришлось заняться поиском причины и создателя «материального мира», т. к. ему не удалось дойти «до понимания самодвижения». В конечном итоге источником движения Гоббс объявил Бога как первопричину. Тем не менее, по убеждению Петросовой, «деизм Гоббса очень близок к атеизму» [6, с. 135]. Гоббсу, как она считала, удалось преодолеть «теистические предрассудки материализма Бэкона», о чём свидетельствует та критика, которой он подвергает религию и в особенности языческую религию [6, с. 136].

В-третьих, Петросова рассмотрела идеи Гоббса,

связанные с критикой религии [6, с. 136–141], отметив, что Гоббс предложил ряд формулировок религии, известная глубина которых несомненна. Гоббс показал, что в человеческом страхе «перед невидимой силой» кроется причина, порождающая веру «в бога» на примере язычества [6, с. 136–137]. В рамках же монотеизма человек, исследуя причины «естественных явлений», склонен видеть в Боге первопричину. По мнению Петросовой, Гоббс практически считал религию неправильным, искажённым отражением «объективной действительности». Гоббс изучал также проблему происхождения религии. Возникновение религии он увязал с незнанием «естественных причин». Гоббс, как считала Петросова, понимал, что религия является определённым социально-политическим фактором, помогающим удерживать «массы в повиновении» [6, с. 137].

При этом, по убеждению Петросовой, специфика взглядов Гоббса на религию состояла в том, что лично он не отказался от религиозной веры [6, с. 138]. Петросова произвела детальный анализ идей Гоббса по проблемам государственно-церковных отношений, свободы совести [6, с. 138–141], констатируя, что Гоббс выступал против религиозных конфликтов, происшедших в революционной Англии. Являясь сторонником государственного единства, Гоббс требовал ввести единообразный государственный культ, требовал, чтобы действия людей контролировала государственная церковь [6, с. 140]. Петросова пришла к заключению, что фактически «Гоббс, передовой идеолог прогрессивной в то время буржуазии, выступает против права на религиозное свободомыслие».

В-четвёртых, Петросова скрупулёзно разобрала идеи Гоббса, посвящённые критике, в частности, христианской религии [6, с. 141–143]. Первым делом Гоббс приступил к критике Библии. Кстати, по мнению Петросовой, именно Гоббс, а не Спиноза заложил основы критического осмысления библейских текстов. По мысли Гоббса, «авторитет» Библии подпитывается авторитетом, которым обладает государство и церковь; кроме того, он показал, что Библия была узаконена государственными и церковными властями [6, с. 141]. Гоббс усомнился в божественном характере Библии и заявил, что её текст является плодом творчества разных людей и что Моисей не являлся автором Пятикнижия и, возможно, лишь редактировал какую-то часть Библии.

Петросова заметила, что Гоббс критиковал культурную сторону христианства, высмеивал практически всю совокупность таинств. При этом Гоббс критиковал христианство с осторожностью и старался формально придерживаться основ государственного вероучения. Так, Гоббс часто повторял, что он обличает исключительно язычество. Однако по убеждению Петросовой, на деле Гоббс боролся «против сверхъестественных основ религии вообще и христианства в частности» [6, с. 142]. Гоббс предпочёл устраниваться от обсуждения евангельского учения, позиционирующего Христа богочеловеком. Петросова не сомневалась, что Гоббс в сущности не признавал значения и роли Христа и не

считал необходимым верить в Него. Вообще, критические размышления Гоббса о религии Петросова считала ценными с исторической точки зрения. Тем не менее, по её мнению, ни Гоббсу, ни французским материалистам не удалось описать религию как форму «общественного сознания» [6, с. 143].

В-пятых, Петросова оценила вклад Гоббса в развитие атеистических идей [6, с. 144–145]. Несмотря на то, что Гоббс не был атеистом, своей критикой «современной ему религии и поповщины» он заложил идейные основы английского свободомыслия XVIII в. и атеизма, развитого французскими материалистами XVIII в. [6, с. 144]. Петросова считала, что историческая роль Гоббса заключалась не в его отказе от старого религиозного мировоззрения и пропаганде новых действительных взглядов, а в произведённом им могущественном сотрясении «основ господствовавшего религиозного мировоззрения». Ссылаясь на рассуждения Маркса, Петросова отметила, что действительные идеи Гоббса были «этапом к атеизму» [6, с. 145].

Таким образом, проведённый проблемный обзор материалов журнала «Под знаменем марксизма», посвящённых осмыслению материалистических и религиозно-философских идей Гоббса, позволяет выявить некоторые основные характеристики этих идей, данные советскими специалистами – авторами журнала. Во-первых, советские специалисты высоко оценивали вклад Гоббса в развитие материалистического учения. Гоббс характеризовался как предшественник

«современного диалектического материализма» [7, с. 291], «убеждённый материалист и номиналист» [5, с. 221], один из великих философов-материалистов [8, с. 229], воинствующий материалист [2, с. 79] и разработчик первой в Новом времени развёрнутой философской системы «механического материализма» [2, с. 91].

Во-вторых, советские специалисты с одобрением отзывались о критике Гоббса в адрес религии и церковных институтов. Гоббс характеризовался как активный борец «против идеализма и поповщины» [2, с. 79], философ, способствовавший становлению атеистических доктрин [3, с. 113], высказавший глубокие мысли о причинах распространения «религиозных суеверий» [3, с. 116], заложивший идейные основы критического осмысления Библии [6, с. 141], а также английского свободомыслия XVIII в. и атеизма, развитого французскими материалистами XVIII в. [6, с. 144].

В-третьих, несмотря на всё вышесказанное, советские специалисты считали Гоббса непоследовательным с позиций марксизма материалистом и критиком религии. Указывалось, что недостаток материализма Гоббса состоит в узкой механическо-математической трактовке движения [5, с. 224], и что Гоббс не состоялся как диалектик [5, с. 228]. Отмечалось, что Гоббс признавал полезность религиозных верований, руководствуясь политическими соображениями [2, с. 83], не поднимал вопрос «об уничтожении церкви как организации верующих» [1, с. 126], «не поднялся до настоящего атеизма» и склонялся к деизму [6, с. 134].

Библиографический список

1. Бихдрикер Д. Учение Гоббса о государстве и праве // Под знаменем марксизма. 1938. № 6. С. 119–132.
2. Быховский Б. Материализм Томаса Гоббса (К 350-летию со дня рождения) // Под знаменем марксизма. 1938. № 6. С. 79–91.
3. Герман Л. Учение Гоббса об обществе // Под знаменем марксизма. 1938. № 6. С. 92–118.
4. Дидро Д. Статьи из «Энциклопедии». II. Философия Гоббса // Под знаменем марксизма. 1923. № 6–7. С. 132–159.
5. Ионов П. Заметки о сочинениях Томаса Гоббса : [рец. на кн.] // Под знаменем марксизма. 1926. № 9–10. С. 220–229.
6. Петросова М. Гоббс о религии // Под знаменем марксизма. 1938. № 6. С. 133–145.
7. Ческис А. И. Томас Гоббс, родоначальник современного материализма (его жизнь и учение). Москва : Красная Новь, 1924. 138 с. : [рец. на кн.] / [авт. рец.] П. С. // Под знаменем марксизма. 1924. № 8–9. С. 290–293.
8. Ческис Л. Две новые книги о Томасе Гоббсе : [рец. на кн.] // Под знаменем марксизма. 1930. № 2–3. С. 229–233.

References

1. Bikhdraker D. The Doctrine of Hobbes about the state and the law // Pod znamenem marksizma. 1938. № 6. Pp. 119–132.
2. Bykhovsky B. Materialism of Thomas Hobbes (350-anniversary from birthday) // Pod znamenem marksizma. 1938. № 6. Pp. 79–91.
3. Herman L. The Doctrine of Hobbes about the society // Pod znamenem marksizma. 1938. № 6. Pp. 92–118.
4. Diderot D. Articles from the «Encyclopedia». II. The philosophy of Hobbes // Pod znamenem marksizma. 1923. № 6–7. Pp. 132–159.
5. Ionov P. Notes on the writings of Thomas Hobbes : [rec. ad op.] // Pod znamenem marksizma. 1926. № 9–10. Pp. 220–229.
6. Petrosova M. Hobbes on religion // Pod znamenem marksizma. 1938. № 6. Pp. 133–145.
7. Cheskis A. I. Thomas Hobbes, the founder of modern materialism (his life and teachings). Moscow : Krasnaya Nov', 1924. 138 p. : [rec. ad op.] / P. S. // Pod znamenem marksizma. 1924. № 8–9. Pp. 290–293.
8. Cheskis L. Two new books about Thomas Hobbes : [rec. ad op.] // Pod znamenem marksizma. 1930. № 2–3. Pp. 229–233.

**ИЛЬИНА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА
(1947-2015)**

3 мая 2015 года ушла из жизни Надежда Александровна Ильина – профессор, проректор по учебной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования, человек незаурядных способностей, яркого таланта, бескомпромиссного характера.

В 1965 году Надежда Александровна с медалью окончила школу, в 1969 году – с отличием физико-математический факультет Орловского государственного педагогического института, в 1982 году – аспирантуру в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, где защитила кандидатскую диссертацию по методике преподавания математики.

Вся жизнь Надежды Александровны связана с Орловским государственным университетом, где она прошла путь от ассистента до проректора. Она внесла неоценимый вклад в становление классического университетского образования на Орловщине, и её усилиями открывались новые специальности, факультеты, медицинский институт. Это был бесспорный лидер, пользовавшийся в коллективе огромным авторитетом и уважением не по должности, а по своим человеческим качествам.

Много сил отдавала она общественной работе и воспитанию студентов не только в учебных аудиториях: будучи в юности солисткой ансамбля танца областного русского народного хора профсоюзов, она щедро дарила свой талант молодым, работая заместителем декана физико-математического факультета.

Высокий профессионализм и мастерство преподавателя Надежды Александровны служили подготовке учителей – нет ни одной школы в Орловской области, где не работали бы её бывшие студенты. Талант организатора, многолетний педагогический опыт, авторитет у коллег, аспирантов и студентов, житейская мудрость, активная жизненная позиция сделали имя Надежды Александровны неотъемлемой частью имиджа Орловского государственного университета как одного из ведущих вузов России.

Умный, дальновидный руководитель, образец точности, исполнительности, требовательности в работе, вдумчивый, творческий исследователь в науке, внимательный, терпеливый, исключительно выдержанный в общении человек, любящая и заботливая мама и бабушка – такой останется Надежда Александровна в нашей памяти.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционной коллегии) – кандидат педагогических наук, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет;

АЙЗЕНШТАТ М.П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор «История исторических знаний», Институт всеобщей истории РАН;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет;

АРЗАКАНЯН М.Ц. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр истории международных отношений, Институт всеобщей истории РАН;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадский университет (Испания);

БЕДНАРСКАЯ Л.Д. – доктор филологических наук, профессор, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного, Орловский государственный университет, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет;

КОВАЛЕВ П.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

ЛАРИОНОВА Л.Г. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории языка и русского языка, Южный федеральный университет;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, лаборатория дидактики русского языка, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, университет Казимира Великого, Институт нефилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Орловский государственный университет;

МИХАЛЬЧЕНКО С.И. – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г.Петровского;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, академик Международной академии информатизации и академии педагогических и социальных наук;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент, кафедра французского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет;

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, регион Шампань-Арденн (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романской филологии, Орловский государственный университет;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, регион Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДИМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Святого Климента Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектором романских языков, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова;

ЧЕРЕПАНОВА Л.В. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет.

ЧИКАЛОВА И.Р. – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник, Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (Белоруссия);

ШИ ХУНШЕН – профессор, Аньхойский университет, директор центра по изучению России (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (**версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!**) либо RTF и называется по фамилии автора, предоставляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал **без переносов**. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10 источников. В статье-обзоре – не более 30 источников.

Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (**без сокращений**) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовок и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять! Рисунки и графики** должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In:») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Ученые записки Орловского государственного университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО
«Орловский государственный университет». – 2015. – №3(66). – 402с.

На 20.05.2015 г. решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:
01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Перевод: Александрова А.П.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.05.2015 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 50,25 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 21
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30